

Д.М. ПРОХТОР

АГРЕССИЯ

И

КАТАСТРОФА

Прозектор Даниил Михайлович

Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй Мировой войне

1 - Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Темой этой книги служит история германского фашизма во второй мировой войне. Однако автор не ставит перед собой задачу написать политическую или военную историю гитлеровской Германии. Решить такую задачу вряд ли посильно одному исследователю, как бы старательно он ни подходил к делу. Автор попытался изложить вопрос в более узких рамках - под углом зрения характеристики деятельности в годы минувшей войны нацистского высшего военного руководства. Имеется в виду дать по возможности более полную характеристику политических, социальных, военных целей, которые преследовала нацистская военная верхушка во время второй мировой войны и которые воплощались в ее военных программах и планах; охарактеризовать присущие ей методы реализации этих планов, ее политический и военный авантюризм; рассказать читателю о том, как фашизм вступил на путь агрессии мирового масштаба и как он пришел к полной катастрофе.

Содержание

Предисловие ко второму изданию. Д. Прозектор

Введение

Глава первая. Накануне и в начале войны

Глава вторая. На вершине успеха

Глава третья. Подготовка агрессии против Советского Союза

Глава четвертая. Тысяча девятьсот сорок первый год

Глава пятая. Триумфы у края бездны

Глава шестая. Кризис

Глава седьмая. Под сокрушительными ударами

Глава восьмая. Катастрофа

Заключение

Примечания

Предисловие ко второму изданию

Темой этой книги служит история германского фашизма во второй мировой войне. Однако автор не ставит перед собой задачу написать политическую или военную историю гитлеровской Германии. Решить такую задачу вряд ли посильно одному исследователю, как бы старательно он ни подходил к делу. Автор попытался изложить вопрос в более узких рамках - под углом зрения характеристики деятельности в годы минувшей войны нацистского высшего военного руководства. Имеется в виду дать по возможности более полную характеристику политических, социальных, военных целей, которые преследовала нацистская военная верхушка во время второй мировой войны и которые воплощались в ее военных программах и планах; охарактеризовать присущие ей методы реализации этих планов, ее политический и военный авантюризм; рассказать читателю о том, как фашизм вступил на путь агрессии мирового масштаба и как он пришел к полной катастрофе.

Шесть лет мировой истории, которые охватывала вторая мировая война, с колоссальной убедительностью показали, что фашизм как общественная система, рожденная империализмом, основанная на классовом и национальном угнетении, на терроре, расовой ненависти, противоречит коренным интересам всего человечества, что она исторически обречена. Война обошлась человечеству в 50 млн. жизней, потребовала затрат 60-70% национального дохода всех государств-участников, привела к огромным бедствиям и разрушениям в Европе и на других континентах, вызвала несоизмеримый морально-психологический перелом в жизни многих народов.

Эти шесть лет мировой истории были годами совместной борьбы стран антигитлеровской коалиции. Борьбы, основная тяжесть которой легла на плечи советского народа. Его участие в войне было наибольшим и в смысле чисто военных результатов, и их политического значения, и тех усилий и жертв, которые он принес во имя победы. Поэтому автор считает необходимым особенно подчеркнуть ту мысль, что катастрофа гитлеровского фашизма была предопределена и стала реальностью прежде всего в результате борьбы и усилий Советского Союза, внесшего решающий вклад в победу антигитлеровской коалиции.

Ныне писать о минувшей войне можно лишь с мыслью о мире. Тема о германском фашизме и его пути к катастрофе представляет интерес сегодня не только в историческом или военном плане, но прежде всего в социально-политическом. В Европе, служившей эпицентром и главной ареной двух мировых войн, сейчас, в начале 70-х годов, складываются предпосылки для широкой разрядки напряженности, для формирования устойчивой и долговременной мирной структуры. Такое развитие отвечает сложившимся объективным условиям, коренным интересам всех государств. Программа мира, принятая XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза, получила широчайшее признание и поддержку на всех континентах. Она стала действенным фактором мировой политики. Товарищ Л. И. Брежнев говорил в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза: "Агрессивной политике империализма Советский Союз противопоставляет политику активной защиты мира и укрепления международной безопасности. Главные направления этой политики хорошо известны. Наша партия, наше Советское государство в сотрудничестве с братскими странами социализма, с другими миролюбивыми государствами и при горячей поддержке многомиллионных народных масс во всем мире уже многие годы ведут борьбу на этих направлениях, отстаивая дело мира и дружбы между народами"¹.

Активная, последовательная политика мира и разрядки напряженности, проводимая Советским Союзом, другими социалистическими странами, отвечает интересам всех народов, приносит все более значительные результаты в деле развития Европы по пути безопасности и мирного сотрудничества.

Автор благодарит научные организации, редакции журналов и отдельных лиц, которые дали ряд ценных критических замечаний и пожеланий по первому изданию книги, вышедшему в 1968 году. Эти критические замечания и пожелания он стремился учесть при

подготовке второго издания.

Если автору в какой-то мере удалось достигнуть поставленных целей, то он считал бы свою задачу выполненной.

Д. Проэктор

Введение

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне имела определяющее значение для дальнейшего хода истории. Борьба советского народа и народов других стран антигитлеровской коалиции завершилась капитуляцией фашизма, о котором Г. Димитров в 1935 г. говорил: "Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран"².

Милитаризм составлял неотделимую часть государственной системы третьей империи. Его олицетворяла военная верхушка - корпорация, неразрывно связанная в классовом и политическом отношении с руководителями монополистического капитала и с нацистской партией. Слияние на единой классовой основе монополистической буржуазии, юнкерства, фашизма и милитаризма создало в третьем рейхе безраздельно господствующий блок реакционных сил, в недрах которого постоянно рождались агрессивные планы мирового масштаба.

Большинство из тех людей, о которых мы поведем речь, составляло элиту германского милитаризма 20-х - первой половины 40-х годов. Вероятно слово "элита" наиболее подходяще для их общей характеристики. В капиталистической Германии военные могли занять высшие посты лишь в результате самого тщательного отбора. Если бросить даже самый общий взгляд на галерею лиц, причастных к германской военной элите от времен создания кайзеровской империи до разгрома третьего рейха, то без особого труда можно убедиться, что главным условием вхождения в "круг избранных" был политический консерватизм, определяемый принадлежностью к особо привилегированным классам и сословиям. Однако то, что при обоих кайзерах было законом, стало в гитлеровском рейхе священной заповедью. Оказаться в рядах касты высших военных нацистского режима значило безусловно доказать полную приверженность фашистской политической доктрине и программе.

Вероятно, можно считать германский милитаризм периода гитлеровского рейха неким "классическим эталоном" империалистического милитаризма вообще. Каждый, кто хочет рассмотреть в концентрированном виде общие черты этого крупнейшего политического явления современности, не может не обратиться к истории нацистского рейха.

Что несли миру эти люди? Давно считается, что дать наиболее полную оценку событиям и личностям можно лишь по прошествии значительного срока, когда создана историческая перспектива. Однако далеко не всегда бывает именно так. Некоторые из участников излагаемых здесь событий не существуют, но приговор их делам история вынесла еще в те дни, когда они их творили. Проверка временем ни в чем его не изменила. Она внесла лишь уточнения, не опровергающие, а только усиливающие данные ранее оценки и определения. Они состоят в том, что эти люди возглавили дело, исторически обреченное, преследовали цели, идущие вразрез с интересами основной массы человечества, включая германский народ, с генеральными тенденциями развития эпохи. Пытаться достигнуть глубоко несправедливых, преступных целей можно было лишь применяя преступные методы, и нацистская военная элита применяла эти методы, не останавливаясь ни перед чем, что само по себе обрекало на катастрофу ее дела и давало исчерпывающую социальную характеристику ей самой.

Изучение истории германского военного руководства во второй мировой войне, где оно раскрыло себя в наиболее полной форме, позволяет лучше узнать не только его приемы и методы, сильные и слабые стороны, его поведение в разных ситуациях, как в дни побед, так и во время катастроф, но и, повторяем, многие черты милитаризма вообще. К сожалению, людям труда и мира все еще необходимо это знать.

Предметом нашей работы является деятельность германского верховного главнокомандования и генерального штаба, составлявших высшее военное руководство третьего рейха во второй мировой войне. Под верховным командованием мы подразумеваем круг лиц, занимавших посты верховного главнокомандующего вооруженными силами и главнокомандующих видами вооруженных сил (сухопутных, военно-морских и военно-воздушных). Сюда же относится в целом и штаб верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) с его управлениями и отделами - орган, принявший на себя в 1938 г. функции военного министерства и ставший личным военным штабом Гитлера.

Определяя понятие "генеральный штаб", мы исходим из следующих соображений. Во второй мировой войне в Германии не имелось такого объединенного генерального штаба, как "Большой генеральный штаб" в первую мировую войну. Существовало три генеральных штаба: сухопутных сил, военно-воздушных сил и штаб военно-морского руководства, из которых первый играл ведущую роль и пользовался наибольшим влиянием. Кроме того, внутри ОКВ имелся штаб оперативного руководства вооруженных сил, который выполнял ряд обязанностей, присущих генеральному штабу, стоящему над штабами трех видов вооруженных сил в вопросах стратегического и оперативного руководства, особенно планирования. Наконец, мы учитываем наличие в немецко-фашистской армии традиционной "службы генерального штаба", которая охватывала всех офицеров генштаба (т. е. специально отобранных и подготовленных для исполнения этой службы лиц), находившихся в командных органах сухопутных войск от командования групп армий до дивизий.

Задача, которую ставил перед собой фашизм, состояла в завоевании сначала европейского, а потом мирового господства. Это означало захват и порабощение многих стран и народов прежде всего европейского континента, создание гигантской империи, подчиненной нацистскому владычеству, построенной на основе самых варварских методов насилия и принуждения. Проповедуя чудовищный расизм, нечеловеческую жестокость к другим народам и свою "завоевательную миссию" во имя создания "тысячелетнего рейха", нацисты ставили во главу угла завоевание Советского Союза.

Фашизм был злейшим врагом всех без исключения народов, ибо он нес всем мрак, насилие, разрушение, рабство, смерть. Но свои главные усилия он направлял именно против Советского Союза, тогда единственного в мире социалистического государства, против идеологии марксизма. Осуществление главных целей в классовом, экономическом, политическом плане нацисты искали на Востоке. Решение этой центральной задачи рассматривалось как генеральная предпосылка реализации всей программы мирового господства. События сложились так, что именно от исхода единоборства между подвергшимся агрессии Советским Союзом и фашистскими агрессорами зависело не только осуществление всех их планов, но и дальнейший ход истории вообще. Советский народ выстоял под натиском объединенных сил фашизма и, нанеся агрессорам сокрушительные удары, развеял в прах всю чудовищную программу завоевания и порабощения Европы и других континентов.

История германского высшего военного руководства в 1939 - 1945 гг. - это путь небывалого взлета, а затем глубокого падения под могущественными ударами свободолюбивых народов. Советский народ, его героическая армия вынесли основную тяжесть войны, сыграли решающую роль в победе над гитлеровской Германией. Советско-германский фронт с 1941 по 1945 г. являлся главным фронтом второй мировой войны, здесь происходили основные военные события. Героическая борьба Советского Союза определяющим образом повлияла на ход и результаты второй мировой войны. "В гигантском военном столкновении с империализмом и его наиболее чудовищным порождением - фашизмом победил социалистический общественный и государственный строй. Источниками силы Советского Союза явились социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство общества, советский патриотизм и дружба народов СССР, сплоченность народа вокруг партии коммунистов, беспримерный героизм и мужество советских воинов. Это была победа социалистической идеологии над

человеконенавистнической идеологией империализма и фашизма"3.

Цель данной книги состоит в том, чтобы на историческом материале раскрыть характер деятельности высшего военного руководства фашистской Германии во второй мировой войне (1939-1945 гг.), разоблачить его авантюризм, его методы ведения войны.

Автор стремился использовать достижения советской и зарубежной историографии второй мировой войны, прежде всего работы советских ученых, усилиями которых решены многие кардинальные проблемы истории этого величайшего события. Вместе с тем книга основана на документальных материалах, мемуарах и других источниках. В основе диалогов, приводимых в тексте, лежат стенографические записи совещаний в гитлеровской ставке или воспоминания участников.

Работа не претендует на полноту исследования крупной и сложной проблемы функционирования немецко-фашистского военного руководства во второй мировой войне. Только усилия многих историков могут обеспечить исчерпывающее решение этой все еще важной и трудной проблемы.

Глава первая. Накануне и в начале войны

Перед войной

I

История высшего военного руководства третьего рейха во второй мировой войне неотделима от истории фашизма. Установление в Германии нацистской диктатуры навлекло на человечество неисчислимы бедствия, ибо фашистское государство выдвинуло в качестве основы своей политической программы завоевание мирового господства путем неограниченного насилия. Германский Генеральный штаб как одна из важнейших составных частей военного руководства занял среди институтов фашистского режима первостепенное место. Опыт, знания и традиции профессиональных военных были особенно необходимы тем империалистическим силам, ставленником которых был Гитлер. Организуя нападения на многие страны Европы, высшее военное руководство открывало путь к осуществлению широких, изощренных, продуманных планов создания гигантской колониальной сверхимперии. И поскольку военная каста стояла в авангарде сил, готовившихся осуществить замыслы подобного рода, постольку ее значение в фашистском рейхе, ее влияние на все его экономические, политические, идеологические институты были необычайно широкими.

Вторая мировая война, закончившаяся разгромом фашизма, полностью разоблачила сущность германского милитаризма и военного руководства третьей империи. Здесь нельзя не вспомнить глубокую мысль В. И. Ленина: "Давно признано, что войны, при всех ужасах и бедствиях, которые они влекут за собой, приносят более или менее крупную пользу, беспощадно вскрывая, разоблачая и разрушая многое гнилое, отжившее, омертвевшее в человеческих учреждениях"⁴. Но для того чтобы поразить фашизм и его военную организацию, потребовались грандиозные усилия и жертвы многих народов.

Генеральный штаб издавна занимал во внутривойсковой жизни Германии одно из самых важных, самых привилегированных мест.

Существует точка зрения, что германский генеральный штаб возник в XVII столетии. Великий курфюрст Фридрих-Вильгельм, создавший в то время бранденбургско-прусскую армию, положил начало и той организации, которая потом стала называться службой генерального штаба. Утверждают, как, например, В. Гёрлиц, что именно тогда, по примеру шведской армии, был организован генерал-квартирмейстерский штаб. Первым бранденбургским генерал-квартирмейстером называют вступившего в должность в 1657 г. некоего Герхарда Белликума.

Но "генерал-квартирмейстерской службой", т. е. вождением колонн, составлением маршрутов и разбивкой лагерей, во всех армиях так или иначе занимались давно, пожалуй, с незапамятных времен. Когда мы говорим о германском генеральном штабе, то имеем в виду высший и важнейший руководящий военный центр, ставший со временем первостепенным фактором политики господствующих классов Германии. В таком смысле создание генерального штаба следует, видимо, отнести к периоду наполеоновских войн.

Вероятно, первыми зародышевыми клетками стали баварское "Секретное военное бюро" 1803 г. и реорганизованный в этом же году по плану генерала Массенбаха прусский генерал-квартирмейстерский штаб, в задачу которого входила разработка военных планов в мирное время, регулярное проведение учебных поездок и рекогносцировок. Вскоре поражение Пруссии под Йеной и Ауэрштедтом доказало непригодность начинавшего складываться высшего органа военного руководства. Последовала серия реформ. Вслед за введением в 1813 г. всеобщей воинской повинности произошла реорганизация системы управления армией. В 1817 г. 2-й департамент военного министерства Пруссии стал официально называться генеральным штабом. В нем несли службу 17 офицеров. Каждый армейский корпус получил трех офицеров генерального штаба, каждая дивизия - одного. Так начала складываться каста генштабистов.

Еще в период расцвета прусского абсолютизма, во времена Фридриха II, милитаризм стал неким "государством в государстве". Именно тогда прусский милитаризм выработал ставшие устойчивыми традиции полного подчинения и повиновения единоличной власти, жестокости, высокомерия и агрессивности.

Создание в последней трети XIX в. германского рейха под гегемонией Пруссии и ее успешные войны 1864-1871 гг. стали решающим периодом процесса формирования современного германского милитаризма.

Национальное объединение Германии, завершенное в результате франко-прусской войны под эгидой Пруссии, необычайно возвысило роль военного элемента во вновь созданной империи, которая сразу же оказалась под главенством агрессивных милитаристских сил. Появление в центре Европы новой мощной державы, которая уже сумела доказать свою воинственность, не только полностью изменило соотношение сил в Европе, но и дало толчок развитию милитаризма в европейских международных отношениях.

Рост противоречий и напряженности в Европе в связи с возникновением объединенной "по-бисмарски" Германии, которая вела политику "железа и крови" и очень скоро предъявила свои территориальные претензии, постепенно превращал европейский континент в систему вооружавшихся друг против друга лагерей.

Нужно ли говорить, что в таких условиях только что созданная Германская империя обеспечила генеральному штабу положение исключительности. Прусский дух стал господствовать не только в армии. Он все больше и больше вплетался во всю общественно-политическую жизнь страны. На рубеже двух столетий генеральный штаб отшлифовался как центр управления войной, превратился в руководящий военный орган империалистической экспансионистской и колониальной политики. Высшая военщина классово и политически объединилась с быстрорастущей монополистической буржуазией и стала ее орудием в подготовке агрессивных войн.

В условиях вильгельмовского рейха милитаризм "обогатился" реакционной идеологией пангерманизма, пренебрежением к другим народам и тем сверхнационализмом, который вскоре проложил путь нацизму. Милитаристы были главными союзниками монополий в подготовке и развязывании первой мировой войны, во время которой германский империализм предпринял свою первую попытку переделить мир.

Сразу после войны 1914-1918 гг. генеральный штаб по условиям Версальского договора официально был распущен. Но фактически он продолжал существовать, став одним из центров контрреволюции и организатором тайного перевооружения Германии. За годы Веймарской республики генеральный штаб научился маневрировать в условиях буржуазно-демократического режима. Приспосабливаясь к нему, он вместе с тем сохранил свою сущность, свои позиции "государства в государстве", свои кадры. Некоторые западногерманские исследователи стремятся утвердить взгляд, будто высшие руководители армии сотрудничали с Гитлером лишь в узкой военной области: при своей "традиционной аполитичности" они не разглядели преступной сущности нацизма. В последующем мы еще не раз будем возвращаться к этому вопросу. Здесь априори выскажем лишь ту мысль, что подобные взгляды искажают факты действительной истории. Наиболее реакционная часть германского генералитета представляла собой одну из ведущих сил, создавших Гитлера как политическую фигуру и вручивших ему затем диктаторскую власть.

Чтобы по достоинству оценить тезис о так называемой аполитичности германского военного руководства в те годы, когда решалось будущее Германии, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть вопрос о политической сущности корпорации, которую мы здесь условно называем германским военным руководством. Для этого необходимо увидеть направленность ее социально-политических действий в тот исторический период, когда в России победила Великая Октябрьская социалистическая революция, а Германия после поражения в мировой войне проходила через революцию и острые классовые битвы 20-х годов. Именно в этот период германский империализм определил новые социальные задачи,

выработал политическую программу, которая затем стимулировала его активность вплоть до середины 40-х годов.

На первом и втором этапах общего кризиса капитализма германский империализм с помощью милитаризма, представляемого прежде всего высшим военным руководством, выступал как ударная сила против социализма, рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов. Эта социальная функция германского милитаризма сложилась вполне отчетливо именно в 20-е годы.

Сразу после окончания первой мировой войны кайзеровские генералы использовали антикоммунизм, контрреволюционные настроения буржуазии и ее партий для быстрого усиления влияния в государстве и сохранения себя как главной опоры реакционной политики господствующих классов. Милитаристы еще в период германской революции 1918 г. пошли на союз с правительством правых социал-демократов, которое проводило контрреволюционную политику борьбы с рабочим движением.

Используя ненависть к Советскому Союзу господствующих кругов Германии, Франции, Англии, США, германская военщина с начала 20-х годов стала рекламировать себя как "единственную силу, способную остановить нашествие большевиков" на Европу и "спасти Запад". Она стремилась доказать своим бывшим противникам, что только сильная в военном отношении Германия может создать антисоветский "защитный вал". Уже в те годы генералитет начинает спекулировать на "советской угрозе", чтобы под этим флагом развивать собственную военную мощь. Еще 18 декабря 1918 г. немецкий "военный атташе в северных странах" писал из Стокгольма в генеральный штаб: "Нам очень важно разбить самую русскую Красную Армию в Прибалтийских провинциях, не то наши восточные провинции будут находиться под непосредственной угрозой, и оттуда большевистский яд распространится дальше по Германии".

Еще более откровенно говорилось на этот счет в меморандуме министра рейхсвера Геслера, направленном им в апреле 1920 г. министерству иностранных дел для передачи странам Антанты: "Если эти массы (Геслер имел в виду народы Советского Союза. - Д. П.) придут в движение, то они... навалятся на немецкие границы... Если этот вал на подступах к Германии не встретит оборонительного вала, то их поток захватит и Германию, а затем зальет всю Европу... Союзные правительства, однако, против этой опасности своими границами не очень эффективно защищены, их может защитить восточная граница Германии и немецкий рейх, который сумеет отразить большевизм"⁵. Предельно ясно. Именно в надежде, что Германия их "защитит", западные державы в последующие годы разрешили ей вооружиться, а затем поощрили германскую реакцию на развязывание новой войны.

Уже в начале 20-х годов ее цели шли гораздо дальше "обороны против большевизма". Наиболее агрессивные круги военщины, несмотря на поражение, вовсе не забывали давнюю идею "завоевания восточного пространства", изложенную, в частности, еще в 1915 г. в меморандуме представителей монополий и генералитета: "Пограничным валом и основой для обеспечения роста нашей народности является земля, которую должна нам дать Россия. Земля, которая даст нам здоровых крестьян, - этот источник народной силы и государственности... Перенесение нашей восточной границы на ту или иную глубину будет зависеть от военного положения, в частности определять ее должна будет стратегическая точка зрения"⁶.

Министр рейхсвера Гренер в докладе "о военно-политическом положении германского рейха в конце 1928 г.", нарочито преуменьшая военные силы Германии, требовал интенсивных вооружений. "Если наши границы действительно прочны, то они стали прочными благодаря тому, что государство снова взяло в свои руки и развило средства мощи, прежде всего рейхсвер... И если мы не хотим, чтобы великие державы бесцеремонно обходили наши многосторонние интересы, которые везде распространяются за пределами границ (курс. наш. - Д. П.), мы должны создать себе возможность защищать свои интересы силой"⁷. Антисоветская пропаганда с главным тезисом: "только сильная Германия может спасти Европу" - способствовала после поражения в первой мировой войне восстановлению

германского милитаризма при широкой помощи Запада, она помогла превратить в 20-х годах германский рейхсвер в орудие войны прежде всего против Советского Союза.

Военная элита, вожди крупного финансового капитала, промышленных корпораций, высшая бюрократия сразу же после окончания первой мировой войны ни на час не сомневались в необходимости как можно скорее превратить армию в основу будущей армии реванша и агрессии. Такое предназначение рейхсвера определяло и роль выступавшего до поры до времени замаскированно генерального штаба - главного руководящего и планирующего центра немецкого милитаризма. Генерал Гренер в письме к палачу революции Носке от 24 августа 1919 г. характеризовал эту роль генштаба следующим образом: "Не будет слишком много сказано, когда я заявлю, что если нас до настоящего времени не коснулся большевизм, то это заслуга офицеров генерального штаба"⁸. И действительно, в офицерский корпус республики, ограниченный 4000 человек, были назначены только отборные с точки зрения своей политической консервативности офицеры генерального штаба кайзеровской армии. Процесс создания и развития рейхсвера в 20-х годах был одновременно процессом его фашизации, все более тесного сближения и объединения его с гитлеризмом, нацистской партией.

До экономического кризиса 1929 г. руководящим группам германского финансового капитала еще не нужна была открытая фашистская диктатура. Они соглашались до поры до времени с парламентаризмом, но заблаговременно готовили резерв, состоявший из блока фашистских организаций и милитаризма, на случай, если веймарская система не сможет обеспечить господство крупного капитала и подавить революционные выступления рабочего класса. И "резерв" комплектовался достаточно успешно.

II

В начале 20-х годов рейхсвер был наиболее крепкой не только военной, но и политической организацией Германии. Созданная в 1919 г. неким Антоном Дрекслером "Германская рабочая партия", исповедовавшая крайне националистические взгляды "во имя спасения Германии", так и осталась бы жалкой компанией, философствующей в пивных, если бы к ней не примкнула реакционная военщина, искавшая для себя в те годы форму выражения политических идей. Она и дала возможность группе Дрекслера превратиться в нацистскую партию. Полуфашистским военным отрядам Эрхардта, штурмовым группам генерала Эппа, добровольцам "Оберланда" и сторонникам капитана Рема - всем, кто старался потопить в крови германскую революцию, наконец, генералам и Гитлеру импонировали националистические рассуждения "рабочей партии", столь непохожие на "добропорядочную" идеологию буржуазных политических лидеров.

Когда члены военных союзов начали вступать в эту "партию", она поднялась из глубин безвестности. За счет военных она расширилась с 64 человек при своем возникновении до 3 тыс. "отборных" членов в 1920 г. И если вскоре партия превратилась в крупную политическую силу послевоенной Германии, то это произошло в большой степени потому, что того хотели рейхсвер и военные союзы. "Рабочая партия" стала на первых порах именно партией милитаристов. Можно в известном смысле согласиться с германским историком Гейденом, утверждающим, что национал-социализм как политическое оружие "является детищем мюнхенского рейхсвера"⁹.

При своем появлении Гитлер и гитлеризм были вскормлены на почве германского милитаризма. Гитлер, на первом этапе своей "деятельности", - это творение реакционной военщины. Доброволец, потом ефрейтор 16-го баварского резервного полка во время мировой войны, следователь-провокатор во 2-м пехотном полку в Мюнхене, слушатель "военно-политических курсов" рейхсвера, а затем "военный лектор-пропагандист" в одном из мюнхенских полков, он был замечен генералами рейхсвера, выдвинут ими и превращен в "трибуна" и "вождя". Гитлер со всеми его качествами политического демагога был нужен руководящим военным кругам как политическая фигура, выражавшая их контрреволюционные идеалы.

Генералы рейхсвера стали одновременно и "толкачами", и "щитом" Гитлера. Когда правительство Баварии в январе 1923 г. запретило Гитлеру произвести в Мюнхене смотр штурмовых отрядов, а это грозило авторитету будущего фюрера, уже стоявшего во главе "движения", отмены приказа добился не кто иной, как командующий округом генерал Лоссов. Гитлер встретился с генералом Сектом создателем рейхсвера, с признанным вождем германской военщины генералом Людендорфом, беседовал с ними о судьбах Германии и наметил общую линию борьбы за ее "возрождение". На смотре боевых союзов в "немецкий день" 2 сентября 1923 г. Гитлер и Людендорф стояли на почетном месте рядом, и вскоре лидеры фашиствующих контрреволюционных боевых отрядов провозгласили: политическое руководство союзами они "передают господину Адольфу Гитлеру"¹⁰.

Гитлер и Людендорф совместно готовили осенью 1923 г. "поход на Берлин" из Баварии, чтобы свергнуть республику; они шли рядом в "исторической" демонстрации 9 ноября 1923 г. у Фельдгернхалле в Мюнхене, когда полиция сорвала их попытку государственного переворота. Генералы делали все, чтобы возвеличить "человека из народа", который, как они надеялись, сможет завоевать массы для установления военной диктатуры.

Германский милитаризм вскармливал гитлеровскую партию "духовно". Попытки доказать, будто нацисты внушали, да и то малоуспешно, свои взгляды генералитету уже после прихода к власти или наивны, если они утверждают неосведомленными, или лживы, если в них упражняются знающие суть дела. К сожалению, в западной исторической литературе сплошь и рядом встречается второе. Военная верхушка была пропитана националистической философией, мистической верой в "сверхчеловека", культом силы значительно раньше, чем ефрейтор Гитлер, будущий фюрер третьего рейха, услышал обо всем этом на собраниях националистических групп и воспринял философию милитаризма как духовное откровение. Генерал-фельдмаршал Рундштедт заявил на Нюрнбергском процессе: "Национал-социалистские идеи были идеями, заимствованными от старых прусских времен, и были давно нам известны и без национал-социалистов"¹¹.

Кайзеровская армия, ее генеральный штаб, окостеневшие в своих традициях, стали аккумулятором идеологии агрессии, берущей начало в расовых доктринах, в "пангерманизме", в реакционной философии конца прошлого века. Поражение обострило в армии злобные чувства к новым социальным веяниям, питало идеи мести "предателям в тылу" и реванша. В Германии, где после 1918 г. были разорваны многие связи, армия представляла собой наиболее сплоченный, дисциплинированный организм, противостоявший революции и принесший с собой из начала века идеи насилия и крайнего шовинизма. И в начале 20-х годов, когда армия, сохранив постоянное ядро, разделилась на тысячи ячеек, густо покрывших страну, формально обособленных, но внутренне спаянных единством традиций, она стала активным пропагандистом этих взглядов. В разгуле контрреволюции пышно расцветал фашизм.

Уже в начале 20-х годов наиболее реакционные круги промышленников и юнкерства разрабатывали планы не только борьбы с рабочим движением внутри страны, но и внешнеполитической экспансии. 16 января 1923 г., после вступления французской армии в Рур, в Берлин на Бендлерштрассе, где располагалось министерство рейхсвера, приехали магнаты индустрии Гуго Стиннес, Фриц Тиссен и Пауль Ройш. Их принял генерал Сект. Совместно с главой рейхсвера они разрабатывали военные планы на случай углубления конфликтов с Францией и внутри страны. Промышленники хотели непосредственно влиять на военную стратегию. 30 января к Секту снова пришел Стиннес, один из самых могущественных королей Рура, "империя" которого включала более 150 фирм, а интересы распространялись на Австрию, Швецию, Данию, Италию, Испанию, Бразилию. Он потребовал, чтобы рейхсвер в ближайшее время захватил восточную Верхнюю Силезию и северобогемскую индустриальную область - иными словами, начал войну с Польшей и Чехословакией. Требование диктовалось экспансионистской индустриальной программой Стиннеса, стремившегося протянуть щупальца своего треста на новые районы мира, особенно в соседние с Германией государства¹². Сект неодобрительно отнесся к планам

угольного и стального магната, который слишком торопился и не учитывал обстановки. Но планы Стайнеса не были забыты. Позже требования магнатов стали одним из элементов подготовки агрессии против Польши.

Рост революционного движения в Германии приводил наиболее реакционные круги промышленников и милитаристов еще до 1929 г. к мысли об установлении военно-фашистской диктатуры. На пост диктатора крупные промышленники прочли тесно связанного с ними генерала Людендорфа (Стайнес был его советником еще в первой мировой войне), признанного главу реакционной военщины. В феврале 1923 г. в Ванзее встретились Людендорф, Стайнес и Сект. В ходе переговоров было достигнуто соглашение о передаче Сектом руководства рейхсвером Людендорфу в случае, если возникнет ситуация, способствующая переходу к диктатуре. Подобную ситуацию правые усмотрели в период экономического и политического кризиса осенью 1923 г. Боязнь революции заставила монополистов обратить пристальное внимание на Гитлера, Людендорфа и их группу, наиболее пригодную для осуществления государственного переворота. И сразу потекли деньги. Нюрнбергские промышленники дали будущим путчистам 20 тыс. долларов, Тиссен 100 тыс. золотых марок.

Вскоре появился детальный план наступления из Баварии - центра фашистских организаций - на Берлин. В столице исполненные надежды милитаристы всех оттенков должны были припереть к стенке демократию. Совершить переворот не удалось из-за активного сопротивления трудящихся и отсутствия единства среди промышленников, часть которых считала, что время свержения республики еще не наступило. Но союз монополий, милитаризма и фашизма окреп. В середине и второй половине 20-х годов гитлеровцы стремятся не только теснее сблизиться с военной верхушкой, но и проникнуть в толщу армейской среды. Они ведут агитацию в казармах, создают в воинских частях фашистские группы, пользуясь при этом попустительством командования.

Новый этап процесса слияния фашизма и милитаризма под эгидой промышленного и финансового капитала наступил в 1929 г. Он был связан с обстановкой начавшегося мирового экономического кризиса. В Германии кризис принял особенно острый, глубокий характер. Он обрушился всей своей силой на плечи трудящихся¹³. Произошел поворот в политике руководящих кругов германского капитала. "Если раньше они рассматривали фашистское движение как свой резерв, то сейчас они все более склонялись к мысли привести этот резерв в действие"¹⁴.

Германская реакция делает открытую ставку на фашистскую диктатуру и на установление террористического господства нацистской партии. Используя шовинистическую пропаганду, изображая Версальский договор единственной причиной всех бедствий, гитлеровцы укрепили свои позиции среди крестьян, мелкой буржуазии и отсталых рабочих, развертывали террор против демократических сил.

Германский империализм искал выход из кризиса в перестройке экономики на военные рельсы для развязывания в ближайшем будущем войны за передел мира. Военной политикой и войной магнаты промышленного и финансового капитала надеялись разрешить острые внутренние противоречия, которые со все большей силой выходили наружу. Отто Винцер пишет: "Необычайно тяжелые последствия мирового экономического кризиса укрепили решимость господствующих сил германского монополистического капитала избавиться от последних ограничений и запретов Версальской системы и второй раз попытаться силой оружия установить свое безраздельное господство в Европе и во всем мире"¹⁵.

Все эти обстоятельства привели начиная с 1929 г. к быстрому повышению удельного веса национал-социалистической партии во внутривнутриполитической жизни страны, к резкому усилению позиций милитаризма и еще более тесному контакту фашистских и милитаристских сил. Нацисты получили могущественную помощь: экономическую (монополии), военную (милитаристы). Активом партии выступают магнаты промышленного капитала, такие, как Кирддорф, Тиссен. Вступительный взнос последнего составил 300 тыс. марок. Концерн "ИГ Фарбениндустри" дал гитлеровцам 400 тыс. марок. Во время встречи

Гитлера в Дюссельдорфе 27 января 1932 г. с 300 крупнейшими промышленниками Рура, они приняли постановление о регулярных отчислениях в кассу нацистской партии по 50 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. Монополисты Рура с 1930 г. по начало 1933 г. перевели в кассу гитлеровской партии до 600 тыс. марок¹⁶. Ряд денежных взносов сделал в 1931-1932 гг. концерн Сименса. В 1931 г. о своей поддержке нацистов заявил Крупп¹⁷. В начале 1933 г. крупнейшие рурские промышленники дали Гитлеру 3 млн. марок, что помогло нацистам еще больше окрепнуть и утвердить свою власть¹⁸. Помощь гитлеровской партии шла из-за рубежа - в ней приняли участие Рокфеллер, Морган, Ламонт и др. "В критический момент Гитлер получил столь мощную поддержку, о которой он не смел и мечтать. Крупнейшие промышленники и финансисты Германии, во главе с руководителями "ИГ Фарбениндустри", сплотились и оказали Гитлеру полную поддержку"¹⁹.

С другой стороны, к фашистскому движению теперь уже открыто примыкает рейхсвер. Гитлер обещал генералам восстановление массовой армии на основе воинской повинности. Милитаристы хорошо помнили слова Гитлера: "Каждая попытка разложить рейхсвер кажется мне преступлением и безрассудством... Идея вооружения стоит во главе движения"²⁰. Политика национал-социализма, которая предусматривала реванш как само собой разумеющееся условие дальнейшего развития Германии, безоговорочно принималась в конце 20-х и начале 30-х годов подавляющим большинством генералов рейхсвера. 28 октября 1931 г. состоялась беседа министра рейхсвера Шлейхера с Гитлером: Шлейхер признал необходимость "предоставить свободу национал-социалистскому влиянию на государственные дела"²¹. Из фондов рейхсвера гитлеровская партия получила 15 млн. марок.

Конечно, среди старых офицеров кайзеровской формации имелась прослойка, хотя и принимавшая фашизм, но с осторожностью подходившая к его пропаганде, к стремительным действиям, привыкшая к более "солидной" и "устойчивой" власти. Сочувствуя нацистской программе, эти офицеры несколько позже других открыто примкнули к фашизму. Если большинство - такие, как генерал Бломберг или полковник Рейхенау, - уже в конце 20-х годов стали активными приверженцами гитлеризма, то другие, например начальник войскового управления Гаммерштейн-Экурд, генералы Лееб, Витцлебен, Бек, далеко не во всем соглашались с нацистскими методами.

Они думали при союзе с гитлеровцами все же сохранить видимость политической самостоятельности рейхсвера. Делалось это с единственной целью удержать свою авторитарную власть в армии, попытаться сохранить независимое влияние рейхсвера на политическую жизнь государства, не подчиняясь целиком новой политической силе. Но их "старомодные" высказывания были всего лишь игрой в самостоятельность, в то время как внутренне они тяготели к нацизму, который бурно проникал в армию. Его успехи в период кризиса гипнотизировали генералов, в том числе и "колеблющихся". Генералы пришли к выводу, что они могут вести свою игру только против социал-демократии. Исследователь истории рейхсвера Шюддекопф пишет: "Как сейсмограф слушало руководство рейхсвера настроения справа... Стремления левых партий он (рейхсвер. - Д. П.) категорически отклонял, устремления правых он одобрял... Он был единомышлен с правыми в том, чтобы отвергнуть республику, парламентскую демократию, международную готовность к взаимопониманию, отклонить стремление к разоружению. Даже при поверхностном соприкосновении с НСДАП (сокращенное название нацистской партии. - Д. П.) она должна была казаться рейхсверу привлекательной, так как обнаруживала прямо-таки убедительнейшее понимание "национальных нужд" армии и столь же решительный отказ от "государства ноябрьских дней", как это чувствовало большинство офицеров"²².

Не существовало ни одной реакционной политической концепции, будь то ненависть к социализму и марксизму, шовинизм и тяготение к авторитарной власти, в которой не совпадали бы взгляды большинства военных и фашистских политиков. Ведь не случайно Адольф Гитлер адресовал в 1932 г. свое одно из очень немногих столь пространственных личных писем не кому-нибудь, а именно Рейхенау, тогда полковнику, начальнику штаба 1-го

дивизионного округа в Кенигсберге. Будущий фюрер писал будущему фельдмаршалу об угрозе распространения в Германии идеологии марксизма: "Победа этого мировоззрения в Германии приведет к последствиям, которые трудно предвидеть... Немецкий народ сейчас имеет так же мало иммунитета против коммунизма, как в 1917 г. или в 1918 г. он не имел иммунитета против революции". Каким должно быть в таком случае отношение Германии к Советскому Союзу? Никаких переговоров и соглашений, никакого сотрудничества!! "Если же мы когда-нибудь, сохрани бог, должны будем спасаться при помощи Советского Союза, тогда это тем более будет означать установление красного флага в Германии". Беда германского народа в том, что он сейчас более чем наполовину пацифичен, значительная его часть "враждебно настроена к вооружениям и обороне". Виной этому - коммунисты, ибо "марксизм, который был в 1914 г. теоретической идеей, сегодня практически завоевал гигантскую часть мира". Будущий фюрер запугивал рейхсвер тем, чего он сам больше всего боялся и что ненавидел, - пролетарской революцией, марксизмом, стараясь привлечь к себе армию общностью мировоззрения, единством оценок в определении "главного врага".

В заключение письма Гитлер следующим образом формулировал "немецкие задачи на будущее": "1. Преодоление марксизма и его последствий до их полного искоренения. Установление нового добровольного духовного единства народа. 2. Общее психологическое, нравственное и моральное вооружение нации на основе этого нового единства мировоззрения. 3. Техническое вооружение. 4. Организационное объединение народной силы для обороны государства. 5. Достижение честного признания введенного нового положения всем остальным миром"²³. Такова была программа Гитлера для армии, которой реакционные круги рейхсвера сочувствовали. За туманом нацистской фразеологии явно определялись ведущие замыслы: сделать Германию фашистской, уничтожить коммунистическое и рабочее движение, начать политику неограниченных вооружений, развязать войну за гегемонию германского империализма.

С помощью нацистов реакционная военщина надеялась свергнуть Веймарскую республику, к которой относилась, по словам генерала Секта, "с ненавистью в сердце и с проклятием на языке". Ведь генералы так любили повторять слова своего ушедшего кайзера: "Там, где марширует гвардия, не может быть демократии"²⁴.

Контрреволюционные силы, во главе которых стояли милитаристы, промышленники и воротилы крупного капитала, увидели в Гитлере "сильную личность" и нужные качества: яростную, фанатичную целеустремленность, направленную на одну цель - установление контрреволюционной диктатуры, образ мышления террориста и вместе с тем демагога, способного увлечь за собой толпы недовольных мещан.

В исследовании В. Т. Фомина об агрессии Германии в Европе до 1939 г. приводятся многие факты активного участия ряда военных в подготовке нацистской диктатуры. Автор приходит к выводу: офицеры и генералы вермахта "рассматривали фашистскую идеологию как составную часть агрессивных планов германского империализма и приняли активное участие в фашизации рейхсвера и психологической подготовке войны"²⁵.

Фриц Видеман - бывший начальник ефрейтора Гитлера в первую мировую войну (он был адъютант полка, где служил будущий фюрер), а в 1934 г. личный адъютант Гитлера - пишет: "Партия была организована на военных основах. СА и СС также получили военную структуру. Гитлер был типом немца-военного. Его высшая цель как рейхсканцлера, говорил он мне в рождество 1933 г., - увеличение германских вооруженных сил"²⁶.

Вермахт не был простым слугой фашистского режима, исполнителем присяги, данной Гитлеру. Связь между германским милитаризмом, генеральным штабом, с одной стороны, и германским фашизмом - с другой, значительно сложнее. Идеи, организация, методы и планы германской военной касты сродни и старше нацистской партии, которая в 20-е годы и в начале 30-х годов восприняла милитаристскую идеологию, прямо копировала организационную структуру армии и многие ее традиции. В духовной сфере германский милитаризм переплетался с фашизмом. Когда германский генеральный штаб пришел к Гитлеру, то уже обладал качествами, необходимыми фашизму для новой попытки

установления мирового господства. Гитлеровский режим и милитаризм все крепче связывались друг с другом.

Гитлер прекрасно знал: все, за малым исключением, генералы пойдут за ним, если поверят, что он сможет привести их к победе в будущей войне. Еще в годы Веймарской республики военные мечтали о временах, когда снова появится "прекрасная, блестящая армия" и они поведут ее в бой. Гитлер говорил военным: "Когда мы станем у руля, тогда рейхсвер снова превратится в большую, старую, великолепную армию"²⁷. Наступал их час.

III

"Все, что я делаю, направлено против России". Эти слова, сказанные Гитлером незадолго перед началом второй мировой войны комиссару Лиги наций Буркхардту, вполне могут служить эпиграфом к характеристике всей внешнеполитической агрессивной программы германского фашизма.

Если заняться изучением хотя бы основных материалов, где нацисты излагали концепции своей внешней политики, от "Майн кампф" и выступлений гитлеровских главарей до секретных докладов, записок, стенограмм совещаний, переписки дипломатов, промышленников, военных, то обнаружится такая мозаика агрессивных расчетов, что в общем-то нелегко составить представление, что же и когда они считали главным и что второстепенным, где блефовали и занимались пропагандой и где выдвигали свои фундаментальные требования. Фашистские заправилы, в зависимости от конъюнктуры, говорили и писали сегодня об одном, завтра о другом, а послезавтра противоречили сказанному вчера и позавчера.

Однако если попытаться классифицировать эту программу по ее внутренней "иерархии целей", то станет совершенно ясным, что в центре всей нацистской внешнеполитической концепции и военной стратегии от начала и до конца существования германского фашизма находились планы завоевания Советского Союза. Они имели две связанные друг с другом стороны: политико-идеологическую и экономическую.

Первая - заключалась в классовой империалистической программе уничтожения первого в мире социалистического государства, коммунистической идеологии, нанесения тем самым сокрушительного удара международному коммунистическому, рабочему движению, национально-освободительной борьбе народов. Вторая сводилась к завоеванию "жизненного пространства" и превращению прежде всего "Востока" в гигантскую колонию германского империализма.

Планы "колонизации России" путем прежде всего отрыва от нее Украины и всех южных районов вполне ясно формулировались в Пруссии еще в середине прошлого века²⁸.

Начало XX века, особенно канун и успешные 1914-1915 годы первой мировой войны дали колоссальный толчок завоевательным устремлениям империалистических кругов "второй империи". Уже тогда военные формируют подхваченную затем Гитлером концепцию, что Германия должна расширять свою территорию прежде всего не за счет колоний, а захватами на континенте. Генерал Шель писал в 1915 г.: "Развиваясь во всех направлениях, Германия не расширялась лишь в территориальном отношении. Конечно, приобретались колонии больших размеров, чем метрополия. Однако на земле, которая соприкасается с нашими основными землями, образуя ее составную часть, ...германский государственный организм не расширялся"²⁹.

Тогда же стали возникать разные планы "отрыва Украины от России", создания "вассального украинского государства" и прорыва через него на Кавказ, Ближний Восток и даже в Индию. Один из пангерманистов, Левицкий, заявлял: "Через Украину европейские страны будут связаны по суше с Востоком и с Центральной Азией"³⁰.

В период вторжения германских войск на Украину в 1918 г. цели германского империализма в отношении "Востока" остались прежними. В многочисленных выступлениях различных вдохновителей "восточной политики" типа генерала Гофмана, ярого апологета "завоевания Востока", раздавались призывы отторгнуть у молодой Советской России

Украину, Прибалтику, районы, прилегающие к Черному морю, и т. д. Украина рассматривалась как неисчерпаемый источник сырья и продовольствия для Германии, как широкий путь к нефтяным богатствам Кавказа и Ближнего Востока. Раздавались голоса о необходимости распространения германского влияния вплоть до Сибири, которая должна стать "колонией немецкого капитала", о расчленении России на "систему государств" и т. д.

Политика германского фашизма с точки зрения ее завоевательной программы отнюдь не представляла собой чего-то принципиально нового. Она лишь продолжила, углубила и "поставила на практическую основу" все "восточные" аспекты внешнеполитического курса германского империализма. И это вполне закономерно в той же степени, в какой верна истина, что фашизм - порождение империализма.

"Мы требуем территории и земли (колонии) для пропитания нашего народа и для колонизации нашим избыточным населением"³¹, - провозглашала нацистская партийная программа в своем третьем пункте, как бы суммируя требования своих предшественников. И с самого начала Гитлер отдал приоритет завоеваниям на континенте по сравнению с "заморской" колониальной экспансией: "Целью нашей политики должна быть не западная или восточная ориентация, а восточная политика в смысле захвата необходимой территории для германского народа"³². Он писал в своем "политическом завещании": "Позаботьтесь о том, чтобы наш народ завоевал себе новые земли здесь, в Европе, а не видел основы своего существования в колониях"³³.

Итак: "Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад настолько глуп и слеп, чтобы понять это, я буду вынужден первоначально принять меры, чтобы разбить Запад, а потом, после его разгрома, повернуть всеми своими объединенными силами против Советского Союза. Мне необходима Украина, чтобы мы не голодали снова, как в последней войне"³⁴.

Захват мировой гегемонии составлял для нацистов главную задачу политической стратегии, конечную цель. Однако в третьей империи, несмотря на бесконечный авантюризм ее создателей и вождей, мало кто сомневался в трудности намеченного пути. Германия находилась среди сложного переплетения интересов различных государств, политических связей и структур, и как ни верили гитлеровские главари, генералы, дипломаты, философы и вообще вся камарилья в безусловное и неоспоримое превосходство всего германского, у них хватало опыта, хитрости, ловкости, чтобы понять, что достигнуть желаемого нельзя одним ударом.

Гитлеровская политика отнюдь не однозначна. Ее многоплановость и мозаичность определялись тем фактом, что нацизм всех ненавидел, везде искал "смертельных врагов", и это логически вытекало из его классовых функций, расовой доктрины и завоевательной программы. Но где же центр тяжести, где решающее звено?

Вероятно, именно в приведенной выше фразе (все, что я делаю, направлено против России) лежит ключ к разгадке главного смысла гитлеровского "приоритета политических целей".

На ранней стадии фашистского движения, в начале 20-х годов, Гитлер и его приспешники объявляли Францию, Великобританию "абсолютными врагами" Германии³⁵. Если антифранцузские акценты мотивировались главным образом желанием вернуть Эльзас-Лотарингию, то Англия провозглашалась "главным врагом" из-за ее колоний, которые нацисты считали нужным отнять.

Однако уже к середине 20-х годов происходит поворот в оценке роли "западных противников". Под влиянием геополитических доктрин Ратцеля, Гаусгофера и оценок собственных возможностей, исходя главным образом из уроков мировой войны, Гитлер приходит к заключению, что будущее Германии прежде всего не в заморских колониях, а в завоевании новых территорий на европейском континенте. Он упрекает "наследников Бисмарка", прежде всего Вильгельма II, за пренебрежение к "территориальной политике железного канцлера". "Во всяком случае цели этой территориальной политики не могут быть достигнуты где-нибудь в Камеруне", - заявляет он в 1924 г. Европейским колониальным

державам он противопоставляет США, которые "постоянно расширяли территорию на своем собственном континенте". В стремлении к далеким колониям он видит слабость европейских "колониальных народов" и "силу Америки"³⁶.

Нацистский главарь теперь считает, что для Германии в 1914 г. "...имелась единственная возможность осуществления здоровой территориальной политики только в завоевании территории в самой Европе. Колонии не смогут служить этой цели в течение такого срока, пока они непригодны для заселения европейцами"³⁷. Он заключает: необходима "основа". Ею может быть земля, полученная "в общем и целом только за счет России". Кайзер имел возможность захватить русские территории только в союзе с Англией. "Чтобы добиться английской благосклонности, - писал Гитлер, - не нужно было приносить слишком больших жертв. Требовался только отказ от колоний и морского преобладания". И он представлялся Гитлеру лишь "временным ограничением", которое, однако, открывает "большое и богатое будущее"³⁸.

Отказ на первом этапе от плана колониальных захватов в пользу завоевания "жизненного пространства" на Востоке позволит, по мнению Гитлера, сначала создать мощный "континентальный базис" империи, а затем, в случае необходимости, перейти к "заморской" экспансии. Тогда откроется путь к мировому господству в полном смысле этого слова. "Германия должна искать приобретения новых территорий и Восточной Европе за счет России и лимитрофных государств, - провозглашает будущий фюрер. - Мы порываем с традиционным стремлением германцев на юг и запад Европы и обращаем взор на Восток... Сведение счетов на Западе - только прелюдия... Его можно рассматривать исключительно как прикрытие нашего тыла с целью распространения нашей территории в Европе"³⁹.

Так, вырабатывая свою внешнеполитическую доктрину, нацистская клика приходила к выводу, что нельзя повторять "ошибки кайзера" и превращать Англию во врага. Западногерманский историк К. Гильдебрандт замечает: "Колониальные амбиции пока что не занимали места во внешней политике Гитлера, чтобы не повторять ошибок "всемирной" политики Вильгельма и снова не поставить Англию в ряды врагов"⁴⁰. В своей так называемой "второй книге" Гитлер требовал "в течение последующих 100 лет" приобрести "необходимое пространство на Востоке" и "отказаться от морских претензий"⁴¹. Такой ценой он предполагал сделать Великобританию своим союзником и создать условия для завоевания без помех "пространства на континенте".

Гитлер оценивал в своем "анализе" Великобританию в качестве "естественного партнера", который будет следовать принципу баланса сил в Европе. Таким же потенциальным союзником он считал Италию, в то время как Францию постоянно называл "смертельным врагом".

Сразу после прихода к власти нацисты провозгласили захват Украины одним из главных принципов своей политики. В мае 1933 г. Гитлер заявил в интервью для английской "Дейли телеграф", что Германия не хочет вступать в соперничество с Англией. "Судьба Германии находится не в колониях, а на ее восточной границе"⁴².

В первые месяцы своего господства, когда Лондон остро интересовался отношением нового германского правительства к проблеме колоний, нацисты постарались дать понять Англии, что их генеральный план - путем отказа от колониальных требований сделать Англию партнером в "континентальной" политике, т. е. в агрессивных устремлениях Германии на Восток. В последующие годы британское правительство упорно толкало Гитлера именно по этому пути. Весной 1935 г., подготавливая "морское соглашение" с Англией, Гитлер подчеркивал незаинтересованность в колониях и требовал свободы действий на континенте.

В меморандуме от 26 августа 1936 г. о "четырёхлетнем плане" он провозглашал: "окончательное решение" проблем экономики Германии состоит в "расширении жизненного пространства, а также в расширении сырьевой и продовольственной базы нашего народа". При этом совершенно прямо указывалось на Советский Союз как на объект, за счет которого необходимо решить эту проблему⁴³.

Бывший президент данцигского сената Раушнинг вспоминал, как Гитлер говорил ему в 1934 г.: в центре Европы должно находиться "стальное ядро нерушимо выкованного единства великой Германии", составляющее вместе с Австрией, Чехословакией и Западной Польшей непоколебимый блок ста миллионов как прочный фундамент господства над Европой. Восточная Польша, Прибалтика, Балканские государства, Украина, Волга-ланд, Грузия должны объединиться в Восточный союз. Но это будет союз подчиненных народов, без армии, собственной политики и своего хозяйства. Кроме того, будет "Западный союз" и "Северный союз"⁴⁴.

Когда осенью 1938 г. в министерстве иностранных дел, в главном командовании военно-морского флота и в других высших инстанциях третьего рейха обсуждался вопрос: куда направлять первый удар, на Запад или на Восток, для Гитлера не существовало сомнений. По свидетельству тогдашнего посла в Риме фон Хасселя, Гитлер был полон решимости сначала броситься на Украину совместно с Польшей или же предварительно разгромив последнюю и разрешив "польский вопрос" раньше "украинского". "Гитлер устремлял взор на Прагу, Варшаву и Киев"⁴⁵.

В нацистской среде имелось немало сторонников и "чисто колониальной" политики. Это - военные, участники колониальных экспедиций германского империализма, адмиралы военно-морского флота, видевшие свою главную и естественную задачу в борьбе с Англией, ряд промышленников, для которых захват колониального сырья и рынков представлял желанную цель. Среди них наиболее видной фигурой был президент созданного в 1925 г. "Военно-колониального союза" генерал фон Эпп, один из палачей "боксерского восстания" в Китае. Будущий главнокомандующий гитлеровским флотом адмирал Редер также являл собой убежденного сторонника отвоевания у Англии ее заморских владений.

Однако отнюдь не они диктовали внешнеполитическую программу фашизма и особенно последовательность действий. Гитлер в 1936 г. решает добиться соглашения с Англией на основе своей программы континентальных завоеваний на Востоке.

4 сентября 1936 г. он принял в Бергхофе бывшего английского премьер-министра Ллойд Джорджа и изложил ему свой "большой план" германо-британского союза.

Если Гитлер склонялся к мысли, что после победы над Советским Союзом наступит время для похода против других континентов и захвата колоний, его сподвижник, теоретик "аграрной политики" и "рейхсбауэрфюрер" Дарре, не менее фюрера фанатически преданный идее "завоевания Востока", считал, что после этого следует поставить точку. Он постоянно высказывал Гитлеру мысль: требовать колонии у Англии - значит поставить ее и число своих врагов, и наоборот, отказ от заморских завоеваний автоматически обеспечит взаимопонимание с ней по вопросам "восточной политики".

Другой нацистский мракобес, Г. Ашенбреннер, как и Дарре бывший воспитанник так называемой "колониальной школы", выступил с книгой "Заморские колонии конец северной расы". "Дальний юг - могила северных народов, - утверждал этот расист. - На заморских территориях белые европейцы дегенерируют в африканцев, а продолговатые головы станут круглыми".

Конечно, не из таких соображений исходила нацистская верхушка, стремясь к соглашению с Англией. Вплоть до середины 30-х годов Гитлер проектировал союз с ней на основе раздела мира и получения "свободы рук" на Востоке. Он хотел прежде всего обеспечить свое господство над континентом, Англии же "предоставить" весь "заморский мир", ограничиваясь до поры до времени концессиями в колониях. Колонии как политическая цель рассматривались в плане решений отдаленного будущего.

Примерно в 1935 г., особенно после подписания 18 июня, в годовщину Ватерлоо, германо-английского соглашения о флоте, начинается более энергичное давление на Англию в колониальном вопросе, подкрепляемое активными сторонниками "заморской" политики. Усиление требований колоний используется как средство политического нажима для того, чтобы привлечь Англию к партнерству и планируемому союзу по разделу мира. Гитлер направляет послом в Лондон своего доверенного, Риббентропа, с главной задачей -

достигнуть полного урегулирования с Англией насчет "свободы рук на континенте".

Усиление общего кризиса капитализма и обострение империалистических противоречий в конце 30-х годов привели, начиная с 1937 г., к серьезной активизации гитлеровской колониальной политики. Она все меньше становится "средством политического давления" и все более приобретает характер прямых агрессивных требований. В то же время Берлину стало ясно, что Лондон не может уступить ему все позиции на европейском континенте. Охотно соглашаясь с нацистской агрессией против Советского Союза, Англия вместе с тем не желала утрачивать своего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Она с особым старанием проводит политику соглашения с Гитлером на основе его требований "свободы рук на Востоке", но при единственном условии: сохранение и своих позиций в континентальных делах.

19 ноября 1937 г. будущий министр иностранных дел Галифакс прибыл для встречи с Гитлером в его резиденцию Оберзальцберг. Он говорил, без тени иронии, что приветствует возможность в личной беседе с фюрером установить лучшее взаимопонимание между Англией и Германией. "Это имело бы величайшее значение не только для обеих стран, но и для всей европейской цивилизации". Галифакс заявил даже, что он сам и другие члены английского правительства "удовлетворены тем, что фюрер, уничтожив коммунизм в своей собственной стране, не только сделал великое дело для самой Германии, но и преградил ему путь в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может рассматриваться как барьер против большевизма"⁴⁶. Это была почти классическая формула соглашательской концепции, курса тех, кто, не колеблясь, шел на сделку с фашизмом за счет Советского Союза, за счет всех левых, прогрессивных сил Европы. Галифакс предложил широкое соглашение четырех держав - Англии, Германии, Италии, Франции, прозрачно намекнув: "С точки зрения Англии, статус-кво не обязательно должен поддерживаться", т. е. идите на Восток, мешать не будем.

Гитлер подчеркнул колониальную проблему: нужно ее решить, так как "некоторые народы не имеют достаточного жизненного пространства". Англия же занимает четверть мира. Даже Бельгия, Испания и Португалия обладают колониями. Только Германия не располагает ими. Галифакс ответил: британское правительство может обсудить колониальный вопрос. Но его решение "должно быть частью всеобщего урегулирования, которое обеспечит спокойствие и безопасность Европы"⁴⁷.

После визита Галифакса германское министерство иностранных дел так суммировало позицию Лондона: "Англия не будет препятствовать мирному изменению статус-кво в Европе... Предложение о "взаимопонимании четырех" - это возвращение к идее "пакта 4-х", выдвинутой Муссолини еще в 1933 г." И далее: "Опасность изоляции Советской России, которую он в себе заключает, может быть для нас только желательной"⁴⁸.

На таком политическом фоне, когда Англия проявляла самую широкую готовность к сотрудничеству, в условиях обостряющегося кризиса, Берлин в 1938 - 1939 гг. все более ясно формулирует свои колониальные требования, а программа создания "мировой империи" приобретает все более определенные, конкретные черты.

Однако она никогда не заслоняла и не отодвигала на второй план центрального и самого главного вопроса фашистских агрессивных планов завоевания Советского Союза, создания гигантской континентальной империи.

Сказанное выше приводит нас к следующим выводам об основных аспектах внешнеполитической агрессивной программы фашизма, выработанной им в 20-30-е годы.

Выдвигая в качестве конечной цели завоевание мирового господства, эта программа имела центральным, решающим звеном агрессию против Советского Союза. Антисоветская агрессия рассматривалась как единственно возможный, возводимый в степень идеологической и государственной доктрины путь к решению коренных проблем экономики, идеологии, политики Германии, к созданию "великого рейха" и захвату "жизненного пространства". С другой стороны, она считалась главным условием для дальнейших захватов в других районах мира.

Нацизм стремился к созданию путем агрессивных войн прежде всего континентальной империи, где завоеванная территория Советского Союза, в первую очередь Украина и Кавказ, служила бы главным поставщиком сырья, продовольствия, дешевой рабочей силы. Поэтому во всех планах фашизма, в том числе и в военно-стратегических планах, юг Советского Союза так или иначе рассматривался в качестве центрального объекта (впоследствии это особенно наглядно воплотилось в военных планах 1942, 1943 гг.).

Захват колоний, главным образом британских, в рамках межимпериалистической борьбы также составлял важный элемент агрессивной программы нацистов, значение которого на разных этапах развития империалистических противоречий то повышалось, то снижалось. Однако он всегда занимал подчиненное место в отношении генерального плана завоевания Советского Союза. Это определялось политико-идеологическими, экономическими обстоятельствами, сухопутной направленностью германской военной мощи, характером развития и состоянием транспорта, коммуникаций, общим соотношением сил в империалистическом мире и т. д.

В данной связи элемент соглашения с Англией на различных условиях: либо на почве раздела мира, либо на основе признания ею германских захватов на континенте, либо же на базе сотрудничества ценой предоставления Германии полной "свободы рук" на Востоке - всегда занимал важное место во внешней политике и военной стратегии нацизма, претерпевая различные модификации на разных этапах развития. Его подкреплял аналогичный "встречный" курс британской реакции, удельный вес которого, однако, падал по мере расширения нацистской агрессии.

Влияние этого элемента на военную политику и стратегию фашистской Германии обнаруживается чрезвычайно наглядно не только в 30-е годы, но и во второй мировой войне. Но об этом речь впереди.

IV

Формы и структура военной организации Германии определялись характером и направленностью агрессивной программы и политики фашизма, смыслом и духом доктрины "тотальной войны", которая утвердилась в мышлении германского военно-политического руководства с начала 20-х годов.

Программа мобилизации для будущей войны абсолютно всех сил и ресурсов государства предусматривала не только утверждение политической диктатуры нацистов, но и последовательную централизацию высшего военного руководства. Его развитие после прихода фашизма к власти заключалось в предоставлении все больших функций верховному главнокомандованию и в создании все новых центральных органов руководства.

Через несколько месяцев после прихода к власти Гитлер создал в масштабе рейха государственный совет обороны для координации военных, политических, хозяйственных и пропагандистских усилий по подготовке войны. Вместе с основными министрами в него вошли начальники войскового и военно-морского управлений. Постоянным рабочим органом совета был так называемый комитет обороны рейха, секретариат которого с осени 1934 г. работал под руководством управления вооруженных сил министерства рейхсвера. Комитет сделался тем каналом, через который руководители вооруженных сил оказывали растущее влияние на деятельность государственного аппарата. Государственный совет обороны существовал лишь номинально: заседал только один раз; зато чисто милитаристский комитет обороны рейха до апреля 1937 г. - четырнадцать раз. Он разработал систему мобилизации "хозяйства, государства и народа" для нужд войны, т. е. фактически руководил еще в мирное время перестройкой экономики на военный лад⁴⁹.

21 мая 1931 г. министр хозяйства Ялмар Шахт получил дополнительную функцию генерального уполномоченного по военной экономике и сосредоточил в своих руках управление хозяйственной и финансовой подготовкой к войне. Он работал в тесном контакте с министром рейхсвера Бломбергом и Герингом, назначенным 18 октября 1936 г. уполномоченным по четырехлетнему плану. За четыре года гитлеровцы надеялись

полностью милитаризовать экономику и сделать ее независимой от иностранных поставок. Для координации экономики и вооружения был создан военно-экономический штаб.

К усилению централизации руководства гитлеровцев толкали и политические, и военные расчеты.

В 1914-1918 гг. военные действия возглавлял по традиции генеральный штаб сухопутных войск. В морском штабе единственным авторитетом в вопросах общего руководства войной считался кайзер. Но так как он даже не имел штаба, то создалось положение, когда велись две войны: одна на суше, другая на море.

В 20-е годы бурное развитие авиации, превращение ее в самостоятельный вид вооруженных сил еще острее поставили вопрос о создании единого высшего руководящего и координирующего органа, который возглавлял бы армию, флот и авиацию.

Первый шаг в этом направлении был сделан в конце 20-х годов созданием в министерстве рейхсвера так называемого управления министерства. Оно сразу же ущемило права армейского командования, привыкшего играть ведущую роль в вооруженных силах. Когда в начале 1933 г. военным министром сделался Бломберг, он стал работать над превращением своего министерства в центральный орган всего военного руководства.

Гитлер до 1938 г. почти не вмешивался в практические дела вермахта, и Бломберг пользовался во всех военных вопросах, включая военную экономику, почти неограниченной свободой решений. В феврале 1934 г. он преобразовал управление министерства в управление вооруженных сил и создал в его составе так называемый отдел обороны страны, который стал зародышевой клеткой будущего штаба верховного командования вооруженных сил.

При Бломберге сложилась структура высшего военного руководства, когда военному министру (он же верховный главнокомандующий) подчинялись главнокомандующие: армией (Фрич), военно-морским флотом (Редер) и авиацией (Геринг). Чтобы еще больше повысить роль военных в фашистском государстве, декретом от 20 апреля 1936 г. генерал Фрич и адмирал Редер получили ранги рейхсминистров. Геринг и без того обладал колоссальной властью как "второе лицо в государстве". Каждый главнокомандующий имел свой генеральный штаб, и вскоре все три генеральных штаба сделались главными центрами оперативно-стратегической и военно-технической подготовки второй мировой войны. В их стенах вырабатывались руководящие принципы стратегии и составлялись планы агрессии.

По мере увеличения вермахта росли штабы. Так, генеральный штаб сухопутных сил к 1938 г. разросся с 4 до 12 отделов. Его прежнее положение и непререкаемый авторитет центра германского милитаризма оказались урезанными, ибо пришлось разделить свое влияние с двумя другими штабами. Исключительное положение Геринга в нацистской иерархии помогло ему сделать военно-воздушные силы неким самостоятельным государством, которое он противопоставлял двум другим "старым" видам вооруженных сил. Тем не менее, поскольку основная военная мощь Германии, как и прежде, концентрировалась на суше, генеральный штаб сухопутных сил практически оставался ведущим. В его главном отделе оперативном - разрабатывались основные стратегические планы.

Последняя крупная реорганизация высшего военного руководства, в результате которой оно приняло формы, лишь с небольшими изменениями оставшиеся до конца второй мировой войны, произошла в феврале 1938 г.

Главные причины, вызвавшие эту реорганизацию, и ее ближайшие результаты состояли в следующем.

Непосредственное и конкретное решение о развязывании в ближайшем будущем войны за достижение мировой гегемонии германского империализма гитлеровский фашизм принял осенью 1937 г. Прямым социальным стимулом столь важного решения был новый экономический кризис, который захватил ряд капиталистических стран Запада. Кризисные явления угрожали и Германии, несмотря на перестройку ее экономики на военный лад, несколько оттянувшую приближение экономического кризиса.

Жесткая централизация военного руководства и сосредоточение всей военной власти в руках Гитлера составляли главный смысл реорганизации. Она демонстрировала дальнейшее усиление фашистской диктатуры, что в условиях роста оппозиции и недовольства среди различных слоев населения, по мнению нацистов, приобретало немалое внутривластное значение.

Путем полного объединения в своих руках политической и военной власти Гитлер и нацистская верхушка получали еще больше возможностей осуществлять свою политику внутри страны и на международной арене, вести курс к развязыванию войны.

Гитлер не только усиливал свою диктатуру, но и ущемлял некоторую долю прав командования сухопутных сил, откуда исходили элементы несогласия с программой развязывания войны в ближайшем будущем: начальник генерального штаба сухопутных войск Бек представил Гитлеру несколько памятных записок, содержащих критические суждения на этот счет. Разделяя гитлеровскую политическую программу в целом, Бек вместе с тем опасался, что война, начатая Германией, в конечном итоге обернется против нее самой. Он возражал против войны на Западе.

4 февраля 1938 г. последовало объявление, что отныне фюрер принимает на себя всю полноту военной власти. Он ликвидирует военное министерство. Он становится "главнокомандующим вооруженными силами". При нем создается его личный штаб, наподобие тех штабов из особо доверенных лиц, которыми располагали короли, императоры или диктаторы прошлого. Этот штаб должен стоять над тремя штабами видов вооруженных сил, т. е. армии, флота и авиации, и быть по отношению к ним директивным и контролирующим органом.

Как появилось "верховное командование вооруженными силами" (ОКВ), которое впоследствии сыграло важнейшую роль в подготовке и ведении агрессивных походов, в организации преступлений фашизма во многих странах Европы. "Шефом", или "начальником главного штаба" ОКВ, был назначен доселе малоизвестный 55-летний генерал артиллерии Кейтель, человек, главным свойством которого оказалась рабская преданность Гитлеру. Важнейшей частью нового штаба стал его мозговой центр - так называемое управление руководства вооруженными силами (превратившееся с 8 августа 1940 г. в штаб оперативного руководства), которое возглавил генерал артиллерии Йодль. Кроме того, Кейтелю подчинялись четыре управления и адъютантура, разросшиеся вскоре в разветвленный, громоздкий аппарат.

Назначение новым главнокомандующим сухопутными силами генерала Вальтера фон Браухича, командующего 4-м военным округом, сопровождалось отстранением от должности 60 генералов высших командных инстанций и перемещением 34 других. Мы еще вернемся к подробной характеристике новых действующих лиц, которые затем играли столь большую роль в подготовленной фашизмом трагедии. Пока отметим лишь одно: фашистские главари привлекли к руководству вооруженными силами наиболее агрессивные и авантюристические элементы военных кругов.

Реорганизация сопровождалась упразднением военного министерства, скандальным увольнением в отставку военного министра Бломберга и главнокомандующего сухопутными силами Фрича. Их обвинили: первого - в женитьбе на проститутке, второго - в гомосексуализме. Позорный уход обоих получил значительный резонанс, тем более что, как скоро выяснилось, "дело Фрича" оказалось сфабрикованным.

И поныне "кризис Бломберга - Фрича" служит порой объектом взволнованных сентенций некоторых наиболее консервативно мыслящих историков на Западе. Фрича считают чуть ли не "жертвой нацизма", а его назначение после реабилитации всего лишь командиром артиллерийского полка - "оскорблением германскому офицерскому корпусу".

Однако история с Фричем - типичный пример интриг и склок, царивших в среде нацистской верхушки. Фрич был таким же отъявленным сторонником гитлеризма, таким же фашистом, как и все остальные, включая и тех, кто его скинул. О миропонимании Фрича, например, более чем убедительно говорит собственноручная записка от 11 декабря 1938 г.:

"Вскоре после первой мировой войны я пришел к заключению, что для того, чтобы Германия снова стала сильной, мы должны одержать победы в трех битвах: 1) битве против рабочего класса - Гитлер ее уже выиграл; 2) против католической церкви или, точнее говоря, против ультрамонтанизма; 3) против евреев"⁵¹. Фрич открыто повторял нацистскую программу геноцида, которую по всей очевидности разделял. И вряд ли могут быть сомнения, что останься он на посту главнокомандующего сухопутными силами, то ревностно проводил бы эту программу в жизнь. Вероятнее всего, в годы войны он снова поднялся бы на поверхность и внес бы свой ощутимый "вклад" в те дела, которые нацисты творили в Европе. Если бы его в сентябре 1939 г. не сразил польский снаряд.

Другие отрешенные от должностей в феврале 1938 г. тоже чувствовали себя обиженными. Но степень их фашистского рвения ни в малейшей степени не уменьшилась. И когда Гитлер вновь призвал многих из отстраненных, они с готовностью вернулись под его знамена и преданно служили политике завоеваний. Некоторые из "обиженных" в 1938 г. - Лееб, Кюхлер, Рундштедт, Клюге, Витцлебен - стали впоследствии генерал-фельдмаршалами.

Усиление верховного руководства вооруженными силами, вызванное подготовкой войны, вместе с тем стало активным средством дальнейшего утверждения политической и милитаристской диктатуры фашизма.

Общая структура германского верховного командования перед второй мировой войной выглядела следующим образом. На вершине военной иерархии стоял верховный главнокомандующий вооруженными силами Гитлер с ОКВ, возглавляемым Кейтелем.

Ступенью ниже находились три главных командования видами вооруженных сил со своими генеральными штабами: сухопутных сил - ОКХ (Браухич с начальником штаба Гальдером); военно-воздушных сил - ОКЛ (Геринг и начальник штаба Ешонек); военно-морских сил - ОКМ (Редер и начальник штаба руководства морской войной Шниевинд). Далее вниз по иерархической лестнице стояли главнокомандующие группами армий, армиями и т. д.⁵²

Такая структура верховного военного руководства, по мнению нацистских лидеров, в наибольшей степени отвечала требованиям тотальной мобилизации военных усилий государства.

В системе ОКВ ведущую роль стал играть штаб оперативного руководства во главе с Иодлем. Он составлял стратегические планы в рамках общего руководства войной и в соответствии с распоряжениями Гитлера; докладывал фюреру о ходе операций и готовил различные данные для принятия решений; разрабатывал директивы по ведению войны и представлял их Гитлеру или Кейтелю; осуществлял координацию действий видов вооруженных сил в совместно проводимых операциях и т. д. Кроме того, Иодль вырабатывал единые руководящие принципы в области организации и вооружения вермахта, в вопросах военного управления в тылу действующей армии и в оккупированных областях. Он руководил связью и вопросами пропаганды в вооруженных силах.

Вместе с управлением разведки и контрразведки, также входившим в ОКВ, штаб оперативного руководства представлял собой такое звено внутри аппарата верховного командования, которое в ограниченной форме выполняло функции, присущие высшему штабу, стоявшему над тремя штабами видов вооруженных сил, главным образом в области стратегического планирования и организации взаимодействия. И не случайно Иодль в ходе войны превратился в главного советника Гитлера по стратегическим вопросам, постепенно оттесняя в этой области Кейтеля.

Генеральный штаб сухопутных сил занимал преобладающее место по сравнению со штабом руководства морской войной и генеральным штабом военно-воздушных сил, ибо сухопутные войска считались "самым важным и мощным видом вооруженных сил". Именно в генштабе сухопутных сил большей частью разрабатывались основные идеи и проекты директив по ведению важнейших кампаний и операций. Во многих случаях они затем окончательно формулировались в виде директив Гитлера штабом оперативного руководства,

дополнявшего планы ОКХ указаниями для военно-морских и военно-воздушных сил. Директивы, отдаваемые штабом руководства морской войной и генеральным штабом военно-воздушных сил, в большинстве случаев, за отдельными исключениями (например, план вторжения в Англию), носили вспомогательный характер.

Гитлер обращал главное внимание на действия армии, предоставляя флоту и авиации значительно больше самостоятельности. Принятие Гитлером на себя в декабре 1941 г. обязанностей главнокомандующего сухопутными силами еще более повысило значение армии и ее генерального штаба, начальник которого получил тогда право непосредственного доклада Гитлеру⁵³ (эту должность занимали: Гальдер - с 1938 г. до 20 сентября 1942 г.; Цейтцлер - до 20 июля 1944 г.; Гудериан - до 28 марта 1945 г.; Кребс - до 30 апреля 1945 г.).

В генеральном штабе сухопутных сил основными участками работы ведали пять оберквартирмейстеров, из которых 1-й занимался оперативными вопросами, 2-й обучением и боевой подготовкой, 3-й - организацией войск, 4-й - разведкой, 5-й - военно-научными вопросами.

Как же всей этой касте удалось во второй мировой войне добиться крупных военных успехов и каким путем и почему военная организация фашистского рейха и нацистский режим в целом пришли к катастрофе?

Каковы методы действий этих людей и представляемой ими организации?

Ответ дает история.

Планы агрессии

I

Происхождение второй мировой войны представляет собой одну из самых крупных, самых острых и все еще необычайно актуальных проблем современной общественно-политической мысли. Марксистско-ленинская историческая наука дала глубокий анализ социально-экономических и классовых причин войны, тех движущих сил, которые привели к мировому конфликту, тех сложных и противоречивых событий, сущность которых оказалось возможным познать и оценить с помощью марксистской методологии.

В 30-е годы внутри системы империализма чрезвычайно усилились противоречия, вызванные ростом неравномерного развития главных капиталистических стран. Изменение соотношения сил в капиталистическом мире, быстрое развитие военно-экономической мощи Германии и Японии, рост их агрессивности порождали острую конкурентную борьбу в империалистическом лагере. Образование двух противостоящих друг другу империалистических группировок сопровождалось возникновением двух очагов войны: в Европе и на Дальнем Востоке. Острота империалистического соперничества усугублялась тем, что внешнеполитическую программу Германии определяла фашистская доктрина, сочетавшая планы завоевания мирового господства с концепциями расизма, с программой истребления или порабощения целых народов.

С другой стороны, существовал очень важный элемент, объединивший противостоящие друг другу империалистические группировки: антикоммунизм. Чтобы ликвидировать общий кризис капиталистической системы, покончить с социализмом и создать условия для решительного подавления национально-освободительного и рабочего движения, обе группировки империалистических держав стремились нанести военное поражение Советскому Союзу.

Однако существовали совершенно очевидные различия в методах действий каждой из них.

В планы Германии и Японии входило нанесение прямого военного удара по Советскому Союзу.

Расчеты правящих кругов Англии, Франции и США заключались в том, чтобы создать военно-политические условия для агрессии Германии против СССР и таким образом покончить с социалистическим государством руками фашизма, который выступал как

атакующий авангард всей империалистической системы.

Замыслы империалистических группировок "были направлены на то, чтобы путем захватнических, несправедливых войн повернуть вспять общественное развитие, определяемое объективными закономерностями. Существовая независимо от воли и желания империалистов, общий кризис капитализма продолжал обостряться и углубляться"⁵⁴.

Открытую подготовку к войне германский фашизм вел нарастающими темпами с осени 1934 г. В начале 1936 г. нацистская верхушка приступила к созданию непосредственных предпосылок для проведения политики прямой агрессии.

7 марта 1936 г. дивизии вермахта вступили в демилитаризованную Рейнскую зону, одновременно Берлин объявил о разрыве Локарнского договора. Протест западных держав представлял собой более чем дешевую цену этого первого, очень важного для нацистов успеха их авантюристической политики, в которой разрыв условий Версаля представлял собой лишь первое звено.

В июле 1936 г. начался фашистский мятеж в Испании. Немедленно гитлеровский режим оказал ему военную поддержку, и вскоре самолеты "Легиона Кондор" варварски бомбили незащищенные города Испании. Военной интервенцией германский фашизм стремился усилить позиции режима Франко, стать прочной ногой на Иберийском полуострове, укрепиться в экономике Испании, получить выход к стратегическим коммуникациям Средиземноморья, ослабить военные позиции Франции и Англии в этом районе Европы.

Политика невмешательства в испанские дела, выработанная и проводимая правительствами Англии и Франции, послужила одной из главных причин установления в Испании фашистского строя. Она стала важным этапом курса попустительства агрессии, который затем способствовал развязыванию гитлеровской Германией второй мировой войны.

Одновременно нацисты развернули интенсивную деятельность по созданию системы союзов, которая могла бы подготовить наиболее выгодные исходные позиции для дальнейшего проведения в жизнь агрессивной политики. Так началось тесное сотрудничество фашистских государств. 25 октября 1936 г. в Берлине закончились германо-итальянские переговоры соглашением о сотрудничестве, которое означало официальное создание оси Берлин - Рим. С февраля того же года Германия вела переговоры с Японией, господствующие буржуазно-монополистические и милитаристские круги которой готовились к дальнейшему расширению своей агрессивной политики в Азии. 25 ноября 1936 г. оба государства заключили "антикоминтерновский пакт". Годом позже к нему присоединилась Италия.

Сложился фашистский союз, направленный против СССР, международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов, ставший основой империалистического наступления на силы демократии во всем мире. Своими открытыми приготовлениями к войне против Советского Союза, безудержной антикоммунистической пропагандой фашистский блок не без оснований рассчитывал на симпатию и поддержку других империалистических государств, которые не сразу разглядели, что он представляет опасность и для них самих. "Антикоминтерновский пакт" был нацелен не только против Советского Союза, но и против империалистических конкурентов - Франции, Великобритании, США.

1936 год означал важный этап подготовки фашистской Германии к всеобщей войне. Несмотря на кризисные явления в экономике, вызванные однобоким военным направлением развития хозяйства, недостатком важнейших видов сырья, уменьшением запасов иностранной валюты, свертыванием внешней торговли и другими важными процессами, властители рейха с фантастической энергией раскручивали маховик милитаризации. Они бросали в военное производство все ресурсы, весь потенциал Германии. Блок монополий, фашизма и военщины именно в 1936 г. закладывал главные камни фундамента своего агрессивного внешнеполитического курса.

К середине года в результате осуществления так называемого первого четырехлетнего плана Германия по уровню промышленного производства вышла на второе место в мире. Темпы нарастали, и за всем этим стояла дьявольская целеустремленность агрессоров. В августе 1936 г. Гитлер подготовил меморандум, лейтмотив которого говорил сам за себя: "Если нам не удастся в кратчайший срок превратить наши вооруженные силы по уровню боевой подготовки, по количеству соединений, техническому оснащению и в первую очередь по идейному воспитанию в самую сильную армию мира, то Германия погибнет".

Чтобы реализовать программу и "не дать погибнуть Германии", нацисты решили добиться практически невозможного: обеспечить полную экономическую автаркию страны, ее "самоснабжение" и независимость от экспорта. Как мы увидим дальше, подобная программа в ходе развития событий оказалась призрачной и провалилась, невзирая ни на какие ухищрения экономических и финансовых магнатов третьего рейха. Но попытка дала дополнительные импульсы динамизму фашистской агрессии, ибо трудности экономической автаркии предопределяли и экономическую экспансию.

Однако сейчас, в 1936 г., Гитлер провозглашал: "Я ставлю следующие задачи: 1) через 4 года мы должны иметь боеспособную армию; 2) через 4 года экономика Германии должна быть готова к войне"⁵⁵.

Второй четырехлетний план, разработанный на основе этого меморандума в сентябре 1936 г., стимулировал дальнейшие проценты развития военного производства, милитаризации экономики и вместе с тем дальнейший рост могущества монополистической буржуазии. Параллельно - крепла мощь военной касты. Своими претензиями, требованиями, своим духом милитаризма она пропитывала всю атмосферу жизни третьего рейха, превращая ее в некий концентрат идеологии насилия. Поддерживаемая этими двумя господствующими социальными силами, правящая фашистская политическая верхушка с помощью террора, погромной социальной демагогии, спекулятивной пропаганды старалась и не без успеха подчинить народ, заставить его быть орудием в осуществлении внешнеполитических планов.

В 1936 г. и в начале 1937 г. оказалось уже возможным подводить некоторые итоги. Армия имела 41 дивизию вместо 10 всего каких-нибудь три года назад. Новый мобилизационный план предусматривал формирование еще 25 дивизий и армию резерва. Военная промышленность выпускала все больше современной техники. Ускоренная моторизация войск, развитие бронетанковых сил, современного флота, тренировка военных кадров превращали вермахт в нечто большее, чем просто армию мирного времени. Военная верхушка третьего рейха уже готовила различные варианты наступательной войны против многих стран Европы.

До конца 1937 г., благодаря широкой экономической помощи западных держав, развитию собственной индустриальной базы, укреплению торгово-экономических позиций и экономической экспансии, особенно в Юго-Восточной Европе, Центральной и Южной Америке, германскому империализму удалось добиться высокой экономической конъюнктуры. Однако непрерывное одностороннее развитие хозяйства, колоссальные инвестиции в военное производство не могли в конечном итоге не привести к вызреванию кризисных явлений.

Экономический кризис, охвативший в 1937 г. важнейшие капиталистические государства, обострил международную конкурентную борьбу. Германская экономика, которой вследствие форсирования промышленности вооружения кризис до поры до времени касался в незначительной степени, составляла сильнейшую конкуренцию Англии, Франции, США. Интенсивно растущие противоречия и конкурентная борьба привели к дальнейшему обострению антагонизма между Германией и другими капиталистическими странами⁵⁶.

Хотя экономический кризис ввиду милитаризации экономики рейха наступил в фашистской Германии позже, чем в них, он грозил принять более глубокий характер. Гонка вооружений истощала финансовые ресурсы и сырьевые запасы, постепенно вела, к сокращению экспорта, быстрому снижению уровня производства продуктов потребления и в конечном счете грозила подорвать военное производство, во имя которого приносились все

жертвы. Объем промышленной продукции нацистской Германии в 1938 г. стал постепенно снижаться.

Внутренний кризис грозил подорвать успехи внешнеполитического агрессивного курса и еще сильнее толкал фашистскую верхушку на путь военно-экономической экспансии, который она давно и твердо определила для себя как высшую цель своего существования. Концепция силы, лежавшая в основе нацизма как идеологии и государственной системы, рано или поздно должна была найти практический выход. Кризис стал одним из важных слагаемых в сумме причин, определивших тот факт, что именно в конце 1937 г. верхушка гитлеровской Германии пришла к выводу: час пробил.

На секретнейшем совещании в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г. в присутствии Бломберга, Фрича, Редера, Геринга и министра иностранных дел фон Нейрата Гитлер дал официальную установку на развязывание в ближайшее время войны за мировую гегемонию. "Будущее Германии, - заявил он, - зависит исключительно от разрешений вопроса о жизненном пространстве... Единственный выход, который в то же время может показаться фантастическим, заключается в приобретении большего жизненного пространства... Германский вопрос может быть решен только путем применения силы, и это никогда не обходится без риска... Ясно, что мы больше ждать не можем". И фюрер объявил: его непоколебимое требование "разрешить проблему жизненного пространства для Германии не позднее 1943-1945 гг."⁵⁷

Тайное заседание в огромном "рабочем кабинете фюрера", расположенном в новой рейхсканцелярии, осенним вечером 5 ноября 1937 г. наполнено особым смыслом... Да, по странной иронии истории, фюрер именно к 1945 г. "разрешил проблему жизненного пространства", но с прямо противоположным задуманному результату. И, вероятно, без грубой ошибки можно сказать: если в тот вечер было окончательно решено перейти к военным методам достижения внешнеполитических целей, к агрессии, то и тогда же был сделан первый шаг по длинному пути к будущей катастрофе.

II

Мы не ставим своей целью дать развернутую характеристику завоевательной программы нацизма. Этот вопрос всесторонне исследован в целом ряде трудов историков-марксистов. Мы хотели бы в плане нашей темы отметить лишь тот факт, что германской военной верхушке наряду с фашистской политической элитой и монополиями принадлежало первое слово в определении главных аспектов программы.

Идеология германского милитаризма, его давние экспансионистские, колониальные планы существенно влияли на все те агрессивные внешнеполитические решения, которые принимались Гитлером и его политическими советниками. Конечно, в среде высшего генералитета имелись отдельные лица, которые не во всем и не полностью разделяли агрессивные устремления нацизма. Мы уже говорили о генерале Беке. Он не был одинок. Но столь же очевидно, что этими людьми двигали отнюдь не какие-либо гуманные соображения, их меньше всего можно было причислить к "сторонникам мира". Известно, что германский милитаризм никогда не производил на свет подобные феномены, а понятие "длительный мир" могло вызвать лишь усмешку "настоящего солдата фюрера".

Речь может идти лишь о том, что отдельные представители германской военщины достаточно трезво понимали, какие последствия может сулить Германии развязанная ею мировая война. Они сумели отдать себе отчет, что в результате такой войны Германии гораздо легче все потерять, чем что бы то ни было приобрести.

Это были действительно единицы, разглядеть которых в длиннейшей шеренге бравых, лощеных, самодовольных, "горячо преданных фюреру" вояк было прямо-таки невозможно невооруженным глазом. Конечно, начальник генерального штаба Бек немаловажная персона. Однако верно и то, что он со своим, как говорил возмущенно фюрер, нытьем, находился в некоем вакууме. Что же касается "настоящих военных", а их "доблестный вермахт" насчитывал, конечно, абсолютное большинство, то они делали одно общее дело со своим

"обожяемым фюрером".

Для них завоевание Советского Союза, или, как они выражались, "восточного пространства", представляло давнюю, желанную и, с их точки зрения, вполне естественную главную цель. После победы над Советским Союзом и установления господства в Средиземноморье предстояло завоевать Ближний Восток, открыть себе пути в Африку, Азию и воздвигнуть германскую мировую империю.

Вся программа существовала до поры до времени лишь в общей форме и не принимала характера какого-то единого конкретного стратегического плана. Это обстоятельство, между прочим, послужило для некоторых историков на Западе поводом к утверждению, будто рейх вообще не собирался развязывать никакой войны. Достаточно прочитать труд американского профессора Хоггана "Вынужденная война", в котором количество страниц обратно пропорционально добросовестности изложения и правдивости содержания.

Дело в том, что перед началом второй мировой войны у гитлеровской военной верхушки не существовало никакой необходимости в создании единого конкретного плана всеобъемлющей агрессии. Каждый, кто мало-мальски знаком с традиционной системой германского военно-стратегического планирования (американский профессор, написавший книгу в 700 страниц, должен был бы это знать), представляет себе, что еще со времен Мольтке, главного кумира фашистской военщины, германское военное руководство никогда не планировало войну "дальше первой операции", исходя из ряда соображений специального характера, которые здесь нет необходимости разбирать. Конечно, перенесение принципов Мольтке в совершенно другую эпоху представляло собой нечто весьма условное. Но тут уже другой вопрос.

На подобной традиционной основе германское военное руководство перед второй мировой войной в деталях и планировало лишь "первую операцию" агрессию против Польши. Этот факт ни в малейшей степени не противоречит истине, что существовала широкая общая программа завоеваний глобального масштаба, основанная на давних политических планах фашизма, начиная от "Майн кампф" и кончая совещанием в рабочем кабинете фюрера 5 ноября 1937 г., где она была еще раз сформулирована и подтверждена с потрясающим цинизмом.

Внешнеполитическая программа нацистов определяла общую последовательность агрессии: прежде всего - захват государств Центральной и Юго-Восточной Европы как предпосылка войны против Англии и Франции. Затем удар по обеим западным державам - старым соперникам в конкурентной империалистической борьбе. Победа над ними откроет возможность достижения самой главной цели - агрессии против Советского Союза. Завоевание Советского Союза должно решить центральную проблему: "обеспечение жизненного пространства" и превращение "великогерманского рейха" в мировую державу с неисчерпаемыми ресурсами. Тогда откроются возможности захватов в Африке и в Азии, будет брошен вызов США, в немецкие руки попадут многие районы на других континентах.

Высшему военному руководству отводилась центральная роль в осуществлении этой программы фашизма и монополистического капитала. Еще с начала 30-х годов генштабисты разрабатывали прежде всего планы захвата государств Центральной Европы.

Стратегическое планирование с самого начала упиралось в противоречие между масштабами агрессивных политических целей и реальными военными возможностями государства.

Чтобы разрешить противоречие, гитлеровцы изыскивали такие методы ведения войны, которые позволили бы: а) наносить удары противникам, изолируя очередной объект агрессии и нейтрализуя политическими средствами те страны, агрессия против которых предполагалась позже; б) в полной мере использовать все аспекты доктрины молниеносной войны для завершения борьбы против каждой из стран объектов агрессии - до возможного вступления в войну ее союзников. Отсюда характерные для методов гитлеровского руководства поиски различных наиболее благоприятных политических комбинаций на европейской арене для осуществления на практике обеих тенденций.

Гитлер еще в "Майн кампф" определял (пока в общей форме) чередование ударов: сначала Франция, затем СССР. Он писал: "Германия... видит в уничтожении Франции лишь средство, с помощью которого наш народ сможет в конце концов расширить пространство в другом районе". Каков "другой район", видно из следующего места: "Ничто не удержит меня от того, чтобы напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе... Мы пойдем на эту борьбу. Она раскроет перед нами ворота к длительному господству над всем миром"⁵⁸.

Тот факт, что германский фашистский империализм, его глашатай Гитлер и высшие генералы издавна склонялись к тому варианту, чтобы сначала разбить Польшу, западные державы, а лишь после этого начать агрессию против СССР, объясняется следующими моментами: 1) наличием давних острых и все более растущих империалистических противоречий между Германией, с одной стороны, Францией и Англией - с другой, разрешение которых под лозунгами реванша считалось первой насущной и ближайшей целью германских политиков, монополистов и военных; 2) опасением, что, развязав войну с Советским Союзом после захвата Польши, Германия может получить удар в тыл на Западе, прежде всего против своей кузницы и заповедника магнатов капитала - Рура, и быть втянутой, таким образом, в войну на два фронта; 3) пониманием, что, так как не исключено выступление обеих западных держав на поддержку Польши, война против Франции и Англии может возникнуть раньше войны с Советским Союзом, тем более, что весной 1939 г. обе державы дали гарантии Польше.

Уничтожение польского государства стало ближайшей целью Германии после захвата Чехословакии и считалось предпосылкой войны против СССР.

4) Наконец, решающее значение имел фактор силы Советского Союза. Германское военное руководство, учитывая мощь Красной Армии, считало, что борьба против Советского государства требует предварительного увеличения военного потенциала Германии за счет стран Западной Европы, "обеспечения тыла", создания необходимой коалиции и подготовки широкого плацдарма.

С конца 1937 г. - начала 1938 г. фашизм активно и целеустремленно ввергает Европу в полосу глубокого, затяжного международно-политического кризиса. Постепенно развиваясь, имея свои периоды особого накала, или конфликтные ситуации, этот кризис в конечном итоге завершился мировой войной.

Отличительная черта международно-политического кризиса кануна второй мировой войны состояла, с одной стороны, в упорном, последовательном военно-политическом наступлении агрессоров, осуществлявших свою программу поглощения стран Центральной Европы, а с другой - в столь же последовательном попустительстве фашизму со стороны западных держав, которые всеми доступными средствами хотели направить динамизм Германии против Советского Союза.

Начиная с осени 1937 г. нацисты перешли к открытой политике аннексий, а западные державы именно с тех же пор с особым рвением стали осуществлять курс обеспечения Германии "свободных рук на Востоке". Стремление разрешить противоречия внутри системы империализма за счет Советского Союза, удовлетворить экспансию Гитлера путем наталкивания его агрессивных устремлений на Восток, где он мог бы захватить "жизненное пространство", сокрушить руками нацистов социалистическое государство, ослабить Германию в единоборстве с Советским Союзом - таков был классово-политический смысл этого курса, который проводили политические калькуляторы Лондона и Парижа и который вскоре подвел их страны на грань катастрофы.

В марте 1938 г. германские войска без единого выстрела захватили Австрию.

В начале апреля Гитлер обсуждал с Кейтелем подробности плана "Грюн" плана вторжения в Чехословакию.

В начале мая британский премьер Чемберлен заявил: ни Великобритания, ни Франция не придут на помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германией; "в интересах мира" он, Чемберлен, одобряет "возврат Германии территории Судетов".

Начиналась предыстория мюнхенского предательства.

Мюнхенское соглашение, значение и роль которого с исчерпывающей полнотой раскрыты марксистской общественно-исторической мыслью, повлияло на судьбы не только народов Европы, но и всего человечества. Оно решительно нарушило баланс мировых сил в пользу фашизма. Чехословакия была выдана англо-французским империализмом на милость агрессору. Она потеряла значительную часть территории, населения, половину тяжелой промышленности, мощную систему пограничных укреплений и практически осталась беззащитной. Фашизм одним актом открыл себе широкий путь в Юго-Восточную Европу и на Балканы, значительно усилил свой военный потенциал, нанес тяжелый удар европейским позициям Англии и Франции. Обе страны лишились своего союзника в Центральной Европе, который мог бы надолго сковать германскую силу и отвлечь ее от Западной Европы в случае войны. Наконец, обе западные державы решительно подорвали свой авторитет в глазах всех европейских стран.

Мюнхен означал резкий переход от неустойчивого мира и определенного равновесия в Европе к наиболее острой стадии международно-политического кризиса, которая непосредственно подвела к войне. Англо-французские вдохновители и организаторы Мюнхена рассматривали заключенную 29 сентября 1938 г. сделку как начало создания "нового европейского порядка", утверждая, что их соглашение с Гитлером "обеспечит мир на целое поколение". На самом деле Мюнхен явился трагедией Европы⁵⁹. В чем им очень скоро пришлось убедиться.

Для германского милитаризма Мюнхен предстал как великая победа. Не потеряв ни одного солдата, не выпустив ни одного снаряда, военная верхушка настолько кардинально улучшила стратегические позиции вермахта, что теперь для нее представлялся значительно более вероятным успех любой военной акции как против Запада, так и против Востока. Она с полным удовлетворением восприняла слова фюрера: захват Австрии и Чехословакии должен послужить прологом к "великому германскому походу на Восток".

Несмотря на критику мюнхенского соглашения, которая раздавалась в Англии уже в октябре 1938 г., Чемберлен и вся консервативная группа, стоявшая у кормила британского правления, были глубоко убеждены, что достигнуть "замирения Европы" можно только путем соглашения с Гитлером и Муссолини за счет прежде всего Советского Союза. Как сообщил 19 октября 1938 г. полпред СССР в Англии И. М. Майский, лорд Бивербрук заявил ему: "Премьер и не помышляет о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе и Турции. Наоборот, он рассчитывает, что создание "Средней Европы" толкнет Гитлера на конфликт с СССР"⁶⁰.

Исходя из подобной общей установки, британские руководители не считали нужным развертывать программу вооружений, которая отвечала бы складывающейся в Европе обстановке. В Лондоне и Париже не сомневались, что Берлин и Рим "отблагодарят" своих "благодетелей", отдавших столь щедрой рукой Судеты, и каждый свой новый агрессивный шаг будут согласовывать с Англией и Францией, предпринимая его уж, конечно, никак не в ущерб обоим западным партнерам. Залогом, что будет именно так, а не иначе, служила хорошо усвоенная из "Майн кампф" антисоветская программа нацизма, подтвержденная фюрером в его сакраментальной фразе: "Все, что я делаю, направлено против России".

Западные державы не остановило даже то, что Мюнхен кардинально подрывал основы той системы соглашений и союзов, которую они сами возводили в Европе в 30-е годы, и ослаблял их европейские оборонительные позиции, усиливая агрессоров и поощряя их к удару не только на Восток, но и на Запад. В Западной Европе широко распространилось понятие "дух Мюнхена", что означало "понимание нужд Германии", сотрудничество с ней, чтобы всячески удовлетворить эти нужды, а фактически - самое низкое раболепие перед Гитлером, выполнение любых его претензий.

Конечно, создатели "духа Мюнхена" не знали, что в том же октябре 1938 г. "рейхсканцлер и верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии" отдал директиву о подготовке захвата "оставшейся части Чехии". Они, естественно, не могли знать,

что эта директива требовала от вооруженных сил "обеспечить возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии", быстро ее оккупировать и одновременно изолировать Словакию. Но дело теперь состояло не в том, знали или не знали на Темзе и на Сене, в чем состоят ближайшие военно-политические замыслы Берлина, а в том, что созданный на этих берегах "дух Мюнхена" открывал возможность осуществления любого из подобных замыслов.

И в полном соответствии с новым "духом" нацистская клика утрачивала всякое подобие сдерживающих моментов. Вместе с началом подготовки полной оккупации Чехословакии она приступила к решению "польского вопроса", т. е. к созданию кризисной ситуации, которая могла бы привести к новому Мюнхену, но теперь уже в отношении Польши.

III

Осенью 1938 г. в обеих западных столицах, особенно в Лондоне, стали считать, что наступают золотые дни мюнхенского сотрудничества. Чемберлен извлек из дипломатических архивов рожденную еще в начале 30-х годов идею пакта между Англией, Францией, Германией и Италией - тогда ей не суждено было воплотиться в жизнь - и попытался создать на ее основе "всеохватывающий англо-германский союз", который вершил бы всеми делами Европы, конечно, за счет Советского Союза, а заодно и Франции.

При этом британский премьер исходил из подписанной им и Гитлером в Мюнхене англо-германской декларации. Ее он рассматривал как свою великую дипломатическую победу и как "залог мира для поколения", ибо в ней говорилось о "желании наших двух народов никогда более не воевать друг с другом". Он размахивал этой декларацией в лондонском аэропорту после возвращения из мюнхенской Каноссы, ничуть не подозревая, что этот документ очень скоро превратится в такую же никчемную бумажку, как и другие подобные декларации и договоры, подписанные нацистами.

"Мирное наступление" Лондона и Парижа на Берлин ширилось. В французских правительственных кругах родилась великолепная идея: пригласить в Париж "господина Гитлера" и устроить ему торжественную встречу. Так можно было продемонстрировать растущую дружбу между Германией и Францией и недвусмысленно показать, против кого она направлена. Французская реакция шла на многое, чтобы вопреки негодованию, протестам, возмущению широких масс трудящихся, всех прогрессивных элементов страны добиться союза с фашистским рейхом и создать мощный кулак против социализма, рабочего движения, всех левых сил в своей стране и на международной арене.

"Господин Гитлер" соблаговолил направить в Париж министра иностранных дел. Риббентроп был встречен в начале декабря 1938 г. со всеми возможными почестями. В его честь устраивали банкеты и всевозможные приемы. Произносилось множество речей, в которых проклинались "сторонники войны" и коммунисты - все те, кто осмеливается выступать против дружбы Франции с третьим рейхом.

Однако переговоры между Риббентропом и французским министром иностранных дел Боннэ не дали мюнхенцам ничего нового и принесли одни разочарования. Имперский министр долго разглагольствовал о дружбе фюрера с Муссолини, об оси Берлин - Рим как "непоколебимой основе германской внешней политики" и не оставил никаких надежд на успех французских попыток добиться разногласия между фашистскими партнерами, чтобы обеспечить какую-либо поддержку Берлина в диспуте Парижа с Римом по поводу колоний в Африке. Риббентроп недвусмысленно намекнул насчет нежелательности для Германии советско-французского договора 1935 г. о взаимной помощи, который он охарактеризовал как "препятствие на пути сближения между Германией и Францией". Не давая никаких обещаний и обязательств насчет "дружбы и сотрудничества", имперский министр, однако, к полному удовлетворению своего собеседника старательно подчеркивал антикоммунистическую направленность всей внешней политики рейха, и это само по себе вполне устраивало правительственные и дипломатические круги Парижа.

Тем временем на Западе сложилось достаточно твердое убеждение, что следующим шагом Гитлера будет удар на Украину и что последует он через самый непродолжительный срок. Собственно именно этого и желали больше всего западные политики, в этом-то и состояла генеральная линия их дипломатии, определяемая мюнхенским курсом.

Польский посол в Вашингтоне Потоцкий доносил в конце ноября 1938 г. своему правительству о беседе с послом США во Франции Буллитом: "Демократическим государствам потребуется еще по крайней мере два года для полного перевооружения, - говорил Буллит. - Тем временем можно предположить, что германский рейх направит свою агрессию на Восток. Для демократических стран было бы желательно, чтобы там, на Востоке, дело дошло до военного столкновения между Германией и Россией". Буллит утверждал: Германия уже имеет подготовленный и сформированный украинский штаб, который в будущем возьмет в свои руки власть на Украине и должен будет "создать там независимое украинское государство под эгидой Германии"⁶¹.

Советник правительства Англии по вопросам промышленности Горас Вильсон заявил в конце ноября 1938 г. полпреду СССР в Англии: он не ждет в ближайшем будущем войны, в которой Англии пришлось бы принимать участие, так как, по его мнению, Германия не хочет большой войны и, кроме того, "Гитлер взял сейчас в качестве ближайшего этапа линию удара на Восток, в сторону Украины"⁶².

Народный комиссар иностранных дел СССР в письме полпреду во Франции 4 декабря 1938 г. следующим образом оценивал политический курс западных держав: "После Мюнхена Боннэ стремится совершенно освободиться от всяких обязательств и необходимости вмешательства на востоке и юго-востоке Европы, и его отношение к франко-польскому пакту такое же, как и к франко-советскому, т. е. как к документам, фактически недействительным. Это вытекает, очевидно, из концепции, которую усвоил Чемберлен, что будто ближайшей задачей Гитлера является наступление на Советскую Украину"⁶³.

Бывший британский премьер-министр Ллойд Джордж сообщил 6 декабря 1938 г. полпреду СССР в Англии свое мнение о ближайших планах Гитлера: вероятнее всего, он двинется на Восток, прежде всего против Польши, а затем, возможно, против Советской Украины, хотя сейчас он на это не рискнет. Через два дня аналогичную мысль высказал Майскому Вансистерт: "В британских правительственных кругах... сейчас очень популярна концепция, согласно которой ближайший удар Гитлера будет на Восток, в частности против Советской Украины". Те же настроения господствовали в Париже. Полпред СССР во Франции сообщал в наркомат иностранных дел 8 декабря: в правительственных кругах придерживаются точки зрения о серьезности германских приготовлений и намерений в отношении Украины. Гамелен и Мандель считают, что "наиболее вероятным и ближайшим объектом германской экспансии явится Украина"⁶⁴.

Убежденность в том, что в самом недалеком будущем последует удар третьего рейха против Советской Украины, еще больше окрепла в столицах западных держав после подписания 6 декабря в результате визита Риббентропа в Париж франко-германской декларации насчет "мирных и добрососедских отношений между Францией и Германией". Теперь Западу обеспечена длительная мирная передышка, если не мир! Французский посол в Берлине Кулондр 15 декабря направил в Париж обширный доклад, в котором давал развернутый анализ германской политики на будущее: "Стремление третьего рейха к экспансии на Востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе, одно вытекает из другого... Стать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией - таковой в основном кажется концепция, принятая нацистскими руководителями и, конечно, самим Гитлером"⁶⁵.

Посол Польши в Англии Рачинский писал 16 декабря в Варшаву: Чемберлен, употребляя сравнение из области спорта, убежден, что он "защитил английские ворота и перенес таким образом игру на восток Европы"⁶⁶.

Словом, везде и повсюду международная империалистическая реакция ждала скорых плодов своей политики, результатов, как она считала, своей тонкой и дальновидной игры: наступления Гитлера на Восток, столкновения с Советским Союзом. В западных столицах муссировались слухи о якобы предстоящем в ближайшее время вторжении немцев на Украину. Фюреру из Парижа и Лондона как бы подсказывали путь! Подогревались те элементы в самой Германии, которые считали, что прежде всего нужно избрать восточное направление агрессии. Такой концепции придерживались, в частности, Риббентроп и Розенберг, стремившиеся ускорить столкновение на Востоке путем реализации "украинского варианта"⁶⁷.

Однако в конце 1938 г. - начале 1939 г. произошло некоторое уточнение фашистской военно-политической стратегии. Активность Муссолини в средиземноморском районе могла повлечь за собой столкновение обоих союзников с западными державами в самом недалеком будущем и войну в Западной Европе. Чтобы обеспечить себе в этом случае тыл со стороны Польши, гитлеровцы на время снизили активность своих требований к ней.

Еще в октябре 1938 г. Риббентроп поставил перед польским послом в Берлине вопрос относительно "общего урегулирования спорных проблем, существующих между Польшей и Германией", прежде всего о "воссоединении Данцига с рейхом". В обмен обещалось продление на 25 лет декларации 1934 г. и гарантия польско-германских границ. Негативный ответ из Варшавы дал нацистам повод для обострения отношений с Польшей.

Все же теперь они временно притормозили развитие конфликта. Риббентроп, беседуя с Бекком в конце января 1939 г., стал предъявлять претензии к Польше о возвращении Данцига уже в более "умеренной" форме и благосклонно выслушал разглагольствования польского министра иностранных дел насчет претензий Польши на Советскую Украину и на выход к Черному морю. В этом вопросе Риббентроп даже предлагал сотрудничество рейха⁶⁸.

В Лондоне и Париже иллюзии на широкое соглашение с Германией и Италией постепенно рассеивались. Обещания Чемберлена в ближайшем будущем "умиротворить" Европу и "обеспечить мир для поколения" улетучивались, как дым. Колониальные требования Гитлера и Муссолини становились все более настойчивыми и резкими. Фашистская пресса сразу после Мюнхена развернула антианглийскую кампанию, которая шла, все усиливаясь. Быстро развивалось строительство германского военно-морского флота. Берлин и Рим выдвигали все новые претензии захватнического порядка, шокируя мюнхенцев и заставляя их все время вспоминать: ведь фюрер торжественно заявлял, что Судеты будут последним территориальным требованием в Европе! А теперь уже стоял вопрос о Данциге и Мемеле. Муссолини при явном сочувствии своего германского партнера вел антифранцузскую кампанию под лозунгами: "Тунис! Корсика! Савойя!" Обострение итало-французских империалистических противоречий привело к денонсированию их соглашения от 7 января 1935 г. и к усилению конфронтации и Средиземноморье.

Словом, мюнхенские миражи постепенно растворялись, и наступающее отрезвление оборачивалось мрачными предчувствиями. В последних числах января 1939 г. министр иностранных дел Англии телеграфировал послам во Франции и Бельгии: "Есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер, подбадриваемый Риббентропом, Гиммлером и другими, изучает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке"⁶⁹. В Лондоне и Париже начали бить тревогу. Однако решение "ускорить, насколько возможно, подготовку своих оборонительных и контрнаступательных мер" все-таки не уменьшило надежд на эффективность и правильность мюнхенской политики. После речи Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г., в которой он потребовал возвращения Германии ее прежних колоний и заявил, что любая война, по каким бы причинам она ни возникла, поставит Германию на стороне Италии, иностранные наблюдатели в Лондоне отметили, что Чемберлен готов к новой капитуляции, к Мюнхену № 2.

Вместе с тем еще больше активизировалась политика наталкивания фашизма на СССР. Как сообщал 10 февраля полпред Советского Союза во Франции, план Боннэ состоял в том,

чтобы с помощью Англии и Германии достигнуть соглашения с Италией, а Гитлеру дать "удовлетворение на Востоке". В интимных беседах Боннэ не скрывал, что "без жертв на Востоке не обойтись"⁷⁰. Политика "умиротворения" оставалась генеральным внешнеполитическим курсом Англии и Франции.

Однако тревога Лондона и Парижа о будущем мюнхенской конструкции увеличивалась.

Раньше всего отрезвление стало наступать во Франции: дружбы с рейхом как-то не получалось, а между тем Мюнхен решительно подорвал ее систему европейских оборонительных позиций. Франция лишилась своего главного союзника в Центральной Европе, ослабила связи с Советским Союзом и позволила резко усилиться агрессору, который граничил с Францией. Рейн и "линия Мажино" вряд ли могли заменить взорванную систему политических союзов.

Общее резкое изменение в пользу Германии баланса военно-политических и военно-стратегических сил в Европе в результате Мюнхена передавало гитлеровцам инициативу в проведении дальнейших агрессивных акций. Чем более в Берлине и Риме ощущали, что пределы уступчивости обоих западных партнеров отодвигаются все дальше, тем обширнее становились планы.

Конечно, ни в Лондоне, ни в Париже в те дни опять-таки никто не знал, что Гитлер на совещании с высшими представителями военного, экономического и партийного руководства 8 марта 1939 г. изложил дальнейший курс военно-политической стратегии рейха: не позднее 15 марта вся Чехословакия будет оккупирована германскими войсками. Затем последует Польша. Здесь Гитлер не ждал сильного сопротивления. Падение Польши сделает "после соответствующего давления" более сговорчивыми Венгрию и Румынию, "которые включаются в жизненно необходимое пространство Германии". Тогда рейх будет полностью контролировать их обширные сельскохозяйственные ресурсы и нефтяные источники. То же самое относится к Югославии. "Это план, - подчеркнул Гитлер, - который будет осуществлен до 1940 г. И тогда Германия станет непобедима". Что же дальше? "В 1940 и 1941 гг. Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом - Францией. Эта страна будет стерта с карты Европы. Англия - старая и хилая страна, ослабленная демократией. Когда Франция будет побеждена, Германия с легкостью установит господство над Англией и получит тогда в свое распоряжение богатства и владения Англии во всем мире"⁷¹.

Программа стала выполняться с нарастающей скоростью.

15 марта 1939 г. вермахт вторгся в неоккупированную часть Чехословакии, а еще через несколько дней захватил Мемельскую область. Рейх нанес новый тяжелый удар Англии и Франции в Центральной и Восточной Европе. Ответом встревоженных лидеров английского и французского правительств стали военные гарантии обеих стран Польше. В западных столицах были потрясены: фюрер открыто нарушил мюнхенское соглашение, злоупотребил доверием, развеял надежды на соглашение и умиротворение.

Французский посол в Берлине Кулондр писал в Париж 19 марта: "Мы находимся перед совершенно новым положением. Немцы перешли от политики экспансии к политике завоеваний. На заднем плане - чисто военный милитаризм..."

Ощутит ли Гитлер ввиду поднявшейся волны негодования, вызванного его поведением, и после того как он в течение одного года подчинил себе 18 млн. новых подданных, в их числе 8 млн. человек, чуждых им и по языку и происхождению, ощутит ли он потребность в передышке? Или он, скорее, используя приобретенную быстроту действий и ошеломляющее впечатление на среднеевропейские государства, продолжит свое продвижение в восточном направлении? Не окажется ли для него соблазнительным обернуться на Запад и наконец задушить сопротивление западных держав, которые мешают его свободе действий на Востоке? Другими словами, не соблазнится ли фюрер тем, чтобы возвратиться к первоначально высказанной в его книге "Майн кампф" концепции, которая, между прочим, полностью совпадает с классическими принципами немецкого генштаба о том, что рейх

свою историческую задачу на Востоке выполнит лишь после разгрома Франции и после того, как в результате этого (т. е. разгрома Франции. - Д П.) Англия будет лишена власти на континенте"⁷².

Теперь мюнхенская политическая карта была бита окончательно. Перед всем миром гитлеровцы дали пощечину своим западным партнерам. Они отшвырнули и растоптали соглашение, свои обещания и обязательства насчет гарантий "новых чехословацких границ", взаимных консультаций для рассмотрения политических вопросов, "содействия миру в Европе" и т. д. "Мюнхенские соглашения больше не существуют", - печально резюмировал Кулондр в своем докладе министру иностранных дел 19 марта 1939 г.

Захват Чехословакии, означавший новое усиление германских политических и стратегических позиций в Европе, казалось, должен был стимулировать изменение внешнеполитического курса Англии и Франции в сторону сближения с антифашистскими силами Европы, прежде всего с Советским Союзом. Но самое поразительное состояло в том, что март 1939 г. в принципе не сдвинул Париж и Лондон с основного фундамента мюнхенской политики. Он лишь несколько усложнил ее: с одной стороны, еще больше активизировались попытки направить германскую агрессию дальше на Восток, а с другой - началась серия дипломатических маневров со странами Восточной и Юго-Восточной Европы, имевших целью прежде всего косвенно "нажать" на третий рейх, повысить в его глазах столь низко павшую цену своей дипломатии и своего политического авторитета. Центральное место в этих маневрах заняли переговоры Англии и Франции с Советским Союзом, начавшиеся в апреле и служившие маскировкой политике соглашения с Германией и Италией.

Достаточно быстро оценив реакцию Запада, в Берлине решили, что можно приступить к подготовке следующего шага. Снова на первый план выдвигается так называемая польская проблема.

Политика Польши, длительное время носившая воинственно-антисоветский характер, была вместе с тем направлена на союз с Берлином. Покуда в столице рейха не считали выгодным обострять германо-польские отношения, претензии сопровождались примирительными жестами и облачались в формулы, похожие на нормальные дипломатические демарши. Но когда после захвата Чехословакии вскоре снова в Лондоне и Париже прозвучали тона капитуляции, обманчиво-спокойные звуки нацистского политического оркестра опять сменились барабанным боем.

Смысл гитлеровской тактики заключался в постоянном выдвижении все новых требований, которые Польша заведомо не могла бы принять. В результате отказа польской стороны удовлетворить германские притязания на Данциг, "польский коридор", Верхнюю Силезию и т. п. рейх расторгнул германо-польский пакт от 26 января 1934 г. о ненападении. Нагнетая кризис, Германия вместе с тем все более определенно требовала от западных держав возврата колоний, разорвала военно-морские соглашения с Англией и все активнее втягивала в свою орбиту Румынию, навязав ей так называемый "экономический договор". Он означал дальнейшее усиление германских позиций в Юго-Восточной Европе и свидетельствовал, что британским и французским позициям в Европе нанесен еще один удар. Германия заняла преобладающие позиции в Дунайском бассейне.

Весной 1939 г. в Париже и Лондоне становилось очевидным, что Гитлера интересует далеко не только "воссоединение" земель с немецким населением. Он дал западным "умиротворителям" неплохой урок того, к чему приводит двуличная и близорукая политика сговора с агрессором. Повсеместно становилось очевидным: следует ожидать все новых и новых ударов. В Лондоне и Париже начались мучительные гадания: куда раньше двинется Германия: на Запад, Восток, Юго-Восток?

А Берлин действовал по своей программе. 3 апреля ОКВ издало "Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне", приложением к которой был план "Вейс" - план войны против Польши. Добавление к плану, подписанному Кейтелем, гласило: "Подготовку следует провести таким образом, чтобы операцию можно было осуществить в любое время,

начиная с 1 сентября 1939 г."

На 23 мая высших военных руководителей третьего рейха пригласили на секретное совещание, где им предстояло услышать принципиальные указания фюрера о дальнейшей политической и военной стратегии.

IV

К зданию новой рейхсканцелярии в Берлине один за другим подъехали несколько лимузинов. Вышедшие из машин руководители германских вооруженных сил направились к подъезду. Часовые у тяжелых дубовых дверей сделали "на караул". Генералы прошли через большой зал, увешанный картинами, гобеленами.

Повернув направо, они оказались в обширной приемной. В центре - круглый стол, у стен серванты (кофе, шнапс, бутерброды). Высокие двери. Они плотно закрыты. Барельеф сверху, изображающий две буквы: А и Г. Охрана - офицеры СС. Все почтительно поглядывают на двери: знают, кто находится за ними и какого рода дела там вершатся.

Все расположились в приемной. Сегодня, 23 мая 1939 г., они, конечно, не первый раз в рейхсканцелярии. Особенно гросс-адмирал Редер, который держался несколько замкнуто.

Редер прекрасно сознавал свое исключительное положение во всей этой группе и в милитаристской иерархии империи Гитлера вообще. Он - признанный создатель военно-морских сил третьего рейха, "спаситель германского флота" после первой мировой войны, один из главных военных советников фюрера. Он - "почетный доктор философии", кавалер высших орденов, командующий флотом. Конечно, Эрих Редер не молодой офицер "фюрерской закваски", Все знали, что еще в начале своей карьеры он обласкан кайзером, оценившим его военно-литературные способности. Вильгельм II приглашал его для дискуссий на свою яхту. Знали также, что железный крест 1-й степени Редер получил в морском бою 1915 г. и что в тяжелый период Веймарской республики он возглавил нелегальное строительство флота, бесцеремонно нарушая все главные военные статьи Версальского договора. Но в том-то и дело, что Редер доказал, как близки "идеи фюрера", его программа и вся нацистская "философия" не только молодому поколению военных, но и ветеранам. В этой невысокой, маловыразительной фигуре, в этих холодных недобрых глазах таился большой заряд энергии. Редер первый раз был на приеме у Гитлера еще в феврале 1933 г., сразу после прихода нацистов к власти. Он сумел быстро завоевать абсолютное доверие фюрера, ибо разделял его планы.

И вот 63-летний гросс-адмирал, получивший высшее морское звание лишь полтора месяца назад, стоит у окна в приемной Адольфа Гитлера. Он знает: совещание, которое начнется через несколько минут, и для него, и для других стоящих и сидящих здесь неподалеку станет началом решающего этапа всей их жизни и военной карьеры.

Эти другие, стоявшие и прохаживавшиеся в приемной, за исключением Геринга, лишь недавно стали полноправными посетителями рейхсканцелярии. Только год назад, после того как фюрер внезапно сместил прежних руководителей армии, Браухич, Кейтель и другие неожиданно оказались на высших постах.

Вальтер фон Браухич в свои 58 лет получил должность главнокомандующего сухопутными силами. Его назначение вызвало различные толки: почему Браухич согласился занять место Фрича, уволенного в результате хорошо известных ему, Браухичу, клеветнических обвинений? Почему он ни словом не возразил Гитлеру? Почему не отстоял "честь офицерского корпуса"? Но дело в том, что фюрер просто купил командовавшего тогда 4-м округом Браухича: переслал ему через Геринга крупную сумму денег "для бракоразводного процесса". Браухич, который действительно вел трудный процесс, промолчал и сел в кресло своего опозоренного давнего знакомого.

Гитлеру нужен был этот офицер: он типичный прусский военный, пользующийся доверием армии, не очень самостоятельный и волевой и достаточно убежденный национал-социалист. У него в запасе солидный опыт: в первую мировую войну - он офицер Большого генерального штаба, после Версаля - инспектор артиллерии, командир дивизии и, наконец,

командующий округом сначала в Кенигсберге, потом в Лейпциге. Своеобразный приход Браухича на должность так и остался за ним по меньшей мере как "нереспектабельный". Деньги помогли закрыть рот и без того молчаливого Браухича, сделать его еще более преданным и верным вплоть до того дня, когда фюрер отправил в отставку и его, Браухича. Но это произошло намного позже. Мы не собираемся забегать вперед.

Находившийся тут же начальник штаба сухопутных сил Гальдер, безусловно, наравне с начальником штаба оперативного руководства Йодлем представлял собой главный мотор штабного механизма армии. Педантичный, размеренный, четкий, он работал как хорошо смазанная машина. Это был стратег кабинетного толка, тип которого выработали за много лет германские высшие штабы. Без такого начальника штаба, до краев переполненного оперативными идеями в духе Мольтке Шлиффена, без этой аналитической машины, способной суммировать данные, выдавать оценки и подсказывать решения, но только по одной, заданной программе, германская армия не обходилась за последние десятилетия никогда. Гальдер - баварец, а не пруссак, и это - нарушение традиции. Но его "национал-социалистское мышление" и профессиональный опыт позволили занять пост, издавна считавшийся германскими милитаристами вершиной человеческой деятельности.

Правда, и Гальдер порой сомневался. Видимо, чутье подсказывало ему, что тот аппарат, который подготовлен, недостаточен для выполнения возлагаемой на него миссии. После войны Гальдера кое-кто причислил даже к участникам заговора против Гитлера чуть ли не с 1938 г.: по словам некоторых его поклонников, он носил тогда в кармане брुक пистолет, чтобы убить фюрера. Однако точно известно, что ни тогда, ни позже ничто не могло дать повода для причисления его к сторонникам сопротивления. А если сопоставить реально сделанное Гальдером на пользу гитлеровского режима в годы, когда вермахт завоевывал Европу (Гальдер был уволен с поста осенью 1942 г.), с теми данными, которые составляют основу легенды о его оппозиции, то вывод, кто такой Гальдер и сколь значительна его роль в осуществлении гитлеровской программы завоевания Европы, более чем ясен. Однако сейчас Гальдер находился в расцвете карьеры. Вместе с другими он ждал указаний фюрера.

Здесь же находился Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного командования, человек, номинально обладавший колоссальной властью. Кейтель был задуман как некая промежуточная фигура, своего рода буфер между штабами армии, флота, авиации и вместе с тем как некая надстройка над ними. Он не решал крупных стратегических вопросов - для этого на заднем плане всегда стояла незаметная молчаливая фигура гораздо более подготовленного в военно-стратегическом отношении Йодля

От Кейтеля требовалось быть символом верховного командования и абсолютно преданным фаворитом Гитлера, способным высушивать его длинные речи, а затем, выжимая оттуда главное, составлять приказы от имени фюрера, не гнушаясь ничем и не останавливаясь ни перед чем. Самые варварские, свирепые приказы гитлеровской ставки шли в военные годы за подписью Кейтеля. На основе этих приказов затем погибли многие миллионы невинных людей. Его задача состояла в том, чтобы служить тенью фюрера, соглашаться с ним и надзирать за другими. Со всем этим он успешно справлялся. Сфера его практической деятельности находилась где-то на границе между политикой и стратегией, в области полицейских функций и в различных организационных проблемах.

Он приближался к шестидесяти. Внушительная фигура, властный взгляд и громкий голос делали его вполне подходящим для "представительства". Некогда Кейтель командовал артиллерийской батареей, участвовал в битве на Марне и в других сражениях первой мировой войны. Он дослужился до командира пехотной дивизии. В 1935 г. последовал головокружительный взлет: он стал начальником управления вооруженных сил в военном министерстве, а с 1938 г. начальником штаба ОКВ. Однако на своем фельдмаршальском посту он не представлял собой ничего. У него никогда не было своих идей. Он был фактически посредственностью, но был необходим именно в силу своей посредственности. Рабская преданность Гитлеру, полная благосклонность последнего, возможность

действовать, не чувствуя на плечах груза чрезмерной ответственности и не особенно страшась ошибок, обещали Кейтелю длительную и успешную карьеру.

Так вся эта компания сидела или прохаживалась, тихо переговариваясь между собой, пока не открылась высокая дверь под барельефом "АГ" и появившийся изнутри шеф-адъютант фюрера подполковник Шмундт не сказал многозначительно: "Фюрер просит!" Все быстро и с особо усердными лицами вошли. Впереди Геринг, за ним остальные, строго по чинам и должностям.

Теперь они оказались в так называемом большом рабочем кабинете Гитлера.

Это было нечто чрезмерное. Первое, что бросалось в глаза, состояло в том, что дистанции от пола до потолка и между стенами совершенно не отвечали предназначению и названию зала: быть рабочим кабинетом. Вошедшим сначала трудно было обнаружить хозяина, стоящего посреди зала на бесконечном, толстенном, с какими-то геометрическими узорами, ковре. От всего этого "величия" так и разило духом потерявшего всякую меру от сознания своей власти мещанства, стремящегося показать: "все могу, что захочу, включая завоевание всего мира".

Обычно встречи подобного рода сводились к заслушиванию длинных речей Гитлера и к выражению присутствующими своего полного одобрения.

Совещание 23 мая 1939 г. не составляло исключения, хотя и было особенным: именно здесь, в новой рейхсканцелярии, перед самым узким кругом военных руководителей, Гитлер дал прямое указание о развязывании войны.

Его речь, продолжавшаяся несколько часов и дошедшая до нас в записи Шмундта, означала принципиальную установку для политики третьего рейха на ближайшее время, когда германский фашистский империализм окончательно решил закончить 20-летний мирный период истории Европы.

Гитлер заявил, что военное столкновение с Англией и Францией неизбежно эти страны не допустят "разрешения Германией ее экономических проблем". Война на Западе приведет также к столкновению с Польшей, которая опасается усиления Германии. Поэтому необходимо прежде всего "при первой благоприятной возможности" напасть на Польшу. Но война с ней может иметь наибольший успех лишь в том случае, "если Запад останется в стороне". Если же не удастся изолировать Польшу от Англии и Франции, то придется "вступить против них в борьбу и одновременно рассчитаться с Польшей".

Целью войны является "захват жизненного пространства", завоевание сырьевых и продовольственных ресурсов. "Это невозможно осуществить без вторжения на территорию иностранных государств и захвата их собственности". Тут же вносилась полная ясность в суть поднятой рейхом пропагандистской шумихи насчет вольного города Данцига: "Вопрос о Данциге - не предмет серьезного спора. Данциг совершенно не является вопросом обсуждения. Это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке, обеспечения продовольственного снабжения и разрешения балтийской проблемы".

Гитлер считал столкновение с западными державами в результате нападения Германии на Польшу нежелательным, но весьма возможным. "Мы не можем ожидать повторения чехословацких событий. Война неизбежна. Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу. Успех изоляции будет решающим. Не должно быть одновременного конфликта с западными державами". Но, если Германии придется вести войну с Англией и Францией одновременно с войной против Польши, тогда наряду с быстрым разгромом польского государства необходимо нанести удары на Западе. "Конфликт с Польшей... будет успешно разрешен в том случае, если западные державы останутся вне его. Если это будет невозможно, то лучше всего начать наступление на Западе и одновременно разрешить вопрос с Польшей... Англия - наш враг, и вооруженный конфликт с ней явится борьбой не на жизнь, а на смерть".

У Гитлера имелась готовая стратегия войны с Англией, взятая еще из опыта старых "торговых войн" и первой мировой войны. Победа над Британией может быть достигнута блокадой. "В случае, если пути снабжения Англии продовольствием будут отрезаны, ей

придется капитулировать... Если германские военно-воздушные силы атакуют территорию Англии, то Англия не будет вынуждена сразу капитулировать, но, если потерпит поражение ее флот, она немедленно капитулирует".

Главное условие быстрой победы над Польшей - внезапное нападение и мощный первый удар. "Нет никакого сомнения в том, что внезапное нападение может привести к быстрому результату. Нужно приложить все силы к тому, чтобы с самого начала наступательных действий нанести противнику сильнейший, последний решающий удар". И далее: "Необходимо мастерски использовать элемент внезапности".

В основе стратегии лежит принцип скоротечной победы, однако не исключена перспектива длительной войны против западных держав, к которой необходимо готовиться. После занятия территории Франции, Бельгии, Голландии Англию можно будет "блокировать при помощи военно-воздушных сил с близко расположенных баз Западной Франции".

Аудиенция кончилась, Гитлер попрощался, и все они, опять мягко ступая по ковру, вышли из кабинета строго по чинам и должностям.

Речь Гитлера перед высшими генералами вооруженных сил отражала "детально разработанный политический курс агрессии мирового масштаба, курс жаждущих войны монополистов, банкиров и разбогатевших нацистских бюрократов"⁷³.

На совещании 23 мая в "рабочем кабинете" как бы присутствовали они все. Говорил один фюрер, но от имени всех, кто ввел его сюда. Они могли быть довольны. Фюрер оправдывал надежды.

Надолго ли? Кто из них мог знать в этот майский день 1939 года, какой конец ожидает их всех ровно через шесть лет, в такие же майские весенние дни?

V

В середине апреля 1939 г. по инициативе Советского Союза начались трехсторонние советско-англо-французские переговоры о заключении оборонительного союза против агрессии в Европе.

Обе западные державы, вступившие в эти переговоры под давлением общественного мнения своих стран, на самом деле никак не стремились к соглашению. Английское правительство не хотело действительного сотрудничества с Советским Союзом, а французское шло в фарватере британского политического курса. Многочисленные документы, в частности важнейшие материалы, опубликованные в 1971 г. Министерством иностранных дел СССР, неопровержимо свидетельствуют о том, что английское правительство не желало заключения договора с Советским Союзом о взаимной помощи в отпоре германской агрессии⁷⁴. Более того, оно стремилось использовать переговоры с Советским Союзом в качестве средства давления на Гитлера, чтобы побудить его к сотрудничеству с Англией. Одновременно с переговорами в Москве представители Лондона вступили в секретные контакты с третьим рейхом о широком англо-германском сотрудничестве и разделе сфер влияния в мире, причем Восточная и Юго-Восточная Европа должна была войти в германскую "сферу". В этом плане многочисленные гарантии, которые стала раздавать Англия, прежде всего Польше, представляли собой лишь средство нажима на Гитлера, чтобы заставить его быть "сговорчивее" с Лондоном.

Советский Союз оказался в чрезвычайно сложной обстановке. Во-первых, стало совершенно очевидным, что Англия и Франция не пойдут на создание вместе с СССР системы коллективной безопасности и не примут на себя обязательства на равных условиях с Советским Союзом препятствовать агрессии. Во-вторых, не имелось сомнений в том, что весь политический курс обеих западных держав по-прежнему направлен на возможную сделку с агрессором прежде всего против СССР. В-третьих, Советский Союз был, естественно, обеспокоен готовящимся нападением Германии на Польшу, реакционные правители которой давно и последовательно вели антисоветский политический курс. В случае военного поражения Польши гитлеровские армии в короткий срок вышли бы непосредственно к жизненно важным центрам СССР, и в тех условиях не существовало

гарантий, что фашизм не начнет авантюру против Советского Союза. В-четвертых, учитывая весь курс англо-французской политики, Советский Союз должен был считаться с тем, что в случае антисоветской агрессии обе западные державы, особенно Англия, будут не на стороне СССР, и он сразу окажется перед единым империалистическим фронтом. В-пятых, на Дальнем Востоке уже шли военные действия с Японией, и они грозили превратиться в борьбу широкого размаха, что поставило бы СССР перед необходимостью вести войну на два фронта.

В такой обстановке, убедившись в полной невозможности достигнуть желаемого договора с Англией и Францией, Советский Союз принял предложение Германии заключить пакт о ненападении. Эта мера позволила Советскому Союзу ликвидировать угрозу единого империалистического блока, остаться вне войны, которая вскоре разгорелась внутри империалистического мира, создать "Восточный фронт" против гитлеровской агрессии, погасить очаг конфликта на своих восточных границах, лучше подготовиться к отпору фашистской агрессии.

Обострение противоречий между Германией и Англией не позволило последней добиться желаемого "всеохватывающего" союза. Исследование этой проблемы, проведенное марксистской исторической наукой, особенно в трудах советских специалистов В. Г. Трухановского, И. Д. Овсяного, неопровержимо доказывает, что британская схема во многом приближалась к германской. "Из Лондона германскому фашизму предлагали огромные уступки, но в Берлине мечтали о большем - о завоевании единоличного господства над миром и поэтому уклонялись от принятия английских предложений"⁷⁵.

Приближался конец лета, и вместе с ним наступал срок, намеченный фашистской верхушкой для нападения на Польшу. Благоприятствовала ли международная обстановка новому акту агрессии в Европе? Что думали об этом в Берлине?

Центральная проблема германской "большой стратегии" на последнем этапе перед второй мировой войной заключалась не столько в том, чтобы отыскать кратчайшие пути к победе над Польшей - в рейхсканцелярии и в генеральных штабах не сомневались: вермахт добьется на Востоке быстрого успеха, - сколько в определении возможной позиции Англии и Франции при нападении Германии на Польшу.

Война с Францией и Англией составляла одну из важных составных частей программы завоевания мирового господства. Но германские стратеги не хотели начинать эту схватку во время агрессии против Польши. Они предпочитали и дальше вести дела таким образом, чтобы громить и поглощать европейские страны порознь, последовательно, одну за другой, отделяя всех друг от друга.

Проблема сводилась к вечному и всегда сверхострому для Германии вопросу: война на один фронт или против коалиции держав, мощь которых будет возрастать?

Для политиков и стратегов третьего рейха эта центральная проблема оказалась нелегкой. Они понимали вероятность вступления Англии и Франции в войну при нападении Германии на Польшу, но и верили в возможность какого-то нового Мюнхена. Партийная и военная верхушка отдавала себе отчет: конфликт с западными державами во время польского похода может оказаться неизбежным. Но со свойственным ей стремлением верить больше в желаемое, чем в действительное, она думала и о возможности локализовать его.

11 апреля появился вариант директивы "Вейс" за подписью Гитлера. В нем излагалась основная политическая установка: ограничиться войной с Польшей. Такая возможность, по мнению Гитлера, существовала "в связи с внутренним кризисом во Франции и логически вытекающей отсюда сдержанностью Англии"⁷⁶. Но следующая его директива - от 10 мая - содержала указание германскому флоту и авиации подготовиться к непосредственному началу экономической войны против Англии и во вторую очередь против Франции путем блокады их с моря и массированных воздушных налетов "на те экономические центры, разрушение которых сильнее всего подорвет военно-экономическое положение противника"⁷⁷.

Специальная инструкция Редеру гласила: "Флот должен провести свою собственную подготовку к войне против британского и французского торгового судоходства... За разрешение этой проблемы надо браться в соответствии с существующей политической ситуацией и с учетом возможных коалиций противника в военное время"⁷⁸.

Следовательно, война с коалицией еще в ходе агрессии против Польши, примерно с мая 1939 г., стала считаться одним из вероятных вариантов конфликта.

Изменение оценок от апреля до мая определялось тем, что правящие круги Англии и Франции, обеспокоенные угрозой дальнейшей экспансии рейха в Юго-Восточную Европу и под нажимом общественного мнения в своих странах, именно в это время дали гарантии помимо Польши еще Румынии, Греции.

Гросс-адмирал Редер и его штабные офицеры знали: флот не имеет сил, необходимых для сколько-нибудь успешной длительной борьбы против Англии. Действующий германский план строительства флота предусматривал, что только в 1944-1945 гг. войдет в строй число судов, достаточное для активной борьбы на обширных морских коммуникациях Великобритании. Но Гитлер не собирался ждать. Он считал, что вероятные противники за столь длительный срок намного усилятся и тогда воевать с ними будет вообще невозможно.

Несмотря на усложнение ситуации, Гитлер и его советники все же считали, что имеется и много благоприятных шансов. После Мюнхена фюрер вынес твердое убеждение: "такие люди, как Чемберлен и Даладье, не сделают второй мировой войны". Он издевательски сравнивал их с неким хилым существом, вооруженным пулеметами, пушками и т. д. У него оставалось много надежд, что все ограничится угрозами, бряцаньем оружия и торжественными заявлениями, но что курс политики попустительства агрессии, проводимый Англией и Францией во второй половине 30-х годов, не изменится и после вторжения в Польшу, несмотря ни на какие договоры и гарантии. Ведь англо-французская коалиция ни в политическом, ни в военном отношении еще не создана. Если атаковать Польшу немедленно и добиться ее молниеносного разгрома, то не исключен шанс поставить Лондон и Париж перед свершившимся фактом, удержать обе страны от вступления в войну или, на худой конец, оттянуть его. Но политическая ситуация в Европе все же заставляла считать реальными и противоположные оценки.

12 и 13 августа Гитлер и Риббентроп совещались с итальянским министром иностранных дел Чиано. Фюрер вновь заявил о неизбежности столкновения с западными державами и предложил Италии совместно с рейхом вступить в войну. Итальянский представитель Шпигель согласился, что конфликт с Польшей вырастет во всеобщую европейскую войну, но участвовать в ней отказался, сославшись на неготовность Италии.

Оценивая пеструю мозаику международных отношений, Гитлер и партийная верхушка все же надеялись избежать войны против коалиции держав, рассчитывая, что в британском и французском правительствах в решающий момент возобладают капитулянтские тенденции мюнхенского толка.

В итоге все более или менее согласились с мнением, что во время похода в Польшу война на Западе вряд ли начнется, но все-таки нужно быть готовыми и к худшему варианту.

22 августа в Оберзальцберг были созваны все высшие военные руководители третьего рейха. В двух речах, следовавших одна за другой с перерывом на обед, Гитлер уточнил свои планы. Теперь еще увереннее, чем раньше, он подчеркивал реальность невмешательства Англии и Франции во время нападения на Польшу. Он с крайним пренебрежением отзывался о военных возможностях обеих западных держав: в Англии нет настоящего вооружения; флот не готов; армия тем более; зенитная артиллерия - всего 150 орудий. "В Англии надеются, что конфликт начнется только через 2-3 года... Это говорит о том, - делал он вывод, - что Англии не хочет действительно помогать Польше... Она не станет рисковать". Что касается Франции, то Гитлер теперь считал, что и она "не хочет влезать в эту авантюру"⁷⁹.

На основании таких политических мотивировок Гитлер потребовал немедленных смелых действий против Польши, независимо от позиции западных держав. "Будем

обороняться на Западе, пока не завоем Польшу"⁸⁰. И далее: "В настоящее время еще возможно, что Запад не будет вмешиваться. Мы должны пойти на риск с непоколебимой решимостью... Уничтожение Польши на первом плане... Даже если на Западе начнется война, уничтожение Польши - на первом плане... Быть быстрым такова главная задача. Преследовать до полного уничтожения"⁸¹.

Итак, перед началом войны генералы и Гитлер не исключали, что западные державы не вступят в борьбу. Их надежды могли быть верны лишь в том смысле, что довоенная политика попустительства агрессору и недостаточная готовность действительно могли удержать Англию и Францию от вступления в войну в ближайшее время. Но просчет крылся в оценке перспектив: резкое усиление Германии в Европе неизбежно задевало самые глубокие политические и экономические интересы империалистических кругов обеих держав. Раньше или позже, но развитие противоречий должно было привести обе страны к активному выступлению против Германии, а следовательно, к коалиционной войне.

К такой войне германский фашизм в 1939 г. не был вполне готов, хотя добился за предвоенные годы очень многого на пути милитаризации страны. Из 100-тысячной армии в 10 дивизий он развернул в 1939 г. вооруженные силы в 2,75 млн. человек с 10 тыс. орудий, 3,2 тыс. танков и более чем 4 тыс. самолетов, значительный флот. Но и с такими силами вермахт не мог вести длительную войну мирового масштаба против коалиции держав. К ней оказалась недостаточно подготовленной и военная экономика Германии. Несмотря на "четырёхлетние планы", в сентябре 1939 г. германская промышленность зависела от ввоза из-за границы: бокситов - на 99%, каучука - 80, меди - 70, олова - 90, никеля - 95, свинца - на 50% и т. д., не говоря уже о нефти, которой третий рейх вообще практически не имел⁸².

Выпуск военной продукции также не отвечал требованиям длительной войны мирового масштаба. Если индекс производства вооружения в 1942 г. принять за 100, то в сентябре - декабре 1939 г. он составлял в среднем 63, причем по танкам - лишь 5, а по остальным видам вооружения - 63⁸³.

Силы флота рассматривались самими его руководителями как совершенно недостаточные для войны против Англии. По предвоенным расчетам командующего подводными силами Деница, требовалось 300 подводных лодок, а имелось только 5784. Германский генеральный штаб не смог согласовать оперативное планирование с военно-экономическими расчетами. Все надежды возлагались лишь на успешный "блицкриг".

Известно, что только выдающиеся государственные деятели способны видеть далеко вперед. Гитлеровская диктатура, несмотря на ее претензии, не имела и абсолютно не могла дать людей подобного рода. Но генеральные штабы, опираясь на сумму имеющихся у них разнообразных данных, обязаны трезво оценивать хотя бы ближайшие перспективы, а главное - мыслить достаточно независимо, чтобы уметь доказать политическому руководству свое мнение. Германский генеральный штаб, во всем единый с гитлеровской диктатурой, нацистской идеологией и доктриной, органически не мог так мыслить. Он недооценил возможности вероятных противников и тем продемонстрировал присущий высшему органу германского милитаризма оказавшийся необычайно устойчивым авантюризм.

Штаб верховного главнокомандования вооруженных сил предложил развернуть армию в составе 107 дивизий на Восточном и Западном театрах: против Польши 57 дивизий, 2 тыс. танков и 2 тыс. самолетов, на Западе - 33 дивизии, ни одного танка и 1,5 тыс. самолетов, в резерве ОКХ - 17 дивизий⁸⁵.

Направляя главные силы против Польши, ОКВ создавало на Западном театре только слабое сухопутное прикрытие, но зато оставляло там значительные силы авиации для борьбы с англо-французской авиацией в случае ее активных действий.

Если Англия и Франция все же выступят сразу после начала германского вторжения в Польшу, предусматривалась переброска с востока на запад дополнительных сил авиации. Приказ Геринга командующим воздушных флотов гласил: "Если при возникновении войны на Западе не потребуются прекратить операцию "Вейс" (т. е. войну против Польши. - Д. П.),

то предназначенные для нее силы нападения с воздуха будут держаться наготове для переброски их на Запад". "Силы нападения" включали авиацию 4-го воздушного флота - 550 самолетов.

Очевидно, если бы Англия и Франция выполнили свои обязательства о военной помощи Польше, то ее положение в сентябре 1939 г. было бы существенно облегчено, так как свыше 25% состава германской авиации Гитлер направил бы на Западный фронт.

Но события развивались иначе.

VI

Агрессией против Польши германский империализм надеялся сделать первый шаг к осуществлению своих давних намерений по колонизации Востока, порабощению славянских народов и стран Восточной Европы, расширению "жизненного пространства" за счет Польши, а затем - Советского Союза. Оккупация польских земель составляла первую фазу этого казавшегося вполне выполнимым плана, который одновременно предусматривал так называемую германизацию Польши, иными словами, истребление значительной части населения страны, эксплуатацию ее ресурсов. "Наш долг - обезлюдить страну", - говорил еще в 1932 г. Гитлер тогдашнему президенту сената Данцига Раушнингу о Польше⁸⁶. Создав таким путем обширный плацдарм, фашисты предполагали, что в дальнейшем, накопив силы, они приступят к реализации второй, главной и конечной фазы "восточного плана" - нанесению удара из "немецкой Польши" по Советскому Союзу.

"Задачей германских вооруженных сил, - указывало в директиве "Вейс" германское верховное командование, - является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок в день, предшествующий нападению"⁸⁷.

Сухопутным силам предстояло провести одну стратегическую операцию, чтобы окружить польскую армию восточнее Вислы. И этой одной-единственной "молниеносной операцией" ОКВ - ОКХ предполагали достигнуть полной победы. "Операцию надо подготовить так, - говорилось в плане "Вейс", - чтобы можно было выступить сначала наличными силами, не ожидая планомерного развертывания отобилизованных соединений. Необходимо скрытно занять этими силами исходные позиции непосредственно перед днем начала наступления"⁸⁸.

Военно-воздушные силы обеспечивали "внезапное нападение авиации на Польшу, оставив необходимые силы на Западе"⁸⁹. Помимо уничтожения в кратчайший срок польских ВВС, германской авиации предстояло воспрепятствовать проведению польской мобилизации и сорвать планомерное стратегическое сосредоточение и развертывание польской армии.

Срок начала агрессии - 1 сентября - определялся не случайно. Гитлер говорил: "Нельзя терять времени. Чем больше мы будем ждать, тем больше трудностей мы встретим при проведении военных операций в Восточной Европе. После середины сентября условия погоды сделают невозможными какие-либо военно-воздушные операции над этой территорией. Состояние дорог таково, что они быстро превращаются в море грязи после осенних дождей. Это делает также невозможным использование дорог моторизованными силами"⁹⁰.

Генеральный штаб сухопутных сил рассчитывал уничтожить польскую армию прежде, чем она завершит мобилизацию и сможет сосредоточиться западнее линии Висла - Нарев. Инструкция по стратегическому развертыванию от 20 мая 1939 г. раскрывала суть замысла: "Командующий сухопутными силами намеревается вести наступление против массы польских войск, находящихся западнее линии Нарев Висла, концентрически, группой армий "Север" из Померании - Восточной Пруссии и группой армий "Юг" из Силезии". Задачи групп армий определялись следующим образом: "Группа армий "Север", выступив в "день игрек", прежде всего устанавливает связь между Померанией и Восточной Пруссией, одновременно продвигается значительными силами из Восточном Пруссии к Нареву и через

него в направлении Варшавы. Группа армий "Юг" имеет задачу путем разъединения ожидаемого из Галиции наступления вражеских сил значительными силами продвигаться к Висле по обе стороны Варшавы"⁹¹.

Другими словами, немецкая военно-стратегическая традиция представляла здесь в идеально чистом виде: "клещи" с двух сторон, охват, окружение, дробление армии противника. Именно то, что завещали "учителя": Гельмут фон Мольтке со своей победой под Седаном, Шлиффен со своим "классическим" трактатом о "Каннах". Верные ученики действовали по старым проверенным рецептам: они создавали две ударные группировки на противоположных флангах. Наступать им предстояло по сходящимся - на Варшаву. Как только оба клина соединятся, Польша прекратит сопротивление, ибо вся ее армия будет окружена. Основным условием успеха ОКХ считало внезапность нападения "замаскированными, сосредоточенными вблизи границы силами". В оперативных документах генеральный штаб неизменно подчеркивал необходимость, быстрых, решительных действий, "беспощадного наступления".

Главный удар наносила южная группировка, нацеленная, как говорилось в директиве от 10 мая, на "расширение жизненного пространства Германии путем захвата областей противника, имеющих особое значение для нашей экономики". Предстояло занять "по возможности неразрушенными" польские промышленные предприятия. "Быстрое овладение польской Верхней Силезией и Цешинской промышленной областью имеет, - указывала директива, - большое экономическое значение"⁹².

Магнаты Рура еще с начала 20-х годов намеревались захватить Силезский промышленный район и неоднократно выдвигали соответствующие требования перед политической и военной верхушкой.

Как мы уже упоминали, еще 30 января 1921 г. Гуго Стиннес пришел к генералу Секту и "разъяснил шефу войскового управления, что рейх должен занять восточную Верхнюю Силезию и Северобогемскую индустриальную область и таким образом начать войну с Польшей и Чехословакией". Этот план, по мнению западногерманского историка Халльгартена, "диктовался индустриальной экспансионистской программой Стиннеса"⁹³. Конечно, тогда не могло быть и речи о развязывании Германией войны, но планы подобного рода не покидали умы германских промышленников и в последующие годы. Они влияли на военную программу Гитлера.

Здесь мы впервые встречаемся с особым явлением в характере действий германского военного руководства во второй мировой войне, которое затем будем наблюдать неоднократно: связь военных планов с интересами экономической экспансии государственно-монополистического капитализма. Очень часто стратегические задачи ведения войны настолько совпадали с планами тех, кто мечтал о захвате прежде всего сырья, заводов, шахт, с расчетами монополий, что идеи стратегических планов временами превращались в некий синтез военно-оперативного планирования и экономических калькуляций, выражающих интересы финансового и промышленного капитала. Кстати отметим, забегая несколько вперед, что аналогичные интересы оказали непосредственное воздействие на характер стратегического планирования войны не только против Польши, но и против Бельгии, Франции, а если говорить о дальнейшем - то и против Советского Союза.

Двумя группами армий - "Север" и "Юг", - которым предстояло вести войну против Польши, наступая основными силами на Варшаву, командовали генерал-полковники Бок и Рундштедт.

Здесь уместно, хотя бы кратко, сказать об этих двух весьма выразительных фигурах, представлявших собой военную верхушку гитлеровского рейха, двух "специалистах по блицкригу", чья звезда ярко горела на небосводе фашистской империи в период относительно легких побед и очень быстро закатилась, как только "мастера блицкрига" попытались автоматически применить свои методы в борьбе против Советского Союза. Здесь перед нами элита прусско-фашистской военщины, которая после 1933 г. стала неотъемлемой составной частью руководящей системы фашистской диктатуры, некий сплав

традиций прусского милитаризма, выучки вильгельмовского рейха, агрессивности, жестокости и аморальности рейха Гитлера.

Федор фон Бок - потомственный военный, сын и внук офицеров, представитель известного рода Фалькенгайнов, солдат нацистского государства до мозга костей - был фанатически предан идее завоевания мировой гегемонии. Когда его начальник штаба Тресков, в будущем участник заговора против Гитлера, после поражения под Москвой хотел склонить Бока к группе оппозиционеров, тот ответил в характерном стиле: "Я не южноамериканский опереточный генерал... Я не потерплю, чтобы подняли руку на фюрера. Я стану перед фюрером и защищу от любого, кто нападет на него"⁹⁴.

Сухой, прямой и высокий, с поджатыми тонкими губами и ледяным взглядом прищуренных глаз, он был чрезвычайно честолюбив. Он свирепел, когда чувствовал себя хотя бы чем-то уязвленным. Так произошло в Бельгии летом 1940 г. после приказа отдать Рундштедту все подвижные войска. Так случилось и позже, когда от него неоднократно ускользала победа.

Этот 59-летний генерал располагал огромным военным опытом. Капитан в Большом генеральном штабе накануне первой мировой войны, в 1915 г. - майор штаба армии фон Макензена на русском фронте, участник Горлицкого прорыва, он еще тогда получил высший орден за храбрость - "Пур-ле-Мерит".

В конце 20-х годов Бок стал начальником штаба округа, а в 1932 г. командующим округом. Он возглавлял 8-ю армию при вступлении вермахта в Австрию, а в 1938 г. после временной отставки Рундштедта принял у него командование 1-й группой армий в Берлине.

Карл Рудольф Герд фон Рундштедт - также один из характерных представителей германской военной касты. Сын генерал-майора, он гордился своими предками, которые, как считалось, все без исключения 850 лет занимались военным ремеслом.

Рундштедт - олицетворение духа прусской военщины. В своем родовом имении Гальберштадт, среди длинной галереи портретов предков-солдат, он впитывал тот военный агрессивный дух, спорый на протяжении столетий порождала прусская военная элита. В кадетском корпусе, потом в военной академии он проявил незаурядные качества, сразу же, еще в 1907 г., приведшие его в Большой генеральный штаб. Окончив первую мировую войну подполковником, Рундштедт шел по служебной лестнице шаг за шагом. В 1932 г. он уже командующий 1-й группой армий в Берлине. Путь служебный был одновременно и путем "политического становления" Рундштедта в нацистском плане. Он органически воспринял эту идеологию, ибо она естественно вплеталась в мировоззрение прусского милитаризма. И поэтому от него не потребовалось никаких моральных усилий, чтобы превратиться в преданнейшего военного соратника фюрера и завоевать его полное доверие и особую благосклонность.

Подстать обеим главным фигурам гитлеровского фронтового командования в "польском походе" были их подчиненные - командующие армиями и начальники штабов - Рейхенау, Клюге, Кюхлер, Клейст, Манштейн, убежденные нацисты, которым было суждено руководить многими кампаниями вермахта и внести свою долю в катастрофу Германии.

...Согласно окончательному варианту плана вторжения, задача германской армии заключалась в том, чтобы "неожиданным прорывом во внутренние области Польши упредить организованную мобилизацию и сосредоточение польской армии и разбить массу польских войск западнее линии Висла - Нарев".

Методы нанесения первого удара, выработанные перед нападением на Польшу, оставались у немцев в принципе без изменений в течение всех кампаний 1939-1941 гг. Мы встречаем в оперативных документах подготовки агрессии против Польши такие понятия, как "первое наступление" (1. Angriff), "приграничные сражения", означавшие, что именно в "первом наступлении", не дальше чем в районах границы, следует разбить главные силы противника и тем в решающей мере подготовить победу. Весь расчет базировался на том, чтобы успешным "первым наступлением" создать главные предпосылки для выигрыша войны в целом. Все подчинялось внезапности. Предполагалось начать общую открытую

мобилизацию не ранее, чем в день, когда начнутся военные действия. Вновь мобилизуемые соединения вводились уже после начала вторжения, последовательными эшелонами.

Такой метод, предложенный ОКВ, вызвал возражение командования сухопутных сил.

Браухич 25 августа вечером в рейхсканцелярии говорил Гитлеру:

- Армия еще не готова, мы начнем наступление ослабленными соединениями. На западной границе нет прикрытия. Дайте мне восемь дней, чтобы планомерно провести мобилизацию и развертывание, тогда я буду иметь более 100 дивизий⁹⁵.

Но интересы внезапности удара стояли у Гитлера на первом месте, и сроки начала открытой мобилизации не изменились.

Генеральный штаб сухопутных сил предусмотрел, казалось, все подробности и учел любую деталь, которая способствовала бы сохранению в тайне подготовки удара.

Железнодорожные перевозки вплоть до вторжения проводились строго по графику мирного времени и лишь начиная со "дня игрек" (день атаки) велись по "плану наивысшего напряжения перевозок" ("движение игрек")⁹⁶.

Сосредоточение в Восточной Пруссии той части войск 3-й армии, которая перевозилась из рейха морским путем, вели заблаговременно, под предлогом "подготовки к празднованию 25-й годовщины битвы под Танненбергом". Главные же силы 3-й армии были полностью отмобилизованы в мирное время якобы для отражения "советской угрозы".

Здесь можно сказать еще об одной чисто военно-оперативной мере, с помощью которой ОКХ старалось сохранить тайну своих намерений.

Перед второй мировой войной генеральные штабы ряда стран применяли систему заблаговременной скрытой мобилизации вооруженных сил. В руках агрессора такой способ стал средством опережения противника в стратегическом развертывании и нанесения первого удара. Однако армии Франции, Польши, отчасти Англии, отдавая дань новым требованиям, начали в угрожаемый период войны скрытое развертывание лишь за 8 - 10 суток до предполагаемого срока начала войны. Германское командование сделало это значительно раньше и проводило более последовательно, решительно и планомерно.

Военная мобилизация в Германии не представляла собой, как в 1914 г., кратковременного акта непосредственно перед войной, а была растянута на длительное время до начала войны и проходила как бы незаметно для внешних наблюдателей. Скрытое отмобилизование проводилось в мирное время, что и позволило ОКХ спланировать вторжение в Польшу "по-новому" - открытием военных действий крупными силами, приведенными в полную боеготовность до начала открытой всеобщей мобилизации. Подобного рода мобилизация немецко-фашистской армии, если рассматривать ее завершающую стадию, оказалась растянутой на 1,5 года.

Что касается польского командования, то, начав мобилизацию только за 8 суток до вторжения, оно сумело вполне подготовить к военным действиям только часть соединений и выдвинуть некоторые дивизии ближе к границе. Чтобы опередить в стратегическом развертывании, немецко-фашистское командование начало проводить сосредоточение сил за 65 дней до начала войны (перед первой мировой войной сосредоточение германской армии было начато лишь за 8 дней до вторжения во Францию).

Германское командование решило свести до минимума срок пребывания войск непосредственно у границы, подвести их к исходным позициям в "последний момент" и перейти в наступление почти "с ходу", в заранее организованных построениях. Развертывание происходило в двух районах, удаленных от границы на 40-100 км; на исходные позиции у пограничной линии ударная группировка выдвигалась лишь в ночь накануне вторжения и задерживалась на них только несколько часов.

Польское командование не успело закончить мобилизацию и развертывание армии. Если к утру 1 сентября немцы имели в полной готовности 54 соединения, или 95% сил, предназначенных для войны, то поляки - лишь 49% сил - 24 соединения.

Польское командование оказалось вынужденным проводить мобилизацию и развертывание армии уже в ходе войны, под ударами германской авиации.

Германское преимущество возрастало еще больше в связи с тем, что генеральный штаб сухопутных сил использовал метод нанесения мощных таранных ударов танковыми группировками на узких участках фронта для быстрого прорыва моторизованными корпусами в глубину польской обороны.

В составе пяти немецких полевых армий, развернутых против Польши, имелось 14 подвижных соединений: 6 танковых, 4 моторизованные, 4 легкие пехотные дивизии. Из них 7 входило в состав 10-й армии генерала Рейхенау, наносившей главный удар с юго-запада на Варшаву. Подвижным соединениям ставили очень глубокие по тем временам задачи: сразу же, одним духом, совершить бросок на 250 км, т. е. единым прыжком оказаться в самом сердце страны, причем авиация сокрушала все на пути танковых колонн. Во всяком случае, ей поставили такую задачу.

Штаб военно-морского руководства предполагал сосредоточить главную группировку флота против Англии. Он готовился в случае вступления Британии в войну нанести удары по торговому судоходству и минировать подходы к основным английским портам.

Отдавался приказ о "нарушении и уничтожении вражеского торгового судоходства всеми возможными средствами". Чтобы оградить Германию от войны на два фронта в период борьбы с Польшей, Редер действовал сдержанно и для начала предполагал вести "неограниченную морскую войну" лишь в нескольких зонах, которые Германия объявит "опасными". В других же районах до поры до времени включался в действие ограничивающий закон о так называемом призовом праве.

Намечалась тактика частой смены позиций и ухода отдельных судов в отдаленные районы "для создания неопределенности". 21 августа карманый линкор "Граф Шпее" отправился вокруг Британских островов к берегам Южной Америки. 24 августа другой такой же линкор "Дейчланд" двинулся в Северную Атлантику. Между 19 и 21 августа в море вышла 21 подводная лодка. Из них 18 заняли позиции к северу и северо-западу от Британских островов, а три остались на Балтике. Опережение в развертывании на море давало командованию флота возможность в какой-то степени и на некоторый срок компенсировать немногочисленность своих сил по сравнению с британским флотом, не развернутым и не подготовленным для войны.

Крайний накал международной обстановки вынудил в последних числах августа Англию и Францию также начать стратегическое развертывание. Франция приступила к предварительной мобилизации 21 августа 1939 г. К 27 августа численность ее вооруженных сил достигла 2674 тыс. человек⁹⁷. В первых числах сентября главные силы французской армии были отмобилизованы. Франция располагала в общем достаточными средствами для активных действий против Германии.

Двинется ли эта армия вперед, через германскую границу, в те дни, когда вермахт будет связан в Польше, когда на Западе у него останется против французской армии лишь слабое прикрытие без единого танка, со слабой артиллерией?

Такой вопрос оставался самой мучительной проблемой германской "большой стратегии" в начале второй мировой войны.

Вечером 31 августа 1939 г. третий рейх подошел к тому рубежу, за которым начинался новый путь его истории. Нацистские генералы спокойно смотрели вперед. Они видели очертания вершин, которые казались им вершинами собственной славы. Они не сомневались, что, идя путем непрерывных побед, они с недостижимой для всех других высоты продиктуют волю лежащему внизу миру. Они не знали и не понимали, что, ринувшись завтра на рассвете вперед, попадут в сложнейшую сеть исторических, социальных, военных связей, где одно неразрывно сцеплено с другим, вытекает друг из друга, что их бросок вперед неизбежно и неумолимо вызовет такие силы противодействия, о которых не имели ни малейшего представления даже наиболее осторожные и дальновидные из них. И, конечно, они не могли тем вечером предполагать, что агрессия, на которую они решились, подготовила им путь не к вершинам могущества, а к пропасти катастрофы.

Агрессия против Польши

I

Агрессией против Польши фашистская Германия ввергла человечество во вторую мировую войну.

Тщательно вышколенная армия гитлеровского рейха одержала первую победу. Для польского народа сентябрьская катастрофа означала национальную трагедию, последствия которой привели к потере четверти населения страны, колоссальным разрушениям, бесконечным страданиям под пятой оккупантов, к героизму Сопротивления.

Уже первые месяцы войны заставили содрогнуться мир: откуда у немецкой армии этот фанатизм сокрушения, зловещий подъем военного духа, эта вера в гитлеризм и в его лозунги?

Все стало ясно значительно позже. До войны многие понимали, что такое фашизм, каковы его социальные корни. Но его возможности воздействия на психологию отдельного человека, на солдата, бесспорно, недооценивались.

Дело не только в мираже материального благополучия; не только в грандиозной спекуляции на шовинистических чувствах и недовольстве мещанской массы; не только в аппарате насилия, духовного, физического принуждения. Дело и в том, что мощная система фашистской пропаганды оказалась дьявольской по своему эффекту. Особенно в первые годы войны она захлестнула ум и сознание миллионов немцев. Она воспитывала физиологическую ярость к другим народам и обожествление фюрера. Одно неизбежно сопутствовало другому. "Один народ, один рейх, один фюрер". Один! И больше никого.

Воздействие нацистской системы принуждения и пропаганды обернулось невероятной жестокостью вермахта и вместе с тем той его механической решимостью, бешеным напором, которые поразили человечество уже в первые месяцы войны.

Столь желанный германским генералам "боевой дух" солдат воспитывался не на высоких идеалах, а противопоставлением армии всем человеческим ценностям во имя сокрушения их. Служение политическому гангстеру, вокруг которого пропаганда создавала атмосферу истерического преклонения, превращало вермахт в подлинное орудие истребления, ибо нацистские главари, методически, последовательно развращая народ, армию, насаждали именно дух истребления в отношении других народов и других армий.

С первых же дней агрессивной войны солдатам вермахта стали вбивать в головы мысль, что они воюют за какое-то "освобождение" Германии от "мирового заговора", за "народ", "отечество" и, наконец, за фюрера. "Прессеншеф" Отто Дитрих регулярно с начала военных действий публиковал "для народа" и "для истории" серию статей "С Гитлером в Польше": "Главная квартира фюрера - как звучит это слово! - умилялся он. - Сколько надежд и доверия связано с этим местом!"⁹⁸.

Не важно, что многим немцам ни это слово, ни место не внушали ровно никакого доверия и тем более не сулили никаких надежд. Не важно, что они так не думали, что они вообще не могли думать подобным образом. Важно подчеркнуть: именно об этом надо думать. И так с первого дня второй мировой войны, с того момента, когда срочно созванные депутаты рейхстага на поездах и самолетах съехались и слетелись в Берлин и расселись в огромном зале оперного театра "Кроль".

В 10 часов утра 1 сентября 1939 г. президент рейхстага Геринг открыл заседание рейхстага. Обращаясь к тем, кого в третьем рейхе называли депутатами, он предоставил слово "нашему фюреру".

В мертвой тишине огромного зала Гитлер начал речь. Уведомив мир, что цель нападения на Польшу - только исправление ошибок Версаля в отношении Данцига, а вовсе не завоевание страны, Гитлер напомнил о ходе переговоров с поляками. Бесстыдные провокации и грубый нажим предвоенной нацистской дипломатии выглядели как умеренные предложения, а скромные ответы поляков - как "возмутительная наглость", "террор против фольксдойчей", "польская мобилизация", пограничные инциденты и т. п. Гитлер сообщил

"господам депутатам": сегодня на рассвете начались боевые действия с Польшей. Верноподданническим ревом "зиг хайль" окончилось это заседание, которое в нацистской печати сразу же назвали "историческим". Еще накануне, вечером 31 августа, Гитлер отдал директиву о ведении войны:

"1. Теперь, когда исчерпаны все политические возможности разрешения мирным путем положения на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого решения силой.

2. Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по плану "Вейс", учитывая изменения обстановки, которые могут возникнуть в ходе стратегического развертывания сухопутных сил.

Задачи и оперативные цели остаются без изменений.

День наступления - 1 сентября 1939 г.

Начало наступления - 4 часа 45 мин."99

Условный сигнал начать вторжение последовал из рейхсканцелярии в половине первого ночи 1 сентября после провокационного захвата переодетыми в польскую форму эсэсовцами германской радиостанции в пограничном городке Глейвице. И сразу же и предрассветной мгле войска двинулись к польской границе.

Начиная войну против Польши, германское военное руководство ни в малейшей степени не сомневалось: все пойдет по выработанному им плану. Соотношение сил было целиком на немецкой стороне: по пехоте - 1,8 : 1, по артиллерии - 3 : 1, по танкам - 4 : 1, но авиации - 5 : 1100. Собственно по такой более чем немудреной схеме ("все шло точно по плану") германские историки стали уже с 1940 г. изображать "польский поход". Затем, к сожалению, это вошло кое-где на Западе в традицию. Но почему-то упорно проходили мимо целого ряда примечательных фактов. Например, замалчивали, что еще в августе 1939 г., несмотря на сверхтщательную маскировку немецкого вторжения, польская разведка сумела распознать его основной замысел, чем, правда, не смогло воспользоваться польское высшее командование. Не замечается и тот факт, что в первый день войны немецкая авиация не смогла уничтожить польские военно-воздушные силы одним ударом, как хотела сделать.

Вопреки утверждениям многих военных историков на Западе польская авиация в первый день военных действий не была пассивным объектом уничтожения, а действовала активно, хотя и не перелетала границ Польши¹⁰¹.

Результаты немецкой атаки польских аэродромов на рассвете 1 сентября и всего воздушного наступления вызвали разочарование германского авиационного командования. Если часть аэродромов мирного времени и была выведена из строя, то самолеты на них понесли сравнительно небольшие потери. В официальном отчете германских ВВС о первом дне действий против Польши говорилось: "...Попытка застигнуть польские ВВС врасплох не удалась, во всяком случае она была достигнута не в той мере, как было намечено. У противника оказалось время, чтобы провести как активные мероприятия - подготовку истребительной и зенитной обороны, так и пассивные - перемещение соединений на запасные аэродромы. Вследствие разобщенности боевых действий собственных ВВС не было возможности атаковать вражеские авиабазы одновременно".

Мы, конечно, не хотим преувеличивать результатов сопротивления польской авиации - силы слишком несопоставимы. Мы имеем в виду лишь возразить против другой крайности, тем авторам, которые считают, будто германские ВВС первым же ударом уничтожили на аэродромах всю польскую авиацию.

Фуллер пишет: "Наступление на Польшу началось в 4 часа 40 мин. утра 1 сентября 1939 г. массированным ударом с воздуха. Поляки были застигнуты врасплох... В качестве первоочередной задачи германских военно-воздушных сил был захват господства в воздухе. Это было достигнуто уничтожением польской авиации как в воздухе, так и на земле"¹⁰².

Типпельскирх утверждает: "Немецкие военно-воздушные силы в первый же день наступления уничтожили слабую польскую авиацию на ее аэродромах"¹⁰³.

По мнению Фойхтера, автора работы "История воздушной войны", "в течение двух дней главные силы польской авиации были разбиты, причем большинство самолетов было уничтожено на аэродромах"¹⁰⁴.

Господство в воздухе немецко-фашистская авиация, конечно, быстро захватила благодаря подавляющему численному превосходству и более современной технике. Первый день войны с полной очевидностью показал, что тихоходные, слабо защищенные польские самолеты за малым исключением не могут противостоять немецким. Однако и позже польскую авиацию Геринг не смог парализовать, она мужественно использовала для борьбы свои до крайности ограниченные силы.

Боевые действия в приграничной зоне на направлении немецких главных ударов сначала развертывались сравнительно медленно. В первый день германские генералы не сумели использовать мощь своих танковых соединений: поляки стойко оборонялись. Однако во второй и третий дни определяющую роль стало играть многократное превосходство германских вооруженных сил над польскими. Численное преимущество немцев, особенно в технике, их жестокий напор, выучка и вместе с тем отсталые методы управления операциями, оказавшиеся присущими польскому командованию, вскоре обеспечили германским армиям оперативный прорыв польской обороны. Моторизованные корпуса двинулись в глубину территории страны, сопровождаемые ударами пикирующих бомбардировщиков по почти не защищенным от таких атак польским войскам, городам, железным дорогам, станциям, позициям обороны. Тем временем Гитлер после речи 1 сентября демонстративно под восторженные вопли "депутатов" объявил, что немедленно "отправляется на фронт". Его "ставка" разместилась в бронированном поезде из трех вагонов. Им командовал генерал-майор Роммель.

Отъезд Гитлера, преследовавший пропагандистские цели в гораздо большей степени, чем военно-стратегические, вызвал появление довольно своеобразных методов руководства, которые заключались и следующем.

Еще накануне войны в германском верховном командовании образовалось некое расслоение. Избранные, доверенные лица составили полуофициальный орган, так называемый "первый узкий круг" (или "внутренний круг"). В него входили самые приближенные к Гитлеру военные советники, адъютанты и связные офицеры трех видов вооруженных сил¹⁰⁵. Они оказывали большое влияние на принятие основных решений. Особенно Геринг и Йодль. Последний до войны постоянно работал в рейхсканцелярии, в комнате рядом с Гитлером, в то время как начальник Йодля Кейтель сидел в другом здании и лишь навещал рейхсканцелярию. В полевых условиях "первый узкий круг" обособлялся.

Рабочий штаб составлял "второй узкий круг". В него входили аппарат ОКВ, командование и штабы сухопутных сил и авиации. Состав его зависел от тех задач, которые решало на том или ином фронте верховное командование.

Во время всего "польского похода" Гитлер с "первым узким кругом" разъезжал в своем личном поезде. Он внезапно, рассчитывая на эффект, появлялся перед войсками где-нибудь вдалеке от фронта, "воодушевлял" их речами и ехал дальше.

Действительное же оперативное руководство военными действиями велось из другого места.

В 35 км к югу от Берлина, если пересечь кольцевую автостраду, есть небольшой чистенький городок Цоссен. Недалеко от окраины, среди сосен, разместились мощные железобетонные казематы. Сюда, в подземные лабиринты комнат, перед началом войны перебрался штаб сухопутных сил. Лагерь "Цеппелин", как условно назывался штаб в Цоссене, стал отныне одним из главных центров управления армией. Отсюда Браухич в своем личном самолете "Граф Шлиффен" летал в "ставку фюрера", здесь 1-й оберквартирмейстер фон Штюльпнагель и его правая рука полковник Грейфенберг составляли оперативные директивы.

В общем сложилась довольно своеобразная система управления: ставка, включавшая "первый узкий круг", находилась все время на колесах, аппарат ОКВ остался в Берлине на

Бендлерштрассе, штаб сухопутных сил замкнулся в бункерах Цоссена, Геринг со штабом авиации расположился отдельно. Неустойчивая связь между поездом и Берлином дополняла картину некоторой разьединенности высшего руководства: все передоверялось ОКХ и штабам групп армий. Верховное командование преимущественно довольствовалось информацией и одобрением действий подчиненных.

И поскольку сначала все шло в общем и целом более или менее гладко, Гитлер не считал нужным вмешиваться в дела генштаба сухопутных сил, как стал делать позже, во время войны против СССР.

Несмотря на стойкое сопротивление поляков, особенно в сражениях на Варте и Видавке, под Млавой, Мокра и в других местах, 5 сентября польский фронт на участках немецких главных ударов был прорван. Польский главнокомандующий Рыдз-Смиглы принял решение отвести все армии за Вислу, в восточные районы страны. Войска группы армий "Юг", преследуя отступающие польские соединения, на южном участке фронта переправились через Дунаец, а в центре подвижными соединениями продвинулись севернее Пиотркува.

Тем временем на северном участке фронта польские войска уже сумели отойти за Вислу. Хотя отход и был вынужденным, но в конечном счете имел определенные последствия: здесь поляки сорвали планы группы армий "Север", стремившейся, в соответствии с общим замыслом, ликвидировать польскую армию на левобережье Вислы, не допуская ее отступления за реку. Западногерманский историк Форман пишет по этому поводу: "...В группе армий "Север" появилось сомнение в том, возможно ли еще уничтожить польские вооруженные силы западнее Вислы и нет ли необходимости изменить цели, поставленные первоначальным планом". Если говорить проще, то речь идет о том, что польские войска снова внесли существенную поправку в немецкие расчеты: удар на севере пришелся если не по пустому месту, то, безусловно, принес другой эффект, нежели тот, на который рассчитывали в ОКХ, составляя "Белый план". Начиная признавать невыполнимость своих исходных расчетов, немецкое командование постепенно меняет оперативные намерения.

Фон Бок приходит к выводу о необходимости полной перегруппировки сил и создания новой ударной массы теперь уже не в центре, а на восточном фланге группы армий "Север". Наступление на Варшаву по обе стороны Вислы предполагается затем вести только частью 4-й армии, остальные же силы армии перебросить к востоку для обхода сумевших отойти за Вислу польских группировок.

Главнокомандование сухопутных сил, убедившись, что польская армия не столь слаба, как ему казалось до войны, теперь все больше опасается слишком глубокого удара восточнее Вислы.

Директива Браухича от 5 сентября о задачах группы армий "Север" гласила: "В намерения ОКХ входит наступление 4-й армии по обе стороны Вислы на Варшаву, 3-й армии - правым флангом на Варшаву, левым флангом - на Остров Мазовецкий. Намерение группы армий усилить 3-ю армию путем переброски сил - особенно подвижных - из 4-й армии соответствует мнению ОКХ. Нужно избегать далекого размаха движения восточного фланга и ограничить продвижения на линии Варшава Остров Мазовецкий"¹⁰⁶.

Это довольно осторожное решение ОКХ - серьезный аргумент против тех, кто рисует ныне ход германо-польской войны, в частности действия на северном участке фронта, как одну-единственную операцию германской армии, проведенную от начала и до конца на всех участках фронта с какой-то необычайной смелостью и стремительностью, как блестящее, чуть ли не автоматическое осуществление всех довоенных планов гитлеровского командования¹⁰⁷.

Директива ОКХ от 5 сентября кладет начало второй стратегической операции: восточнее Вислы, не предусмотренной первоначальными планами войны. Ибо, как читатель помнит, немецкое верховное командование собиралось закончить ее одной операцией, проведенной западнее Вислы. Штаб группы армий "Север" в приказе от 5 сентября

значительно сократил глубину и размах планируемого нового наступления: 4-я армия нацеливается на Варшаву, а не глубже, к востоку; 3-я армия получает задачу захватить переправы через Нарев, направить правофланговые соединения к Варшаве, а левофланговые, наносящие главный удар, - лишь немного восточнее, на Рожан¹⁰⁸.

Германское командование оказалось перед необходимостью уточнять исходный оперативный план. Оно не использовало своего первоначального успеха. Польские войска получили передышку, отступили за Вислу и Нарев, укрепили оборону Модлина и Варшавы, приступили к созданию нового оборонительного фронта.

Итак, далеко не все шло у гитлеровского командования так гладко, как могло казаться на первый взгляд. Серьезно заблуждаются ныне те военные писатели на Западе, которые утверждают, что "поход в Польшу представлял собой в целом только осуществление германских оперативных планов" (западногерманский историк Роос).

Несмотря на очевидное поражение польской армии, на дезорганизацию ряда участков фронта и на тяжелый урон, все же поляки в эти дни не позволили Браухичу, Гальдеру и вообще всем стратегам из Цоссена осуществить их замысел окружить польские армии западнее Вислы и Нарева. На северном и крайнем южном флангах польские войска, выйдя из-под ударов, заставили немцев отказаться от охватывающего маневра и заменить его обычным фронтальным вытеснением. В ОКХ признали нереальность окружения польской армии западнее Вислы и Нарева и оказались вынужденными изменить первоначальный план, начать новую, вторую по счету, стратегическую операцию. Но отсрочка была, конечно, временной, ибо поражение Польши неминуемо надвигалось. Польша теперь стояла лицом к лицу с трагической истиной: необходимостью расплаты за многолетнюю реакционную близорукую политику своих правителей. Желая сделать свою страну бастионом Запада против "большевизма", на деле они подвели ее к состоянию экономического, политического и военного банкротства, которое не мог предотвратить героизм солдат.

После того как польские армии, расположенные в западных районах страны, в большинстве потерпели поражение, когда речь могла уже идти лишь о том, будут ли они полностью разбиты или какая-то их часть сумеет выйти из-под удара, польское командование все более теряло реальные перспективы и надежду изменить ход событий. В глубине страны отсутствовали резервы. Перевозить войска к фронту, линию которого высшие штабы знали плохо, становилось почти невозможным из-за развала работы находящихся под авиационными ударами железных дорог. Отступление на ряде участков фронта становилось все более хаотическим.

Кризис буржуазного режима Польши заключался в том, что правящие круги не смогли в момент испытаний объединить страну и армию для борьбы против фашизма. Неразрешимые противоречия государственного и общественного строя буржуазно-помещичьей Польши теперь выступили наружу с потрясающей силой и становились ясными как для одной, так и для другой стороны, вселяя в одних все большую уверенность, в других - все большее отчаяние¹⁰⁹. И чем быстрее распадался польский фронт, тем смелее становились немецкие танковые командиры, двигая все дальше свои колонны и создавая те пресловутые "танковые клинья", которые вскоре все, кто мыслил мюнхенскими категориями, стали считать олицетворением каких-то совершенно необычайных приемов ведения войны, против которых невозможно бороться.

Глубокие прорывы на южных участках фронта открыли немецким танковым дивизиям путь на Варшаву, в Галицию и в Силезский промышленный район. Замысел новой стратегической операции, изложенный в директиве Браухича, отданной во второй половине дня 6 сентября, выглядел так:

"1. Из сведений о противнике следует, что он отходит за линию Висла Нарев и больше не собирается вести впереди этой линии решающие бои...

Возможно, происходит создание ударной группы на Нареве силой примерно самое большее в 4-5 дивизий. Не исключено дальнейшее ее усиление за счет войск, отходящих через Варшаву. Создание группировки в районе Лодзи составляет последнюю попытку

противника к удержанию столицы... Предполагается, что создание группировки в районе Кельце больше невозможно. Противник здесь надеется перед быстро продвигающимся флангом 10-й армии отойти за Вислу на юго-восток. Его уничтожение на западном берегу Вислы будет едва ли возможно... (курс. наш. - Д. П.).

2. В связи с этим ставятся следующие задачи: группа армий "Север" быстро продвигается 3-й армией через Нарев, чтобы воспрепятствовать планомерному созданию обороны реки, и далее развивает наступление через Буг в направлении Варшава - Седльце, чтобы свернуть с севера фронт на Висле...

Группа армий "Юг" одновременно с уничтожением армии "Лодзь" препятствует созданию обороны на Висле, ...14-я армия наносит удар через Сан в общем направлении на Люблин... Дальнейшая оперативная цель: охват остатков польских главных сил восточнее Вислы" (курс. наш. - Д. П.)110.

Перенеся действия восточнее Вислы, германское командование не только начало вторую операцию, но и нацеливало наступление вермахта все ближе к границам Советского Союза.

II

Первые три дня гитлеровской агрессии в Польше, т. е. 1, 2 и 3 сентября 1939 г., имели особое значение для формирования дальнейшей политики и военно-политической стратегии западных держав по меньшей мере вплоть до лета 1940 г., т. е. до падения Франции. Именно тогда французская и британская политика открыла перед третьим рейхом такие перспективы и возможности, что Гитлеру и его генеральному штабу оставалось лишь воспользоваться ими. Но именно вскоре после этого постепенно становится все более очевидным просчет исходной идеи всей "большой стратегии" германского верховного командования.

Политика Англии и Франции в начале второй мировой войны была прямым и логическим продолжением довоенного политического курса правящих кругов обеих держав с его настойчивым стремлением добиться соглашения с гитлеровской Германией на общем фундаменте антикоммунизма и за счет взаимных уступок. Захват Гитлером Польши, этого важного партнера Англии и Франции на востоке Европы, рассматриваемого ими в качестве противовеса Германии, антисоветского бастиона и опорного пункта влияния на Юго-Восточную Европу, был совершенно неприемлем для западных держав. Такой захват имел бы следствием лишь новое резкое усиление политических, экономических и военных позиций третьего рейха в ущерб Англии и Франции. Конечно, имелись надежды на агрессию Германии против СССР после выхода германских армий к советским границам в случае успеха Гитлера в германо-польской войне, но такое столкновение пока еще, особенно в условиях заключенного 23 августа советско-германского договора, было проблематичным, а нападение на Польшу - реальностью.

Резкое обострение империалистических противоречий в результате открыто обнаружившегося теперь нового шага Германии к занятию преобладающих позиций в Европе создало для правительств Лондона и Парижа обстановку, требующую немедленных кардинальных решений.

Народные массы Англии и Франции были полны решимости оказать сопротивление фашистскому агрессору; значительная часть господствующих классов, широкие круги общественности обеих стран не желали снова отступать и позволить германскому фашизму добиться решающего преобладания в Европе. Давление этих взаимодействующих сил в Англии и Франции привело к такой ситуации, когда объявления войны Германии уже невозможно было избежать.

Политика Гитлера и Риббентропа с началом войны представляла собой открытую спекуляцию на мюнхенских тенденциях тех политических кругов стран Запада, которые еще продолжали думать о сделке с фашизмом. Выступление Гитлера в рейхстаге в 10 часов утра 1 сентября рассчитывалось именно на эти круги. В тот же день британский кабинет после длительного заседания решил направить гитлеровскому правительству "ноту

предостережения": "По многим сведениям, немецкое наступление в Польше развивается. Этим германское правительство создало положение, когда Англия и Франция должны выполнить свои обязательства, данные Польше... Я сообщаю, - писал Чемберлен, - что правительство его величества без колебаний выполнит свои обязательства Польше, если германское правительство не готово... приостановить наступление против Польши и не готово немедленно вернуть свои войска с польской территории"¹¹¹.

Срок для ответа не был указан, и британскому послу в Берлине давались строгие инструкции, чтобы нота не рассматривалась как ультиматум. Аналогичную ноту передал Риббентропу французский посол.

Однако довольно решительный тон ноты далеко не соответствовал истинным намерениям Чемберлена, который в принципе не желал скорого объявления войны и поэтому делал все, чтобы оттянуть его.

Во французском правительстве и французском генеральном штабе сопротивление немедленному объявлению войны и оказанию помощи Польше было не менее очевидным, чем в Лондоне. Особое усердие в этом направлении проявлял министр иностранных дел Боннэ, стремившийся и сейчас добиться компромиссных переговоров с Гитлером за счет Польши. Этот политический курс Боннэ ясно сформулировал еще на заседании национального совета обороны 23 августа. "Не лучше бы толкнуть Варшаву к компромиссу?" - вопрошал он.

В последующие дни он упорно добивался осуществления своего плана. После того как началось вторжение, он стал опираться на заявление генерального штаба, что потребности мобилизации не позволят объявить войну раньше 4 сентября. Правящие круги Франции медлили с объявлением войны, так как надеялись на соглашение с Гитлером с помощью мирной конференции, предложенной еще 31 августа Муссолини¹¹².

Итальянский диктатор хотел в своих интересах инсценировать второй Мюнхен, а французские и английские капитулянты собирались ему помочь. В Париже и Лондоне серьезно обсуждались предложения Муссолини как до, так и после нападения на Польшу, причем еще 31 августа Боннэ поддержали министры де-Монзи и Маршандо¹¹³.

Итальянский министр иностранных дел Чиано сообщил послам западных держав, что с согласия Англии и Франции он обратился к Гитлеру.

В 10 часов 2 сентября в Берлин из Рима направляется "информация" на имя фюрера: "...Италия ставит в известность, конечно, оставляя любое решение за фюрером, что еще имела бы возможность созвать конференцию Франции, Англии и Польши на следующих основах: 1) приостановка военных действий там, где сейчас находятся армейские корпуса; 2) созыв конференции в течение 2-3 дней; 3) решение спорных польско-германских вопросов, которое, как показывают события, будет благоприятным для Германии. Данциг уже немецкий, и Германия уже имеет в своих руках залог, обеспечивающий наибольшую часть ее требований. Если предложение конференции будет принято, то она добьется всех своих целей и одновременно устранил войну, которая уже сегодня выглядит как всеобщая и чрезвычайно продолжительная"¹¹⁴.

Этот план своеобразной "деэскалации" войны за счет Польши немедленно поддержали в Лондоне и Париже. Там еще надеялись на поворот событий. В полдень 2 сентября британский министр иностранных дел Галифакс отправил в Париж телеграмму: "Невозможно ожидать более чем очень ограниченное время, чтобы разрешить современную ситуацию. Было бы хорошо, чтобы мероприятия английского и французского правительств были бы в настоящее время идентичными"¹¹⁵.

В Польше к идее конференции отнеслись иначе. Вторжение уничтожило остатки иллюзий. Министр иностранных дел Бек, обанкротившийся со своим довоенным антисоветским политическим курсом, следующим образом ответил в 21 час. 30 мин. 1 сентября на предложение французского правительства о конференции: "Мы находимся вследствие неспровоцированного нападения в состоянии войны. Речь больше не идет о конференции, а о том, чтобы союзники совместным отпором сопротивлялись наступлению.

Я вообще ни от кого не слышал чего-либо об итальянском плане"116.

Во второй половине дня 2 сентября собрался французский парламент. Выступление премьера Даладье дало понять, что Франция, если и объявит войну Германии, реально воевать против Германии не будет. Упор был сделан на необходимости обороны, а не перехода в наступление против Германии. "Геройство наших солдат может быть только подвигом защитника, а не завоевателя... Франция поднимается только тогда с таким порывом, когда она убеждена, что нужно сражаться за свою жизнь и за свою независимость"117.

Формальное решение парламента уполномочить правительство на ультиматум и на объявление войны не состоялось. Однако депутаты разрешили требуемый кредит в 80 млрд. фр. для военных мероприятий, что правительство расценило как получение полномочий принять окончательное решение118.

Колебания, связанные с надеждой на мирную конференцию, продолжались в Париже и Лондоне весь день 2 сентября. Этот свой прямой выигрыш Гитлер стремился использовать, быстрее продвигая войска в Польшу, чтобы поставить западные державы перед фактом ее разгрома.

В 15 часов 2 сентября итальянский посол в Берлине Аттолико сообщил в Париж и Лондон: Гитлер не отвергает идеи конференции, но должен знать, означает ли английская и французская ноты от 1 сентября ультиматум. Если да, то переговоры станут невозможными (заметим, к этому времени немцы уже заняли "польский коридор", Данциг и глубоко вторглись в Южную Польшу).

Из обеих столиц последовал немедленный ответ. "Нота, переданная вчера вечером на Вильгельмштрассе, - сообщил Боннэ, - не носит никакого ультимативного характера... Что касается вступления Франции в войну, то лично я готов отложить его до середины дня 3 сентября"119. Чиано отмечал в дневнике, что сообщение о позиции Гитлера вызвало у Боннэ "самое большое удовлетворение"120. Более того, Боннэ в 16 часов вызвал по телефону Галифакса и сказал, что "окажется невозможным получить согласие Гитлера на конференцию, если будет требоваться предварительное очищение польских областей"121. Ради конференции Боннэ был готов на все. Но через час он получил сообщение английского правительства: "Британский кабинет... примет план конференции Муссолини только при одном условии, которое должно предшествовать его принятию. Немецкие войска должны быть немедленно выведены из польских областей. Британское правительство решило дать Гитлеру время сегодня до полуночи, чтобы вывести из Польши войска. По прошествии этого срока Великобритания откроет военные действия"122.

Ускорение решения английского правительства объявить войну объяснялось тем нажимом, который оно испытывало со стороны народа и ряда политических деятелей. Когда Чемберлен, сомневающийся в необходимости сказать последнее твердое слово, выступил вечером 2 сентября в палате общин, он встретил нарастающее возмущение многих представителей обеих партий.

Лейборист Дальтон сделал следующую запись в дневнике: "Эмери и Ральф Купер особенно раскраснелись и почти онемели от ярости. Казалось, что... данное нами полякам честное слово с намерением нарушается... Позже в кулуарах царило сильное волнение. При голосовании, как казалось, без фракционного принуждения Чемберлен и Саймон были бы провалены"123. Депутаты были, как впоследствии передавал Чемберлен французскому послу, настроены против Франции. "Ее обвиняли в скрытых намерениях уклониться от своих обязательств. Позже вину свалили на кабинет, который ответствен за честь британцев... Об итальянском предложении никто не хотел слушать. В нем видели ловушку, имевшую цель благоприятствовать продвижению немецких войск"124.

Правительству становилось ясно, что больше тянуть невозможно. После заседания палаты общин Чемберлен сообщил Даладье: "Намерение французов и дальше оттягивать объявление войны создает для английского правительства неподходящую ситуацию. Если французское правительство продолжает настаивать на сроке в 48 часов, начиная с полудня 3

сентября (т. е. до 5 сентября - дня, предложенного Муссолини для начала конференции. - Д. П.), то правительство (английское. - Д. П.) не сумеет удерживать здесь положение в нужном состоянии"125. Из ответа Даладье следовало, что он все еще рассчитывает на какой-то Мюнхен: "Еще можно надеяться на согласие Гитлера на конференцию, если западные державы согласились бы оттянуть вручение ультиматума до полудня 3 сентября"126. В то же время и Боннэ убеждал Галифакса в необходимости выждать: эвакуация больших городов не может быть закончена. Все железные дороги забиты туристами. Поезда будут штурмоваться людьми, так как все захотят покинуть большие города. В случае воздушного наступления имеется риск чрезвычайного кровопролития"127.

Крайне угрожающее для правительства Чемберлена положение в стране и в парламенте не оставляло другого выхода, как покончить с игрой в мифическую конференцию и объявить войну, "даже если французское правительство не сделает это одновременно"128.

В 5 часов 3 сентября Галифакс поручил британскому послу в Берлине встретиться в 9 часов с Риббентропом для вручения ультиматума, "так как английское правительство не получило ответа на свою ноту от 1 сентября"129. Посол в Берлине Гендерсон вручал ультиматум Риббентропу в присутствии Гитлера и Геринга. Английский посол заявил: "Если сегодня, 3 сентября, до 11 часов утра по британскому летнему времени от немецкого правительства не будет получено удовлетворительного сообщения в вышеупомянутом смысле и если оно не будет доставлено правительству его величества в Лондон, то между обеими странами с указанного часа будет существовать состояние войны"130.

Переводчик германского министерства иностранных дел Шмидт, присутствовавший при этой сцене, вспоминает:

"Гитлер сидел за своим письменным столом, в то время как Риббентроп стоял несколько справа от него, у окна. Оба выглядели, как мне казалось, напряженными. Я остался в некотором отдалении от стола Гитлера и медленно переводил ему ультиматум британского правительства. Как окаменелый, сидел Гитлер и смотрел перед собой. Он сидел тихо... потом повернулся к Риббентропу, который продолжал стоять у окна. "Что теперь?" - спросил Гитлер своего министра иностранных дел с гневным блеском в глазах... Риббентроп ответил тихим голосом: "Я полагаю, что в следующие часы французы передадут нам аналогичный ультиматум". Господствовала мертвая тишина. Геринг повернулся ко мне и сказал: "Если мы проиграем эту войну, тогда... да хранит нас небо!"131.

Так ход событий вынудил Англию вступить в войну, о чем премьер-министр Чемберлен сообщил по радио в 11 часов 3 сентября. Курс предвоенной политики Великобритании закончился провалом. Гитлер напал на союзницу Англии - Польшу, и Англия оказалась перед необходимостью сделать последний шаг - не столько ради выполнения своих обязательств, сколько вследствие недопустимости еще одной капитуляции перед требованиями Берлина, которая привела бы к окончательному подрыву позиций Великобритании как мировой державы.

Французское правительство в тот же день последовало за англичанами. В 10 час. 20 мин. Кулондр получил инструкцию прибыть в германское министерство иностранных дел и "ходатайствовать об ответе германского правительства на ноту от 1 сентября"132. В случае отказа он должен заявить правительству рейха, что "Франция вследствие отрицательного ответа Германии вынуждена с сегодняшнего дня, 3 сентября, с 17 часов выполнять свои, известные германскому правительству, обязательства в отношении Польши"133.

Французский посол вошел в кабинет Риббентропа. Отлично сознавая, с какой неохотой французское руководство объявляет войну, гитлеровские заправилы использовали это обстоятельство в своих стратегических целях. Выслушав Кулондра, Риббентроп с огорченным видом сказал: "Рейх может только сожалеть, если Франция считает себя вынужденной вмешаться в конфликт". И далее последовало заявление, точно рассчитанное на соглашательские тенденции французского правительства: "Только если Франция на нас нападет, мы будем сражаться, и тогда это будет французская наступательная война". На вопрос, означает ли это, что ответ на ноту от 1 сентября является отрицательным,

Риббентроп ответил утвердительно. Тогда Кулондр заявил о вступлении Франции в войну с 17 часов сегодняшнего дня. "Отлично, - ответил Риббентроп, - в этом случае Франция будет нападающим"¹³⁴.

На следующий день после объявления западными державами войны Германии газеты рейха вышли с огромными заголовками: "Немецкий ответ на английское лицемерие и вызов", "Обращение фюрера к народу, партии, к Восточной и Западной армиям". Гитлер уверял: Германия ничего другого не желает, кроме сердечного взаимопонимания с Англией и Францией. Никакой ревизии границ. И если Германии объявлена война, то лишь потому, что ее хотят "плутократы и агрессоры".

Обращение к немецкой Западной армии было рассчитано больше на генеральные штабы в Лондоне и Париже: германские солдаты на Западе должны и будут только обороняться, "как стальная стена" стоять "на защите границ". Быть может, так же поступят и западные державы?

Нацистские руководители сделали в критической ситуации 1-3 сентября все возможное, чтобы оттянуть, если не избежать, вступления Англии и Франции в войну и выиграть время для более глубокого продвижения своих армий в Польше. Но объявление войны Германии так или иначе поставило Берлин перед фактом провала надежд на локализацию польского конфликта.

Германские высшие штабы восприняли вступление в войну Англии и Франции без подъема, скорее с пессимизмом и ощущением фатальной неизбежности. С особой тревогой реагировал на новую ситуацию штаб военно-морского флота. В день объявления войны Редер составил документ под названием "Размышления главнокомандующего по поводу начавшейся войны 3 сентября 1939 г.". В нем говорилось: "Сегодня началась война против Франции и Англии, война, которая, согласно прежним уверениям фюрера, не должна была начаться ранее 1944 г." Только к этому сроку германский флот мог бы вести успешную борьбу с британским флотом. Утверждая это, Редер приходил к выводу: флот "отнюдь не оснащен надлежащим образом для борьбы с Великобританией... Надводные силы настолько слабее британского флота, что, даже используя свою полную мощь, они смогут только показать, как нужно погибать"¹³⁵.

Двумя днями раньше Дениц говорил о состоянии подводного флота: "В настоящее время мы не можем играть ни в малейшей степени важную роль в войне против морской торговли англичан"¹³⁶.

Но план борьбы на морских коммуникациях существовал, и уже 3 сентября были выпущены первые торпеды.

Теперь война превратилась в мировую войну, развернувшуюся первоначально внутри капиталистического мира. Однако правящие круги Англии и Франции, как это целиком вытекало из их предвоенной политики, не собирались действительно воевать с фашистской Германией. Ближайшие недели и месяцы наглядно показали, как представляют себе войну с фашизмом западные политики и чего стоят их гарантии Польше.

III

Польское правительство сперва поверило, что со вступлением в войну британские и французские союзники начнут выполнять свои обязательства о помощи. Население Польши с энтузиазмом встретило весть о решениях Англии и Франции. Во многих польских городах прошли демонстрации, а в Варшаве они сопровождались пением "Марсельезы" под окнами французского посольства¹³⁷. Возникли надежды на поворот в ходе событий. В Польше стали рассчитывать, что Англия и Франция выполнят свои обязательства о военной помощи. Прежде всего требовалась немедленная поддержка поляков авиацией. Но время шло, а союзная авиация в польском небе не появлялась.

Попытки польского военного атташе в Париже Фыда получить аудиенцию у французского главнокомандующего Гамелена окончились безрезультатно. Посол во Франции Лукасевич писал, что французская ставка хотела любой ценой отделаться от Фыда.

Вечером 6 сентября Лукаевич по поручению Варшавы передал французскому министерству иностранных дел ноту, в которой выражалось мнение, что в Германии война воспринята народом с ясно выраженным пессимизмом. Поэтому, по мнению польских руководителей, "надлежит сделать все, чтобы нанести удар по моральному состоянию врага"¹³⁸.

Вскоре польскому послу был вручен ответ: "Завтра, а самое позднее утром послезавтра против Германии будет проведена сильная атака французских и английских бомбардировщиков, которая, может быть, будет распространена даже до тыловых построений на польском фронте"¹³⁹. Обещание союзников несколько успокоило польский штаб. Однако в Варшаве не знали, что в этот же день командующий французской авиацией генерал Вюильмен заявил на совещании у Гамелена: "Требования помощи авиацией со стороны Польши становятся все более настойчивыми". Но "в обстановке быстрого продвижения немецких войск на польском фронте выполнить обещанную помощь путем отправки в Польшу подразделений бомбардировочной авиации было бы риском утраты не только материальных ценностей, но главным образом персонала"¹⁴⁰. Прошло два дня, а ожидаемые бомбардировщики на польском фронте не появились.

В ходе чрезвычайно важного военного совещания 8 сентября в присутствии Даладьё вопрос о помощи авиацией Польше окончательно решился в отрицательном плане. Через сутки, отвечая на очередную просьбу польских представителей о помощи, штаб Гамелена прямо заявил, что до окончания сосредоточения французская армия не предпримет никаких активных действий.

8 сентября польский атташе писал в донесении: "До 7. 9. 39. 10 часов на Западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше"¹⁴¹.

Правда, еще 3 сентября состоялось демонстративное французское наступление в секторе Саара. Оно с самого начала не преследовало никаких реальных задач оперативного характера. Согласно приказу Гамелена командующему Северо-Восточным фронтом генералу Жоржу, цель наступления состояла лишь в том, чтобы установить контакт с "линией Зигфрида" между Рейном и Мозелем и сковать здесь немцев.

Робкая демонстрация не отвлекала с польского фронта ни одного немецкого солдата, ни одного орудия или танка. Уже 12 сентября Гамелен решил приостановить даже это подобие наступления ("ввиду быстрого развития событий в Польше"). В своей инструкции No 4 он потребовал начать отвод войск из района "вблизи линии Зигфрида", который заняли французские войска, а вечером того же дня доложил высшему франко-британскому военному совету о необходимости приостановить атаки, которые "не могут больше повлиять на события в Польше".

В Лондоне господствовала та же атмосфера, что и в Париже. В этом очень быстро убедилась польская военная миссия, прибывшая в Англию 3 сентября и тщетно пытавшаяся в течение недели добиться аудиенции у начальника имперского генерального штаба Айронсайда. Когда же она была принята, то узнала, что может рассчитывать лишь на получение старых винтовок, и то через 5 - 6 месяцев.

Так складывалось положение, которое вскоре получило наименование "странной войны". Союзные руководители не верили в настоящую войну и рассчитывали на мир с Германией. Реальные политические намерения западных держав быстро стали вполне очевидными Берлину. Война объявлена, но не ведется! Оцепенение Мюнхена продолжается! Мюнхен действует! И фюрер 3 сентября отдал директиву No 2: "Целью ведения Германией войны остается прежде всего победоносное завершение операции против Польши... Основы ведения войны на Западе в соответствии с директивой No 1 остаются без изменения"¹⁴². Против Англии разрешалось только вступить в "торговую войну" на море. Против Франции на суше первыми начинать действия строжайше запрещалось: "Оставить открытие военных действий за противником"¹⁴³. Аналогичный приказ получила и авиация.

На "линии Мажино" появился французский плакат: "Пожалуйста, не стреляйте, мы не стреляем". Сразу последовал немецкий ответ: "Если вы не будете стрелять, мы тоже стрелять не будем"¹⁴⁴. Могло ли ждать германское военное руководство большего? Оно поняло: конечно же, и британский, и французский кабинеты объявили войну лишь формально, под давлением внутренних обстоятельств, вопреки своим планам и убеждениям, которые раскрылись достаточно полно не только в Мюнхене, но и во всей их послемюнхенской дипломатической игре. Англия и Франция не станут помогать Польше. Поэтому нужно быстрее нанести ей поражение, не вступая одновременно в военные действия на Западе, после чего повернуть фронт на Запад. Нужно ли говорить, насколько действия Англии и Франции объективно играли на руку германской стратегии?

Здесь возникает важный вопрос, которого мы в плане нашей темы можем коснуться лишь в самой общей форме: а могла ли вообще Франция начать активные наступательные действия против Германии в сентябре 1939 г., чтобы оказать помощь Польше в соответствии со взятыми обязательствами?

Политические и военные лидеры Третьей республики, склонные поддерживать их историки позже дадут подробное обоснование военного бездействия Франции в те критические недели, когда вермахт всей своей силой обрушился на Польшу. Они будут говорить о неготовности французской тяжелой артиллерии, о слабости авиации, недостаточной обученности резервистов, о туристах, которые забили дороги Франции и которых нельзя было подставлять под удары авиации, и о других подобного же рода причинах и обстоятельствах, которые не позволили Франции наступлением на германский западный фронт помочь Польше.

Конечно, все это было. То есть хорошо, если бы у Франции имелось побольше тяжелых пушек, так как в принципе на войне "больше" всегда лучше, чем "меньше", а понятия "хватает" и "не хватает" более чем относительны. Неплохо бы ей тогда иметь массу более хорошо обученных резервистов, более современный авиационный парк, отправить туристов по своим странам и т. д. все это так. Но истина заключалась отнюдь не в этом.

Никогда ни одна страна перед войной не могла считать себя абсолютно готовой. Всегда что-то не кончено, недоделано, оставляет желать лучшего. И конечно, если проиграл войну - самое простое вспомнить все эти недоделки и нехватки и сослаться на них как на причину всех бед. Но есть один главенствующий критерий, который определяет все остальное: политика. Прежде всего необходимо поставить вопрос, и какой мере политический курс стимулировал или тормозил принятие эффективного военного решения, а затем определить, была ли военная неготовность столь значительной, что вынудила принять мало целесообразный военный план.

В данном случае степень военной неготовности отнюдь не тормозила военное выступление против Германии на помощь Польше, если имелось бы соответствующее политическое решение.

Действительно, Франция и Англия в первых числах сентября развернули против Германии 76 дивизий, и это далеко не составляло предела, так как развертывание продолжалось. В составе французских сухопутных сил имелось 16,4 тыс. орудий, 2946 танков, авиация насчитывала 440 бомбардировщиков, 734 истребителя, а позади внушительно стояла на аэродромах британская авиация. Этим силам противостояла крайне слабая немецкая группировка - группа армий "Ц", состоявшая из второразрядных дивизий, общее число которых лишь к 10 сентября удалось довести до 33. Они не имели ни одного танка и располагали только около 300 орудий. Все остальное было брошено против Польши. В германском генеральном штабе сухопутных сил буквально трепетали перед возможностью перехода в наступление французской армии в первые дни сентября. "У военных специалистов становились дыбом волосы, когда они думали о вероятности французского наступления сразу же в начале войны", - писал впоследствии немецкий генерал Вестфаль.

Но ни французского, ни английского наступления не последовало ни сразу, ни позже. Начинаясь "странная война" представляла собой тот политический тормоз, который

затем в течение 8 месяцев сделал статичным фронт союзных армий.

"Странная война" не представляла собой ни изобретения Чемберлена или Даладье, генералов Гамелена или Горта, ни военно-стратегической ошибки, хотя, безусловно, здесь присутствовали и реакционные решения отдельных лиц, и пагубные заблуждения. Удивительная ситуация "ни войны ни мира" стала прямым и логическим продолжением всего политического курса Парижа и Лондона по меньшей мере с конца 1937 г., курса Мюнхена, попустительства агрессору с неутолимим желанием натравить Гитлера на Восток, руками третьего рейха сокрушить Советский Союз и социализм. И сейчас, когда война стала неким юридическим фактом, ее отнюдь не хотели делать фактической реальностью. Вряд ли доселе в XX в. реакционные классовые тенденции столь осязаемо, властно и наглядно-результативно вторгались в характер ведения войны, не только диктуя военную стратегию, но и буквально пронизывая всю военную систему вплоть до поведения отдельного солдата. Странная, смешная, сидячая война! Враг не на фронте - он в тылу! "Он" - это коммунисты, вообще все "левые"! "Лучше Гитлер, чем Народный фронт!", "Не будем умирать за Данциг!", "Немцы желают нам добра!" - под такими лозунгами продолжалась старая политика, политика с расчетом на сокрушение других.

IV

Германский флот не заставил себя ждать и пунктуально, в день объявления Францией и Англией войны, начал действия. Первой его жертвой стал пассажирский лайнер "Атения", шедший из Ливерпуля в Монреаль. Германская подводная лодка потопила его вблизи Гебридских островов, о чем на весь мир сразу же сообщило английское радио.

Германский штаб руководства войной на море сначала не поверил английским сообщениям. Ведь его приказ гласил: для начала нести ограниченную войну. Германские лодки хранили строгое радиомолчание. Но когда они вернулись на базу, все выяснилось. Командир лодки получил легкое взыскание за нарушение приказа. А вскоре последовало разрешение начать неограниченную подводную войну.

Тем временем германские войска все стремительнее двигались вперед по польской земле. Моторизованные корпуса при поддержке авиации прорывались все дальше. Новые стремительные ритмы наступления, столь непохожие на прочно установившиеся в военном сознании Европы стереотипы неподвижных позиционных фронтов прошлой войны, порождали не только чисто военный, но и психологический эффект. Сотнями тысяч беженцы уходили на восток. Они запрудили дороги, парализовали движение отступающих войск. Начинающуюся панику усиливала "пятая колонна". Гитлер перед войной говорил: "Подготовительными мероприятиями противник должен быть психологически разложен, деморализован и приведен в состояние готовности капитулировать. Необходимо, опираясь, на агентуру внутри страны, вызывать замешательство, внушать неуверенность и сеять панику путем осуществления беспощадного террора и полного отказа от всякой гуманности"¹⁴⁵.

Группы диверсантов нападали на эшелоны, стреляли по отступающим польским войскам, сеяли панические слухи. На южном участке фронта сильный отряд диверсантов, почти из 5 тыс. человек, занял ряд заводов и шахт Верхней Силезии. Возможности "пятой колонны" многократно преувеличивались слухами, быстро распространявшимися на фронте и особенно в тылу.

Зарождались элементы "психологической войны", эффект которой становился тем выше, чем меньше чувствовалась в стране организующая сила верховной власти.

Германское наступление продвинулось к Висле и Сану. 9 сентября в штабе германских сухопутных сил окончательно решили перенести главные усилия в Восточную Польшу. "Войска противника, отходящие за Вислу, - говорилось в приказе ОКХ от 9 сентября, - должны быть уничтожены двойным охватом восточнее Вислы... На восточном фланге группы армий необходимо вести подвижные силы с таким расчетом, чтобы в последующем было возможно их взаимодействие с группой армий "Юг" восточнее Буга. Группа армий

"Юг" уничтожает противника, еще удерживающегося западнее Вислы, и дальнейшим продвижением через Вислу препятствует отходу вражеских сил на восток. Сильным правым флангом она продвигается через Верхний и Средний Сан, чтобы охватить противника на Нижнем Сане. В дальнейшем она будет наступать в общем направлении на Хелм в готовности правым флангом в случае необходимости также осуществить движение через верхнее течение Буга"146.

Все казалось предусмотренным с педантизмом штабной науки, творцы которой никогда не питали сомнений в идеальной точности своих решений и планов.

И вот, когда в Цоссене и в бронированных вагонах "ставки фюрера" начищали победные фанфары, произошло нечто непредвиденное. Внезапно разразился польский контрудар такой силы, что идеально точные расчеты и прогнозы перемешались. Решительная контратака трех пехотных дивизий польской армии "Познань" под командованием генерала Кутшебы на реке Бзуре западнее Варшавы вылилась затем в трудное, кровопролитное сражение. Оно продолжалось десять суток подряд, став громом среди ясного дня. Оно не только вызвало некоторое замешательство в ответственных немецких командных инстанциях, во всех штабах, но и потребовало буквально пожарных мер. Рундштедт, наступавший на юге, вынужден был прекратить движение главных сил и перебросить ряд своих соединений к северу, на Бзуру. Гитлеровские дивизии, отвлеченные от Варшавы, понесли в боях немалые потери.

Эти первые для второй мировой войны успешные контрдействия войск государства, оказавшегося под ударом нацистских агрессоров, вызвали изменение оперативных планов.

И на берегах Бзуры, и в других местах польские войска стойкой борьбой неоднократно срывали германские планы, давая образцы активной обороны, значение которой на отдельных этапах перерастало тактические рамки. В ходе приграничных сражений германские танковые дивизии понесли серьезные потери от польских частей, входивших в армии "Лодзь", "Модлин", "Краков", "Поможе". Во время "Битвы над Бзурой" гитлеровские войска потерпели серьезный урон. Потребовалась широкая перегруппировка главных сил группы армий "Юг", вызвавшая изменение германских планов.

В борьбе за Вестерплатте, Модлин, полуостров Хель и особенно в ходе героической обороны Варшавы поляки показали высокие примеры мужества.

Оборона Варшавы особенно наглядно свидетельствовала, что польские патриоты в обстановке падения антинародного буржуазно-помещичьего режима поднимались на национально-освободительную борьбу, защищая не прогнивший общественный строй, а свою свободу, честь, право на самостоятельное национальное существование.

В этом смысле оборона Варшавы стоит в ряду выдающихся событий второй мировой войны147.

Фундаментом варшавской обороны оказались не столько действия регулярных войск и приказы военного командования, сколько широкая инициатива снизу, творчество масс, патриотизм трудящихся. Варшава сражалась 20 суток в условиях полного распада буржуазно-помещичьего государства, вопреки планам и намерениям обанкротившейся правящей клики, сбежавшей из столицы еще перед началом борьбы. В ходе обороны польские трудящиеся создали демократические формы военной организации: добровольческие отряды, рабочую бригаду, отряды ПВО. Польские коммунисты активизировали массы, вносили в ряды защитников дух стойкости и героизма. Буржуазные круги, шедшие сначала в общем потоке демократических событий, очень скоро испугались революционных методов и форм борьбы, которые начали появляться в рабочей среде. Стоявшие у власти представители имущих классов порой ограничивали вооружение рабочих отрядов, всячески противились предоставлению им самостоятельности, старались поставить их под контроль офицерства и в конечном счете ускорили капитуляцию Варшавы.

Характер военно-политического мышления германского военного руководства в эти дни неплохо обнаруживает один довольно интересный документ, являющийся вместе с тем свидетельством признания стойкости сопротивления Варшавы. Речь идет о листовке ОКВ,

которую немецкие самолеты 12 сентября сбрасывали в больших количествах над Варшавой: "К населению Варшавы. Ваше правительство превратило город в военный район и лишило его характера открытого города. Ваше военное руководство не только ввело в город тяжелую артиллерию, но и потребовало также на каждой улице соорудить баррикады и оказать немецким войскам упорное сопротивление. Призывая, чтобы с оружием в руках оказывало сопротивление немецким войскам также гражданское население, которое в таком случае вело бы войну франтиреров, ваше правительство нарушило международное право". И далее следовало требование сдать Варшаву без боя "в течение 12 часов немецким войскам, окружающим Варшаву"¹⁴⁸.

Элемент народного сопротивления не уместился в шаблонах нацистских военных правил: всякий народ - свой и чужой - обязан подчиняться фашистской солдатчине. Иначе - непорядок. Нарушение "международного права". Нацистская солдатня в роли "защитника права!"

Варшава не сдалась ни через 12 часов, ни через 24, ни через двое или пятеро суток. Здесь происходило нечто иное, что пока не понимали руководители войск, окружавших Варшаву. Но, упомянув о "войне франтиреров", они, сами того не сознавая, заглянули в свое будущее. Очень скоро народная война, вызванная преступлениями нацизма в Европе, взорвет все расчеты тех, кто сейчас был почти уверен в своей непобедимости.

Однако на других фронтах борьбы положение польской армии становилось катастрофическим. Ни по силам, ни по методам ведения войны, ни по характеру деятельности высшего руководства она не могла противостоять вермахту. Крупные группировки польских войск попадали в окружение. Действия становились все более разрозненными.

Во второй половине сентября польской армии как организованного целого не существовало. Гитлеровские дивизии широким фронтом катились к границам Советского Союза, и кто мог поручиться, что вал остановится у советских рубежей?

17 сентября по приказу Советского правительства войска Красной Армии перешли границу распавшегося польского государства и начали Освободительный поход в Западную Белоруссию и Западную Украину.

Вступление в события нового мощного фактора - Красной Армии - оказалось неожиданным для германского командования и высших штабов, убежденных, что в результате разгрома польской армии вермахт быстро и свободно выйдет на советскую границу. Именно в этом направлении в середине и второй половине сентября разрабатывались оперативные планы.

Но распад польского государства ускорил принятие Советским правительством решения об Освободительном походе.

После 17 сентября третий рейх уже не располагал свободой решений и вынужден был считаться с инициативой Советского Союза. Красная Армия остановила стремительное продвижение вермахта к советским границам, заставила его отойти к западу и создала основы будущего Восточного фронта против гитлеровской агрессии. 13 млн. украинцев и белорусов были взяты под защиту советских войск, а будущий возможный плацдарм нападения на СССР сокращен.

Германское командование недооценило возможности Красной Армии по быстрому развертыванию и переходу в наступление. Система политической и военной информации в верховном командовании германских вооруженных сил оказалась малоэффективной, или, по выражению Н. Формана, "недостаточно компетентной".

Наступала развязка. Однако после Бзуры, Варшавы, тяжелых боев под Вестерплатте, Млавой и в других местах раздумья военных руководителей рейха не отличались чрезмерным оптимизмом.

Оказалось, что "той пехоты, которая была в 1914 г., мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы", - так заключил Гальдер. По общему мнению, если у поляков оказалась бы хорошая противотанковая оборона, успех в

Польше стал бы невозможным. Потери танковых войск группы генерала Гудериана составили 15 - 20%. В военном производстве, по словам Йодля, "надвигался кризис самого худшего рода". В Германии ежемесячно не хватало 600 тыс. тонн стали. Авиация потеряла половину месячного производства самолетов и т. д. Словом, в конце "польского похода" обнаруживалось, что все далеко не так благополучно, как могло бы показаться на первый взгляд и как хотелось бы.

Кроме того, вплоть до 6 октября разрозненные польские пехотные и кавалерийские отряды упрямо атаковали немецкие войска, где никто не ждал и вообще не предполагал, что так воевать еще возможно в подобной обстановке.

Тем не менее германский генеральный штаб имел основания быть довольным результатами "польского похода". Доктрина "молниеносной войны", казалось, торжествовала. Новые принципы развертывания армии, перехода в наступление и стремительного прорыва моторизованными корпусами целиком себя оправдали. Выучка солдат и командиров, за малым исключением, удовлетворяла. Но все это были привычные категории чисто военного мышления. Хуже обстояло с пониманием явлений общественно-социального порядка.

У германского военного руководства отсутствовало представление о национально-освободительной борьбе народов как о факторе, способном оказать влияние на ход вооруженной борьбы, на войну в целом. В Польше гитлеровское военное руководство впервые встретилось не только с регулярной армией, но и с народным сопротивлением, не учтенным и не предусмотренным германским верховным командованием ни в теории, ни в практике, ни в уставах, ни в приказах.

Появилось первое свидетельство того необычайно важного обстоятельства - и его тогда не распознал германский генеральный штаб, - что успехи вермахта кончаются там, где на его пути поднимается народная борьба.

Историческая заслуга польского сентябрьского сопротивления, которое стоило гитлеровской армии значительных потерь и продолжилось более месяца, в том и состоит, что оно предопределяло главную линию борьбы против гитлеровской агрессии.

Уникальное в обстановке "польского похода" сопротивление Варшавы, основой которого стал патриотический подъем народа, рассматривалось немецким командованием как незаконная "война франтиреров" и даже как "нарушение международного права"¹⁴⁹. Впервые в обиходе генерального штаба появилось слово "партизаны", и Браухич отдал приказ: каждый немецкий командир, начиная с ротного, имеет право выносить смертный приговор "подозреваемым в партизанской деятельности" полякам.

Но успех был успехом, и нацисты, конечно, не упустили возможности поднять шумиху насчет "непобедимости германского оружия", "превосходства военного мастерства" вермахта над кем угодно, когда угодно и т. п. А военная верхушка, расположившаяся в полном составе в роскошном отеле города Цоппот, отмечала двойное торжество: победу и день рождения Кейтеля. И все собравшиеся на торжество имели прекрасную возможность любоваться из окон видом на Вестерплатте, где только что убрали сотни мертвых солдат, погибших в длительных бесплодных попытках взять штурмом укрепления, героически обороняемые польским гарнизоном.

Глава вторая. На вершине успеха

Перед новым походом

I

Победа над Польшей вселила в нацистских лидеров дух наглой самоуверенности. Действительно, вермахт провел "блицкриг", западные державы хотя и объявили войну, но не пошевелили и пальцем для помощи польскому союзнику. Фюрер, как всегда, оказался прав, а генералы - об этом теперь можно было прочитать в любой нацистской газете и услышать по радио в любом из многочисленных выступлений гитлеровских заправил - показали себя самыми лучшими, самыми безупречными военачальниками. Так, по крайней мере, стало многим казаться в третьем рейхе при поверхностном взгляде на ход событий. Могли ли фашисты упустить случай и не поднять шумиху вокруг своего успеха? Безусловно, скромность не входила в традиции владык третьего рейха.

Механизм военной пропаганды закрутился с бешеной скоростью. Газеты, захлебываясь от восторга, расписывали военный парад 5 октября в Варшаве. Бесконечные фотографии марширующих батальонов, трофейного вооружения, захваченных знамен, бравурные отчеты о ходе операций - все это перемешивалось в сознании рядовых немцев, офицеров и солдат вермахта в некий сверкающий победный поток.

30 сентября Гитлер торжественно принял в рейхсканцелярии "ответственных главнокомандующих польского похода". Когда они выстроились идеальной шеренгой в "рабочей комнате фюрера", Гитлер поблагодарил их за "выдающиеся достижения в руководстве войсками". Затем последовало награждение "героев похода" только что введенными орденами Большого железного креста¹⁵⁰.

Всевозможные восторги различных писак, в тоне грубого хвастовства прославлявших победу, не сходили с первых страниц газет. Военная пропаганда захлестывала страну. Она все больше убеждала вермахт и народ в "непобедимости германского оружия". А тем временем публикуемые на последних страницах бесконечные списки погибших красноречиво свидетельствовали: "польский поход" отнюдь не был легкой прогулкой. Здесь же объявлялись нормы введенного в сентябре рациона: в месяц 2 кг мяса, 9,6 кг хлеба, 1 кг сахара на человека.

О своей дальнейшей политической стратегии Гитлер сообщил с трибуны рейхстага 6 октября. Вновь собрались "депутаты". Фюрер начал "речь мира", как немедленно окрестили ее в рейхе. "Проведенная мной ревизия Версальского договора в Европе, - разглагольствовал он, - не создала никакого хаоса, но, наоборот, дала предпосылки для ясных, стабильных и прежде всего приемлемых взаимоотношений. Только те, кому ненавистен этот порядок в Европе и кто надеется на беспорядок, могут стать врагами подобных действий". Бахвальство, крикливые похвалы в адрес генералов и солдат перемежались "мирными призывами" к Франции и Англии. "Почему на Западе должна вестись война? - восклицал Гитлер. - Для восстановления Польши? Польша Версальского договора больше никогда не воскреснет... Разве Германия поставила Англии какие-нибудь требования, которые угрожали бы Британской мировой империи, ее существованию? Ни Франции, ни Англии Германия не ставила таких требований". И поэтому он провозглашал своей главной задачей... "европейскую безопасность"¹⁵¹ Он бесстыдно "призывал" к миру в Европе. Лживая демагогическая речь, нацеленная в лагерь западных мюнхенцев, рассчитывалась на дезориентацию Англии и Франции.

10 октября, выступая в берлинском Спортпаласе по поводу "кампании зимней помощи для войны", нацистский главарь вновь повторил: Германия "не имеет никаких оснований для войны с западными противниками". В оккупированной Польше нацисты распространяли листовку "Мир на земле".

Чтобы правильно оценить "мирное наступление на Запад", начатое Гитлером после захвата Польши, понять его "речь мира", произнесенную 6 октября, и всевозможные жесты в

сторону западных держав в последующие дни и недели, необходимо рассматривать все эти политические маневры в общем контексте той политики, главный смысл которой формулировался накануне войны словами: "Все, что я делаю, направлено против России" (см. главу I). Политическая программа, созданная еще в 20-е годы, - решить проблему "жизненного пространства" путем завоевания Советского Союза при поддержке или благожелательном нейтралитете Англии - сейчас оказывала все возрастающее влияние на военно-политическую стратегию Гитлера. Он не стремился в данный момент приступить к заморским колониальным захватам, отобрать у Англии колонии, переделить Британскую империю, Да и флот для этого был слишком слаб. Гитлер был бы не прочь договориться с Лондоном о возвращении Германии некоторых колоний, а затем, обеспечив западный тыл, подготовиться к дальнейшему броску на Восток, в полном соответствии с "континентальной концепцией" своей программы.

Он делает попытку достигнуть соглашения с Англией на основе признания ею новой ситуации в Европе, сложившейся после завоевания Польши. Он обещает не выдвигать больше чрезмерных требований к Великобритании. Во время обсуждения обстановки 17 октября 1939 г. Гитлер оценил польскую территорию как "выдвинутый вперед плацдарм, который имеет для нас военное значение и может быть использован для стратегического развертывания".

Гитлер предполагает уже сейчас начать в поработанной Польше подготовку к следующему этапу реализации плана "континентальной империи". Правда, по настоянию гросс-адмирала Редера, одновременно он отдает распоряжение об усилении военных действий на море. Более того, не очень-то рассчитывая на согласие Англии заключить мир, Гитлер 10 октября на совещании с главнокомандующими приказал подготовиться к удару на Западе. Вывод из строя Франции не оставит у Англии никаких шансов, и она будет вынуждена заключить мир.

Однако ни усиление действий флота, ни потопление германской подводной лодкой "У-47" британского линкора "Ройял оук" непосредственно на его базе Скапа-Флоу, ни дальнейшее расширение планов германского военно-морского командования, глава которого Редер настаивал на активизации действий против Англии, не меняли того обстоятельства, что приоритет гитлеровской завоевательной политики и стратегии по-прежнему отдавался континентальным планам, подготовке будущей войны против Советского Союза. И можно в известном смысле согласиться с западногерманским историком К. Гильдебрандтом, который пишет: "Война против Англии все еще рассматривалась Гитлером теперь как попытка военными средствами заставить англичан действовать совместно"¹⁵².

Гитлер, исходя из своей главной концепции "все, что я делаю, направлено против России", предполагал, что в Англии и сейчас не исключен успех прогерманских элементов, влиятельных сторонников мира с нацистами, мюнхенцев, которые смогут оказать в необходимом ему духе нажим на правительство. Нужно только не затрагивать имперские интересы Лондона. И он в своей "речи мира" старается их не затрагивать. Если бы удалось достигнуть теперь с Англией "разумного соглашения", облегчился бы путь к созданию "великогерманского рейха".

Ведь не случайно перед рождеством 1939г., посетив по своей традиции семейство неких Брукманов в Мюнхене, приятелей по "временам боев" за фашистскую диктатуру, Гитлер написал в семейном альбоме: "В год борьбы за основание великого германского рейха"¹⁵³. Известно, что в фашистском представлении понятие "великогерманский рейх" прежде всего означало завоевания на востоке Европы.

Их необходимость не оставляла сомнений и у союзников Гитлера. Муссолини писал ему 3 января 1940 г.: "Решение вопроса о вашем жизненном пространстве находится в России и больше нигде, в России, с ее чудовищным пространством в 21 миллион квадратных километров и 9 жителями на квадратный километр. Она не принадлежит к Европе"¹⁵⁴. Венгерский посланник в Лондоне утверждал, что ответственные лица из британских правительственных кругов, Кадоган и Сарджент, сообщили ему: Англия "не чужда мысли" в

конечном счете повернуть вместе с Германией против России, "так как Германию во всяком случае нужно рассматривать как меньшую опасность". Поэтому Англия должна стать "желательным партнером" для континентальных устремлений рейха.

Однако для Англии соглашение с Германией на основе признания захватов в Европе было неприемлемым, ибо означало бы превращение ее во второразрядное государство. И хотя, как убедительно показал, в частности, советский историк Г. Н. Реутов, официальные круги Лондона поддерживали в это время тайные контакты с Берлином, имея в виду "мирный сговор" с Германией, Чемберлен 12 октября отклонил "мирные предложения" Гитлера¹⁵⁵. Англия не хотела и не могла стать союзницей рейха.

Тем временем планы Берлина уточняются. Отказ Англии от сотрудничества, активизация сторонников колониальной концепции, а главное - понимание недостаточности сил для нападения на Советский Союз в непосредственном будущем, - все это склоняет нацистскую верхушку к решению нанести следующий удар на Западе. Молниеносным наступлением разгромить Францию и этим сделать безнадежными позиции Англии. Затем станет возможным поставить на колени Англию и начать подготовку к походу на Восток! В январе 1940 г. Гитлер отдает распоряжение министерству иностранных дел и "колониально-политическому отделу" нацистской партии переработать и уточнить вопросы, связанные с требованием колоний и с системой управления ими.

Военные действия флота против Англии стали приобретать все более энергичный характер. Германские подводные лодки атаковали не закончившие развертывание силы британского флота. Фашистские бомбардировщики топили в проливах военные и торговые корабли союзников. Гитлер в конце сентября 1939 г., по предложению Редера, санкционировал постепенное усиление подводной войны¹⁵⁶. Англия только с сентября по декабрь 1939 г. потеряла от немецких подводных лодок 114 судов, а в 1940 г. - 471 судно. Немцы утратили в 1939 г. всего лишь 9 подводных лодок¹⁵⁷. Принимала все более широкий размах битва за Атлантику, в ходе которой державы оси старались нанести удар по морскому потенциалу и главным коммуникациям Великобритании, парализовать ее жизненные артерии, блокировать с моря.

II

Как мы говорили, уже в первые дни войны начало складываться то состояние, которое несколько позже стали называть "странной войной". Действительно, тут было много странного. Колоссальное напряжение политического кризиса последних августовских дней, когда в некоторых западных столицах начиналась паника в ожидании внезапного налета тысяч германских бомбардировщиков, достигло кульминационного пункта с объявлением войны Лондоном и Парижем. Но день шел за днем, и почти ничего не менялось. Фронты молчали, авиация практически бездействовала, и вскоре немецкие и французские солдаты, сначала с любопытством разглядывавшие друг друга из окопов на рейнском фронте, привыкли к такой "смешной войне" и занялись будничными делами, как в лагерях где-то глубоко в тылу. "Развесим наше белье на линии Зигфрида", - распевали французы шутивную песенку. "Стоит ли вам умирать за Данциг?" - вывешивали немцы над своими окопами плакаты под развеселую музыку.

Правда, девять французских дивизий с 9 по 12 сентября двинулись в демонстративное наступление на северо-восточном фронте. Но их задача оказалась более чем скромной: "войти в соприкосновение с предпольем немецкой оборонительной полосы". Никого в немецком лагере эта акция не побеспокоила, ничего не изменила. Вермахт сокрушал польский фронт, а западные союзники Польши ничем ей не помогали, фактически разорвав в ключья взятые обязательства о военной поддержке в случае германской агрессии. Странная, смешная война!

Она продолжалась восемь с лишним месяцев, вплоть до рассвета 10 мая 1940 г., когда яростное германское наступление взорвало удивительное безмолвие.

"Странная война" - особое социально-политическое явление, порожденное в конечном

счете процессами общего кризиса капитализма. Его корни лежат в политике антикоммунизма, присущей обеим вступившим в войну группировкам империалистических государств.

Отметим самые главные из непосредственных причин, породивших "странную войну".

Во-первых, продолжение западными державами мюнхенского политического курса. Не отбрасывая в связи с очевидным провалом политику "умиротворения" Гитлера, а, наоборот, цепляясь за нее, "мюнхенские головы" из обеих западных столиц все еще рассчитывали на "всеохватывающее взаимопонимание" с Берлином, о котором так много говорилось перед войной. Когда вал германских дивизий катился на восток, существовал ли смысл задерживать его вблизи советских границ? Не двинется ли он и дальше? Ведь "речь мира", которую произнес фюрер, и совершенно ясное зондирование его эмиссарами англо-французской политики в духе возможного соглашения давали новый стимул мюнхенско-антисоветским тенденциям даже, казалось бы, в полностью изменившихся условиях.

"Мирные" сигналы из Берлина воскрешали давние надежды. Не будет ли генеральная программа нацизма, ориентированная на восток, именно сейчас воплощаться в реальность? И поскольку Польшу, как стали говорить на официальных совещаниях в Париже, "все равно не спасти", выжидание и бездействие стали считать высшим благом и проявлением государственной мудрости.

Во-вторых, открытое вступление в войну Франции тормозилось боязнью правящих кругов мощного роста левых сил в стране, их консолидации, повышения авторитета коммунистической партии, развития рабочего движения. По классовым мотивам казалось выгоднее, используя официальное состояние войны и "законы военного времени", нанести удар по левым силам, прежде всего по коммунистам, но, с другой стороны, не рисковать инициативой развязывания "действительной войны", чтобы не получить удара со стороны этих сил.

Прибавим, что сейчас на Западе существует мнение, согласно которому военная пассивность Франции в период "странной войны" объясняется либо оборонительным характером ее военной доктрины, либо, как мы уже говорили, неготовностью ее тяжелой артиллерии, либо слабостью противовоздушной обороны. Конечно, оборонительная доктрина, рожденная принесшей успех в 1914-1918 гг. стратегией экономической блокады Германии, в сочетании с позиционными формами борьбы висела старой, ржавой гирей на ногах французской армии. Но отнюдь не она и не другие моменты тактического порядка намертво приковали союзные дивизии к траншеям и казематам "линии Мажино". Дело в другом. "Лучше Гитлер, чем Народный фронт" - этот лозунг французской крайней реакции, пожалуй, гораздо выразительнее, чем всякие замысловатые оперативно-стратегические расчеты, объясняет бездействие союзных армий на перепаханной окопами, покрытой стальными башнями бункеров северо-восточной части французской земли.

Реакционная классовая стратегия с неумолимой твердостью и последовательностью диктовала проведение столь же реакционной военной стратегии.

В-третьих, военное бездействие Германии в период "странной войны" объяснялось причинами сугубо внешнеполитического характера, вытекающими из агрессивной программы нацизма. Коротко говоря, и здесь в полной мере "срабатывал" известный нам генеральный тезис политики Гитлера: "Все, что я делаю, направлено против России". Он предложил в октябре 1939 г. мир Англии и Франции, чтобы, поставив их перед фактом разгрома Польши, попытаться найти соглашению на антисоветской основе. Вся нацистская политика периода "странной войны", если рассматривать ее не с точки зрения крикливой пропаганды Геббельса, а по ее классовому существу, ориентировалась и сейчас прежде всего не против Запада, а против Советского Союза.

Приведем лишь один из многочисленных фактов. 18 марта 1940 г., т. е. за полтора месяца до вторжения во Францию, когда немецкие дивизии уже стояли наготове за "линией Зигфрида", Гитлер встретился на Бреннерском перевале со своим другом и соратником Муссолини.

Фюрер разъяснил партнеру концепцию своей политики на проходящей сейчас "относительно спокойной фазе войны". Он говорил не о войне с Францией и Англией, а о своем "союзе с Россией" и подчеркивал, что "только горькая нужда заставила его сойтись с этой страной". Он всегда хотел сотрудничать с Англией при условии, что "Англия не будет ограничивать Германии захват жизненного пространства, особенно на Востоке, и отдаст Германии ее колонии". Впрочем, подчеркнул Гитлер, он "выдвигал свои требования не в ультимативной форме, а лишь указывал на то невозможное состояние, когда нужно выпрашивать каждый фунт кофе или чая". Продолжая разглагольствовать насчет своей программы, он заявил, что "славянское московитство" является "опасностью для Германии" и представляет собой с точки зрения нацистского рейха "абсолютно враждебный мир"¹⁵⁸.

Да, здесь нацистский главарь был недалек от истины, рассматривая ее, правда, с прямо противоположной стороны. Мир социализма и мир фашизма были принципиально несовместимы.

Из откровений Гитлера на Бреннере за полтора месяца до вторжения во Францию следовало совершенно ясно:

- что договор с Советским Союзом нацисты рассматривали как в принципе нежелательный и временный;
- что достижение взаимопонимания с Англией, как и прежде, оставалось ведущей целью германской политики;
- что бездействие в период "странной войны" определялось в первую очередь именно политическими мотивами.

Забегая несколько вперед, отметим, что эти принципиальные установки германской политики совершенно закономерно продолжали действовать, изменив лишь форму, и во время похода во Францию летом 1940 г., и во время так называемого воздушного наступления на Англию осенью того же года. Кульминационный пункт "западного похода", связанный с "остановкой под Дюнкерком", также определялся именно такими политическими обстоятельствами. Но об этом в своем месте.

В-четвертых, выжидательная позиция, занятая Германией, объяснялась также тем выигрышем во времени, который она получала для приведения в готовность вооруженных сил, увеличения числа дивизий, оснащения их новой техникой, выпуска необходимого количества боеприпасов, которых явно не хватало, и вообще для преодоления многочисленных "узких мест" в чисто военной подготовке, обнаружившихся после военных действий в Польше. Однако эта причина носила целиком подчиненный политике характер.

В-пятых, среди западных мюнхенцев безусловно существовал, насаждался и распространялся особый дух преклонения перед "страшной военной мощью Германии". Преувеличение военных сил Гитлера и преуменьшение своих, пожалуй, соответствовало аналогичному явлению, существовавшему в Германии при оценке своей и чужой мощи. Запуганность мюнхенских политиков гитлеровцы ловко использовали для блефа и достигли в этом смысле немалого успеха. Во всяком случае в Лондоне и Париже многие ответственные лица верили в колоссальное превосходство Германии, особенно в авиации и в количестве танков, которого на самом деле не существовало.

Противоречивая, ложная, запутывающая информация, стекавшаяся со всех сторон в штабы французской и британской разведок, плюс их явная психологическая настроенность на преувеличение германских сил имели следующие главные результаты.

Командование союзников считало, что Германия имеет почти в 2,5 раза больше бомбардировщиков, чем Англия и Франция совместно (1900 против 824), и в 1,3 больше истребителей. Однако в действительности разница была значительно меньшей. Тем не менее английский штаб ВВС считал, что немцы могут на протяжении 14 дней ежедневно посылать на Лондон по тысяче бомбардировщиков. Такие просчеты еще больше стимулировали определяемое политикой бездействие на фронте, осторожность и крайнюю медлительность действий. Они парализовали английскую бомбардировочную авиацию в начале германского вторжения на Западе.

Союзное командование не решилось нанести в начале войны авиационный удар по Руру, чего весьма опасалось гитлеровское командование.

Союзники преувеличивали мощь немецкого "западного вала" (который, по словам Иодля, представлял собой тогда лишь "огромную строительную площадку") и не помышляли о его атаке. Этим они также стимулировали отмеченные выше политические тенденции¹⁵⁹.

Преувеличение немецких сил не появилось само по себе, но представляло собой опять-таки продолжение и результат мюнхенской политики. Она породила и надежду, что Гитлер не совершит "ничего неблагодарного" в отношении западных держав после победы над Польшей. Более того, "в благодарность за бездействие Запада" он будет стремиться к "политическим решениям", приемлемым для Лондона и Парижа.

Наконец, в шестых, бездействию союзников во время "странной войны" способствовала устаревшая оборонительная доктрина французской армии. Она представляла собой пережиток абсолютной веры во всеилие позиционных фронтов, освященный победоносным опытом первой мировой войны и подкрепляемый той странной недооценкой новых технических достижений, которая безусловно имела место во французском генеральном штабе.

Эти основные причины, находившиеся в сложном соотношении и взаимодействии, и определили то весьма своеобразное состояние, которое называлось "странной войной".

III

Несмотря на ярко выраженную "восточную" ориентацию агрессивной внешней политики нацизма, подготовка к войне против Франции и Англии, как уже говорилось, составляла один из важных аспектов германской политики. Идея реванша в милитаристских и националистических кругах Германии вполне оформилась к середине 20-х годов.

Однако, какими бы громкими на протяжении 20-летия между двумя мировыми войнами ни были в Германии голоса о реванше на Западе, как мы уже отмечали, не может быть ни малейшего сомнения относительно конечных военно-политических планов Гитлера и германских милитаристов - войны с Советским Союзом, которая считалась обязательной, желаемой, неизбежной. В гитлеровских расчетах война на Западе всегда оставалась промежуточной целью "мировой политики", и даже в период острых дипломатических конфликтов со странами Запада она не становилась проблемой номер один в замыслах фашистского руководства.

Все свои наиболее важные проблемы Гитлер, его партия и его генералы собирались решать на Востоке за счет Советского Союза. Здесь сливались воедино и планы захвата "жизненного пространства", и расчеты сокрушить социалистическое государство, "уничтожить коммунизм", и перспективы овладеть богатствами Советского Союза, колонизовать страну, ее народы, и многое другое. В такой связи агрессия против Франции и Англии представляла собой, конечно, меньшую часть пути, который наметили пройти гитлеровцы к достижению мировой гегемонии.

Но обострение империалистических противоречий в 30-х годах, особенно в период экономического кризиса, охватившего капиталистический мир со второй половины 1929 г., усилило борьбу между империалистическими державами на мировых рынках и еще больше подогрело старые антагонизмы. "Война против Англии и Франции будет борьбой не на жизнь, а на смерть"¹⁶⁰, - заявлял Гитлер генералам на заседании 23 мая 1939 г.

Германские высшие военные штабы приступили к предварительному планированию войны против Франции, Англии, Голландии и Бельгии еще в середине 30-х годов. По мере роста наступательной мощи вермахта увеличивалась агрессивность и решительность их планов. Разрабатывались идеи самостоятельных воздушных операций против Англии и Франции.

Чем подробнее германское авиационное командование знакомилось с аспектами воздушной войны, тем больше вырисовывались перед ним различные трудности. В мае 1939 г. во 2-м воздушном флоте состоялась крупная штабная игра. На ней присутствовали

начальник штаба ВВС Ешонек и командующие - генералы авиации Мильх, Кессельринг и Шперрле¹⁶¹. Проигрывались действия 2-го воздушного флота при наступлении на Западе. В ходе игры раскрылась сложность авиационного наступления против Англии, связанная главным образом с отдаленностью воздушных баз Западной Германии и отчасти с недостаточной численностью самолетов. Игра привела всех к выводу о необходимости захвата Голландии и Бельгии для создания выдвинутого авиационного базирования¹⁶².

В январе 1939 г. штаб ВВС активизировал изучение авиационных возможностей Великобритании. В представленном летом докладе ("Исследование Блау") утверждалось, что английская авиация усиленно модернизируется; в 1940 г. она будет равна по силам германской. Слабейший пункт Англии - ее зависимость от импорта. И поэтому предпосылкой успеха воздушной войны против Англии стал считаться разгром британской авиации, авиационной промышленности, парализация деятельности английского флота. Вторая главная задача ВВС - борьба против портов и уничтожение районов базирования британских военно-морских сил. Если удалось бы решить эту задачу, английский флот, потерявший свои базы, стал бы значительно более легкой добычей для германских подводных лодок и самолетов. Но прикидывая все "за" и "против", нацисты пришли к выводу, что в конечном счете поражение Франции будет означать решающий удар и по Англии, которая потеряет свой "континентальный меч", окажется в одиночестве на своем острове, блокированном с моря и подвергаемом беспощадным ударам авиации. Разгромить Францию - значит поставить Англию на край гибели, считал Гитлер.

Если на Западе не удастся достигнуть соглашения, то следует нанести решительный удар, считал Гитлер¹⁶³. Оборонительная стратегия на Западном фронте в период военных действий в Польше представляла собой временное явление, вызванное необходимостью сосредоточить за сравнительно короткий срок максимум сил на Востоке. Уже с 10 сентября 1939 г. принимаются меры к переброске крупных военных сил против Франции.

12 сентября Гитлер заявил шеф-адъютанту Шмундту о своем намерении после победы над Польшей начать наступление на Западе для разгрома Франции¹⁶⁴. Командование сухопутных сил 17 сентября отдало на этот счет предварительный приказ. 20 сентября полковник Варлимонт, посетивший главную квартиру Гитлера в Цоппоте, узнал от Кейтеля, что наступление возможно еще в 1939 г. 23-го Варлимонт сообщил то же самое Гальдеру и 1-му обер-квартирмейстеру Штюльпнагелю, а 27 сентября, после получения известия о капитуляции Варшавы, Гитлер в рейхсканцелярии заявил о своих планах командующим тремя видами вооруженных сил.

Именно в те дни, когда еще не закончилась польская кампания, формулируется основная военно-стратегическая концепция нападения на западные державы, если они не согласятся на мир.

Цель определялась необычайно просто: разгромить Францию, поставить Англию на колени. Предпосылки решения исходили из признания того обстоятельства, что время будет работать против Германии, "если мы его сейчас же полностью не используем". Гитлер признавал: экономический потенциал западных держав сильнее. "В военном отношении время в силу психологических и материальных причин работает против нас... В будущем соотношение материальных возможностей будет изменяться не в нашу пользу. Постепенно противник усилит свою оборонную мощь". Если сейчас французская армия имеет мало средств противотанковой и противовоздушной обороны, то "через шесть - восемь месяцев такого положения уже не будет. Нашим противникам хватит этого срока, чтобы залатать свои дыры". И самое главное, недопустимое: если французы начнут наступление первыми, то быстро подойдут к Руру и смогут разгромить его артиллерией. Следовал общий вывод: "Не ждать, пока противник придет сюда, а нанести удар в западном направлении, если мирное урегулирование будет невозможно. Чем быстрее, тем лучше. Не ждать, пока противник упредит, а самим немедленно перейти в наступление. Это относится и к военно-морским силам"¹⁶⁵.

Итак, 27 сентября, когда еще не завершились бои в Польше, военно-политическая верхушка третьего рейха уже имела отчетливую оперативно-стратегическую концепцию войны на Западе, основу которой составляла идея решительного удара. Дивизии перебрасывались с Востока на Запад. 29-го Браухич совещался с Гальдером по основным проблемам будущего наступления против Франции, Бельгии и Голландии.

В отношении перспектив "западного похода" на первой стадии его подготовки в генеральном штабе и главном командовании сухопутных сил не было полного единодушия.

Представители командования сухопутных сил, безусловно, не сомневались в необходимости продолжать войну. Они не выступали против нее по каким-либо политическим или моральным соображениям. Но генералы Браухич, Гальдер, оберквартирмейстер генерального штаба сухопутных сил Штюльпнагель, Бок и некоторые другие, кто достаточно хорошо знал слабые места в оснащении и подготовке армии, возражали против немедленного выступления на Западе. Польская кампания потребовала большого расхода боеприпасов, и теперь их осталось крайне мало. Не хватало вооружения, транспорта, сырья, отсутствовало необходимое количество обученного резерва¹⁶⁶. Иодль, характеризуя состояние военного производства, 4 октября 1939 г. пришел к выводу: "Надвигается кризис худшего рода"¹⁶⁷. И не удивительно, что генералы хотели основательнее подготовиться, чтобы не слишком рисковать общим - их и фюрера - делом.

Уже 30 сентября во время беседы с Гитлером Браухич и Гальдер высказали первые опасения по поводу возможности немедленного удара по Франции. Подобные же заявления командование сухопутных сил сделало в октябре, а 5 ноября 1939 г. Браухич на приеме у Гитлера изложил заранее подготовленное мнение ОКХ о неготовности армии к выступлению в этом году. Гитлер, несмотря на бурную реакцию, не мог не посчитаться с мнением и аргументами ОКХ. Подробнее об этом мы расскажем несколько дальше.

11 октября 1939 г. один из самых старых генералов вермахта, фон Лееб, направил Браухичу письмо, в котором выразил опасение: удар по Франции может привести к длительней позиционной войне. Он считал, что нападение на Бельгию вызовет ответные действия Франции и в результате "на бельгийской земле придется вести тяжелые бои". В итоге Германия окажется изолированной¹⁶⁸.

Высказывая мысль, что Францию, Англию и Бельгию разгромить трудно, Лееб вместе с тем в своем письме, как и в новом - от 31 декабря 1939 г., - призывал к мирному разрешению конфликта. "Народ ждет сейчас от политики своего фюрера мира, ибо он инстинктивно чувствует, что уничтожение Франции и Англии невозможно и поэтому следует отложить далеко идущие планы. Как солдат, я должен сказать то же самое"¹⁶⁹. Считая войну против Советского Союза неизбежной, он приходил к выводу: "Искать успехов на Востоке и одновременно ждать побед на Западе - означало бы впасть в роковую ошибку, не отвечающую действительности". Подобных взглядов придерживались осенью 1939 г. и некоторые другие генералы, искавшие менее рискованного, с их точки зрения, решения вопроса о направлении дальнейших военных усилий.

Имелась еще более оппозиционно настроенная группа - узкий кружок офицеров во главе с бывшим начальником генерального штаба Беком. Понимая авантюризм гитлеровской военной политики, эти офицеры связывали свои планы с устранением Гитлера и назначением на его место Геринга. Как отмечает в исследовании о заговоре против Гитлера Д. Е. Мельников, оппозиция была озабочена в тот период только одним - поддержанием своих связей с Западом¹⁷⁰.

Именно осенью 1939 г. представители группы Бека осторожно зондировали по дипломатическим каналам почву для соглашения с Англией и Францией о заключении мира на Западе и затем о повороте фронта на Восток. Начальник контрразведки Канарис, используя свои обширные связи в международном "деловом мире", налаживал переговоры с ответственными лицами в Англии и США в духе заключения мирных соглашений. Его эмиссар Мюллер установил контакты через римского папу с английским правительством и в конце октября получил сообщение о готовности последнего вступить в тайные переговоры.

Группа не имела поддержки в армии. Очень скоро от нее отошел ряд генералов, а фон Лееб уже осенью 1939 г. отдавал приказы о войне против Франции, занимая один из самых высших постов - командующего группой армий "Ц".

IV

Разведывательная деятельность доселе невиданно широких масштабов и заблаговременная дезинформационная подготовка стали важными слагаемыми в сумме причин и обстоятельств, облегчивших затем германскому командованию достижение успеха на Западе в 1940 г.

Эффективность гитлеровской разведки против западноевропейских стран отнюдь нельзя объяснять каким-то ее особым профессиональным мастерством. Нет, главное заключалось в том, что для Канариса и всей его многочисленной разветвленной шпионской сети создавались необычайно благоприятные условия, которыми нужно было лишь воспользоваться.

Гитлеровцы собирали плоды той предательской по отношению к своему народу деятельности, которую вели наиболее крайние реакционные элементы крупной французской буржуазии. Фашистская "пятая колонна" во Франции, Бельгии, Голландии снабжала вермахт сведениями, необходимыми для разработки эффективных планов войны, и одновременно изнутри готовила страну к поражению. Дух лояльности к фашизму создавал во Франции, Бельгии, Голландии ту среду, в которой быстро расцветал гитлеровский шпионаж, опутывая своими сетями не только Францию, но и всю континентальную Западную Европу.

Для сбора сведений гитлеровская разведка использовала самые различные каналы. Это были, в частности, германские промышленные корпорации, имевшие необычайно широкие связи с трестами Англии, Франции, США. Огромные услуги оказывали трест "ИГ Фарбениндустри" с его собственной разведкой и обширными мировыми контактами, концерны Г. Стиннеса и другие монополии, агентура которых проникла во все поры хозяйственного и военного организма ряда капиталистических государств.

Дипломатия, отдельные звенья государственного и военного аппарата, торговля, туризм, гражданские воздушные и железнодорожные сообщения, общественные организации - всё фашистская разведка стремилась так или иначе использовать в своих целях. Играя на политической близорукости, антикоммунистических тенденциях, на политике "умиротворения", проводимой Англией, Францией и их союзниками, широко поддерживая профашистские элементы в этих странах, она сумела добиться в предвоенные годы таких результатов, которыми вряд ли когда-нибудь в прошлом могли похвалиться генеральные штабы любой из западноевропейских держав. "Мы, можно сказать, держали руку на пульсе французской армии"¹⁷¹, - бравировал фашистский генерал Лисс, который с 1937 по 1943 г. был начальником 3-го отдела иностранных армий Запада штаба сухопутных сил.

К весне 1940 г. ОКВ знало систему французской мобилизации, структуру всех звеньев командования вооруженных сил Франции, количество и нумерацию войсковых соединений, частей, входивших в их состав, качественное их состояние, дислокацию, номера полевых почт, количество и состав соединений и частей специальных родов войск¹⁷². Германская разведка располагала сведениями о заводах вооружения, нефтеочистительной промышленности, предприятиях авиастроения, оружейных складах¹⁷³. Германский штаб ВВС знал численность французских военно-воздушных сил, аэродромную сеть по всей территории Франции и Северной Африки. Все основные аэродромные узлы были всесторонне оценены с точки зрения их пригодности для использования в военное время¹⁷⁴.

Германская разведка установила, что французское командование после первой мировой войны не изменило номера полевых почт дивизий и полков. А так как эти номера были хорошо известны немцам, то определение дислокации французских соединений и частей не составляло труда¹⁷⁵.

Радиоразведка группы армий "Ц" осенью 1939 г. смогла получить ключ к французскому радиошифру. Лучший специалист шифровального отдела срочно отправился

из Берлина во Франкфурт, и вскоре германские разведчики смогли расшифровывать французские переговоры по радио в звеньях высшего командования.

Лисс пишет: "Вся радиосвязь французского военного министерства... с группами армий, армиями Северной Африки и Сирией постепенно стала нами подслушиваться"¹⁷⁶. Смена шифровальных ключей, производимая французами каждые четыре недели, немцами быстро раскрывалась (кроме ключа, введенного 19 мая 1940 г.)¹⁷⁷. Путем радиоподслушивания немецкой разведке удалось уже в октябре 1939 г. определить группировку французских армий на Рейне. Развертывание 1-й группы армий против бельгийской границы было обнаружено несколько позже¹⁷⁸. Из радиопереговоров немцы узнали о затягивании выпуска противотанковых орудий, о реорганизации кавалерийских дивизий в легкие кавалерийские и т. д. Обмен данными с итальянской разведкой позволил немцам установить, какие французские дивизии были переброшены с альпийского фронта после объявления Италией нейтралитета.

В период отхода французских войск из предполья укреплений "линии Мажино" 16 октября 1939 г. немцы взяли более 1000 пленных. От них они узнали о плохом моральном состоянии французской армии. Одновременно удалось захватить новую противотанковую пушку с боеприпасами. Немедленно ее испробовали на полигоне в Куммерсдорфе против броневых плит германских танков. Оказалось, что французские пушки пробивали все танковые плиты, включая тяжелый танк Т-IV. Это было учтено в танкостроении.

Постепенно получаемые данные раскрыли немцам всю дислокацию союзников, позволили определить слабые места их группировки. "Стала легко различима, пишет Лисс, - поразительная слабость 9-й армии, называемой на карте ошибочно 2-й армией. Когда я в конце ноября - начале декабря представил карту генералу Гальдеру, он внезапно указал на эту армию, стоящую на чрезмерно широком фронте, имевшую к тому же много дивизий третьей волны, и сказал: "Здесь слабое место. Здесь мы должны прорваться"¹⁷⁹. 9-я французская армия стояла в Арденнах.

Группировка союзных армий последовательно уточнялась германской разведкой зимой и весной 1940 г. Обобщенные данные позволили гитлеровскому командованию выработать в конечном счете наиболее рациональный план ведения войны.

Германское военное руководство задолго до войны вело "психологическое наступление" на Францию, чтобы ослабить изнутри ее оборонные возможности. Некоторые западногерманские историки, например Вильгельм Шрамм, объясняют успех "психологического наступления Гитлера" в 30-е годы личными свойствами фюрера, его "демонической интуицией"¹⁸⁰. Но дело отнюдь не в характере Гитлера, а в вероломстве политических методов нацизма и в той благоприятной среде, которую подготовила политика реакционных кругов французской буржуазии для реализации этих методов. Видная роль в организации "психологического наступления" принадлежала генеральному штабу сухопутных сил. Его начальник Бек еще в 1938 г. высказывал мысль о необходимости так готовить войну, чтобы она "была выиграна еще до ее начала"¹⁸¹.

Гитлеровцы с 1933 г. вели коварную игру на миролюбии простых французов. В полном соответствии с политическим курсом соглашательства и "умиротворения" агрессора, которого придерживалась французская реакция, не только нацистские политики, но и милитаристы старались, используя этот курс, "размягчить" французский тыл. Они шумно пропагандировали "вечную германо-французскую дружбу". Для усыпления бдительности французского народа широко использовались помпезные встречи ветеранов, организаторами которых были нацисты.

В "день всепрощения", 2 ноября 1934 г., Гитлер принял французскую делегацию "Национального союза бывших фронтовиков" и обратился к ней с речью. Он "почтил память" миллионов немцев и французов, павших на войне. "Дружеские контакты" с гитлеровскими милитаристами - ветеранами войны - возглавил во Франции депутат парламента Жорж Скапани - друг Гитлера. По его инициативе были организованы грандиозные встречи фронтовиков обеих стран.

"Только потому, что те, кто покоится здесь или где-то еще, только потому, что они ушли на покой, умерли, для того чтобы создать мир для живых, и оттого, что означало бы для нас преступление допустить впредь то, что ненавидели умершие, - мы клянемся сохранить желанный мир, который обрели благодаря их жертвам". Свыше 30 тыс. старых солдат произнесли эту столь необычную клятву в ночь с 12 на 13 июля 1936 г. перед фортом Дуомон, северо-западнее крепости Верден, с башни которого светил зажженный в 1918 г. вечный огонь над полем битвы¹⁸². Среди французских ветеранов здесь стояли 500 немецких солдат, сражавшихся под Верденом, с капитаном Брандисом во главе.

Эта инсценировка - типичный пример осуществления тщательно продуманного плана "мирного наступления" германских милитаристов на Францию. Вскоре премьер Даладье стал с гордостью именовать себя "старым фронтовым солдатом". В письмах Гитлеру позже он писал: "Мы с вами, как старые солдаты..." Летом 1937 г. в Париж прибыл начальник генерального штаба Бек, что в тех условиях казалось беспрецедентным событием. Официальным предлогом было посещение Всемирной выставки в Париже. Бек имел встречи с Гамеленом, Даладье и Петэном. В интервью газете "Тан" он заявил: "При нынешних хороших отношениях между нашими армиями, что является отрадным, при хорошей солдатской дружбе я, само собой разумеется, нанес визит вождям французской армии. Я могу сказать, что наша встреча произвела на меня глубокое впечатление, я удовлетворен и рад ее повторить". В официальном отчете Бек рассказывал о встрече с маршалом Петэном: "Под конец маршал еще раз выразил свою особую радость, что я его посетил, что он имел возможность пожать мне руку, хотя это произошло лишь по прошествии двадцати лет, а не через два часа после закончившегося спора, как бывало прежде в рыцарские времена"¹⁸³.

В июне того же года во Фрейбурге состоялась встреча немецких и французских солдат-ветеранов, в которой, однако, приняли участие не только ветераны, но и представители всего офицерского корпуса. Во время встречи бургомистр Безансона сказал: "Ваш фюрер Адольф Гитлер заявил: между Германией и Францией нет больше никаких оснований для соперничества и ненависти. Но все-таки все еще между нами зияет глубокая пропасть, и мы друг на друга с той и другой стороны смотрим с недоверием. Мы прибыли сюда для того, чтобы рассеять недоверие, и мы надеемся, что этот приезд не останется единственным. Мы приглашаем вас прибыть в скором времени в Безансон и ответить нам визитом на визит"¹⁸⁴.

Немецкий ответный визит в Безансон состоялся осенью того же года. 1600 фашистских "ветеранов" приняли в нем участие. И этот случай был использован, чтобы сообщая возобновить клятву, данную в Дуомоне. Тем временем пало правительство Блюма, и "фронтовой солдат" Даладье стал председателем совета министров. Он широко поддержал "дружественные начинания" Гитлера.

Объектом "психологического наступления" были не только ветераны. Работа велась среди французской интеллигенции - писателей, ученых, служителей культа. Активную работу вели "Англо-французский комитет", "Германо-французское общество". В многочисленных изданиях этих организаций подчеркивалась германо-французская дружба как "противовес коммунизму". Для ее демонстрации использовались берлинские Олимпийские игры 1936 г., встречи ученых, различные союзы, празднества и т. д.

Широчайшая дезинформация, сопровождаемая безудержным разгулом антикоммунизма с обеих сторон, принесла свои плоды. С ее помощью нацистам и милитаристам удавалось дезориентировать общественное мнение во Франции, усыплять бдительность, "размягчать" французский тыл.

Во время "странной войны" дезинформация проводилась в иных формах. Немецкая пропаганда на передовых позициях всячески подчеркивала мотив "нежелания Германии воевать с Францией". Лозунги, призывы к братанию, листовки и радиопередачи размагничивали французских солдат. Вместе с тем антикоммунистическая истерия внутри Третьей республики направляла внимание армии в другую сторону: "Враги в нашем тылу"; "Бороться нужно с коммунистами". Французская армия все больше впадала в состояние моральной летаргии, теряла духовные силы, способность к активному сопротивлению.

Осуществляя чисто фашистскую, основанную на демагогии и лжи тактику "психологической войны", германский генеральный штаб энергично готовил вторжение в Западную Европу. И когда стало ясным, что мирные жесты в сторону Запада не достигают цели, подготовка приняла еще более конкретные формы.

V

Непосредственная подготовка германским командованием нападения на страны Западной Европы представляла собой довольно сложный процесс, занявший период с октября 1939 г. до весны 1940 г. Гитлер и его ближайшие сотрудники при всей их уверенности в себе не смогли осенью 1939 г. сразу и до конца поверить, что великие державы Франция и Англия так и не предпримут никаких попыток перейти в наступление на Западном фронте в момент, когда вермахт занят в Польше. Генеральные штабы в октябре 1939 г. буквально трепетали перед возможной перспективой англо-французского наступления, особенно на Рур, уязвимое индустриальное сердце рейха.

Однако в критические недели "польского похода" на Западном фронте союзники оказали Гитлеру величайшую любезность. В неподвижности и бездействии их дивизий, податливости их войск к разлагающей пропаганде гитлеровские генералы очень скоро рассмотрели залог своего будущего успеха на Западе. И как только высвободившиеся в Польше и вновь мобилизуемые войска укрепили западные бастионы рейха, Гитлер соблазнился мыслью вообще больше не ждать: опередить союзников и первым нанести удар именно в Бельгии, главным образом чтобы снять угрозу Руру и захватить базы флота для борьбы с Англией. Он знал о политических и военных противоречиях между Францией и Англией, между обеими этими державами, Бельгией и Голландией. Желание использовать противоречия в лагере противников до того момента, пока союзники их не преодолеют, подкрепляло решение выступить еще осенью 1939 г.

Но генеральный штаб очень хорошо помнил опыт 1914-1918 гг. и сумел охладить фюрера: "западный поход" следует подготовить как можно тщательнее, чтобы не повторился исход прошлой войны. Нужно больше дивизий, боеприпасов, средних и тяжелых танков, больше артиллерии и самолетов. Не следует чересчур торопиться. Союзники своим бездействием убеждали в стабильности своей политической линии и стратегической концепции. Руру ничто не угрожает, и бездействие на Западном фронте будет продолжаться ровно столько, сколько потребуется Берлину. Бельгия и Голландия будут ревниво охранять мираж своего нейтралитета, англо-французские вожди - предаваться своим иллюзиям; под прикрытием молчащих фронтов "странной войны" германское командование сможет уверенно преодолеть узкие места, обнаружившиеся в вооруженных силах, и подготовиться к такому удару, который наверняка сокрушит Францию. Гитлер постепенно соглашался с генералами, предлагавшими осуществить наступление не осенью 1939 г., а позже.

Первоначальные стратегические планы германского командования в отношении Запада, разработанные в сентябре 1939 г., ограничивались намерением зажать голландские и бельгийские укрепления. Складывалась мысль о необходимости лишь выдвинуть к западу "предполье обороны Рура" и в период подготовки наступления на сухопутном театре развернуть авиацией и флотом активные действия против военно-морских сил Англии.

В начале октября наблюдается поворот в сторону более активных решений. Одним из главных побудительных моментов, безусловно, оказалась англо-французская политика заигрывания с Гитлером, которую последний воспринимал как еще одно подтверждение военной слабости западных держав. Именно в сентябре и октябре 1939 г. английские и французские сторонники дружбы с Германией за счет Советского Союза и стран Юго-Восточной Европы развернули энергичную деятельность за "мирное решение военного конфликта".

10 октября 1939 г. высшие руководители вооруженных сил - Кейтель, Браухич, Геринг, Редер и Гальдер - прибыли на совещание в имперскую канцелярию. И здесь они услышали от фюрера о его железной решимости разгромить западных союзников! Никаких колебаний.

Гитлер зачитал им свои соображения о дальнейшем ведении войны. Главная мысль так называемой записки Гитлера состояла, как мы уже отмечали, в том, что Германия должна нанести решительный удар на Западе и быстро одержать победу, чтобы не позволить Франции и Англии затянуть войну и получить время для мобилизации и развертывания своих экономических, военных ресурсов и привлечения новых союзников. Фюрер сформулировал оперативную концепцию в духе "польского похода". Повторить то же самое! Танковые соединения применять с максимальным эффектом - путем внезапного продвижения в оперативную глубину. "Мощь атаки в отдельных местах массировать сверх нормального среднего соотношения, зато в других местах довольствоваться меньшими силами"¹⁸⁵. Танковые удары должны быть нацелены "по обе стороны Льежа", мимо Антверпена в западном направлении, чтобы преградить отход сосредоточенным там бельгийским дивизиям и прервать связь бельгийцев с британским экспедиционным корпусом¹⁸⁶. Гитлер подчеркивал, памятуя опыт Варшавы: отказаться от использования танковых дивизий против городов. "Держится город месяц или два - это все равно для него безнадежно".

Перспектива скорого начала военных действий против Франции и Англии продолжала смущать Браухича, Гальдера, Штюльпнагеля и других представителей руководства сухопутными силами и разведки. Они считали, что вермахт не в состоянии вести "большую войну". Нежелание вступать в открытое столкновение на Западе, тенденции к соглашению с Англией и Францией, конечно за счет Советского Союза, все еще порождали некоторые очень робкие колебания в штабе сухопутных сил ("дух Цоссена"), что вызывало растущее недовольство Гитлера.

Когда стало известным, что фюрер предполагает отдать приказ о наступлении в начале ноября 1939 г., Браухич решил сделать попытку отговорить его. Он попросил личной аудиенции и был принят в полдень 5 ноября. Он подробно изложил Гитлеру аргументы против наступления сейчас, осенью: плохая погода, не хватает боеприпасов, в войсках слабая дисциплина, невысок боевой дух.

Последний аргумент привел Гитлера в бешенство: генерал осмеливается критиковать его, фюрера, систему воспитания? Он не верит в готовность солдат умереть за фюрера? Это и есть "дух Цоссена", который он, фюрер, вырвет с корнем. Он орал на вконец перепуганного Браухича и выбежал из кабинета, прервав аудиенцию. Белый как мел генерал-полковник буквально выполз из дверей "рабочей комнаты" в приемную, где его ждал Гальдер. В машине из сбивчивого рассказа своего потрясенного шефа начальник штаба узнал о гневе властителя и перепугался не меньше Браухича. Оба решили, что гестапо немедленно нагрянет на Цоссен. С этих пор слабое и трусливое фрондерство прекратилось вообще. Лишь начальник штаба Канариса Остер с небольшой группой единомышленников продолжал тайные контакты с Англией через Ватикан, надеясь договориться о мире или же организовать государственный переворот.

Весь смысл так называемого заговора генералов в 1940 г. заключался в том, что они хотели избежать столкновения с западными державами, договориться с ними на антисоветской основе и затем, если последует желаемая война против Советского Союза, иметь поддержку Англии и Франции и обеспеченный тыл. Однако теперь это не входило в планы Гитлера, уверенного, что удастся нанести молниеносное поражение обоим западным противникам и "гарантировать тылы" иным образом.

23 ноября Гитлер вновь собрал высший генералитет. Он произнес речь, исполненную бешенства, которая потрясла и без того запуганных генералов. Гитлер топал ногами и в полубезумии кричал: он знает, как и когда выбирать моменты для ударов. И он нанесет удар на Западе со всей решимостью - ведь вермахт создан не для бездействия. Он бесповоротно убежден в необходимости начать наступление против Франции и Англии. Нейтралитет Бельгии и Голландии ничего не стоит. Когда будет достигнута победа, о нейтралитете никто даже не заикнется. Вермахт - лучшая армия в мире. Его, фюрера, глубоко оскорбило мнение генералов, будто немецкие солдаты не на высоте. "С немецким солдатом я добьюсь всего,

чего захочу, если им командуют хорошие генералы... Я не остановлюсь ни перед чем и уничтожу любого, кто выступит против меня... Никакой капитуляции на внешнем фронте, никакой революции внутри страны!"

Генералы впали в шок. Отныне и надолго даже слабые возражения "жалких тряпок", как назвал в те дни генералов Остер, прекратились вообще. Гальдер стал говорить в "своем кругу", что у вермахта отличные шансы на успех наступления против западных держав. Штабные аппараты заработали с удвоенным старанием.

Еще в октябре последовала "директива № 6 о ведении войны". В ней излагалась мысль о нанесении главного удара на северном участке Западного фронта "через люксембургско-бельгийское и голландское пространство", чтобы занять территорию этих стран и Северной Франции "как базу для ведения воздушной и морской войны против Англии и как предполье для жизненно важной Рурской области"¹⁸⁷.

Мы не имеем в виду излагать ход планирования кампании на Западе. Во всяком случае, мы не можем прибавить что-либо существенное к той точке зрения, которую однажды имели возможность высказать¹⁸⁸. Заметим лишь, что осведомленность немецко-фашистского командования о группировке и намерениях союзников все больше утверждала его в мысли переместить главные усилия с северного участка фронта, т. е. из района севернее Намюра, где союзники ждали главного немецкого наступления, южнее, где союзники его совершенно не ожидали. Ведь еще до войны чуть ли не каждый немецкий генерал знал: французский главнокомандующий в случае конфликта с Германией немедленно отдаст приказ ввести основные силы французской армии в Бельгию и Голландию, чтобы не позволить немцам, как в 1914 г., прорваться через бельгийскую равнину во Францию. Вместе с тем в ОКВ и ОКХ были прекрасно осведомлены: французы считают непреодолимыми для немецкого удара не только "линию Мажино", но и Арденнские горы, и страшат их лишь открытые поля Бельгии. Немецкая разведка прекрасно знала о французских планах войны и установила, что, после того как осенью 1939 г. главные силы французской армии и прибывшие британские войска сосредоточились на франко-бельгийской границе, готовые вступить в Бельгию, они не произвели никаких перегруппировок и впредь менять свои намерения не собираются. Это неоднократно проверялось путем ложных тревог и тщательного сбора сведений. Действительно, после утверждения своего плана "Д" в ноябре 1939 г. - плана ввода англо-французских сил в Бельгию и Голландию в момент начала германского вторжения - союзное командование не разрабатывало каких-либо принципиально новых соображений о ведении войны с Германией.

Все эти обстоятельства создавали для немцев неповторимо благоприятные перспективы в неожиданном для союзников направлении. Французы ожидали главного удара севернее Намюра - гитлеровское командование решило нанести его южнее Намюра. Французы считали Арденны непроходимыми для крупных танковых соединений - все больше немецких командиров приходило к выводу, что эти невысокие горы вполне могут быть преодолены при соответствующей подготовке войск.

Основные этапы дальнейшей разработки плана войны заключались в следующем.

29 октября 1939 г. ОКХ издало новую директиву под названием "Гельб", в которой ставились более решительные цели, чем в директиве № 6: силами групп армий "А" и "Б" "уничтожить противника севернее Соммы и прорваться к побережью Канала" (Ла-Манша. - Д. П.)¹⁸⁹.

20 ноября последовала директива ОКВ: нужно принять меры к быстрому перенесению главного удара из группы армий "Б", развернутой на северном участке фронта против Голландии и Бельгии, в группу армий "А", которая находится южнее, для внезапного прорыва через Арденны в Северную Францию.

VI

10 января 1940 г. на территории Бельгии в районе городка Мехелен приземлился потерявший ориентировку немецкий бомбардировщик. Когда к нему приблизился

бельгийский патруль, экипаж, возглавляемый майором Рейнбергером, попытался сжечь находившиеся в самолете оперативные документы. Из уцелевших обрывков бельгийцы легко смогли установить, что самолет вез материалы первостепенной важности. В них шла речь о плане германского вторжения в Бельгию¹⁹⁰. Документы убедительно свидетельствовали: Германия готовится нарушить бельгийский и голландский нейтралитет. Но не была ли это подделка с целью ввести в заблуждение Бельгию? Сопоставление документов с другими полученными бельгийским генеральным штабом данными приводило к выводу, что все неожиданно оказавшиеся в руках бельгийского командования секретные материалы достоверно свидетельствуют о планах военного нападения на Бельгию. Об этом же говорила та крайняя нервозность, с которой немецкий авиационный атташе в Бельгии генерал Веннингер немедленно стал требовать свидания с летчиками, интернированными под Мехеленом. Встреча состоялась утром 12 января в приемной казармы жандармерии. Немцы уселись за стол, в который предварительно бельгийцы вмонтировали микрофонное устройство. Однако подслушивание, которое вели офицеры в соседней комнате, сложилось неудачно. Веннингер все время барабанил пальцами по столу. Тем не менее первый его вопрос летчикам был зафиксирован безошибочно: "Документы уничтожены?"¹⁹¹

После полудня 11 января военный советник бельгийского короля генерал ван Оверстратен прибыл во дворец Лаекен и предъявил захваченные под Мехеленом документы Леопольду III. Сведения были признаны настолько важными, что король распорядился немедленно сообщить о них французскому главнокомандующему Гамелену, английскому кабинету и голландскому генеральному штабу. Когда помощник французского военного атташе Откур явился во дворец, генерал ван Оверстратен заявил ему для передачи в Париж, что вторжение может начаться через два-три дня¹⁹². Откур немедленно отправился в Париж. Однако реакция французского генерального штаба была крайне сдержанной и недоверчивой, что логически вытекало из проводимого им курса "странной войны". Аналогично реагировал и английский генеральный штаб. Происшедшее событие оценивалось как эпизод "войны нервов".

Тем временем в Брюссель поступили новые тревожные сведения. Бельгийский военный атташе в Берлине полковник Гозтальс в 17 часов 13 января узнал от своего голландского коллеги майора Саса, которому периодически сообщал секретные сведения начальник штаба адмирала Канариса полковник Остер, что Гитлер после посадки самолета у Мехелена в ярости отдал приказ о немедленном нападении на Бельгию¹⁹³. "Вторжение произойдет завтра, чтобы опередить контрмеры"¹⁹⁴, - срочно телеграфировал Гозтальс своему правительству.

Сообщение вызвало в Брюсселе переполох. Генеральный штаб начал принимать меры, которые сводились главным образом к лихорадочной отдаче приказов. Но что можно было сделать менее чем за сутки? Вновь король обратился в Париж и Лондон. Бельгийское правительство сообщило английскому и французскому представителям, что, если на Бельгию будет произведено нападение, оно призовет на помощь Англию и Францию. После полуночи 13-го бельгийские войсковые соединения на южной границе получили приказ: "Начиная с данного момента вступлению французских и британских маршевых колонн не чинить никаких препятствий. Шлюзы, на юге немедленно открыть"¹⁹⁵. Бельгийскому атташе в Париже был направлен ночью приказ: "Немедленно поставьте в известность французского генералиссимуса о том, что атаку следует почти с уверенностью ожидать в воскресенье, 14 января"¹⁹⁶. В Париже и Лондоне стало известно, что бельгийцы сняли ограждение на французской границе.

Таким образом, сообщение Гозтальса привело бельгийское правительство и командование в состояние крайней тревоги.

Наступило воскресное утро 14 января. Часы шли, а вторжение не начиналось. Гамелен, который в 8 часов утра прибыл на свой командный пункт в Венсенне, уже после полудня уехал в Париж. День прошел, как обычно. Вечером в Арденнах северо-восточный ветер пригнал облака, по земле разостлался туман, начиналась оттепель. Теперь о немецком

наступлении нечего было и думать. События пошли на спад.

Кризис 10-14 января заставил нейтральное бельгийское правительство серьезнее отнестись к ближайшим перспективам. Оно начало осторожно вести переговоры о возможности предоставления Англией и Францией гарантий Бельгии. Во Франции к бельгийской просьбе отнеслись двояко. С одной стороны, в возможность германского вторжения снова не поверили. С другой - пришли к мнению: немедленно придвинуть войска к границе.

Бельгийский исследователь пишет: "Генерал Гамелен не скрывал своего удовлетворения по поводу перспективы иметь возможность проникнуть в Бельгию". Офицерам своего окружения он сказал: "Для нас призыв бельгийцев - настоящая выгода". Однако ответ Англии на бельгийскую просьбу был разочаровывающим. Она явно не хотела брать никаких обязательств, которые могли бы подчеркнуть ее решимость сражаться против Германии¹⁹⁷. Это сразу же поняли в Брюсселе. К тому же угроза 10-14 января уже миновала. Бельгийское правительство снова вернулось к прежней позиции "строгого нейтралитета" и сформулировало принцип: "Нужно на немцев возложить ответственность за то, что они первые будут нарушителями границы"¹⁹⁸. Снятые заграждения на франко-бельгийской границе вновь были поставлены, и все пошло, как прежде.

Мехеленский эпизод и "январский кризис" - еще одно выражение недооценки союзниками и бельгийским командованием сущности коалиционной стратегии и угрожаемого периода войны. Реальные факты подготовки вторжения, оказавшиеся в руках лидеров западноевропейских стран, в конечном счете не вызвали активных контрмер. Более того, они сыграли отрицательную роль. Теперь все внимание французского, английского и бельгийского генеральных штабов полностью приковалось к Бельгии, а бдительность упала до низшей точки. Только через Бельгию ожидался германский удар, если он вообще когда-нибудь последует.

Германский генеральный штаб получил возможность использовать свою неудачу в Мехелене для новой дезинформации западных держав. Гитлер и генеральный штаб убедились 10-14 января в том, что союзники ждут германского наступления только на севере и вступят туда своими главными силами после начала немецкого вторжения. Теперь казалось предельно целесообразным утвердить их в этой мысли и вместе с тем скрытно перенести удар к югу, через Арденны, чтобы ударить в тыл французским армиям, когда они двинутся на помощь бельгийцам¹⁹⁹.

С другой стороны, проявленная в эти дни бельгийцами готовность отразить вторжение заставила Гитлера отменить наступление теперь уже на неопределенный срок.

Военные совещания, беседы и штабные игры первой половины и середины февраля 1940 г. завершили процесс германского планирования. В начале февраля обсуждаются уже частности. Что же касается целого, то план нанесения удара через Арденны сложился настолько, что оставалось лишь рассчитать силы и сформулировать его в виде оперативной директивы.

Замысел атаки через Арденны на Седан и далее к устью Соммы складывался почти одновременно у ряда наиболее ответственных руководителей верховного командования, в высших штабах примерно в конце октября - начале ноября 1939 г. Авторы этой идеи - Гитлер, его политическое окружение и ряд генералов (Гальдер, Кейтель, Иодль, Рундштедт, Манштейн, Варлимонт, Буш, Рейхенау, Клюге). Среди них особо видное место занимал генерал Манштейн, настойчиво добивавшийся перенесения главного удара из группы армий "Б" в группу армий "А"²⁰⁰.

Весь процесс планирования "западного похода" протекал в борьбе мнений, но завершился полным взаимопониманием Гитлера и генералов: оно еще больше укрепилось после того, как генералы увидели, что вермахт становится действительно мощным: нападая на Польшу, они имели 53 дивизии, а теперь 136!

Окончательное решение, выраженное директивой ОКХ от 24 февраля 1940 г., состояло в том, что группе армий "А" под командованием Рундштедта, включавшей основную массу

танковых дивизий (они объединялись в "танковую группу" генерала Клейста), предстояло осуществить глубокий прорыв через Арденны, вторгнуться в Северную Францию и выйти к побережью Ла-Манша близ устья Соммы, окружить совместно с наступающей севернее группой армий "Б" (генерал Бок) основную группировку союзников в Бельгии и Северной Франции. Группа армий "Ц" (генерал Лееб) сковывала французские силы на "линии Мажино".

В этом и состоял план "Гельб" - стратегический план германского фашизма, направленный на полный разгром государств Западной Европы. Удар через Арденны позволял гитлеровской армии не только выйти в тыл главной группировке союзников, что с военной точки зрения было вполне рационально, но и захватить с наименьшими разрушениями индустриальные районы Северной Франции и Бельгии, чтобы поставить их на службу дальнейшей агрессии, быстро занять северо-западный угол европейского континента с его побережьем, превратив его в военно-воздушную и военно-морскую базу против Англии.

План "Гельб", если рассматривать его стратегические аспекты, не давал ответа на вопрос, каким же образом станет возможным закончить войну против англо-французского блока в целом. Стратегия перед вторжением во Францию оказалась сведенной к чрезмерно узким рамкам. Оперативное планирование на сухопутном театре не связывалось с военно-морским, которое в свою очередь не смогло решить вопроса о реальных путях борьбы против Великобритании. "Большая стратегия" нацизма исходила из предпосылки, что Англия, лишенная "континентального меча" - Франции, падет сама собой.

Если говорить о просчетах союзников, то нельзя не отметить прямо-таки трагической ошибочности развертывания союзных армий. Можно без боязни преувеличения сказать, что здесь перед нами яркий пример из военной истории, как высокопоставленные генералы и их штабы выбирают из многих возможных военных решений наихудшее и, конечно, не желая этого, буквально подставляют врагу свои самые слабые, уязвимые места, хотя элементарные принципы военной теории требуют делать как раз наоборот.

Действительно, немцы построили свои силы глубоким тараном, но их построению союзники не смогли противопоставить стратегическую оборону необходимой глубины. Гитлеровская армия имела возможность постоянно поддерживать силу своего удара за счет резервов, составлявших 31% войск, находившихся на Западном фронте. Союзники, располагая в резерве только 15% сил, развернутых на незначительной глубине и разбросанных на широком фронте, не могли парировать наступление или создать в случае прорыва новый устойчивый фронт обороны.

Союзное командование поставило в обороне против слабейшей группировки немцев свою наиболее сильную группировку, а против сильнейшей - самую слабую и предельно облегчило германскому командованию его удар через Арденны. Оставление многочисленных войск - 25% всех сил - на участке от южной границы Люксембурга до Базеля, т. е. на "линии Мажино" и за нею, было решением, вызванным перспективами войны с Италией, но совершенно не отвечающим обстановке войны с Германией. Ошибка вынудила союзное командование в трудных условиях военных действий мая 1940 г. осуществлять сложную переброску войск с "линии Мажино" на активные участки фронта. И она не удалась. Получилось так, что союзники усилили фланги, особенно северный, нацеленный на Бельгию, и ослабили центр - Арденны, где не ждали наступления. Немцы же нанесли удар именно в центре.

Общие силы Франции, Англии, Бельгии и Голландии, выставленные против Германии, несколько превосходили по численности гитлеровскую армию. Этот факт дает повод некоторым историкам акцентировать ту мысль, что вермахт нанес поражение намного более сильному противнику.

Но нельзя забывать о неправомерности простого сопоставления цифр для выяснения реального соотношения сил на фронте борьбы. Вооруженные силы четырех стран имели суммарно больше дивизий и танков, чем гитлеровская армия. Но их не объединяли ни ясные

идеи межсоюзнической стратегии, ни общее руководство. Их надломленное за месяцы "странной войны" моральное состояние снизило и без того невысокий уровень боеспособности.

VII

Германские адмиралы начинали войну на море без особого подъема. Они хорошо представляли себе, что одно дело пропагандистские выкрики нацистской прессы насчет "непобедимости германского флота", а совсем другое - его реальное состояние, которое оставляло желать много лучшего. Вся военно-морская элита во главе с Редером вполне отдавала себе отчет в том, что означает выступить со своими сравнительно немногочисленными военно-морскими силами против всей морской мощи Англии. Они принадлежали к поколению офицеров, сложившемуся еще в первой мировой войне, впечатления которой крепко засели в их головах.

В те годы германский военно-морской флот оказался бессильным прорвать британскую морскую блокаду и бороться с подавляющим по численности английским торговым флотом. Запертые в своих портах германские флотилии не смогли противостоять тогдашней "владычице морей", в распоряжении которой находились ресурсы и морские коммуникации империи, раскинувшейся по всему свету. Нацистские адмиралы вспоминали и те времена, когда сам Наполеон не смог задушить Англию и фактически оказался запертым на европейском континенте.

И, конечно, не случайно в первый день войны с Англией Редер находился не в слишком оптимистическом настроении: теперь, осенью 1939 г., германский флот "ни в какой степени не готов к великой борьбе против Великобритании", заметил он.

Однако, бросая взгляд в прошлое, германское военно-морское руководство помнило и другое: во время войны 1914-1918 гг., от ее начала и до конца, немцам удавалось нарушать блокаду путем довольно широкого ввоза контрабандных товаров через Скандинавию, причем тайными поставщиками нередко выступали английские фирмы, которые у себя дома клялись в верности короне и ненависти к Германии.

В частности и поэтому уже на самой ранней стадии подготовки к новой мировой войне военно-морское руководство третьего рейха обращало свои взоры к Скандинавии, особенно к Норвегии, базы которой, в зависимости от того, в чьих руках они находились, давали возможность получить той или другой стороне крупные преимущества в стратегии морской блокады и контрблокады.

Именно эта, вероятно самая традиционная для европейских войн, стратегия на море и была фактически принята воюющими сторонами с начала второй мировой войны.

Германский план "морской войны" состоял в том, чтобы ударами флота нарушить британские коммуникации, отрезать Англию от источников снабжения и полностью изолировать. Для этого следовало, по мнению морских стратегов, захватить Бельгию, Голландию и сокрушить Францию. Тогда, получив необходимые морские и воздушные базы, расположенные в непосредственной близости от британских островов, Германия могла отсечь Англию от континента, с помощью подводных лодок и авиации нанести решающий удар ее флоту и блокировать морские коммуникации. Во всяком случае Гитлер считал такой план реальным, а Редер предпочитал соглашаться с фюрером.

Именно молниеносный захват баз, нацеленных как острие шпаги прямо в сердце Англии, должен был компенсировать многочисленные слабости германского флота по сравнению с британским. Когда корабли Редера будут иметь свои исходные базы не в Киле, Куксхафене или Бремерхафене, а в Антверпене, Кале и Шербуре и в то же время воздушные эскадры Геринга окажутся на аэродромах вблизи Па-де-Кале, разговор с Англией, как думали в Берлине, станет другим. Гитлер перед походом на Запад даже особенно и не задумывался о прямом вторжении на британские острова, видимо предполагая (так во всяком случае показали последующие события), что комбинированные удары с расположенных вблизи Англии морских и воздушных баз при соответствующем

политическом нажиме приведут к желаемому результату: капитуляции Англии, или выгодному миру, или политическому соглашению.

Другим методом "компенсации" относительной слабости германского флота считались быстрота и решительность действий. Это составляло разительный контраст с английской стратегией, всецело скованной жесткими политическими тормозами "странной войны". Военно-морское командование рейха не без оснований рассчитывало использовать пассивность и медлительность своего противника, чтобы в возможно более короткий срок добиться максимально выгодных результатов в морской войне и обеспечить преимущество на будущее.

Однако, если эти меры не привели бы к непосредственным результатам, германскому флоту пришлось бы вести изнурительную многолетнюю борьбу, к которой он отнюдь не был готов, хотя Гитлер еще перед войной призывал готовиться к ней.

Основные принципы ведения "экономической войны" против Англии фюрер изложил в специальной директиве в конце ноября 1939 г.: после победы над англо-французскими сухопутными силами и захвата баз на французском и бельгийском побережье блокировать британские порты и ударами с воздуха разрушить английскую военную промышленность. На океанских просторах предполагалось переходить ко все более широким действиям против торгового флота. Забегая несколько вперед, заметим: 17 августа 1940 г. германское командование объявило, что приступает к "полной блокаде Британских островов".

В то же самое время и Англия выработала стратегию блокады Германии. Британское адмиралтейство решило применить свои старые испытанные методы, которые с давних пор неизменно приносили успех: и против Наполеона, и против кайзера, и в целом ряде других войн, которые она вела с континентальной Европой в различные эпохи и столетия. Стратегия морской блокады составляла основное британское оружие.

Оценивая еще перед войной общие стратегические задачи, британский кабинет исходил из предпосылки, что Германия не сможет добиться полной экономической автаркии. Ее зависимость от ввоза ряда стратегических материалов останется хронической, а имеющихся запасов хватит не более чем на полгода. С английской точки зрения, на первом месте стоял ввоз железной руды из Швеции и нефти из Восточной и Юго-Восточной Европы. Затем Германия остро нуждалась в хrome, никеле, меди, олове и в других дефицитных материалах.

Введение блокады, или, как ее стали называть, осады, Германии возлагалось на главные силы флота метрополии, которые базировались, как и в прошлой войне, на Скапа-Флоу. Главная линия перехвата немецких судов, направляющихся в Северное море с севера, назначалась между Оркнейскими островами и Исландией, а с юга Северное море блокировалось минными заграждениями, установленными в Па-де-Кале. Входы в Средиземное море прикрывало патрулирование судов у Гибралтара и Порт-Саида.

Редер, учитывая, что его северные коммуникации окажутся под ударами англичан, предполагал по возможности расширить районы действия флота и наносить удары по английскому торговому судоходству на "океанских просторах".

В этой шахматной игре морской войны исходные намерения и Германии, и Англии, несмотря на множество различий в тактике, силах и планах действий, сходились в одном: и та, и другая сторона решили прибегнуть к блокаде как единственно возможной форме борьбы в обстановке, когда оба противника не видели перспектив прямого вторжения на территорию друг друга. По крайней мере, в ближайшее время.

Вот здесь-то и выплывала проблема Скандинавии.

Каждая из сторон с предельной очевидностью понимала, что никакая блокада не будет действенной, если противник сможет создать свои базовые опорные пункты на побережье Норвегии и использовать норвежские территориальные воды. Значение Скандинавии для военного господства в Северной Атлантике и особенно в Северном море не составляло тайны для европейских стратегов по крайней мере со времен Тридцатилетней войны. Расширение возможностей флотов и быстрое экономическое развитие Европы перед второй мировой войной значительно повысило военно-стратегическую роль Скандинавских стран.

Побережье Норвегии рассматривалось как система превосходных баз, обеспечивающих господство на атлантических коммуникациях, а совместно с датским побережьем эта линия создавала незаменимый плацдарм для морской и воздушной гегемонии в ключевых районах Балтики, Северной Атлантики и на подступах к арктическим пространствам.

Кроме того, Скандинавские страны были важными поставщиками сырья и продовольствия, что имело особенно большое значение для рейха, который вывозил из этих стран 40% полезных ископаемых, главным образом шведскую железную руду.

И совершенно понятно, что с самого начала второй мировой войны немецкие и британские адмиралы внимательно следили друг за другом в свои морские бинокли: что собирается предпринимать противник в отношении Скандинавии, особенно Норвегии?

Стратегия блокады толкала обе стороны к тому, чтобы стать здесь прочной ногой. Однако каждый из противников шел различными путями и преследовал неодинаковые цели, определяемые его политикой и военной стратегией.

Для Германии захват Норвегии означал прежде всего обеспечение блокады Англии на северном участке, надежное обеспечение за собой вывоза шведской железной руды, без которой германская военная промышленность могла оказаться бы в значительной мере парализованной. Он означал, далее, обеспечение господства в Северном и Норвежском морях, прикрытие всего германского побережья, получение сильнейших позиций, опираясь на которые германский флот и авиация могли захватить господство над всей Северной Атлантикой. Наконец, позиции в Северной Европе в перспективе становились плацдармом для нападения на Советский Союз.

Для Англии норвежская позиция означала в свою очередь завершение блокады Германии с севера. Получив базы в Норвегии, британский флот поставил бы под прямой удар все германское побережье и добился бы решительного преобладания в Северной Атлантике. Англия парализовала бы доставку в Германию шведской железной руды и этим нанесла бы серьезный удар военной экономике рейха, сразу же продвинув дело экономической блокады далеко вперед.

Кроме того, имелась еще одна цель: использовать территорию Норвегии и Швеции против Советского Союза и для оказания помощи Финляндии.

В начале декабря 1939 г. Редер сделал доклад Гитлеру о необходимости захвата Норвегии. Он подробно обрисовал те выгоды военно-стратегического порядка, которые получит рейх после того, как длиннейшее западное побережье Скандинавии с его фиордами и прекрасными гаванями окажется в немецких руках. "Фюрер быстро понял значение норвежской проблемы", - удовлетворенно констатировал Редер. И вскоре последовало решение: начать подготовку вторжения, возглавить которое Гитлер приказал не какому-нибудь одному командованию, например флота или сухопутных сил, а непосредственно ОКВ. Агрессия задумывалась как удар всех трех видов вооруженных сил. Нацистская верхушка собиралась представить ее как некую политическую акцию "мирного" вступления войск для "защиты страны от британской угрозы". И здесь, конечно, основной расчет делался на "пятую колонну", которая собиралась открыть захватчикам вход в страну, как только их десанты подойдут к норвежским портам. Уже в декабре 1939 г. в Берлине тайно появился глава фашистской партии "Национальное собрание" предатель норвежцев Квислинг. Он быстро согласовал с нацистской верхушкой общий план, согласно которому с началом германских действий в Норвегии будет проведен молниеносный военный переворот и ключевые позиции на побережье сразу же перейдут в немецкие руки. Свобода, с которой квислинговская агентура и германские разведчики в последующие несколько месяцев готовились к встрече нацистского вторжения, как и неверие норвежского правительства и военного командования в приближающуюся опасность, о которой поступало множество сигналов, - один из тех печальных и наглядных уроков, которые дала вторая мировая война насчет пагубности веры в мифы, а не в реальность.

В Лондоне и Париже также готовились. Западные союзники решили создать в Скандинавии и ее водах северное звено блокады рейха, используя решение находившейся

под их контролем Лиги наций о "помощи Финляндии" в советско-финском конфликте. Весь англо-французский замысел тесно переплетался с активными выступлениями антисоветского порядка подготовкой экспедиционных сил против СССР, помощью оружием, пропагандой. В январе 1940 г. союзники пришли к выводу о необходимости организовать военную экспедицию для захвата железорудных районов Нарвика, которая дополняла бы ведущуюся одновременно подготовку выступления против Советского Союза. 5 февраля было принято решение о посылке войск в Финляндию через норвежские порты. Норвегия и Швеция получили заверения о помощи в случае германского вторжения и призывы к совместным действиям. Западная и скандинавская печать широко и открыто обсуждала вопросы военного сотрудничества.

Теперь в Берлине получили прекрасную возможность использовать откровения скандинавской и англо-французской прессы для оправдания и прикрытия агрессии. Этим нацисты не преминули воспользоваться.

1 марта Гитлер подписал директиву о вторжении в Норвегию и Данию. Для захвата с моря и воздуха намечалось восемь пунктов на побережье Норвегии. Все силы германского военно-морского флота вводились для того, чтобы внезапным и быстрым переходом опередить британский флот, стоявший в базах, и высадить десанты прежде, чем кто бы то ни было успеет принять контрмеры. Риск был немалым, но его уравнивали вполне обоснованные надежды, что политический тормоз "странной войны" удержит английские крейсера и подводные лодки минимум на тот срок, который необходим, чтобы основное дело было сделано, т. е. чтобы десанты оказались на побережье.

Нужно ли говорить, что этот план неприкрытой агрессии при объективном подходе никак невозможно было оправдать "превентивностью". Оба западных союзника ограничивались принятыми в конце марта - начале апреля решениями предупредить Норвегию и Швецию о своих возможных контрмерах в случае нарушения Германией нейтралитета Скандинавских стран и минировать норвежские воды. Если начнется немецкая агрессия, предполагалось высадить небольшие десанты в нескольких пунктах норвежского побережья.

В Лондоне, Париже и Осло о готовящемся германском вторжении узнали достаточно своевременно, для того чтобы успеть принять необходимые меры. Группа оппозиционеров из германской контрразведки сумела через Ватикан и с помощью голландского военного атташе в Берлине Саса дать сигнал, что все начнется между 8 и 10 апреля. Однако предостережение не возымело ни малейшего действия. Английские морские силы вышли в море, когда немецкие десанты уже подходили к районам высадки. В среде норвежского руководства никто вообще не поверил сигналам. Только после полуночи 9 апреля командующий норвежскими войсками генерал Лааке приказал подготовить минное заграждение на рубеже, который, как выяснилось позже, уже был пройден немецкими кораблями.

8 и 9 апреля германские десанты высадились во всех намеченных пунктах побережья, и одновременно части вермахта вторглись в Данию.

Одним ударом союзники были поставлены в положение тех, кому приходится отбивать утраченное, находясь в невыгоднейших условиях. Выпадало одно из важнейших звеньев системы блокады, и возместить потерю было невозможно ничем. Принятое после долгих дискуссий британским кабинетом решение нанести ответный удар германскому флоту и произвести ряд высадок в Норвегии оказалось безнадежно запоздалым. Тем не менее в период от середины апреля до начала мая введенные в действие британские военно-морские силы и десанты предприняли контратаки, которые вылились в упорные бои на побережье и в прибрежных водах.

Когда англичанам удалось, используя снежную вьюгу, успешно атаковать 9 апреля отрядом эсминцев немецкие суда в порту Нарвик, а затем 13 апреля уничтожить все находившиеся там эсминцы, у Гитлера начался приступ истерии.

- У нас провал, - этими словами встретил он вошедшего к нему в кабинет 13-го утром Браухича.

Опасность состояла в том, что теперь англичане высадят в Нарвике десант и легко уничтожат находящиеся там слабые отряды 3-й горной дивизии Дитля. Необходимо приказать Дитлю немедленно отступить на юг или же вывезти его войска на самолетах. Но отступить невозможно, горные дороги непроходимы. Вывозить нечем - отсутствуют самолеты дальней авиации. Все пропало! В Берлине не знали, что делать. Кейтель написал директиву Дитлю: отступить на территорию Швеции и там интернироваться. Гитлер подписал. Но еще не успели передать директиву по радио, как пришло сообщение: англичане ничего не предпринимают.

Дитлю не оставалось ничего другого, как закрепиться на месте. А история второй мировой войны обогатилась еще одним примером того, какие тяжелые последствия имело на первом ее этапе бездействие, определяемое политикой "странной войны", и сколь многого можно было бы достигнуть при более активной стратегии.

Борьба за Норвегию приняла затем упорный характер с большими потерями обеих сторон. Однако в итоге немцы добились успеха.

В Скандинавии германское военное руководство выиграло чрезвычайно важный для себя тур борьбы за морскую блокаду и контрблокаду. Оно получило крупные преимущества в Северной Атлантике, поставило под угрозу весь английский северный фланг, защитило свой, обеспечило беспрепятственный вывоз шведской руды. Но цена успеха оказалась чрезвычайно высокой: надолго вышли из строя главные силы германского флота. Отныне в течение многих месяцев гитлеровское командование не могло рассчитывать на свое морское оружие. На севере Европы нацисты получили новый фронт национально-освободительной борьбы, который затем никогда не позволял им быть вполне спокойными за верхнюю часть их "Крепости Европа".

Победа на Западе

I

Если можно найти в истории германского военного руководства период наивысших успехов, когда победа многократно усилила столь присущий ему авантюризм; если и был в истории германского генерального штаба этап, когда успех показался ему свидетельством абсолютной непогрешимости выработанных им принципов и методов, планов и традиций, то, безусловно, нужно обратиться к 1940 году.

Именно в 1940 г. в сознании многих представителей капиталистического мира, не способных критически оценить ход событий, сложился тот миф о непобедимости вермахта, который рассеялся лишь под ударами Красной Армии.

События 1939 - 1940 гг. обнаружили следующее характерное явление. В ряде случаев вторжения агрессоров политические и военные руководители государства-неагрессора заблаговременно узнавали о масштабах и сроках готовящегося удара. Они имели возможность принять необходимые контрмеры и парировать удар. Но по какому-то стечению обстоятельств неоднократно получалось так, что они недооценивали получаемые сведения или делали из них ошибочные выводы, опаздывали с проведением контрмер или осуществляли их в неверном направлении. Агрессор захватывал стратегическую инициативу с самого начала вторжения, ставил обороняющегося перед фактом неизбежного проигрыша начального периода войны, а для малых стран - войны в целом.

Даже самому подготовленному и предусмотрительному генеральному штабу агрессора оказалось практически невозможно скрыть от противника сроки начала вторжения.

Замыслы политического руководства третьего рейха о вторжении на Запад стали известны союзникам уже в начале 1940 г.

10 марта 1940 г. Риббентроп, находясь в Риме, сказал об этих намерениях Муссолини и Чиано²⁰¹. Последний сообщил о них 13 марта французскому послу в Италии Франсуа-

Понсе202.

16 марта 1940 г. Чиано рассказал о военных планах Германии прибывшему в Рим личному представителю Рузвельта и заместителю государственного секретаря США Уэллесу, который передал все данные Франции. Поль Рейно пишет в своих воспоминаниях: "16 марта 1940 г. Чиано сообщил господину Самнеру Уэллесу, что крупное наступление на Запад близится". Он добавляет, что посланец президента рапортовал Рузвельту о заявлении, сделанном Чиано. "Риббентроп, прибыв в Рим, ...сказал Муссолини и ему самому (г-ну Чиано), и, он полагал, также папе, что Германия решила осуществить в самое ближайшее время тотальное военное наступление, что она не предусматривает никакого мирного решения, которому не предшествовала бы победа Германии, и что после победы мир будет продиктован немцами. Риббентроп, казалось, был убежден, что немецкая армия сможет одержать эту победу за пять месяцев. Немецкое правительство предусматривает сначала разгром Франции, а затем, вскоре после этого, развал Англии.

Будучи всегда хорошо осведомленным, Кэ д'Орсе не поднимало шума в связи с этой ценной информацией"203.

Уэллес в своих воспоминаниях подтверждает все изложенное выше, что следует поэтому считать достоверным историческим фактом. Он пишет: "Риббентроп, по-видимому, убежден, что германская армия сможет одержать эту победу за пять месяцев. Германское правительство имеет в виду сначала нанести поражение Франции, а затем Англии"204.

В конце апреля - начале мая 1940 г., примерно за 10-12 суток до начала германского вторжения во Францию, Бельгию и Голландию, руководящие политические и военные круги этих стран стали получать секретную информацию из различных источников по поводу планов Гитлера и сроков нападения. По данным иностранной разведывательной службы, получавшей сведения от приближенных Геринга, 4 мая 1940 г. сообщалось: "Главное наступление на фронте, включая Голландию, исключая Базель, предусматривается 7 или 8 мая".

Непосредственно перед началом вторжения французская разведка получала предупреждающую информацию по радио от своих агентов широким потоком. Сообщение в первых числах мая гласило: "Немецкая армия осуществит нападение между 8 и 10 мая по всему фронту, включая "линию Мажино". Район Седана, Бельгии, Голландии и Северной Франции будет оккупирован в течение 10 дней, Франция будет оккупирована за один месяц"205. 8 мая из Италии последовало сообщение: "Нападение - сегодня". Информация от 9 мая: "Атака 10-го на рассвете"206. "Сообщения, поступающие в стремительном ритме, звучали как сигнал тревоги"207, - пишет в воспоминаниях начальник французской разведки полковник Гоше.

Целый ряд изданных материалов свидетельствует, что из среды высшего командования вермахта некоторую важную информацию по рассматриваемому вопросу передавали союзному руководству начальник контрразведки адмирал Канарис, его начальник штаба полковник Остер и генерал Бек.

В последних числах апреля 1940 г. Бек сообщил отъезжавшему в Рим сотруднику Канариса Мюллеру: "Необходимо ожидать наступления Гитлера в течение ближайших 8 - 10 дней"208. Эти сведения Мюллер передал бельгийскому посланнику в Риме209.

Биограф Канариса Абсхаген пишет: "Точно установлено, что незадолго до начала наступления на Запад Остер поставил в известность Саса (голландского военного атташе в Германии) о том, что ожидает нейтральную Голландию"210. Еще 6 мая Остер сообщил Сасу: наступление назначено на 8 мая. Однако зашифрованная телеграмма Саса на этот счет произвела в Гааге мало впечатления. Голландский министр иностранных дел ван Клеффенс не верил, что немцы осмелятся нарушить нейтралитет, и считал, что теперь война развернется на Балканах. 9 мая Остер сумел окончательно установить: все начнется 10-го, приказ отдан окончательно. Сасу удалось вечером 9 мая связаться по телефону с руководящими инстанциями в Гааге и передать следующую фразу: "Хирург решил предпринять операцию на следующее утро в 4 часа"211. Через несколько часов Сас был

вызван по телефону из Гааги. Ему задали вопрос, исходит ли информация из абсолютно достоверного источника. Сас ответил: "Да, операция неотвратима! Я говорил со всеми врачами. Она начнется завтра на рассвете!" Разговор был подслушан германской секретной службой²¹². Начатое по приказу Геринга расследование об источниках утечки секретных данных результата не дало. Однако германскому командованию стало теперь известно, что сроки начала вторжения раскрыты, и поэтому оно решило больше не медлить.

Еще 27 апреля 1940 г. Гитлер отдал приказ начать вторжение между 1 и 7 мая⁶⁴. Вскоре "день икс" уточнили: 8 мая. В последних числах апреля у Иодля возникло подозрение, что план и сроки начала операции разглашены: был подслушан еще один телефонный разговор бельгийского посланника в Ватикане с Брюсселем²¹⁴. Гитлеровцы предположили, что произошла измена с немецкой стороны. Фюрер передвинул срок на 10 мая. Накануне Канарис через Остера передал голландскому военному атташе в Берлине еще одно сообщение: "Свинья выехала на Западный фронт". Речь шла о Гитлере, а сама передача служила последним сигналом предостережения.

Все эти факты следует признать достоверными - они подтверждаются особенно голландской стороной. Как сообщает тогдашний министр иностранных дел ван Клеффенс, 4 мая голландские власти "из очень достоверного источника узнали..., что в ближайшие несколько дней следует ожидать вторжения немецкой армии"²¹⁵. Разведка проверила данные и получила многочисленные подтверждения.

Гитлеровскому руководству не удалось сохранить важнейшую тайну.

Но здесь мы вновь сталкиваемся с некоторыми явлениями, которые выходят за рамки чисто военных понятий. Снова - уже в третий раз за эту войну политические и военные руководители европейских государств накануне вторжения в их страны, несмотря на то что располагали многими сведениями о готовящемся ударе, оказались не в состоянии понять, оценить всю реальность угрозы и своевременно принять контрмеры. Иными словами, политические руководители не смогли сделать достаточно полных и правильных выводов из сведений разведки.

II

В 21 час 9 мая, после того как начальник штаба военно-воздушных сил генерал Ешоннек доложил, что погода назавтра обещает быть хорошей, генерал Иодль, находившийся в личном поезде Гитлера, передал всем высшим штабам условный пароль ("Данциг"), означавший, что вторжение назначено на следующее утро. Вслед за этим в войска был направлен приказ фюрера, который предстояло зачитать повсеместно на рассвете перед выступлением. Приказ, как и опубликованная утром 10 мая сводка ОКВ, должен был "вдохновить" солдат и одновременно дезинформировать генеральные штабы противников - убедить, что немецкая армия наносит удар "на широком фронте", через Бельгию и Голландию, а не через Арденны²¹⁶. Солдатам объявили: "Начинающаяся сегодня борьба определит судьбу германской нации на следующую тысячу лет"²¹⁷.

Ставка Гитлера с 5 час. 30 мин. 10 мая расположилась в горном районе Мюнстерэйфель. Она стала условно называться "Гнездо в скале" (Felsenest)²¹⁸.

С рассветом, за 20 минут до начала общего наступления сухопутных сил, авиация двух воздушных флотов третью своих соединений нанесла удар по аэродромам союзников. Затем, как только в 5 час. 35 мин. наземные войска пересекли западную границу рейха, последовал второй мощный, продолжавшийся три часа удар по французским и английским штабам, узлам связи и по коммуникациям. Немецко-фашистские вооруженные силы вторглись в Голландию, Бельгию, Люксембург.

Французское командование в соответствии с планом, выработанным задолго до войны, двинуло сильнейшие свои армии в Бельгию, не предполагая, что подставляет их тыл под удар главных сил вермахта, продвигавшихся сплошным танковым потоком через Арденны.

Когда 35 французских и 10 английских дивизий под командованием генерала Бийота вступили через франко-бельгийскую границу в Центральную Бельгию, чтобы достигнуть так

называемой позиции Диль и здесь в оборонительном сражении остановить немецкую группу армий "Б" генерала фон Бока, которую французское командование рассматривало как главные силы вторжения, в то же самое время южнее, через Арденнские горы, прорвалась действительная ударная группировка группа армий "А" Рундштедта. Она имела во главе мощный танковый клин - группу Клейста из пяти танковых и трех моторизованных дивизий. Танковая группа совершила стремительный бросок: за двое с половиной суток к немалому изумлению немецкого генерального штаба почти без сопротивления она оставила позади 120 км и оказалась на берегу Мааса под Седаном.

Германское командование не ожидало такого результата и не подготовилось к его реализации. Иодль записал утром 13 мая в дневнике: "Операции принимают, сверх ожидания, благоприятное развитие"²¹⁹. Английский исследователь событий 1940 г. Эллис пишет: "Ночью немецкому командованию нужно было принять важные решения. Оно было озадачено от неожиданности не меньше, чем французы, и оно не скрывало своей радости... Оно даже не было подготовлено использовать преимущества своего неожиданного успеха и должно было остановиться, чтобы разобраться в своем положении"²²⁰.

Успешное преодоление Мааса 13-14 мая на очень слабом участке французской обороны после непрерывных, 4 часа подряд, атак авиации создавало условия для стремительного танкового рейда в глубь Франции.

14 мая ОКВ отдало директиву: противник, как свидетельствует развитие германского наступления, "не смог своевременно определить основного замысла нашей операции. Он все еще направляет крупные силы к линии Намюр - Антверпен и, очевидно, пренебрегает участком перед группой армий "А". Эта обстановка и быстрый переход через Маас создали предпосылки для крупного успеха путем нанесения удара в соответствии с прежним замыслом сильной группировкой севернее Уазы в общем северо-западном направлении"²²¹.

Группа армий "Б" должна была "наступлением связать и ввести в заблуждение действующие перед ней возможно более крупные силы союзников" и завершить ликвидацию сопротивления голландцев. Все моторизованные и танковые дивизии из группы армий "Б" передавались группе армий "А", генералу Рундштедту, "поскольку возможности их оперативного использования на севере теперь уменьшались"²²². Военно-воздушные силы концентрировали атаки также в полосе группы армий "А", чтобы "воспрепятствовать подводу вражеских резервов к фронту ударной группировки и осуществить ее непосредственную поддержку".

С 14 мая группа Рундштедта превращалась в сверхмощный танковый, пехотный и авиационный таран. Армии фон Бока, к явному неудовольствию своего командующего, играли отныне в еще большей, чем прежде, степени роль сковывающей группировки, без единого танкового соединения.

В группе армий "А" противник оценивался несколько иначе, чем в ОКВ и ОКХ. Штаб группы обращал значительно больше внимания на сведения авиаразведки о выдвигении французских резервов из парижского района. "Он (противник. - Д. П.) выдвигает силы из района Парижа, - говорилось 14 мая в журнале боевых действий группы, - или для контрнаступления против наших плацдармов, или для создания оборонительного фронта"²²³. Поэтому Рундштедт, располагая очень большими силами, вдруг побоялся двигаться дальше. Он решил остановиться на плацдарме за Маасом, затем подчинить танковую группу Клейста 12-й армии. Лишь после этого он попытается начать наступление, но на глубину всего лишь 60 км²²⁴. Иными словами, танковая группа остановилась и передавала ведущую роль пехоте. Рундштедт терял время. Боязнь Франции, идущая от первой мировой войны, довлела над умами генералов. В ОКХ, получив данные о французских резервах в районе Парижа, озаботились еще больше. Сразу было принято решение выделить крупные силы для охраны южного фланга.

Теперь две из четырех полевых армий группы армий "А" используются для прикрытия с юга из опасения контрнаступления мифической "парижской группировки" французов. Между тем в действительности ни о каком выдвигении крупных французских сил из-под

Парижа не могло быть и речи: французское командование перебрасывало к северу часть сил с "линии Мажино", а из глубины выдвигало лишь самые незначительные войска. Генеральный штаб сухопутных сил переоценил возможности французских резервов и просчитался в определении намерений противника. Французское командование не готовило никакого контрнаступления против плацдармов на Маасе, а собиралось только лишь обороняться.

Далее начали происходить не менее странные вещи: немецкий генеральный штаб и командующий группой армий "А" не смогли сразу использовать успех, так как не знали, как лучше управиться с танковой группой. Вместо того чтобы решительно двинуть ее вперед в отрыве от пехоты, Рундштедт начинает дробить танковую группу на части. Он передал ее пехотным командирам, чьи взгляды и мышление были весьма далеки от методов руководства, присущих танковым войскам. "Вожаком" танковых соединений становилась пехота. Этот факт серьезно опровергает мнение, будто в германском вермахте уже в 1940 г. существовали единые для всех командиров методы оперативного использования крупных подвижных соединений как средства глубокого стремительного прорыва.

По свидетельству начальника штаба танковой группы Цейтцлера, командующий 12-й армией после получения в состав армии группы распорядился "поделить ее пополам". Он подчинил 41-й моторизованный корпус 3-му армейскому корпусу. Иными словами, он попытался вообще ликвидировать танковую группу как единое мощное оперативное соединение, тем более что командир 3-го армейского корпуса генерал Гаазе сразу же включил танковые дивизии в свой резерв. "Практически это могло означать, - пишет Цейтцлер, - прекращение существования танковой группы фон Клейста как самостоятельного оперативного соединения"225.

Во всех этих манипуляциях удивительно ясно выплыла наружу путаница во взглядах германского генерального штаба на методы ведения современных операций. Оказалось, что опыт военных действий против Польши в области применения танковых войск плохо осмыслен генералами вермахта и понят по-разному. Конечно, вскоре последовала отмена решения генерала Гаазе, но вернуть потерянное время никто не мог. Если бы союзное командование оказалось в состоянии объединить войска, которые оно теперь поспешно снимало с "линии Мажино" и направляло к северу, и если бы с помощью этих войск оно смогло создать на пути двигавшихся танковых колонн новый фронт обороны, возможно события приняли бы несколько иной характер. Но десятилетиями воспитанные в традициях позиционной войны с ее неповоротливой медлительностью, французские генералы за малым исключением никак не поспедали за ходом событий и везде опаздывали. Отдельные самоотверженные, решительные действия ярко вспыхивали на общем безрадостном фоне, однако они не могли изменить общего хода событий. Но мы все-таки расскажем об одном таком эпизоде.

Полковник де Голль, ставший именно в эти дни, на поле сражения, генералом, с присущей ему решимостью и с глубокой верой в танковые войска, теоретиком которых он был, контратаковал во главе своей 4-й бронетанковой дивизии под Лаоном превосходящие немецкие танковые силы, рвавшиеся к западу.

"19 мая на рассвете - в бой", - пишет де Голль в своих мемуарах. И продолжает, вспоминая о тех днях: "О, как все это нелепо! Война начинается крайне неудачно. Что ж, нужно ее продолжать. На земле для этого достаточно места. Пока я жив, я буду сражаться там, где это потребуется, столько времени, сколько потребуется, до тех пор, пока враг не будет разгромлен и не будет смыт национальный позор. Именно в этот день я принял решение, предопределившее всю мою дальнейшую деятельность"226.

В упорнейшем бою, длившемся несколько суток подряд, дивизия де Голля выполнила свою задачу. Она успешно контратаковала немецкие части, заставила их несколько отступить, нанесла им значительные потери. "Над полем сражения витал дух победы, - пишет де Голль. - Каждый высоко держал голову. Даже раненные улыбались... В результате упорного боя немцы не выдержали нашего натиска и отступили"227. Но без поддержки

соседей дивизия не смогла развить наступления. Она не взяла высоту Мон-Клебер.

В те дни в германских штабах, конечно, никто еще не знал, что неполный успех де Голля у высоты Мон-Клебер в будущем, когда подведется общая черта, с лихвой окупится его стратегической победой в рядах союзников. Но тогда речь будет идти не о неизвестной высоте, а о Франции.

III

Мы не будем здесь пытаться дать анализ социально-политических причин, начавшейся катастрофы Франции. Они достаточно глубоко вскрыты прогрессивной общественно-политической мыслью, доказавшей, что именно прежде всего политические обстоятельства предопределили катастрофу 1940 г. Мюнхенский курс, который продолжался, лишь изменив форму, во время "странной войны", вплоть до 10 мая, предательство французской крайней реакцией интересов своего народа, боязнь левых сил больше, чем нацизма, с которым не исключалась сделка за счет национальных интересов, эпилепсия антикоммунизма, поднявшаяся в стране перед вторжением, наконец, отстающая от требований эпохи военная система Франции таков перечень основных исторических обстоятельств, которые подготовили французское поражение и германский успех.

Была ли немецкая армия в 1940 г. организована лучше французской? Да. Располагала ли она более современными оперативными принципами? Да. Удалось ли ей ввести в заблуждение союзников о месте и направлении своего удара? Удалось. Оказалась ли система ее военного руководства более гибкой, быстрее реагирующей на обстоятельства борьбы? Оказалась. Но при всем том решающую роль сыграли все же не эти преимущества, очень важные сами по себе, а отмеченные выше социально-политические обстоятельства. При верной политике в войнах прошлого неоднократно удавалось исправлять ошибки военного порядка уже в ходе борьбы. Но ложная политика вела к поражению даже самые лучшие армии.

Французской армии 1940 г., конечно, нельзя было отказать ни в традиционной доблести ее солдат, ни в умении сражаться. Но "странная война" и начавшиеся тяжелые неудачи породили глубокий моральный кризис, который постепенно подрывал силу сопротивления. И чем больше развивались эти процессы, тем легче становилось гитлеровским танковым колоннам осуществлять свои прорывы, тем яснее вырисовывались военно-оперативные преимущества, которыми располагало фашистское командование.

И эти преимущества никогда не стали бы столь наглядными и подавляющими, если бы французские высшие штабы не допустили самого главного из серии своих просчетов - о времени и месте германского первого и главного удара. Этого просчета они не сумели исправить в ходе всей войны.

Вплоть до начала мая 1940 г. союзное командование, несмотря ни на какие предупреждения, ни на более чем ясные сигналы, не верило, что немцы действительно атакуют. Французский главнокомандующий Гамелен впоследствии не мог не признать, что еще до германского вторжения он имел сведения из различных стран мира о готовящемся ударе, в том числе из Германии. Но вряд ли он правдив, утверждая, что из этих материалов "невозможно было сделать какие-нибудь точные выводы, по крайней мере в отношении даты"²²⁸. Дата, как мы показали, не оставалась тайной. Но союзное командование пребывало в мире созданных им самим ложных представлений. Оно не реагировало достаточно энергично на поступающие сведения.

Почему французское командование, подробно осведомленное о численности и общей группировке германских сил, было застигнуто врасплох танковым ударом через Арденны?

Решающее значение имели его уверенность в том, что германский удар последует только через Центральную Бельгию. Сыграла роль недооценка оперативных возможностей немецких крупных танковых соединений, основаниям на устаревших довоенных взглядах и на одностороннем, неглубоком восприятии опыта германо-польской войны, повторение которого во Франции считали невозможным.

Французская разведка не смогла вполне ясно и отчетливо определить вероятные задачи ударной танковой группировки гитлеровской армии (группы Клейста). Французские разведчики и прежде всего тогдашний руководитель Второго (т. е. разведывательного) бюро полковник Гоше после войны утверждали, что вскрыть развертывание немецкой танковой группы было практически очень трудно.

Гоше пишет по этому поводу: "Поверхностные умы не могли сделать ничего другого, как приписать этот явный просчет Второму бюро. Он был, однако, неизбежен, и вот почему: атакующая группировка занимала позиции в ночь или за две ночи до "дня икс", вероятнее всего в последнюю ночь перед "днем икс". Эту группировку можно было определить только при соприкосновении с противником... Но соприкосновения между массой немецких сил вторжения и французами, которых в течение 8 месяцев отделяла нейтральная люксембургско-бельгийско-голландская область, никогда не существовало. Для того чтобы заранее разгадать группировку и замысел вторжения противника, Второму бюро надо было бы обладать немецким оперативным приказом и относящимися к нему картами. Большей частью... направление удара противника узнается только в самом сражении... Достаточно уже и того, если какое-нибудь Второе бюро до начала атаки сможет установить и определить район развертывания, фронт, где может быть проведена атака, предусмотреть возможные события. Заранее требовать от него, чтобы оно стрелкой указывало вероятное направление главных усилий противника, означало бы требовать невозможного, в особенности когда нет боевого соприкосновения. В момент, когда боевые действия начались, неплохо, если этот пробел будет восполнен как можно скорее"229.

Затем Гоше доказывает, что французская разведка имела только 11 часов - с 18 час. 00 мин. 9 мая, когда танковая группа Клейста выступила из районов сосредоточения, расположенных в тылу, до 5 час. 35 мин. 10 мая, когда она перешла границу, - чтобы получить информацию о группе Клейста и успеть сделать доклад в ставку. Но уже в 6 час. 30 мин. 10 мая главнокомандующий отдал приказ о вступлении в Бельгию.

Бросая ретроспективный взгляд на этот столь важный момент начального периода войны, вряд ли можно признать оправдания Гоше состоятельными. Дело в том, что французская разведка через агентуру заблаговременно узнала о сосредоточении в люксембургском направлении немецких танковых дивизий позади фронта. Но Второе бюро не смогло сделать правильных выводов насчет предназначения этой группировки, недооценило ее, не дало прогноза в соответствии с той истиной, что разведка должна уметь не только устанавливать, где расположены войска противника, но и анализировать их возможные действия. Это лишь одна сторона вопроса.

Другая, гораздо более важная, состоит в том, что союзное командование придерживалось только расчетов мирного времени без глубокого и всестороннего анализа конкретной обстановки. Оно позволило немцам ввести себя в заблуждение. Французский генеральный штаб не планировал, как это обычно практикуется, задачи армии в зависимости от нескольких вариантов обстановки. Он догматически признавал за вермахтом возможность наносить главный удар только в одном направлении - в Бельгию, и в ответ предполагался лишь один-единственный вариант стратегического маневра союзных армий: тоже в Бельгию. На войне предусмотрительность и гибкость мышления командования не менее важны, чем хорошее оружие и хорошие солдаты...

Для немецкого командования общее положение на фронте 15 - 16 мая, несмотря на серьезные успехи, все же оставалось не вполне ясным. Правда, Голландия капитулировала на четвертый день военных действий, но немецкая 6-я армия Рейхенау остановилась в Бельгии перед "позицией Диль". ОКВ и ОКХ находились в состоянии неуверенности. Они не верили в столь быструю удачу. Ждали, что именно сейчас, после прорыва германских танковых соединений в оперативную глубину, союзное командование примет решительные контрмеры.

Почти в то самое время, когда генерал Гамелен на совещании 16 мая в Париже шокировал союзных руководителей вестью, что у него нет никакого резерва для парирования

удара, начальник гитлеровского генерального штаба Гальдер с тревогой констатировал: "Крупный армейский резерв противника еще, по-видимому, не введен в действие"²³⁰. Немцы боялись французских резервов, которых не существовало. Ждали контрударов, которые французы и не собирались наносить. Немецкий генеральный штаб не мог предположить, что французская армия не оставит стратегического резерва в глубине.

Гальдер записал 17 мая в дневнике: "Фюрер сегодня особенно нервозен. Он боится собственного успеха. Он не хочет ничем рисковать и поэтому стремится ограничить нас в действиях. Предлогом для этого является беспокойство за левый фланг"²³¹. Требование "действовать осторожно" было передано Кейтелем и самим Гитлером командующим группами армий и другим ответственным генералам. "Фюрер испытывает непонятный страх за южный фланг, - пишет Гальдер. - Он рвет и мечет, боится, что вся операция может закончиться поражением"²³².

Фронт прикрытия на юг, призванный отразить несуществующие контрудары, стал отвлекать все больше сил. После полудня 17 мая Браухич указал Рундшtedту: "Положение на южном фланге рассматривается как особая опасность"²³³. Он потребовал немедленно ввести все пехотные дивизии, которые можно использовать, для укрепления оборонительного фронта. В тот же день около 15 часов на командный пункт группы армий "А" приехал Гитлер. "Он подчеркнул, - записано в журнале боевых действий группы, - особое значение, которое имеет южный фланг не только для операции всей армии, но и в политическом и психологическом отношении"²³⁴. Ни при каких обстоятельствах, нигде, продолжал Гитлер, нельзя в настоящий момент давать возможность нанести контрудар, "который не только военному, но прежде всего политическому руководству мог бы дать роковой импульс"²³⁵.

Германское командование не верило в собственную удачу. Выдвинутые вперед части, включая танковую группу Клейста, снова были остановлены.

Лишь постепенно ОКВ и генеральный штаб сухопутных сил начали понимать, что дела идут лучше, чем представляется. 17-го Гальдер отмечает, что противник не принял мер, чтобы закрыть прорыв. Утром 18 мая он приходит к выводу: "Французские резервы главного командования введены в действие лишь в незначительном количестве", - и поэтому предлагает развивать наступление на юго-запад. По сообщению Кейтеля, Гитлер выразил в этот день свое полное удовлетворение мерами, принятыми группой армий "А", и теперь "почувствовал себя успокоенным в отношении южного фланга"²³⁶.

На следующий день штаб сухопутных сил произвел частичную перегруппировку и уточнил планы. Всей авиации Западного фронта ставилась задача поддержать наступление подвижных соединений на главном направлении - между французской границей и Соммой. После переброски танковых и моторизованных соединений из группы фон Бока в группу Рундшtedта вновь созданному мощному танковому клину, поддерживаемому почти всей авиацией, предстояло выполнить главные задачи в дальнейшем развитии наступления.

Глубокий прорыв вывел 20 мая танки Рундшtedта к побережью Ла-Манша.

Столь крупный успех вызвал окончательный перелом в настроении гитлеровского высшего руководства. Именно 20 мая стало тем поворотным пунктом, когда Гитлер и все его штабы отрешились от многих страхов и сомнений и почувствовали себя победителями в "западном походе". "Фюрер в этот день, записал в дневнике Йодль, - был вне себя от радости, он расточал комплименты военному руководству"²³⁷. Тут же Гитлер сформулировал дальнейшие задачи вооруженных сил:

1. Уничтожить противника севернее Соммы и занять побережье.
2. Затем продвинуться между Уазой и морем до Сены и
3. Присоединить к этому главное наступление по обе стороны Реймса в юго-западном направлении, продвигая на правом фланге восточнее Парижа подвижные силы.
4. На вспомогательном участке слабыми силами прорвать "линию Мажино" между Сент-Авольдом и Сааргемюндом в направлении Нанси, Люневиль"²³⁸.

Именно начиная с 20 мая ОКВ и ОКХ приступают к планированию заключительной операции на Западе, получившей условное наименование "Рот".

IV

Расколов фронт союзных армий и выйдя на побережье, германские войска зажали во Фландрии основную, наиболее сильную группировку французских, британских и бельгийских войск. Под Дюнкерком германское командование по приказу Гитлера от 24 мая (так называемый стоп-приказ) остановило наступление танков и в последнюю минуту выпустило английскую экспедиционную армию из железных клещей. Искусственно созданная пауза предоставила в последующие дни возможность английским войскам избежать полного уничтожения и эвакуироваться морем из Франции.

Согласно довольно широко распространенному на Западе взгляду, "чудесное избавление" британской армии под Дюнкерком в конечном счете спасло Англию, ибо сохраненные войска стали после возвращения не только основой обороны страны в последующие месяцы, но и костяком экспедиционных сил в будущем.

Почему же германское руководство, которое бесспорно держало в своих руках полную победу, отдало подобный приказ, остановило танковую группировку и позволило более чем 300 тыс. английских солдат и офицеров уплыть через Ла-Манш?

В исторической литературе о событиях у Дюнкерка существуют две отличающиеся друг от друга точки зрения.

Сторонники первой считают, что немецкие танки были остановлены по мотивам главным образом оперативно-стратегического характера и что поэтому эвакуация английской армии - не результат преднамеренных действий гитлеровской верхушки.

Согласно второй точке зрения, "дюнкерское чудо" - это следствие прежде всего политических причин - стремления Гитлера выпустить английские войска, чтобы скорее заключить мир с Англией и при ее благожелательном нейтралитете напасть на СССР²³⁹.

Как нам представляется после изучения всех доступных документов, наступление немецкой танковой группировки было остановлено под Дюнкерком в результате ряда причин военно-политического и оперативного характера. Главными являлись политические соображения²⁴⁰.

Гитлер стремился после победы над Францией заключить мир с Англией, исходя из своей политической доктрины. Флот и отчасти ВВС не были готовы к успешной скоротечной войне против Великобритании. Все расчеты строились на предположении, что после разгрома Франции Англия падет сама собой. Борьба с ней приняла бы затяжные формы, связанные с большими потерями. Даже в случае успеха Германия не могла бы использовать плоды победы. Заключением мира Гитлер предполагал заставить Англию, сведенную, как он думал, на положение второразрядной державы, признать его завоевания в Европе, гегемонию "Великой Германии" и отдать часть колоний. Он надеялся таким путем развязать себе руки на Западе. Одновременно с этими расчетами в 20-х числах мая 1940 г. зародилось намерение начать вскоре войну против Советского Союза (см. главу III). Итак, "все, что я делаю, направлено против России"!

События 20-х чисел мая ускорили принятие решения: следующий удар направить против СССР. Рассечение союзных армий, выход вермахта к побережью, близость окончания войны во Франции, потеря Англией французской "континентальной шпаги", что, по взглядам Гитлера, предвещало ее крах, вместе с тем необоснованные подозрения о возможном "сговоре" Советского Союза и Англии, все это происходило в 20-х числах мая²⁴¹. Именно теперь гитлеровское руководство ставит вопрос о войне против СССР как о следующей практической задаче. На таком фоне причина остановки немецких танков под Дюнкерком представляется нам частным, производным вопросом, который должен решаться в плане более крупных замыслов военно-политического характера.

Если с Англией возможен мир, - а Гитлер, безусловно, тогда не сомневался, что мюнхенские элементы разгромленной, как он считал, Англии заставят правительство пойти

на соглашение с победоносным и могущественным рейхом, - то мирные жесты, по мнению Гитлера, следовало начинать немедленно.

В 20-х числах мая, когда еще шли крупные сражения и начинать мирные переговоры было преждевременно, что еще мог сделать Гитлер для Англии, кроме того, как вернуть ей ее солдат, конечно, без оружия? Политические маневры интенсивно вторгались в военные действия и прямо влияли на оперативные решения. И 24 мая отдается "стоп-приказ". Сражавшейся английской армии облегчается эвакуация из Франции.

Гитлер, как он нередко делал и в других случаях, видимо, никого не посвятил в свои действительные расчеты (что, собственно, и привело к возникновению в историографии "проблемы Дюнкерка"). Это вполне объяснимо стремлением сохранить в тайне столь необычное решение. Постоянный представитель Риббентропа при Гитлере дипломат Гевель, хорошо осведомленный и в политической, и в военной обстановке, сразу "раскусил" намерения фюрера. Он писал впоследствии о причинах "стоп-приказа": "Лично Гитлер вмешался в то, чтобы дать англичанам уйти. Он был убежден, что разгром британской армии вынудил бы Англию сражаться до последнего человека"²⁴².

Тот факт, что генералы спорили и возмущались, что появился, по словам Гальдера, "кризис доверия", объясняется их неосведомленностью в политических аспектах проблемы, недоумением, вызванным чисто военной нецелесообразностью принимаемых решений. Единственным генералом, кто, видимо, знал о плане фюрера, был Рундштедт, находившийся тогда в фаворе у Гитлера (Кейтель заявил 22 мая: "Фюреру особенно близок Рундштедт"). Именно ему Гитлер поручил проводить в жизнь "стоп-приказ".

Рундштедт не подчинился приказу ОКХ от 25 мая о продолжении наступления на Дюнкерк - факт, не имевший прецедента в германской армии и поныне вызывающий удивление историков. Все разногласия 24-26 мая среди генералитета, включая ОКХ, к которому Гитлер относился с некоторой неприязнью, также происходили из-за незнания Браухичем, Гальдером и другими подлинной сути дела. Наступление, возобновленное 27 мая, было уже "другим наступлением", не идущим вразрез с замыслом "стоп-приказа" и ставящим цель отсечь англичан от их французских и бельгийских союзников, разгромить последних и ускорить отплытие английских войск в Англию.

Английскому военно-морскому командованию удалось эвакуировать 338 226 человек (из них 126 175 французов), в том числе 239 555 из гавани Дюнкерка. В период с 27 по 30 мая эвакуировалось 126 606 человек, остальные - до 4 июня²⁴³. Вооружение английская армия бросила на французском берегу. В момент, когда последний английский солдат покинул французское побережье, английское правительство перестало оказывать военную помощь своему союзнику, тщетно взывавшему к Лондону о присылке новых эскадрилий.

Военное поражение Бельгии, полное нарушение взаимодействия между союзниками, отсутствие какой-либо помощи со стороны британского и французского командования, происки Ватикана ускорили решение бельгийского короля Леопольда III о капитуляции, хотя возможности сопротивления отнюдь не исчерпались.

В полночь 28 мая немецкий генерал Рейхенау и бельгийский генерал Деруссо подписали протокол о безоговорочной капитуляции бельгийской армии. До 500 тыс. бельгийских солдат сложили оружие.

После выхода немцев на побережье, катастрофы Бельгии и эвакуации англичан наступила передышка, продолжавшаяся до 5 июня. Французское правительство постаралось использовать ее для зондирования вопроса о перемирии. Капитулянты и пораженцы вели дипломатическую разведку в Риме, рассчитывая, что удобнее всего использовать в качестве посредника Италию, отдав ей "в компенсацию" часть заморских территорий.

Однако Гитлер и Муссолини не считали момент достаточно выгодным для переговоров. Они понимали, что добьются значительно большего путем продолжения войны. Да и во Франции боязнь возмущения народа еще удерживала правительство от слишком открытых шагов к полной капитуляции. Когда стало ясно, что Германия и Италия еще не хотят вести переговоры, а британский союзник отказывается от реальной помощи, премьер-

министр Рейно фактически передал власть капитулянтской группе Петэна - Лавалья. По мнению пораженцев, она могла теперь повести дела лучше.

V

Катастрофа Франции надвигалась все быстрее. Шел к развязке следующий акт трагедии европейских народов.

Французское командование отдало приказ о подготовке к новому оборонительному сражению, которое предполагалось дать на Сомме.

После победы во Фландрии германское командование мало сомневалось в исходе борьбы. Картины эвакуации британских войск из Дюнкерка, гигантское окружение на севере, откуда теперь тысячи и тысячи пленных двигались на восток, паника мирного населения, развал французского государственного аппарата - все это убеждало завоевателей в непреодолимой, как им казалось, силе вермахта.

Теперь генеральному штабу предстояло организовать последний удар в глубь Франции, и его началом должен был стать прорыв слабого, истекающего кровью фронта вдоль Соммы и Эны.

Германский план наступления в центральные районы Франции (план "Рот"), основанный на указаниях Гитлера от 20 мая, излагала директива ОКВ от 24 мая, а затем уточняла директива ОКХ от 31 мая²⁴⁴. Операцию предполагалось вести в три этапа. Первый этап - удар группы армий "Б" между морем и Уазой до Нижней Сены с целью подготовить "главную операцию". Второй - содержал наступление основных сил - группы армий "А" по обе стороны Реймса в юго-восточном направлении, чтобы "разбить главные силы французской армии в треугольнике Париж, Мец, Бельфор" и выйти в тыл "линии Мажино". На третьем, этапе переходила в наступление группа армий "Ц", удар которой через ослабленную "линию Мажино" намечался на Люневиль²⁴⁵. Предполагалось создать сильную подвижную группировку, которая будет развивать наступление к Мозелю, воплощая собой теперь уже полностью утвердившуюся идею о ведущей роли крупных танковых соединений в операциях. Направление удара определялось стремлением захватить Лотарингский железорудный бассейн и осуществить двойной охват всей главной группировки французской армии между Парижем и "линией Мажино". Браухич дал указание прорываться, не опасаясь за фланги.

Германское наступление начала группа армий "Б" в 5 часов утра 5 июня. Силы были слишком неравными, немецкое превосходство в танках и авиации особенно большим, оборонительный фронт неглубоким, а моральная и физическая усталость французских войск чрезмерной. Французские солдаты и офицеры не видели перед собой ясной цели и перспектив борьбы. Они, как и прежде, храбро и честно вступили в бой за Францию. Но теперь они не могли не понимать, что организм французской армии болен и распадается под действием бациллы пораженчества. Единственное спасение Франции - превращение войны в подлинно народную - было абсолютно чуждо правительству. Французские солдаты, поднявшиеся на рассвете 5 июня 1940 г. из окопов за Соммой, чтобы встретить врага, теперь уже сражались без надежды на успех. На отдельных участках немецкую атаку отбили успешно. Однако фронт на Сомме не смог удержать танкового потока. Немцы обходили опорные пункты, прорывали растянутую оборону компактными танковыми группировками при сильной поддержке авиации.

Именно в эти дни немецко-фашистский генералитет уже окончательно признал все преимущества массированного наступления крупных танковых соединений в оперативных масштабах. После прорыва на Сомме все намерения командиров сводились к быстрейшему проталкиванию вперед подвижных войск. Анализ оперативных документов немецкого верховного командования от июня 1940 г. показывает, что, не в пример маю того же года, решение главных задач возлагалось теперь не на пехоту, а исключительно на танковые корпуса; пехотные части как бы отодвигаются на второй план. Танковые соединения получают множество задач на разных участках.

Среди массы отступающих войск и миллионов беженцев, растущего хаоса немецкие танки двигались все дальше на юг.

Раздавшийся 6 июня призыв французских коммунистов - превратить войну в народную, вооружить народ, оборонять Париж - определял эффективный путь, способный изменить ход борьбы. Столь же очевидно, что в июне 1940 г. ее исход решался прежде всего политическими обстоятельствами - готовившейся капитуляцией захвативших власть соглашательских элементов.

С точки зрения истории германского военного руководства заключительный этап военных действий в Западной Европе (июнь 1940 г.) связан со следующими существенными моментами.

Во-первых, исчерпало ли французское командование в июне 1940 г. ресурсы военного сопротивления или же оно еще располагало силами, но не использовало их, вольно или невольно облегчив германскому командованию ведение наступления?

Изучение ряда материалов позволяет опровергнуть тезис об истощении военных ресурсов Франции в июне 1940 г. и о военной неизбежности капитуляции. Оказывается, что в распоряжении французского командования к середине июня оставалось еще немало техники, которую, однако, в сражение не ввели. Согласно данным, опубликованным французской военно-исторической службой в начале 50-х годов, к 11 июня 1940 г. во Франции имелось 3047 танков и 743 бронемашин²⁴⁶.

По данным французских историков, в конце июня французская авиация имела в строю больше самолетов, чем перед вторжением. Именно в июне можно было ввести те 1445 самолетов, которые по разным причинам к 10 мая находились в бездействии.

К моменту капитуляции в июне 1940 г. военные ресурсы Франции не были повсеместно исчерпаны. Сопротивление могло продолжаться. Оно было прервано вероятнее всего вследствие боязни вызвать революционные процессы. Французские солдаты прекратили борьбу не потому, что их окончательно победили на поле боя

Во-вторых, какие обстоятельства позволили немцам в июне 1940 г. быстро преодолеть укрепления "линии Мажино" фронтальной атакой и в какой степени правы те западногерманские военные писатели, которые затем поставили в заслугу вермахту "прорыв сильнейшей в мире укрепленной полосы"?

Проведенный нами подсчет показал, что французы сняли в течение мая 18 пехотных дивизий из 26, имевшихся на неатакованной "линии Мажино", и перебросили их на активные участки фронта. Ясно, что заранее подготовленный против "линии" удар превосходящих сил германской группы армий "Ц" не мог встретить серьезного противодействия. Совершенно очевидно, что нет веских оснований ставить прорыв ослабленной "линии Мажино" в ряд выдающихся достижений военного искусства.

В-третьих, в какой степени германское военное руководство в июне 1940 г. шагнуло вперед в методах применения бронетанковых войск?

Завершающий этап боев во Франции окончательно сформировал метод "танковых клиньев". Конечно, перед немецкими танковыми группировками находился теперь истощенный в боях противник. Преследуя его, гитлеровские командиры использовали свои моторизованные корпуса компактными массами, создавая эффект неодолимости танкового потока.

Танковые дивизии завоевывали поле сражения. Они появлялись везде и повсюду, шли то в одном, то в другом направлении, и, к полному удовольствию командования сухопутными силами, складывалось впечатление, что танковые колонны непобедимы. Как-то само собой ускользало из поля зрения то обстоятельство, что этот танковый успех достигнут против сломленного противника, лишеного средств борьбы с танками и с авиацией, в условиях общего отступления и морального кризиса. Ничего этого должным образом не поняли и не оценили. И теперь нацистские генералы окончательно поверят в свою непобедимость и в способность завоевать Европу с помощью, как им станет казаться, всемогущего метода "молниеносной войны". Его основой должен стать "танковый блиц" -

средство, которому не сможет противостоять никто и нигде.

И все же завершающие бои во Франции отнюдь не представляли собой сплошного триумфа нацистских генералов. 10 июня Гальдер записывал в своем дневнике: "Для обстановки сейчас характерно, что противник ожесточенно сопротивляется по всему фронту. Перед 1-й армией признаков отхода не отмечается. Вражеская пехота удерживает позиции даже тогда, когда наши танки оставляют их далеко позади. Контратаки противник всегда поддерживает танками"²⁴⁷. На следующий день Гальдер подчеркивает: на некоторых участках противник "оказывает сильное сопротивление". Наступивший восточнее Амьена 14-й армейский корпус потерял 65% танков от того числа, которое имелось у него 10 мая. "Силы войск на исходе, отмечает Гальдер 11 июня. - Они могут вести только преследование, но не в состоянии участвовать в крупном наступлении ("синдром усталости")"²⁴⁸.

Замысел генерального штаба сухопутных сил - осуществить пресловутые Канны в Западной Франции путем встречного наступления танковых групп Гудериана и Клейста к верхнему течению Сены - никак не удавалось реализовать. Гудериана задерживали контратаки французов из района Аргонна. Отсюда же следовали удары против 12-й армии Листа, наступавшей восточнее Парижа. "Пехотные дивизии смешиваются с боевыми порядками танковых соединений", - отмечает Гальдер. В 12-й армии все перемешалось, управление нарушилось, танки застряли в пехотных массах, которых сгрудилось слишком много на подступах к Сене, южнее Реймса, на дорогах к Маасу. Однако, несмотря на все это, германское наступление продолжало развиваться с нарастающей силой. Танковые колонны двигались все дальше в глубь Франции.

Все решилось само собой после того, как французские руководители окончательно пришли к мысли о необходимости прекратить сопротивление.

Правительство капитулянтов уже предрешило судьбу Франции. Французский генеральный штаб заявил 9 июня: "Главное командование не питает больше никаких иллюзий в отношении возможности восстановить положение... Эта проблема уже является не военной проблемой, а политической".

10 июня Франции и Англии объявила войну Италия. Теперь в среде французского руководства уже не велось речи о сопротивлении. Рейно предлагал правительству эвакуироваться в Северную Африку или в Англию, передав ей французский флот. План поддержали англичане. Намерения группы Петэна - Лавалья были проще: заключить сделку с Гитлером и при его поддержке стать "вождями" фашистского типа.

В той же связи стоял и вопрос о сдаче Парижа. Выражая настроения трудящихся, Коммунистическая партия Франции 6 июня объявила, что оставление Парижа фашистским захватчикам было бы изменой и что она рассматривает в качестве самого главного национального долга оборону столицы. Правительство Рейно решило покинуть столицу без боя. Были приняты энергичные меры, чтобы предотвратить "беспорядки" в Париже до момента прихода немцев.

Правительство и военное командование хотело скорее заключить мир и сохранить армию - единственную реальную силу против возможных выступлений французских трудящихся. Новый главнокомандующий Вейган высказывал в эти дни Полю Рейно опасение, что в условиях разрухи, нищеты и смерти повсюду возникнут маленькие местные правительства, начнет распространяться "советизация". Только армия, подчиняющаяся правительству, могла бы предотвратить этот процесс.

12 июня войска получили приказ о всеобщем отступлении. Вечером того же дня немецкое командование неожиданно узнало об отходе французов от Парижа. 14 июня при гробовом молчании парижан в столицу вступили гитлеровские дивизии. В этот день траура для всей Франции, когда нацистские дивизии гордо маршировали по Парижу, ни один француз не встретил их. Зловещее молчание стало прелюдией будущего грома Сопротивления.

Гитлеровские генералы торжествовали. Они в Париже! Фон Бок немедленно отправился в Дом Инвалидов, к гробнице Наполеона. Здесь он позировал фотографам.

Наполеон и фон Бок! Это волновало воображение "завоевателя" Парижа.

Французские армии отступали по всему фронту. 15 июня французский генштаб так оценивал обстановку: "Прорыв центра наших расположений завершен; противник быстро использует успех в южном и юго-восточном направлениях... Становится невозможным противопоставлять фронты и подразделения крупных соединений глубоким рейдам танковых дивизий противника". 16 июня после отставки Рейно сформировалось правительство Петэна, которому предстояло оформить капитуляцию. Переговоры начались немедленно и закончились 22 июня подписанием в Компьене акта о перемирии.

Победа на Западе повлекла за собой дальнейшее усиление позиций фашизма. Германия контролировала теперь обширные территории Центральной, Юго-Восточной, большей части Западной и Северной Европы. В ее руках находилось побережье Балтийского моря от Мемеля, Атлантики от Нарвика до испанской границы. Флот получил широкие маневренные возможности. Правда, обстановка для вермахта усложнялась тем, что Англия не капитулировала. Но в пьянящем триумфе победы это теперь казалось некой деталью. Дни Англии сочтены. Приговор вынесен. Согласно оценке Гитлера, данной непосредственно после победы над Францией, британцы уже не обладали способностью к длительному сопротивлению. Исходя из таких "указаний фюрера", ОКВ и рассматривало теперь всю стратегическую обстановку на Западе.

Катастрофа Франции существенно повлияла на международную ситуацию, на политику и военную стратегию различных государств. Непосредственная угроза, нависшая над Англией, укрепила решимость ее правящих кругов к борьбе, способствовала изоляции капитулянтских элементов, сплочению сил английского народа, скорейшей мобилизации британских ресурсов для дальнейшего ведения войны.

Произошли некоторые сдвиги в позиции США. Вашингтон стал значительно более реально осознавать угрозу фашистских держав Западному полушарию и позициям американского империализма. Разработка США планов обороны Западного полушария, начало поставок оружия Англии и обмен на английские базы (соглашение от 2 сентября 1940 г.) и военно-техническую информацию, а затем подготовка соглашения о системе ленд-лиза были в той или иной степени результатом событий лета 1940 г. в Европе.

Усилились агрессивные действия Италии в бассейне Средиземного моря. Японский империализм поставил на очередь дня захват французских и голландских колоний в Индонезии и в Индокитае. Под прямым влиянием нового крупного военного успеха гитлеризма происходила дальнейшая консолидация фашистских режимов, выражением которой явился Берлинский пакт Германии, Италии, Японии 27 сентября 1940 г., приведший к созданию "Тройственного союза" агрессоров. Фашистский блок быстро укреплял позиции в Юго-Восточной Европе, все шире распространял влияние на Ближний и Средний Восток, на некоторые африканские и латиноамериканские страны.

Германия серьезно повысила свой военно-экономический потенциал. В ее распоряжении теперь оказались находившиеся на оккупированной части Франции производственные мощности, выплавлявшие 97% чугуна и 94% стали, производимых в стране, 79% добычи угля, 100% железной руды²⁴⁹. Концерн "Г. Геринг" включил в свою систему металлургические заводы Эльзас-Лотарингии и Люксембурга. Захват Польши и, особенно, предприятий Франции, Бельгии, Люксембурга увеличил мощность металлургической промышленности рейха на 13-15 млн. т. Бельгия уже к 1941 г. дала рейху 2,3 млн. т стали, Северная Франция - 857 тыс., Голландия 193 тыс. т. Число иностранных рабочих и военнопленных в германской промышленности превысило 1 млн. человек по сравнению с 0,5 млн. осенью 1939 г.²⁵⁰

Вместе с тем борьба в Западной и Северной Европе уменьшила на данном этапе второй мировой войны и на ближайшие месяцы мощь германских вооруженных сил в воздухе и на море. Потери немецкой авиации на Западе - более 2,7 тыс. самолетов, и флота - более 50 крупных и средних боевых судов - ощутимо повлияли на дальнейший ход войны с Англией, на ведение морской блокады и на борьбу за господство в Средиземном море. Германское

военное руководство в 1940 г. выглядело особенно выгодно на фоне устаревших приемов ведения войны, которыми пользовались генеральные штабы союзников. Идеи сплошных укрепленных позиций вдоль границ государства без крупных маневренных резервов в глубине, статичной обороны, основанной на системе огня и мощи укреплений, но недооценивающей маневр, себя не оправдали. Оказалось, что сильнейшее средство против такой обороны - подвижность наступающего. "Мы вынуждены признать, что не предвидели, с какой легкостью противник сможет продвинуть свои танки по ту сторону препятствия"²⁵¹, - писал французский генерал Жорж после окончания военных действий в начале августа 1940 г. в рапорте генералу Вейгану об операциях Северо-Восточного фронта.

Крах устаревших оперативных идей и утверждение новых - вот в чем заключался для генеральных штабов, помимо непосредственных результатов на полях сражений, главный оперативный итог 1940 г. Гитлеровский генеральный штаб оказался сильнее и организованнее своих противников. Но это не означало, что он стал "непревзойденным инструментом планирования и ведения войны", как начало казаться в те дни многим недостаточно критически мыслящим людям. Лишь вследствие реакционной политики и устаревшей военной доктрины Франции стратегия "молниеносной войны" имела на Западе успех.

Всенародная война, элементы которой зародились в Польше и к которой в ходе борьбы в Западной Европе начали горячо призывать французские патриоты, не возникла во Франции летом 1940 г. вследствие быстрой капитуляции правящих кругов, разобщенности социальных сил, дезориентации народа. Но она еще предстояла! Все было впереди.

Что касается гитлеровского вермахта и его верховного командования, то они, безусловно, накопили обширный боевой опыт. Военный аппарат третьего рейха стал еще более опасным для человечества инструментом ведения захватнических войн.

Раздвоение стратегии

I

Поражение Франции, Бельгии и Голландии летом 1940 г. стало самым тяжелым ударом по коалиции капиталистических государств, противостоявших фашистскому блоку в начале второй мировой войны. Изменившаяся обстановка в Европе требовала от германских политических и военных лидеров новых оценок и решений.

Франция как фактор силы - исключена. Значительная часть ее обширных ресурсов могла быть поставлена на службу военным планам Германии. Условия перемирия были, с точки зрения нацистов, "умеренными": режим оккупации распространялся лишь на северную часть страны. На деле же они представляли собой грабеж национальных богатств Франции.

На севере Европы в руках Германии находились удобные фланговые позиции против Англии. Правда, создание обширных военно-воздушных баз в Норвегии затруднялось климатическими и географическими условиями, но зато ее побережье давало идеальные возможности для развертывания баз подводного флота. Шведская железная руда бесперебойно доставлялась в германские порты. На Балканах третий рейх быстро усиливал экономическое и политическое влияние, стремясь надежно закрепить за собой румынские месторождения нефти, медные и бокситовые рудники Югославии, выгодные стратегические позиции.

Укреплялся союз Германии с Испанией. Отказавшись от первоначально провозглашенного "строгого нейтралитета", Испания 12 июня 1940 г., через двое суток после вступления в войну Италии, объявила себя "державой, не участвующей в войне", но 14-го ввела войска в международную зону Танжера. Франко уже в начале июня передал Гитлеру свои пожелания новых успехов. Затем Берлину дали понять, что Испания при определенных предпосылках отнюдь не против того, чтобы участвовать в войне²⁵². Так как Германия из донесений послов и разведки самым обстоятельным образом знала, в какой мере внутреннее положение Испании после многолетней ожесточенной гражданской войны является

неустойчивым и как велика ее потребность ввоза продовольствия и сырья, то эта декларируемая "готовность к войне" рассматривалась в Берлине только как заявка на интересующие Испанию политические и территориальные приобретения в случае победы Германии. Ожидать от Франко вклада в военные действия не приходилось.

Вступление Италии в войну "без пяти минут двенадцать", притом ради французских трофеев, мало устраивало Гитлера. Ему была хорошо известна слабая военная готовность Италии как из послания Муссолини, врученного через несколько дней после заключения 22 мая 1939 г. германо-итало-японского союза, так и из дальнейшего, очень подробного и чистосердечного сообщения дуче от 25 августа 1939 г., которое касалось причин нежелания Италии участвовать в борьбе, а также из данных разведки²⁵³. Доказательством, подтверждающим эти сведения, являлась пассивность верховного военного руководства Италии в дни ее вступления в войну. Только на самом неподходящем в оперативном отношении участке, в итальянских Альпах, на фронте против Франции предпринимались слабые атаки. На тунисском и египетском фронтах не велось никаких действий. Ожидавшийся рейд на Мальту не осуществился.

Итак, война уже выиграна! Такой была основная оценка обстановки в дни после победы над Францией. Англия изгнана с континента и с военной точки зрения, по крайней мере в отношении сухопутных сил, значительно ослаблена. Она - без союзников против Германии, которая находится на вершине успеха. Положение Англии считалось безнадежным. Иодль приходил к заключению, что Англия капитулирует в августе - сентябре²⁵⁴.

Масштабы мировой войны расширялись. Италия, вступив в борьбу, рассчитывала осуществить свои давние планы установления гегемонии в бассейне Средиземного моря. Вслед за авантюрой против Албании она готовила вторжение из Ливии в Египет.

США не были готовы к войне, но теперь их военные приготовления развертывались все шире. Еще 22 мая сенат одобрил ассигнование 1823 млн. долл. военному министерству, 1473 млн. долл. морскому ведомству. Намечалось строительство нескольких новых военных баз. Производство самолетов предполагалось увеличить до 50 тыс. в год. Военная комиссия палаты представителей одобрила законопроект об увеличении численности американской регулярной армии с 280 тыс. до 400 тыс. человек. Был разработан план постройки новых 68 военных кораблей. 19 июня принимается решение об ассигновании дополнительно 4 млрд. долл. на строительство флота. Одновременно США брали все больше английских заказов на производство самолетов²⁵⁵.

19 июля 1940 г. состоялось заседание германского рейхстага. В огромном зале собрался цвет третьего рейха: генералы вплоть до командиров корпусов, дипломаты, главари СС, гестапо, экономические вожди, бессловесные, раболепствующие перед фюрером "депутаты". На заседании выступил Гитлер. Подведя итог победам германского оружия, он торжественно объявил, что предлагает Англии мир. Это была апелляция к соглашательским элементам Англии в расчете на новое издание Мюнхена²⁵⁶. Однако времена изменились. Мирное предложение повисло в воздухе. В тот же день Гитлер выразил благодарность вооруженным силам. Двенадцать генералов производились в фельдмаршалы. Торжества в генеральном штабе продолжались несколько дней.

II

Принципиальным вопросом изучаемого этапа истории второй мировой войны является вопрос о содержании главного военно-политического решения гитлеровского руководства после победы над Францией. Было ли летом и осенью 1940 г. единственным намерением Гитлера и ОКВ осуществить вторжение в Англию или же этот план следует рассматривать в связи с замыслом агрессии против Советского Союза?

Некоторые историки на Западе придерживаются взгляда, что главным и единственным планом германской верхушки летом и осенью 1940 г. был план продолжения войны на Западе путем вторжения в Англию. Лишь после того как Англия дала отпор и выстояла,

Гитлер был вынужден поздней осенью отказаться от своих намерений и решил начать подготовку войны против Советского Союза. В итоге делается вывод, что "Битва за Англию" представляла собой решающий поворотный пункт второй мировой войны. Для подтверждения своей концепции ряд авторов использует прежде всего высказывания представителей гитлеровской военной верхушки. Они ссылаются, например, на рождественское выступление по радио в 1940 г. Браухича, в котором фельдмаршал заявил: "Вермахт имеет лишь одну задачу: разбить Англию"²⁵⁷. Редер в своих мемуарах также называет войну с Англией главной целью Германии²⁵⁸.

Следуя этим высказываниям, имевшим целью маскировку действительных намерений рейха, такие современные западногерманские исследователи, как Квинт, утверждают: "Операция "Зеелёве" ("Морской лев") была важнейшим пунктом истории второй мировой войны"²⁵⁹. Лиддел Гарт: "Поражение Гитлера может быть объяснено неудачей в битве за Англию"²⁶⁰. По мнению Росси, воздушная битва над Англией в 1940 г. "не только обеспечила победу, но также сделала короче войну"²⁶¹.

Основное зерно концепции: исход второй мировой войны предрешили уже летом 1940 г. усилия Англии. Логический вывод: все, что следует затем, в частности вклад Советского Союза в разгром гитлеровской Германии, уже не могло иметь существенного значения.

Мы хотели бы подробнее рассмотреть эту проблему, которая имеет, как нам кажется, особое значение для понимания дальнейших событий войны²⁶². После захвата ряда государств Европы гитлеровской политической и военной верхушке стало казаться, что близится время решать главную задачу германского империализма - напасть на СССР. Что касается Англии, то с ней летом 1940 г. лучше всего было бы заключить мир, а затем, при ее поддержке или благожелательном нейтралитете, начать агрессию против Советского Союза. Предпосылкой для мирного сговора считалось военное поражение Англии на континенте, снисходительное отношение к разбитой во Франции экспедиционной армии (Дюнкерк), надежда на поддержку мюнхенских элементов среди английских влиятельных кругов. Уже в конце мая - начале июня 1940 г. у Гитлера впервые (с начала войны) возникло намерение: следующий удар направить на Советский Союз²⁶³.

После капитуляции Франции гитлеровское правительство направило секретно через дипломатические каналы Швеции, США и Ватикана предложение британскому правительству о мирном урегулировании. Однако Англия не выказывала намерений прекратить борьбу и начать переговоры. Более того, она отвергла "мирные предложения" Гитлера и сражалась.

Перед нацистской верхушкой, военным руководством возникал вопрос: как дальше действовать против Англии? Именно этот вопрос был поставлен адмиралом Редером на совещании у Гитлера 20 июня²⁶⁴. Анализ процесса планирования войны против Англии приводит нас к выводу, что давние расчеты нацистов относительно того, что поражение Франции, потеря британцами их "континентального меча" повлекут за собой падение Англии, преопределили отсутствие в июне 1940 г. у германской стороны каких-либо ясных соображений и тем более конкретных расчетов о дальнейшем ведении борьбы. Очевидно, командование флота в это время серьезно сомневалось в реальности плана вторжения, так как потери флота в Норвежской операции не позволяли рассчитывать на удачу такого предприятия. Гитлер в мае 1940 г. не ставил ОКВ задачу разработать план десанта в Англию, так как надеялся на мир с ней. Когда 21 мая Редер в Шарлевиле первым (как и перед вторжением в Норвегию!) поставил вопрос о десанте в Англию, он, видимо, не нашел поддержки Гитлера²⁶⁵.

30 июня, когда Гальдер беседовал в министерстве иностранных дел о возможной войне против СССР, начальник штаба оперативного руководства ОКВ Йодль представил Гитлеру памятную записку, в которой заявлял, что войну против Англии необходимо завершить политическими средствами. Если же они к цели не приведут, следует силой сломить сопротивление Англии. Сначала необходимо подавить английскую авиацию, после чего развернуть наступление авиацией и флотом на морские коммуникации и, особенно, на

промышленность Англии.

Иодль считал вторжение крайним, последним средством. Главная предпосылка вторжения - завоевание господства в воздухе. Для десанта в Англию, если он все же потребуется, должно быть выставлено не менее 30 дивизий, которые могут встретить сопротивление примерно 20 английских соединений. Иодль полагал, что Англия борется теперь не ради победы, а только во имя удержания еще оставшихся позиций²⁶⁶.

Записка Иодля - генерала, ответственного за высшее стратегическое планирование, - свидетельствует о том, что намерением германского верховного командования в конце июня - начале июля 1940 г. было по возможности скорейшее заключение мира с Англией и прекращение войны на Западе. Вторжение рассматривалось как нежелательное и самое крайнее средство.

2 июля ОКВ отдало приказ штабам сухопутных и морских сил о начале подготовки, а 3 июля в штабе сухопутных сил была создана небольшая рабочая группа, которая и занялась подготовкой оперативного плана вторжения в Англию. Одновременно энергично разворачивались работы по планированию нападения на СССР. В июне - июле 1940 г. начались первые железнодорожные переброски войск с запада на восток.

На совещании с командованием сухопутных сил, состоявшемся в Бергхофе 13 июля, Гитлер говорил о нежелательности дальнейшего ведения войны против Англии. Он удивлялся тому, что Англия до сих пор не ищет мира, но объяснял это ее надеждой на Россию. "Если мы разгромим Англию в военном отношении, то вся Британская империя распадётся, - заявил он. - Однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие"²⁶⁷. Так или иначе, но оговорки свидетельствовали об отсутствии решимости провести намерения в жизнь. Гитлер продолжал развивать свои планы: втянуть в войну Испанию, "чтобы создать сплошной фронт против Англии от Нордкапа до Марокко", расширить влияние в Румынии, захватить побережье Африки. Совещание не дало ничего нового. Оно вновь убеждало военное командование в том, что у Гитлера нет ясности в планах дальнейшего ведения войны.

Итак, германская политическая и военная верхушка находилась в состоянии колебаний и сомнений²⁶⁸. Она хотела пойти на соглашение с Англией и проводила этот курс начиная с 20-х чисел мая. Вплоть до июля германское командование не имело каких-либо серьезных планов вторжения в Англию, и только с начала этого месяца штабы приступили к планированию десанта. 16 июля, за три дня до выступления Гитлера в рейхстаге с "мирными предложениями", была подписана директива No 16 о вторжении. Директива "Зеелёве" начиналась констатацией факта, что Англия, "несмотря на свое безнадежное военное положение, еще не подает признаков стремления к соглашению". Поэтому необходимо подготовить десантную операцию "и, если окажется необходимым, провести ее".

Комментируя эту часть директивы, западногерманский историк Клее пишет: "Другими словами, это означало, что Гитлер еще предполагал возможность того, что Англия при известных условиях, из политических соображений, проявит уступчивость или ее можно будет заставить уступить под военным нажимом сильной воздушной и морской войной, - и тем самым необходимость десанта на остров отпадет"²⁶⁹. Следует добавить, что "политическими соображениями", о которых упоминает, но которые не раскрывает Клее, был, видимо, желаемый сговор с Англией за счет Советского Союза - именно об этом думал в те дни Гитлер.

В качестве главного объекта операции директива No 16 называла метрополию, которую следовало, "если потребуется", полностью занять. Десант должен проводиться внезапным переходом Ла-Манша на широком фронте примерно от Рамсгета до района западнее о-ва Уайт.

В качестве предпосылок возможного десанта в Англию указывалось: разгром вражеских ВВС, "чтобы они не могли оказать заметного сопротивления германской операции"; создание маршрутов, свободных от мин; подготовка минных заграждений на

флангах маршрутов десанта; сковывание английских военно-морских сил в Северном и Средиземном морях²⁷⁰.

Командование сухопутных сил получило задачу разработать оперативный план переброски соединений первого эшелона, распределить переправочные средства, установить совместно со штабом ВМС районы погрузки и выгрузки.

Командованию военно-морских сил была поставлена задача разработать оперативный план, обеспечить и подвезти в районы погрузки переправочные средства в количестве, отвечающем требованиям сухопутных сил, обеспечить охрану операции с флангов, подготовить береговую артиллерию. Подготовку операции требовалось закончить к середине августа.

В задачу ВВС входило завоевание господства в воздухе; подавление английских береговых укреплений, наземных войск, резервов; нарушение транспортных коммуникаций, нанесение ударов по английским ВМС.

Директива No 16 - это единственная оперативная директива ОКВ на десант в Англии. Следующая директива - No 17, датированная 1 августа, - посвящалась усилению воздушной и морской войны против Англии, а директива No 18 от 12 ноября 1940 г. упоминает операцию "Зеелёве" лишь кратко²⁷¹.

Директива главного командования сухопутных сил, отданная 17 июля, предусматривала участие в операции группы армий "Б" в составе 16, 9-й и 6-й армий.

Но уже на следующий день после подписания директивы No 16 между Браухичем и Редером состоялся крупный разговор о предполагаемом десанте. Оказалось, что военно-морское командование не видит реальной возможности подготовить флот к середине августа. Более того, оно считает, что задачи, поставленные директивой, совершенно ни отвечают состоянию флота, что они значительно труднее задач, определенных другим видам вооруженных сил. Сухопутные силы уже сосредоточены в Бельгии и Северной Франции, авиации не потребуется для наступления на Англию проводить какую-либо серьезную подготовку, а флоту предстоит полная перегруппировка сил, изменение базирования, создание новых стоянок. Наконец, перед ним стоят дополнительные трудности: погода, туманы, штормы, течения и т. д. Прошло еще несколько дней - и военно-морское командование официально сообщило, что к 15 августа оно ни в коем случае подготовку вторжения не закончит.

III

Одним из самых трудных вопросов истории стратегии начальной стадии второй мировой войны следует признать вопрос о возможности германского вторжения в Англию после капитуляции Франции летом и осенью 1940 г. В оценках степени реальности и осуществимости плана "Зеелёве" существуют самые различные, порой взаимоисключающие точки зрения.

Возможность германского вторжения в Англию в 1940 г. (план "Морской лев") зависела от четырех главных условий: 1) предварительного установления германской авиацией господства в воздухе; 2) обеспечения господства на море по меньшей мере в районе вторжения и надежного сковывания сил британского флота в Атлантике; 3) наличия достаточного тоннажа средств десантирования; 4) возможности преодоления береговой обороны и сопротивления британских войск в ее глубине. Только выполнив все без исключения эти четыре условия, немцы могли надеяться на успех. Не обеспечив даже одного из них, они лишались всяких шансов. Какими же ресурсами обладало германское командование для осуществления своих планов?

Завоевание господства в воздухе штаб германского верховного командования считал главной предпосылкой успеха вторжения. Имеющиеся в настоящее время данные о соотношении авиационных сил довольно противоречивы. Абсолютно точный подсчет здесь невозможен. Решающую роль играло, конечно, соотношение в истребительной авиации. Кессельринг считает, что в июле - августе 1940 г. немецкая авиация значительно

превосходила британскую и могла справиться с задачей. По его данным, два базирующихся на западе воздушных флота имели 900 истребителей и 900 бомбардировщиков против британских 650 истребителей и 360 бомбардировщиков²⁷².

Точка зрения Кессельринга совпадает со взглядом Черчилля, также утверждавшего, что британские ВВС летом 1940 г. серьезно уступали немецким. Но следует иметь в виду некоторую пристрастность обоих авторов. У Кессельринга видна явная тенденция выгородить командование ВВС и обвинить штаб ОКВ в плохом планировании воздушного наступления на Англию, что и было, по его мнению, причиной неудачи "Битвы за Англию". Черчилль несколько драматизирует положение Англии в 1940 г. (и без того, конечно, трудное) и несколько завышает силы германских ВВС.

Другие источники дают иное число самолетов германских ВВС, причем общие данные колеблются от 2 тыс. до 2422 самолетов²⁷³. Наиболее капитальным исследованием на эту тему мы считаем работу историка и инженера Т. Вебера "Воздушная битва за Англию", в которой детально и критически изучены все возможные источники, включая данные авиационной промышленности обеих сторон²⁷⁴. Подробные подсчеты Вебера показывают, что количество пригодных к боевому использованию германских самолетов было по разным причинам (неисправность, отсутствие экипажей и т. п.) значительно меньшим, чем общее их количество.

Перед началом "западного похода" германские ВВС насчитывали всего 5 тыс. самолетов, из них в готовности находилось 3643. Союзники располагали 2146 самолетами на континенте и 960 - в Англии, всего 3106 самолетами, из них английских 1460.

Потери немецкой авиации вовремя "западного похода" в мае - июне составили 2784 самолета, в том числе 1163 бомбардировщика, 795 истребителей, 242 транспортных самолета и др.²⁷⁵

Английские ВВС потеряли за тот же период 959 самолетов, в том числе 477 истребителей. Но британская авиационная промышленность в мае 1940 г. выпустила 1279 самолетов, в июне - 1591, в июле - 1665, в августе - 1601. За июнь август 1940 г. британские заводы произвели 1418 истребителей, что, по заключению Вебера, "примерно вдвое превышало производство истребителей в Германии за тот же период"²⁷⁶. Следовательно, уже со второй половины июля британский авиационный парк превышал 3 тыс. самолетов всех типов. Однако по различным причинам общая численность вполне готовых и пригодных боевых самолетов первой линии к началу августа была следующей: бомбардировщиков 500-517, истребителей - 660-700.

Что касается численности германских боевых ВВС, то, по данным Вебера, в июле 1940 г. у немцев на Западе в строю готовыми к бою было всего 550-578 истребителей типа Мессершмит-109²⁷⁷; число бомбардировщиков всех типов и двухместных истребителей Мессершмит-109, используемых как бомбардировщики, равнялось примерно 1100-1150 (по данным Ферстера, Гельмерта и Шниттера 1100²⁷⁸).

Таким образом, соотношение в воздухе на Западе в конце июля - начале августа 1940 г. было примерно следующим: английские ВВС имели 700 истребителей и 517 бомбардировщиков против 578 истребителей и 1100 бомбардировщиков немцев.

Следовательно, английская истребительная авиация - основное средство борьбы за господство в воздухе - численно несколько превосходила немецкую, а германские ВВС имели превосходство в бомбардировщиках над английскими. Вебер делает вывод, что число германских истребителей "во всяком случае было меньшим, чем число готовых к бою британских истребителей"²⁷⁹. Германская разведка преуменьшила действительную численность английской истребительной авиации на треть. Когда просчет обнаружился, это сыграло не последнюю роль в определении дальнейших стратегических расчетов.

Соотношение в истребителях было для немецкой стороны настолько неблагоприятным, что, как передает генерал Остеркамп, Геринг, узнав на совещании высшего командования ВВС в Гравенеге в июле 1940 г. о количестве имеющихся в строю самолетов, был потрясен и воскликнул: "И вот это мое воздушное оружие?"²⁸⁰ Подсчеты, произведенные на этом

совещании, привели, по словам Вебера, "к совершенно разочаровывающим результатам". Штаб ВВС предполагал иметь после пополнения в каждом авиасоединении на 27 самолетов больше, чем до сих пор, а оказалось, что имеется на 9 самолетов меньше. На требование командиров соединений принять меры к получению новых самолетов начальник штаба ВВС Ешоннек лаконично ответил: "Больше у нас нет"²⁸¹.

Сила англичан в воздухе значительно возросла благодаря активным действиям британских летчиков и надежно организованной противовоздушной обороне.

Когда стало очевидным, что Англия не намерена капитулировать, Гитлер решил, что необходимо силой заставить ее пойти на мир и вывести из войны путем авиационного наступления. Так возник план, приведший затем к "Битве за Англию". Скажем априори, что он не удался, ибо германские ВВС не имели к началу стратегической операции необходимого превосходства над английскими ВВС в истребителях и поэтому не могли установить господства в воздухе, являвшегося главной предпосылкой успеха операции в целом. Командование германских вооруженных сил недоценило численность и возможности английских ВВС, поэтому операция была начата в неблагоприятных для германской авиации условиях. Наконец, отсутствовал единый четкий план проведения операции. Нацистское командование колебалось в определении главных объектов наступления, расплывало силы и в результате не создало перспектив решающего успеха ни против одного из намеченных объектов.

Итак, возможность обеспечения германским командованием первой предпосылки для реализации плана "Морской лев" - установления господства в воздухе оказалась по меньшей мере весьма проблематичной.

Что касается второго условия - обеспечения господства на море, - то здесь положение Германии было тогда вообще бесперспективным. После потерь в Норвежской операции германское командование не смогло выставить летом и осенью 1940 г. для вторжения в Англию минимально необходимых сил надводного флота. Наиболее крупные корабли находились на ремонте и могли вступить в строй лишь к зиме - весне 1941 г.²⁸² В готовности имелось лишь четыре крейсера²⁸³. Поэтому операцию вторжения могли обеспечивать лишь малые суда - торпедоносцы, эсминцы, минные заградители и т. п. Но против них стояли превосходящие силы британского флота: 17 крупных кораблей и большое число судов других классов²⁸⁴.

Кессельринг пишет: Англия имела достаточное число легких крейсеров на Темзе и Хамбере, а также флотилию патрульных судов (свыше 1000). Из них 200-300 находились постоянно в море, в то время как 40 соединений каждую ночь непрерывно курсировали между Хамбером и Портсмутом. "Нужно признать, продолжает он, - что британские военно-морские силы представляли самую большую и острейшую опасность для мероприятий по вторжению"²⁸⁵.

Командование германских военно-морских сил уже в середине июля заявило, что "задача военно-морского флота в рамках плана "Морской лев" не стоит ни в какой пропорции к его силам и к задачам, которые поставлены другим родам оружия"²⁸⁶. Флоту предстоит, кроме всего, "полная перегруппировка сил"²⁸⁷. 22 июля Редер вновь сообщил в ОКВ, что подготовка к десанту в намеченный первоначально срок "ни в коем случае не завершится" и что новый срок станет ясным, "когда определится, что установлено господство в воздухе"²⁸⁸.

Итак, выполнить второе важнейшее условие, необходимое для успеха вторжения, - завоевать господство на море - германское командование летом и осенью 1940 г. не могло.

Что касается следующего условия - обеспечения необходимых транспортных средств десантирования, то здесь картина была такой. Еще 11 июля Редер докладывал Гитлеру: "Имеющиеся транспортные средства крайне недостаточны для осуществления быстрой высадки"²⁸⁹. Штаб флота к 25 июля подсчитал, что для операции "Морской лев" потребуется много переправочных средств²⁹⁰. Обеспечить необходимое их количество можно лишь путем широкой мобилизации тоннажа из германского народного хозяйства, в

частности с Рейна, а также из оккупированных стран - Франции, Бельгии, Голландии²⁹¹. Такая мобилизация наносила тяжелый удар германской экономике, особенно в перевозке угля и руды. Кроме того, для сосредоточения необходимых транспортов и кораблей требовалось не меньше двух месяцев. Лишь в конце сентября 1940 г. немцам удалось подвести необходимый тоннаж²⁹². Но тогда уже был почти решен вопрос об отмене десанта.

Следовательно, проблема транспортных средств представляла собой для германского командования также большие трудности.

Нельзя недооценивать того обстоятельства, что британское командование смогло создать довольно быстро хорошо организованную систему обороны, построенную на сочетании действий флота, авиации, эшелонированных позиций на побережье и маневра сухопутных сил²⁹³.

Английский флот имел в водах метрополии в период предполагаемого вторжения немцев 5 линкоров, 1 авианосец, 11 крейсеров, 80 эсминцев²⁹⁴. Кроме того, прибрежные воды, прикрытые плотной зоной минных и иных заграждений, патрулировало и охраняло до 700 малых кораблей. Береговая авиация круглосуточно прикрывала британские воды. Система сухопутной обороны включала ряд мощных оборонительных полос. Армия, приведенная в готовность, насчитывала 39 дивизий, из которых 22 находились на юге страны, и, кроме того, 500-тысячную "гвардию метрополии" (ополчение)²⁹⁵. Немцы же разворачивали для вторжения 16-ю и 9-ю армии в составе 24 дивизий (из них четыре танковые, две моторизованные)²⁹⁶. Столь сильная и хорошо организованная оборона создавала для наступающего многие и большие трудности.

Наконец, и это необходимо особенно подчеркнуть, английские вооруженные силы были в общем едины в своем стремлении упорно сражаться с агрессором, если тот начнет вторжение. Здесь создавались условия для общенационального сопротивления.

Все эти моменты, рассматриваемые в совокупности, показывают, что операция по вторжению в Англию оказалась для немцев трудным, рискованным делом. И, конечно, не случайно Иодль считал десант в Англии "крайним", "последним" средством и призывал добиться мира с ней политическим путем²⁹⁷. Начиная с середины июля к подобной точке зрения присоединяется и командование военно-морских сил. Редер 11 июля заявил Гитлеру: десант - "последнее средство"²⁹⁸.

Возможно ли было вторжение в Англию вообще? Очевидно, что при условии полной подготовки и сосредоточения Германией всех возможных сил авиации, флота, армии, транспортного тоннажа, средств обеспечения и т. д. на одном фронте против Англии десант теоретически стал бы возможен, хотя трудности его очевидны. Но главным решением гитлеровской верхушки начиная с лета 1940 г. было нападение на Советский Союз. И одновременно с подготовкой операции "Морской лев" проводилось не только планирование войны против Советского Союза, но и начиналось разворачивание вооруженных сил на Востоке. Политически созревшее решение об агрессии против Советского Союза преобладало над неопределенными, полными сомнений и колебаний расчетами относительно десанта в Англию. И очень скоро, в октябре 1940 г., подготовка антисоветской войны окончательно вытеснила все связанное с планом "Зеелёве".

Советский Союз еще задолго до начала Великой Отечественной войны стал решающей силой, оттянувшей на себя мощь гитлеровского вермахта, оказавшей тем самым помощь Англии и национально-освободительному движению в Европе.

IV

Решение Гитлера об агрессии против СССР - не следствие хода борьбы против Англии, а самостоятельный, принципиальной важности шаг. Оно возникло в основе раньше плана "Зеелёве" (директива № 16) и директивы о воздушном наступлении на Англию (директива № 17 от 1 августа). Поэтому не может быть и речи о том, что замысел агрессии против Советского Союза - лишь результат неуспеха в борьбе против Англии, что он возник лишь после того, как англичане "сломали воздушное оружие Гитлера", - именно так утверждают

многие историки на Западе.

Это историческое обстоятельство ни в коей мере не умаляет значения вклада английского народа и его армии в борьбу с агрессором летом и осенью 1940 г. Стойкость и мужество британцев, их летчиков, солдат и моряков, всего населения как при угрозе десанта, так и во время воздушного наступления люфтваффе вошли в историю второй мировой войны.

Проведение германскими ВВС самостоятельной стратегической операции против Англии было порождено теми же расчетами - принудить ее к заключению мира и ослабить в военном отношении. Воздушное наступление началось еще в июле и значительно усилилось после упомянутой директивы Гитлера No 17, требовавшей создать предпосылки для окончательного поражения Англии. Поэтому следовало продолжать воздушную и морскую войну более энергично, чем до сих пор. Умами Гитлера, Геринга и ОКВ владел не только расчет все-таки подвести Англию к миру путем военного нажима, но и явное желание продемонстрировать всепокрушающую мощь германского воздушного флота и стремление не выпустить из рук военную инициативу в период, когда новые решения еще только созревали. Немалую роль играли также попытки подорвать английскую экономику путем ударов по судоходству.

С самого начала воздушное наступление проводилось вне связи с планом "Зеелёве", и, следовательно, оно не может рассматриваться как прямая подготовка к вторжению. Вероятнее, что Гитлер все же надеялся после террористических воздушных налетов на Англию услышать ее согласие на мир, а это окончательно развязало бы ему руки против Советского Союза. Именно поэтому, несмотря на требования директивы No 17, первые удары люфтваффе наносились не только против английских ВВС, а расплылись также по другим объектам - портам, побережью и т. д.

Еще на совещании командного состава военно-воздушных сил в Гравенеге (июль 1940 г.), в ходе которого обсуждался вопрос о подготовке воздушной войны, Геринг защищал ту точку зрения, что господство в воздухе над Англией может быть завоевано в течение 13 дней, так как вполне возможно уничтожить за это время английскую истребительную авиацию в воздухе и на земле. Он считал, что одновременно можно наносить удары и по другим объектам Великобритании.

Настойчивые ходатайства командующих 2-го и 3-го воздушных флотов перед генеральным штабом ВВС прежде всего атаковать только английскую истребительную авиацию на аэродромах, а лишь потом перенести удары на города, порты и промышленные объекты были безрезультатны. Только в конце августа по особой просьбе генерала Остеркампа и начальника штаба ВВС оперативный план был уточнен в том смысле, что главный удар перенесли на подавление английской истребительной авиации на ее базах, на всем пространстве южнее и юго-восточнее Лондона.

Упомянутый план действовал до 5 сентября, но выполнен не был. В этот день программа немецкого воздушного наступления на Англию претерпела новые изменения: отдается приказ о первой ночной атаке на столицу Англии силами одного крупного немецкого боевого соединения. Если в середине сентября после десятидневных ночных атак на Лондон снова был отдан приказ о подавлении военно-воздушных сил Англии на их более отдаленных базах, то это не означало возврата к прежней цели завоевания господства в воздухе, а имело лишь задачу принести облегчение бомбардировочной авиации, находившейся под ударом английских истребителей. В принципе главнокомандование немецких ВВС именно теперь начало проводить в жизнь давно задуманный им план осуществления доктрины Дуэ, согласно которой войну можно выиграть только ударами с воздуха. Галланд следующим образом оценивает это изменение плана: "Военно-воздушные силы отныне сосредоточивались все больше и больше на том, чтобы решить новую стратегическую задачу: разгромить Англию путем тотальной воздушной войны"²⁹⁹.

Мотивы подобных планов состоят в следующем. Уже 10 августа Браухич вручил ОКВ докладную записку, в которой он решительно отказался от мысли о вторжении. Это понятно,

так как теперь основные усилия направлялись против СССР. Редер со своей стороны, чем дальше, тем больше, убеждался в чрезвычайных трудностях и опасностях, которыми чревата высадка в Англии³⁰⁰. Геринг довольно рано понял, что высадки не получится. Поэтому в сентябре он постарался придать воздушной войне другой оборот, а именно тот, который ему всегда казался идеалом: одними только военно-воздушными силами принудить Англию заключить мир³⁰¹.

Теперь ОКВ по настоянию командования ВВС приказало начать против Англии войну на уничтожение ее промышленности, войну, которая, по выражению Вебера, была "просто составной частью оперативного плана нападения с воздуха, если он мог удовлетворить поставленным целям и если проведение его в жизнь могло быть обеспечено тщательной подготовкой"³⁰². Но у обоих флотов не было необходимых для нанесения удара по намеченным целям типов бомбардировщиков большого радиуса действия, имеющих надлежащую скорость и грузоподъемность, а также сильного вооружения; кроме того, отсутствовали истребители дальнего действия, которые могли бы сопровождать бомбардировщики на большую глубину. Крупными соединениями невозможно было в течение длительного времени из-за туманов и большой облачности производить успешные атаки по намеченным целям³⁰³. Поэтому наступление против промышленных объектов в отношении конкретных целей, времени и тактики нанесения ударов часто подвергалось изменениям. Направление главного удара не было четко определено. Так как имелись довольно большие потери в бомбардировщиках во время дневных атак, в особенности в сентябре над Лондоном, то штаб ВВС с целью предотвратить дальнейшие потери распорядился, чтобы не только бомбардировщики, но и двухместные истребители вылетали для атак по британской столице лишь ночью³⁰⁴. Начиная с ноября атаки производились только в ночное время.

Частые изменения плана операции, неясно и просто неправильно определенные цели наступления, плохая погода в августе, сентябре и зимой 1940/41 г. немало способствовали тому, что эффективность "тотальной воздушной войны" оставалась низкой, не отвечающей замыслам.

Германские штабы верховного командования и ВВС допустили серьезный просчет в оценке сил и возможностей сопротивления Англии. Прежде всего, они просчитались политически, недооценив твердость английского народа и его решимость сражаться с агрессорами до конца. Кроме того, они ошиблись в определении военного потенциала Великобритании.

Стратегическая операция германских ВВС против Англии, которую германское командование пыталось осуществить в духе предвоенных взглядов о возможности самостоятельного наступления с целью принудить противника к капитуляции, не принесла ожидаемых результатов.

За период от середины августа до конца октября 1940 г. германские военно-воздушные силы потеряли более 1100 самолетов, а британская авиация вдвое меньше (около 650). С ноября интенсивность налетов резко упала. В начале февраля 1941 г. в ставке Гитлера вынуждены были признать неудачу попыток разрушить английскую промышленность и подорвать моральный дух населения. Новым объектом воздушных атак с февраля по май стали британские порты Портсмут, Саутгемптон, Плимут и др. В то же время периодическим налетам подвергались и промышленные центры. В конце апреля - начале мая 1941 г. Геринг сделал последнюю попытку массированными ударами на Лондон "подорвать волю Англии к сопротивлению". Затем наступление с воздуха прекратилось "из-за того, что основные силы немецкой авиации необходимо было бросить на Россию"³⁰⁵.

До осени 1940 г. характерная для корпорации германского генерального штаба переоценка собственных возможностей еще не казалась очевидной, по крайней мере с точки зрения внешнего хода событий. Но как только фашизм принял решение напасть на Советский Союз и начал соответствующую подготовку, которая велась одновременно с "Битвой за Англию", симптомы этой болезни стали проявляться все больше и больше.

Политические и военные лидеры германского фашистского империализма теперь готовились, не завершив победой борьбу на Западе, одним ударом решить главные задачи своей геополитической программы на Востоке.

12 октября Гитлер отдал приказ об отмене плана "Морской лев". Еще через два дня он встретился на Бреннерском перевале с Муссолини и изложил партнеру свою оценку военного положения и ближайшие стратегические планы. Его рассуждения представляют интерес в том смысле, что встреча состоялась сразу же после отказа от намерений вторгнуться в Англию, в условиях возрастающей по интенсивности подготовки нападения на Советский Союз.

- Война выиграна, - безапелляционно заявил Гитлер, имея в виду войну против Англии, - доведение ее до полной победы является лишь вопросом времени.

Далее он объяснил причину отказа от вторжения в Англию:

- Решающим фактором при отказе от операции явилась плохая погода. Необходимо было лишь пять хороших дней подряд, но их не наступило.

Полная противоречий характеристика обстановки, данная затем Гитлером, отражала неспособность фашистской стратегии решить задачи борьбы на Западе в условиях, когда главной целью стала война против СССР и когда вермахт уже переориентировался на Восток. Хвастливые, ошибочные оценки общего положения перемежались с примитивными, игнорирующими действительность объяснениями причин отмены десанта в Англию.

Вопрос стоял так: каким образом продолжать войну с Англией, когда фронт уже фактически повернут против СССР и прямое вторжение не состоялось? Гитлер говорил: "Надо найти путь, с помощью которого можно было бы добиться победы над Англией, не прибегая к десанту", Таким путем он стал считать "создание европейской коалиции и "континентального фронта" против Англии". Нужно втянуть в антибританскую борьбу Испанию, возможно петэновский режим, захватить Гибралтар.

Постепенно борьба с Англией переносилась "на периферию". Вопрос о вторжении становился делом неопределенного будущего. Как выразился 13 декабря Гальдер, оно состоится лишь в том случае, "если в Англии возникнут внутренние слабости". Стратегия против Англии, разработанная в декабре, вновь переносит центр усилий на традиционную блокаду, поскольку попытка прямого удара провалилась. Акцент делается теперь на захват Гибралтара, Марокко, Балкан, а затем Восточного Средиземноморья. Бассейн Средиземного моря должен оказаться в руках оси, думали фашистские стратеги, после чего Англия будет отрезана от своих владений, а по ее дальневосточным позициям нанесет удар Япония.

Так все более сложными зигзагами ложилась нить фашистской стратегии после принятия гитлеровцами кардинального решения - развязать войну против СССР. Именно это решение и связанные с ним широкие подготовительные действия германского военного руководства очень быстро стали определять дальнейшее ведение войны агрессорами. Это решение пока еще подспудно, но все более неумолимо влияло на все стратегические планы фашистской Германии, на распределение военных ресурсов, на характер дальнейшего развития ее вооруженных сил.

В Берлине непоколебимо считали, что генеральный путь к завоеванию мирового господства лежит через агрессию против Советского Союза. И если теперь признано, что пора начинать главный акт, т. е. приступить к завоеванию СССР, то можно временно поступиться тем, что отходит на второй план, т. е. войной против Англии. Вместе с тем, оценивая глобальную обстановку, в Берлине понимали, что Советский Союз остается и главным препятствием на пути к реализации планов мирового господства. Наличие Советского Союза с его непрерывно растущей мощью сковывало агрессивные устремления фашизма, не позволяло сейчас пойти на риск вторжения в Англию. Гитлер считал, что, только устранив мощь Советского Союза, он получит свободу действий, победоносно завершит борьбу с Англией и откроет себе путь к дальнейшей серии завоеваний. В противном случае даже успешная высадка на Британские острова не даст ощутимого результата: плодами победы воспользуются другие - Япония и США, которые захватят куски

распавшейся Британской империи. После победы над Францией вся гитлеровская политика и стратегия все больше подходила к одному пункту: начать войну против Советского Союза, победить его и создать таким путем главные предпосылки для завоевания мировой гегемонии.

Советский Союз оказал решающее влияние на отмену гитлеровским руководством плана вторжения в Англию. Как мощный бастион мира он сковывал агрессивную внешнюю политику Германии. Он вынудил нацистов, начиная с лета 1940 г., направлять ресурсы на развитие своих вооруженных сил в "сухопутном", а не в "морском" варианте, необходимом для вторжения в Англию и для дальнейшей борьбы с Британской империей. Тем самым он сделал вермахт практически неспособным к проведению сложной операции вторжения и к эффективной борьбе против Англии и США вообще. Следовательно, дело не только в переброске на Восток основных сил армии, потом авиации, сделавшей в конечном итоге невозможным вторжение в Англию в 1940/41 г., но и в постепенной переориентации крупнейших материальных ресурсов, военного производства Германии, структуры вооруженных сил для сухопутной войны - войны против СССР. Это обстоятельство, значение которого в дальнейшем ходе второй мировой войны все более возрастало, вообще сняло всякую угрозу нацистского вторжения в Англию. Нельзя не предположить: если бы основным решением Германии осенью 1940 г. - весной 1941 г. оставалась война против Великобритании, а не против СССР, то германские ресурсы, обращенные только на Запад, могли бы изменить судьбу Англии, стоявшей в 1940 г. в одиночестве.

Но "одиночество" было по меньшей мере относительным. В 1941 г. член британского парламента А. Вудборн заявлял: "Все мы недостаточно отдаем себе отчет в том, что великая мощь России, даже стоявшей вне войны, была свинцовой гирей на ногах Гитлера. Она не позволила ему прыгнуть на нас"³⁰⁶. Английский историк Лиддел Гарт признает: "Англию можно было покорить, отрезав ее от снабжения все более эффективной морской и воздушной блокадой. Но пока на сцене оставалась Красная Армия, он (Гитлер. - Д. П.) не осмеливался сосредоточить свои усилия и ресурсы на решении этой задачи"³⁰⁷.

Все это вместе взятое определило судьбу расчетов германского военного руководства относительно вторжения в Англию.

Глава третья. Подготовка агрессии против Советского Союза

Антисоветские планы германского военного руководства

I

Нападение на СССР венчало длительный курс политики германского империализма, в основе которой лежали традиционные экспансионистские устремления на Восток, принявшие в условиях фашистской диктатуры самые жестокие и бесчеловечные формы. Фашистская военщина представляла собой главное орудие германского империализма в осуществлении планов завоевания Советского Союза. Ее задача состояла в том, чтобы силой оружия проложить путь на Восток нацизму и монополистическому капиталу. С приходом к власти фашизма завоевательная война против Советского Союза стала высшей идеей всей внутренней и внешней политики правящих кругов Германии. Уже 3 февраля 1933 г., т. е. через четыре дня после факельного шествия штурмовиков в честь вступления Гитлера на пост рейхсканцлера, он произнес речь перед генералами рейхсвера на квартире начальника управления сухопутных сил Гаммерштейн-Экоурда. "Главной задачей будущей армии, - заявил фюрер, - является завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадная германизация"³⁰⁸.

Политика, усилия дипломатии и всей пропаганды третьего рейха в течение всего шестилетия - от прихода к власти фашистов и до начала второй мировой войны - имели главным направлением враждебную деятельность против Советского Союза. Не было газеты, политической книги, более или менее значительной речи лидеров нацистского государства, чтобы не громоздились горы бессовестной лжи, проклятий и угроз в адрес социалистического государства.

Среди многих задач, которые ставила перед собой в эти годы агрессивная внешняя политика нацистов, идеологическая борьба с коммунизмом, с учением марксизма-ленинизма всегда занимала ведущее место. По этому вопросу появлялось бесчисленное количество статей в более чем 2300 ежедневных газетах фашистской Германии, произнесено бесконечное множество речей на фашистских митингах.

В чем же состояла сущность агрессивной антисоветской политики германского фашистского империализма? В идеологических противоречиях, в планах колонизации и ограбления СССР или в задачах расовой доктрины? Безусловно, и в том, и в другом, и в третьем. Главный смысл антисоветского курса заключался прежде всего в идейных классовых мотивах борьбы с социалистическим государством, строящим коммунизм; в безудержных требованиях монополистического капитала, видевшего в нацистском государстве и вермахте исполнителя своих планов по захвату сырьевых, промышленных, продовольственных ресурсов Советского Союза; в аналогичных расчетах нацистской партии, которая рассматривала борьбу с коммунизмом, экономическое ограбление СССР и захват советской территории как наиболее верный путь решения задач, выдвигаемых ее программой завоевания мирового господства; в требованиях милитаристских кругов, считавших, что агрессия против СССР еще больше укрепит вооруженные силы и еще выше поднимет роль германской военной касты в будущей "новой Европе"³⁰⁹.

Уже в 1936 г. Гитлер в кругу приближенных расписывал блага, которые получит Германия "после захвата Украины и Урала". Он говорил о необходимости "стереть с лица земли Москву". Планируя беспримерную по варварству и зверству антисоветскую войну, нацисты использовали антикоммунизм, под лозунгами которого предполагали реализовать свои планы завоеваний и массовых убийств. Военная каста целиком разделяла программу фашизма и готовилась выполнить задачу создания колониальной империи третьего рейха. Военные штабы вместе с представителями монополий планировали ограбление оккупируемых территорий СССР.

Германский фашизм готовил агрессию, которая должна была представлять собой самый тяжелый удар империализма по социализму, международному рабочему и

национально-освободительному движению. Чтобы уничтожить социализм одним ударом, фашизм предполагал в полной мере использовать свою доктрину "абсолютной" или "тотальной" войны, которая исходила из принципа достижения победы любой ценой, с нарушением всех норм международного права. Они включали как обязательные слагаемые не только концепцию "молниеносной войны", но и массовый террор, всеобщее порабощение, экономическое ограбление, причем варварские методы ведения войны возводились в ранг "юридически обоснованной" акции.

Германскому верховному командованию принадлежала чрезвычайно важная роль в подготовке фашистским империализмом антисоветской агрессии. Ведущие военные деятели Германии разрабатывали программу завоевательного похода на Восток с начала 30-х годов. Они готовили вермахт прежде всего как ударную силу против Советского Союза. Верховное командование выдвинуло идею "истребительной войны" путем массового террора как ведущий стратегический принцип будущего "похода на Восток" и подготовило проведение его в жизнь. ОКВ совместно с органами СС и тайной полиции разработало планы уничтожения значительной части населения Советского Союза, а совместно со специально созданными органами государственно-монополистического капитализма - программу ликвидации советской экономической системы, всеобъемлющего разграбления экономики Советского Союза. Наконец, ОКВ спланировало и подготовило военные операции, основанные на вероломном и внезапном ударе, с помощью которых и должна была проводиться в жизнь программа завоевания Советского Союза.

В ноябре 1940 г. Геринг сообщил начальнику управления вооружений и военной экономики Томасу о запланированной "восточной операции". Управлению поручалось подготовить подробную характеристику состояния советской промышленности, исследовать производительность отдельных крупных промышленных центров, изучить сырьевые и нефтяные месторождения Советского Союза и т. д.³¹⁰

Эти задачи и предстояло решать так называемому "Рабочему штабу Россия", созданному в начале января 1941 г. "Путем такой интенсивной подготовки был собран обширный конкретный материал, который должен был иметь первостепенную ценность для управления страной"³¹¹.

12 февраля 1941 г. под председательством Геринга состоялось совещание по "восточному вопросу". Рейхсмаршал давал "установку": "Высшей целью всех мероприятий, проводимых на Востоке, должно быть укрепление военного потенциала рейха. Задача состоит в том, чтобы изъять из новых восточных районов самое большое количество сельскохозяйственных продуктов, сырья, рабочей силы"³¹².

20 апреля 1941 г. Гитлер назначил Розенберга ответственным за "центральную разработку вопросов восточноевропейского пространства". Еще раньше, 2 апреля, Розенберг в специальной секретной записке определял цели и методы будущей немецкой оккупации Советского Союза. Он составил план расчленения страны, причем "Великороссия" "после ее ослабления" должна будет превратиться в "районы эвакуации для нежелательных элементов населения в большом масштабе"³¹³. Каждой "области" (их намечалось 7) будущей завоеванной и расчлененной страны предназначалась своя жестокая судьба. Ведомство Розенберга развило кипучую деятельность. За короткий срок оно издало множество директив, приказов, инструкций и т. п., положивших "основу организации восточного пространства". 29 апреля 1941 г. вышла в свет памятная записка "О структуре и задачах служебных инстанций для единой разработки вопросов восточноевропейского пространства". 7 мая - "Инструкция для рейхскомиссара на Украине". 8 мая - "Инструкция для рейхскомиссара в Остланде" и "Общая инструкция для всех рейхскомиссаров в восточных оккупированных областях". Свои планы ставленники монополий разрабатывали во всех деталях.

Для окончательного уточнения "экономических мероприятий" генерал Томас отдал распоряжения о "хозяйственной эксплуатации восточных областей". Специальный комитет по плану "Ольденбург" (план экономической эксплуатации оккупированных районов СССР)

несколько раз изучал и дополнял их.

На заседании национал-социалистского руководства 2 мая 1941 г. все пришли к выводу: "советские области предоставят все необходимое" для снабжения вермахта, "даже если последствием этого будет голодная смерть многих миллионов людей"³¹⁴. Геринг создал так называемую "Хозяйственную организацию Восток", учрежденную специально для проведения всеобъемлющего экономического грабежа Советского Союза. 23 мая 1941 г. ее штаб отдал "руководящие хозяйственно-политические указания", касающиеся сельского хозяйства. На многих страницах документа мы видим детальнейший подсчет продовольственных возможностей Советского Союза по всем без малейшего исключения видам и по областям страны. Оккупированный Советский Союз должен был сначала "как минимум" кормить вермахт, всю Германию и захваченные ею страны. Ежегодные потребности только вермахта в его составе на весну 1942 г. достигали 1,5 млн. т хлеба, 1,8 млн. т овса, 600 тыс. т мяса, 100 тыс. т жиров и т. д. Учитывая на первых порах также поступление небольшой части продовольствия из Франции, "штаб" планировал получение "с Востока" только для армии 6 млн. т продовольствия³¹⁵. Таков "минимум".

А каков максимум?

Достаточно прочитать "Генеральный план "Ост", предусматривавший широкое ограбление Советского Союза, физическое истребление значительной части советского народа и колонизацию советской территории нацистами, чтобы представить себе их "конечные цели" на Востоке.

Все эти намерения и расчеты выражали сущность политики тех, кто привел к власти фашизм, вложил в его руки оружие. Такой политический курс определялся особыми требованиями германского финансового капитала, промышленных магнатов, земельной аристократии, их безудержным, усиленным фашистской идеологией и системой, стремлением к захвату новых богатств, источников сырья, промышленности и рабочей силы, прежде всего за счет "Востока". Генеральный штаб представлял собой ту организацию фашистского государства, которая проводила в жизнь военными средствами эту программу.

II

После второй мировой войны в историографии некоторых государств Запада стала настойчиво утверждаться мысль о так называемом "вынужденном", или "превентивном", нападении Гитлера на Советский Союз. Ряд авторов стал рассуждать примерно так: да, Германия напала на Советский Союз, это нехорошо (последнее, впрочем, говорят далеко не все). Но СССР, дескать, сам в значительной степени виновен в нападении третьего рейха: стал развертывать Красную Армию у западных границ и, может быть, готовился атаковать Германию первым. Иными словами, не СССР стал жертвой неспровоцированной агрессии, а, наоборот, Гитлер будто бы вынужден был "отразить угрозу" путем наступления.

Первоисточником этой беспрецедентной фальсификации истории следует считать "обращение" Гитлера "к немецкому народу и солдатам Восточного фронта" в день нападения фашистской Германии на СССР. Именно тогда фашистский диктатор впервые выдвинул тезис, будто Советский Союз еще весной 1940 г. начал "развертывание сил на нашем Восточном фронте, которое принимало все более угрожающие размеры"³¹⁶.

В течение всей войны нацистская пропаганда, само собой разумеется, на все лады повторяла такую аргументацию причин войны.

Но и после 1945 г. оказалось, что адвокаты фашизма - в прямом и переносном смысле этого слова - не могут сказать принципиально ничего нового, кроме того, что говорил Гитлер 22 июня. На основе тезиса "превентивной" войны строили защиту нацистского генерального штаба на Нюрнбергском процессе германские адвокаты. Этот же тезис лег в основу многих и многих работ тех историков, которые делают недостойные попытки разложить на всех неопушимую вину фашистского рейха.

Выпущенный в 1948 г. государственным департаментом США сборник документов "Nazi-Soviet Relations 1939 - 1941"³¹⁷ стал убедительным примером тенденциозности в

подборе и трактовке документов, когда составители видят перед собой априори одну главную цель: снять ответственность с гитлеровского режима и переложить ее на СССР, который якобы "угрожал" в 1940-1941 гг. Германии. Аналогичные мотивы мы обнаруживаем в западногерманском сборнике "История второй мировой войны в документах", изданном в 1953 г.³¹⁸, и в ряде других работ.

Выпуск в 1949 г. в ФРГ переведенного на немецкий язык сборника госдепартамента положил начало ревизии в западногерманской историографии вопроса о причинах гитлеровской агрессии против СССР³¹⁹. Столь "фундаментальная" основа породила вскоре на Западе целый ряд "исследований", широко пропагандирующих тезис, будто Советский Союз начиная с лета 1940 г. проводил в Европе "агрессивную политику" (работы Латернзера, Гёрлица, Росси, Фабри, Вейнберга и др.³²⁰). Их метод определяется принципом "все наоборот". Трубадуры неонацизма, они пытались уверить читателя, что Гитлер и его единомышленники готовили и развертывали вооруженные силы для вторжения в Советский Союз якобы "в ответ на советскую угрозу". Сугубо оборонительные меры СССР перед лицом угрозы регулярно трактовались как "наступательные" и даже "агрессивные", неизбежная в сложнейшей международной обстановке дипломатическая борьба и стремление избежать войны - как "холодный расчет" и т. п.

Некоторые авторы пишут, что решение напасть на СССР было принято Гитлером лишь глубокой осенью 1940 г., когда после визита Молотова в Берлин нацистскому правительству стала ясной "невозможность сотрудничать с Советским Союзом". Так пишет, в частности, Фабри - автор капитальной по объему, но извращающей многие факты, работы по истории событий 1939 - 1941 гг.

Существует еще одна сторона проблемы. Вызвано ли решение напасть на СССР желанием Гитлера (подобно Наполеону) "лишить Англию последней опоры на континенте", т. е. подчинен ли замысел войны на Востоке только борьбе с Англией как "главным врагом" и является чем-то второстепенным в гитлеровской стратегии, или война против Советского Союза имела самостоятельное значение, а "нанесение удара Англии через Россию" представляло собой одну из производных задач?

На все эти, бесспорно, взаимосвязанные вопросы можно получить ответ лишь в том случае, если мы рассмотрим факты, относящиеся к зарождению, к "генезису" непосредственного решения нацистского руководства о войне против СССР.

Мы уже неоднократно подчеркивали всем ходом предшествующего изложения ту объективную истину, что война против Советского Союза всегда представляла собой внешнеполитическую задачу номер один государственно-монополистической системы фашистской Германии, гитлеровской идеологии и политики. Принцип: "Все, что я делаю, направлено против России" (см. главу I) - проводился в жизнь со всей последовательностью, которую позволяли обстоятельства на каждом из этапов развязанной фашизмом борьбы. Тот факт, что далеко не все историки на Западе разделяют эту точку зрения, отнюдь не меняет самой истины.

Когда нападение на Советский Союз приняло форму окончательного военного решения, оно стало тем самым главным событием, ради которого, собственно, все так долго и тщательно готовилось и вообще во имя которого существовала военная программа рейха.

Здесь не существовало и тени импровизации. Все делалось в строгом соответствии со схемой, вычерченной в 20-30-е годы. Не "импровизация", как иногда считают на Западе, а, наоборот, схематизм. Стремление заключить мир с Англией, чтобы развязать себе руки для "движения на Восток", проявлялось уже в ходе войны в активной форме, как мы видели, и после победы над Польшей, и в дни Дюнкерка, и, в конечном счете, во время воздушного наступления на Англию, которое с политической точки зрения представляло собой попытку военным нажимом принудить Лондон к заключению мира опять-таки не в последнюю очередь во имя агрессии против Советского Союза.

Довоенная политика гитлеровского руководства и ее продолжение в ходе начальной стадии второй мировой войны определили, лишь с небольшими перерывами, решающее

направление стратегических усилий третьего рейха против Советского Союза. Это направление, с точки зрения "большой стратегии" и конечных целей войны, оставалось главным и когда вермахт напал на Польшу, на страны Западной, Северной и Юго-Восточной Европы.

В таком смысле захват Польши означал создание плацдарма против Советского Союза на центральном направлении ("Польша - плацдарм для будущего", - заявил осенью 1939 г. Гитлер), оккупация Норвегии - на северном, Балкан - на южном. Война против стран Западной Европы позволяла Германии создать глубину стратегического тыла для будущей борьбы на Востоке и захватить огромные ресурсы для увеличения военно-экономического потенциала.

В принципе, повторяем, вопрос о военном нападении на СССР не только был предрешен задолго до второй мировой войны, но вообще составлял главный смысл всей военной программы фашизма, центральный пункт его политической и военной доктрины. Уже в конце 30-х годов он принял вполне конкретные очертания. Западногерманский историк Г. Буххейт сообщает: мысль о завоевании России Гитлер ясно сформулировал в узком кругу после аншлюса Австрии, т. е. в 1938 г. Друг детства Гитлера, инженер Иозеф Грейнер, в "Воспоминаниях" пишет о беседе с обер-группенфюрером СС Гейдрихом. Последний сказал ему: "Война с Советским Союзом является решенным делом"³²¹.

После разгрома Польши в ноябре 1939 г. Гитлер, подготавливая нападение на страны Западной Европы, во время совещания с генералами довольно прозрачно намекнул на приближение войны против СССР: "Мы можем выступить против России как только освободимся на Западе", и далее совсем точно: не позже, чем через год-два произойдет нападение на Советский Союз³²².

И вот, когда Франция сокрушена и Англия, по представлениям Гитлера, агонизирует, пробил час решающего выступления на Восток. Окончательное решение принималось в обстановке, когда нацисты думали, что они всемогущи и непобедимы.

Третий рейх сгибался под бременем своего величия. Гитлер и его клика видели свою империю в зените могущества и побед. Самые далеко идущие расчеты и планы насчет завоевания Европы осуществились столь быстро, что теперь возможности и перспективы казались безбрежными. Программа агрессии выполнялась с поражающей точностью. Маловеры стыдливо замолкли. Фюрер оказывался всегда прав. Нужно понять ту психологическую атмосферу, которая воцарилась в третьем рейхе после победы над Францией, чтобы лучше уяснить, на каком фоне сложилось решение о войне против Советского Союза.

Фашистская верхушка пожинала плоды успеха. Гитлер щедро одаривал своих военачальников. На них буквально сыпались награды и денежные подарки, что, кстати, почти ничего не стоило Рейхсбанку, ибо шло за счет грабежа оккупированных стран.

Милитаризм торжествовал. Успех на Западе объявлялся "величайшей победой всех времен". В ее честь было приказано, чтобы во всех городах и деревнях 10 дней висели флаги и 7 дней звонили колокола. Сразу 12 новых фельдмаршалов, огромное количество награжденных, непрерывные бравурные парады - все это создавало атмосферу какой-то победной эпилепсии.

Чувствуя себя без пяти минут владыками мира, нацистские главари вели себя подобно цезарям периода упадка Римской империи. Постоянные интриги среди ближайшего окружения, "борьба всех против всех", как определяет эту среду В. Гёрлиц, сочетались с продажностью чиновников, выдвижением разных выскочек и авантюристов типа Гофмана, получившего титул профессора за распространение портретов Гитлера³²³. Все старались выслужиться перед Гитлером, от ближайших помощников, перед которыми он подолгу разглагольствовал вечерами, до высших генералов и политических лидеров. Одна нацистская газета безапелляционно резюмировала: "Адольф Гитлер - это святой дух". Бывший адъютант Гитлера Видеман вспоминает: "Когда Гитлер однажды закричал: "Кейтель, карандаш!" генерал-фельдмаршал вскочил и стал прислуживать ему как адъютант"³²⁴.

В такой атмосфере всеобщего победного торжества, самодовольства, спеси у гитлеровской клики рождались чудовищно гипертрофированные представления о своих возможностях³²⁵. Германский генеральный штаб показал удивительную способность, убеждая других, убедить прежде всего самого себя. И если, конечно, отнюдь не психологические мотивы лежали в основе вновь принимаемых военных решений, то все-таки ни в какой мере нельзя исключать и этого комплекса причин, характерного для лидеров третьего рейха в тот решающий период, когда они стали поворачивать вермахт на Восток³²⁶.

Испытывали ли руководители третьего рейха или близко стоявшие к ним люди какие-либо сомнения и колебания в исходе предстоящей войны с Советским Союзом? Задумывались ли они о последствиях, к которым может привести такая война? Ответ будет однозначным: нет. Абсолютное большинство стоивших на вершине власти верило только в благоприятный исход новой войны или не ставило перед собой подобного вопроса, по привычке отдавая право думать и решать в государственном масштабе только фюреру и радостно оставляя за собой роль твердо и ревностно идущих за ним³²⁷.

Конечно, кое-кто из нацистов, правда, не обладавших почти никаким влиянием, порой побаивался, что за пиром может наступить похмелье, думая: не стоит ли быть поосторожнее³²⁸.

Тот же И. Грейнер писал Гитлеру 8 мая 1938 г.: "...В случае, если Германия рискнет пойти на войну с Советским Союзом, можно с уверенностью предполагать, что... России гарантирована помощь Англии и Америки. Это будет означать новую мировую войну. Пусть вы достигнете наивысшего хозяйственного и военного развития по меньшей мере на пять лет, но... при такой войне на истощение тотальная победа Германии вряд ли будет возможна... Но следствием будет проигранная война, полное уничтожение и гибель германской нации... Не исключено, что раньше противоположная сторона, а именно весь мир, как в прошлый раз, поднимется на борьбу против Германии"³²⁹.

Безусловно, нет ни малейших оснований говорить в данной связи о настроениях миролюбия в третьем рейхе или о каком-либо подобии сдержанности политических и военных лидеров в отношении Советского Союза. Просто отдельные более трезвые головы из офицеров и чиновников фашистского государства временами испытывали тревогу за будущее своей системы. Но они шли в общем строю, и их робкие голоса тонули в оглушительном грохоте вновь пускаемых на полную мощность колоссальных налаженных механизмов агрессивной войны. Германское верховное командование, генеральный штаб в единстве и с непоколебимой верой готовили новый акт агрессии.

Тем более абсолютно бездоказательны попытки некоторых историков утверждать, будто война против СССР возникла как плод "импровизаций" Гитлера, вне и даже чуть ли не вопреки намерениям военной верхушки³³⁰. Имеющееся после Нюрнбергского процесса огромное количество документов неопровержимо доказывает, что планы антисоветской войны в течение многих лет составляли органическую и главную часть всей системы мышления германских генералов и что ОКВ, ОКХ и другие высшие штабы в равной степени с Гитлером являлись творцами всех планов агрессии против СССР, осуществлявшейся, в конечном счете, во имя интересов монополистического капитала, фашизма и милитаризма³³¹.

Когда же и при каких обстоятельствах гитлеровская верхушка приняла непосредственное решение о нападении на СССР?

В общем и целом срок этого решения был продиктован исходя из всё той же генеральной схемы военно-политической стратегии Гитлера, выраженной им в формуле: "Все, что я делаю, направлено против России". В тот момент, когда Гитлер сочтет, что Франция потерпела поражение и Англия сломлена настолько, что теперь ей остается лишь просить мира, который фюрер ей, конечно, даст на своих условиях, низведя ее до положения младшего партнера, - в тот самый момент, согласно внутренней логике этой схемы, и должно было появиться решение о повороте фронта на Восток. Следовательно, многое зависело от

определения "момента".

Когда же фюрер пришел к выводу, что он уже наступил?

Идея после разгрома Франции повернуть фронт против Советского Союза и развязать с ним войну появилась у Гитлера в общих чертах во время военных действий на Западе, в 20-х числах мая - начале июня 1940 г., в той сложной и противоречивой обстановке, которой характеризовался кульминационный пункт борьбы в Западной Европе.

Объективно в конце мая 1940 г. военно-политическая обстановка, влиявшая на германские военные решения, выглядела следующим образом. Безусловно, Германия приближалась к гегемонии в Западной Европе. Франция стояла накануне полного поражения. Англия оставалась в одиночестве. Но Британская империя разворачивала силы, отнюдь не находясь перед крахом. Активизация ее флота в Ла-Манше, Атлантике и Средиземноморье, сохранившаяся воздушная мощь, решимость британцев сражаться до конца делали бесперспективными надежды гитлеровцев на скорую победу над Англией.

Италия, вступившая в войну против Франции перед ее падением лишь для дележа французской добычи, нейтралитет Франко создавали обстановку, при которой третий рейх не мог особенно положиться на своих давних партнеров и на их помощь в том, чтобы "добить" Англию. Но поворачиваясь в другую сторону, гитлеровцы вперили свой взгляд на Юго-Восток.

В странах Юго-Восточной Европы победы Гитлера вызывали быстрое усиление профашистских элементов. Показательным в этом отношении стало резкое изменение курса правящих кругов Румынии. Правительство Кароля II, опиравшееся ранее на англо-французские гарантии, теперь начало менять политические ориентиры, оставляя неизменным лишь свой столь же ярый, сколь и провокационный антисоветский курс. Когда 29 мая Кароль получил телеграмму о капитуляции Бельгии, он вместе со своими ближайшими советниками пришел к выводу: "Германия - победитель Европы и хозяин континента... Следовательно, нужно сделать шаг навстречу Берлину, нужно попросить его дружбы и поддержки против Советского Союза"³³².

Чтобы добиться благосклонности Гитлера и союза с ним, румынская реакционная правящая клика стала действовать в двух главных направлениях: проводить антисоветские провокации, крича о "советской угрозе", и усиленно спекулировать на заинтересованности гитлеровцев в румынской нефти. Правительство Кароля решило использовать свои выгодные позиции как приманку для быстрого установления контакта с нацистами, упрочения антинародной диктатуры в стране и создания в Юго-Восточной Европе сильного антисоветского фронта.

Советский Союз оставался вне войны. Международная обстановка требовала неуклонного повышения оборонной мощи страны и укрепления границ, что, однако, ни в какой мере не означало со стороны СССР ни угрозы какому бы то ни было государству, включая Германию или страны Юго-Восточной Европы, ни изменения традиционной миролюбивой внешней политики.

Так объективно выглядели некоторые стороны военно-политической обстановки в Европе в конце мая 1940 г.

Однако в сознании политических лидеров рейха и военного командования та же самая обстановка преломлялась в ином виде. Реальность все чаще уступала место иллюзиям. Нацистская верхушка допустила в мае как минимум два просчета. Первое, что представлялось ей в искаженном виде, относилось к оценке возможностей и намерений Великобритании. Гитлер ошибочно считал, что Англия разбита и скоро не сможет продолжать борьбу. Адмирал Ассман, историограф германского флота, свидетельствует о заявлении Гитлера 24 мая: через шесть недель он заключит с Англией мир и тогда предложит ей "любую помощь, которая понадобится для борьбы против большевизма". Но почему же, думал Гитлер, Англия не сдается? Вероятно, приходил он к выводу, она надеется на какое-то изменение политической и военной обстановки, на Советский Союз и США.

Второй и, конечно, основной просчет, ускоривший в мае - июне 1940 г. новое стратегическое решение, заключался во всесторонней недооценке мощи Советского Союза.

Этот просчет, как мы далее увидим, предопределил будущее крушение нацизма.

Итак, нацистские руководители представляли себе в те дни некоторые важнейшие стороны военно-политической обстановки в неверном свете. Сдвиг оценок, догматический, поверхностный и чрезвычайно предвзятый подход к анализу событий и фактов обстановки существенно повлияли на выработку новых стратегических решений.

Глубокий кризис, сначала политический, а потом военный, который переживала Европа на рубеже 30-х и 40-х годов, все большее усиление фашизма и его успешные агрессивные акты создавали непрерывно растущую угрозу Советскому Союзу и требовали от него действенных мер по укреплению своей безопасности. Создание Советским Союзом выдвинутого к Западу фронта обороны стало объективной необходимостью и сыграло положительную, с точки зрения задач антигитлеровской коалиции, роль во второй мировой войне. Реакция всех мастей старалась использовать создание "Восточного фронта" в самых различных провокационных целях. И здесь, как обычно, на первый план выдвигался жупел "советской угрозы", всегда используемый правыми силами для разжигания антикоммунизма.

Начиная с мая 1940 г. антикоммунистическими спекуляциями широко пользовался румынский фашизм, как и несколько раньше финская реакция. В Румынии непрерывно углублялись острейшие социальные противоречия. Нарастала революционная борьба трудящихся масс. Традиция дружбы с Советским Союзом, выработанная трудящимися еще в период Октябрьской революции, была в последующие годы продолжена революционным движением, которое возглавила румынская коммунистическая партия.

Коммунисты активно боролись против подчинения страны фашистскими правителями гитлеровскому диктату и против втягивания ее в антисоветскую войну, которая была совершенно чужда румынскому народу³³³. Правящая клика в ответ на революционизирование народных масс поворачивала к самой крайней реакции.

В последних числах мая 1940 г. румынское правительство резко усилило свою прогитлеровскую ориентацию. Сразу же румынские фашисты начали крупную антисоветскую провокацию. Они стали с конца мая 1940 г. планомерно создавать у Берлина иллюзию готовящегося "вторжения СССР на Балканы" через Румынию.

Так была создана основа для нового этапа антисоветской политики румынской реакции, против которой активно боролась Коммунистическая партия Румынии.

Румынский министр иностранных дел Гафенку еще 22 мая пригласил германского посла в Бухаресте Фабрициуса и попросил через него у Берлина "помощи против советских акций". В последующие дни правительство Кароля стало взывать к германскому фюреру, заявляя, что "создалась угроза стране вследствие подготовки сильного вторжения". Оно стало требовать срочной помощи в "строительстве восточных укреплений". Реакция в высших германских кругах была яро антисоветской. Гитлер сразу понял: в Юго-Восточной Европе появляется так недостающий союзник. Румыния, готовая воевать против СССР, - это важнейший плацдарм, драгоценная нефть, продовольствие, армия. И поскольку война все равно предрешена, нужно ли терять время и упускать случай? Следовало продемонстрировать Румынии готовность к "союзу" и в самом ближайшем будущем занять ключевые позиции страны, особенно нефтяные источники.

Гитлеровцы учли, какие перспективы, причем дешевой ценой, открываются перед ними в Юго-Восточной Европе. Им не составляло никакого труда разобраться в том, что, используя антисоветские провокации фашистских кругов Румынии, они смогут легко и безболезненно получить прочную опору на Балканах и полностью захватить румынскую нефть. Антисоветская истерия в 20-х числах мая в Берлине еще больше усилилась в связи с опубликованием 22 мая сообщения ТАСС о торговых отношениях между СССР и Англией. Составленное строго в духе политики нейтралитета, оно все же было истолковано гитлеровцами как готовность Советского Союза "в принципе прийти к торговому соглашению с Англией".

Конечно, наивно было бы думать, будто провокации фашистской антинародной правящей клики Румынии толкнули гитлеровских агрессоров на решение о войне против Советского Союза. Мы знаем, что такой план созрел давно, на другой, неизмеримо более глубокой основе.

Но если мы хотим установить момент, когда он перешел из состояния общих расчетов в конкретное военно-стратегическое решение, то не можем не учитывать различных, даже самых второстепенных импульсов.

Благоприятную обстановку Гитлер всегда хотел использовать немедленно. И уже в последних числах мая - начале июня появляются отчетливые признаки решения, о чем свидетельствуют многие факты.

Мы сошлемся на документ, который впервые был опубликован в 1958 г. Клее, представляющий собой запись бесед автора с бывшим начальником штаба группы армий "А" генералом Зоденштерном и основанный также на письме последнего к автору³³⁴. Зоденштерн документально свидетельствует, что 2 июня 1940 г. Гитлер, приехав в штаб группы, расположенный в Шарлевиле, беседовал с глазу на глаз с Рундштедтом и с ним, Зоденштерном. В ходе беседы Гитлер заявил, что Англия, как он ожидает, "будет вскоре готова заключить разумный мир". И тогда у него "освободятся руки для выполнения его великой задачи - рассчитаться с большевизмом". Вечером того же дня, как свидетельствует Зоденштерн, "Рундштедт был очень неспокоен. Он понимал, что предстоит война с Советским Союзом"³³⁵.

Иодль заявил на Нюрнбергском процессе: "Даже во время кампании на Западе, т. е. в мае - июне 1940 года (Курс. наш. - Д. П.), Гитлер сказал ему, что он решил принять меры против Советского Союза, как только наше военное положение сделает это возможным"³³⁶.

Различные источники показывают, что именно в конце мая - начале июня 1940 г. гитлеровские командные и разведывательные органы проявляли повышенный интерес к Советскому Союзу и "восточным" делам. В документах командования германского военно-морского флота, посвященных подготовке войны против СССР, содержатся записи последних чисел мая 1940 г., из которых явствует, что гитлеровская верхушка в это время обдумывала повод для будущего нападения на СССР.

Бывший фельдмаршал Мильх вспоминает о последних числах мая 1940 г.: "У фюрера были совсем другие замыслы. Он приехал на побережье Франции, посмотрел в бинокль на скалы Дувра и сказал: "...Рано или поздно англичане убедятся, что с нами бесполезно воевать и что для нас и для них лучше встретиться и договориться об условиях мира. Я буду великодушен. Я не хочу уничтожать Британскую империю..." Навязчивой идеей фюрера была Россия. При всяком случае он повторял, что "единственный подлинный враг Европы находится на Востоке"³³⁷.

Иодль записал в своем дневнике во время обсуждения обстановки 20 мая: "Англичане могут в любое время получить выгодный мир, после того как отдадут колонии... Мы ищем контакта с Англией на базе раздела мира"³³⁸.

В конце июня - начале июля Иодль ориентировал Лоссберга: "Цель состоит в том, чтобы разгромить Россию"³³⁹. Предложение о походе на СССР еще осенью 1940 г. было отклонено ОКВ, потому что, по заявлению Иодля, на развертывание потребуется четыре месяца³⁴⁰.

Иодль говорил в 1943 г., выступая перед гаулейтерами, что Гитлер еще во время "западного похода" сообщил ему о своем принципиальном решении "выступить против угрозы большевистской опасности, как только позволит обстановка"³⁴¹.

Авторитетный сотрудник ОКВ, занимавшийся высшим стратегическим планированием, В. Варлимонт пишет: "Наконец, и не в последнюю очередь, самое позднее весной 1940 г., должен был быть включен в программу руководства вермахтом русский вопрос"³⁴². Варлимонт свидетельствует, что внимание военного руководства к Советскому Союзу было привлечено Гитлером уже на совещании в рейхсканцелярии 27 марта 1940 г., а во время "западного похода" было выдвинуто Гитлером как конкретная задача³⁴³. 28 мая 1940 г.

Гитлер и Браухич обсуждали план реорганизации вермахта. Предусматривалось значительное увеличение сухопутных сил, прежде всего танковых и моторизованных соединений. Их общее число предполагалось еще в 1940 г. увеличить с 14 до 30, причем соотношение между подвижными войсками и пехотными соединениями изменялось в пользу первых (27:73 в 1939 г. и 43:57 по плану 1940 г.344). Совершенно очевидно, что такой план реорганизации был направлен на усиление сухопутной мощи вермахта, необходимой для войны против СССР, а не его морской или воздушной мощи для борьбы с Англией.

Итак, Гитлер стремился после победы над Францией заключить мир с Великобританией и начать переброску армии к советским границам. Заключением мира Гитлер предполагал заставить Англию, сведенную, как он думал, на положение второразрядной державы, признать его завоевания в Европе, получить колонии и самое главное - развязать руки на Западе, чтобы ударить на Восток.

Одновременно с расчетами заключить мир с Англией в 20-х числах мая начале июня 1940 г. зародилось общее решение о войне против Советского Союза, которое являлось логическим итогом всего многолетнего курса антисоветской политики германского фашизма. Намерение следующий удар направить против СССР было подкреплено именно сейчас под влиянием комплекса данных военно-политической обстановки и их во многом ложной оценки гитлеровцами. Рассечение союзных армий, выход вермахта к Ла-Маншу, близость окончания войны во Франции, отсутствие планов и необходимых возможностей для успешного и быстрого завершения борьбы с Англией, вывод, будто для антисоветской агрессии настал благоприятный момент, - все это происходило именно в тот период, когда мир с удивлением взирал на столь неожиданное и быстрое поражение Франции. Безусловно, главное значение в выработке решения имела давняя программа монополий и фашизма, программа "завоевания жизненного пространства на Востоке", но сложные события рассматриваемого периода привели к ускорению решений.

Таким образом, впервые (с начала войны) намерение следующий удар направить на СССР появилось еще в разгар "западного похода", летом 1940 г. Установление этого факта имеет, как нам представляется, важнейшее значение для анализа главных аспектов германской стратегии того периода и для аргументации несостоятельности пресловутого тезиса буржуазной историографии о "превентивной" войне.

Говорить, что Советский Союз якобы с лета 1940 г. угрожал войной Германии, как это утверждают идейные недруги, значит злостно извращать факты. Генеральная линия внешней политики и стратегии СССР, определенная XVIII съездом партии, имела в своей основе твердую установку на сохранение мира и определялась первостепенной необходимостью для Советской страны остаться вне войн и конфликтов, не дать империалистическим силам втянуть себя в военные катаклизмы.

Совершенно очевидно, что, когда руководители гитлеровской Германии в мае июне 1940 г. уже думали о развязывании агрессивной войны против СССР и начинали готовить нападение, Красная Армия не давала Германии никаких поводов для усиления армии на Востоке. План стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР целиком исходил из предпосылки, что возможное вооруженное столкновение первыми начнут вероятные противники: на западе - Германия, на востоке - Япония. В основе плана лежала идея отражения наступления врага лишь с последующим переходом к активным действиям. На основе плана развертывания разрабатывался план обороны государственной границы. Именно обороны!

Следовательно, основные стратегические расчеты командования Красной Армии не содержали ни малейшего намека на какое-либо намерение Советского Союза подготовить и развязать войну против Германии. Все строилось на признании необходимости отразить агрессию. Этой же идее подчинялась и работа по реорганизации Вооруженных Сил, включавшая, в частности, широкое, рассчитанное на несколько лет строительство оборонительных рубежей, укрепленных районов вдоль всей западной границы Советского Союза. Нужно ли пояснять, что подобные мероприятия не проводит государство, которое

готовит наступательную войну!

Конечно, просчеты в оценке возможного времени нападения Германии на Советский Союз имели для нашей страны тяжелые последствия. Но это уже другой вопрос. В плане рассматриваемой проблемы становится совершенно очевидным, что Советский Союз ни в 1940 г., ни позже никогда не готовил нападения на Германию. И поэтому пресловутая теория "превентивной" войны, столь упорно отстаиваемая некоторыми историками Запада, - недостойная попытка оправдать фашизм.

III

Подготовка к войне против СССР уже в июне - июле 1940 г. начинает облекаться в форму первых конкретных организационных действий. 16 июня 1940 г. Браухич и Гальдер обсуждали вопрос о переброске на Восток 15 дивизий³⁴⁵. С середины и до конца июня 1940 г. на Восток, ближе к границам СССР, были срочно переброшены 24 дивизии, в том числе шесть танковых и три моторизованные³⁴⁶. 30 июня в ходе длительной беседы генерала Гальдера с статс-секретарем министерства иностранных дел Вейцекером, состоявшейся в Берлине, затрагивались различные политические вопросы. Итог беседы Гальдер зафиксировал на страницах своего служебного дневника многозначительной фразой: "Взоры обращены на Восток".

3 июля начальник генерального штаба сформулировал своим подчиненным "сущность восточной проблемы": "Нанести решительный удар России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе"³⁴⁷. На следующий день Гальдер дал в этом духе практический инструктаж командующему и начальнику штаба 18-й армии генералам Кюхлеру и Марксу; первый из них направлялся на Восток для руководства стратегическим развертыванием вооруженных сил, предназначавшихся для нападения на СССР. Начальник отдела иностранных армий Востока Кинцель сообщил им последние данные разведки о Красной Армии. Начали составляться первые планы железнодорожных перевозок для развертывания сил против Советского Союза с таким расчетом, чтобы 18 июля приступить к переброске танков.

13 июля Гитлер заявил Браухичу и Гальдеру, что цель состоит в уничтожении Красной Армии и занятии такой территории Советского Союза, которая позволила бы германской авиации разрушить советскую индустрию за Уралом и вместе с тем обезопасить рейх от налетов советских бомбардировщиков. В начале июля находившиеся на германской восточной границе слабые части были заменены укомплектованными боевыми дивизиями. С 21 июля командование 18-й армией, имевшее теперь в подчинении шесть армейских корпусов, стало называться "Главным командованием вермахта на Востоке". Штаб сухопутных сил в июле почти целиком переключился на подготовку "восточного похода". 4 июля Гальдер отдал распоряжение об усилении железнодорожной сети на востоке. Он потребовал дальнейшей активизации разведывательной деятельности против Советского Союза и приказал обеим авиационным разведывательным эскадрам, подчиненным ему, готовиться к полетам над советской территорией. Одновременно германский военный атташе в Москве получил от Гальдера специальное задание по разведке. 18 июля начальник генерального штаба констатирует: "Кестринг выполнил свое задание против России".

Итог этой интенсивной деятельности генерального штаба подвел Браухич 21 июля на совещании у Гитлера. Он доложил фюреру первые расчеты операции на Востоке. Развертывание продлится 4-6 недель. Россия имеет 50-75 хороших дивизий, для разгрома которых Германия должна выставить 80-100 дивизий. Необходимо "разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации"³⁴⁸ и чтобы немецкая авиация могла разгромить важнейшие центры СССР. В качестве главных направлений вторжения предполагались Украина, Прибалтика. Браухич не исключал возможности нападения на СССР еще осенью 1940 г.

Начальная стадия выработки нового решения завершилась 31 июля совещанием у Гитлера в Бергхофе. На нем присутствовали все высшие военные руководители. Гитлер обратился к ним с речью о войне против Советского Союза. Надеждой Англии, заявил он, являются Россия и Америка. Если надежда на Россию исчезнет, то Америка также отпадет от Англии. "Россия должна быть ликвидирована. Срок весна 1941 г. Чем скорее мы разобьем Россию, тем лучше. Операции только тогда будет иметь смысл, если мы одним стремительным ударом разгромим государство"³⁴⁹. Фюрер считал, что лучше всего было бы напасть на СССР еще в 1940 г., но нужно хорошо подготовиться. Кроме того, "остановка зимой опасна". В качестве срока нападения на СССР Гитлер называл май 1941 г. Далее он изложил основы оперативного плана войны против Советского Союза, подготовленные к этому времени ОКВ. Война против СССР должна продлиться пять месяцев. Ее цель "уничтожение жизненной силы России". Необходимо нанести два удара: первый - на Киев с выходом к Днепру, второй - на Прибалтику и Белоруссию с развитием наступления на Москву; затем двухсторонний удар с севера и юга и широкий охват всей территории европейской части СССР. Необходимо дополнительно сформировать 40 дивизий, чтобы общее число их достигало 180.

Развертывание сил на Востоке продолжалось. 27 августа ОКВ приказало перебросить в "генерал-губернаторство" еще 10 пехотных и 2 танковые дивизии "для возможной быстрой акции с целью охраны румынского нефтяного района".

Прошло немного времени после победы над Францией, а на восток к советской границе двигались эшелон за эшелоном.

С середины июня и до начала сентября в восточные районы, ближе к советским границам было переброшено 36 дивизий! Каждая война, тем более мировая, явление чрезвычайно многообразное и многоплановое. Таковы же и военные замыслы и планы государств, участвующих в войне. Это особенно относится к военным планам гитлеровской Германии, ставившей перед собой массу целей в различных направлениях и районах.

Когда нам говорят, что, подготавливая нападение на СССР, Гитлер преследовал лишь цель нанести удар Англии и только, что он хотел "добить Англию в России" и для этого двинулся на Советский Союз, то мы отвечаем, что, может быть, и подобный расчет среди прочих владел сознанием Гитлера, когда он принимал решение о "восточном походе". Но ни в коем случае нельзя считать расчет на ослабление Англии решающей военно-политической целью войны против Советского Союза. Считать так - значило бы подменить генеральный курс политики и стратегии государства одним, мы подчеркиваем, одним из стратегических моментов данного этапа войны.

Вопрос о "главном противнике" в планах германского стратегического руководства может решаться, на наш взгляд, лишь в, общей связи с предвоенной политикой гитлеровского фашизма, ее "теоретическими основами", практикой и с ходом первых двух лет войны. Завоевание гегемонии на континенте, реванш, ликвидация остатков Версаля, возврат колоний, т. е. цели борьбы внутри капиталистического мира, составляли, как уже отмечалось, важные звенья этой политики и основанной на ней военной стратегии.

Борьба против держав Запада, по мнению нацистов, могла вестись многими средствами: и политическими, и военными, и путем соглашений, угроз и компромиссов, и это вполне сочеталось с часто декларативным, иногда действительным, иногда пропагандистским лозунгом "Англия - враг номер один". Готовившаяся с начала 30-х годов война против СССР должна была стать, по замыслам нацистов, решающей, бескомпромиссной борьбой на уничтожение, борьбой фашизма за мировое господство, борьбой за "жизненные интересы нации", борьбой двух идеологий, двух противоположных систем - империалистической в ее крайнем, фашистском выражении и социалистической.

Решение главных задач, прежде всего в классовом, затем в экономическом и в политическом плане, третий рейх искал на Востоке. Победа над Советским Союзом, в какие формы ни облекалось бы объяснение причин начала антисоветской агрессии, всегда рассматривалась нацистами как высший пункт программы и захватнических устремлений

всей их системы. Поэтому независимо от частных задач, решаемых на отдельных этапах второй мировой войны, независимо от политической и военной конъюнктуры, главным противником, с точки зрения руководителей третьего рейха, считался Советский Союз.

Грозный противник - Англия, всегда занимавший умы гитлеровской верхушки в плане старой борьбы за гегемонию внутри капиталистической системы, все же никогда не представлялся нацистам в качестве объекта "истребительной войны", "беспощадной германизации и колонизации" по многим соображениям, в том числе классовым и политическим. И не случайно существовал чудовищный план "Ост", но не было аналогичного плана "Вест". В среде нацистских руководителей всегда наблюдались тенденции к миру и сделке с Англией.

Военно-политическое решение германского фашистского империализма о нападении на СССР было продиктовано всей его политикой. Борьба против СССР, ставившая целью реставрацию капитализма, рассматривалась вместе с тем как главная предпосылка для достижения мировой гегемонии.

Суммируя все сказанное, отметим, что роковой для фашизма политический шаг - нападение на Советский Союз - был определен суммой обстоятельств. Можно выделить две их группы: первую, связанную с генеральной политической стратегией и экономической экспансией национал-социализма, и вторую, порожденную конкретной военно-политической и стратегической обстановкой на данном этапе второй мировой войны.

К первой, главной, группе причин относятся следующие:

1. Классово-идеологическая доктрина национал-социализма, его яростное стремление к уничтожению коммунистической идеологии и победе фашизма.

2. Экономические агрессивные устремления германского империализма, требующего захвата обширных ресурсов Советского Союза путем его колонизации и фактического порабощения народов.

3. Фашистская геополитическая доктрина расширения жизненного пространства для Германии за счет Востока, являвшаяся, с одной стороны, выражением давних планов монополистического капитала, с другой - старой традиционной экспансии, выражаемой формулой "стремление на Восток". Нападение на Советский Союз должно было устранить главное препятствие, стоявшее на пути осуществления планов завоевания мировой гегемонии.

Ко второй группе причин относятся:

1. Убежденность, что военно-политическая обстановка в Европе и во всем мире, а также состояние Красной Армии благоприятствуют решению задач первой группы.

2. Уверенность, что вооруженные силы, находящиеся в наилучшем состоянии, способны быстро выиграть войну на Востоке.

3. Расчет, что победа над СССР будет одновременно означать удар по надеждам все еще сопротивляющейся Англии и заставит ее капитулировать, что приведет к распаду Британской империи.

4. Предположение, что таким образом удастся устранить возможное вмешательство в войну США, еще больше укрепить фашистский блок, в частности стать твердой ногой на Балканах.

Конечно, только суммой всех этих моментов объясняется решение Гитлера напасть на Советский Союз, принятое летом 1940 г. Но главными и определяющими причинами были, разумеется, те, которые мы отнесли к первой группе. Всякая попытка подменить главные причины (первая группа) второстепенными, вытекавшими из данной конъюнктуры, не может быть признана состоятельной.

Сколь ошибочны были расчеты нацистской верхушки, мы увидим дальше. Гитлер не решил своих проблем, ни главных, ни второстепенных, но получил войну, которая оказалась губительной для его империи.

Фашистская военная коалиция

I

Фашистская военная коалиция создавалась задолго до войны. Ее фундаментом стало соглашение между Германией и Японией - "Антикоминтерновский пакт", подписанный в Берлине 26 ноября 1936 г. Через год к нему присоединилась Италия. Лишь 27 сентября 1940 г. под влиянием побед в Европе Германия, Италия и Япония подписали в Берлине еще один договор: о десятилетнем военно-экономическом союзе, в основе которого лежала договоренность о разделе "сфер влияния" и об установлении в мире "нового порядка".

В период подготовки агрессии против Советского Союза складывание фашистской коалиции завершилось. С политической точки зрения она представляла собой союз захватчиков, наполненный многими острейшими противоречиями. Их объединяла ненасытная жажда агрессии, стремление к неограниченному господству над народами, к разделу других стран.

Союзники шли вместе в той мере, в какой они могли удовлетворить свои захватнические планы. Но их разъединяли многочисленные столкновения интересов как между "великими", так и "малыми" партнерами, что вело к внутренней непрочности коалиции.

Взаимоотношения союзников внутри фашистской коалиции полностью подтверждают известную мысль В. И. Ленина: "Но при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы... Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и быть не может иного средства, кроме войны"³⁵⁰.

Германское военное командование играло в создании фашистской коалиции и в руководстве ею первостепенную роль, выполняя в равной степени политические и военные функции. Однако на протяжении всей войны в ОКВ не имелось единого командного или штабного органа для военного руководства коалицией в целом, наподобие англо-американского Объединенного комитета начальников штабов. С германской стороны вопросы коалиционной войны решали Гитлер, Кейтель, Йодль через управление разведки и контрразведки, руководимое адмиралом Канарисом, и его иностранный отдел по главе с капитаном Бюркнером. Работа велась в тесном контакте с министерством иностранных дел, однако приоритет оставался за военным руководством. Для проведения в жизнь указаний ставки Гитлера и для координации усилий в союзные страны направлялись германские военные миссии либо создавалась должность "германского генерала" при верховном командовании союзной страны. Самое активное участие в координации действий принимали нацистские послы и военные атташе в столицах союзных государств. Они держали повседневную связь между руководством вермахта и союзниками и в случае необходимости оказывали на них политический нажим.

Наиболее кардинальные решения коалиционной войны принимались во время личных встреч Гитлера с главами союзных государств, для чего последние приезжали в Берлин или в ставку фюрера, в его резиденцию Бергхоф, или же в специально существовавший для подобных встреч дворец Клессгейм. Несколько раз и Гитлер выезжал к Муссолини в Италию или же на Бреннерский перевал. Он встречался также на фронте с Антонеску и однажды вылетал в Хельсинки для свидания с Маннергеймом. Беседы на уровне генеральных штабов вел обычно Кейтель. Для разрешения отдельных вопросов в штабы союзников иногда отправлялись другие ответственные руководители генерального штаба: Гальдер, начальник квартирмейстерской группы штаба оперативного руководства ОКВ Типпельскирх, Канарис, Паулюс и некоторые другие.

Коалиционное руководство в рамках германо-итальянского союза имело ряд специфических форм. Несмотря на заключенный в мае 1939 г. между обоими государствами "Стальной пакт", до войны не происходило никаких переговоров об установлении единых военных целей и не вырабатывались общие стратегические планы. Вступление Италии в войну 10 июня 1940 г. также не привело к тесной координации усилий агрессоров. Каждый

из партнеров сообщал другому о своих оперативных намерениях "не больше того, что требовала дипломатическая вежливость"³⁵¹. Все это подтверждало, насколько подозрительными друг к другу были партнеры по агрессии в начале войны. Гитлер, желавший всеми средствами втянуть своего итальянского соратника в войну, все время наталкивался на холодно-вежливое сопротивление. Когда Риббентроп с целью выяснить позиции Муссолини прибыл 10 марта 1940 г. в Рим, то получил ответ: Муссолини обдумывает вопрос о вступлении в борьбу при условии, если будет сообщена точная дата вторжения. Мысль дуче разъяснил Чиано: если начнется германский поход на Запад, итальянская армия должна "стоять на левом фланге... в готовности в нужный момент вступить в борьбу"³⁵², чтобы сковать такое же количество вооруженных сил врага. Только "стоять"! Под нажимом аргументов Гитлера Муссолини 18 марта 1940 г. согласился начать действия против Франции, обставив, однако, свое согласие многими оговорками, которые вытекали из антивоенных настроений значительных кругов итальянской аристократии, военных и политиков.

В марте 1940 г. ОКВ и ОКХ начали первые переговоры с итальянцами через германского военного атташе в Риме Ринтелена о предстоящих совместных операциях против Франции на фронте Верхнего Рейна. Однако ни эти переговоры, ни встречи Кейтеля с заместителем начальника генерального штаба Роатта не увенчались успехом. Хотя Муссолини не сомневался в скором окончании войны, он принял участие в "западном походе" незначительными силами и лишь на его завершающем этапе.

В конце концов германское и итальянское командования разделили театры военных действий. Считалось, что Италия, которая ведет "параллельную войну", оставляет за собой районы южнее Альп. Гитлер же "ограничивается" Средней Европой³⁵³. Однако подобный договор агрессоров, существовавший до января 1941 г., постоянно нарушался. Вермахт оккупировал Норвегию, а Муссолини, не поставив своевременно в известность германского партнера, вторгся в сентябре 1940 г. из Ливии в Египет, а 28 октября - из Албании в Грецию, надеясь, как и третий рейх, провести свой "блицкриг".

Относительно начала итальянцами действий в Северной Африке в сентябре 1940 г. уведомление последовало лишь в самый последний момент через итальянского атташе в Берлине генерала Марраса. Что касается вторжения в Грецию, то о нем военный атташе Ринтелен, назначенный 14 октября по совместительству также "германским генералом при главной квартире итальянских вооруженных сил", узнал от Роатта лишь за четыре дня до начала³⁵⁴. Гитлер, оповещенный о вторжении в Грецию письмом Муссолини в день наступления, сразу же выехал на свидание с дуче во Флоренцию. Итальянские оперативные планы были позже сообщены в Риме Ринтелену только в самой общей форме.

Провал итальянского "блицкрига" и начавшиеся неудачи на обоих открытых Италией фронтах постепенно заставили Муссолини и его "Команде Супремо" (верховное главнокомандование) пересмотреть некоторые формы взаимоотношений с третьим рейхом.

13-15 ноября во время встречи в Инсбруке двух маршалов - Кейтеля и начальника итальянского генерального штаба Бадольо - были намечены линии более тесного взаимодействия. Прежде всего оба решили установить друг с другом "тесную связь" и в дальнейшем обсуждать непосредственно "вопросы, касающиеся вооруженных сил обеих стран". Однако единый объединенный штаб не создавался. Двустороннюю связь регулярно должны были поддерживать только атташе - они же генералы - представители при верховном командовании другой страны: Ринтелен и Маррас³⁵⁵. Длительное отступление итальянцев в Ливии после того как в декабре 1940 г. они получили ответный удар англичан из Египта, заставило германское верховное командование задуматься о реальной помощи неудачливому союзнику, который уже сейчас, в самом начале, требовал больше, чем мог дать.

На большом совещании в Бергхофе 9 января 1941 г. Гитлер говорил руководителям ОКВ, армии и ВВС: "Было бы очень важно, чтобы итальянцы не потеряли всю Ливию. С военной точки зрения потеря не имела бы большого значения, потому что не увеличила бы

угрозу Италии с воздуха, а для французской Северной Африки положение бы не изменилось. Но находящиеся в Египте английские силы высвободились бы для другого использования. Тяжелым оказалось бы психологическое воздействие на Италию"³⁵⁶. Итальянцы не могут держаться своими силами против англичан "главным образом потому, что не имеют средств борьбы против английских танков"³⁵⁷. Гитлер решил немедленно послать в Ливию "заградительное танковое соединение", усиленное противотанковыми средствами и саперами. Формирование потребует три недели, перевозка - четыре. Переброска в Африку должна была начаться 20 февраля.

20 января 1941 г. Гитлер и Муссолини в присутствии военных советников долго совещались в Бергхофе и впервые согласовали вопросы ведения военных операций. Здесь было заявлено об окончании итальянской "параллельной войны". Однако о едином коалиционном руководстве войной или об установлении общей цели операций на 1941 г. не велось и речи³⁵⁸. Муссолини даже не знал, по крайней мере из официальных каналов, что в это время Германия уже концентрировала силы против Советского Союза.

Тем не менее было бы неправильным мнение, что отсутствие итальянских войск на советско-германском фронте в начале Великой Отечественной войны означало недейственность итало-германской коалиции против Советского Союза в 1941 г. Сковывая значительные британские силы, Италия облегчала Гитлеру агрессию на Востоке.

II

Сколачивая антисоветскую коалицию, гитлеровское политическое руководство и верховное командование прежде всего стремились обеспечить крепкие позиции на Балканах. Повышенный интерес к этому району Европы в плане подготовки войны против Советского Союза вызывался многими причинами, из которых главными были: стремление прочно закрепить румынские нефтяные источники, чрезвычайно важные для ведения войны, обеспечить плацдарм на южном фланге стратегического фронта, установить полный контроль над Дунайским бассейном. Ведомство Риббентропа и генеральный штаб развернули по указаниям Гитлера активную деятельность одновременно по многим направлениям.

Политика Германии в Юго-Восточной Европе в месяцы после поражения Франции состояла в том, чтобы в контакте с Италией стать здесь твердой ногой: подчинить себе политические режимы, ввести войска, устранить всякое возможное влияние Советского Союза и превратить этот район в обеспеченный плацдарм для нападения. Риббентроп в телеграмме германскому послу в Риме Макензену 16 августа 1940 г. со всей определенностью указывал: нельзя допустить участия Советского Союза в решении балканских проблем. Он писал: "После того как здесь вмешалась ось и мы привлекли Венгрию, Болгарию и Румынию к переговорам, мне кажется, что в настоящее время не в наших интересах как-либо включать в этот вопрос Россию"³⁵⁹.

Еще 8 декабря 1939 г. итальянский большой фашистский совет объявил: "Все, что относится к Дунайскому бассейну на Балканах, непосредственно интересуется Италией"³⁶⁰. Проникновение на Балканы, конечно, велось под флагом антикоммунизма. Чиано обещал широкую военную помощь Румынии, провокационно называя ее "охранительным валом против Советского Союза"³⁶¹.

Политические цели достигались прежде всего методами военного нажима, и трудно определить откуда - из министерства иностранных дел или из ОКВ - в большей степени диктовались вопросы политики в Юго-Восточной Европе.

26 августа Браухич получил приказ Гитлера усилить находившиеся в "генерал-губернаторстве" и Восточной Пруссии силы "для быстрого захвата ключевых пунктов Румынии"³⁶². Через два дня последовал приказ генеральным штабам сухопутных и военно-воздушных сил подготовиться к занятию румынских нефтяных районов, используя для этого подвижную группировку из пяти танковых и трех моторизованных дивизий, сосредоточенную под Веной. С 1 сентября она должна была находиться в готовности. Кроме

того, стратегические пункты Румынии предполагалось занять парашютными и десантными войсками³⁶³.

Ввод немецких дивизий преследовал не только военные, но прежде всего политические цели: Берлин хотел подкрепить своим оружием крайне правые реакционные силы Румынии, позиции которых колебались под натиском широких демократических требований народных масс и левых элементов.

Утром 29 августа оба генеральных штаба доложили о ходе подготовки. Браухич объединил венскую группировку под руководством командира 40-го моторизованного корпуса генерала Штумме. В это же утро Гитлер получил донесение о первом воздушном налете англичан на имперскую столицу и срочно вернулся из Бергхофа в Берлин. Он торопил ОКВ. На следующий день в рейхсканцелярии под председательством Йодля началось совещание о ходе подготовки вторжения в Румынию. Канарис сообщил: на Дунае под Рушуком, Бухарестом и Плоешти подготовлены хорошо вооруженные группы диверсантов на катерах, моторных лодках и нефтеналивных судах, способные, если будут предупреждены за 24 часа, за 16-20 часов занять румынские нефтяные районы. Затем докладывал представитель воздушнодесантных войск генерал фон Вальдау: готовы усиленный парашютный полк и 270 транспортных самолетов. Их можно быстро высадить в заранее намеченных шести местах у Плоешти. Если потребуется, то еще 230 самолетов за 72 часа можно взять из летных школ. Последним слово держал полковник Хойзингер: 40-й моторизованный корпус через три дня после получения приказа способен прибыть на румыно-венгерскую границу, а через пять дней достигнуть нефтяного района. Еще через двое суток в Румынию могут прибыть два эсэсовских моторизованных полка из Эльзаса. Йодль одобрил ход подготовки. Она должна продолжаться.

Для усиления своих позиций на Балканах третий рейх ловко использовал также политические противоречия, которые раздирали страны Юго-Восточной Европы. Именно теперь, в 1940 г., когда германский фашизм перекраивал карту Европы, его младшие почитатели старались в той или иной степени следовать заманчивому примеру. Венгрия и Болгария потребовали от румынского правительства вернуть взятые после 1918 г. районы Трансильвании. 19 августа начались румыно-болгарские переговоры в Крайове. Они протекали довольно мирно. Но проходившие одновременно румыно-венгерские переговоры зашли в тупик. Сразу же вмешались Берлин и Рим. Гитлер из Бергхофа призвал оба государства провести "третейский суд" в Вене. 29 августа в Верхнем Бельведере, летней резиденции принца Евгения Савойского, встретились министры иностранных дел: Риббентроп, Чиано, Чако, Маноилеску. Уже на следующий день "Венский арбитраж" окончился. Румыния под нажимом стран оси передавала Венгрии основную часть Трансильвании - область в 43 тыс. кв. км с населением 2,6 млн. человек, где размещался ряд крупных румынских промышленных предприятий. За это Германия и Италия дали "гарантию" новых румынских границ. Мог ли кто-нибудь сомневаться в том, что гарантия была направлена прежде всего против СССР. 2 сентября Советский Союз заявил по этому поводу протест³⁶⁴.

Советский Союз решительно выступал против "Венского арбитража", осуждая его как империалистическую сделку. Навязанный Румынии арбитраж вызвал широкое возмущение в стране, рост протеста против реакционной диктатуры³⁶⁵. Прав Н. И. Лебедев, считающий, что "Венским диктатом гитлеровская Германия преследовала цель углубить противоречия между Венгрией и Румынией, привязать их правителей к себе и иметь возможность шантажировать их"³⁶⁶.

Смысл "гарантий" заключался в том, чтобы предложить румынским правителям совместное участие в войне против СССР, что даст им возможность получить "компенсацию" за счет советской территории. "Венский арбитраж" стал первым шагом к созданию германо-румыно-венгерского союза.

Тем временем Антонеску, ставший под нажимом Берлина и при поддержке фашистской "Железной гвардии" премьер-министром и "вождем", 5 сентября объявил "новый режим" в

стране. Он заставил Кароля II отказаться от престола в пользу сына и стал открыто проводить курс на сближение со странами оси. 16 сентября Румыния была объявлена фашистским государством, возглавляемым военной диктатурой.

"Венский арбитраж" и "гарантия" позволили Берлину сделать дальнейшие шаги. "Услуги" не могли не быть вознаграждены. 2 сентября Гитлер сказал Йодлю, что теперь он потребует от Венгрии разрешения на проход германских войск, права на использование железных дорог и на перелет территории страны с промежуточными посадками, а от Румынии - оккупации нефтяных районов, "чтобы уберечь от вмешательства третьих государств"³⁶⁷. Ближайшая цель Германии состояла в том, чтобы послать в страну войска под видом "военной миссии".

Дальнейшее разыгрывалось как по нотам. 7 сентября Антонеску обратился к германскому военному атташе полковнику Герстенбергу: просил третий рейх прислать военных инструкторов в военную академию и военные школы, технических советников в генеральный штаб, а также направить в страну германское механизированное, авиационное соединения и оружие. Он просил командировать в Бухарест генерала "для переговоров о будущем сотрудничестве между румынскими и германскими вооруженными силами"³⁶⁸.

Раболепствуя перед германским фюрером и желая опереться на германские войска перед лицом нарастающего возмущения различных слоев народа, Антонеску сказал Герстенбергу, что "хочет сотрудничать с Германией целиком и полностью" и собирается "обнажить фронт против Венгрии и Болгарии, чтобы сосредоточить главные усилия обороны на восточной границе"³⁶⁹. Теперь в Берлине окончательно убедились: "новая Румыния" станет самым надежным союзником рейха в Юго-Восточной Европе и партнером в войне против СССР. Отныне эмиссары рейхсканцелярии и генерального штаба постоянно находились в Бухаресте, и сведения, поступающие от них в Берлин, радовали Гитлера, Кейтеля и Браухича одно больше другого.

Через два дня после беседы Антонеску с Герстенбергом из Румынии вернулся Канарис. Его доклад был не лишен скептицизма. Он лично убедился в состоянии проходящих мероприятий по "охране нефтяных областей" и пришел к выводу, что необходимо срочно послать немецкого генерала в Бухарест для заключения военной конвенции. Он считал, что позиции Антонеску внутри страны "твердые" и что его режим укрепился, однако... "только на такой срок, пока немецкое оружие останется победоносным"³⁷⁰. И не удивительно: народные массы Румынии активно выступали против утверждения в стране фашистского режима³⁷¹.

Шаткие позиции диктатуры предстояло укрепить "авторитетом" немецких танковых дивизий.

10 сентября объявляется "немедленная готовность" войскам, предназначенным для вступления в Румынию, а двумя днями позже следует аналогичная команда парашютным частям и транспортным соединениям.

В ночь на 13 сентября немецкий военный атташе в Бухаресте сообщил по радио, что обострились противоречия между Антонеску и националистической "Железной гвардией" и что последняя готовит на 13-е манифестации по всей стране в память расстрелянного два года назад ее вождя Кодреану. В этой обстановке желательна вмешательство немецкой "военной миссии".

Так как необходимые меры по подготовке еще не были завершены, Гитлер приказал 13 сентября отправиться в Бухарест генералу Типпельскирху. 14-го оттуда пришли сведения, что демонстрация "Железной гвардии" прошла спокойно и Антонеску с ее руководителем Хориа Сима создал новый кабинет, утвержденный в тот же день королевским декретом. Антонеску стал официальным вождем "кондукэторулом нового национального государства" и шефом "легионерного" режима. Он создал кабинет, в котором Хориа Сима сделался вице-президентом.

Генерал Типпельскирх 14-го вечером выехал в Бухарест и уже на следующий день имел беседу с Антонеску, который ему сообщил: Румыния "просит практического проведения в

жизнь немецких гарантий границ" в виде скорейшей помощи в поставках самолетов, зенитной артиллерии, моторизованных и танковых соединений под прикрытием направляемой в Румынию "военной миссии". Эти соединения должны иметь учебный персонал и обучить румынские войска владеть техникой. Антонеску сказал о плане предстоящей реорганизации румынской армии: она будет иметь около 100 тыс. солдат и 5 тыс. офицеров и организуется примерно так же, как немецкая 100-тысячная армия - рейхсвер, но с современным вооружением, особенно танками и ПВО, будет хорошо моторизована, с молодым офицерским составом.

После доклада Типпельскирха, вернувшегося 18 сентября в Берлин, Гитлер приказал немедленно отправить в Румынию войска. Министерство иностранных дел должно договориться с Венгрией о пропуске их по железным дорогам.

В качестве "учебных войск" назначалась 13-я моторизованная дивизия, усиленная 4-м танковым полком, батальоном корпусных саперов и подразделениями связи. Она получила приказ к 10 октября находиться в готовности к погрузке севернее Вены. Начальником "миссии" назначался генерал Ганзен, получивший инструкцию Гитлера прежде всего "охранять германские нефтяные интересы в Румынии". Ганзену подчинялась "миссия ВВС" во главе с генералом Шпейделем. Полное сосредоточение войск назначалось на 12-13 ноября³⁷². 20 сентября Кейтель подписал секретную директиву для "миссии вермахта в Румынии": румынскую нефтяную область необходимо "охранять от захвата или разрушения третьими странами"; румынские вооруженные силы обучать по строгому плану, согласованному с германскими интересами; в случае войны против СССР "подготовить наступление немецких и румынских сил из Румынии"³⁷³.

10 октября начальники армейской и воздушной "миссий" со своими помощниками выехали в Бухарест. 24-го двинулись войска. Их переброска затянулась до середины ноября. Во второй половине октября в Румынию прибыли военно-хозяйственный штаб и особая служебная инстанция связи ОКВ.

Военная оккупация Румынии началась.

Как обычно, Советское правительство было информировано о вступлении немецких войск в Румынию лишь в последнюю минуту: Риббентроп 9 октября просил Шуленбурга сообщить о начавшейся оккупации Румынии на следующий день после перехода немецкими войсками границы³⁷⁴.

Фактическая военная оккупация Румынии стала решающим актом создания военного союза "третий рейх - Румыния". Антонеску говорил 28 сентября своим генералам: "Мы должны опираться на ось, в особенности на Берлин действительно решающий фактор на континенте"³⁷⁵. Германский генеральный штаб в полной мере использовал новую ситуацию. Уже осенью 1940 г. он готовил вторжение из Румынии через Болгарию в Грецию³⁷⁶. В середине ноября Антонеску поехал в Рим и Берлин. Гитлер, Кейтель и Риббентроп, беседа с румынским фюрером, дали понять, что вскоре предстоит война с Советским Союзом. Участие в ней позволит Румынии приобрести Бессарабию и другие советские территории. Кроме того, Гитлер намекнул на возможность пересмотра в будущем "Венского арбитража"³⁷⁷. 23 ноября Антонеску подписал протокол о вступлении Румынии в "Тройственный пакт". Военный союз оформился.

Во время новой встречи с Гитлером - 14 января 1941 г. - Антонеску в присутствии Кейтеля и Иодля прямо заявил о готовности участвовать в антисоветской войне. Когда вслед за этим Германия помогла Антонеску подавить мятеж легионеров "Железной Гвардии" (январь 1941 г.), румынский диктатор окончательно превратил страну в сателлиту Германии, исполнителя воли Берлина в предстоящей войне.

Вместе с тем Румыния превращалась в аграрно-сырьевой придаток Германии. Немцы захватили все господствующие позиции в румынской экономике и поставили ее под свой контроль. Румыния тратила огромные средства на содержание немецких войск: "военная миссия" обходилась ей в 1/6 всего бюджета³⁷⁸.

Ввод немецких "учебных войск" означал, что стратегическое развертывание вермахта на южном фланге будущего "Восточного фронта" началось. Германский генеральный штаб предусматривал нарастающее усиление войск в Румынии. Гитлер говорил 20 января 1941 г. Муссолини, что туда "должны быть введены очень крупные силы, развертывание которых займет длительное время"³⁷⁹.

III

В отношении хортистской Венгрии Гитлер и его политические советники придерживались несколько иной линии. Поощряя захватнический курс внешней политики хортистов, они приняли Венгрию в "Тройственный пакт" (20 ноября 1940 г.), решили в ее пользу "Венский арбитраж", использовали венгерские войска при вторжении в Югославию. В 1939 г. Венгрия оккупировала Закарпатскую Украину, создав здесь плацдарм для будущего нападения на Советский Союз. Зная о некоторой оппозиции (группа Телеки) в правительственных кругах Венгрии планам полного подчинения страны диктату Берлина и не желая рисковать военной тайной, гитлеровцы не торопились сообщать Хорти свои планы войны против СССР.

Гитлер и генеральный штаб не сомневались, что хортисты примут участие в антисоветской войне. Они планомерно и активно готовили будущего союзника³⁸⁰. Летом 1940 г. начались поставки Венгрии оружия, транспорта, снаряжения. Кейтель принял в январе 1941 г. венгерскую делегацию во главе с военным министром Барта. Он возил ее на поля сражений во Франции и Бельгии, хвастал победами, давал банкеты, где провозглашались тосты за "воинское товарищество, выковавшееся в первую мировую войну". Барта расточал комплименты Гитлеру, вермахту, его генералам и договорился о расширении военных поставок.

Венгерский генеральный штаб особенно настойчиво добивался решения правительства о войне против Советского Союза вместе с Германией. В мае 1941 г. начальник генерального штаба Х. Верт дважды обращался к правительству с меморандумами по этому вопросу. Он утверждал: будет одержана "молниеносная победа" - и настаивал на "официальном предложении рейху" добровольно вступить в германо-советскую войну, в близости которой у него не имелось сомнений. Одновременно венгерский генеральный штаб вступил в переговоры с германским.

Еще во время визита в Берлин Барта договорился с Кейтелем: в случае войны против СССР Венгрия выставит 15 дивизий, построит укрепления в Карпатах и предоставит немцам железные дороги. В марте 1941 г. в Будапешт прибыл первый обер-квартирмейстер генерального штаба сухопутных сил Паулюс. Он согласовал вопрос о силах, которыми Венгрия будет участвовать в войне с Югославией и Советским Союзом. В апреле новый германский атташе Туссен, получивший от Гитлера задачу "побудить Венгрию к активному участию в войне против Советской России" и пообещать ей области Восточной Галиции, развернул энергичную деятельность³⁸¹. В результате началось срочное формирование сильной "Карпатской группы" во главе с генералом Сомбатхельи.

2 июня немецкий генерал Гимер, назначенный представителем при венгерском генштабе, вел переговоры об "охране венгерской территории при осуществлении плана "Барбаросса"". Он выяснил, что венгерская мобилизация продлится 20 дней, просил ее сократить до 12 дней³⁸². 16 июня немецкий посланник в Будапеште передал венгерскому правительству заявление, в котором предлагал укрепить восточную границу, ибо рейх намерен предъявить Советскому Союзу "ряд требований", что вызовет реакцию, которую "трудно предвидеть"³⁸³.

19 июня в Будапешт прибыл Гальдер. Он обсудил с генералом Вертом вопросы взаимодействия немецкой и венгерской армий, ибо немцы "в ближайшее время, примерно на этой неделе, начнут решение русского вопроса"³⁸⁴. Гальдер сообщил, что в начале военных действий венгерская армия должна "стоять наготове за Карпатами" и "связывать как можно больше русских войск", а только позднее "сильным южным флангом наступать через

Коломью - Городенки"385. 20 июня "Карпатская группа" закончила сосредоточение у советской границы.

В Финляндии гитлеровское руководство старалось использовать крайне правые элементы и настроения реванша, чрезвычайно сильные в кругах финской реакции. Нацистская дипломатия взяла курс на поворот финской политики в русло военного сотрудничества с рейхом.

Беседуя с Редером в рейхсканцелярии 13 августа 1940 г., Гитлер распорядился подготовить "надежную опорную военно-морскую базу в районе Петсамо". Было решено создать здесь новое военно-морское командование. На следующий день фюрер заслушал главнокомандующего войсками в Норвегии Фалькенхорста, сообщив, что он намерен перевести из центральных районов страны в область Нарвик - Киркенес горный корпус. Геринг получил приказ оборудовать в Северной Норвегии воздушную базу386.

Уже летом 1940 г. Германия заключила договор с Финляндией, по которому немецкие войска получили право переезда через финскую территорию на Киркенес. Новая дорога из Нарвика в Киркенес протяженностью в 810 км вступила в строй в начале ноября 1940 г. Финское правительство в конце августа предоставило в распоряжение немецких войск морской транспорт общим тоннажем 50 тыс. т для перевозки войск и передало в пользование шоссе от Кеми через Северную Финляндию. "Соглашение о транзите" было заключено 23 сентября. Германия обязалась поставить Финляндии новое вооружение. По распоряжению Гитлера в начале сентября была создана должность "адмирал Северного побережья". Ее занял адмирал Бем.

Первым эшелонам войск предстояло высадиться в Финляндии 22 сентября387. Риббентроп дал указание в Москву Шуленбургу сообщить об этом договоре Советскому правительству не раньше, чем вечером 21 сентября, в момент, когда немецкие корабли "будут приближаться к финскому побережью"388. Когда посол сделал сообщение, то, как он впоследствии доносил, с советской стороны последовали вопросы: на какой срок заключено германо-финское соглашение, о каком числе соединений идет речь и долго ли останутся немецкие войска в Киркенесе. Вопросы остались без ответа.

"Соглашение о транзите" останется действенным, по официальному заявлению Берлина, "до тех пор, пока будет существовать военная необходимость, исходя из требований войны против Англии". Однако подлинные его цели не вызывали ни малейших сомнений: немецкие войска в Финляндии нацеливались против СССР. 26 сентября в беседе с Шуленбургом нарком иностранных дел выразил недоверие по поводу договора и потребовал ознакомить его с текстом, включая секретные части. Конечно, это требование осталось невыполненным.

Стараясь использовать Финляндию в качестве военного союзника на северном фланге, Германия одновременно стремилась наложить руку на ее ресурсы. 20 января Гитлер говорил Муссолини о "большом значении финских месторождений никеля для Германии"389.

Согласование оперативных вопросов по линии генеральных штабов начиналось еще в декабре 1940 г., когда начальник финского генерального штаба Гейнрихс приехал в Цоссен на совещание, проводимое Гальдером по поводу плана "Барбаросса". Доклад Гейнрихса перед высшими немецкими офицерами о советско-финской войне был выдержан в духе восхваления финского оружия и критики Красной Армии. Вскоре по заданию ОКВ в Хельсинки вылетел начальник штаба германских войск в Норвегии Бушенгаген. Он обсудил все основные вопросы взаимодействия германской и финской армий и провел совместно с финскими генералами детальную рекогносцировку на местности. Его доклад в ОКВ стал основой разработки оперативных планов наступления390. В начале июня Бушенгаген вновь появился в Хельсинки, а несколькими днями раньше Гейнрихс вылетел к Кейтелю. Все последние детали совместного наступления были уточнены и зафиксированы протоколом. За несколько дней до вторжения старый германский генштабист генерал Эрфурт принял должность германского представителя для связи с финским генеральным штабом. 9 июня в Финляндии началась скрытая мобилизация.

IV

Оставалась проблема Дальнего Востока и взаимоотношений с японским союзником во время "восточного похода". Здесь немецкому генеральному штабу приходилось труднее, ибо проблемы, стоявшие перед Берлином и Токио, были слишком различны, а дальневосточный партнер отличался особой индивидуальностью в политических и военных вопросах, имея по каждому самостоятельное суждение. В данном случае, конечно, нельзя было поступать, как с Хорти, Антонеску или царем Борисом, где небольшие подачки, прямые угрозы, заманчивые обещания и дешевая лесть, особенно в сиянии ореола военных побед третьего рейха, действовали лучше, чем приемы классической дипломатии. К тому же это был верный союзник, хотя его замыслы прятались в улыбающихся губах и непроницаемом взгляде дипломатов.

Дальневосточная политика гитлеровской Германии с 1933 по 1939 г. определялась, с одной стороны, стремлением немецких монополий усиленно участвовать в эксплуатации Китая, с другой - наладить союзнические отношения с Японией для нового передела мира путем войны³⁹¹. С 1927 г., а особенно с 1934 г., и до первой половины 1937 г. немецкий монополистический капитал сумел снова укрепить свои экономические, политические и военные позиции в Китае, которые были утрачены в результате первой мировой войны, и создать так называемую систему колониализма без колоний. Импорт из Китая имел особое значение для монополий, работавших на военную промышленность. Благодаря значительным поставкам оружия и боеприпасов, которые прояпонское правительство Ван Цзин-вэя получало из Германии, немецкие милитаристы смогли использовать Китай в виде опытного полигона.

Подготавливая агрессию в Европе, немецкий империализм в своей дальневосточной политике делал вторую ставку на Японию, которая тоже держала курс на новый передел мира и была потенциальным союзником немецкого империализма в будущей мировой войне. Но укрепление позиций гитлеровской Германии в Китае мешало интересам японского империализма. Союз с Японией должен был все больше и больше подрывать позиции немецких монополий в Китае. С тех пор как начала расширяться японская агрессия в Китае, т. е. с июля 1937 г., стало неизбежным определение немецкой дальневосточной политики со ставкой либо на Китай, либо на Японию.

После продолжавшихся несколько месяцев разногласий внутри правящей клики Германии самые реакционные и агрессивные круги немецкого монополистического капитала окончательно определили курс на Японию. Японская реакция в свою очередь искала сближения с германским фашизмом. С точки зрения японских политиков, создание "сильной Германии" приковывало Англию, Францию, Советский Союз и отчасти США к европейским делам и облегчало Японии агрессию на Дальнем Востоке. Аналогичными мотивами руководствовался и Берлин: агрессивная Япония свяжет на востоке западноевропейские державы, отвлечет внимание СССР и расчистит путь для реализации Германией захватнических планов в Европе. На такой основе и возникла "взаимная заинтересованность" обоих агрессоров, хотя, как видит читатель, она исходила из прямо противоположных расчетов. Японские планы были направлены и против Китая, где агрессия продолжалась с 1931 г., и против Советского Союза, в отношении которого наиболее экстремистские круги выдвигали лозунг захватов "вплоть до Урала", и против США и Англии, с которыми в середине 30-х годов усилился антагонизм на почве борьбы за рынки Восточной и Юго-Восточной Азии.

Когда Германия в сентябре 1939 г. развязала вторую мировую войну, то, несмотря на переговоры, длившиеся полтора года, все еще не существовало военного договора агрессоров. Ни Италия, ни Япония не примкнули к войне немедленно. Здесь наблюдались разногласия между немецким и японским империализмом. Германия и Япония преследовали свои собственные империалистические цели и были готовы, смотря по обстоятельствам, выполнить требования союзника, лишь если они соответствовали этим целям.

Под влиянием военных успехов Германии в Европе летом 1940 г. в Японии получила перевес группировка, стоявшая за теснейшие контакты с фашистским рейхом. 27 сентября 1940 г. в большом зале новой имперской канцелярии в Берлине был, наконец, подписан германо-японо-итальянский военный пакт, предварительные переговоры о котором начались еще в 1938 г. Теперь агрессоры с грубой откровенностью требовали передела мира в свою пользу. "Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в создании нового порядка в Европе; Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в создании нового порядка в восточноазиатском пространстве", - так было сказано в двух первых статьях соглашения.

"Взаимное уважение" двух агрессоров означало, само собой разумеется, не что иное, как договор о сферах агрессии.

Япония, ввиду военных успехов Германии, форсировала свои экспансионистские устремления в южном направлении. После капитуляции Голландии и Франции колонии этих держав - Французский Индокитай и Нидерландская Индия - притягивали как магнит японских агрессоров. Путем угрозы пактом трех держав Токио надеялось удержать США от вступления в войну против Японии.

У гитлеровской политики в отношении Японии имелся на этом этапе свой план. Германский империализм не хотел делить лавры победы над СССР с не менее алчным японским империализмом. Гитлеровское руководство не сомневалось, что Советский Союз в ближайшие месяцы будет разгромлен Германией без японской помощи и что осенью 1941 г. Германия совместно с Японией нанесет решающий удар Британской империи на Востоке. С другой стороны, Гитлер в начале 1941 г. хотел, чтобы Япония полностью втянулась в борьбу с Англией на Дальнем Востоке. Таким путем удалось бы в момент, когда Германия будет занята в России, нанести еще один удар Британской империи, вырвать ее дальневосточные позиции, приблизить ее падение. Удар к югу мог воспрепятствовать дроблению сил японского союзника, которое произошло бы в случае нападения Японии на СССР, а также исключал любые ее претензии на советские территории после победы.

Вместе с тем в Берлине опасались, что некоторые японские политические деятели, настроенные проамерикански, будут добиваться компромисса с Англией и США за счет Германии. И поэтому Берлин активно толкал Японию к агрессии в южном направлении, считая, что наиболее уязвимым пунктом Англии в сфере возможных действий японских вооруженных сил является Сингапур. Эта важная база вполне могла быть захвачена комбинированными ударами японского флота, десантов и авиации за те несколько месяцев, которые потребуются Германии для разгрома России. Гитлер обещал, что Германия "немедленно примет меры, если Япония вступит в войну с Соединенными Штатами"³⁹².

С декабря 1940 г. и до апреля 1941 г. Гитлер, политические и военные лидеры рейха осторожно внушали Японии мысль о "сингапурском варианте", что соответствовало и планам японских агрессивных кругов. Вопрос о желательности наступления на Сингапур и об отказе участвовать в походе против СССР впервые был поставлен на военном совещании у Гитлера 27 декабря 1940 г.³⁹³ Затем вторично он обсуждался двумя неделями позже, а потом в феврале. Риббентроп оказывал серьезный нажим в сингапурском вопросе на Осима - посла в Берлине, а германский посол в Токио Отт - на представителей японского правительства и военного командования.

В Берлине Риббентроп говорил Осима: вмешательство Японии нанесет решительный удар центру Британской империи, заставит Америку устраниваться от войны. "Если же возникнет нежелательный конфликт с Россией, - намекал Риббентроп, - мы должны будем в этом случае взять на себя основное бремя".

Но германский фашизм, склоняясь к мысли о желательности действий восточного партнера против "стран южных морей", все же не оставлял планов насчет активного выступления Японии в случае необходимости и против Советского Союза. Здесь германские политики и стратеги, помимо собственных интересов, считались также с давним антисоветским политическим курсом японской реакции. Усилившийся в начале 30-х годов,

этот курс предусматривал прямую агрессию против Советского Союза. Для ее подготовки и для "прощупывания сил" японское командование решило создать ряд плацдармов в Маньчжурии, Внутренней Монголии и других частях Северного Китая. Так возникла летом 1938 г. авантюра у озера Хасан. Ее провал не ослабил антисоветских тенденций японской политики. Когда с приходом к власти правительства Хиранума (январь 1939 г.) сближение с Германией пошло быстрыми шагами, его результатом стало резкое усиление подготовки Японии к войне против США, Англии и СССР.

Новая провокация значительными силами у советских границ на р. Халхин-Гол (лето 1939 г.), закончившаяся полным разгромом нападавших, внесла серьезную поправку в японскую "большую стратегию". Понимая теперь, насколько трудным делом будет самостоятельная война с Советским Союзом, японские руководители решили выждать более благоприятной ситуации. Не прекращая подготовку к агрессии на севере, но отложив ее "до лучших времен", они теперь окончательно склоняются к главному удару в Юго-Восточную Азию.

"Южный вариант" агрессивной войны японского империализма не снимал угрозы дальневосточным границам Советского Союза. Даже подписание несколько позже японским министром иностранных дел Мацуока пакта о нейтралитете с СССР отнюдь не свидетельствовало об отказе Токио от нападения на Сибирь и Советский Дальний Восток в удобный и выгодный момент. С другой стороны, и Берлин, склонявшийся к "южному варианту" для Японии, продолжал все-таки довольно благосклонно относиться и к мысли о выступлении при определенных обстоятельствах своего дальневосточного партнера против СССР, а позже стал даже активно настаивать на нем³⁹⁴. Японское военное командование продолжало держать у советских границ крупные силы - Квантунскую армию. В начале июля 1941 г. оно разработало план вторжения в Советский Союз (план "Кантокуэн")³⁹⁵.

Однако вернемся к вопросу о складывании германо-японского союза перед гитлеровским нападением на СССР. Взаимное прощупывание позиций как в политических кругах, так и в генеральных штабах Берлина и Токио продолжалось зимой и ранней весной 1941 г.

Высшие японские офицеры не давали союзнику никаких обещаний. Шло дипломатическое маневрирование, и окончательные решения зависели от результатов запланированного на март визита Мацуока в Европу.

5 марта 1941 г. Кейтель подписал так называемую директиву фюрера о сотрудничестве с Японией. Целью сотрудничества, согласно директиве, являлось "заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. Таким образом английские силы будут ослаблены, и центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан... Захват Сингапура - опорного пункта Англии на Дальнем Востоке - станет решающим для успеха всей войны, которую ведут три державы".

Координирование действий возлагалось на Редера.

Закончив обмен мнениями в руководящих кругах, Мацуока 12 марта выехал из Токио. Он прибыл в Москву и после переговоров с Советским правительством. 27 марта появился в рейхсканцелярии. Беседа с Гитлером и Риббентропом велась при довольно своеобразной ситуации. Фюрер, зная о многочисленных колебаниях во влиятельных токийских кругах, о всяких скрытых и явных течениях, до поры до времени не очень доверял японцам и поэтому не упоминал в разговоре с Мацуока о предстоящем нападении Германии на Советский Союз. Однако еще раньше Риббентроп открыл эту тайну японскому послу Осима, а в Токио Отт прозрачно намекал о том же самым представителям военных кругов. Поэтому Мацуока вел беседу, будучи осведомленным о планах рейха, что и облегчало ему ориентацию в дипломатии союзника. Теперь японское решение о направлении дальнейшей агрессии созрело. Гитлер говорил о японской атаке на Сингапур. Мацуока не сказал в этой беседе последнего слова, но в принципе согласился с таким планом, ибо отныне война с Советским Союзом откладывалась до момента, когда он будет ослаблен Германией.

Совершенно очевидно, что нападение на Сингапур означало усиление войны против Англии в Юго-Восточной Азии и одновременно открывало путь к захвату Японией колоний в этом районе мира, к чему она и стремилась. Намерения обоих союзников наконец сошлись. 10 апреля 1941 г. японский император в беседе с Коноэ одобрил решение³⁹⁶. 13 апреля находившийся снова в Москве Мацуока подписал договор о нейтралитете между Японией и Советским Союзом.

Договор о нейтралитете лишь прикрывал агрессивные планы японской реакции. Направляя главные усилия к югу, чтобы выполнить программу обширных захватов в Тихом океане, японское правительство вместе с тем не отказывалось и от своей антисоветской стратегии и продолжало Квантунской армией создавать угрозу дальневосточным границам СССР.

Так складывалась коалиция фашистских агрессоров, готовых выступить против единственного в мире социалистического государства. В ее создании германское командование и генеральный штаб играли исключительно важную роль. Представители военного руководства выступали в процессе складывания коалиции как самые активные политики и дипломаты. Они даже не подозревали, какой ущерб нанесут тем историкам и мемуаристам в некоторых западных странах, которые много лет спустя будут писать о полной непричастности гитлеровских генералов к политике фашизма, о их традиционной неспособности "как солдат" разглядеть ее преступное существо.

V

Подписанный 27 сентября 1940 г. в Берлине между Германией, Италией и Японией договор о десятилетнем военно-экономическом союзе стал новой крупной вехой подготовки антисоветской агрессии. Несколько ранее, 19 сентября, для обсуждения подробностей договора в Рим выехал Риббентроп. Во время встречи с Муссолини рассматривался, в частности, вопрос о возможной позиции Советского Союза. Оба пришли к выводу, что Советский Союз не нарушит мира и не предпримет никаких враждебных действий. Такого же мнения придерживался двумя месяцами позже Гитлер, беседуя с Антонеску: "Россия не повернется против коалиции, которую Германия заключила со своими друзьями. Сталин не хочет рисковать"³⁹⁷. Признание фашистскими лидерами отсутствия какой-либо угрозы со стороны СССР многозначительно. Во всяком случае оно дает еще один веский аргумент против измышлений о "превентивной" войне.

Пакт трех держав преследовал далеко идущие цели. Агрессия против СССР, передел мира, дальнейшая изоляция Англии - таковы три основы, на которых он держался. Гитлер считал, что пакт открывает Германии самые широкие перспективы, ибо позволяет ему "иметь свободные руки для любых возможностей"³⁹⁸. Среди "любых возможностей" в сентябре 1940 г. в Берлине появилась наглая идея: попытаться временно втянуть в орбиту "Тройственного пакта"... Советский Союз. Вопрос о войне против Советского Союза к этому времени был решен, и в данном случае преследовалась чисто тактическая цель: ввести в заблуждение СССР, окончательно убедить Англию в бесполезности сопротивления, а США удержать от вступления в войну против Германии.

Все это ни на йоту не меняло гитлеровского решения о войне против Советского Союза. Но фантастические расчеты продолжали обсуждаться и в Берлине, и в Риме. 26 сентября, за день до подписания "Тройственного соглашения", Гитлер сказал: "Я думаю, нужно поощрить Советский Союз к продвижению на юг, к Ирану или Индии, чтобы он получил выход к Индийскому океану, который для России важнее, чем ее позиции на Балтике". Неделями ранее Риббентроп говорил Муссолини: "Нужно отвлечь Россию к Персидскому заливу и к Индии"³⁹⁹. Поистине, агрессор может думать о планах другого государства только с позиций агрессора.

Наивный план: попытаться отвлечь внимание Советского Союза от европейских дел, от нараставшей для него угрозы с Запада и столкнуть с Англией на юге конечно, не мог никого ввести в заблуждение.

Подобные предложения, естественно, были обречены на провал. Вопрос не был дискуссионным, в чем гитлеровцы очень скоро убедились. Но чтобы попытаться навязать Советскому Союзу свой план, из Берлина 3 октября 1940 г. было направлено приглашение Молотову посетить германскую столицу.

Главной внешнеполитической целью Советского Союза в этот период было укрепление безопасности на Западе, и к этому сейчас направлялось его внимание.

Позиции Советского Союза и Германии в начавшихся переговорах были прямо противоположными. Советский Союз, имея договор о ненападении с Германией и придерживаясь нейтралитета в отношении Англии, не собирался помогать Германии, а в переговоры вступил только с целью зондажа. Безусловно исключался отказ от усиления обороны на западных границах, особенно, когда вполне обнаруживались признаки готовящейся германской агрессии. Совершенно ясно, что исключались, планы какого бы то ни было "разделения сфер влияния" в мире совместно с агрессорами или "проникновения к югу". Берлинские переговоры в ноябре 1940 г. не имели и не могли иметь при такой постановке дел никаких перспектив, кроме взаимного изучения позиций.

Вполне понятно, что обе стороны вели переговоры на совершенно различных основах. Историк из ГДР В. Баслер пишет: "Очевидно, что гитлеровское правительство хотело и в этом случае снова попытаться добиться гегемонии в Европе "мирным путем", ибо Англия и США, как ни надеялись в Берлине, не собирались капитулировать перед агрессором. Но усилия нацистских руководителей оказались бесплодными, ибо Советское правительство со всей очевидностью вступило в обсуждение планов Гитлера только для того, чтобы их изучить, однако они никогда не рассматривались"⁴⁰⁰.

Во всяком случае у гитлеровского руководства не осталось сомнений в твердой решимости Советского Союза отстаивать свои интересы в Европе и противостоять политике третьего рейха везде, где только возможно.

В середине ноября гитлеровским политикам пришлось убедиться, что их план сорвался. Советский Союз не намеревался отказываться от укрепления позиций на западной границе перед лицом растущей фашистской угрозы. "Гитлер, - пишет Росси, - был глубоко разочарован и разозлен"⁴⁰¹. Встреча в германской столице не внесла ничего нового в принятое ранее нацистами решение о войне. Она еще больше подняла энергию подготовки "восточного похода". Правда, адмирал Редер доказывал в эти дни, что война против СССР может начаться только после поражения Англии. Но Гитлер категорически требовал: любой ценой "изжить последнего врага на континенте, прежде чем он, возможно, договорится с Англией"⁴⁰². В начале декабря Гитлер по совету Гальдера назначил срок нападения на Советский Союз на 15 мая 1941 г. В подписанной 18 декабря директиве "Барбаросса" эта дата указывалась уже официально.

Неудача авиационного наступления на Англию к концу осени 1940 г. убедила Гитлера, что для завершения борьбы на Западе еще нужно время и что подготовка нападения на СССР поглотит все силы. Но после молниеносного похода на Восток и вызванной им небольшой паузы на Западе вермахт повернет всю свою мощь в британскую сторону, и тогда, как высказал предположение Риббентроп, с Англией будет покончено в 1942 г. О каком-либо варианте войны на два фронта мало кто думал.

Переговоры в Берлине ни на день не приостановили германского натиска на Юго-Восточную Европу. Чтобы стать твердой ногой на Балканах, предстояло втянуть в свою орбиту Югославию. Активные происки нацистов очень скоро встретили благоприятный отклик в среде реакционных правящих кругов Югославии. 28 ноября в малую рейхсканцелярию в Берхтесгадене прибыл югославский министр иностранных дел Маркович. Из-за массового сопротивления югославского народа политике сближения с гитлеровским рейхом профашистское руководство Югославии решило вступать в союз лишь после осторожной и тщательной подготовки. Правда, Гитлер, как ему казалось, держал в своих руках важные козыри: если Югославия примкнет к странам оси и займет благожелательную для Германии позицию на Балканах, даже не участвуя в военных

операциях, то в качестве "вознаграждения" он сулил греческий город Салоники. Болгария получит восточную Фракию⁴⁰³. Однако югославские руководители выжидали: внутреннее положение в стране грозило свержением правительства, которое рискнет заключить союз с Берлином, а Греция ведь пока еще не завоевана. Зато в Румынии и Болгарии все развивалось по плану. Начиная с 13 декабря в Румынию непрерывно двигались транспорты с немецкими войсками. Когда Советский Союз сделал запрос о целях перевозок, Риббентроп дал указание Шуленбургу обойти его. Но последовал новый широкий запрос Советского Союза: о действиях Германии на Балканах вообще. Ответ Риббентропа, присланный в Москву 22 января 1941 г., гласил: все мероприятия, проводимые рейхом на Балканах, не преследуют никакой иной задачи, кроме предупреждения возможной английской высадки в Греции. Когда эта цель будет достигнута, немецкие войска уйдут обратно⁴⁰⁴.

Лживость ставшей уже совершенно банальной версии еще раз подтвердилась после того, как в первых числах марта 1941 г. гитлеровские дивизии вступили на территорию присоединившейся к пакту трех Болгарии. И снова Советский Союз получил аналогичное "уведомление". С Унтер ден Линден 27 февраля 1941 г. последовала инструкция Шуленбургу: он должен вечером 28 позвонить наркому иностранных дел и сообщить, что Болгария 1 марта вступает в пакт. На следующий день, также вечером, Шуленбург вторично позвонит наркому и поставит его в известность, что германские войска вступили в Болгарию. Проводить какие-либо дискуссии запрещалось.

Так и произошло. На рассвете 1 марта 1941 г. дивизии вермахта перешли Дунай и двинулись по болгарской территории.

Гитлеровская политика и стратегия шаг за шагом разворачивали ряды союзников и сателлитов, которые месяц от месяца все более угрожающе сдвигались против социалистического государства.

Борьба на Балканах в 1941 г.

Стратегия антисоветской войны нацистского верховного руководства непосредственно после разгрома Франции предусматривала необходимость до нападения на СССР захвата Балкан.

На Балканах сплетались в один узел интересы монополий враждующих империалистических держав, интересы политики и стратегии Германии, Италии, Англии.

Начавшаяся 28 октября 1940 г. агрессия Италии против Греции была не только порождением фашистских завоевательных планов, но также итогом реакционной политики греческого правительства Метаксаса. Греческая армия оказала мужественное сопротивление. После ряда упорных боев она отбросила итальянских захватчиков и перенесла действия в оккупированную итальянцами еще в 1939 г. Албанию, где активизировали борьбу местные партизаны.

Действия итальянцев создали для Берлина нежелательную ситуацию. Гитлер заявил своим военным советникам: его так раздражают действия итальянцев, что у него пропала даже малейшая охота к тесному военному сотрудничеству с Италией⁴⁰⁵. В Берлине понимали: нельзя рассчитывать на быстрый успех Италии в Греции. Еще до того как возобновилось наступление итальянцев в Северной Греции, ОКВ приняло меры, чтобы активно вмешаться в балканские дела - прежде всего вторгнуться в Грецию и сделать то, на что оказался неспособным итальянский союзник. Следовательно, отсутствие у гитлеровцев желания к тесному сотрудничеству с итальянцами должно было уступить место расчету.

Первый вариант плана наступления на Грецию с территории Болгарии рассматривался в генеральном штабе сухопутных сил 7 ноября 1940 г. 12 ноября последовала директива No 18, требовавшая начать подготовительные мероприятия "для того, чтобы в случае надобности овладеть из Болгарии греческой территорией севернее Эгейского моря и тем самым создать предпосылки для ввода в действие соединений немецкой авиации против объектов в восточной части Средиземного моря, особенно против тех английских военно-

воздушных баз, которые угрожают румынским нефтяным источникам"⁴⁰⁶. В течение ноября генеральный штаб планировал развертывание немецких войск в Румынии из расчета начать их переброску в последних числах года. 5 декабря на совещании у Гитлера одновременно с докладом начальника генерального штаба об исходных предпосылках плана войны против Советского Союза рассматривался вариант "Марита" - так стали теперь именовать план вторжения в Грецию. Срок готовности - начало марта 1941 г. 12 декабря штаб верховного главнокомандования отдал директиву No 20 о сосредоточении войск для "балканского похода".

Тем временем правящая клика Болгарии готовила национальное предательство. Болгарский царь Борис, проводивший политику сговора с Германией, был готов для Гитлера на все. Опасаясь своего народа, открыто выступавшего за дружбу с Советским Союзом, против "Тройственного союза", он просил Гитлера ввести в Болгарию германские войска. 28 февраля 1941 г. подразделения вермахта, прибывшие в страну под видом туристов, заняли аэродромы, железнодорожные станции и другие стратегические объекты⁴⁰⁷. Одновременно для прохода войск 12-й армии германские саперы начали наводить мосты через Дунай в районе Гиургиу, Турну-Мэгуреле, Бехет. В Болгарию стали прибывать соединения германского 8-го авиационного корпуса.

Утром 1 марта 1941 г. 12-я немецко-фашистская армия двинулась по мостам через Дунай, вступила на территорию Болгарии, а 3 марта передовые немецкие части подошли к греческой границе. Болгария присоединилась к "Тройственному союзу". 17 марта Гитлер отдал приказ военные действия на Балканах продолжать "до полного изгнания английских войск и захвата баз, которые позволили бы прочно овладеть господством в воздухе в восточной части Средиземного моря"⁴⁰⁸. 25 марта последовало указание завершить операцию десантом на Крит. Таким образом, план полного захвата Греции и установления господства над Восточным Средиземноморьем, казалось, получил завершение.

Но все ли учло германское командование, гордившееся своей предусмотрительностью? В безмерной самоуверенности и в извращенном понимании большинства политических факторов оно не смогло увидеть внутренние процессы, которые стремительно развертывались в это время в Югославии и вскоре изменили обстановку на Балканах. Гитлеровцы не поняли, что народ Югославии в своей массе ненавидит германский фашизм и не допустит капитуляции перед Гитлером. Они не учли, что югославское правительство Цветковича не имеет поддержки народа, а внутренние противоречия в стране настолько остры, что могут в любой момент привести к взрыву.

Этот взрыв произошел в конце марта 1941 г., когда реакционное правительство Цветковича - прогермански настроенного лидера великосербской буржуазии, - а также вождя Хорватской крестьянской партии Мачека, стоявшего на позициях превращения Хорватии в самостоятельное государство под эгидой Германии, подписало 25 марта 1941 г. в Вене пакт трех держав, разрешивший немецким войскам вступить в Югославию. Этот акт национального предательства повлек выступление народных масс, которые с рабочими во главе вышли на улицы под лозунгами "Лучше война, чем пакт!", "Лучше смерть, чем рабство!", "За союз с Россией!"⁴⁰⁹ Народ сверг правительство Цветковича - Мачека. Его сменило правительство генерала Симовича, которое под давлением народа отказалось от договора, заключенного предшественниками. В ночь на 6 апреля 1941 г. Советский Союз заключил пакт о дружбе с Югославией, выразив тем самым полное сочувствие народам этой страны и еще раз показав, что он проводит политику, противоположную Германии. События 27 марта свидетельствовали, что народные массы Югославии намерены решительно бороться за свободу, против угрозы германского фашизма.

Югославские события вызвали немедленную реакцию в Берлине. Утром 27 марта в имперскую канцелярию были срочно вызваны руководители вооруженных сил. Гитлер не мог потерпеть непокорности Белграда, особенно в предвидении войны против СССР. Он потребовал быстрейшего нападения на Югославию⁴¹⁰. Теперь план "Марита" подлежал коренной переработке. Намечались новые операционные направления для 12-й армии: удар

из района Софии на Скопле, чтобы соединиться с итальянцами в Албании и не допустить установления взаимодействия между Югославией и Грецией, из района Софии на Белград для овладения югославской столицей и открытия пути по Дунаю; кроме того, привлекались итальянские, венгерские войска. Было решено нанести удар по Югославии с севера, из Южной Австрии и Венгрии, для чего предполагалось быстро сформировать новую - 2-ю полевую армию⁴¹¹. На Балканы срочно двинулись новые войска. Требовалось завершить военные действия в Югославии и Греции возможно скорее, чтобы не сорвать вторжения в СССР. Для наступления теперь дополнительно назначались 14 дивизий, из которых пять прибыли из Франции, восемь - из Германии и одна - из Польши⁴¹².

Предстояло изменить оперативный план наступления.

Вылетевший в Вену по приказу Гальдера Паулюс встретился с фельдмаршалом Листом. Оказалось, что штаб 12-й армии считал теперь главной задачей быстрый прорыв через Южную Сербию до албанской границы с целью отделить друг от друга Югославию и Грецию, а затем нанести основной удар по Греции через Битоли. Вопреки этому ОКВ предполагало главный удар наносить на Белград. В конечном счете сложилось половинчатое, компромиссное решение (директива No 25)⁴¹³, согласно которому силы 12-й армии использовались веерообразно путем наступления нескольких ударных группировок на Белград, Скопле и в Северную Грецию. 30 марта на совещании в имперской канцелярии Гитлер приказал 12-й армии быть готовой к 6 апреля.

Немецко-фашистское командование развернуло на юго-востоке 35 дивизий, из которых 23 - против Югославии, 6 - против Греции, 1 - против Турции, 5 - в резерве верховного командования. Немецкая авиация насчитывала 1300 самолетов⁴¹⁴. 2-я итальянская армия под командованием генерала Амброзио развернулась против Северо-Западной Югославии. Итальянская авиация состояла из 670 самолетов. Венгрия вступила во вторую мировую войну, выставив против Югославии пять дивизий.

План, разработанный германским командованием, учитывал, с одной стороны, установку на скорейший переход в наступление до полного развертывания югославской армии, с другой - одновременное завершение развертывания немецко-итальянских сил. Вторжение начиналось 6 апреля внезапными ударами авиации по югославским, греческим аэродромам и по Белграду. Три корпуса 12-й армии переходили в наступление в тот же день; танковые и моторизованные корпуса - 8 и 10 апреля. 2-я немецкая армия - 12 апреля, венгерские войска 14-го, а 2-я итальянская армия - 15 апреля 1941 г.

Королевская Югославия не была готова к ведению войны, к отпору агрессору. Двенадцать лет господства сербских капиталистов не принесли стране никакого прогресса. Югославия оставалась одной из экономически отсталых стран, с неразвитой военно-промышленной базой. В стране господствовали острейшие социальные и национальные противоречия. Ведя борьбу против революционных настроений народных масс, буржуазное правительство держало курс на фашизацию страны. Оно проводило политику репрессий против демократических сил и одновременно попустительствовало широкой деятельности германской и итальянской агентуры в стране.

Югославские коммунисты вели активную борьбу против фашизма и национального предательства, поддерживая политическую активность и оппозиционные настроения трудящихся масс. Вооруженные силы Югославии по своему техническому оснащению, боевой подготовке, опыту серьезно уступали фашистскому вермахту.

Югославское командование после нападения Италии на Албанию разработало план ведения войны (план "P-40"), предусматривавший развертывание главных сил против Венгрии, Германии и Италии. В первом эшелоне предполагалось иметь 22 дивизии, в стратегическом резерве - 9. ⁴¹⁵

После изменения военно-политической обстановки в начале 1941 г., когда германские войска вступили в Румынию, Венгрию, а затем в Болгарию, план был изменен. Новый план ("P-41") предусматривал оборону на всех границах и наступательные действия против итальянской армии в Албании с целью обеспечить взаимодействие с греческой армией. В

случае необходимости под натиском противника планировался постепенный отвод югославских сил на юг, к территории Греции, чтобы там, совместно с греками, организовать общий фронт и продолжать борьбу⁴¹⁶.

Югославские историки оценивают план как чисто оборонительный. Он и был таковым. Наступление на Албанию следует рассматривать как обеспечение стратегической обороны и отхода главных сил в южном направлении.

По плану разворачивались 3 группы армий, 7 полевых армий, 28 пехотных, 3 кавалерийские дивизии и другие части, в том числе 110 танков. На проведение мобилизации отводилось до 8 - 10 суток⁴¹⁷. Предполагалось выстроить в первом эшелоне 27 дивизий, или 7/8 всех сил. Военно-воздушные силы в составе четырех авиабригад располагали всего лишь 415 самолетами, из них современных 265⁴¹⁸.

Югославская армия не имела необходимых сил для обороны 3000 км границы. Развертывание носило чисто линейный характер. Усиление границы в инженерном отношении проводилось только против Италии (с 1937 г.), против Германии и Албании (с 1939 г.). На других ее участках заграждения оставались слабыми. По своей доктрине, организации, материально-технической оснащенности югославская армия не была в состоянии успешно вести современную войну.

После 27 марта в Белграде стало совершенно ясно, что гитлеровская агрессия последует в ближайшее время. Югославский генеральный штаб в тот же день предложил объявить мобилизацию. Однако правительство Симовича отказалось под предлогом необходимости вести переговоры с немцами. Оно надеялось найти с Гитлером компромисс и избежать войны. Своей колеблющейся политикой, изъявлением лояльности Гитлеру правительство замедлило военную подготовку, ослабило оборону страны и готовность народа к борьбе. Только 30 марта 1941 г. было объявлено, что первым днем "скрытой мобилизации" станет 3 апреля⁴¹⁹. Подобно тому как это было с польским руководством в 1939 г., югославское правительство не поняло новой сущности угрожаемого периода войны. Оно потеряло семь суток (27 марта - 2 апреля), в течение которых могло в основном провести мобилизацию, завершить стратегическое развертывание вооруженных сил. Но оно начало его лишь за трое суток до вторжения. Удар немецко-фашистских вооруженных сил 6 апреля 1941 г. застал югославскую армию в начальной стадии стратегического развертывания. Ни один штаб (от штаба дивизии до штаба верховного командования) не завершил мобилизации. В таком же состоянии оказалось большинство соединений и частей всех родов войск⁴²⁰.

К моменту вторжения закончили отмобилизовать и сосредоточить 11 дивизий, или 33% сил. Не закончили 22 дивизии - 67% сил югославской армии.

Так вновь, теперь уже в четвертый раз в ходе начальной стадии второй мировой войны, германскому военному руководству удалось опередить в стратегическом развертывании вооруженные силы государства, ставшего очередным объектом агрессии.

Немецко-фашистское командование не без оснований рассчитывало на успех. Скрытность приготовлений, мощный первый удар и быстрый ход операций, несогласованность действий Греции, Югославии, Англии открывали перспективы быстрой победы. Гитлеровские генералы стремились не допустить объединения англо-греко-югославских сил - в общей сложности 54 дивизий - и создания сплошной обороны в горных районах. Союзники вновь облегчили гитлеровцам достижение "молниеносной победы".

Вторжение на Балканы немецко-фашистские вооруженные силы начали по той же, теперь уже проверенной, схеме, как и при развязывании военных действий в 1939 и 1940 гг. Первый удар нанесла авиация по югославской аэродромной сети. Главные силы 4-го воздушного флота внезапно атаковали аэродромы у Скопле, Куманова, Ниша, Загреб, Брежицы, Любляны. Этим ударом было уничтожено на земле 64 самолета. Югославское командование успело поднять в воздух лишь несколько соединений, имевших ограниченный успех. Так, под Куманово вступила в бой 36-я истребительная группа, сбившая четыре немецких самолета. При этом сама она потеряла 11 самолетов.

После выступления Гитлера по радио утром 6 апреля о "необходимости наказать белградскую клику" немецкая авиация осуществила в 6 час. 30 мин. с аэродромов Румынии, Австрии и Венгрии террористический налет на Белград. В первом ударе по городу участвовало 224 бомбардировщика и 120 истребителей. Во втором - 57 бомбардировщиков, в третьем - 94. Эти удары, как отмечают югославские историки, дезорганизовали политическое и военное руководство⁴²¹. В течение первого дня германская авиация уничтожила на земле 77 и в воздухе 38 югославских самолетов. Гитлеровцы потеряли 21 самолет.

Захватив стратегическую инициативу, агрессоры стали быстро развивать успех. Они в полной мере использовали свои преобладающие силы, особенно танки и авиацию, внезапность удара и неготовность югославской армии. Преодолевая ее мужественное и в ряде случаев весьма упорное сопротивление, гитлеровцы оккупировали страну, вторглись в Грецию и завершили "балканский поход" через месяц захватом Крита.

В итоге борьбы на Балканах Германия улучшила свои позиции в Юго-Восточной Европе и восточной части Средиземного моря, обеспечила южный фланг будущего стратегического фронта против СССР, обезопасила для себя румынские нефтяные источники от ударов английской авиации. Греция и Югославия попали под гнет оккупации. Но борьба не прекратилась. Последние выстрелы вооруженных сил на Балканах совпали с первыми выстрелами национально-освободительной войны, которая развернулась сразу же после окончания военных действий. Мужественный поступок Манолиса Глезоса, сорвавшего 30 мая 1941 г. с Акрополя фашистский флаг, вызвал приказ командующего 12-й германской армией Листа: "...За то, что в ночь с 30 на 31 мая немецкий военный флаг, развевавшийся над Акрополем, был сорван неизвестными лицами, виновные в совершении этого акта, а также их сообщники подлежат смертной казни"⁴²². Это был первый приказ, положивший начало репрессиям и бесчинствам, которые творили в последующие годы оккупанты на Балканах.

Коммунистическая партия Югославии сразу же после капитуляции буржуазно-помещичьего правительства возглавила борьбу югославских патриотов против захватчиков. Выступление югославского и греческого народов вскоре стало одним из важных факторов антигитлеровского Сопротивления в Европе.

Югославская и греческая армии безусловно внесли в апреле 1941 г. определенный вклад в борьбу против фашизма. Но Балканы оказались под пятой третьего рейха.

Быстрота германского наступления на Балканах в значительной степени определялась отсутствием общности в действиях английского, греческого и югославского командования, которое не смогло создать единого фронта. Войска трех государств сражались разрозненно. Ответственность за это падает в значительной мере на английское руководство, которое послало в Грецию недостаточно сил, а главное - в ходе боев поторопилось с отводом войск, обнажив важный участок фронта и не согласовав своих действий с греками. Но сопротивление югославской и греческой армий внесло существенную поправку в стратегические планы фашистского руководства: Гитлер вынужден был перенести на 5 недель срок нападения на Советский Союз.

Главный просчет фашистской разведки

I

Когда Гитлеру и его ближайшим военным советникам в редких случаях осмеливались говорить, что СССР - серьезный противник, они просто отказывались обсуждать подобную тему.

В покоренной Европе, казалось, все трепещет перед рейхом, Англия накануне поражения, бывшие нейтралы выражали чувства преклонения и покорности, внутри страны пропаганда доводила миллионы людей до истерического фанатизма. Могла ли существовать в таких условиях какая-нибудь держава, способная устоять под ударом германского меча?

Судя по высказываниям Гитлера и некоторых высших генералов, они по крайней мере с 1939 г. свыклись с мыслью, что рейх в состоянии быстро победить Советский Союз.

Выступая перед руководителями вермахта 23 ноября 1939 г., Гитлер не преминул, между прочим, сказать: Россия в настоящее время опасности не представляет, а ее вооруженные силы имеют низкую боеспособность⁴²³. Еще раньше, в апреле, он уверял венгерского премьер-министра Телеки: "Россия практически не в состоянии вести войну". Как свидетельствует А. Хилльгрубер, из беседы Гальдера с начальником оперативного отдела штаба сухопутных сил Грейфенбергом 3 июля 1940 г. стало очевидно: начальник штаба "в случае войны на Востоке не видит в Советском Союзе крупного противника, к которому нужно относиться серьезно"⁴²⁴. Гитлер говорил: "Через три недели мы будем в Петербурге"⁴²⁵. В другой раз он заявил болгарскому посланнику в Берлине Драганову: "Советская Армия - это не более чем шутка"⁴²⁶.

10 августа во время беседы в узком кругу Гитлер сообщил о "подробном докладе Гудериана", в котором генерал изложил свои впечатления о "встречах с Красной Армией" в сентябре - октябре 1939 г. в Брест-Литовске и других местах: "Вооружение, особенно танковое, старое"⁴²⁷. Любопытно, что в своих послевоенных мемуарах Гудериан деликатно умалчивает о такой своей информации. Гитлер делал вывод: "Если этот колосс правильно и решительно атаковать, то он будет разбит быстрее, чем может предполагать весь мир"⁴²⁸.

Аналогичные мысли в разное время и в различной связи высказывали перед нападением на Советский Союз Кейтель, Йодль, Паулюс, Гальдер. Последний говорил начальнику венгерского генерального штаба: "Советская Россия все равно, что оконное стекло: нужно только раз ударить кулаком, и все разлетится в куски"⁴²⁹.

Откуда это высокомерие, безапелляционная уверенность в быстрой победе над великим социалистическим государством, это соревнование в пренебрежительных оценках Советского Союза?

Подобные суждения исходили, безусловно, из неспособности понять силу принципиально новой общественной системы - социалистического строя. Но они - и в другом. Старые, традиционные, идущие из прошлых столетий и удивительно стойкие представления немецких буржуа, мещан и военных о "вековой отсталости России и ее технической неспособности", непонимание сущности революционных преобразований в Советском Союзе за двадцатилетие перед второй мировой войной, недооценка экономического, военного, культурного развития страны - все это переключалось в генеральные штабы, к военному командованию, в разведку третьего рейха.

Безусловно, гитлеровский вермахт представлял собой величайшую угрозу советскому народу и другим миролюбивым народам. Он располагал теперь обширным опытом войны на Западе, его личный состав, искушенный в ведении агрессивных войн, был одурманен ядом шовинизма и расизма. Военная машина Германии имела в своем распоряжении экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы, арсеналы оккупированных стран, запасы их стратегического сырья, их металлургические и военные заводы. Германский империализм возложил на свой военный аппарат задачу завоевания Советского Союза самыми варварскими, бесчеловечными средствами. Но безгранично уверовав в свою непобедимость, фашизм как бы предопределил тот путь к катастрофе, который ждал его впереди.

II

Германская разведка в период подготовки агрессии против Советского Союза стремилась развернуть деятельность необычайно широкого масштаба. Весь богатый опыт фашистских империалистических разведок, все организации секретной службы рейха, все контакты международной антисоветской реакции, наконец, все известные шпионские центры союзников и сателлитов направлялись теперь на Советский Союз. Бросая сейчас общий взгляд на работу гитлеровской разведки перед "восточным походом", нельзя не видеть, что шло интенсивное наступление против Советского Союза на фронте тайной войны, начавшееся задолго до июня 1941 г.

Но справедливо и другое; составленное априори мнение о "слабости Советского Союза" наложило печать предвзятости на выводы разведчиков нацистского рейха.

Сразу же после прихода нацистов к власти, еще до общей реорганизации вооруженных сил, военное руководство приступило к созданию широкого, разветвленного разведывательного аппарата против Советского Союза. Он охватывал самые различные инстанции и организации от ведомства Канариса и атташе при посольстве в Москве до "гражданских разведывательных органов", подобно "Восточному исследовательскому институту" при университете Кенигсберга и разведывательных отделов крупнейших монополий и банков. "Отдел иностранных армий Востока" генерального штаба сухопутных сил концентрировал идущие из всех источников материалы и периодически составлял "обзоры", в которых особое внимание обращалось на политическое положение в Советском Союзе, развитие экономики, вооружение, численный состав Красной Армии, моральное состояние войск, качество командного состава, характер боевой подготовки и т. д.

Разведку против СССР гитлеровская Германия старалась вести всегда и повсюду. Однако ее интенсивность резко возросла с осени 1939 г., и особенно после победы над Францией. Общие задачи военной разведки заключались в том, чтобы уточнить имеющиеся данные о Красной Армии, экономике, мобилизационных возможностях, политическом положении Советского Союза, о настроениях населения и добыть новые сведения; изучить театры военных действий, подготовить разведывательно-диверсионные мероприятия для первых операций, обеспечить скрытную подготовку вторжения, одновременно дезинформируя об истинных намерениях третьего рейха.

Ведомство Канариса (абвер) включило все рычаги.

Непосредственным центром сбора и предварительной обработки всех разведывательных данных, касающихся Советского Союза, являлся так называемый отдел "Абвер 1", возглавляемый полковником Пиккенброком. Сюда поступали данные разведки, ведущейся управлением имперской безопасности, СС, министерством иностранных дел, аппаратом фашистской партии и из других источников, а также от войсковой, морской, авиационной разведок. После предварительной обработки "Абвер 1" представлял все данные военного характера в главные штабы видов вооруженных сил, но прежде всего - опять-таки в отдел иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных сил. Здесь осуществлялись окончательная обработка и обобщение сведений и составлялись новые заявки на разведку. Кроме того, функционировали отделы: "Абвер 2" (полковник Лахузен), занимавшийся диверсиями и саботажем, и "Абвер 3" (полковник Бентивеньи) - отдел контрразведки. Их усилиями были созданы крупные периферийные центры разведки "Абверштелле": "Кенигсберг", "Краков", "Бреслау", "Варшава", "Вена", "Данциг", "Познань", - получившие задание максимально активизировать деятельность против СССР прежде всего путем засылки агентуры. Аналогичный приказ получили все разведывательные органы групп армий и армий⁴³⁰.

Гитлеровская разведка использовала немецкую агентуру, засылаемую на территорию СССР, документы бывшей польской, эстонской, литовской и латвийской разведок, сведения дипломатической службы, воздушную разведку и т. д. При засылке агентов через границу руководители абвера сразу же столкнулись с большими трудностями. Обнаружилось, что советская граница прекрасно укреплена. "Советские посты на границе, - пишет Рейле, - отклоняли любые контакты с немецкими солдатами... Позади было эвакуировано во всех местах население из пограничных деревень"⁴³¹. Хорошо организованная советская пограничная служба не оставляла сомнений в сложности предстоящей работы германской разведки. Кроме того, требовалась массовая агентура. На кого же делалась ставка? Гитлеровская разведка сначала стала привлекать белоэмигрантское отребье, осевшее в Берлине после Октябрьской революции. Однако устаревшие данные этой сомнительной агентуры представляли собой главным образом "дезинформирующий материал, фальшивые сведения, что способствовало только внесению путаницы"⁴³².

Более серьезными помощниками абвер считал украинских буржуазных националистов⁴³³. Канарис перед войной установил связь с их "вождем" Коновальцем, а затем с Мельником, занимавшим официальную должность управляющего имениями митрополита Шептицкого во Львове и принявшим после смерти Коновальца функции "вождя". Как только фашистские войска вступили в Польшу, вновь созданный разведывательный центр в Кракове наладил контакт еще с одним лидером украинских националистов - Степаном Бандерой. При помощи этих предателей украинского народа гитлеровская разведка стала усиленно собирать их немногочисленных последователей.

Кроме бывших белогвардейцев и украинских буржуазных националистов отдел контрразведки привлекал к агентурной работе против Советского Союза самые различные эмигрантские группы, в частности из прибалтийских республик, которые стекались из всей Европы под крылышко гитлеровского рейха. Абверу помогала японская разведка, принявшая на себя, особенно после заключения советско-германского договора о ненападении, часть финансирования организации Мельника и непосредственные контакты с ней. На вилле японского посольства под Берлином секретно печаталась антисоветская пропагандистская литература.

Но костяк фашистской разведки составляли, конечно, профессионалы абвера, под руководством которых велась вся подготовка агентуры, поставленная с размахом, проводимая в специально созданных 60 школах - "учебных центрах". Один из них находился в малоизвестном отдаленном городке Химзее, другой - в Тегеле, под Берлином, третий - в Квинцее, близ Бранденбурга. Будущие диверсанты усиленно обучались здесь различным тонкостям своего ремесла.

В лаборатории Тегель учили главным образом подрывному делу и способам поджогов на "восточных территориях". В качестве инструкторов трудились не только маститые разведчики, но и специалисты-химики. На полках стояли термосы, консервные банки, канистры для масла, чемоданы - все с двойным дном для переноски взрывчатых веществ. Подготовка шпионов находилась под неусыпным контролем самых высоких государственных органов. В ноябре 1939 г. лабораторию посетил Гиммлер. Оказалось, рейхсфюрер СС захотел внести некоторые "усовершенствования": предложил изготавливать отравленное вино и мины для уничтожения самолетов.

В идиллической местности Квинцее располагался хорошо скрытый среди лесов и озер учебный центр Квенцгут, где с большой основательностью готовили террористов-диверсантов "широкого профиля" для войны против СССР. Здесь стояли макеты мостов, пролегли участки железнодорожного полотна, а несколько поодаль на собственном аэродроме - учебные самолеты. Обучение максимально приближалось к "реальным" условиям. "Учебное поле в Квинцее отвечало требованиям новейшей секретной службы, обучения агентов технике и тактике саботажа"⁴³⁴. Перед нападением на Советский Союз Канарис ввел порядок: через обучение в лагере Квенцгут должен пройти каждый офицер разведки, чтобы довести свое мастерство до совершенства.

О том, насколько большое значение германский генеральный штаб придавал разведке против Советского Союза, принявшей столь широкие масштабы, свидетельствует факт создания в мае 1941 г. особого штаба руководства разведывательной и диверсионной работой против СССР. "Штаб Валли" во главе с опытным диверсантом и разведчиком Шмальшлегером расположился близ Варшавы и стал центром всей антисоветской шпионской деятельности.

Фашистское командование старалось заслать на территорию СССР большое число диверсионно-разведывательных групп и одиночных диверсантов, получавших задания с началом военных действий разрушать линии связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск, уничтожать военные и промышленные объекты, захватывать в тылу Красной Армии мосты, переправы, дефиле и удерживать их до подхода передовых частей вермахта. Росла интенсивность воздушной разведки: с октября 1939 г. до 22 июня 1941 г. немецкие самолеты более 600 раз вторгались в

советское воздушное пространство. Самолеты гражданской авиации, летавшие по трассе Берлин - Москва на основании соглашений между Аэрофлотом и Люфтганзой, часто "сбивались с курса" и оказывались над военными объектами Советского Союза.

Вдоль границы абвер развернул широкую сеть технических средств разведки.

В капитальном и с научной точки зрения весьма важном труде "Пограничные войска СССР. 1939 - июнь 1941" собраны ценные материалы, в частности характеризующие нарастание активности фашистской разведки на западных рубежах Советского Союза и те активные контрмеры, которые предпринимало командование пограничных войск. "В этих условиях западная граница для советских пограничников была постоянно действующим фронтом"⁴³⁵, - пишут авторы в предисловии к труду, приводя затем многочисленные документы об активности гитлеровской разведки и мужестве советских пограничников в охране границ.

Чем активнее велась подготовка нападения на СССР, тем энергичнее Канарис старался включить в разведывательную деятельность союзников. Он дал указание центрам абвера в странах Юго-Восточной Европы усилить работу против СССР.

С разведкой хортистской Венгрии абвер издавна поддерживал довольно тесные контакты. "Результаты работы глубоко выдвинутой на Балканы венгерской разведывательной службы, - пишет Леверкюн, - составляли очень ценное дополнение разведывательной службе абвера"⁴³⁶. В Будапеште постоянно находился офицер связи гитлеровской разведки, который осуществлял обмен данными.

Столь же тесными были контакты с румынской сигуранцей. С согласия шефа румынской разведки Моруцова и при помощи нефтяных фирм, находившихся в зависимости от немецкого капитала, на территорию Румынии, главным образом в нефтяные районы, прибыла немецкая агентура. Разведчики маскировались под "горных мастеров", а солдаты диверсионного полка "Бранденбург" - под "охранников". Абвер обосновался в нефтяном сердце Румынии и отсюда, совместно с сигуранцей, стал раскидывать свои сети дальше на восток.

В январе 1940 г. Канарис начал создавать активный центр в Софии. Болгарию гитлеровцы также хотели превратить в один из опорных пунктов нацистской разведывательной сети. Эмиссары Канариса активно действовали и в Финляндии. Они вербовали буржуазных националистов, бежавших из прибалтийских государств. Для превращения их в разведчиков с согласия финского правительства на полуострове Секо в 40 км западнее Хельсинки абвер создал шпионский учебный центр.

Сотрудничество с японской разведкой имело старые и глубокие корни. Перед второй мировой войной Канарис заключил соглашение с Осима, будущим главой японских разведчиков, а тогда военным атташе в Берлине и фактическим начальником японской разведывательной службы в Европе. Японцы имели развитую сеть политической и военной разведки, простиравшуюся от Лиссабона до Анкары, с секретным центром в германской столице. Здесь японская миссия была заполнена многочисленными офицерами агентурной службы, прилежно изучавшими нацистские методы и разведывательные данные. По определению Леверкюна, в сотрудничестве двух разведок против СССР "немцы были дающей, а японцы берущей стороной"⁴³⁷.

Подготовка фронтовой разведки для "восточного похода" проводилась в Вене. Весной 1941 г. здесь были сосредоточены разведчики, имевшие опыт действий на западе, севере и юго-востоке Европы. Из них в течение нескольких недель формировались по приказу ОКВ новые фронтовые разведывательные отряды, которые в начале июня отдел иностранных армий абвера прикомандировал к трем группам армий, наступающим на Советский Союз. 21 июня штабы армий направили эти отряды в танковые дивизии, с которыми они начали поход⁴³⁸.

Но сумела ли эта широко раскинутая опытнейшая фашистская разведывательная сеть выполнить возложенные на нее задачи?

III

В германских военных кругах с середины 30-х годов имелись две оценки военных возможностей Советского Союза. Большинство высших офицеров, непосредственно примыкавших к фашистскому политическому руководству, поддавалось влиянию его "авторитета" и прежде всего безапелляционным суждениям Гитлера. Эти офицеры, вслед за фюрером, склонялись к преуменьшению советской военной мощи. Маннергейм в мемуарах пишет, что для Гитлера, как следует из его заявления, сделанного в 1942 г., вооружение русских оказалось "величайшей неожиданностью"⁴³⁹. Когда генерал Гудериан перед войной сообщил однажды о наличии в Советском Союзе большого числа танков, его осмеяли и назвали паникером⁴⁴⁰.

Другая группа офицеров, чей авторитет в политических кругах рейха был весьма незначительным, но которая по разным причинам знала возможности Советского Союза лучше первой, предостерегала высшее руководство от недооценки будущего противника и от поспешных ни подов. Посол в Москве Шуленбург, военный атташе Кестринг, некоторые сотрудники посольства, генерал Гаммерштейн считали войну в России трудным и опасным предприятием. Но они тоже активно работали на эту войну. Борьба между пониманием глубокой ошибочности действий фашистского режима и боязнью утратить привилегии почти всегда заканчивалась в пользу второго. Немногочисленные трезвые голоса тонули в хоре браваурного оптимизма фашистских лидеров, считавших, что непрерывные победы не только подняли их на гребень волны истории, но и позволили диктовать ее ход.

Все оценки деятельности фашистской разведки против Советского Союза, даваемые как участниками тех событий, так и различными авторами, будь то во время войны или много позже, сходятся в одном: ее результаты оказались в общем и целом неудовлетворительными.

Гитлеровский абвер в предвоенные годы не смог создать разведывательную сеть внутри СССР. По заключению западногерманского исследователя О. Рейле, абвер накануне войны "оказался не в состоянии покрыть Советский Союз хорошо действующей разведывательной сетью из удачно расположенных секретных опорных пунктов в других странах - в Турции, Афганистане, Японии или Финляндии"⁴⁴¹. Империалистическая разведка не сумела найти нужную для себя социальную базу в Советском государстве. П. Леверкюн пишет: "Как трудно было вести разведку в России, можно видеть при просмотре материалов польской разведки, попавших в руки немцев в период польского похода. Хотя у Польши имелось значительно большее пограничное соприкосновение с Советским Союзом, сведения, которыми она располагала, были ненамного обширнее, чем те, которые имелись у немцев"⁴⁴².

Оказалось, что методы разведки, давшие крупный стратегический эффект против капиталистических государств, малопригодны против социалистического государства. Начальник отдела иностранных армий Востока Кинцель 4 июля 1940 г. докладывал Гальдеру о состоянии Красной Армии: по заключению Хилльгрубера, информация о ее силах и группировке "была чрезвычайно скудной"⁴⁴³. Карелль пишет: "Как обстояло с немецким шпионажем против России? Что знало немецкое руководство от секретной службы? Ответ в двух словах: очень мало!.. Она ничего не знала о военных тайнах русских... Мы насчитывали перед началом войны в Красной Армии 200 дивизий. Через 6 недель после начала войны мы вынуждены были установить, что их было 360"⁴⁴⁴. Военный атташе в Москве Кестринг незадолго до начала вторжения в СССР в кругу видных фашистских генералов говорил: "Какова сила Красной Армии, я не знаю, но предупреждаю, не недооценивайте ее"⁴⁴⁵. Кейтель 17 июня 1945 г. на допросе сказал: "До войны мы имели очень скудные сведения о Советском Союзе и Красной Армии, получаемые от нашего военного атташе. В ходе войны данные нашей агентуры касались только тактической зоны. Мы ни разу не получили данных, которые оказали бы серьезное воздействие на развитие военных операций..."⁴⁴⁶

Гёрлиц в этой связи пишет: "Германская разведка неправильно оценивала силы Советского Союза... Полное неведение отмечалось со стороны Германии и в вопросе о

производственной мощности русской индустрии..."

Бывший сотрудник оперативного отдела генштаба сухопутных сил Фейерабенд признал после войны: "Германская разведка почти не заметила происходившее в это время перевооружение Красной Армии. Я считал еще кавалерийскими бригадами такие соединения, которые в действительности были оснащены танками"⁴⁴⁷. Абвер не сумел компетентно определить размеры военно-промышленного потенциала Советского Союза, в огромной степени недооценив значение новых промышленных центров, созданных в Сибири и на Урале.

Вместе с тем немецко-фашистская разведка оказалась не в состоянии учесть такие первостепенной важности моменты, как значение руководящей роли Коммунистической партии, морально-политическое единство советского народа, дружба народов СССР. Да, гитлеровские офицеры и генералы "знакомились с Россией" по справочникам, произведениям Достоевского, изучали записки посла Наполеона в Петербурге Коленкура и описания похода самого Наполеона в 1812 г. Но, само собой разумеется, это им ни в малейшей степени не помогло понять существо великих преобразований, принесенных Октябрьской революцией стране, которую они хотели завоевать.

В основе первого варианта плана войны против СССР, составленного в начале августа 1940 г., лежала следующая оценка Красной Армии (по данным на конец июня 1940 г.): "Россия имеет всего 151 пехотную дивизию, 32 кавалерийские дивизии, 38 мотомехбригад. До весны это число не может существенно увеличиться"⁴⁴⁸. Из общих сил Красной Армии, против Германии, по мнению гитлеровских специалистов, следовало ожидать развертывания 96 пехотных, 23 кавалерийских дивизий, 28 мотомехбригад⁴⁴⁹.

Как же будет действовать Красная Армия, когда вермахт вторгнется в Советский Союз? Предполагалось, что ее главные силы сосредоточатся на флангах, в Прибалтике и на Украине, причем основная группировка окажется на севере. Красная Армия умышленно отступит от Двины и Днепра, но одновременно вторгнется в Румынию для захвата нефтяных районов или нанесет по ним авиационные удары⁴⁵⁰. Так гитлеровская разведка оценивала намерения Красной Армии летом 1940 г.

На штабных играх в ОКХ, которыми руководил Паулюс (ноябрь - декабрь 1940 г.), использовались несколько иные оценки Красной Армии, которые затем легли в основу плана "Барбаросса". О них мы узнаем из личных бумаг Паулюса, опубликованных в ФРГ. 451

По заключению Паулюса, "силы России представляли собой большую неизвестную величину"⁴⁵².

В его бумагах имеется подробный расчет соотношения сил, принятый как для игры, так и для стратегического планирования. Согласно этому расчету, против Германии Красная Армия будет иметь 125 стрелковых дивизий, 50 танковых и мотомехбригад. "Особое превосходство немцев в вооружении" считалось бесспорным по артиллерии, включая средства артиллерийского наблюдения, по танкам, средствам связи. Особенно подчеркивалось, что вермахт будет иметь "решающее превосходство в авиации"⁴⁵³.

Паулюс считал, что в Советском Союзе "большие людские резервы из-за недостатка в командных кадрах и материального снабжения не смогут быть полностью использованы". Наличие военной промышленности на Урале хотя и было известно, но ее производственная мощность оставалась загадкой.

В документах имеется расчет вероятного прибытия резервов Красной Армии в ходе войны: до третьего месяца от начала военных действий ожидалась переброска на фронт советским командованием 30-40 дивизий, частью вновь сформированных, частью переброшенных с других границ; до шестого месяца от начала войны считалось вероятным появление на фронте за счет новых формирований еще 100 дивизий⁴⁵⁴.

Так как военные действия Паулюс предполагал закончить не через 6, а через 3 месяца после их начала, то в своих расчетах генеральный штаб сухопутных сил исходил из того, что дополнительно подойдут не 140 советских дивизий, а значительно меньше.

Теперь следует остановиться на содержании документа, чрезвычайно важного для понимания официальной оценки, даваемой германской разведкой военным возможностям Советского Союза. Этот секретный документ под названием "Вооруженные силы военного времени Союза Советских Социалистических Республик (СССР) по состоянию на 1 января 1941 г." был издан главным командованием сухопутных сил 15 января 1941 г. в 2 тыс. экземплярах и разослан во все командные и штабные инстанции вермахта. Документ необходимо рассматривать как официальную оценку гитлеровским командованием советского военного потенциала, положенную в основу германских стратегических расчетов.

Силы Красной Армии определялись в 150 стрелковых дивизий, 32-36 кавалерийских дивизий, 6 мотомехкорпусов и 36 мотомехбригад⁴⁵⁵. Численность армии мирного времени - в 2 млн. человек. В случае войны, по мнению ОКХ, Советский Союз мог в принципе отмотилизовать 11-12 млн. человек, однако нехватка командных кадров и техники не позволит ему сделать это. Реальной считалась мобилизация 6,2 млн. человек⁴⁵⁶.

Какое же число дивизий, по немецкой оценке, мог выставить Советский Союз в ходе войны при всеобщей мобилизации?

"При развитии войны и проведении общей мобилизации, - читаем в документе, - число дивизий может быть значительно увеличено. На основе различных источников, которые по своей надежности примерно одинаково достоверны, можно определить следующее наибольшее число выставляемых дивизий:

107 пехотных дивизий 1-й волны

77 пехотных дивизий 2-й волны

25 пехотных дивизий 3-й волны

Всего: 209 пехотных дивизий и по меньшей мере 36 мотомехбригад" ⁴⁵⁷.

Итак, запомним эту цифру: Советский Союз в состоянии выставить при всеобщей мобилизации 209 дивизий, иными словами, прибавить к уже существующим 59 дивизий... В действительности только летом 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии направила на фронт более 324 дивизий⁴⁵⁸.

В документе далее читаем:

"Число танковых полков войсковых частей неизвестно". Сила артиллерии резерва главного командования - 40 артиллерийских полков. "Неизвестно число тяжелых батарей". В авиации насчитывалось 4 тыс. самолетов (только в европейской части СССР).

Особый раздел посвящался характеристике советского вооружения. Авторы документа приходили к следующему выводу: "Успехи русской военной промышленности, без сомнения, значительны. В какой мере, однако, качество оружия можно считать хорошим, трудно сказать"⁴⁵⁹.

Изучая приводимые далее характеристики отдельных видов советского оружия, нельзя не заметить, что нацисты не обладали на этот счет серьезными сведениями. Данные о новом вооружении были почерпнуты ими главным образом из прессы, немногочисленных докладов агентуры, а также из наблюдений парадов на Красной площади, о чем говорили приложенные к тексту документа фотоснимки. Даже в определении калибров советской артиллерии имелись существенные неточности. Так, 82-мм миномет ошибочно назван 84-мм; 50-мм - соответственно 52, а 76-мм пушка - 76,2-мм⁴⁶⁰. Что касается советских танков, то, при хорошей осведомленности о старых моделях, снимки которых во время парадов также были помещены в тексте документа, полностью отсутствовали сведения о новых советских танках Т-34 и КВ, появление которых на поле боя в 1941 г. стало, как известно, полной неожиданностью для гитлеровской армии.

Заключительный раздел обзора посвящался предполагаемым методам ведения Красной Армией операций против германского вермахта. "О советских оперативных намерениях, - приходили к выводу гитлеровские разведчики, - не имеется представления. Маловероятно, что Красная Армия оставит без борьбы вновь приобретенные жизненно необходимые области и отойдет на тыловую линию, чтобы там занять оборону. Для методов советского руководства более характерно стремление развернуться главными силами Красной Армии

...с основной группировкой севернее или южнее Припятской области с тем, чтобы наступлением, по возможности против фланга главной группировки противника, остановить вторжение"461.

Переходя к оценке советского командования, германский генеральный штаб считал, что начатая "широкая перестройка армии" даст положительные результаты. "Все эти мероприятия должны постепенно внести улучшение общего порядка во всех областях в ряды Красной Армии. Однако в России этот успех новых методов будет виден не по прошествии нескольких лет, а может быть через несколько десятилетий"462. Всесторонне недооценивая советский командный состав, генеральный штаб считал, что военачальники всех степеней "в течение довольно длительного времени не будут способны руководить маневренными действиями современных крупных соединений. Едва ли они будут способны проводить крупные наступательные операции"463. Что касается войск, то ни у кого не вызывало сомнений, что если они получают хорошее оружие, то "будут сражаться храбро". Но у них "нет достаточного умения в современном искусстве атаки, в частности во взаимодействии родов войск... В обороне, особенно длительной, Красная Армия сможет достигнуть хороших успехов. Способность даже при поражении и под сильным натиском противника стойко держаться особенно свойственна русскому характеру"464.

29 января 1941 г. отдел иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных сил представил ОКВ еще один расчет сил Красной Армии. В европейской части СССР ожидалось развертывание 121 стрелковой и 25 кавалерийских дивизий, 31 моторизованной и механизированной бригад. Значительной разницы в оценках по сравнению с августом 1940 г. и декабрем того же года не имелось.

Внесла ли германская разведка какие-нибудь существенные уточнения в свои оценки в период между январем 1941 г., когда был издан этот важный документ, и началом войны?

Дальнейшее уточнение возможностей Красной Армии вплоть до лета 1941 г. не носило принципиального характера. В документах начальника штаба группы армий "Б" о предполагаемой численности советских войск от 8 и 18 июня 1941 г., приводимых в сборнике документов, составленном историком ГДР Э. Морицем, определяется следующая численность советских войск непосредственно перед гитлеровским вторжением:

общая численность Красной Армии - 175 стрелковых, 33,5 кавалерийских, 7 танковых дивизий, 43 мотомехбригады.

Из этих сил находятся в европейской части СССР: 150 стрелковых, 25,5 кавалерийских, 7 танковых дивизий, 38 мотомехбригад.

Непосредственно для боевых действий против вторжения из Германии ожидалось встретить около 120 стрелковых, 22,5 кавалерийских, 5 танковых дивизий, 33 мотомехбригад, 4 парашютных бригад465. Данные о стратегических резервах оставались неясными, а вооружение считалось устаревшим. Общие оценки Красной Армии оставались весьма невысокими. Немецкую армию считали стоящей во всех отношениях выше. Единственное, что германский генеральный штаб безусловно и твердо признавал за советским военным искусством, - разработку методов массированного использования подвижных войск. В заметках ОКХ от 18 февраля 1941 г. читаем о назначении генерала армии Г. К. Жукова на должность начальника Генерального штаба: "Он был первым применившим массированно танковые соединения в боях во Внешней Монголии. На озере Хасан он впервые руководил крупным танковым соединением против японцев"466.

Сопоставляя оценки, дававшиеся германской разведкой Красной Армии в 1940-1941 гг., с действительной численностью и мощностью Советских Вооруженных Сил, нельзя не прийти к заключению о крупном просчете гитлеровских разведывательных органов, ставшем впоследствии одной из причин поражения вермахта. Так, германская разведка преуменьшала: число имеющихся в Красной Армии стрелковых дивизий в 1,3 раза, самолетов в 2,8 раза; она не имела ясных сведений о количестве танков, которыми располагала Красная Армия.

Гитлеровские разведчики не только просчитались в определении численности Красной Армии в целом, в количестве войск в европейской части СССР и вблизи германских границ. Они не смогли определить организационной структуры основных соединений советских войск: не знали, что бронетанковые войска состоят не из мотомехбригад, а из механизированных корпусов, не имели представления об их организации, преувеличили количество кавалерийских дивизий.

Германская разведка смогла дать близкие к достоверным сведения о числе соединений Красной Армии, о дислокации ее войск и штабов, но только на глубину планируемой первой стратегической операции, т. е. до линии рек Западная Двина - Днепр, а не в масштабе всей страны. Гитлеровская разведка оказалась не в состоянии предвидеть характер борьбы, которую будет вести Советский Союз. Она считала, что победа над первым стратегическим эшелонам Красной Армии будет равнозначна победе над Советским Союзом вообще, и думала, что страна полностью прекратит сопротивление, как только немцы дойдут до Москвы. Здесь и будет достигнута окончательная победа.

Германская разведка допустила принципиальную и решающую недооценку советского военного потенциала в целом. Она просчиталась в определении возможности перестройки советского народного хозяйства на военный лад. Она глубоко ошиблась в оценке сил Красной Армии, военного искусства ее полководцев. Она недооценила мобилизационные возможности Советского Союза, темпы мобилизации Красной Армии, преуменьшила способность советского Верховного Командования быстро развернуть стратегические резервы в первых кампаниях войны и перебросить их из внутренних округов на театр военных действий. Германские разведчики считали, что резерв Верховного Главнокомандования Красной Армии составляют лишь 4 дивизии, в действительности же он был намного большим.

Гитлеровская разведка не смогла в общем осуществить свои широко задуманные планы. "Для срыва гитлеровских планов тайной войны решающее значение имели те огромные социалистические преобразования, которые были осуществлены в СССР за предвоенные годы, а также мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по укреплению безопасности нашей Родины. Фашистская разведка не нашла в Советском Союзе социальной опоры для своей подрывной деятельности. Все происки гитлеровской агентуры разбивались о прочное политико-моральное единство советского народа, его беззаветную преданность своей Родине и высокую революционную бдительность"⁴⁶⁷.

С другой стороны, "советские разведчики сумели своевременно добыть многочисленные данные о подготовке германских вооруженных сил к нападению на Советский Союз... - пишет Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Небезынтересно отметить: через 11 дней после принятия Гитлером окончательного плана войны против Советского Союза (18 декабря 1940 г.) этот факт и основные данные решения германского командования стали известны нашим разведывательным органам"⁴⁶⁸.

Чекисты в предвоенные годы обезвредили значительную часть гитлеровской шпионской сети. Они "нанесли ряд ударов по агентуре империалистических разведок внутри СССР, в том числе и по немецко-фашистской агентуре"⁴⁶⁹. Но вместе с тем значительную часть фашистской агентуры, проникшей на территорию СССР, пришлось обезвреживать уже в ходе войны⁴⁷⁰. Следует отметить тот факт, что гитлеровская разведка все же располагала определенными сведениями о советских войсках, аэродромах, укреплениях, расположенных вблизи западной границы.

Несмотря на тщательную подготовку и большой размах тайной войны против СССР, немецко-фашистской разведке не удалось собрать необходимую информацию о военном потенциале Советского Союза. Идеологическая и политическая доктрина фашизма, прусское высокомерие, национализм не могли служить основой для объективной оценки Советского Союза. Германское верховное командование просчиталось в оценке характера и природы социалистического государства. Эти просчеты оказались для гитлеровского рейха роковыми.

"Барбаросса"

I

После того как 31 июля на совещании в своем запрятом в горах баварском дворце Бергхоф Гитлер уже официально заявил нацистской верхушке, что предстоит война с Советским Союзом, всему громоздкому аппарату высшего военного руководства не потребовалось слишком много времени, чтобы повернуться на Восток. Он был готов давно, а события последних недель вполне ясно говорили, в какую сторону теперь проляжет путь агрессии. Под покровом строжайшей тайны генеральный штаб приступил к организационной работе, связанной с подготовкой нового похода.

Чтобы лучше понять характер и результаты этой работы, нужно иметь в виду то психологическое состояние, в котором теперь находилась гитлеровская военная элита. У нее не вызывало сомнения, что во всей человеческой истории никогда не существовало столь могучей, такой идеально организованной и руководимой армии, как "непобедимый вермахт", и что неизбежно, чуть ли не автоматически, становится обреченным любое государство, на которое обрушится "меч фюрера". Не учитывая мании величия, охватившей за малым исключением всех высших генералов, порой прямо-таки невозможно представить себе, как могли эти профессионалы военного ремесла сконструировать стратегические идеи, с которыми на рассвете 22 июня 1941 г. вермахт ринулся в Советский Союз и дальнейшая судьба которых достаточно хорошо известна.

Уже на следующий день после совещания у Гитлера, Гальдер собрал в своем кабинете руководящий состав генерального штаба сухопутных сил и приступил к подробному обсуждению задач, поставленных фюрером.

Генштабисты с рвением взялись за дело. Прежде всего они принялись подробно изучать Россию. Ведь нельзя было, в самом деле, остаться профанами, как случилось в прошлую мировую войну, когда, например, один весьма крупный лидер Антанты, слышавший знатоком России, долгое время считал, что Харьков - это русский генерал.

Все засели за "изучение походов в Россию Карла XII и особенно Наполеона. Особым вниманием пользовались мемуары тогдашнего французского посла в Петербурге Коленкура. В книгах старательно выискивались детали военно-оперативного порядка, характеризующие театр военных действий, особенности снабжения, организации обозов и т. д. Но как-то само собой разумеющимся оказалось полное невнимание к тем политическим, социальным и национальным проблемам опыта прошлого, которые относились к поражению обоих завоевателей.

История оказалась непонятой в главном: в отрицании самой идеи завоевания России. Арман Коленкур 129 лет назад нашел в себе мужество прямо сказать Наполеону: поход на Россию может оказаться гибельным. В известной продолжавшейся семь часов подряд беседе 5 июня 1811 г. он говорил: "Это не будет мимолетной войной. Придет время, когда ваше величество вынужден будет вернуться во Францию, и тогда все выгоды перейдут на сторону противника". Наполеон высказал мысль, что Россия подпишет мир после одного-двух проигранных сражений. Коленкур ответил, что император ошибается: "У русских чувство патриотизма преобладает над всеми другими чувствами, оно крепко сплотит их и доведет до героизма".

Ничто подобное, повторяем, не интересовало сейчас тех, кто старался вникнуть в историю похода Наполеона. Все вращалось вокруг таких понятий, как большие пространства, русская зима, трудности снабжения. Никто из военных, штудировавших историю 1812 года, не мог и подумать, чтобы в результате своих изысканий поднять голос против самоубийственного решения вообще. Они удивительно хорошо продемонстрировали, как бывает опасно брать из истории только то, что хочется, а не воспринимать ее целиком. Позже мы еще увидим, насколько педантично воспроизводили немецкие генштабисты некоторые схемы подготовки вторжения, выработанные в те далекие времена, и как, повторяя эти схемы, дублировали и просчеты, в них заложенные.

Если можно сказать, что когда-либо главная сущность и все особенности стратегического мышления германского генерального штаба находили свое высшее, концентрированное выражение, то речь, безусловно, должна идти о военно-стратегическом плане войны против Советского Союза. Он вобрал в себя весь опыт планирования войны Германией со времен Мольтке и Шлиффена. Не нужны особые военные познания, чтобы увидеть в нем и дух печально известного немецкого плана 1914 г., и уж, конечно, черты всех тех расчетов, которые создавались теми же самыми руками начиная с середины 30-х годов вплоть до варианта "Гельб" - плана нападения на Францию. Выжатая из всего этого некая эссенция пропитала новое творение германского милитаризма.

В основе замысла лежали одни и те же непоколебимые принципы: скрытое развертывание армии, внезапность мощного удара, стремительные прорывы танковых масс, операции на окружение и в результате - "блицкриг", молниеносная победа.

Приступая к планированию "восточного похода", генеральный штаб сухопутных сил исходил из той мысли, что эти принципы плюс опыт вермахта, плюс качество руководства вполне компенсируют трудности нового похода.

Уже на ранней стадии планирования стало обнаруживаться некоторое различие в мнениях, куда наносить главный удар. Речь шла отнюдь не о разногласиях или, тем более, не о какой-нибудь борьбе. Дело сводилось к вежливому сопоставлению генералами из ОКХ своих взглядов с взглядами фюрера и его ближайшего окружения и к выработке компромиссного решения. Генералы из ОКХ склонялись к мнению, что от начала и до конца "восточного похода" необходимо сосредоточить максимальные силы в центре будущего фронта, в московском направлении.

Гитлер настаивал кроме наступления на Смоленск - Москву также и на мощном прямом ударе в украино-кавказском направлении. "Мираж Украины", который с прошлого века всегда стоял перед глазами германских экспансионистов, теперь, казалось, воплощался в реальных формах. Другим направлением, которое интересовало фюрера, было ленинградско-прибалтийское. И здесь имелись свои причины. Овладеть Северо-Западом Советского Союза и выйти на побережье для Гитлера означало сразу же установить господство Германии над всем бассейном Балтийского моря, над Северной Европой, полностью обеспечить свой атлантический фланг. Вместе с тем это значило отрезать Советский Союз от Балтики, установить прямую связь с Финляндией, получить удобный, особенно с точки зрения коммуникаций, плацдарм для наступления с севера во внутренние районы Советского Союза.

Стремление Гитлера к нанесению наиболее мощных ударов не только в центре, но прежде всего против Юга Советского Союза (которое сначала тормозилось ОКХ, но потом, в июле 1941 г., после так называемого поворота на юг, было частично претворено в жизнь) определялось преимущественно соображениями экономического порядка.

В документах начальника управления военного хозяйства и военной промышленности Томаса от 13 февраля 1941 г. мы находим не только детальные подсчеты вероятных "военно-хозяйственных последствий операции на Востоке", но и некое "южное кредо" руководящей инстанции, объединявшей интересы монополий и планы военных. В специальном разделе документа "Значение области южнее устья Дона и Волги" говорится: "Область южнее устья Дона и Волги имеет особое значение как для обороняющегося, так и для наступающего". Далее следует детальный подсчет ее богатств: она поставляет 89% всей нефти и 60% всей марганцевой руды Советского Союза. Документ Томаса подводил итог длительным исследованиям, которые велись и монополиями, и экономической, и военной разведкой и на основании которых Юг Советского Союза сделался в глазах блока монополий, нацистов и военных особо важным объектом агрессии.

Конечная цель наступления определялась так: "Конечной целью операции является выход на рубеж Архангельск - Волга... В случае необходимости оставшаяся у России последняя промышленная область на Урале может быть парализована с помощью авиации".

Обратим внимание: на Урале у Советского Союза - "последняя промышленная область". Последняя! А за Уралом? А в Сибири? А в Средней Азии? А возможности перебазирования в эти районы промышленного потенциала из западных областей? Ничто не принималось во внимание. В том же документе генерала Томаса говорится: "Если удастся в общем и целом уничтожить индустрию Урала, то военная промышленность, оставшаяся в азиатской части, больше не будет иметь никакого значения". После занятия европейской части Советского Союза в его распоряжении, согласно подсчетам штаба Томаса, останется в "азиатской России" лишь 2% промышленности, производящей вооружение, 4% танковой промышленности, 5% промышленности боеприпасов и т. д.

Поскольку выход к Волге означал бы, с этой точки зрения, захват всей советской индустрии, конечный рубеж наступления и определялся Волгой.

Но известно, что еще в годы первой пятилетки в СССР началось комплексное развитие экономики восточных районов страны. Здесь создавался второй угольно-металлургический центр, и к середине 1941 г. сложилась мощная металлургическая база. Росла добыча железной руды, выплавка чугуна, стали, расширялось производство проката черных металлов. Здесь воздвигалась крупная топливно-энергетическая база, производились многие виды машиностроительной продукции, имевшие первостепенное военно-экономическое значение. Иными словами, "на гигантских просторах советского Востока в благоприятных природных условиях быстрыми темпами развивалось многоотраслевое комплексное народное хозяйство. Его удельный вес в производстве важнейших видов товарной продукции занимал примерно от 1/4 до 1/3 всесоюзного производства"⁴⁷¹.

Не сумев учесть этих обстоятельств, нацистская военно-политическая и экономическая стратегия допустила настолько крупный промах, что его можно без преувеличения считать одной из главных причин проигрыша Германией войны.

Итак, Гитлера больше интересовали фланги. "У него была идея занятием Ленинграда устранить политико-моральный центр советской мощи. Но прежде всего он видел своей целью Украину и Кавказ как важнейшие хозяйственные области, т. е. самое главное - завоевание областей, дающих хлеб, руду, уголь и нефть"⁴⁷².

Паулюс пишет: "Базируясь на эти области, Гитлер надеялся воздвигнуть господство в Европе и добиться конечной стабилизации. Он связывал... с этим надежды, что тогда Англия увидит бессмысленность дальнейшего упорства в войне с Германией и будет готова заключить мир".

По мнению Гитлера, генералы сухопутных сил, акцентируя внимание на "чисто военном" решении всех проблем, недооценивали или даже недопонимали "значение экономики". Генералы считали, что наряду с южным направлением необходимо сделать особый акцент на центральном и прежде всего занять Москву. Наличие двух точек зрения и попытка впоследствии примирить их привели в стратегических расчетах и в начальной стадии военных действий к несколько половинчатому решению вопроса о направлении главных усилий.

II

Прежде всех свои предложения о плане войны против Советского Союза представило командование военно-морского флота. 28 июля 1940 г. Редер передал Гитлеру памятную записку под названием "Соображения о России". В ней говорилось: "Военные силы русской армии необходимо считать неизмеримо более слабыми, чем наши, имеющие опыт войны. Захват района до линии Ладожское озеро - Смоленск - Крым в военном отношении возможен, и из этого района будут продиктованы условия мира. Левый фланг, который прорвется через прибалтийские государства, за короткий срок установит контакт с финнами на Ладожском озере. С занятием побережья и Ленинграда сила сопротивления русского флота рухнет сама собой. Если еще потребуются занять Москву, то это будет решено с учетом обстановки и времени года". В конечном счете автор записки приходил к выводу: поход против Советского Союза возможен осенью 1940 г., до вторжения в Англию⁴⁷³.

Эти соображения военно-морского командования - серьезный аргумент против тех военных писателей на Западе, которые нередко высказывают мысль о якобы абсолютно негативном отношении военно-морского командования, в частности Редера, к войне против СССР.

Генеральный штаб сухопутных сил не мог принять столь поспешных суждений. Он готовил гораздо более "основательную" проработку вопроса. Гальдер решил прежде всего продумать независимо один от другого несколько вариантов плана. Потом, сравнив и детально изучив их, создать что-то наиболее приемлемое. Были даны соответствующие задания, и штабные специалисты "блицкрига" сели за работу. Вскоре в ОКХ появился первый вариант плана: удар против Советского Союза намечался в центре фронта, на московском направлении, группой армий в составе 16 танковых и моторизованных и 34 пехотных дивизий при развертывании двух более слабых групп армий на флангах, против Украины и Прибалтики.

Другой вариант, подготовленный начальником штаба 18-й армии, "специалистом по России", генералом Марксом, имел большое значение для дальнейших расчетов по "восточному походу". В основу своих рассуждений генерал положил опыт войны с Польшей, даже не задумываясь, насколько разительно отличается от нее новый противник. Исходя из опыта германо-польской войны, оценки местности и начертания дорожной сети в Советском Союзе, он предложил создать две ударные группы, нацеленные на Киев и Москву⁴⁷⁴. Составитель плана считал, что, вероятно, советское командование выставит главные силы Красной Армии на московском направлении, "чтобы защитить столицу и дать здесь сражение". Поэтому под Москвой "имеется больше всего возможностей нанести решающий удар советским подвижным войскам"⁴⁷⁵. Представленный 5 августа Марксом "Оперативный проект "Ост"" так формулировал "цель похода": "Разбить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в ближайшее время выступать в качестве противника Германии. Для обеспечения рейха от ударов советской авиации Россия должна быть оккупирована до линии: нижнее течение Дона Средняя Волга - Северная Двина"⁴⁷⁶.

Русские не смогут, как в 1812 г., оттягивать решение, продолжал Маркс. "Современные вооруженные силы в 100 дивизий не имеют возможности оставить на произвол судьбы источники своей мощи. Необходимо исходить из того, - писал он, - что русская армия вступит в сражение на оборонительной позиции для защиты Белоруссии и Восточной Украины"⁴⁷⁷. Маркс приходил к безапелляционному утверждению: после первого же удара "русские не смогут больше сосредоточить для единых контрмер свои разделенные на растянутой линии силы и вскоре падут жертвой в поединках с превосходством немецких войск и руководства"⁴⁷⁸.

В результате делался вывод: с лета 1940 г. и до весны 1941 г. численность Красной Армии в западных районах Советского Союза принципиально не изменится. "Ведя бои разрозненными группировками, - вновь подчеркивал автор, - русские будут вскоре вынуждены сложить оружие".

Определяя вероятную продолжительность войны, Маркс считал, что победа над Советским Союзом будет достигнута за девять недель, а в самом неблагоприятном случае - за 17479 (Гитлер на основании доклада ОКВ говорил о пяти месяцах). Типпельскирх считал, что СССР может поставить под ружье резервы в 12 млн. человек. Военный атташе в Москве Кестринг сообщал о 8 - 10 млн.⁴⁸⁰ Маркс полагал, что Советский Союз не сумеет и не успеет мобилизовать их за время "блицкрига".

Никому не приходило и в голову усомниться в решающем воздействии на Красную Армию и на исход войны первого же удара. Различие стратегических проектов сводилось к направлениям главной атаки.

Разработанный в ОКВ подполковником Лоссбергом еще один вариант плана предусматривал, в отличие от проекта Маркса, создание не двух, а трех ударных групп и тесное взаимодействие с финнами при наступлении на Ленинград, захвату которого придавалось большое значение. Мысли Лоссберга повлияли затем на решение Гитлера после

выхода армии в район Смоленска передать часть сил из центра на север для захвата Ленинграда⁴⁸¹.

Генерал Зоденштерн, начальник штаба группы армий "Юг", автор четвертого проекта, предлагал осуществить гигантский двойной охват советских войск северной группой армий (21 танковая и моторизованная, 46 пехотных дивизий) через Смоленск, Даугавпилс и южной группой (9 танковых и моторизованных, 37 пехотных дивизий) через Киев в общем направлении на Москву при сковывающих действиях третьей группой в центре. Разбив в ходе первого наступления части Красной Армии под Минском, Вильнюсом и Киевом, обе фланговые группировки сосредоточат усилия в центре и нанесут удар на советскую столицу.

Все предварительные варианты стратегического плана поступили к генералу Паулюсу, назначенному 3 сентября 1-м обер-квартирмейстером генерального штаба сухопутных сил и одновременно заместителем начальника генерального штаба. Ему предстояло обобщить разные точки зрения и завершить работу.

Здесь уместно сказать о генерале Паулюсе.

Фридрих Паулюс - одна из наиболее выразительных фигур германского фашистского генерального штаба. Судьба этого человека, если рассматривать ее через призму исторических судеб германского милитаризма, характерна. Преданный нацистскому рейху, аристократ, консерватор во всех своих общественных взглядах, он завоевал полное доверие Гитлера, достиг высших рангов и почестей в фашистском рейхе, ибо верно ему служил, и стал фельдмаршалом за полчаса до капитуляции в Сталинграде. Он понял затем преступность системы, которой отдал силы и знания, и смог найти в себе силы, чтобы, правда слишком поздно, возвысить против нее голос. В 1940 г. Паулюс "шел вверх". Обласканный политической и военной верхушкой рейха, он быстро продвигался по службе. В "западном походе" он - начальник штаба 6-й армии. Затем Паулюс получил назначение в генеральный штаб.

Как 1-й обер-квартирмейстер, Паулюс был третьим человеком в верховном командовании сухопутных сил, после главнокомандующего и начальника генерального штаба. Все трое, каждый в своем роде, считались представителями "хорошо подготовленного офицерского корпуса генерального штаба старой школы". Гальдер очень скоро увидел в Паулюсе доверенного сотрудника и всячески поддерживал его.

Новый 1-й обер-квартирмейстер тотчас после вступления в должность был поставлен перед задачей представить в окончательном виде план войны против Советского Союза.

Документы Паулюса, опубликованные в Западной Германии его сыном, позволяют установить некоторые детали планирования "восточного похода". Мы не можем не остановиться на них, хотя они и носят несколько специальный характер.

Свои мысли Паулюс изложил 17 сентября Гальдеру, после чего приступил к обобщению имевшихся вариантов и 29 октября представил в ОКХ записку под названием "Основы русской операции"⁴⁸². Она была использована оперативным отделом для разработки "Директивы по развертыванию "Ост"". Затем штаб сухопутных сил сосредоточил внимание на уточнении вопросов распределения сил и постановке оперативных задач. С этой целью под руководством Паулюса были проведены три штабные игры: 29 ноября, 3 и 7 декабря⁴⁸³. В них участвовали помимо генерального штаба сухопутных сил офицеры, которым предстояло участвовать в "восточном походе" на высоких штабных должностях.

В ходе игр стал очевидным определенный недостаток сил, особенно резервов. Тем не менее генеральный штаб игнорировал это обстоятельство, надеясь компенсировать слабость резервов внезапностью вторжения. "Восточный поход" предстояло выиграть единственным эшелонам войск.

Учения показали, что при успешном развитии операций на театре военных действий, "который расширяется к востоку наподобие воронки", немецкие силы "окажутся недостаточными, если не удастся нанести решающее поражение русским до линии Киев - Минск - Чудское озеро"⁴⁸⁴. При всех обстоятельствах полную победу над Красной Армией следовало одержать западнее Днепра.

Иными словами, намерение разбить главные силы Красной Армии обязательно в западных районах Советского Союза определялось также боязнью его обширных пространств. "По ту сторону линии Днепр - Двина пространство угрожает поглотить каждую операцию, проводимую на широком фронте"⁴⁸⁵. Предстояло одержать решающую победу до этой линии, а затем быстро захватить исходную базу, или, как ее стали называть, "сухопутный мост" - район Смоленска, для наступления на Москву, "чтобы занять ее еще до осенней распутицы"⁴⁸⁶.

Главный удар в штабе сухопутных сил предполагали нанести севернее Припятской области ввиду благоприятных дорожных условий и возможности прямого наступления в центральные районы страны и в Прибалтику. Второй удар последует из Румынии или Южной Польши. Во время совещания Гальдера с командующим резервной армией и начальником вооружений 28 января 1941 г. выяснилось, что резерв личного состава для армии имеет 400 тыс. человек и может покрыть потери похода только до осени 1941 г. Это казалось вполне достаточным, так как именно тогда поход и закончится.

Ведущая роль крупных танковых соединений в операциях на Востоке не вызывала ни у кого сомнений. Но, как и в прошлые годы, единые взгляды на методы управления танковыми группами отсутствовали. Паулюс пишет: "Вопрос был тогда спорным. ОКВ и компетентные командующие танковых войск, односторонне используя опыт второй фазы похода во Францию, подчеркивали необходимость самостоятельности танковых соединений, их использования для самостоятельных операций на большую глубину и отклоняли их подчинение другим армиям. Генеральный штаб сухопутных сил возражал против любых крайностей в решении этого вопроса и считал необходимым "регулировать его от случая к случаю, каждый раз в зависимости от обстановки"⁴⁸⁷.

Документы Паулюса, особенно те из них, которые посвящены последней штабной игре, происходившей в декабре 1940 г., дают и другие важные сведения о главных оперативных расчетах генерального штаба. Из них мы узнаем о так называемой первой цели наступления: "Первая цель - Украина, включая Донбасс, Москва, Ленинград. Главное направление - Москва. Конечная цель - Волга, Архангельск... Следует ожидать, что русские, даже если они захотят использовать свои обширные пространства и первоначально отступят, позднее вынуждены будут остановиться для борьбы за эти районы"⁴⁸⁸.

Задачи сухопутных сил определялись следующим образом: при поддержке авиации любой ценой уничтожить лучшие кадры русской армии, чтобы тем самым "сорвать планомерное и полноценное использование главных русских сил". Успех "очень быстро развить, прежде чем русские смогут развернуть свои оборонительные силы". После прорыва необходимо "всеми средствами разбить русские силы по частям", до того как советскому командованию удастся создать новый фронт.

Если подобное решение не приведет к окончанию войны, продолжал Паулюс, то все же следует предполагать, что тогда Россия ни с точки зрения личного состава, ни материальных средств не будет в состоянии продержаться длительное время, не говоря уже о том, чтобы осуществить поворот событий⁴⁸⁹.

От армии требовалось сосредоточение возможно более крупной, глубоко эшелонированной группировки в направлении Москвы (группа армий "Центр"), причем группы армий "Юг" и "Север" займут Украину и Ленинград и обеспечат фланги группы армий "Центр". В то время как взаимодействие между группами "Центр" и "Север" станет непосредственным и тесным, группа армий "Юг" на первом этапе наступления, до Днепра, окажется несколько изолированной от них Припятской областью.

Первая стратегическая цель наступления (линия Днепр - район между верхним течением Днепра и Двиной - Чудское озеро) определялась задачами разгрома "главных сил Красной Армии", военно-географическими соображениями, необходимостью дать передышку войскам и подготовить новую базу для предстоящей вслед за этим решающей борьбы⁴⁹⁰.

Генеральный штаб сухопутных сил сделал весьма примечательный расчет темпа движения вермахта к победе: на восьмые сутки войны (по терминологии германского генштаба "икс плюс 8") Восточная армия достигнет районов между Днестром и Бугом, Могилева-Подольского, Львова, Барановичей, Каунаса.

На двадцатые сутки войны ("икс плюс 20") "немецкой армии удастся после тяжелых пограничных сражений в Западной Украине, в Белоруссии и в балтийских государствах захватить территорию и достигнуть рубежа: Днепр до района южнее Киева, Мозырь, Рогачев, Орша, Витебск, Великие Луки, южнее Пскова, южнее Пярну и тем самым выйти на линию, которая может стать исходным рубежом для наступления в направлении Москвы"491. Здесь перед последним наступлением требовалась пауза в три недели, чтобы сосредоточить и перегруппировать соединения, дать передышку танковым и моторизованным войскам и прежде всего подготовить новую базу снабжения. Предполагалось, что Красная Армия в пограничных сражениях, особенно в Белоруссии и на Северной Украине, "вследствие своего упорного сопротивления" за восемь дней понесет потери в личном составе и технике до 50%.

Продолжая оценивать положение на двадцатый день войны, генеральный штаб сухопутных сил после ряда дискуссий пришел к выводу, что паузу следует по возможности сократить и продолжить наступление "прежде, чем красные смогут подвести новые силы", ибо "каждый день пойдет на пользу русским оборонительным мероприятиям". Согласились на том, что готовность войск для последнего удара должна быть установлена самое позднее на сороковой день войны. Генеральный штаб заблаговременно разработал и общий план наступления на Москву, которое начнется на сороковой день: "Группа армий "Центр" прорвет русские позиции между районом восточнее Гомеля и северо-западнее Смоленска. Танковые армии вести на внешних флангах прорыва таким образом, чтобы можно было окружить и уничтожить возможно большие силы противника в районе западнее Брянска, Вязьмы, прикрываясь против Москвы по обе стороны Калуги"492. Часть сил "будет направлена через Демидов, Торопец в направлении Ржева для охраны северного фланга и одновременно, чтобы поддержать связь с южным флангом группы армий "Север"".

Командование сухопутных сил считало, что в сражении под Москвой будут разбиты последние резервы Красной Армии, которые советское командование выставит для обороны столицы, и война закончится до наступления осени.

III

Уже вечерело, когда машина, в которой находились Браухич и Гальдер, проехав дождливыми берлинскими улицами, остановилась у рейхсканцелярии. Как всегда, пройдя длинными коридорами, они оказались в приемной. Ровно в 15.00 дверь под барельефом "АГ" распахнулась и появившийся шеф-адъютант Шмундт произнес привычную фразу: "Фюрер просит". Оба прошли в громадную пустоту и полумрак "рабочего кабинета".

Ровно 3 года и 1 месяц назад в этих же стенах принималось решение начать войну за мировое господство, столь счастливо проводимое теперь в жизнь. Полтора года назад, в мае 1939 г., фюрер излагал здесь свои стратегические планы. Как много вдохновляющего связано у генералов с этим местом! Здесь фюрер давал указания о новых походах, вручал награды, отсюда они уходили в полной уверенности, что сделан еще один шаг к величию третьего рейха и их самих.

Сегодня, 5 декабря 1940 г., предстояло обсудить особенно важное решение. В портфелях Браухича и Гальдера находилась, они не сомневались в этом, судьба России на много лет вперед.

Жестом руки фюрер пригласил обоих к широкому из мрамора столу, на котором аккуратно лежали карты.

Гальдер сделал доклад о подготовленном генеральным штабом плане "Отто" плане нападения на Советский Союз.

Весь восточный театр разделяется Припятскими болотами на северную и южную части, заявил он. Наиболее хорошая сеть дорог находится в северной части, на направлении Варшава - Москва. Поэтому северная часть более благоприятна для крупных маневренных действий.

Далее начальник штаба перешел к подробной характеристике расположения советских войск, каким оно ему представлялось.

- Немецкие оперативные замыслы должны заключаться в том, - резюмировал Гальдер, - чтобы выброской вперед сильных танковых клиньев воспрепятствовать созданию Красной Армией сплошного фронта к западу от Днепра и Двины.

Оптимизмом и твердой уверенностью дышала каждая фраза начальника генерального штаба, когда он излагал фюреру, каким образом, по мнению "штабной науки", вермахт победит Советский Союз.

Выслушав Гальдера, Гитлер, как всегда в подобных случаях, произнес длинную речь, в которой развернул свой анализ обстановки и дал указания, как нужно вести войну на Востоке.

Он начал издали, чтобы анализ получился, как в таких случаях говорили его клеветы, "всеохватывающим".

Сначала речь пошла о балканских делах. На Балканах всякое ослабление стран оси может повлечь за собой усиление России. Югославия до сих пор не дала ответа на требование примкнуть к тройственному пакту. Следует выждать и потом оказать давление на Югославию. Наши угрозы Греции, продолжал фюрер, оказались действительными: греки не хотят втягиваться в конфликт с Германией из-за англичан. Можно рассчитывать, что в результате англичане будут задержаны на два-три месяца и не смогут ничего предпринять против румынских нефтяных районов.

Затем фюрер сделал несколько общих замечаний относительно борьбы с Англией. Она не падет вследствие воздействия какого-либо одного средства. Разгрома Англии можно достигнуть лишь в результате многочисленных ударов авиации, подводного флота, в результате блокады ее внешних коммуникаций. Решающим фактором было бы падение Гибралтара - символа величия Британии. Кроме того, Гибралтар следует захватить, чтобы поправить дела итальянцев, поражение которых имеет большое психологическое значение. Из Гибралтара нужно вторгнуться в Марокко для давления на правительство Виши в вопросе его сближения с Италией.

Оба генерала внимательно слушали фюрера, иногда вглядываясь в карты. За длинными, почти во всю стену, окнами опускалась темнота. Под потолком зажглась огромная с хрустальными переливами люстра.

Гитлер перешел к главному.

- Вопрос о гегемонии в Европе решится в борьбе против России, - заявил он. - Цель нашей операции - уничтожить жизненную силу России. Не должно оставаться никаких политических образований, способных к возрождению.

Одобрив план "Отто", Гитлер затем развернул картину молниеносного завоевания Советского Союза и превращения его в главную германскую колонию. Необходимо сосредоточить крупные силы в южной группе армий. Русские войска должны быть разбиты западнее Днепра. "Все, что русские имеют западнее Днепра, должно быть уничтожено!" - заявил фюрер.

Все более воодушевляясь, он теперь поочередно обеими руками наносил рубящие удары по лежащей на столе карте.

- Противник должен быть рассеян ударами сильных фланговых группировок севернее и южнее Припятских болот и окружен в нескольких котлах аналогично операциям в Польше! Прибалтику отрезать! Для этого там достаточно будет иметь лишь слабые дивизии ландвера! - Фюрер с полной убежденностью рисовал перспективу легкой победы.

- Следует ожидать, что если русской армии нанести один удар, она пойдет навстречу еще большему поражению, чем Франция в 1940 г.! Русские уступают нам в вооружении в

той же мере, что и французы! Они располагают небольшим количеством современных полевых артиллерийских батарей. Наш танк Т-III явно превосходит русский танк. Русская армия не имеет настоящих командиров! Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках! У русских все это будет более низкого качества. Если по такой армии нанести мощный удар, ее разгром неминуем! Итак, - закончил фюрер, - необходимо в соответствии с принципиальными положениями плана "Отто" в полном объеме развернуть подготовку к его осуществлению. Предполагаемый срок начала - конец мая.

Что касается операции по высадке в Англии, то она больше не имеется в виду. Отпадает и операция в Ливии.

Как и на большинстве подобных совещаний, обсуждений не последовало. Генералы были довольны, что их проект не вызвал возражений, а фюрер остался довольным полным взаимопониманием с генералами. Он отпустил их после семи вечера.

Гальдер, приехав к себе, немедленно вызвал Хойзингера. Они потом долго, до полуночи, обсуждали предначертания фюрера по заметкам Гальдера, сделанным во время совещания, восстанавливая подробное содержание его речи. Для памяти и для истории.

Тем же вечером Иодль пригласил к себе Варлимонта. "Фюрер твердо решил, сказал он своему первому помощнику, - провести Восточную операцию, ибо армия больше никогда не достигнет такой мощи, как сейчас"⁴⁹³. Отделу "Л" предстояло на основе соображений штаба сухопутных сил, одобренных Гитлером, разработать совместно с другими отделами ОКВ проект директивы верховного главнокомандующего о ведении войны против СССР.

На это ушло еще несколько дней. Автор директивы Варлимонт, ввиду срочного отъезда Иодля в Париж, смог доложить ему проект только 16 декабря. При этом он сообщил о сомнениях сотрудников отдела "Л" по поводу вероятности войны на два фронта. Иодль оставил предупреждение без внимания. 17-го папка с проектом директивы была принесена в рейхсканцелярию. Извлеченный оттуда документ лег на стол фюрера.

Гитлер молча читал текст. Не затягивают ли генералы в своем плане решение балтийской проблемы?

Гитлер приказал Иодлю внести в проект директивы некоторые изменения. Варлимонт объясняет их так: "Если ОКХ считало критерием успеха всего похода направление главного удара на Москву, так как здесь будут разбиты развернутые на этом направлении основные силы противника, то Гитлер потребовал, чтобы центральная группа армий после уничтожения советских войск в Белоруссии сначала повернула бы часть своих сильных подвижных группировок на север, имея в виду по взаимодействию с ...северной группировкой уничтожить войска противника, сражающегося в Прибалтике, и далее, после овладения Ленинградом и Кронштадтом, наступала бы на Москву"⁴⁹⁴.

Смысл поправки Гитлера отражал старые принципиальные установки нацистской партии в отношении завоевания господства на Балтике. "Одним росчерком пера, сокрушается Варлимонт, - основы оперативного похода против России, которые в течение месяцев тщательно изучались генеральным штабом сухопутных сил и разрабатывались во всех направлениях, были заменены новой концепцией"⁴⁹⁵. Варлимонт, конечно, не учитывал, что, возможно, Красная Армия не позволит вермахту легко совершать маневры, как заблагорассудится Гитлеру или кому угодно другому, - "сначала" на Ленинград, "потом" на Москву. Но главное состояло в том, что никакой "новой концепции" Гитлер не давал. Оставалась все та же самая концепция "блицкрига", в рамках которой те или иные варианты и оттенки отнюдь не играли существенной роли.

"Мы должны, - в заключение аудиенции сказал Гитлер Иодлю, - в 1941 году решить все наши европейские континентальные проблемы, чтобы быть в состоянии в 1942 году принять меры против США"⁴⁹⁶.

На следующий день Гитлер утвердил директиву, назвав ее "Барбаросса".

IV

"Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии... Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций. Приготовления, требующие более продолжительного времени, поскольку они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15. 5. 41 г." Эти известные фразы первого раздела директивы No 21 (такой номер достался по делопроизводству военной канцелярии Гитлера плану "Барбаросса") означали приказ о дальнейшем усилении подготовки агрессии против СССР. Теперь весь гигантский, широко разветвленный военный аппарат третьего рейха включался в создание идеальных предпосылок для удара на Востоке.

На совещании 9 января 1941 г. в Бергхофе с Браухичем в присутствии Кейтеля, Йодля и других высших руководителей вермахта Гитлер сделал очередную "оценку общего положения". Он подчеркнул, что всегда придерживался принципа: "Чтобы сделать шаг вперед, надо разбить важнейшие позиции противника. Поэтому теперь необходимо разбить Россию". Прознав, таким образом, еще раз Советский Союз главным противником Германии, Гитлер сказал далее, что после победы над СССР Германия будет продолжать борьбу с Англией в более благоприятных условиях, а Япония "сможет повернуть все силы против США"⁴⁹⁷.

Для разгрома Советского Союза, продолжал он, особенно важен вопрос времени, "Русские вооруженные силы хотя и представляют собой глиняный колосс без головы, но их дальнейшее развитие нельзя точно предвидеть. Так как Россия все равно должна быть разбита, то лучше всего сделать это сейчас, когда русские вооруженные силы не имеют вождей и плохо вооружены и когда русские должны преодолевать большие трудности в своей военной промышленности, развивающейся с чужой помощью".

Он продолжал: "Несмотря на это, русских и сейчас нельзя недооценивать. Поэтому необходимо вести наступление крупнейшими силами. Ни в коем случае не должно происходить фронтального вытеснения русских. Требуются жесточайшие прорывы. Важнейшей задачей должно стать отсечение района Прибалтики, для этого необходимо сделать особенно сильным правый фланг немецкой группировки, наступающей севернее Припятских болот. Расстояния в России, конечно, велики, но не больше тех расстояний, которые уже преодолены вермахтом. Цель операции должна состоять в уничтожении русской армии, захвате важнейших индустриальных районов и в разрушении остальных индустриальных районов, прежде всего находящихся в районе Екатеринбурга; кроме того, нужно занять район Баку"⁴⁹⁸. После победы над Советским Союзом Гитлер предполагал оставить на оккупированной территории не более 40-50 дивизий, уменьшить армию, переключить всю военную промышленность на авиацию и флот и рассредоточить ее. Что касается дальнейшей судьбы России, то "Германия должна над ней господствовать экономически и политически, но не присоединять".

И Гитлер закончил речь словами: "Когда начнется эта операция, мир затаит дыхание".

Именно идея нанести удар по Советскому Союзу "крупнейшими силами" отвечала подготовленная генеральным штабом сухопутных сил и утвержденная 31 января 1941 г. директива по сосредоточению войск. Завершая длительный этап планирования войны, она давала самые детальные указания о ведении операций. "Расколоть фронт главных сил русской армии... быстрыми и глубокими ударами подвижных группировок... уничтожить разобщенные группировки вражеских войск... Только таким образом можно будет воспрепятствовать своевременному отходу сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр - Западная Двина".

Теперь все больше и больше весь высший нацистский военный аппарат охватывал какой-то ажиотаж "блицкрига". Забыты давние советы кумиров германского национализма Бисмарка и Мольтке об осторожности и расчетливости, стерты из истории горькие уроки первой мировой войны. Все находились в чаду самолюбования, абсолютной убежденности,

что никто не сможет устоять перед всесокрушающим "блицем". Начальник генерального штаба - это, по традиционным представлениям старых германских военных, воплощение военной мудрости, представал как один из главных носителей авантюрных планов и доктрин.

Пригласив к себе командующего армией резерва, начальника вооружений и других генералов, Гальдер поучал: надо "разгромить Россию в ходе быстротечной военной кампании... Быстрота! Никаких задержек! Не ожидать железных дорог! Достигать всего, используя мотор!.. Безостановочное проведение операции зависит от снабжения, базирующегося на моторе. Почему необходима безостановочная операция? Мы должны разгромить русскую армию, не позволив ей задержаться на рубеже Днепр - Двина; 500 км - до целей в северной части России и еще 500 км - до других целей: в итоге - 1000 км"⁴⁹⁹.

Оперируя своей бесподобной арифметикой, отмеряя циркулем на картах сотни километров, которые одним махом будут преодолевать "без задержек", как велит фюрер, немецкие дивизии, генеральный штаб строил поражающую по размаху и простоте конструкцию своей стратегии, пока еще не сознавая, что это громоздкое сооружение лишено фундамента.

Кто же возглавит наступающие силы вермахта в грандиозной кампании, которая откроет путь к господству над миром? Конечно, те испытанные фельдмаршалы, мастера "блицкрига", которых нацистская пропаганда окружила ореолом непобедимости и которые в течение двух лет завоевали Европу.

Честь захвата Украины Гитлер решил предоставить Рундштедту, которого он особенно ценил, питая чувства личной симпатии и абсолютного доверия. Фельдмаршал, осыпанный почестями, наградами, пользующийся непререкаемым авторитетом, получивший за "польский поход" высшую награду "Рыцарский крест", а за поход во Францию - высшее воинское звание, с точки зрения Гитлера представлял собой наилучшую кандидатуру, чтобы возглавить группу армий "Юг", которой предстояло своими 63,5 дивизиями, включая 1-ю танковую группу Клейста, ударом на Киев, а затем вдоль Днепра к юго-востоку накинуть огромную петлю на всю Правобережную Украину, занять Донбасс и открыть путь на Кавказ.

Другой "мастер блицкрига", генерал-фельдмаршал фон Бок, командовал группой армий "Центр". На 62-м году жизни он подошел к зениту карьеры. Подчиненные ему войска (51 дивизия) включали таранную мощь 2-й и 3-й танковых групп генералов Гудериана и Гота. Их Бок поставил на фланги, чтобы в первом же сражении концентрическими ударами на Минск осуществить "Канны", т. е. сражение, которое сразу сделает решающий шаг к победе и к быстрому движению ни Москву.

С "Востоком" фон Бока связывали особые воспоминания. В первую мировую войну его еще майором назначили в штаб фельдмаршала Макензена на русском фронте. Он участвовал в Горлицком прорыве и с тех пор считал себя знатоком "Восточного театра". Так думали и другие, и никто в генеральном штабе не сомневался, что группа армий "Центр" выполнит задачу.

Нацистскую военную среду несколько удивило назначение командующим группой "Север" старого генерал-фельдмаршала фон Лееба. И дело заключалось не в том, что ему шел уже 66-й год. Все знали, что Лееб находился в числе тех генералов, которые в свое время подняли голос против наступления на Западе и написали по этому поводу записку Браухичу. После этого Лееба отправили на пенсию. Кроме того, Лееб - авторитет в области обороны, а не "блицкрига". Его даже называли "самым выдающимся специалистом и стратегом обороны в немецкой военной истории". Он работал над созданием "Восточного вала", написал несколько трудов о позиционной войне и оборонительном сражении.

Однако еще перед вторжением в Чехословакию фюрер снова призвал фон Лееба, дал ему командование армией, а во время "западного похода" - группой армий "Ц", задача которой состояла в том, чтобы вести оборону против "линии Мажино". Здесь он мог использовать свои "оборонительные познания", что, правда, не представило никакого труда, так как французы не наступали. Все пришли к выводу, что Лееб действовал хорошо, и после

победы над Францией он в числе 12 других получил фельдмаршальские погоны. Но самое главное заключалось не в этом.

Мало у кого из фельдмаршалов была столь блестящая в смысле консерватизма и активной контрреволюционности биография. Еще в молодые годы он отличился во время подавления "боксерского восстания" в составе "Германского восточно-азиатского корпуса". Служа затем долгое время в баварском генеральном штабе, он находился в числе тех, кто поддерживал нацизм в его мюнхенской колыбели, активно участвуя в борьбе против спартаковского движения и в подавлении Баварской советской республики. Если к этому прибавить, что в первой мировой войне Лееб - тоже участник боев на Востоке, то становится ясно, насколько подходящей оказалась эта фигура для похода на СССР.

С 29 дивизиями, включая 4-ю танковую группу Гепнера, Леебу предстояло захватить Прибалтику и Ленинград.

Широкую подготовку вторжения, включая создание плацдарма и стратегическое развертывание вооруженных сил на Востоке, германское командование начало очень рано, уже летом 1940 г. На территории оккупированной Польши развернулось строительство дорог и мостов, возводились склады, готовились запасы, улучшалась система связи, противовоздушной обороны. Вместе с тем расширялся выпуск военной техники для сухопутных сил. Велась подготовка войск к стремительному наступлению с учетом обширных пространств "Восточного театра".

Вся эта подготовительная работа, ход которой подробно освещен в исследованиях советских авторов, в частности в трудах П. А. Жилина, В. А. Анфилова⁵⁰⁰, должна была создать идеальные условия для развертывания войск и для стремительного удара на Восток. Однако до поры до времени накапливание сил происходило очень медленно, на большом удалении от советских границ.

Мы уже ссылались на свидетельства германских генштабистов о том, как внимательно изучали они опыт похода Наполеона в Россию в 1812 году.

Они не только штудировали, но и в той или иной форме воспроизводили некоторые идеи и схемы. План развертывания армии, выработанный в наполеоновские времена, исходил из мысли оставить Россию как можно дольше в неведении относительно сосредоточения вблизи ее границ огромных сил. Точно тот же замысел главенствовал в немецком генштабе. Французы хотели создать у России впечатление, будто около ее рубежей все время находятся одни и те же слабые войска - это был корпус маршала Даву, стоявший на Эльбе. Сейчас такую роль играла развернутая на очень широком фронте 18-я армия. Тогда развертывание армии проходило под прикрытием этих войск очень медленно, "незаметно", силы накапливались далеко от пограничной зоны. "Великая армия" стягивалась позади корпуса Даву в трех эшелонах, располагаясь в глубину вплоть до Франции, затем перед вторжением ей предстояло быстро сосредоточиться и двинуться вперед.

Буквально то же самое повторяет германский генеральный штаб, только у него не три эшелона, а пять эшелонов, которые перевозились последовательно, начиная с марта 1941 г. Принцип, согласно которому главные силы вторжения в течение максимально возможного времени оставались в местах постоянной дислокации и только незадолго до его начала выходили в приграничные районы, без сомнения, был скопирован из наполеоновских времен.

Штабы Наполеона длительное время не разрешали прибывавшим из Франции войскам переходить линию Одера, чтобы русская разведка не обнаружила новых сил. Германские генштабисты повторяют то же самое, только назначают линию Тарнув, Варшава, Кенигсберг, отстоящую примерно на том же расстоянии от границы.

Наконец, пожалуй, наиболее примечательное: официальная мотивировка агрессии, в которой побочная цель выдавалась за главную ("нанести удар Англии на континенте"), как и план дезинформации Советского Союза (критическое развертывание против СССР представить "в виде величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию"), обнаруживает

поразительное сходство с аналогичными мотивировками и замыслами Наполеона.

В 1812 г. Наполеон пытался скрыть свои намерения демонстрацией активных действий против Англии: развертывал на побережье Ла-Манша фронтом к морю свою 2-ю армию, которая "готовила вторжение"; он создал базы в Булонском и Утрехтском лагерях и другими мерами старался создать впечатление подготовки десанта.

В 1941 г. ОКВ проводит стратегическое развертывание против СССР также под видом вторжения в Англию по плану "Морской лев". Здесь и оцепление побережья Ла-Манша, и ложные передвижения войск и флота, и распускание слухов, и фальшивые дипломатические демарши, и нацеленная дезинформирующая пропаганда, и многое другое.

Этими сопоставлениями мы не хотим сказать ничего сверх того, что они говорят сами за себя. Нацистский генеральный штаб не блистал новизной идей. Планируя варварскую по целям и методам войну, германские генштабисты хотели прикрыться наполеоновскими мотивами, возможно и для того, чтобы сделать внешне "респектабельнее" свои собственные.

Нацистам, несмотря на все ухищрения, не удалось сделать тайной свои замыслы. Из различных источников поступали в Москву весной 1941 г. сведения о подготовке Германии к нападению на СССР. Данные военной разведки свидетельствовали о сосредоточении у советских границ большого количества войск. Факты и оценки, приводимые на этот счет в мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, в содержащем ценные материалы сборнике документов "Пограничные войска СССР. 1939 - июнь 1941", в работах советских историков, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что меры, предпринятые германским генеральным штабом, не дали ожидаемого эффекта⁵⁰¹.

История обладает тем свойством, что позволяет оценивать события, когда уже известны их последствия и конечные результаты. Это намного облегчает дело. Когда мы здесь даем критические оценки планированию нацистской агрессии против СССР, то, конечно, смотрим на вещи с позиций современности, т. е. зная, как был разбит фашизм вместе со всеми его агрессивными расчетами и планами. Их несостоятельность обнаружил именно разгром гитлеровской армии Советским Союзом и другими странами антигитлеровской коалиции.

Но в те времена, когда вермахт еще только готовился к прыжку, никто, конечно, не знал, каким путем пойдет история, хотя у любого здравомыслящего человека не могло быть сомнений, что, если фашизм нападет на СССР, то будет разбит.

У советских границ тогда стояла военная машина чрезвычайной силы. Она вобрала в себя потенциал всей Европы и находилась после двух лет победоносных походов на высшей точке своей мощи. Из 213,5 дивизий, которыми располагала фашистская Германия, против Советского Союза были выставлены 153 дивизии, и том числе 19 танковых и 14 моторизованных, - практически все ударные силы вермахта. В Норвегии оставалось 8 дивизий, в Финляндии - 4, в Западной Европе - 38, на Балканах - 7 1/3, в Африке - 2, а Германии - 1 дивизия. Вместе с сателлитами Германии развернула против СССР 190 дивизий и 4 воздушных флота.

Всего в трех видах вооруженных сил вермахта имелось 7234 тыс. человек (полевая армия 3,8 млн., армия резерва - 1,2 млн., ВВС - 1,68 млн., ВМФ - 404 тыс., соединения СС - 150 тыс.). Учитывая, что 61% состава авиации и некоторая часть флота направлялись на Восточный фронт, следует сделать вывод, что для нападения на СССР германское командование развернуло колоссальную группировку, насчитывавшую более 4,5 млн., а с сателлитами более 5 млн. человек, составлявших кадровую, хорошо вооруженную армию.

14 июня Гитлер, для того чтобы дать последние установки, собрал в рейхсканцелярии "Большое совещание", на котором присутствовали командующие группами армий, армиями, танковыми группами и равные с ними по рангу командиры флота и авиации, главнокомандующие видами вооруженных сил, руководители из ОКВ со своими сотрудниками.

Доклады проходили отдельно, по участкам фронта, в отдельных группах, представители которых, персонально названные, к установленному времени были собраны

Гитлером в зале старой рейхсканцелярии. В 14 часов военная часть совещания прервалась, и все собрались за общим обеденным столом, чтобы выслушать "всеохватывающую политическую речь фюрера", в которой он еще раз "обосновал" решение о войне против Советского Союза, повторяя и повторяя свои, ставшие теперь едиными для всех присутствующих, идеи завоевания великой социалистической державы. Как сообщает Варлимонт, "у собравшихся господствовало уверенное настроение"⁵⁰².

Теперь все завершилось. В войска передан пароль "Дортмунд", означавший вторжение.

В подготовку удара гигантской силы, который обрушился на Советский Союз, немецко-фашистское верховное командование вложило всю военную мощь Германии, созданную за два десятилетия, весь опыт, навыки, все умение тщательно подобранной военной касты.

В предрассветной мгле 22 июня 1941 г. у советских границ стояла в полной готовности самая могущественная армия из всех, которые когда-либо создавал империализм.

Глава четвертая. Тысяча девятьсот сорок первый год

Вторжение

I

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным военным столкновением социализма с ударными силами империализма. Она стала Великой Отечественной войной советского народа за свободу и независимость социалистической Родины. Вступление в борьбу Советского Союза, вызванное агрессией гитлеровской Германии, положило начало принципиально новому этапу второй мировой войны.

В годы войны советский народ, его армия вынесли на своих плечах основную ее тяжесть, сыграли решающую роль в победе над гитлеровской Германией. Гигантское столкновение между социализмом и фашизмом носило особенно острый и необычайно напряженный характер, ибо агрессия Германии против СССР преследовала прежде всего ярко выраженные классовые цели. Победить социалистическое государство фашизм хотел, применяя особо жестокие, бесчеловечные формы ведения войны, попирая все нормы права и морали.

Решающее значение советско-германского фронта в масштабах всей второй мировой войны определялось тем обстоятельством, что здесь находились главные, отборные силы фашистского вермахта, его армии и авиации. На советско-германском фронте Красная Армия нанесла гитлеровским вооруженным силам основные потери, в решающей мере ослабила военную мощь Германии, а затем сыграла главную роль в полном ее разгроме совместно с другими армиями антигитлеровской коалиции. Притягивая на себя и перемалывая в течение четырех лет основную массу гитлеровских войск, Красная Армия тем самым ослабляла немецко-фашистские группировки (окупационные и действующие войска), расположенные в различных районах Европы и в Северной Африке. И вместе с тем она создавала предпосылки, максимально облегчавшие другим странам антигитлеровской коалиции ведение борьбы с фашистским блоком, развертывание в годы войны движения Сопротивления в европейских государствах, захваченных фашизмом. Героическая борьба Красной Армии оказывала колоссальное морально-политическое и психологическое воздействие на друзей и врагов Советского Союза во всем мире, воодушевляя одних на героическую борьбу, вселяя в других все большую неуверенность и отчаяние по мере роста успехов Красной Армии и ее союзников.

Советско-германский фронт с самого начала в решающей степени влиял на всю стратегию фашистской Германии. Именно под воздействием борьбы на Восточном фронте военное руководство третьего рейха было вынуждено менять стратегические концепции, формы вооруженной борьбы, стратегического руководства войной, определять группировки сил, формирование и общую направленность использования стратегических резервов и пополнений, систему перегруппировок между театрами военных действий и т. д.

Советский народ отстоял свою Родину, завоевания Великого Октября. "В гигантском военном столкновении с империализмом и его наиболее чудовищным порождением - фашизмом победил социалистический общественный строй. Источниками силы Советского Союза явились социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство общества, советский патриотизм и дружба народов СССР, сплоченность вокруг партии коммунистов, беспримерный героизм и мужество советских воинов"⁵⁰³. Социализм доказал способность не только вызвать к жизни колоссальные производительные силы, но и создать в недавно отсталой стране могущественный военный потенциал, решить исход мировой схватки, сделать закономерной победу над фашизмом.

С момента нападения на Советский Союз и вплоть до лета 1944 г. Германия вела войну главными силами на одном решающем фронте - советско-германском. Вместе с тем военные действия ограниченными силами велись в Северной Африке, борьба флотов проходила на

морских коммуникациях в Атлантике и Средиземноморье, авиация союзников совершала налеты на Германию и территории ее партнеров.

По оперативной терминологии высшего военного руководства фашистской Германии, в его документах второй мировой войны всякое расположение действующих или оккупационных войск называлось "фронтом". Таким образом, согласно этой терминологии, получалось, что почти с самого начала войны Германия имела несколько фронтов. Заметим, что некоторые западногерманские историки, следуя этой терминологии гитлеровских высших штабов, также пишут о "нескольких фронтах" третьего рейха в период 1939 - 1944 гг. Здесь сразу необходимо внести ясность. Нумерация "фронтов", принятая вермахтом, не соответствует исторически сложившемуся научному понятию о фронтах во второй мировой войне, особенно о "втором фронте". Военные действия в Северной Африке, в Атлантике, несмотря на все их значение в общем плане гитлеровской стратегии, в суммарном балансе военных сил и в масштабах всей второй мировой войны не оказали решающего влияния на исход мировой борьбы, играли подчиненную роль.

Вторая мировая война дала четкое определение понятия "второго фронта", под которым подразумевается не что другое, как только вторжение вооруженных сил Англии и США в Западную Европу, их наступательные действия во Франции, Бельгии, Голландии, Германии. Именно такие действия главных сил государств отвечали понятию "фронта". Только в таком смысле можно говорить о "втором фронте".

Все сказанное отнюдь не означает умаления вклада, усилий, жертв многих народов и государств, сражавшихся против фашизма во второй мировой войне. История навсегда сохранит память об их мужественной борьбе. "Ничто не забыто нами из летописи этой героической эпопеи. Мы помним вклад в победу над общим врагом народов Польши, Югославии, Англии, Франции, Чехословакии, США и других стран антигитлеровской коалиции. Мы помним мужество и доблесть борцов Сопротивления в оккупированных врагом странах"⁵⁰⁴. Разгром гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и Азии, достигнутый совместными усилиями, разгром, в котором Советский Союз сыграл решающую роль, открыл многим народам и странам путь к свободе, независимости и социальному прогрессу. Но тогда, 22 июня 1941 г., величайшие испытания только начинались. От победы над фашизмом СССР отделял неимоверно тяжелый путь в 1418 дней и ночей, путь величайшей борьбы, героизма, жертв и славы.

II

...Смеркалось. В штабе генерала Гудериана шла напряженная работа. Завтра перед рассветом - вторжение. Впереди, в 15 км от деревни Волька Добринска, близ которой в лесу расположился штаб 2-й танковой группы, течет Буг, а за Бугом - Советский Союз, загадочная страна, которую фюрер приказал завоевать за восемь недель.

Офицеры штаба в своих штабных палатках и автобусах склонились над картами. Никаких переговоров по радио, строжайшее радиомолчание. Телефонные разговоры только при крайней необходимости. Они и не нужны, потому что нет ни одного нерешенного вопроса. Даже самый трудный из них - как обеспечить взаимодействие с авиацией 2-го воздушного флота при нанесении первого удара - получил удовлетворительное разрешение.

Дело в том, что фельдмаршал Кессельринг, командующий 2-м флотом, как и штаб ВВС, чрезвычайно опасался советской авиации. Решение нанести внезапный удар по советским аэродромам, чтобы захватить господство в воздухе, упиралось в проблему: в какой момент утром 22 июня должны стартовать бомбардировщики? Время начала артиллерийского удара и наступления пехоты - 3 час. 15 мин. мало устраивало авиацию: на центральном участке фронта еще темно, и поднимать в воздух весь воздушный флот нецелесообразно. Но если ожидать полного рассвета, то тех 30-40 минут, которые пройдут после начала артиллерийской подготовки, окажется советскому командованию вполне достаточно, чтобы вывести из-под удара свою авиацию. Тогда прилетевшие немецкие бомбардировщики увидят лишь пустые аэродромы. Конечно, в составе 2-го воздушного

флота имелись опытные в ночных полетах экипажи. Однако перелетать границу до 3 час. 15 мин., чтобы выйти на цель ровно в это время, означало лишить внезапности сухопутные войска. Где выход?

Его подсказали генерал Рихтгофен, командир 8-го авиационного корпуса, и полковник Мельдерс - штабной офицер и давний теоретик германских ВВС. "Мы подкроемся к аэродромам на большой высоте, как воздушные разведчики". Итак, решено перелететь границу над лесными и болотистыми участками еще в темноте высотными самолетами, поднимающимися до 10 км, с экипажами, натренированными в ночных полетах. Точный расчет должен был обеспечить появление бомбардировщиков над советскими аэродромами ровно в 3 час. 15 мин., одновременно с первыми залпами артиллерии.

И сейчас еще раз в штабе Кессельринга оценили работу "разведывательной группы ОКЛ" подполковника Ровеля. Ведь это она, "эскадра Ровеля", начиная с зимы, нарушая международное право, фотографировала с больших высот западные районы СССР от Прибалтики до Черного моря и обнаружила ряд пограничных аэродромов. Беспрецедентное по наглости вторжение в воздушное пространство Советского Союза было запланировано ОКВ, исходя из расчета на безнаказанность.

Фюрер, лично поставивший задачу Ровелю, знал: Советское правительство, точно соблюдая договор о ненападении, не отдаст приказа сбивать германские самолеты. Ну, а дипломатические каналы дадут имперскому министру иностранных дел возможность любых маневров.

На столе в штабном автобусе Кессельринга теперь лежали данные о советских аэродромах у границы. Фельдмаршал тщательно изучал их со своими командирами корпусов. Приказ: против каждого аэродрома направить три бомбардировщика с экипажами, имеющими опыт ночных полетов.

К штабу у Вольки Добринской подъехал командирский танк, в котором находился Гудериан. Командующий вышел из танка и заявил подошедшим офицерам: наступление завтра. Он направился к наблюдательному пункту - вышке, сооруженной неподалеку, на высоте 158. Генерал еще раз осмотрит район вторжения, потом поедет на Буг, чтобы руководить переправой.

Опустилась темнота. Войска выдвинулись к границе. Солдаты еще не знали, что их ждет, фантазировали.

- Мы отдыхаем перед вторжением в Англию и одновременно запугиваем англичан.

- Нет, - заявляли другие, - ждем разрешения пройти в Персию и там нанести удар Англии.

Третьи полагали иначе: будет война с Россией.

- Война с Россией? - возражали им. - Какая глупость! Нам уже достаточно войны. Зачем еще одна?

Но вот роты построены в укрытиях. Командиры рот зажгли карманные фонари. "Слушайте приказ фюрера". В мертвой тишине прозвучали первые слова:

- Солдаты Восточного фронта!..

Что такое? Восточного фронта? Значит, действительно здесь - новый фронт? и война на Востоке?!

- Наступил час, мои солдаты, - обращался Адольф Гитлер к вермахту, - когда я могу открыто говорить с вами... В этот момент совершается развертывание, которое по масштабам является самым большим из всего подобного, что видел мир... Сейчас вы вступаете в упорную и ответственнейшую борьбу, ибо судьба Европы, будущее германского рейха и нашего народа находятся отныне полностью в ваших руках!

Так звучал построенный на самой низкопробной фашистской пропаганде приказ, с которым "фюрер третьего рейха" обратился к солдатам вермахта за несколько часов до начала нападения на Советский Союз.

Ротные фельдфебели притащили ящики. Каждому - по 30 сигарет, пачка табаку, бутылка шнапса на четверых.

Так выглядит в описании П. Карелля происходившее памятной короткой летней ночью 22 июня по ту сторону советско-германской границы.

...До начала вторжения - тридцать минут. Везде мертвая тишина. Штурмовые группы подползли к мостам. Против Брестской крепости - железнодорожный мост. Час назад через него прошел, сияя огнями, скорый поезд с советской стороны. Кто из пассажиров знал, что здесь, под насыпью, лежат фашистские ударные отряды, готовые к вторжению на советскую землю? Немецкий пограничник помахал рукой советскому машинисту, ведущему состав к станции Тересполь.

Последние минуты. Небо на востоке посветлело. Та же тишина кругом.

И вот стрелки часов показали 3 час. 15 мин. Грохот артиллерийской канонады разорвал обманчивый покой. Сотни тысяч снарядов полетели через границу. Бомбардировщики нанесли внезапные удары по аэродромам.

В эти минуты миллионы немцев были брошены фашизмом в преступнейшую авантюру, которая стоила немецкому народу колоссальных жертв и кончилась национальной катастрофой.

Вооруженные силы фашистской Германии начали войну против Советского Союза в исключительно благоприятной для себя обстановке. Частичное стратегическое развертывание Красной Армии, начатое в мае - июне 1941 г., к моменту вторжения не было завершено, войска западных приграничных округов не успели создать группировку сил, пригодную для отражения удара. Соединения и части их первого эшелона не могли сдерживать массированные удары немецких танковых группировок, имевших на главных направлениях подавляющее превосходство сил. В результате гитлеровские вооруженные силы с самого начала войны захватили стратегическую инициативу.

В 5 час. 25 мин. командующий Западным фронтом Красной Армии отдал приказ: "Ввиду обозначившихся со стороны немцев военных действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому"505. В 7 час. 15 мин. последовала директива наркома обороны: "Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы, уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу"506. В 10 часов начальник Генерального штаба Красной Армии подвел первый итог: "Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника. Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия"507.

...С первым залпом артиллерии на мост у Бреста двинулся немецкий штурмовой отряд. Он был встречен меткой и точной автоматной очередью советских пограничников. Теряя убитых и раненых, отряд захватил мост. Зеленым светом карманного фонаря командир дал сигнал, и первые танки группы Гудериана, с белой буквой "Г" на бортовой броне, двинулись вперед.

Южнее Бреста штурмовой отряд ворвался на мост у села Кодень. Здесь пошла 3-я танковая дивизия генерала Моделя. А севернее крепости, где наносили удар 17-я и 18-я танковые дивизии, наступление велось наиболее эффектно. После того как передовые отряды пехоты переправились через Буг на штурмовых лодках и заняли небольшой плацдарм, из леса выехали машины, оказавшиеся новым "секретным оружием": подводные танки.

Подразделения танков, приспособленных для движения под водой, готовились с лета прошлого года. Их предполагалось использовать в водах Ла-Манша при вторжении в Англию. Но десант не состоялся, и вот теперь они введены на Буге, в составе 18-й танковой дивизии генерала Неринга. Машины одна за другой, к удивлению присутствующих, ныряли в воду и вскоре появлялись на противоположном берегу, на плацдарме. Эффектно, однако... генерал Неринг замечает: "Грандиозный спектакль, но очень бесполезный, так как русские умно оттянули свои войска от приграничной зоны и оставили только слабые пограничные части, которые позже очень храбро сражались".

Теперь всем дивизиям предстоял стремительный марш вперед по испытанному в течение двух лет методу: прорыв в глубину, не оглядываясь на фланги и тыл. Это принесло успех в Польше, во Франции, в Югославии, Греции. Так будет и сейчас.

Но так ли?

Здесь, на фронте перед группой Гудериана, героический Брест остановил 45-ю пехотную дивизию генерала Шлипера. Наступление на цитадель готовилось очень тщательно. Ударные части, в том числе батальон капитана Праксы, наступавший на направлении главного удара, детально и неоднократно разыгрывали штурм на макете. Но герои Бреста во главе с майором П. М. Гавриловым сражались до конца. "45-я пехотная дивизия 22 июня не предполагала, сколько крови ей придется пролить за эту старую крепость", - пишет П. Карелль.

Уже к вечеру 22 июня в 45-й дивизии были убиты 21 офицер, 290 унтер-офицеров и солдат, в их числе капитан Пракса. Только за девять дней борьбы под Брестом 45-я пехотная дивизия потеряла 482 человека убитыми, включая 40 офицеров, и более 1000 ранеными, из которых многие умерли. На всем фронте до 30 июня вермахт потерял 8886 человек убитыми⁵⁰⁸.

Самоотверженная оборона Бреста произвела на захватчиков сильнейшее впечатление. Гудериан, получив донесение о ходе боев, заявил офицеру связи главного командования сухопутных сил майору фон Белову, что обороной Бреста надо восхищаться.

Была ли оборона Бреста эпизодом, исключением в событиях первых дней войны?

Мы имеем все основания сказать: отнюдь нет. И данные "противоположной стороны" еще больше помогают узнать о героических делах советских воинов в первые дни войны.

На северо-западном участке фронта восемь суток гитлеровская 291-я пехотная дивизия, усиленная двумя ударными группами моряков и танками, вела тяжелые бои за город Либава (Либав), обороняемый 67-й стрелковой дивизией генерала Н. А. Делаева, военными моряками, рабочими-добровольцами. По выводу П. Карелля, "оборона была организована блестяще. Солдаты хорошо вооружены и фанатически храбры... Войсковые подразделения, не считаясь ни с чем, жертвовали собой, чтобы выручить крупные соединения. Они показали в Либаве наилучшие элементы советского военного искусства. Этот метод действий принес наступающим тяжелые потери". Погибли, например, оба командира ударных групп моряков капитан-лейтенанты фон Дист и Шенке. 29 июня захватчики в основном овладели городом. "Но эта победа, - продолжает автор, - была горьким уроком: в Либаве впервые выяснилось, на что способен красноармеец при обороне укрепленного пункта, когда им руководят решительно и хладнокровно"⁵⁰⁹.

Не меньшим сюрпризом для гитлеровских захватчиков в начале вторжения на северо-западном участке фронта оказались действия советских танков. Первым ощутил их мощь 41-й моторизованный корпус генерала Рейнгардта, наступавший в составе 4-й танковой группы через Прибалтику на Ленинград. Западнее небольшого городка Россиены 24 и 25 июня разыгрался бой, который позже был оценен немецкими историками как "первый большой кризис на немецком северном фронте".

...Когда после полудня 24 июня генерал Рейнгардт приехал на командный пункт 1-й танковой дивизии, он получил донесение, что соседняя 6-я танковая дивизия ведет тяжелый бой с контратакующими советскими танками. Это была 2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Е. Н. Солянкина.

"Советское танковое наступление движется у Василица, - гласило донесение, - ни полевая противотанковая артиллерия, ни стрелки - истребители танков, ни противотанковые орудия не могут пробить броню этих тяжелых вражеских танков". Вскоре в бой втянулась и 1-я тюрингская танковая дивизия. Ее официальная история сообщает об этом бое с советскими танками: "Почти с 800 метров наши роты открывали огонь, однако безрезультатно. Ближе и ближе подходили мы к противнику, который твердо продолжал двигаться вперед. Через короткое время нас разделяли пятьдесят - сто метров. Развивается

бешеный огневой бой без какого-либо успеха для нас. Русские танки движутся дальше, все противотанковые гранаты от них отскакивают. Так сложилась ситуация, когда русские танки прорвались... через боевые порядки 1-го танкового полка в наш тыл".

С нашей стороны в журнале боевых действий об этом бое имеется лаконичная запись: "2 тд 3-го мк вела танковый бой в районе Скаудвиле, разгромив 100 мп, до 40 танков, 40 орудий, к исходу дня вышла в районе Россиены без горючего"⁵¹⁰.

Под Мемелем наступала 126-я рейнско-вестфальская пехотная дивизия. Вот выдержка из описания ее первого боя у границы. Дивизия, по словам очевидца, "получила горький опыт" в бою с ожесточенно сражавшимися советскими пограничниками. 2-й батальон 422-го пехотного полка понес тяжелые потери. "Часть красных пулеметчиков спряталась в ржаном поле и пропустила первую волну. Когда капитан Ломар после обеда беззаботно вел из резерва свой батальон, русские открыли огонь в немцев из ржаного поля. Погиб командир батальона. Тяжело ранен его адъютант. Целой роте потребовалось три часа, чтобы выбить четырех русских из ржаного поля. Они стреляли даже в упор с трех метров и были принуждены к молчанию только ручными гранатами"⁵¹¹.

Контрудары советских механизированных корпусов Юго-Западного фронта по наступающим соединениям немецко-фашистской группы армий "Юг" начались 22 июня и продолжались до 29-го. Гитлеровская наступающая группировка потерпела серьезный урон, а ее наступательный порыв был значительно ослаблен. Ведущую роль здесь играли советские танки.

Из материалов немецкой 16-й танковой дивизии генерала Хубе, наступавшей в первом эшелоне танковой группы Клейста, видно, с каким мужеством действовали советские танкисты, участвовавшие в контрударах. Немцы так описывали наступление советских Т-34 и попытки своей противотанковой артиллерии бороться с ними. "Противотанковый дивизион 16-й тд, вооруженный 37-мм противотанковыми пушками, приближается... Расстояние 100 м. Огонь. Попадание. Но снаряды отскакивают. Опытные артиллеристы вопят от ярости. Командир взвода бледен, как стена... Он говорит: "Солдаты, солдаты, Т-34 для вас - это ужасный призрак!" Действительно, танки Т-34, входившие в состав наших механизированных корпусов под командованием генералов Д. И. Рябышева, К. К. Рокоссовского, А. И. Карпезо и Н. В. Фекленко, добились в первые дни военных действий значительных результатов. "Наиболее опасными были советские Т-34, - пишет очевидец. - Эти танки-великаны показали быстроту и подвижность". С тех дней 37-мм противотанковые пушки получили в немецких войсках насмешливое прозвище "армейские колотушки".

Эти первые бои, конечно, не могли изменить неблагоприятно сложившейся обстановки. Но они показали германскому генеральному штабу, с какой стойкостью сражаются советские войска даже в такой необычайно трудной ситуации. "Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою, - писал Гальдер в своем дневнике. - Были случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен"⁵¹². Он записывал далее о "фанатически сражавшихся" войсках противника и о том, что "русские всюду сражаются до последнего человека"⁵¹³.

Общая же оценка стратегической обстановки германским генеральным штабом в первые дни войны сводилась к тому, что вермахт сумел добиться полной тактической внезапности, что Красная Армия не намеревается совершать оперативный отход от границы, а, наоборот, упорно защищает каждый рубеж и использует каждую возможность для решительных контрударов и контратак.

Захватив стратегическую инициативу, гитлеровские вооруженные силы добились в течение первых двух недель войны больших результатов и подвижными соединениями вышли к Днепру и Западной Двине.

III

Через тридцать шесть часов после начала вторжения в Советский Союз германское верховное командование и генеральный штаб в обстановке глубокой секретности

несколькими эшелонами - самолетами и специальными поездами перебрались из Берлина в Восточную Пруссию, где в лесу несколько восточнее Растенбурга строительная организация Тодта в течение зимы и весны 1941 г. подготовила новое расположение ставки. Заглянем внутрь укрепления и посмотрим, как выглядел управлявший войной мозговой центр военной машины третьего рейха.

За высокими проволочными ограждениями, скрытые с земли и воздуха тщательной маскировкой, стояли серые деревянные бараки, в которых разместилась основная часть служебных помещений. Рядом находились мощные, углубленные в землю железобетонные бункера, в которых, наподобие длинного спального вагона, дверь к двери, примыкали друг к другу рабочие комнаты и квартиры офицеров штаба оперативного руководства. Окрашенная в светлые тона деревянная обшивка покрывала бетонные стены. Вделанные внутрь шкафы, облицованные кафелем ванны, постоянное отопление, электрифицированные комнаты различного назначения довершали картину "полевого" штаба⁵¹⁴.

Поблизости, у вокзала, на путях стоял специальный поезд, в котором иногда проходили совещания и жил заместитель Иодля Варлимонт. Кроме того, рядом с полевым штабом размещались подразделения "Лейбштандарта" (батальона охраны фюрера). Они несли охрану, а их командир был одновременно и комендантом лагеря.

На противоположной стороне шоссе, в нескольких километрах к востоку, располагался главный лагерь. Здесь находился Гитлер со своими ближайшими помощниками по "государству, партии и вермахту". Из военных тут жили только Купель, Иодль, адъютанты и новый историограф вермахта подполковник Шерф. Бетонные бункера и деревянные бараки служили помещениями для заседаний, казино, узла связи, для прессы, гостей и хозяйственных дел. Каждый бункер имел два или более небольших помещения. Вновь построенные дороги пересекали в разных направлениях всю покрытую густым лесом территорию; в ее северной части располагались бараки и бункера Гитлера с окнами, обращенными только в северную сторону. Фюрер боялся солнечного света. Он же и назвал расположение ставки "Волчьим логовом" (или "Волчьим окопом" - "Вольфшанце").

Штаб сухопутных сил находился в часе езды, около Ангербурга, тоже в лесу. Рядом обосновался Геринг со своим штабом. Для поездок в "Волчье логово" он, как "второе лицо в государстве", пользовался шумным дизельным поездом из 3-4 ярко раскрашенных современных вагонов с персоналом, одетым в белоснежные костюмы. Представители армии, подчеркивая свою "скромность", ездили только в старом сером вагоне. Главное командование военно-морских сил осталось в Берлине. Около Гитлера находился лишь его представитель.

Едва ли кто-нибудь из них мог тогда предполагать, что "Волчье логово" станет местом их пребывания надолго, вплоть до последних месяцев существования третьего рейха.

В годы войны никто, за исключением узкого круга лиц из высшей фашистской касты и отобранного технического персонала, не знал о существовании "Вольфшанце". Народы не знали тогда, что чудовищный механизм преступлений управлялся отсюда, что именно здесь составлялись директивы, за каждой из которых - кровь, жертвы и страдания тысяч и миллионов людей. Здесь составлялись планы военных походов, велась калькуляция невероятных по масштабам ограблений и массовых убийств; здесь находился центр, координирующий усилия фашистско-милитаристского государства, его армий, воздушных и морских флотов.

Распорядок дня в "Вольфшанце" определялся прежде всего тремя ежедневными военными совещаниями ("обсуждениями обстановки"), продолжавшимися по несколько часов. Точная и размеренная дневная рабочая программа в первые - успешные месяцы "восточного похода" ни разу не нарушалась. Отдел оперативного руководства регулярно утром и вечером собирал донесения от армии, флота и авиации, с Востока и Запада, из Северной Африки, Балкан и различных районов Средиземного моря. Данные отбирались, наносились на карту обстановки, которую курьер доставлял Кейтелю. Затем все шло на доклад к Гитлеру. По вечерам проходило расширенное "обсуждение обстановки",

подводившее общий итог событиям за сутки.

Ставка была тесно связана с оставшимися в Берлине так называемыми рабочими группами, которые занимались вопросами организации резерва, вооружения, сотрудничества с высшей администрацией рейха. Разобщенность всего организма приводила к огромному потоку корреспонденции. Связь осуществлялась через курьеров, в распоряжении которых имелись каждую среду самолет и каждую ночь пара скорых поездов, курсирующих между Растенбургом и столицей рейха. Поезда мчали из Берлина в Растенбург и обратно множество офицеров, чиновников, курьеров и партийных функционеров.

Отрыв от фронта привел в дальнейшем ходе войны к изоляции верховного командования. Варлимонт пишет: "Гитлер в Восточной Пруссии находился, так сказать, в безветренном углу между начавшим вскоре тяжело дышать главным фронтом и штурмующим пламенем воздушной войны против немецких городов, где ни он сам, ни его ближайшее окружение не могли получать из обоих мест собственное непосредственное впечатление"⁵¹⁵.

И далее: "Чем больше отдалялся на восток фронт, возглавляемый танковыми и моторизованными соединениями, тем более уединенно становилось в лесу под Растенбургом. Возможность отъезда на фронты, из которых один удерживался корпусом Дитля далеко, у Нордкапа, становилась все более редкой, так как расстояние требовало для этого многих суток"⁵¹⁶. Длительное отсутствие офицеров считалось нежелательным, и Иодль редко давал разрешения на подобные поездки.

Пока события развивались для гитлеровского вермахта благоприятно, добровольная изоляция верховного главнокомандования не влияла на общее положение дел. Но в пору кризисов "Волчье логово" превратится на деле в пристанище затравленных волков.

IV

После достижения войсками танковых групп и полевых армий берегов Днепра и Западной Двины перед германским командованием возникла проблема: как вести операции дальше? Стойкое сопротивление советских войск в приграничных районах потребовало от гитлеровской армии более значительных усилий, чем предполагалось. Но первый намеченный рубеж был достигнут.

Все здание гитлеровской стратегии конструировалось с простым расчетом: победа над Советским Союзом достигается именно здесь, в пространстве между границей и Днепром - Двиной, где, по мнению генерального штаба, и сосредоточивалась главная мощь Красной Армии.

Теперь, когда наступающие колонны увидели воды Днепра, в генеральном штабе действительно начали думать, что исход "восточного похода" предрешен. Но чем пристальнее вглядывались германские генералы через свои полевые бинокли во все происходящее за Днепром, чем больше донесений получали они от своих самолетов-разведчиков, тем меньше они понимали, что же действительно происходит. Впереди лежали бескрайние просторы России. Пылали города. Гитлеровские солдаты, танки, машины, обозы - все это двигалось в облаках пыли по дорогам на Восток, а оттуда, с Востока, появлялись новые советские дивизии, чтобы стоять насмерть - германский генеральный штаб все больше убеждался в этом - на каждом пригодном к обороне рубеже.

Первая, пока еще отдаленная и очень смутная тревога закрадывалась в умы генштабистов, когда они вместе с Адольфом Гитлером собирались вокруг его стола в комнате для заседаний в дальнем углу "Волчьего логова", чтобы обсудить положение и вероятные планы. То в одной, то в другой победной реляции звучали нотки разочарования. Русские сражаются до последнего человека. Они гибнут в дотах, танках, окопах, но не сдаются. Конечно, Гитлер и генштабисты твердо верили в успех. Они не сомневались: события развиваются в строгом соответствии со всеми исходными расчетами, и главные трудности "восточного похода" позади. Теперь они могут приступить к решению конечных задач войны с Россией, которые всегда связывались с захватом неисчислимых богатств этой

страны, издавна манивших и Гитлера, и его предшественников.

В начале июля, по единодушному мнению генерального штаба и фюрера, Советский Союз практически уже был разбит, и теперь предстояло уточнить направления действий на ближайший период, когда победа станет полной.

Гитлер, его высший генералитет превосходно сознавали, что настала пора, когда им предстоит выполнять то, во имя чего их поставили у власти восемь лет назад финансовые и промышленные магнаты Германии. Могло ли появиться сомнение, куда направить следующий удар за Днпром, когда, как они думали, победа уже обеспечена? Фюреру виделся мираж гигантской промышленной империи, основанной на богатствах завоеванного континента. Он мечтал о сказочной Украине, предмете вожделений нескольких поколений германских военных, помещиков и промышленников; он уже видел "немецкое Балтийское море". И когда Украина, Кавказ, Прибалтика окажутся в его руках, мечты о такой империи воплотятся в реальность. Третий рейх получит экономическую базу, которая обеспечит не только победу в мировой войне, но и обещанное немцам тысячелетнее господство. Вот поэтому после достижения "первой стратегической цели" Гитлер, в соответствии со своим исходным замыслом, стал требовать поворота главных усилий вермахта от центра или сразу на Украину, Кавказ, или же в Прибалтику, т. е. на "фланги", вступая порой в конфликт с генералами и не предполагая, что никакие новые планы ни его самого, ни генералов не способны привести рейх к действительной победе над великим социалистическим государством. Парадокс заключался в том, что теперь германское верховное командование видело "основную трудность похода" не в борьбе с Красной Армией, а в выборе собственного решения о "повороте": на север или на юг.

Четыре дня войны после 22 июня гитлеровская ставка молчала: все шло, как ей хотелось. Первое устное приказание Гитлера в "восточном походе" услышали 26 июня в группе армий "Центр". Гитлер выразил пожелание, чтобы войска фон Бока, после того, как они добьются успеха в сражении под Белостоком, возможно скорее перенесли основные усилия в группу армий "Юг", "ударный танковый клин которой попал в трудное положение из-за концентрического наступления новых сил противника"⁵¹⁷.

Прошло еще три дня, и Гитлер изменил мнение: после "достижения первой и решающей победы" надо повернуть главные силы от центра на север. В журнале военных действий верховного командования от 29 июня 1941 г. мы читаем: "Фюрер говорит о продолжении операций после ликвидации Белостокского котла... Наряду с необходимым во всех случаях усилением группы армий "Север" на севере требуется принять решения: а) либо немедленное продолжение наступления на Москву, б) либо удар на Ленинград. Фюрер в настоящее время склоняется к повороту на Ленинград, с тем, чтобы возможно скорее очистить от русских Балтийское море (охрана транспортов с рудой), помочь финнам и обеспечить левый фланг для наступления на Москву. Саму Москву фюрер хотел бы возможно раньше начать бомбардировать"⁵¹⁸.

Гитлер сообщил о своем пожелании Йодлю. Тот заметил: "Для обхода танковыми силами Петербурга у танковых соединений нет достаточных возможностей"⁵¹⁹. Время еще терпело, и поэтому вопрос оставался открытым. Но ненадолго.

Когда вечером 30 июня, в день рождения Гальдера, после церемонии поздравления открылось совещание для выработки новых решений - первое подобное совещание с момента вторжения в СССР, - Гитлер изложил свои планы: теперь первостепенная задача - овладеть Финским заливом, чтобы "обеспечить свободное плавание по Балтийскому морю" и подвоз железной руды. Затем он подчеркнул значение Украины как "продовольственной и сырьевой базы и промышленного района". Особенно важно ускорить наступление на Ленинград. Конечно, в случае достижения Смоленска в середине июля пехотные соединения "смогут занять Москву только в августе". Но за время, пока пехотные соединения будут двигаться на Москву, Лееб "очистит весь Север", а затем "можно будет сосредоточить танковые соединения в районе восточнее Москвы"⁵²⁰. Никто не сомневался, что отныне вермахт сможет свободно наносить удары куда захочет. Конечно, вызывало некоторую

досаду, что в Москву армия вступит поздно - "только в августе". Но захват столицы произойдет на завершающей стадии похода, когда будут разгромлены последние силы Красной Армии. Так думали и Гитлер, и ОКВ, и ОКХ. Никто не сомневался, ибо каждый точно знал: Советский Союз уже исчерпал все свои резервы. А что он сделает без резервов?

По данным разведки, на 2 июля можно было ожидать прибытия на фронт перед группами армий "Север" и "Центр" дополнительно еще только 15 - 20 стрелковых, и 6 танковых советских дивизий⁵²¹. Такие перспективы вполне устраивали генеральный штаб сухопутных сил, и Гальдер 3 июля пришел к заключению: "В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед реками Западная Двина и Днепр выполнена... восточнее рек Западная Двина и Днепр мы можем встретить сопротивление лишь отдельных групп, из которых каждая в отдельности по своей численности не сможет серьезно помешать наступлению германских войск. Поэтому, - делал он вывод, - не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней"⁵²².

Однако командование сухопутных сил считало, что было бы правильнее наступать не к Прибалтике, а на Москву. При всех обстоятельствах оно требовало перед последним наступлением "создать новую базу между Минском и Смоленском, опираясь на которую можно будет во взаимодействии с войсками, базирующимися на Ленинград, овладеть всей северной Россией и московским промышленным районом. После этого предстоит захватить во взаимодействии с группой армий "Юг" промышленный район Донбасса"⁵²³.

Как только война на Востоке, считал Гальдер, "перейдет из фазы разгрома вооруженных сил противника в фазу экономического подавления противника" - а это произойдет очень скоро, - на первый план снова выступят задачи войны против Англии: наступление на Египет и Сирию, возможно, через Турцию и с Кавказа - в Иран.

Итак, в начале июля рассматривались предстоящие действия во "второй фазе восточного похода", причем, как пишет Варлимонт, все больше выдвигался на первый план вопрос, оставшийся нерешенным в декабре 1940 г.: "повернуть крупными силами подвижных войск на север", чтобы сначала занять Ленинград и Кронштадт и полностью овладеть Балтикой, чего хотел Гитлер, или же по плану главного командования сухопутных сил сосредоточенные силы вермахта направить на захват Москвы - центра русского сопротивления? Возможность "обе цели достигнуть одновременно", как этого требовала директива "Барбаросса", теперь, но словам Варлимонта, "несмотря на повсеместно благоприятную оценку обстановки, странным образом больше не упоминалась"⁵²⁴. Более того. С точки зрения ОКВ, все большее значение приобретала другая задача. "В те дни, продолжает Варлимонт, - обсуждалось прежде высказывавшееся лишь в узком кругу намерение, возникшее в связи со значительным отставанием фронта южнее Припятских болот, принять во внимание возможность поворота с центра на юг"⁵²⁵.

Утром 4 июля Йодль сказал Гитлеру, что "предстоящее решение... вероятно, станет самым трудным в этой войне"⁵²⁶. Фюреру мысль чрезвычайно понравилась. Вечером на совещании в узком кругу он говорил:

- Я уже длительное время пытаюсь вникнуть в положение противника. Практически он уже проиграл эту войну. Это хорошо, что мы разбили русские танковые войска и авиацию в самом начале. Русские больше не смогут их восстановить. Я занимаюсь вопросом, что нужно делать после прорыва линии Сталина. Повернуть на север или на юг? Вероятно, это будет самым трудным решением этой войны!⁵²⁷

Итак, самое трудное и единственное! Мы подчеркиваем, с их точки зрения единственное и последнее решение в войне против Советского Союза.

5 июля Йодль беседовал по телефону с Браухичем. Он хотел передать ему мнение фюрера. Подходит момент, сказал Йодль, когда должно быть принято решение о дальнейшем ведении операций, особенно об использовании танковых групп. Так как это решение, повторил он снова, должно быть определяющим, возможно даже вообще единственным важнейшим решением в этой войне, он считает необходимым, чтобы

главнокомандующий сухопутными силами прежде, чем поставить новые задачи, обсудил бы с фюрером свои соображения и намерения⁵²⁸.

У штаба сухопутных сил, как отмечает Варлимонт, в те дни не имелось намерений снова поднимать вопрос о Москве, который, как думали в декабре 1940 г., сам собой решится в ходе развития событий⁵²⁹. Тем более, на следующий день Гитлер внезапно выразил надежду, что группа армий "Север" обойдется собственными силами, а группа армий "Центр" устранит "последнее организованное сопротивление" и "сделает свободной дорогу на Москву". Теперь он опять стал думать о повороте от центра на Украину, а не в Прибалтику и говорить в этой связи о возможных действиях 2-й танковой группы Гудериана в южном или юго-восточном направлении для совместных действий с группой армий "Юг"⁵³⁰.

Еще через два дня Гитлер дал общую развернутую оценку обстановки. Запись его речи гласит: "Группа армий "Север", вероятно, сможет имеющимися в ее распоряжении силами выполнить свою задачу наступления на Ленинград. Перед группой армий "Центр" возникает вопрос, должна ли она наносить удар на Москву или повернуть крупными силами на юг за Припятью. Фюрер решительно подчеркивает, что он хотел бы немедленно сровнять с землей Москву и Ленинград. Так как с подобной задачей может справиться авиация, то это не должно влиять на проведение наземных операций. В целом группа армий "Центр" должна была бы еще значительно продвинуться в московском направлении, чтобы на всякий случай иметь против Москвы достаточные силы прикрытия, если часть сил будет повернута на юг. Решение относительно группы "Центр", следовательно, сегодня еще нет необходимости принимать"⁵³¹.

Одним словом, теперь после достижения Днепра и Западной Двины и, следовательно, "решающей победы над Советским Союзом" германское верховное командование видело перед собой так много заманчивых возможностей и блестящих перспектив, что сразу даже не смогло выбрать наиболее приемлемую для себя. Наступать ли за Днепром на север, на юг или на Москву - все казалось одинаково достижимым и в общем-то легким теперь, когда план "Барбаросса", как казалось в "Вольфшанце", в главной своей части выполнен.

V

В эти июльские дни 1941 г. бункера и бараки ставки Гитлера "Вольфшанце" наполняла атмосфера всеобщего ликования. За своими традиционными ужинами в кругу высших представителей генерального штаба и партии Гитлер разглагольствовал особенно длинно, пользуясь, как всегда, абсолютным пониманием своих верных соратников. Излюбленную тему составляли картины будущего устройства "Великогермании", ее организации, управления, тех богатств, которые польются в рейх. "То, чем для Англии была Индия, для нас будет Восток", - восторженно говорил Гитлер. Новую колонию на Востоке возглавят два рейхскомиссариата, подчиненные рейхсминистерству оккупированных восточных областей под руководством Розенберга. "Германские государственные крестьяне" приступят к "освоению" завоеванного пространства. Они создадут поселения, нечто похожее на рыцарские ордена, крепости, связанные друг с другом отличными дорогами.

Кровавый застенок, в который гитлеровцы превратили оккупированную Европу, должен был теперь в гигантской степени увеличиться: новые миллионы уничтоженных людей, превращение оставшихся в рабов, введение самой варварской, изощренной системы эксплуатации "завоеванных" народов - такой станет после "победы на Востоке" "новая Европа".

В эти дни Гитлер был окружен в ставке таким низкопоклонством, которого он не помнил в прошлые годы. Никакая самая примитивная и грубая лесть не считалась чрезмерной. И нацистские лидеры, и их окружение - никто не сомневался в том, что победа в только что начавшемся "восточном походе" фактически уже одержана. Все они настолько привыкли к чуть ли не автоматическому осуществлению своих стратегических планов, что находились в полной уверенности в скором завершении очередного "блицкрига".

На совещаниях в ставке все чаще теперь говорили не о дальнейшем ведении войны против Советского Союза, не о ходе борьбы, а о послевоенных проблемах. Генеральный штаб старательно подсчитывал потери Красной Армии. Но он не смог увидеть ее резервы. Он их просто не замечал, ибо, во первых, не верил, что резервы могут существовать, а во вторых, что они появятся именно там, где готовился последний марш для полного завоевания России. 8 июля Гальдер заверил Гитлера, что только 46 советских дивизий пригодны для действий, а все остальные разбиты. 46 против 190 фашистских! Могут ли быть сомнения в исходе последней фазы борьбы? Все подчиненные штабы равнялись, конечно, на генеральный штаб. Группа армий "Центр" 12 июля сообщала: если ее танковая армия сможет сделать остановку на 7 дней для подвоза довольствия, "то можно рассчитывать, что армия достигнет Москвы"⁵³².

В начале июля после беседы с Браухичем Гитлер объявил Кейтелю свою "руководящую установку" по поводу дальнейшего развития вооруженных сил и особенно "танковой программы". "Сухопутные силы будут существенно сокращены, за исключением танковых дивизий, число которых к 1 мая 1942 г. должно увеличиться до 36, а моторизованных дивизий к этому же времени - до 18 соединений". Военно-морским силам следует ограничить мероприятия по вооружению такими размерами, "которые непосредственно служат ведению войны против Англии". Военно-воздушные силы "усилить в большом объеме"⁵³³.

Восточный фронт лишался каких-либо пополнений танками: "Танковые силы, имеющиеся на Востоке, должны и впредь считаться достаточными". Действительно, зачем нужны Восточному фронту танки, когда уже все почти кончено? Только Гитлер мог отныне разрешить посылку на фронт хотя бы одного танка. Фельдмаршал Мильх заявил в конце июня: "Сил авиации, имеющихся на сегодня, вне всякого сомнения, достаточно, чтобы одержать победу. Исход войны должен быть решен путем использования авиации"⁵³⁴. Советская авиация сбрасывалась со счетов вообще. В дальнейшем предполагалось военно-воздушные силы увеличить в четыре раза, для чего Геринг начал разрабатывать программу, исходящую из ежемесячных потерь персонала в 22-25%, причем в июле ожидалось потери не более 800-900 машин. В качестве резерва, считал он, необходимо ежегодно обучать 60 тыс. человек из расчета двухлетнего срока подготовки. Необходимо иметь в итоге до 150 тыс. обученных летчиков⁵³⁵.

Генеральный штаб в июле стал детально разрабатывать вопрос о скором возвращении в Германию войск после победы над Советским Союзом и о порядке его военной оккупации.

15 июля завершилось составление доклада ОКХ "Об оккупации и охране русского пространства и о строительстве сухопутных сил после окончания "Барбаросса"⁵³⁶. Для оккупации "завоеванного русского пространства" следует оставить "возможно меньше сил" - 56 дивизий. Их распределение "должно будет отвечать политическому расчленению", которое, согласно докладу Розенберга, составит "четыре государственных образования": Прибалтику, Россию, Украину, Кавказ⁵³⁷. Генеральный штаб определил, что "Западную и Восточную Россию" займут танковые соединения 3-й и 4-й танковых групп, Украину и Кавказ - 1-й. 2-й танковой группе Гудериана предстояло стать подвижным резервом. Пехотные соединения "будут сосредоточены в тех же районах, где и танковые, и вместе они составят небольшие оперативные группы"⁵³⁸. Одновременно верховное командование установило, что с начала августа 1941 г. войска начнут возвращаться из России на родину, а число дивизий, завершающих последние операции, будет сведено до минимума.

Немалую заботу вызывал у генерального штаба такой вопрос: как и в каком порядке перевозить войска обратно в Германию после победы над Советским Союзом осенью 1941 г.? Но и здесь генеральный штаб сухопутных сил, как ему казалось, проявил достаточную предусмотрительность и дальновидность.

"Необходимость возвращающиеся на родину соединения перевезти обратно еще до наступления зимы, - говорилось в его специальном указании, - требует, насколько это будет возможно, ограничить силы для дальнейшего ведения операций. Как только будут в

основной своей массе разгромлены русские силы, еще находящиеся восточнее линии Днепр - Двина, дальнейшие операции будут проводиться по возможности только моторизованными соединениями и теми пехотными соединениями, которым предстоит впоследствии окончательно остаться в русском пространстве. Основная масса пехотных соединений, когда она достигнет линии Крым - Москва - Ленинград, видимо, не сможет ехать по железной дороге и должна будет начать двигаться обратно маршем. Силы, связанные операциями по оккупации, которые позже будут возвращаться первыми, начнут отход в западную часть России зимой"539. И, наконец, сразу после окончания "восточного похода" предполагалось начать перестройку сухопутных сил: вместо имевшихся 213 соединений будет оставлено только 175.

Так, в июле тысяча девятьсот сорок первого Гитлер и его военные помощники считали, что Советский Союз уже разбит и что очень скоро они будут стоять на недостижимых вершинах могущества.

Первый кризис

I

Согласится ли читатель, но нам кажется, что для военного историка очень важно сравнивать расчеты генеральных штабов с результатами действий, сопоставлять надежды и реальность, планы и их осуществление. Сравнение замыслов с действительностью всегда дает возможность извлечь те или иные уроки.

Когда Гитлер, его фельдмаршалы и генералы думали, что Советский Союз уже разбит, они не представляли себе, что по ту сторону фронта кипит гигантская организационная работа, первым итогом которой станет появление резервов Красной Армии в таких размерах, о которых германский генеральный штаб не имел даже приблизительных сведений.

В те самые дни, когда немецкие генштабисты трудились над составлением точнейших графиков "возвращения войск после победы", по ту сторону линии фронта принимались самые энергичные меры, чтобы сорвать подобные расчеты нацизма.

Советский народ поднимался на борьбу. Коммунистическая партия руководствовалась указанием В. И. Ленина: "...Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на это счет недопустимо"540. Партия развернула широкую деятельность по мобилизации всех сил народа и государства для отпора захватчикам.

На восьмой день войны, 29 июня, Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров Союза ССР обратились к партийным и советским организациям прифронтовых областей с Директивой - первым документом партии и правительства в Великой Отечественной войне. В Директиве Центральный Комитет требовал отрешиться от настроений мирного времени, покончить с благодушием и беспечностью, мобилизовать все силы на разгром врага. Была намечена развернутая программа борьбы советского народа за организацию разгрома агрессора. Советские воины должны отстаивать каждую пядь земли, драться до последней капли крови, проявлять смелость, инициативу, сметку, свойственную нашему народу. От партийных и советских организаций требовалось обеспечить всестороннюю помощь действующей армии путем организованного проведения мобилизации, четкого и бесперебойного снабжения, быстрого продвижения эшелонов на транспорте и т. д. Партия и правительство требовали в занятых врагом районах формировать партизанские отряды и диверсионные группы, создавать невыносимые условия для врага и его пособников.

Эта Директива, доведенная до всего народа в речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., стала программой борьбы с захватчиками. Призыв нашел горячий отклик в сердцах советских людей, понимавших характер и цели начавшейся войны как войны всенародной, отечественной, направленной на отстаивание свободы и независимости Родины, на освобождение народов Европы из-под фашистского рабства.

30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО), сосредоточивший всю полноту власти в стране. Под руководством ГКО началась широкая работа по эвакуации промышленных предприятий из угрожаемой прифронтовой зоны в глубь страны.

Советское правительство приняло народнохозяйственный план военного времени, который положил начало перестройке экономики страны. Планом значительно увеличивался объем производства военной техники, утверждалось строительство новых военных предприятий, железных дорог; военная промышленность усиливалась передачей в ее распоряжение предприятий других отраслей народного хозяйства.

Исключительное значение для дальнейшего хода войны имело развертывание командованием Красной Армии новых резервных соединений. Уже в последних числах июня действующие фронты стали получать подкрепления из кадровых войск внутренних округов и из вновь развертываемых формирований.

Советское командование поставило задачу в кратчайший срок создать фронт обороны на западном направлении путем выдвижения резервов к рекам Западная Двина и Днепр, чтобы остановить здесь противника.

Еще до начала войны были приняты меры к формированию Группы армий резерва Главного Командования в составе 22, 20, 21, 19-й и 16-й армий, имевших задачу развернуться западнее Невеля, по восточному берегу Днепра на Чернигов, а затем вдоль Десны до Киева и далее до Кременчуга⁵⁴¹.

Сосредоточение одновременно большого количества войск в условиях быстрого продвижения германской армии и господства в воздухе немецкой авиации представляло исключительные трудности. К началу Смоленского сражения полностью развернуть на Днепре необходимые силы и организовать оборону достаточной устойчивости не удалось. Прибывающие дивизии немедленно после выгрузки из эшелонов шли в районы обороны, к которым приближались передовые танковые отряды врага.

Чтобы повысить устойчивость западного направления, в тылу создаваемого на Днепре фронта Ставка Главного Командования Красной Армии в середине июля готовила еще один эшелон войск - Фронт резервных армий из шести армий⁵⁴².

Всего к середине июля только на западном стратегическом направлении на глубину нескольких сот километров Советское Верховное Командование последовательно развернуло в трех эшелонах 74 новые дивизии⁵⁴³. Таким путем удалось существенно изменить общее соотношение сил. Ввод в действие такого большого количества резервов Красной Армии имел неопределимое значение для хода борьбы. На Днепре, у смоленских высот, на Березине, под Могилевом, Псковом, Житомиром и во многих других местах закипели необычайные по напряжению бои. Но из всех русских городов, о которых говорилось в те дни в германском генштабе, все чаще и тревожнее стал упоминаться один: Смоленск.

II

Смоленское сражение заслуженно вошло в историю как военное событие первостепенной важности. Пусть Красной Армии не удалось достигнуть в его ходе желаемого перелома борьбы, пусть она еще не смогла разбить группу армий фон Бока. Но на полях Смоленщины советские войска в напряженных кровопролитных боях настолько потрясли наиболее мощную группировку фашистской армии, что заставили германское командование впервые во второй мировой войне заняться пересмотром оперативных планов.

В начальной стадии Смоленского сражения армиям фон Бока удалось добиться серьезного успеха. Танковые группы Гудериана и Гота прорвались к Смоленску и Ярцево, к Ельне, Кричеву, Духовщине. Но здесь они встретили упорное сопротивление⁵⁴⁴. В "смоленских воротах" войска генерала П. А. Курочкина, сначала решительно отбивая атаки, а затем ведя бои в оперативном окружении, сковали более десятка немецких дивизий. Дивизии генерала М. А. Лукина сражались за Смоленск. Корпус генерала Ф. А. Бакунина

стойко оборонял окруженный Могилев. Под Ярцево стояла насмерть группа войск К. К. Рокоссовского. А созданный Гудерианом вокруг города Ельни выдвинутый к востоку плацдарм, который немецкие генералы сразу же стали рассматривать как трамплин для последнего броска на Москву, немцам никак не удавалось расширить из-за активного сопротивления частей генерала К. И. Ракутина. Более того, 21-я армия под командованием генерала Ф. И. Кузнецова перешла в наступление южнее Бобруйска и надолго связала 2-ю армию фельдмаршала фон Вейхса.

В середине июля 1941 г. стратеги из "Вольфшанце" начали все больше ощущать, что сопротивление советских войск постепенно сковывает их волю. Это были двадцатые - тридцатые сутки войны против Советского Союза. В Польше к такому же сроку все уже было кончено, во Франции - приближалось к полной развязке. Но здесь, в России, стало получаться как-то иначе. Везде имелся крупный успех, но нигде все еще не чувствовалось приближения действительной победы. И все же два года военных триумфов сделали победу в умах завоевателей чем-то совершенно обязательным и закономерным. Вплоть до 20-х чисел июля в расчетах Гитлера и его штабов совершенно ясно обнаруживается автоматическое повторение довоенных оценок возможностей ведения войны против СССР, уверенность, что расчеты плана "Барбаросса" верны, что события будут протекать точно по графику и закончатся в срок, несмотря на отдельные трудности.

От взгляда историка не должно ускользнуть, что одновременно, начиная с середины и второй половины июля, в умах высших руководителей генерального штаба начинает медленно вызревать переоценка некоторых исходных расчетов "восточного похода". Конечно, пока этот процесс только начинался, и он, повторяем, не мог сразу быть вполне осознан. Но здесь - именно процесс, причины которого прослеживаются в историческом аспекте совершенно четко. И генералы из высших штабов могли сколько угодно отрицать наличие угрозы срыва их намерений и ждать скорого окончания похода, но подсознательно они начали ощущать ее. Пройдет немного времени - процесс разовьется, и переоценки станут неизбежными. Уже в середине июля мы встречаем в оценках обстановки штабом сухопутных сил первые тревожные нотки, которые довольно скоро переходят в минорные аккорды. В меньшей степени новые интонации заметны в тех выводах, которые делают Гитлер и ОКВ, быстрее они нарастают в штабе сухопутных сил, тесно связанном с фронтом, с войсками и чувствительнее реагировавшем на все импульсы борьбы.

Утром 15 июля, когда немецкие войска приближались к Смоленску, фельдмаршал Браухич говорил по телефону с командующим группой армий "Центр" Боком о ходе Смоленского сражения и ближайших перспективах.

- Я должен констатировать, - доложил своему начальнику фон Бок, - что на Днестре и восточнее в настоящее время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но результат его еще совершенно не ясен. Не следует считать общее положение там слишком легким. Победа еще не одержана.

- В первую очередь, - ответил Браухич, - надо довести до конца сражение за Смоленск... Не может быть и речи о дальнейшем стремительном продвижении танков на восток после овладения районом Смоленска. Русские дерутся не так, как французы: они нечувствительны на флангах. Поэтому основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских⁵⁴⁵.

Новый противник дерется "не так", как предыдущие! Это вызвало новые проблемы, которые стали возникать перед германским генеральным штабом. Во второй половине июля у него уже не оставалось сомнений: вермахт встретился с могущественной армией, стоящей насмерть за родную землю. "Русские войска сражаются, как и прежде, с величайшим ожесточением"; "противник наверняка не думает об отступлении"; "противник ведет упорные атаки"; "большая активность", "твердость управления" - такие оценки немецкими генштабистами советского командования в июле 1941 г. встречаются все чаще⁵⁴⁶.

Одновременно сюрпризом за сюрпризом преподносила разведка. В середине июля она обнаруживает усиление "в несколько раз" советских войск на западном направлении⁵⁴⁷,

выясняет развертывание нескольких новых группировок Красной Армии на широком фронте от Ленинграда до Киева, что порождало в "Вольфшанце" всяческие тревоги.

"Меня все в большей степени начинает беспокоить вопрос, - пишет Гальдер 19 июля, - не появились ли уже на фронте группы армий "Север" авангарды группировки противника, сосредоточивающейся в районе Бологое - Ржев?"⁵⁴⁸

Получалось как-то само собой: в генеральном штабе все меньше и меньше говорили о полной победе над Россией в несколько недель и кое-что стало представляться в ином свете, чем еще месяц назад. "Ожесточенность боев, которые ведут наши подвижные соединения, действующие отдельными группами, пришел к выводу Гальдер 20 июля, - а также медленность прибытия на фронт пехотных дивизий... и, кроме того, большое утомление войск, с самого начала войны непрерывно совершающих длительные марши и ведущих упорные кровопролитные бои, - все это вызвало известный упадок духа у наших руководящих инстанций. Особенно ярко это выразилось в совершенно подавленном настроении главнокомандующего сухопутными войсками"⁵⁴⁹. Все чаще высказываются сомнения в "возможности достижения решающего успеха" на тех или иных направлениях, ибо упорное сопротивление Красной Армии "приводит к критическому обострению обстановки на отдельных участках"⁵⁵⁰.

Гитлеровское руководство могло считать, что кампания стоит перед совершенно новыми перспективами с того момента, когда обнаружило отсутствие за Днепром "пустоты". И поскольку советское командование меньше чем за месяц выдвинуло из глубины такие резервы, которые по расчетам германского генерального штаба оно могло развернуть лишь за полгода, постольку становилось все более очевидным: "за Днепром" война не кончается, а только лишь начинается.

В эти дни генерала Паулюса навестил в главной квартире ОКХ у Растенбурга его старый приятель генерал Кирхгейм, командир дивизии, сражавшейся в Африке. Беседуя с Паулюсом, он спросил, не произойдет ли на Востоке чего-либо непредвиденного, особенно во время зимы. Паулюс ответил, что сложные проблемы, с которыми придется столкнуться зимой, станут самой большой заботой ОКХ, тем более что операции начались позднее, чем предполагалось. Но, продолжал Паулюс, когда он доложил об этом фюреру, тот пришел в возбуждение: "Я не хочу больше слушать эту болтовню о трудностях снабжения наших войск зимой. Создавать себе из этого какие-либо препятствия совершенно нет необходимости, потому что не будет никакого зимнего похода. Спокойно доверьте это моему дипломатическому искусству. Армия должна нанести русским только несколько сильных ударов... Тогда обнаружится, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Я тем самым категорически запрещаю говорить со мной о зимнем походе"⁵⁵¹.

Конечно, о "зимнем походе" прежде не думал ни один генерал, включая Паулюса и Гальдера. Но теперь... Темп наступления падал. Уже в начале июля ОКХ досрочно ввело из стратегического резерва 14 дивизий, около 60% его состава. Восстанавливать израсходованный резерв было нечем⁵⁵². Советские войска продолжали сражаться с необычайным, нарастающим упорством. 19 июля Гитлер отдал директиву No 33: группе армий "Центр" продолжать наступление на Москву только пехотой. Танковые соединения группа армий должна повернуть: часть - к северо-западу, чтобы прервать коммуникации между Москвой и Ленинградом, другую часть - на юг, в тыл группировке советских войск на Украине. Этот новый план свидетельствовал о том, что группы армий "Север" и "Юг" из-за упорного сопротивления Красной Армии уже не могли решать свои задачи собственными силами.

Советские войска сначала замедлили, а потом остановили продвижение армий фон Бока под Смоленском. И сразу же в гитлеровском лагере возникло еще больше непредвиденных проблем.

III

Возникает существенный вопрос: представляло ли собой изменение принципиальных решений германского верховного главнокомандования о ведении операций на Восточном фронте в июле - августе 1941 г. некое "свободное творчество умов" ОКВ и ОКХ, плод "борьбы генералов против ошибочных расчетов Гитлера" или же эти решения были вынужденными и принимались под влиянием неумолимых сил извне?

Авторы большинства исторических исследований, вышедших на Западе после второй мировой войны, рассматривают процесс выработки решений германским командованием летом 1941 г. лишь как борьбу между взглядами Гитлера, ОКВ, с одной стороны" и генерального штаба сухопутных сил - с другой.

Генерал Г. Блюментритт пишет в книге "Роковые решения": "В конце июля и начале августа мы потеряли несколько драгоценных недель, пока наше верховное командование размышляло о том, какой стратегии нам лучше всего придерживаться". Рассказав далее о столкновении мнений Гитлера, стремившегося на Украину и Кавказ, и Браухича, отстаивавшего идею наступления на Москву, автор делает вывод: "Нам предстояло дорого заплатить за бесплодные споры, занявшие несколько недель августа и весь сентябрь"553 - 555. Следовательно, почти двухмесячная остановка группы армий "Центр" под Смоленском объясняется не ходом борьбы на фронте, точнее, не героическим сопротивлением Красной Армии, а "потерей времени в спорах" и "размышлениях" в среде германского высшего командования.

Но вправе ли непредвзятый исследователь игнорировать тот факт, что все вопросы германской стратегии лета 1941 г. могут быть объяснены лишь в том случае, если их рассматривать в тесной связи с действиями Красной Армии, в обусловленности ими? Безусловно нет. Однако некоторые исторические труды, вышедшие, в частности, в ФРГ, освещают проблемы 1941 г. именно без учета определяющего воздействия борьбы Советских Вооруженных Сил на стратегию немецко-фашистского командования556. В этом их односторонность, которая, как известно, никогда не помогает воссоздать объективную картину истории.

Оценивая до 20-х чисел июля обстановку все еще вполне оптимистически, Гитлер хотел внушить генералам и войскам уверенность в близкой победе на Востоке.

...Особый поезд Гитлера двинулся вечером 20 июля из Растенбурга в первую поездку на оккупированную территорию Советского Союза. На следующий день в вагоне фюрера началось совещание с командующим группой армий "Север" фельдмаршалом Леебом и его помощниками. Гитлер заслушал краткий доклад фельдмаршала лишь для формы и не дал ему много говорить, так как считал, что наперед знает все, о чем тот может сказать.

- Необходимо быстрее занять Ленинград, - начал свою речь Гитлер, - и урегулировать положение в Финском заливе, чтобы парализовать русский флот. От этого зависит бесперебойный подвоз руды из Швеции. Нужно считаться с тем, что если русские подводные лодки будут лишены базы в Финском заливе и на балтийских островах, то вследствие затруднений в подвозе материальных средств и горючего они смогут продержаться не более 4-6 недель557.

Гитлер нетерпеливо стремился решить прежде всего военно-экономические вопросы. Он искал скорейшего результата именно в этой области, чтобы сразу же начать эксплуатировать успех.

И поэтому фюрер подгоняет армии, наступающие на Украине. Более того, так как Рундштедт продвигается слишком медленно, Гитлер стал склоняться к мысли направить ему в помощь с севера танковую группу Гудериана. Он продолжал:

- В такой связи возможно, что Гудериан повернет на юго-восток, и, таким образом, для наступления на Москву останутся только пехотные силы группы армий "Центр". Это обстоятельство, - твердо закончил Гитлер, - не составляет для меня ни малейшей заботы, ибо Москва для меня - это только географическое понятие558.

Относительно ожидаемого нового сражения, особенно 4-й танковой группы, фюрер

сказал, что предвидит упорное сопротивление русских южнее Ленинграда.

- Русскому руководству должно быть ясно, что потеря Ленинграда - это потеря одного из важнейших символов русской революции и что это может означать полное поражение.

И в заключение Гитлер заявил:

- Принимая во внимание общее положение на Восточном театре военных действий, в ближайшее время необходимо ожидать развала русских. Он станет тем более полным, чем чувствительнее будут наноситься сейчас удары⁵⁵⁹.

Совещание окончилось. Казалось, все указания даны. Гитлер и его ближайшие сообщники торопились вернуться назад. Поезд отправился в Растенбург.

Итак, фюрер предсказал: поражение Красной Армии все же вот-вот наступит.

Но если полная победа близка, как он сейчас предвидит, то ведь необходимо дать армии план дальнейших действий до выхода к Волге - конечному рубежу "восточного похода" - и позже, после войны. Пора уже решить, какие войска будут выведены из России после победы, т. е. уточнить прежние наметки.

К утру 23 июля из-под пера Йодля появился проект новых указаний верховного главнокомандования, получивший название "Дополнения к директиве No 33", документа удивительного, ставшего, пожалуй, свидетельством самых больших в истории германского генерального штаба заблуждений. Чего же сейчас требовало верховное командование? Немедленного занятия танками Украины, Крыма и Кавказа, пехотой - Москвы и Ленинграда, быстрого выхода к Волге. Затем часть победоносной армии отправится домой.

1-й и 2-й танковым группам предстояло "при поддержке пехотных и горных дивизий после достижения индустриального района Харькова наступать через Дон на Кавказ". Группа армий фон Бока после завершения боев в районе Смоленска "достаточно сильными пехотными соединениями своих обеих армий" разобьет противника, "еще находящегося между Смоленском и Москвой", и, нанося удар левым флангом, займет Москву. Затем 3-я танковая группа двинется к Волге⁵⁶⁰.

Развивая мысли Гитлера, ОКВ в конце июля разработало программу дальнейшего наступления через Кавказ в Иран и Ирак, а также марша на Урал.

Вторжение на Ближний Восток намечалось провести после полной победы над СССР в шесть этапов: 1) захват района развертывания на Северном Кавказе (ноябрь 1941 г.); 2) развертывание для наступления через Кавказ (до конца мая 1942 г.); 3) наступление через Кавказ (июнь 1942 г.); 4) наступление до Араса; 5) захват Тегерана и Керманшаха в качестве исходного района для наступления к ирано-иракской границе; 6) наступление для достижения цели операции пограничных перевалов Ревандуз и Ханаган (с 4-6 июля до начала сентября 1942 г.)⁵⁶¹.

Конечно, ОКВ понимало, что подобный рейд всецело зависит "от хода текущих восточных операций"⁵⁶². Более того, предпосылкой "наступления через Кавказ" считалось достижение зимой 1941 г. Волги⁵⁶³. При этом штаб верховного главнокомандования точно рассчитывал: преодоление Кавказа осуществится по трем направлениям - вдоль побережья Черного моря на Батуми, по Военно-Грузинской дороге и вдоль Каспийского моря на Махачкалу и Баку; горным частям предстояло двинуться через перевалы Главного хребта. Читая план, нельзя не чувствовать уверенности ОКВ в том, что "текущие восточные операции" не станут помехой скорого завоевания вермахтом ближневосточной нефти. И тем более они не смогут замедлить оккупацию в ближайшем будущем уральской индустриальной области. 27 июля ОКВ определило силы для "широко задуманной моторизованной экспедиции" на Урал: восемь танковых, четыре моторизованные дивизии и несколько пехотных соединений⁵⁶⁴ вскоре двинутся по "русским равнинам" к восточной границе Европы и там, на перевалах Уральского хребта, завершат покорение континента.

IV

Соображения ставки Гитлера были восприняты в генеральном штабе сухопутных сил довольно скептически. В последующие дни ОКХ стало активно добиваться отмены новых

далеко идущих решений, хотя полностью соглашалось с предыдущими. Произошло это потому, что именно Браухич, Гальдер и их аппарат, а никак не верховное руководство, находились под постоянными атаками фронтовых командиров, уже давно требующих изменить непосильное для Восточного фронта бремя задач и непрерывно сообщающих о тяжелых потерях, об упорном, все время растущем сопротивлении советских войск, о перенапряжении всего военного механизма. Начальник штаба группы армий "Центр" 17 июля докладывал: "Положение с горючим в танковых группах, особенно в 3-й танковой группе, настолько серьезно, что в настоящее время больше не представляется возможным делать большие переходы"⁵⁶⁵. Штаб 2-й армии доносил 23 июля: "Положение с лошадьми и автотранспортом в настоящее время плохое... Сильно дают себя чувствовать высокие потери, в особенности убыль офицеров". В результате объявлялось решение: "Армия временно переходит к обороне... Командование армии твердо убеждено в том, что армия сможет удержать предписанную ей приказом линию"⁵⁶⁶. В тот же день штаб 4-й армии сообщил о "несломленном боевом духе русских"⁵⁶⁷ и т. д. После таких докладов могли ли Браухич и Гальдер не возразить против лихой директивы ОКВ No 33 насчет того, чтобы вермахт немедленно оказался на Волге? Однако возражали они так, чтобы сохранить свой престиж в армии, снять с себя ответственность за неудачи и вместе с тем, как всегда, остаться лояльными к фюреру.

Днем 23 июля Браухич появился у Кейтеля. Стараясь быть возможно более твердым, во всяком случае в той степени, на которую он, питавший страх перед фюрером, мог отважиться, Браухич вошел к генерал-фельдмаршалу и сказал:

- Осуществление оперативных намерений, изложенных в "Дополнении" к директиве No 33, я считаю, ввиду положения на фронте, особенно в группе армий "Центр", пока невозможным. Я настойчиво прошу вас, как начальника штаба верховного командования, взять обратно составленное, но еще не подписанное "Дополнение" к директиве, т. е. отменить его по крайней мере до тех пор, пока закончится идущее сейчас сражение.

Кейтель, конечно, отказался выполнить просьбу Браухича, ибо он был одним из авторов "Дополнения" и не собирался идти к фюреру насчет отмены собственных предложений.

Днем 23 июля "Дополнение" было подписано и разослано. Браухич решился попросить приема у Гитлера⁵⁶⁸.

В тот же вечер фюрер его принял. Пришли также Гальдер и Хойзингер. Когда Гальдер, развернув карты на широком столе, начал доклад, фюрер услышал более чем сдержанные оценки положения и перспектив. Прежде всего начальник генерального штаба подчеркнул, что при проведении дальнейших операций следует ожидать сильного сопротивления русских, которые имеют сейчас на фронте 93 дивизии, в том числе перед группой армий "Центр" - 35 1/2 дивизии, а перед группой армий "Север" - 34 дивизии. Потери собственных войск оценивались в 50% для танковых и моторизованных дивизий и в 20% - для пехотных⁵⁶⁹. На юге немецкие войска не смогут преодолеть Днепр раньше середины августа. Группе армий "Центр" предстоит прежде всего заняться ликвидацией "смоленского мешка", что тоже не просто. При наступлении на Москву она встретит сильнейшее сопротивление и крепкую противовоздушную оборону. Что касается войск на севере, то начальник генерального штаба смог лишь сказать о плохой их группировке и поставить вопрос о необходимости ее изменить⁵⁷⁰. Ко всему этому Гальдер сослался на большую потерю времени, которую вызовет проведение операций, задуманных ОКВ, причем конечная цель войны таким путем все равно не будет достигнута.

Столь пессимистический доклад без предложений о путях достижения конечной цели, поставленной им самим, явно не понравился фюреру. Руководители армий выслушали длинную речь, из которой следовало, что Гитлер не имеет никаких новых идей, кроме исходного плана войны и своего пресловутого "Дополнения" к директиве No 33. Гитлер вновь напомнил о "трех первостепенных целях": первая Ленинград, "важный в индустриальном и морском отношении, главнейший город большевизма"; вторая цель -

Москва и третья - "Украина с промышленным центром и нефтяным районом восточнее"⁵⁷¹.

- Как я уже говорил вам, - заявил с раздражением Гитлер, - после окончания битвы под Смоленском 2-я и 3-я танковые группы должны быть повернуты направо и налево для поддержки групп армий "Юг" и "Север". Группе армий "Центр" предстоит наступать на Москву пехотой.

Но тут, ясно обнаруживая неуверенность, импульсивность своих решений, Гитлер пообещал "снова проверить целесообразность ранее полностью оправдывавших себя принципов использования подвижных соединений"⁵⁷².

Вечерний визит к Гитлеру закончился для Браухича и Гальдера весьма незначительным успехом, и уж конечно они не смогли поколебать уверенность своего верховного главнокомандующего в скорой победе. Тем временем войска получили приказ о дальнейшем наступлении в глубь Советского Союза.

Командование сухопутных сил, которому предстояло выполнять директивы Гитлера, в конце июля 1941 г. в достаточной степени осознало силу Красной Армии. Трудно сказать, намечались ли первые признаки отрезвления всех. Но во всяком случае Браухич и Гальдер поняли, что достигнуть тех рубежей, которых требовало ОКВ, в ближайшее время не удастся. И они не собирались нести всю ответственность за срыв "предначертаний" Гитлера, за ошибки Кейтеля, Иодля и их аппарата. Штаб сухопутных сил пытался воздействовать на ОКВ, чтобы до поры до времени отложить тщетные попытки выполнить невыполнимое. Браухич и Гальдер не ограничились визитом к Гитлеру и той же ночью составили документ, фиксирующий их взгляды на положение дел. Затем появилась на свет еще одна, более подробная записка, содержание которой теперь уже со всей очевидностью говорило о надвигавшемся кризисе.

Первый документ повторял доложенные Браухичем Кейтелю возражения против "Дополнения" к директиве № 33. Во второй записке, разработанной штабом сухопутных сил, особо подчеркивались трудности достижения намеченных целей.

После многих реверансов в адрес верховного руководства и, оговариваясь, что он исходит лишь "из военных соображений", штаб сухопутных сил излагал мнение о продолжении войны на Востоке. "Стремление русских будет заключаться в том, чтобы создать оборонительный фронт между Черным и Балтийским морями и остановить перед ним продвижение наших сил до наступления зимы. Они стремятся к позиционной войне по возможности впереди своих важных промышленных центров. Если им это удастся, то мы будущей весной встретимся с заново сформированными, вооруженными и обученными силами русских. Такое обстоятельство уже в ближайшее время потребовало бы использовать на Востоке крупнейшие немецкие силы. Стратегическая цель войны против России - в войне на два фронта быстрее устранить одного противника, чтобы иметь затем возможность всеми силами разбить другого (Англию), - тем самым не была бы достигнута. Поэтому задача дальнейших операций на Востоке состоит в том, чтобы при всех обстоятельствах сорвать этот план противника и тем самым создать предпосылки для выхода подвижных групп в глубину русского пространства". Это намерение, по мнению ОКХ, можно лучше всего выполнить, если удастся, "наступая на Москву, сломать спиной хребет русского оборонительного фронта. В этом наступлении будут уничтожены все предполагаемые крупнейшие русские силы, потому что русские будут биться за Москву до последнего и беспрестанно вводить в бои новые силы. Захватом района Москвы будет разгромлен центр русского аппарата управления, транспортный центр русских и важнейший центр русской промышленности. Россия будет разрезана на северную и южную половины, и тем самым будет чрезвычайно затруднено организованное сопротивление"⁵⁷³.

Штаб сухопутных сил предлагал, чтобы группа армий "Центр" начала готовить наступление на Москву, в котором участвовали бы не только пехотные, как требовал штаб верховного руководства, но и танковые войска. Браухич и Гальдер считали, что такое наступление может начаться не позже 12 августа и тогда в начале сентября будет достигнута Москва⁵⁷⁴. Они просили ОКВ доложить их мнение фюреру с тем, чтобы окончательное

решение о наступлении на Москву было бы принято 4 августа.

Руководители генерального штаба нашли в себе силы, чтобы сказать наконец Гитлеру о мощи Красной Армии и, следовательно, тем самым косвенно признать ошибочность своих довоенных оценок. Более того, они уже в конце июля допускают возможность неудачи столь желанного для них наступления на Москву и признают, что Советский Союз своим героическим сопротивлением уже добился крупного политического и военного выигрыша. И в итоге, что особенно важно, генеральный штаб впервые, в разгар летней кампании, ставит вопрос о возможности продолжения войны зимой, о кошмаре превращения "молниеносной войны" в позиционную, следовательно, о провале исходного плана агрессии против Советского Союза и о возможной, с их точки зрения, "войне на два фронта" против СССР и Англии⁵⁷⁵.

Но вместе с тем генеральный штаб сухопутных сил, как и всегда, принципиально един с Гитлером и стремится лишь наилучшим образом выполнить единую задачу, пусть несколько иным путем. Он готов продолжать наступление, хотя теперь осведомлен, что такое Красная Армия и как она воюет. Генеральный штаб просит лишь одного: укрепить войска и главный удар сосредоточить на Москву. Ведь Клаузевиц и Мольтке учат, что после занятия вражеской столицы сразу наступает победа.

Пройдет очень немного времени, и германскому генеральному штабу придется убедиться в ошибках и заблуждениях не только Гитлера, но и в своих собственных, в обреченности и "южного", и "северного", и "московского" вариантов. И, наконец, в том, как опасно пользоваться советами даже больших военных авторитетов прошлых эпох, когда имеешь дело с новыми обстоятельствами в новую эпоху.

V

Чтобы понять, почему германское верховное командование в период с 23 по 30 июля начало пересматривать свои планы наступления на Восточном фронте, нужно обратиться к действиям советских войск под Смоленском. Тогда станет совершенно понятно, что дело не в том, что Браухич или Гальдер сумели за неделю убедить фюрера в своей правоте, что суть вопроса не в искусстве и трезвом взгляде генштаба и не в том, что генералы смело противостояли Гитлеру. Дело прежде всего в другом: Красная Армия своей героической борьбой сорвала планы ОКВ, вынудила Гитлера отказаться от планов немедленного наступления к Волге, на Кавказ и Ближний Восток и отдать приказ о переходе к обороне на главном центральном направлении советско-германского фронта. Ставка Верховного Командования Красной Армии приняла срочные меры по выдвиганию на западное направление свежих сил, по расширению фронта обороны, созданию ее глубины и строительству оборонительных рубежей⁵⁷⁶. 20 июля по требованию И. В. Сталина главком западного направления маршал С. К. Тимошенко начал организацию наступления с целью ударами с трех направлений на Смоленск разгромить войска фон Бока. В последующие дни борьба достигла предельного накала. Ее главными очагами стали районы Смоленска, Ярцева, Ельни.

Вот некоторые документы советского командования, характеризующие атмосферу тяжелейшей борьбы тех дней.

Доклад маршала Тимошенко в Ставку 22 июля: "В Смоленске седьмой день идет ожесточенный бой. Наши части на утро 21 июля занимают северную часть города, вокзал на северо-западе, сортировочную станцию и аэродром в северо-восточной части. По показаниям прибывших вчера пленных, город завален трупами немцев. Наши части понесли также большие потери... Рокоссовский сегодня предпринял обход с флангов и тыла, но контратакой немцев вынужден отвести свой правый фланг на восточный берег р. Вопь, удерживая 38 сд тет-де-пон у Ярцево... 107 сд отбила трехкратную атаку севернее Ельни с большими потерями противника"⁵⁷⁷.

24 июля маршал С. К. Тимошенко доносил в Ставку: "В результате упорной борьбы в Смоленске части 16 армии продолжают удерживать северную, северо-западную и восточную

части города, все время атакуют противника, занимающего южную и юго-западную часть города... 20 армия т. Курочкина, сдерживая атаки до 7 дивизий противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, особенно вновь прибывшей на фронт 5 пехотной дивизии, наступавшей на Рудня и к востоку. Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5 пехотной дивизии оказала батарея "РС", которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудня противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день. В батарее осталось 3 залпа. Просим о присылке еще двух-трех батарей с зарядами. 20 армия перегруппировала свой 5 мехкорпус и прикрыла тыл тов. Лукина и подготовила его, во взаимодействии с т. Хоменко, для удара в тыл ярцевской группировки противника.

В районе Ярцево в течение 3 дней идут кровопролитные бои с большими потерями для обеих сторон... В 13 армии могилевский корпус, окруженный 5 пехотными дивизиями, в результате упорных боев, особенно 22 и 23 июля, разбил две дивизии противника. Немцы образовали кольцо вокруг Могилева, и командующему 13 армией приказано, приведя армию в порядок, совместно с частями 21 армии и 4 армии начать наступление для соединения с могилевским корпусом"578.

27 июля маршал Тимошенко сообщал: "Противник, встречая наше упорное сопротивление, в ярости бросается во все стороны, и последнее движение частей ярцевской группировки на юг преследует цель отрезать пути питания 16 и 20 армий. К 20.00 27.7 обнаружено его поспешное окапывание по западному берегу р. Вопь и р. Днепр на участке южнее Ярцево, Задня... Ярцево твердо удерживается Рокоссовским"579.

На следующий день начальник штаба главкома западного направления маршал Б. М. Шапошников отдавал распоряжение войскам:

"1. Противник мечется и старается замаскировать свою неготовность к активным действиям мелкими наступлениями на различных участках нашего фронта.

2. Главкомандующий приказал потребовать от всех командиров и бойцов самых решительных активных действий и не терять ни одного часа в нашем наступлении, а потому:

1) Всем командующим группами вести самое решительное наступление, не давая противнику приводить себя в порядок и опомниться от наших ударов.

2) Не переоценивать силы противника, не думать, что он силен, что он не несет потерь, а поэтому стоек и непобедим. Наоборот, противник несет большие потери и с трудом держится под нашими ударами..."580

Стойкая оборона советских войск, их упорные наступательные действия выматывали группу армий фон Бока. Генерал Гот, командующий 3-й танковой группой, докладывал ему в эти дни: "Потери в танках составляют теперь 60-70% состава"581. Под Ельней немецкие войска несли тяжелейшие потери. П. Карелль пишет: "Далеко из линии фронта выдвинута на восток ельнинская дуга. Это была вершина немецкого фронта... Она - естественный стратегический плацдарм для наступления на Москву... С конца июля до начала сентября здесь развернулась первая большая оборонительная битва группы армий "Центр". Девять немецких дивизий в течение недель прошли через кровавую печь Ельни"582.

В начале августа на центральном участке советско-германского фронта установилось определенное равновесие сил. Окруженные западнее Смоленска советские 20-я и 16-я армии прорвались из кольца и отошли за Днепр. Армии маршала Тимошенко охватили фланги группы армий "Центр". Здесь все остановилось. Между группами армий "Центр" и "Юг" образовался огромный разрыв"583.

Гитлер начал колебаться: быть может Браухич и Гальдер в чем-нибудь и правы? Способна ли действительно группа армий "Центр" продолжать наступление? Чтобы проверить точку зрения штаба сухопутных сил, в Борисов к Боку вылетел Кейтель. Вечером 23 июля он появился в штабе группы армий. В итоге беседы с командующим начальник ОКВ выяснил, что войска фон Бока действительно не могут продолжать наступление"584. Попытки убедить штаб в Борисове, что конечная победа близка, разбивались о неопровержимые аргументы: Красная Армия стоит насмерть, немецкие войска нуждаются в передышке и

пополнении.

В эти последние дни июля 1941 г. в ОКВ и ОКХ наблюдается причудливое переплетение самых разных планов и мнений, высокомерной уверенности и затаенного, впервые пробудившегося понимания опасности. Гитлер, Кейтель, Йодль как бы убеждают себя и армию, что ничего особенного не произошло, и если вермахту придется сделать остановку в центре Восточного фронта, то лишь временно и никак не из-за русского сопротивления, а потому что нужна пауза и фюрер вообще теряет интерес к Москве.

27 июля в специально рассылаемой информации для высшего руководства вооруженных сил штаб верховного командования сообщал: "Генерал Йодль изучает вопрос о продолжении операций после завершения битвы под Смоленском. Он высказывается за то, чтобы все же иметь в виду наступление на Москву. Не потому что имеет значение вражеская столица, но вследствие того, что здесь следует ожидать появления боевых групп противника"585.

На следующий день руководство сухопутных сил было оповещено: "Фюрер снова повторяет, что для него промышленный район Харькова важнее Москвы"586. Такая оценка предшествовала более важному решению, окончательно сложившемуся в тот же день на очередном совещании в "узком кругу": "Ввиду развития обстановки в последние дни, прежде всего вследствие ввода противником новых крупных сил перед фронтом и на флангах группы армий "Центр", фюрер пришел к убеждению, что мысль о продолжении глубоких операций, как он находил это необходимым в "Дополнении" к директиве No 33 от 23 июля, должна пока отступить на задний план перед уничтожением вражеских сил, действующих перед фронтом. Поэтому фюрер указал в качестве неотложной задачи главнокомандующему сухопутными силами на необходимость улучшить обстановку на правом фланге группы армий "Центр" путем разгрома группировки противника, находящейся в районе Гомеля и севернее. Для этого 2-я танковая группа после необходимого ее пополнения должна наступать из района Кричева и восточнее в строго юго-западном направлении на Гомель, чтобы не допустить отхода противника на восток или на юг"587.

Так, меньше чем через неделю верховное командование отказалось от своих иллюзорных планов, от надежд на "немедленную победу". О "быстрейшем выходе к Волге" и "скором возвращении домой" стали как-то деликатно умалчивать. Кроме того, фюреру ничего не оставалось, как "утвердить" переход фон Бока к обороне. Но вряд ли для солдат группы армий "Центр" имело особое значение, что вот теперь они обороняются и по приказу фюрера, отданному после того, как их бросило в оборону такое стойкое сопротивление советских войск Западного фронта. Фюрер стал "утверждать" успешные действия противника. Что-то такого еще не бывало в практике вермахта!

Официальная отмена Гитлером принятого неделю назад решения о немедленном захвате Москвы, выходе к Волге, на Кавказ и возвращении домой части войск произошла 30 июля, когда фюрер подписал директиву No 34: "Развитие обстановки в последние дни, появление крупных сил противника перед фронтом и на флангах группы армий "Центр", положение со снабжением и необходимость предоставить 2-й и 3-й танковым группам около 10 дней для отдыха и пополнения их соединений требуют пока отложить дальнейшие задачи и цели, поставленные директивой No 33 от 19.7 и "Дополнением" к ней от 23.7"588.

ОКВ приказывало на северном участке Восточного фронта продолжать наступление на Ленинград; на южном участке фронта "уничтожить крупные силы противника западнее Днепра", захватить плацдарм на Днепре у Киева и южнее и создать условия для ввода 1-й танковой группы на восточном берегу реки.

Группе армий "Центр" разрешалось проводить лишь частные действия для улучшения позиций на флангах. Понесшие большие потери 2-я и 3-я танковые группы выводились с фронта для отдыха и пополнения589. Это было уже нечто совсем другое.

Прошло немногим больше месяца, и мастера "блицкрига" в немецких штабах становились все более озабоченными: что же такое происходит?

VI

Утром 4 августа Гитлер, Кейтель и Иодль прибыли на центральный участок Восточного фронта, в город Борисов, где располагался штаб фон Бока. Здесь предстояло разрешить все новые вопросы, возникшие из-за того, что ход событий стал принимать совсем неожиданный оборот. Когда все расселись в просторном помещении штаба, генерал-фельдмаршал Бок, сухопарый, натянутый, как струна, подошел к карте и с разрешения Гитлера начал доклад об обстановке на фронте.

Завоевателю Парижа, каким он себя втайне считал, очень хотелось стать завоевателем Москвы. Он еще помнил обиды 1940 г., когда в разгар успеха наступления в Бельгии штаб верховного руководства лишил группу армий "Б" всех танковых дивизий и заставил играть второстепенную роль в триумфальном марше к побережью. Но сейчас грозило нечто худшее. Он, Бок, остановлен на пути к советской столице не приказом фюрера, а Красной Армией, которую все, не только Бок, еще так недавно считали разбитой. И фюрер приезжает к нему, чтобы снова подчеркнуть: отныне его войска, возможно, будут опять отодвинуты на второй план в грандиозных задачах стратегии. Но и сам Бок понял, что дальше наступать невозможно. Его войска в состоянии лишь улучшать позиции, но не наносить решительные удары. Целая гамма чувств таилась за непроницаемой маской лица фельдмаршала, когда он начал свой доклад перед Гитлером.

Что мог сказать фон Бок? Только то, что советские войска не разбиты, не отступают и не дрогнули, а везде яростно атакуют и подводят все новые резервы. Войска группы армий перенапряжены, потери растут, и на втором месяце войны группа армий "Центр" повсюду остановлена. Нужно удержать любой ценой Ельню и ликвидировать, наконец, окруженную группировку под Смоленском. Нужно добиться успеха у Великих Лук. Заканчивая короткую характеристику положения, Бок сказал:

- Дальнейшее наступление группы армий "Центр" я считаю, мой фюрер, опасным и предлагаю в сложившейся обстановке занять прочные позиции, чтобы переждать русскую зиму⁵⁹⁰.

Фон Бока сменили командующие обеими его танковыми группами Гудериан и Гот. Их сообщения внесли лишь некоторые дополнительные краски в общую довольно мрачную картину.

- 2-я танковая группа, - заявил Гудериан, - остро нуждается в пополнении офицерами, унтер-офицерами, рядовыми. Для продолжения крупных операций требуется 70% новых моторов. Если группа получит меньше, то сможет проводить лишь ограниченные операции.

- Я особенно подчеркиваю, - заканчивал свой доклад Гот, - что 3-я танковая группа может вести наступление только с неглубокими задачами, если она не получит требуемых новых моторов.

Гитлер мрачно слушал генералов. Когда они кончили, воцарилось молчание, затем фюрер поднялся.

- Планы Англии, - заявил он, начиная издали, - в настоящее время неясны. Ограничится ли британский противник сражениями на истощение или же попытается сделать высадку на Иберийском полуострове или в Западной Африке? Против подобных попыток или для других надобностей необходимо срочно подготовить подвижные резервы. Для этого могут служить обе танковые дивизии, находящиеся на родине, и вновь формируемые танковые соединения. Последнее требует прежде всего основного количества выпускаемых моторов. Поэтому для 2-й и 3-й танковых групп можно предоставить 400 новых моторов.

- Да, - заметил Гудериан, - но только 2-й танковой группе требуется 300 новых моторов!

Ответа не последовало. Гитлер перешел к главной теме.

- Для решения вопроса о дальнейшем ведении операций, - продолжал он, необходимо четко уяснить: от нас требуется прежде всего лишить русского противника его жизненно важных областей. Первой достижимой целью является Ленинград с русским побережьем

Балтики. Ленинград будет блокирован. Эстония и балтийские острова должны быть заняты. Эти задачи будут решены к 20 августа. На юге события в последние дни развиваются успешно. Противник понес здесь серьезный урон, его силы там больше не могут оцениваться высоко.

Далее фюрер перешел к длинным рассуждениям, смысл которых сводился к тому, чтобы убедить собравшихся в факте поражения Красной Армии.

- Русская армия, - сделал он вывод, - достигла такого состояния, при котором она не сможет больше вести организованные значительные операции. Большие потери противника видны из поражения его известных нам избранных войск, а также, - Гитлер обратился к Гудериану, - из вашего доклада о наступлении на Рославль. Ведь там в отдельных местах русские вообще не оказывали сопротивления, не так ли? У вас, Гудериан, кажется, вообще сложилось впечатление, что можно было наступать дальше на восток, не встречая сопротивления?

Гудериан молчал. Наступила неловкая тягостная пауза. Фюрер встал, подошел к окну. Потом, резко повернувшись, продолжал со все большим накалом:

- Ход операций на Восточном фронте до сих пор развивался более успешно, чем можно было бы предполагать в обстановке, когда мы неожиданно оказались перед фактом, что русские имеют гораздо больше танков и авиации, чем ожидалось. Если бы я, - воскликнул Гитлер, - перед началом похода был бы осведомлен об этом, то принять решение о его необходимости мне было бы намного труднее!

Вырвавшаяся у Гитлера фраза поразила всех сидящих. Что это значит? У фюрера впервые во второй мировой войне появилась пусть незначительная, но все же очевидная нотка досады и признания, быть может, поспешности принятого решения.

Но голос фанатика снова гремел.

- Триумфальным крикам англичан, будто немецкое наступление зашло в тупик, нужно противопоставить невероятно глубокое продвижение наших войск. Маршевое напряжение нашей пехоты превзошло все мыслимые пределы. Раньше я думал, что группа армий "Центр" остановится на линии Днепра и перейдет к обороне. Но теперь она продвинулась значительно дальше. Ей предстоит отдать обе танковые группы и часть пехоты группам армий "Север" и "Юг". Фактически группа армий "Центр" продвинулась дальше, а группа армий "Север" быстрее, чем предполагалось первоначально, - ободрил Гитлер Бока. - Поэтому сложилась новая обстановка, требующая иных соображений.

Внимание слушателей достигло предела.

Гитлер перешел к важнейшей части аргументации своих планов.

- Весьма существенную роль с точки зрения важности для противника играет южная Россия, особенно Донецкий бассейн, который начинается у Харькова. Фюрер сделал акцент на слове "южная".

- Там находится основная база русской экономики. Захват этой области означал бы гарантию полного подрыва всего хозяйства противника. Поэтому я имею в виду прежде всего необходимость поворота крупных сил группы армий "Центр" к югу и танковой группы Гота на северо-восток.

Многозначительно подчеркивая каждую фразу, Гитлер давал понять, что именно здесь лежит основа его дальнейших планов. Затем он повернулся к обоим танковым командирам:

- Генерал-полковники Гудериан и Гот, когда вы будете готовы к новому наступлению?

После короткого размышления оба ответили, что танковые группы смогут быть приведены в готовность для новой операции, если их смена произойдет до 8 августа, причем вопрос о том, сумеют ли они проводить операцию с глубокими или с ограниченными задачами, целиком зависит от удовлетворения потребностей в новых моторах. В качестве срока возможной готовности Гудериан назвал 15 августа, Гот - 18 - 20 августа. Гитлер продолжал:

- Москва с точки зрения жизненной важности для противника стоит на третьем месте. Поэтому операция на юго-восток представляется первоочередной, в то время как в

восточном направлении первоначально, вероятно, лучше остаться в обороне. Кроме того, на юге России период осенних дождей начинается в середине сентября, а в московском районе только в середине октября.

Совещание кончилось. Гитлер отбыл в Полтаву к Рундштедту.

Вечером в штабе сухопутных сил Браухич, Гальдер, Паулюс и Хойзингер обсуждали итоги совещания. Что же политическое руководство считает главной целью? Что важнее: быстрее овладеть Кавказом и Украиной или добиться полного уничтожения противника? Не разрешив дилеммы, генералы пришли лишь к одному выводу: война вряд ли окончится в ближайшее время.

- Не следует ожидать, - заключил Гальдер, - что мы к началу зимы будем на Кавказе.

VII

С точки зрения немецкого военного руководства во второй мировой войне единственным свидетельством успеха любой кампании могло быть только безостановочное наступление. Всякая остановка, потеря темпа грозили тяжелым кризисом, ибо ставили генеральный штаб перед перспективой затяжной войны, к ведению которой Германия не готовилась. Поэтому любую значительную паузу в наступлении генеральный штаб воспринимал болезненно и остро. Под Смоленском Красная Армия держала немцев уже месяц, и сразу перед генеральным штабом возник целый комплекс не предусмотренных ранее проблем. Из армий поступали тревожные сведения: не хватает продовольствия. Гальдер отмечал: "Нам не удалось захватить хорошую русскую продовольственную базу", а первоначальные запасы были рассчитаны только на 20 дней⁵⁹¹. Вызывало тревогу многое: состояние с обмундированием, особенно зимним, о котором уже приходилось подумывать; трудности с железнодорожным транспортом из-за "недостаточного количества захваченных русских вагонов", которые "в большинстве своем приведены в негодное состояние"⁵⁹²; и, наконец, по выражению Гальдера, "вопли войск о пополнении танковых и пехотных дивизий"⁵⁹³, некомплект которых увеличивается. Все это приближало военно-организационный кризис, для преодоления которого гитлеровский военный организм не был готов. Войска везде скованы, совсем лишены свободы маневра, они перенапряжены и утомлены. Великие Луки, Ярцево, Киев, Коростень и особенно Ельня становятся кошмаром: здесь днем и ночью перемалываются немецкие дивизии. Ельня, по оценке Гальдера, стала "типичным театром позиционных военных действий". Она удерживалась по строгому требованию Гитлера, несмотря на постоянно растущие потери.

Генералы вермахта лихорадочно искали новых решений. Все они сознавали, что перспективы становятся хуже и хуже. Некоторые из них обескуражены, иные, вроде Гудериана, думают о лихом наступлении во что бы то ни стало. Но Гитлер именно теперь, в начале августа, стал понимать, с какими трудностями столкнулся вермахт. Что же можно еще сделать в 1941 г.? Какое дальнейшее решение следовало принять в условиях, когда фронт везде останавливается и, по признанию самого Гитлера во время совещания в Борисове, должен будет "стабилизироваться, как в прошлую войну"? Одна из целей войны германских монополий и фашизма - хозяйственно-экономическое ограбление Советского государства. И когда Гитлер почувствовал невыполнимость в 1941 г. плана полной победы над Советским Союзом, с точки зрения интересов германского монополистического капитала и фашизма оказалось в общем-то логичным постараться до осенней распутицы и зимы захватить самое главное, то, о чем все они так давно мечтали, - экономически наиболее богатые области Советского Союза, захватить хлеб, руду, уголь Украины, а может быть, и кавказскую нефть. Ведь Гитлер сказал там же, в Борисове, что "нельзя добиться всего одновременно и всюду". Если не все, то хотя бы это. Тогда поправилось бы экономическое положение Германии и создались бы военно-хозяйственные условия для продолжения войны в 1942 г.

Именно из таких расчетов, а не в результате недомыслия или новой непоправимой ошибки, как иногда утверждается, Гитлер в начале августа 1941 г. решился и вынужден был

перенести главные усилия наступления к югу и в направлении Ленинграда. Последнее обеспечивало господство на Балтике и, в частности, свободу вывоза руды из Северной Европы.

Генералы могли сколько угодно возражать фюреру, адвокаты милитаризма могут ныне патетически восклицать, что своим произвольным решением о повороте из-под Смоленска на юг Гитлер "проиграл войну на Востоке" (как будто она могла быть выиграна при другом решении), но, бесспорно, Гитлер преследовал тогда в чрезвычайно непосредственной форме давние и сокровенные военно-экономические цели фашизма, которые в данном случае еще более прямо, чем раньше, влияли на стратегию и на вновь принимаемые планы.

Когда Гитлер поехал из Борисова в Полтаву, чтобы встретиться с Рундшtedтом, Гальдер, оставшийся в Растенбурге, просил по телефону командующего группой армий "Юг" вновь поставить перед фюрером вопрос о возобновлении после паузы наступления на Москву. Но Гитлер отклонил предложение. Он повторял: Ленинград, Украина и только в последнюю очередь Москва. С особым удовольствием выслушал он доклад Рундшtedта об успешном наступлении танковой группы Клейста на Кривой Рог: "В этом районе, как он ожидает, имеются исключительно ценные залежи высококачественных руд и большая металлургическая база"⁵⁹⁴. Завершив посещение штаба группы армий "Юг" награждением специально прибывшего сюда Антонеску "Рыцарским крестом", Адольф Гитлер закончил свою "фронтную поездку" и отбыл в "Волчье логово". Здесь Гальдер сделал еще одну попытку повлиять на Гитлера, теперь через Иодля.

- Каковы все-таки наши главные цели? - поставил вопрос начальник генерального штаба советнику фюрера. - Хотим ли мы разбить противника или мы преследуем хозяйственные цели, т. е. захват Украины и Кавказа?

- Фюрер считает, - последовал ответ Иодля, - что обе цели могут быть достигнуты одновременно.

- Но если это так, - возразил Гальдер, - мы не можем отдать ни одну из частей, которые должны быть использованы для наступления на Москву. Ленинград можно захватить имеющимися силами, поэтому Леебу нет необходимости что-либо передавать.

Иодль сказал:

- На вопрос, что должно быть нами захвачено: Москва или Украина или Москва и Украина, следует ответить: "Москва и Украина". Мы должны это сделать, ибо в противном случае не сможем разбить противника до наступления осени.

Иодль пообещал, что поставит перед Гитлером вопрос: планируется ли еще до наступления осени захват Москвы и будут ли направлены для этой цели все силы группы армий Бока?

Тем временем группе армий "Юг" удалось окружить на Украине 6-ю и 12-ю советские армии, а группа армий "Север" возобновила наступление на Ленинград. Под впечатлением нового успеха германское верховное командование издало 12 августа "Дополнение" к директиве No 34, в котором группе армий "Юг" ставилась задача захватить плацдарм на Днестре, овладеть Крымом, Донбассом и промышленным районом Харькова. Группе армий "Север" предстояло окружить Ленинград. Что касается группы армий фон Бока, то ей предлагалось прежде всего "ликвидировать вклинившиеся на запад фланговые позиции противника, сковывающие довольно крупные силы пехоты группы армий "Центр"⁵⁹⁵. Кроме того, группе армий фон Бока разрешалось "по своему усмотрению" провести наступление на Москву. Но свобода действий предоставлялась командованию группы армий только, если удастся выполнить ряд условий, прежде всего "окончить операции по захвату Ленинграда". Гальдер разочаровался: "Несмотря на то что "Дополнение" к директиве и содержит указание о свободе действий, оно фактически не дает разрешения на свободу действий в нашем понимании"⁵⁹⁶.

И действительно: о каком наступлении на Москву могла идти речь, когда войска Бока остановлены, ослаблены и еще даже не привели себя в порядок, а взять Ленинград неимоверно трудно?

Как только 15 августа командующий группой армий "Север" фон Лееб под впечатлением смелых действий советских войск под Старой Руссой настоятельно потребовал новых сил, Гитлер вызвал Браухича и приказал ему передать Леебу из группы фон Бока танковый корпус. Ленинград важнее Москвы! Бок, узнав, что он должен опять, как и в Бельгии, отдать все свои танки, рассвирепел. Поуспокоившись, он продиктовал по телефону Гальдеру свое официальное мнение: в таком случае всякая мысль об использовании группы армий "Центр" для наступления на Москву отпадает. Но на занимаемом рубеже невозможно и долго обороняться. "Группа армий своими 40 дивизиями, - сообщал он, - занимает весьма растянутый фронт протяженностью в 730 км, и переход к серьезной обороне вызовет далеко идущие последствия, которые в деталях еще не продуманы".

Гальдер, прочитав сегования фельдмаршала, пришел к выводу: "Теперь группа армий должна перейти к обороне, следовательно, все сделанное и достигнутое за это время было напрасной попыткой". Донесения со всех сторон, как и раньше, содержали сведения об активности и упорстве русских и о прогрессирующем ослаблении немецких войск. "Измученная немецкая пехота не может более вести наступательные бои... Наши войска сильно измотаны и несут большие потери", записывает Гальдер 10 августа. Войска испытывают подавленное настроение, нет никаких резервов, противник продолжает подтягивать новые силы, у Ельни кровопролитные бои - вот главные впечатления генерального штаба между 10 и 15 августа.

Под влиянием всех этих событий и сведений о положении на фронте Гальдер сформулировал 11 августа знаменательный вывод: "На всех участках фронта, где ведутся наступательные действия, войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне... Общая обстановка показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные моменты. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника... И если мы разобьем дюжину из этих дивизий, то русские сформируют еще одну дюжину"597.

Кризис германского наступления на Восточном фронте становится очевидным фактом, и отныне он будет все больше и больше влиять на всю политическую и военную стратегию гитлеровского рейха.

Поворот на юг: "роковая ошибка"?

I

Самым большим заблуждением германского командования летом и осенью 1941 г. следует считать его уверенность в том, что оно вполне может каким-нибудь успешным маневром танковых соединений выиграть войну против Советского Союза еще в этом году. Версии о возможности победы в 1941 г. придерживаются и некоторые историки на Западе: если бы Гитлер послушался руководителей ОКХ и нанес удар из-под Смоленска прямо на Москву, война окончилась бы скорой и полной победой. Гитлер пренебрег разумными советами, приказал повернуть крупные силы от Смоленска на Украину, одержал лишь частную победу под Киевом, а когда решил затем двигаться к Москве, время уже оказалось безвозвратно потерянным, наступила осень, Москва не пала, и победа ускользнула598.

В основе подобного взгляда - ложная идея, будто ход войны зависел только от пожеланий нацистской стороны, в то время как другая сторона обречена лишь на пассивное подчинение воле агрессора. Но на ход событий все решительнее влияла Красная Армия.

...Август перевалил на вторую половину. Армии фон Бока по-прежнему стояли в обороне. Дискуссии в "Вольфшанце" и в разных штабах не дали никакой ясности, и Гальдер настоял, чтобы Браухич представил Гитлеру записку с предложениями командования сухопутных сил о дальнейших операциях группы армий "Центр". Такая записка была

представлена Браухичем Гитлеру 18 августа. В ней говорилось: "Основная масса живой силы противника находится перед фронтом группы армий "Центр". Судя по этому, русское командование, видимо, считает наступление группы армий "Центр" на Москву решающей опасностью. Оно использует все силы массирование войск, оборонительные работы, чтобы остановить этот удар".

Переходя к вопросу о желаемой, с его точки зрения, цели дальнейших операций, Браухич продолжал: "В то время как фланговые группировки сухопутных сил на юге и севере могут поставленные им задачи решить собственными силами, самостоятельно, ближайшей оперативной целью группы армий "Центр" должно стать уничтожение расположенных перед ней главных сил противника и прорыв вражеского оборонительного фронта... Таким образом будут созданы предпосылки для захвата московского транспортного и промышленного района. После овладения этим промышленным районом, в сочетании с успехом на юге и севере, противник не сможет воссоздать свои разгромленные силы"⁵⁹⁹. По условиям погоды для удара на Москву остаются сентябрь и октябрь. Операция на Москву должна быть осуществлена в это время. "Возможности подвижных соединений... позволяют использовать их только на незначительное расстояние и с пониженным боевым напряжением, вследствие чего их применение должно быть ограничено проведением решающего сражения. Операция может иметь успех в случае, если все силы группы армий "Центр", путем отказа от побочных задач и второстепенных мероприятий, будут последовательно сосредоточены для достижения одной этой цели... В противном случае не хватит сил и времени, чтобы еще в этом году в решающей степени разгромить живую силу противника и его материальную базу. Но именно это должно оставаться целью военного руководства"⁶⁰⁰.

Браухич предполагал, что группа армий "Центр" займет исходный район для наступления на Москву к началу сентября.

Предварительный ответ ОКВ последовал через два дня: "Фюрер не согласен с предложением главнокомандующего сухопутными силами от 18.8 о продолжении операций. Для него Москва и сосредоточенные там крупные силы противника не имеют значения. Первоочередная задача состоит в том, чтобы захватить у русских промышленные районы и использовать их в своих целях. Кроме того, необходимо быстрым продвижением на юг повлиять на позицию Ирана в отношении планов Англии и России. Наиболее важно занять Крым и ликвидировать там советскую военно-воздушную базу, которая создает угрозу для румынских нефтяных районов"⁶⁰¹.

21 августа появились официальные указания Гитлера о дальнейшем ведении войны, определявшие, в частности, задачи группы армий "Центр". Гитлер вновь подчеркивал: предложение главнокомандования сухопутных войск от 18 августа о продолжении операций на Востоке расходится с его планами. В соответствии с мнением, которое он имел с самого начала, фюрер считает, что важнейшей задачей до наступления зимы является захват не Москвы, а Крыма, Донецкого промышленного и угольного района, а также перехват путей подвоза нефти с Кавказа. На севере такой задачей будет окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками. Фюрер требовал незамедлительно использовать благоприятную обстановку, сложившуюся в результате выхода войск на линию Гомель - Почеп, "для проведения операции смежными флангами группы армий "Юг" и "Центр" по сходящимся направлениям". Успех такой операции должен обеспечить уничтожение 5-й армии русских "прежде, чем она отойдет за Десну". Таким путем станет возможным "обеспечить левый фланг группы армий "Юг" при продолжении его операций восточнее среднего течения Днепра в направлении Ростова и Харькова". Гитлер требовал от Браухича выделить необходимые силы для разгрома 5-й армии, сковавшей под Коростенем 6-ю немецкую армию.

И особенно подчеркивалось: "Фюрер придает величайшее значение скорейшему овладению Крымским полуостровом для обеспечения снабжения Германии нефтью из Румынии... Поэтому фюрер приказывает как можно быстрее форсировать Днепр и

продвигаться всеми силами, в том числе подвижными соединениями, в направлении Крыма, прежде чем противник сумеет подтянуть свежие силы"602.

Итак, верховное командование пришло к окончательному решению: главным объектом наступления в ближайшее время станет не Москва, а юг Советского Союза.

Не нужно специально изучать военную историю, чтобы иметь представление о том, как во все времена вырабатывались различные военные планы. Сначала существуют разные взгляды, потом они подробно обсуждаются, наконец, главнокомандующий выбирает тот вариант, который считает наиболее целесообразным, и все подчиняются директиве главнокомандующего. Гитлеровское руководство не составляло в этом смысле исключения. Однако после войны иные генералы вермахта в поисках оправданий за поражение стали возводить военно-оперативные дискуссии в ранг некой "героической борьбы генералов против Гитлера". Обсуждение планов операций в августе 1941 г., порой даже острое, но отнюдь не выходящее за рамки упомянутых дискуссий чисто специального характера, используется для доказательства наличия "генеральской антигитлеровской оппозиции". Причем, видимо, желая сыграть на чувствах неискушенных немцев, кое-кто из бывших генералов вермахта горестно сетует: если бы Гитлер принял мнение ОКХ, то в 1941 г. Советский Союз был бы побежден.

Мы еще вернемся к этому, безусловно, существенному вопросу. Но прежде остановимся на эпизоде, которому западногерманская историография также придает немалое значение: на так называемой последней попытке командования сухопутных сил все же убедить Гитлера в необходимости наступать осенью 1941 г. не на юге, а сразу на Москву.

...Утром 23 августа в Борисове, в штабе группы армий "Центр", собрались командующие армиями - Клюге, Штраус, Вейхс и командующий 2-й танковой группой Гудериан. Сюда прибыл из "Вольфшанце" Гальдер.

- Фюрер решил, - обратился он к собравшимся, - не проводить ни задуманную им раньше операцию против Ленинграда, ни предложенную генеральным штабом сухопутных сил операцию против Москвы, а прежде занять Украину и Крым.

Все молчали.

Гудериан спросил, окончательное ли это решение.

- Это именно так, - последовал ответ. И Гальдер зачитал директиву Гитлера от 21 августа.

- Что мы можем сделать против этого решения? Гальдер покачал головой:

- В ставке неумолимы.

Разгорелась дискуссия. Все пришли к решению: Гудериан должен сопровождать Гальдера в главную квартиру, в качестве "фронтового генерала" сделать доклад Гитлеру о взглядах группы армий "Центр" в отношении дальнейшего развития операций и попытаться все же убедить фюрера в преимуществах "московского варианта".

Поздно ночью самолет стартовал на Растенбург603.

II

Решение, которое Гитлер и его военные советники с первой недели "восточного похода" называли "единственным и самым трудным в этой войне", наконец, определилось. Правда, обстановка существенно отличалась от безоблачных дней конца июня. Тем не менее генералам штаба сухопутных войск еще казалось, что они держат в своих руках ключи победы. Они все еще не могли отделаться от представлений, что война обязательно кончается в столице вражеского государства. Наполеон диктовал условия мира из столиц. Маршал Петэн после падения Парижа заявил: "Франция должна капитулировать". Они верили, что и "восточный поход" окончится в советской столице. Они займут Москву, и сразу последует новый Компьен.

Но, видимо, прошло еще слишком мало времени от начала похода, чтобы генералы поняли: удар на Москву с точки зрения конечных целей столь же бесперспективен, как и поворот на юг или в каком-нибудь другом направлении. Их все еще гипнотизировали

бешеные ритмы европейских побед, вера в "идеально точные расчеты" исходного плана. Другими словами, они еще не уяснили, что возможности Советского Союза, его экономический и моральный потенциалы, героизм советского народа неизмеримо выше всех их самых точных штабных представлений.

Гигантская, многосторонняя работа по развертыванию сил, проводимая Коммунистической партией, Советским правительством, ГКО и Верховным Главнокомандованием Красной Армии, давала плоды. Решающее значение приобрело формирование мощных стратегических резервов Красной Армии. Призыв из народного хозяйства нескольких миллионов человек, быстрая перестройка экономики на военную программу позволили советскому военному руководству сформировать уже летом 1941 г. целый ряд новых соединений. Летом и осенью 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии ввела из стратегического резерва значительное число стрелковых и кавалерийских дивизий, стрелковых, танковых бригад, противотанковых артиллерийских полков, частей войсковой артиллерии и т. д. Всего летом 1941 г. Ставка направила на фронты более 324 соединений. Резервы прибывали на все стратегические направления советско-германского фронта, но наибольшее количество - на западное направление.

Осенью 1941 г. здесь находилось более 40% всех сил Красной Армии. Общая глубина стратегической обороны на западном и юго-западном направлениях стала превышать 400 км. Строились глубоко эшелонированные рубежи. Подготовка и ввод стратегических резервов позволили Советскому Верховному Главнокомандованию существенно изменить общее соотношение сил на фронте и на основных направлениях.

Все эти обстоятельства определяли бесперспективность стратегии германского верховного командования в 1941 г., даже если Браухич и Гальдер смогли бы отстоять свой вариант немедленного наступления на Москву.

Осенью 1941 г. главный вопрос "большой стратегии": может ли Германия вообще выиграть войну против Советского Союза при данной исторической ситуации, при сложившейся расстановке мировых политических и военных сил, соотношении потенциалов воюющих сторон - был в общем и целом в широком плане предreshен: нет, не может. И на таком историческом фоне изменение направлений новых ударов агрессора в принципе не могло дать какого-либо иного ответа на главный вопрос "большой стратегии", хотя и способно было создать дополнительные трудности оперативно-стратегического масштаба.

Когда генеральный штаб германских сухопутных сил в августе - ноябре 1941 г. считал, что его план способен привести к победе, а план Гитлера - неверный, то это была очередная ошибка, которая, в общем, понятна. Но чем объяснить послевоенные выступления некоторых историков Запада, повторяющих подобную же аргументацию? Карты давно уже раскрыты! Очевидно, делается по но имя поддержки легенды о непогрешимости генерального штаба, о единоличной виновности Гитлера за проигрыш войны и ее важнейших кампаний. Истина, безусловно, в том, что осенью 1941 г. исход борьбы на фронте зависел отнюдь не от "роковых решений" или ошибок Гитлера, Кейтеля или Браухича, не столько от их пожеланий, сколько от Красной Армии, от мощи Советского Союза, от соотношения экономических, политических и иных условий. Мы не можем согласиться с драматическими сентенциями тех историков на Западе, которые придерживаются мнения, будто "поворот на юг" означал "роковую ошибку" Гитлера, стоившую Германии войны.

III

На рассвете 24 августа самолет Ю-88 с Гудерианом и Гальдером на борту сел на аэродроме главной квартиры Гитлера в Летцене. Автомшины с генералами подъехали к лесу, где под высокими деревьями прятались бетонные казематы "Вольфшанце". Эсэсовцы потребовали пропуска. Машины двинулись асфальтовыми дорогами, по обеим сторонам которых стояли низкие серые бараки с кустарником на крышах. Впереди - казино. Слева - барак Кейтеля. А в конце дороги несколько углубленный в землю, усиленно охраняемый

барак фюрера, окруженный двойным забором. Чтобы пройти во внутреннюю часть резиденции, нужно иметь особый желтый пропуск. Комнаты выглядели мрачно: дубовая мебель, серые стены, полумрак.

В течение двух часов после прибытия Гудериан в комнате для совещаний барака Гитлера делал доклад о состоянии танковой группы 604.

Гитлеру не сказали о главной цели приезда Гудериана. Браухич запретил командующему танковой группой самому касаться вопроса о Москве. Поэтому речь шла о состоянии моторов, о снабжении, потерях и сопротивлении советских войск. Но вот Гитлер поставил вопрос:

- Считаете ли вы свои войска готовыми для большого усилия?

Все посмотрели на Гудериана.

- Если войска получают большую, воодушевляющую цель - да!

- Вы, конечно, думаете о Москве?

- Да. Разрешите изложить мои основания? Гудериан начал речь в защиту взгляда, что лучше было бы наступать на Москву.

- Москву нельзя сравнить с Парижем или Варшавой. Москва - это не только голова и сердце Советского Союза. Это также центр связи, политический центр, самая мощная индустриальная область, она прежде всего узел коммуникаций всей страны. Московский вариант имел бы решающее значение для войны. Гудериан продолжал:

- Сталин это знает. Он знает, что московский вариант означает окончательное поражение. И если он это знает, он все военные силы сосредоточит перед Москвой. Если мы перед Москвой и в Москве одержим победу над силами врага и выключим центральную сортировочную станцию Советского Союза, тогда перед нами падут Балтика и хозяйственные области Украины намного легче, чем с невредимой Москвой перед нашим фронтом.

В комнате стало тихо. Кейтель опирался о стол с картами. Иодль и Хойзингер делали заметки.

Окна были открыты, в помещение проникала вечерняя свежесть вместе с запахом керосина, которым саперы обрызгивали заболоченный пруд вблизи барака Гитлера. Он ненавидел комаров, а они роились тучами.

Гудериан подошел к карте и положил руку на ельнинскую дугу:

- До сегодняшнего дня я удерживал этот плацдарм против Москвы. План развертывания и боевые директивы готовы. В группе армий "Центр" везде все готово для марша на Москву. Во многих частях солдаты уже сделали щиты с надписями: до Москвы столько-то километров. Если вы прикажете, танковые корпуса выступят сегодня же ночью. Мне нужно лишь дать моему штабу по телефону условный сигнал. Разрешите нам наступать на Москву, мы ее возьмем.

Карелль пишет: "История прусской и немецкой армии не знает примера подобной сцены между генералом и его верховным главнокомандующим" 605.

Гудериан кончил. Все посмотрели на фюрера.

Гитлер встал, быстрыми шагами подошел к карте и положил ладонь на Украину. На этот раз он был предельно краток.

- Нам необходим хлеб Украины. Донецкая индустриальная область должна работать для нас. Должен быть перерезан подвоз нефти русским с Кавказа, тогда их военные силы умрут с голоду. Мы должны прежде всего захватить Крым, чтобы устранить этот опаснейший авианосец против румынских нефтяных источников!

Гудериан молчал. Он понял, что его аргументы не убедили Гитлера. Да, конечно, его честолюбивым планам - вступить в Москву, возможно первым, не суждено сбыться. Но наступление на юг, в котором ему отводится почетная роль, пожалуй, не менее заманчиво, ибо это воля самого фюрера. Накануне приезда в ставку на совещании в Борисове он говорил, что предполагаемое наступление к югу через Стародуб невозможно из-за плохих дорог и тяжелого состояния войск. Здесь, в ставке, он быстро изменил точку зрения и в ходе

дальнейших обсуждений поспешил заявить: наступать через Стародуб на юг можно.

Совещание окончилось поздно вечером. Гудериан зашел к Гальдеру и доложил об итогах. Начальник штаба выразил удивление "столь внезапным поворотом мыслей" командующего танковой группой.

- Мое вчерашнее мнение, - пояснил Гудериан, - проистекало из убеждения, что главнокомандование сухопутных войск санкционирует мое предложение. Теперь же, во время посещения фюрера, я убедился, что должен согласиться с проведением операций на юге. Мой долг состоит в том, чтобы невозможное сделать возможным и провести в жизнь эту идею.

- Но почему же вы не бросили ему под ноги свое командование?

- А почему не сделали этого вы?

Их решительность пропала у порога барака диктатора.

Через полчаса в штабе 2-й танковой группы, в Прудках, зазвонил телефон. Трубку снял начальник оперативного отдела. Раздался голос Гудериана:

- Байерлейн, то, что мы подготовили, отменяется. Новое идет вниз, поняли?

- Я понял, господин генерал-полковник.

IV

Гудериан в данном случае выступал как представитель главного командования сухопутных сил, которое предпочло уйти за спину "фронтowego генерала". Возражал ли Гудериан "верховному главнокомандующему", спорил ли с ним? Ни в малейшей степени. Полное согласие с Гитлером без всякого нажима с его стороны последовало легко и немедленно. Иначе не могло и быть, потому что генеральный штаб сухопутных сил, олицетворенный здесь Гудерианом, лишь искал лучших путей для решения общей - его и фюрера - задачи. Действительные взаимоотношения ОКХ и Гитлера характеризовались единством стратегических взглядов в той же мере, в какой единными были классовые и политические цели фашизма, милитаризма и монополий. И не случайно собеседник Гитлера завершил в своих мемуарах описание сцены в "Вольфшанце" верноподданническим заключением: "После того как решение о переходе в наступление на Украину было еще раз подтверждено, мне ничего не оставалось, как наилучшим образом его выполнить"⁶⁰⁶.

Как мы уже говорили, факт прекращения германского наступления на центральном участке фронта и поворот в августе - сентябре 1941 г. части сил группы армий "Центр" на южное направление широко комментируется вот уже четверть века многими историками и мемуаристами на Западе. Решению Гитлера "вернуть на юг" придается значение чуть ли не важнейшего фактора, предопределившего судьбу всего "восточного похода".

Гудериан в своих мемуарах считает, что от его доклада Гитлеру "зависело очень многое, может быть, даже исход войны"⁶⁰⁷.

Бывший генерал фон Бутлар пишет: "Решения Гитлера, явно противоречившие всяким требованиям старой немецкой оперативной школы, естественно, наталкивались на ожесточенное сопротивление со стороны многих военачальников действующей армии". Касаясь решения о "повороте на юг", он продолжает: "...Мы полагаем, что каждый, кто интересуется вопросами оперативного искусства, должен тщательно изучить это решение, оказавшее решающее влияние на весь дальнейший ход войны с Россией. Время показало, что решение Гитлера было неправильным". И далее: "Это решение и его последствия вполне наглядно продемонстрировали то, что отступление от старых, проверенных на практике принципов оперативного руководства всегда связано с риском и никогда не приводит вооруженные силы той или иной страны к прочному успеху"⁶⁰⁸.

Типпельскирх видит ошибку германского военного руководства в том, что оно потеряло шесть недель в спорах о направлении дальнейшего наступления. Касаясь указаний от 21 августа, он пишет: "Главнокомандующий сухопутными силами, после того как он исчерпал все возможности доказать правильность своих соображений, подчинился данным ему приказам. Но между ним и Гитлером лежала теперь целая пропасть..." И, завершая

изложение вопроса о "повороте на юг" и о сражении под Киевом, он подводит итог: "Но только исход всей войны мог показать, насколько достигнутая тактическая победа оправдывала потерю времени, необходимого для продолжения операций. Если цель войны не будет достигнута, то русские хотя и проиграли это сражение, но выиграли войну"⁶⁰⁹. В том же духе оценивают "поворот на юг" и многие другие авторы.

Совершенно ясно, что перед нами четкая концепция историков определенных взглядов. Приведенные высказывания - это исходный пункт аргументации некоторыми историками Запада точки зрения о причинах поражения вермахта на советско-германском фронте и о взаимоотношениях между германским генералитетом и Гитлером.

Есть ли в этих оценках и рассуждениях зерно истины? Какой же, в конечном итоге, может быть наша точка зрения о всех дискуссиях и решениях германского военного руководства в июле - августе 1941 г.? Подведем общий итог.

Решить эту проблему - значит ответить на следующие вопросы. Свободно ли было немецко-фашистское военное руководство в выборе своих оперативно-стратегических решений в августе 1941 г. или их следует считать вынужденными? Могла ли гитлеровская армия выиграть войну против Советского Союза в случае, если бы действовала не по "решению Гитлера", а по "плану ОКХ", т. е. если бы в августе наступала всеми силами группы армий "Центр" на Москву? Существовали ли коренные противоречия между Гитлером и ОКХ летом 1941 г.? Что же в действительности вызвало решение о "повороте на юг"?

Распространенная в военно-исторической литературе стран Запада точка зрения, согласно которой немецко-фашистское военное руководство остановило атаку на центральном участке советско-германского фронта преднамеренно, по своей воле, является плодом одностороннего подхода к оценке событий 1941 г.

Гитлер, ОКВ, ОКХ в августе уже не располагали свободой решений. Речь должна идти о том, что во второй половине июля - августе 1941 г. Красная Армия своим героическим сопротивлением и быстро растущим воинским мастерством остановила группу армий "Центр" на участке се главного удара, создала кризисное положение для вермахта на Украине и под Ленинградом. Решения Гитлера, ОКВ и ОКХ во второй половине июля - августе 1941 г. представляли собой не произвольные, а вынужденные решения. В начале августа 1941 г. группа армий "Центр" имела 59 соединений, а противостоявшие ей войска советских Западного и Центрального фронтов располагали уже 79 соединениями. Кроме того, позади Западного фронта на подступах к Москве развертывался новый - Резервный фронт. Но германское военное руководство, оценивая силы Красной Армии на центральном участке фронта только в 34 1/2 соединения, т. е. допуская более чем двукратный просчет, принимало на этой основе ошибочные решения.

Конечно, мы учитываем относительность приводимых цифр, как и дальнейших наших расчетов в данной связи. Следует иметь в виду, что немецко-фашистские войска были лучше укомплектованы, имели превосходство в вооружении, обладали обширным опытом военных действий. Следует учитывать потери, понесенные и противником, и нашими соединениями в предшествовавших боях. Тем не менее эти цифры дают некоторое общее представление как о масштабах просчетов германского военного руководства, так и о действительном соотношении сил сторон, складывавшемся все больше в пользу Красной Армии.

Если в данной обстановке группа армий "Центр" могла бы на каком-то участке достигнуть оперативно-тактического успеха, то он все равно не привел бы к стратегическим результатам из-за общей нехватки сил и кризисных ситуаций в группах армий "Юг" и "Север". Утверждать, что у германского военного руководства в августе 1941 г. имелась возможность принять два решения, определяющих в ту или иную сторону судьбы всей войны, - "правильное" (решение ОКХ) и "неправильное" (Гитлера) и что вариант решения ОКХ - наступать на Москву - мог обеспечить скорую победу над СССР, значит навязывать истории безответственные толкования во имя одной цели: "спасти честь мундира" германских генералов, обвинить во всех неудачах одного Гитлера, подчеркнуть разногласия

между Гитлером и ОКХ.

Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть оперативные возможности каждого из основных предложенных в июле - августе 1941 г. вариантов наступления, т. е. планов Гитлера (ОКВ) и ОКХ. Конечно, такой подход весьма условен, и точность его относительна. Однако он допустим, если мы желаем хотя бы приближенно-теоретически сделать вывод о "лучших" и "худших" вариантах продолжения германского наступления.

Директива Гитлера No 33 о "дальнейшем ведении войны на Востоке" от 19 июля 1941 г., как известно, предусматривала наступление на Москву пехотными соединениями группы армий "Центр" и поворот танковых группировок к югу и северу для поддержки соседних групп армий. В случае если бы подобное наступление состоялось, то 55 пехотным дивизиям фон Бока, наступавшим на Москву, противостояло бы 69 соединений Западного фронта, 23 соединения Группы армий резерва Ставки, а в дальнейшем, по всей вероятности, 13 формирующихся соединений Московского военного округа и 11 дивизий народного ополчения. Таким образом, при выполнении директивы No 33 группа армий "Центр" встретила бы мужественную оборону в общей сложности более 100 соединений Красной Армии, в том числе нескольких танковых. Соотношение сил не нуждается в комментариях.

Разберем другой вариант. Согласно "Дополнению" к директиве Гитлера No 33 от 23 июля предполагалось двумя танковыми группами (1-й и 2-й) "совместно с идущими за ними пехотными и горнострелковыми дивизиями" овладеть Харьковским промышленным районом, наступать через Дон на Кавказ, прорваться к Черному морю, выйти к Уралу и к Волге. Какими примерно силами встретила бы Красная Армия подобное наступление вермахта, в котором участвовала бы группа армий "Юг" в составе около 70 соединений?

Ей, вернее всего, противостояли бы на первых порах соединения советского Юго-Западного фронта и до 15 - 20 соединений Южного фронта; вскоре, возможно, вступили бы в сражение войска Приволжского, Харьковского, Северо-Кавказского, частично Закавказского округов и, не исключено, - часть сил Среднеазиатского округа - всего до 28 дивизий. Не лишено было бы вероятности прибытие затем части сил Уральского, Забайкальского округов, а может быть, и дивизий из Дальневосточного фронта - всего до 10-15 соединений. В общей сложности - более 100 различных соединений.

Нет сомнения каковы были бы конечные результаты подобного удара, имей он первоначально даже серьезный успех.

Но, может быть, в самом деле "план главного командования сухопутных сил" с оперативной точки зрения сулил больше перспектив, чем "план Гитлера"? Может быть, действительно ОКХ "держало ключи победы" над СССР в 1941 г.?

Вариант ОКХ "о продолжении операций" от 18 августа предусматривал, как известно, нанесение удара группой армий "Центр" (имевшей к этому времени 60 дивизий) на Москву в начале сентября и "захват столицы", которую будут оборонять, по расчетам штаба сухопутных сил, в общей сложности 62 советские дивизии. В результате "рассечения фронта" победа в Восточном походе, по мнению ОКХ, будет обеспечена, причем одновременно группы армий "Юг" и "Север" "захватят жизненно важные промышленные районы" и "устранят" советский флот.

Имели ли под собой почву такие расчеты?

Наступлению 60 дивизий группы армий "Центр" в начале сентября противостояло бы 43 соединения Западного фронта, 35 - Резервного, часть сил (до 20 соединений) Брянского фронта, до 20 соединений Московского военного округа. Кроме того, Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии могла перебросить из своего резерва 8 соединений, а из ближайших округов (Орловского, Уральского, Приволжского) - также ряд соединений. Всего, следовательно, в сентябре - октябре с советской стороны могли принять участие в битве за столицу более 130 соединений Красной Армии, которых в последующем поддержали бы в случае необходимости войска более отдаленных округов Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного фронта.

И это в то самое время, когда резерв ОКХ на советско-германском фронте состоял всего лишь из 6 дивизий!

Следует подчеркнуть, что расположение резервов Красной Армии не допускало никакого "рассечения фронта" в стратегическом смысле. Даже в случае некоторого успеха немцев советское командование при всех обстоятельствах восстановило бы фронт.

Наконец, рассмотрим оперативные возможности окончательного варианта "плана Гитлера" насчет "поворота на юг" - пресловутых указаний от 21 августа.

На юго-западном и южном направлениях, куда нацеливался главный удар, немецкому наступлению, в котором могло участвовать в общей сложности до 85 дивизий, противостояли бы следующие силы Красной Армии: 52 соединения Юго-Западного фронта, 28 - Южного, 11 - из 51-й Отдельной армии, 9 - из резерва Ставки, а также ряд соединений, последовательно вводимых, по меньшей мере из Приволжского, Харьковского, Северо-Кавказского округов. В общей сложности - до 140 соединений, которые, в случае необходимости, могли быть поддержаны войсками других, более глубоко расположенных округов.

Но, собственно говоря, вдумаясь, о чем вообще идет речь? Смысл дискуссии в том, что было бы вернее: двинуть ли часть сил группы армий "Центр" на Украину или целиком всю группу армий направить на Москву. И тут нельзя не сделать вывода, что и "правильное решение" (с точки зрения Гитлера или ОКХ) и "неправильное" (с их же точки зрения) объективно не имело никаких шансов на успех в смысле победоносного окончания войны против Советского Союза. Этот вопрос вообще нельзя считать дискуссионным. По заявлению Иодля, Гитлер инстинктивно боялся "идти по дороге Наполеона" к Москве. "Он опасался там битвы не на жизнь, а на смерть с большевизмом"⁶¹⁰. Конечно, обладая стратегической инициативой и еще большей ударной мощью, гитлеровская армия могла, в зависимости от избранного направления удара, выиграть на этом направлении крупную операцию (что и произошло впоследствии). Но в масштабах войны в целом такой выигрыш ни на йоту не приблизил бы вермахт к окончательной победе. Ибо ход войны решался в гораздо более крупном социально-экономическом, политическом и военном планах.

Германское военное руководство в целом, т. е. и Гитлер и ОКВ, и ОКХ снова допустили грубый просчет в оценке потенциальных возможностей Советского Союза, Красной Армии, возможностей ее мобилизационного развертывания, количества резервов, упорства и стойкости советских войск в бою, мастерства командиров.

Все звенья германского руководства были едины в ложных представлениях о Красной Армии, и единая ошибочная основа порождала столь же единые бесперспективные решения, ибо "южный" вариант был так же обречен, как и "московский". Действительные силы Красной Армии превосходили ту их численность, которую определяла на 1 августа 1941 г. германская разведка: перед группой армий "Север" - в 1,9 раза; перед группой армий "Центр" - в 2,3 раза; перед группой армий "Юг" - в 2,9 раза. Особенно тяжелые последствия для вермахта имел просчет в определении численности резервов Красной Армии. Немецкое главное командование сухопутных сил на 1 августа не имело в резерве ни одной дивизии. Командование же Красной Армии только в составе Резервного фронта (который развертывался позади Западного фронта) и в ближайших округах располагало несколькими десятками соединений. Значительные силы оставались в более отдаленных округах, и ряд соединений находился в процессе формирования.

Наконец, неверным было бы предполагать, что мнения Гитлера (ОКВ) и ОКХ в августе 1941 г. отличались друг от друга принципиально и несовместимо. Гитлер, Кейтель, Иодль в "Дополнении" к директиве No 34 от 12 августа достаточно ясно говорили о значении наступления на Москву, чтобы "еще до прихода зимы овладеть всем комплексом государственных, экономических и коммуникационных центров противника в районе Москвы". В то же время высшие генералы сухопутных сил, например командующие группами армий Рундштедт и Лееб, выступали открытыми противниками наступления на Москву. Подобно тому как одни генералы - Гальдер, Браухич, Бок - считали, что удар на

советскую столицу приведет к полной победе, другие - Рундштедт, Лееб, Рейхенау, Зоденштерн - верили, что успех на Украине будет иметь "решающее значение для исхода всей Восточной кампании".

Август 1941 г. - если рассматривать в широком плане события со стороны вермахта - это начало агонии плана "Барбаросса" и стратегии "молниеносной войны", которую он выражал. Отсюда и эта серия директив, контрдиректив, "дополнений к директивам", отменяющих саму директиву, "записок", решений и контррешений. Ничего подобного не наблюдалось в годы успеха - в 1939 - 1940 гг. Можно было принимать решение наступать на Москву танками с пехотой, пехотой без танков, вообще на Москву не наступать, поворачивать на север и на юг, только на юг или только на север, объявлять Москву "географическим понятием" или, наоборот, главным объектом усилий, требовать немедленного прорыва в Закавказье, к Волге, тут же отменять свое требование и т. д. - все перепробовали руководители вермахта в августе сорок первого. Все это быстро сменяло друг друга, говорилось почти в одно и то же время, выражая неясность и путаницу в оценке Красной Армии, неверие в страшную, становящуюся все более достоверной картину непоправимого исходного просчета.

И все-таки они не смогли себе сказать: все эти варианты есть лишь частности; они смогут помочь только в частностях, но ни в коем случае не приведут к победе в войне, потому что вообще войну против СССР гитлеровская Германия выиграть не сможет. На таком фоне все яснее обнаруживался кризис оперативной доктрины германского командования, разработанной до войны и освященной в 1939 - 1940 гг. Оказалось, что быстрое и глубокое продвижение танковых соединений в отрыве от полевых армий не приносит эффекта в борьбе против Красной Армии, которая умело использует нарушение взаимодействия в немецком оперативном построении и ставит под угрозу разгрома как танковый, так и пехотный эшелоны,

Тактика создания обширных "котлов" оказалась бесполезной, ибо упорным сопротивлением советские войска надолго сковывали немецкие группировки на внутреннем фронте окружения или же прорывали его. Наконец, обнаружилась угроза децентрализации управления оперативными объединениями вермахта, особенно танковыми и моторизованными, а также рассредоточения сил в оперативном масштабе. Все эти весьма тревожные для фашистского военного руководства симптомы характеризовали определенный кризис установившихся в германской армии оперативных взглядов. Он становился все более очевидным по мере нарастания силы ответных ударов Красной Армии.

В указаниях Гитлера от 21 августа делалась попытка найти выход. Отказываясь от своих прежних принципов и вопреки методам действий, типичным для 1939 - 1940 гг., ОКВ давало установку "не рваться безостановочно вперед, а в случае необходимости окружать и уничтожать незначительные, действующие перед фронтом советские войска, и лишь после этого продолжать наступление"; выдвигалось требование полной централизации руководства моторизованными, танковыми соединениями и авиацией в руках верховного командования, а также правильного определения решающих направлений для сосредоточения основных усилий.

Вывод может быть один: гигантская организационная работа руководящих партийных, государственных и военных органов Советского Союза давала важнейшие результаты. Опираясь на всеобщий патриотический подъем народа, они смогли за короткий срок развернуть весьма значительные резервы Красной Армии и умело, предусмотрительно их расположить. Несмотря на огромные и все растущие трудности, на недостаток вооружения и разных средств оснащения, на отсутствие порой времени для необходимого обучения резервных частей и т. п., это развертывание резервов уже само по себе в тех тяжелейших условиях стало проявлением высочайшей энергии и мастерства организации

Итак, решение Гитлера сосредоточить усилия в следующей операции против Советского Союза не на московском направлении, а на южном было продиктовано, с нашей точки зрения, следующими обстоятельствами.

Захват Украины, Кавказа и всего юга Советской страны издавна представлял собой, как мы знаем, ведущую цель германского империализма, промышленных монополий и нацистского государства. С захватом богатств "Юга России" всегда связывалось решение самых главных проблем. Этот захват должен был способствовать превращению Германии в "мировую державу"; здесь лежало решение продовольственной и сырьевой проблем, что считалось основной предпосылкой будущего существования нацистской империи. Захват ресурсов Украины и Кавказа рассматривался как самое необходимое условие для дальнейшего ведения войны "после победы над Советским Союзом" против Англии и других государств, ибо жизнедеятельность вермахта, как твердо верили гитлеровцы, зависела от нефти, руды, металлургической, угольной и продовольственной базы Украины и Кавказа.

Достаточно яркий свет на причины стремления Гитлера главные усилия вермахта направить к югу, с целью захвата промышленных и сырьевых районов Советского Союза, проливают данные о состоянии германской военной экономики летом 1941 г.

Ежемесячная выработка Германией стали и железа в это время не превышала 800 тыс. т. А для вооруженных сил требовалось 1,65 млн. т. Управление вооружений могло выделить сухопутным силам в ближайшем будущем вместо необходимых ежемесячно 352 тыс. т стали и железа лишь 100 тыс., флоту - вместо 322 тыс. лишь 150 тыс. и т. д.⁶¹¹ Принятая ранее расширенная программа производства танков должна была быть резко уменьшена из-за острого недостатка каучука. Совещание у Кейтеля по вопросам военной экономики 17 августа 1941 г. отметило, что положение с резиной очень тяжелое. Еще сложнее обстояло дело с горючим. "Серьезность положения с горючим известна всем, - подчеркивалось на том же совещании. - Можно удовлетворить только самые насущные потребности. Проведение каких-либо новых операций, требующих больше горючего, невозможно"⁶¹². Ежемесячное производство алюминия составляло самое большее 30 тыс. т, а потребности достигали: военно-воздушных сил - 25 тыс. т, флота 5300 т, армии - 3500 т и, кроме того, управлению вооружений для собственных целей требовалось 4 тыс. т⁶¹³. Чтобы осуществить предложенную Герингом программу развития ВВС, требовалось увеличить производство алюминия в 4 раза.

Совещание 17 августа пришло к выводу, что крайне трудное положение с сырьем вынуждает:

"1. Ограничить программу выпуска танков. 2. Отменить план подготовки к газовой войне в сухопутных силах. 3. Отменить подготовку к операции "Зеелёве". 4. Ограничить программу выпуска зенитной артиллерии. 5. Привести программу выпуска самолетов в соответствие с имеющимися возможностями".

Совершенно очевидно, что в таких условиях с точки зрения нацистских планов захват промышленных и сырьевых ресурсов Юга Советского Союза представлял собой задачу первостепенной важности. Эта задача прежде всего и диктовала многие расчеты вообще, лета 1941 г. в частности.

Некоторое различие точек зрения Гитлера (ОКВ) и ОКХ по вопросу о направлении основных усилий на Восточном фронте в августе 1941 г. возникло не из-за каких-либо принципиальных военно-политических разногласий между Гитлером и генералами сухопутных сил и не из-за недопонимания Гитлером тайн стратегии и, наоборот, понимания их в ОКХ. Это были всего лишь оттенки в методе подхода к решению общей для Гитлера, ОКВ и ОКХ задачи промышленно-экономической экспансии германских монополий и фашистского государства. Генералы ОКХ еще надеялись захватить все богатства Советского Союза (включая, конечно, южные районы) путем общей и окончательной победы в результате наступления на Москву. Гитлер (ОКВ) уже сомневался в возможности быстрого завершения похода и предпочитал скорее захватить прежде всего ресурсы Юга, дабы немедленно начать их эксплуатировать и одновременно лишить Советский Союз важнейших экономических районов.

Когда Гитлер и его советники в начале вторжения в Советский Союз были убеждены, что Советское государство рухнет после первого же удара, то не имелось нужды изменять

первоначальные планы. Но после того как Гитлер и ОКВ стали сомневаться в возможности завершить в 1941 г. войну на Востоке, ибо советский народ, поднявшийся в едином порыве на борьбу, уже сумел приостановить натиск агрессора, они начали твердо настаивать на единственном плане: поскорее отвоевать хотя бы то, что давно составляло предмет их вожделений и диктовалось всей империалистической политикой Германии и что еще можно отвоевать до зимы. Тогда, опираясь на богатые районы, Германия сможет в будущем году продолжать свой натиск и добиться победы. Поскольку резервы постепенно истощались, поскольку надвигалась осень с ее дождями, а потом зима, Гитлер не хотел ограничиваться полумерами. Группа армий "Центр" все равно остановлена советским сопротивлением. Он санкционирует ей оборону. Он прикажет временно отложить наступление на Москву, сосредоточить больше сил на юге, где их оказалось недостаточно. Он захватит до зимы богатства Украины и Кавказа и как можно скорее начнет использовать их.

Это решение - не "роковая ошибка Гитлера", в результате которой была проиграна война против Советского Союза. Это - скачок хищника, почувствовавшего, что всю добычу захватить не удастся и нужно поскорее взять главную ее часть. Это - дань монополиям, военно-хозяйственному аппарату и планам агрессии мирового масштаба. Это вместе с тем - первое признание мощи Советского Союза и собственных просчетов. Временное изменение направления удара в августе 1941 г. ни в малейшей степени не стало причиной проигрыша Германией войны против СССР, ибо поражение было предрешено самим нападением на Советский Союз и поэтому частные повороты не могли иметь решающего значения. Новый замысел Гитлера и ОКВ лишь выражал бесперспективность германской стратегии.

V

"Поворот на юг" преследовал, кроме того, частную, оперативную цель помочь группе армий "Юг", которая в результате стойкой обороны войск Юго-Западного фронта значительно отстала от группы армий "Центр". Гитлер требовал "уничтожить 5-ю советскую армию", причинившую гитлеровцам множество неприятностей. Эта армия под твердым руководством генерала М. И. Потапова свыше месяца отражала севернее Киевского шоссе, под Коростенем, атаки двенадцати дивизий 6-й немецкой армии Рейхенау, прочно ее сковала и облегчила оборону Киева. "Киев оказался крепким орешком"⁶¹⁴, - писал 17 сентября командующий 6-й армией Рейхенау своему другу Паулюсу в генеральный штаб.

Не только армия генерала М. И. Потапова, но и Центральный фронт, создавший у Гомеля своеобразный клин, обращенный к западу, сковывал действия фон Бока и фон Рундштедта. В генеральном штабе появился выразительный термин: "гомельская колода". Ее предстояло "выломать". Гудериан и Вейхс во главе 2-й танковой группы и 2-й армии двинулись из-под Смоленска к югу прежде всего именно для "выламывания гомельской колоды". В то время как части Гудериана достигли Стародуба и Почепа, Вейхс нанес удар от Рогачева на Гомель, который он занял 20 августа. Теперь не только был обеспечен южный фланг группы армий фон Бока, но и открылись перспективы нового успеха на Украине.

В конце августа генерал М. И. Потапов по приказу Ставки отвел армию за Днепр. Войска Рундштедта всем своим фронтом вышли к Днепру. Киевский плацдарм стойко удерживался советскими войсками. "Но именно в районе Киева находился ключ к оперативной свободе группы армий "Юг"⁶¹⁵, - заключают Филиппи и Гейм.

Когда в конце августа войска Гудериана и Вейхса достигли Десны, они стали угрожать флангу нашего Юго-Западного фронта. Тогда-то и родилась в генеральном штабе сухопутных сил и у Рундштедта мысль попытаться использовать обстановку для двух ударов прямо в тыл Юго-Западного фронта: одного с севера, а другого с юга, от Кременчуга, где у немцев имелся плацдарм за Днепром. Так возник замысел "Битвы под Киевом". ОКХ медлило претворять в жизнь эти соображения, особенно после того как с 28 августа, по мнению разведки, обнаруживалась тенденция отхода соединений Красной Армии на восток из выдвинутой к западу дуги фронта советских войск по Днепру.

Но в начале сентября немецкая разведка сделала вывод: намерения советского командования изменились. Вместо перевозок войск из днепровской дуги в тыл происходит, наоборот, передвижение их к фронту. На этой основе она заключила, что советское командование стремится "сосредоточить возможно больше сил к центральным пунктам тактических действий, чтобы путем контрнаступления, вернуть линию Днепр - Десна"⁶¹⁶. Вскоре штаб Рундштедта пришел к выводу: в период от 28 августа до 10 сентября "силы Красной Армии между Днепром и Десной возросли на 28 соединений". Теперь Рундштедт настаивал перед ОКХ отдать директиву для уже начавшегося наступления Гудериана и Вейхса дальше на юг, за Десну, в тыл советским войскам Юго-Западного фронта. В оценке обстановки 1 сентября штабом сухопутных сил указывалось: "...Для битвы на уничтожение в Восточной Украине необходимо и имеет решающее значение, чтобы 2-я танковая группа и 2-я армия наступали не только до Десны, но и через Десну вплоть до прорыва в сражении, ведущемся в оперативных рамках группы армий "Юг"

Было предложено: "Южный фланг группы армий "Центр" направить до линии Прилуки - Ромны, потому что уничтожение сил Красной Армии, расположенных между Днепром и Десной, должно одновременно создать предпосылки для освобождения фланга группы армий "Центр" в ее решающем ударе на Москву, а также для продолжения операции группы армий "Юг", проводимой в рамках ее задач"⁶¹⁷.

Гальдер обсуждал 7 и 8 сентября в штабе Рундштедта план проведения операции. Ее главными инициаторами были штаб группы армий "Юг" и генеральный штаб сухопутных сил.

А. Филиппи и Ф. Гейм пишут: "Замысел "Битвы под Киевом" берет начало не в приказе Гитлера и не в намерениях командования сухопутных сил, которое по взаимному согласию с командованием группы армий "Центр" стремилось ограничить район и время удара группы, направленного к югу с целью ликвидировать группировку советских войск на фланге. Мысль исходила от командования группы армий "Юг", которое имело в виду нанести поражение войскам Красной Армии, расположенным между ее внутренними флангами, с тем, чтобы создать предпосылки для свободы дальнейших действий обеих групп армий"⁶¹⁸.

Но даже если это так, то все же остается неопровержимым фактом быстрое согласие ОКХ, без всякого нажима со стороны Гитлера и ОКВ, с мнением Рундштедта двинуть войска Гудериана и Вейхса дальше к югу, за Десну. Круг замыкается. Генеральный штаб сухопутных сил, только недавно возражавший Гитлеру относительно его намерений наступать на юге, теперь с особым рвением выполняет его "немыслимую" директиву о наступлении не на Москву, а на Украину и оказывается даже "радикальнее" фюрера. С другой стороны, Гитлер, удовлетворенный развитием событий на юге, уже с начала сентября готовит наступление на Москву, в полном соответствии с пожеланиями генералов. 6 сентября в директиве No 35 Гитлер изложил свои намерения относительно удара в направлении Москвы и одновременно утвердил основы операции между Днепром и Десной.

В начале сентября последовал удар Гудериана и Вейхса с севера на юг через Десну. 6-я немецкая армия перешла в наступление через Днепр на восток. Гудериан 10-го достиг своей первой цели: Бахмач - Ромны, а еще через два дня Лохвицы. Здесь он остановился в ожидании подхода с юга 1-й танковой группы Клейста, встретившей упорное сопротивление советских войск на плацдарме у Кременчуга.

Над войсками нашего Юго-Западного фронта нависла опасность, которой могло и не быть. Верховное Главнокомандование Красной Армии считало необходимым во что бы то ни стало удержать Киев, среднее и нижнее течение Днепра. Но когда танки Гудериана ворвались в Ромны и тем самым оказались глубоко в тылу Юго-Западного фронта, командующий фронтом генерал М. П. Кирпонос отправил начальнику Генерального штаба телеграмму с просьбой разрешить отвод фронта на восток, чтобы избежать окружения. Разрешение пришло с опозданием. Германское командование добилось еще одного крупного успеха.

Тяжелая неудача советских войск под Киевом облегчила гитлеровским армиям дальнейшее наступление на Украине, прорыв в Донбасс, к Ростову. В окружении оказались четыре наши армии. Войска Юго-Западного фронта понесли тяжелые потери.

В ставке Гитлера события под Киевом оценили как свидетельство приближающейся полной победы. Действительно, прошло как раз три месяца с момента, когда фюрер, как писали теперь газеты, "отдал немецким солдатам приказ исторического значения" о нападении на СССР, - срок, который и был отведен для похода. И что же? "Красный призрак, четверть столетия угрожавший Европе, лежит в агонии", - так заявили в Берлине 21 сентября. События на фронте сразу же увязали с отмеченной несколькими днями позже годовщиной "пакта трех держав". Его назвали теперь "союзом будущего", который принесет Европе "длительный и обеспеченный мир". Фюрер, дуче и принц Коноэ обменялись поздравительными телеграммами. Союзники выражали уверенность, что победы, которые вот сейчас одерживает рейх, скоро приведут к "новому порядку" в Европе.

Вряд ли можно сомневаться, что успех на Украине подтолкнул Гитлера к немедленному принятию следующего решения - об ударе на Москву, который, по его расчетам, в самое ближайшее время приведет к завершению победы на Востоке.

Поражение под Москвой

I

Тысяча девятьсот сорок первый подходил к концу. Германия бросила на чашу весов абсолютно все, что имела в своем распоряжении: армию, технику, кровь солдат, умение военного руководства. Все напряглось до предела. Теперь генералы третьего рейха искали окончательную победу в штурме столицы Советского государства.

В грандиозной битве под Москвой - одном из величайших исторических событий второй мировой войны - был окончательно уничтожен гитлеровский план "блицкрига" против Советского Союза и положено начало коренному перелому в ходе второй мировой войны.

Поражение под Москвой стало неизбежным итогом всех предшествующих событий войны, от ее первых дней. Летом и осенью сорок первого советские дивизии стояли насмерть, отступали, наступали, но били и били вермахт, несмотря на превосходство его сил, на инициативу, невзирая на его опыт ведения "молниеносных" войн на Западе. Потери агрессора к концу сентября превысили 500 тыс. человек.

Сентябрьские успехи на Украине снова вдохнули в Гитлера и его ближайших помощников чувство уверенности в близком окончании войны против Советского Союза, вернули в "Волчьего логова" оптимизм. Победа под Киевом, казалось, открывала Рундштедту путь к нефтяным вышкам Кавказа, в Крым и к полной, столь долгожданной, победе на юге. Немецкие танковые дивизии прорвались в Донбасс и к Азовскому морю. И когда Гитлер счел, что группа армий "Юг" решит стоящие перед ней задачи своими силами, он одновременно пришел к выводу: можно вернуться к вопросу о наступлении на Москву.

5 сентября, в самый разгар наступления Рундштедта, Гитлер собрал в своем бараке руководителей армии. Он сообщил о намерении начать подготовку удара на советскую столицу. Генералы поняли, что приблизился долгожданный час.

- Отныне район Ленинграда, - говорил фюрер, - будет второстепенным театром военных действий. Для его полного окружения потребуется еще 6 - 7 дивизий. Предстоит соединение с финнами. Теперь танковый корпус Рейнгардта и авиация, переброшенные из группы армий "Центр" на север, могут быть возвращены. На юге, после того как завершится битва, высвобождающиеся силы будут переброшены в центр. И наконец последует удар на Москву.

Гитлер потребовал начать наступление через 8 - 10 дней; окружить и уничтожить советские войска под Москвой. Руководители сухопутных сил согласились со всеми выводами фюрера, кроме срока начала наступления: раньше конца сентября оно невозможно.

Уже на следующий день Гальдер и Хойзингер доложили Гитлеру и Кейтелю оперативные планы в духе прошедшего совещания. В тот же день Гитлер утвердил директиву ОКВ No 35 о проведении "решающей операции против группы армий Тимошенко" и наступлении на Москву⁶¹⁹. Советские войска Западного фронта следовало "разгромить до наступления зимы в течение ограниченного времени, имеющегося еще в распоряжении". Для этого - "сосредоточить все силы сухопутных войск и авиации, предназначенные для операции, в том числе те, которые могут быть высвобождены на флангах и своевременно переброшены". По предложению штаба сухопутных сил наступление будет проходить "с целью уничтожения противника, расположенного восточнее Смоленска, путем двойного окружения в общем направлении на Вязьму"⁶²⁰. После этой "решающей операции на окружение и уничтожение" группа армий "Центр" должна "приступить к преследованию в направлении Москвы, прикрываясь справа Окой, слева верхним течением Волги"⁶²¹. "Сражение на уничтожение" под Вязьмой рассматривалось как предпосылка для прорыва на Москву. Группе армий "Север" предстояло завершить окружение Ленинграда и затем, не позднее 15 сентября, отдать подвижные войска и авиацию в группу армий "Центр".

После завершения битвы на Украине войска Гудериана и 2-й армии Вейхса также включались в предстоящее наступление на столицу.

На основе таких расчетов генеральный штаб сухопутных сил приступил вместе с руководителями группы армий "Центр" к планированию "последней битвы восточного похода". 16 сентября появился на свет план операции "Тайфун"⁶²². Срок начала операции был определен на 2 октября. 2-я танковая группа переходила в наступление двумя сутками раньше. А. Филиппи и Ф. Гейм резюмируют: "Риск был велик, что понимало командование сухопутных сил и группы армий "Центр", но положение требовало в имеющееся время и с имеющимися силами добиться решения под Москвой еще в этом году"⁶²³.

Наступление предполагалось осуществить в форме "Битвы под Каннами", состоящей из двух фаз. Первая - прорыв Западного фронта и его окружение ударами подвижных соединений на Вязьму. Вторая - преследование на широком фронте тремя танковыми группами: "удар до Москвы, ее захват или окружение"⁶²⁴. Атаку предстояло вести по старой схеме, идеальным выражением которой был план "Барбаросса". В основе - постулат: если разбить противника, находящегося непосредственно перед фронтом, то дальше, в глубине, можно свободно маршировать куда угодно и захватывать что потребуется. Ибо там, в глубине, - оперативная пустота. Ее не оказалось в июле за Днепром. Гитлер и Кейтель, Браухич и Гальдер верили: она будет между Вязьмой и Москвой.

Для удара на Москву германское командование сосредоточило мощные, отборные силы. Ни разу в ходе второй мировой войны, кроме битвы под Москвой, германское верховное командование не развертывало на одном направлении столько сил: три танковые группы из четырех - 14 танковых и 8,5 моторизованных дивизий. Здесь находилось 75% всех танков Восточного фронта, почти половина всех солдат и авиации. 2, 4, 9-я полевые армии, 2, 4, 3-я танковые группы, 2-й воздушный флот, нацеленные на Вязьму - Москву, включали 77 дивизий (более 1 млн., человек, 1700 танков и штурмовых орудий)⁶²⁵. Силы авиации на Восточном фронте составляли к 6 сентября 1916 самолетов, в том числе 1209 бомбардировщиков⁶²⁶.

Группировка советских войск перед армиями фон Бока рассматривалась в конце сентября как "поразительно широкое и глубокое рассредоточение сил по обе стороны автострады Смоленск - Москва"⁶²⁷. Она оценивалась в 6 армий, или 100 соединений, от Почапа до Торопца. Систему оборонительных сооружений гитлеровцы ожидали встретить до окраин столицы.

Все было подготовлено, казалось, с предельной тщательностью и старанием. В ночь на 2 октября во всех ротах Восточной армии зачитали приказ Гитлера: "Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который еще до наступления зимы должен привести к уничтожению врага. Все приготовления, насколько это в человеческих силах, уже

окончены".

Войска стояли на исходных позициях. Небо посветлело. Мощные удары фашистской артиллерии и авиации возвестили о начале "последнего сражения на Восточном фронте". Через несколько часов историограф гитлеровской ставки Грейнер записал в дневник: "Группа армий "Центр" на рассвете в чудесную осеннюю погоду перешла в наступление всеми армиями"628. Все верили, что скоро будут в Москве.

II

Начавшееся 2 октября наступление сперва принесло войскам группы армий "Центр" крупный успех. Имея на направлениях главных ударов полное превосходство сил, армии фон Бока быстро двинулись вперед, охватывая фланги Западного и Резервного фронтов. На третий день наступления командующий 4-й танковой группой Гепнер сообщил, что выходит к Вязьме, а генерал Гот командующий 3-й танковой группой - к городу Холм-Жирковский.

Тем временем Москва стала прифронтовым городом. Московская партийная организация по указанию ЦК ВКП(б) вела напряженную работу по укреплению обороны столицы. Сотни тысяч трудящихся днем и ночью на ближних и дальних подступах к Москве возводили оборону. Собирались добровольческие формирования. На фронт выступали только что созданные коммунистические рабочие батальоны москвичей. Предприятия столицы переходили на круглосуточную работу. Они начали снабжать столь близкий теперь фронт оружием, обмундированием, снаряжением. 19 октября Государственный Комитет Оборона принял постановление о защите Москвы. В городе вводилось осадное положение. Столица Советского государства готовилась к решающей схватке. "Всесторонняя деятельность коммунистов Москвы и Московской области, сплотивших трудящихся на защиту столицы от злого врага, вылилась в героическую эпопею"629.

А в те же дни советские войска, внезапно атакованные врагом, стояли насмерть на вяземских рубежах. Они доблестно сражались, но оказались не в состоянии сдержать таранные удары охватывающих танковых клиньев630. 7 октября танки Гепнера и Гота соединились в Вязьме. Отрезанными, а потом окруженными оказались войска пяти армий Западного и Резервного фронтов. Одновременно танковая армия Гудериана вышла в тыл Западного фронта еще дальше к востоку.

Ряд советских частей вырвался из окружения и в дальнейшем присоединился к войскам на Можайской линии обороны.

Первая фаза операции "Тайфун" закончилась. Группа армий "Центр", как единодушно считали немецкие генералы, получила возможность движения массой своих танковых и моторизованных соединений к советской столице. "Теперь могла начаться вторая фаза похода: преследование противника до стен Москвы. Вступление танков на Красную площадь"631.

В день, когда войска двух танковых групп соединились восточнее Вязьмы, Браухич, Гальдер и Хойзингер срочно вылетели в Оршу, чтобы договориться с фельдмаршалом Боком о немедленном продолжении наступления прямо к советской столице.

- Окружение Москвы должно удался, - сказал на прощание Гальдер Боку.

7 октября штаб сухопутных сил отдал короткий приказ: "Преследовать в направлении Москвы". Гудериан двинулся к Туле, 2-я армия Вейхса приступила к боям против вяземского "котла", 4-я армия Клюге и танковая группа Гепнера наступали к Можайску, а 9-я армия Штрауса с группой Гота - на Калинин632.

Возник еще один срочный вопрос: что сделать с Москвой после того, как ее судьба будет окончательно решена? Браухич пришел с этой заботой к Гитлеру, и 12 октября во всех штабах появилась экстренная телефонограмма:

"Фюрер снова решил, что капитуляция Москвы, если о ней будет просить противоположная сторона, не должна быть принята". Дальше фашистские руководители указывали: "Точно так же как в Киеве мины замедленного действия представляли крупную опасность для войск, необходимо помнить, что то же самое в Москве и Ленинграде может

быть применено в еще больших размерах. О том, что Ленинград должен быть заминирован и будет обороняться до последнего человека, сообщило само советское радио.

Ни один немецкий солдат не должен поэтому вступать в эти города. Кто захочет покинуть город через наши линии, должен быть огнем отогнан обратно. Следует поэтому оставлять небольшие промежутки без заграждений, через которые выходящее из города население будет направляться во внутренние области России. Эти города, как и все другие, надлежит перед их занятием обессиливать артиллерийским огнем и авиационным наступлением, а их население обращать в бегство... Хаос в России будет тем больше, управление и подчинение нами занятых восточных областей станет тем легче, чем дальше население русских советских городов убежит во внутреннюю Россию"⁶³³. Такую судьбу нацисты хотели уготовить столице Советского государства, не сомневаясь в скорой и полной победе.

III

Нужно ясно себе представить, какой взрыв ликования в третьем рейхе вызвал успех под Вязьмой. Всем и так уже казалось, что "восточный поход" несколько затянулся. И вот наконец полная победа становится реальностью.

Гитлер с 22 июня ни разу публично не выступал и не обращался с воззваниями. Теперь особая значимость событий привела его на трибуну берлинского Спортпаласа, разукрашенного гирляндами из елок по случаю начала "кампании зимней помощи". Его встретили исступленные овации нацистской и военной элиты.

- В эти часы на нашем Восточном фронте, - подчеркивая с особым значением каждое слово, говорил Гитлер, - вновь происходят громадные события. Уже 48 часов ведется новая операция гигантских масштабов! Она поможет уничтожить врага на Востоке.

Воплями восторга встретил зал следующие слова:

- Я говорю об этом только сегодня потому, что сегодня я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется.

И в заключение:

- Позади наших войск уже лежит пространство в 2 раза большее, чем территория рейха в 1933 г., когда я пришел к власти, и в 4 раза большее, чем Англия⁶³⁴.

Военная пропаганда билась в судорогах упоения победой. Заголовки на первых страницах газет кричали: "Прорыв центра Восточного фронта!", "Исход похода на Восток решен!", "Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву!"⁶³⁵ Рейхс-прессешеф Дитрих собрал 9 октября многочисленных корреспондентов немецкой и зарубежной печати и сделал официальное заявление о "разгроме советского фронта"⁶³⁶. На следующий день "Фёлькишер беобахтер" писала в передовой "Военный конец большевизма": "На этот раз принесены в жертву последние боеспособные советские резервы. Против победоносного и полностью боеспособного немецкого Восточного фронта стоят лишь совершенно непригодные для серьезных действий красные соединения". Статья кончалась безапелляционным утверждением: приговор Советскому Союзу вынесен⁶³⁷. Для удобства читателей газеты печатали большие, в четверть листа, карты Московской области: каждый мог карандашом отмечать продвижение немецких войск до самой Москвы. "На фронте 1200 км вперед!" - командовала метровым аншлагом "Фёлькишер беобахтер" 13 октября. Она писала: "На обширном фронте маршируют и катятся на восток наступающие немецкие части. Нет слов для описания размеров советского поражения!"

Криклявая и бессовестная пропаганда старалась создать во всем мире впечатление полного и окончательного триумфа Германии и поражения Советского Союза. В третьем рейхе теперь мало кто сомневался в победе. Пресса перешла и к другой теме: к вопросам эксплуатации "завоеванного" Советского Союза. Рейхс-министр хозяйства Вальтер Функ писал о "новых задачах на Востоке": "Беспримерная победа германского вермахта и его союзников открыла путь для политического и хозяйственного переустройства восточноевропейского пространства"⁶³⁸. "Специалисты по России" знакомили читателей с

богатствами Донбасса, которые получил теперь рейх, с промышленными ресурсами Московской области, со значением транспортного узла Москвы, с богатствами Украины.

Не было в те дни превосходных степеней лести, лжи, пошлости, хвастовства, которые считались бы чрезмерными, поскольку касались Гитлера, генералов, солдат вермахта и "побед на Востоке".

Война против Советского Союза почти окончена! Такие настроения господствовали во всем рейхе и в генеральном штабе. И в полном соответствии с ними действовало верховное командование. Штаб группы армий "Центр" 14 октября отдал директиву: "Противник перед фронтом группы армий разбит. Остатки отступают, переходя местами в контратаки. Группа армий преследует противника". 4-й танковой группе и 4-й армии "без промедления нанести удар в направлении Москвы, разбить находящиеся перед Москвой силы противника, прочно овладеть местностью, окружающей Москву, и плотно окружить город".

Итак, честь прямого наступления на советскую столицу предоставлялась фельдмаршалу фон Клюге и генералу Гепнеру.

В ставке никто не сомневался, что они в ближайшие же дни плотно окружат Москву, а потом, вероятно, вступят в город. Как прикажет фюрер. И никто не предполагал, что в ближайшие дни все катастрофически изменится, т. е. никто из них Москву не окружит, что фюрер даст отставку Гепнеру, а потом, позже, его повесит, что Клюге хотя и будет прощена неудача, но ненадолго. А пока все продолжали двигаться вперед. Танковая армия Гудериана охватывала Москву с юго-востока и востока. 3-я танковая группа Гота и 9-я армия Штрауса наносили удар в обход Москвы с севера⁶³⁹.

Если ход истории зависел сейчас от того, устоит ли Красная Армия перед новым ударом, а из всех ее фронтов удержится ли Западный, то на самом Западном фронте все сводилось к проблеме: успеет ли советское командование своевременно закрыть брешь и воссоздать оборону, смогут ли советские солдаты отразить натиск чрезвычайной мощи?

Все, что произошло в ближайшие недели, имело величайшее значение для хода второй мировой войны.

Три главных обстоятельства позволили обеспечить успех: Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии, командование Западным фронтом сумели создать новый оборонительный фронт; войска, окруженные под Вязьмой, сковали основные силы группы армий "Центр" на тот срок, который оказался необходимым для подвода сначала хотя бы минимально необходимых резервов; советские воины героически отстаивали Москву.

Первостепенное значение имело создание фронта обороны на Можайской линии, где москвичи возвели оборонительный рубеж⁶⁴⁰. Новый командующий фронтом генерал Г. К. Жуков застал на нем ограниченные силы. Ставка поспешно направляла сюда части и соединения с Северо-Западного фронта, с юго-западного направления, резервы из глубины страны, дивизии с Дальнего Востока. Она старалась сначала надежно прикрыть хотя бы главнейшие направления к Москве⁶⁴¹. Начиная с 7 октября Ставка перебросила на Можайскую линию 11 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад и другие войска⁶⁴². Сопротивление советских войск становилось все более организованным и упорным.

Город стал фронтовым. Партийная организация, жители столицы отдавали все силы для укрепления обороны. В исследованиях, мемуарах, статьях советских авторов о великой битве под Москвой дается широкая картина трудового и воинского подвига коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся Москвы в критические дни осени 1941 г.⁶⁴³ Достаточно сказать, что создание только Можайской линии обороны потребовало затраты около 2,5 млн. человеко-дней⁶⁴⁴. Выдающаяся деятельность ЦК ВКП(б), Московской партийной организации позволила превратить Москву в военный лагерь, оказавший фронту громадную материальную, моральную и военную поддержку⁶⁴⁵.

Окруженные в боях под Вязьмой группировки советских войск упорным и героическим сопротивлением надолго приковали 28 соединений из группы армий "Центр". По свидетельству современных западногерманских историков, борьба окруженных соединений

и частей продолжалась до 20 октября⁶⁴⁶. Маршал Г. К. Жуков пишет: "В середине октября самым важным для нас было - выиграть время для подготовки обороны. Если с этой точки зрения оценить действия частей 19, 16, 20, 24, 32-й армий и группы Болдина, окруженных западнее Вязьмы, то надо отдать должное их героической борьбе. Оказавшись в тылу противника, они не сложили оружия, а продолжали храбро драться, предпринимали попытки прорваться на соединение с частями Красной Армии и тем самым сковывали большие силы врага, не позволяя ему развить наступление на Москву"⁶⁴⁷.

Маршал И. С. Конев подчеркивает: "Несмотря на тяжелую обстановку, нашим войскам, действовавшим на московском направлении, предстояло любой ценой задержать противника, чтобы выиграть время для организации обороны на Можайском рубеже и дать возможность развернуть подходившие из глубокого тыла резервы. Своим упорным сопротивлением они задержали на 8 - 9 дней вражеские ударные группировки и обеспечили время для проведения необходимых мероприятий по дополнительному усилению обороны московского направления"⁶⁴⁸.

Уже через несколько дней после приказа об ударе на Тулу танки Гудериана встретили упорное сопротивление 1-го особого гвардейского стрелкового корпуса. "Это не было преследование до последнего дыхания людей и лошадей"⁶⁴⁹, - не без иронии замечают западногерманские историки. Защитники Тулы героической обороной превратили свой город в неприступный бастион, который сковывал продвижение немецкого южного охватывающего крыла.

Сосредоточенная около Калинина новая советская группировка хоть и не смогла удержать город, но и не позволила левому флангу группы армий фон Бока пробиться дальше на восток. Калининский фронт во главе с генералом И. С. Коневым, созданный 17 октября, занял нависающее положение над группой армий "Центр". На кратчайших путях к Москве с запада, еще в период Вяземского сражения, развернулась свежая советская армия (5-я). Солдаты, вышедшие из вяземского кольца, вливались в новые формирования, занявшие оборону под Можайском, Волоколамском, Малоярославцем и Калугой. Именно эти крепкие духом советские войска вновь остановили двинувшиеся вперед немецкие дивизии. Попытка "преследовать противника до Москвы" стала все больше напоминать отдельные, не связанные друг с другом рывки. Везде в середине и второй половине октября оборона советских войск крепла. Движение наступающих становилось все медленнее.

Войска фон Бока смогли только вытеснить армии Западного фронта с Можайской линии обороны, но нигде не осуществили прорыва или "котла". "Благодаря стойкости советских войск, четкому управлению ими и своевременному подводу оперативных и тактических резервов перед противником продолжал по-прежнему стоять сплошной фронт нашей обороны, который опять предстояло прорывать, снова неся большие потери"⁶⁵⁰. Западный фронт устоял и в конце октября остановил группу армий "Центр". Советское командование быстрыми, энергичными действиями срывало план "Тайфун".

Снова пауза, каждый день которой - это прекрасно понимали в Растенбурге будет использован для укрепления обороны Москвы.

В гитлеровской ставке порыв кануна "последнего удара" сменялся постепенно растущим пессимизмом.

Проблема, перед которой стояло командование сухопутных сил в начале ноября, напоминала "быть или не быть?": нужно ли продолжать наступление или остановиться в непосредственной близости от цели?

Предшествующее развитие событий, как думал генеральный штаб сухопутных сил, подтвердило его точку зрения: искать главные решения следует там, где находится "нервный центр русского колосса", - в Москве⁶⁵¹. Сколько раз Браухич и Гальдер повторяли, что захват этого стратегического центра парализует все другие советские фронты. И вот их планам суждено, казалось, сбыться. Они считали абсолютно необходимым и возможным наступать дальше, хотя первый удар, несмотря на успех, не привел к стенам Москвы и погас неожиданно быстро.

Штаб сухопутных сил и командование группы армий "Центр", как вскоре выяснилось, были едины в мнении, что задержка фронта на промежуточной линии вряд ли оправдана и что Москва должна быть занята до наступления зимы, к которой вермахт совершенно не был готов. "По мнению военного руководства, пишут Филиппи и Гейм, - имелась альтернатива: или завоевать Москву, или вернуть фронт на исходную линию"⁶⁵². Что касается Гитлера, то для него любые другие решения, кроме наступления на Москву, были недискуссионными. Конечно, чудовищным и для генерального штаба, и для Гитлера показалось мнение, высказанное вдруг 24 ноября Гальдеру командующим армией резерва генерал-полковником Фроммом о необходимости заключить мир и о том, что для этого нельзя терять благоприятный момент⁶⁵³. Важно, что и такое мнение уже появилось под Москвой из недр гитлеровской военщины! Генеральный штаб пришел к выводу о необходимости "бросить на чашу весов успеха свою твердую волю и крепкие нервы"⁶⁵⁴, чтобы преодолеть еще один, теперь уже самый последний кризис этого тяжелого похода. В результате 30 октября появилась директива, уточнявшая задачи войск фон Бока на предстоящую операцию⁶⁵⁵.

Силы Красной Армии ОКХ оценивало в общем оптимистически. Хотя соприкосновение с советскими войсками на ряде участков фронта теперь отсутствовало и данные разведки, особенно о глубине советской обороны, из-за нелетной погоды оказались более чем скудными, генеральный штаб сухопутных сил и группа армий "Центр" склонялись к мысли, что у противника на исходе последние войска. Гальдер предполагал, что советское руководство намерено "оставить весь промежуточный район, который может вывести нас лишь в бескрайние степи восточнее Волги".

Однако, как это уже неоднократно бывало с германским генеральным штабом во второй мировой войне, в оценках противника он быстро переходил от одних крайностей к другим и нередко пытался примирить противоположные взгляды. Буквально через несколько дней Гальдер отмечает усиление советских войск и авиации под Москвой. Он вновь пересматривает оценки. В сложной и нестройной симфонии всех этих расчетов все настойчивее слышатся иные ноты: победа в 1941 г. вообще невозможна, Москва недостижима. Такое мнение вполголоса, но вполне определенно высказывалось в первые ноябрьские дни и во фронтовых штабах, и в бараче Гальдера, и в окружении Браухича.

5 ноября Хойзингер пришел к Гальдеру.

- Господин генерал-полковник, - со всей возможной решимостью сказал он, на основании анализа создавшейся обстановки нам нужно, наконец, точно установить возможности ведения дальнейших операций и принять после этого твердое решение. Существуют две крайние точки зрения: одни считают необходимым закрепиться на достигнутых рубежах, другие требуют активного разрешения дальнейших задач. Мы должны найти компромиссное решение и довести его до штаба армии включительно.

Гальдер думал о том же, и совет начальника оперативного отдела еще больше укрепил его в мысли о необходимости выехать на фронт, чтобы выяснить мнение штабов групп армий и армий. К такой поездке он и стал готовиться. В течение двух дней кипела работа. В результате появился документ "Ориентирование начальника генерального штаба сухопутных сил от 7 ноября". Он лег в основу доклада Браухича, сделанного им в тот же день у Гитлера, и другого доклада, с которым Гальдер выступил на совещании в Орше 13 ноября.

В документе говорилось:

"Ожидаемое в ближайшее время наступление холодов, вероятно, сделает еще раз на ограниченное время возможным быстрое проведение операций на Востоке... Решение задач, еще выполнимых в этом году, должно создать благоприятные предпосылки для ведения борьбы зимой и в 1942 году... Противник, по-видимому, больше не сможет из-за несоответствия между пространством и силами создать сплошной фронт между Черным морем и Ладожским озером. Вероятнее всего, он будет вынужден ограничиться удержанием большого московского района (Вологда, Москва, Саратов), который включает важные дороги из военно-промышленной области Урала, из азиатской России и связь с Мурманском, а также обороной Кавказской области, удержания которой требует не только необходимость

снабжения нефтью, но и взаимодействие с англосаксами. Если противник захочет сохранить лежащий в промежутке, не имеющий стратегического значения основной район волжских степей, то он должен будет по меньшей мере держать линию Дона, чтобы не допустить прорыва своей связующей линии между северной и южной Россией. Русские могут, по их нынешним силам, создать и вооружить еще около 50 дивизий". ОКХ склонялось к мысли: в этом году немецкие войска достигнут линии: нижнее течение Дона до устья Хопра - Тамбов - Рыбинск - Лодейное Поле, на юге Майкоп - Сталинград, на севере - Горький и Вологда. Так удастся "лишить противника военно-индустриальной основы для восстановления его вооруженных сил и ограничить возможности проведения больших оперативных перебросок". Для немецкой армии тем самым будет создано "возможно более благоприятное положение еще до полного наступления зимы"⁶⁵⁶.

Следовательно, генеральный штаб сухопутных сил в первых числах ноября начал склоняться к мысли:

- что война против Советского Союза, вероятнее всего, выиграна в 1941 г. быть не может и продлится в следующем году;

- что сейчас необходимо продолжить наступление, чтобы выйти в глубь Советского Союза на линию, с которой в 1942 г. удастся нанести решительный удар;

- что такое наступление связано с риском, но он неизбежен, а поэтому оправдан;

- что силы Советского Союза на исходе, и поэтому СССР сможет удерживать лишь два стратегических района - Москву и Кавказ.

С такой оценкой стратегической обстановки Браухич выступил на совещании у Гитлера днем 7 ноября и получил в общем и целом одобрение.

Как о возможных перспективах Гитлер теперь говорил на совещании об операциях будущего 1942 г. в центральном районе России, "где наблюдается активизация русских", и о Северном Кавказе, овладение которым "придется перенести на будущий год"⁶⁵⁷.

Победные вопли нацистской военной пропаганды с конца октября как-то сразу утихли. О Восточном фронте появлялась теперь только самая скупая информация. Карты Московской области исчезли со страниц газет. Как будто всего лишь полмесяца назад никто и не говорил, что победа над Советским Союзом одержана. И не удивительно, ибо еще до последнего, "решающего" наступления на Москву в сфере высшего руководства вооруженными силами именно здесь, у стен Москвы, складывается мысль о невозможности выиграть войну в 1941 г.

Тогда, в начале ноября, составляются и первые наброски плана военных действий на следующий год, причем главный удар будет наноситься на юге. Еще 6 октября Паулюс докладывал Гальдеру так называемую оперативную разработку "Кавказ". 9 ноября разведка доставляет сведения о развертывании на Кавказе пяти новых штабов советских армий, после чего Гальдер отмечает: "Наступление на Майкоп невозможно раньше января". Наконец, на совещании у Гитлера 19 ноября вполне твердо определяются "задачи на будущий год". В первую очередь - Кавказ. Цель - русская южная граница. Время - март - апрель⁶⁵⁸.

11 ноября в 8 часов вечера Гальдер отъехал в специальном поезде вместе с помощниками со станции Ангербург в Оршу на совещание с начальниками штабов Восточного фронта. Его главный багаж составляло "Ориентирование начальника генерального штаба". На следующий день поезд подошел к перрону Минска, а вечером прибыл в Оршу.

IV

Темой совещания начальников штабов групп армий, начавшегося в 10 часов утра 13 ноября, был один вопрос, по которому верховное командование хотело знать мнение фронтовых инстанций, хотя уже имело свое собственное: что делать дальше? Должны ли армии окопаться, начать готовить зимние позиции и ожидать весны или они должны и могут продолжать наступление на Москву зимой? Мнение верховного руководства уже, как мы знаем, было выработано, и разъяснить его руководству на местах составляло вторую задачу

совещания.

"Совещание в Орше, - считает Карелль, - имело особое значение для военной истории. Оно является ключом к ответу на вопрос, который сегодня пылко дискутируется: что было решающим для продолжения несчастного зимнего наступления? Кто несет ответственность? Был ли это Гитлер или генеральный штаб?"⁶⁵⁹ Ответ был дан скоро.

Открыв совещание, Гальдер сделал обзор положения на всем фронте между Ладожским озером и Азовским морем, повторив содержание доклада Браухича у Гитлера 7 ноября и своего документа "Ориентирование начальника генерального штаба".

Что могли сказать собравшиеся здесь начальники штабов, выражая мнение своих командующих?

Фельдмаршал Бок оставался в эти дни "движущей силой мнения о необходимости наступать на Москву"⁶⁶⁰. На севере Лееб уже ничего не мог сделать. Он лишь ожидал обещанной помощи Бока, который должен был нанести удар частью сил на север или северо-восток.

На юге фельдмаршал Рундштедт уже 27 октября отдал приказ после достижения Ростова-на-Дону прекратить наступление ввиду того, что "при всем желании нельзя достигнуть поставленной цели" (Майкоп, течение Дона), что больше невозможно двигать войска дальше без достаточного обеспечения. Рундштедт исключал в ближайшее время какое-либо новое наступление. Донесением 3 ноября он поставил в известность штаб сухопутных сил, что "оперативные решения, которые не удалось в этом году, должны быть перенесены на следующую весну"⁶⁶¹.

Первым выступил начальник штаба Рундштедта генерал Зоденштерн. Он потребовал для группы армий "Юг" разрешения прекратить наступление и перейти к обороне. В конце концов войска группы стоят далеко на востоке, на Дону, перед Ростовом, на 350 км восточнее линии фронта группы армий "Центр".

Группа армий "Север", сообщал начальник штаба фельдмаршала Лееба генерал Бреннеке, сейчас настолько слаба, что не может быть и речи о продолжении наступления. Войска уже давно перешли к обороне.

Затем докладывал генерал Грейфенберг, начальник штаба Бока. "Фельдмаршал считает, - сказал он, - что в военном и психологическом отношениях необходимо взять Москву. Опасность, что мы этого не сможем сделать, должна быть принята во внимание, - продолжал он, - но будет еще хуже, если мы останемся лежать в снегу на открытой местности в пятидесяти километрах от манящей цели"⁶⁶².

В итоге все начальники штабов фактически отвергли план верховного командования - еще в этом году достигнуть Майкопа, Сталинграда, Тамбова, Рыбинска, Вологды, Лодейного Поля. Вместо этого Рундштедт и Лееб ставили генеральный штаб перед фактом: их войска вообще больше не могут никуда наступать, не только до нефтяных районов или до Вологды, но и до чего угодно другого, расположенного хотя бы перед самым их фронтом. Они могут думать лишь о том, чтобы как-нибудь удержаться на месте и перезимовать. Все "ориентирования" Гальдера и выводы фюрера ставились под сомнение неумолимым фактом: сдвинуть армии на юге и севере невозможно.

И лишь мнение фон Бока в ряде пунктов совпадало с планами верховного командования⁶⁶³. Правда, Бок, его помощники Грейфенберг и начальник оперативного отдела подполковник Тресков не разделяли в полной мере оптимизма генерального штаба о силах Красной Армии. И все же считали наступление на Москву лучшим решением, чем любое иное.

Закончив обсуждение, Гальдер прочитал заранее подготовленный приказ группе армий "Центр": 2-я танковая армия Гудериана должна после занятия Тулы наступать юго-восточнее Москвы через Коломну на Горький - 400 км восточнее Москвы. На севере 9-я армия с 3-й танковой группой продвигается на восток через канал Москва - Волга, затем поворачивает на Москву, составляя левую охватывающую группировку. В центре - 4-я армия справа, 4-я танковая группа слева должны вести фронтальное наступление. Срок начала нового

наступления не устанавливался. Его определит фельдмаршал Бок, которому требовалось еще несколько дней для организации снабжения.

Так завершился период новых мучительных сомнений. Совещание в Орше привело, наконец, к решению. План ОКХ от 7 ноября был отвергнут. Вермахт переходит к обороне на севере и юге, но в центре будет нанесен последний удар на советскую столицу, который приведет к ее занятию еще до наступления морозов. Все начнется в будущем году, хотя штаб сухопутных сил был убежден, что "силы, имевшейся в 1941 году, уже никогда нельзя будет достигнуть". Теперь перед захватчиками светилась одна-единственная цель: Москва!

Идея "последнего", или, как его принято называть, "второго", наступления на Москву - это совместное творение Гитлера, его штаба, командования сухопутных сил и фронтовых генералов. Цель - Москва - принималась, несмотря на то что группа армий "Центр" имела растянутый фронт, располагала резервом лишь в одну-единственную дивизию, а по ее коммуникациям уже наносили чувствительные удары партизаны.

Генералы и фельдмаршалы в течение полугода требовали, просили, настаивали - наступать на Москву, и теперь для них было уже невозможным отказаться. Они не могли окопаться перед наступлением зимы в каких-то нескольких десятках километров от цели. Им все еще казалось: они возьмут Москву и выполнят то, к чему всегда так долго и горячо стремились. И они приняли решение, про которое много лет спустя их же соратник - один из руководителей фашистской разведки, У. Лисс, напишет: "Действительные возможности противника роковым, образом недооценивались", а "реальная оценка русской силы сопротивления... вероятно, привела бы к отказу от ноябрьского наступления на Москву"⁶⁶⁴.

V

Для успеха последнего наступления на Москву гитлеровское верховное командование, генеральный штаб и фельдмаршал фон Бок сделали все максимально возможное. Опять, как в сентябрьском наступлении, направлялись к одной цели сразу три танковые армии, обладавшие все еще большой мощностью. Их вели опытейшие гитлеровские генералы: старый фашистский теоретик и практик танковой войны Гудериан, бывший бессменный командующий отборными берлинскими соединениями, напористый, агрессивный, считавший себя непобедимым Гепнер, не менее опытный Гот. Все войска, сосредоточенные на Москву, возглавляли четыре фельдмаршала. Прямо к столице должен был двигаться во главе своих войск Ханс Гюнтер фон Клюге. Для 59-летнего фельдмаршала, верного слуги нацизма, наступал зенит карьеры. Он знал, как вести наступление. Два Железных креста и орден дома Гогенцоллернов он получил еще в первой мировой войне. Клюге ("умный Ханс", как его звали еще в кадетском корпусе, играя словами "Der kluge Hans") "академик" с 1910 г., генерал с 1933 г., командующий группой армий в 1936 г. готовился у стен Москвы еще раз "прославить" свой старинный прусский "солдатский" род. Южнее столицы наступал Вейхс - победитель во Франции и на Балканах. Авиацией руководил Кессельринг - один из главных создателей люфтваффе, личный друг Гитлера, еще до войны командующий воздушным флотом в Берлине. Это он разрушал в мае 1940 г. Роттердам, а затем вел беспощадное воздушное наступление на Англию. И, наконец, армиями, нацеленными на Москву, командовал фон Бок, опытный, жестокий, фанатичный исполнитель замыслов фашизма.

Вермахт располагал общим превосходством: в людях в 1,9 раза, в артиллерии - в 3 раза. Около 1500 танков и 650 самолетов германское командование бросало против 890 советских танков (на 90% устаревших систем) и примерно тысячи самолетов⁶⁶⁵. На направлениях главных ударов немецкое превосходство оказалось подавляющим.

Второе наступление на Москву должно было начаться в середине ноября. Вермахт опять сделал все, что мог, для подготовки к этому последнему тяжелому удару. Генералы обратились к солдатам со словами, полными уверенности в близкой и окончательной победе. Командующий 4-й танковой группой писал в приказе на наступление: "Время ожидания прошло. Мы можем снова наступать. Последнее русское сопротивление перед Москвой будет разбито. Мы сможем остановить сердце большевистского сопротивления в Европе тем,

что завершим поход этого года. Танковая группа имеет счастье осуществить решающий удар. Для этого нужно сосредоточить все силы, весь боевой дух, непоколебимое желание уничтожить врага"666.

Фон Бок стал торопить войска с подготовкой еще в начале ноября, когда температура упала ниже нуля и дороги стали твердыми. Отставшая артиллерия быстро подтянулась к фронту, снабжение значительно наладилось. Железнодорожные линии до Брянска, Вязьмы и Ржева функционировали сносно, хотя перестройка колеи на западный стандарт еще не везде закончилась. Ближайшей целью наступления командование группы армий "Центр" определило рубеж: южнее столицы - река Москва, севернее - канал Москва - Волга. Бок говорил: "Лучше не упускать эту промежуточную цель, чем попасть в заснеженную зиму и застрять". Что предпринять дальше - потом будет видно. Все понимали, к чему идет дело. Генерал-полковник Гепнер потребовал от своих командиров: "Встряхните войска. Оживите их дух. Покажите цель, которая даст им славное окончание тяжелой борьбы и перспективы предстоящего отдыха. Руководите с энергией и верой в победу"667.

15 ноября перешла в наступление 3-я танковая группа. Ей удалось потеснить советские войска за Волгу. 4-я танковая группа яростно атаковала 16-ю армию. Пять дней ожесточенных кровопролитных боев вдоль Волоколамского шоссе закончились тяжелыми потерями войск генерала Гепнера. Медленно отталкивая к востоку советский фронт, гитлеровские войска шаг за шагом приближались к Москве. Но танковые дивизии Гепнера не смогли достигнуть оперативного прорыва. Они несли потери, темп их продвижения неуклонно падал668.

Все больше и больше обнаруживалась та слабость германского наступления, которую впоследствии столь точно характеризовал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: "Развернув свои ударные группировки на широком фронте и далеко замахнувшись своими бронированными кулаками, противник в ходе битвы за Москву растянул свои войска по фронту до такой степени, что в финальных сражениях на ближних подступах к Москве они потеряли пробивную способность"669.

Последнее, полное отчаяния и безумной решимости наступление на Москву защитники столицы встретили с такой отвагой и стойкостью, что этот новый мощный натиск стал угасать, захлебываясь в своих ужасающих потерях, с самых первых дней670. Не лишено интереса посмотреть, как это обстоятельство выглядело с германской стороны. В ФРГ опубликован ряд работ, основанных на документах и воспоминаниях. Вот несколько фрагментов, содержащих любопытные характеристики671.

..."В районе действий 4-й танковой группы между Шелковкой и Дорохово находилась одна из центральных позиций битвы за Москву. Здесь перекрещивались старая почтовая дорога, шоссе на Москву, по которому шел Наполеон, новая автострада и железнодорожная линия Смоленск - Москва с большой осью Север Юг, Калинин - Тула. Кто имел в своих руках Шелковку и Дорохово и расположенные перед ними высоты, тот господствовал над этим решающим узлом коммуникаций".

В конце октября Шелковку заняла 10-я немецкая танковая дивизия. Советские части обороняли высоты рядом. Когда 7-я мюнхенская пехотная дивизия пыталась сбить советские войска, она встретила ожесточенное сопротивление. Завязался упорный бой. Здесь контратаковала советская 82-я мотострелковая дивизия. 7-я германская дивизия "должна была с тяжелыми потерями оставить перекресток. Район Шелковка - Дорохово снова был занят советскими войсками, и это имело тяжелейшие последствия".

В начале ноября командир 7-го армейского корпуса генерал Фармбахер решил любой ценой снова вернуть район Шелковки и Дорохова. Он бросил сюда три дивизии: 7, 197-ю средне-рейнско-саарпфальцскую и 267-ю нижнесаксонскую при поддержке батальона танков 5-й силезской танковой дивизии. Карелль так описывает этот бой немецких соединений против 82-й мотострелковой дивизии. В стремительном ударе двигались танки на позиции советских бригад. "Но сыны степей не отступали, они забрасывали танки бутылками с горючей смесью. Ударные пехотные полки вынуждены были брать пункт за пунктом с

помощью холодного оружия. Где русские были отброшены, они немедленно прикрывались реактивными установками. Потери были высокими с обеих сторон⁶⁷².

Только после непрерывных боев, продолжавшихся двое суток, гитлеровцам удалось превосходящими силами занять этот район. Теперь "через перекресток у Шелковки могли двигаться колонны. Дорога для снабжения правого фланга 4-й танковой группы была снова свободна"⁶⁷³. Но успех обошелся дорого.

Танковой группе Гота удалось силами 1-й танковой дивизии ворваться в Калинин и захватить мост через Волгу. Небольшой плацдарм на восточном берегу заняли танки этой дивизии и 900-й учебной мотобригады. В тот же день дивизия СС "Рейх" генерала Хауссера достигла Бородино. "Здесь, - меланхолично напоминает Карелль, - в 1812 году был разбит Наполеон". Здесь героически оборонялась 32-я советская стрелковая дивизия. "Они (советские войска. - Д. П.) были стойкими. У них не бывало паники. Они стояли и дрались. Они наносили удары и принимали их. Это была ужасная битва... Кровавые потери дивизии СС "Рейх" были столь кошмарно велики, что ее третий пехотный полк пришлось расформировать и остатки поделить между полками "Германия" и "Фюрер". Командир дивизии тяжело ранен... Мертвые. Тяжелораненые. Сожженные. Разбитые. Ярость делала глаза кроваво-красными"⁶⁷⁴.

...Генерал пехоты Руофф стремился открыть себе путь на Москву между Ленинградским шоссе и каналом Москва - Волга. 23 ноября передовые отряды корпуса с двумя танками под командованием подполковника Декера и полковника Родта врываются после упорного боя в Солнечногорск. "Еще через два дня Родт занимает деревню Пешки - продвижение еще на девять километров к Москве. Шаг за шагом, из последних сил, и шаги все мельче". Пехотные дивизии 5-го корпуса медленно наступают слева и справа от шоссе на юг, к Москве, и на юго-восток, чтобы выйти к каналу. Это 106, 35-я и 23-я дивизии. Канал - последняя серьезная естественная преграда для охвата Москвы с севера. "Если удастся ее преодолеть, то самое трудное для северной наступающей группировки - 4-й и 3-й танковых армий - будет сделано".

Одновременно по личному приказу Гепнера высылается передовой отряд стрелково-мотоциклистов 62-го танкового батальона 2-й танковой дивизии для того, чтобы первым прорваться к окраинам Москвы. Батальон смог лишь немного продвинуться, но был отбит и повернул обратно.

Тем временем к каналу Москва - Волга подходили соединения 56-го танкового корпуса генерала Шаала. Полковник Хассо фон Мантейфель с отрядом из 6-го пехотного и 25-го танкового полков переправился под Яхромой через канал и создал небольшой плацдарм у д. Перемилово. Так был достигнут самый восточный пункт наступления на Москву. Это произошло 27 ноября.

Но здесь-то и началось непредвиденное. Офицер Ганс Лейбель, бывший на плацдарме у Яхромы, жалуется: в этот день "бог погоды - на стороне русских". Однако главным стало другое. По приказу командующего Западным фронтом здесь были введены части вновь прибывшей армии генерала В. И. Кузнецова, которые решительным ударом 29 ноября выбили Мантейфеля с его плацдарма за каналом. "Шансы молниеносного удара на Москву с севера были утрачены".

Но южнее германское наступление с огромными усилиями все еще продолжалось. Соединения 41-го танкового корпуса, выдвинутого из-под Калинина, 1 декабря вышли к каналу под Лобней. 2-я танковая дивизия генерала Вебеля угрожала Москве с северо-запада. Ее левая боевая группа подполковника Декера, используя метель, ворвалась по шоссе Рогачево - Москва в Озерцево. "Войти в Кремль! Промежуточная станция - Красная площадь", - кричали, как свидетельствует Карелль, вновь обнаглевшие и воспрянувшие духом солдаты передовых отрядов. Они стояли на автобусной остановке к Москве.

- Когда придет проклятый автобус? - острили "победители". - Он, кажется, опаздывает!
"До Красной площади оставалось 38 километров"⁶⁷⁵.

Боевая группа - усиленная 2-я пехотная бригада - подошла еще ближе. 30 ноября после ожесточенного боя она заняла Красную Поляну и на следующий день Катюшки, а 2-й батальон 304-го полка под командованием майора Рейхманна Горки.

"Это было в 30 км от Кремля и в 20 км от окраины Москвы"676.

Боевые группы 5-й и 10-й танковых дивизий и дивизии СС "Рейх", истекая кровью, добрались до Истры и захватили ее. Им удалось переправиться через водохранилище. Но продвинуться вдоль шоссе Волоколамск - Москва они не смогли. "Здесь сражались части знаменитой 18-й сибирской стрелковой дивизии... В ближнем бою с помощью ручных гранат приходилось брать бункер за бункером"677.

2 декабря передовой отряд дивизии СС "Рейх" подошел к Ленино. Но здесь он встретил упорную оборону и контратаки. "Больше невозможно было двигаться вперед всей 4-й танковой группе. Ее наступающие соединения продвинулись еще только на несколько километров. Боевая группа 10-й танковой дивизии 1 декабря, поддержанная последними танками дивизии, достигла деревни Ленино. Она смогла потеснить русских только на западной ее окраине. На восточной части, за ручьем, ...противник стоял так, будто он сделан из железобетона. В течение четырех дней лежали друг против друга. Периодически русская артиллерия вела огонь по немецким позициям. Кучка 69-го полка становилась все меньше, и невозможно было захватить больше ни одного квадратного метра земли. Тридцать четыре километра оставалось до Москвы, восемнадцать до Северного порта"678.

Некоторые дивизии, правда, еще двигались к близкой и столь далекой цели. Южнее Истры, по обе стороны шоссе Руза - Звенигород, пытался наступать своими тремя дивизиями 9-й корпус генерала Гейера. Его встретили войска 5-й армии генерала Л. А. Говорова. Тут, под Локотней, в конце октября захлебнулось наступление 78-й вюртембергской дивизии. Теперь оно возобновилось. Удалось после ожесточенного боя взять Локотню, затем Александровское. "Но здесь силы дивизии исчерпались. Взять Звенигород не удалось". 252-я пехотная дивизия в районе Покровского продвинулась еще на несколько километров. "Но больше ничего не получается"679.

Контрударами советских 1-й ударной и 20-й армий, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 112-й танковой дивизии дальнейшее продвижение немцев было сорвано.

Так окончились все самые последние их попытки прорваться к советской столице с северо-запада.

На кратчайшем - западном - пути к Москве в первых числах декабря германское наступление также захлебнулось.

...Напрасно пыталась 4-я танковая группа своим 7-м корпусом генерала Фармбахера прорвать участок на реке Нара у Минской автостреды. Сражавшаяся севернее реки Москва 267-я пехотная дивизия прочно залегла на своих позициях, в глубоком снегу. Отборные 197-я пехотная дивизия, называвшаяся "дивизией прорыва автостреды", 7-я дивизия "безуспешно пытались маневром слева обойти упорную оборону противника на рубеже река Нара, автострада, озеро Палецкое, изгиб реки Москва". Для того чтобы все-таки достигнуть линии шоссе на Москву юго-восточнее Наро-Фоминска, фельдмаршал Клюге 1 декабря сделал еще одну попытку нанести удар 20-м армейским корпусом своей 4-й армии.

Сначала как будто попытка удалась. Клюге хотел глубоким обходом достигнуть автостреды за рекой Нара. 20-й корпус генерала Матерна наносил главный удар своей 250-й пехотной дивизией, которая к этому времени захватила мост у Таширово. В 5 часов утра 1 декабря 20-й корпус перешел в наступление в направлении автостреды юго-восточнее Наро-Фоминска. Прорыв удался. 292-я пехотная дивизия, усиленная частью танкового полка 19-й танковой дивизии, прорывается к д. Акулово, расположенной в 6 км от автостреды. Две дивизии наносят охватывающие удары на Наро-Фоминск. Они встречают упорное сопротивление. "Здесь - первые случаи, когда солдаты валились в снег и кричали: "Я больше не могу". Батальоны таяли... В некоторых оставалось только по 80 человек". В 3-й бранденбургской моторизованной дивизии 1-й батальон 29-го полка потерял всех командиров рот. 5-я рота, которая двинулась в это последнее наступление, имея 70 солдат,

насчитывала к вечеру первого дня боя 28 человек680. Полку удалось продвинуться под Наро-Фоминском еще на пять километров по шоссе, после чего он был остановлен, а затем отброшен в исходное положение.

"Было ясно, что о дальнейшем движении на Москву нечего и думать. Люди были истреблены... Это был час, когда вся 4-я армия прекратила наступление и вернула свои передовые части на исходные позиции".

К 5 декабря ударные соединения двух танковых групп (3-й и 4-й) на левом фланге группы армий "Центр" растянулись большой дугой севернее и северо-западнее Москвы в тяжелом наступательном и оборонительном сражении. На канале Москва - Волга, около 70 км от Москвы, боевая группа Вестховена - 1-я танковая дивизия совместно с частью 23-й пехотной дивизии - наступала через Белый Раст на юго-восток, к переправам через канал севернее Лобни. Ее усиленный танками и артиллерией 1-й мотоциклетный батальон поздно вечером занял Кусаево, в 2 км западнее канала. "В Горки, Катюшки и Красная Поляна, ...почти в 16 км от Москвы, вели бой солдаты 2-й венской танковой дивизии, ведя ожесточенное сражение". В деревне Катюшки, наиболее выдвинутом к юго-востоку опорном пункте 2-й танковой дивизии, вел бой 2-й пехотный батальон 304-го пехотного полка под командованием майора Бук. "Катюшки находятся от Москвы так же близко, как Ораниенбург от Берлина. Через стереотрубу с крыши крестьянского дома на кладбище майор Бук мог наблюдать жизнь на улицах Москвы. В непосредственной близости лежало все. Но захватить его было невозможно. Не оставалось сил"681.

"Борьба вылилась в отдельные ограниченные бои, захват местности шел шаг за шагом. Противник на ходу подбрасывал все новые и новые силы, его войска защищались грудью, всей своей силой противостояли немецкой атаке. Русская авиация стала очень активна. Боевой дух наших войск быстро снижался... тактические резервы вскоре были истощены. Температура воздуха быстро падала, и поэтому механизированные войска и локомотивы бездействовали. Со дня на день фронт и снабжение парализовались"682.

Бок гнал войска вперед, но уже в частных беседах со своим начальником штаба сравнивал ход битвы с известным сражением на Марне в 1914 г., когда немцы были отброшены от Парижа. В некоторых полках оставалось по 400 солдат. 7-й пехотной дивизией командовал обер-лейтенант. Гудериан докладывал: его армия "скована в мешке", войска выдохлись и продвигаться не могут. Единственная цель, которую он теперь видел перед собой, - занять Тулу, чтобы там расквартироваться и пережить зиму под прикрытием зоны разрушений и заграждений.

На совещании обер-квартирмейстеров 27 ноября все пришли к выводу: войска находятся накануне полного истощения сил, перед угрозой суровой зимы. А тем временем поступали сведения о сосредоточении новых сил Красной Армии под Москвой и о возможной их активизации. Разгром Клейста под Ростовом-на-Дону вызвал крайнюю тревогу в ставке Гитлера. Она еще более усилилась после решения Рундштедта отвести войска за реку Миус, что ему было немедленно и строжайше запрещено.

К концу ноября силы 4-й армии истощились в оборонительных боях с переменным успехом. Клюге настаивал, чтобы его армии разрешили зарыться в землю. 2-я танковая армия, пробиваясь на север и восток от Тулы, дошла до Михайлова и только одной дивизией продвинулась до Каширы. Здесь наступающие были не только остановлены, но и отброшены сильным контрударом советских войск. Теснимый атаками со всех сторон, Гудериан 27 ноября потребовал облегчить его положение помощью 4-й армии, но фельдмаршал Бок, видя бесперспективность удара на Коломну и трудное положение Клюге, отдал приказ атаку в северном направлении приостановить и в первую очередь заняться улучшением положения под Тулой. Защитники Тулы героически отразили штурм, что сыграло первостепенную роль для обороны Москвы.

"Полный отчаяния сидел Гудериан на своем командном пункте в пятнадцати километрах южнее Тулы, среди фронтовых донесений и карт в маленьком поместье всемирно известного гения, в Ясной Поляне... Здесь, в имении Толстого, в ночь с 5 на 6

декабря Гудериан принял решение: продвинувшиеся части его танковой армии отвести назад и перейти к обороне. Гудериан должен был признать: наступление на Москву провалилось. Мы потерпели поражение"683.

Еще 29 ноября на совещании Гальдера, Паулюса и Хойзингера все пришли к заключению, что самое большее, на что еще можно рассчитывать, это подойти северным флангом группы армий "Центр" к Москве и занять 2-й танковой армией излучину Оки северо-западнее Тулы, чтобы в этом районе расквартировать войска на зиму. "Нам нечего больше выжидать, - резюмировал Гальдер, - и мы можем отдать приказы на переход к зиме"684.

Неумолимому ходу событий командующий группой армий "Центр" вынужден был подчиниться. При одобрении руководства сухопутных сил 5 декабря он отдал приказ о прекращении атаки на Москву.

- Москва станет новым Верденом, - заявил Бок.

Красная Армия своей героической борьбой сорвала все расчеты нацистов на завоевание Москвы.

VI

Все, что происходило теперь, в первых числах декабря 1941 г., на Восточном фронте преломлялось в сознании нацистских военных руководителей, как что-то невыносимое и кошмарное. Неудачи превращались в бедствие. Нацистские главари, генералы из высших штабов старались хитрить с действительностью и сами с собой, обольщали себя надеждой перезимовать в московских пригородах, чтобы занять столицу весной. Они говорили не об отступлении, а о маневрах. Они обманывали сами себя, вспоминая, что, собственно, Москва вовсе не так важна и что главное, как много раз указывал фюрер, это юг, Украина, нефть. Но правда состояла в том, что у стен Москвы сейчас сосредоточились самые отборные, мощные и многочисленные силы, которые когда-либо бросала в сражение Германия и что от исхода Московской битвы зависели престиж и будущее гитлеровского рейха. Правда состояла в том, что эти силы вынуждены были вести страшные бои, после которых, насколько хватал глаз, поля и холмы этого незнакомого Подмосковья покрывали трупы, искореженная техника, горящие автомашины, что подрывалось былое "величие непобедимого вермахта".

Корпуса, дивизии таяли. Многие батальоны становились жалкими горстками людей, которые уже не думали ни о фюрере, ни о "великом рейхе", а только о том, чтобы уцелеть, выжить, выбраться из этого кошмара.

Правда состояла в том, что некоторые из нацистских генералов стали подумывать, что надо кончать с несчастной кампанией на Востоке. Впечатления от провала под Москвой в то время были чрезвычайно сильными. Позже их затмили Сталинград, Курск и общий крах. Собственно поэтому в послевоенных воспоминаниях германских генералов московскому поражению не отводится должного места. Но в декабре 41-го они еще, конечно, не знали, что их ждут Сталинград, Курск и все остальное, и ощущение приближающегося конца не покидало многих из них.

3 декабря фон Бок мрачно заметил в беседе с Гальдером: "Уже близится час, когда силы войск иссякнут". Час действительно близился. На следующий день, когда войска 4-й армии были отброшены под Наро-Фоминском и поступили новые сведения об упорстве сопротивления и непрерывных контратаках советских войск, ОКХ "предоставило право" фон Боку прекратить наступательные действия, которые и без того уже повсеместно прекратились. Нехитрая казуистика состояла здесь в том, чтобы представить "инициатором" столь тягостного решения никак не верховное командование, а "фронтového командира", фон Бока, после чего "Вольфшанце" еще будет иметь небольшое поле для маневра: утвердить или нет подобное решение (хотя, конечно, теперь все понимали, что новый поворот событий не подвластен гитлеровской ставке и ничуть не нуждается в ее "утверждениях").

6 декабря началось контрнаступление Красной Армии под Москвой. Оно не сразу получило должную оценку у германского верховного командования. Уже Западный фронт

под командованием генерала Жукова начал громить фланговые группировки фон Бока севернее и южнее Москвы, уже войска Калининского фронта генерала Конева успешно двигались вперед, а во второй половине дня Гитлер созвал очередное совещание совсем не по поводу внезапного поворота дел под Москвой. Он доказывал своим генералам, что вермахт по-прежнему "располагает превосходством над Красной Армией", у которой "артиллерия достигла нулевого уровня", и потери "по меньшей мере в 10 раз превышают наши потери". Он потребовал выполнять "ранее поставленные задачи" и главное - захватить нефтеносный район Майкопа, для чего пообещал перебросить с Запада свежую укомплектованную молодежью дивизию. На севере - нужно окончательно отрезать Ленинград, который после этого "не сможет выстоять", и соединиться с финнами. Что же касается главного - действий под Москвой, то здесь рассуждения фюрера оказались удивительно путанными. "Принципиально нет никаких сомнений и колебаний в отношении сокращения линии фронта", - заявил он. Однако что это значит и какова новая линия фронта, никто не посмел уточнить. Зато понятие "сокращение линии фронта" очень скоро вошло во всеобщий обиход как удобное и более ласкающее слух, чем, например, "отступление" или "бегство".

Даже 7 и 8 декабря Гитлер и Кейтель требовали от фон Бока продолжать наступление. Но нелепость таких приказов становилась слишком очевидной. Бок сообщил: "Группа армий ни на одном участке фронта не в состоянии сдержать крупное наступление... Если мы не сможем создать резервы, нам грозит опасность быть разбитыми"685. Он докладывал об очень тяжелом положении Гудериана, о прорыве немецкого фронта восточнее Калинина и о том, что войска теряют доверие к своему командованию. Понизилась боевая мощь пехоты. Везде ведется прочесывание тылов. Между командующими армиями начались разногласия и трения. Противник глубоко прорвался на фронте 3-й танковой группы. Словом, картина оказалась такой тяжелой, что 8 декабря Гитлер, наконец, окончательно признал неизбежность не только полного отказа от любых попыток наступления на Москву, но и повсеместного перехода к обороне, и "сокращения линии фронта" со всем тем, что под ним подразумевалось.

"Успех контрнаступления в декабре на центральном стратегическом направлении имел огромное значение, - пишет маршал Жуков. - Ударные группировки немецкой группы армий "Центр" потерпели тяжелое поражение и отступали. Но в целом враг был еще силен не только на западном, но и на других направлениях. На центральном участке фронта противник оказывал ожесточенное сопротивление, а успешно начавшиеся наши наступательные операции под Ростовом и Тихвином, не получив должного завершения, приняли затяжной характер"686.

Удар советских войск под Ростовом в конце ноября оказался для немцев более чем неприятным. Еще 28 ноября Хойзингер докладывал Гальдеру: "В районе Ростова создано тяжелое положение. Противник ворвался в город. Население принимает участие в бою. Численно превосходящий противник оказывает сильное давление с севера. Следует ожидать, что наши войска оставят Ростов"687. На следующий день ожидания начальника оперативного отдела подтвердились целиком и полностью. Советские поиски вышибли из Ростова соединения 1-й танковой армии и стали успешно продвигаться на запад.

В германской ставке были потрясены, когда Рундштедт потребовал отступления от Ростова. Это было настолько непривычно для верховного командования - оно ведь во второй мировой войне еще ни разу не отступало, - что Гитлер заподозрил фельдмаршала в неверности ему, фюреру. Он не ограничился немедленным приказом об отставке Рундштедта, а сел в самолет вместе с шеф-адъютантом Шмундтом и полетел в Мариуполь к своему верному другу командиру лейб-штандарта СС688 Зеппу Дитриху, чтобы на месте "узнать всю правду". Но Дитрих убедил Гитлера в преданности Рундштедта и правильности его решений. Напрасно фюрер подозревал генералов: они верно ему служат! На обратном пути Гитлер сделал остановку в Полтаве у самого Рундштедта, имел с ним длительную беседу. Правда, отставку он не отменил, но доверие к фельдмаршалу было полностью

восстановлено.

Этот эпизод недвусмысленно показывает, сколь беспочвенно противопоставлять друг другу Гитлера и генералов в 1941 г., как что делают некоторые историки на Западе.

Разгром группы армий "Север" под Тихвином привел ставку в не меньшее замешательство, чем события у Ростова. Провалился план разрыва тыловых коммуникаций Ленинграда, выхода к Ладожскому озеру и установления непосредственной связи с финнами. Фельдмаршал Лееб и прежде неоднократно просил по телефону "свободы рук", чтобы отступить за Волхов. Теперь он явился в главную квартиру Гитлера и потребовал отставку: "он слишком стар и его нервы не выдерживают напряжения"⁶⁸⁹. Кончились привычные победы и триумфы. Желанную отставку фельдмаршал получил. Больше в строй он уже не возвращался.

В директиве No 39 от 8 декабря Гитлер, объясняя ситуацию, ссылаясь на снег и холода, напоминал об "одержанных больших победах" и уверял, что достигнуто "решающее ослабление" боевой мощи Красной Армии⁶⁹⁰.

Намерения верховного главнокомандования теперь состояли в следующем. Зимой 1941/42 г. "охранять завоеванные области на возможно более удобном оборонительном фронте, позволяющем сохранить силы, и одновременно подготовить Восточную армию к решению новых задач весной 1942 г.". Своей обороной армия обеспечит "необходимое хозяйственное использование оккупированных областей".

Группа армий "Юг" получила задачу "не допустить прорыва советскими войсками ее фронта между Азовским морем и Донцом, прочно удерживать район Харькова". С особым старанием ей следовало оборонять захваченный Крым и быстрее овладеть Севастополем, который продолжал упорно сопротивляться. Кроме того, войскам предстояло "еще зимой путем овладения Ростовом и излучиной Донца подготовить условия для наступления с целью захвата нефтяного района Майкопа"⁶⁹¹.

От фельдмаршала Бока директива требовала "после окончания операции против Москвы расположить силы так, чтобы можно было отразить русское наступление против фронта группы, нацеленного на Москву, и против ее левого фланга"⁶⁹².

Группа армий "Север" должна была продолжить операцию южнее Ладожского озера, чтобы разбить там советские войска, возможно скорее установить связь с финнами и тем "окончательно отрезать Ленинград от его связи с остальной Россией"⁶⁹³. Вслед за тем предполагалось установить оборонительный фронт.

Генеральный штаб сообщил: он намеревается в течение зимы приложить все силы, чтобы полностью укомплектовать армию, "имея в виду еще стоящие перед нами на длительный период задачи"⁶⁹⁴. Группам армий следовало "создать по возможности глубокое эшелонирование, укрепить фронт различными инженерными средствами, использовать свои резервы для пополнения дивизий"⁶⁹⁵.

На всем Восточном фронте для поддержки обороны оставалось два воздушных флота (4-й и 1-й) и 8-й авиакорпус специально для группы армий фон Бока. Штабы ориентировались, что наступательные операции будущего года начнутся, вероятно, в апреле - мае.

Однако все это была лишь бумага. Подобных приказов германские штабы в периоды отступления всегда сочиняли великое множество, выбирая из своих стереотипов "наступать", "обороняться", "сокращать линию фронта" те, которые отвечали последнему мнению фюрера. Чем хуже шли дела на фронте, тем более далекими от реальности становились эти приказы и директивы.

А реальность состояла в том, что, несмотря на эти приказы и директивы, отступление ширилось. Призрачными оказались надежды немедленно установить позиционный фронт. Контрнаступление Красной Армии успешно развивалось. Группа армий "Центр" под ударами советских войск откатывалась все дальше. Войска генерала Д. Д. Лелюшенко грозили глубоким охватом всей северной ударной группировки немцев. С фронта ее теснили дивизии генералов В. И. Кузнецова и К. К. Рокоссовского. На юге армия генерала Ф. И.

Голикова энергично наступала на Сталиногорск, создавая угрозу тылу армии Гудериана⁹⁶.

Центральный участок Восточного фронта разваливался. Дивизии и корпуса сообщали о страшных потерях. Солдаты бросали оружие и брели на запад с единственным желанием - спастись. Отход временами превращался в паническое бегство. Массовый психоз охватывал отступающие колонны. В штабы поступали доклады об истреблении целых батальонов. Один из командиров корпусов 2-й танковой армии позже вспоминал: "Я до сих пор вижу перед собой длинные колонны безоружных оборванных солдат, бредущих по снежной пустыне". В бой бросалось все, вплоть до хлебопекарей и обозников, но сдержать это страшное бегство никак не удавалось. 10 декабря фон Бок сообщил о прорыве фронта 2-й армии у Ливен и о том, что образовался большой разрыв, который продолжает расширяться, а закрыть его нечем. (Повсюду раздавались требования подкреплений, помощи, но застигнутое врасплох верховное командование не могло дать фронту никаких существенных резервов. Солдат Восточного фронта сразу же объявили героями, но они плевали и на это.

Вместо помощи Восточный фронт получил очередную речь Гитлера. Выступая 11 декабря перед рейхстагом, фюрер старался вдохнуть "боевой дух" в войска и объяснить приунывшей Германии, в чем же причина столь странного явления, что полная победа, до сих пор еще не одержана. Выспренно и замысловато говорил он о тяготах, с которыми встретился вермахт на Востоке: "Маршируя в бесконечных далях, мучаясь от жары и жажды, задерживаемые непроходимыми от распутицы дорогами, остановленные от Белого до Черного моря ненастным климатом, зноем июля и августа, ноябрьскими и декабрьскими вьюгами..., замерзая во льдах и снегах, они сражались... солдаты Восточного фронта. Приход зимы, естественно, задержит это движение. С приходом лета наступление продолжится"⁹⁷.

В этом перечислении имелось все: и климат, и грязь, и морозы. Отсутствовало лишь одно: советские войска, сорвавшие планы Гитлера и громившие теперь его армии под Москвой. Собственно с этой речи Гитлера и ведет начало та удивительная легенда буржуазной историографии, согласно которой виновником поражения под Москвой был "плохой климат".

Таким путем немцам дали понять, что с надеждами на окончание войны покончено, что впереди - новые тяготы и жертвы, а солдатам Восточного фронта разъяснили, что им предстоит еще долго "замерзать во льдах и снегах" и готовиться к новому, походу.

В генеральном штабе сухопутных сил после речи фюрера начали сразу прикидывать: с чем же армия сможет выступить весной в новый поход. Когда Гальдер посоветовался об этом с начальником организационного отдела, оба пришли к ряду печальных выводов. Положение с производством танков таково, что "мы вообще далее не сможем вести войну"⁹⁸. Аналогичная картина - со штурмовыми орудиями. Обнаружился острейший кризис в снабжении армии горючим. Еще в октябре до 80% легковых машин, годных к использованию, вообще не получали ни капли бензина. В ноябре пришлось ввести жесткие ограничения в потреблении горючего для флота и авиации (для линкоров на 30%, для подводных лодок на 50%, после чего почти все линкоры, за исключением "Адмирал фон Шеер", лишились возможности вести операции, что представляло собой чистый выигрыш для Англии). Забегая несколько вперед, заметим, что с октября 1941 г. до марта 1942 г. германская армия потеряла 74 тыс. автомашин, а получила от промышленности только 7 тыс., т. е. 90% потерь не было восполнено.

Нужно было срочно решить, что же делать дальше. В среде различных групп нацистского высшего военного руководства появилось несколько вариантов нового стратегического решения: 1) предложить Советскому Союзу переговоры о мире, 2) отступить в Польшу, 3) отступить за Днепр, 4) любой ценой остановить отступление и стабилизировать фронт вблизи Москвы.

Вероятно, с точки зрения планов агрессора и дальнейшего существования третьего рейха наиболее логичным представлялось последнее из предложенных решений, т. е. упереться там, где сейчас находится истекающая кровью "Восточная армия", остановить это страшное паническое бегство, как можно быстрее укрепиться и сделать передышку до

весны. Иного решения ни Гитлер, ни его паладины из штаба верховного командования не могли себе и представить. Оправившись от первого шока, фюрер решил действовать со всей энергией. Он не хотел и слушать ни о чем другом, кроме этого последнего варианта, считая, что все другое - путь к немедленной гибели. Он не только отверг все другие варианты решения, но и хорошо запомнил их авторов - время рассчитаться с ними еще наступит!

В полночь 16 декабря у фюрера появились срочно вызванные руководящие генералы из штаба верховного командования. Гитлер отдал приказ: ни о каком отходе не может быть и речи. Отводить войска только с таких участков, где противник добился глубокого прорыва. Скоро в бой будут брошены свежие дивизии. Для их доставки выделяется транспортная авиация. Немедленно штаб оперативного руководства передал войскам указания верховного главнокомандования: "Глубокое отступление большей части армии среди зимы, при ограниченной подвижности, недостатке зимнего снаряжения и без подготовленных тыловых позиций может привести к самым тяжелым последствиям"⁶⁹⁹. Поэтому фюрер приказал группе армий "Юг" подготовить резервы за обоими флангами группы. Группе армий "Центр" путем ввода всех резервов закрыть образовавшиеся бреши севернее Ливны и западнее Тулы и удержать общую линию Ливны - Дубна - Алексин. 4-й армии не отступать ни шагу назад. Если же обстановка в 4-й и 3-й танковых группах не оставит иного выбора, они должны "шаг за шагом отойти на более короткую позицию по общей линии течение Рузы - Волоколамск - Старица"⁷⁰⁰. Восточному фронту были обещаны подкрепления: до 8 дивизий с Запада, 4 1/2 дивизии из армии резерва, одна горная дивизия⁷⁰¹. Пока все это было лишь обещанием, а наступление Красной Армии реальностью.

Через двое суток генеральный штаб сухопутных сил направил указание в группу армий "Центр": "Фюрер приказал: большие отступательные движения проводиться не должны. Они ведут к полнейшей потере тяжелого оружия и снаряжения. Личным воздействием командующих, командиров и офицеров войска должны быть принуждены к фанатическому сопротивлению на своих позициях, не обращая внимания на прорывы противника на флангах и в тыл. Только руководя войсками таким образом, можно добиться выигрыша времени, необходимого для переброски подкреплений с родины и с Запада, которые фюрер приказал осуществить"⁷⁰².

Но и такие отчаянные призывы и приказы не спасли положение. В середине декабря советские войска освободили Клин, Солнечногорск, Калинин, Плавск, преодолели Истринское водохранилище и среднее течение Оки.

В эти трудные для агрессоров дни в ОКВ шли напряженные совещания. В частности стоял вопрос: кому поручить преодоление кризиса под Москвой? Полковник Лоссберг в беседе с Иодлем предложил создать новый орган: генеральный штаб вооруженных сил, во главе которого должна стать "сильная личность" из генералов, например Манштейн. Иодль, как всегда, не рискнул доложить фюреру то, что могло идти вразрез с мнением Гитлера. "Манштейна он не признает".

Геринг в беседе с Гитлером обрушил гнев на Браухича и Гальдера:

- Это в военном отношении слабые головы, - заявил он.

19 декабря между Гитлером и Браухичем состоялась двухчасовая беседа с глазу на глаз. Затем фельдмаршал, совершенно разбитый и поникший, появился у Кейтеля.

- Я еду домой, он дал мне отставку, я больше не могу, - упавшим, трагическим голосом произнес Браухич.

- Что же теперь будет?

- Я не знаю, спросите его самого⁷⁰³.

Через несколько часов Гитлер вызвал Кейтеля. Он прочитал ему только что составленный Шмундтом приказ об отставке Браухича и о том, что командование сухопутными силами берет на себя теперь он сам, фюрер. Приказ был немедленно отправлен в войска.

Второе распоряжение касалось подчинения Гитлеру генерального штаба сухопутных сил.

Фюрер отстранил Браухича. Возглавив армию, он еще больше подчеркнул роль и ее, и генерального штаба, еще больше сблизился с генералами.

Браухич ушел в отставку не потому, что был не согласен в чем-либо с Гитлером или нелюбим к нему, как часто прямо или косвенно утверждают на Западе. Командующий сухопутными силами периода легких и ярких успехов, подобно Леебу, уже "не мог выносить" неудач и провалов "трудной войны". Поражения были "не по нему" - он привык к триумфам. И все же он был потрясен своей отставкой и немилостью фюрера, которого так искренне боготворил.

Отстранением Браухича Гитлер и ОКВ как бы указывали вермахту на виновника начавшихся неудач и снимали с себя ответственность за прошлое. Браухич оказался самое большее тем лицом, на кого можно было взвалить ответственность, но ни в малейшей степени "оппозиционером" Гитлеру.

На следующий день после того, как Гитлер возложил на себя командование сухопутными силами, он продиктовал Гальдеру программу действий на Восточном фронте. Это была некая волевая импровизация, назначение которой состояло в том, чтобы заменить рухнувшую наступательную доктрину генерального штаба, когда в его арсенале не имелось никакой оборонительной альтернативы. Все теперь сводилось к жестоким террористическим планам требованиям остановиться невзирая ни на что. Каждый солдат должен оборонять тот участок, на котором стоит. Вбить в сознание каждого фронтовика необходимость сопротивления! Изжить выражение "русская зима"! Сжигать населенные пункты! Воля к сопротивлению должна быть внедрена в каждую воинскую часть! Любое убежище превращать в опорный пункт! и т. д. все в том же духе.

Немедленно указания фюрера были переданы во все штабы и войсковые части Восточного фронта:

"1. Держаться и бороться до последнего. Ни одного шага назад не делать добровольно. Прорвавшиеся подвижные части противника должны быть отброшены. 2. Тем самым добиться выигрыша времени для: а) улучшения работы транспорта, б) подвода резервов... 3. Направить энергичных офицеров для того, чтобы: а) на железнодорожных станциях ускорять поезда и полностью их использовать, б) организовать снабжение, в) собирать отбившихся от своих частей и отправлять вперед... 4. Все имеющиеся на родине и на Западе соединения перебросить на Восток".

В группу армий "Север" направлялись две дивизии и три отдельные части. В группу армий "Юг" - две дивизии. "Все остальные силы - для группы армий "Центр". Чтобы ускорить переброску резервов, авиация предоставляет дополнительные самолеты".

Далее следовало: "5. У военнопленных и местных жителей беспощадно отбирать зимнюю одежду. 6. Все оставляемые хутора сжигать. 7. Команды истребителей партизан снабжать на родине хорошим зимним снаряжением... 9. Там, где фронты стабилизировались, моторизованные дивизии использовать в качестве пехоты, а автомашины направлять для пополнения танковых дивизий". Наконец Гитлер сообщал, что Италия, Венгрия и Румыния выставят в 1942 г. крупные силы, которые придут как только начнется снеготаяние, и они смогут двигаться вперед⁷⁰⁴.

Программа Гитлера намечала основы перехода к прямому и более жесткому осуществлению доктрины "тотальной войны".

Контрнаступление Красной Армии ширилось. Калининский, Западный и Брянский фронты продолжали развивать успех. На правом крыле Западного фронта советские войска выходили к рекам Лама и Руза. На левом - с боями форсировали Плаву, Оку и подходили к Калуге.

Ярость Гитлера обрушилась на тех генералов, кого он хотел представить главными виновниками неудач или от кого намеревался избавиться по тем или иным причинам. В декабре 1941 г. - начале января 1942 г. были отстранены, помимо Браухича, Рундштедта и Лееба, также фельдмаршал Бок, Гудериан, командующий 2-й армией Вейхс, командующий 17-й армией Штюльпнагель. В январе 1942 г. ушли в отставку генералы Гепнер и Штраус.

Но и это мало помогло. В войска шли один за другим самые жестокие приказы: держаться любой, самой крайней ценой! 26 декабря вновь последовала директива Кейтеля от имени Гитлера: "В обороне сражаться за каждую пядь земли до последней крайности. Только так можно нанести врагу кровавые потери, ослабить его моральный дух и реализовать бесспорное превосходство немецких солдат"⁷⁰⁵. Но о каком превосходстве могла идти речь, когда разгромленные гитлеровские войска отступали по всему центральному участку фронта?

Контрнаступление Красной Армии под Москвой означало важнейший поворот военных событий в пользу СССР и оказало первостепенное влияние на весь ход второй мировой войны.

Декабрьские события 1941 г. потрясли германское военное руководство. Сознание офицеров германской армии, способных в интеллектуальном отношении на что-то большее, чем убежденно тупое повторение сказанного Гитлером, постепенно стало освобождаться от военных химер, рожденных безумным фанатизмом творцов гитлеровского рейха и его военных вождей. Все бледнее и абстрактнее становились привычные понятия: скорая победа, завоевания, трофеи, военный гений фюрера, непобедимость вермахта, превосходство германского солдата. Со страхом, отгоняя собственную крамолу как преступление перед совестью, присягой "вождю" и ложно понимаемым авторитетом нации, начинали они мыслить иными категориями. Среди последних все настойчивее утверждались такие, как бесперспективная война, шаткость военных успехов и превратности человеческой судьбы вообще.

А советский народ и его Вооруженные Силы выполняли теперь важнейшую военно-политическую задачу, состоявшую в том, чтобы вырвать стратегическую инициативу из рук врага и создать перелом в ходе войны. "Победа под Москвой означала, что советский народ под руководством партии сумел преодолеть трагические последствия внезапного нападения фашистской Германии, изменить в ходе тяжелого единоборства соотношение сил. Она показала, что война, несмотря на ее неудачное для советских войск начало, будет неизбежно выиграна Советским Союзом"⁷⁰⁶.

Еще никогда прежде вермахт не стоял перед кризисом такого масштаба, как в ноябре - декабре 1941 г. Здесь назревало нечто большее, чем просто военная неудача или срыв стратегического плана, хотя и то и другое занимало свое место в логике разворачивающихся событий. Здесь сплетались воедино невыносимая для сознания лидеров третьей империи и германского милитаризма угроза потери нацистского идеологического, военного и государственного престижа; мрачная перспектива затяжной войны на Востоке со всеми ее не поддающимися учету превратностями и поворотами, с колоссальными требованиями, к удовлетворению которых рейх не был готов; крах той доктрины, создателями которой были фюрер и генеральный штаб и которая признавалась автоматически победоносной.

Подошел к концу тысяча девятьсот сорок первый год.

В кровавых закатах Московской битвы исчезла иллюзия победы, питавшая захватчиков.

Глава пятая. Триумфы у края бездны

Новые проблемы

I

Германское военное руководство на рубеже 1941 и 1942 гг. стояло перед новыми сложными проблемами. Главная из них вытекала из факта полного провала расчетов "молниеносного" завоевания СССР. Требовался коренной пересмотр всей политической и военной стратегии, многих предыдущих планов развития вооруженных сил, отказ от намерений, так или иначе связанных с надеждой на быструю победу на Востоке, которая рассматривалась как предпосылка для дальнейшего развертывания агрессии мирового масштаба.

Успешная борьба Советского Союза, который к концу 1941 г. вырвал у гитлеровского вермахта стратегическую инициативу, имела решающее влияние на весь ход второй мировой войны. Планы вторжения в Англию были окончательно похоронены. Британская империя получила время для собирания сил; отпали надежды фашистского руководства на завоевание Ближнего Востока; испарились все и всякие расчеты на высвобождение армии "для новых задач". Конца войны не было видно, здание германской стратегии лишилось фундамента.

На третьем году войны фашистский блок оказался перед фронтом антигитлеровской коалиции. Военная система третьего рейха не была приспособлена для успешного ведения войны на два и более фронтов. Поэтому объединение противостоявших Германии государств и открытие активных военных действий на втором фронте становилось важным условием быстрого разгрома фашистского блока⁷⁰⁷. Антигитлеровская коалиция сложилась в течение полугода после нападения Германии на СССР. Освободительные цели войны, которую вел Советский Союз, его мощь и последовательность политики стали основой союза, потенциальные возможности которого намного превосходили ресурсы держав оси. История коалиции наполнена многими противоречиями. Они с особой силой обнаруживались в борьбе за открытие второго фронта в Европе. Эта борьба, процесс которой детально исследован в работах советских авторов В. М. Кулиша⁷⁰⁸, В. Г. Трухановского, В. Л. Исраэляна⁷⁰⁹, проистекала из классовых противоречий участников союза и их различных целей в войне. Затягивание открытия второго фронта, вызванное политикой правительств США и Англии, направленной прежде всего на ослабление СССР в войне с Германией, объективно не способствовало быстрой и полной реализации преимуществ антифашистского блока. Но тем не менее "центростремительные силы антифашистской коалиции оказались более мощными, чем центробежные"⁷¹⁰. И этим в значительной мере определялись общие неблагоприятные перспективы политики стран оси в масштабе всей войны.

Борьба на Восточном фронте сразу отодвинула на второй план все остальные проблемы гитлеровской стратегии. Надежды возобновить подготовку к вторжению в Англию еще в 1941 г. "после победы над Советским Союзом" улетучивались по мере того, как все хуже и хуже шли дела Восточной армии. Советско-германский фронт стал поглощать основные военные ресурсы третьего рейха.

В течение пяти месяцев войны ОКВ и ОКХ направили на Восток 24 дивизии из резерва, 21 дивизию и 15 бригад из Германии и других стран Европы⁷¹¹.

Своим героическим сопротивлением в 1941 г. советский народ, его армия похоронили чудовищные завоевательные планы фашизма. "Молниеносная победа" над СССР, рассматриваемая как главная предпосылка для дальнейшей агрессии в глобальных рамках, не состоялась. И можно ли сомневаться, чем уже тогда были обязаны Советскому Союзу миллионы людей в тех странах, которым предназначалось стать объектами ударов нацистской военной машины "после победы над СССР"?

Редер еще в декабре 1941 г. дважды пытался уговорить Гитлера сосредоточить все усилия против Англии и направить на войну с ней весь военно-промышленный потенциал рейха, увеличив флот и морскую авиацию. План не нашел поддержки, хотя Редер надолго

остался убежденным сторонником идеи войны прежде всего против Англии и перенесения основных усилий с суши на море,

В ожидании "победы на Востоке" германский флот усилил подводную войну в Атлантике. Резкое улучшение его базирования после захвата французского побережья открыло перед гитлеровским военно-морским командованием новые горизонты. Пути подхода германских подводных лодок к британским морским коммуникациям сократились в три раза, и лодки - главное оружие немцев на море - могли теперь значительно дольше оставаться в районах боевых действий. Надводные корабли - рейдеры - быстро и незаметно выходили в открытый океан и внезапно нападали на караваны судов. Морская авиация значительно увеличила радиус действий. Потери британского флота вплоть до первых месяцев 1941 г. катастрофически росли.

После нападения на Советский Союз действия германского флота против Англии стали сокращаться. Активизация британской обороны, улучшение охраны конвоев, создание новых баз, развитие авиации, радиолокаторов и радиопеленга позволили англичанам отеснить немецкий подводный флот от главных своих коммуникаций и от портов, которым он непосредственно угрожал. Штаб германских военно-морских сил стремился компенсировать временное ухудшение базирования подводных лодок резким увеличением их активности и усилением наступления рейдирующих надводных кораблей. Последние действовали в начале 1941 г. с большим эффектом и нанесли немалые потери английскому торговому флоту. Но потопление 27 мая 1941 г. севернее Нормандии самого крупного немецкого линкора "Бисмарк" положило предел наступлению рейдеров. Британское военно-морское командование предприняло массированные атаки авиацией по германским кораблям во французских портах. Захватив господство в воздухе, авиация нанесла ряд повреждений стоявшим там линкорам "Шарнхорст" и "Гнейзенау" и вынудила Редера в феврале 1942 г. отдать приказ о переводе их обратно в немецкие порты.

Тем временем германские подводные лодки активизировали борьбу на коммуникациях в Атлантике путем перехода к новой групповой тактике ("волчья стая"). Но улучшение британской обороны не позволило им к концу 1941 г. действовать столь же успешно, как в начале войны. Потери английского торгового судоходства неуклонно снижались. Битву за Атлантику германским военно-морским силам выиграть не удалось.

В Северной Африке поражение итальянцев зимой 1940/41 г. заставило германское верховное командование включиться в борьбу и на этом театре. Захват английскими войсками североафриканского побережья означал бы установление их господства в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, постоянную угрозу Балканам и вишистской Франции. Хозяином Средиземного моря должны были оставаться державы оси. Кроме того, Гитлер опасался выхода Италии из войны в результате бомбардировки ее городов британской авиацией. Подготовка нападения на Советский Союз поглощала все главные силы вермахта, поэтому Североафриканскому театру ОКВ имело возможность дать лишь самое минимальное количество сухопутных войск и авиации. Принятое в феврале 1941 г. решение послать в Африку небольшое "заградительное соединение", нанести авиационные удары по английским морским перевозкам в Средиземном море и по расположению британских войск в Киренаике означало максимум того, что могло сделать сейчас германское командование.

В Берлине рассчитывали победой в Северной Африке и в бассейне Средиземного моря решить одну из давних задач германского империализма - установить господство на Ближнем Востоке. В случае успеха планируемого в 1942 г. прорыва на советско-германском фронте через Кавказ на Ближний Восток здесь предполагалось объединить значительные силы, что сделало бы возможной дальнейшую агрессию против стран Африки и Азии.

Северная Африка превратилась в самостоятельный театр военных действий, тесно связанный с развитием событий в бассейне Средиземного моря. Командир "заградительного соединения", ставшего вскоре "Африканским корпусом", Роммель пользовался почти неограниченной самостоятельностью: в условиях концентрации главных усилий на

Восточном фронте Африка ускользала из поля зрения верховного командования.

Генерал Эрвин Роммель, кумир нацистской военщины и партийной верхушки, излюбленный герой всей военной пропаганды третьего рейха, прозванный "лисой пустыни", был духовно близок Гитлеру своим мировоззрением и верностью фашизму. Роммель горячо приветствовал установление нацистской диктатуры, и это помогло его выдвижению: он стал офицером связи при штабе рейхсфюрера гитлерюгенда и вскоре генерал-майором. В начале войны особое безграничное доверие Гитлера сделало 48-летнего Роммеля комендантом его личного поезда и вместе с тем командиром моторизованного "батальона охраны фюрера". После победы над Польшей он попросился в войска и стал командовать 7-й танковой дивизией.

В Африке Роммель старался применять, нередко вступая в конфликт с "Командо Супремо" (итальянское верховное командование), обычные для гитлеровской военной доктрины приемы "блицкрига", которые он знал не лучше и не хуже любого другого немецкого генерала. Практический опыт он получил во время "западного похода". В африканской пустыне танковый "блиц" дал немалый эффект, особенно на первом этапе военных действий.

В конце марта 1941 г. Роммель перешел в наступление в Западной Киренаике небольшими силами и с ограниченной целью. Его удар имел крупный успех: британский генерал Уэйвелл, не ожидавший атаки раньше лета, начал отводить свои войска вдоль побережья. Видя слабость англичан, Роммель действовал все решительнее. Он продвинулся до Тобрука - порта, который англичане решили удерживать любой ценой, блокировал его и достиг египетской границы у горного прохода Хальфайя.

Однако в конце 1941 г. на море и в воздухе в бассейне Средиземного моря полностью стали господствовать англичане. Роммель почти не получал подкреплений. Используя благоприятные условия, созданные героической борьбой Красной Армии на советско-германском фронте, британское командование смогло усилить свои войска в Африке (называвшиеся теперь 8-й армией) и 18 ноября 1941 г. открыл наступление, которое увенчалось полным успехом. В январе 1942 г. понесшие тяжелые потери итало-германские войска оказались отброшенными в Западную Киренаику.

Таким образом, на рубеже 1941 и 1942 гг. германское верховное командование и здесь оказалось перед новыми проблемами, перед новыми решениями.

II

Но в центре мировых военных событий стояла, конечно, борьба на советско-германском фронте. Здесь последовал удар, потрясший всю гитлеровскую военную машину. Контрнаступление советских войск означало полный и окончательный крах плана "Барбаросса". Произошло это благодаря героизму Красной Армии; это произошло и потому, что советский народ беззаветно и самоотверженно трудился в годы предвоенных пятилеток, строил Магнитку, создавал свою индустриальную базу, военную промышленность, колхозы, потому, что наши люди вдохновенно строили новое общество. Правильность и дальновидность политики Коммунистической партии, взявшей в годы мирного строительства курс на индустриализацию и коллективизацию страны, подтвердились целиком и полностью.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии, учитывая благоприятную для Советского Союза обстановку на фронте, сложившуюся к началу 1942 г., высокий моральный дух войск, наличие стратегических резервов, решила начать общее стратегическое наступление на всех основных направлениях. Директива Ставки от 10 января 1942 г. требовала не давать немецко-фашистским войскам передышки, гнать их на запад без остановки, обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 1942 г. Общее наступление девяти советских фронтов, начавшееся в январе 1942 г., развернулось на фронте до 2 тыс. км. Переход Красной Армии от стратегической обороны к стратегическому наступлению означал, что в ходе борьбы наступил поворот.

Над Восточной армией нависла катастрофа. По словам А. Хилльгрубера, события на рубеже 1941 и 1942 гг. "поставили немецкое верховное командование перед тяжелейшим кризисом с начала войны 1939 г. вообще"⁷¹². Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии нацеливала фронты на концентрическое наступление. Калининский фронт наносил удар с севера, от Ржева, на Вязьму; Западный фронт - тоже на Вязьму с юго-востока и востока, а Северо-Западный фронт наступал от Осташково на Велиж и Рудню. Так советское командование стремилось окружить войска группы армий "Центр".

А. Филиппи и Ф. Гейм пишут: "Фактически в январе 1942 г. русская инициатива на немецком Восточном фронте от Крыма до Волхова привела к цепи тактических и оперативных кризисов, которым могло противостоять только руководство с крепкими нервами"⁷¹³. Однако выяснилось, что далеко не весь генералитет обладал ими. "Сразу же после первых кризисных недель фронтовое руководство и войска под Москвой, Ростовом и Тихвином перенесли тяжелый шок"⁷¹⁴. В среде гитлеровского верховного руководства господствовало подавленное, а временами паническое настроение. Еще 28 декабря штаб верховного командования отдал от имени Гитлера приказ: "В обороне нужно бороться за каждую пядь земли, до последнего человека"⁷¹⁵.

Но что мог принести генералам из "Волчьего логова" этот отчаянный вопль, когда центральный участок фронта был разорван на несколько частей и в его широкие бреши упорно, неуклонно, как рок, двигались советские армии? Они вышли к Дорогобужу и наносили удары с тыла по 3-й танковой армии Гота и 9-й армии Штрауса. Положение последней оказалось особенно трудным. Успешное наступление Калининского и Северо-Западного фронтов создало угрозу ее обоим флангам. После прорыва советских соединений к Вязьме, Велижу и Великим Лукам войска Красной Армии стали выходить с севера и северо-востока в тыл всей группе армий "Центр".

"Господствовала хаотическая обстановка, - пишет западногерманский историк О. Е. Молль. - Штабы, которые несколько часов назад находились в тылу, оказались вплотную перед советскими войсками. Автоколонны, которые двигались далеко за линией фронта, оказались под обстрелом советских танков. Отступающие немецкие фронтовые части были обойдены вражескими соединениями. Никто не мог сказать, кто находится впереди и сзади, никто не знал, где он найдет свое соединение"⁷¹⁶.

Все чаще вспыхивала паника. Она нередко проникала в глубокий тыл. На ряде участков контроль над войсками уходил из рук. Из ставки Гитлера один за другим следовали суровые приказы: удерживать любые оставшиеся очаги сопротивления, даже в тылу противника, оборонять выдвинутые изгибы фронта, чтобы сковывать советские войска, отводя силы лишь в крайнем случае, когда их сопротивление станет совершенно бессмысленным.

Теперь последовало решение весьма примечательное: армиям Восточного фронта перейти к позиционной обороне. С точки зрения истории германского верховного командования, оно стало доказательством смены стратегических концепций в результате исходного просчета в оценке Советского Союза и ударов, полученных от Красной Армии.

8 января Гитлер отмечал: "Цель русского командования - отдельными атаками привести в замешательство немецкий фронт. При этом противник рассчитывает на оперативную уязвимость нашего руководства, которой оно, как это доказано опытом, не страдает... Тем самым эта борьба в основном решится в пользу того, у кого более крепкие нервы, главным образом среди руководства. Русские доказали наличие крепких нервов. Нашей обязанностью является и в этой области никоим образом не оказаться в более худшем положении. Мысль о том, что силу атаки русских можно ослабить даже на короткое время и что они добровольно отступят, основывается на неверном умозаключении".

В приказе говорилось далее: "Укорочение фронта, которого можно достичь отводом войск, большей частью... полностью лишается смысла из-за ослабления в связи с этим боевой силы соединений, вырванных со своих позиций. Поэтому легче с наименьшими силами удерживать как-нибудь укрепленную более длинную позицию, чем оказывать сопротивление на укороченной, но не укрепленной линии с большими силами. Потери в

людях от обморожения и ранений в этом случае будут больше, чем при обороне на более длинной и пусть даже на примитивно укрепленной позиции"717.

15 января Гитлер, после продолжительных переговоров с командованием группы армий "Центр", согласился на отступление к "зимним позициям". Он вынужден был отдать следующую директиву: "После того как не удалось закрыть разрывы, возникшие севернее Медыни и западнее Ржева, я отдал главнокомандующему группой армий "Центр" в силу его ходатайства приказ: фронт 4-й армии, 4-й танковой армии и 3-й танковой армии отвести к линии восточнее Юхнова - восточнее Гжатска - восточнее Зубцова - севернее Ржева. Руководящим, в частности, является требование, чтобы дороги Юхнов - Гжатск - Зубцов - Ржев оставались свободны в качестве поперечной связи позади фронта наших войск. На указанной выше линии необходимо полностью парализовать действия противника. Линию нужно удерживать". В заключение Гитлер признавал: "В первый раз в эту войну мною отдается приказ о том, чтобы отвести большой участок фронта. Я ожидаю, что этот маневр будет проведен так, как это достойно немецкой армии. Чувство превосходства войск над войсками противника и фанатичная воля нанести ему максимальный вред должны послужить стимулом к выполнению цели"718.

Так впервые во второй мировой войне руководители германского милитаризма признали перед всей армией военное поражение. Позиционная оборона - не "блицкриг". Легкое и быстрое движение вперед - не отчаянная оборона и не отход под тяжелыми ударами. Гитлеру нужны были новые люди, и он пришел в восторг, когда ему представили генерала Вальтера Моделя, командира танкового корпуса. Фюреру давно рекомендовал Моделя Гиммлер: генерал - настоящий национал-социалист, глубоко предан партии. Он первым из всех командиров попросил рейхсфюрера СС дать ему адъютантов-эсэсовцев. Гитлера поразили этот холодный взгляд, в котором удивительно перемешивались насмешливый цинизм и не знающая пределов жестокая решимость. Ему понравилась и биография 50-летнего Моделя: как и фюрер, он не "аристократ". Он тоже сражался в прошлую войну на Западном фронте и был ранен под Верденом. Правда, теперь у стен Москвы генерал потерял чуть ли не все свои танки, но это отступало на второй план перед великолепными аттестациями его как убежденного нациста. Модель 16 января получил в командование 9-ю армию, когда Штраус, бессильный изменить катастрофическую обстановку, был отстранен, как обычно, под предлогом болезни. Вместе с новой должностью Гитлер вручил Моделю и свое неограниченное доверие, которым тот пользовался в течение всей войны вплоть до того момента, когда за 20 дней до полного краха рейха на одной из дорог Рура пустил себе пулю в лоб.

Беспощадный, жестокий Модель оказался именно таким человеком, который нужен был гитлеровской клике во время военного кризиса. Через четыре дня после назначения Модель вновь появился в ставке Гитлера, чтобы добиться разрешения перебросить танковый корпус из-под Гжатска в Ржев.

- Но это я приказал держать корпус в Гжатске, - заявил Гитлер.

- Мой фюрер, вы командуете девятой армией или я?719 - Так мог ответить Гитлеру только Модель.

Корпус был переведен в Ржев. 9-ю армию удалось остановить. Ее фронт причудливо вытянулся, изогнулся наподобие повернутой в обратную сторону буквы "Г", но устоял. Модель получил дубовые листья к Железному кресту и надолго прозвище "пожарный для безнадежных положений".

Но армия Моделя, хотя и держалась на ответственном участке, еще далеко не определяла судьбу всего фронта. Советские войска отрезали группу армий "Центр" от ее северного соседа. "Внутренние фланги групп армий "Центр" и "Север" висели в воздухе"720. Разрешенный Гитлером отход части сил на "зимние позиции" еще не снимал всех проблем: войска Западного и Калининского фронтов глубоко обходили эти позиции с севера и юга. Опоры войск группы армий "Центр" оказались раздробленными в самых чувствительных местах. Между 2-й танковой и 1-й армиями, между последней и 4-й танковой зияли широкие

бреши, в которые двигались сильные группировки советских войск. Их острие составляли кавалерийский корпус генерала Белова и соединения армии генерала М. Г. Ефремова, вышедшие к Вязьме, в глубокий тыл центральной группировке гитлеровских армий. Наступавшие войска соединились с парашютными частями, выброшенными к Минскому шоссе, и с партизанами. 4-я немецко-фашистская армия оказалась глубоко обойденной с флангов под Юхновом.

"Русские танки и кавалерия давали импульс наступлению, - пишут А. Филиппи и Ф. Гейм. - Немецкая противотанковая оборона была слишком слабой. Таким образом, руководство находилось в непрерывной заботе о том, чтобы его мероприятия могли улучшить дальнейшее развитие событий в опасных пунктах"⁷²¹. С тыла по отступавшим немецким войскам все активнее наносили удары партизаны.

Кейтель следующим образом оценивал события тех дней: "О зимнем отходе не могло быть ни в коем случае никакой речи. Русские показали себя чрезвычайно активными и переходили в наступление на многочисленные позиции, которые из-за потерь и прорывов были крайне ослаблены... Инициатива находилась у врага, мы были брошены в оборону и платили за это ощутимыми потерями"⁷²². Единственный метод действий, который применяло в это время верховное командование, состоял в приказах удерживать каждую пядь земли.

С точки зрения А. Филиппи и Ф. Гейма, "руководство стремилось остановить шатающийся фронт с помощью неподвижной "стратегии" Гитлера, только редко дававшей возможность предотвращать тяжелую обстановку путем ограниченного отступления. Оно пыталось всей мыслимой помощью постепенно стабилизировать фронт"⁷²³. Подкрепления, на которые возлагалось столько надежд, двигались с большим опозданием. Направлялись в бой все, кто стоял на ногах. "Скудные резервы с родины, с Запада были переброшены, однако они прибывали разрозненно, поздно и лишь еще больше обостряли кризисное положение с транспортом. Охранные войска, подразделения тыловых районов, импровизированные формирования из вспомогательных войск, обозников и штабов, подразделений аэродромного обслуживания, полиции, строительных войск. Некоторый подвоз воздушным транспортом лишь в незначительной мере дополнял эти силы. Все, кто мог носить оружие, были собраны в "соединения тревоги" и использованы для прикрытия наиболее опасных брешей. Каждый батальон, своевременно брошенный к угрожаемому пункту, становился для командования важнейшим фактором"⁷²⁴.

В течение января советские войска в ожесточенных боях прорвали немецкую оборону на Ламе и Рузе и продвинулись до 100 км. Контрнаступление Красной Армии под Москвой переросло в общее наступление от Ладожского озера до Черного моря. Гитлеровские армии были отброшены в итоге до 350 км⁷²⁵. Чтобы избежать полного разгрома, германское командование было вынуждено направить на советско-германский фронт новых 30 дивизий и 6 бригад^{726 - 727}. Вермахт понес очень тяжелые потери. В декабре 1941 г. Красная Армия нанесла поражение 23 немецким пехотным дивизиям. В январе - апреле 1942 г. были разгромлены в общей сложности 30 дивизий.

Наступление советских войск подошло к концу. На завершающем этапе была сделана попытка с ходу овладеть Вязьмой. Однако успеха она не принесла. Гитлеровцы приостановили отступление. Войска Западного фронта, улучшив общую оперативно-стратегическую обстановку, на западном направлении, согласно директиве Ставки от 20 апреля, перешли к обороне. Остановилась и группа армий "Центр", заняв позицию, протянувшуюся почти на 800 км и подвергавшуюся ударам партизан. Весь март продолжалась упорная борьба за Ельню. Гитлер на все лады повторял о "внешнеполитических основаниях" необходимости удержаться здесь, ибо слово "Ельня", по его мнению, приобрело еще с лета 1941 г. особое значение: в международном масштабе оно стало синонимом стойкости Красной Армии.

На севере группа армий "Север" с ее истощенными дивизиями, отброшенная за Волхов у Тихвина, также переживала глубокий кризис. Войска Северо-Западного фронта под

командованием генерала П. А. Курочкина разгромили южный фланг немецкой 16-й армии. Просьбу Лееба отвести фронт за Ловать Гитлер отклонил и приказал удерживать район Демянска. Лееб 17 января сдал командование Кюхлеру.

К началу февраля советские войска замкнули у Демянска кольцо окружения вокруг 100-тысячной немецкой группировки и отвлекли значительные немецкие силы от Ленинграда и Москвы. В течение трех месяцев в "крепости" Демянск, снабжаемой по воздуху ежедневно 100-150 самолетами, гитлеровские войска несли крупные потери, но удержали фронт вплоть до последних чисел апреля, когда Кюхлеру с невероятным трудом удалось пробить к ней узкий коридор.

С такими же огромными усилиями гитлеровское командование сдержало наступление советских войск на Волхове, начавшееся в середине января. Напряженные бои продолжались полтора месяца. Зимние сражения на северном участке фронта немцы пытались завершить ударом по советскому Балтийскому флоту в Кронштадте и Ленинграде атаками с воздуха с 4 по 30 апреля (операции "Айзштосс" и "Гетц фон Берлихинген"). "Цель - уничтожить тяжелые соединения советского флота - не была при этом достигнута"⁷²⁸.

На Украине в январе группа армий "Юг" после ударов Красной Армии, нанесенных осенью, истощенная и обессилена, своими 37 немецкими и 5 союзными дивизиями с трудом удерживала фронт от Азовского моря до Курска. Ее новый командующий фельдмаршал Рейхенау, штаб которого расположился в Полтаве, не оправдал надежд своего высокого патрона и отвел войска от Ростова. Внезапная смерть Рейхенау 17 января привела на пост командующего группой армий "Юг" неудачливого завоевателя Москвы фон Бока. Неделями раньше 6-ю армию возглавил генерал Паулюс, судьба которого оказалась вскоре неразрывно связанной с катастрофой у Сталинграда.

Ко многим тревогам военного руководства прибавилось беспокойство о положении на Черном море: румынский флот не мог серьезно противостоять советскому Черноморскому флоту. После успешной эвакуации Одессы Черноморский флот базировался на Севастополь и порты восточной части Черного моря. По оценке А. Хилльгрубера, "совместно с силами советской Кавказской армии Черноморский флот представлял постоянную скрытую угрозу немецко-румынским силам группы армий "Юг" на занятом ими побережье"⁷²⁹. Попытка захватить Севастополь не удалась. Более того, накануне Нового года штормовыми ночами советские десантники высадились у Керчи и Феодосии. Они "создали в Крыму угрозу тылу сосредоточенной у Севастополя 11-й немецкой армии". По оценке Хилльгрубера, в Крыму оказалось "два фронта", борьба против которых потребовала впоследствии "высочайшего напряжения"⁷³⁰.

Неутешительные вести приходили в Растенбург с Центральной Украины: в январскую стужу советские войска атаковали под Изюмом 17-ю армию Гота (сменившего на этом посту Штюльпнагеля) и заняли главный центр ее снабжения Барвенково, "вызвав здесь тяжелый кризис"⁷³¹. Пришлось пойти на решительные меры: срочно перебрасывать по зимним дорогам войска с относительно спокойного "Миусского фронта" (позиции на реке Миус), где оборонялся Клейст, и объединить все силы на юге Украины под его командованием. Но лишь кое-как справились с барвенковским кризисом, как в начале марта ставку Гитлера всполошили новые сообщения: неожиданный удар советских войск юго-восточнее Харькова поверг в тяжелое состояние армию Паулюса и отбросил ее к стенам города. Снова крайние усилия. Не без помощи весенней распутицы удалось остановить и здесь новый советский удар, но угроза харьковским позициям осталась.

Прошло всего полгода, а картина войны существенно изменилась. Генеральный штаб вел борьбу по всем самым отшлифованным, самым точным правилам, приносившим ему ранее победу за победой. Но здесь, в России, все шло иначе. Красная Армия не потеряла духа после тяжелых неудач начала войны и вот сейчас, зимой 1941/42 г., методично, упорно раскачивала и громила фронт завоевателей, повсюду создавала кризисы, требовавшие от германского верховного командования таких действий, к которым оно еще никогда не прибегало со времен предыдущего поколения генерального штаба. Весь германский фронт

содрогался. Но, содрогнувшись, устоял.

Последствия поражения под Москвой были для нацистской Германии всеохватывающими. Кризис охватил самые различные стороны: и военную, и политическую, и экономическую, и психологическую. В рейхе спал густой туман иллюзий и предстали действительные ценности происходящего. Не возвращение домой "победоносных гренадер" уже осенью 1941 г., не "освоение" завоеванных земель, а страшный Восточный фронт, не только сложенный, но нанесший ответный удар такой силы, которой никто никогда не ожидал.

Общие безвозвратные немецкие потери в битве под Москвой превысили 900 тыс. человек. 38 дивизий были разгромлены. Оказалось сломленным танковое оружие третьего рейха, основа его ударной мощи: в 16 танковых дивизиях теперь оставалось лишь 140 исправных танков - меньше, чем нормальный состав одной танковой дивизии. Согласно убедительным подсчетам Я. Фридмана, к концу марта 1942 г. вермахт располагал на Восточном фронте 4% боеспособных танков и 16% боеготовых самолетов по сравнению с тем, что имел 22 июня 1941 г.⁷³² Подвижность армии - главное, на что делали ставку генералы "блицкрига", катастрофически снизилась после утраты более 74 тыс. автомашин и 179 тыс. лошадей. Пополнения не возмещали и десятой доли потерянного. Армии недоставало 28 тыс. винтовок, 14 тыс. пулеметов, около 9 тыс. орудий. Некомплект в каждой пехотной дивизии группы армий "Центр" достигал в среднем 6900 человек.

Вермахт был глубоко потрясен. Целые участки фронта, разорванные в клочья, зияли глубокими ранами. Войска находились порой в шоковом состоянии. В штабах господствовало уныние. Однако Гитлер, более чем когда-либо прежде уверенный в том, что его воля - главный источник и двигатель военного успеха Германии, на бесконечных, следующих одно за другим, совещаниях уже говорил о победах будущего лета, которые "приведут к полному разгрому России". Он требовал, чтобы все думали только так, и подстегивал своих министров, генералов, всю иерархию экономических фюреров и весь нацистский аппарат: быстрее заживить раны и подготовиться к новому походу летом 1942 г. Поскольку эффективность нацистской пропаганды после ставшего явным для каждого солдата обмана с обещаниями победы значительно снизилась, "недостаток боевого духа" компенсировали военно-полевые суды. Десятками тысяч выносили они свирепые приговоры за дезертирство, "самострелы", трусость, нагнетая обстановку страха и "воспитывая" солдат в духе укрепления веры в; то, что говорят, обещают и приказывают фюрер и генералы.

Перед нацистским режимом стала проблема: преодолеть глубокий кризис военной экономики, попытаться перестроить ее в соответствии с перспективой длительной борьбы, компенсировать огромные потери, понесенные на Восточном фронте, вооружить заново целые соединения. Задача оказалась не из легких: в 1941 г. нацисты рассчитывали покрывать материальные издержки за счет текущего производства. Они думали, одержав победу еще осенью, переключить затем производственные мощности военной экономики на усиление флота и авиации.

На крупном совещании по военно-экономическим вопросам 21 января 1942 г. генерал Томас говорил: "Полный разгром России, которого ожидало верховное командование, не наступил. Нам нужно ясно понять, что против России окажется необходимой новая кампания... В связи с этим на рождество мы оказались перед необходимостью приступить к новому усилению производственных мощностей нашей промышленности, чтобы восполнить потери сухопутных сил и дать им все необходимое для решения новых трудных задач"⁷³³. Томас потребовал полной и решительной перестройки всей системы руководства военной экономикой, всего характера ее работы. И самое неотложное: добиться повышения уровня производства горючего, преодолеть трудности в металлургической промышленности, в машиностроении, на транспорте. Общая программа вооружений на 1942 г. менялась: Гитлер еще 10 января 1942 г. приказал нацелить все на снабжение сухопутных сил, а для флота и авиации оставить минимум. "Выжать из экономики все возможное", - гласил приказ фюрера.

Победа Красной Армии под Москвой, положившая начало коренному повороту в ходе второй мировой войны, стала событием исторического значения. Московская битва не только окончательно развеяла легенду о непобедимости гитлеровского вермахта, но и поставила фашистскую Германию перед неумолимой перспективой ведения длительной, затяжной, изнурительной войны, которой всегда боялась империалистическая Германия и от втягивания в которую всегда предупреждали ее наиболее проницательные лидеры. Теперь самые большие опасения становились реальностью.

Успехи Красной Армии "способствовали дальнейшему сплочению сил антифашистской коалиции, вдохновили свободолюбивые народы мира на борьбу с агрессорами, вселили в них уверенность в конечной победе над фашизмом и оказали большое влияние на последующий ход второй мировой войны"⁷³⁴.

Что же представляла собой Восточная армия гитлеровского рейха к последним дням зимы, когда наступала весенняя пауза и фронт постепенно замирал?

На этот счет мы располагаем официальными данными журнала военных действий германского верховного командования. К 30 марта 1942 г., дате, принятой за окончание "зимней борьбы", из 162 пехотных дивизий только 8 дивизий гитлеровская ставка считала полностью пригодными для ведения наступательных действий; 3 дивизии могли стать вполне боеспособными "после предоставления им отдыха"; 47 дивизий рассматривались пригодными лишь "для ограниченных наступательных мероприятий"; 73 дивизии верховное командование оценивало способными только обороняться, а 29 - лишь "для частичного выполнения этой задачи". Общие людские потери Восточной армии составляли 1 167 835 человек, т. е. значительную часть состава, в котором она ринулась на Советский Союз⁷³⁵.

Достаточно красноречивые данные!

Теперь, когда весенняя пауза прервала военные действия, верховное командование стало укреплять Восточный фронт. О новом наступлении, по всем расчетам, нельзя было и думать раньше середины июня. Резервы, свежие дивизии, пополнения - все потянулось на восток, где лежал центр мировой борьбы.

III

Коренное изменение обстановки на рубеже 1941 и 1942 гг. потребовало от германского верховного командования решительного пересмотра основных положений его доктрины. Провал под ударами Красной Армии концепции "молниеносной" войны означал крах военно-теоретического ядра этой доктрины, всего образа мышления и методов руководства, присущих германскому генеральному штабу. Поражение под Москвой вынудило немецко-фашистское верховное командование приступить к конструированию новых методов руководства войной и новых принципов ее ведения. К чему же они теперь сводились?

Во-первых, еще больше усилилась концентрация власти верховного главнокомандующего, который стал прямо руководить генеральным штабом сухопутных сил. Роль последнего возросла. От прежнего, присущего кампаниям 1939 г. и отчасти 1940 г., "невмешательства" в оперативные проблемы не оставалось и следа. Отныне Гитлер стал решать все, со временем даже мелкие а потом и мельчайшие вопросы оперативного и тактического характера.

Подобно тому как в начале 30-х годов германская буржуазия, напуганная ростом революционного движения, потребовала установления политической диктатуры фашизма, так и теперь в кровных интересах тех же классовых сил оказалось необходимым угрожающей обстановке утвердить еще более жесткую военную диктатуру Гитлера.

Концентрация руководства преследовала и другую цель: установить максимально твердые методы управления вооруженной борьбой, носителем которых был, конечно, сам Гитлер, объединивший таким образом в наиболее полной форме военную и политическую диктатуру фашизма.

Во-вторых, на смену уничтоженной под ударами Красной Армии теории и практики "блицкрига" приходили методы длительной, напряженной борьбы, в которой прежде

отвергаемая оборона получала равные права с наступлением. На передний план выступали вопросы удержания оборонительного фронта.

В-третьих, произошли изменения в высшем командовании. Провалившиеся творцы "блицкрига", его наиболее яркие апологеты - Браухич, Бок, Рундштедт, Лееб, Гудериан, Гепнер, Штюльпнагель - ушли со сцены. Иные временно, некоторые навсегда. Отставка всех трех командующих группами армий и создателя теории "танковой войны" свидетельствовала и о нежелании Гитлера терпеть в новых условиях чересчур "самостоятельных" генералов, даже если их собственное мнение не расходилось с мнением фюрера дальше, чем по проблемам чисто оперативного характера.

Стали приходиться люди, наиболее пригодные, по мнению Гитлера, для руководства трудной изнурительной борьбой, беспощадные фанатики, имевшие железные нервы и тяжелую руку и вместе с тем менее самостоятельные. Первыми в новой компании стояли Рейхенау, Модель, Клюге, Кюхлер, Кессельринг; позже к ним прибавились Фриснер, Шернер и др.

Наконец, отныне закончился процесс "разделения" театров военных действий. Восточный театр - фронт против Советского Союза - из-за своего колоссального значения стал самостоятельным театром под личным руководством Гитлера с помощью аппарата ОКХ. Руководство военными действиями в Северной Африке, на Балканах и в Средиземном море, оккупационной службой в Западной и Северной Европе, а также военными миссиями оставалось в ведении ОКВ. Мы не можем согласиться с Г.-А. Якобсеном, считающим, что это означало повышение роли ОКВ. Ведь из всех "театров ОКВ" борьба в ограниченных масштабах велась только на Североафриканском театре и в Средиземном море. В то же время главная мощь вермахта концентрировалась на Восточном фронте, где решались судьбы войны. Разделение театров повысило роль сухопутных сил и генерального штаба. Это означало прежде всего признание решающей роли советско-германского фронта.

Именно сейчас, более чем когда-либо прежде, германское высшее командование демонстрировало недооценку той истины, что Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии приняла всенародный характер. Даже идеально разработанные чисто военные планы агрессора не могли ему обеспечить победу. Всенародный патриотический подъем в Советском Союзе стал решающей силой, позволившей Красной Армии достигнуть перелома. Встретившись с борьбой, принявшей общенародные формы, германский генеральный штаб продолжал действовать лишь по старым канонам, выступая, таким образом, как олицетворение и орудие политической идеологии фашизма, которая ограничивала понимание природы современной войны.

Вопреки тому, что иногда пишут на Западе, генеральный штаб в 1942 г. не противостоял Гитлеру, а шел к нему, желая усиления его абсолютной военной власти. Варлимонт, достаточно компетентный в этих вопросах, свидетельствует: "Генерал-полковник Гальдер, по его собственным впечатлениям, особенно одушевленно стал работать, чтобы во всем, оставляя в стороне разные напряженные личные взаимоотношения, в интересах армии создать новые непосредственно служебные взаимоотношения с Гитлером, развивать их и культивировать"⁷³⁶.

В ставке начал складываться новый порядок работы. Не лишено интереса посмотреть, как жило "Волчье логово" зимой и весной 1942 г. и каким путем здесь вырабатывались решения, еще так долго и пагубно влиявшие на судьбы народов и армий Европы.

Каждое утро офицеры генерального штаба сухопутных сил собирали сводки, поступающие из групп армий Восточного фронта, и докладывали их Гальдеру. Тот внимательно читал их, потом шел в барак Иодля. Здесь к материалам штаба сухопутных сил прибавлялись документы с других фронтов. Помощник Иодля Варлимонт составлял общую краткую сводку. Документы подшивались в папку, которая затем попадала под мышку Иодля. Он сразу же направлялся в сопровождении Варлимонта к бункеру Гитлера. Его непроницаемая физиономия принимала самое озабоченное выражение: Иодль боялся Гитлера и никогда ни в чем ему не возражал.

Что же происходило в апартаментах Гитлера? Его день в "Вольфшанце" начинался с чтения докладов штаба авиации и бесед с Герингом. Затем приходил Йодль, знакомявший верховного главнокомандующего в общей форме с событиями последних суток. Потом Гальдер приносил сообщения специально по Восточному фронту. В середине дня начиналось главное заседание с обсуждением обстановки, в котором, помимо Кейтеля, Йодля и Гальдера, принимали участие адъютанты, представители различных областей управления рейхом и часто фронтовые командиры. В 18 часов происходило обсуждение вечерней обстановки, а в полночь снова все собирались и начиналось изучение изменений, происшедших за день. Особым вниманием пользовался Восточный фронт. Гитлер вскоре уже хвалился, что каждый полк и каждый батальон, участвующий в боях на Восточном фронте, "контролируется три раза в день при обсуждении обстановки"⁷³⁷. Отдавались распоряжения войскам, касающиеся и крупных, и самых незначительных вопросов. Разговоры в бункере Гитлера кончались глубокой ночью. Утром все начиналось сначала.

В период кризиса в генеральном штабе часто заходила речь о мемуарах Армана Коленкура и о записанных им разговорах с Наполеоном во время отступления из Москвы в 1812 г. Подобные сюжеты чрезвычайно живо обсуждались всеми офицерами и генералами "Вольфшанце". Для аналогий подобного рода имелось, конечно, достаточно материала. Воспоминания о судьбе Наполеона в России неплохо характеризовали общий тонус настроений в гитлеровском генеральном штабе зимой 1941/42 г.

Варлимонт признает: "С момента изменений на Востоке, когда в первых числах декабря 1941 г. Красная Армия после своих успехов под Ростовом и на других фронтах почти за ночь сумела вырвать инициативу, германское командование поняло, что ему угрожают одно за другим небывалые доселе потрясения. Даже отступление в Северной Африке, которое именно в те же дни заставило армию Роммеля, при странном совпадении во времени, вернуться на исходные позиции марта 1941 г. у Сирта, в период этого сумбура вызвало очень незначительную реакцию"⁷³⁸.

Одним из убедительных примеров не только переоценки нацистской верхушкой своих возможностей, но и непонимания ею постепенно меняющейся расстановки глобальных сил стало объявление Германией войны Соединенным Штатам Америки в начале декабря 1941 г.

Еще в апреле 1941 г. Гитлер обещал японскому министру иностранных дел, что в случае войны между Японией и США Германия немедленно выступит против Соединенных Штатов. Ведь рейх - непобедим и может объявлять войну кому угодно! 19 ноября 1941 г. на официальный запрос из Токио Риббентроп подтвердил взятое обязательство. В Берлине считали, что нападение Японии на США притянет американские и английские силы к Дальнему Востоку, отвлечет внимание американцев от Европы, а значит от возможной помощи Англии, Советскому Союзу, гарантирует от нажима на Германию, облегчит положение немецкого флота в Атлантике.

4 декабря обещание было вновь подтверждено, а когда еще через три дня в ставке Гитлера узнали о японском нападении на американскую базу Пёрл-Харбор, то, по свидетельству Варлимонта, это вызвало "прилив беспредельной радости". Можно ли было медлить с объявлением войны? И они действовали в точном соответствии с данными обещаниями. Казалось, все идет как надо. США будут прочно скованы на востоке.

Объявление войны Америке, правда, не грозило в ближайшее время никакими прямыми последствиями, но старые генштабисты хорошо знали германскую военную историю. Кроме поражения на Востоке, они могут в будущем получить еще один фронт. Варлимонт писал значительно позже: "После этого безоговорочного решения (объявления войны США. - Д. П.) вырисовывалась война на два фронта в своей самой тяжелой форме. Если военный план Гитлера до этих пор предусматривал в течение нескольких месяцев полностью выключить Россию как "военный фактор силы", с тем чтобы после этого всей концентрированной мощью вермахта закончить войну и на Западе, то теперь речь могла идти лишь о том, как опередить противника и избежать окружения превосходящими силами на Востоке и Западе. Разумеется, в качестве первой задачи стояла необходимость преодолеть

тяжелый кризис Восточного фронта. Не менее важно и срочно нужно было весь военный план в целом приспособить к новым условиям"⁷³⁹. Но так писалось позже.

Конечно, Варлимонт преувеличивал вероятность и значение "нового фронта" на Западе, создавать который союзники пока и не собирались. Однако, бесспорно, германские руководители недооценили потенциальные возможности США и Англии по ведению войны в Азии и в Европе.

Стратегия на 1942 год

I

Когда на Восточном фронте появились первые признаки некоторой стабилизации, когда непосредственная угроза катастрофы миновала, Гитлер и его военные советники должны были оглянуться вокруг, чтобы бросить взгляд на общее развитие событий.

Империя стояла перед совершенно изменившейся обстановкой, которая настоятельно требовала новых решений.

Гитлер и все его высшие штабы понимали, что поражение под Москвой - это не просто военная неудача. Советский Союз, неоднократно объявленный разбитым и уничтоженным, нанес вермахту тяжелый удар, сорвал все далеко идущие замыслы и расчеты германских стратегов. Война вступила в новую фазу. Советский Союз устоял, более того, перешел в наступление, нанес германской армии тяжелейший урон. И это определяло все.

Идея "молниеносного" завоевания России превратилась теперь лишь в еще одно свидетельство для истории, насколько опасно недооценивать мощь социалистического государства. Германское командование стояло перед необходимостью пересмотра своих традиционных взглядов на Советский Союз. Всей политической, экономической и военной системе третьего рейха предстояло переключаться на затяжную войну. Но время работало не на Германию.

Другим обстоятельством, которое меняло для рейха общую картину войны, стало нападение Японии на США и ее неожиданно крупные успехи в Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана. Казалось, что теперь открывается возможность ведения коалиционной войны всех трех партнеров фашистского блока.

Вступление в войну против США 11 декабря 1941 г., почти совпавшее с началом разгрома под Москвой, рождало некоторые новые проблемы. И хотя не следовало ожидать в ближайшее время каких-либо реальных действий против Германии со стороны Америки, даже сам по себе факт, что теперь Германии потенциально противостоит мощь и этого государства, не сулил слишком радужных перспектив. Перед командованием флота дополнительные вопросы возникали сразу же, тем более что стало известно о намерениях США, несмотря на поражение в Тихом океане, постепенно перенести фронт в Европу и Африку.

И, наконец, вокруг фашистского рейха поднимались волны национально-освободительной борьбы. Их сила возрастала прежде всего по мере усиления мощи ударов Красной Армии. От Смоленщины и брянских лесов до Фландрии, от бельгийских шахт до норвежских гор, в Югославии, Греции, Албании все громче заявляли о себе партизаны. Патриотов истребляли, вешали, сжигали, но их ряды ширились, и они продолжали бороться, несмотря ни на какие директивы фюрера и его штабов, невзирая на точные стратегические расчеты и планы.

Все это вместе взятое, и прежде всего провал "молниеносной" войны против Советского Союза, с полнейшей очевидностью показывало, что после победы Красной Армии под Москвой и в зимнем наступлении 1942 г. германское высшее военное руководство не могло избежать коренного пересмотра всех своих главных стратегических концепций, как мы уже об этом говорили.

Но что могла принципиально нового дать гитлеровская военная система, высшим достижением которой была доведенная до совершенства доктрина "молниеносной" войны,

только что провалившаяся на глазах у всего мира?

Гитлера по-прежнему окружали безоговорочно и до конца преданные ему генералы вроде Йодля и Кейтеля, точные штабные механизмы подобно Гальдеру и Варлимунту или холодные, беспощадные фанатики, как Кессельринг или Модель, готовые по первому приказу испепелить всю Европу, если это только потребуется для их фюрера и для того, что они называли "интересами рейха". С Гитлером находились его "партейгеноссе", которые создавали вокруг фюрера атмосферу безропотного преклонения и лестии. Они убеждали его, что это только он спас зимой Восточный фронт, чему Гитлер охотно верил. Геббельс громогласно называл его "аккумулятором немецкого народа", выражая чувство безмерного счастья, что фюрер, слава богу, крепок и здоров. "Пока Гитлер бодр и находится среди нас, писал он в дневнике, - пока он может излучать свою энергию и силу, не нужно беспокоиться о будущем"⁷⁴⁰.

Гитлер и его окружение, казалось, смотрели в будущее оптимистически. Правда, их все больше раздражали союзники. Они постоянно хитрили, требовали больше, чем могли дать, ссорились между собой, заставляли улаживать всякие конфликты и обращаться с гобой как с равными. Гитлер считал нужным даже сесть в самолет и полететь в Хельсинки на празднование 70-летия Маннергейма. В Будапешт и Бухарест на все переговоры он посылал не кого-нибудь, а только Кейтеля. Он неоднократно сам встречался с Антонеску, не говоря уже о переговорах с Муссолини. Требовалось вооружать дивизии союзников, снабжать их боеприпасами и всяким имуществом и вообще делать все, чтобы они держались рядом. И все-таки после зимы 1941/42 г. в "сердечных взаимоотношениях" образовалась трещина.

Вопрос о новой стратегии стоял во всей полноте. "Блицкриг" похоронен, нужна замена. Но где они могли теперь найти ключ к победе? Оказывалось, что новых идей нет. Нельзя не верить Йодлю, первому военному советнику Гитлера, когда он заявил 13 мая 1942 г.: "С весны 1942 года я знал, что мы не сможем выиграть войну". А через два дня, давая оценку прошлому, Йодль высказался еще более точно: "В частности Гитлеру, а также генерал-полковнику (т. е. ему, Йодлю. - Д. П.) стало ясно, когда наступила зимняя катастрофа 1941/42 г., ...что после этого кульминационного пункта начинающегося 1942 года никакой победы больше достигнуто быть не может"⁷⁴¹.

Первыми забили тревогу японцы. Они стали бояться, что "Германия, важнейший партнер по борьбе против англосаксонских держав, может быть обескровлена в России". Японское адмиралтейство предложило германскому послу в Токио посредничество между Германией и Советским Союзом "в пользу сепаратного мира"⁷⁴².

Однако, когда на этот счет в "Вольфшанце" прибыло сообщение военно-морского атташе из Токио, предложение было немедленно отвергнуто.

Гитлер, Йодль и весь генеральный штаб тогда, в начале 1942 г., гнали от себя мысль о трудных последствиях недавних событий. Думая и страшась каждый про себя, они не признавались в своих тревогах, надеялись на лучшее, говорили о нем и старались подстегивать историю. По выражению западногерманского историка Б. Шойрига, 1942 год наступал "под знаком упорства".

II

Военные планы гитлеровской Германии на 1942 г. находились в зависимости от интересов и целей германского монополистического капитала, теперь еще более непосредственно, чем прежде, влиявших на политику и военную стратегию третьего рейха.

Начало 1942 года - один из важнейших этапов в развитии германского государственно-монополистического капитализма. Ускорение его развития в период общего кризиса капитализма, типичное для Германии, во все большей степени превращало государство в инструмент монополий для подготовки и ведения захватнических войн.

Германия уже в первую мировую войну была страной развитого государственно-монополистического капитализма. Фашистский период ее истории характеризовался дальнейшим подчинением государственной машины монополиям. Высшие круги буржуазии

стремились использовать государственный аппарат для насильственной концентрации производства и рабочей силы, перераспределения в свою пользу национального дохода, для получения колоссальных военных заказов, грабежа оккупированных стран, для дальнейшего угнетения трудящихся и усиления политической реакции.

Государственно-монополистический капитализм, достигший в фашистском рейхе чрезвычайно высокой ступени развития, в особой мере усиливал агрессивность политики фашизма. Необычайно заинтересованный в захвате экономических ресурсов других стран, он активно вторгался и в военную сферу деятельности государства.

После провала "молниеносной войны" против Советского Союза и поражения под Москвой гитлеровская Германия, как мы уже говорили, стояла перед перспективой затяжной войны, требующей колоссальных ресурсов и средств. Оказалось, что к такой войне не подготовлены должным образом ни вооруженные силы, ни экономика третьего рейха. Все более увеличивался разрыв между огромными и постоянно растущими потребностями фронта и ресурсами страны, а также состоянием военного производства. По свидетельству известного экономиста Г. Керля, зимой 1941 г. создалось "чрезвычайно угрожающее положение в отношении вооружения. Немецкая армия потеряла в России очень много военной техники". Потребность в оружии, боеприпасах, снаряжении резко возрастала. Ранее установившийся уровень выпуска военной продукции не мог ее удовлетворить. Расширение масштабов войны, провал "блицкрига", вступление в войну США сделали ясным для нацистских руководителей, что о "быстротечной войне" не может быть и речи и что затяжная война потребует огромного расхода людских и материальных ресурсов.

Дальнейшее расширение военного производства началось уже в конце 1941 г. В секретной директиве от 25 января 1942 г. Гитлер потребовал "всеми средствами и решительно" обеспечить пополнение и оснащение армии. В директиве говорилось: "Современный ход тотальной войны... властно требует использования всех имеющихся сил для вермахта и военного производства"⁷⁴³. Потребностям военного производства, как подчеркнули весной 1942 г. Гитлер и министр вооружения и боеприпасов Шпеер, подчиняется все немецкое хозяйство.

Верхушка монополистической буржуазии использовала новую ситуацию для дальнейшей концентрации своей экономической мощи и еще большего увеличения своего активного влияния на различные сферы деятельности государства, в том числе, конечно, и на военную деятельность. Одновременно шел процесс еще более тесного слияния руководителей монополий и вооруженных сил.

Военный кризис 1941 г. стал главной мотивировкой монополистов для дальнейшего подчинения всей экономики Германии и оккупированных стран. Весной 1942 г. были всесторонне расширены государственно-монополистические основы "тотального военного хозяйства", хотя нацисты до начала 1943 г. воздерживались от открытого объявления "тотальной войны". Стремясь к еще большему усилению своего влияния в экономической, военной, политической сферах, руководители концернов в начале 1942 г. добились установления всеобъемлющей системы "государственного регулирования экономики", что означало дальнейшее расширение прав монополий. Могущественная группа высших представителей монополистической буржуазии обеспечила себе дальнейшую концентрацию экономической власти и через нее - еще большее усиление воздействия на государственный и военный аппарат.

Начало 1942 года стало исходным пунктом нового этапа государственно-монополистического развития германского империализма.

В ходе многочисленных совещаний министров, военных и крупнейших промышленников в декабре 1941 г. - январе 1942 г. были приняты решения о новой организации руководства экономикой. В январе 1942 г. министр вооружения Тодт представил Гитлеру свои предложения на этот счет. Он требовал централизации всего производства, имеющего прямое или косвенное отношение к выпуску военной продукции. Новую систему государственно-монополистического руководства, которая в основных

чертах была создана при Тодте, а после его смерти (февраль 1942 г.) развита Шпеером, историки ГДР, в частности В. Блейер, со всем основанием называют "тотальным военным хозяйством германских монополий". Отныне вмешательство вермахта и государственного аппарата в деятельность монополий несколько уменьшалось. Использование военно-экономических ресурсов становилось на деле прерогативой только монополий и их органа - министерства вооружения и боеприпасов. От имени промышленных магнатов генеральный директор Цанген подписал "основную инструкцию" о новой системе государственно-монополистической организации. В ней подчеркивалось, что "заказчик" - вермахт и государственные инстанции не могут больше давать никаких распоряжений по вопросам хозяйства помимо руководящих органов монополий.

Крупнейшие промышленники теперь более чем когда-либо прежде безраздельно стояли на вершине всей экономической системы Германии. Их представитель Шпеер, на которого Гитлер в мае 1942 г. возложил единое руководство военной экономикой, - делал все для удовлетворения ненасытного стремления монополий к сверхприбыли: дальнейшая значительная концентрация общественного капитала в руках небольшого числа владельцев концернов, еще большее перераспределение национальной экономики в пользу господствующих кругов монополистического капитала представляли собой главный итог "новой системы".

Весной 1942 г. окончательно сложилась измененная структура государственно-монополистического руководства экономикой. Она строилась таким образом, что промышленные магнаты могли оказывать весьма значительное влияние на государственный аппарат и на руководство вооруженными силами. Созданный при министерстве вооружения и боеприпасов совет вооружения разрабатывал все главные рекомендации по вопросам организации военного производства и распределения заказов. В совет входили генеральные директора концернов Цанген, Феглер, Плейгер, Бюхнер, Пенсген, а также крупные военные: генерал-фельдмаршал Мильх, генералы Фромм, Витцель, Томас, Лееб и др. Совет практически располагал диктаторскими полномочиями в сфере государственной экономики. Непосредственное влияние на вооруженные силы он осуществлял через "промышленные советы" при главном командовании сухопутными силами и авиации, в которых наряду с генералами сидели ответственные представители наиболее крупных монополий. Например, в состав промышленного совета сухопутной армии входили Цанген, Вольф, Феглер и др.

Монополии получили еще больше возможностей для непосредственного участия в расширении военного производства путем так называемой системы "личной ответственности предпринимателей в промышленности". Это означало передачу директорам концернов расширенных прав по руководству и планированию военной промышленности⁷⁴⁴.

Созданные в рамках новой системы "комитеты" и "ринги" получили все права для прямого вторжения в производство и распределение вооружения и в работу всех отраслей военной экономики. Существовавшие прежде в главном командовании вооруженными силами отделы управления военной экономикой были переданы в подчинение Шпеера. Таким путем руководители монополистического капитала превращали свои хозяйственные инстанции в государственные руководящие органы и прямо подчиняли себе важные сферы деятельности военного руководства. Тем самым еще больше сливалась под эгидой промышленной олигархии хозяйственная деятельность фашистского государственного организма.

Безраздельное господство в гитлеровском рейхе мощного фашистского военно-промышленного комплекса, состоявшего из промышленников, высших заправил государственного аппарата и генералов, еще более усилилось, а власть и влияние промышленников внутри этого комплекса возросли.

Реорганизация германской экономики в "тотальную экономику" достигла высшего пункта и завершения в официально объявленной после поражения под Сталинградом в 1943 г. "тотальной войне". Она позволила повышать уровень военной продукции Германии до 1944 г. и еще три года вести войну. Вместе с тем она превратилась, и средство достижения

крупной империалистической буржуазией еще большей власти в фашистском государстве, дальнейшего роста политического влияния на государство, усиления эксплуатации трудящихся.

Этот процесс, бесспорно, оказывал колоссальное влияние на ведение Германией войны. Грабеж оккупированных стран, использование рабского труда, вывоз оборудования заводов, захват золотых запасов - все это давало германским концернам фантастические прибыли. У концерна "Г. Геринг" они составляли 3 млрд. марок, у концерна "Сименс" - более 2 млрд. марок и т. д.

Но этот же процесс в развитии военной экономики фашистской Германии особенно ярко выражал глубокие противоречия всей экономической системы германского империализма. С одной стороны, рухнули расчеты нацистских стратегов добиться победы при том уровне военного производства, который был создан до войны. С другой - германский монополистический капитализм не, смог, несмотря на все его усилия, поставить свой военно-хозяйственный потенциал на службу требованиям войны полно и всесторонне. Фашистская Германия больше не обладала первоначальным превосходством над своими противниками в танках, авиации, в другом вооружении и военном снаряжении. Несмотря на государственно-монополистическое регулирование, анархия капиталистического производства, острая конкурентная борьба делали невозможной полную и всестороннюю концентрацию всего национального хозяйства на ведение войны. Именно прежде всего поэтому фашистская Германия в последующие годы была не в состоянии достигнуть того уровня выпуска военной продукции, который обеспечила социалистическая экономика Советского Союза.

Тем не менее после коренной реорганизации военной экономики, проведенной в связи с поражением под Москвой, фашистская Германия смогла значительно поднять свой военный потенциал. Этому помогла широкая "мобилизация рабочей силы", проведенная за счет развертывания системы принудительного труда населения оккупированных стран, массового угона в рейх миллионов людей, за счет эксплуатации и грабежа почти всей Европы. Если принять индекс производства вооружения в январе - феврале 1942 г. за 100, то среднемесячный индекс выпуска всего вооружения в 1941 г. будет 98, а в 1942 г. - 142. В 1941 г. было выпущено 7 тыс. орудий калибра свыше 75 мм, 2,9 тыс. средних танков, 11030 военных самолетов, а в 1942 г. соответственно 12 тыс. орудий, 5,6 тыс. средних танков, 14700 военных самолетов⁷⁴⁵. Таким образом, германский государственно-монополистический капитализм сумел в результате крупной перестройки военной экономики добиться значительного повышения выпуска продукции, необходимой для дальнейшего ведения войны.

По мере все большего усиления авторитета и общественных позиций власти монополий росло их влияние через государство и его военный аппарат на военные планы, следовательно, на военную стратегию третьего рейха. Стратегический план германского военного руководства на 1942 г. складывался под влиянием не только чисто военных факторов, но в большой мере под воздействием интересов и требований монополистического капитала.

В начале 1942 г. эти интересы и требования как в фокусе концентрировались прежде всего на захвате богатейших в промышленном и сырьевом отношении южных районов европейской части Советского Союза.

Особая агрессивность монополий в отношении Советского Союза в целом и его южных районов в частности получала дополнительный стимул в "праве частного предпринимательства" на оккупированных территориях СССР, которое германские монополии "получили" от фашистского государства. В начале 1942 г. руководители концернов добились обещания, что "после окончания войны" на оккупированных "восточных территориях" государство и нацистская партия не будут полностью контролировать экономику, обеспечат "переход к частной инициативе" и к созданию "независимых предприятий". Наиболее крупным концернам - "ИГ Фарбениндустри" и

другим подобного типа гарантировалось особо широкое поощрение их "частной инициативы на Востоке". Таким образом, гитлеровцы намеревались в рамках "новой организации руководства экономикой" превратить хозяйственно-экономические центры на оккупированной территории Советского Союза в частные вотчины германских монополий, сделать эти центры объектом беспощадной эксплуатации, источником новых колоссальных прибылей.

Именно эти обстоятельства в очень многом руководили господствующим фашистским военно-промышленным комплексом, когда создавался стратегический план ведения войны на 1942 г.

Гитлеровские военные руководители отлично понимали и знали, что ход войны и судьба Германии целиком зависят от развития событий на советско-германском фронте. Согласно оценке журнала военных действий верховного командования, еще в период московского кризиса сложилось мнение: "Центр тяжести на 1942 год определенно лежит на Востоке"^{745а}.

Правда, военно-морское командование придерживалось несколько иного взгляда. Оно считало, что разбить Советский Союз теперь вряд ли возможно. Вместе с тем в 1942 г. флот получит хорошие шансы в борьбе против Англии и особенно против США, еще не имеющих военного опыта. Разные точки зрения ОКВ и Редера не оказали заметного влияния на стратегию верховного командования. Оно не колебалось в выборе объекта приложения главных усилий. Германский фронт на Востоке еще содрогался от ударов Красной Армии, а в Берлине и Восточной Пруссии уже выносилось решение: Советский Союз должен быть разбит в 1942 г.

III

Через два дня после Нового года, 3 января, Гитлер беседовал с японским послом Осима. Теперь, после совместного вступления Германии и Японии в войну против США, фюрер мог разговаривать с ним особо доверительно.

- Советы уже в следующее лето будут разгромлены, - убежденно говорил Гитлер. - Спасения им больше не существует. Лето является решающей стадией военного спора. Большевиков отбросят так далеко, чтобы они никогда не могли касаться культурной почвы Европы⁷⁴⁶.

Он продолжал:

- Я намереваюсь пока в центре фронта больше не проводить наступательных операций. Моей целью будет наступление на южном фронте. Я решил, как только улучшится погода, снова предпринять удар в направлении Кавказа. Это направление - важнейшее. Нужно выйти к нефти, к Ирану и Ираку. Если мы туда выйдем, то, я надеюсь, освободительное движение арабского мира также могло бы помочь нашему прорыву. Конечно, кроме того, я позабочусь о том, чтобы уничтожить Москву и Ленинград⁷⁴⁷.

Осима, старый дипломат и разведчик, слушал молча.

- Все мы, включая Японию, стоим в совместной борьбе не на жизнь, а на смерть, и поэтому важнейшей необходимостью является взаимный обмен опытом. Это, вероятно, первый случай в истории, когда две такие могущественные в военном отношении державы, которые находятся далеко друг от друга, совместно стоят в борьбе. Такая позиция дает возможность при точном согласовании военных операций создать рычаг в руководстве войной, который должен будет мощно воздействовать на противника, ибо он будет вынужден все более растягивать свои основные усилия и вследствие этого безнадежно разбрасывать силы. Я не думаю, что Соединенные Штаты найдут в себе мужество проводить наступательные операции в Восточной Азии.

Осима умел слушать, и Гитлер с охотой развивал перед ним свои планы агрессии мирового масштаба.

- Если Англия потеряет Индию, то обрушится целый мир. Индия - это ядро английской империи. Необходимо, чтобы Германия и Япония посоветовались о совместных планах на

1942 и 1943 годы. Оба союзника не должны ни при каких обстоятельствах остановиться на полпути. Я уверен, что Англию можно уничтожить. Как устранить США, я еще не знаю⁷⁴⁸.

Действительно, после вступления в войну Японии 8 декабря 1941 г. возник вопрос о координации германо-японских усилий. "Впервые с 1939 г. гитлеровские штабы оказались перед проблемами и возможностями глобальной войны"⁷⁴⁹. Конечно, антикоминтерновский пакт существовал с 1936 г., а с осени 1940 г. договор трех держав. Но в рамках этих союзов не существовало четкой военной координации.

Попытка согласовать действия на Западе и Востоке состоялась 18 января, когда Кейтель и специальные уполномоченные начальников итальянского и японского генеральных штабов подписали в Берлине военные соглашения между Германией, Италией и Японией. Для вооруженных сил трех держав распределялись зоны военных действий. По японскому предложению, 70-й градус восточной долготы в Индийском океане стал оперативной границей. Предусматривался "Общий оперативный план": японские вооруженные силы "уничтожат североамериканские и английские сухопутные, морские и воздушные силы в Тихом и Индийском океанах, чтобы добиться господства в западной части Тихого океана"⁷⁵⁰. Атлантика и Средиземноморье оставались зонами германского и итальянского флотов. Если окажется, что американский и английский флоты сосредоточат главные силы в Атлантике или в Тихом океане, то союзники придут друг другу на помощь: в первом случае Япония часть своего флота перебросит в Атлантику, во втором Германия и Италия - в Тихий океан для непосредственных совместных действий. Имелось в виду также взаимодействие в войне против торгового флота, в частности обмен информацией. Собственно этим теоретически и ограничивалось "взаимодействие вооруженных сил трех держав". Но на практике оно оказалось еще меньше. Как определил японский адмирал Н. Номура, руководитель японской делегации, "у Японии, Германии и Италии имелось много секретов и очень небольшое количество общих проблем"⁷⁵¹.

И в самом деле, союзники держали свои планы в тайне друг от друга. Гитлер жаловался Муссолини во время встречи 29 апреля 1942 г.: "Я не знаю целей японцев. Я не знаю, действительно ли надеются японцы сначала обеспечить свой фланг от угрозы Чан Кай-ши и наладить с ним сотрудничество или они хотят сначала повернуть на Австралию или на Индию"⁷⁵².

В высших инстанциях отсутствовали частые и регулярные контакты между руководством трех держав. Они носили случайный характер, и один союзник порой не всегда знал, что собирается делать другой. После беседы Гитлера с Осима 3 января следующий разговор с японскими представителями произошел в Берлине 23 февраля. Генерал Банзай и адмирал Номура услышали от Иодля, что общее положение Германии вынуждает ее направить основные усилия "прежде всего против Советского Союза. Относительно наступления на Ближний и Средний Восток будет спланирована операция, которая нацелена через Кавказ на Иран"⁷⁵³. В противоположность этому начальник штаба военно-морских сил вице-адмирал Фрике развивал перед адмиралом Номура иную стратегическую концепцию.

- Нам нужно, - говорил он 27 марта, - вести концентрическое германо-японское наступление из района Средиземного моря и Индийского океана на Ближний и Средний Восток - ключевую позицию Британской империи.

Фрике особенно стремился к тесному взаимодействию германского флота с японским и даже предлагал японскому флоту начать совместное наступление с союзниками в Средиземноморье западнее 70-го меридиана. Японцы долго не могли разобраться, что же все-таки хочет предпринять их главный европейский союзник, и не случайно их реакция на предложения германского морского командования была более чем сдержанной. 3 апреля из Токио пришло сообщение, что Япония намеревается перебросить после середины мая в Красное море два вспомогательных крейсера для действий у побережья Восточной Африки. Нежелание японцев принять предложения Редера и Фрике объяснялось также тем, что главные силы их флота были введены против Соединенных Штатов Америки, Квантунская

армия держалась против СССР.

Координировать действия с Японией германскому руководству в 1942 г. в полной мере не удавалось не только в военной области, но и в политической. Гитлер говорил Осима: "Главное, чтобы Япония не дала себя победить англосаксам. При любых обстоятельствах их силы нужно распылить"⁷⁵⁴.

Однако Риббентроп, как и летом предыдущего года, придерживался несколько иного мнения: еще активнее он хотел втянуть Японию в войну против СССР. Его указания германскому послу в Токио от 29 апреля 1942 г. гласили: "При тяжелом положении Советского Союза наступление на Владивосток и к озеру Байкал имело бы решающее значение, ибо смогло бы привести к полной ликвидации Советского Союза"⁷⁵⁵.

Одним словом, совершенно ясно, что в начале 1942 г., несмотря на изменившиеся условия, германское военное командование не смогло создать вместе с Японией эффективной системы руководства коалиционной войной, выработать общие стратегические планы, организовать взаимодействие с японскими вооруженными силами. Но, с другой стороны, действия Японии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии отвлекали США и отчасти Англию от европейских дел.

Начало 1942 г. ознаменовалось некоторым изменением отношений гитлеровского руководства с Италией. Оно отразилось и на характере военных планов. Положительное мнение Гитлера и ОКВ об итальянском союзнике и о значении дружбы с ним после поражения итальянской армии в Греции, Албании, Северной Африке сменилось разочарованием. Нацистские лидеры стали смотреть скептически на возможности итальянского союзника, особенно после тех призывов о помощи, которые раздавались из Рима в декабре 1940 г. Номинально Италия вела "свою", или "параллельную", войну, и генералы из "Командо Супремо" возглавляли действия на "итальянских" театрах. Фактически же все большую роль там играли посланные в помощь немецкие войска и генералы. Гитлеровская верхушка начинала убеждаться, что режим Муссолини внутренне не столь крепок, как представлялось.

Гитлер 20 марта следующим образом с презрением к союзнику выразил эту мысль Геббельсу: "Единственным гарантом германо-итальянского сотрудничества является Муссолини... Если то здесь, то там в германо-итальянском сотрудничестве чего-то не хватает, то дело не в Муссолини, а в недостатке военных качеств у самого итальянского народа"⁷⁵⁶. Месяцем раньше Гитлер вспомнил, как при встрече во Флоренции дуче говорил ему:

- Мои солдаты верные, brave ребята, по моим офицерам я не могу доверять!⁷⁵⁷

Возросшие трудности ослабили контакты между обоими главарями. Гитлер и Муссолини встретились в 1942 г. всего один раз, 29 - 30 апреля в замке Клессгейм под Зальцбургом. Обсуждались планы новых операций, вопросы совместной политики, особенно в отношении Турции и арабских стран. Оба диктатора все еще надеялись поднять на своей фашистской основе восстание арабов и индусов против Англии и прикидывали, когда им следует начать действовать в этом направлении. После ряда дискуссий приняли точку зрения Гитлера: пропагандистская акция на этот счет "может звучать достаточно убедительно, когда будет поддержана в военном отношении войсками держав оси, вышедшими южнее Кавказа"⁷⁵⁸.

Дальнейший ход войны ликвидировал все подобные надежды и расчеты.

Актуальным стал вопрос участия Италии в войне против Советского Союза. После того как Муссолини в июле 1941 г. выставил "экспедиционный корпус" из четырех дивизий, он предложил в октябре 1941 г. в качестве компенсации за планируемую переброску в Сицилию немецкого 2-го воздушного флота Кессельринга передать на Восточный фронт еще 20 итальянских дивизий для кампании 1942 г.⁷⁵⁹ В действительности в мае - июне прибыли на южный участок советско-германского фронта восемь дивизий, в том числе отборный Альпийский корпус. Вместе с "экспедиционным корпусом" они образовали 8-ю итальянскую армию во главе с генералом Гарибальди, которая в середине августа 1942 г. получила

участок обороны на Дону.

Не менее серьезной оказалась проблема участия в войне Румынии. В боях на Украине и под Одессой румынская армия понесла тяжелые потери: 40 тыс. убитыми, 100 тыс. ранеными - и фактически потеряла боеспособность. Правда, на первых порах это не очень смущало Антонеску и его генеральный штаб, упоенных своими "победами".

Вопрос о выставлении Румынией в 1942 г. более крупных, чем прежде, военных контингентов против Советского Союза был выдвинут Кейтелем еще в октябре 1941 г. Он посетил Бухарест по случаю так называемого победного парада в связи с захватом Одессы. Как "представителю вермахта на параде" Кейтелю отдавали высшие почести. Воспользовавшись атмосферой триумфа, неограниченного хвастовства и фашистско-националистического угара, Кейтель довольно быстро пришел к желаемому результату, хотя не обошлось и без трудностей. Противоречия в лагере сателлитов обострились, Антонеску поставил обязательным условием расширения военных усилий Румынии против Советского Союза аналогичное участие Венгрии в 1942 г. Он жаловался Кейтелю: венгры сосредоточивают войска на румынской границе, вынуждают его в свою очередь ответить на угрозу и отвлекать армию от войны с Советским Союзом. Пусть Венгрия выставит на Восточный фронт крупный контингент. Пусть она тоже несет жертвы. Пусть не грозит войной Румынии. Кейтель усиленно страдал Антонеску "общей опасностью большевизма" и добился его обещания направить 15 дивизий, которые будут вооружены и оснащены Германией. Румынская армия пользовалась в основном французским оружием, которым после 1940 г. немцы располагали в достаточном количестве, и поэтому выполнение новых обязательств в общем-то не создавало особых трудностей для немецких арсеналов.

В январе 1942 г. Кейтель вновь прибыл в Бухарест и снова заручился обещанием Антонеску выставить против Советского Союза "полнокровную армию" 760. Согласно подписанному в конце января в Бухаресте соглашению, Румыния брала обязательство в 1942 г. довести армию на Восточном фронте до 26 дивизий, направить в течение лета новые соединения на фронт в три этапа. Германия официально согласилась вооружить эти дивизии на основе военного кредита и обеспечить их снабжение. Одновременно в Будапеште удалось достигнуть соглашения с Венгрией: она усилит так называемую оккупационную группу, отправит армию из девяти дивизий и моторизованного корпуса (200 тыс. человек). Оснащение этих войск также брала на себя Германия.

Румыно-венгерские противоречия, обострившиеся зимой 1941/42 г., существенно осложняли решение вопросов совместной стратегии Германии и ее сателлитов.

Венгерские руководители опасались, что, уклоняясь от участия в походе 1942 г., они окажутся перед фактом полной поддержки Гитлером Румынии в давнем споре о Трансильвании. С другой стороны, Хорти уже с сентября 1941 г. начал скептически смотреть на возможность победы Германии в войне с Советским Союзом и обдумывал, как осторожно начать контакты с западными державами.

Напряженность румыно-венгерских отношений и трудности выработки совместной стратегии стали особенно очевидны для нацистской верхушки во время посещения Антонеску Гитлера в его ставке 11 февраля 1942 г. Румынский диктатор возбужденно говорил о возможных катастрофических последствиях для его режима даже косвенной германской поддержки венгерских требований ревизии границ. Ему показалось, что Риббентроп во время недавнего визита в Будапешт достаточно прозрачно намекал на сочувствие Берлина Хорти.

Антонеску знал: в Берлине и в германской ставке боятся потерять Румынию как союзника, лишиться ее нефти, и он открыто спекулировал на опасениях могущественного партнера. Глава румынской фашистской клики хотел дороже продать свое преступление перед собственным народом, от имени которого отваживался говорить. Он категорически заявлял Гитлеру: если Германия поддержит Венгрию, это приведет к взрыву оппозиции в Румынии. Гитлер отвечал:

- Не может так быть, что одна страна бережет себя, а жертвы приносит только другие. Моя цель - заставить Венгрию принести и со своей стороны жертвы и не устраниваться от борьбы. Поход 1942 года в Россию должен привести к окончательному разгрому русской мощи. Необходимо позаботиться не только о том, чтобы занять пространство, но во всех случаях исходить из необходимости разбить и разоружить последнее русское соединение. Я надеюсь, что до наступления зимы мы победим.

- Но... - Последовала пауза. Гитлер сказал тише:

- Я во всяком случае готовлюсь к любым возможностям, в том числе и к новому зимнему походу⁷⁶¹.

Фашистский вождь не оговорился. Новые проблемы не вмещались в правила гитлеровской стратегии, слабость которых обнаруживалась тем полнее, чем более крупные мировые проблемы возникали перед ней и чем крепче завязывались узлы международных противоречий. Фашистская коалиция давала первые трещины. Оказалось, что она не готова к испытаниям большим, чем те, которые были ей обещаны перед началом "восточного похода". Первые же неудачи ярко вскрывали ее шаткий фундамент, низменность объединявших ее идей.

Да, Гитлер не оговорился в беседе с Антонеску. И не случайно, выступая 30 января 1942 г. с речью в берлинском Спортпаласе, он заявил, что не знает, как долго будет продолжаться война. Ему известно только, что новый год "снова будет годом больших побед"⁷⁶².

Взаимоотношения с союзниками обострились по мере увеличения требований, предъявляемых к ним Берлином. И уж, конечно, чувства, которые питали друг к другу "равноправные" партнеры по фашистскому блоку, ничем не напоминали те идиллические картинки, которые малевала официальная нацистская пропаганда.

Дошло до того, что 1 апреля 1942 г. Гитлер приказал во всех переговорах с союзниками "быть особенно осторожными и не говорить о целях предстоящих операций"⁷⁶³. 5 апреля последовало еще более любопытное распоряжение: поскольку невозможно венгерские и румынские части вводить в бой рядом, в дальнейшем между ними ставить итальянцев⁷⁶⁴. Не дай бог, воюя против русских, союзники передерутся между собой!

Взаимоотношения между сателлитами порой носили прямо-таки скандальный характер. Ныне, читая документы их "дипломатии" и прекрасно понимая, что представляли собой ее творцы, нельзя не поражаться той примитивности и тому вульгаризму, с которыми они "решали" свои военно-политические проблемы.

3 апреля Антонеску безапелляционно заявил Гитлеру:

- Условия, на которых я буду участвовать в кампании: Венгрия должна мобилизовать все силы для войны, как это делает Румыния, так как разногласие между нами, т. е. между румынами и венграми, будет решаться вооруженным путем после окончания войны с русскими.

На это Гитлер ответил: если Венгрия "не вступит полностью в войну, то ничего не получит"⁷⁶⁵.

Грубые интриги, лстивое заискивание перед Берлином, самое низкое торгашество, чтобы урвать для себя чуть-чуть больше при "будущем дележе России" за счет "союзника", - таковы были взаимоотношения внутри коалиции агрессоров.

IV

Фашистский план наступления преследовал многие цели, сводившиеся в конечном итоге к одной главной: победить Советский Союз в 1942 г. Германские монополии стремились захватить индустрию, сырьевые ресурсы, богатейшие продовольственные районы Советского Союза прежде всего на юге страны, развернуть здесь широкую частнопредпринимательскую деятельность, которая могла бы дать, по их расчетам, колоссальные прибыли. Фашистское военное руководство считало, что ударом на юг оно лишит Советский Союз важнейших центров экономики, источников сырья, нефти, отрежет

от черноморских портов, от связи с внешним миром и что таким путем будет достигнуто полное истощение и поражение Советского государства.

Гитлеровская верхушка рассчитывала приобрести на юге России, на Кавказе, те ресурсы, которые казались необходимыми для последнего штурма во имя завоевания мирового господства. По-прежнему рассматривая СССР как главное препятствие на пути к достижению этой цели, монополисты, политические и военные лидеры фашизма готовились после "сокрушения Советского государства" прорваться на Ближний Восток с его нефтяными богатствами и стратегическими позициями, столь важными для дальнейших ударов против стран африканского и азиатского континентов. "Кавказ в агрессивных планах германского фашизма занимал одно из важных мест. Его территория, богатая нефтью и другими источниками стратегического сырья, промышленная и сельскохозяйственная база на протяжении всей войны манили гитлеровцев. Дороги, идущие через Кавказ, рассматривались фашистскими стратегами как важные направления расширения германской агрессии в Азию и Африку с целью завоевания мирового господства"⁷⁶⁶.

Основные идеи гитлеровского плана летней кампании 1942 г. коренились в давних устремлениях и расчетах германского империализма и фашизма, здесь в принципе не имелось ничего нового. План как бы концентрировал в себе "идеи" завоевания Украины и Кавказа, разработанные еще прусскими экстремистами XIX в., пангерманистами и "геополитиками", автором "Майн кампф" и "научными изысканиями" Дарре.

Еще до нападения на Советский Союз ОКВ директивой No 32 (от 11 июня 1941 г.) наметило действия "после разгрома вооруженных сил Советской России". Считалось, что "победоносное завершение похода на Восток" не только откроет возможность создания гигантской колониальной империи, но и позволит завершить победу над Англией, захватить ряд стран Африки, Ближнего Востока. После завоевания Кавказа предполагалось бросить моторизованный корпус в Ирак, а также создать "особый штаб Ф" для "проведения всех мероприятий на арабской территории".

С началом агрессии против СССР и по мере роста неудач вермахта на Восточном фронте мысль о наступлении только к югу, в частности на Кавказ, постепенно приобретала все более самостоятельное и доминирующее значение. 15 июля 1941 г. в тезисах к докладу ОКХ "Об оккупации и охране русской территории" намечалось создание "оперативной группы для проведения операции в направлении Кавказа - Ирана".

План наступления через Кавказ, составленный ОКВ в июле 1941 г., предусматривал необходимость "овладеть кавказскими нефтяными районами и занять к сентябрю перевалы на иранско-иракской границе для дальнейшего продвижения на Багдад". 23 июля в "Дополнении" к директиве ОКВ No 33 говорилось о необходимости наступать крупными силами через Дон на Кавказ. Гальдер 23 июля 1941 г. отмечал, что следующей задачей группы армий "Юг" будет "нижняя Волга Кавказ". В записке Гитлера от 22 июля 1941 г. подчеркивалось: надо "как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть", а также занять Крым, чтобы исключить угрозу воздушного наступления на жизненно важные для Германии нефтяные источники в Румынии.

Глубокой осенью 1941 г., когда стал очевидным провал плана "Барбаросса", верховное командование надеялось в этом году все же создать условия для успешного прорыва на Кавказ в 1942 г. В специальной разработке от 11 ноября 1941 г. ОКВ указывало: "Фюрер согласен с целями, которые должны быть достигнуты при дальнейшем развитии действий еще до наступления сильных снегопадов. Был бы целесообразен ввод крупных сил на юге для удара на Сталинград или для быстрого занятия Майкопа; в сочетании с захватом на севере Вологды это позволило бы перерезать обе линии подвоза англо-американских материалов". В 1941 г. осуществить все эти намерения не удалось. ОКХ ограничилось выработкой общих соображений для кампаний следующего года. Гальдер писал 23 ноября о целях на 1942 г.: "Кавказ, Волга, Вологда".

С начала 1942 г. южное направление советско-германского фронта становится главным и единственным, вытесняя все остальные. Это определялось не только суммой чисто

военных обстоятельств, среди которых на первом месте стоял недостаток сил для наступления на всех направлениях, но прежде всего отмеченными ранее тенденциями в развитии германского монополистического капитала и его требованиями.

Важную роль играл тот факт, что в результате героического трудового подвига советских людей летом и осенью 1941 г. более 1300 крупнейших предприятий было выведено из-под удара вермахта и перебазируется в недостижимые для захватчиков восточные районы Советской страны. Планы подрыва военно-экономической мощи Советского Союза в 1941 г. сорвались. В специальном докладе военно-хозяйственного штаба ОКВ 2 октября 1941 г. признавалось: "Решающее ослабление военно-экономической силы Советского Союза, вероятно, еще не достигнуто". Но тут же делался беспечный прогноз: потеря нефтяных месторождений Кавказа и донецко-ростовской области должна привести к тому, что СССР в 1942 г. "будет не в состоянии собственными силами создать за Уралом даже минимальные предпосылки производства вооружения, чтобы продолжать борьбу, которая обещала бы успех".

Маршал Советского Союза А. А. Гречко пишет: "Анализ документов гитлеровской ставки и германского генерального штаба полностью подтверждает, что, чем отчетливее вырисовывались перспективы провала идеи "молниеносной" войны и перехода к ведению затяжной войны, тем сильнее обозначалась тенденция переноса главных усилий германских вооруженных сил на южное крыло советско-германского фронта. Эта объективная тенденция породила иллюзию односторонних - экономических, политических и стратегических - решений Гитлера"⁷⁶⁷.

Проблема нефти также оставалась немаловажным фактором, определявшим военно-экономические расчеты германского руководства при выработке плана летней кампании 1942 г. В 1941 г. Германия добывала на своей территории лишь 1562 тыс. т нефти, а ввезла 2807 тыс. т; производство синтетических продуктов достигло 4116 тыс. т. Основным и практически единственным поставщиком нефти была Румыния. Захват нефтяных месторождений на Кавказе мог, по мнению гитлеровских стратегов, полностью разрешить острую проблему горючего для дальнейшего ведения войны.

С оперативной точки зрения, германский военно-стратегический план на 1942 г. в основных чертах повторял замыслы "молниеносных" походов 1939 - 1941 гг. Авантюризм нового стратегического творения германских милитаристов, как и прежде, заключался в игнорировании реальных исторических условий данного этапа войны.

Имела ли теперь шансы на успех концепция "блицкрига", провалившаяся в 1941 г.? Советский Союз выстоял в самый трудный период вторжения, перестроил жизнь на военный лад. Красная Армия формировала многочисленные резервы, ее командные кадры получили обширный боевой опыт, закалились, имели новую технику. Сложилась антигитлеровская коалиция, ресурсы которой намного превосходили возможности фашистского блока, причем войну Германии и ее союзникам объявили 26 государств. Поражения на советско-германском фронте ослабили вермахт и дали мощный толчок антифашистскому движению Сопротивления в Европе.

Все эти обстоятельства по существу игнорировались новым планом нацистов. Переоценка экономических, политических и военных возможностей Германии и недооценка их у противника оказались хронической болезнью германского милитаризма, основным неизлечимым пороком гитлеровской стратегии.

Давая оценку немецко-фашистской стратегии в широком плане в связи с событиями 1942 г., Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: "В основе всех этих просчетов лежала явная недооценка силы и могущества нашей социалистической страны и советского народа, руководимого ленинской партией, и переоценка своих сил и возможностей". И далее: "Не рассчитывали гитлеровцы, что их войска будут так измотаны, обескровлены и морально надломлены, что уже в 1941 году, не достигнув ни одной стратегической цели, вынуждены будут перейти к обороне на всем советском фронте, потеряв стратегическую инициативу. То же самое повторилось и в конце 1942 года под Сталинградом"⁷⁶⁸.

В 1942 г. германский генеральный штаб даже не стремился создать какую-либо новую концепцию ведения войны. Стратегический план вермахта на 1942 г. вновь базировался на предвзятом, догматическом, а следовательно, ошибочном подходе к оценке экономического, морального, военного потенциала Советского Союза. В нем снова не учитывались возможности социалистического хозяйства по перестройке на военный лад. План исходил из ложной предпосылки, будто удар на юг полностью ликвидирует военно-экономический потенциал Советского Союза. При этом, в частности, совершенно игнорировались значение и возможности военного производства в восточных районах Советской страны.

Между тем именно в восточных районах Советского Союза быстро создавалась мощная военно-экономическая база. Во втором полугодии 1941 г. и в первой половине 1942 г. здесь было восстановлено и введено в действие полностью или частично 1200 переведенных сюда из западных районов промышленных предприятий. Сюда главным образом направлялись основные капиталовложения. В первом полугодии 1942 г. широкое строительство развернулось на Магнитогорском, Кузнецком комбинатах и на многих заводах. Доля Урала в общем объеме капитального строительства повысилась с 9% в 1940 г. до 25% в 1942 г.; Западной Сибири - с 3 до 10%; Казахстана и Средней Азии - с 8 до 11% и т. д. Валовая продукция машиностроения и металлообработки в 1942 г. увеличилась по отношению к 1940 г. в Западной Сибири в 7,9 раза, на Урале - в 4,5 раза, в Узбекистане - в 5,1 раза. Удельный вес предприятий военной промышленности, размещенных в восточных районах, повысился с 18,5% в июне 1941 г. до 76% в июне 1942 г. Уже в марте 1942 г. только в восточных районах страны выпускалось военной продукции столько, сколько до войны на предприятиях всего Советского Союза. Урал, Сибирь, Поволжье, Средняя Азия, Казахстан превратились в мощный арсенал Советских Вооруженных Сил⁷⁶⁹. Этого не смогли разглядеть в Берлине.

Гитлеровское военное руководство не поняло, какие огромные силы таит в себе социалистический способ производства и в какой мере они могут раскрыться в ходе войны.

Между тем рабочий класс Советского Союза, повышая производительность труда, увеличил ее в 1942 г. по сравнению с 1941 г. в среднем на 18 %. В первой половине 1942 г. производство танков для Красной Армии выросло по сравнению со вторым полугодием 1941 г. в 2,3 раза, минометов - в 3,2 раза, пулеметов и противотанковых ружей - в 6 раз и т. д. В июле 1942 г. военные предприятия выпускали больше продукции, чем в июне 1941 г., причем предприятия танковой промышленности - в 3,8 раза. Быстрое увеличение мощностей всех ведущих отраслей тяжелой и военной промышленности, особенно в восточных районах, необычайные масштабы нового капитального строительства, рост производительности труда, - все это создавало прочный фундамент для бурного развития военной экономики Советского Союза. В 1942 г. были мобилизованы и подчинены интересам войны все колоссальные материально-технические возможности страны. В результате к середине года в основном закончилась перестройка промышленности на военный лад.

Во второй половине 1942 г. в Советском Союзе завершился процесс создания слаженного военного хозяйства. Советская экономика могла теперь во все возрастающих размерах снабжать фронт всем необходимым.

Всего этого не учло гитлеровское военное руководство в своих стратегических расчетах.

Первую предварительную директиву для Восточного фронта в духе новых задач ОКВ и ОКХ отдали 12 февраля 1942 г.

"Зимняя оборонительная борьба на Востоке, - говорилось в директиве, очевидно, перешла через высшую точку. Благодаря настойчивости и твердому боевому духу войск вражеское наступление остановлено. Цель русского командования - зимним наступлением разбить наш фронт и уничтожить наши боевые силы - не достигнута". Ставка Гитлера требовала в предстоящие недели, перед началом таяния снегов, "заботиться о том, чтобы укрепить фронт, улучшить его в отдельных местах и уничтожить русские подвижные силы, переброшенные через фронт". Войскам предстояло готовиться к тому, чтобы "пережить

наступающий после русской зимы период распутицы". На этот счет директива давала множество практических советов. В качестве дальнейшей общей цели генеральный штаб намечал завершение отдыха и укомплектования соединений, а затем "подготовку к наступлению из района группы армий "Юг""770. После окончания распутицы на юге предстояло "восстановить сплошной оборонительный фронт как исходную базу для будущих наступательных операций". Группа армий "Юг" получила задачу "заблаговременно провести всю подготовку для наступательной операции согласно директиве, которая будет издана особо". Одновременно ей следовало ликвидировать прорыв советских войск западнее Изюма, затем "как можно скорее снова овладеть Керченским полуостровом, после чего занять Севастополь, чтобы высвободить здесь силы для предстоящего наступления"771. Группа армий "Центр" готовила удар из района Ржева на Осташков, чтобы восстановить связь с группой армий "Север" у Демянска.

Все это верховное командование рассматривало как предварительные действия перед генеральным наступлением.

Но был ли генеральный штаб сухопутных сил с самого начала 1942 г. вполне и до конца убежден в успехе нового замысла, т. е. в возможности окончательной победы над Советским Союзом? Нет, полностью не был. 1941 год и разгром под Москвой не прошли даром и кое-чему научили. Хойзингер пишет: "Гальдер долгое время вынашивал идею: есть ли смысл окончательно перейти, на Востоке к обороне, потому что говорить о наступлении больше уже невозможно... Ну а что тогда? Если мы дадим русским передышку, а угроза со стороны Америки усилится, тогда инициатива окажется в руках врага, и мы ее уже никогда себе не вернем. Итак, нам ничего другого не остается, как еще раз сделать попытку, несмотря на существующие сомнения"772.

Скептицизм Гальдера вполне отражал то чувство неуверенности, которое появилось в генеральном штабе сухопутных сил после разгрома под Москвой и провала плана "Барбаросса". Кроме того, затяжная борьба на Востоке вызывала опасения перед возможным вторым фронтом в Европе. "В генеральном штабе сухопутных сил и в разведывательном отделе, - приходит к заключению Варлимонт, - цель военного плана на 1942 год по старому стратегическому принципу видели в том, чтобы любым способом справиться сперва с одним противником, прежде чем другой смог бы полностью развернуть свои силы"773.

Обстановка, в которую теперь попала гитлеровская политическая и военная верхушка, вернее, которую она сама создала, по мнению нацистских военных заправил, не оставляла выбора. И если существовали некоторые оттенки в подходе к решению у Гальдера, Гитлера, Йодля и Кейтеля, то, когда подводилась черта, итог сходилась: надо наступать и победить Советский Союз. Однако штаб флота продолжал отстаивать свою точку зрения. Редер упорно придерживался традиционной антианглийской морской доктрины кайзеровских времен. Вместе с тем он, быть может, лучше других знал Россию, так как жил в ней некоторое время, и не верил в возможность победить ее, особенно теперь, после всего, что произошло в минувшем году.

Свои взгляды Редер изложил еще 20 февраля 1942 г. в так называемых "Соображениях по поводу обстановки" и несколько позже в специальном докладе Гитлеру. Командующий флотом тоже настаивал на прорыве к Ближнему и Среднему Востоку, но путь через Советский Союз казался ему теперь очень трудным.

На Восточном фронте Редер предлагал больше не наступать. Он хотел главные усилия перенести в район Средиземного моря, а удар через Кавказ, если для него появятся благоприятные предпосылки, сделать вспомогательным. Если удастся наладить прямое взаимодействие между германским и японским военным руководством и вооруженными силами обоих партнеров, то можно будет "сделать главным шансом 1942 г. коалиционную войну держав тройственного пакта"774.

Несколько раньше, 13 февраля 1942 г., Редер докладывал Гитлеру: позиция Суэц - Басра представляет собой западную опору британского господства в индийском пространстве. Если эту позицию удастся сокрушить совместными усилиями держав оси, то

стратегические последствия для Британской империи должны стать уничтожающими.

Штаб флота предлагал "немедленный германо-итальянский удар против британской ключевой позиции Суэц", что имело бы важнейшее значение для "полного урегулирования положения в Средиземном море", для захвата Мосульских нефтяных источников (здесь Редер делал особый акцент), для изменения в более благожелательную сторону позиции Турции, стран Дальнего Востока, "арабского и индийского движения" и, кроме того, повлияло бы на весь Восточный фронт и Кавказ.

- Англичане сами рассматривают теперешнюю угрозу Египту как особенно сильную, - доказывал Гитлеру гросс-адмирал, - и опасаются установления стратегической связи немецкого и итальянского военного руководства с японским. Японцы добиваются признания решающего значения прямой связи на морских и воздушных путях с Германией⁷⁷⁵.

На заседании 20 февраля перед самым узким кругом ответственных военных руководителей Редер говорил:

- Из обоих стратегических путей наступления против британских позиций на Ближнем Востоке первый ведет через южную Россию, Кавказ в Иран, второй - через Средиземное море, Северную Африку, в Египет - Суэц. Оба пути имеют большие трудности с точки зрения снабжения и характера местности. При теперешней слабости английских позиций на Суэцком канале вряд ли есть сомнения, что стратегическая цель - Суэц - может быть завоевана быстрее, чем дорога через Кавказ.

- На основе этой истины, - продолжал Редер, - руководство военно-морских сил приходит к выводу, что необходимо провести удар на Суэц - Египет и этим решить задачу охраны европейского жизненного пространства. Со стратегической точки зрения самым благоприятным было бы немедленно, по возможности еще до периода дождей, провести наступление на Суэц, используя теперешнее состояние противника и при полном вводе итальянского флота⁷⁷⁶.

Предложения Редера показательны как свидетельство разочарования и сомнений руководителя одного из видов германских вооруженных сил относительно перспектив войны против Советского Союза. С другой стороны, отклонение проекта Редера говорило о том первостепенном значении, которое верховное командование придавало войне против СССР.

V

План летнего наступления 1942 г. впервые стал предметом официального обсуждения в главной квартире Гитлера 28 марта. Из соображений секретности адъютанты на это совещание пригласили самый узкий круг лиц. Гальдер на основе данных ему раньше указаний представил расчеты по развертыванию сухопутных сил, которые Гитлер одобрил. Сразу же Йодль поручил своему штабу "резюмировать соображения фюрера в директиве ОКВ"⁷⁷⁷. Когда 4 апреля начальник штаба оперативного руководства представил первый набросок документа Гитлеру, тот заявил, что напишет директиву сам. Авторство директивы историки ФРГ приписывают Гитлеру, прозрачно намекая, что фюрер во всем и виноват. Но этот факт не имеет никакого значения, ибо директива отражала единую согласованную точку зрения всех высших инстанций вермахта, прежде всего ОКВ, ОКХ, ОКЛ.

На следующий день вышла в свет директива № 41 - план второго "молниеносного похода против Советского Союза" (операция "Блау").

Противник израсходовал этой зимой большинство резервов, констатировал Гитлер. Мы должны снова овладеть инициативой и навязать ему свою волю. "Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров". Главная операция планировалась на южном участке с целью "уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет".

В связи с тем, что необходимые войска будут подходить постепенно, операция по плану распадалась с севера на юг на ряд последовательных, но связанных друг с другом ударов. По заключению Гитлера, "русские нечувствительны к окружению оперативного

характера". Поэтому особое требование состояло в необходимости "плотного окружения группировок противника"⁷⁷⁸. Когда войска Красной Армии удастся разгромить западнее Дона последовательными ударами, наносимыми от Воронежа до Ростова, и подвижные группировки, наступающие с севера и от Таганрога, соединятся под Сталинградом, задача будет решена, и затем очень скоро падет Кавказ. Операция "Блау", как мы подробно говорили ранее, преследовала многие цели: и военно-экономические - захват промышленно-сырьевых ресурсов юга Советского Союза, прежде всего нефти, и политические - отрезать СССР от коммуникаций с союзниками через Ближний Восток, и стратегические проведение в будущем огромной охватывающей операции из районов Кавказа, Средиземноморья и Северной Африки в направлении Ближнего Востока. В его основе, мы подчеркнем еще раз, лежала давняя программа германского империализма по захвату богатств "юга России".

Генеральный штаб полностью согласился с Гитлером. Никто из генералов не сомневался в целесообразности совместно принятого решения. Никто, включая Гальдера, больше не вспоминал Клаузевица. Все молча отказались от аргументаций 1941 г.

Единственное робкое замечание высказал 10 мая Йодль: операция "Блау" "ввиду слабости групп армий "Север" и "Центр" содержит немалый риск, ибо русские могут предпринять решительный удар на Смоленск..."⁷⁷⁹ Гитлер возразил: "В результате немецкой южной операции русские силы тоже автоматически будут переброшены к югу"⁷⁸⁰.

Что касается чисто оперативной стороны замысла, то здесь, по мнению Кейтеля, главная идея заключалась в том, чтобы группа армий "Юг" под командованием фон Бока проводила танковый прорыв к Дону на Воронеж и, быстро усилив свой северный фланг, наступала затем "вдоль Дона, свертывая русский фронт". Первый удар от Курска к Воронежу, "расположенному на полпути между Москвой и Донбассом", должен был, как подчеркивал Кейтель, "ввести в заблуждение русских" и "создать ложное впечатление намерения поворота на север, против Москвы, с тем чтобы их резервы были там удержаны". Затем следовало быстро перерезать железные дороги, связывающие Москву с индустриальными и нефтяными районами, "внезапным и быстрым поворотом вдоль Дона на юг занять Донбасс, захватить нефтяные районы Кавказа и у Сталинграда перерезать движение судов по Волге в центральную Россию, ибо по этому водному пути происходит с помощью тысяч танкеров снабжение нефтью из Баку". Союзные войска прикрывали северный фланг этой операции вдоль течения Дона⁷⁸¹.

Главной тонкостью всего плана считался именно этот быстрый поворот крупных танковых сил от Воронежа к югу; танкам предстояло двинуться на предельных скоростях вдоль среднего и нижнего течения Дона к его большой излучине у Калача, а затем к Сталинграду и здесь соединиться с группировкой, наступающей из-под Таганрога. Тогда все главные задачи будут выполнены раньше, чем советское командование поймет, что удар нанесен не на Москву, а на юг, и начнет перебрасывать туда резервы с центрального участка. Только быстрота действий обеспечивала решение ключевой задачи, состоявшей в том, чтобы окружить и ликвидировать всю южную группировку советских войск и ни в коем случае не позволить ей уйти за Дон. Когда это удастся выполнить, перед завоевателями откроется путь к богатствам Кавказа.

Но можно ли, при всех благоприятных условиях, сразу накинуть на южный фланг Красной Армии одну огромную петлю от Воронежа до Сталинграда? Военное руководство сомневалось в успехе такого охвата. Собственно поэтому-то общая операция "Блау" дробилась на несколько более мелких, в каждой из которых предстояло последовательно, по мере движения танков вдоль Дона, окружать отдельные части советских войск.

Сначала прорыв к Воронежу совершала 2-я армия с 4-й танковой и 2-й венгерской армиями. Затем переходила в наступление 6-я армия юго-восточнее Харькова при помощи повернутой с севера 4-й танковой армии. Далее предусматривалось разделение группы армий "Юг" на две группы армий: "Б" (Бок) из 2, 6, 4-й танковой, 2-й венгерской армий и "А" (Лист) из 11, 17, 1-й танковой, 8-й итальянской армий. Затем предстояло выйти к Сталинграду и занять его. Одновременно следовал захват Кавказа до линии Батуми, Баку,

побережье Каспийского и Черного морей⁷⁸².

Предпосылками этой "главной операции" должны были стать три "предварительные": полный захват Крыма; ликвидация оставшихся от зимы выступов фронта у Изюма и Волчанска.

На основе такого замысла и были созданы в группе армий "Юг" четыре ударные группировки⁷⁸³. Им-то предстояло, последовательно включаясь в действие, выполнить сначала несколько малых "Канн", которые затем перерастут в один огромный, всеохватывающий "котел".

Главное - быстрее двигаться на юг и одновременно сковать резервы Красной Армии в центре, у Москвы! Чтобы вернее достигнуть этой последней цели, генеральный штаб задумал имитацию наступления на Москву.

Дело в том, что при подготовке наступления на юге группе армий "Центр" отводилась вспомогательная роль. Гитлер хотел, чтобы она "подготовилась к преследованию отходящих войск Красной Армии, когда на юге обозначится победа". Штаб сухопутных сил подошел к вопросу более осторожно: не надеясь на отступление советских войск в центре, он решил превратить замысел Гитлера в маскировочную операцию, чтобы еще больше отвлечь внимание советского командования от южного участка фронта к центральному.

В середине мая группа армий "Центр" получила приказ создать в каждой армии подвижные боевые группы, готовые для преследования. Кроме того, генеральный штаб сухопутных сил отдал директиву провести ложную подготовку наступления на Москву. Маскировочная операция под названием "Кремль", детально разработанная, по замыслу штаба группы армий "Центр", должна была создать впечатление, что главный удар наносится здесь. Ее предполагали начать за несколько дней до операции "Блау".

Позже, как только началось летнее наступление, генеральный штаб применил свой старый, испытанный еще при вторжении во Францию способ маскировки: сводки верховного командования, объявленные по радио и в газетах, сообщали о переходе в наступление германских войск "на южном и центральном участках Восточного фронта". Но на "центральном участке", т. е. под Москвой, немцы никаких атак не проводили, а лишь демонстрировали их. В журнале военных действий верховного командования имеется запись: "Наши маскировочные мероприятия в целях операции "Блау", судя по картине вражеской прессы, действуют хорошо"⁷⁸⁴.

Почему же все-таки группа армий "Центр" не принимала никакого активного участия в операции "Блау"? Только ли потому, что войска Западного фронта организовали сильную оборону, а германское командование так задумало свое новое наступление? Мы высказываем здесь мнение, что войска немецко-фашистской группы армий "Центр" не смогли бы участвовать в новом "генеральном наступлении" еще и потому, что их сковали на всю весну и часть лета героические советские партизаны, отвлекая часть сил этой группы армий от действий на фронте (см. гл. седьмую).

И это обстоятельство также заставило армии фон Клюге ограничиться маскировочными акциями и надолго выключило войска группы "Центр" из общего баланса фашистской стратегии.

Кавказ и Сталинград

I

Аэродром Полтавы плотно оцепили эсэсовцы. Когда прилетевший с севера самолет остановился, многочисленные военные замерли в напряженном "смирно". Из самолета появились Гитлер, за ним свита из Растенбурга: Кейтель, Хойзингер, Вагнер и адъютанты фюрера.

Автомобили на огромной скорости доставили важных гостей фельдмаршала Бока в штаб, и вот уже за длинным столом расселись участники очередного совещания. Неудачливые апологеты "блицкрига", они жаждали реванша и снова верили в успех. Здесь

можно было увидеть генералов Зоденштерна, фон Клейста, Гота, Паулюса, Рихтгофена, Вейкса, Руоффа. Нацистские генералы и их главарь собрались все вместе, чтобы окончательно договориться о том, как они проведут следующую фазу своей войны.

Доклад сделал фельдмаршал Бок. Он высказал соображения об отдельных этапах предстоящего летнего наступления. Гитлер одобрил все намерения и расчеты. Он еще раз объяснил давно всем и без того известные планы и задачи. Он снова говорил о нефти, сырье, продовольствии, произнес, между прочим, многозначительную, запавшую всем в память фразу:

- Если мы не получим в свои руки Майкоп и Грозный, я должен буду покончить с войной⁷⁸⁵.

Еще раз убедившись, что все готово, фюрер со свитой до наступления вечера того же 1 июня сел в самолет и направился обратно в "Волчье логово".

Заседание в Полтаве завершило подготовку нового "генерального" наступления на Восточном фронте. Этому наступлению предшествовали "частные", или, как их еще называли, "предварительные", операции группы армий "Юг" весной 1942 г. Они проводились, чтобы, "До того как войска, предназначенные для наступления, развернутся и будут готовы уничтожить возможно большие силы русских", улучшить исходные позиции, создать выгодные предпосылки для решительного удара на юго-западном направлении.

В мае - июне обе стороны приступили к боевым действиям в соответствии со своими планами. Прежде всего началась германская атака в Крыму.

Зимний десант советских войск в Керчи и Феодосии отвлек часть сил Манштейна от Севастополя и поставил немцев на Крымском полуострове перед трудной ситуацией борьбы на два фронта. Крым оказался твердым орешком. Ставка Гитлера потребовала вновь занять Керчь. Не только для возобновления летом всеми силами штурма Севастополя, но и чтобы захватить "исходную базу для будущего наступления с запада в направлении Темрюк, Краснодар". Затем имелось в виду "во взаимодействии с силами, продвигающимися от Ростова к югу, окружить советские войска, находящиеся южнее Ростова"⁷⁸⁶. По предположению Манштейна, наступление на Керчь следовало начать 8 мая и закончить за 12 суток⁷⁸⁷.

Уже к 15 мая на Керченском полуострове гитлеровские войска достигли цели. Крымский фронт потерпел поражение. Тремя днями раньше советские войска перешли в наступление на Харьков. 12 мая Юго-Западный фронт атаковал противника из района Изюма и поставил гитлеровские войска в критическое положение на харьковском направлении⁷⁸⁸. Но вследствие недостатков замысла операции и ее подготовки, отсутствия необходимых сил первоначально успешное наступление Юго-Западного фронта закончилось тяжелой неудачей советских войск. Армейская группа Клейста и 6-я армия Паулюса 17 мая внезапно нанесли удар. Войска левого крыла Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта потерпели тяжелую неудачу.

После этой, как ее стали называть в гитлеровской ставке, "второй битвы под Харьковом" нацистская военная пропаганда, приутихшая минувшей зимой, снова начала бить в литавры. Паулюс, к которому Гитлер питал особую симпатию, оказался в ореоле славы. Как в свое время Роммель, Фридрих Паулюс сделался "боевиком национал-социалистской пропаганды"⁷⁸⁹. Портреты "народного генерала" теперь мелькали во всех газетах. Он получил рыцарский крест. 6-я армия, имевшая геббельсовскую рекламу еще при Рейхенау, теперь стала особенно популярной.

В последних числах мая Гитлер назначил на 7 июня третье наступление на Севастополь. Во время посещения штаба группы армий "Юг" в Полтаве он наметил срок еще двух "предварительных операций": удара на Волчанск (операция "Вильгельм") также на 7 июня и на Купянск (операция "Фридерикус II") - на 12-е. Генеральное наступление предполагалось начать в середине июня. Штурм Севастополя после тяжелых боев завершился в первых числах июля. К двум другим операциям гитлеровцы смогли приступить лишь позже намеченной даты: в середине и последних числах июня. Потери в авиации

вынудили начать главную операцию только 28-го.

В конце мая обстановка на советско-германском фронте улучшилась в пользу гитлеровского вермахта. Немецко-фашистскому командованию удалось сорвать развитие наступательных операций Красной Армии, намеченных на весну. Оно вернуло себе инициативу. Красная Армия, перейдя к обороне, стремилась сохранить целостность фронта.

Решающие события 1942 г. на советско-германском фронте открылись через год и шесть дней после нападения третьего рейха на Советский Союз.

II

В южные и восточные районы Украины непрерывным потоком стягивались войска для генерального наступления. Им предстояло, нанести Советскому Союзу новый удар, которым гитлеровцы надеялись одержать полную победу. Под командованием фон Бока здесь удалось еще раз создать сверхмощный таран: сосредоточилась огромная масса войск и разнообразной техники, собранной со всей Европы. Союзники третьего рейха выставили небывало большие контингенты. Дополнительно в мае - июне прибыли 41 дивизия и бригада, в том числе 25 румынских, итальянских, венгерских⁷⁹⁰.

На 4 апреля 1942 г. общая численность вооруженных сил Германии составляла 8672 тыс. человек. Восточная армия в период с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1942 г. получила 1 млн. человек пополнения⁷⁹¹. Правда, она имела определенный некомплект. До начала операции он был пополнен в группе армий "Юг". Восточный фронт располагал 230 дивизиями и 26 бригадами.

Несмотря на то что призыв в апреле 1942 г. родившихся в 1923 г. в значительной мере покрывал некомплект, штаб верховного главнокомандования приходил к заключению: "Боевая мощь вооруженных сил в связи с невозможностью полного обновления персонала и материальных средств в целом рассматривается меньшей, чем весной 1941 г."⁷⁹² Потери 1941 г. оказались для третьего рейха трудновосполнимыми.

Для проведения главной операции гитлеровское командование привлекло 91,5 дивизии, 1260 танков, более 1600 боевых самолетов. Соотношение сил, особенно на направлениях основных ударов, складывалось в пользу гитлеровцев.

Срок начала генерального наступления, назначенный на 15 июня, переносился дважды: на 20-е и на 28-е. Важнейшей причиной изменения "дня икс" оказалось положение 11-й армии. Ей уже давно следовало окончить крымское наступление и находиться севернее Азовского моря в готовности к маршу на Дон, ибо по всем расчетам ее ввод из второго эшелона группы армий "Юг" намечался на третьем этапе наступления "для последнего удара на Сталинград". Но героическая оборона защитников Севастополя надолго сковала войска Манштейна, и в Растенбурге тщетно ждали победных реляций. Пришлось начинать без 11-й армии. Уже в ходе наступления, 3 июля, верховное командование решило, что дивизии Манштейна, как только освободятся в Крыму, будут переправлены через Керченский пролив на Кавказ. Но тогда у фельдмаршала окончательно пропадали шансы стать еще и "завоевателем Сталинграда". Судьба готовила ему сомнительную славу: сделаться неудачливым "освободителем" зажатой в клещи под Сталинградом 6-й армии.

Как германское военное руководство расценивало перед новым походом силы и возможности Красной Армии?

При изучении этой проблемы бросается в глаза удивительная противоречивость выводов. Наряду с оставшейся от прошлого недооценкой мощи Красной Армии впервые наблюдается и более трезвый подход к вопросам, связанным с попытками посмотреть в будущее. Генеральный штаб сухопутных сил не прошел мимо уроков 1941 г. Однако этого нельзя сказать о штабе верховного главнокомандования. Паулюс, вспоминая после войны о подготовке второго похода на Востоке, сообщает: "ОКВ придерживалось мнения, что все имеющиеся у русских резервы были использованы в битве под Москвой зимой 1941 г. и могут еще находиться только в районе восточнее Смоленска"⁷⁹³. Такой вывод рождал у Гитлера, Кейтеля и их помощников уверенность в победе, Он же, собственно, и определял

главную оперативную идею плана - прорваться на Кавказ раньше, чем эти единственные и слабые советские резервы будут переброшены на юг из-под Смоленска.

Чего же ждали в ОКВ от советского командования предстоящим летом? Вероятнее всего - наступления из-под Вязьмы и Гжатска к юго-западу и западу, чтобы снять угрозу Москве и создать трудности южной части немецкого фронта. Другая возможность - продолжение начавшегося зимой наступления у Барвенково. Здесь русские, вероятно, захотят отрезать всю южную немецкую группировку. В обоих случаях "успеха они не добьются и лишь создадут более выгодные условия для немецкого генерального наступления"⁷⁹⁴.

24 июня на совещании в "Вольфшанце" Гитлер высказал мнение: "Спротивление русских окажется очень слабым. В связи с этим необходимо думать о том, чтобы провести наступление также и группой армий "Центр"⁷⁹⁵. На следующий день во время доклада Гальдера Гитлер повторил оценку, которая отражала взгляд, царивший в ставке: "Нужно быть готовым к тому, что первые фазы операции "Блау" будут проведены легче и быстрее, чем предполагалось раньше"⁷⁹⁶.

О том, что теперь веру в легкую победу над Советским Союзом не разделяли абсолютно все и что разведка ОКХ в минувшем году кое-чему научилась, свидетельствовали некоторые ее выводы, сделанные непосредственно перед началом летней кампании⁷⁹⁷.

Хотя оперативная цель летнего похода будет достигнута, полагала разведка, "это все же не приведет к полному уничтожению противника перед группой армий "Юг"; группы армий "Центр" и "Север" не в состоянии проводить широкие операции". И далее: "Русские к началу зимы на всем фронте будут располагать еще 350 стрелковыми дивизиями и соответствующим числом других соединений. Следовательно, людская боевая сила Красной Армии, видимо, не будет в 1942 г. ослаблена настолько, что станет вероятным военное крушение... Русское руководство, подобно прошлому году, все же попытается путем проведения в ограниченных размерах зимних операций ослабить немецкую армию в личном составе и в материальном отношении настолько, что третье большое летнее наступление станет более невозможным"⁷⁹⁸. Разведка штаба ОКХ заключала: следует "и с нашей стороны со всей энергией подготовиться к зимнему походу"⁷⁹⁹.

Эти выводы, бесспорно, многозначительны и важны для истории. Они свидетельствуют, что некоторые представители высших штабов сомневались в конечных перспективах новой кампании на Востоке. Наученная горьким опытом 1941 г., разведка сухопутных сил на этот раз более трезво, чем при создании плана "Барбаросса", подошла к оценке боевых возможностей Красной Армии, хотя еще и не поняла обреченности любых военных усилий рейха против Советского Союза вообще. Тем не менее она уже предупредила: война в 1942 г. не окончится, Советский Союз не будет уничтожен, предстоит готовиться к новой зимней кампании и к продолжению войны в следующем году при явном и прогрессирующем ослаблении вермахта.

Насколько мало эти предостережения разведки влияли на образ мышления штаба верховного командования, не говоря уже о Гитлере, показывает факт появления столь ответственного документа лишь в день начала генерального наступления на Восточном фронте.

Начальник генерального штаба сухопутных сил ничего не сделал, чтобы настоять перед ОКВ на своих выводах. По существу он игнорировал мнение своей разведки и, следовательно, разделял концепцию ОКВ.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии ожидала главного удара противника на западном (московском) направлении, однако основную массу стратегических резервов расположила не только на западном, но и на юго-западном направлении, что впоследствии позволило ей использовать их там, где гитлеровское командование наносило главный удар. Гитлеровская разведка не смогла раскрыть ни численности резервов Советского Верховного Главнокомандования, ни их расположения.

III

Как и год назад, мощная артиллерийская канонада и авиационные удары разорвали летнюю предрассветную тишину. В 2 часа 15 минут 28 июня германский вермахт перешёл в новое генеральное наступление на Восточном фронте. Для нашей страны вскоре сложилась трудная обстановка. Группа Вейхса при поддержке авиации Рихтгофена первой нанесла удар, нацеленный от Курска к Дону. Через два дня после Вейхса начала наступление 6-я армия Паулюса. Ее удар от Харькова к северо-востоку вскоре привел к соединению двух группировок и охвату советских войск под Осколом. Тем временем главные силы наступающего клина Вейхса - 4-я танковая армия - застопорились у Воронежа. Войска генерала Ф. И. Голикова остановили дивизии Вейхса у города и сковали их. Вечером 2 июля Гальдер вынужден был сообщить по телефону командующему группой армий Боку: фюрер "не придает решающего значения захвату Воронежа восточнее Дона"⁸⁰⁰. На следующий день в штабе группы появился Гитлер. Он зл: советские войска обороной Воронежа остановили ударную группировку, она теряет темп. А еще через два дня "ввиду усиления советского сопротивления" штаб группы получил категорический приказ немедленно вывести из боя за город ударные войска. Дивизии Вейхса, связанные у Воронежа, потеряли драгоценное время. В преследование вдоль берега Дона к югу двинулся пока лишь один 40-й танковый корпус. Это серьезно нарушало общий план.

Через десять суток после начала наступления, по мнению генерального штаба сухопутных сил, удалось достигнуть первой цели операции. Но стойкая оборона советскими войсками Воронежа привела к серьезному нарушению плана. Поэтому из ОКВ последовала директива: быстрее вперед⁸⁰¹.

Накануне штаб верховного командования провел предусмотренную раньше реорганизацию управления: южный фланг группы армий "Юг" образовал группу армий "А", которую возглавил фельдмаршал Лист, а оставшиеся армии группы армий "Юг" превратились в группу армий "Б" во главе с фон Боком. Гитлер имел в виду сам возглавить обе группы в предполагаемой операции на окружение, где 1-я танковая армия образует южную часть клещей. От 9 до 13 июля наступающие вели преследование между Донцом и Доном, стремясь выполнить главную свою задачу: не позволить советским войскам отойти за Дон⁸⁰².

Поскольку Гитлер теперь "сам" руководил наступлением обеих групп армий на юге, то он решил, что его ставка "Вольфшанце" находится слишком далеко от Кавказа, Волги и вообще от районов руководимых им операций. Поэтому 16 июля штаб верховного руководства и генеральный штаб сухопутных сил переместились в новую главную квартиру под Винницей. Оперативный отдел штаба сухопутных сил разместился на окраине, а Гитлер и ОКВ - в небольшом леске, в 15 км северо-восточнее Винницы, около шоссе на Житомир, близ деревни Стрижавка. Оборудованный там лагерь состоял из блокгаузов и барачков. Он получил название "Вервольф". Впоследствии, через 20 лет, Варлимонт напишет, что жара, стоявшая летом на Украине, мучала Гитлера и что это сыграло немалую роль в неудачном развитии дальнейших событий⁸⁰³. В 41-м холод, в 42-м жара!

Еще в ночь на 7 июля по приказу Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии начался отход войск Южного фронта за Дон. В течение 10 суток Юго-Западный и Южный фронты успешно выводили свои войска из-под угрозы окружения. Генеральный штаб сухопутных сил начал сомневаться в удачном осуществлении замысла. Группа армий "Б" докладывала 13 июля: "Противник перед 4-й танковой армией и перед северным флангом группы армий "А" прорвался дальше на восток и юго-восток и снова сильными частями двинулся к югу"⁸⁰⁴. Фельдмаршал Бок требовал направить 4-ю танковую армию через Морозовский к Дону выше устья Донца. Он послал донесение Гальдеру: "Я думаю, что уничтожение значительных сил противника больше не может быть достигнуто в одной операции, когда в центре - крупные силы, а на флангах - слабые"⁸⁰⁵. Это донесение Бока стало предметом бурного обсуждения на совещании 13 июля в ставке. Гитлер, взбешенный, как он теперь был уверен, критикой его действий и угрозой провала замысла операции,

поставил Боку в вину прежде всего еще задержку вывода подвижных войск 4-й танковой армии из Воронежа и неожиданно для всех отстранил его от командования. Вечером фон Бок получил телеграфное уведомление от Кейтеля и немедленно отправился в Берлин⁸⁰⁶.

Вторая отставка фельдмаршала Бока - многозначительное событие в истории немецкого генерального наступления на Восточном фронте. Она стала провозвестником начинающегося нового кризиса: советские войска выходили из-под угрозы окружения за Дон, и возникла угроза, что столь тщательно подготовленный удар придется в конечном счете по пустому месту. Гитлер обвинил во всем Бока и командира 40-го танкового корпуса Штумме, хотя главным "виновником" были советские войска. Это они задержали немецкую ударную группу под Воронежем, что позволило затем главным силам Юго-Западного фронта избежать окружения и тем начать срыв фашистского плана.

Отныне дважды смененный фельдмаршал фон Бок окончил свою карьеру. Он стал жить как "частное лицо" до того момента, когда перед самым окончанием войны погиб от английской бомбы на одной из дорог Западной Германии.

Преемником Бока стал фельдмаршал Вейхс, получивший от штаба фюрера директиву "не позволить противнику отступить на восток и уйти через Дон к югу"⁸⁰⁷. Единое руководство операцией возлагалось на штаб группы армий "А", но по директивам Гитлера. Группе армий "Б" предстояло "прикрыть эту операцию в районе Среднего Дона и между Воронежем и границей с группой Армий "Центр"

IV

Генерал-фельдмаршал барон фон Вейхс был озадачен своим внезапным назначением еще больше, чем штаб сухопутных сил отставкой фон Бока. Дело в том, что Вейхс никогда не стоял в ряду "выдающихся" деятелей германского генерального штаба. Он считался одной из наименее ярких фигур в этой галерее. Генерал-фельдмаршал не ждал такой чести - стать командующим группой армий на главном направлении в разгар столь большого наступления. Возможно, он понимал, что чудесному выдвигению, меньше всего обязан своим полководческим талантам, а скорее наоборот - их отсутствию. Отставка главнокомандующего группой армий "Б" в начале нового похода - явление, не имевшее прецедента в истории вермахта. Оно свидетельствовало, насколько серьезную тревогу в гитлеровском верховном командовании вызвал успешный выход из-под удара за Дон советских войск Юго-Западного фронта. Вейхс призван был исправить положение.

С занятием войсками Паулюса Миллерово 15 июля, по мнению штаба сухопутных сил, завершился второй этап операции. Разведка сообщала об энергичных работах русских по укреплению Сталинграда и о подтягивании советских войск к реке Чир, что рассматривалось в немецких штабах как создание "Сталинградского предполья". Активные действия советских войск в обороне все более тормозили натиск 6-й армии Паулюса.

Тем временем в верховном главнокомандовании нарастали сомнения по поводу дальнейшего хода операции. На следующий день после переезда в бункера под Винницей Гитлер созвал очередное совещание. Выяснилось, что штаб оперативного руководства еще верит в возможность полного окружения советских войск западнее Дона путем удара с севера к Ростову. Как только будет достигнуто окружение, немедленно последует марш на Кавказ, к Черноморью⁸⁰⁸. Ставка настолько верила в успех, что в тот же день появилось решение отменить переброску армии Манштейна из Крыма на Кубань и отправить ее под Ленинград, чтобы еще этим летом занять, наконец, вторую советскую столицу.

Повернув 4-ю танковую армию со сталинградского направления на Ростов, ставка Гитлера надеялась закинуть наконец петлю на главные силы советских войск.

Гитлеровцы подошли к Ростову. 24 июля после ожесточенного и героического сопротивления гарнизона город пал. На южном берегу Дона были захвачены плацдармы. Однако, к разочарованию "Вервольфа", советские войска опять ушли из-под удара, переправившись на южный берег, а чрезмерное сосредоточение войск к Ростову потребовало нескольких дней, чтобы распутать клубок из пехоты, танков, орудий, понтонов,

прикативших сюда и массой вливавшихся в город.

Тем временем передовые части Паулюса 25 июля вышли к Дону близ Калача. Теперь течение реки от Воронежа до устья почти целиком находилось в руках немцев. Только у Кременской и Калача советские войска удерживали плацдармы на западном берегу.

Итак, важный рубеж достигнут! Впереди - пылающие зноем степи Ставрополья, а за ними ставке уже виделась заманчивая цель - нефтяные вышки Грозного и Баку, снеговые кавказские вершины, экзотика Черноморья и где-то там, дальше, горные пути в Иран. Следовало немедля поставить новую задачу. И захватчики не сомневались, какой она будет.

Опять, как и год назад, гитлеровская ставка в конце июля 1942 г. считала, что Красная Армия потерпела полное поражение, что военная мощь Советского Союза решающим образом подорвана и о ее восстановлении не может быть и речи.

Но, сумев вывести войска из-под удара, избежать окружения западнее Дона, советское командование поставило перед нацистскими фельдмаршалами новые непредвиденные задачи. Отводя часть сил на Средний Дон, а другую часть - на юг, оно вынуждало гитлеровскую ставку также разделить силы на две части. Дело в том, что сосредоточить все усилия на каком-то одном направлении ставка Гитлера теперь никак не могла: если бы она попыталась бросить свои армии на Кавказ, ей угрожали бы советские войска, отходившие к Среднему Дону и подтягиваемые к Сталинграду; нацеливать же удар только на Сталинград было совершенно бессмысленно с точки зрения всей гитлеровской стратегии: упускалась основная цель - Кавказ. Здесь нужно говорить не о "главной ошибке" Гитлера, как считают некоторые историки, "разделившего силы", а о вынужденном решении военного руководства, которое к тому же опиралось на неверные данные разведки, утверждавшей, что Красная Армия отступит за Волгу.

Но если русские везде собираются отходить за Волгу, то нужно их преследовать и скорее захватить богатейшие земли! Поскольку они отходят в двух направлениях, то и за ними приходится идти в тех же направлениях. Так появилась 23 июля известная директива № 45, которую западногерманские историки считают ныне главной причиной всех последующих бед⁸⁰⁹.

Г. Дёрр называет директиву № 45 "поворотным пунктом войны"⁸¹⁰. Г. Даме считает, что начиная с 23 июля Гитлер пошел по ложному пути проведения "эксцентрических операций".

Но в этой ли директиве, независимо от ее достоинств или ошибок, таилась будущая катастрофа? И могла ли теперь какая-нибудь другая, быть может, более хитроумная директива германского вермахта привести его к победе? И вообще, определяла ли теперь воля Гитлера и его военных советников ход борьбы?

Потребовалось немного времени, чтобы развитие исторических событий дало на эти вопросы исчерпывающий ответ.

V

К середине июля Ставке Верховного Главнокомандования Красной Армии удалось восстановить прорванный фронт. На юго-западном направлении разворачивались шесть резервных армий - два новых фронта: Воронежский и Сталинградский. Сюда был двинут ряд соединений и частей из резерва Ставки. В результате на южном крыле советско-германского фронта в составе Воронежского, Сталинградского, Северо-Кавказского, Закавказского фронтов было развернуто около трети всех стрелковых дивизий, до половины танковых корпусов и авиационных дивизий действующей армии. Восстановление стратегического фронта Красной Армии на юге во второй половине июля дополнялось увеличением до 600 км глубины стратегической обороны, хорошо подготовленной в инженерном отношении.

Постепенно создавались условия для преодоления тяжелой ситуации на юге. Силы Красной Армии нарастали. Борьба достигала кульминационного пункта⁸¹¹.

На немецком южном фронте теперь совершенно четко определялись два удара: главный - на Кавказ (туда шли три из четырех немецких армий) и второй - на Сталинград

(здесь действовала сначала одна - 6-я - армия). План вскоре получил новую поправку. В последних числах июля на совещании в ставке с оценкой положения выступил Иодль:

- Судьба Кавказа будет решаться у Сталинграда. Поэтому необходима передача сил из группы армий "А" в группу армий "Б", правда, южнее Дона.

С Иодлем согласились, ибо возрастающее упорство обороны советских войск на сталинградском направлении все более тревожило гитлеровскую ставку. 31 июля, на следующий день после совещания, фельдмаршал Лист получил приказ передать 4-ю танковую армию с кавказского направления своему соседу Вейхсу для наступления на Сталинград. Этот приказ ни в коей мере не представлял собой свободной игры ума германских генштабистов, непродуманного шага или рокового заблуждения, как пишут ныне многие историки на Западе. Поворот 4-й танковой армии Гота к Сталинграду - акт вынужденный: советское командование активно перебрасывало к Дону и Волге резервы, и отныне боязнь советского контрнаступления из донских степей в тыл армиям,двигающимся на Кавказ, все больше овладевает умами немецкого генерального штаба.

Еще 12 июля Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии создала Сталинградский фронт. В его составе к 20 июля насчитывалось уже более 30 стрелковых дивизий, хотя и слабо укомплектованных. В первой половине августа на сталинградское направление советское командование направило еще 15 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса. Ставка Гитлера снова не поняла, что советское командование в состоянии дать новые резервы не только на Дон, но и на Кавказ. Ошибочно предполагая, что, кроме резервных дивизий под Москвой, Красная Армия нигде больше их не имеет, она заключила, что переброска новых сил Красной Армии на кавказское направление исключена. Ведь все пути из Центральной России к югу отрезаны. Значит, достаточно разбить советские части на Дону, под Сталинградом. Тогда оборона Кавказа быстро истощится без притока свежих сил, и все его богатства, как зрелый плод, упадут к ногам завоевателей.

В таком духе и ориентировало 31 июля германское верховное командование своих фельдмаршалов на юге⁸¹².

Отныне силы двух направлений германского наступления разделялись почти равномерно, и на каждом из них наступало по две армии, в том числе по одной танковой. Оба направления, разделенные астраханскими степями, все больше отдалялись одно от другого,

Каким же сюрпризом вскоре стало для провидцев из "Вервольфа", когда выяснилось, что советское командование имеет в резерве гораздо больше дивизий, чем они были в состоянии предположить. Из Средней Азии, через Каспий, из Закавказья двигались новые войска, чтобы оборонять Кавказ.

Но чтобы подвести резервы, требовалось время. А пока германское наступление продолжало развиваться. Группе армий "А" удалось в начале августа занять Краснодар, Майкоп; войска Клейста захватили Пятигорск. В директиве от 9 августа штаб Листа поставил дальнейшие задачи: группе Руоффа от Краснодара прорваться на Черноморское побережье до Батуми, а ударом двух горных дивизий западнее Эльбруса. 1-й танковой армии предстояло двигаться на Северный Кавказ через Грозный к Баку, одной дивизией достигнуть перевалов на Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах, чтобы затем наступать на Тбилиси⁸¹³.

Такие далеко идущие планы в рамках директивы No 45 вновь, и год назад, исходили из представления, будто Красная Армия разгромлена и теперь остается лишь двигаться вперед, чтобы "занимать пространство".

К этому времени по приказу Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии северная группа войск Закавказского фронта получила задачу прикрыть грозненское направление, а Северо-Кавказский фронт - перекрыть пути выхода немцев к морю.

Со второй половины августа советские войска стойкой обороной затормозили немецкое наступление на Кавказе⁸¹⁴. Генерал-фельдмаршал Лист начал перегруппировки. Он приказал 1-й танковой армии нанести удар на Грозный Баку, 17-й армии наступать вдоль

побережья на Батуми, а 49-му горнострелковому корпусу - через перевалы Главного хребта на Сухуми. В перспективе имелось в виду установить связь с турецкой армией и прорваться на Ближний Восток.

12 августа штаб верховного главнокомандования, вопреки решению Листа, приказал сосредоточить две горные дивизии (1-ю и 4-ю) 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада западнее Эльбруса, а восточнее - только одну румынскую дивизию, которую предполагалось направить по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам. 15 - 17 августа 1-я горная дивизия достигла юго-западных отрогов Эльбруса и Клухорского перевала, 4-я - Марухского перевала и продвинулась дальше, оказавшись в 30 км от Сухуми. Здесь горные стрелки Конрада были остановлены упорным сопротивлением советских воинов. Германское наступление вдоль побережья советские войска сорвали у Новороссийска. Заглох и удар, нацеленный на Грозный.

Группа армий "А" остановилась. План прорыва в Закавказье срывался. Гитлер выразил большое неудовольствие. 30 августа он вызвал в ставку генерал-фельдмаршала Листа. На следующий день фельдмаршал сошел с самолета на аэродроме в Виннице. Гитлер принял его немедленно.

Разговор состоялся с глазу на глаз. Фюрер упрекнул фельдмаршала за ошибку: надо было горный корпус направлять не к Эльбрусу и Сухуми, а на Туапсе. Но сейчас поздно что-либо менять. Переброска сил - это "грабеж времени". Тем более что и у Сухуми появились кое-какие перспективы.

- Вы должны, - заключил Гитлер, - сосредоточить усилия группы армий на трех направлениях: Новороссийск, Туапсе, Сухуми.

С этим Лист и вернулся на свой командный пункт в Сталино.

5 сентября он направил Гальдеру новый план: после захвата Новороссийска немедленно перегруппировать силы для наступления на Туапсе.

На следующий день штаб Листа получил новые данные об упорной обороне советских войск на Клухорском перевале. Части 49-го горного корпуса были здесь отброшены из долины реки Бзыбь.

Под впечатлением новой неудачи Лист вызвал по телефону Хойзингера и сообщил, что ни он, ни генерал Конрад "не могут нести ответственность за дальнейшее наступление 4-й горной дивизии в направлении на Сухуми и Гудауты". Более того, Лист решил убедить верховное командование в ошибочности его требований о направлении ввода горного корпуса вообще и попросил прибыть в свой штаб Иодля. 7 сентября начальник штаба оперативного руководства появился в Сталино. Переговоры велись в присутствии Конрада.

Иодль присоединился к мнению Листа и Конрада, что им больше нельзя нести ответственность за наступление 49-го корпуса на Гудауты и что, следовательно, Листу необходимо отказаться от решения задачи по выходу на Черноморское побережье Кавказа⁸¹⁵. Иодль обещал посоветовать Гитлеру отменить это наступление, отвести войска горного корпуса Конрада на перевалы Главного хребта.

Когда Иодль возвратился в ставку, доложил Гитлеру о своих переговорах с Листом и о мрачных перспективах на Кавказе, разразилась давно назревавшая буря. Как мог начальник штаба оперативного руководства, приехав на фронт, заниматься не тем, чтобы требовать выполнения его, фюрера, приказов, а обсуждать их отмену? Как может фельдмаршал Лист игнорировать требования о немедленном прорыве любыми средствами к побережью? Что это за самоволие генералов? Что вообще происходит? Он уже давно с трудом терпит Гальдера, возмущен Иодлем, отстранил Бока и других. Теперь с наилучшей стороны показал себя Лист.

На следующий же день фельдмаршал был отстранен, и командование группой армий "А", застрявшей на Кавказе, принял сам Гитлер. Руководить кавказскими делами он собирался отсюда, из Винницы, через штаб группы армий в Сталино (18 август штаб перебрався в Ворошиловск), получивший название "Мельдекопф унд бэфельсюбермиттлунгсштелле"⁸¹⁶.

В тупике

I

Кейтель терпеть не мог Иодля и опасался его. Как человек ограниченный, оказавшийся на высоком посту не благодаря личным качествам, а за рабскую преданность Гитлеру и по стечению обстоятельств, он ревновал более способного Иодля и всячески старался от него избавиться. Действительно, в стратегических вопросах Иодль совершенно заслонял фигуру Кейтеля, которого стали уже иронически называть "начальником имперской бензоколонки", что приводило фельдмаршала в ярость, плохо скрываемую за маской солдатской невозмутимости. Кейтель действовал осторожно, но везде, где только мог, старался дискредитировать своего чересчур независимого молчаливого помощника. Теперь же, по его мнению, наступил момент для решающей атаки. Иодль допустил ошибку с этой поездкой в Сталино, и она ему обойдется дорого.

Когда после обеда 18 сентября Кейтель вошел в кабинет Гитлера, то застал его в состоянии нервной депрессии.

Фельдмаршал начал осторожно:

- Мой фюрер, я должен переговорить с вами по вопросу о кадрах в свете событий последних недель. Прошлой зимой и даже в начале этой осени я неоднократно докладывал вам о целесообразности назначения начальником штаба оперативного руководства штаба вооруженных сил тогдашнего генерала от инфантерии фон Манштейна. Он тогда был командиром корпуса, а затем принял командование армией в Крыму, в связи с чем получил звание фельдмаршала. Этим назначением фон Манштейна замена Иодля была лишь отдалена, а не разрешена. Мне не требуется подробно останавливаться на недавних событиях. Вы не можете не знать моего мнения и моей оценки инцидента, который произошел в тот вечер, когда Иодль возвратился из Сталино. Тем не менее я хотел бы кое-что добавить.

В течение этого года дело пошло так, что генерал Иодль, ранее бывший моим помощником, стал выступать на первый план. Он выполнял ваши задания и, минуя меня, брал на себя больше, чем было на него возложено.

Кейтель долго изливал свою ненависть к Иодлю, потом завершил:

- Я полагаю, что урегулирование этого вопроса связано с урегулированием работы здесь, внутри вашего штаба. Я могу предложить два варианта решения: первое - назначить вместо Иодля фон Манштейна, второе - кого-либо другого из молодых генералов.

Удар был рассчитан точно. Напоминание о самоуправстве Иодля снова взорвало Гитлера. Он вскричал:

- Я должен предполагать наличие у работающих со мной офицеров стопроцентной лояльности. Когда лояльность отсутствует, совместная работа немислима. Недопустимо, чтобы задним числом, как это случилось, составлялось обоснование своих действий.

Он долго возмущенно, все больше подогреваемый Кейтелем, говорил о провале на Кавказе. И заключил:

- Я указывал: решающим является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю с тем, чтобы выйти к Баку. Об этом я здесь так часто говорил, что считаю почти неприличным, когда мне представляется писанина, из которой следует, что это якобы никогда не обсуждалось. Я каждый день говорю здесь об этом, я убеждаю генерал-полковника Гальдера, и все оказывается совершенно бесполезным. Иодль при сем присутствует. Он не только не принимает этого к сведению, но и говорит: "Подвижные соединения, как это видно на карте (карта же сделана задним числом, что я нахожу непристойным), были в основном брошены на участок Грозный Орджоникидзе, и часть из них должна была ударить в восточном направлении". При этом было установлено, что 13-я танковая дивизия, или дивизия СС "Викинг", или обе вместе должны были попытаться осуществить молниеносный прорыв и достичь Туапсе.

На Кавказе все тщательно составленные планы рушились, и это приводило гитлеровских главарей в состояние бессильной злобы и ярости. Гитлер искал виновных среди своих клеветов.

- Решающим является то, - кричал он, - что дело полностью провалилось. Иодль изменяет мои приказы просто по собственному усмотрению. Это невозможно. Вдобавок, он пытается привлечь еще кого-либо на свою сторону. Я требую, чтобы господа из моего штаба всеми средствами отстаивали мою точку зрения. Невероятно, когда кто-то из них едет и заявляет: "Я лично придерживаюсь иного мнения". Если я посылаю кого-либо от своего имени, то он не имеет права воспринимать взгляды других лиц, коль он послан представлять мое мнение.

- Мой фюрер, - вставил, наконец, Кейтель, - я хотел бы еще дополнить ваши замечания: он прежде всего не имел права отменять подобным образом ваше приказание, заявив мне: "Этот приказ не будет выполняться".

- Это невозможная вещь, и поэтому я не могу больше работать с генералом Иодлем.

- Это мне ясно.

- Следовательно, - с решимостью произнес Гитлер, - генерал Иодль должен уйти.

- Я не хочу за него вступаться: я сам несу за это ответственность.

После некоторого размышления Гитлер сказал:

- По моему мнению, в этом случае речь может идти только об одном человеке, которому я лично доверяю и который приобрел боевой опыт, - генерале Паулюсе.

- Это вполне приемлемо, - поспешно ответил Кейтель. - Я бы лично не хотел по своей инициативе вступаться в защиту Иодля. Все это затрагивает и меня лично.

Для нацистской руководящей клики была невыносимой мысль, что Красная Армия вновь срывает ее далеко идущие замыслы. Гитлер и его высшие штабы все еще надеялись, что дело кроется в каких-то частных ошибках того или иного генерала, в непослушании или самоуправстве, например, Иодля. И если заменить нескольких генералов другими, все пойдет хорошо. Вновь, как и в прошлом году, они склонны были игнорировать действительно решающий фактор: сопротивление Красной Армии, сила которого все время нарастала. Советские войска остановили группу армий "А" на Кавказе, и теперь ничто не могло сдвинуть ее с места.

...Гитлер колебался. Паулюса сейчас нельзя переводить, он должен закончить сталинградское дело. До тех пор здесь все должно остаться по-старому. Первое изменение, которое должно произойти, потому что тут действительно нельзя терять ни одного часа, это немедленная замена генерал-полковника Гальдера.

Кейтель пришел в отчаяние от столь быстрой смены настроения фюрера, хотя ни один мускул не дрогнул на его каменном лице. Фельдмаршал сделал последнюю попытку.

- Могу ли я предложить кандидатуру на место Паулюса? Я бы не задумался снять его до окончания Сталинградской операции, в частности по следующей причине. Я бы предложил в качестве его преемника генерала фон Зейдлица, командующего в настоящий момент центральным корпусом 6-й армии и, следовательно, несущего на себе основную ответственность за бои в Сталинграде. Он проявил себя самым лучшим образом в этих боях. Он был назначен на должность командира корпуса перед Харьковом, участвовал в брянском "котле". Теперь он стоит на центральном участке Сталинградского фронта.

Гитлер задумался.

- Имеется еще и другое соображение, - сказал он, - говорящее против замены Паулюса немедленно. Когда Сталинград падет, это будет несомненно его заслугой. Он сохранял железное спокойствие. После прорыва Красной Армией линии фронта танковых соединений, которые хотели было обратиться в бегство, он взял на себя всю ответственность. В Харькове он в свое время также показал себя с самой лучшей стороны. Следовательно, генерал Паулюс заслуживает, чтобы падение Сталинграда при всех обстоятельствах было связано с его именем и, по моему мнению, было бы несправедливым отзываться о нем теперь. Он должен оставаться там до падения Сталинграда. Кейтель, все еще надеясь, спросил:

- Хотите ли вы уволить Иодля?

- Не знаю, - ответил Гитлер.

Фюрер перешел на другие темы. Кейтель вынужден был сделать то же. Надо немедленно убрать генерала Руоффа, выдвинуть на должности командующих группами армий Моделя, Хаазе, Манштейна, заменить Фалькенхорста, Бласковица; сделать командующими армиями Зальмута, Блюментритта, Велера, Кребса, фон Лоха. И, наконец, был решен вопрос о Гальдере.

- Я могу сказать вам, - произнес Гитлер, - что с трудом переношу доклады Гальдера. Но вот Хойзингер совсем другая личность. Было бы лучше, если бы докладывал мне Хойзингер, он делает это очень толково. Гальдер прежде всего не в состоянии различить, проводится ли наступление силами 200 или 100 солдат, шести батальонов или четырех дивизий. Когда же присмотришься, то оказывается, наступали 200 или 300 человек. В одном месте он видит пункты давления, а в другом ничего не видит, пока не становится слишком поздно и пока внезапно не наступает катастрофа. Гальдера должен сменить Цейтцлер.

- Когда приедет Цейтцлер, - спросил Кейтель, - будете ли вы с ним говорить лично и будет ли он назначен сразу же непосредственно вами? Тогда я поставил бы в известность генерал-полковника Гальдера о том, что он идет в отпуск, а затем я его уволю.

Наконец Кейтель подвел итог того, что он называл "мероприятием с кадрами":

- Разрешите мне доложить, что с тех пор, как я получил от вас задание, мы уволили 117 генералов как старых, по возрасту, так и не соответствующих своим должностям. В том числе 66 генералов из действующей армии. В настоящее время еще 8 получили предупреждение об увольнении, так что с 1 февраля по 1 октября всего будет снято 125 генералов.

Кейтель не добился цели. Иодль все-таки был нужен.

Эта беседа, содержание которой мы изложили на основе стенографической записи, довольно рельефно характеризует состояние германского высшего военного руководства в те дни. Интриги, зависть, борьба за право быть приближенным к Гитлеру неплохо иллюстрируют возникшую после войны кое-где легенду о "борьбе генералитета против Гитлера" и о "рыцарски-благородных" взаимоотношениях между генералами. В ходе беседы раскрывается истинная причина последовавшей вскоре отставки начальника генерального штаба Гальдера, которую некоторые западногерманские историки склонны объяснять будто бы имевшими место его антигитлеровскими настроениями и действиями. Оказывается все обстояло гораздо проще. Наконец, содержание беседы наглядно показывает, какой разлад в фашистском верховном руководстве, какую нервозность, какие массовые перемещения вызвало мужественное нарастающее сопротивление Красной Армии.

Так развивался процесс, который впоследствии на Западе некоторые историки назовут "кризисом доверия в верховном главнокомандовании", но что фактически представляло собой одно из новых свидетельств тупика и безысходности гитлеровской стратегии.

II

Битва под Сталинградом, продолжавшаяся почти шесть с половиной месяцев, развертывалась с необычайным и все нарастающим напряжением, вовлекла массу войск и закончилась катастрофой сильнейшей группировки агрессора.

Начало Сталинградской битвы не было отмечено никакими особыми приказами или событиями! Просто передовые отряды Сталинградского фронта на рассвете 17 июля пулеметными очередями и выстрелами полковых пушек отважно встретили в жаркой выжженной степи у реки Чир авангарды наступающей на Сталинград 6-й армии гитлеровского вермахта. Несколько суток они героически сражались против немецких танков и пехоты и задержали их натиск⁸¹⁷. Когда вслед за тем в сражение вступили главные силы Сталинградского фронта, разгорелась ожесточенная борьба в большой излучине Дона, длившаяся непрерывно до конца июля. Все возраставшее сопротивление советских войск вынудило гитлеровскую ставку 31 июля перебросить с кавказского направления на

сталинградское 4-ю танковую армию. Здесь сосредоточились 33 дивизии, 2 бригады⁸¹⁸. С трудом немецким дивизиям удалось достигнуть незначительного успеха.

Упорной обороной на дальних подступах к Сталинграду советские войска вначале замедлили наступление 6-й и 4-й танковой армий, а затем остановили их перед внешним обводом обороны города. Прорыв к Сталинграду с ходу не удался.

Германское командование приступило к подготовке новой наступательной операции. В начале августа в большой излучине Дона создавался чрезвычайно мощный таран. На сталинградском направлении немецко-фашистские войска превосходили теперь советские силы по танкам в 4 раза, по артиллерии и авиации - более чем вдвое. Нацистское верховное командование, прежде считавшее сталинградское направление вспомогательным, а кавказское - главным⁸¹⁹, постепенно меняло взгляд на их значение. Оно все больше усиливало группировку, наступавшую к Волге, за счет кавказской. Если к 17 июля на сталинградском направлении действовало 14 дивизий, то к середине августа - 39, в том числе четыре танковые и три моторизованные, поддерживаемые 1200 самолетами. Здесь вновь образовался один из сильнейших немецких ударных клиньев, созданных за время второй мировой войны. Его главные силы сосредоточивались на узких участках.

Войсками командовали опытнейшие военачальники третьего рейха. Генерала Паулюса Гитлер считал в то время одним из лучших полководцев вермахта. Вместе с Паулюсом действовали испытанные генералы-танкисты: Гот, Хубе, Виттерсгейм. Генерал Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом, считался одним из самых сильных командиров люфтваффе. Командир авиационного легиона "Кондор" во время гражданской войны в Испании, обласканный Гитлером за "победы" над мирным населением, инженер и "доктор", командир ударного авиационного соединения в походах на Польшу, Бельгию и Францию - это он бомбил Белград, прикрывал высадку на Крит, участвовал в захвате Крыма, руководил варварскими налетами на Севастополь. Ему принадлежал план разрушения Ленинграда, который, однако, он не смог осуществить.

Все они готовили удар на Сталинград.

Тем временем на Кавказе в начале сентября германское наступление заглохло. Нефтяные вышки Грозного остались недостижимыми. Уже 10 и 12 октября штаб группы армий "А" получил приказы бомбить нефтеочистительные заводы, на захват которых надежд не оставалось. Танкисты Клейста достигли окраины Орджоникидзе, подошли к Нальчику и Ардону. Перед ними лежала Военно-Осетинская дорога. Но контр наступление советских войск под Гизелью привело к разгрому выдвинутых частей Клейста. Здесь провалилась самая последняя попытка завоевать Кавказ. Теперь на огромном растянутом фронте группы армий "А" стояли, не двигаясь, 15 немецких, словацкая и 6 румынских дивизий.

Отныне вся ставка делалась на успех под Сталинградом. После тщательной подготовки в середине августа Паулюс возобновил наступление. Его войска форсировали Дон и захватили широкий плацдарм, с которого танки корпуса Виттерсгейма 23 августа подошли к Волге севернее Сталинграда. В тот же день авиация Рихтгофена нанесла массированный удар по городу.

Прорвавшиеся к Волге части подверглись энергичным контратакам советских войск и с огромным трудом удержали позиции. Близ устья Хопра итальянцы не выдержали натиска войск генералов В. И. Кузнецова и А. И. Данилова, и фронт дивизии "Равенна" был прорван у Верхнего Мамона. Гитлер 27 августа объявил: "Решающая опасность находится в 8-й итальянской армии"⁸²⁰.

В последующие дни армии генералов Р. Я. Малиновского, К. С. Москаленко, Д. Т. Козлова, Н. И. Крылова, В. И. Чуйкова, М. С. Шумилова упорно и ожесточенно контратаковали наступающих севернее и западнее Сталинграда. Они наносили им все более тяжелый урон, и километр за километром, шаг за шагом все больше тормозили яростный натиск.

Время шло, а в начале сентября удалось достигнуть только, окраины города. Генеральный штаб и ставку Гитлера все больше одолевала тревога: не ударит ли Красная

Армия крупными силами с севера, на среднем течении Дона, и не прорвет ли фронт прикрытия?

Растущие сомнения 28 августа несколько развеял Геринг: только что он выслушал доклад Рихтгофена, который детально ознакомился с положением сталинградских дел. "О крупных вражеских силах там не может быть и речи. Авиация до изнеможения летала на разведку к северу, и на всем обозримом пространстве вообще не обнаружила никаких сил противника. Общее впечатление генерал-полковника таково, что там отсутствует единое руководство"⁸²¹.

Однако сведения последних дней опровергали выводы воздушного аса. Нажим советских войск на итальянские дивизии не прекращался. Пришло сообщение о вклинении в немецкие позиции на Дону. На подступах к городу шли ожесточенные бои. Гитлер 2 сентября распорядился: по мере проникновения в город необходимо уничтожать всех русских мужчин, "ибо в Сталинграде его миллионное, сплошь коммунистическое население представляет особую опасность"⁸²².

Ни войскам, ни гитлеровским генералам не приходилось еще испытывать подобного напряжения. Каждый день приносил все новые разочарования. Чтобы поднять дух народа и армии, 3 сентября в рейхе торжественно отметили трехлетие начала мировой, войны. Газеты поместили карту: Европа стала немецкой. Стрелы фашистского наступления протягивались до Нью-Йорка. Однако в Германии росла тревога. Штабной врач Паулюса Фладе, лечившийся в Дрездене от ранений, писал своему командующему: "С военной точки зрения все идет просто фантастически. Трудности действительно во всех отношениях чудовищны"⁸²³. Гальдер осмелился 24 августа заявить Гитлеру: "Там, на фронте, гибнут тысячами brave мушкетеры и лейтенанты, тысячами - но как бесполезные жертвы в безнадежной обстановке..."⁸²⁴

Только к 4 сентября к юго-западным окраинам Сталинграда после тяжелейших боев смогла прорваться с кавказского направления 4-я танковая армия. Теперь можно было начинать "планомерное наступление на Сталинград". 13 сентября стало его первым днем. Военная обстановка в районе города стала критической для героически оборонявших его войск 62-й и 64-й армий под командованием генералов В. И. Чуйкова и М. С. Шумилова.

В капитальном исследовании о битве под Сталинградом А. М. Самсонова, в мемуарах В. И. Чуйкова, А. И. Еременко раскрывается картина героической обороны города, роль его партийных организаций в оказании помощи воинам, патриотизм трудящихся⁸²⁵. Деятельность партийных и советских органов в г. Сталинграде, направленная на мобилизацию усилий для оказания помощи фронту, не прекращалась в течение всего периода Сталинградской битвы.

Прошла неделя страшных боев, и Паулюс с обычным лаконизмом сообщил: "Хотя большая часть города в немецких руках, тем не менее, если не дадут дополнительные силы, наступление обмелеет"⁸²⁶. "Фёлькишер беобахтер" призывала: "Безостановочно вперед!" Но день за днем донесение за донесением ложились перед Гитлером, Йодлем и Гальдером, создавая мрачную картину кровопролитной, безуспешной борьбы. Вот поступает сообщение, что русские отбили атаки 16-го танкового корпуса Хубе, сами ворвались в немецкие позиции, а около Серафимовича нанесли тяжелый удар итальянской дивизии "Пасубио". Настал конец сентября, а сводки, как и раньше, говорят лишь о "яростных повторных атаках" русских, об их "усилении в городе", о том, что "мощная танковая группа врага прорвалась к железной дороге южнее Котлубани и двигается на Бородкин"⁸²⁷, и о многих других фактах той героической обороны советскими войсками Сталинграда, которой было затем суждено войти в историю. Гитлер и его помощники пытались сами руководить из "Вервольфа" уличной борьбой. 21 сентября они определили последовательность ударов, что поможет, наконец, взять сталинградскую "крепость": "На первом этапе овладеть северной частью Сталинграда, на втором этапе очистить западный берег Волги южнее Сталинграда и на третьем этапе следует вести наступление к северу, непосредственно вдоль Волги"⁸²⁸.

Но и "непосредственное руководство фюрера" не принесло успеха. Ожесточенные контратаки советских войск следовали непрерывно. Гитлер же 27 сентября, отстранив Гальдера, уехал на неделю в Берлин. Его нервы не выдерживали.

Генерал-полковник Гальдер, занимавший с 1 сентября 1938 г. пост начальника генерального штаба сухопутных сил, сошел со сцены. Отставка Гальдера и назначение на его место генерала Цейтцлера - начальника штаба группы армий "Запад", а во время похода во Франции - начальника штаба танковой группы Клейста, знаменовали собой окончание процесса концентрации всей военной власти в руках Гитлера. Гальдера попытались изобразить главным виновником неудач, и вскоре он впал в немилость. Приход Цейтцлера, пользующегося расположением Гитлера, и одновременное ослабление позиций Йодля вызвали существенные изменения в характере высшего руководства. Ответственность за Восточный театр теперь окончательно возлагается на начальника генерального штаба сухопутных сил. Отныне для стратегического руководства военными действиями на сухопутных театрах стали существовать два параллельно действующих органа. "Востоком" руководило ОКХ, а "всем остальным" ОКВ. С конца 1942 г. уже не разрабатывалось единых планов войны, общих для всех театров.

Еще 12 сентября Паулюс и Вейхс, вызванные в ставку, говорили о возможной угрозе флангам 6-й армии. Оба согласились с мнением Гитлера о скором успехе и с его указанием после окончания боев в Сталинграде двигаться частью сил на Астрахань⁸²⁹.

Однако наступление застряло. Войска несли небывалые потери. Только с 21 августа по 16 октября Паулюс лишился 1068 офицеров и 38 943 солдат⁸³⁰.

27 сентября в связи со второй годовщиной подписания пакта трех держав в берлинском отеле "Кайзергоф" выступил Риббентроп. Он говорил о Сталинграде: "Когда мы займем этот город, который является крупнейшим центром связи между северной и южной Россией и который господствует над главной транспортной артерией этой страны - Волгой, нашему опаснейшему врагу будет нанесен такой удар, от которого он больше никогда не оправится"⁸³¹.

Пришел октябрь. Защитники Сталинграда намертво сковали 6-ю армию. Ожесточенность боев превосходила все представления о человеческих возможностях. Теперь для гитлеровцев Сталинград стал испытанием всего военно-политического авторитета рейха, и стремление победить именно здесь, в Сталинграде, превратилось в фанатичную цель, связанную с престижем. Нацистская печать без всякой меры вела пропагандистскую кампанию вокруг сталинградского наступления, прославляя всех и вся, особенно "народного генерала" Паулюса. Находившийся в отпуске на германском курорте один из офицеров штаба писал 23 сентября своему командующему: "Здесь все ждут Сталинграда. Надеются на поворот в ведении войны. Господин генерал уже сделался популярной личностью"⁸³².

Паулюса вся эта шумиха подогревала. Он понимал, что настает "его день". Сражающаяся в Сталинграде армия оказалась в центре самого широкого внимания и уже заняла свое место в германской истории, конечно, нацистского образца. И Паулюс, несмотря на все трудности, о которых знал лучше, чем кто-либо другой, все еще не сомневался в близкой победе. Он писал 7 октября в ставку генералу Шмундту: "Битва за Сталинград ведется очень ожесточенно. Все идет очень медленно, но все же каждый день - немного вперед. Для нас - это вопрос людей и времени. Но мы с русскими справимся"⁸³³.

Иное настроение было уже тогда у Рихтгофена, для которого реальное положение вещей становилось все более и более очевидным. 22 сентября в журнале боевых действий 4-го воздушного флота отмечается: "В городе Сталинграде успехи незначительные. 6-я армия пытается атаковать, но не может сдвинуться с места главным образом потому, что из-за непрерывного давления красных с севера силы связываются, и потому, что новые силы - пехотные дивизии - медленно подходят. Незначительный успех от руины к руине, от подвала к подвалу!"⁸³⁴ Вейхс стал убеждать ставку Гитлера отказаться от дальнейшего наступления, "пожирающего силы". Он предлагал оставить занятые районы города и отвести вытянутую к востоку дугу фронта на более короткую линию между излучиной Дона и Волгой. Только так

можно будет создать хотя бы минимум резервов. Однако в ставке его план был решительно отвергнут.

30 сентября ежегодное торжественное собрание в Спортпаласе, посвященное началу "кампании зимней помощи", было обставлено особенно пышно. Гитлер под вопли фанатиков торжественно приветствовал "победителя в Африке" фельдмаршала Роммеля (до его разгрома под Эль-Аламейном оставался один месяц). Затем несколько часов подряд Гитлер говорил.

- Никто не может вырвать у нас победу! То, что нас кто-нибудь победит, невозможно, исключено! Мы завершим эту войну величайшей победой!

И он торжественно заявил: Сталинград, этот важнейший стратегический пункт, носящий имя Сталина, вот-вот падет. Под бешеным ревом Гитлер воскликнул:

- И вы можете быть уверены, что ни один человек не в состоянии столкнуть нас с этого места!⁸³⁵

Это было сказано за полтора месяца до начала разгрома гитлеровской армии под Сталинградом.

Не удивительно, что теперь из "Вервольфа" в штабы наступающих армий шло только одно требование: Сталинград должен пасть! Вейхсу не оставалось ничего другого, как отдать 6 октября еще один приказ: "Положение под Сталинградом, на захват которого снова указано фюрером как на главную задачу группы армий, требует сосредоточения всех возможных сил. Перед этой необходимостью все остальное не должно представлять значения"⁸³⁶.

В записках адъютанта сухопутных сил при Гитлере майора Энгеля имеются сведения, характеризующие тот тупик, в котором оказалось уже в начале октября германское командование в связи с героической обороной советских войск. Вот запись Энгеля о совещании у Гитлера 2 октября: "Цейтцлер, а также Йодль поднимают вопрос, чтобы занятие Сталинграда считать второстепенной задачей и этим высвободить силы; ссылка на уличные бои, приносящие большие потери. Фюрер резко отклоняет и впервые подчеркивает, что занятие Сталинграда срочно необходимо не только из-за оперативных соображений, но также и из психологических, для мировой общественности и настроения союзников"⁸³⁷.

На следующий день, когда Цейтцлер снова осмелился поставить вопрос, не нужно ли прекратить наступление на Сталинград, чтобы высвободить силы для группы армий "А", Гитлер ответил:

- Это была бы самая типичная полумера, присущая штабу сухопутных сил.

10 октября на очередном совещании Гитлер придавал своим требованиям еще более политический характер. После долгих разглагольствований он торжественно заявил:

- Сталинград необходимо выломать, чтобы лишить коммунизм его святыни⁸³⁸.

Но заклинания не помогали, и каждый день приносил обитателям бункеров "Вервольфа" новые и новые сомнения и тревоги. В середине октября Вейхс и Паулюс сообщали: "Продолжение наступления в Сталинграде из-за временной нехватки сил и утомления войск невозможно". И далее: "Впервые в районе Сталинграда русские ведут огонь тяжелой артиллерией". "В Сталинграде... сильные удары вражеской разведки... Местные прорывы". "Западнее Клетской враг наступал на двух участках". "На северном фронте противник сумел вклиниться в наши позиции на небольшую глубину" и т. д.⁸³⁹ Все превращалось в какой-то кошмар.

Гитлер поставил срок: взять Сталинград к 20 октября⁸⁴⁰. Опять отчаянное усилие. Но продвижение - на десятки метров. Вейхс доносит: "6-я армия в Сталинграде 15 октября заняла тракторный завод "Дзержинский" и 16-го артиллерийский завод "Баррикады". Южнее артиллерийского завода русские еще удерживают металлургический завод "Красный Октябрь". Запертые в рабочем поселке Спартакровка⁸⁴¹ советские соединения уничтожены"⁸⁴². Казалось, приказ фюрера близок к выполнению. Наступил срок, указанный Гитлером, а победных реляций не последовало. Наоборот, в этот день начальник генерального штаба докладывал: "В северной части артиллерийского завода позади фронта вновь в отдельных гнездах оживило русское сопротивление. Части 16-й танковой и 94-й

пехотной дивизии проникли в западную часть Спартакówki и заняли группу домов"843. Но ведь Спартакówka захвачена раньше? Следовательно, донесение оказалось ошибкой, и победа так же далека, как и прежде! 19 октября в журнале боевых действий воздушного флота Рихтгофена видим запись: "В Сталинграде никакой ясности положения. Дивизии, по-видимому, передали слишком благоприятные донесения. Никто не знает, каково действительное положение вещей, так как каждая дивизия сообщает по-разному. Атака на Спартакóweку приостановлена севернее Сталинграда. Генерал Фибих в отчаянии, так как пехота не использует атаки его самолетов"844.

Прошло еще два дня, и оказалось, что русские вернули артиллерийский завод и продолжают "сильное наступление с танками и артиллерией западнее Волги". Газеты сообщали: "Металлургический завод "Красный Октябрь" - последний барьер большевиков в Сталинграде пал". А в конце месяца и в начале ноября вновь потянулись сообщения о тяжелых боях за металлургический завод, за рабочий поселок, за "Баррикады", отдельные дома и блоки. Достижением стало считаться, что "русские продвигаются вперед лишь медленно", что та или иная позиция удержана, что удалось занять один дом.

26 октября ставка Гитлера указала новый срок: Сталинград взять к 10 ноября845. Но как бы в ответ на новый приказ через два дня из Сталинграда последовало сообщение: "Вчера после обеда противник снова атаковал западнее Волги позиции 371-й дивизии южнее Сталинграда. Ему удалось путем ввода танков и сильной артиллерии расширить прорыв, достигнутый ранее, и прорваться в южную часть Купоросное"846.

К вновь назначенному сроку немцы получили не Сталинград, а очередную речь Гитлера. В Мюнхене, в огромном зале пивной "Лёвенбройкеллер", выступая перед "старыми борцами" по поводу годовщины путча 1923 г., Гитлер кричал: "Наш военный план будет осуществлен с железной твердостью!.. Хотели овладеть Сталинградом, этим огромным перевалочным пунктом на Волге, и нечего скромничать: он уже взят... Там, где стоит немецкий солдат, туда больше никто не пройдет". И далее: "Некоторые говорят: "Почему вы тогда не продвигаетесь быстрее?" Потому что я не хочу иметь там второго Вердена, поэтому лучше наступать совсем маленькими ударными группами. При этом время не играет никакой роли. Больше ни одно судно не идет вверх по Волге. И это решающее!"847.

Варлимонт пришел в те же дни к выводу: в Сталинграде "больше ничего хорошего ожидать нельзя"848.

Сталинград не пал. Он выстоял. "Битва на Волге к глубокой осени 1942 г. все еще не была завершена, - пишет А. М. Самсонов. - Однако к этому времени в развитии происходящих здесь событий уже назрел кризис, который должен был привести к коренному перелому в ходе дальнейшей борьбы"849.

За два дня до начала контрнаступления Красной Армии под Сталинградом, 17 ноября, Гитлер отдал приказ: "Трудности борьбы за Сталинград мне известны. Однако для русских теперь, во время ледостава на Волге, трудности являются еще большими. Если мы используем это время, то сохраним в будущем много крови. Поэтому я ожидаю, что руководство снова со всей своей неоднократно доказанной энергией и войска снова со столь часто проявляемой удалью сделают все, чтобы по меньшей мере прорваться к Волге в районе оружейного завода и металлургического завода и занять эту часть города. Авиация и артиллерия должны сделать все, что в их силах, для подготовки и поддержки этого наступления"850. В качестве единственного усиления группе армий "Б" был обещан перевод из Франции 6-й танковой и 2-й пехотной дивизий.

Но наступление на Сталинград подошло к концу. Гитлеровский вермахт делал свои последние шаги на Восток.

III

Изучая фашистскую стратегию лета и осени 1942 г., нельзя не заметить поразительного на первый взгляд явления. В то самое время, когда военные руководители третьего рейха гнали свои армии вперед, на Кавказ и Сталинград, некоторые из них действовали так, будто

не очень верили в свои победы, о которых так громко кричали, и решениями, не публиковавшимися в газетах, готовили армию к событиям, никак не связанным с "окончательной победой".

Такая двойственность стратегии была не случайной. И уж, конечно, она не свидетельствовала о "роковой ошибке" Гитлера, по поводу которой любят сейчас иногда писать некоторые историки на Западе.

Дело, повторяем, не в ошибочности директивы Гитлера номер такой-то, не в повороте танковой армии Гота с кавказского направления на сталинградское, не в нанесении ударов "по расходящимся направлениям" и даже не в провале операции по окружению советских войск западнее Дона.

Новое "раздвоение" стратегии представляло собой закономерное следствие героической борьбы Красной Армии в Сталинграде и на Кавказе; вместе с тем оно результат исходных просчетов германского генерального штаба, заложенных в отсутствии трезвого анализа мировой политической и военной обстановки на рубеже 1941 и 1942 гг.; в новой пагубной недооценке Советского Союза и его Вооруженных Сил, ставшей вполне очевидной к середине августа.

Разведка сообщала о подготовке командованием Красной Армии новых соединений. Она приходила к выводу, что советское военное руководство имеет в резерве больше дивизий, чем сражается в настоящее время на фронте. Но тогда германское наступление неизбежно потеряет стратегические перспективы. Именно поэтому генеральный штаб сухопутных сил постепенно, но неуклонно начинал сомневаться в успешном исходе кампании. Вновь повторялась ошибка 1941 г.: в разгар наступления обнаруживаются "непредвиденные" силы противника.

В штабе сухопутных сил несколько раньше, чем в других штабах, стали колебаться в оценке хода генерального наступления. У них уже имелся достаточный опыт. И если в июле 1941 г. на четырнадцатый день войны у Гальдера хватило легкомыслия объявить: война против Советского Союза выиграна, то теперь, через год, Красная Армия достаточно "умудрила" его, чтобы в момент, казалось бы, столь удачного наступления предвидеть неизбежность стратегического тупика в самом недалеком будущем. Именно поэтому на свой риск и страх он предусмотрительно отдал 9 августа директиву "о строительстве зимних позиций", конечно, никак не вязавшуюся с общими победными настроениями. Слов нет, Гальдер действовал в рамках общего плана наступления, он не сомневался, что армии еще захватят Баку и Сталинград. Но не больше. Не разгром Красной Армии и не окончание войны, а новая военная зима на Востоке.

Итак, когда гитлеровские армии на юге еще двигались вперед, в генеральном штабе уже обсуждался вопрос, где им придется зимовать. Группам армий "Центр" и "Север" предлагалось начать постройку "зимних позиций" как можно раньше и быстрее там, где фронт стоит неподвижно. На юге позиции будут построены после достижения "новой линии фронта": Баку - побережье Каспийского моря - Астрахань - Сталинград⁸⁵¹.

Так, в разгар побед приходилось думать о возможном повороте событий.

Еще в августе Гитлера стала тревожить мысль, что Советский Союз попытается "повторить большевистское наступление 1920 года через Средний Дон на Ростов"⁸⁵². Поэтому по его приказу наиболее сильные резервы из общего весьма скудного их запаса помещаются за фронтом итальянской армии. Чтобы усилить "Донской фронт" и сосредоточить силы 6-й армии в Сталинграде, в эти дни на Дону между войсками Паулюса и 8-й итальянской армией вводится 3-я румынская армия.

Неуклонный рост мощи сопротивления Красной Армии, тупик на Кавказе, полная неясность на других участках фронта приводят Гитлера в течение сентября к постепенному пониманию огромных трудностей новой кампании, по крайней мере в 1942 г., т. е. к тому, что несколько раньше поняли в ОКХ. Теперь в обиходе штаба верховного командования все чаще появляется слово "оборона". 8 сентября Гитлер подписывает директиву под названием "Принципиальные задачи обороны", в которой уже не содержится обещаний закончить

войну в этом году. Ни слова о победах - только советы, как сделать, чтобы "больше не повторился кризис последней зимы". Еще сводки гремели об успехах на Востоке, а фюрер вынужден был говорить армии: "Лозунг для оборонительного фронта: копать и снова копать, особенно пока грунт еще мягкий".

Теперь он и его штаб уже озабочены "организационным обновлением Восточной армии" в течение предстоящей зимы. Они думают о том, чтобы перевести из Франции на Восток "12 хорошо оснащенных дивизий, заменив ими наиболее слабые, а 6 находящихся на Западе подвижных соединений подготовить к переброске на Средний Восток"⁸⁵³. Затем Гитлер отдает приказ как можно сильнее укрепить и заминировать фронт на Дону, подведя туда резервы из Сталинграда, ибо "в наступающую зиму враг предпримет сильное наступление против 8-й итальянской армии с ударом на Ростов"⁸⁵⁴.

Словом, теперь обитатели ставки "Вервольф" все больше и больше занимаются делами, очень далекими от тех, на которые они рассчитывали, начиная генеральное наступление. Теперь им приходилось иметь "две стратегии": одну для внешнего мира, для "престижа" и устрашения. Она была не настоящей, но о ней много кричали. И другую - действительную стратегию, к которой их вынудила Красная Армия.

Используя приемы "первой" стратегии, Гитлер, его клика, его пресса вопили о "полной победе германского оружия". Следуя "второй" стратегии, Гитлер 14 октября отдал приказ вооруженным силам: "Летний и осенний поход этого года, за исключением продолжающихся операций и отдельных еще ведущихся местных наступательных действий, подошел к концу... Пред нами стоит зимний поход, Восточный фронт имеет задачу... безусловно удерживать достигнутые линии против любой попытки врага прорвать их и таким образом сделать возможным продолжение нашего наступления в 1943 г. для окончательного уничтожения опаснейшего противника... Последними боями русские сами были чрезвычайно ослаблены, и зимой 1942/43 г. не смогут вводить силы, как в прошлом. В любом случае предстоящая зима не может быть суровее и тяжелее..."⁸⁵⁵

В качестве основных требований выдвигалось: обязательно удержать зимние позиции; при наступлении советских войск "не допускать никакого отхода"; местные прорывы немедленно ликвидировать контрударами.

Если не говорить о "бодрящих" строках этого во всех отношениях знаменательного приказа Гитлера, то остается одно и главное: в октябре 1942 г. германский фашизм в своем высшем олицетворении стал признавать кризис второго плана победы над Советским Союзом. Слова "перед нами стоит зимний поход" говорили обо всем. А если прибавить, что "походом" теперь считалось не наступление, а лишь оборона, то дальнейшие перспективы войны становились более чем очевидными.

Возвратившись осенью из Винницы обратно в Восточную Пруссию, гитлеровское верховное командование стало напряженно думать о том, как предотвратить новый неблагоприятный поворот событий.

IV

Донецкие и приволжские степи, предгорья и долины Кавказа летом и осенью 1942 г. сделались центром гигантской борьбы, за которой с затаенным дыханием следил мир. И когда стремительно катившиеся валы фашистских дивизий были наконец задержаны барьером советской обороны, у миллионов людей во многих уголках земли появилась надежда: защитники Сталинграда и Кавказа остановят и разобьют новый гитлеровский натиск. Сталинградская оборона вошла в историю уже в те самые дни, когда она совершалась.

Изучение материалов немецко-фашистского командования убеждает, что остановить немецкие ударные армии защитникам Сталинграда и Кавказа помогли советские солдаты, державшие фронт на других участках.

Гитлеровский генеральный штаб прекрасно это знал.

Между Москвой и Смоленском зимние сражения затихли в апреле 1942 г. Группа армий "Центр" под командованием фельдмаршала фон Клюге пятью армиями держала причудливо изогнутый фронт, позади которого советские партизаны и войска, вышедшие сюда в ходе наступления, сковали значительные фашистские силы. В тылу 2-й танковой армии, в брянских лесах, продолжал действовать центр советского партизанского движения; в тылу 4-й армии войска генерала П. А. Белова постоянно угрожали главной артерии снабжения гитлеровских дивизий, стоявших против Москвы, - автостраде Смоленск - Вязьма, а в тылу 9-й немецкой армии сражались части генерала Ефремова. Повсюду быстро ширилось партизанское движение.

В середине апреля группа армий "Центр" получила директиву: удерживать фронт и одновременно разбить находящиеся в тылу советские войска и партизан. Армиям фон Клюге приходилось с мая до середины июля поворачивать все больше своих войск против партизан, чтобы провести несколько операций между Вязьмой, Брянском и Ельней (операции "Ганновер" I и II, "Фогельзанг", "Грюншпехт" и др.), закончившихся весьма ограниченным успехом. 30 июля часть войск Калининского и Западного фронтов начала Ржевско-Сычевскую операцию. Оборона 9-й немецкой армии была прорвана. Германскому командованию пришлось ввести резервы группы армий "Центр" и перебросить войска из рейха. Одновременно гитлеровцы подготовили операцию по ликвидации выступа фронта советских войск между Сухиничами и Юхновом. Она получила название "Вирбельвинд" ("Метель"), и проведение ее возлагалось на 2-ю танковую армию.

Операция, начавшаяся 11 августа под Сухиничами, "стала для Клюге маленьким Верденом, и ее провал, несмотря на то что было введено 400 танков, эхом отозвался на всем германском фронте"⁸⁵⁶.

Тем временем советские войска успешно атаковали соединения 3-й танковой армии, прорвали германский фронт и создали кризисное положение для 9-й армии Моделя. Штаб Клюге с горечью признавал: "Наше наступление с запада и северо-запада из-за сильной вражеской обороны, с которой боролась наша артиллерия, добилось лишь незначительного успеха. Севернее Ржева противнику удалось... занять много населенных пунктов и отбросить фронт к югу"⁸⁵⁷. На следующий день в журнале военных действий ОКВ было записано: "В 3-й танковой армии противник сделал широкий и глубокий прорыв. Положение под Ржевом, согласно донесению 9-й армии, сложилось очень неудачно... Тыловым коммуникациям группы армий сильно мешают партизаны; в настоящее время за единственным исключением вся железнодорожная связь в тылу группы армий "Центр" прервана"⁸⁵⁸.

Операция "Вирбельвинд" провалилась с большими потерями. Советские войска вели систематические атаки, изматывая армии Клюге. Он и его командующие, включая "железного" Моделя, решительно требовали, настаивали, упрашивали о присылке резервов и всевозможных подкреплений. Гитлер ответил 19 августа против обыкновения лаконично и с привкусом горькой иронии:

- Если бы я имел силы, то они были бы введены для мероприятия "Вирбельвинд". 3-я танковая и 9-я армии должны удержать фронт без дальнейшей помощи⁸⁵⁹.

Однако помощь он все же вынужден был дать: оборона Ржева стала вопросом престижа. Поэтому дивизию "Великая Германия", предназначенную на Запад, и пехотную дивизию, двигавшуюся к Ленинграду, получил Клюге. Через два дня фельдмаршал доложил: "Наши силы очень уменьшились, танковые соединения понесли значительные потери"⁸⁶⁰. Гитлер настаивал на продолжении атак и вызвал Клюге в ставку. После бурной сцены фельдмаршал все же смог убедить Гитлера отказаться от продолжения операции у Сухиничей: "Больше нельзя ожидать решающего успеха на трудной местности против крупных сил противника". Кризис у Ржева фашистскому командованию удалось преодолеть только в конце сентября ценой очень тяжелых потерь.

Войска Калининского и Западного фронтов под командованием генералов М. А. Пуркаева и И. С. Конева активными действиями не дали возможности гитлеровцам усилить сталинградское направление и к концу ноября сковали до 80 немецких дивизий. Упорные

атаки Западного и Калининского фронтов ввели в заблуждение германскую разведку насчет истинного направления главных усилий Красной Армии осенью 1942 г. и в результате помогли контрнаступлению под Сталинградом. Наконец, эсэсовская дивизия "Великая Германия", намеченная для переброски во Францию, оказалась под Ржевом, и это нельзя не рассматривать как реальную помощь англичанам, совершившим вскоре свою высадку около Дьеппа.

На северном участке советско-германского фронта неприступной крепостью стоял героический Ленинград. Он благодаря доблести своих защитников, поддержке всей страны и армии не только выдержал яростный натиск, но и сам великим своим подвигом помог советским войскам, сражавшимся на юге: приковал отборную армию, назначенную для удара по Сталинграду.

После того как группа армий "Север" весной 1942 г. завершила в свою пользу борьбу на Волхове, 19 июля генеральный штаб сухопутных сил отдал приказ "провести наступление на Ленинград с целью овладеть городом, установить связь с финнами севернее города и в результате выключить советский Балтийский флот"⁸⁶¹. Именно для этого Гитлер отменил переброску на Кавказ освободившейся под Севастополем 11-й армии Манштейна и подтвердил свое мнение о необходимости направить ее на север, "чтобы занять Ленинград, тем самым высвободить финские дивизии на Карельском перешейке и установить сухопутную связь с Финляндией"⁸⁶². Итак, Манштейн идет не на Кавказ, а к Ленинграду. Гитлер приказал "вести борьбу с эвакуацией Ленинграда любыми средствами, главным образом авиацией", ибо улучшение снабжения города после эвакуации части населения может способствовать усилению его обороны. Вывод из города части населения, оборонной промышленности, по мнению гитлеровского штаба, лишь "поможет усилению противника"⁸⁶³.

Первоначальный успех наступления на юге побудил германское верховное командование поторопиться с "окончательным решением" судьбы Ленинграда. 23 августа вопрос обсуждался в ставке. Открывая заседание, Гитлер, как свидетельствует запись в журнале боевых действий группы армий "Север", "многократно повторял о необходимости избегать уличных боев". Далее запись гласит: "В целом относительно "Нордлихт" (операция по захвату Ленинграда. - Д. П.) фюрер думает следующее: под Ленинградом, как и под Севастополем, снова приходится считаться с необходимостью захвата крепости. Но под Ленинградом должно быть легче, ибо с точки зрения местности, по сравнению с Севастополем, его расположение не так благоприятно для обороны и он не так укреплен. При этом наши войска значительно сильнее, прежде всего в артиллерии. Этой сильной артиллерией при самом тесном взаимодействии с авиацией необходимо выпустить "величайший в мире фейерверк". Только под Верденом в военной истории прошлого было введено больше артиллерии. Он считает, что таким силам, в тесной связи с авиацией, при высокой концентрации достаточно будет 6-дневного подготовительного периода (3 дня для действия авиации, 3 - для артиллерии). Тяжелые и сверхтяжелые калибры и авиация должны быть молниеносно и внезапно направлены против всех важных для жизни и боя позиций и сооружений"⁸⁶⁴.

Присутствовавший на совещании командующий группой армий "Север" фельдмаршал фон Кюхлер немедленно принялся развивать идеи Гитлера.

- Мой фюрер, я думаю, что прежде всего необходимо произвести террористические удары по фабрикам, предприятиям вооружения, партийным домам и командным пунктам, чтобы разгромить или нарушить всю эту организацию и парализовать массы рабочих и гражданского населения. Все займет 5 дней.

Гитлер склонился над большим фотопланом Ленинграда, на котором можно было ясно различить даже отдельные дома.

- Я считаю, - сказал он, - что положение под Севастополем было иным и что будет совершенно правильно принять обратный способ действий: сначала уничтожение города, а потом укреплений.

- Прошу вас, мой фюрер, - продолжал фон Кюхлер, - отдать директиву об участии финнов и о взаимодействии с ними в широком плане. Группа армий со своей стороны еще не имеет с ними никакой связи.

- Финские генералы Хейнрикс и Тальвела, - ответил Гитлер, - как офицеры связи придут в ставку для переговоров 24 августа. Директивы последуют затем через ОКВ.

Далее разговор шел о деталях. В заключение Гитлер вновь обратился ко всем собравшимся:

- Я очень озабочен действиями Советов в связи с наступлением на Ленинград. Подготовка не может остаться для них неизвестной. Реакцией может стать яростное наступление на Волховском фронте против слабо занятого нами участка у Погостья и прежде всего против узкой горловины у Мги. Этот фронт при всех обстоятельствах должен быть удержан. Танки "тигр", которых группа армий получит сначала девять, пригодны, чтобы ликвидировать любой танковый прорыв.

Он подошел к фон Кюхлеру.

- Я хотел бы танки "тигр" держать там, наверху, - рука легла на карту близ Ленинграда, - за линией фронта. Тогда ничего не может случиться. Они неуязвимы и могут разбить любое танковое наступление противника.

Гитлер продолжал:

- Кроме того, что фронт будет усилен в большом количестве тяжелым и сверхтяжелым оружием в связи с ожидаемым сопротивлением противника, решающей может стать авиация. Учитывая это, я решил, что возглавит ее мастер руководства авиационными соединениями генерал-полковник фон Рихтгофен. Чтобы сделать взаимодействие между сухопутными силами и авиацией таким идеальным, как это только возможно, я решил, что руководство операцией возглавит генерал-фельдмаршал фон Манштейн, который овладел Севастополем при отличном взаимодействии с командующим 4-м воздушным флотом (Рихтгофеном. - Д. П.). Общее командование наступающими и обороняющимися войсками на фронте остается за группой армий "Север".

Как только все разошлись, Иодль быстро сформулировал задачи 11-й армии: "Во-первых, Ленинград отрезать и установить связь с финнами; затем Ленинград уничтожить"865.

Таким коротким и выразительным был последний "приговор" Ленинграду, вынесенный в дни, когда в генеральном наступлении на юге уже обозначился кризис, когда под Сталинградом и на Кавказе истощились последние резервы.

Но еще прежде, чем армия фельдмаршала Манштейна полностью сосредоточилась у стен Ленинграда, советские войска начали 27 августа на восточный участок той самой "горловины" южнее Шлиссельбурга наступление, которого так опасался Гитлер. Смелый удар Красной Армии вынудил группу армий Кюхлера срочно перебросить к району прорыва крупные силы. Уже 1 сентября Гитлер решил, что операция "Нордлихт" начнется только после ликвидации этого опасного прорыва.

Однако бои затянулись. Они длились весь сентябрь и потребовали перебросить в район южнее Ладожского озера часть армии Манштейна, намеченной для штурма Ленинграда, в частности ее тяжелую артиллерию, которая предназначалась для разрушения города. В связи с этим срок штурма постоянно переносился, а 1 октября Гитлер заявил, что его надо отложить и прежде всего улучшить положение в районе Погостья. В конце концов генеральный штаб сухопутных сил ограничился приказом в конце октября: действиями ударных групп придвинуть поближе к Ленинграду боевую линию войск. Защитники Ленинграда непоколебимо стояли на своих рубежах, испытывая тяжелые лишения блокады. Они сумели наладить работу предприятий, а дорога по Ладожскому озеру стала той, правда, тонкой артерией, по которой в осажденный город могла вливаться жизнь.

В ставке Гитлера стойкость ленинградцев вызывала удивление и "возмущение". "Фюрер снова указывает, - отмечалось в журнале военных действий верховного командования 25 октября, - на сильное движение русских по Ладожскому озеру... Фюрер

особенно подчеркивает то, что Ленинград уже длительный срок невозможно было атаковать, так что противник там смог отдохнуть и смог снова полностью пустить в ход электростанции, трамваи и военную промышленность. Это недопустимо. Он потребовал энергичного наступления на город и против движения судов на Ладожском озере, точно так же, как и на Москву, Горький, Куйбышев, Саратов и Баку"866.

Когда 30 октября по приказу Гитлера Манштейн со своим штабом был переведен в Витебск, чтобы предотвратить возможный кризис в группе армий "Центр", вопрос о штурме Ленинграда практически отпал. Ленинградский и Волховский фронты притянули на себя и "отвлекли" армию фельдмаршала Манштейна от Сталинградского фронта на решающей фазе борьбы, где она, согласно первоначальному замыслу, должна была появиться. Под Сталинградом же фельдмаршал оказался позже в роли неудачливого освободителя окруженной советскими войсками 6-й армии.

Активность советских войск на западном направлении создала у ставки Гитлера впечатление о возможном новом наступлении Красной Армии на центральном участке фронта. 25 дивизий перебросило нацистское командование из Западной Европы и других групп армий в группы армий "Центр" и "Север". В то же время на юг резервов больше не поступало.

V

Тупик, в который зашло германское наступление на Восточном фронте, породил у всех нацистских руководителей необычайную тревогу. В ставке ждали активизации Красной Армии на юге. Цейтцлер докладывал 27 октября о "русской пропагандистской волне относительно предстоящих операций большого масштаба", но приходил к заключению, что это все же следует оценивать "больше как пропагандистское мероприятие, чем как действительные намерения". 26 октября Гитлер сообщил помощникам, что озадачен возможностью "большого русского наступления, вероятно, зимнего наступления на участке союзных армий через Дон на Ростов". Основа для беспокойства - "сильные передвижения противника в этом районе". Гитлер приказал ввести в состав всех трех союзных армий на Дону немецкие авиаполевые дивизии как "ребра корсета"867. На совещании в ставке 27 октября снова заходит речь "об опасности русского наступления через Дон на Ростов"868.

Гнетущая атмосфера в ставке нарастала. Генеральный штаб вдруг стал бояться даты 7 ноября: в день великого праздника Кроения Армия обязательно попытается начать крупное наступление, чтобы отметить годовщину революции. Гитлер согласился с этим "проницательным" выводом Цейтцлера и приказал: каждый опорный пункт оборонять до последней возможности. Русские, конечно, будут наступать через Средний Дон на Ростов. Нужно немедленно разбить авиацией их мосты. Что думает начальник генерального штаба?

2 ноября Цейтцлер разложил перед Гитлером карты.

- Мой фюрер, я изучил распределение русских танковых сил и пришел к выводу, что удары следует ожидать на двух участках: Сталинград и центральный участок фронта.

Но где и когда из этих возможных ударов будет нанесен главный? Вопрос пока оставался без ответа. Неизвестность усиливала нервный накал, охвативший эту небольшую группу людей, привыкших направлять события, а теперь оказавшихся в ситуации, когда могущественное советское наступление может окончательно уничтожить ее планы. 3 ноября произошла первая вспышка.

В это время наступление британской 8-й армии в Северной Африке под Эль-Аламейном, начавшееся 23 октября, завершилось успехом. Войска Монтгомери после долгих боев осуществили прорыв итало-германской обороны, и английский танковый корпус вышел в тыл армии Роммеля.

Еще накануне вечером Роммель прислал тревожную телеграмму: "Германо-итальянская танковая армия больше не может удерживать свои теперешние позиции против тяжелого наступления намного превосходящих сил 8-й английской армии"869.

Гитлер не принял в этот вечер никаких решений. Он поручил Иодлю связаться с Роммелем по радио и передать приказ: не отступать ни на шаг.

- Передайте ему, - мрачно сказал Гитлер, - что это случается не первый раз в истории, когда сильная воля побеждает сильные батальоны.

Настала ночь. Никто не ложился спать. Перед рассветом пришло новое известие от Роммеля: итальянская дивизия оставила фронт и отступает. За ней двинулись остальные части армии.

Донесение имел несчастье принять дежурный офицер оперативного отдела некий Борнер, майор резерва, по гражданской квалификации врач. Считая телеграмму не столь важной - она не содержала ничего нового по сравнению с вечерней, Борнер промедлил и передал ее не сразу Гитлеру, а Варлимонту, который в 9 утра, вместе с другими сообщениями, доложил телеграмму Гитлеру. Это стало каплей, переполнившей сосуд напряжения и злобы. Произошел взрыв. Гитлер рвал и метал. Если бы ему своевременно передали донесение, вопил он, то он, конечно, предотвратил бы крушение в Африке. Тут же насмерть перепуганный майор был разжалован в солдаты и отправлен во Францию в береговую батарею. Град упреков обрушился на Кейтеля, который вынес все стоически: молчал.

- Штаб верховного главнокомандования отказывается подчиняться, - кричал Гитлер своему любимцу, и тут же приказал отстранить от должности Варлимонта. Через два дня, сменив гнев на милость, он вернул его обратно.

Котел забурился, содержимое выплескивалось. Во всех бункерах и бараках заговорили, зашептались о "дальнейшем обострении кризиса доверия". Атмосфера сгущалась. Но никакие эмоции, переполнявшие обитателей отгороженных бетонными заборами и колючей проволокой от внешнего мира бункеров и барачных корпусов, не могли остановить грозного нарастания событий.

Приехали Кюхлер и Буш, чтобы настойчиво требовать резервов для северного фронта, Из Африки прилетел специальный уполномоченный Роммеля: фельдмаршал хотел удержать войска на позиции Мерса-Матрух, но не может - англичане наступают огромными силами. Что могли обещать ему Кейтель и Иодль? Только пехотный батальон, отряд парашютистов и в виде особой милости 12 новых, только что изготовленных танков "тигр". Все остальное поглощал и перемалывал Восточный фронт.

Прошло еще несколько дней. Генеральный штаб жил в лихорадке. Наступило 7 ноября. Еще затемно все были на ногах. Ждали первых донесений. Наконец они стали поступать и... ничего нового. Никакого наступления Красной Армии.

Огромная тяжесть упала с плеч. Разрядка принесла опустошенность. Гитлер не может больше здесь находиться, он не выносит этого напряжения. Он должен немедленно, сейчас же уехать отсюда на какой-то срок. Но куда? Конечно, прежде всего в Мюнхен, в пивную "Лёвенбройкеллер", где каждый год 8 ноября встречаются "старые борцы", его соратники и друзья по нацистскому путчу 1923 г. С ними он успокоит душу, вспомнит великолепное прошлое, через них он обратится к немецкому народу. Он должен обрести равновесие, необходимое для новых великих дел, и поэтому из Мюнхена он пока не вернется на фронт, а поедет в свой сказочный дворец в горах в Бергхоф. Он возьмет с собой генералов штаба - в конце концов пусть некоторое время шлют приказы из Баварии.

Решение сложилось рано утром, после первых успокаивающих донесений. Наступил день, а с ним пришли новые заботы. В комнате Гитлера, как обычно, появляется Цейтцлер. У него в руках только что полученное сообщение разведывательного отдела: в Москве будто бы состоялось заседание верховного руководства с участием всех главнокомандующих, "на котором якобы принято решение еще в этом году провести крупное наступление или на Донском, фронте, или в Центре"870.

Если это так, то значит наступления нужно ожидать в самом недалеком будущем. Цейтцлер продолжает читать: "Перед немецким Восточным фронтом вырисовывается с возрастающей ясностью главный район предстоящих русских операций на участке группы

армий "Центр". Намереваются ли русские, кроме этого, проводить крупное наступление через Дон - неизвестно". Документ подписал Гелен. - опытный разведчик, "специалист по России".

Итак, советское командование готовит удар из района Москвы и нанесет его не сейчас, а позже. Но там уже приняты меры: армия Манштейна перебрасывается из-под Ленинграда на центральный фронт, позиции укрепляются.

Сообщения Цейтцлера не изменили намерений Гитлера. В 13 час. 40 мин. специальный поезд, в котором, помимо фюрера, разместились Кейтель, Йодль и их аппарат, отошел от станции Растенбург и помчался через Берлин в Мюнхен.

Никто из генералов не сделал попытки отговорить Гитлера. Все старательно выполняли его желания. После войны они будут писать, что возражали и отстаивали свои взгляды. Варлимонт напишет в своих мемуарах, что ему до сих пор не понять, "как могло случиться, что Гитлер, несмотря на обстановку, которая, учитывая напряжение на Востоке, требовала высочайшей готовности, 7 ноября после обеда оставил свою главную квартиру и поехал в Мюнхен и к тому же... взял с собой обоих руководящих генералов из ОКВ"871. Но тогда никто так не рассуждал.

Наступил вечер. Они мчались через погруженную во мрак страну, и в окнах даже не мелькали станционные огни. Поезд еще не проехал и полпути до Берлина, как Йодль получил по радио настолько важное сообщение из покинутого несколько часов назад "Вольфшанце", что вынужден был немедленно пройти в вагон Гитлера.

Было 7 часов вечера.

- Мой фюрер, получено донесение: "Британские вооруженные силы, находящиеся вблизи Гибралтара, соединились с пришедшим из Атлантики крупным конвоем судов и взяли дальнейший курс на Восток"872.

Речь шла об англо-американском десанте в составе 500 судов, идущем для выполнения операции "Торч" - высадки крупных сил в Северной Африке.

После длительной подготовки, многих дискуссий и колебаний английское и американское командование отказалось от намерений открыть второй фронт в Европе и от обещаний, данных по этому поводу Советскому Союзу. Оно решило завершить кампанию на Североафриканском театре проведением десанта873.

Первые сведения насчет возможности такой операции штаб оперативного руководства получил еще в начале ноября, но Йодль полностью отверг опасения своих помощников и запретил поднимать тревогу на этот счет. Теперь гитлеровская верхушка стояла перед новой ситуацией. В подобных случаях всегда находятся мудрецы, которые заявляют: "Я предполагал это раньше". Здесь ими оказались Кейтель и Варлимонт. Позже они писали: "Мы - единственные, кто заранее предвидел высадку во Французской Северной Африке"874.

В купе мерно покачивающегося вагона немедленно открылось совещание. Каковы возможные силы союзников? В чем их цели? Мнения разошлись. Гитлер сказал, что могут двигаться для высадки в Триполи или Бенгази не более пяти дивизий. Адмирал Кранке, офицер связи флота, говорил лишь о двух дивизиях. Затем появились самые различные и противоречивые толки и оценки: десант движется к Сицилии, чтобы потом высадиться в тылу Роммеля, в портах Киренаики; к острову Крит; не исключалась даже высадка во Франции.

В итоге нервного и сумбурного заседания смогли прийти лишь к одному общему выводу: "Намерения противника высадиться во Французской Северной Африке следует признать установленными или по меньшей мере вероятными". Решение поднять по тревоге войска во Франции, предназначенные для захвата неоккупированной зоны, не вызывало сомнений, и было тут же принято.

Так они стояли перед картами, разложенными на столе рабочего купе Гитлера, в поезде, мчавшемся к Берлину, и пытались решать новые проблемы. Они ехали в город - колыбель нацизма, и фронты были от них пока очень далеко. Но уже сейчас, находясь в центре своей нацистской империи, своей "Великой Германии", они сознавали, что в общем-

то уехать некуда, ибо на противоположных участках огромного и до предела натянувшегося фронта собираются мощные силы свободолюбивых народов, и что скоро с неумолимостью рока начнется новый, решающий акт мировой войны. Преступников ждало возмездие. Их ждал Сталинград!

На следующий день, когда специальный поезд остановился на небольшой станции в Тюрингии, пришло известие о начавшейся высадке союзников в Северной Африке.

Немедленно, отсюда же из поезда последовало распоряжение командующему группой армий "Запад" о подготовке марша в неоккупированную зону Франции (операция "Антон") и об усилении обороны Крита. В Мюнхен вызывались для обсуждения новой ситуации представители Муссолини и Петэна.

Путешествие подошло к концу. Поезд Гитлера торжественно подошел к мюнхенскому вокзалу. У обитателей вагонов не наблюдалось ни малейших признаков духовного подъема. Поездка оказалась безрадостной. Многие трудности дополнялись тем совершенно удивительным состоянием, в котором оказался теперь аппарат высшего руководства войной.

Гитлер по приезде в Мюнхен находился где-то в городе и ожидал итальянского и французского представителей. В поезде, стоявшем теперь на главном пути мюнхенского вокзала, оцепленном эсэсовцами, из всей свиты фюрера оставались только Кейтель, Иодль и несколько адъютантов. Они единолично не могли ни принимать решений, ни даже своевременно отправлять на фронт приказы, ибо полевой эшелон штаба сидел в Восточной Пруссии. Там же находился и начальник генерального штаба сухопутных сил, главный советник Гитлера по делам Восточного фронта, имевший с поездом Гитлера неустойчивую связь. Варлимонт, прощенный и вызванный в "Вольфшанце", неожиданно получил приказ ехать в Виши. Не успел он сесть в поезд, как получил распоряжение отправиться в Мюнхен. "Вся атмосфера, - писал Варлимонт, - характеризовалась неясностью и неопределенностью".

Из Африки теперь потоком шли вести самые неутешительные. Союзники высадились успешно; под Касабланкой, Ораном и Алжиром шли незначительные бои со слабыми войсками Петэна, оказывавшими сопротивление больше из-за "чести мундира", чем во имя убеждений. Нужно было что-то предпринимать.

Решающее слово, как и в случае с Норвегией два года назад, сказал Редер. 10 ноября он предложил Гитлеру свои планы: "Окончательный успех врага может в короткий срок привести к потере всех наших североафриканских позиций с тяжелой опасностью прорыва южного фланга Европы". Поэтому "целью нашего образа действий в Европе должно быть занятие неоккупированной части Франции и включение Иберийского полуострова в европейский фактор силы"⁸⁷⁵.

Тем временем в Мюнхене появились Лаваль и Чиано, которых Гитлер нетерпеливо ждал. С Лавалем удалось после долгих переговоров решить главный вопрос: председатель совета министров Виши согласился еще на одно предательство своей страны - вступление вермахта в сердце Франции "по желанию французского правительства и в добром согласии с ним", чтобы "принять на себя охрану всего французского пространства".

В 7 часов утра 11 ноября гитлеровские войска по приказу командующего группой армий "Д", находившегося в одном из роскошных парижских отелей, перешли демаркационную линию. Итак, приказы отданы. Преданный генералы просят Гитлера уехать в Бергхоф, где вся обстановка быстро восстановит его силы и позволит найти выход в новой ситуации. Как будет с управлением войной? Пусть фюрер не беспокоится. Полевой штаб верховного командования можно вызвать из Растенбурга сюда. Гитлер быстро дает себя уговорить, тем более, что сам мечтает о поездке во дворец в горах. Он уезжает вместе с Кейтелем, Иодлем, оставляет их в малой рейхсканцелярии Берхтесгадена, а сам направляется в Бергхоф. Следует радиограмма в "Вольфшанце", и вот поздно вечером 12 ноября специальный поезд "Атлас", в вагонах которого разместились офицеры полевого штаба ОКВ, отошел от станции Герлиц, вблизи Растенбурга. Промчавшись через всю Германию, он миновал вокзал Мюнхена, где на путях все еще стояли вагоны поезда фюрера, и в 2 часа ночи 14 ноября прибыл в Зальцбург. Здесь, в часе езды от резиденции Гитлера, штабу

предстояло остаться на неопределенный срок.

Никто, ни Гитлер в своем замке, ни его первые военные советники в роскошных комнатах малой рейхсканцелярии, ни штаб в вагонах на запасных путях станции Зальцбург не предполагали, что ждет их всех в самом ближайшем будущем.

Гитлер сидел с Борманом в Бергхофе, а генералы переключили внимание на средиземноморские дела и Францию, будто позабыв о Восточном фронте. Он как-то сам собой постепенно отходил на задний план, до такой степени, что ни в Бергхоф, ни в резиденцию Кейтеля, ни тем более в поезд, стоявший на станции Зальцбург, даже не было послано важное донесение отдела иностранных армий Востока от 12 ноября о сосредоточении советских войск против 3-й румынской армии и о подготовке их к наступлению.

Как обычно, 18 ноября в штаб верховного командования стали приходить донесения: потоплен итальянский танкер "Джиордано"; Кессельринг выясняет позицию одной французской дивизии; еще один британский конвой подходит к Дерне; по приказу Геринга на Крит переведена авиаполевая дивизия. Ни одного сообщения со сколько-нибудь заслуживающими внимания данными не поступило в этот день - канун великого наступления Красной Армии под Сталинградом - в гитлеровскую ставку о Восточном фронте.

Над руинами Сталинграда опустилась еще одна морозная ночь, прорезаемая холодным дрожащим светом ракет и вспышками редких выстрелов.

Следующим утром истории предстояло открыть новую главу своей бесконечной летописи.

Глава шестая. Кризис

Сталинград!

I

Изучение всех обстоятельств кануна контрнаступления Красной Армии под Сталинградом приводит к неопровержимому выводу: советское командование мастерски сумело ввести в заблуждение гитлеровскую ставку о месте, времени удара и о силах, которыми он был нанесен.

С октября 1942 г. в генеральном штабе сухопутных сил неоднократно обсуждался вопрос о возможных планах советского командования на предстоящую зиму. В так называемом "Первом дополнении к оперативному приказу № 1" 23 октября начальник генерального штаба сухопутных сил Цейтцлер от имени Гитлера писал: "Русские в настоящее время по всей вероятности едва ли в состоянии начать крупное наступление с далеко идущими целями"⁸⁷⁶. Признавая, что советские войска могут "в отдельных случаях пытаться наступать", начальник генерального штаба указывал на необходимость упорной обороны "до последнего патрона" немецких войск, находящихся на позициях, как на "единственное средство против этой вражеской тактики"⁸⁷⁷.

Но где следует ожидать наступление русских? Все соглашались, что в первую очередь удар Красной Армии последует на центральном участке советско-германского фронта и лишь во вторую очередь - "где-нибудь на Дону"⁸⁷⁸. В первом случае генеральный штаб опасался кризиса в Прибалтике и нарушения связи между группами армий "Центр" и "Север". С его точки зрения, наступать в центре для Красной Армии гораздо выгоднее, чем "против выдвинутого далеко на восток южного фланга немецкого Восточного фронта"⁸⁷⁹. И по предложению Цейтцлера было решено подготовить удар от Великих Лук на Торопец, чтобы сорвать наступление Красной Армии в центре. Штаб 11-й армии во главе с фельдмаршалом Манштейном срочно направлялся из-под Ленинграда в Витебск, чтобы возглавить исполнение нового плана. Сюда же прибыло дополнительно 16 дивизий. Но чем дальше, тем больше участок Среднего Дона тревожил Цейтцлера. 7 ноября во время очередного обсуждения обстановки он сказал: нужно считаться с тем, что "русские сосредоточивают войска в большой излучине Дона и восточнее Ростова. Это указывает на наступательные намерения". Однако днем раньше разведка ОКХ доложила, что "главный удар в будущих операциях русских" следует ожидать на участке группы армий "Центр", против Смоленска. "Намереваются ли русские наряду с этим предпринять большое наступление через Дон или же... не решатся вести наступление в двух местах... пока неизвестно". 12 ноября ОКХ доложило, что на Дону "для развертывания широких операций противник не располагает достаточным количеством сил"⁸⁸⁰.

В итоге, благодаря тщательной подготовке советским командованием контрнаступления под Сталинградом и превосходной маскировке удара верховное руководство вермахта не смогло в решающий момент сосредоточить свои усилия именно там, где определялась судьба всей борьбы. ОКВ оказалось поглощенным "своими" театрами военных действий. События под Сталинградом входили в компетенцию только Цейтцлера. И если Гитлер упрекал генеральный штаб в "принципиальной переоценке" противника, то историку представляется еще один случай показать, насколько все они вместе все еще принципиально недооценивали Красную Армию.

II

Советский Союз в результате беспримерного трудового подвига народа и широкой организаторской деятельности Коммунистической партии к осени 1942 г. завершил перестройку народного хозяйства на военный лад. Рост военного производства позволил восполнить потери и увеличить количество вооружения, боеприпасов и боевой техники в действующей армии⁸⁸¹.

Советское Верховное Главнокомандование решило вырвать из рук врага стратегическую инициативу и добиться перелома в ходе войны. Его намерения состояли в том, чтобы, не ослабляя внимания к западному участку советско-германского фронта, перейти в наступление на юге и разгромить весь южный фланг немецко-фашистской армии.

Прежде всего намечалось провести контрнаступление под Сталинградом и окружить 6-ю армию; затем, нанеся удар на Среднем Дону, развивать успех к Ростову, разбить гитлеровские войска на Северном Кавказе, развернуть наступление в Донбасс, на курском, Брянском, харьковском направлениях и, кроме того, провести некоторые частные операции на северо-западном участке фронта.

Непосредственное решение о контрнаступлении под Сталинградом появилось в середине сентября. Основная идея, высказанная 12 сентября генералами Г. К. Жуковым и А. М. Василевским, была сразу же поддержана Сталиным. Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии пришла к выводу о необходимости считать эту операцию главной до конца года и сосредоточить на ней все внимание руководства и все основные усилия страны. Ставка утвердила основы замысла будущего контрнаступления. Разработанный затем план - результат творческой деятельности Ставки, Генерального штаба и военных советов фронтов предусматривал, что контрнаступление под Сталинградом осуществят Юго-Западный, Донской и Сталинградский фронты под командованием генералов Н. Ф. Ватутина, К. К. Рокоссовского и А. И. Еременко. Все три фронта получили усиление, однако не настолько значительное, чтобы иметь решающее численное превосходство над противником. Координация действий трех фронтов возлагалась на начальника Генерального штаба генерал-полковника А. М. Василевского. Тщательную подготовку контрнаступления советскому командованию удалось завершить к середине ноября, и утром 19-го внезапный и мощный удар советской артиллерии открыл великое наступление, в результате которого Красная Армия окончательно захватила стратегическую инициативу⁸⁸².

На огромной территории между Волгой и Доном развернулось гигантское сражение. В первый день наступления ударная группировка Юго-Западного фронта прорвалась на глубину до 25 - 35 км. Танковые корпуса под командованием генералов В. В. Буткова, А. Г. Родина, А. Г. Кравченко стремительно двинулись в тыл 6-й армии, навстречу наступающим с юго-востока войскам Сталинградского фронта, ударный клин которого создавал механизированный корпус генерала В. Т. Вольского⁸⁸³.

Когда от фельдмаршала фон Вейхса начали поступать первые донесения об успешной атаке советских войск, Цейтцлер, "ответственный за Восточный фронт", находился в Восточной Пруссии. Он не имел права самостоятельно, без Гитлера, принимать сколько-нибудь серьезные решения. Но Гитлер, за тысячу километров от "Вольфшанце", в Южной Баварии, был занят другими делами. Его первые военные советники Кейтель и Йодль в апартаментах малой рейхсканцелярии Берхтесгадена получали с фронта только скудные донесения. Они не имели возможности ничего предпринять: их рабочий аппарат - "полевой штаб" - застрял в Зальцбурге и Мюнхене.

Безусловно, присутствовали ли Гитлер и его военные помощники в "Вольфшанце" или уехали оттуда на время, - это не могло сколько-нибудь существенно повлиять на ход контрнаступления Красной Армии под Сталинградом и тем более на его конечный результат. Если мы рассказываем здесь о состоянии гитлеровской ставки в момент решающего поворота событий, то лишь для того чтобы подтвердить, насколько советскому командованию перед началом контрнаступления удалось ввести в заблуждение руководящую верхушку фашистского вермахта и в какой мере оно достигло внезапности удара.

Сначала все было неясно. 19 ноября Цейтцлер послал в Бергхоф тревожное донесение: на Дону русские наступают против 3-й румынской армии. Штаб верховного руководства занимался в это время множеством дел. Он готовил новое военное управление для оккупированной Франции. В Тунисе одна французская дивизия перешла к союзникам -

следовало обдумать меры. В Африке англо-американские экспедиционные силы наступают, предстоит разработать директивы Роммелю.

Хотя весть с берегов Дона оказалась более чем неприятной, первая реакция сводилась к спокойному: "Мы этого давно ожидали". После войны Варлимонт в своих дополнениях к тексту журнала военных действий ОКВ напишет: несмотря на то что наступление ожидалось давно "и не только фюрером", тем не менее "оборонительные мероприятия, в отношении которых были отданы приказы, еще далеко не были завершены". Он придет к выводу, что русское наступление "по времени и силам в конечном счете оказалось в высшей степени неприятной неожиданностью"⁸⁸⁴. Но такие оценки появятся много позже. А тогда никто не сомневался, что атаку Красной Армии удастся отбить.

Потом стало известно о разгроме румынского корпуса под станицей Распопинской и не то гибели, не то пленении его командира генерала Ласкара. Это сразу вызвало тревогу.

Историей доказано, что диктаторы в моменты кризиса ищут виновников неудач и находят их прежде всего среди самых незначительных людей. Фельдмаршал фон Вейхс хорошо знал Гитлера, и в первом же разговоре с ним по радио насчет русского контрнаступления обвинил во всех бедах командира 48-го танкового корпуса Гейма: он виноват - разбросал силы.

Имеется любопытный документ, проливающий свет на реакцию в Бергхофе в связи с началом контрнаступления под Сталинградом: записки личного адъютанта Гитлера майора Энгеля. 19 ноября он писал: "Вечером положение плохое, у румын, по-видимому, катастрофа, картина еще неясна. Фельдмаршал фон Вейхс лично разговаривает с фюрером и требует освободить генерала Гейма (48-й танковый корпус); согласие на это сперва дается, затем, однако, отменяется. Вечером беспрерывно поступают противоречивые сообщения... Цейтцлеру не все ясно"⁸⁸⁵.

...Миллионы немцев в третьем рейхе в тот день, 19 ноября, конечно, не знали, что именно в эти самые часы судьба империи Адольфа Гитлера и каждого из них определилась. Газеты печатали речь Геббельса, произнесенную накануне в Дуйсбурге: "Цель на Востоке ясна и непоколебима: советская военная мощь... должна быть полностью уничтожена". Розенберг опубликовал статью о "продолжающемся строительстве на Востоке". Передовая "Фёлькишер беобахтер" уверяла: "Италия твердо сражается до победы". И только короткое "скромное" сообщение гласило: "Слабые советские удары под Сталинградом"⁸⁸⁶.

Тем временем танковые, механизированные и стрелковые соединения Красной Армии развивали успех все дальше в тыл группировки Паулюса.

На второй день контрнаступления Красной Армии Цейтцлер прислал донесение: многие попытки русских атаковать восточнее Клетской отбиты немецкими войсками, но западнее противник смог прорваться через румынские позиции на глубину 10-20 км. "Контрмеры находящихся там танковых соединений начинаются"⁸⁸⁷, прибавлял он.

Хотя общее положение дел оставалось все еще неясным, в Бергхофе начали понимать серьезность надвигавшихся событий. Было решено создать ударную группу из войск 11-й армии, а ее штаб во главе с фельдмаршалом Манштейном отправить из Витебска на юг, чтобы он мог возглавить новую группу армий под названием "Дон", которая объединит все войска в угрожаемой зоне. Такое решение, замечает Варлимонт, в целом указывает, что размеры опасности уже в этот второй день наступления были осознаны⁸⁸⁸. Однако вряд ли так. Отдельные группы германских высших штабов все еще сидели в разных местах. Плохо связанные друг с другом, располагая самой противоречивой информацией, они не могли создать целостную картину событий, оценить их значение и руководить ими. О том, какой разницей царил в гитлеровском верховном командовании на второй-третий день контрнаступления Красной Армии, свидетельствует хотя бы решение командования военно-воздушных сил: 21 ноября оно готовило отправку 80 самолетов воздушного флота Рихтгофена из-под Сталинграда в район Средиземного моря. "Военно-воздушные силы, - заключает Варлимонт, - еще меньше, чем армия, были подготовлены к русскому наступлению"⁸⁸⁹.

Энгель записал 20 ноября: "Обычное обсуждение обстановки. Полная путаница из-за румын. Все цепляются за Гейма. Сам фюрер еще никакого решения принять не может. Мнения расходятся, но и командование сухопутных сил не делает конкретных предложений. Предложение Иодля предоставить решение фон Вейхсу отклоняется. 48-й танковый корпус должен все взять на себя, помочь 6-й армии, а потом опять двигаться на северо-запад, укрепить положение слева и уничтожить противника. Плохо, что совершенно неизвестно, где в данное время Гейм... Тем не менее Гитлер приказал 48-му танковому корпусу в этот день опять выступить на север, так как он хотел по возможности выправить положение в северном районе при помощи контрнаступления левого фланга 6-й армии"890.

В то же время фельдмаршал Манштейн, получивший срочное назначение, сидел в Витебске и тщательно ждал летной погоды. Он выехал лишь на следующий день, 21-го, поездом. Состав шел медленно: партизаны минировали дороги. Только через трое суток поезд фельдмаршала прибыл в Новочеркасск. Создание группы "Дон" затягивалось.

События нарастали стремительно и грозно. Оценка положения, сделанная штабом верховного командования 21 ноября, гласила: "Русский прорыв фронта 3-й румынской армии между Клетской и Серафимовичем значительно углубился... Южнее Сталинграда и в калмыцких степях русские также перешли в наступление крупными силами и многочисленными танками против восточного фланга 4-й танковой армии и 4-й румынской армии"891. Совещания в баварском дворце Гитлера шли почти непрерывно с участием всего полевого штаба верховного командования, вызванного, наконец, из Зальцбурга. Окружающая роскошь, фантастическая красота гор, прозрачный воздух, идиллический покой совершенно не гармонировали с представлениями, что где-то в холодной заснеженной степи над немецкими дивизиями нависла угроза гибели. Что предпринимать? Может быть, отвести войска Паулюса непосредственно из Сталинграда, чтобы усилить угрожаемый район?

Энгель продолжает: "21 ноября: Все новые и новые безрадостные сообщения; вот и южнее Сталинграда тоже кризисное положение у румын. Иодль предлагает фронт на Волге изъять из ведения командования 6-й армии, потому что оттуда едва ли угрожает опасность атаки, надо укрепить южный участок, в противном случае окружение Сталинграда явится вопросом нескольких часов. Фюрер говорит нет, приводя известные уже аргументы: этим положения не изменить, и этого от русских не утаить. Бороться за каждый отдельный дом, а если не это, тогда потеряна будет вся земля Сталинграда. Снова и снова фюрер повторяет: "Как бы там ни было, а Сталинград нужно в любых обстоятельствах удержать""892.

Все прояснилось 23 ноября. Уже днем поступили мрачные сведения. В 22 часа штаб верховного руководства поразили слова донесения: "Оба ударных клина большого русского наступления в районе Дон - Волга соединились у Калача. Вследствие этого 6-я армия окружена между Волгой и Доном"893.

Неумолимый приговор был вынесен.

III

В исторический день 23 ноября 1942 г. войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов выполнили основную задачу, поставленную им Верховным Главнокомандованием Красной Армии. Они замкнули кольцо окружения вокруг 22 дивизий 6-й и 4-й танковой армий фашистского вермахта. В окружении осталось 330 тыс. человек894. К этому же времени была разгромлена 3-я румынская армия, четыре дивизии которой сдались в плен. "Ноябрьская операция контрнаступления под Сталинградом успешно завершилась. Ликвидация окруженной группировки противника была не легким делом, и от успешного решения этой задачи во многом зависел дальнейший ход вооруженной борьбы против фашистской Германии"895.

Еще минувшей ночью Иодль от имени Гитлера передал 6-й армии приказ "начать контрнаступление против советских войск на их левом фланге". Конечно, в штабе Паулюса не могли принять всерьез этой директивы из Баварии: в сложившейся обстановке армия не была готова к действиям подобного рода.

Вероятно, не случайно именно в тот же день, когда положение под Сталинградом стало проясняться, по приказу Гитлера в Бергхоф был вызван рейхсминистр Шпеер для обсуждения вопросов, связанных с планами дальнейшего развития военного производства: если Красная Армия способна так наступать война продлится долго.

Гитлер потребовал срочно разработать расширенную программу выпуска танков, существовавшую пока в набросках. Он немедленно ее подпишет. Первая задача: срочно к 12 мая будущего года дать 90 танков "Порше-тигр I" с новой пушкой. Это - "единственная возможность ускоренно направить на фронт длинную 88-мм пушку, установленную на тяжелом танке"⁸⁹⁶. Необходимо усилить танковую броню до 200 мм. Строились различные планы, ставились срочные задания: выпустить другие модели тяжелых танков "тигра" и штурмовых орудий, в частности "таранящий тигр", способный пробивать дома; создать средства транспорта высокой проходимости; приспособить крупнокалиберные мортиры в качестве штурмовых орудий; повысить эффективность противотанковых орудий⁸⁹⁷.

И все это решалось в день, когда советские войска замкнули кольцо окружения вокруг 6-й армии.

Лишь только закончилось совещание со Шпеером, последовала команда отделам и группам высшего руководства: всем немедленно ехать и лететь обратно в "Волчье логово"! Гитлер в особом; поезде вместе с Кейтелем и Йодлем двинулся тем же вечером до Лейпцига, откуда самолет назавтра доставил их в Восточную Пруссию. Передовая группа штаба ОКВ помчалась курьерским поездом Зальцбург Берлин, другая на следующий день отправилась самолетом, а основная часть офицеров штаба верховного командования только поздно вечером 23-го разместилась в особом поезде "Атлас". Они прибыли в "Вольфшанце" ночью 25-го.

Двое с лишним суток штаб германского верховного командования не мог руководить войной. Так, после прогулки в Южную Баварию вновь собралась в своих бункерах и бараках в туманной и дождливой Восточной Пруссии группа военных руководителей, еще обладавших огромной властью.

Около полуночи 23 ноября Гитлер направил Паулюсу в сталинградский "котел" радиogramму: "6-я армия временно окружена. Я знаю 6-ю армию и ее главнокомандующего и знаю, что в создавшемся положении они будут стойко держаться. 6-я армия должна знать, что я делаю все, чтобы ей помочь и выручить ее. Я своевременно отдам ей свои приказы"⁸⁹⁸.

Прежде всего сделали вывод о необходимости организовать снабжение армии по воздуху. Но Рихтгофен и командир 8-го авиационного корпуса Фибих единодушно высказали мнение: "Снабжение по воздуху целой армии в зимних условиях невозможно"⁸⁹⁹.

В ночь с 23-го на 24-е Паулюс отправил радиogramму Гитлеру с просьбой разрешить прорыв армии на юго-запад.

Ставка Гитлера и генеральный штаб сухопутных сил стояли перед трудным решением: какой приказ отдать 6-й армии? Из документов того периода нелегко восстановить подлинный ход длительных споров и дискуссий, проходивших по этому поводу в "Вольфшанце". Составленные позже отчеты ряда участников многочисленных совещаний дают возможность понять, что имелось два мнения. Начальник генерального штаба сухопутных сил Цейтцлер поддерживал аргументы обоих командующих, Паулюса и Вейхса, защищая мнение, что 6-я армия должна прорываться из кольца. Он считал невозможной доставку по воздуху средств снабжения. Йодль, наоборот, требовал оставаться на Волге и выжидать освобождения, потому что в противном случае все успехи летнего наступления будут ликвидированы, немцы потеряют всякие надежды завоевать Кавказ, а Советский Союз полностью восстановит движение транспорта по Волге. Хотя Гитлер как будто и разделял это мнение, он все же колебался и, по-видимому, сначала примкнул к точке зрения Цейтцлера. Поэтому Цейтцлер смог поздно ночью 23-го сообщить группе армий "Б", что прорыв 6-й армии принципиально одобрен и приказа можно ожидать к утру. Но рано утром Геринг как главнокомандующий ВВС взял на себя ответственность за снабжение 6-й армии по воздуху. Гитлер, Кейтель и Йодль приняли эту желанную гарантию, которая освобождала

их от тягостного сознания, что бастион на Волге будет потерян, а вместе с ним и их престиж. Взамен намеченного приказа, который в "котле" уже готовились исполнять, утром 24 ноября появилось "решение фюрера": 6-й армии окончательно закрепиться между Волгой и Доном. Сталинград был объявлен "крепостью". Ее освободят извне. Впредь до успешного проведения операции по деблокаде 4-й воздушный флот должен взять на себя снабжение всем необходимым 6-й армии⁹⁰⁰.

Войска Паулюса находились в кольце диаметром 200 км. Между тем группа армий "Б" ценой крайнего напряжения создала вблизи 6-й армии новый фронт. Спешными импровизациями всякого рода: отводом на реку Чир остатков румынских соединений, мобилизацией в тыловых службах поголовно всех, кто мог носить оружие, вводом боеспособного авиационного корпуса - стало возможным занять постепенно смыкавшийся фронт от Аксая через Дон до Верхнего Чира. Остатки 48-го танкового корпуса тоже пробились к фронту на Чире. Командира корпуса Гейма Гитлер все же отстранил.

6-я армия оказалась в абсолютной зависимости от снабжения по воздуху. Если оно с самого начала было и оставалось неудовлетворительным, то это было результатом прежде всего хорошо организованной советским командованием воздушной блокады. Авиатранспорт едва смог покрыть 1/5 минимальной потребности 6-й армии, которой требовалось ежедневно 700 т продовольствия и боеприпасов. Такой огромный груз могли перебросить 500 транспортных самолетов и то, если бы по ним никто не стрелял. Но Рихтгофен, даже после того как получил самолеты из Франции, Норвегии, Италии, имел всего лишь 298 машин⁹⁰¹. Советское командование быстро организовало воздушное прикрытие. Туманы и снежные метели тоже не способствовали полетам в "котел" и обратно. "Воздушный мост" оказался неустойчивым. По данным Г. Дёрра, немецкая авиация понесла здесь самые большие потери со времени воздушного наступления на Англию⁹⁰².

Плотное окружение, воздушная блокада лишали армию Паулюса всяких надежд.

В ставке верховного главнокомандования воцарилась гнетущая атмосфера. Цейтцлер, опасаясь высочайшего гнева, как мог, старался изменить к лучшему настроение фюрера. Он подчеркивал в своих докладах малейшие, даже самые мелкие успехи на каком-нибудь второстепенном участке фронта и по мере возможности обходил острые проблемы Сталинграда, не уставая повторять, что все идет хорошо. Не имея ясных планов, он старался говорить то, что хотел слышать Гитлер, всячески приукрашивал события и оценки. 1 декабря Цейтцлер позвонил в ставку. Гитлер нервно ожидал сообщений о Восточном фронте.

- Мой фюрер, я докладываю, - возбужденно и торопясь начал Цейтцлер. Сначала общее. В группе армии "Б" все удовлетворительно. В центре северный и восточный участки в удовлетворительном состоянии. В Великих Луках тоже удовлетворительно. В целом я могу, начиная с центра, доложить следующее: на Восточном фронте все в порядке. Наступления отбиты. Все идет в высшей степени гладко.

Гитлер напряженно слушал. На вопросы начальника генерального штаба он отвечал коротким "ja wohl" (конечно).

Но вот дошло до деталей.

- Командир гренадерского полка "Великая Германия" убит на своем командном пункте. "Он", - с ударением произнес Цейтцлер, применяя слово, которым в германской ставке называли противника, т. е. русских, советских, - он прорвался к югу в брешь и занял здесь одну деревню. Он ввел новые пришедшие с юга части против 20-й танковой дивизии. Дальше к востоку 12-я танковая дивизия сражается с прорвавшимися частями. Враг все еще атакует к северу и западу. У Новосокольников его атака отбита. Сегодня со всех сторон приходят сведения, что русский Черноморский флот снова активизируется в Черном море, причем у Анапы два крейсера и еще два - около Крыма.

- Почему же наши быстроходные суда, которые там ходят вокруг, - с возмущением вскричал Гитлер, - не смогли быстро их обнаружить?

- Я спросил, что они там предпринимают. Они ничего не сделали! Я приказал объявить тревогу на побережье Крыма и перебросить резервы в те места, где им полагается быть. В

17-й армии и 1-й танковой армии ничего особенного.

Гитлер молчал. Цейтцлер перешел, наконец, к Сталинграду.

- В группе Манштейна у Котельниково ничего особенного не произошло. Фронт на Чире был сегодня сильно атакован, в частности у вокзала Чир, где стоит полковник Чекель. Удар пришелся по группе Абрахама, группе Шмидта до группы Фибиха. На фронте полковника Чекеля положение восстановлено.

Затем Цейтцлер обратился к деталям обстановки на фронте итальянской армии и говорил по этому поводу еще много. Но Гитлер почти не слушал. Он молча положил трубку, когда услышал: "Это все"⁹⁰³.

IV

Итак, решение было принято, жребий брошен. 6-я армия оставалась на месте, там, где удерживала кольцо своего отрезанного фронта. Фельдмаршал Манштейн со своей группой "Дон" и дивизиями, мчавшимися с запада, подготовит удар необходимой силы. Блокада будет снята. "Фюрер уверен в положении 6-й армии"⁹⁰⁴, - писал 25 ноября историограф германского верховного командования.

Со всех сторон накатывались волны все новых и новых событий. Везде инициатива уходила из рук нацистских военных лидеров. В Африке дела шли все хуже. Союзники развивали наступление, сжимая итало-немецкую армию с обеих сторон. В тот день, когда ставка Гитлера узнала, что советские танковые клинья замкнули кольцо вокруг армии Паулюса, от Роммеля пришло сообщение о неизбежности потери очень важных позиций около Аждабаби, на которые возлагалась масса надежд, и о том, что немецкие войска вот уже несколько суток не имеют хлеба⁹⁰⁵. Моторизованные части союзников подошли к городу Тунису и к позиции Марса эль Брега. Роммель, вызванный в последних числах ноября для доклада в "Вольфшанце", заявил Гитлеру: Африку теперь вообще невозможно удержать. Гитлер, конечно, отверг такую оценку и приказал Роммелю вместе с Герингом немедленно отправиться в Рим, чтобы договориться с итальянцами о дальнейших действиях. Сразу же их самолет стартовал с аэродрома Растенбурга.

Очередную неожиданность преподнесли французы. Необходимость захвата французского флота в Тулоне казалась в ставке Гитлера очевидной. Уже давно имелся план под названием "Лила": три резервные дивизии группы армий "Запад" неожиданно вторгнутся в Тулон, авиация минирует порт, семь подводных лодок блокируют его с моря⁹⁰⁶. План держался в строгом секрете. Все знали, что Петэн и Лаваль поддержат его. Ведь Лаваль еще раз заявил в конце ноября на пресс-конференции для узкого круга лиц: вся его политика "базируется на конечной победе Германии, в которую он твердо верит"⁹⁰⁷.

Командующий группой армий "Запад" сообщил 25 ноября: у него все готово, и он лишь ждет обещанного ставкой досье с материалами, которые мотивируют необходимость акции и которые он постфактум предъявит Лавалю. Одновременно с проведением операции "Лила" предполагалось захватить корабли торгового флота в Марселе.

На следующий день Гитлер сообщил о своих намерениях Муссолини, пообещав отдать ему большую часть французского флота. Вторжение началось перед рассветом 27 ноября. И каково же было изумление гитлеровской ставки, когда после первых стандартных докладов о "планомерном течении операции" пришло сообщение: французский флот взорвал себя, а одна подводная лодка ушла. И это после приказа Виши, отданного в то же утро, не оказывать немцам сопротивления! Патриоты Франции сказали свое веское слово, и оно громом прозвучало в тиши "Волчьего логова".

Осложнялись испанские дела. Вызывала сомнения позиция Франко в случае высадки англичан на Пиренейский полуостров. Теперь гитлеровцы считали наилучшим для себя вариантом хотя бы сохранение испанского нейтралитета. На столе начальника штаба оперативного руководства уже лежал готовый план вторжения немецких войск в Испанию и Португалию на случай, если Мадрид изменит ориентиры.

В Средиземном море и Атлантике союзные флоты установили твердое господство. Грузы лишь тонкой струей просачивались к Роммелю из Италии и Греции. Его танки вот-вот могли остаться без горючего. Когда 2 декабря у Бизерты пошел ко дну караван немецких судов с грузами для африканской армии, а второй такой же караван с 60 танками на борту еле спасся, вернувшись в итальянские порты, Гитлер потребовал от Редера и от итальянского "Командо Супremo" принять самые срочные меры, ввести для перевозки грузов быстроходные суда.

Для партизан в разных странах Европы окружение 6-й армии стало необъявленным, но мощным сигналом дальнейшей активизации борьбы. В ставку Гитлера отовсюду стекались сведения о новых смелых атаках патриотов, В широких масштабах разворачивалась борьба белорусских партизан. В Греции, близ овеянных легендами Фермопил, взлетел на воздух стратегически важный железнодорожный мост - немецкие эшелоны в течение шести недель не могли двигаться в южные порты. Ширилась народно-освободительная война в Югославии. Партизаны выбили гитлеровцев из города Яице, наступали под Аграмом, Бродом, Самарицей. Генеральный штаб счел себя вынужденным теперь все более непосредственно заниматься борьбой с патриотами. Далее мы увидим, насколько успешно он выполнял гестаповские функции.

Наконец, под непосредственным впечатлением сталинградской неудачи. Муссолини, к величайшему удивлению Гитлера и его помощников, заявил, 1 декабря прибывшему в Рим Герингу: войну с Россией надо кончать. "Тем или иным способом, - заявил дуче, - главу войны с Россией, которая бесперспективна, следует закрыть. Все силы должны быть направлены на Запад и в Средиземное море"908.

Все это вместе взятое подтолкнуло верховное командование сделать новую оценку "общего положения". Она появилась 1 декабря, и автором ее стал Варлимонт.

Главные задачи нацистской стратегии штаб оперативного руководства представлял себе так. Северная Африка должна удерживаться как "предполье Европы". "Если ее потеряем, то англосаксы будут наступать против Юго-Восточной Европы через Додеканезы, Крит и Пелопоннес. Тогда нужно будет оборонять Балканы". На западе не следует ожидать предстоящей весной крупного наступления. На севере противник может предпринять лишь незначительные действия. На востоке необходимо создать прочный фронт, чтобы следующей весной иметь возможность перейти в наступление по меньшей мере на одном участке. Варлимонт приходил к выводу: "Русские теперь стали сильнее, чем в начале предыдущей зимы. Поэтому необходимо мобилизовать силы в оккупированных областях"909.

Но позиции в Северной Африке уже были потеряны - Роммель говорил об этом Гитлеру несколькими днями раньше; союзники не собирались вторгаться на Балканы; что касается будущей стратегии в отношении Советского Союза, то здесь Красная Армия уже внесла генеральную поправку.

Таков был общий фон, на котором разыгрались заключительные события сталинградской эпопеи.

Тем временем все более удивительные сведения приходили в германскую ставку о поведении союзников. Гитлер понимал, что держит сателлитов лишь обещаниями поделиться с ними награбленным и давлением своей военной мощи. Когда вера в то и другое поколебалась, фашистский генеральный штаб получил прекрасную возможность убедиться, на какой тонкой нити держался "союз равных", выдаваемый за коалицию, связанную общей идеей.

Еще несколько месяцев назад, когда германские армии успешно наступали, Гитлер обращался с вассалами как вождь и повелитель. Он разрешал себе возмущаться их непомерными требованиями и отвергать различные притязания, которые считал неуместными. Так, он бесцеремонно отказал Антонеску, желавшему стать самостоятельным верховным главнокомандующим над всеми румынскими соединениями, и предложил ему быть лишь номинальным главнокомандующим за спиной немецкого генерала Гауффе -

представителя вермахта в румынском генштабе. Антонеску уже давно настаивал, просил, ссылаясь на политические обстоятельства: для него ведь "чрезвычайно важно" стать главнокомандующим. Гитлер лишь негодовал: он полностью вооружил две румынские армии, но не может их даже поставить рядом на линии фронта, вынужден переслаивать немецкими войсками, а от него еще чего-то назойливо требуют! Пощечина от победоносного диктатора заставила Антонеску притихнуть.

Но достаточно было германскому наступлению зайти в тупик, как ситуация стала меняться с быстротой, какой не ожидали ни Гитлер, ни его опытные генштабисты. Антонеску вновь заговорил о своих обидах по поводу отказа сделать его единоличным верховным главнокомандующим румынскими армиями на Восточном фронте и прозрачно намекал, что не допустил бы подобного военного кризиса. Итальянцы бесцеремонно отвергли советы германского представителя насчет обороны на Дону. Журнал военных действий ОКВ фиксирует 22 октября: "При обсуждении итальянских мероприятий по укреплению Донского фронта наблюдается дерзкое поведение итальянцев, вследствие чего положение офицера связи ОКХ при командовании итальянской 8-й армии генерала пехоты фон Типпельскирха стало очень тяжелым"⁹¹⁰. Затем румыны отказались выполнить немецкий приказ о смене правого фланга итальянской армии, "так как предварительные условия для этого не созданы".

Но самое поразительное заключалось в том, что с такой же быстротой стала менять свое отношение к союзникам и гитлеровская верхушка. Откуда вдруг появился этот примирительный тон, это "понимание нужд партнеров", эти заигрывающие жесты и демонстрации "солидарности"? Лесть - оборотная сторона гордости и фанфаронства. Боязнь потерять партнеров стала вытеснять неутолимое желание господствовать над ними.

Катастрофа румынской армии на Дону оказалась страшным ударом не только для всей военной верхушки, но и для авторитета режима румынского диктатора и его взаимоотношений с третьим рейхом. Особенно сильное впечатление в Бухаресте произвело окружение советскими войсками в малой излучине Дона целого румынского корпуса во главе с популярным генералом Ласкаром. Как только прибыли из-под Сталинграда тревожные сведения, Антонеску отправил Гитлеру письмо, где в ледяных тонах требовал объяснений и помощи окруженным.

"Из сообщений, полученных от румынского генерального штаба, с которым я в течение всего дня поддерживал связь, - писал он, - очевидно, что положение 3-й армии очень серьезно и что она не располагает в данное время никакими резервами. Генерал Ласкар сообщает, что у него нет боеприпасов, хотя ему боеприпасы были обещаны, и что подошла уже последняя минута, когда хоть с какой-то надеждой на успех можно попытаться вырваться из окружения. По приказу командующего группой армий "Б" генерал Ласкар обязан держаться, и он требует от меня непосредственных приказов... На основании изложенного здесь положения вещей и учитывая то немалое время, которое потребуется для ввода в действие сконцентрированных сил, я бы предпочел, чтобы генерала Ласкара выручили. В противном случае до прибытия немецких сил группа Ласкара может быть полностью уничтожена, так как какое-нибудь осязаемое снабжение боеприпасами и продовольствием исключается.

Я делаю это разъяснение о положении вещей не потому, что меня оно тревожит, а на основании политической ответственности, которую я несу в отношении страны, и руководствуясь желанием не оставить 3-ю армию на полное уничтожение, армию, которую не смог бы заново выставить. Исходя из этих соображений, я прошу фюрера учесть эти доводы и принять решение"⁹¹¹.

Гитлер получил телеграмму и ночь на 23 ноября и сразу же ответил. В заискивающих выражениях фюрер сообщал "его сиятельству маршалу Антонеску", что еще до получения телеграммы он принял меры для выручки окруженных румынских войск, в адрес которых, особенно "солдата непревзойденных качеств Ласкара", рассыпал похвалы. "Я глубоко убежден, - заканчивал свое письмо Гитлер, - что, как это уже часто бывало в борьбе против

Советского Союза, лучшее полководческое искусство и лучшие солдаты восторжествуют над имевшимися вначале успехами врага". Вслед за этим чисто нацистским хвастовством шло: "За образцовое руководство генералом Ласкаром своими войсками я выражаю ему свое особое уважение. Поэтому еще вчера, как воздание должного его особым заслугам, как отличившемуся офицеру из среды наших союзников, я наградил его рыцарским крестом и дубовыми листьями"⁹¹².

Никакой помощи окруженным, кроме совета прорваться из кольца, германское командование дать не смогло.

Но если румынский диктатор еще сохранял видимость дипломатического лоска, то разговоры на уровне генеральных штабов теперь велись прямо-таки в скандальной форме.

Вечером 23 ноября германский представитель в румынском командовании генерал Гауффе, проехав по затемненным улицам Ростова, вошел в дом, где располагался начальник румынского генерального штаба Штефля. В большой комнате оказались также министр обороны Пантази и несколько офицеров.

Очередная беседа началась в дружественном тоне. Гауффе зачитал телеграмму Антонеску и ответ Гитлера насчет Ласкара. "Телеграммы этих двух великих людей, - торжественно заключил генерал, - снова демонстрируют перед человечеством глубокую связь этих двух великих мужей. Я поздравляю румынскую армию по поводу награждения генерала Ласкара дубовыми листьями".

Ответ генерала Штефли оказался совершенно неожиданным. В крайне возбужденном тоне, торопясь, он говорил:

- Приказ о прорыве группы Ласкара был отдан слишком поздно. Он еще 21 ноября просил разрешения прорваться, но фюрер отклонил просьбу. Котел под Распопинской стал в миниатюре вторым Сталинградом. Прорываться 23-го, когда группа Ласкара получила разрешение, было уже невозможно. Видимо, Ласкар погиб еще до приказа на прорыв. Румынский летчик, который вчера приземлился у командного пункта Ласкара, сегодня видел там только горящие дома и убитых румын. Приказ о проведении прорыва мог еще не быть известен войскам группы Ласкара, поэтому 120 офицеров, 140 унтер-офицеров и 2 тысячи человек солдат, ушедших из окружения, будут судимы военно-полевым судом. Промедление в отдаче приказа о прорыве было причиной потери четырех румынских дивизий.

Резкий, экспансивный Штефля, наливаясь кровью, бросал в лицо остолбеневшему Гауффе все, что накипело против германского союзника.

- Предостережения и просьбы в течение целых недель и обращения ко всем немецким командным органам - в главное командование сухопутных сил, к господам Вейхсу и Готу, а также к начальнику немецкой миссии сухопутных сил - были напрасны. Напрасно я предостерегал от того, чтобы румынским войскам давать такие широкие участки фронта. И действительно, прорыв был произведен только там, где батальоны должны были держаться на 5 - 6 километров. Я предостерегал, чтобы 3-ю румынскую армию не выставляли на такой широкий фронт обороны. Подобное же предостережение я делал в отношении нашей 4-й армии. Из трех дивизий румынской 4-й армии осталось три батальона, а вся их материальная часть погибла. На все это я во время своего посещения генерал-полковника Гота своевременно обратил его внимание.

Штефля продолжал, не переводя дыхания:

- Румынская танковая дивизия четыре дня оставалась без доставки горючего, а из своих запасов ей нужно было еще отдать часть немецкой 22-й танковой дивизии. Многие из нашей механической тяги поэтому погибли, в числе прочего 35 танков. С группой Гейма не имелось никакой связи, русским удалось имитированным сообщением по радио дезориентировать румынскую танковую дивизию. Противотанковые пушки группы Ласкара даже на расстоянии 5 метров не оказывали никакого действия против тяжелых танков противника. Главное командование сухопутных сил не выполнило просьбу румын, это и есть причина гибели двух румынских армий⁹¹³.

Гауффе молча слушал взбешенного начальника румынского генерального штаба и, когда тот кончил, пообещал "передать по назначению упреки в адрес главного командования".

Поздно ночью генерал Гауффе писал донесение в штаб верховного главнокомандования: "Я высказал мое крайнее сожаление, что перед лицом событий начнутся споры о виновности или невиновности, вместо того чтобы решительно прийти на помощь... Я повторил, что все немецкие инстанции стремились и сейчас стремятся помочь румынским войскам, где только можно"⁹¹⁴.

Но на полях сражения никто не помогал разбитым румынским частям. Ни генерал Ласкар, ни его солдаты даже не знали, что произведены в герои, что по их адресу говорят высокопарные и фальшивые слова, что они служат разменной монетой в игре двух встревоженных диктаторов - партнеров по преступлению. Просто генерал Ласкар находился в плену, а его солдаты лежали мертвыми в заснеженной степи недалеко от русской станицы Распопинской.

V

Манштейн, получивший задачу возглавить операцию по освобождению 6-й армии, прибыл в Новочеркасск, где формировался штаб группы армий "Дон", и 27 ноября вступил в командование. Он вызвал генерала Шульца - начальника штаба. Изучив карту, оба решили, что положение в общем не такое уж плохое. Остаткам 3-й румынской армии удалось задержаться на реке Чир. Благодаря энергичным действиям ее начальника штаба, немецкого генерала Венка, фронт установился довольно прочно: русские сюда не наступали, оставили только прикрытие, а Венк буквально швырял в оборону все, что могло двигаться и стрелять, - разные тыловые и охранные роты, всевозможные команды и отряды, разбитые полки и батареи. Далее к югу фронт протянулся в излучине Дона. Там, под Котельниково, нужно быстрее сосредоточить ударный кулак. Манштейн верил в успех.

Однако чем больше вникал он в суть обстановки, тем отчетливее понимал, что немедленно начать марш на выручку Паулюса не может. Необходимо дожидаться подхода двух новых танковых дивизий, но пока в Котельниково прибыли из Франции только четыре эшелона из нескольких десятков, и он не может сформировать ударную группу под командованием Гота. Он почти не имеет транспорта, а с авиацией из рук вон плохо: всего одна боевая группа бомбардировщиков и две истребителей. Манштейн заключил: раньше 9 декабря наступление не начнется, даже если полная катастрофа 6-й армии произойдет немедленно. А такая опасность не исключена. У Паулюса боеприпасы и продовольствие на исходе. Геринг не выполняет обязательства: 30 ноября из 38 транспортных самолетов долетело только 12. Продовольствия, по расчетам ОКВ, хватит только до 5 декабря, боеприпасов крупных калибров - до 12-го⁹¹⁵.

Генеральный штаб задумал провести операцию по освобождению армии Паулюса двумя этапами. В ходе первого (операция "Зимняя гроза") - пробить, по выражению генштабистов, "просеку для снабжения" и двинуть через нее в "котел" автоколонны. Первая такая колонна грузовиков с горючим стояла наготове. На втором этапе (операция "Удар грома") следовало полностью освободить 6-ю армию. Опасались: способна ли авиация снабдить Паулюса до начала "Зимней грозы" хотя бы минимумом необходимого? В конце ноября уже никто не мог ни за что поручиться: ежедневно по воздуху перебрасывалось в среднем только 100 т, а требовалось гораздо больше⁹¹⁶.

Еще больше забот и в ставке Гитлера, и в Новочеркасске стала вызывать угроза советского наступления против 8-й итальянской армии на Среднем Дону. Если оно произойдет до того, как Манштейн добьется решающего успеха, то весь замысел окончится провалом. Более того, если итальянская армия не сдержит атаку советских войск, то они смогут выйти в тыл группе армий "Дон" и даже группе армий "А", застрявшей на перевалах Кавказа.

Манштейн, еще с надеждой, сообщил 9 декабря в "Вольфшанце": при хорошей погоде он двинется на выручку 11-го или 12-го и предполагает 17-го соединиться с окруженными⁹¹⁷. В журнале военных действий верховного командования появилась запись: "Фюрер весьма уверен, он хочет восстановить прежние позиции на Дону. Его намерение состоит в том, чтобы сорвать первую фазу большого зимнего наступления русских и не позволить им достигнуть решающего успеха"⁹¹⁸.

10-го Манштейн сообщил, что перейдет в наступление послезавтра. Но на рассвете следующего дня советские войска, руководимые генералом Н. Ф. Ватутиным, атаковали часть сил позиции 8-й итальянской армии.

После полудня 12 декабря в бункере Гитлера собрались его ближайшие помощники. Холодный сырой воздух с запахом хвои проникал в помещение. Все были хмуры и озабоченны. Несколько часов назад на Восточном фронте перешла в так давно ожидаемое наступление группа Гота. Ей предстояло соединиться с армией Паулюса. Одновременно поступили доклады: советские войска атакуют итальянскую армию на Дону. Последнее обстоятельство внушало крайнюю тревогу, и поэтому, когда в дверях рабочей комнаты Гитлера, где все уже расселись за длинным столом с аккуратно разложенными картами, появился Цейтцлер, фюрер вскопчил:

- Произошло что-нибудь катастрофическое? - Таков был его первый вопрос, относящийся, как сразу поняли присутствующие, к донскому участку фронта.

- Нет, мой фюрер, - ответил успокаивающе Цейтцлер. - Нет. Манштейн достиг рубежа Аксай и захватил один мост. Атакваны только итальянцы. Они уже бросили все свои резервные батальоны.

- Из-за этой истории, - мрачно и тихо сказал Гитлер, - я больше страдаю бессонницей, чем из-за положения на юге. Неизвестно, что происходит.

- Нужно как можно скорее что-либо сделать, - заявил Цейтцлер. - Если бы русские использовали положение, то уже ночью могла бы произойти катастрофа... Поступают все новые агентурные сведения о подготовке высадки русских в Крыму. Они хотят воспользоваться плохой погодой.

- Это вероятно, - заметил Гитлер. - Может ли наш флот также использовать непогоду?

- В таких условиях невозможно высадиться, - сказал Йодль.

Гитлер вскипел:

Русские это делают, они могут пройти. Мы же в снегопад, при таких же условиях не можем действовать. Это я допускаю, - закончил он. - На русских это похоже.

Все присутствующие старались не говорить о Сталинграде. Они как бы оттягивали неприятный момент. Вот теперь Цейтцлер докладывал о Кавказе.

- Здесь, - он провел пальцем по изображенному на карте выступу фронта у Орджоникидзе, - русские сильно атакуют. Я еще раз оценил обстановку и думаю, что мы должны отступить с этого участка.

- Я боюсь только одного, - ответил Гитлер, - если мы здесь теперь отступим, то потеряем всю технику. Но этого нам совсем не нужно.

- Нет, все, конечно, должно быть планомерно подготовлено. Длинная беседа о всяких деталях на кавказском участке затягивалась. Когда наконец все исчерпалось, разговор сам по себе перешел на Сталинград.

- Здесь события развиваются так, - рука Цейтцлера а быстро скользнула по карте. - Сегодня фельдмаршал Манштейн сообщил мне, что под нажимом русских потерял вот этот мост. Это неприятно, так как тут проходила линия снабжения. Сегодня днем было трудное сражение. Манштейн занял Рычков. Из 8-го кавалерийского корпуса сообщили, что он перешел к обороне. Здесь, наверху, он показал на северный фас "котла", - еще неясно, что предпримут русские. Против 6-й армии наступление было главным образом вот тут, - палец остановился на участке реки Чир. - Фельдмаршал Манштейн сегодня сообщал о подготовке этого наступления и подтвердил письменным донесением.

- Да, но ведь от него до 6-й армии всего лишь 80 километров по воздуху! воскликнул Гитлер

Дискуссия затягивалась.

Так, здесь, в Восточной Пруссии, они, еще не теряя надежду на лучшее, пытались разыграть на картах гигантское сражение, происходившее в нескольких тысячах километров от них. Там, в заснеженных просторах между Волгой и Доном, гибли все их планы,

Совещание продолжалось.

- Наша главная ошибка этого года, - заявил Гитлер, - заключалась в том, что мы наступали на Сухиничи⁹¹⁹.

Не Сталинград и Кавказ, не "генеральное наступление" против Советского Союза в целом, а Сухиничи! Таковы, с их точки зрения, были масштабы просчета.

Теперь говорил Цейтцлер:

- В группе армий "Центр" со снабжением стало несколько напряженно, во-первых, из-за недостатка эшелонов, во-вторых, снова очень усилилась деятельность партизан. Тем более, что выведены соединения СС. Партизаны действуют планомерно⁹²⁰.

Гитлер слушал. Он ничего не предлагал. Он хотел понять, что ждет их дальше. Для этого нужно выяснить положение с танками. Сколько имеют их русские?

- По нашим агентурным данным, 4800. Но это, пожалуй, преувеличено.

- А какова численность наших танков на фронте?

Цейтцлер замешкался. Он не взял с собой справки и точно не помнит. В разговор вмешивается начальник организационного отдела Буле:

- Должно быть, тысяча.

- Я думаю, - спохватился Цейтцлер, - 1300.

- Следовательно, соотношение, - заключил Гитлер, - как один к трем.

- В целом, - поспешил успокоить Буле, - у нас все же, вероятно, должно быть 1800-2000.

Они закончили почти четырехчасовое совещание, не приняв никаких решений и оставаясь в тягостном ожидании.

Утром 12 декабря войска генерала Гота двинулись на выручку Паулюса. У железной дороги Тихорецк - Сталинград они потеснили соединения 51-й армии. Штаб группы армий "Дон" сразу же сообщил в ставку об успехе: Гот наступает, а 6-я армия сосредоточивает в южной части "котла" все пригодные к действию танки - их оказалось 60 - и снабдила их горючим, которого могло хватить, правда, только на 20 км марша⁹²¹.

Но стойкость обороны войск генерала Труфанова нарастала, и уже на второй день наступления Манштейн сообщил: со своими двумя танковыми дивизиями он "не сможет добиться решающего успеха", ибо "при широко растянутых флангах не обойдется имеющимися в его распоряжении силами"⁹²².

Тревога по поводу нажима Красной Армии на среднем течении Дона, где фронт держали итальянцы, заставила штаб оперативного руководства оставить на плацдарме за Чиром две танковые дивизии, не бросая их на выручку 6-й армии. "Фюрер решил, - сообщал журнал военных действий ОКВ, - что 11-я танковая дивизия останется в ее теперешнем положении на плацдарме Чира, имея в виду двигаться против этого сильного наступления врага, и что кроме 11-й будет подведена 17-я танковая дивизия группы Гота"⁹²³. Но ведь Гот двигается на выручку Паулюсу, можно ли брать у него войска?

У нас не вызывает сомнений тот факт, что уже вскоре после начала операции "Зимняя гроза" генеральный штаб и Гитлер признали возможным принести в жертву окруженную 6-ю армию, если наступление Красной Армии на Среднем Дону окажется успешным. Пессимистические нотки в докладах Манштейна укрепили руководителей из "Вольфшанце" в их намерениях. Именно в этот день колебаний, 13 декабря, Гитлер впервые высказал мысль о необходимости, "принимая во внимание положение группы армий "Дон", вывести 1-ю танковую армию с Кавказа"⁹²⁴, ибо катастрофа на Волге может повлечь такую же катастрофу и южнее. Намерение оставить Кавказ - предмет долгих и давних вожелений -

созревало именно теперь, в связи с угрозой советского наступления на Дону и затуханием операции по выручке 6-й армии. Перед нами - убедительное доказательство неразрешимых противоречий, перед которыми стоял генеральный штаб: он оказался не в состоянии справиться с развитием событий и был готов отказаться от своих главных планов.

Но пока не все казалось потерянным. Еще несколько дней верховному командованию суждено было колебаться. Итальянцы удерживали полосу своей обороны. У ставки появился проблеск надежды: русские не имеют сил для крупного удара, думали там, и лишь проводят демонстрацию наступления⁹²⁵. Гот сделал новый рывок. Он достиг реки Аксай, а затем его танки подошли к Верхне-Кумской.

- До 6-й армии 48 километров, - пронеслось по фронту.

Но советское командование действовало решительно и точно.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии сосредоточила силы для отражения попыток деблокады 6-й немецкой армии. Генерал-полковник А. М. Василевский, возглавивший борьбу против атакующих сил Манштейна, получил разрешение Ставки ввести здесь, на критическом участке, 2-ю гвардейскую армию, генерала Р. Я. Малиновского. Небольшая и ничем не примечательная река Мышкова стала тем вошедшим в историю Сталинградской битвы рубежом, на котором войска генералов Малиновского и Труфанова в ожесточенных боях второй половины декабря 1942 г. остановили прорыв Гота в тот самый момент, когда залпы его орудий уже с великой надеждой слушали войска Паулюса в сталинградском "котле".

И в то же самое время, когда контрудары советских войск затормозили танки Гота, усилился нажим на 8-ю итальянскую армию. От итальянцев пришло сообщение: противник вклинился в позиции дивизий "Равенна" и "Коссериа". В этот период напряжение в гитлеровской ставке достигло предела.

Наконец грянул удар, который потряс до основания все шатающееся здание германской стратегии на юге.

Верховное Главнокомандование Красной Армии решило одновременно с мероприятиями по ликвидации 6-й армии осуществить план расширения фронта наступления. Еще в ноябре была начата подготовка операции Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта по разгрому 8-й итальянской армии на Среднем Дону⁹²⁶. С началом наступления Манштейна удар было решено направить в тыл его группировке.

В густом утреннем тумане 16 декабря удар на среднем течении Дона был нанесен. Теперь пламя гигантской битвы охватило еще большее пространство. 18 декабря советские войска Юго-Западного и Воронежского фронтов под командованием генералов Н. Ф. Ватутина и Ф. И. Голикова главными силами смяли и уничтожили итальянскую оборону. Через широкий прорыв двинулся поток советских танковых корпусов. В рокоте мощной армады, неумолимо рвавшейся вперед по заснеженной степи в тыл группе армий "Дон", гитлеровская ставка услышала грозный сигнал победы советского оружия.

"Кризисным днем первостепенного значения" назвал день 18 декабря генерал Варлимонт⁹²⁷. Грейнер записал в журнале военных действий верховного командования: "Большое русское наступление против 8-й итальянской армии началось вчера утром и привело к глубокому прорыву центра армии. Враг прорвался также в армейской группе Холдта. Фюрер приказывает отвести фронт на обоих участках на более короткую позицию, потому что здесь его принцип безусловно удерживать передовую линию - перед лицом бегущего потока итальянцев неприменим"⁹²⁸.

Новое наступление Красной Армии создало для гитлеровского вермахта угрозу "Сверх-Сталинграда" (Super-Stalingrad), как это стали называть в ставке, т. е. полного окружения всего южного фланга гитлеровских вооруженных сил на советско-германском фронте, от Дона до Кавказа и Черноморского побережья.

"Так перед рождеством завершилась последняя кратковременная отсрочка, пишет В. Гёрлиц. - В дни перед сочельником произошла давно ожидаемая катастрофа 8-й итальянской

армии. Советы нанесли удар через Дон на юг. Обстоятельства грозили Сверх-Сталинградом, отсечением всей группы армий "А" на Кавказе. Манштейн был озадачен тем, что для него наверняка было самым горьким событием в жизни: он должен был отвести силы Гота, чтобы еще попытаться по меньшей мере заткнуть брешь в глубине". Операция по вырубке 6-й армии провалилась. И хотя затем еще несколько дней группа Гота немного продвигалась вперед, она вскоре была накрепко остановлена. Теперь генеральный штаб признал полное бессилие помочь окруженным. Более того, он стал утрачивать интерес к 6-й армии перед лицом надвигающихся еще более грозных событий. Штаб группы армий "Дон" получил разрешение уехать из Новочеркасска в Таганрог. Манштейн, этот "лучший оперативный ум генерального штаба", не смог правильно рассчитать силы. Его армия встретила упорное сопротивление советских войск, а потом подверглась их сокрушительному удару. Теперь он уезжал от злополучной 6-й армии, признавая тем самым свое бессилие и поражение.

Разгром советскими войсками 8-й итальянской армии, быстрое развитие наступления к югу армий генералов Н. Ф. Ватутина и Ф. И. Голикова, угроза "Сверх-Сталинграда" - все это требовало от гитлеровского генерального штаба новых решений. И смысл их мог быть теперь один: полный отказ от каких-либо наступательных действий, немедленный переход к обороне и отступление.

Кризисный день 18 декабря, когда положение 8-й итальянской армии уже и в генеральном штабе оценивалось как катастрофическое, вызвал крайнюю тревогу в Риме. После обеда в ставку Гитлера прибыли высокопоставленные итальянцы: министр иностранных дел граф Чиано и начальник штаба "Командо Супремо" маршал граф Кавальеро.

На следующий день начались бурные переговоры.

"Итальянские гости" находились в ставке Гитлера с 18 по 20 декабря. Главная цель их приезда состояла в том, чтобы убедить Гитлера сделать попытку в "какой-либо форме договориться со Сталиным", т. е. попытаться заключить мир, а потом направить главные усилия вермахта в Средиземноморье. Гитлер отвечал, что нет никакой необходимости добиваться соглашения с Советским Союзом во имя интересов Североафриканского театра. Нужно, "не ослабляя армию на востоке, направить значительные силы к югу". Решительно отвергая предложения о переговорах с Советским Союзом, Гитлер саркастически предложил "вернуть дуче его армию". Он заменит ее тремя немецкими дивизиями, прибывающими из Франции.

Что касается положения в Северной Африке, то все пришли к заключению, что неудачи здесь происходят главным образом из-за срыва союзной авиацией работы итало-германского морского транспорта. Кавальеро добился обещания дополнительной помощи немецкой авиации, а Гитлер настаивал на активизации итальянского флота⁹²⁹.

"Когда снова вернулись к положению на донском участке фронта, Гитлер уточнил: он теперь срочно высвободит на Кавказе дивизию СС "Викинг", передаст ее Готу, прикажет Паулюсу оставить Сталинград и сосредоточить силы для прорыва. И тогда он отдаст дуче его армию, а вместо нее введет немецкую армейскую группу: из Франции уже двигаются новые дивизии.

Все это оказалось мечтой. Наступление советских войск на Дону продолжало развиваться и шириться, создалась прямая угроза глубокого охвата всей кавказской группировки. Гот больше не продвигался ни на шаг. 6-я армия почти не получала продовольствия и боеприпасов. Разгром итальянцев стал фактом.

В ночь на 29 декабря решение было принято окончательно: "Группы армий "А" и "Дон" отвести далеко назад и объединить под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна"⁹³⁰. Они превращались в группу армий "Юг". Разосланная следующим утром директива Гитлера гласила: "Моим стремлением впредь, как и раньше, остается удержать 6-ю армию в ее крепости и создать предпосылки для освобождения. Вместе с тем необходимо избежать нового "котла" в связи с отступлением союзных войск или отходом наших слабых сил, или в результате созданного в отдельных местах сильного превосходства противника.

Кроме того, необходимо путем подвижного ведения боевых действий в отдельных местах вырвать у русских инициативу и снова обеспечить превосходство немецкого руководства⁹³¹. Группа армий "А" отступала на линию Майкоп - Армавир Сальск. Группа армий "Дон" получила довольно неопределенную задачу: "сделать все" для освобождения 6-й армии. Отводить свои силы на запад, только "если это будет безусловно необходимо", до линии Константиновская - река Северный Донец⁹³². Одновременно Кейтель отдал приказ перебросить с запада на Восточный фронт три дивизии СС.

Наступила новогодняя ночь. Гитлеровская армия, сжигая города, села и деревни, разрушая мосты и дороги, отступала на запад через обледенелые степи, и на горизонте в огнях пожарищ терялись призраки ее завоеваний.

VI

Начальник генерального штаба не сразу ориентировал Паулюса в ситуации, сложившейся после начала успешного наступления Красной Армии на Среднем Дону. Цейтцлер не хотел лишать окруженных последних надежд. Но в 6-й армии очень скоро поняли: прорыв советских войск на Дону - удар в самое сердце.

На совещании 19 декабря Паулюс сказал первому адъютанту штаба армии полковнику Адаму:

- Ваш вчерашний доклад о положении вне "котла" был серьезнее, чем я думал. Посмотрите на карту! Угроза 8-й итальянской армии создается с флангов и тыла. Здесь обороняются только боевые группы, которые должны защищать широкие позиции. Если противник снова перейдет в наступление на этом участке, катастрофа будет еще значительнее, чем нынешняя⁹³³.

Вскоре наступающие советские войска стали угрожать тылу группы армий "Дон". Они захватили аэродромы, с которых велось снабжение 6-й армии, отодвинули внешний фронт окружения до 250 км и разгромили армию Гота. Все поняли: час пробил.

Отныне все обещания и посулы гитлеровской ставки помочь войскам Паулюса стали пустой болтовней. Взаимоотношения между генеральным штабом в Растенбурге и штабами агонизирующей в сталинградском кольце армии в последние недели ее существования представляли собой смесь цинизма, ханжества и прямого обмана. Сколь далеки эти свойства, характеризующие облик корпорации "генеральный штаб", от идиллических образов, рисуемых теми историками, которые старались сохранить традиции германского милитаризма! И, на наш взгляд, не случайно именно в сталинградском "котле" зародилось движение немецких военных "Свободная Германия". Помимо определяющего факта военного разгрома, немалую роль сыграло, пусть запоздалое, разочарование многих офицеров 6-й армии в режиме третьего рейха, в его руководителях, их программе, методах, пришедшее, наконец, понимание глубокой аморальности и преступности всего того, что совершал нацизм.

В последних числах декабря приятель Паулюса генерал Фелльгибель, начальник связи ставки Гитлера, находившийся в "Вольфшанце", пригласил командира полка связи ОКХ полковника Ван Хоовена и спросил его, знает ли он Паулюса. Услышав отрицательный ответ, Фелльгибель охарактеризовал ему Паулюса как "более теоретика, чем фронтового солдата".

- Передайте ему мой привет и мою безусловную уверенность, что очень скоро я смогу приветствовать его лично.

Ван Хоовену предстояло возглавить всю связь в 6-й армии для подготовки ее самостоятельного прорыва навстречу Готу. Настоятельный совет о прорыве нужно передать Паулюсу от имени Фелльгибеля.

Ван Хоовен 26 декабря прибыл в Новочеркасск. Здесь царил неразбериха: Манштейн со своим штабом переезжал в Таганрог. Полковник стал понимать реальное положение вещей, о котором в ставке Гитлера и генеральном штабе имелось смутное представление. Оказывается, Гот теперь уже не думал ни о каком наступлении, хотя в генеральном штабе

считали, что он еще может наступать. Когда Ван Хоовен обратился по поводу своей миссии к начальнику штаба группы армий "Дон", последовал ответ:

- Помощь 6-й армии? Мы едва можем помочь самим себе!

Через три дня посланник Растенбурга стоял перед Паулюсом в землянке около вокзала Гумрак. Привет командующий принял, но рекомендацию - армия должна самостоятельно прорываться из кольца - отклонил. Он не знает общей обстановки. И должен выполнить приказ Гитлера: остаться на месте.

Миссия Ван Хоовена говорила о безразличии гитлеровской ставки к окруженным задолго до их капитуляции. Лишь друзья Паулюса давали какие-то бесполезные советы.

В эти же дни из "котла" в "Вольфшанце" вылетел по распоряжению Паулюса его "лучший боевой генерал" командир танкового корпуса Хубе. Из беседы с фюрером он узнал, что "все еще может хорошо уладиться, готовится большое наступление на февраль 1943 г."934 В действительности их не ждало ничего, кроме катастрофы. В последнем письме жене 16 января 1943 г. Паулюс писал: "Я, как солдат, стою там, где стою теперь, я выполняю приказ (Ich stehe hier auf Befehl!). Какова будет моя судьба, я не знаю. Я должен ее принять такой, какой даст ее мне бог"935.

После войны большинство западногерманских историков подчеркивало этот момент: Паулюс не пробивался из окружения только потому, что "как солдат" точно выполнял приказ Гитлера - стоять на месте.

Как будто забывают, что 6-я армия начиная со второй половины декабря не имела возможности осуществить прорыв ни с помощью Манштейна, попытка которого уже провалилась, ни тем более самостоятельно, ни по приказу Гитлера или совету Фелльгибеля, ни без этих приказов и советов. Состояние армии - моральное, материальное - не давало никаких перспектив на успех. Любая попытка подобного рода означала бы немедленное и полное уничтожение армии. Паулюс находился в стальном кольце и хорошо знал: впереди только капитуляция. Теперь все диктовала Красная Армия.

Гитлер, а за ним руководители генерального штаба слали в "котел" телеграммы, наполненные пустыми, высокопарными фразами об "исторической миссии" 6-й армии, о "высших стратегических соображениях", во имя которых якобы отдаются приказы "держаться до последнего патрона". На самом деле "Вольфшанце" была бессильна бороться с надвинувшейся катастрофой под Сталинградом. Под мощными ударами Красной Армии рушился весь южный участок немецкого фронта. Требование к 6-й армии "держаться" становилось таким же бессмысленным, как и слепое послушание Паулюса.

Конечно, верховное командование стремилось извлечь какую-то выгоду из катастрофической ситуации на юге. "Котел" сковывал на некоторый срок части Красной Армии, а волжская транспортная артерия оказалась временно закупоренной. Но любой частный выигрыш лишь в том случае оправдан, если он оплачивается не чрезмерной ценой.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии двинула вперед крупные силы на всем южном крыле советско-германского фронта. Контрнаступление, начатое с берегов Волги и Дона, переросло в январе 1943 г. в общее стратегическое наступление на огромном фронте от Воронежа до Черного моря936. 4 января Ставка утвердила план операции по уничтожению немецкой группировки у Сталинграда. 8 января генералы Н. Н. Воронов и К. К. Рокоссовский предъявили Паулюсу ультиматум: "Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление"937.

После того как 6-я армия оказалась в "котле", первым побуждением ее командующего было получить разрешение Гитлера на прорыв938. Гитлер отклонил просьбу939. Он призвал к фанатизму, жертвенности и верности. Он потребовал "любой ценой удержать позицию, завоеванную столь большой кровью, Сталинград"940. В "котле" с трудом понимали смысл такой задачи. Командир 51-го армейского корпуса Зейдлиц первым предложил Паулюсу не подчиняться приказу Гитлера. Авиационные командиры сомневались в возможности снабдить армию по воздуху.

Генеральный штаб стал создавать легенду жертвенности. Паулюса сравнивали с генералом Йорком, героем 1812 г. Передавали его слова, сказанные в "котле": "История именно сейчас выносит свой приговор". Ставка Гитлера заявляла: 6-я армия отныне называется "Крепость Сталинград". В штабе Паулюса новый пропагандистский трюк прямо назвали глупостью. Острили, лежа в степи под ледяным ветром: "Знаете ли вы по крайней мере, где находитесь? В "крепости"".

Все приказы верховного главнокомандования и генерального штаба сводились к одному: держаться и ожидать выручки - армии Гота. "Воздушный мост" обеспечит снабжение. Но на единственный аэродром в Питомнике грузов поступало все меньше. В декабре дневной рацион хлеба составлял 200 граммов, а в январе - 50. Армия съела всех своих лошадей. Сведения о начавшемся наступлении Гота приподняли дух. Но ненадолго. Вскоре к Паулюсу прилетел личный представитель Манштейна: "Армия Гота встретила очень сильное сопротивление численно превосходящего противника. Она почти не продвигается".

Бедственное положение в "котле", ярко охарактеризованное в книге И. Видера⁹⁴¹, очевидца событий, толкало генералов 6-й армии к единственному решению - капитуляции. В конце января 1943 г. такие требования шли к Паулюсу со всех сторон. Они усилились после 26 января, когда советские войска, наступавшие с запада, соединились на Мамаевом Кургане с частями 62-й армии и расчленили окруженных на две части. С обороной на севере штаб Паулюса потерял связь, армейские корпуса остались без всякой поддержки.

Наступающие советские дивизии все больше сдавливали оба "котла". Генералы, оставшиеся без войск, в состоянии тупого безразличия сидели в помещении городской тюрьмы. Среди них - командиры корпусов Зейдлиц, Пфедфер и Шлёмер, командиры дивизий Дебон, Лейзер, Даниэльс.

...На столе полковника Адама в штабе армии утром 27 января зазвонил телефон. Генерал Шлёмер хотел говорить с Паулюсом. Шлёмер сообщил о состоянии войск - полностью обессилены и больше не способны сопротивляться - и попросил согласия на капитуляцию. Паулюс сослался на свой приказ удерживать позиции и положил трубку.

Через полчаса в подвал, где находились Паулюс и Адам, вошел генерал-лейтенант Шмидт, начальник штаба. Он возбужденно рассказал о телефонном разговоре с полковником Мюллером, начальником штаба 14-го танкового корпуса.

- Господин генерал-полковник, 14-й танковый корпус носится с мыслью о капитуляции. Мюллер говорит, что у войск силы исчерпаны, нет боеприпасов. Я ему ответил, что мы обстановку знаем, но ведь, как и раньше, будет действовать наш приказ "продолжать борьбу, капитуляция исключена". Кроме того, я хотел бы порекомендовать вам лично разыскать этого генерала и поговорить с ним. Паулюс согласился. После возвращения он говорил Адаму:

- Все находящиеся там офицеры жаловались на Шмидта. На справедливые вопросы и предложения они получали только грубые ответы. Все говорили о своих полностью разгромленных дивизиях. Боевые группы сами устанавливают связь с противником и капитулируют. Никто не знал, удерживает ли позиции его сосед. Чтобы прекратить бесполезное кровопролитие, они просят приказа о всеобщей капитуляции армии.

- Какой ответ вы дали, господин генерал-полковник?

- Я еще раз обратил внимание генералов на приказ Гитлера. Речь идет о каждом дне и каждом часе, на которые мы сковываем крупные силы противника.

Но теперь никто ни и малейшей мере не верил ни Гитлеру, ни Паулюсу. "Гитлер - преступник, - услышал Паулюс в беседе с подчиненными. - Так же, как обманывали нас, так будут обманывать немецкий народ"⁹⁴². Это понимал и Паулюс, но оставался послушным.

События последних дней ничего не изменили. Генеральный штаб сухопутных сил вновь и вновь приказывал держаться. При дальнейшем расчленении "котла" его отдельные части подчиняются "непосредственно и лично Гитлеру!" Такой вздор подавался как новое "гениальное решение фюрера". Разбитые дивизии не могли сопротивляться. Десятки тысяч

раненых оставались без помощи. 29 января стало известно: генерал-лейтенант Шлёмер и другие генералы приняли советских парламентариев и вели с ними переговоры о капитуляции. Шмидт пригрозил военным судом. Паулюс все еще демонстрировал "верность фюреру" и послал ему 30 января поздравление с десятилетием прихода к власти. "Над Сталинградом, - писал он, еще развевается знамя со свастикой". Но ненавистное знамя уже давно было смято гусеницами советских танков, а командующий 6-й армией в темном подвале универсама ждал исхода. И он наступил. В дверях подвала перед генералом Паулюсом появился генерал Росске, командир дивизии, оборонявшейся в центре города: "Дивизия больше не в состоянии оказывать сопротивление. Русские танки приближаются к универсаму. Конец настал".

Паулюс и его штаб провели в подвале последнюю ночь. Они уже никем и ничем не руководили. 31 января перед рассветом начальник штаба Шмидт вошел в помещение и подал телеграмму Гитлера о возведении командующего 6-й армией в чин генерал-фельдмаршала.

- Это, вероятно, должно означать приказ о самоубийстве, - хладнокровно сказал Паулюс, прочитав телеграмму. - Однако такого удовольствия я ему не доставлю⁹⁴³.

Утром 31-го командование 6-й армии заявило о готовности капитулировать. Паулюс принял условия капитуляции. К вечеру он и его офицеры уже находились в штабе Донского фронта. 2 февраля прекратили сопротивление последние остатки разгромленной 6-й армии.

VII

Сталинград означал для нацизма страшный, ни с чем не сравнимый удар. Сколь ни глубоким был кризис, вызванный поражением под Москвой, его удалось преодолеть и организовать в 1942 г. новое "генеральное наступление". На это наступление возлагались все надежды и в политическом, и в экономическом, и в военном, и в психологическом плане. Здесь провал был недопустим, альтернативы не имелось. Ситуация, с точки зрения рейха, представляла так: все или ничего.

И когда утром 3 февраля 1943 г. немцы услышали по радио сводку верховного командования об окончании сражения под Сталинградом и прочитали в газетах о "героической гибели 6-й армии", многие из них поняли: ничего.

Под Сталинградом вместе с уничтоженными 32 дивизиями, с ликвидацией южного фланга "Восточного фронта" рухнули все надежды на победу над Советским Союзом, на завоевание Ближнего Востока, на походы в Азию и Африку, на штурм всеми силами Британской империи и на многое другое. И конечно, со всем этим вместе взятым развеялись в прах мечты о мировом господстве. Словом, исчезло именно то, во имя чего существовал третий рейх. Теперь не оставалось надежд, что внешнеполитическая доктрина и программа фашизма, во имя реализации которой он подготовил и развязал войну, когда-либо воплотится в жизнь. Все обещания немецкому народу, все призывы оказались ложью, а реальностью стали колоссальные потери, жертвы, лишения, бесконечные колонны пленных, бредущих по заснеженной морозной сталинградской земле.

Сталинград сплел в единый тугой узел многие связи, причины и следствия, определявшие дальнейшие перспективы и судьбы фашизма. Этот узел был разрублен так, что отныне история германского фашизма как бы разделилась на две части. Ее "послесталинградский" период мог быть отныне в общем и целом путем только в одном направлении - к полной катастрофе.

Этот путь и открыл Сталинград, ставший вершиной и логическим завершением всей той беспримерной по героизму и неимоверно тяжелой борьбы, которую вел против всей общественно-политической и военной системы фашизма советский народ с 22 июня 1941 г.

Но нацизм не был бы самим собой, если бы после катастрофического удара не принялся бы с еще большей энергией спасать то, что мог спасти, и выправлять положение.

Сообщив народу о гибели 6-й армии, нацисты постарались прежде всего придать всему этому некую героическую окраску в духе излюбленных ими лубочных картин древнегерманского эпоса. Кошунственно называя преступно брошенных ими на

бессмысленную смерть солдат "защитниками Европы от большевизма", нацистские политики и пропагандисты стали изображать сталинградскую катастрофу как некую "жертву Германии во имя спасения Европы", как "пример для всех немцев", как образец выполнения долга перед фюрером и т. п. Они хотели превратить Сталинград в огромную пропагандистскую акцию для "поднятия духа", "поддержания веры" и устрашения внутри страны. Наряду с этим, они очень боялись падения своего престижа перед союзниками, что могло подтолкнуть их к попыткам как-то выйти из коалиции. Поэтому они стали с особой настойчивостью повторять, что только рейх может защитить каждого из них от "большевистского нашествия" и от гибели.

После сталинградской победы весь капиталистический мир приступил к переоценке Советского Союза. Новые, внезапно открывшиеся для этого мира возможности социалистического государства говорили об изменении соотношения сил между социализмом и капитализмом, заставляли иначе взглянуть на перспективы хода и на возможные результаты войны.

Сталинград с потрясающей яркостью озарил меняющееся распределение мировых сил. Он стал тем событием, от которого начался отсчет победы социализма над фашизмом. Сталинград превратился не только в военную победу социализма, но и в очень важный пункт нового этапа борьбы двух социально-политических систем, которая завершилась после окончания войны непредвиденными для империализма результатами.

Победа Красной Армии под Сталинградом стала важнейшим событием в достижении коренного перелома в ходе второй мировой войны и означала важный этап на пути к сокрушению Советским Союзом гитлеровской Германии. Утрата армиями фашистского блока четвертой части всех сил, действовавших на советско-германском фронте, вызвала сильнейшее обострение противоречий в лагере агрессоров и серьезно повлияла на внутреннее положение стран сателлитов гитлеровской Германии. Вместе с тем Сталинградская битва и неразрывно связанное с ней успешное для Красной Армии сражение за Кавказ значительно укрепили позиции США и Англии на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземного моря, облегчили им победу в Северной Африке. Япония и Турция окончательно отказались от вступления в войну против Советского Союза на стороне третьего рейха. Фашизм потерпел сокрушительное поражение.

Нацистские правители после сталинградской катастрофы объявили в Германии трехдневный траур. Миллионы людей в городах и селах охватывал страх перед свершившимся и надвигающимся.

Третий рейх отпевал свою 6-ю армию под зловеще приподнятые звуки вагнеровской "Гибели богов" и потрясающие бетховенские траурные марши. Горький парадокс истории, или, если угодно читателю, ее противоречие, заключался в том, что великие творения "другой" Германии должны были служить Германии "этой". Гениального немца, призывавшего человечество к радости своей бессмертной Девятой симфонией, чьими последними словами было: "Больше света", теперь кощунственно заставляли утверждать силы тьмы. И даже в какой-то мере понятное горе простых людей, оплакивавших солдат, не снимает этого противоречия, ибо даже последний солдат 6-й армии вынужден был исполнять волю тех, кто захватил власть в Германии и вел ее к катастрофе. Но вечное не может служить преходящему и преступному. Сталинград прокладывал путь в новую эру. И для Германии.

Перед лицом неразрешимых проблем

I

Разгром под Сталинградом и последующее широкое наступление Красной Армии, поражения в Северной Африке и на Средиземном море поставили гитлеровское руководство перед новыми проблемами. Катастрофические удары, полученные на Восточном фронте, потеря Германией инициативы в ведении войны, угроза возникновения новых фронтов - все это вызвало необходимость коренного пересмотра нацистской военной политики и

стратегии.

Новые задачи, перед которыми стояло военное руководство рейха, охватывали круг самых больших проблем: как восстановить фронт на Востоке; как дальше вести коалиционную войну; каким образом защитить промышленные центры в оккупированных странах и в рейхе от ударов с воздуха; каким путем сохранить позиции в Северной Африке и Средиземноморье, закрепиться на Балканах - здесь положение казалось шатким. Требовалось найти ключ к разрешению нарастающих противоречий с союзниками, обеспечить морскую блокаду Англии, бороться с национально-освободительным движением во многих странах Европы и думать о ряде других аспектов быстро усложняющейся обстановки. Но прежде всего стояла задача: стабилизировать рухнувший южный участок Восточного фронта, как-то остановить непрерывно идущее здесь отступление.

Все эти вопросы предстояло решать в условиях поражений и общей потери стратегической инициативы.

Способен ли был генеральный штаб решить все возникшие перед ним многочисленные проблемы и прежде всего вернуть инициативу? Мог ли рассчитывать на перелом в ходе войны?

Мы подошли сейчас к такому периоду истории нацистского военного руководства, когда имеются основания говорить о начале глубокого общего кризиса всей военной системы третьего рейха, верховного командования и его стратегии. Кризис определялся тем, что после Сталинграда с особой силой и ясностью обнаружилось несоответствие потенциала третьего рейха не только общим, но и частным военно-политическим целям фашистского руководства. Советский Союз в результате высоких темпов технического прогресса военной промышленности, быстрого роста производительности труда выпускал значительно больше военной техники и вооружения, чем гитлеровская Германия. В 1943 г. советская военная промышленность позволила Красной Армии достичь на советско-германском фронте превосходства над гитлеровской армией в боевой технике и вооружении. С каждым годом советская военная промышленность наращивала темпы производства, демонстрируя тем самым неоспоримые преимущества социалистической экономики над государственно-монополистической экономикой фашистской Германии.

Каждая новая военная кампания требует изменения или уточнения стратегических решений. И вот, подойдя в повествовании к началу 1943 г., мы изучаем все доступные нам документы, сопоставляем их друг с другом и с реальным ходом событий и убеждаемся: военное руководство Германии теперь не смогло разработать единый и четкий стратегический план дальнейшего ведения войны, который хотя бы приблизительно намечал контуры ее окончания. Дело, конечно, не в какой-нибудь внезапной потере способностей Иодлем или Варлимонт, Кейтелем или Цейтцлером - они оставались опытнейшими стратегами агрессии, - а в том, что война переставала им подчиняться.

Фашизм продолжал вести агрессивную, несправедливую войну. Его политические цели оставались прежними. Однако возможности стратегии для выполнения этих целей значительно уменьшились. Нацистский режим напрягал все силы, чтобы обеспечить необходимый для ведения войны экономический уровень. Но, несмотря на гигантский вывоз из оккупированных стран материалов, сырья, оборудования заводов, рабочей силы и т. д., борьба против Советского Союза еще более ухудшала экономическое положение Германии, что непосредственно влияло на состояние вооруженных сил, на моральный дух армии. В таких условиях гитлеровское военное руководство и приступило к выработке дальнейших планов ведения войны.

Складывание новых стратегических концепций происходило постепенно, в зависимости от развития событий, начиная с января до весны 1943 г. Первым свидетельством меняющегося характера нацистской стратегии следует считать выступление Гитлера в ставке "Вольфшяце" 10 января 1943 г.

Вечером того самого дня, когда советские войска начали последнее наступление под Сталинградом, Гитлер произнес в своей ставке трехчасовую речь перед румынскими

союзниками. Он изложил "новый взгляд" на принципы дальнейшего ведения войны, выработанный совместно с генеральным штабом. Вместе с Антонеску и вице-премьером Румынии здесь находились начальник румынского генерального штаба Штефля, Риббентроп, Кейтель, Йодль и Цейтцлер - вся высшая военная иерархия. Все ждали от фюрера чего-то нового, соответствующего моменту.

Гитлер начал с оценки "современного этапа борьбы": "Если Германия на Западе или Германия и ее союзники на Юге и Востоке будут разбиты, результат будет одинаковым: англосаксы в любом случае станут победителями лишь теоретически, ибо при поражении стран оси и их союзников Россия на всем континенте станет настолько сильной, что англосаксы потеряют здесь всякое влияние".

Далее следовали пространные рассуждения о функциях гитлеровского рейха как "защитника Европы от угрозы большевизма". Почему именно теперь, во время сталинградской катастрофы, нацистский главарь в полном согласии со своими военными советниками с особой силой принялся трубить в фанфары антикоммунизма, занимаясь пропагандой даже в самом узком кругу своих единомышленников?

Перед мрачной перспективой поражения гитлеровцы решили взяться за старое. Они не забыли тех времен, когда, играя на страхе перед "коммунистической угрозой", так легко вырывали одну за другой уступки западных держав, разделяли антифашистские силы Европы и дешевой ценой добивались своего. Не удастся ли все снова, если применить испытанное оружие? Не внесет ли оно раскол в антигитлеровскую коалицию? Не поможет ли оно запугать сателлитов, для которых Сталинград стал чрезмерным испытанием и подтолкнул к пересмотру вопроса о дальнейшем участии в злополучной войне? Да, именно все это имелось в виду. До Сталинграда они - завоеватели; после разгрома они все больше начинают думать, как удержать захваченное. Мобилизовать рейх на бескомпромиссное продолжение борьбы, вывести из шокового состояния и направить по тому же пути союзников, продлить свое господство и припугнуть западные державы, играя на их самой слабой струне, - таков подтекст несколько видоизмененной военно-политической концепции Гитлера и его генерального штаба.

Напугав таким образом тех, кто, по его мнению, мог испугаться, Гитлер ставит вопрос: какие же обязанности принимает на себя теперь Германия? "Если в связи с такой обстановкой, - говорил он, - Германия и ее союзники вынуждены продолжать борьбу, то речь идет о борьбе за существование, а не о войне за овладение территорией"⁹⁴⁴.

Предельно ясно и просто. Именно здесь происходит смена лозунгов. Третий рейх, заливший кровью всю Европу, объявляет, что борется "в защиту" распятой им Европы. Спекуляция на антикоммунизме снова становится политическо-пропагандистской тенденцией номер один.

Отныне и до конца войны фашизм неизменно утверждал, что ведет "оборонительную войну". Но что могло быть лживее подобного тезиса? Со стороны фашистского блока и его главарей война вплоть до самого окончания была продолжением их преступной захватнической политики. Ее политическое содержание ни на йоту не изменилось и не могло измениться, когда под ударами Советского Союза и других стран антифашистской коалиции гитлеровский рейх был брошен в оборону. Война со стороны фашистской Германии и ее союзников по своему политическому содержанию оставалась такой же, как была, ибо ее по-прежнему вели те же классы, ставившие перед собой те же политические цели.

Однако тогда, после Сталинграда, нацисты хотели убедить своих союзников в другом.

...Гитлер продолжал: в теперешней гигантской длительной борьбе, обороняясь против этого нового штурма, успех или неуспех надо оценивать не по отдельным актам, а после общего развития событий⁹⁴⁵.

Вот еще один "ударный" пункт, направленный в адрес сателлитов. Не ждите победы, не спрашивайте о ней, не думайте о ближайших перспективах, а безропотно сидите в разваливающейся фашистской колеснице. Далее следовал многословный обзор хода войны, от ее начала до Сталинграда, представлявший собой смесь лжи, хвастовства и

самооправданий. Наконец Гитлер перешел к главному: оценке современного военного положения и к прогнозам. И здесь он не мог не начать с признания возможных катастрофических последствий поражения в войне с Советским Союзом.

- В этой борьбе имеется только одна открытая рана: Россия. В настоящий момент представляет собой важнейшую область треугольник Ростов, Сталинград, Кавказ. Следует иметь в виду эту главную проблему и при ее решении не находиться под впечатлением отдельных событий большой драмы. В кризисное время надо сохранять железные нервы.

Гитлер признал:

- Если бы Германия потеряла 2/3 своего производства железа, 80-85% нефтяных источников и весь коксующийся уголь, то ее положение было бы отчаянным. Но сейчас, - убежденно продолжал он, - в такой ситуации как раз находится Россия. Хотя Россия располагает добычей железа на Урале, но коксующихся углей для изготовления стали из этой железной руды она не имеет. Недостаток продуктов питания и недостаток в людях создают дополнительные трудности, которые в конечном счете приведут ее к гибели⁹⁴⁶.

Таковыми неуклюжими заверениями нацистский лидер пытался поддержать дух своих потрясенных сообщников. Но ведь именно в 1943 г. Советский Союз развернул мощные силы, добился крупного успеха в производстве оружия, что вскоре обеспечило его решающее военное превосходство над Германией. И даже учитывая пропагандистскую направленность выступления Гитлера, нельзя не, прийти к заключению, что германское военное руководство снова допускало просчет в смысле оценок противника.

Каковы же перспективы войны? Что мог теперь нацистский режим обещать союзникам, армии, народу?

Читаем запись речи:

"Если ему, фюреру, поставят вопрос, как и когда может закончиться война, он скажет, что это, вероятно, единственный вопрос, на который во всей истории не мог дать точно ответа ни один государственный деятель или полководец... В таком большом конфликте, как теперешняя мировая война, необходимо только отчетливо видеть цель, ясно представлять предпосылки достижения этой цели и заботиться об ее осуществлении. Главное - духовное самообладание, т. е. фанатическая решимость ни при каких обстоятельствах не капитулировать"⁹⁴⁷. Отчаянные заклинания "держаться до конца", призывы к фанатизму вместе с террором и разнузданной фашистской пропагандой - вот что могла предложить своим сателлитам и своему народу фашистская система, потрясенная до основания могучим сталинградским ударом.

Только такие перспективы и мог нарисовать верховный главнокомандующий фашистского блока в тот самый день, когда Красная Армия нанесла последний сокрушительный удар под Сталинградом. Единственное, что становилось очевидным из "новой" программы, - фашизм не капитулирует. Он будет вести борьбу с беспощадной жестокостью и крайним напряжением сил до конца.

Последующие события подтвердили смысл речи Гитлера, произнесенной 10 января в "Вольфшанце".

Отныне гитлеровское руководство объявило, что Германия вступает в "тотальную войну". Это означало еще большее усиление власти монополий, еще большее закручивание прессы террористической власти фашистского государства, еще большую эксплуатацию германского народа и, наконец, еще более широкую мобилизацию ресурсов третьего рейха для продолжения войны.

Геббельс 18 февраля 1943 г. иступленно кричал в Спортпаласе перед накаленной тысячной аудиторией фашистских активистов, пропагандистов и различных "фюреров":

- У нас две возможности: капитулировать или вступить в тотальную войну. Хотите ли вы капитуляции?

- Нет! Нет! - ревел зал.

- Хотите ли вы тотальную войну?

- Да, да!

А в тиши "Вольфшанце" генералы тем временем искали выхода из кризисной ситуации.

Уже в первые дни борьбы под Сталинградом Роммель на свой риск и страх пытался разъяснить Гитлеру, Кейтелю, Йодлю, что необходимо уйти из Северной Африки, но поддержки не получил. Фельдмаршалы Манштейн и Мильх после Нового года деликатно намекнули фюреру: в данное время ему лучше было бы сконцентрировать все свое внимание на экономических и политических задачах, а для вермахта и для руководства Восточным фронтом назначить отдельного верховного главнокомандующего. Гитлер призвал Манштейна к порядку и, конечно, согласился с руководителями ОКВ, Геббельсом и Герингом, убежденными, что Гитлеру, наоборот, нужно сосредоточиться на военных делах.

Чем хуже шли дела, тем больше нацисты заботились об укреплении диктатуры. Они старались репрессиями заглушить растущее недовольство в народе и армии, заставить "непоколебимо верить в победу" и в "безупречность военного руководства".

Гибель 6-й армии совпала по иронии судьбы с десятой годовщиной прихода нацистов к власти. Гитлер не покинул главную квартиру и по радио обратился к стране. Когда он узнал, что 24 генерала и около 2500 офицеров взяты в плен Красной Армией, его ярость не имела границ: тот, кто сражается на Восточном фронте, обязан победить или умереть. Паулюс должен был покончить самоубийством. Но Паулюс не выдержал, по выражению Гёрлица, "у самого порога бессмертия".

После катастрофы под Сталинградом гитлеровская верхушка оказалась вынужденной начать реорганизацию вооруженных сил, чтобы приспособить их к изменившейся коренным образом обстановке. Развитие танковых войск возлагалось на Гудериана, которого Гитлер вернул, назначив 28 февраля 1943 г. "генеральным инспектором". Новые типы танков - "тигр" и "пантера" - все шире поступали в войска. Велись работы по созданию управляемых ракет, которыми предстояло заменить ослабленную бомбардировочную авиацию дальнего действия. В то время как в США особое внимание обращали на конструирование атомной бомбы, в Германии этот проект почти не разрабатывался и в общем считался ненужным. Кроме того, изгнание из третьего рейха ряда крупнейших ученых крайне затрудняло исследования в области ядерной физики. Решались главным образом технические проблемы сегодняшнего дня. Мессершмитт продемонстрировал проект реактивного самолета, в 1944 г. немецкая авиационная промышленность смогла создать первые образцы истребителей с большими скоростями. Рассчитывали, что с их помощью удастся приостановить налеты англо-американских бомбардировщиков. Началась длительная доработка новых конструкций. Но все это были проекты, а время летело.

Важнейшей теперь стала проблема подготовки резервов. Красная Армия перемалывала главные силы вермахта. С начала войны против Советского Союза по 30 июня 1942 г. немецко-фашистская армия потеряла 1965 тыс. человек, а по 30 июня 1943 г. - 3965 тыс. 948 Постоянный некомплект полевых войск по сравнению с нормами военного времени 949 достигал 650 тыс. человек. Путем сокращения этих штатных норм и перевода большинства дивизий с 9 на 6-батальонный состав, некомплект был уменьшен, но все же превосходил все, что бывало, в этом отношении прежде.

В начале 1943 г. армия была разбросана на огромных пространствах Европы 950. По требованию верховного командования в первое полугодие 1943 г. было мобилизовано для вермахта дополнительно 800 тыс. человек, в том числе 200 тыс. изымалось из хозяйства, связи и горной промышленности; призывалось по 100 тыс. человек резервистов с 1901 по 1905 г. рождения и с 1906 по 1922 г. 951 Однако и этого набора сухопутным силам не хватало. Пришлось прибегнуть к мобилизации мужчин 1897 - 1900 гг. и даже приступить к медицинскому освидетельствованию родившихся в 1894-1896 гг. 952 Пятидесятилетние солдаты первой мировой войны понадобились фюреру, чтобы спасти положение! Кроме того, в армию призывались 80 тыс. из персонала железных дорог 953 и 1370 человек из пограничной стражи 954. Столь значительный призыв позволил до поры до времени покрыть некомплект личного состава и восполнить тяжелейшие потери на Восточном фронте. Но качество солдат резко ухудшилось. Кроме того, мобилизация наносила удар по экономике

страны. Для сельского хозяйства, связи и военной промышленности теперь требовалось более 5 млн. человек. Призыв резервистов из сельского населения ставил под угрозу снабжение страны и армии. Создавалось крайнее напряжение в других отраслях экономики. Для администрации вводилась 60-часовая неделя, рабочее время на предприятиях военной промышленности "добровольно" удлинялось. На заводы все чаще привлекались женщины. Наконец, в самых широких размерах стал использоваться труд военнопленных и иностранных рабочих. Третий рейх стал гигантским застенком, где миллионы иностранных рабочих в нечеловеческих условиях вынуждены были трудиться во имя продолжения войны за нацистское господство.

По инициативе военных и партийных руководителей Гитлер 13 января подписал указ "о широком привлечении мужчин и женщин для задач обороны рейха". Появился "Комитет трех" в составе Бормана, Кейтеля и начальника рейхсканцелярии Ламмерса, на который возлагалось руководство оборонительными работами⁹⁵⁵. Поскольку росли потери от воздушных налетов, 19 января Гитлер приказал Герингу усилить противовоздушную оборону Лейпцига, Дрездена, Веймара, Касселя. Создавалась "противовоздушная милиция", в которую привлекали молодежь с 15-летнего возраста. В конце месяца последовала новая мера: на дальних восточных и юго-восточных подступах к рейху устанавливались "зенитные батареи тревоги".

Падение морального духа армии после Сталинграда стало проявляться в многочисленных нарушениях дисциплины. Цейтлер передал 24 февраля приказ Гитлера: недисциплинированность пресекать самыми жестокими мерами. Виновных расстреливать на месте⁹⁵⁶.

Разгром под Сталинградом дал толчок усилению оппозиции гитлеровскому режиму в вермахте. Об этом достаточно убедительно свидетельствует военно-судебная статистика третьего рейха. Если в первом квартале 1940 г. за "военные преступления" в трех видах вооруженных сил было осуждено 10256 человек, то в первом квартале 1943 г. - 42646. После Сталинграда в сухопутных поисках из каждых 100 тыс. человек военнослужащих 426 осуждались военно-полевым судом, на флоте - 627 человек, а в военно-воздушных силах, считавшихся самым "национал-социалистским" родом войск, - 830 человек. Если в первые месяцы войны против Советского Союза было вынесено 104 смертных приговора военнослужащим, то во втором квартале 1943 г. - 911957. Элементы оппозиции постепенно вызревали и в среде офицеров генерального штаба. Генерал Бек оставался, как и до войны, ее центральной фигурой.

Боевая мощь войск на фронте в начале 1943 г. понизилась. Находившаяся на северном участке советско-германского фронта 16-я армия доносила в январе 1943 г.: из тяжелого противотанкового оружия она располагает только восемью штурмовыми орудиями, Недостаток в вооружении составлял 25% карабинов, 18% пулеметов, 24% легких гранатометов, 33% тяжелых пехотных орудий, 26% тяжелых полевых гаубиц. Положение с боеприпасами позволяло лишь обороняться на спокойном участке фронта, а ведение крупных операций исключалось⁹⁵⁸.

Красная Армия выбила массу немецких танков. На 23 января 1943 г., по данным ОКВ, на всем Восточном фронте имелось, всего лишь 495 исправных и готовых к вводу в бой танков, в том числе в группе армий "А" - 34; в группах армий "Дон" и "Б" - 291; в группе армий "Центр" - 167; в группе армий "Север" - 3959. По заключению В. Хубача, "в связи с таким положением преимущество в поставках вооружения отдавалось дивизиям, сражающимся на Восточном фронте". Но ограниченность материальных средств не позволяла быстро оснащать дивизии Восточного фронта даже в условиях, когда им отдавалось предпочтение перед другими фронтами. Так, снова создаваемая во Франции 6-я армия смогла получить сначала только личный состав, а вооружение - значительно позже. В таких условиях для дивизий других фронтов оставалось еще меньше средств.

Проводя широкую мобилизацию под лозунгом тотальной войны, верховное командование в конечном счете постепенно улучшило общее состояние армии. Крайне остро

стоял вопрос о восстановлении бронетанковых войск. Гудериан получил задачу организации и обучения подвижных, прежде всего танковых, соединений. Вскоре число действующих танков на Восточном фронте удалось довести до 1600, а к началу немецкого наступления под Курском - до 5 тыс. К тому же времени число танков на других фронтах увеличилось почти до 1000960. Средние ежемесячные потери танков - 500 - стали покрываться из текущей продукции⁹⁶¹.

Принятые меры позволили нацистской Германии к лету 1943 г. значительно повысить боеспособность вооруженных сил.

II

Времена молниеносных побед сделались уже достоянием истории. Наступила пора, когда всем обитателям "Волчьего логова" приходилось менять образ мышления. Не марш вперед, не блицы, и оборона. Не захваты, а удержание захваченного. И главный вопрос: каким путем укрепить гигантский оборонительный фронт "Крепости Европа" - так стали теперь называть гитлеровцы поглощенную ими часть континента, - восточная часть которого пылала и рушилась.

Катастрофа на юге советско-германского фронта представляла собой, безусловно, главный фактор всей стратегической обстановки. Растянутый Восточный фронт теперь высасывал из Европы все больше и больше последних свободных германских резервов. Все мало-мальски боеспособное двигалось в 1943 г. на Восток. А обратно, "в порядке обмена", провозглашенного верховным командованием как обязательное условие переброски дивизий в Россию, ковыляли разбитые обломки, почти без техники, потрясенные и измученные "настоящей войной", которую вела против вермахта Красная Армия.

6 января 1943 г. штаб верховного командования решил срочно направить из Франции на Восток шесть дивизий, занятых охраной побережья. Им предстояло высвободить на северном или центральном участке советско-германского фронта несколько наиболее опытных "восточных соединений", которые отправлялись к решающему - южному участку фронта⁹⁶². 16 января Гитлер распорядился о "быстрой и широкой переброске автотранспорта к Восточной армии"⁹⁶³. Генеральный штаб сухопутных сил видел на Востоке угрозу отовсюду. В конце января он стал бояться советских десантов в Крыму, на Украине и на Кубани. Последовал приказ "всеми средствами усилить оборону побережья Крыма". То же относилось к побережью между румынской границей и Крымом, особенно к Одессе⁹⁶⁴. Но сюда оказалось возможным направить только один батальон из Запорожья.

Главным источником пополнения Восточного фронта оставалась Западная Европа. Оттуда двигались в Россию все новые войска. 15 февраля последовал приказ об отправке до 20 марта на Восточный фронт пяти дивизий⁹⁶⁵. На следующий день ОКВ подтвердило генеральному штабу сухопутных сил: "Необходимо назначать для Востока возможно более крупные силы"⁹⁶⁶. Всего в 1943 г. из Франции, Бельгии, Голландии, а также из рейха были переброшены главным образом против Красной Армии 31 пехотная дивизия, 16 танковых и моторизованных дивизий⁹⁶⁷.

В Африке и на Средиземном море германские позиции утратили основу. Победа 8-й британской армии под Эль-Аламейном лишила германо-итальянское командование в Северной Африке последних надежд завоевать Египет и пробиться к Суэцу. Разгромленную итальянскую армию теперь нельзя было вернуть к жизни. Роммель со своим Африканским корпусом понес невосполнимые потери. После того как союзники прочно захватили инициативу в свои руки, полное поражение Роммеля становилось только делом времени. Снабжение из итальянских портов висело на тонкой нити часто прерываемых морских коммуникаций, которая могла оборваться в любой момент. Тогда германские и итальянские войска останутся в пустыне без хлеба и боеприпасов. Правда, в конце 1942 г. для снабжения Африканского корпуса были предоставлены, дополнительные суда и появилась кое-какая надежда. С середины января флот перебросил в порты Северной Африки 60 тыс. т грузов, а в феврале 80 тыс. т⁹⁶⁸. Однако ежемесячная потребность достигала внушительной цифры 150

тыс. т и удовлетворялась только наполовину⁹⁶⁹.

Кессельринг, назначенный теперь командующим германскими силами в бассейне Средиземного моря, докладывал 12 января 1943 г. Герингу об отсутствии необходимого количества конвойных судов для сопровождения транспортов и настаивал на возможно более широком использовании небольших транспортных кораблей, которых тоже не хватало. Он требовал многого: и немедленно улучшить противовоздушную оборону портов Палермо, Неаполя и Туниса, и усилить подводный флот в Средиземном море, и улучшить организацию управления, и снабдить оружием. Но в январе генеральный штаб смог пообещать Африканскому корпусу лишь присылку через месяц 40 противотанковых пушек, двадцати двух офицеров для пополнения резерва и одной пехотной бригады⁹⁷⁰.

Все отлично понимали: если бы не Сталинград - в Африке шло бы иначе. Как не хватало здесь хотя бы части из тех транспортных самолетов, которые пытались пролететь сквозь огневые завесы советской зенитной артиллерии к окруженной 6-й армии и гибли над снежными равнинами!

Борьба за Тунис, на которую возлагались большие надежды и в "Вольфшанце", и в Риме, не принесла никаких ощутимых результатов. Командующий наспех созданной в Тунисе 5-й танковой армией генерал Арним развил активность бумажного толка: он слал письмо за письмом Кессельрингу и Кейтелю, бесплодно взывая о подкреплениях, транспорте и снабжении. 17 января он получил многозначительный ответ Кейтеля. Шеф ОКВ "обращал внимание", что "не все желания можно удовлетворить, ибо в настоящее время дать нечего"⁹⁷¹.

Вновь назначенный в Африку итальянский генерал Мессе - номинальный командующий союзными силами - жаждал славы и строил планы "решительного наступления" с позиции Марет. Но более опытный Варлимонт после поездки на африканский фронт представил ОКВ 15 февраля доклад, в котором будущее изображалось в самых пессимистических тонах. "Наше положение, - сообщал он, возможно сравнить с картонным домом... Остается недостаток сил на растянутом фронте, недостаток резервов, артиллерии, продовольствия, боеприпасов, горючего"⁹⁷². Он писал о неспособности 5-й танковой армии фон Арнима выдержать сильный удар, о бесперспективности обороны позиции Марет, если сражающиеся здесь войска не получают подкреплений, о том, что "на итальянцев, которые плохо вооружены, положиться нельзя"⁹⁷³. Но по сравнению со всеми недостатками, вновь подчеркивал Варлимонт, "решающим остается недостаток снабжения". Он приходил к выводу: "В итоге получается, что вопросы снабжения должны стать главными для дальнейших решений, так как ни ожиданием, ни замедлением наступления противника путем атаки на его коммуникации наше снабжение улучшено быть не может"⁹⁷⁴. По мнению Варлимонта, в Африке следовало вести только сдерживающие действия, что позволит "предотвратить тяжелые последствия также и политического характера и сделает возможным одновременно подготовить оборону в Южной Италии"⁹⁷⁵.

Конечно, Варлимонт предлагал ряд мер, чтобы укрепить "карточный дом", но в своих выводах он больше обращался к вопросу подготовки обороны Южной Италии путем ввода туда немецких войск, чем к африканским делам⁹⁷⁶. Заместитель начальника штаба оперативного руководства уже к середине февраля считал дело в Северной Африке проигранным и теперь думал лишь о том, как удержать Италию.

Иного мнения придерживался Кессельринг. Он впервые получил столь большую власть (командовал "всем югом"!) и требовал наступления. На том же совещании, где Варлимонт излагал свои пессимистические выводы, он предложил: в Африке надо атаковать, а не сдерживать. По его настоянию прежде отданные директивы о наступлении восточное Тебессы получили подтверждение, а планы Варлимонта "подлежали изучению".

Штаб верховного главнокомандования склонялся к мнению Кессельринга, ибо оно гораздо в большей степени отвечало "духу фюрера", чем бесперспективные оценки Варлимонта. Однако Гитлер никаких решений не принимал. Он даже не знал о совещании, потому что утром 15-го вылетел в Запорожье в штаб группы армий "Юг", где были дела

поважнее. Он вообще думал лишь о положении в России. "Организационная помощь в Африке", о которой много говорили и писали, в общем завершилась только тем, что начальником штаба 1-й итальянской армии был назначен немец - бывший помощник Гудериана Байерлейн, а для руководства операциями в Алжире образована группа армий, в командование которой должен был вступить Роммель, однако, по совету Кессельринга, не раньше, чем он успешно закончит свое наступление от линии Марет.

Тем временем попытки командующих обоими африканскими соединениями Роммеля и Арнима активизировать действия выдыхались. Во второй половине февраля из Туниса в штаб Кейтеля одно за другим приходили самые неутешительные сведения о наращивании английских и американских сил и о том, что враг сумел быстро остановить движение итало-германских танков. В "Вольфшанце" все более убеждались, что в оценке африканских перспектив прав, к сожалению, Варлимонт. Единственное, чем ставка оказалась в состоянии помочь африканской армии, было подразделение "тигров" - Гитлер приказал отправить его не позже конца месяца. И больше ничего, если не считать всяких реорганизаций и перестановок в призрачной надежде возместить недостающую боевую силу войск "личными качествами" того или иного генерала. Создаются разные новые должности, новые штабы и командные инстанции. Гитлер заявил: он хочет видеть на посту командующего новой группой армий в составе Африканского корпуса и 5-й танковой армии только Роммеля!

Но уже через несколько дней генерал-фельдмаршал показал, что не оправдывает надежд фюрера. Вступив в командование, он в начале марта прислал доклад, содержание которого шло вразрез с намерениями ставки. Ссылаясь на растянутость позиции в Африке (626 км), на слабость армии и отсутствие резервов, Роммель предупреждал: этот фронт будет прорван в самом начале ожидаемого вскоре, в полнолуние, наступления союзников. "Тогда враг возьмет верх над обеими армиями по отдельности"⁹⁷⁷. Удержать позиции можно будет только путем их сокращения примерно на 150 км, для чего необходимо отступить, потеряв значительную часть территории Туниса, включая важные аэродромы. Роммель через Кессельринга просил указаний о плане дальнейшего руководства войной.

Какой ответ мог дать любимцу Гитлера штаб верховного командования? Обсуждение 4 марта ситуации в Африке показало, что Кейтель, Йодль и их сотрудники теперь достаточно хорошо поняли неразрешимость африканской проблемы и легкомысленность всех прогнозов Кессельринга. "Начальник ОКВ, свидетельствует журнал военных действий верховного командования, - подчеркнул заслугу генерал-фельдмаршала Роммеля, который с беспощадностью разъяснил слабость нашей позиции". И далее следует в высшей степени многозначительная фраза: "Время определенно работает против нас; к тому же враг на обоих фронтах наступления понял нашу фактическую слабость".

Да, время работало против них, на пользу антигитлеровской коалиции. И теперь они все больше понимали это. Но в результате совещания из недр "Вольфшанце" вразрез всему появилась концепция дальнейшего ведения войны в Африке. 5 марта Кейтель передал ее от имени Гитлера в Рим Кессельрингу: "Положение можно исправить путем немедленного значительного усиления морского транспорта... Отвод обеих армий на узкий плацдарм означал бы начало конца. Руководство военными действиями следует осуществлять не путем наступления отдельных армий недостаточными силами, тем более что они по времени ни разу не совпадали, а только путем коротких, но сильных наступательных ударов сосредоточенными группировками, которые замедляли бы вражеское наступление. Только таким образом можно будет добиться необходимого выигрыша времени для переброски в Тунис как пополнений, так и вновь готовящихся соединений. Чтобы сделать возможным этот единственный богатый перспективами метод военного руководства, перевозки должны быть по меньшей мере удвоены, а позже увеличены в три раза"⁹⁷⁸.

Бесподобные логические скачки! Генеральный штаб обнаруживал замечательную способность убеждать самого себя в том, что наконец понятая им правда - это все-таки неправда. Как можно удвоить или утроить перевозки, когда нет тоннажа и союзники господствуют на море и в воздухе? О каких "новых соединениях" могла идти речь, если все

они истекали кровью на Восточном фронте и Роммелю предназначались только полторы дивизии? Мелкие наступательные удары не давали никаких перспектив остаться в Африке - это понимали все, - а пустым обещаниям пополнений в войсках уже не верили.

Однако итальянское "Командо Супremo" поддержало Гитлера. Война в Северной Африке оставалась прежде всего итальянской войной, и Муссолини никак не хотел примириться с мыслью о крахе надежд на "великую империю". Он делал все, чтобы побудить немцев приложить крайние усилия в борьбе за Средиземноморье. Он сообщил Роммелю: как и фюрер, он не может разделить его мысль о необходимости отхода. Следует наносить все новые удары, замедлять подготовку наступления англосаксов и тем временем подбросить пополнение. "Командо Супremo" сделает все возможное, чтобы довести ежемесячное снабжение своим флотом африканских армий до 120 тыс. т⁹⁷⁹.

В письме Гитлеру от 9 марта дуче заклинал: "Тунис необходимо удержать любой ценой, ибо благодаря этому проведение принятых в Касабланке планов (речь идет об англо-американской конференции января 1943 г. в Касабланке. - Д. П.) будет в значительной мере, а может быть окончательно, сорвано. Сухопутная база должна быть расширена, а не уменьшена, как предлагает генерал-фельдмаршал Роммель"⁹⁸⁰. На совещании у Гитлера в присутствии командующих флотом и авиацией 14 марта вновь подчеркивается значение Туниса - "стратегической позиции первостепенного порядка". Северная Африка - это "южное ключевое предполье Европы", сохранить которое можно, лишь достигнув господства на море.

- Удержание Туниса - это проблема снабжения, - заявил на совещании Гитлер. - Необходимо не 80 тысяч тонн ежемесячно, как предлагает "Командо Супremo", а 150-200 тысяч. Поэтому, - продолжал он, - нужно решительно поставить итальянцев перед альтернативой, пренебрегая всякой чувствительностью: решительно ввести все средства или потерять Тунис и тем самым Италию⁹⁸¹.

Со своей стороны штаб германских военно-морских сил предложил ряд мер: перевести часть транспортов из Норвегии и Ла-Манша в итальянские воды, перебросить часть подводных лодок из Атлантики в Средиземное море для транспортных целей, усилить воздушное прикрытие транспортов и т. д. Муссолини вполне соглашался с фюрером: он разрабатывает план выдвижения флота к Сардинии. Но маленькая неприятность: для этого не хватает лишь топлива. Германский представитель при итальянском командовании подтверждает: самыми важными проблемами итальянцев являются горючее для флота и авиации, а также самолеты, танки, противотанковая, зенитная артиллерия и автотранспорт. А что же тогда "менее важными"? Призывы итальянского союзника, продиктованные страхом и отчаянием, не могли быть ничем подкреплены. Все меры, принятые германскими и итальянскими руководителями и их генеральными штабами, позволили отсрочить катастрофу в Африке лишь на два месяца.

Как не хватало германскому и итальянскому генеральным штабам в Африке и Средиземноморье тех дивизий, которые мчались теперь из Западной Европы на советско-германский фронт, тех солдат, той техники, тех самолетов и танков, которые перемалывались в горниле Восточного фронта и нашли гибель в степях под Сталинградом!

III

Новые и новые трудности возникали для гитлеровского командования на Балканах, удержанию которых оно всегда придавало очень большое значение. Здесь югославские и греческие партизаны били и били захватчиков, расширяли освобожденные территории, а гитлеровцы ничего не могли сделать, потому что сил не хватало и потому что они все больше оказывались между двух огней. Национально-освободительная война югославского народа приняла такие масштабы, что в гитлеровской ставке районы, контролируемые партизанами, стали называть "коммунистическим государством".

Сведения о конференции в Касабланке еще больше встревожили немецких генштабистов насчет положения в восточном Средиземноморье, которое они рассматривали

как один из возможных районов высадки экспедиционных сил союзников и продвижения их в Дунайский бассейн. Ведя в балканских горах войну с "коммунистическим государством", ОКВ все время беспокойно озиралось на побережье: не начнется ли высадка? Однако германский генеральный штаб тогда еще не знал, что на Вашингтонской конференции союзников, состоявшейся в середине мая 1943 г., американцы отвергли так называемый балканский вариант Черчилля, ибо для американского империализма восточное Средиземноморье не представляло такого интереса, как для британского. Главные усилия союзники направляли на Италию.

Германское командование оказалось в порочном кругу: где взять дивизии, куда их бросать? В январе ОКВ начало действия против партизан (операция "Вейс-1"). Когда в первых числах февраля поступили сведения о возможном "большом англо-американском наступлении против юго-восточного пространства", из "Вольфшанце" внезапно приказали прекратить атаки на партизан и бросить войска к побережью⁹⁸². Ложная тревога! Тогда начали снова готовить "наступление против коммунистов" (операции "Вейс-2" и "Вейс-3").

Боязнь вторжения союзников с моря на Балканы, конечно, влияла на стратегические расчеты ОКВ в Юго-Восточной Европе. Но столь же очевидно, что опасения англо-американских десантов были преувеличенными.

Умы генерального штаба занимал вопрос и о возможной атаке союзников на Балканы через Турцию. Эта проблема также обсуждалась в Касабланке. Позиция Анкары превращалась для гитлеровских стратегов в большой вопросительный знак. Турция вплоть до Сталинграда твердо ориентировалась на Берлин. Гитлер и его фельдмаршалы отлично понимали, что, пока вермахт угрожает Кавказу или тем более стоит на его перевалах, ни о каком изменении турецкой политики не может быть и речи. Правительство Сараджоглу все время подчеркивало свою дружбу с рейхом, поддерживало с ним самые широкие связи и недвусмысленно говорило о возможном нападении на СССР. Но как только вермахт отбросил с Кавказа, генеральный штаб серьезно забеспокоился насчет будущей политики турецкого правительства. В Берлине и в ставке начали страшиться устанавливавшихся с января 1943 г. контактов Турции с Англией и США, тем более что правительство Анкары согласилось принять английские поставки вооружения.

Чтобы предотвратить такое развитие событий, гитлеровцы попытались использовать реакционное правительство Болгарии, связавшее себя против воли болгарского народа с гитлеровским рейхом. Оно надеялось получить германскую военную поддержку для усиления своей армии, предвидя рост антифашистской борьбы внутри страны. Оно не считало для себя излишним, по примеру партнеров, некоторое расширение территории. За счет турецкой Фракии.

Военный министр Болгарии Михов еще в декабре 1942 г. вел на этот счет переговоры в Софии с германским атташе, а затем в Берлине с шефом отдела военных атташе Меллентином.

ОКВ сделало вывод: "Болгарскую армию следует возможно скорее оснастить так, чтобы сделать пригодными для наступления 12 дивизий. На случай активных действий болгарскую армию поддержат немецкий танковый корпус, авиация и артиллерия"⁹⁸³. В "Вольфшанце" стали разрабатывать план операции болгарской армии против Турции: удары флангами, мобилизация продлится 5 дней, развертывание - 21 день, наступление - не позже чем на 14-й день после начала развертывания союзников во Фракии⁹⁸⁴.

В Греции военно-стратегическое положение рейха слабело. Западногерманский военный историк В. Хубач пишет: "Туда было невозможно подвезти какие-либо достойные упоминания подкрепления, ибо даже повседневное снабжение едва поддерживалось"⁹⁸⁵. Движение по единственной однопутной железной дороге Аграм - Афины, с большим числом искусственных сооружений, легко прерывалось партизанами, и дорога все время оставалась перегруженной сверх всяких норм. "Потеря превосходства на море и в воздухе, - продолжает В. Хубач, - постоянная нехватка малых судов затрудняли действия и работоспособность морского транспорта. Таким образом, боязнь вторжения в Грецию

сдерживала военные планы на Юго-Востоке"986. Германское командование в первой половине 1943 г. держало в Юго-Восточной Европе 10 дивизий. Италия на Балканах - 32. Когда Италия вышла из войны, ОКВ вынуждено было увеличить здесь гарнизоны до 18 дивизий, из которых в Греции оставалось 5. Этого оказалось слишком мало, чтобы противостоять все более растущей волне национально-освободительного движения.

IV

Множество проблем возникло перед германским генеральным штабом на северном участке "Крепости Европа" - в Норвегии, причем эти проблемы, как и все остальные, "невозможно было решить одновременно имеющимися силами"987.

В полярную ночь 24 января 1943 г. английские быстроходные катера неожиданно атаковали небольшой германский опорный пункт на побережье Норвегии, убили несколько солдат и захватили пленных. И хотя генерал Фалькенхорст сразу же отдал под суд командира батареи, объявив его главным виновником неприятности, верховное командование рассудило иначе: дело в недостатке сил обороны норвежского побережья. Последовал приказ Гитлера: "Найти пути и средства, чтобы преградить путь английским судам в фиорды"988.

Тогда Фалькенхорст в начале февраля потребовал предоставить ему флотилии новейших судов-миноискателей, усилить вооружение патрульных судов, перебросить новые силы для создания подвижных резервов и установить дополнительные береговые батареи. Войска требовались для охраны аэродромов, с которых 5-й воздушный флот производил налеты на морские караваны союзников, для усиления охраны тяжелых батарей, стоявших у Нарвика и у входа в Скагеррак, для усиления береговой обороны и многого другого. Но гарнизоны, наоборот, уменьшались, потому что и отсюда пришлось бросать силы на Восточный фронт. Имеющихся под командованием Фалькенхорста 12 дивизий (3 армейских корпуса, 380 тыс. человек) не хватало даже для минимальной защиты береговой линии, а тут приходилось направлять все новые отряды в горы для борьбы с партизанами. Германские оккупационные силы находились под нарастающими ударами норвежского Сопротивления.

Перевозка руды, молибдена, меди, алюминия теперь могла производиться только морем, ибо возможности использования шведских железных дорог все более сокращались. А на морских коммуникациях росла активность британского флота. Боязнь перехода Швеции в лагерь союзников, если они высадутся на норвежском побережье, заставила генеральный штаб подвести ближе к ее границе моторизованные части. Просьба Редера к начальнику генерального штаба сухопутных сил о занятии островов Финского залива Лавансаари и Сейскари была в начале января отклонена: нет сил.

Норвежский вопрос стал предметом длительного обсуждения в ставке 15 февраля. Множество советов и приказов Фалькенхорсту: создать подвижный резерв, улучшить охрану фиордов и так далее - оказались пустыми пожеланиями, после того как поднялся начальник штаба главнокомандующего в Норвегии и заявил: "Значительную часть солдат, унтер-офицеров, офицеров, резервистов пришлось с началом восточного похода отправить из Норвегии в Россию, и норвежская оборона ослаблена именно поэтому"989. Он просит вернуть всех обратно. Но, конечно, никого не вернули.

В результате, кроме нескольких плохо укомплектованных авиаполевых батальонов для строительства батарей тяжелой береговой артиллерии и 68 новых орудий, штаб верховного главнокомандования дать в Норвегию ничего не смог. Все благие пожелания не осуществились.

На западном участке "Крепости Европа" главные проблемы, с точки зрения генерального штаба, связывались с Францией. Она теперь рассматривалась не только в качестве источника обширных вспомогательных ресурсов для военной экономики рейха, но и как "французское предполье" против возможного англо-американского вторжения из Атлантики или Средиземного моря. Территорию французской метрополии с 11 ноября 1942 г. полностью оккупировали немецкие и итальянские войска. Правда, "военный

главнокомандующий во Франции" генерал пехоты Карл фон Штюльпнагель объявил, что страны оси вступили в южные районы Франции и на Корсику не как захватчики, а в качестве союзников. Но действия Штюльпнагеля не оставляли для "суверенного французского правительства" - Виши - никаких прав в области реальной политики и ведения хозяйства.

После Сталинграда во Франции с особой силой вспыхнуло движение Сопротивления, существенно влиявшее отныне на все расчеты генерального штаба. По данным журнала военных действий ОКВ, число актов саботажа во Франции в 1943 г. по сравнению с предшествующим годом возросло втрое⁹⁹⁰. Действия нацистов в начале года: требования выдачи французского флота в Тулоне, немедленной, в кратчайший срок, поставки 5 тыс. грузовых автомашин, изъятие без компенсации оружия, снаряжения и запасов для нужд вермахта, оборудования авиазаводов, наконец, жестокая военная диктатура - все это вызывало ненависть французов к оккупантам, постепенно ослабляло позиции гитлеровцев и их ставленников и входило в противоречие с задачами германской стратегии в Западной Европе.

Трудности обстановки во Франции германское командование и генеральный штаб стремились преодолеть обычным способом: усилением террора. Штюльпнагель имел задачу поддерживать и укреплять режим Петэна - Лавалья, но ликвидировать всякие тенденции к французскому вооружению. Он чрезвычайно холодно отнесся к жалким просьбам Лавалья создать хотя бы самую маленькую по численности армию, пригодную пусть только для противовоздушной обороны. Он оставил ничтожный "символический флот". Личный состав французской зенитной артиллерии был объявлен "неблагонадежным" и распущен, а в некотором усилении "мобильной гвардии" - отказано. Причина такой сверхосторожности объяснялась просто: генеральный штаб не хотел "иметь перед лицом предстоящего вторжения союзников какие-либо французские военные соединения в тылу"⁹⁹¹.

Фашистское командование в 1943 г. крайне опасалось англо-американских десантов во Франции, тем более что не ощущалось недостатка в заявлениях на этот счет из Лондона и Вашингтона. Какие силы мог противопоставить главнокомандующий на Западе фельдмаршал Рундштедт англо-американскому вторжению через Ла-Манш теперь, когда вермахт нес поражение за поражением на Восточном фронте? Округ, подчиненный Рундштедту, служил до сих пор главным образом для восстановления разбитых на Востоке дивизий и формирования новых из армии резерва.

Со своими ослабленными войсками Рундштедту предстояло решать одновременно множество задач, выдвигаемых ОКВ: обороняться в случае вторжения крупных сил союзников, прикрывая побережье в 2600 км; создать подвижные резервы, чтобы иметь возможность отразить высадку в Испании; готовить операцию по захвату североиспанских портов; отдавать силы на другие фронты "без серьезного ослабления обороны во Франции" и, наконец, бороться с растущим национально-освободительным движением французского народа. Выполнение таких задач становилось делом совершенно немыслимым. По мере переброски сил на Восточный фронт позиции германской армии в Западной Европе серьезно ослабевали, поэтому в 1943 г. имелись предпосылки для успешного вторжения во Францию англо-американских вооруженных сил, для создания второго фронта в Европе (если его пожелали бы создать). Можно согласиться с западногерманским историком В. Хубачем, который пишет в комментариях к дневнику ОКВ: "Вследствие таких обстоятельств высадка противника весной 1943 г. могла быть встречена лишь... слабой и неэффективной обороной"⁹⁹².

Неуклонно шел отток боеспособных войск из Франции на советско-германский фронт. Получаемые взамен обломки дивизий не представляли боевой ценности. Из них импровизировали разные группы, присваивая им громкие названия вроде "штурмовая бригада" (фактически только усиленный батальон) или "подвижная часть" (на лошадях и велосипедах), и формировали "главные резервы" для борьбы с вторжением. План создания в дивизиях третьих полков (дивизии на Западе имели только по два полка) отклонил Цейтцлер: неоткуда взять дополнительно 15 полков. В восьми подвижных соединениях, составлявших

резерв верховного главнокомандования на Западе, в конце марта 1943 г. отсутствовало 25% необходимого вооружения⁹⁹³. Некоторые дивизии располагали только устаревшим трофейным оружием⁹⁹⁴. Штаб верховного командования требовал ежедневно докладывать о количестве имеющихся на Западе исправных танков. "Эти цифры, читаем в журнале военных действий ОКВ, - дают наглядную картину жалкого состояния вооружения в этих армиях"⁹⁹⁵.

6 сентября 1943 г. начальник штаба главнокомандующего группы армий "Запад" докладывал ставке: в 1942 г. в Западной Европе имелись 22 пехотные дивизии, из них 2/3 полного, трех-полкового состава, 7 танковых и моторизованных дивизий, "находившихся в наилучшем состоянии", и 6 пехотных дивизий в качестве резерва. Теперь, в более напряженной обстановке, группе армий подчиняется 27 ослабленных, малобоеспособных пехотных дивизий двухполкового состава, 6 недостаточно снаряженных танковых и моторизованных соединений и 7 пехотных дивизий в резерве. За минувший год Запад передал на Восточный фронт, на Балканы, в Италию и Тунис 31 пехотную, 16 танковых и моторизованных дивизий. Общий вывод гласил: "После потери береговых укреплений Западная армия окажется непригодной для маневренной войны"⁹⁹⁶.

Учитывая, что Рундштедт не признавал возможным добиться успеха обороной вытянутых в линию укреплений и надеялся при вторжении вести борьбу маневренными методами, строительство "атлантического вала" продвигалось очень медленно. Преимущественное значение отдавали строительству баз подводных лодок. Правда, в декабре 1943 г. в Париж поступил приказ уложить на строительстве "вала" 2 млн. кубометров бетона. Но, чтобы соорудить "вал", как планировали, на несколько сотен километров границы, требовалось бетона в 8 раз больше, чем имелось. Уже в середине года обнаружилось, что генеральный штаб не в состоянии обеспечить военные позиции рейха в Западной Европе.

Все сказанное подтверждает вывод, уже давно сделанный советскими историками, о наличии у США и Англии в 1943 г. возможности открыть второй фронт в Северной Франции⁹⁹⁷.

Германский генеральный штаб стоял перед лицом неразрешимых стратегических проблем. И чем дальше развивались события войны, тем безнадежнее становились попытки вывести стратегию из кризиса.

"Крепость Европа" обнажала все свои бастионы, кроме восточного. Но именно Восток, сковавший главные ее силы, решал судьбу всей борьбы. "Крепость" не имела крыши: авиация союзников все более свободно вторгалась в воздушное пространство над рейхом и наносила удары по его экономическим центрам и коммуникациям.

В начале 1943 г. утрачивал свои позиции германский флот. Господство на море переходило к союзникам, обеспечившим превосходство в надводных силах и морской авиации. "Времена использования немецких надводных кораблей для войны на океанах прошли безвозвратно"⁹⁹⁸. Крупные корабли немецкого флота теперь могли действовать лишь в Северном Ледовитом океане против конвоев.

Поражение германского надводного флота отражало провал планов морской войны, главным вдохновителем которых был Редер. 30 января 1943 г. он ушел в отставку, получив затем должность главного инспектора военно-морских сил. Уход Редера в западногерманской литературе часто объясняют его расхождениями во взглядах с Гитлером и Герингом по некоторым вопросам ведения морской войны. Но главный смысл этого события состоит в том, что оно завершило исторический этап развития германского флота, начавшийся после первой мировой войны. Созданный в целях агрессии и реванша, он и лежавшая в основе его действий стратегия не выдержали военного испытания.

Сменивший Редера Дениц перенес главные усилия борьбы на подводную войну. В марте немецкие подводные лодки достигли наивысшего успеха. Но затем эффективность их действий стала падать. Быстрый рост численности союзного флота, применение им новых радиолокационных установок для обнаружения самолетами подводных лодок, увеличение радиуса действий английской и американской морской авиации, увеличение числа

авианосцев, используемых для охраны конвоев, - все это предопределяло поражение германского флота⁹⁹⁹. Дениц выражал тревогу в связи с растущими потерями подводных лодок (с начала войны - 40).

Тем не менее ОКВ решило продолжать подводную войну по двум причинам: чтобы сковать возможно больше морских сил и авиации союзников и чтобы выиграть время для строительства более мощных подводных лодок новой конструкции, с помощью которых предполагалось все же вернуть инициативу на море.

Но общее положение третьего рейха после Сталинграда и Курска не оставляло для этого никаких возможностей. Борьба Красной Армии не только заставила гитлеровское командование перебросить на Восточный фронт главные силы авиации, необходимые для морской войны, но и поглощала основные ресурсы третьего рейха, лишая его возможности обратить их на развитие флота.

Англия и США имели в 1943 г. перспективы успешного вторжения на любые, самые уязвимые пункты европейского континента, включая Францию. Германский генеральный штаб в течение всего года преувеличивал степень активности стратегических намерений западных держав. Он ждал от них действий, диктуемых реальной обстановкой и здравым стратегическим смыслом, и, видимо, недооценил те сложные повороты политики антисоветского толка, которые тормозили активность британской и американской стратегии. Военная обстановка с учетом кризиса германских военных возможностей в Европе говорила о необходимости мощного англо-американского вторжения прежде всего на Западе. Но "логика" антисоветской политики Лондона и Вашингтона удержала их флоты и армии еще на год.

V

В первой половине 1943 г. германский генеральный штаб уже не мог преодолеть углубляющийся кризис коалиционной войны. Руководствуясь нацистской программой агрессивных войн, твердо веря в свое полное превосходство не только над противником, но и над любыми союзниками, строя взаимоотношения с ними на принципе господства, военное руководство не создало единой политической и военной основы коалиции. Все строилось на принципе фюрерства: на контактах Гитлера с главами государств-сателлитов. Параллельно шли аудиенции на более низком уровне, но строго в соответствии с иерархией. Собственно на этом и заканчивались сношения с союзниками в рамках военного и политического руководства. Ни одного совместного постоянно действующего высшего штабного органа или комитета, никакой стройной системы управления нацистская стратегическая мысль и практика создать не смогла, и закономерно, что коалиция агрессоров не имела внутренне целостной связи.

Военные взаимоотношения между третьим рейхом и его японским союзником оставались совершенно неопределенными. "Союз без позвоночника" - такое название неплохо раскрывает суть германо-итало-японской коалиции, без единых планов и общего руководства¹⁰⁰⁰.

Считалось, что Япония и Германия ведут "параллельную войну". Японские вооруженные силы летом 1943 г. сковывали только 19 дивизий противников оси, часть флота и авиации. Американские флот и авиация на Тихом океане уже превосходили японцев и отвоевывали у них одну позицию за другой. Начальник японского генерального штаба заявлял: отсутствие географической связи между партнерами по оси само по себе определяют недейственность союза¹⁰⁰¹. Но гитлеровское командование не могло реально помочь японским партнерам: силы немецкого флота были прочно скованы в Атлантике и на Средиземном море и терпели неудачу за неудачей. Тяжелый кризис на Восточном фронте заставил германское верховное командование активизировать прежнюю позицию относительно участия Японии в войне против Советского Союза. Гитлер, не просивший ранее помощи японцев, теперь настаивал на ней и несколько раз обращался к восточному союзнику: Япония должна выступить! Однако добиться подобного решения оказалось

практически невозможным, и в марте 1943 г. Берлин получил отказ на требования и призывы фюрера¹⁰⁰². Для Японии, находящейся в затруднительном положении, вопрос об открытии еще одного фронта был недискуссионным. Взамен нападения на Советский Союз японские советники предложили "мирное посредничество между Германией и Россией", что стало предметом непродолжительной беседы Риббентропа с послом в Берлине Осимй 19 мая 1943 г.

Гитлер с возмущением отвергал посредничество такого рода: "После Сталинграда, - сказал он, - Советский Союз, конечно, отклонит подобные предложения и вместе со своими союзниками оценит их как признак военного ослабления держав оси"¹⁰⁰³.

По-иному складывались взаимоотношения германского и итальянского генеральных штабов. Разгром под Сталинградом и поражение в Северной Африке означали поворотный пункт в судьбе итало-германской коалиции. Разгром Красной Армией в донских степях 8-й итальянской армии стал символом банкротства всей политики режима Муссолини и его военных возможностей. Германское командование теперь уже ни во что не ставило итальянского союзника, открыто пренебрегало им и третировало его. 8-ю итальянскую армию в "Вольфшанце" теперь полностью исключили из баланса сил, и она как бы вообще перестала существовать - штрих довольно примечательный для характеристики фашистской коалиции.

В конце января 1943 г. генеральный штаб сухопутных сил отказал генералу Гарибальди в железнодорожном транспорте для перевозки остатков его разбитой 8-й армии под Киев - там итальянцам сначала определили место нового формирования. Пусть идут 600 километров пешком! На бурный протест "Командо Супремо" штаб ОКВ ответил: при теперешнем состоянии транспорта речь может идти только о марше. В дело вмешался дуче. Тогда Гитлер пообещал дать несколько поездов.

Поражение под Сталинградом означало конец реального участия Италии в войне против Советского Союза.

Когда начиная с весны 1943 г. перед "Командо Супремо" возникла прямая угроза вторжения англо-американских войск в Сицилию, ситуация, перед которой оказался Рим, была, с точки зрения фашистской коалиционной стратегии, более чем неблагоприятной. Полуторамиллионная итальянская армия, разбросанная на обширной территории, нигде не имела сколько-нибудь значительной группировки. Собственно в Италии находилось в качестве резерва 12 дивизий. Теперь сюда перебрасывались дополнительно соединения из Южной Франции и с Балкан; на островах Эгейского моря и до Истрии стояло 5 итальянских армий, имевших 36 дивизий, а в Сицилии, Сардинии и на Корсике стояло по 4 дивизии¹⁰⁰⁴. Мощь союзников, угрожавших вторжением, намного превосходила возможности итальянской обороны в любом ее пункте.

Чем хуже шли дела на фронтах, тем неуютнее чувствовал себя Муссолини в своем римском палаццо и тем чаще он обращался к мысли об окончании войны. 19 января дуче обсуждал со своим зятем Чиано вопрос об установлении контактов с западными державами и о возможности выхода Италии из войны¹⁰⁰⁵. Но решение держав антигитлеровской коалиции о безоговорочной капитуляции стран оси лишало фашистских лидеров надежд заключением мира сохранить свой режим. Тогда итальянские руководители приступили к изучению других возможностей.

Поняв бесперспективность своего участия в войне против Советского Союза, они предполагали выработать стратегический план, который, в отличие от германского, сводился бы к сосредоточению сил для обороны страны в средиземноморском районе. Вновь Муссолини, Чиано и "Командо Супремо" вернулись к мысли попытаться заключить мир с Советским Союзом¹⁰⁰⁶. Если же не удастся, то перейти на Восточном фронте к обороне и высвободить подвижные войска и авиацию для контрнаступления в Италии против англо-американских частей, когда они здесь высадятся. Снова вынашивались планы втянуть крупные силы вермахта на Средиземноморский театр.

Из журнала военных действий германского военно-морского командования (запись 3 мая) следует, что в середине апреля 1943 г. в Италии открыто господствовало мнение: "Между фюрером и дуче должны обсуждаться вопросы возможного соглашения с Россией. Тем самым с немецкой стороны решающим в военном отношении центром усилий должен быть признан район Средиземного моря"¹⁰⁰⁷. Прежде с такой прямоотой подобный вопрос никогда не ставился.

Поскольку, как стало очень скоро известно, такие мечты оказались несбыточными, "Командо Супремо" начало склоняться к расчетам Гитлера: после окончания периода распутицы на Восточном фронте осуществить крупное наступление под Курском и "до наступления лета настолько ослабить русский фронт, что советские армии больше не будут способны к наступательным действиям"¹⁰⁰⁸. Тогда представится возможным перебросить подвижные соединения в Италию и отразить англо-американское вторжение.

VI

Сталинградская катастрофа сделала бесперспективной коалиционную стратегию также в рамках взаимоотношений третьего рейха с его румынским и венгерским союзниками.

Разгром под Сталинградом вызвал острый кризис фашистской диктатуры Антонеску. "Паника и смятение охватили румынскую фашистскую клику, понявшую, что дни ее сочтены"¹⁰⁰⁹. В 1943 г. Антонеску осознал, что война против СССР проиграна. Он теперь говорил: "Германия проиграла свою войну. Нужно не допустить, чтобы и мы ее проиграли". Румынский народ, обманутый лживой пропагандой, неоднократно заявлявшей, якобы румынская армия не ведет войну с Советским Союзом, а лишь "освобождает румынские провинции" и не пойдет дальше Днестра, стал понимать подлинный смысл антинациональной войны, которая была ему навязана. Антивоенные выступления в стране еще больше усилились. Коммунистическая партия Румынии взяла на себя историческую миссию объединения всех патриотических антифашистских сил¹⁰¹⁰. От диктатуры Антонеску стали постепенно отходить и буржуазные круги, прежде поддерживавшие ее. В военных сферах начали раздаваться отдельные голоса за отвод румынской армии с советско-германского фронта. Часть офицеров выражала несогласие с тем, что румынская армия воюет за Днестром.

Румыния потеряла под Сталинградом 18 дивизий, или две трети своих боевых соединений¹⁰¹¹. Антонеску сообщал Гитлеру после Сталинграда о состоянии румынской армии: "Из четырех генералов трое погибли в штыковых боях, как и все командиры рот". Румыны потеряли 200 тыс. убитыми (из них 11 тыс. офицеров и 9 тыс. унтер-офицеров)¹⁰¹². Начальник генерального штаба был смещен.

Взаимоотношениям с Румынией Гитлер, ОКВ и ОКХ придавали теперь первостепенное значение. Они хотели обязательно удержать разгромленного под Сталинградом союзника, дающего больше других дивизий, нефть и занимавшего такие важные оперативные позиции. Гитлер щедро одаривал своего румынского вассала за счет оккупированных советских территорий. Он не вмешивался в "управление" районом между Днестром и Бугом, названным "Транснистрией", поощряя румынский оккупационный режим на захваченной земле.

Когда 10 января Антонеску прибыл к Гитлеру с "государственным визитом", он встретил особое внимание и почтение ставки. Четыре дня переговоров ободрили нацистских лидеров: Антонеску как будто прочно сидит в обойме блока. Он дал согласие на восстановление разбитых дивизий. Немецкие инструкторы усилят обучение офицеров и унтер-офицеров румынской армии. Немецкие поставки для ее снабжения увеличатся¹⁰¹³. Все финансовые и хозяйственные вопросы, казалось, удалось согласовать. По требованию Антонеску главу германской миссии в Румынии недостаточно вежливого Гауффе срочно заменили на прежнего генерала-дипломата Ганзена, который сразу занялся вопросом перевооружения румынских дивизий. Однако никакие торжественные приемы и демонстрации дружбы не могли скрыть той беспощадной для нацистов истины, что разгром

под Сталинградом резко обострил германо-румынские взаимоотношения.

Правящая клика Румынии, у которой теперь под ногами горела земля, думала прежде всего о том, чтобы как-то удержаться у власти, поправить свои позиции внутри страны. За кулисами дружбы с рейхом она стала усиливать попытки внешнеполитической переориентации. После предварительного зондажа в Италии и Ватикане румынские представители стали запрашивать через Берн, Лиссабон и Мадрид о возможных условиях мира, которые предъявили бы США и Англия.

Попытки сближения с империалистическими кругами западных держав имели под собой почву. США с самого начала не осудили военные действия румынских фашистов против СССР и даже поддержали их¹⁰¹⁴. Англо-американские реакционные силы поощряли антисоветские устремления господствующих классов Румынии. Авиация союзников долгое время не бомбила Плоешти. Усилия румынской дипломатии стали как бы раздваиваться. Появилась тайная дипломатия Бухареста. Михай Антонеску зондировал возможность заключения мира с Лондоном и Вашингтоном.

В марте 1943 г. румынский поверенный при испанском правительстве Димитреску сообщил дипломатам Франко: "Гитлер, возможно, будет готов к миру и допустит соглашение с англичанами и американцами. Он оставит все занятые им страны, кроме Украины". Гитлер еще надеется, провокационно заявлял он, подстраиваясь в тон низкопробной фашистской пропаганде, что "на этом пути сумеет спасти Европу от большевистской опасности". Димитреску считал, что Германия могла бы "в крайнем случае заявить о своей согласии с вторжением крупных англоамериканских вооруженных сил на Балканы, а также с занятием американскими войсками Рейнской области"¹⁰¹⁵.

Германская разведка быстро узнала о мадридском демарше союзника. Гитлер в драматических выражениях сообщил обо всем Антонеску во время встречи в замке Клессгейм под Зальцбургом 12 апреля 1943 г. и возмущенно потребовал смены министра иностранных дел М. Антонеску. Однако румынский диктатор ничуть не смутился и даже не подумал удовлетворить требования фюрера. Времена уже изменились. 1 июля М. Антонеску вел беседу с Муссолини о возможности мирных переговоров. Нить оборвалась только с падением фашистского режима в Италии.

Союзник рейха еще долго оставался в блоке. Он держал против Советского Союза шесть дивизий в 17-й армии на кубанском плацдарме и две, а позже семь дивизий - в Крыму.

21 января Цейтцлер объявил, что реорганизация румынской армии - "это дело их собственных командных инстанций". Но, поскольку обстановка на Восточном фронте трудная, в ходе реорганизации румынские войска должны не отдыхать, а участвовать в боях: 4-й армии следует оборонять плацдарм под Ростовом и позиции у Азовского моря. Все небоеспособные части должны собраться под руководством штаба 3-й армии в Крыму для охраны побережья¹⁰¹⁶. Ни один румынский солдат не имеет права перейти через Днепр. Там поставят заслоны и всех будут отправлять в Крым.

Немедленно из Бухареста последовал решительный протест. Антонеску и большой румынский генеральный штаб заявили: не может быть и речи об отправке войск под Ростов и в Крым. "Сегодня из остатков обеих армий нельзя выжать боевую силу одного полка"¹⁰¹⁷. Необходимо видеть всю правду, упрекал обитателей "Вольфшанце" румынский генштаб, а не стоять на почве фальшивых иллюзий. Антонеску требовал объединить остатки армий союзников и направить их для охраны побережья западнее Буга. Он требовал помощи германского генерального штаба в перевозке туда войск. Он разъяснял: "Ни на какие новые румынские силы, кроме дивизий, находящихся на Кавказе и в Крыму, рассчитывать нечего"¹⁰¹⁸.

Теперь клика Антонеску все больше думала об охране подступов к Румынии, о сосредоточении войск поближе к стране, чтобы не ослаблять "устой" своего колеблющегося антинародного режима.

И немецкий генеральный штаб согласился. Кейтель скрепя сердце сообщил в Бухарест, что остатки румынских 3-й и 4-й армий "в соответствии с приказом румынского большого

генерального штаба о переброске могут быть переведены в Транснистрию"1019.

Единственное, что еще принимало без особых возражений румынское командование, - германскую охрану Плоешти. После того как надежда на захват кавказских месторождений нефти испарилась, нацистские руководители начали беспокоиться о судьбе нефтяных источников Румынии. 1 января 1943 г. Геринг заявил: он намеревается снова сосредоточить в немецких руках противовоздушную оборону нефтяных районов1020. Начальник миссии германских военно-воздушных сил в Бухаресте сразу приступил к переговорам с румынским командованием, которые завершились соглашением о вводе дополнительно 5 тыс. человек для охраны нефтяных источников.

Зимняя катастрофа на Волге и на Дону оказала на румынскую армию потрясающее влияние и подорвала ее моральный дух. В войсках ширились антивоенные настроения. Германский генеральный штаб решил "принять меры": в начале февраля 1943 г. из ставки Гитлера полетела телеграмма в Бухарест: "В румынских соединениях 17-й армии наблюдаются явления разложения". Генерал Ганзен немедленно отправился к Антонеску. "Маршал воспринял содержание телеграммы спокойно и рассудительно, - доносил впоследствии Ганзен, - и указал, что, видимо, с немецкой стороны были совершены тактические и психологические ошибки"1021. Виноваты немцы!

И снова в ставке Гитлера проглотили пилюлю. Прежде союзники никогда не смели бы так ответить фюреру. Теперь следовало промолчать и принять к сведению: из Бухареста выедет комиссия, чтобы разобраться в этом деле. Вскоре она разобралась: "О признаках разложения не может быть и речи"1022. Гитлер рассыпался в благодарностях Антонеску, хотя в "Вольфшанце" кривились от злости, потому что превосходно знали: речь "может быть"! Румынские солдаты больше не желали участвовать в войне на стороне гитлеровского рейха.

Не лучше обстояло и с венгерским союзником. Разгром под Воронежем 2-й венгерской армии означал удар, от которого венгерская армия уже не смогла оправиться.

Венгерские части, состоявшие более чем на 60% из резервистов, не хотели воевать против Советского Союза. Разгром на Дону вызвал в стране гнев народа в отношении правителей1023. Коммунистическая партия Венгрии обратилась к населению страны с призывом сплотиться и подняться на борьбу за независимую, свободную и демократическую Венгрию.

2-я венгерская армия общей численностью 200 тыс. человек1024, по выражению В. Хубача, "растертая" советскими войсками, отправилась в тыл, где из ее обломков к осени собрали несколько соединений для несения оккупационной службы и охраны железных дорог.

В результате поражения под Сталинградом отношение венгерского генерального штаба к немецкому стало более чем холодным. Нацисты же боялись упустить Венгрию как сателлита, ценного главным образом с точки зрения его стратегических позиций, продовольственных и нефтяных ресурсов. Германские военные лидеры понимали: они не могут требовать от разбитой венгерской армии продолжения борьбы против Советского Союза. И немцы не хотели поэтому тратить значительные средства на ее восстановление, особенно после того, как разведка стала доставлять сведения о разных маневрах и мирных жестах венгерских руководителей в сторону англо-американского альянса.

Наиболее дальновидным представителям правительственных и военных кругов Венгрии после Сталинграда стало ясно, что Германия проиграет войну. С начала 1943 г. они стали тайно искать выхода из войны, которая им уже обошлась в 146 тыс. убитыми и многими ранеными1025. Премьер-министр хортистского режима Каллаи старался "не опоздать с переориентацией на западные державы"1026. Он попытался в Берне, Стокгольме, Мадриде и Ватикане установить контакты с Лондоном и Вашингтоном. Выразались пожелания провозгласить Отто фон Габсбурга венгерским королем "в случае, если эта кандидатура получит поддержку и Америке"1027.

С помощью Ватикана проанглийски настроенным венгерским дипломатам удалось

наладить контакт с представителями Англии и США. "В 1943 г. Хорти и его клика еще надеялись, что в случае поражения Германии территория Венгрии будет оккупирована англо-американскими войсками. Поэтому они полагали, что сохранение капиталистического строя можно считать гарантированным"¹⁰²⁸. Хортисты рассчитывали на "балканский вариант" высадки армий США и Англии в Европе. Глава правительства Каллаи тайно уведомил союзников, что границы Венгрии будут открыты, как только к ним подойдут британские войска.

Правители восточноевропейских стран выражали полную готовность к сотрудничеству с западными державами на антисоветской основе. "Косвенными или прямыми предложениями своих услуг в качестве "антисоветских часовых" в Восточной Европе пестрела весной 1943 г. румынская, венгерская, болгарская и финская реакционная печать"¹⁰²⁹.

В Берлине знали о попытках Будапешта выйти из войны. Гитлер пригласил Хорти 16 апреля 1943 г. в тот же замок Клессгейм у Зальцбурга, где недавно принимал его румынского коллегу, и пытался отговорить от перемены политики. Предметом длительных рассуждений стала "Дунайская федерация". "Если уж 200 немецких дивизий, - говорил Гитлер, - не в состоянии остановить русских, то, само собой разумеется, пара английских или американских дивизий не могут и думать о том, чтобы успешно им противостоять... Никакой балканский союз Турции, Румынии и Венгрии не может равняться с русскими в большей мере, чем германский рейх с его 240 дивизиями. Сооружать восточный вал бесполезно, так как зимой он станет нереальным; остается только подвижная война, для того чтобы не дать русским паузы для отдыха"¹⁰³⁰.

Гитлер через Хорти упрекал всех союзников в "разложении". Для них, союзников, заявил он, "ни психологически, ни духовно борьба против большевизма не по плечу". Соединения союзников, горько констатировал он, под ударами советских войск бегут назад, в то время как германские колонны строителей, транспортные роты и подразделения пекарей неделями сдерживают русских¹⁰³¹.

Третий рейх не мог обойтись без Венгрии: после Румынии она - важнейший поставщик нефти и сельскохозяйственных продуктов, особенно пшеницы. Через ее территорию проходили важнейшие коммуникации. Венгрия должна была оставаться в гитлеровской узде. Но позиция Хорти не внушала доверия. И, внешне признавая хортистскую Венгрию другом, гитлеровское военное руководство начало тайно готовить оккупацию всей территории союзника.

Германский генеральный штаб потерял веру в своего венгерского коллегу сразу после Сталинграда. Уже в начале января 1943 г. Кейтель решил отобрать из разбитой венгерской армии "лучшие кадры", подготовить три дивизии, а всех остальных отправить на строительство оборонительных позиций под Смоленском¹⁰³². Когда три дивизии будут созданы, их нужно срочно послать в Югославию, где партизанская война принимает угрожающие для всего стратегического тыла Германии размеры. Именно в таком духе 11 февраля Кейтель просил начальника венгерского генштаба Сомбатхельи использовать свои части после того, как они вновь обретут какую-то силу.

Но и здесь гитлеровские генштабисты получили отказ. Пережив Сталинград, генералы Хорти стали еще меньше, чем раньше, думать о задачах коалиционной стратегии. Дважды приглашал к себе Сомбатхельи немецкого представителя в Будапеште и растолковывал ему: венгерское правительство не может посылать войска против Югославии, ибо "в случае вражеского вторжения и переворота в Румынии необходимо держать силы в руках". Оба раза представитель вермахта недоволено морщился, обещая сообщить мнения господина шефа генерального штаба своему начальству.

"Вольфшанце" не оставалось в долгу. Гитлеровское командование даже не ответило штабу венгерской 2-й армии на просьбы улучшить снабжение. "Отсутствие ответа - тоже ответ", - философски резюмировал Сомбатхельи. Разбитым венгерским частям пришлось в феврале идти пешком с Дона под Гомель. Им не дали ни одного эшелона. Когда в последних

числах февраля Сомбатхельи попросил у Кейтеля немного оружия для прибывших в Конотоп измученных частей разбитой 2-й армии, то получил отказ. Генеральный штаб сухопутных сил любезно уведомил своих союзников о приказе Гитлера в дальнейшем не поставлять Венгрии "никакого оружия и никакого снаряжения"¹⁰³³.

Тем не менее хортистское правительство продолжало участвовать в войне, подчинив свою экономику интересам германского рейха и затрачивая огромные суммы на армию и военное производство. Оно обрушило террор на компартию, на трудящихся и на все прогрессивные слои, выступавшие против войны, за национальное и социальное освобождение.

Финляндия рассматривалась германским генеральным штабом как ценный союзник, хотя с ней не существовало формального договора, и финская реакция всячески старалась поддерживать лозунг "самостоятельного" участия в войне против Советского Союза.

Уже во время битвы под Сталинградом, понимая, что теперь карта Гитлера будет бита, финское правительство приступило к изучению вопроса, каким способом выйти из войны. На следующий день после разгрома 6-й армии, 3 февраля 1943 г., совет министров Финляндии собрался для решения этой проблемы, но возобладали реакционные силы, считавшие разрыв с Германией недопустимым. Кабинет был реорганизован. Риббентроп 26 марта потребовал письменной гарантии, что Финляндия ни при каких обстоятельствах не заключит сепаратного мира¹⁰³⁴. 14 мая в ставку Гитлера прибыл финский начальник генерального штаба Тальвела. Он вел длительные переговоры с Кейтелем по общим вопросам ведения войны и сообщил, что отныне финская армия может проводить только чисто оборонительные мероприятия. На этой, основе финны начали противиться германским намерениям использовать финские аэродромы для авиационного наступления на Ленинград¹⁰³⁵.

Когда в сентябре 1943 г. под ударами Красной Армии войска немецкой группы армий "Север" на ряде участков были отброшены и возникла угроза выхода Финляндии из войны, премьер-министр Линкомиес под нажимом Берлина заявил 3 сентября: "после зрелой оценки положения" он пришел к выводу, что Финляндия "должна продолжать борьбу".

В Северной Финляндии находилась 20-я германская армия генерала Дитля численностью 176 800 человек. На остальных участках держала фронт финская армия (10 дивизий, 350 тыс. человек). Все попытки нанести поражение войскам Красной Армии и занять Мурманскую железную дорогу провалились. "Между Финским заливом и Ледовитым океаном господствовала позиционная война в самой тусклой форме"¹⁰³⁶. Финское руководство придерживалось теперь стратегии выжидания. Оно все больше и больше склонялось к выходу из войны, как только произойдет дальнейшее ухудшение дел германской армии на севере.

Под ударами Красной Армии коалиция агрессоров обнаруживала все больше и больше острых противоречий и вместе с тем лишалась реальной основы коалиционная стратегия германского верховного командования и генерального штаба.

Последняя попытка

I

Одной из характерных черт образа мышления германского военного руководства как до войны, так и в ее ходе была органическая слабость в умении оценивать войну в широких масштабах глобального или даже континентального порядка. Опытнейшие профессионалы ведения военных операций, они тускнели, когда ход событий ставил перед ними задачи, где требовался особый размах мышления, где военная стратегия тесно переплеталась со стратегией политической и экономической. У них на всем лежала какая-то печать главным образом тактического и оперативного масштабов. Та область военного руководства, которая лежит на грани стратегии, политики, экономики, постоянно выглядела авантюристической и малокомпетентной. В этом отражалось многое: и метод подбора руководящих военных

кадров, и традиционное "центральноевропейское" мышление генералитета, и другие обстоятельства.

Но главное заключалось, конечно, в глубокой недооценке возможностей социализма, способности Советского Союза вести войну во всех отношениях на уровне самых современных требований.

Все это еще раз чрезвычайно ярко обнаружилось весной и летом 1943 г.

Советский Союз продолжал нести основную тяжесть борьбы с армиями гитлеровского рейха и его сателлитов, намного облегчая Англии и США развертывание боевых действий на других фронтах войны и дальнейшее накопление сил. Только до середины ноября 1942 г. нацистское командование вынуждено было дополнительно привлечь на советско-германский фронт с начала войны 80 дивизий. Число немецких соединений увеличилось за этот срок более чем на 40%, а число дивизий сателлитов - в два раза¹⁰³⁷. В конце весны - начале лета 1943 г. против Красной Армии Германия держала 67% всех соединений сухопутных сил и войска сателлитов¹⁰³⁸. С битвы под Сталинградом и до конца марта 1943 г. немецкий Восточный фронт был вынужден отступить на 600-700 км и оставить территорию, захваченную летом 1942 г. Помимо катастрофы под Сталинградом, немцы понесли тяжелое поражение на Северном Кавказе, в районах Среднего Дона и Воронежа¹⁰³⁹. Кроме того, гитлеровцы потеряли ржевско-вяземский и демянский плацдармы. Советские войска сняли блокаду Ленинграда. Правда, в конце февраля - начале марта 1943 г. группе армий "Юг" удалось контрнаступлением снова захватить некоторую территорию северной части Донбасса и в районе Харькова. В. П. Морозов, детально исследовавший этот вопрос, приходит к выводу, что гитлеровскому командованию "не удалось полностью выполнить задачи в ходе февральско-мартовского наступления в Донбассе и под Харьковом"¹⁰⁴⁰. Однако невыполнение гитлеровцами задач, предусматривавшихся на завершающем этапе зимней кампании 1942/43 г., в значительной степени повлияло на их планы на последующую, летнюю кампанию 1943 г.

Общие итоги поражения вооруженных сил агрессоров зимой 1942/43 г. были следующими: Красная Армия разгромила до 40% всех дивизий, находившихся к 19 ноября на советско-германском фронте. До 1200 тыс. человек из состава немецкой, румынской, итальянской и венгерской армий были убиты или пленены. Чтобы стабилизировать положение, ОКВ перебросило на Восточный фронт из различных стран Европы 33 дивизии и 3 бригады.

Перед германским военным командованием весной 1943 г. стояла масса проблем. И нацистское руководство сделало еще одну попытку разрешить их одним ударом.

II

Весной 1943 г. обе стороны готовились к новым сражениям. Обстановка на всех фронтах второй мировой войны и соотношение сил коренным образом изменились в пользу Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции. Благодаря усилиям Коммунистической партии и всего советского народа Советский Союз имел налаженное, быстро растущее военное хозяйство. Победы Красной Армии способствовали подъему национально-освободительной борьбы народов Европы. В ряде оккупированных стран складывался единый национальный фронт борьбы народных масс. Советский Союз продолжал оставаться ведущей силой антигитлеровской коалиции, сплачивая вокруг себя антифашистские силы, вдохновляя их на борьбу, расширяя свои международные контакты и связи.

Социалистический общественный строй явился источником неуклонного роста могущества Советского государства в ходе войны. Плановая система хозяйства позволила, рационально используя промышленные ресурсы, изготавливать боевую технику во все увеличивающихся размерах и вскоре превзойти военное производство Германии. При этом значительно возрасл выпуск новых образцов оружия. Военно-политическое положение Советского Союза к лету 1943 г. по сравнению с 1941-1942 гг. значительно укрепилось¹⁰⁴¹.

Успехи Красной Армии еще острее поставили проблему второго фронта в Европе. Сущность проблемы второго фронта теперь состояла в том, чтобы войска Англии и США осуществили бы, наконец, давно обещанную высадку в Европе и активно содействовали полному разгрому вооруженных сил фашистского блока¹⁰⁴².

Но правительства западных держав определяли свою политику и стратегию "не условиями коалиционной войны, а все теми же стремлениями путем затягивания второго фронта ослабить не только Германию, но и Советский Союз"¹⁰⁴³. Несмотря на благоприятные условия для вторжения союзных армий в Европу, сложившиеся в начале 1943 г., оба правительства не собирались его предпринимать и выжидали дальнейшего развития событий на Востоке.

В таких условиях третий рейх начал готовить последнюю свою попытку перехватить инициативу ведения войны.

Правильно понять стратегию германского верховного командования периода лето - осень 1943 г. можно, лишь рассматривая ее в тесной связи с военно-экономическим положением фашистской Германии.

Несмотря на ряд тяжелых военных неудач, руководители гитлеровского рейха стремились мобилизовать все силы на дальнейшее ведение войны "до полной победы". Они смогли в какой-то мере разрешить острую проблему рабочей силы, вызванную мобилизацией в армию до 1943 г. 11,2 млн. человек и ростом потерь.

В конце мая 1943 г. в германской экономике работало 6,3 млн. военнопленных и иностранцев. Максимальным использованием ресурсов Германии, "тотальным" грабежом оккупированных стран мощные концерны, работавшие на войну, все же вплоть до середины 1944 г. постоянно поднимали уровень выпуска военной продукции. В 1943 г. она составляла около четырех пятых всей продукции Германии¹⁰⁴⁴. В январе началась реализация расширенной программы выпуска танков, позволившая за год увеличить их число по сравнению с 1942 г. в 2,5 раза, а производство штурмовых орудий - в 4 раза.

В 1943 г. авиационная промышленность выпустила 22 тыс. самолетов по сравнению с 13 тыс. в 1942 г. Среднемесячный объем производства артиллерийско-стрелкового вооружения за год возрос почти в два раза¹⁰⁴⁵. Крайне остро, как и в течение всей войны, стояла проблема снабжения фронта горючим, смазочными маслами, каучуком. В результате тотальной мобилизации всех сил Германии удалось к лету 1943 г. значительно повысить выпуск военной продукции и в целом сохранить общую численность вооруженных сил¹⁰⁴⁶.

Но поддерживать военное производство на необходимом уровне и получать продукты питания гитлеровская Германия могла лишь за счет неслыханного ограбления оккупированных стран и поставок нейтралов. Именно это обстоятельство в огромной степени влияло на дальнейшее формирование стратегических идей в различных военных и государственных инстанциях рейха.

Стратегический план германского верховного командования на лето 1943 г. это попытка установить равновесие между целями и возможностями. Он представлял собой последнее усилие нацистов, направленное к тому, чтобы выйти из кризисной ситуации, удержать Европу и прежде всего то главное, ради чего гитлеровский рейх начал войну, - продовольственную базу и земли Украины, руду, уголь, металлургию Донбасса, господство на Черном море и на Балтике, самые богатые области "восточного пространства". И основное: этот план - последняя попытка вновь захватить инициативу в борьбе с Советским Союзом, изменить ход войны в пользу Германии.

Новый план составлялся в надежде еще раз попытаться решить проблемы ведения мировой войны при концентрации основных усилий на советско-германском фронте.

Оценивая многие обстоятельства, влиявшие на создание плана весной 1943 г., мы придерживаемся мнения, что ведущие из них и в данном случае, как и прежде, лежали в сфере интересов монополистического капитала, давних экономических устремлений германского империализма. Теперь стратегический успех или провал самым непосредственным образом вторгались в промышленно-экономическую и финансовую

калькуляцию крупнейших монополистов, которые стояли на службе гитлеровской политики и вместе с тем обладали крупным самостоятельным влиянием на нее.

Еще в период подготовки агрессии против СССР руководство фашистской Германии предрешило, что в "эксплуатацию Советского Союза" должны будут включиться "надежные лица, представляющие германские концерны" 1047. С самого начала предусматривалась ведущая роль германских монополий в захвате богатств Советской страны. Через месяц после вторжения Геринг издал директиву "Принципиальная установка для руководства хозяйством во вновь занятых восточных областях", в которой провозглашалось образование так называемых восточных компаний. В частности, создавалась крупнейшая "Горная и металлургическая компания Остланд" (БГО) с задачей "использования русского угольного и железнорудного хозяйства, а также добычи железной руды в интересах германского военного хозяйства" 1048. Немного позже гигантский концерн Флика совместно с государственными заводами основал фирму "Днепр-сталь". На оккупированной части Советского Союза предполагалось создать колоссальный "хозяйственный комплекс" с большим удельным весом частных предприятий, что особенно привлекало германских монополистов.

20 августа 1941 г. было официально основано монопольное объединение угля, железной руды, железа и литейной промышленности "в оккупированных западных районах Советского Союза" с постоянным капиталом 60 тыс. марок. 1049 Создателями концерна под эгидой министра хозяйства стали крупнейшие промышленные предпринимательские союзы: "Хозяйственная группа горного дела", "Хозяйственная группа железнорудной промышленности". Его возглавили генеральный директор Плейгер и совет из 12 лиц. Так владыки Рура готовились наложить руку на промышленность Советского Союза.

После того как гитлеровские войска оккупировали Донбасс, монополии немедленно бросились вслед за армией и стали расхватывать добычу. Но какое разочарование ожидало их всех! Советские люди в июне - октябре вывезли с Украины на восток 283 крупных предприятия, демонтировали и эвакуировали важнейшее оборудование, вывели из строя почти все агрегаты, которые невозможно было увезти. Захватчикам требовались длительные сроки для восстановления экономики Донбасса. Правда, крупными капиталовложениями предполагалось помочь восстановлению производства. В 1943 г. компания БГО получила от государства кредит в 200 млн. марок. 1050

Сразу же началась острейшая борьба между отдельными монополиями и группами за наиболее прочные позиции, главным образом в Донбассе. Лишь к ноябрю 1942 г. удалось договориться насчет дележа основных предприятий. Крупную "достались" краматорские заводы, Маннесману - металлургический завод в Таганроге, акционерному обществу "Среднегерманская сталелитейная промышленность" - ряд заводов и фабрик в Каменске и Днепропетровске, компании "Герман Геринг" заводы "Коминтерн", "Карл Либкнехт", "Артем" в Днепропетровске и Нижнеднепровске, обществу Сименс-Шуккерт - завод в Рутченково и т. д. 1051

Можно согласиться с И. М. Файнгаром, считающим, что "германские крупные промышленники и банкиры даже перед угрозой смертельной опасности в условиях войны ни на одну минуту не прекращали конкурентной борьбы за прибыльные миллиардные заказы, за влияние на государственный аппарат, за дележ награбленного в оккупированных странах и т. д." 1052.

Монополии рассчитывали к весне 1943 г. дать "непрерывный поток промышленной продукции для рейха". Так, Флик обещал добывать ежедневно более 2 тыс. т марганца. "Положение с обогащением руды в течение весны будет налажено", - сообщал он 31 марта 1943 г. "Общая потребность в марганцевой руде для Германии и германских союзников будет удовлетворена". Добыча железной руды увеличится на 15 тыс. т ежедневно. 1053 На совещании 15 января 1943 г. о развертывании металлургического производства в масштабе комплекса "Днепр-сталь" был сделан вывод, что только предприятия Каменска будут давать рейху ежемесячно 105 тыс. т стали. 1054 Дальнейшие перспективы с точки зрения

извлечения сверхприбылей за счет террора и принуждения рабочих представлялись германским монополиям внушительными.

Понятно, что, когда наступление Красной Армии стало угрожать потерей Донбасса, интересы монополий, стремление экономически обеспечить ведение войны в решающей степени воздействовали на стратегические расчеты. На совещании в "Вольфшанце" 12 марта, где обсуждались дальнейшие планы войны, Гитлер заявил: "Донецкая область для нас - это самое главное. Она будет атакована. Для нас чрезвычайно важно ничего там не потерять"¹⁰⁵⁵. По свидетельству Манштейна, на совещании в штабе группы армий "Юг" в марте 1943 г. Гитлер говорил, что совершенно невозможно отдать Донбасс даже временно. "Если бы мы потеряли этот район, то нам нельзя было бы обеспечить сырьем свою военную промышленность... Что касается никопольского марганца, то его значение для нас вообще невозможно выразить словами. Потеря Никополя... означала бы конец войны. Далее, как Никополь, так и Донбасс не могут обойтись без электростанции в Запорожье"¹⁰⁵⁶. Эта точка зрения, продолжает Манштейн, имела решающее значение для Гитлера в период всей кампании 1943 г. и привела к тому, что группа никогда не имела необходимой свободы при проведении операций¹⁰⁵⁷.

По свидетельству Г. Грейнера, 4 февраля 1943 г. министр вооружения Шпеер и генеральный директор Донецкого концерна Плейгер докладывали Гитлеру о состоянии военного производства. "Без Донбасса, годовой выпуск продукции которого составляет крупную величину, невозможно никакое увеличение производства оружия". Гитлер ответил: Донбасс отдать невозможно, потому что тогда он, фюрер, не сможет дальше вести войну¹⁰⁵⁸. Филиппи и Гейм подчеркивают, что Гитлер исключал возможность отдачи Донбасса и отхода на какие-либо другие позиции в тылу¹⁰⁵⁹.

Снова, как и в прошлые годы войны, экономические требования, интересы военного производства влияли непосредственно на оперативные и стратегические планы гитлеровского верховного командования.

Эти требования в немалой степени предопределили районы сосредоточения главных усилий вермахта в центре советско-германского фронта, способствовали выбору форм вооруженной борьбы. Однако экономические задачи решались в рамках широких стратегических расчетов, основу которых составляли надежды на разгром главных сил Красной Армии и на прочный захват стратегической инициативы¹⁰⁶⁰.

К началу летне-осенней кампании 1943 г. на советско-германском фронте находилось 196 немецких дивизий из 294, которыми располагал вермахт, и, кроме того, 32 дивизии и 8 бригад союзников, т. е. всего до 232 дивизий, в то время как остальные силы были рассредоточены на других театрах военных действий от Ледовитого океана до Средиземного моря¹⁰⁶¹. На Восточном фронте весной 1943 г. уже не хватало подготовленного пополнения, материальной части, чтобы возместить потери, понесенные под Сталинградом. Не хватало горючего и снаряжения¹⁰⁶².

По статистике организационного отдела штаба сухопутных сил, потери Восточной армии убитыми, пропавшими без вести, ранеными за период с 1 ноября 1942 г. по 31 марта 1943 г. достигали 966 750 человек. За это же время пополнение составляло лишь 493300 человек, Некомплект достигал свыше 400 тыс. человек¹⁰⁶³. В последующие месяцы 1943 г., за исключением весенних, потери значительно превосходили пополнение. Таким образом, все ясное обнаруживалось истощение людских резервов гитлеровского рейха.

Еще 13 января 1943 г. Гитлер издал приказ "О широком привлечении мужчин и женщин для задач обороны рейха", в котором предусматривались мобилизация в вермахт, главным образом с целью восполнения потерь Восточной армии, 800 тыс. человек из народного хозяйства и замена их вновь призванным таким же числом мужчин старших возрастов и женщин. Однако уже 12 марта Гитлер говорил о трудноразрешимом противоречии: "С одной стороны, мы должны взять 800 тыс. - 1 млн. человек, ...а с другой, - мы обязаны в следующие месяцы... утроить выпуск продукции во всех областях"¹⁰⁶⁴. Имевшийся некомплект Восточной армии еле-еле удалось покрыть только наполовину.

Основную часть пополнения израсходовали на то, чтобы доукомплектовать дивизии, которым предстояло участвовать в летнем наступлении на Курской дуге, другую - на формирование вне Советского Союза некоторых разбитых "сталинградских дивизий" (13 пехотных, 4 танковых, 2 моторизованных). Для усиления дивизий на остальных участках Восточного фронта резервов не хватало¹⁰⁶⁵.

Удар за ударом, которые получала германская военная машина на главном фронте второй мировой войны, постоянный, неуклонный рост могущества Советского Союза и его армии, кризис фашистской коалиции - все эти факторы также в весьма большой степени влияли на выработку планов дальнейшего ведения войны Германией.

Нацистских лидеров серьезно беспокоило быстрое падение престижа империи. Они не видели иного способа вновь поднять свой авторитет в глазах союзников, нейтралов и остального мира, кроме военного успеха. Уже в зимние месяцы Гитлер не скрывал намерения "летом вернуть то, что зимой было потеряно"¹⁰⁶⁶. Позже, когда появилось решение атаковать Красную Армию на Курской дуге, он с непоколебимой уверенностью заявил: "Победа под Курском должна стать факелом для всего мира"¹⁰⁶⁷.

По мнению Хейнрици, Гитлер "не был склонен продумывать в этом новом положении методы дальнейшего ведения войны"¹⁰⁶⁸. Варлимонт пишет: "Поворот в войне после Сталинграда немецким руководством, а главное, самим Гитлером... был мало осознан"¹⁰⁶⁹. В противоположность этому Йодль считает, что "не только военным руководителям, но теперь и Гитлеру стало ясно, что сам бог войны уже отвернулся от Германии и направился в другой лагерь"¹⁰⁷⁰. Противоречивость этих оценок сама по себе говорит о том, насколько нечетко понимали общую обстановку военные лидеры третьего рейха.

Гитлер и его ближайшее окружение полагали: самое главное - "с максимальной интенсивностью продолжать военные действия, для того чтобы ни у кого не создалось впечатления, будто немецкое руководство может когда-нибудь уступить или капитулировать"¹⁰⁷¹. "Именно после неудач и потерь в России и Африке, пишет Хейнрици, - он (Гитлер. - Д. П.) хотел доказать собственному народу, союзникам, понесшим огромные потери при ответных ударах, и врагам, что силы немецкого вермахта еще не сломлены. Поэтому, когда в конце февраля - начале марта контратаки группы армий "Юг" привели к успеху и вернули Восточной армии инициативу, созрело решение Гитлера сразу, как только окончится период распутицы, держать курс на наступление"¹⁰⁷². В письме от 16 февраля к Муссолини своей первой задачей Гитлер назвал восстановление на Востоке "нового крепкого стабильного фронта, занятого немецкими войсками". Решив после окончания распутицы опять перейти в наступление на Восточном фронте, Гитлер и ОКВ надеялись, что "Советский Союз... все-таки в какой-то день должен будет рухнуть"¹⁰⁷³.

В разработке дальнейших планов ведения войны играла роль и боязнь вторжения англо-американских войск в Южную Италию. Здесь опасность казалась реальной, особенно после капитуляции армии Роммеля в Северной Африке и поражений в Средиземном море. Кроме того, "горящими пунктами" все еще признавались Балканы, Норвегия, французское побережье и, наконец, Испания. Все границы "Крепости Европа" становились уязвимыми тем в большей степени, чем труднее складывалась для третьего рейха обстановка на Восточном фронте.

III

Решительный план: вновь попытаться изменить ход войны в пользу фашистской Германии - сложился не сразу. Его выработка представляла собой длительный, сложный процесс, отличавшийся столкновением самых различных, порой противоположных мнений внутри нацистской военной верхушки. На первом этапе создания нового плана появился термин: "ничейный исход". Вряд ли кто-нибудь в генеральном штабе вполне ясно представлял себе, что это значит. "Ничейный исход" связывали со смутными надеждами добиться мира с Советским Союзом, истощив его наступательные возможности. "Должны же в конце концов иссякнуть наступательные силы русских!"¹⁰⁷⁴, - восклицал Манштейн,

активный сторонник "ничейного решения". Истощить Красную Армию "рядом ударов", а потом "добиться на Востоке по меньшей мере равновесия сил" - такого замысла придерживались Манштейн и некоторые его сторонники.

Гросс-адмирал Редер, оставшийся советником фюрера, и генеральный штаб военно-морских сил стояли на несколько иной позиции. Они давно не считали возможным добиться когда-нибудь военной победы над Советским Союзом. Редер видел основу дальнейшей стратегии в использовании противоречий между партнерами антигитлеровской коалиции и в перенесении центра тяжести ведения войны против Англии и США. Редер был первым, кто признал: Советский Союз победить нельзя. Как и год назад, он придерживался мнения, что судьба войны решится на море, и такие расчеты особенно укрепились у него после поражения итало-германских войск в Северной Африке.

20 мая 1943 г. Редер представил ОКВ доклад с оценкой положения и планами на будущее. "После достигнутой на Востоке стабилизации фронта против России, писал он, - в настоящее время главной проблемой германского руководства войной является развитие военных событий в Средиземном море" 1075. Признав решающее значение наступления Красной Армии для развития событий на Североафриканском театре в пользу союзников, Редер приходил к выводу: "Англосаксы ныне создают условия для дальнейших операций против Европы и Среднего Востока, сосредоточивая силы в западном Средиземноморье". Оценивая возможности Советского Союза, Редер приходил к выводу: "Советское государство как в отношении личного состава, так и материальных средств еще располагает значительной мощью. Оно... располагает боевым духом и волей, необходимыми, чтобы продержаться до конца" 1076.

Редер был первым, кто посоветовал Гитлеру положить теперь в основу стратегии "игру на противоречиях" между партнерами антигитлеровской коалиции, - мысль, за которую впоследствии, до конца своих дней, столь упорно и безрезультатно цеплялись фашистские главари. Редер понял, что СССР сокрушить невозможно, однако не смог вполне уяснить, что главной целью антигитлеровской коалиции на том этапе войны была победа над фашистским режимом и всеми его институтами, воплощенными в третьем рейхе, и что главным фронтом войны для Германии объективно по-прежнему оставался советско-германский. Редер считал, что для Европейского театра необходимы прежде всего "надежное обеспечение на Востоке и оборона от ожидаемого наступления англосаксов. Это наступление, вероятно, последует из английской метрополии и из Северной Африки" 1077. Но оно может начаться и через Балканы, где положение стран оси неустойчиво и должно быть немедленно укреплено. Конечно, самым слабым местом концепции Редера оставалось "обеспечение на Востоке". Каким путем?

Разрабатывая планы перенесения усилий в район Средиземного моря, военно-морское руководство надеялось, что к лету 1943 г. на Востоке станет возможным установить прочный оборонительный фронт, и тогда с Восточного фронта в Италию и на Балканы будут переброшены крупные силы авиации и подвижных войск. 1078.

Вариант Редера приобрел сторонников в Италии. Он обсуждался в германских и итальянских штабах и стал предметом дискуссии во время встречи Гитлера с Муссолини 19 июля 1943 г. Итальянцы весной 1943 г. ждали активной помощи Германии в Средиземноморье. Главной предпосылкой немецкой поддержки должно было стать "полное истощение" Красной Армии в сражениях на Восточном фронте.

В общем итоге к весне 1943 г. возникло намерение сразу после периода распутицы начать активные действия против Красной Армии, ослабить ее, лишить наступательных возможностей и стабилизировать Восточный фронт, прочно закрепив за собой прежде всего Донбасс. Затем высвободить часть дивизий на Востоке, перебросить их против ожидаемого вторжения в Италию, отбить атаки англо-американских войск и удержать в седле итальянского союзника.

Чем ближе к лету, тем замысел становился активнее и решительнее.

Оценка возможных планов советского командования на лето 1943 г. занимала в расчетах германского военного руководства первостепенное место. Главный вопрос, на который требовался ответ разведки, состоял в следующем: какой вид вооруженной борьбы выберет на лето 1943 г. Советский Союз - наступление или оборону? Разведка очень долго не имела по этому вопросу определенного мнения. В конце марта она сообщила: "На основании больших потерь русских во время зимы является сомнительным, что противник вообще в состоянии предпринять решающее летнее наступление. Но это не исключает планирования и проведения операций с широко поставленными целями"¹⁰⁷⁹. В середине апреля руководимый Геленом отдел иностранных армий Востока подтверждал: "Существующее сейчас положение на Восточном фронте соответствует установке на принципиально оборонительные действия русских". Однако и здесь не отрицалась возможность "крупных наступательных операций" в будущем¹⁰⁸⁰.

С последних чисел апреля германская разведка все более определенно сообщает о наступательных планах Красной Армии. "Советское командование планирует на лето и в значительной степени подготовило крупные наступательные операции с широко поставленными целями", - сообщается 20 апреля. Причем главная вероятная задача - удар "против северного фланга группы армий "Юг" с целью: Днепр"¹⁰⁸¹.

В подобных выводах германскую разведку укрепил первомайский приказ И. В. Сталина. "В случае, если существование этого приказа будет подтверждено, доносил Гелен, - то отсюда следует, что оборонительно-выжидательная тактика русских в настоящее время является лишь временной и что следует ожидать крупного русского наступления"¹⁰⁸². Разведка группы армий "Юг" 1 мая сообщает о подготовке Красной Армии к наступлению, вероятно на Харьков Днепропетровск и через Донец к Днепру или Азовскому морю. В мае немецкая разведка уже вполне уверенно говорила о подготовке Красной Армией крупного летнего наступления, которое "согласуется с военными мероприятиями союзников", и о наличии в руках советского командования больших резервов, численность которых, по ее мнению, "впервые за эту войну с Россией достигла такой величины"¹⁰⁸³. На фронте Гелен насчитывал у Красной Армии 197 дивизий и 52 бригады, а в тылу еще 181 дивизию, 237 стрелковых бригад, 134 танковые бригады и 81 танковый полк¹⁰⁸⁴. В последних числах мая сообщается: подготовка к наступлению почти завершена, причем главный удар следует ожидать "против группы армий "Юг" в направлении на Днепр" и в районе Харьков - Белгород¹⁰⁸⁵. Германский генеральный штаб приходил к заключению, что, атакуя на юге, советское командование будет стремиться прежде всего освободить Донбасс, Украину и открыть путь к Балканам.

Возникает вопрос: оценило ли в полной мере фашистское военное руководство выводы своей разведки насчет возросших возможностей Красной Армии и планов ее командования? По всей вероятности, нет, ибо в противном случае трудно объяснить устойчивость надежд на изменение хода войны. Подготавливая свое последнее наступление, Гитлер и его генеральный штаб не излечились от патологической недооценки мощи Советского Союза, хотя отрезвление уже наступало. Военное командование не признавало, что Советский Союз благодаря титаническим усилиям добился перелома не только на фронте, но и в тылу, что не может быть и речи ни об "истощении" Красной Армии, ни о "ничейном решении", ни о победе Германии.

Фельдмаршал Манштейн, командующий группой армий "Юг", предложил при переходе Красной Армии в наступление "пропустить" ее до линии Мелитополь Днепропетровск, "освободив" путь через Донбасс на Нижний Днепр, а тем временем подготовить в тылу крупные силы, ударить во фланг и разгромить советские войска, сделав, таким образом, шаг к "ничейному результату". Но Гитлер и ОКВ категорически отклонили всякую возможность вступления Красной Армии в Донбасс, хотя бы временно. Взамен был предложен план "опережающего удара" подальше от Донбасса, в районе Курской дуги. Так появился на свет замысел операции, получившей наименование "Цитадель".

IV

На вечернем обсуждении обстановки в "Вольфшанце" 12 марта выяснилась парадоксальная вещь: оказывается Манштейн, известный горячий сторонник активной стратегии, втайне от Гитлера и штаба сухопутных сил начал готовить позиции для обороны в тылу, за Днепром, назвав их "позиции ОКХ". Цейтцлер узнал о такой предусмотрительности фельдмаршала и положил перед Гитлером карту, на которой можно было видеть, где строится новая оборона.

- Мой фюрер, - сказал Цейтцлер, - я занимался этим вопросом. Оказывается, существует "позиция ОКХ": Днепр и дальше. Гитлер долго всматривался в карту.

- Этого я не знал.

- Я также не мог предполагать ничего подобного, - воскликнул Цейтцлер. Это нужно ликвидировать. Последовала пауза.

- Мне об этом никто не доложил ни слова!

Итак, подготавливая новое "генеральное наступление" на советско-германском фронте, они отнюдь не были уверены в его благоприятном исходе и втихомолку готовились к возможному отступлению.

- Никто не доложил ни слова! - повторял на разные интонации Гитлер, видимо, соображая, что, может быть, оборонительная позиция в тылу действительно станет необходимой.

- А вот и приказ об этом. - Цейтцлер положил на карту несколько листов текста.

- Спросите у Хойзингера, может быть, он в курсе дела?

- Нет, Хойзингер тоже говорит: никто не доложил. Вот Мелитополь, вот другие города, все - вдоль Днепра; на карте обозначены сооружения. В действительности же на местности ничего нет. Я отдам распоряжение уничтожить приказ.

- Он не существует, - ответил машинально Гитлер, думая уже о другом. И сразу приступил вместе с Цейтцлером к обсуждению вопроса - на каких участках все-таки строить оборонительные позиции вдоль Днепра.

Так, по свидетельству стенографических записей, родилась идея пресловутого "днепровского вала", который впоследствии создавался, чтобы остановить наступление Красной Армии.

Потом речь пошла о сроках восстановления разбитых дивизий и увеличении их подвижности.

- Все совершенно ясно, Цейтцлер. Все это далеко не соответствует идеальной картине, - подвел итог Гитлер. - Но мы должны быть твердыми. Я не могу допустить, чтобы прошел год, в течение которого я где-нибудь не нанес бы русским удара.

И тогда Цейтцлер, указывая на карту с уже проведенной на ней линией "днепровского вала", произнес многозначительную фразу:

- Они сделают нам капут прежде, чем мы это построим! 1086.

Итак, крылатое фронтовое словечко гитлеровских солдат на Восточном фронте ("Гитлер капут") было произнесено... в ставке Гитлера. После Сталинграда. Перед Курском.

Как же представляли себе Гитлер и его начальник генерального штаба перспективы борьбы против Советского Союза? И в этом вопросе содержание беседы оказалось весьма симптоматичным.

- Я пришел вместе с Гудерианом, - неожиданно сказал в конце совещания Цейтцлер. - Он хочет иметь картину на будущее.

- Между прочим, мы тоже хотим ее иметь, - не без иронии ответил Гитлер.

- Да, между прочим, и мы хотим ее иметь, - повторил в тон фюреру начальник генерального штаба. - В июле - августе она у нас будет. Но сегодня?

Итак, "сегодня" ни Гитлер, ни его начальник генерального штаба не могли достаточно ясно представить себе, как развернутся события в войне против Советского Союза.

V

И генеральный штаб сухопутных сил, и командующие группами армий были согласны с Гитлером, что в России ближайшую цель нужно видеть в том, чтобы по возможности снизить ударную мощь советских войск и постараться вырвать стратегическую инициативу.

Вместе с тем существовало и такое мнение, что соотношение сил больше не позволяет вести против Советского Союза крупные наступательные операции. Однако, с другой стороны, простым переходом к обороне не только считалось невозможным ослабить Красную Армию, но и удержать занятый фронт протяженностью 2700 км. Если Красная Армия, рассуждали германские генштабисты, концентрируя свои силы, захотела бы весной осуществить прорыв, например, на фронте Донца или в направлении Орловской дуги, "то следовало ожидать кризисных положений, несмотря на оставление выступов у Вязьмы и Демянска. Ответные удары, как это практиковалось в прошедшую зиму, с потерей целых армий, теперь немецкому командованию наносить было нечем"1087.

Генеральный штаб сухопутных сил и командующие группами армий были вполне согласны с мнением Гитлера, что после успеха Манштейна под Харьковом "вновь приобретенную возможность развить инициативу необходимо использовать для того, чтобы ограниченными ударами наносить врагу тяжелый урон"1088. Но в вопросе о выполнении такого намерения мнения расходились.

Генеральный штаб полагал, что сразу после периода распутицы Красная Армия немедленно перейдет к активным действиям для освобождения занятых областей1089. Его намерения в общем склонялись к тому, чтобы в рамках стратегической обороны на всем советско-германском фронте встретить удары Красной Армии маневренными операциями, а в дальнейшем, найдя благоприятный момент, перейти в контрнаступление, нанести советским войскам крупное поражение и предельно их ослабить. Некоторые офицеры штаба сухопутных сил думали таким путем снова добиться инициативы в ходе борьбы. Главное, считали они, не держаться за все участки местности, а упорно ослаблять Красную Армию.

Наряду с этим ожидалось вторжение англо-американских войск в Италию и даже во Францию. Для борьбы с ними предполагалось высвободить на Востоке часть сил и перебросить к новым угрожающим пунктам. Если к моменту высадки англо-американских соединений не удастся решительно ослабить Красную Армию и безболезненно снять ряд дивизий с Восточного фронта, то, по мнению ответственных лиц в генеральном штабе, придется отвести Восточную армию на более короткую линию: Днепр - Березина - Западная Двина. Тогда, быть может, все-таки удастся вывести в резерв и бросить в Италию или во Францию несколько дивизий1090.

Командующий группой армий "Юг" Манштейн упорно отстаивал свое мнение. Решающим участком борьбы на Восточном фронте станет южный. Г. Хейнрици пишет: "Он (Манштейн. - Д. П.) был убежден, что главный удар советского наступления будет направлен на его позиционный участок. Нигде советским войскам не удалось бы такие значительные политические, военные и экономические успехи, как в том случае, если бы они сумели разгромить южный фланг Восточного фронта, если бы они открыли себе дорогу через Румынию на Балканы, приобрели бы экономически такую ценную Украину и еще румынскую нефть. Группа планировала отвести с боями обе свои южные армии - 6-ю и 1-ю танковую - к нижнему течению Днепра, отбить ожидаемое из района Харьков - Курск наступление Советов, которое они поведут своим мощным северным флангом, а затем ударом на юго-восток свернуть наступающий фронт врага и уничтожить его у Азовского моря"1091.

Операция таких размеров требовала гораздо больших сил, чем те, которыми располагала группа армий "Юг". Недостающие войска Манштейн предлагал добыть с других участков Восточного фронта: путем оставления кубанского плацдарма, с Орловской дуги и за счет укорочения позиций под Ленинградом. Силы нужно было привлечь также из Западной и Юго-Восточной Европы. Эта необходимость обнажить другие фронты обусловила новый риск, который Манштейн считал неизбежным, чтобы "на длительный срок

нанести поражение вооруженным силам красных"1092.

В случае успеха этого контрнаступления Манштейн был намерен затем повернуть к северу и разбить советские войска перед группой армий "Центр".

Однако Гитлер, штаб верховного командования и ряд представителей генерального штаба сухопутных сил решительно выступали против маневренной обороны подобного толка: соображения интересов военной экономики, подчинявшие расчеты военного руководства, стояли на первом плане. Фашизм ни при каких условиях не желал создавать какую бы то ни было угрозу Донбассу и терять богатства Украины. Это обстоятельство диктовало содержание оперативных планов.

Варлимонт подчеркивает: формирование окончательного стратегического решения весной 1943 г. произошло под влиянием политических и экономических соображений: "По хозяйственным и политическим причинам Восточный фронт надо было удержать там, где он стоит"1093. Именно поэтому Гитлер, Кейтель и Йодль решительно возражали Манштейну и его сторонникам. Гитлер "из опасения, что оставленные области, в частности Донецкий промышленный бассейн, контратаками не удастся вернуть, отказывался проводить подвижную оборону"1094.

Затем Гитлер и штаб ОКВ стали склоняться к мысли о необходимости упредить наступление Красной Армии, первыми нанести удар, чтобы сорвать возможное наступление Красной Армии на Украину. Они начали думать, что-де Советский Союз, "желая получить поддержку союзников, будет отодвигать срок своего наступления вплоть до того момента, когда западные державы произведут вторжение"1095.

В таком случае, подчеркивал Гитлер, немецкому вермахту пришлось бы бороться на два фронта, а этого допускать нельзя. Следовательно, надо опередить наступление Красной Армии своим собственным наступлением и атаковать позиционный фронт советских войск. Так как силы, которые можно для этого выделить, были ограничены, то наиболее удобным участком стал признаваться выступ у Курска: следует уничтожить силы, находящиеся на Курской дуге, разбить резервы Красной Армии восточнее Курска, которые, как считал штаб оперативного руководства, предназначались для летнего наступления. Устранение Курской дуги принесло бы немецкому фронту сокращение на 240 км и возможность сохранить резервы. Красная Армия этой атакой была бы лишена исходной позиции для наступления во фланг группы армий "Юг" в направлении Днепра или в тыл Орловской дуги, т. е. группы армий "Центр". Затем успех был бы развит.

Конечно, в штабе верховного командования и в генеральном штабе сухопутных сил понимали, что важная для советского командования Курская дуга будет прочно укреплена. "Во всяком случае, - приходит к заключению Хейнрици, - наступление на эту линию обороны должно было стать труднее, чем подвижная борьба на свободном пространстве, как могло бы сложиться при контрударе в рамках эластично проводимой обороны"1096. Если в борьбе за Курскую дугу более слабый наступающий понес бы больше потерь, чем обороняющийся, то будет опасность малоэффективной растраты незначительных резервов Восточной армии. Цейтцлер высказал поэтому свои заботы и сомнения о плане атаки на Курскую дугу. Он говорил, что намеченный удар охватит слишком незначительное пространство и не даст гарантии предотвращения крупного наступления советских войск. Если сосредоточенные в этом месте резервы Красной Армии даже и были бы разбиты, то у нее все еще оставалось бы достаточно сил, чтобы, несмотря на потери под Курском, вести наступление на других участках Восточного фронта.

Иными словами, произойдет самое худшее: в борьбе за позиционный выступ Курской дуги немецкие резервы будут скованы, и в этот момент советское командование начнет атаки на других участках фронта. Тогда у немцев не нашлось бы сил, чтобы им противостоять.

Цейтцлер склонялся к тому, чтобы "предоставить советскому командованию инициативу", а затем атаковать контрударом. Гитлер и штаб верховного командования настаивали на том, чтобы атаковать первыми. Они рассчитывали на полный успех при условии, если наступление будет проведено вовремя, чтобы советские войска, "только что

понесшие потери в результате немецкого весеннего контрнаступления, застигнуть еще в ослабленном состоянии"1097.

На основе таких соображений 13 марта появилась директива Гитлера о ведении боевых действий No 5. В ней определялось намерение на отдельных участках фронта, "по возможности упредив русских", которые, вероятно, после окончания зимы и периода распутицы возобновят активные действия, "начать наступление и этим навязать им свою волю, как это недавно уже имело место в группе армий "Юг"". На других участках фронта требовалось "совершать частные удары и таким путем обескровить противника". На фронтах вне Курской дуги следовало сделать особо прочной оборону путем использования тяжелого оружия, постройки глубоких позиций, минирования, создания подвижных резервов и т. д. Группе армий "А" директива предписывала высвободить как можно больше сил для наступления группы армий "Юг" и вместе с тем "любой ценой удерживать кубанский плацдарм - Крым". Группе армий "Юг" директива указывала до середины апреля сконцентрировать на северном фланге сильную танковую армию, которая могла бы "после окончания распутицы перейти в наступление раньше русских". Цель наступления заключалась в том, чтобы "ударом из района Харькова в северном направлении во взаимодействии с ударной группировкой 2-й армии уничтожить действующие перед 2-й армией силы". На южном своем участке группа армий должна была "максимально укрепить позиции" по рекам Миус и Северный Донец. Группе армий "Центр" предстояло создать южнее Орла ударную группу, способную наступать во взаимодействии с северным флангом группы армий "Юг" и "уничтожить силы врага, сконцентрированные на Курской дуге". Орловский плацдарм следовало укрепить для обороны. Группа армий "Север" приводилась "в максимально высокое оборонительное состояние". Одновременно директива требовала подготовить операцию против Ленинграда, которая будет проведена в начале июля1098.

Генеральный штаб считал, что группа армий "Юг" своими силами не сможет оборонять довольно широкий фронт и одновременно создать достаточно сильную ударную группу. Но надеждам снять войска с кубанского плацдарма не суждено было осуществиться. Активные действия советских войск на Кубани не позволили взять оттуда под Курск больше чем две дивизии. К тому же вскоре Гитлер и ОКВ решили, что блокирование военного порта Новороссийск важнее, чем усиление группы армий "Юг". Было принято решение: на Кубани удерживать даже большую по размерам предместную позицию, чем это было намечено прежде.

Десять немецких дивизий оставались скованными на кубанском плацдарме. Однако и это число вскоре оказалось недостаточным, чтобы выполнить расширенную теперь задачу группы армий "А" под Новороссийском. Штаб сухопутных сил посчитал себя вынужденным в мае и июне направить на Кубань еще три пехотные дивизии, ранее предназначавшиеся для наступления под Курском.

Получилось, что теперь не группа армий "А" предоставляла силы группе армий "Юг", а, наоборот, "Юг" и "Центр", которые готовились к наступлению под Курском, отдали часть сил группе армий "А" на Кубань.

Так войска нашего Северо-Кавказского фронта на Кубани еще больше усложнили оперативные проблемы, стоявшие перед гитлеровским командованием.

Необходимость создать ударные кулаки вынуждала командующих группами армий "Юг" и "Центр", фельдмаршалов Манштейна и Клюге, ослабить другие участки своих фронтов, которые становились поэтому уязвимыми. Если Манштейн в случае атаки Красной Армии между Азовским морем и Харьковом мог бы обеспечить себе возможность отхода к нижнему течению Днепра, где уже начались большие оборонительные работы, то в группе армий "Центр" успех наступления советских войск против орловского плацдарма означал выход Красной Армии прямо в тыл ударной группировке Клюге,двигающейся на Курск с севера.

Название плана наступления на Курской дуге "Цитадель", взятое из терминологии старой крепостной войны, должно было означать, что третий рейх, обороняя "Крепость

Европу", решительными вылазками из этой "цитадели" истощает осаждающего ее врага и добивается победы над ним.

ОКХ, фельдмаршалы Манштейн и Клюге после всех сложных и запутанных подсчетов постарались выделить для наступления возможно больше сил. И действительно, гитлеровскому командованию вновь удалось создать чрезвычайно мощную ударную группировку. Всего на курском направлении против войск Центрального и Воронежского фронтов под командованием генералов К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина немцы сосредоточили 50 дивизий, в том числе 17 танковых и 2 моторизованные - 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, 2700 танков и свыше 2 тыс. самолетов. В группе армий "Юг" (в составе танковой группы Кемпфа и 4-й танковой армии Гота) планировалось ввести 19 дивизий, в том числе 8 пехотных и 11 танковых (из них две - в качестве резерва ОКХ) и 3 бригады штурмовых орудий. В группе армий "Центр" - 9-ю армию Моделя в составе 23 дивизий, в том числе 8 танковых и моторизованных 1099. Для обороны на остальном фронте у Манштейна оставалось 25 дивизий (из них три - в резерве) на 60 км; у Клюге для удержания орловского плацдарма - 15 дивизий (из них три - в резерве) на фронте 280 км 1100.

После выполнения задачи под Курском ОКВ думало высвободить 10 дивизий для переброски на Запад 1101.

Чтобы предотвратить угрозу группе армий "Юг" из района юго-восточнее Харькова во время проведения операции "Цитадель", штаб сухопутных сил 22 марта дополнил оперативный приказ No 5 директивой Манштейну: до начала операции провести частную атаку через Донец около Изюма 1102.

Когда войска приступили к подготовке наступления, очень скоро выяснилось, что срок, назначенный для начала операции - конец апреля, - нереален. Штаб верховного командования был вынужден в оперативном приказе No 6 от 15 апреля назначить 3 мая как самую раннюю дату. Войска требовали другого срока - 15 мая или начало июня.

VI

Оперативная директива No 6, подписанная Гитлером, гласила: "Я решил, как только позволит погода, провести наступление "Цитадель" как первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно быть проведено быстро и с сокрушающей силой. Оно должно дать нам в руки инициативу на весну и лето текущего года. Поэтому все приготовления следует проводить с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов необходимо использовать лучшие соединения, лучшее оружие, лучших руководителей, наибольшее количество боеприпасов. Каждый командир, каждый солдат должен проникнуться мыслью о решающем значении этого наступления. Победа под Курском должна стать маяком для всего мира.

В связи с этим я приказываю:

...Цель наступления состоит в том, чтобы путем максимально сосредоточенного, решительного и быстрого удара силами по одной армии из районов Белгорода и южнее Орла окружить вражескую группировку, находящуюся в районе Курска, и уничтожить ее концентрическим наступлением.

В ходе этого наступления должен быть достигнут новый, укороченный, экономящий силы фронт по линии: Нежега - участок реки Короча - Скородное - Тим - восточнее Щигры - участок реки Сосна" 1103.

Директива требовала "широко использовать момент внезапности", для чего сосредоточение сил обеих групп армий осуществить в глубине, вдали от исходных позиций, а выдвижение на них проводить только ночью. С этой же целью планировались многие меры дезинформации, в частности ложная подготовка наступления на Донце. Особо подчеркивалась необходимость "максимального массирования ударных сил на узком участке" с тем, чтобы "одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и замкнуть кольцо окружения" 1104. Предполагалось наступать в "максимальном темпе", а после окружения курской группировки "быстрыми ударами" со

всех направлений "ускорить ее ликвидацию".

Уже в конце апреля германское командование стало понимать, что надежды застигнуть Красную Армию на Курской дуге врасплох тщетны. С другой стороны, гитлеровское руководство все больше убеждалось: Советское Верховное Командование сумело сосредоточить новые значительные силы и следует ожидать наступления Красной Армии на гораздо более широких участках советско-германского фронта, чем тот, который избран для операции "Цитадель".

Отдел иностранных армий Востока сделал вывод: "Руководство красных сумело так провести ясно выраженную подготовку крупной наступательной операции против северного фланга группы армий "Юг" в направлении Днепра..., что оно до ее начала свободно в своих решениях и путем сохранения достаточных оперативных резервов может не принимать окончательного решения о проведении этой операции до последней минуты точного определения срока немецкой атаки... После того как поступят новые... сведения, не исключено, что противник разгадает подготовку к наступлению... сперва выждет и будет все время усиливать свою готовность к обороне, имея в виду достижение своих наступательных целей при помощи ответного удара... Нужно считаться со все увеличивающимися силами противника и с тем, что противник достиг уже высокой готовности против возможных атак немцев"1105.

Германская разведка делала самые различные предположения о вариантах решения Советского Верховного Главнокомандования. Оценки разведки отнюдь не способствовали укреплению надежды на быстрый и легкий исход операции "Цитадель". Командующий 9-й армией Модель требовал увеличить количество и качество танков "из-за сильных подготовительных мероприятий" противника, в частности из-за наличия у него "нового эффективного противотанкового оружия". Модель положил в основу своего плана прорыва обороны советских войск шестидневный расчет. "Это, однако, находилось, - пишет Хейнрици, - в вопиющем противоречии с основной идеей "Цитадель": быстрейшим образом совершить прорыв советских позиций, чтобы путем окружения уничтожить защитников Курской дуги, прежде чем резервы смогут прийти им на помощь"1106.

Гитлер, ОКВ, ОКХ, догадываясь, что советскому командованию известны их планы, тем не менее не отказывались от наступления и делали ставку на новые тяжелые и сверхтяжелые танки и самоходные орудия, которые, по их мнению, "абсолютно уравновесят любое увеличение советских сил".

Находясь под давлением разных противоречивых доводов, верховное главнокомандование не сразу пришло к окончательному решению, а сперва, отодвинуло срок начала атаки, без указания точной даты. Только 11 мая появился новый "день икс" - 12 июня.

Гитлер не желал начинать атаку без новых танков, которые еще не прибыли. Задержка в доставке "тигров", "фердинандов" и "пантер" вскоре заставила считать назначенный срок атаки неокончательным. В конце мая Гитлер и высшие штабы полагали, что нужно "день икс" снова отодвинуть, хотя и опасались роста мощи обороны на Курской дуге и увеличения активности партизан, мешавших подготовке наступления. Хейнрици пишет: в тылу группы армий "Центр" действия партизан приняли "невиданный до сих пор размах". Время от времени, продолжает, он, "ударные дивизии, в некотором количестве пришлось направлять против партизан, чтобы суметь обеспечить дороги для подвоза снабжения"1107. Разведка уточняла: численность резервов Красной Армии "превосходит все, что было когда-либо раньше". Когда 12 мая пришли сведения о полном крушении в Северной Африке, Цейтцлер высказал мнение: необходимо ускорить начало операции "Цитадель" как гораздо более важной. Гитлер, Кейтель и Йодль сомневались: подходящий ли это момент для удара под Курском, особенно после падения Туниса, что произвело тяжелое впечатление в Италии. Не правильнее ли на случай "внезапного развала Италии" отказаться от замысла наступления на Востоке и сразу высвободить достаточные силы, чтобы бросить их в Италию?

Но вместе с тем все понимали: решающий фронт - советско-германский. "Важнейшим для Гитлера, - пишет Хейнрици, - было достигнуть успеха в России" путем наступления,

которое дало бы возможность удержать Восточный фронт и подействовало бы ободряюще на союзников.

Задерживали "сверхтяжелые танки". Гитлер решил опять перенести начало операции "Цитадель", теперь на конец июня. За этот период, как он полагал, танковые подкрепления придут и одновременно можно будет получить более ясное представление о намерениях Италии.

Все более убеждаясь, что скрыть замыслы не удалось и что советское командование подготовило на участках готовящегося немецкого наступления прочную оборону, Гитлер и Кейтель стали подумывать об атаке Курского выступа не с севера и юга, где он наилучшим образом укреплен, а с запада, в центре, против вершины дуги, чтобы "смять ее и расколоть". Но Клюге и Манштейн не согласились с таким планом. Они верили в успех. Это они, хваленые гитлеровские фельдмаршалы, не сумев вполне трезво оценить общую обстановку, настаивали на атаке в лоб самой лучшей из когда-либо подготовленных в годы второй мировой войны оборонительной позиции. "Исполнение того, что предложил Гитлер, считали они, потребовало бы совершенно изменить подготовку наступления, потребовало бы нового стратегического сосредоточения войск, назначенных для атаки, перемены мест складов. При трудностях в деле организации плацдарма и связи в новом районе развертывания все это еще больше задержало бы проведение наступления, не говоря уже о том, что такая перегруппировка не могла бы оставаться незамеченной врагом"¹¹⁰⁸.

Цейтцлер, один из главных составителей плана "Цитадель", в июне стал серьезно сомневаться в удаче, "так как главным условием успеха является внезапность нападения на противника, а достигнуть ее уже невозможно".

Гудериан, как инспектор танковых войск, выразил неуверенность в успехе курского наступления, "так как русские построили чрезвычайно сильную противотанковую оборону"¹¹⁰⁹. В генеральный штаб поступили донесения, что "русская оборонительная дуга под Курском прикрыта тремя глубокими рядами минных полей, вследствие чего местность непригодна для наступления танков", и что "русская пехота прошла длительную подготовку в тесном взаимодействии со своими танковыми подразделениями"¹¹¹⁰.

Гитлер и штаб верховного главнокомандования вновь стали колебаться. Тогда Цейтцлер, считавший, что "время уже упущено", направил запрос командующим группами армий: каково в данное время их отношение к проведению операции "Цитадель"? Манштейну и Клюге представлялся случай отменить новую отчаянную авантюру. Но тогда они не были бы самими собой. Несмотря на то что ожидавшиеся трудности сознавались, ответы Клюге и Манштейна выражали твердую уверенность в успехе. Фон Клюге 18 июня писал: проведение операции "Цитадель" - наилучшее из всех возможных решений. Следует "возможно быстрее начать ее".

Собственно, этим и закончились все дискуссии. Наступление надо проводить!

18 июня Гитлер отбросил сомнения. К тому же прибытие танков "тигр" и новых самоходных орудий до начала июля теперь гарантировалось.

В тот же день фюрер собрал командующих на последнее совещание.

- Несмотря на неоспоримые трудности, борьбу за Курскую дугу, - сказал он, - я встречаю с уверенностью. Еще никогда в русском походе немецкие войска не были лучше подготовлены и оснащены таким превосходным тяжелым оружием. Перед вермахтом поставлена теперь задача: в России - Финляндии обеспечить Восточный фронт, а в пространстве Средиземного моря и в Атлантике оборонять Европу в ее границах. Оставить на произвол судьбы такие важные районы, как Донецкий бассейн на востоке и Балканы на юге, для дальнейших военных операций немыслимо.

А еще через неделю Гитлер назначил окончательный срок начала операции "Цитадель": 5 июля 1943 г.

Пылающая земля Курской дуги

I

Стратегический план на 1943 г., созданный руководителями германского фашизма, представлял собой отчаянную попытку найти на советско-германском фронте выход из глубокого кризиса, в котором оказались политика и стратегия третьего рейха. Фашистская верхушка, ее генеральный штаб надеялись осуществлением этого плана разрешить все свои трудные проблемы: и изменить ход борьбы на Восточном фронте, и удовлетворить требования монополий - удержать Украину, особенно Донбасс, и укрепить бастионы "Крепости Европа", и нанести удар национально-освободительному движению, обеспечить престиж нацистского государства, и вообще сделать все, чтобы разрубить тугой узел противоречий нацистской стратегии.

В основе плана лежало слишком много идей, каждая из которых и тем более все они вместе не отвечали реальной обстановке на данном этапе войны и соотношению сил. Гитлеровское военное руководство хотело везде удержать фронт и вернуть инициативу и даже изменить общий ход войны. Оно понимало неизбежность крупного летнего наступления Красной Армии, надеялось остановить его "маневренными операциями", но выяснилось, что подобного рода операции неприемлемы, ибо недопустима связанная с ними временная потеря Донбасса и Южной Украины. Признавая решающим фронтом борьбы советско-германский, стратеги из "Вольфшанце" не сомневались: максимум сил следует держать именно здесь; но вместе с тем они хотели быть готовыми для возможной борьбы на несколько фронтов, включая вероятные, укрепить позиции в Европе за счет ослабления того же советско-германского фронта, что вообще было стратегически невыполнимым. К тому же, решив провести наступление на Восточном фронте, германский генеральный штаб стал инициатором атаки на узком его отрезке, только на Курской дуге, заведомо против сильнейшего участка обороны Красной Армии, без всяких надежд на внезапность. "Но неумолимая логика агрессивной войны требовала от гитлеровского руководства реализации наступательных планов как средства вернуть утраченную инициативу и изменить в свою пользу стратегическое положение на Восточном фронте"¹¹¹¹.

После войны ряд историков Запада и бывших гитлеровских генералов считают Гитлера единственным виновником проигрыша Курской битвы: необходимо было скорее начинать атаку, чтобы не дать возможности советскому командованию еще больше укрепиться в районе Курска, провести наступление на Восточном фронте до высадки союзников в Италии. Гитлер, же затянул начало операции "Цитадель" и обрек ее на неудачу¹¹¹². Но это не так. Дело в том, что в конце апреля и в мае 1943 г. германское командование не смогло сосредоточить и подготовить даже минимально необходимых сил. А Красная Армия проводила интенсивную подготовку.

Сосредоточение войск для операции "Цитадель" таило прямую угрозу дальнейшего ослабления других участков советско-германского фронта. Генеральный штаб, имея сведения о подготовке советским командованием наступательных группировок далеко за пределами Курской дуги, тем не менее планировал снять там дивизии. Создавался своего рода порочный круг: для "Цитадели" нужны силы, но они могут быть взяты лишь из других мест, а "другие места" находятся под угрозой атаки советских войск, которая станет тем более успешной, чем меньше окажется там немецких дивизий. В этой связи некоторые историки в Западной Германии уныло сетуют на Гитлера: он, дескать, глубоко ошибался: "хотел прикрыть все" и поэтому оставил, например, 17-ю армию на Кубани вместо того, чтобы направить ее на Украину, а войска, освободившиеся из демянского "котла", держал под Ленинградом и не бросил под Курск¹¹¹³. Но если бы теперь это зависело от Гитлера и любого из его помощников!

Положение диктовала стратегия Советского Верховного Главнокомандования. Обнаружив подготовку фашистского наступления под Курском, оно приняло точно рассчитанные меры, чтобы сковать немецкие армии на всем остальном фронте, растянуть

германские резервы, не позволяя стягивать их в центр. И эту задачу командование Красной Армии выполнило настолько успешно, что с флангов огромного фронта немцы не смогли дополнительно снять для курского наступления сколько-нибудь значительные силы.

За счет чего же в конце концов немецкие генштабисты надеялись выбраться из этой бесконечной карусели невыполнимых и несовместимых друг с другом идей и решений? Снова и больше, чем когда-либо прежде, весь расчет упирался лишь в тактический успех, в мощную атаку, танковый сверхтаран, усовершенствованные танки и глубокое построение войск.

Но война приняла настолько сложные формы, что надежда на крупный успех путем тактической победы без прочного стратегического фундамента оказалась все той же иллюзией.

Верховное Главнокомандование Красной Армии превосходно учло все неразрешимые противоречия германской стратегии.

Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии наметала разгромить немецкие группы армий "Центр" и "Юг", освободить Левобережную Украину, Донбасс, восточные районы Белоруссии и выйти на линию Смоленск - река Сож среднее и нижнее течение Днепра. Главные усилия направлялись на юго-запад, где сосредоточивались стратегические резервы¹¹¹⁴.

В работах маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, историков Н. Г. Павленко, А. Н. Грылева, В. П. Морозова, Г. А. Колтунова, Б. Г. Соловьева раскрыты характерные черты подготовки Красной Армии к летне-осенней кампании 1943 г., обстоятельства, предшествовавшие ей, и ход вооруженной борьбы летом и осенью 1943 г. Воспоминания советских военачальников, других участников событий, работы военных исследователей свидетельствуют о многих важных подробностях хода планирования Советским Верховным Главнокомандованием вооруженной борьбы на лето 1943 г.¹¹¹⁵

Планы советского командования опирались на значительное превосходство сил, которое удалось создать к лету 1943 г., несмотря на тяжелые потери в людях и технике, понесенные Советским Союзом в предыдущие годы войны. Красная Армия перед битвой под Курском превосходила гитлеровские вооруженные силы на Восточном фронте в артиллерии почти вдвое, в танках - в 1,8 раза, в самолетах - в 2,8 раза¹¹¹⁶.

План Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии носил печать высокого стратегического мастерства. Он характеризовался четкостью стратегических идей и принципиально отличался от планов германского верховного командования с их сложной гаммой противоречивых расчетов.

Подготовка наступательных операций с целью разгрома гомельской и харьковской группировок гитлеровцев, форсирования Днепра и создания условий для освобождения Донбасса и Белоруссии была начата еще весной 1943 г. Советское командование, своевременно вскрыв замыслы противника и его подготовку к наступлению, решило, однако, первым не наступать, а, предварительно измотав гитлеровские армии в оборонительном сражении, перейти потом в контрнаступление.

Предполагалось встретить германское наступление на хорошо организованных позициях Курской дуги обороной Центрального и Воронежского фронтов. После разгрома наступающих фашистских группировок следовало начать контрнаступление силами пяти фронтов и разгромить немецкую группировку, которая удерживала важнейшие экономические районы Левобережной Украины и Донбасса. Второй удар силами трех фронтов должен был последовать на западном направлении. Он снимал угрозу Москве и Центральному промышленному району.

Важнейшее преимущество подготовки Советским Верховным Главнокомандованием летне-осенней кампании 1943 г. заключалось в том, что, во-первых, оно предусматривало нанесение ударов на гораздо более широком фронте, чем тот, на котором предстояло германское наступление; во-вторых, заблаговременно подготовленные сильные резервы,

включая Степной фронт под командованием генерала И. С. Конева, позволяли создать к началу лета 1943 г. на всем советско-германском фронте превосходство в силах; в-третьих, командование Красной Армии избрало наиболее целесообразный способ борьбы, полностью отвечавший сложившейся обстановке; в-четвертых, советская разведка сумела вскрыть замыслы гитлеровского командования, группировку, развертывание германских вооруженных сил и план атаки на Курской дуге.

Но если Верховное Главнокомандование Красной Армии эффективно и точно использовало данные разведки при подготовке стратегического плана, то германский генеральный штаб выработал решение, противоречащее выводам своей разведки.

Однако по логике попавшего в тупик агрессора иначе он сделать и не мог. Если теперь руководители гитлеровского рейха стали бы считаться с реальными фактами, то им не оставалось бы ничего другого, как признать себя побежденными.

II

Решающие события надвигались. На Курской дуге перед немецкими позициями выросла глубоко эшелонированная необычайно прочная оборона советских войск, готовая преградить путь таранным ударам фашистского вермахта. Резервы Красной Армии, расположенные в тылу и на широком фронте, грозно нацеливались на центральный и южный участки германского фронта, на фланги изготовившихся к атаке армий Манштейна и Клюге. Во всей подготовке Красной Армии чувствовалась мощь, уверенность и высокое мастерство. Советское командование внимательно следило за всеми подготовительными действиями врага. 2 июля Ставка оповестила командующих фронтами: германское наступление следует ожидать между 3 и 6 июля. Все было приведено в полную готовность.

И когда на рассвете 5 июля фронт взорвался начавшимся летним наступлением гитлеровской армии на Курской дуге, отпор последовал немедленно. Началось гигантское сражение.

Битва под Курском представляла собой еще одно величайшее событие второй мировой войны. Ход Курской битвы¹¹¹⁷ с самого же начала опроверг расчеты ОКВ и ОКХ.

Советские войска стойкой обороной и мощными контрударами с первых же дней затормозили яростный натиск мощных немецких танковых клиньев. "Рано утром 5 июля 1943 г. началось давно ожидаемое русскими германское наступление, - пишет в комментариях к журналу военных действий ОКВ В. Хубач. - Наступательный порыв был большим, южной группе удалось продвинуться почти на 15 км. Но наши потери в танках были значительными, особенно из-за мин... В северной группе генерал-полковник Модель еще придерживал танковые части и вклинился пехотными силами в главную полосу обороны противника. Минные поля, глубокие проволочные заграждения, фланкирующие сооружения, противотанковые препятствия доставляли продвижению чрезвычайные трудности и вели к большим задержкам. Многочисленные гнезда сопротивления в глубине боевой зоны, сильные резервы и ожесточенная оборона каждого метра земли приносили наступающему тяжелые потери. На поле боя, везде подготовленном для обороны, наше дальнейшее наступление приводило лишь к постепенному захвату территории; русские контрудары вызывали местные кризисы. Крупные русские бомбардировочные соединения, которые численно значительно превосходили немецкие воздушные силы, день за днем атаковали на главных направлениях битвы"¹¹¹⁸.

Все западногерманские историки и мемуаристы вынуждены признавать полный провал наступления с первых же его дней.

Взятый за перо бывший генерал Хейнрици пишет: "В обеих группах армий сразу обнаружилась вся трудность предприятия. Глубоко эшелонированная система позиций советских войск, насыщенная окопами, опорными пунктами, минными полями и противотанковыми препятствиями, защитники которой эффективно поддерживались массированным огнем артиллерийских соединений и реактивных установок, позволяла наступающим немцам двигаться вперед медленнее чем ожидалось. Русская артиллерия перед

9-й армией была, кажется, наиболее сильной. Особенно отрицательным оказалось слишком незначительное число пехотных дивизий, главным образом в группе армий "Юг". Это вынуждало вводить танковые дивизии для прорыва с большими потерями системы позиций, которые были укреплены советскими войсками против танкового наступления всеми мыслимыми средствами. Скованные минными полями и естественными препятствиями, наступающие танки становились хорошей целью для сильной русской обороны. Сверхтяжелые танки не могли использовать свою ударную силу как предполагалось"1119.

Уже в самом начале боев оказалось, что главный оперативный козырь фашистского командования - усовершенствованные танки - не в состоянии помочь германской стратегии решить непосильные задачи.

Западногерманский историк Ф. Гейм признает, что атакующие немецкие группировки "уже через несколько дней оказались перед несомненным провалом, хотя войска отдавали все до последней крайности. Наступающие соединения, продолжает он, - двигавшиеся с боями и растущими потерями через глубокую систему позиций противника, начиная уже с 7 июля отбрасывались все более крупными советскими танковыми силами. Особенно тяжелые танковые сражения произошли у 4-й танковой армии, в них можно было достигнуть успеха только лишь перейдя к обороне"1120.

Генеральный штаб сухопутных сил, с огромной тревогой следивший за ходом битвы, день ото дня получал сведения все более разочаровывающие. Войска Центрального и Воронежского фронтов под командованием генералов К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина с необычайным упорством отстаивали каждый метр земли. В результате первых четырех дней боев не могло быть сомнений, что "быстрый" срез Курской дуги не удался"1121.

Возникла острая необходимость ввода дополнительных сил. Гитлеровскому верховному командованию не оставалось ничего другого, как разрешить фельдмаршалу Манштейну использовать резервы, "после того как он признает возможным выдвинуть их из района Харькова". Такое же право получил и Клюге: две резервные дивизии, одна из которых стояла под Орлом, теперь вводились в сражение на северном участке Курской дуги.

Предвидение советского командования сбывалось полностью: немцы на пятый день боев решили втянуть в сражение на Курской дуге свои резервы и еще больше ослабляли другие участки своего фронта, против которых уже стояли в готовности крупные силы Красной Армии.

III

Битва под Курском приближалась к кульминационному пункту. В последующие двое суток войскам Гота и Кемпфа удалось добиться успеха в направлении Обояни. Советские армии под командованием генералов И. М. Чистякова, М. С. Шумилова, М. Е. Катуква, входившие в состав Воронежского фронта, отражая натиск врага, стояли насмерть. Эсэсовский танковый корпус, подчиненный генералу Готу, с большими потерями пробился к деревне Прохоровка, а 48-й танковый корпус расширил фронт прорыва к северо-западу. Тем самым наступление 4-й танковой армии снова стало развиваться"1122. В генеральном штабе настроение приподнялось, появились новые надежды. Хотя успех танковой армии Гота совпал с начавшейся 10 июля высадкой англо-американских войск на побережье Сицилии, из ставки Гитлера в этот день последовал приказ: "Операция "Цитадель" будет продолжаться"1123.

Такой приказ, отданный в день начавшейся высадки союзников, убедительно опровергает бытующий ныне в исторической литературе на Западе тезис, будто это событие послужило главной причиной отказа немцев от продолжения битвы под Курском.

Уже на следующий день в "Вольфшанце" убедились, что на Курской дуге "требуемый большой успех едва ли может быть достигнут"1124. Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии ввела в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию генерала П. А. Ротмистрова и 5-ю гвардейскую армию генерала А.С. Жадова, которым предстояло совместно с другими армиями Воронежского фронта разгромить войска Гота и Кемпфа.

Новое, тщательно подготовленное, поддержанное крупными силами авиации наступление войск группы армий "Центр" на высоты под Ольховаткой было решительно отбито советскими войсками. Журнал военных действий ОКВ отмечал: "11 июля 1943 г. ...9-я армия ввиду ожесточенного сопротивления противника продвинулась только на 2-3 км"1125. Фельдмаршал Клюге пришел к заключению: "Без ввода свежих соединений продвигаться будет невозможно". И он отдал приказ бросить в сражение обе резервные дивизии1126. Теперь он уже совершенно ясно понимал: "танковый рейд" в тыл Курской дуге "больше не может быть осуществлен"1127.

Однако из "Вольфшанце" требовали: наступление продолжать, но уже с иной задачей. "Так как быстрого успеха достигнуть нельзя, вытекает необходимость, по возможности с наименьшим уроном, нанести наибольшие потери противнику"1128. Отныне все чаще и чаще речь стала идти не о победе под Курском, а об "ослаблении" Красной Армии, не о "сокрушении", а о "перемалывании". Так уже на пятый-шестой день битвы гитлеровское командование стало отказываться от первоначального замысла операции "Цитадель". Ставка Гитлера цепляется за надежду если не победить, то хотя бы "вынудить Советы к вводу новых резервов"1129.

Да, резервы определили исход битвы и поворот всей борьбы. Только не в том направлении, на которое рассчитывали в ставке.

Кульминационный пункт обозначился 11-13 июля. В генеральном штабе с особым нетерпением ждали сведений из района боев между Донцом, Обоянью и деревней Прохоровкой. Сражавшаяся на этом участке 69-я армия генерала В. Д. Крюченкина смогла стойкой обороной против германских танковых масс отделить друг от друга в районе, который генштабисты стали называть "донецкий треугольник"1130, обе наступающие танковые армии - Гота и Кемпфа, сковать их с флангов и "создать угрозу провала наступления группы армий"1131. В "Вольфшанце" с разочарованием читали донесения генерала Кемпфа: он не в состоянии своими силами выполнить задачу. Пришлось согласиться с высказанным несколькими днями раньше мнением Манштейна сделать последнюю попытку прорыва путем сосредоточения возможно больших танковых сил для удара на северо-восток1132. Только таким путем он надеялся наконец разбить эту стойкую советскую 69-ю армию, которая обойдена с обоих флангов, но продолжает сражаться в узком "донецком треугольнике", доставляя так много неприятностей и Манштейну, и ставке Гитлера. Пока "треугольник" не падет, нельзя и думать об успехе атаки на Курск с юга.

Два дня шли упорные бои, но под натиском танков армия генерала Крюченкина отступила лишь на десяток километров и у Гостищева снова остановилась, теперь в верхнем углу "треугольника". Устремленные к северу бронетанковые колонны армии Гота подвергались растущему нажиму советских войск с трех сторон, особенно с запада. Танковая армада ползла все медленнее, оставляя позади все больше и больше горящих машин. Эсэсовский танковый корпус генерала СС Хауссера пробился к Прохоровке, чтобы взять в клещи с севера дивизии генерала Крюченкина.

Нервное напряжение в ставке Гитлера достигло предела. Теперь, сообщали из штаба Манштейна, 3-й танковый корпус генерала Брейта повернет к востоку и "треугольник" будет очищен. Одновременно генерал Кнобельсдорф со своим 48-м танковым корпусом прорвется на Обоянь и создаст плацдарм за рекой Псёл. Отсюда недалеко и до Курска.

Но одновременно в ставку Гитлера начали приходиться и другие сведения. В тех условиях наиболее тяжким ударом для Гитлера и его генерального штаба мог стать переход в наступление Красной Армии на "Орловском выступе", иными словами, в тыл армии Моделя, которая вся без остатка втянулась в борьбу.

Когда 11 июля Западный и Брянский фронты начали проводить на орловском плацдарме разведку боем - по одному батальону от дивизии, - которая предшествовала общему наступлению, то ее расценили в "Вольфшанце" как "частное" или "сковывающее" наступление, "чтобы имеющиеся на Орловской дуге немецкие резервы удержать от ввода для наступления на Курск"1133.

Но Верховное Главнокомандование Красной Армии продолжало осуществлять свой план с безукоризненной точностью.

И вот 12 июля совпало одно с другим: переход советских войск Западного и Брянского фронтов под командованием генералов В. Д. Соколовского и М. М. Попова в мощное наступление на орловском плацдарме в тыл Моделю, решительный контрудар под Прохоровкой подошедшей 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова и активные удары советских армий генералов И. М. Чистякова и М. Е. Катюкова южнее Обояни в левый фланг танковой армии Гота.

Фронтная картина выглядела в этот памятный день так.

В ожесточенном сражении под Прохоровкой советские танкисты окончательно сорвали попытку эсэсовского танкового корпуса выйти с севера в тыл "донецкому треугольнику" и оборонявшим его войскам и развить наступление с плацдармов за рекой Псел. Атаки в левый фланг Гота совместно с упорной обороной войск генерала А. С. Жадова к югу от Обояни полностью остановили танковое наступление на Курск с юга.

Хейдрици вынужден признать, советские войска, наступавшие против левого фланга Гота, "добились таких угрожающих прорывов, что 48-й танковый корпус должен был отказаться от своих собственных наступательных замыслов и две трети предусмотренных для этого сил повернуть туда, чтобы восстановить положение. Ни удар с северо-востока в "донецкий треугольник", ни захват переправ через Псел в районе Шипы в таких обстоятельствах не могли быть осуществлены"¹¹³⁴.

Наконец, главное: исключавший последние надежды прорыв Красной Армии на орловском плацдарме.

И если днем 12 июля гитлеровское командование убедилось в безусловном провале наступления Манштейна, то поздно вечером оно могло уже не сомневаться в проигрыше всей Курской битвы. Когда над пылающей землей великого сражения и над обманчиво тихим сосновым лесом в идиллическом уголке Восточной Пруссии, откуда шли все нити управления дьявольской военной машиной, опустилась ночь, обитатели ставки Гитлера знали точно: Красная Армия целый день сокрушала их "Орловский бастион", а вместе с ним подрывала все непрочное здание военной стратегии третьего рейха.

Историограф германской ставки Грейнер коротко записал итог дня: "В районе Курска наблюдается сильное контрнаступление противника, поддержанное танками, на всем фронте нашего наступающего клина... Сильное вражеское наступление против 2-й танковой армии привело к многочисленным прорывам"¹¹³⁵.

Уже ночью в гитлеровской ставке стало известно, что командующий 2-й танковой армией на орловском плацдарме генерал Рудольф Шмидт не может сдержать наступление советских войск и что фон Клюге уже приказал Моделю немедленно остановить наступление на Курской дуге. Более того, Клюге распорядился срочно отдать Шмидту те самые две резервные дивизии, которые Модель только что получил для развития наступления, и сверх того направить с фронта курского наступления на орловский плацдарм еще две танковые дивизии с подразделениями "тигров".

Провал всего плана "Цитадель" становился реальным и беспощадным фактом.

Представляет интерес оценка событий тех дней, данная бывшим офицером штаба группы армий "Центр" Г. Гакенхольцем: "Сила и прежде всего пробивная мощь начавшегося 12 июля русского контрнаступления на северном и восточном участках Орловской дуги оказались для нас страшной внезапностью. Быстро развивающийся кризис в районе Карачева, опасность быстрой потери железнодорожной связи с Орлом были преодолены лишь с большими усилиями путем сбора у других армий группы всех еще имеющихся резервов. В сущности непостижимо, что русские оказались способны летом осуществить наступление и к тому же с таким успехом. Впечатление, что с провалом операции "Цитадель" и с русским контрнаступлением 12 июля 1943 г. наступил поворотный пункт германо-русской войны и окончательный оперативный перелом в пользу врага, для всех нас, переживших это в отделе руководства группы армий "Центр", стало тогда абсолютно

ясным"1136.

Действительно, 12 июля Красная Армия начала великое контрнаступление 1943 г.

В ставке Гитлера, как это неоднократно бывало в аналогичных ситуациях, еще не хотели смириться с очевидной истиной. Гитлер буйствовал. По свидетельству Цейтцлера, он требовал продолжать наступление. И оно тянулось еще несколько дней. Но вскоре всем обитателям "Вольфшанце" пришлось понять: наступил момент, когда они бессильны влиять на ход событий. Советские войска истощили наступательные возможности вермахта. Уже 16 июля армия Моделя быстро отходила под натиском войск генерала Рокоссовского, перешедших в контрнаступление накануне. Западный и Брянский фронты пробili оборонительные бастионы орловского плацдарма.

И теперь гитлеровское верховное командование наконец признало бесполезным продолжать операцию "Цитадель". Когда это произошло? По данным журнала военных действий ОКВ, - 17 июля1137. По другим сведениям, приказ такого рода командующим обеими группами армий Гитлер отдал 13-го. Изучение данных журнала военных действий ОКВ и сопоставление многих фактов заставляет считать наиболее вероятной первую дату. Срок 13 июля появился, видимо, для подкрепления широко бытующего в буржуазной исторической литературе тезиса, будто Гитлер прервал битву под Курском искусственно, не под влиянием ударов Красной Армии, а только в связи с высадкой союзников в Сицилии.

Провал операции "Цитадель" - закономерное следствие и реальное выражение кризиса фашистской стратегии. Корпорации генерального штаба совместно с Гитлером и политической верхушкой не удалось разрубить военным ударом гордиев узел противоречий своей политической и военной стратегии.

Контрнаступление Красной Армии ширилось. Пал Орловский бастион. Красная Армия освободила Белгород и Харьков. Перед ней открывался путь на Украину.

IV

Мрачные раздумья и смятение мыслей охватывали всех - и в бункерах Восточной Пруссии, и на фронте, - кто возлагал так много надежд на летнее наступление. На пылающей земле Курской дуги нашли смерть тысячи солдат вермахта; здесь сгорели новые сотни его танков, были развеяны в прах все иллюзии и легенды, которыми еще питал себя после Сталинграда германский генеральный штаб относительно поворота в ходе борьбы.

Ни одна из надежд не оправдалась. Ни один расчет не оказался верным хотя бы приблизительно. Вермахт не стал щитом германских монополий на восточных форпостах Донбасса. Крупну и Флику, Маннесману и Плейгеру оставались считанные недели, чтобы внести поправку в балансы и убрать с заводов, которые они даже не успели переименовать. Вместе с нарастающими ударами советских армий все полнее и стремительнее обнажались пороки военной системы третьего рейха и ее главного нервного сплетения - генерального штаба.

Теперь Кейтель, Иодль и Цейтцлер приходят к выводу, что потеря Левобережной Украины неизбежна. Но дальше отступать нельзя. Криворожская руда и хотя бы часть украинской земли должны остаться в руках "Великогермании".

Гитлер еще 19 июля говорил Муссолини: "Если мы потеряем Северную Норвегию, через которую идут транспорты с железной рудой из Швеции, Северную Финляндию с ее никелевыми рудниками, Кривой Рог с его железорудными залежами, Балканы с их медными, хромовыми и молибденовыми месторождениями, то тогда для стран оси с ведением войны должно быть покончено. Но если эти области будут сохранены, то войну можно будет продолжать неограниченно"1138. Собственно, и поэтому северное и особенно южное направления Восточного фронта во всей дальнейшей стратегии рейха занимали первостепенное место.

Чтобы удержаться на Украине, германское верховное командование и генеральный штаб решают срочно подготовить в тылу отступающих войск укрепленную полосу. После переговоров Цейтцлера с рейхсминистром Шпеером генеральный штаб сухопутных сил

наметил ее на рубеже: Крым, Запорожье, Днепр до Могилева, Витебск, Полоцк, Западная Двина¹¹³⁹. 12 августа Цейтцлер передал Иодлю приказ Гитлера о немедленном строительстве здесь "восточного вала"¹¹⁴⁰. В случае необходимости признавалось возможным оставить Крым.

Но снова возникли разногласия. Оказалось, что генеральный штаб сухопутных сил недоучел значение северного фланга.

Первым возразило командование военно-морских сил. Вопреки мнению Цейтцлера, гросс-адмирал Редер потребовал избрать на северном участке линию обороны через Чудское озеро до Нарвы, с тем чтобы обеспечить подступы к Финскому заливу. В противном случае, заявило ОКМ, русский Балтийский флот получит оперативную свободу на всей Балтике; нужно будет считаться с возможностью выхода из войны Финляндии, которая тогда не сумеет оборонять свой открытый морской фланг; Балтийское море будет полностью потеряно как путь снабжения шведской рудой и как район для базирования и маневров подводных лодок. "Военно-морские силы, - заявлял Редер, - снова подчеркивают необходимость сохранения морских путей в Балтийском и Черном морях и поэтому отклоняют отход из Крыма"¹¹⁴¹.

Штаб ОКВ разработал свои соображения о начертании "восточного вала", исходя из иных мотивов: "Последствия отхода для руководства воздушной войной заключаются в том, - писал Кейтель, - что мы не только никогда уже не сможем достичь русской индустрии на Урале, но и таких целей, как Грозный, Саратов и Горький, в то время как русские смогут массой своих соединений долететь до Берлина и Верхней Силезии. Отступление на юге, - продолжал он, - будет иметь плохое политическое влияние на страны, прилегающие к Черному морю, и потребует увеличения сил для Крыма, которые, согласно докладу ОКМ, могут снабжаться по морю только с большими трудностями".

Проблема Донбасса, конечно, приобретала главенствующее значение. "Оставление Донбасса и Центральной Украины, - подчеркивал Кейтель, - повлечет за собой утрату важнейших аэродромов, большие потери в продуктах питания, угле, энергетических ресурсах, сырье". Это они хорошо понимали!

"Отступление на центральном участке, - говорилось далее в докладе ОКВ, не будет иметь серьезных последствий. Отход фронта на северном участке повлияет в политическом и военном отношении на Финляндию и Швецию, подвергнет опасности развитие подводного флота и движение транспортов на Балтийском море, а также эксплуатацию эстонских сланцевых районов". Доклад завершался многозначительным приложением: статистикой добычи донецкого угля, марганцевой и железной руды Никополя, Кривого Рога и эстонских сланцев¹¹⁴². В итоге Кейтель от имени ОКВ настаивал, чтобы группы армий "Юг" и "Центр" удержали оборону "впереди районов, указанных в докладе", т. е. спасли бы для рейха Донбасс и остальную часть Украины.

Не отступать из Донбасса! Такое первое и главное требование выдвигал германский монополистический капитал устами начальника ОКВ.

Советское Верховное Главнокомандование прекрасно понимало: вермахт и его генеральный штаб больше всего нуждаются в передышке. Им нужно привести в порядок силы после курского поражения и создать новый фронт обороны. Этой передышки вермахт не должен получить. Новое большое наступление Красной Армии на юге начиналось немедленно.

Удар Юго-Западного и Южного фронтов генералов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина в середине августа повлек за собой прорыв немецкого фронта на реке Миус, прикрывавшего Донбасс. Начиная с 1 сентября новая 6-я немецкая армия под ударами советских войск вынуждена была поспешно отступить из Донбасса. План Кейтеля провалился еще до попыток его реализовать. Гитлер вынужден был смириться.

В беседе с Антонеску 2 сентября он наметил уже новую линию "восточного вала" - западнее Донбасса (позиция "Пантера")¹¹⁴³. И снова Красная Армия сорвала расчеты. План Гитлера еще обсуждался в "Вольфшанце", когда в конце сентября советские войска уже

продвинулись далеко за новый, так и не созданный рубеж.

"Отступление Восточной армии шло неудержимо, - пишет В. Хубач. - Только с большим трудом удавалось штопать зияющие бреши прежде, чем противник сможет осуществить оперативный прорыв еще больших размеров"1144. И он продолжает: "К тому времени, когда Италия вышла из войны, советское командование полностью раскрыло свои военные силы"1145.

Тем временем вооруженные силы США и Англии развернули действия против Италии. Операция по высадке в Сицилии, начавшаяся 10 июля, завершилась к середине августа. Немцы оставили остров. 3 сентября американско-английские войска начали переправляться через Мессинский пролив на Апеннинский полуостров1146.

В начале сентября Гитлер и его военные советники вынуждены были принимать новые важные решения.

Гитлер 27 августа прибыл в Винницу. 8 сентября он последний раз приехал на Восточный фронт, в штаб группы армий "Юг". Обсуждение обстановки приводило ко многим выводам. Свою, как обычно, длинную речь он закончил так: "Развитие событий на Востоке обострилось. С Востока нельзя снимать силы, напротив, его надо усиливать"1147.

Это заставило Иодля приняться за изучение вопроса, что и где можно еще взять на других фронтах и бросить в Россию. В докладе по этому поводу он заявил: не может быть и речи о переброске войск из Финляндии, ибо тогда 20-я армия не удержит свой фронт. "Потеря Финляндии означала бы утрату необходимого для войны никеля и предоставление возможности русскому флоту свободного плавания по Балтийскому морю".

Что касается Норвегии, то еще 2 сентября Гитлер отклонил предложение Маннергейма насчет эвакуации германских войск "из-за руды"1148. Оттуда нельзя было получить ни одной дивизии. Когда из Норвегии недавно бросили на Восточный фронт 25-ю танковую дивизию, у Фалькенхорста осталась в резерве лишь одна-единственная пехотная дивизия. Если союзники произведут высадку в Норвегии, то, как заявил Иодль, "это будет означать вступление в войну Швеции на стороне англичан и тем самым прорыв всего северного фронта".

Затем Иодль поставил вопрос так: может быть, следует что-либо взять еще из Франции? Но на Западе Европы необходимо иметь в резерве по меньшей мере 7 - 8 подвижных полностью боеспособных дивизий и 4-6 пехотных дивизий, которые сейчас только готовятся. Вывод был столь же плачевным: "Следовательно, сейчас Запад не может передать никаких войск".

Последняя надежда - итальянский фронт. Здесь имелись значительные силы: 17 1/2 дивизий. Но в любую минуту Италия может перейти на сторону Англии и США, и эти дивизии понадобятся для борьбы на Апеннинском полуострове. Наконец, в Юго-Восточной Европе "едва хватает сил, чтобы справиться с партизанами, а при данных обстоятельствах придется еще заниматься разоружением и заменой итальянцев".

Где же выход? Иодль считал, что в будущем создание резервов для Восточного фронта станет возможным только за счет "оставления выдвинутых вперед позиций" - некоторого отвода войск в тыл на других участках "Крепости Европа". Но этого нельзя делать ни в Норвегии, ни во Франции, ни на Балканах. "Только в Южной Италии можно сэкономить силы", - пришел он к выводу. Каким же путем? Поскольку итальянский союзник вот-вот выйдет из войны, Иодль предлагал "разрубить по своей инициативе узел в Италии": немедленно предъявить ей ультиматум о продолжении военных действий. Если она его отклонит, - отвести германские войска из Южной Италии и создать более короткий фронт на Апеннинах. Тогда удастся высвободить 3-4 дивизии. Но их следует перебросить на Балканы. Усилить Восточный фронт придется за счет Норвегии и путем обмена дивизий, разбитых в России, на полнокровные соединения из Франции1149.

Кейтель согласился с мнением Иодля. Но его планы вызвали бурный протест во Франции. Начальник штаба группы армий "Запад" Блюментритт заявил Иодлю:

- Нами с октября 1942 года переданы на Восточный фронт 22 пехотные дивизии, 6 танковых и моторизованных дивизий и на другие фронты еще 19 дивизий. Теперь у нас сил меньше, чем в прошлом году, а обстановка гораздо более угрожающая. Враг это знает. До середины октября, пока по условиям погоды существует угроза вторжения союзников, не может быть и речи об уменьшении сил на Западе¹¹⁵⁰.

Выхода никто найти не мог.

А тем временем советское командование развернуло широкое общее наступление. В середине сентября Манштейн был уже не в состоянии сдерживать натиск. Советские войска выбили группу армий "Юг" с Левобережной Украины и из Донбасса. Красная Армия выходила на 700-километровом фронте к Днепру и Молочной, завершая освобождение Донбасса и почти всей Левобережной Украины.

Опасность полного прорыва фронта заставила наконец германское верховное командование отдать приказ об отходе за Днепр и об отступлении 17-й армии с кубанского плацдарма в Крым, "чтобы высвободить соединения для других задач"¹¹⁵¹. Стремительно преследуя отходящие гитлеровские армии, советские войска с ходу форсировали на ряде участков Днепр, захватили множество плацдармов и тем разрушили надежды на создание целостной обороны "восточного вала".

Весь южный участок немецко-фашистского фронта снова рушился. Выбора не оставалось. Генеральный штаб вслед за Гитлером в начале октября отложил в сторону тонкие и противоречивые сентябрьские расчеты и пошел на крайние меры. "Принимая во внимание напряженную обстановку на Востоке, - записано в журнале военных действий ОКВ 4 октября, - и в связи с уже длительное время выдвигаемыми соображениями штаб верховного командования 15 сентября в докладе указал, что Восточный фронт должен получить помощь и для этого следует пойти на риск на других театрах военных действий"¹¹⁵². Было окончательно решено очистить Южную Италию и отступить к северу, в Апеннины, на более короткие подготовленные позиции "Бернгард" и "Монте Кассино". Высвобожденные таким образом войска предполагалось срочно направить на Восточный фронт. Танковые дивизии на итальянском фронте заменялись пехотными, а на место свежих дивизий из Италии Цейтцлеру предстояло направить в Апеннины разбитые войска с Днепра.

Так Красная Армия облегчила вступление англо-американских войск в Италию и продвижение до ее центральных районов. К середине ноября союзники достигли нового рубежа немецкой обороны по реке Сангро.

5 октября Кейтель пришел к выводу: угроза вторжения союзников во Францию в этом году миновала, и поэтому необходимо послать с Запада на Восток еще до наступления распутицы четыре дивизии¹¹⁵³. В итоге с октября и до конца года Восточный фронт получил из Италии и Франции семь танковых и пять пехотных дивизий¹¹⁵⁴.

Наконец гитлеровское верховное командование разобралось, что вряд ли угрожает высадка англо-американских соединений на Балканах. 27 ноября Гитлер объявил:

- У меня сложилось впечатление, что западные державы следующий удар нанесут не из Италии, а из Англии. Действий против Балкан вряд ли можно ожидать до весны, если англо-американцы вообще их еще планируют.

Сразу же на Восточный фронт двинулся из Греции эсэсовский танковый корпус¹¹⁵⁵.

Рассеялись в прах новые иллюзии, пришлось одним ударом покончить со всякими попытками сохранить какую-то видимость равновесия сил на бастионах "Крепости Европа", которую ОКВ старалось поддерживать в течение всего 1943 г. Кризис стратегии приобрел все большую остроту.

Новые войска, прибывающие на Восточный фронт из Италии и Франции, должны были вернуть обратно Донбасс и другие промышленные и сырьевые центры Левобережной Украины. "Я перебросил дивизии с Юга и Запада на Восток, - писал Гитлер в приказе от 29 октября, - чтобы разбить силы противника, прорвавшиеся через Днепр по обе стороны Кременчуга, массированным контрнаступлением, которое, по возможности, должно начаться 10 ноября. Это наступление приведет к решающему изменению обстановки на всем южном

участке фронта"1156. Кривой Рог, Никополь, Запорожье - здесь прежде всего следовало добиться успеха, и здесь гитлеровцы оказывали той глубокой осенью особенно упорное сопротивление советским войскам.

Интересы экономики продиктовали стратегии даже место ввода новых резервов и районы главного сопротивления. Но "решающего изменения обстановки" не произошло. Яростные немецкие контрудары в конце октября отразили войска 2-го Украинского фронта под командованием генерала Р. Я. Малиновского. Надежды вернуть Донбасс и среднее течение Днепра в ноябре окончательно развеялись.

Одновременно тревожные взоры генерального штаба обращались к Крыму, потеря которого означала бы утрату черноморских позиций. В "Вольфшанце" все понимали: судьба Крыма меньше всего зависит от стянутой туда разбитой 3-й румынской армии - все должно решиться в Северной Таврии и низовьях Днепра, где новоиспеченная 6-я немецкая армия с большим трудом удерживает свои позиции под натиском войск 4-го Украинского фронта генерала Ф. И. Толбухина.

В Бухаресте по этому поводу не питали никаких иллюзий. Когда германский представитель при румынском командовании генерал Ганзен поздно вечером 26 октября прибыл к Антонеску, он стал свидетелем доклада начальника румынского генерального штаба о положении в Крыму. Только что из Симферополя прибыло донесение командующего 3-й армией Думитреску: "Положение немецкой 6-й армии следует рассматривать как очень неблагоприятное". Эта немецкая армия прикрывала Крым с севера. Складывался план оставления Крыма.

Антонеску, выслушав своего начальника штаба, сказал: - Если Крым будет отрезан, то оборонять и снабжать его морем станет невозможно. Там совсем нет резервов, оборона растянута. Я понимаю значение Крыма, но второго такого удара, как под Сталинградом, не могу допустить1157.

Ганзен, вернувшись к себе, немедленно отправил телеграмму в "Вольфшанце". Рано утром 30-го особый курьер на специальном самолете доставил письмо Гитлера Антонеску. "Значение Крыма как важнейшего опорного пункта для авиации против румынских нефтяных районов и как исходного плацдарма против румынско-болгарского побережья является чрезвычайным и оправдывает решение оборонять полуостров так долго, как это только будет возможно". Поэтому Крым необходимо удерживать "при всех обстоятельствах и всеми средствами". 6-й армии будут даны силы, и положение будет снова восстановлено. 6-я армия должна в любом случае устоять, чтобы обеспечить подходы к Крыму1158. Фюрер обещал усилить сухопутную, морскую и воздушную оборону полуострова и призвал Антонеску обратиться к войскам с требованием "до конца выполнить долг".

Румынский диктатор согласился, он не уйдет из Крыма.

Но войска генерала Ф. И. Толбухина прорвались к Мелитополю, вышли к низовьям Днепра. Самые мрачные прогнозы Антонеску очень скоро подтвердились. Судьба отрезанной в Крыму группировки теперь не вызывала сомнений.

Новое сражение - в районе Киева - закончилось победой войск 1-го Украинского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина и освобождением столицы Украины. В контрнаступление Манштейн бросил шесть танковых и моторизованных дивизий и до 25 ноября несколько ослабил кризис. Вырвать инициативу он не смог, тем более вернуть Киев. Лишь в конце декабря здесь ему удалось в тяжелых боях прикрыть брешь.

Так, в конце 1943 г. вновь обнаружилась иллюзорность многих планов гитлеровского верховного командования. Оно не только не смогло ослабить Советский Союз или вырвать у Красной Армии стратегическую инициативу, но потеряло важнейшие области Украины, не оправдав надежд промышленных вождей третьего рейха. Оно терпело решающее поражение от Красной Армии и поэтому не смогло удержать юг Италии. Оно везде разбросало силы и нигде не имело их в достаточном количестве, чтобы удержать "Крепость Европу", потрясаемую мощными ударами советского наступления, нарастающими волнами сопротивления европейских народов и давлением англо-американских армий.

Союзникам Гитлер уже совершенно не верил. Начиная с сентября 1943 г. под личиной дружественных отношений германский генеральный штаб энергично готовит военную оккупацию Румынии и Венгрии.

По всеобщему признанию, на Восточном фронте отныне исключались серьезные наступательные операции. "Враг диктовал мероприятия"¹¹⁵⁹, - кратко, но выразительно констатирует В. Хубач. "Но в упорной эластичной обороне, продолжает он, - разумеется, ценой дальнейшей потери пространства все-таки оказалось возможным сохранить сплошной фронт"¹¹⁶⁰. На отдельных участках контрудары замедляли развитие наступления Красной Армии. В центре германскому командованию удалось после потери орловского плацдарма и отступления армий группы "Центр" под ударами Калининского и Западного фронтов ценой крайних усилий приостановить натиск советских войск.

Везде зияли бреши, но военное руководство считало, что еще не все потеряно. 8 ноября в Мюнхене Гитлер потребовал: дать фронту дополнительно по меньшей мере миллион человек. Прочесать весь тыл. Мобилизовать всех, кого возможно.

V

Приближался час решения судьбы главного, самого давнего и, казалось, верного союзника третьего рейха - Италии. В гитлеровской ставке давно с тревогой и злобой следили за быстрым развитием антинемецких тенденций в Риме.

Еще в первых числах июля Кейтель потребовал полного подчинения военных сил Италии германскому командованию: единому руководству англосаксов нужно противопоставить, уверял он, "твердое и единое руководство держав оси в районе Средиземного моря"¹¹⁶¹. Генштабисты старались "мыслить политически": необходимо провести в Италии "вторую фашистскую революцию" - чистку генералитета, отставку "Командо Супремо", арест всех антифашистских элементов - "и тогда германо-итальянская коалиция укрепится". Немецкий генерал Роммель должен стать единоличным командующим в районе Средиземного моря. Муссолини целиком поддерживал политиканов из "Вольфшанце" и предлагал для борьбы с нарастающим антифашистским движением ввести в Италию крупные германские силы. Какой же бесполезной была солдафонская "политика" гитлеровского генерального штаба! В ее арсенале не имелось никаких других средств и понятий, кроме: усиление террора или прямая оккупация. Но вариант "усиление террора" уже не подходил для Италии в качестве средства разрешения многих сложных социальных и военных проблем в период глубокого кризиса фашистской системы и всего блока агрессоров.

Народное движение в Италии стало мощной преградой на пути гитлеровской диктатуры. Германское командование не смогло направить в Италию достаточного количества войск - все, что высвобождалось в Европе, поглощал Восточный фронт. ОКВ до поры до времени не рискнуло формально установить германский военный режим в Италии и создать "единое командование" в Средиземноморском бассейне. Ожидаемое, как предлагали нацистские стратеги, "дружественное подчинение готовых к борьбе итальянцев руководству Роммеля" не состоялось.

Генеральный штаб сухопутных сил предвидел следующие последствия вероятного выхода Италии из войны: "Борьба с 30-35 крупными соединениями англосаксов, обеспечение линий снабжения протяженностью 900 км в условиях возможного воздействия на них итальянцев, принятие на себя обеспечения транспортной сети, охраны побережья от Марселя до Родоса (3500 км) и покорение Западных и Южных Балкан. Для этого потребуется намного больше сил, чем выставлено сейчас".

Смещение 25 июля Муссолини, а затем его арест, несмотря на успокаивающие заявления нового главы правительства Бадольо о продолжении войны на стороне Германии, означали, что до распада союза осталось пять минут. Это привело германское военное руководство к отчаянному решению: еще одной авантюрой попытаться спасти разваливающуюся коалицию.

Гитлеровской разведке удалось 29 июля в 1 час ночи подслушать переговоры по радио между Рузвельтом и Черчиллем о предстоящем выходе Италии из войны¹¹⁶². Рузвельт взял на себя обязанность обратиться к Виктору-Эммануилу. "Тем самым, - делала вывод разведка, - было получено несомненное доказательство, что в настоящее время ведутся тайные переговоры англичан и американцев с Италией"¹¹⁶³. Когда 6 августа представители правительства Бадольо попросили Риббентропа и Кейтеля освободить Италию от союзнических обязательств, все стало предельно ясным.

Заранее осведомленное такими путями гитлеровское командование начало быстро и решительно действовать против своего недавнего союзника номер один (союзы никогда не мешали гитлеровскому руководству иметь тайные планы войны с любым своим "другом"). В действие вступал ранее составленный генеральным штабом оперативный план "Аларих" - план переброски в Италию соединений из Франции. 2 августа Кейтель отдал так называемую директиву "Ось" - расчет предварительных мероприятий по захвату ключевых позиций Италии¹¹⁶⁴. Под разными предлогами немецким войскам удалось проникнуть через германо-итальянскую и франко-итальянскую границы в Северную и Центральную Италию и установить параллельно с итальянцами охрану перевалов и железнодорожных сооружений.

Еще 31 июля на Бреннерский перевал двинулись немецкие войска, возглавляемые отрядом танков "тигр". Марш через перевал продолжался несколько суток, и вскоре ключевые позиции Северной Италии оказались под немецким контролем¹¹⁶⁵.

Мощное выступление антифашистских сил страны, начавшееся после свержения Муссолини, заставило правительство Бадольо ускорить контакты с союзниками. В первой половине августа итальянский представитель вел переговоры в Лиссабоне, затем в Сиракузах, где заявил представителям западных держав о готовности нового итальянского правительства принять условия капитуляции и о боязни, что немцы немедленно применят силу. Все переговоры происходили под пристальным взглядом германской разведки.

3 сентября в Сиракузах, в присутствии генералов Эйзенхауэра и Александера генерал Беддел Смит и представители итальянского правительства Кастеллано и Монтенари подписали итало-англо-американское перемирие. В тот же день германские агенты сообщили генеральному штабу, что в 17 часов 4 сентября "Командо Супремо" передало штабу итальянских военно-воздушных сил открытым текстом телефонограмму: "Итальянские мирные просьбы англичанами в общем и целом приняты". Агентура генштаба находилась в курсе всех контактов итальянцев. Она дала сведения о предложении американцев высадить в Риме воздушнодесантную дивизию, чтобы помочь итальянским частям в борьбе с двумя подтянутыми к столице немецкими дивизиями. Из ставки Гитлера немедленно последовал приказ, и оба римских аэродрома оказались в немецких руках.

В германской ставке знали также о тайном прибытии в Рим из Сицилии на итальянском корвете американской военной миссии: генерала Тэйлора и полковника Гардинера и об их встрече с Бадольо. В "Вольфшанце" знали, что американские представители тайно прожили сутки в городе, ездили по его улицам в сопровождении итальянского офицера, помогавшего им пробираться через посты. Чтобы их не приняли за шпионов, они не снимали формы - их выдавали за пленных американских летчиков. В ставке Гитлера знали также, что Бадольо заявил Тэйлору: "Мы - друзья союзников, и только ждем благоприятного момента, чтобы протянуть им руку"¹¹⁶⁶.

Эта осведомленность о всех действиях своего бывшего союзника и о сроках капитуляции позволила гитлеровскому командованию заблаговременно подвести войска к важным районам и вечером 8 сентября начать быстро и повсеместно разоружение итальянских частей таким образом, чтобы англо-американские войска не смогли им помочь. Выход Италии из войны был объявлен "предательством". Разделенная на две части страна стала теперь ареной ожесточенной борьбы.

Когда 13 октября правительство Бадольо объявило войну Германии и когда в тот же день союзные державы признали Италию воюющей стороной, коалиционные проблемы германского генерального штаба еще больше упростились: итало-германский союз, несмотря

на образование новой итальянской фашистской республики, фактически, на деле прекратил существование и вместе с ним своеобразным путем исчезли так и не решенные генеральным штабом проблемы коалиционной стратегии двух самых давних партнеров фашистского блока.

Теперь германское военное руководство стояло перед необходимостью организации борьбы с англо-американскими экспедиционными силами и со своим недавним союзником.

Правда, и сейчас на очень мрачном фоне появлялись свои маленькие радости. Так, генеральный штаб сухопутных сил с особым удовлетворением отмечал, что "благодаря принятым мерам" на севере удалось разоружить итальянские войска за 24 часа, встретив лишь незначительное сопротивление. 82 генерала, 13 тыс. офицеров, 402 тыс. унтер-офицеров и солдат сложили оружие¹¹⁶⁷. К концу месяца 183 тыс. бывших союзников отправились в рейх, но теперь уже в качестве военнопленных.

В то же самое время США и Англия решили использовать перспективу "вывода Италии из войны без особого кровопролития"¹¹⁶⁸. Они вновь отложили срок вторжения в Западную Европу. Квебекская конференция двух западных союзников (середина августа 1943 г.) перенесла открытие второго фронта лишь на 1 мая 1944 г. Ближайшие усилия сосредоточивались в Италии. Другими словами, как стало ясно, "союзнический долг, призывавший к созданию подлинного второго фронта во имя скорейшего разгрома фашистской Германии и сокращения сроков войны, был и на этот раз забыт ради собственных интересов правящих кругов"¹¹⁶⁹. Нацисты еще раз получили неоценимый для них выигрыш: целых 9 месяцев для укрепления обороны на Западе. И это в условиях, когда они сами признавали неспособность отразить вторжение союзников.

19 октября начальник отдела иностранных армий Запада генерального штаба сухопутных сил письменно сообщил Варлимонту свое мнение о соотношении сил на Западе: англо-американские войска располагают 43 крупными, сильными дивизиями, предназначенными для высадки во Францию, в том числе 14 танковыми. Им противостоят 26 немецких соединений. Противник будет иметь превосходство в воздухе и снабжении. И если первоначально немцы еще смогут держаться, опираясь на прибрежные укрепления, то, "когда американцы подведут новые дивизии, картина изменится для нас к худшему"¹¹⁷⁰.

Тот факт, что вопреки взятым обязательствам США и Англия не произвели высадку во Франции и в 1943 г., вновь позволил германскому генеральному штабу улучшить к концу года положение на советско-германском фронте.

4 октября 1943 г. штаб оперативного руководства выразил мнение, что, поскольку "в этом году уже нельзя ожидать большого наступления на Западе", можно "сделать еще многое для стабилизации положения на Востоке"¹¹⁷¹. Он предложил взамен целого ряда разгромленных Красной Армией на Восточном фронте дивизий послать из Франции свежие соединения. Сразу же на Восток двинулись четыре дивизии. А 18 октября Иодль потребовал "высвободить дополнительные силы для Восточного фронта, ибо даже при отводе группы армий "Север" Восточный фронт имеющимися там в настоящее время силами невозможно стабилизировать"¹¹⁷². И вот через два дня последовал приказ Гитлера немедленно перебросить с Запада на Восток ряд отборных дивизий, в том числе 25-ю танковую, "Лейбштандарт Адольф Гитлер"¹¹⁷³ и 1-ю танковую дивизию с Балкан¹¹⁷⁴.

Таким образом, поняв, что им не грозит второй фронт, гитлеровцы осенью 1943 г. бросают лучшие силы из Франции против Красной Армии. Политика США и Англии в 1943 г. объективно вела к затягиванию войны

После Сталинграда и Курска, когда сокрушительные поражения в России коренным образом повернули ход войны, когда в Северной Африке, Италии события пошли совсем не так, как предсказывалось, когда немецкие города оказались под ударами авиации союзников, все здравомыслящие немцы стали понимать: впереди поражение.

"Самое позднее в конце 1943 г., - писал впоследствии Гальдер, - стало вполне ясно, что война в военном отношении проиграна"¹¹⁷⁵. Для многих это стало ясным раньше.

"Труднейшая задача руководства в настоящее время заключается в том, говорил Иодль

в ноябре 1943 г., выступая перед гаулейтерами в Нюрнберге, чтобы сделать такое распределение сил на всех театрах войны, при котором мы были бы достаточно сильными там, где противник начнет дальнейшее наступление". Но именно такая проблема, как убедительно показал 1943 г., оказалась неразрешимой.

Чем же могли компенсировать нацистские стратеги экономические, моральные и военные провалы? "Как когда-нибудь окончится эта война, - говорил далее Йодль, - этого наперед не может сказать ни один человек". Но Германия победит, "потому что мы должны победить, ибо в противном случае это означало бы, что мировая история потеряла разум"1176. Виновата история!

Геббельс в конце 1943 г. начал ломать голову над проблемой выхода Германии из войны. 10 сентября 1943 г. его срочно вызвали в ставку Гитлера по весьма печальному поводу: пришло сообщение о капитуляции Италии. В этот день, видимо, под впечатлением невеселых бесед в ставке, Геббельс записал в своем дневнике о возможных мирных переговорах. "Теперь, конечно, постепенно выплывает вопрос, куда мы должны сначала повернуться, в сторону Москвы или в сторону англо-американцев. Наконец мы должны понять, что очень тяжело справиться с обоими противниками"1177.

В Растенбурге он понял: над Гитлером висит кошмар поражения на Востоке. Кроме того, фюрер обеспокоен угрозой высадки союзников на Западе.

"Прежде всего дело состоит в том, что нет никакого представления, какие Сталин еще имеет резервы. Я очень сомневаюсь, можем ли мы при этих обстоятельствах высвободить дивизии с Востока для других европейских театров военных действий"1178.

Гитлер в беседе тем же вечером, согласно записи Геббельса, заявил: "Англичане, без сомнения, ни при каких условиях не хотят большевистской Европы... Если они поймут... что имеют перед собой выбор только между большевизмом или сговорчивостью национал-социализма, они без сомнения выберут второе. ...Черчилль сам старый антикоммунист, и его сотрудничество с Москвой покоится сегодня только на соображениях целесообразности".

Считая возможными какие-то переговоры, несмотря на все безмерные злодеяния, совершенные ими, Гитлер и Геббельс всерьез рассуждали с кого же начать, ибо "рано или поздно перед нами возникнет вопрос примкнуть к одной или другой стороне. Германия еще никогда не добивалась успеха в войне на два фронта; и теперь ей также не хватит надолго сил".

23 сентября Геббельс снова появился в ставке Гитлера. После беседы на утренней прогулке он заключил, что фюрер пессимистически оценивает возможность мирных переговоров как с одной, так и с другой стороной. "Фюрер не думает, что в настоящее время можно чего-либо достигнуть на пути переговоров"1179.

Вечером Геббельс был единственным гостем фюрера на чаепитии. Оба размечтались. Они стали чувствительно говорить о мире и его благах. "Как было бы прекрасно, - поверил их общие думы страницам дневника Геббельс, - снова суметь вернуться в круг актеров, опять как-нибудь вечером пойти в театр и в общество германских художников"1180. Да, совершив безмерные преступления, они вздыхали о тихих радостях. Но до конца оставалось не так уж много.

Грандиозные сражения 1943 г. стали важнейшим этапом на пути к победе антигитлеровской коалиции над фашистским блоком. Советский Союз в 1942-1943 гг. добился перелома в ходе борьбы. Стратегическая инициатива, захваченная Красной Армией в битве под Сталинградом, оставалась в ее руках вплоть до полного разгрома фашистской Германии. В связи с провалом наступления под Курском, в ходе которого 30 гитлеровских дивизий потеряли от 50 до 75% личного состава, немецко-фашистская армия вынуждена была перейти к обороне на всем советско-германском фронте.

Летне-осеннее наступление Красной Армии, продолжавшееся пять месяцев, привело к изгнанию захватчиков с Левобережной Украины, освобождению Донбасса, части Российской Федерации, Белоруссии. Безвозвратные потери сухопутных сил вермахта превысили 1400 тыс. человек.

Наступал завершающий период войны.

... Третий рейх подводил итоги 1943 г. Что могли сказать нацистские заправилы немецкому народу о ходе войны и перспективах? Только ложь. И обманывая ежедневно, беспрестанно, они требовали от немцев новой крови, новых крайних усилий. В рождественскую ночь Геббельс разглагольствовал по радио, заклиная "верить в предстоящую победу нашего оружия". Предновогодние военные обзоры пропаганда использовала для фальшивых оценок только что проигранных битв, надеясь вселить дух оптимизма в сознание обреченных на фронте и бедствующих в тылу. "Случай со Сталинградом, - заявила 30 декабря "Фёлькишер беобахтер", - не был признаком даже начинающегося германского ослабления, но важным толчком к тому, чтобы немецкий народ определил свое решение бескомпромиссно вести "тотальную войну"". В последний день уходящего года нацисты бросили призыв ко всей Германии: "непоколебимо - с боевой решимостью - к несомненной победе". А когда утром 1 января 1944 г. миллионы немцев открыли газеты, то увидели на первых полосах огромными буквами: "Лозунг фюрера на 1944 год: борьбой и жертвами быть достойными победы!" Ставка Гитлера сообщила народу: "национал-социалистское руководство полно решимости вести эту борьбу с крайним фанатизмом и до последней возможности".

И третий рейх еще полтора года продолжал борьбу с безумным ожесточением, стараясь ценой новых миллионов жертв продлить ненавистное народам господство нацистского режима.

Но набат возмездия звучал все более грозно.

В новогоднюю ночь 1944 года Красная Армия уже наступала на землях Правобережной Украины, нацеливая удары все дальше к Западу.

Глава седьмая. Под сокрушительными ударами

Неумолимо - к катастрофе

I

Война вступила в пятый год. Гигантские сражения сотрясали мир. Все напряглось до предела, и все плоды рук человеческих без остатка бросались в пламя войны. Казалось, горело все: суша, вода, воздух и человеческие сердца. Бушующий вихрь продолжал испепелять в своем смертельном круговороте миллионы жизней, тысячи городов, непреходящие ценности культуры. Но если свободолюбивые народы приносили жертвы во имя победы над чудовищным злом и спасения будущего, то фашизм будущего не имел. Колоссальные потери Германии были жертвами напрасными, не нужными никому, кроме преступного режима, как будто задумавшего превратить последний акт разыгранной им трагедии в кровавое пиршество, на котором гибель третьей империи сопровождалась бы всеобщей гибелью.

История сжалась. Дни наполнялись событиями месяцев, а месяцы - лет. На Германию обрушивались могучие удары. Они развеяли в прах все расчеты завоеваний, во имя которых безжалостно лил чужую и свою кровь третий рейх. Но фашизм оставался смертельно опасным. Его военная мощь давала возможности упорной борьбы. Он назвал удерживаемую им часть Европы своей крепостью: у ее стен должны пасть штурмующие ее армии и народы. Всей своей дьявольской хваткой, всем натренированным аппаратом насилия и пропаганды нацистский режим заставлял немецкий народ по-прежнему отдавать разум, труд, опыт и жизнь за обреченное дело, безысходность которого становилась все более очевидной даже главным его вдохновителям. Гестаповско-пропагандистская машина все еще добивалась своего. Третий рейх продолжал вести борьбу с неослабевающей яростью. Его армии цепко держали позиции, его флоты атаковали превосходящие силы союзников, а заводы готовили все более совершенное оружие, которое, по расчетам нацистских главарей, завтра поможет повернуть ход борьбы.

Кризис нацистской системы заключался прежде всего в том, что после ряда поражений на советско-германском фронте, особенно после сталинградской катастрофы, противоречия между целями и возможностями германского империализма обострились до последнего и крайнего предела. Они не просто влияли на политику и деятельность военного руководства третьего рейха, они пронизывали все ткани фашистского государства. Но для разрешения этих противоречий третий рейх объективно не имел ни возможностей, ни средств.

Однако нацизм не был бы самим собой, если бы до самого конца не прилагал геркулесовы усилия, чтобы преодолеть всеохватывающий кризис.

Объявлением "тотальной войны" фашистские лидеры пытались ликвидировать увеличивающееся несоответствие между ресурсами страны и требованиями фронта.

Другое непримиримое и постоянно растущее противоречие - между жизненными интересами немецкого народа и целями, которые ставил перед собой господствующий блок монополий и фашистско-милитаристского аппарата, - нацисты стремились ликвидировать усилением и без того жесточайшего террора, дальнейшей активизацией органов принуждения.

Германский фашизм глубоко запутался в лабиринте антагонизмов. Он делал все, чтобы выбраться из него, любой ценой избежать надвигающегося поражения. Но укрепление его господства внутри страны путем государственно-монополистических мероприятий нацистского руководства становилось все более относительным. А поражение на фронтах, политическая изоляция Германии, расширение антифашистского движения Сопротивления и весь комплекс внутренних противоречий - были величинами абсолютными, неумолимой реальностью, которая приближала день полного краха.

Боевая сила вермахта, несмотря на рост военного производства, падала из-за колоссальных потерь на советско-германском фронте. Под мощными ударами Красной

Армии буквально сгорали дивизии вермахта и все те массы военной техники, которые нацизм гнал на Восток из Европы, превращенной в гигантский военный концерн. Авиационные удары союзников наносили все более ощутимый морально-психологический ущерб населению Германии, причиняли растущий урон ряду ее промышленных центров. Тотальная мобилизация всех ресурсов страны, укрепившая на время власть военных монополий и приведшая к полному их слиянию с фашистским государственным аппаратом, возвела эксплуатацию трудящихся в высшую степень, вызывая дальнейший рост недовольства, постепенно суживая социальную базу фашизма. Усиление гнета в оккупированных странах расширяло фронт национально-освободительной борьбы народов Европы, активизировало движение Сопротивления, сплочение всех антифашистских сил. Поражения нанесли колоссальный военный, экономический, моральный ущерб фашистскому блоку. Но они еще не сломили военной мощи Германии. Ее ресурсы далеко не исчерпались, а фанатизм главарей не иссяк. Призраки поражения уже маячили на кровавых горизонтах нацистской империи. В страхе перед этим кошмарным видением фашистская правящая клика была исполнена решимости продолжать борьбу любой ценой, любым, самым крайним напряжением сил до полного конца. Вермахт по-прежнему держал на Востоке от Баренцева моря до Крыма свой главный фронт, над которым, как и раньше, ночами висели бледно-мерцающие ракеты. А позади этого гигантского фронта не только ежедневно, ежечасно продолжались чудовищные преступления, но и делалось все, чтобы не допустить катастрофы режима, творящего их.

II

Антифашистская коалиция полностью развернула свой потенциал. Теперь срок окончательной победы зависел от координированных усилий союзных держав, их политики, военной стратегии и военной активности, от целеустремленности в распределении усилий и ресурсов, последовательности и энергии нанесения сокрушительных ударов на завершающем этапе борьбы.

Советский Союз делал в этом отношении все возможное и зависящее от него. Советское Верховное Главнокомандование, владея стратегической инициативой, намечало развернуть в 1944 г. наступление на огромном фронте - от Балтийского до Черного моря. В начале года главные усилия концентрировались на юго-западном направлении. Красная Армия готовилась провести ряд стратегических операций на важнейших участках фронта. План советского командования отличался целеустремленностью и ясностью: разбить фашизм, достигнуть скорейшей победы, освободить территорию Советского Союза, совместно с партнерами по коалиции изгнать нацистов из оккупированных ими стран. Патриотизм советских людей, мощная военная экономика, развернутая самоотверженными усилиями советского народа под руководством коммунистической партии, героическая борьба Красной Армии - все направлялось к общей цели. Здесь не оставалось места ни колебаниям, ни компромиссам.

Несколько по-иному развивались действия других государств антигитлеровской коалиции.

В США и Англии различные группировки господствующих классов поддерживали планы открытия второго фронта еще в 1943 г. "Тревога, овладевшая правящими кругами США и Англии, обуславливалась... их стремлением не опоздать к моменту окончательного крушения гитлеровской Германии"¹¹⁸¹. Им противостояли сильные и влиятельные круги крупной буржуазии, которые бойкотировали второй фронт или стремились всячески затянуть его открытие. Эта разница во взглядах проистекала, во-первых, из различия военных целей отдельных групп американского и британского монополистического капитала; во-вторых, - из соперничества между решающими монополистическими группировками внутри США и Великобритании; в-третьих, из несоответствия взглядов на методы ведения политики в отношении Советского Союза в Европе и во всем мире во время и особенно после войны.

Основу сотрудничества между господствующими кругами США и Великобритании составляла общая угроза со стороны германского фашизма. Главная цель их военных усилий заключалась в том, чтобы разбить нацизм, используя усилия СССР. Вместе с тем английские и американские империалистические круги были едины в намерениях предотвратить рост влияния Советского Союза на мировую политику, ослабить СССР, свести к нулю возможности победы социализма в других странах. Общая позиция антикоммунизма в англо-американских отношениях, несмотря на частные разногласия, обеспечивала союз в главном.

Возникавшие противоречия внутри англо-американского блока касались непосредственных военных задач обеих стран, определяемых различием их положения в капиталистическом мире. На военную стратегию Великобритании влияло ее экономическое ослабление в ходе войны. Военные расходы расшатывали британскую экономику. Ограниченные собственные источники сырья, трудности снабжения им в условиях, когда морские коммуникации то и дело разрывались, как тонкая нитка, под ударами вражеского флота, рост национального долга, тяжелые потери торгового флота - все это подрывало экономическую мощь Великобритании и ставило ее во все большую зависимость от американского союзника. Поскольку Великобритания оказалась не в состоянии продолжать войну только своими собственными финансово-экономическими средствами, США и страны Британской империи брали на себя возрастающую долю производства и поставок техники для британских вооруженных сил. Если в 1939 - 1940 гг. Великобритания покрывала из собственных ресурсов 90,7% потребностей в военных материалах, то в 1944 г. лишь 61,2%, американская же доля возросла на 27,2%¹¹⁸².

Все это вместе взятое вызывало в британской политике следующие тенденции: во-первых, сохранить империю, чтобы гарантировать место Англии в послевоенном мире как первостепенной державы и ее конкурентоспособность в отношении политических позиций США. Другая тенденция состояла в том, чтобы по возможности дать приоритет европейской политике над "имперской", попытаться восстановить в Европе равновесие сил, реставрировать старые социальные взаимоотношения. Но в Лондоне хорошо понимали колоссальные трудности "европейского" курса и плохо верили в его осуществимость: после окончания войны и сокрушения Германии ни Великобритания, ни ослабленная Франция, не смогут составить надежного противовеса Советскому Союзу. Англия окажется не в состоянии одна выполнить роль "барьера против коммунизма".

Поэтому возникала третья, главная, тенденция политики: сохранить положение "великой державы", делая основную ставку не на Западную Европу¹¹⁸³. Средиземное море представляло собой традиционную жизненную артерию британского империализма. Оно связывало Англию с Индией и Ближним Востоком. Великобритания не могла полностью господствовать на Средиземном море. Но она еще была в состоянии создать такую ситуацию, при которой, как и прежде, ни одна великая держава не утвердилась бы на его берегах, особенно в восточной части. Следовательно, господство в районе Средиземного моря могло стать основой политического преобладания британского империализма. Ближний и Средний Восток составили бы фундамент сохранения позиций Великобритании как великой державы¹¹⁸⁴.

Континентально-европейский аспект этой проблемы сводился для Англии к укреплению позиций в Юго-Восточной Европе, прежде всего на Балканах. Рассматривая их как центральный пункт своих коммуникаций с Азией и Африкой, британский империализм традиционно поощрял любые противоречия между великими державами и государствами этого региона.

Политические прогнозы в отношении Балкан казались Лондону не менее сложными, чем относительно Западной Европы. И здесь, на Юго-Востоке, английские политики предвидели "коммунистическую угрозу" после ликвидации германского противовеса Советскому Союзу. Кто же как не Великобритания "заполнит вакуум"? Так складывались планы организации и обеспечения экономического и политического преобладания британского империализма на Балканах путем высадки экспедиционных сил и, в случае

необходимости, организации "Дунайской федерации" под эгидой Лондона¹¹⁸⁵. Военно-стратегическим выражением этих планов были упорно отстаиваемые британскими лидерами при выработке межсоюзнической стратегии, варианты "открытия второго фронта на Балканах".

Другая политическая линия, существовавшая в Англии, состояла в том, чтобы создать политический и военно-экономический союз Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии и Португалии, который при английском господстве противостоял бы растущему влиянию США в Европе и обеспечил бы экономический подъем Англии¹¹⁸⁶. Такой союз предполагался и как противовес растущей мощи СССР, и как центр борьбы с демократическим и социалистическим движением в Европе.

Наконец, еще одна тенденция британской политики, носителями которой оказались круги британского монополистического капитала, тесно связанные с американским капиталом, заключалась в обеспечении послевоенного тесного сотрудничества с США.

Столкновение точек зрения о необходимости высадки экспедиционных сил на Балканах или в Западной Европе определялось борьбой между этими политическими тенденциями.

По-иному складывались к завершающему этапу войны политические и военно-стратегические расчеты в США.

Не в пример большинству европейских государств, экономический потенциал США в результате войны не ослабел. Расширение объема выпуска продукции и достигнутая во время войны полная занятость повысили удельный вес американской продукции в общем балансе мирового хозяйства. Участие в экспорте возросло с 13,45% в 1938 г. до 40,08% в 1945 г.¹¹⁸⁷ Для монополий война стала необычайно прибыльным бизнесом. Поэтому военно-политические и стратегические цели американского империализма отличались от целей британского. Если для последнего речь шла о сохранении или восстановлении прежних мировых позиций империи, то планы американской монополистической буржуазии носили глобальный характер. Главная цель США состояла не в том, чтобы сохранить свой довоенный статус, но расширить его до размеров мирового господства американского империализма.

Мнения господствующих кругов США по вопросу о направлениях главных линий экспансии разделялись в зависимости от позиций различных группировок финансового капитала.

Что касается официальной военно-политической стратегии правительства США, то оно старалось выработать такую линию, которая, в той или иной мере соответствуя внешнеполитическим тенденциям основных влиятельных групп монополистической буржуазии, вместе с тем позволила бы: во-первых, одержать победу над главными империалистическими конкурентами - Германией и Японией, ослабить их как фактор экономического и политического соперничества, заменить фашистский режим в Германии на менее экстремистский; во-вторых, не допустить в итоге войны усиления позиций социализма в сравнении с капитализмом и ослабить Советский Союз руками Германии; в-третьих, обеспечить после войны решающее преобладание США как в глобальных, так и в регионально-европейских масштабах.

На отдельных этапах войны каждой из соперничающих могущественных групп американского капитала удавалось оказывать преобладающее влияние на военную политику США. Однако в течение 1943 г. все отчетливее становилась европейская ориентация внешнеполитического и стратегического курса правительства. Эта стратегия исходила из расчета, что военно-политическое преобладание в Европе может стать главной опорой установления господства во всем мире и что прочные европейские позиции американского империализма будут гарантией против распространения социализма в обстановке, когда ослабленные Германия, Франция и Англия не смогут составить ему надежного "барьера". По мнению американских стратегов, передовые военные плацдармы США должны будут проходить теперь именно в Европе. США необходимо иметь сильных европейских союзников - главным из них в перспективе может стать лишь Англия. В военно-

политическом курсе США и в их военной стратегии в конечном итоге возобладали тенденции к открытию второго фронта в Западной Европе¹¹⁸⁸.

Антисоветские тенденции политики и военной стратегии западных держав постоянно затрудняли и замедляли выработку единой координированной стратегии антигитлеровской коалиции, вели к затягиванию открытия второго фронта, рассредоточивали усилия, затрудняли ведение войны антигитлеровской коалицией в целом. Вселяя заправилам фашистской Германии надежды на успешную политическую игру между Советским Союзом и его западными партнерами, эти тенденции объективно составляли политический и военно-стратегический резерв Германии. По мере обострения антисоветского курса Англии и США нацисты укреплялись в мнении, что при каком-то благоприятном стечении политических обстоятельств в будущем еще удастся поправить дела. Так создавались дополнительные стимулы для упорного сопротивления, которое в свою очередь оборачивалось на полях сражений лишней кровью, новыми тысячами жертв.

Для господствующего блока германских монополистов, юнкеров, милитаризма угроза поражения представляла собой прежде всего классовую угрозу. С точки зрения борьбы против США и Англии проигрыш Германией войны означал бы крах планов захвата гегемонии в мировой конкурентной империалистической борьбе. Но поражение на Западе не грозило ликвидацией классовых позиций германской буржуазии, монополий, юнкерства. Капитуляция же в борьбе против Советского Союза означала бы прежде всего классовую катастрофу, ибо грозила полным уничтожением всех экономических и политических позиций монополий, юнкерства, милитаризма и фашизма; она влекла бы за собой полное свержение господствующего военно-промышленного блока, суровое наказание фашистских преступников, развязывание народной инициативы и в конечном счете победу в Германии сил демократии и прогресса.

Все это гитлеровские заправилы достаточно понимали. Перед лицом такой угрозы реакционные силы Германии, главным образом монополии и фашистский государственный и военный аппарат, делали все, чтобы самыми крайними мерами мобилизовать ресурсы страны для продолжения борьбы прежде всего против Советского Союза. По мере нарастания угрозы поражения они смирялись с неизбежностью утраты надежд на господствующее, а потом хотя бы на равноправное положение германского монополистического капитала в империалистическом мире; вынуждены были признать провал своих попыток на завоевание первенства в мировой империалистической конкурентной борьбе. Но они хотели выжить как господствующий класс, поэтому предпринимали шаги для того, чтобы всемерно использовать антисоветские тенденции в политике США и Англии, чтобы играть на противоречиях между отдельными группами американского и английского монополистического капитала, попытаться найти классовый компромисс с Западом.

Но правящие силы рейха знали, что невозможен никакой компромисс с главным противником во второй мировой войне. Если насчет Запада и могли существовать какие-то иллюзии, то здесь - никаких. И поэтому по единой воле монополий, юнкеров, фашистского государства и милитаристов борьба и на завершающем этапе войны неизменно ориентировалась прежде всего на Восток, против Советского Союза. Такой направленности главных военных усилий третьего рейха в 1944-1945 гг. не смогли помешать ни открытие Англией и США второго фронта в Европе, которого так опасались военные лидеры фашистского рейха, ни продвижение союзных армий в центральные районы Германии. Полное прекращение сопротивления на Западном фронте для переброски всех сил на Восточный фронт в конце войны также объяснялось в первую очередь классово-политическими мотивами.

В этих обстоятельствах и коренится главная причина того, что гитлеровская Германия в завершающем периоде войны мобилизовала все свои возможности, все силы до последних и крайних пределов для ведения ожесточенной борьбы прежде, всего и особенно против Советского Союза.

Следовательно, ответ на вопрос, почему третий рейх яростно сражался "до конца" на Восточном фронте, лежит не в плоскости "боязни большевиков" или личных качеств "демонической природы Гитлера", как гласят распространенные легенды буржуазной историографии второй мировой войны, а прежде всего в сфере классовых интересов германской реакции.

III

Колоссальные доходы, получаемые монополиями в ходе войны за счет грабежа оккупированных стран и военных заказов, ответственность за преступления, непрерывно совершаемые вместе с нацистским государственным и военным аппаратом в течение военных лет, шовинистический угар накрепко связали промышленников с фашизмом и милитаризмом. В результате монополии продолжали и в 1944 г. с максимальным напряжением работать на войну, используя производительные силы почти всех стран Европы, их рабочую силу, военные предприятия, запасы продукции, сырья, транспорт и т. д.

Однако противоречия капиталистической экономики фашистской Германии сказывались на характере и возможностях военного производства. Монополии продолжали вести и на завершающей стадии войны ожесточенную конкурентную борьбу за государственные заказы, за дележ захваченного в оккупированных странах, за влияние на государственный и военный аппарат. Развитие промышленности в условиях системы капиталистического производства носило неравномерный и противоречивый характер. Если военное производство росло вплоть до 1944 г. быстро, то темпы развития промышленности в целом все больше замедлялись, обострялась диспропорция и однобокость развития германского хозяйства. Монополистический капитал, занявший в ходе войны главенствующие позиции в фашистском государстве, грабил, разорял народы Европы. Но по мере роста успехов Красной Армии, развития антифашистского движения Сопротивления, потери оккупированных территорий возможности использования производительных сил в захваченных странах неуклонно падали и в конце 1944 г. вовсе исчезли.

В первой половине 1944 г. усилия монополий и государственного аппарата к преодолению тяжелого кризиса военной экономики еще давали значительные результаты. Монополистический капитал разнообразными мерами по мобилизации потенциала стран оккупированной Европы стремился расширить выпуск военной продукции. Под руководством Шпеера, объединявшего в сфере военной экономики интересы монополий и нацистской партии, проводился курс "тотального использования всех ресурсов государства", чтобы "высвободить для фронта и военного производства все еще имеющиеся резервы"¹¹⁸⁹. Перестройка хозяйственной системы плюс жесточайшая эксплуатация миллионов немецких и иностранных рабочих позволили третьему рейху в начале 1944 г. увеличить производство оружия и военных материалов по сравнению с 1941 г. в три-четыре раза.

Количество занятых в производстве немцев-мужчин постоянно сокращалось из-за массовых призывов в армию и огромных военных потерь. В 1944 г. иностранные рабочие составляли 21% всего количества рабочей силы. Но колоссальные масштабы использования иностранных рабочих рук имели оборотную сторону: сопротивление иностранцев снижало экономическую эффективность принудительного труда и не обеспечивало устойчивого повышения уровня выпуска военной продукции.

Шпеер, выступая в июне 1944 г. в Эссене, требовал осуществлять хозяйственное руководство "диктаторски". Фюреры экономики, промышленники, или, по выражению Шпеера, "круг реальных и трезвых специалистов", действовали беспощадно, прикрываясь фашистской социальной демагогией. Они с пафосом говорили, что "выполняют долг", что "готовы отдать силы и жизнь" во имя "борьбы за судьбу немецкого народа". На деле же теперь, как и в течение всей войны, они преследовали прежде всего цели сохранения режима, увеличения прибылей и власти.

Государственно-монополистическая система смогла эффективно работать на уровне предельного напряжения сил в области военной экономики лишь до середины 1944 г. Вторая

половина года ознаменовалась развитием движения по нисходящей. Произошел спад в добыче угля из-за уменьшения транспортных возможностей и потери ряда угольных областей. В то время как в 1942 г. добыча угля составила 268 млн. тонн, в 1943 г. - повысилась до 278 млн., а в 1944 г. предполагалось получить 300 млн. тонн, в действительности удалось за этот последний год выдать 249 млн. тонн. Снижение, как и по другим показателям, падало на последний квартал 1944 г., когда среднемесячная добыча упала на 28% ниже общей среднемесячной.

Добыча бурого угля в январе 1942 г. достигла 275 млн. тонн, в 1943 г. выросла до 287 млн.; имелось в виду в 1944 г. достигнуть 307 млн. тонн. Но в действительности было получено лишь 261 млн. тонн.

К концу года снизилось и производство стали. Уменьшилась выработка электроэнергии.

Выплавка стали, достигшая в Германии и оккупированных областях в 1942 г. 32,1 млн. тонн, в 1943 г. - 34,7 млн., намечалась в 1944 г. на уровне 37,2 млн. тонн. Однако в среднем за год удалось достигнуть только 28,5 млн. тонн. Потеря оккупированных областей, авиационное наступление на рейнско-вестфальский индустриальный район, анемия части транспортной сети, сокращение выработки электроэнергии, сопротивление иностранных рабочих решительно ослабили общее промышленное положение рейха в последнем квартале 1944 г., сделав безнадежной и военную ситуацию.

Общая картина выпуска военной продукции в 1944 г. выглядела так. Если индекс германского производства всего вооружения в январе - феврале 1942 г. мы берем за 100, то в январе 1944 г. он достиг 241, в июле - 322, затем стал постепенно снижаться, упав в январе 1945 г. до 227. В 1944 г. военная промышленность Германии выпустила более 2,5 млн. карабинов, 787,1 тыс. автоматов, почти 41 тыс. орудий калибра свыше 75 мм, 12,1 тыс. средних и 5,2 тыс. тяжелых танков, 37,9 тыс. военных самолетов (включая учебные), 3350 тыс. тонн боеприпасов, 234 подводные лодки. Эти данные показывают, что государственно-монополистический капитализм в завершающем периоде войны еще в течение значительного времени поставлял вооруженным силам военную технику в массовых масштабах.

К началу 1944 г. вермахт насчитывал 10 324 985 человек. В том числе сухопутные силы (включая войска резерва) имели 7 245 715 человек, военно-воздушные силы - 1 919 581, военно-морской флот - 725 946, войска СС 433 743 человека. В действующих войсках сухопутных сил состояло 4 340 063 человека. Следовательно, путем тотальной мобилизации гитлеровский режим все же сумел, несмотря на огромные потери, к началу 1944 г. обеспечить большую численность армии. Но подготовка личного состава продолжала ухудшаться. В сухопутных силах находились 32 возрастные группы.

Вермахт к началу 1944 г. имел 315 дивизий и 10 бригад. 63% сил находилось на советско-германском фронте, в том числе три танковые армии из четырех, четыре воздушных флота из семи, 25 танковых и моторизованных дивизий. По-прежнему рассматривая советско-германский фронт как главный фронт, гитлеровское командование держало здесь наиболее боеспособные и укомплектованные соединения, а также свыше 706 тыс. солдат и офицеров армий союзников Германии. Танковые дивизии получали все больше новых танков Т-V, Т-VI и усовершенствованных штурмовых орудий. Для повышения боеспособности армии немецко-фашистское руководство проводило серьезную реорганизацию войск. Словом, вермахт мог упорно воевать. С ним предстояла трудная и кровопролитная борьба.

Нацистский режим все глубже увязал в трясине внутренних противоречий. Росло недовольство широких кругов мелкой буржуазии и крестьянства - главной опоры фашизма. Глубокое разочарование постигло среднее сословие: мелкие и средние предприятия поглощались концернами или закрывались. В деревне нацисты поощряли наступление крупного землевладения: страдало мелкое и среднее крестьянство, его доходы падали. Обострялись противоречия между крупными капиталистами и той частью буржуазии,

которая была занята в сферах торговли, производства средств потребления и вообще не имела отношения к военной промышленности. Первая группа, состоявшая из наиболее агрессивных и реакционных представителей крупной буржуазии, захватила решающие государственные и хозяйственно-политические позиции. Она использовала свою власть, чтобы переложить растущие тяготы на плечи всех других слоев общества, в том числе и на ту часть буржуазии, которая оказалась вне круга избранных¹¹⁹³.

В самой тяжелой ситуации оказался, конечно, рабочий класс. Условия труда и жизни катастрофически падали. Направили на заводы всех, кто мог еще стоять и двигаться, проверили и прочистили все деревни, закоулки. Геббельс, назначенный в июле 1944 г. уполномоченным по вопросам "тотальной войны", издавал драконовские распоряжения, закручивал до предела все гайки огромной машины принуждения и репрессий. Но чем больше отчаяние, страх, безысходность, апатия, злоба, неверие овладевали людьми, тем меньше результатов приносили и репрессии, и заклинания нацистских главарей, и всякие "закручивания гаек".

Население бедствовало. Грабеж оккупированных стран уже не мог возместить потребности в продовольствии, в различных средствах потребления. Объем сельскохозяйственных поставок из Венгрии и Румынии уменьшался. Собственная экономика работала только на войну. Цены безудержно росли. В стране процветали коррупция, взяточничество, спекуляция.

С каждой новой сводкой верховного командования, между "бодрящими" строками которой просматривались неудачи и поражения, с каждым слухом, проникавшим в империю, росли настроения тревоги и кошмара. Никто не понимал, как можно теперь выиграть войну и что же имеют в виду фюрер и Геббельс, когда говорят о "безусловной победе". Многие задавали себе вопрос: "Как долго все это протянется и как все-таки может выглядеть конец всему этому?"

О господствующих настроениях среди бюргерства, мещанской части населения в начале 1944 г. красноречиво свидетельствовали следующие подслушанные агентами гестапо и зафиксированные в секретных донесениях мнения:

"Такого положения, как сейчас, в ходе войны еще не было никогда".

"Где и когда мы сможем задержать этот поток войны? Только чудо может привести нас к победе".

"Положение на Востоке становится все более трудным, войну мы выиграть не сможем".

"Что произойдет еще, если так будет и дальше? Русские скоро будут во Львове. Кто знает, как пойдут дела на Востоке?" "Мы еще предполагаем выиграть войну? Я думаю, что мы ее выиграем только в болтовне и сплетнях, а дураки будут еще верить этому, даже когда русские вступят в Берлин. Но надо помалкивать, враг подслушивает!"¹¹⁹⁴ и т. п.

Служба безопасности СС в сентябре 1943 г. обобщала: "Развитие событий за последние недели показывает, что только незначительная часть населения непоколебимо верит в победоносное завершение войны"¹¹⁹⁵.

Среди немецкого народа росло стремление к скорейшему окончанию всего этого кошмара. Появились надежды на внезапный конец, как в Италии, когда фашистская власть буквально исчезла за одну ночь. Служба безопасности установила: многие порой не боялись даже вслух обсуждать вопрос о том, не ликвидируется ли гитлеровский режим подобно режиму Муссолини? И хотя такие настроения не имели никаких практических результатов и не связывались ни с какой политической альтернативой, тем не менее они свидетельствовали о глубоком моральном потрясении всего строя германского фашизма.

Чтобы "поднять дух" в стране и армии, нацисты прибегали к двум своим испытанным методам: усилению пропаганды и террору.

Однако действенность пропаганды быстро падала, ибо геббельсовская продукция лишалась всякого подобия реальной основы. В 30-е годы успех пропагандистской системы третьего рейха определялся широкой спекуляцией на материальных и политических трудностях послеверсальского периода, на бедствиях, созданных другими - войной и

предшественниками нацизма.

В те времена гитлеровская пропаганда успешно использовала бедствия, вызванные поражением, безработицей, инфляцией, играла на резком классовом неравенстве общества, на острой тяге рабочих к социализму, на уязвленном поражением и условиями Версаля национальном чувстве, на шовинизме мещанства, мелкой и средней буржуазии и на многом другом, что накопилось за годы войны. Внешнеполитические успехи конца 30-х годов и особенно Мюнхен стали наилучшей помощью, которую дали третьему рейху западные державы для укрепления действенности фашистской пропаганды, а ошеломляющие победы 1939 - 1940 гг. подкрепили в глазах значительной части населения действенность гитлеровских лозунгов.

Совершенно иными стали возможности и эффект нацистской пропаганды в 1944-1945 гг. Ее "моральные" и "материальные" предпосылки исчерпались, все ее ресурсы и резервы иссякли. Они были в корне подорваны колоссальными бедствиями, вызванными преступной войной, многомиллионными жертвами, катастрофическими поражениями на фронтах, провалом всех торжественных обещаний, осознаваемой несправедливостью войны.

Наступал крах иллюзий. Многочисленные обещания "полной победы" и "лучшей жизни" оказались ложью, как и полной фикцией представал весь "тысячелетний рейх". А реальностью стали бедствия, гибель миллионов немцев, разруха, ненависть человечества, изоляция, противники у границ рейха, бомбардировки городов, кошмар возмездия за преступления. Многие немцы уже знали: их главарей будут после войны судить, что их вероятнее всего казнят, что противники уже разрабатывают планы послевоенной Европы, в которой судьба Германии будет решаться только победителями.

В таких условиях образовалась еще большая, чем когда-либо раньше, пропасть между реальностью, осознаваемой населением, и фашистской пропагандой. Пожалуй единственный ее тезис: гротескное изображение "расправ", которые якобы учинят победители, - еще активно влиял на умы людей. Но она доходила до полнейшего абсурда, когда за несколько минут до полного поражения упорно твердили о "безусловной победе".

Падение действенности фашистской пропаганды возмещалось террором, нагнетанием страха.

В Германии 1944-1945 гг. постепенно складывалась своего рода "психология поражения", своеобразный психологический феномен, который в конечном счете оборачивался яростным, упорным сопротивлением в борьбе. На первом месте стоял страх. Рядовой солдат боялся соседа по окопу, который мог донести о его трусости или неосторожной фразе, что война будет проиграна, после чего его могли немедленно повесить на ближайшем дереве, фонарном столбе или на чем угодно или же расстрелять здесь же на передовой, без суда, согласно приказу номер такой-то, а семью бросить в концлагерь. Офицер боялся товарища, старшего командира, отступления на своем участке, а позже боялся оказаться по чьему-либо доносу в длиннейших списках "участников заговора 20 июля" и быть повешенным на фортепьянной струне, подобно фельдмаршалу Витцлебену и другим участникам покушения на фюрера, что ему показывали в полевом кино.

Высшие чины вермахта боялись друг друга, в каждом видели врага, а пуще всего боялись гнева фюрера.

И, наконец, все вместе до безумия боялись расплаты за преступления нацизма, особенно на Востоке. Здесь тоже имелись оттенки. Одни смертельно трепетали перед расплатой за совершенное своими руками. Другие - за то, что помогали первым или знали про их дела. Третьи - потому, что верили пропаганде, твердившей о "зверствах" и "расправах" противников, четвертые - потому, что вообще ни от кого и ни от чего уже не ждали хорошего.

По мере того как становилось все более очевидным приближение военного, политического и политико-морального поражения германского империализма, внутри страны изменялось соотношение между антиимпериалистическими и империалистическими силами. Создавались условия к тому, чтобы все более широкие круги трудящихся

постепенно начинали переходить из империалистического лагеря в антиимпериалистический и расширяли фронт антифашистского движения.

В среде рабочего класса зарождалось все больше импульсов к тому, чтобы изменить положение в стране. Часть рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, некоторая часть патриотически настроенных средних буржуа и офицерства не только сознавали, что Германия проигрывает войну, но и искали выхода из грозящей национальной катастрофы. Они думали по-своему, как разрешить противоречие между жизненными интересами народа и преступной антинациональной политикой гитлеровского правительства. Представители этих классов и групп объединялись единым интересом: быстрее закончить войну и добиться мира.

Для их деятельности создавались благоприятные условия в том смысле, что новая тактика Коммунистической партии Германии, выработанная на ее Брюссельской конференции, ориентировала на единство действий рабочего класса и на создание широкого антифашистского народного фронта во имя установления антифашистско-демократического порядка в Германии. Под руководством компартии, национальный комитет "Свободная Германия", который становился политическим и организационным центром германского движения Сопротивления, сформулировал цель: окончание войны, свержение нацистского режима, создание свободной и независимой Германии.

В рейхе приобретали все большее значение силы, которые давали народу реальную альтернативу войне, фашизму и гнету монополий.

В кругах власть имущих усиливалась дифференциация. Она захватывала различные слои представителей монополистического капитала, военщины, нацистского аппарата. Все больше те, кто составлял опору режима, конечно в разной степени, начинали сознавать: война не может быть выиграна¹¹⁹⁶. Поэтому зрела мысль - затянуть время, найти возможность спасти свою власть над Германией после войны.

Появившееся среди правящей верхушки различие мнений о путях будущего сводилось лишь к поискам ответа на вопрос: на какой основе германский империализм мог бы удержать свое господство.

Руководящие круги нацистской партии, высшая бюрократия, гаулейтеры, связанные с этой господствующей прослойкой монополисты и генералы требовали безусловно, невзирая ни на что, продолжать борьбу во главе с фюрером. Они верили: германский империализм еще располагает достаточными силами, чтобы много лет подряд вести оборонительную войну и время от времени предпринимать ограниченное наступление. Они надеялись в какой-то отдаленной перспективе добиться мира с западными союзниками на классовой основе, развязать Германии руки на востоке и юго-востоке Европы. Тогда рейх сможет сосредоточить все силы против Советского Союза и заставить его заключить мир с Германией.

Другая группировка из среды высших господствующих кругов, состоявшая из представителей нацистской партии, бюрократии, военщины и монополий, уже не верила в возможность длительной войны. Хотя она предполагала, что вермахт способен добиться отдельных успехов, но не видела никаких шансов на поворот в борьбе против Советского Союза. Единственный выход лидеры этой группы, которым сочувствовали даже некоторые из нацистских лидеров, усматривали в переговорах с политиками Запада, чтобы вместе с ними создать антисоветскую коалицию. Они были готовы пожертвовать Гитлером и захватить власть в свои руки, сохранив режим.

Третья группа, также включавшая некоторых представителей господствующих кругов из числа монополистов, генералов, чиновников фашистского аппарата, считала войну проигранной только в военном смысле, но не в политическом. Она делала ставку на широкое взаимопонимание с Западом, чтобы ценой уступки определенной доли интересов германского империализма и ликвидации фашистского режима получить от западных держав гарантию сохранения в Германии империализма как системы. Руководители этой группы (Бек, Герделер) намеревались после свержения Гитлера занять ключевые посты в

будущем правительстве и в контакте с Гиммлером и другими представителями элиты найти выход из войны без участия народа, в соглашении с западными державами, путем создания союза, направленного против СССР.

Внутри этой группы имелся небольшой круг наиболее радикально настроенных офицеров, стремившихся убить Гитлера и создать в Германии условия для демократизации режима в буржуазных рамках. Генерал Остер и полковник Штауффенберг были наиболее последовательными сторонниками этого направления.

Конечно, нельзя вести речь о каких-то ясно очерченных группировках и программах. Все течения, расплывчатые, изолированные друг от друга и, что главное, оторванные от народа и от армии, боялись расширить круг действий, опасались предательства со всех сторон, действовали келейно и с максимальной осторожностью.

Но наличие подобных тенденций и воззрений говорило о глубине кризиса политической системы фашизма.

IV

Как же вся эта обстановка преломлялась в конкретных военно-стратегических расчетах и планах военного руководства третьего рейха? Как предполагало оно дальше вести войну?

Подобно тому как руководители империи утратили единство в оценке политического будущего, они не имели общих ясных перспектив и в области военно-стратегической.

Реальная альтернатива бессмысленному продолжению войны - полная капитуляция - исключалась полностью. Следовательно, речь могла идти лишь о бесперспективном - о продолжении войны или против заведомо превосходящих сил антифашистской коалиции или только против СССР в условиях потери инициативы, непрерывных мощных ударов Советского Союза и возможного открытия второго фронта на Западе.

Нереальные военно-политические цели порождали нереальную же стратегию, основанную на ложных оценках.

Антигитлеровская коалиция рассматривалась как внутренне нестабильная. Считалось возможным противопоставить друг другу ее участников, расколоть коалицию и получить крупный стратегический выигрыш, который, не исключено, приведет даже к победе.

Уровень военной мощи Красной Армии, по мнению Гитлера, в результате летне-осенней кампании 1943 г. значительно понизился. На Восточном фронте предстоит длительная пауза, которая позволит временно снять оттуда часть войск, решительно отразить с их помощью вторжение на континент англо-американцев, которое ожидалось в начале 1944 г., а затем двинуть все имеющиеся силы опять против Советского Союза, не опасаясь больше за "европейский тыл".

Насколько бесперспективной была стратегия, конструируемая на таких оценках нетрудно увидеть, если сопоставить их с действительностью.

Попытки расколоть антигитлеровскую коалицию, вбить клин между Западом и Советским Союзом отнюдь не составляли какого-то нового аспекта нацистской военно-политической стратегии.

С 30-х годов, особенно после Мюнхена, нацистские лидеры никогда серьезно не верили в возможность военно-политического союза между западными державами и СССР. Они не сомневались, что, опираясь на антикоммунизм как на незыблемый фундамент взаимопонимания с капиталистическим миром, Германия всегда сможет найти общий язык с теми, кто в 30-е годы был готов заплатить очень дорогую цену в нечестивой сделке, лишь бы направить экспансию рейха на Восток. По мнению гитлеровских заправил, волшебный жезл антикоммунизма обеспечивал им позиции главного двигателя мировой политики. Они верили, что добьются от западных держав любого политического компромисса, смогут повернуть их политический курс в нужную для себя сторону, если оплатят счет выполнением "исторической миссии" борьбы с Советским Союзом. Этот козырь фашизм всегда держал про запас даже в периоды крайнего обострения противоречий с Западом.

До войны спекуляцией на антикоммунизме Лондона и Парижа Гитлеру удалось расколоть Европу и затем поглощать ее кусками. Во время войны, после создания антифашистской коалиции, нацисты направляли свои внешнеполитические атаки на ее раскол. Однако до поры до времени, в годы успехов, попытки осуществления этого курса почти не выходили из сферы пропаганды. Запад не торопился помогать Советскому Союзу и создавать Гитлеру чрезмерные помехи в его движении на Восток до возможных, с англосаксонской точки зрения, пределов. Поворотным пунктом, безусловно, был Сталинград.

Что же в этом смысле произошло после Сталинграда?

Союзники поняли, что СССР может не только без их помощи победить Германию, но и решающим образом изменить соотношение двух общественно-политических систем в послевоенном мире. Фашизм начинал осознавать: Советский Союз не позволит ему одержать победу в войне. После Сталинграда происходит сдвиг военно-политических оценок и расчетов как в странах Запада, так и в Германии. В политике США и Англии еще больше акцентируется стремление, с одной стороны, всемерно использовать в своих интересах успешное ведение войны против Германии Советским Союзом, а с другой - политическими и военными средствами не допустить такой его победы, которая привела бы к усилению европейского и мирового влияния социалистической системы.

После поражения под Курском нацистские руководители достаточно хорошо осознали провал той стратегической концепции, которая выработалась у них весной - летом 1943 г. и которая состояла в том, чтобы, ведя стратегическую оборону, наносить на отдельных участках фронта мощные удары и таким образом ослабить Красную Армию. Подобная концепция оказалась бесплодной, во-первых, из-за того, что она базировалась на все той же ограниченной установке, будто крупные военно-политические задачи современной войны можно разрешить каким-нибудь успешным наступлением на ограниченном участке фронта, тактической удачей; во-вторых, потому, что она исходила, подобно всем предшествующим расчетам нацистской стратегии, из недооценки Советского Союза, его полностью развернувшихся военных возможностей, его резервов. Теперь, в начале 1944 г., военно-политическая концепция фашизма вновь уточняется.

Если в той обстановке нацистская верхушка могла придумать что-то внушающее ей самой надежду на существование в течение какого-то времени, то, по логике империалистического агрессора, это, как мы уже отмечали, могла быть только попытки расколоть антигитлеровскую коалицию на классовой основе. Гитлер именно теперь готовился бросить на стол тот козырь, который держал про запас в годы успехов. Никогда не считая антигитлеровскую коалицию прочной, он не мог не понять элементов усиливающейся двойственности в "послесталинградской" военно-политической стратегии западных держав. И теперь, когда рейх оказался в глухой обороне, с особой силой возрождается старая, давшая такие богатые плоды в довоенные годы спекуляция на антикоммунизме Запада. Третий рейх - "бастион против коммунизма", "защитник Европы от большевистского нашествия" и т. п. об этом теперь стала кричать нацистская пропаганда ежедневно и по каждому поводу с еще большим старанием.

В таком аспекте активизация среди некоторых весьма влиятельных кругов Англии и США антисоветских тенденций, различные недружелюбные акты в отношении Советского Союза, будь то затягивание второго фронта или несговорчивость западных лидеров о послевоенном устройстве Европы, или сепаратные действия на конференциях - все это объективно поддерживало гитлеровскую политику и военную стратегию, питало ее надежды. Подобные действия толковались лидерами нацизма как движение западных держав навстречу новым вехам германской военно-политической ориентации. И на такой основе фашизм формировал теперь свои стратегические планы.

Однако среди многих глубоких просчетов, которые сделало германское руководство, главный исходил из того, что нацизм не мог понять политического, классового, военного смысла мощного демократического антифашистского движения во всем мире, особенно в

странах антигитлеровской коалиции. Нацизм оказался банкротом в понимании того обстоятельства, что главной целью всех участников коалиции оставался разгром гитлеровского фашизма, хотя социально-политический смысл будущей победы и ее последствий рассматривался Советским Союзом и западными державами по-разному. Гитлеровские заправилы, в частности, не поняли, не учли, что в расчетах британского и американского империализма под влиянием этого мощного движения они скоро будут списаны со счетов, что калькуляция ведется без них и что по крайней мере официальным кругам Запада не представляется возможным вступать с ними в далеко идущие контакты.

В этом заключался первый комплекс просчетов фашистской политики и военной стратегии на завершающем этапе войны.

Второй, который вполне может быть назван органическим, традиционным пороком, если говорить о нем подробнее в связи с оценками, которые давала нацистская верхушка военным возможностям Советского Союза в конце 1943 г. и в начале 1944 г. заключался в следующем.

V

Гитлер и его прямое окружение в годы войны всегда в колоссальной мере недооценивали Советский Союз, его морально-политический, экономический и военный потенциалы, возможности Красной Армии и ее руководителей. Так было не только в период успехов, но даже и после того, как рейх получил удары, загнавшие его к своим границам.

Осенью 1943 г. Гитлера стала обуревать навязчивая идея: операцией "Цитадель" он будто бы так ослабил Красную Армию, что она надолго перейдет к обороне. Германия сможет часть сил перебросить с Востока на Запад, где вот-вот ожидалось вторжение союзников. Этот расчет, как мы дальше увидим, был столь же нереален, как и план операции "Цитадель", как и многие другие расчеты нацистского военного руководства.

Видимо перед нами определеннный комплекс неполноценности, присущий агрессору. Он сплошь и рядом подчиняет свои действия выдуманному им же самим стереотипам. Он постоянно считает свои стереотипы правильнее реальной действительности и строит решения в соответствии с ними. Так было и на этот раз.

Осенью 1943 г. в штабе оперативного руководства дошли на какое-то время до вывода, что, возможно, следует "отдать предпочтение Западу". В директиве Гитлера № 51 от 3 ноября 1943 г. говорилось: "На Востоке размеры территории допускают в крайнем случае потерю некоторой ее части без того, чтобы это смертельно поразило германский жизненный нерв. По-другому на Западе! Если врагу удастся здесь прорыв нашей обороны на широком фронте, то последствия в короткий срок окажутся необозримыми. Все признаки говорят о том, что противник самое позднее весной, а может быть и раньше, перейдет в наступление против Западной Европы"¹¹⁹⁷.

Но подобные директивы ничего не стоили, ибо совершенно не отвечали реальному течению событий. Они лишь еще и еще раз обнаруживали неразрешимость проблем фашистской стратегии и те противоречия в деятельности высших штабов, о которых мы ранее говорили. Они не соответствовали данным собственной разведки, какими бы ограниченными они ни были.

Разведка генерального штаба сухопутных сил, в частности генерал Гелен, который готовил доклады Гитлеру о положении на Востоке, несмотря на отсутствие многих сведений, особенно о возможностях по развертыванию военного потенциала СССР, о силах и намерениях Красной Армии, теперь стала гораздо более трезво оценивать ее мощь.

- Мой фюрер, - докладывал Гелен 15 января 1944 г., - все изученные мною факты позволяют дать следующую оценку общего положения противника. Он вероятно сможет, при истощении сил, как и до сих пор... Гелен сделал особое ударение ни слова истощении сил".

...При истощении сил, - повторил он, - все же сохранить на продолжительный срок имеющийся в настоящее время численный уровень Красной Армии и, увеличив ее состав,

обеспечить полную готовность к наступлению достаточным количеством соединений.

Гитлер не понял как можно увязать одно с другим и попросил доложить яснее. Тогда Гелен заявил:

- В основном, мой фюрер, имеются все предпосылки для продолжения наступления Красной Армии.

Он заговорил о потерях Красной Армии, о ее "чувствительности к флангам" и обо всем другом, что, по его мнению, могло бы смягчить только что сказанное. Но все получалось выдуманно, ибо, перейдя затем к оценке "предполагаемых намерений противника на отдельных участках Восточного фронта", Гелен теперь уже просто не мог умолчать о многих слишком реальных вещах. Например о том, что на Украине советское командование сосредоточило большое количество танковых и механизированных корпусов и, вероятнее всего, "будет продолжать свои наступательные операции, чтобы оттеснить немецкие силы к Черному морю и румынской границе"; что между Ковелем и Дубно надо ждать ввода крупных сил "для охвата северного крыла группы армий Юг"; что в последующем необходимо считаться с возможностью сильнейшего удара на Минск, на Ригу и так далее.

- Поэтому действия противника в настоящее время, - заканчивал доклад Гелен, - позволяют предположить, что он собирается вести планомерно широко задуманные операции с наименьшим для себя риском.

Генерал посоветовал "сохранить немецкую восточную армию минимум в современном ее составе", т. е. не только не снимать войска для переброски во Францию, но и создать на Восточном фронте новые резервы.

- В противном случае следует ожидать обострения общего положения и наступления дальнейших более серьезных кризисов.

Этот доклад, из которого следовало, что Красная Армия не только не ослабела, но может наступать крупными силами по всему фронту, целиком противоречил главным основам и предпосылкам гитлеровской стратегии. Он давал понять, что отданная 3 ноября 1943 г. директива № 51 о повороте главных сил с Востока на Запад немыслима, ибо она, эта директива, как раз исходила из недооценки Красной Армии, из мысли о возможности ослабления немецкого Восточного фронта.

Вопреки ожиданиям бури не последовало. Гитлер колебался.

Он не знал верить разведчику или нет. Он и сам начинал сознавать неизбежность новых кризисов на Востоке.

Возникла тяжелая проблема: как удержаться на Востоке и вместе с тем выстоять на Западе, где нарастала угроза вторжения?

Из агентурных сообщений о Тегеранской конференции германская военная верхушка сделала вывод, что высадка англо-американских войск в Западной Европе, вероятно, неминуема. Гитлеровская разведка знала, что на обратном пути из Тегерана Черчилль встретился в Марокко с де Голлем, а по возвращении в Лондон - с Эйзенхауэром, который затем отправился в Вашингтон, где вскоре получил пост главнокомандующего объединенными силами союзников.

Немцы старались разузнать о целях и месте высадки. В начале января 1944 г. абвер сосредоточил внимание на районах Средиземного моря и Южной Италии. Он хотел установить переброску союзных войск и судов из этих мест в Англию и выяснить не готовится ли десант в Южную Францию.

Уже к 10 января 1944 г. штаб главнокомандующего группой армий "Запад" Рундштедта был достаточно информирован о ходе подготовки союзников к вторжению. Он считал высадку возможной в ближайшее время - погода позволяла произвести крупный десант. Главный удар ожидался между Шельдой и Нормандией. Не исключалось распространение англо-американских усилий на часть Голландии и Бретань¹¹⁹⁸. Германская разведка считала опасным участок Атлантического побережья почти в 600 км и не имела в конечном счете ясных представлений, где же все-таки произойдет высадка.

В феврале штаб Рундштедта считал вполне вероятными десанты также на юге Франции и на побережье Бискайского залива. Они будут предшествовать вторжению во Францию. Тревога насчет юга несколько улеглась лишь после получения информации о переброске из районов Средиземного моря в Англию трех союзных дивизий, в том числе одной танковой.

В первых числах января Кейтель указал Рундштедту: необходимо усилить береговую артиллерию, но о получении пополнений и техники "и не думать". Западный фронт обещали усилить подразделением разведки. Лишь во второй половине месяца Рундштедт стал получать некоторые подкрепления.

Штаб оперативного руководства ОКВ, который отвечал за "все театры военных действий" кроме главного - советско-германского, находившегося "в ведении" ОКХ, планируя и распределяя силы между подчиненными ему театрами на 1944 г., считал главной задачей "удерживать и оборонять "Крепость Европу" в том ее виде, в котором она находилась во время военных действий предыдущего года", т. е. по-прежнему владеть всей оккупированной Европой¹⁹⁹.

Наиболее полное обоснование такому решению дает документ под названием "Стратегический обзор и распределение сил германской армии" от 7 апреля 1944 г. Его содержание устно сообщалось всем командным и штабным инстанциям до командиров дивизий включительно.

Штаб оперативного руководства приходил к выводу, что в начале 1944 г. складывается "новое положение", требующее не оставлять перед угрозой вторжения оккупированную Европу. Он исходил из следующих четырех главных предпосылок.

Во-первых, из интересов военно-воздушных сил. Для них первостепенное значение представляют все выступы и выдвинутые вперед острова европейского континента, "чтобы иметь возможность заблаговременно перехватывать вражеские авиационные соединения" и, кроме того, чтобы иметь удобные базы для своих боевых соединений и разведчиков. "Оставление отдельных выдвинутых позиций европейской оборонительной системы неизбежно должно привести по меньшей мере к укреплению вражеских военно-воздушных сил и тем самым к решающему увеличению радиуса их действия. Если бы противнику удалось приблизить воздушные базы, то его большое наступление в воздухе, вероятно, приняло бы решающие в военном отношении размеры".

Во-вторых, удержание "Крепости Европа" необходимо для военно-морского флота, ибо задачи ведения войны (особенно подводной) требуют иметь в германских руках "все европейское побережье от Норвегии до испанской границы". При этом "чем дальше друг от друга находятся отдельные базы подводных лодок, тем эффективнее использование подводного оружия... Отдача отдельных островов и участков побережья противнику при его господстве на море в решающей степени затруднит ведение нами войны на море и разорвет коммуникации".

Третьими стояли проблемы "германского военного хозяйства". Сырьевые месторождения Европы должны оставаться под германским контролем. Но поскольку отдельные наиболее важные районы (никель Петсамо, румынская нефть, норвежская руда и т. д.) "лежат на европейской территории", они должны вместе с их коммуникациями охраняться в военном отношении. "Кроме того, продовольственное хозяйство после потери областей на Востоке не может отказаться ни от какой европейской сельскохозяйственной зоны".

И, наконец, важной мотивировкой плана упорной обороны европейского континента штаб оперативного руководства считал задачи борьбы с национально-освободительным движением. "Предотвращение беспорядков, говорится в документе, - которые возникли главным образом после начала похода против Советского Союза (курс. наш. - Д. П.) во многих негерманских областях требует по возможности соразмерной и плотной оккупации.

Следовательно, удержание "Крепости Европа" означает, кроме всего прочего, также решение оккупационных задач самого широкого масштаба... Возникновение "пустых" позиций неоднократно имело следствием немедленное формирование партизанских групп".

Некоторые из них, по мнению штаба оперативного руководства, имели только местное значение. Но "в целом образование крупных повстанческих областей... означает большую опасность для всеобщего руководства войной, и поэтому должно быть при всех обстоятельствах предотвращено"1200.

Таким, по мнению германского главнокомандования, стало "новое положение" уже в начале 1944 г. "Этому новому положению, - говорилось далее в обзоре, должно удовлетворять распределение сил на театрах военных действий, подчиненных ОКВ". Они требовали дивизий, в том числе и с Восточного фронта.

Но эти военно-стратегические цели, которые преследовал фашизм в Европе, не находились ни в каком реальном соотношении с положением и силами Германии вообще, с обстановкой на советско-германском фронте в особенности. Штаб оперативного руководства ОКВ выдвигал свои требования - удерживать всю Европу, продолжать расправы с национально-освободительным движением, иначе Германии станет трудно воевать, особенно ее флоту, авиации, туго придется военной экономике. Все это, быть может, нацисты и могли бы сделать - удержать "всю Европу" даже в условиях англо-американского вторжения, не будь одного, а именно - Восточного фронта. Он, правда, находился "в ведении" ОКХ. Но именно этот "подчиненный ОКХ" Восточный фронт диктовал все и вся, в том числе и степень возможности удержать "всю Европу".

По существу двойное руководство, обращенное одной стороной к Западу, а другой - к Востоку без эффективно действующего центра не могло обеспечить ни правильную оценку роли и соотношения Восточного и будущего Западного театров военных действий, ни четкой координации усилий между театрами - существующими и предполагаемыми.

Главные силы вермахта постоянно находились на Востоке, и поэтому в конце 1943 г. - начале 1944 г. все выводы ОКВ, что угроза вторжения союзников во Францию может потребовать каких-то сил с Восточного фронта, оставались пустым звуком на фоне развивающегося наступления Красной Армии и непрерывных требований ОКХ усилить Восток.

Фашистские военные руководители, все высшие штабы составляли новые планы, сочиняли директивы, делали различные прогнозы в надежде найти какой-то выход из сложившейся ситуации. Но неразрешимые проблемы, в лабиринте которых все глубже запутывалась гитлеровская стратегия, не давали ни малейшего шанса на поворот событий в желаемую для Кейтеля, Йодля, Цейтцлера и других сторону. Противоречия германской стратегии, которые сейчас стали очевидными в наибольшей, чем когда-либо прежде, степени, усиливали в свою очередь несогласованность деятельности высших штабов вермахта. Любая попытка одних штабных инстанций принять какие-то меры моментально входила в противоречие с интересами других инстанций, потому что эти меры требовали новых сил, а их становилось недостаточно, чтобы удовлетворить пожелания всех "инстанций" и решить все многочисленные задачи - реальные и кажущиеся.

Берлин и стратеги из "Вольфшанце", думая о "Крепости Европа", вместе с тем ломали головы и строили прогнозы насчет возможного развития событий на Восточном фронте. Безысходность ситуации привела даже к мысли попытаться заключить мир с Советским Союзом! В начале 1944 г. Геббельс сочинил и направил фюреру в ставку записку на 40 страницах, в которой советовал начать "мирные переговоры со Сталиным". Записка до Гитлера не дошла и застряла у Бормана. Тогда Геббельс поехал в главную квартиру, но беседа с Гитлером не дала результата1201.

Настроения обреченности появлялись и в армии, и даже в среде руководства. Согласно показаниям Шпеера на Нюрнбергском процессе, все знакомые министру экономики военные командиры в начале 1944 г. говорили ему: "Война должна окончиться в октябре или ноябре". Сам он исходил из этого при решении вопроса о горячем1202.

История обладает тем свойством, что она не торопится завершать свои циклы, и поэтому никогда не надо спешить с выводом, что данное явление уже себя исчерпало и можно открыть следующую страницу. Историю нельзя перехитрить, а это так хотели сделать

нацисты! Когда в ОКВ отдали 3 ноября 1943 г. директиву No 51, то всерьез полагали, что Советский Союз ослабел и что можно снять силы для переброски на Запад, чтобы отразить вторжение союзников.

Но когда генералы в "Волчьем логове" думали, будто можно по своей воле смотреть в любую сторону и как бы заставлять магическим взором останавливаться армии одних противников, чтобы разбить других, то они не предполагали, что на Восточном фронте, на Украине, очень скоро - который уже раз - потерпят провал их очередные стратегические иллюзии.

Поражение на Украине

I

Советское Верховное Главнокомандование, прочно владея стратегической инициативой, решило продолжать зимой 1944 г. наступление на всем южном участке советско-германского фронта. Цели наступления: разгром крупнейшей стратегической группировки врага, освобождение миллионов советских людей, возвращение металлургии Криворожья и Керчи, марганцевых рудников Никополя, плодороднейших сельскохозяйственных районов, черноморских портов, словом, полное освобождение юга страны, - имели чрезвычайно большое военно-политическое и экономическое значение. Замысел Советского Верховного Главнокомандования состоял теперь в том, чтобы мощными ударами на широком фронте от Овруча до Каховки расчленили оборону германских армий, окружить их и уничтожить по частям. В наступлении принимали участие четыре Украинских фронта, Отдельная Приморская армия, Черноморский флот - всего 168 стрелковых, 9 кавалерийских дивизий, 28 800 орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ, 2360 самолетов¹²⁰³.

Подготовка Красной Армии к новому удару велась именно в те дни, когда в бункерах "Вольфшанце" разрабатывались планы "перенесения стратегических усилий с Востока на Запад". Иллюзии начали рассеиваться довольно быстро. Уже 16 ноября Геббельс записал в дневнике: "Доставляет серьезную заботу положение на Восточном фронте. Куда это приведет в дальнейшем? Советы располагают резервами, о которых мы не имеем никакого представления"¹²⁰⁴. 20 декабря 1943 г. Гитлер все еще развивал свои планы: если союзники вторгнутся на Западе, их наступление будет отбито, после чего войска опять смогут вернуться на Восток.

Но все произошло как раз наоборот. Союзники на Западе вторгаться не торопились, а в конце 1943 г. - начале 1944 г. грянуло мощное наступление на Правобережной Украине. Все четыре Украинских фронта двинулись вперед. Первыми нанесли удар 24 декабря войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала Н. Ф. Ватутина. 5 января перешел в наступление 2-й Украинский фронт генерала И. С. Конева, 10-11 января - 3-й и 4-й Украинские фронты генералов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина. Шесть советских танковых армий в распутицу, в начавшиеся морозы и метели сокрушили германский фронт на юге. К началу 1944 г. войска генерала Ватутина продвинулись до Новоград-Волынского и Бердичева, а соединения генералов Малиновского и Толбухина громили немецкие дивизии на нижнем течении Днепра, изолируя Крым.

Все спуталось и перемешалось в гитлеровской ставке. Опять один за другим удары, и снова с прежней неослабевающей силой. Осенью, как и летом, зимой, как осенью. Значит русские обладают такими резервами, о которых ни фюрер, ни его советники снова не имели никакого представления. Русские опять скрыли свои резервы, а потом внезапно, как гром небесный, ввели их в дело. Что же останется от директивы No 51?

Утром 27 декабря Гитлер вызвал Цейтцлера для обсуждения событий на Восточном фронте.

- Мой фюрер, - глубокомысленно сказал начальник генерального штаба, - я думаю, что здесь идет зимнее наступление.

- Это совершенно правильно, - ответил Гитлер. - Однако все-таки, какими он (СССР. - Д. П.) располагает здесь полными новыми армиями?

- Он восстановил девять танковых корпусов.

- Наступают трудные часы, - многозначительно произнес Гитлер и положил ладонь на карту в том месте, где изображен Крым, - здесь обрисовался большой кризис. Он немедленно окажет дальнейшее влияние на Турцию. Мы не можем ничего спасти, последствия катастрофические, особенно для Румынии...

Вероятно, у Гитлера еще теплилась какая-то надежда: силы Красной Армии в конце концов истощатся, тогда все повернется к лучшему. "Нельзя все-таки предполагать, - сказал он после некоторой паузы Цейтцлеру, - что это (Красная Армия. - Д. П.) античный великан, который всякий раз, когда падает на землю, становится сильнее".

Последовал ответ:

- Они это делают уже много месяцев подряд.

Как же поступить с Крымом? Гитлер и Цейтцлер теперь стали называть положение в Крыму "вторым Сталинградом": "Мы обязаны, - твердо заявил фюрер, если только возможно, оборонять этот второй Сталинград..."¹²⁰⁵

Возникла мысль: для ликвидации блокады Крыма перебросить на юг три дивизии из-под Ленинграда. Но начальника генерального штаба мучали сомнения. Пусть в настоящий момент переброска сил с севера к югу и возможна, но в перспективе она, вероятно, приведет к осложнению под Ленинградом.

- У Петербурга, - проговорил Цейтцлер, - как я предчувствую, станет плохо.

- Не так уже плохо, - возразил фюрер. - Если я оттуда возьму пару дивизий, будет все же не так плохо, как здесь. - Он снова показал на Крым. - Потому что здесь дела хуже.

- Но как будет реагировать Финляндия?

- Да, - продолжает Гитлер, - это будет неприятно из-за финнов, но все-таки не так плохо, как здесь, на юге. Я считаю потерю Крыма наихудшей возможностью. Она окажет самое плохое влияние на Турцию. Финны не могут выйти из союза, они должны будут обороняться до конца.

Разговор окончился безрезультатно, никаких решений не последовало. Через несколько часов Гитлер получил телеграмму Манштейна: он вынужден под натиском Красной Армии начать на Украине широкое отступление.

Удары сыпались один за другим. Без малейшей передышки. Только что фюрера поразило, что русские смогли вновь перейти в наступление. А тут совершенно непостижимое известие: придется терять Украину, предмет столь давних, алчных вожеланий. Гитлер срочно вызвал Иодля.

- Прочитайте вот это, здесь, Иодль, - мрачно, срывающимся голосом сказал фюрер, протягивая телеграмму Манштейна,

Не ожидая, пока начальник штаба оперативного руководства вникнет в смысл, Гитлер взял лист из его рук и с бешенством заговорил, накаленный мыслями о новой неудаче.

- Таким образом Никополь и Кривой Рог будут потеряны! - восклицал он.

Потом начался долгий разговор с бесконечными отступлениями, один из тех, которые заканчивались лишь глубокой ночью. Постепенно в бункер пришли Кейтель, Цейтцлер, Шмундт. Они молча слушали, как бледный, с отеками глазами фюрер доказывал, возмущался, клеймил окончательно впавшего в немилость командующего группой армий "Юг".

- Он получил свежую 1-ю танковую дивизию с Балкан! - кричал Гитлер. - 14-ю с запада, 25-ю с запада, 24-ю из Италии, а также эсэсовскую, следовательно, пять танковых дивизий и, кроме того, три пехотные и одну парашютнодесантную. Он получил больше, чем требовал! Но он действует так, будто он ничего не получал! Соотношение сил у него сейчас, как и прежде, лучше, чем где-либо на всем фронте.

Гитлер начал считать, сколько танков прибыло к Манштейну с новыми дивизиями. Фюрер любил демонстрировать перед генералами свою память.

- Он получил одновременно больше 1500 танков.

Бесконечный разговор шел сумбурно и нервно. Перед рассветом в комнате остались лишь Гитлер и Цейтцлер. Наконец решение определилось.

- Без крупного усиления дело поправить нельзя, - заключил Гитлер. - На севере в худшем случае дополнительную нагрузку получают финны. Но здесь, на юге, мы можем потерять Крым, железорудный район Кривого Рога, потеряем Николаев. Вот что произойдет, если мы не справимся здесь с этой историей! Кроме того, эта потеря и в продовольственном, и в хозяйственном отношении для нас бесконечно тяжелее, чем потеря там, на севере. Таким образом, я решил перебросить необходимые силы. С запада я не могу перебрасывать войска в массовых масштабах. Мы можем получить необходимые силы только с севера. Я думаю, что необходимо высвободить из группы армий "Север" 12 дивизий.

- Конечно, - ответил долго молчавший Цейтцлер. - Это очень хорошо, что завтра прибудет Кюхлер. Тогда я смогу сегодня все подсчитать и начать готовить.

Оба тут же наметили дивизии, которые следовало двинуть к югу.

Гитлер не мог успокоиться. Он искал обвинений против Манштейна.

- Но скажите мне только одно, - обратился он снова к начальнику штаба, желая вернуться к прежней теме. - Сколько мы дали танков группе армий "Юг", включая танки пяти дивизий, которые мы подвели сюда? По моей оценке, она получила вместе со штурмовыми орудиями намного больше тысячи.

- Она получила все, чем можно было снабдить, - дипломатично ответил Цейтцлер. - В прошлом месяце я дал 100, в этом снова 80.

- Он ведет себя так, - вновь, драматически повысив голос, сказал Гитлер, будто он пасынок. В действительности только один он что-либо и получал.

Цейтцлер немедленно поддакнул:

- Он пожирает все в огромных размерах. Группе армий "Центр" первый раз мы дали танки 14 дней назад. С группой армий "Центр" мы обращаемся плохо.

- Итак, мой фюрер, - закончил Цейтцлер, - я должен сейчас начинать. Сегодня вечером первая дивизия сможет уже отправиться 1206.

Но направить дивизии с севера не удалось.

В то время, когда нацисты стали снимать войска на севере, Красная Армия начала в январе 1944 г. наступление под Ленинградом и Новгородом, приведшее к серьезному поражению группы армий "Север". Переброска всего лишь двух дивизий на Украину, конечно, не спасла положения. Красная Армия неудержимо двигалась на Запад. Гитлеровское командование оказалось перед альтернативой: или уже сейчас, немедленно, отступить с Украины и оказаться перед угрозой вступления Красной Армии в Румынию и Венгрию, или решительно отказаться от "новой стратегии" ("усиление Запада за счет Востока") и срочно двигать дивизии на советско-германский фронт из Западной Европы.

Сила обстоятельств заставила нацистских военных лидеров остановиться на втором решении. Журнал военных действий ОКВ отмечает: "Западный фронт имел таким образом преимущество лишь номинальное; в действительности же это было не так, потому что стратегия, которой придерживался Гитлер на Востоке, оставалась неосуществленной"¹²⁰⁷. Другими словами, фронт против Советского Союза стабилизировать не удалось, как и мифическими оказались рассуждения насчет возможности усилить оборону Западной Европы за счет Востока.

II

В последних числах января силы 1-го и 2-го Украинских фронтов на среднем течении Днепра, южнее Киева, наступая навстречу друг другу, утром 28 января приближались к востока и запада к Звенигородке. Они должны были замкнуть у Корсунь-Шевченковского кольцо окружения вокруг десяти немецких дивизий.

В тот же день после полудня в ставке Гитлера началось очередное совещание.

Вплоть до 28 января никто не брал на себя смелости сообщить фюреру все до конца об итогах наступления Красной Армии на Украине в последние дни и о том, что стряслось под Корсунь-Шевченковским. Сказать правду, значило возразить "предначертаниям", опровергнуть тезис: Советский Союз истощен. Фюрер уже давно терпеть не мог правды. И поэтому Цейтцлер, имевший сведения о новом кризисе, провел все утро 28-го в мучительных сомнениях. Он знал, что советские танки прорвались к Звенигородке и угроза окружения корсунь-шевченковской группировки весьма реальна. Но как сказать обо всем этом фюреру? Проблема, возникшая перед Цейтцлером, мучила его, вероятно, не меньше, чем положение на фронте.

Цейтцлер, конечно, понимал, что десяток дивизий, попавших в "котел" не скрыть и не спрятать. Он решил, как всегда, в ходе доклада сначала рассказать по возможности о делах благоприятных, ободрить фюрера хорошими сведениями, а плохие приберечь до конца совещания, когда "фон" будет создан.

После того как все собрались, Гитлер приказал Цейтцлеру начать доклад о положении на Востоке. Коренастый начальник штаба подошел к разложенной на столе большой карте. Он стал водить по ней пальцем и, рассказывая ситуацию, останавливать палец в самых "благоприятных" местах.

- Здесь наступление не такое сильное, как накануне, - говорил он показывая на окрашенное в зеленый цвет место, изображавшее леса между Коростенем и Ровно.

- На этом фронте ничего особенного, - продолжал он. - А здесь (палец перемахнул сразу далеко на юг) результаты для нас вполне удовлетворительные.

Фюрер любил, когда ему рассказывали как хорошо воюют его гренадеры, и Цейтцлер стал говорить о "подбитых советских танках", тщательно умалчивая насчет своих.

Наконец палец уперся в то место карты, где был изображен выступ немецкого фронта у Корсунь-Шевченковского. Больше на карте не оставалось "благоприятных" мест. Речь оборвалась. Цейтцлер старательно подыскивал слова.

- А здесь, мой фюрер, они внутри, - выпалил он, потеряв весь свой запас дипломатии.

Гитлер знал, кто такие "они".

- То есть как они внутри? - в изумлении, сверля глазами Цейтцлера, воскликнул он.

Цейтцлер надолго замолчал. Стало тихо. Присутствующие старались не смотреть на перевернутую физиономию Гитлера. Все с преувеличенным вниманием изучали карту.

- Да, мой фюрер, - ответил наконец деревянным голосом начальник штаба. Здесь танки прорвались до Звенигородки.

Взрыв против обыкновения не последовал. Гитлер сразу почувствовал себя смертельно уставшим. Опять все то же. На Восточном фронте никакой передышки...

И фюрер лишь невнятно пробормотал:

- Какая неприятная история.

Затем опять пошел длинный разговор о том, откуда взять дивизии, танки, чтобы выправить положение. Оказывается, везде все связано, сковано. "Если бы здесь иметь подразделение штурмовых орудий!" - восклицал фюрер. "Если снимать это подразделение, то вот отсюда, сверху, - отвечал Цейтцлер. - Но Манштейн хочет держать его у Ровно, хоть оно нужнее на юге".

Гитлер, Цейтцлер, Хойзингер стали снова, в который раз, ломать головы: как разрешить неразрешимое. Они долго занимались одним-единственным подразделением штурмовых орудий; откуда его брать, куда бросить? Фюрер стал склоняться к мысли, что, быть может, Манштейн прав и надо держать подразделение у Ровно, "если там что-либо произойдет". Но Цейтцлер убеждал: опасностей больше на юге, у Звенигородки. Фюрер согласился, и в конце концов решили сюда перебрасывать это самое подразделение штурмовых орудий и еще одну дивизию.

Цейтцлер, конечно, понимал, что предотвратить крах на Украине и полное окружение под Корсунь-Шевченковским батальоном штурмовых орудий не удастся. И когда после заседания он вернулся в штаб, сообщение не заставило себя долго ждать. Около пяти вечера

штаб группы армий "Юг" донес: наступающие танковые клинья русских соединились.

Начальник штаба немедленно позвонил фюреру.

- Мой фюрер, - начал он быстро, - я хочу доложить о положении на юге следующее. Прорвавшиеся танки на участке 8-й армии и в 1-й танковой армии соединились в Звенигородке. 1-я танковая армия немедленно двинула в направлении Звенигородки 17-ю танковую дивизию, чтобы навести порядок. Другие части также будут в кратчайший срок брошены, чтобы разбить прорвавшегося врага. 8-я армия предлагает: выступ между Каневом и Черкассами можно было бы отвести, чтобы благодаря этому получить свободу действий и массированно наступать к югу.

- Да, сколько же там оказалось танков? - закричал в трубку Гитлер.

- Этого нельзя сказать точно, - прикидывая в уме, ответил Цейтцлер. - Со стороны Шполы прорвалось определенно не слишком много. Но, конечно, нужно по меньшей мере еще день-полтора, прежде чем 17-я танковая дивизия сможет наступать...

- Итак, из всего этого следует, - прервал его Гитлер, - что вся операция проиграна. Это какое-то бедствие. Нельзя ли перебросить сюда 13-ю и 14-ю дивизии?

- В настоящий момент еще нет, мой фюрер, потому что они беспокоятся, что тогда брешь станет еще большей... Увеличатся заботы на западном участке, где прорыв, конечно, шире.

Дальше они стали опять и опять подробно обсуждать ту же самую проклятую проблему, что и откуда вытащить и бросить к месту прорыва, чтобы как-то исправить положение. Но снова оказывалось, что вытаскивать нечего, везде слабины, трещины. И на все требуется время, а его тоже нет. Кроме того, пехота, оказывается, не совсем надежна.

- Пехота вполне хороша, - отпаривал Цейтцлера Гитлер, - но она не держится, если позади нее не стоят танки. Это теперь установлено повсюду. Если позади стоят штурмовые орудия, все идет хорошо. Но если их нет, она не держится.

Цейтцлер предложил попытаться отвести войска из корсунь-шевченковского выступа на северном его участке. Гитлер категорически возразил:

- Не будем обманывать себя! Вы тогда только сделаете для противника еще одну брешь, в которую он сможет немедленно вползти.

- Тогда я откажусь от этого и сегодня вечером еще раз доложу вам обо всем происходящем.

III

Цейтцлер не смог вечером доложить Гитлеру обо всем происходящем ничего хорошего. Кольцо советских войск сжималось.

Все попытки прорвать окружение оказались тщетными. Гитлер рвал и метал. Когда по его приказу была предпринята отчаянная попытка февральской вьюжной ночью прорваться под Шендеровкой, ничего не вышло. Сведения о новых ужасающих потерях повергли "Вольфшанце" в состояние депрессии. 18 февраля все было кончено. 55 тыс. убитых и раненых, 18 тыс. пленных, поле боя, усеянное разбитой техникой, стали итогом Корсунь-Шевченковского сражения. В линии немецкого фронта на Украине зияли широкие пустоты.

Январь и февраль 1944 г. ознаменовались кроме того поражениями группы армий "Юг" под Житомиром, Бердичевом, Никополем, Кривым Рогом.

Тем временем Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии разрабатывала план дальнейшего наступления.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминает: "После уточнения обстановки и задач, утвержденных Ставкой, фронты начали ускоренную подготовку новых наступательных операций и их материально-технического обеспечения. В связи с полной весенней распутицей на Украине это было связано с величайшими трудностями... Немецкое командование считало, что советские войска не смогут в таких условиях наступать, и оно будет иметь достаточно времени, чтобы перегруппировать силы и укрепить оборону. На этом необоснованном расчете мы и решили поймать врага, нанеся ему ряд сокрушительных

ударов.

Короче говоря, мы вновь решили использовать оперативную внезапность, которая теперь была прочно освоена советским оперативно-стратегическим искусством"1208.

Советское командование приняло решение, которое учитывало новые ошибочные немецкие представления о возможностях и силе Красной Армии: несмотря на приближающуюся весну с ее широким разливом рек, бездорожьем и непогодой продолжать широкое наступление по всей Правобережной Украине. Для операций привлекались все действующие на южном участке фронта силы. Укрепив их резервами, в первых числах марта 1944 г. советские войска вновь двинулись вперед. На широком фронте от Луцка до устья Днепра развернулось наступление.

1-й Украинский фронт под командованием маршала Жукова прорвал немецкую оборону между Шумское и Любар. Введенные в сражение две танковые армии нанесли глубокий удар на Каменец-Подольск. Войска фронта охватили с запада главные силы отступающей группы армий "Юг". Из-под Звенигородки на Умань двинулись войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. Три танковые армии рассекли немецкий фронт восточнее Умани. Отразив ожесточенные контрудары, советские войска стали выдвигаться к Южному Бугу.

Выход 1-го Украинского фронта на линию Тернополь, Проскуров и 2-го Украинского фронта на Южный Буг создал немцам новую угрозу окружения - теперь для 1-й танковой армии. Чтобы избежать катастрофы и здесь, германское командование развернуло против 1-го Украинского фронта девять танковых и шесть пехотных дивизий. Последовал мощный контрудар. Завязалось сражение, "такое, которого мы не видели со времени Курской дуги"1209. Оно длилось восемь суток. Измотав атакующие немецкие дивизии, советские войска в 20-х числах марта стали вновь быстро наступать к югу. Три Украинских фронта между Овручем и Запорожьем двигались вперед по дорогам и полям, разбухшим от таяния снегов, форсируя разлившиеся реки.

Ставка Гитлера бросила на львовское направление новые силы - шесть пехотных и две танковые дивизии из Германии, Югославии, Франции, Бельгии. Гитлер приказал остановиться любой ценой и создать фронт на Южном Буге. Но группа армий "Юг" оказалась не способной ни к чему, кроме отступления. Войска маршала Жукова форсировали Днестр, освободили Черновцы, Коломью, Каменец-Подольск. Они отрезали пути отхода 1-й танковой армии. "К концу марта вражеская группировка в количестве 21 дивизии, в том числе десяти танковых, одной моторизованной, в основном была окружена"1210.

В гитлеровской ставке теперь вообще отсутствовали какие-либо планы действий на Украине. "Когда-нибудь же русские перестанут наступать, - говорил Гитлер. - Они непрерывно ведут наступление с июля прошлого года. Долго это не может продолжаться".

На совещании 6 апреля Цейтцлер доложил:

- 1-й Украинский фронт действует под командованием самого Жукова.

И тут же успокаивал фюрера: 1-я танковая армия хорошо снабжается по воздуху. Гитлер распорядился: обязательно вывести 1-ю танковую армию из окружения. Ее соединение с главными силами группы армий "имеет чрезвычайное значение", так как позволит "совместно с прибывающими силами создать фронт". После серии тяжелейших боев 1-й танковой армии с огромными потерями все же удалось вырваться. Однако расчеты закрепиться на Южном Буге провалились.

Гитлер стал придумывать новые меры, чтобы остановить непрерывное отступление на Украине. Города, имевшие значение узлов коммуникаций, он стал объявлять "крепостями". "Коменданты крепостей" отвечали головой за их удержание. В "Вольфшанце" думали: осада "крепостей" задержит наступление советских войск. Однако окруженные гарнизоны задач своих не выполняли. Они в конечном счете стали все чаще сдаваться в плен. Потеря Украины становилась фактом. Теперь здесь уже ничего нельзя было сделать, кроме того, чтобы опять кого-то снять с должности, кого-то назначить, одних обвинить в проигрыше битвы, другим приказывать добиться успеха "любой ценой".

30 марта Гитлер вызвал в свою баварскую резиденцию фельдмаршалов Клейста и Манштейна. Без долгих разговоров он объявил им об отставке. Когда фельдмаршалы выходили из кабинета фюрера, за дверьми уже стояли их преемники Модель и Шернер.

Восточный фронт продолжал отступать все ближе к тем границам, откуда все началось памятным утром 22 июня 1941 г.

Красная Армия к середине апреля выходила к предгорьям Карпат. 2-й Украинский фронт в последних числах марта достиг реки Прут и перенес боевые действия на территорию Румынии. Группа армий "Юг" стремительно откатывалась теперь уже под руководством Шернера. 3-й Украинский фронт в начале апреля освободил Одессу, форсировал Днестр и стал готовить новую операцию. Выход советских войск на западное побережье Черного моря поставил в еще более безнадежное положение немецко-румынскую группировку в Крыму¹²¹¹.

12 апреля Гитлер приказал как можно дольше удерживать крепость Севастополь, хотя немецких сил для длительной обороны явно не хватало. Но советские войска прорвались в Крым и, стремительно двигаясь по его равнинам к югу, разгромили 17-ю немецкую армию, штурмовали исторические бастионы Севастополя и у обрывистых берегов Херсонеса завершили крымскую победу. Приказ ставки Гитлера о выводе 17-й армии запоздал. Только незначительные силы удалось вывезти морем и по воздуху из Крыма в Румынию. "Армия должна была потом, - отмечает журнал военных действий ОКВ, - снова восстанавливаться из осколков"¹²¹². Крым, которому германский империализм всегда придавал такое большое значение, был потерян.

IV

Мощное наступление Красной Армии на широком фронте в марте - апреле 1944 г. разорвало в клочья надежды германского верховного командования на "стабилизацию Восточного фронта" и окончательно ликвидировало миф о реальности "переброски сил с Востока на Запад". В руках германского командования опять не оставалось резервов. Остановить натиск Советских Вооруженных Сил оно теперь надеялось, лишь срочно двинув новые силы с Запада на Восток. Шрамм в комментариях к журналу военных действий ОКВ говорит об этом, применяя следующие выразительные определения: "В ходе всей войны, пожалуй, еще никогда опасность прогрессирующего выдалбливания (курс. наш. - Д. П.) остальных театров военных действий в пользу обороны на Востоке не становилась такой четкой, и это в то самое время, когда в любой момент лучше оснащенные, неизрасходованные силы противника могли начать на других театрах такую же самую или более трудную битву"¹²¹³.

С 23 марта 1944 г. Йодль наметил целый ряд маневров с целью передачи новых и новых дивизий с Запада и Балкан на Восточный фронт. Он спланировал различные перегруппировки между "театрами, подчиненными верховному командованию". Еще в середине февраля одна дивизия из Норвегии была срочно перебросена в группу армий "Север" и несколько специальных полков под Львов. Как отмечается в журнале военных действий ОКВ, "обширное привлечение сил с театров военных действий, подчиненных ОКВ (все районы Европы, кроме Восточного фронта. - Д. П.), на советско-германский фронт, в результате чего был заново поднят вопрос о всеобщем распределении сил, потребовалось в марте"¹²¹⁴.

С такой оценкой можно согласиться только отчасти. Крупная переброска войск началась еще осенью 1943 г. С октября по декабрь на Восточный фронт срочно отправились из Италии и Балкан четыре пехотные, семь с половиной танковых и танко-гренадерских, одна воздушнодесантная дивизии. Во второй половине февраля штаб верховного главнокомандования отменил решение направить из России во Францию отборную танковую дивизию СС "Адольф Гитлер", уже сосредоточенную в Шепетовке, и снова бросил ее в бой на Украине. 10 марта начинается переброска на Восток дивизии из Дании. В тот же день из Ганновера выступает бригада реактивных установок, через два дня двигается дивизия из

Польши, затем две дивизии из Франции направляются к Бугу, еще одна - из Юго-Восточной Европы в группу армий "Юг". Вслед за ними отправляется сильная дивизия, предназначенная для занятия Будапешта, а с 24 марта наступает очередь главных сил группы армий "Запад": приказ срочно двигаться на Восточный фронт получили три дивизии из резерва группы армий и подразделения штурмовых орудий (четыре дивизиона). Наконец, 26 марта руководство ОКВ приступило к переброске из Франции под Львов самого мощного соединения Рундштедта - 2-го танкового корпуса СС. Журнал военных действий ОКВ делает вывод: "Риск, на который пошли, был велик, ибо группировка врага в то время вряд ли давала надежду, что англо-американский противник - как это потом произошло - будет еще ожидать с вторжением до раннего лета"¹²¹⁵.

Действительно, после ослабления германских армий в Западной Европе их положение в начале 1944 г. стало очень трудным. В первой половине января Иодль отправился во Францию, чтобы проверить подготовку к отпору вероятного англо-американского вторжения и составить на этот счет личные впечатления. Они изложены в заметках его дневника от 6 до 13 января:

"Чудовищная переброска на Восток. 319-я дивизия на островах Канала имеет только 30% состава (9 января). Лучшие люди отданы. Офицеры хорошие, солдаты хорошие, но они ничего не могут сделать. Хаос в перевооружении (7 января). Изъятие офицеров - для Востока - должно быть прекращено. Командиры полков новые, также многие командиры батальонов (11 января), 711-я дивизия... имеет только шесть батальонов... никакой современной противотанковой артиллерии... 10-я танковая дивизия СС (заново сформирована)... хочет освободиться от работ, не выполнила еще ни одного крупного задания. Танковая группа имеет подвижность лишь наполовину... (12 января). Хаос у Шербура из-за стоящих рядом трех частей вермахта... Совсем плох Брест (13 января)... Как вообще будет вестись воздушная война против вторжения? Активная борьба против вражеских воздушных флотов невозможна. Небольшое наступление истребителей против судов и морских военных объектов. Следовательно, борьбу с вражеской авиацией вести невозможно"¹²¹⁶.

В журнале военных действий ОКВ подчеркивается: когда 9-я и 10-я эсэсовские танковые дивизии были направлены на Восток, Западный театр тем самым лишился "последних боеспособных резервов". Одновременно "были переданы Востоку боеспособные резервы из Дании, Финляндии и Норвегии"¹²¹⁷.

Несмотря на затруднительное положение на Западе, руководители ОКВ и тот же Иодль продолжали требовать новых и новых дивизий для Восточного фронта, продолжали гнать их со всех бастионов своей "Крепости Европа".

Иодль подготовил для Гитлера новый "Обзор" распределения сил между театрами военных действий, где писал: "Все дивизии с Запада, которые находятся на формировании, за исключением четырех пехотных, немедленно после окончания их подготовки должны быть переброшены на Восток; это же относится и к заново формируемым бригадам штурмовых орудий". На обсуждении обстановки 31 марта генеральный штаб сухопутных сил получил руководящее принципиальное указание: "На Восток должны быть направлены отовсюду какие только будет возможно силы". В связи с этим Варлимонт подчеркнул: "Снова создаваемая легенда, будто на театрах военных действий верховного командования "накапливались" силы и утаивались от Восточного фронта, который вел тяжелую борьбу, должна быть раз навсегда отброшена"¹²¹⁸.

Пытаясь оправдать ослабление Запада в пользу Востока, Иодль заявлял, что речь шла об использовании на Востоке только части дивизий из Западной, Северной и Юго-Восточной Европы, а именно о сорока одной. Но тут же авторы "Обзора" не могли не признать, что имеющиеся в настоящее время силы, по меньшей мере на Западе и Юго-Востоке, "не могут считаться достаточными даже для обороны от наступления с решительными целями". Запад в результате отдачи на Восток полностью боеспособного танкового корпуса можно будет считать достаточно защищенным "только лишь после окончания новых формирований, которые, вероятно, продлятся до середины июня". Силы на юго-востоке Европы,

"ослабленные отдачей в Венгрию шести дивизий и некоторой части средств усиления, еще, возможно, будут в состоянии стать господином положения в борьбе с партизанами и охранять важнейшие источники сырья и коммуникаций; однако они не смогут отбить англо-американское вторжение"¹²¹⁹, если оно последует на Балканы.

Несмотря на такую ситуацию, "с июля 1943 г. с различных театров военных действий, подчиненных ОКВ, на Восток было переведено всего 23 дивизии", кроме того, Запад направил на советско-германский фронт еще ряд отдельных батальонов, всего 45 тыс. человек, четыре подразделения штурмовых орудий и т. д.

В "Обзоре" ставился и изучался вопрос о возможном сокращении отдельных выдвинутых вперед позиций, "для того чтобы получить силы для Востока". В конечном счете делался вывод, что и далее "подавляющая масса немецкой армии как по числу соединений, так и по их внутренней ценности должна быть введена на Востоке. На всех других фронтах следует держать лишь минимум сил, и отчасти этот минимум даже сократить"¹²²⁰(курс. наш. - Д. П.). Таков был ответ ОКВ на вопрос, как найти выход из положения. Таков ответ фактами тем, кто позже, в годы "холодной войны", стал утверждать, будто Германия проиграла войну не на Востоке, а на Западе. Таков неопровержимый ответ истории всем, кто хотел бы забыть, что именно Советский Союз являлся решающей силой в борьбе с нацистским вермахтом.

Если даже накануне вторжения англо-американских экспедиционных сил во Францию летом 1944 г., которого ОКВ давно ждало и крайне опасалось, оно все же требовало сократить имеющийся там "минимум сил" в пользу советско-германского фронта, то этот исторический факт не нуждается ни в каких комментариях.

Неожиданное, проведенное в грандиозных масштабах наступление Красной Армии на Правобережной Украине имело первостепенное значение для хода второй мировой войны. Советские войска "расчленили стратегический фронт врага, в результате чего взаимодействие групп армий "Южная Украина" и "Северная Украина" нарушилось"¹²²¹. Красной Армии открывался путь в Румынию, Венгрию, на Балканы. Гитлеровский флот потерял важнейшие черноморские базы. От влияния третьего рейха на Ближнем Востоке не осталось и следа. А союзники СССР по антигитлеровской коалиции вновь получили неопредимую помощь: наступление Красной Армии весной 1944 г. еще раз открыло зеленый свет Англии и США для высадки во Франции.

V

Весенние события на Восточном фронте стимулировали дальнейшее развитие процесса распада фашистской коалиции, начавшегося после Сталинграда. Нацистское военное руководство стремилось военными средствами задержать развал блока. После Италии усилия направлялись в этом отношении, естественно, против Венгрии, Румынии и Финляндии.

Сталинградская катастрофа отрезвила руководителей хортистской Венгрии. Они стали думать главным образом лишь о том, как выбраться из трясины фашистской коалиции. Осторожное политическое зондирование в Мадриде, Лиссабоне и Анкаре не привело к существенным контактам с Англией и США, но серьезно насторожило внимание гитлеровцев к тем, кого они уже давно называли "сегодня союзники, завтра предатели".

Разбитая венгерская армия больше не могла сражаться, и начальник генерального штаба Сомбатхельи хотел снять ее с Восточного фронта или в крайнем случае заручиться согласием немцев не вводить ее ни при каких условиях в бой. По мере продвижения Красной Армии венгерские войска оттягивались назад, избегая и до крайности опасаясь открытой борьбы. Когда в первой половине ноября 1943 г. Красная Армия нанесла очередной удар под Житомиром и венгерские дивизии оказались в непосредственной близости к линии фронта, Сомбатхельи приказал "не вступать в открытый бой с регулярными советскими войсками" и отступить. Впоследствии такой приказ дважды дублировался (16 и 23 марта 1944 г.)¹²²². Цейтцлер стал говорить о "символическом участии Венгрии в войне". Бешеная злоба против

союзника нарастала в "Вольфшанце" пропорционально росту перспективы, что после собственной гибели союзник возможно уцелеет.

Хортистскую верхушку охватывали панические настроения. В начале 1944 г. она настойчиво требует от Берлина разрешить всеобщий отвод армии для обороны венгерских границ. 24 января с такой просьбой в "Вольфшанце" явился Сомбатхелли, а 12 февраля Хорти обратился непосредственно к Гитлеру с длинным письмом, призывая его "всеми силами и средствами оборонять венгерские границы от возможного вторжения русских". Как-никак, "война приблизилась значительно ближе к Венгрии, чем к Германии", - заявил он. Хорти обещал не просить немецких дивизий, а обойтись своими силами. Он сосредоточит все венгерские войска в северо-восточных Карпатах, после чего они займут оборону на карпатском фронте¹²²³.

Письмо осталось без ответа. Загадочное молчание Берлина усилило тревогу и гнетущую подавленность в Будапеште. Какой ответ могла теперь дать встревоженному союзнику ставка Гитлера, когда она уже давно решила насильственно оккупировать Венгрию?

Руководители ОКВ стали теперь придавать Венгрии исключительное значение. Она должна остаться сателлитом третьего рейха! Пример Италии для нее должен быть исключен. Грозящая потеря румынских нефтяных источников превратила венгерские нефтяные вышки в последний спасительный маяк, который может предупредить полную остановку военного механизма третьего рейха. Плодородные венгерские поля, особенно после потери Украины, должны спасти, рейх от голода. В министерстве Шпеера подсчитали: венгерские поставки снижаются (в 1943 г. всего лишь 350 тыс. тонн из возможных 850 тыс.). Это ли не признак готовящегося предательства!? Поля и пастбища Венгрии стали в глазах нацистских калькуляторов последним источником продовольственного снабжения, а ее недра последней кладовой жизненно важных ископаемых - марганца, бокситов и т. д. Генеральный штаб считал венгерскую транспортную сеть главным нервным сплетением коммуникаций Юго-Восточной Европы и предпольем Германии. У фашистского военного командования отныне и почти до конца войны складывается "венгерский комплекс", повлекший за собой в недалеком будущем важные политические и стратегические решения. В их разработке и проведении в жизнь военному руководству принадлежала первостепенная роль.

Еще 30 сентября 1943 г. Варлимонт от имени штаба оперативного руководства предложил оккупировать Венгрию и разоружить венгерскую армию. Созданный под его руководством план "Маргарита" предусматривал в течение восьми суток занять три зоны оккупации: в западную часть страны до Тисы вступят немецкие войска, в восточную - румынские, в северо-восточную - немецкие и словацкие¹²²⁴. Утверждение плана затянулось: дивизии, предусмотренные для "марша в Венгрию", пришлось бросить на Восточный фронт. Лишь 1 ноября Иодль согласился с планом, но отклонил разоружение венгерской армии: ее следует не разоружать, как итальянцев, а склонить на свою сторону подобно варианту с австрийцами. 11 ноября штаб оперативного руководства представил новое распределение сил, которое вступало в действие с 10 декабря - к этому времени, как представлялось руководителям ОКВ, борьба на Восточном фронте затихнет. На случай угрозы одновременного выхода из войны не только Венгрии, но и Румынии политическое руководство, по мнению Иодля, должно будет "или устранить подобную возможность, или создать внутри обеих стран такие условия, при которых там одновременно не произошли бы военные восстания"¹²²⁵. Последнее считалось наиболее опасным.

26 января 1944 г. штаб оперативного руководства представил новый доклад: о подготовке оккупации Румынии (план "Маргарита II"). В штабе считали, что проведению в жизнь обоих планов будет крайне мешать острый недостаток сил. Поэтому невозможно проводить оба плана одновременно. Против венгерской армии, численность которой оценивалась в 450 тыс. человек (в том числе 360 тыс. внутри страны), следовало направить значительные силы. Где их взять? Гитлер при встрече с Антонеску 26 февраля в "Вольфшанце" сделал попытку склонить его к военной поддержке Германии против Венгрии

в случае выхода ее из войны, но румынскому правителю просто нечем было поддержать фюрера. Тем не менее у Гитлера и Кейтеля после встречи осталось впечатление о прочности позиции Антонеску внутри страны, и они 28 февраля приказали отменить подготовку плана "Маргарита II".

Итак, нацистское военное руководство хладнокровно и расчетливо в полной тайне подготовило удар по своему ближайшему союзнику. Гитлер со своей стороны сделал только небольшие дополнения к плану "Маргарита": хотя бы часть войск везти в страну поездами заблаговременно, "чтобы впоследствии они стали троянским конем". Генеральный штаб немедленно ухватился за эту мысль: ему, как и фюреру, вероломство всегда было по душе.

По плану "Маргарита" немецкие войска вступали в Венгрию с четырех сторон и двигались концентрически на Будапешт. Срок вторжения - 12 марта - пришлось перенести, потому что дивизии, изготовившиеся для марша с севера, руководители ОКВ срочно бросили в сражения на Восточном фронте. Окончательная дата воскресенье 19 марта - была установлена во время посещения "Вольфшанце" начальником штаба главнокомандования на Юго-Востоке генералом Ферчем. Оттягивать срок Гитлер запретил: войска, назначенные для оккупации Венгрии, требовал Восточный фронт. Шесть дивизий, девять отдельных полков, бригад и полицейских подразделений изготовились для вторжения. Венгерское командование имело возможность организовать сопротивление германской оккупации. Но режим Хорти капитулировал.

В исследовании А. И. Пушкаша "Венгрия в годы второй мировой войны" имеется подробное описание встречи Гитлера с Хорти 18 марта 1944 г. в Клессгейме. Здесь регент дал согласие на оккупацию Венгрии немецко-фашистскими войсками, ибо испытывал "все возрастающую тревогу в связи со стремительным наступлением Красной Армии". Гитлер выразил свое удовлетворение решением. Он заверил, что "так же любит Венгрию", как и регент, и любезно сообщил, что его войска "уже на пути в Венгрию"¹²²⁶.

После отъезда Хорти поздно вечером 18-го были отработаны последние детали вторжения, до начала которого оставалось семь часов. Над Будапештом должны будут появиться немецкие самолеты. Их устрашающие или "пропагандистские" полеты закончатся разбрасыванием листовок. Следует символически отказаться от занятия цитадели и королевского дворца в Будапеште, но поставить там почетный караул. Венгерские части собрать в казармах, а Хорти устроить торжественную встречу.

Перед рассветом 19 марта немецкие войска пересекли венгерскую границу¹²²⁷. Они почти не встретили сопротивления, потому что Сомбатхельи по пути из Клессгейма послал в Будапешт телеграмму с приказанием армии "дружески встретить немецкие войска" и оставаться "спокойными". Под Будапештом приземлились парашютисты. Хорти возвратился в столицу около 11 часов утра и был встречен немецким караулом с военными почестями. В течение нескольких последующих дней операция "Маргарита" планомерно завершилась соединением северной и южной групп нацистских войск. Река Тиса стала восточной границей оккупированной зоны.

Немедленно в Будапеште и других городах начались повальные аресты. Не избежал подобной судьбы и генерал Сомбатхельи, обвиненный в "связи с врагом". Новое правительство Стояи принесло "клятву верности" гитлеровскому рейху. Оно объявило, что немецкие войска находятся в Венгрии по его просьбе для защиты страны "от большевистской опасности"¹²²⁸.

Таким путем гитлеровцам удалось затормозить выход Венгрии из фашистского блока.

Тем временем наступление Красной Армии развивалось с нарастающей силой. Германское военное руководство рассматривало Венгрию как один из ключевых пунктов на новом этапе борьбы. Журнал военных действий ОКВ следующим образом оценивал значение Венгрии весной 1944 г.: "В результате развития событий на Восточном фронте венгерский вопрос стал частной проблемой вопроса, удастся ли немецким и румынским армиям снова остановить русское наступление"¹²²⁹. Когда в конце марта немецкая 1-я танковая армия с огромным трудом и большими потерями прорвалась из кольца окружения у

Каменец-Подольска, а соединения маршала Жукова стремительно двинулись на Коломью и Черновцы, ОКВ в страшной тревоге решило направить все возможные подкрепления Восточному фронту и превратить Венгрию в военный лагерь. Из Югославии к Львову двинулись новые дивизии. Гитлер срочно подписал письмо венгерскому генеральному штабу: "Положение на Восточном фронте требует твердых решений и быстрых действий. Речь идет о том, чтобы... бросить против врага все имеющиеся в распоряжении силы". Гитлер требовал, чтобы "союзные юго-восточные государства внесли свой вклад в борьбу". Следует срочно усилить и выдвинуть дальше к востоку в Галицию 7-й венгерский корпус, и одновременно венгерский генеральный штаб должен представить календарный план дальнейшей мобилизации своей армии¹²³⁰.

Новое венгерское правительство продолжало предавать интересы своего народа. Оно решило окончательно подчинить рейху все народное хозяйство, особенно сельское. Уже 25 марта венгерский генеральный штаб начал по требованию ОКВ срочную мобилизацию дополнительно восьми дивизий, которые согласно телефонограмме из "Вольфшанце" от 26 марта должны были поступить в распоряжение командующего группой армий "Юг". Восточная часть страны объявлялась немецкой оперативной зоной. Германское военное командование потребовало от венгерского правительства выделения средств, материалов и рабочей силы для строительства аэродромов и укреплений, увеличения выпуска для германской армии автоматов, зенитных орудий, автомашин, истребителей. Генштаб потребовал даже остановить в Венгрии автобусное движение и горючее передать немецкой армии.

Фашистское военное руководство добилось своей цели: Венгрия со всем ее военным потенциалом осталась в нацистской упряжке.

Новая ситуация на Восточном фронте, возникшая в связи с мощным весенним наступлением Красной Армии, наряду с проблемой Венгрии поставила перед руководителями третьего рейха вопрос о судьбе Румынии как главного их союзника. Уже в конце января 1944 г., как отмечалось, в ОКВ были высказаны предположения о необходимости ввода немецких войск на территорию Румынии. В Бухарест отправился начальник квартирмейстерской службы штаба оперативного руководства полковник Полек, чтобы согласовать с румынским генеральным штабом подготовительные вопросы вступления в страну германских дивизий¹²³¹.

Журнал военных действий ОКВ отмечает:

"Продвижение русских на Буг поставило перед руководством германского вермахта следующие задачи:

1. Проведение мероприятий по крупному усилению немецкими войсками румынских и прилегающих к Румынии областей и обеспечение леями немецких войск¹²³².

2. Охрана нефтяного района Плоешти.

3. Расширение использования Транснистрии для снабжения войск.

4. Отвод "фольксдейчей" и румынских беженцев, а также принудительная эвакуация из угрожаемых областей"¹²³³.

По вопросам финансов и эвакуации населения представители генеральных штабов договорились быстро. Но решение вопроса о вводе немецких дивизий и об управлении "Транснистрией" неожиданно для германского представителя натолкнулось на трудности.

Оказалось, что румынское командование смертельно боялось появления на своей территории войск друга и союзника. Вместе с тем оно и сейчас, накануне катастрофы, хотело воспользоваться трудным положением другого партнера Венгрии, чтобы решить давние территориальные споры. Бессовестная торговля длилась немалый срок. Антонеску в конце концов согласился освободить требуемый немцами район на территории Румынии для развертывания германских дивизий, но лишь при условии, если Гитлер выполнит давно обещанное "румыно-венгерское урегулирование" территориального вопроса.

Однако нацистских лидеров, их генеральный штаб сейчас меньше всего интересовала эта возня. Надо использовать все ресурсы, чтобы не пустить Красную Армию в глубь

Румынии. Домогания Антонеску Гитлер отклонил под предлогом превращения "оспариваемых венгерских территорий" в оперативную зону германской армии. 26 марта Гитлер направил в Бухарест письмо: необходимо "путем использования всех сил остановить русских на юго-востоке, по возможности дальше от границ союзных государств, и с помощью противотанковых препятствий создать сплошной фронт"¹²³⁴. Русские ослабели, уверял фюрер Антонеску, они оторвались от баз снабжения, и поэтому есть возможность перерезать тыловые коммуникации их соединений. Вчера командующему группой армий "Юг" передано пять дивизий, в том числе сильный танковый корпус. Но для планируемого контрнаступления требуется, чтобы румынские войска прикрыли немецкую группировку на верхнем течении Прута, а венгерские - на Днестре. Гитлер просил своего верного союзника "в обстановке, когда непосредственно решается также и судьба Румынии, сделать все, чтобы ускорить мобилизацию и развертывание румынских дивизий и каждое боеспособное соединение направить в район развертывания к северу, на Прут"¹²³⁵.

Но фюрер и его генералы безнадежно опоздали. В тот день, когда из "Вольфшанце" было отправлено это послание, войска 2-го Украинского фронта вышли на 85-километровом фронте к реке Прут, на государственную границу СССР с Румынией. В последующие несколько дней они форсировали реку и вступили на румынскую территорию¹²³⁶. Такое развитие событий не только повергло румынскую фашистскую клику в полное уныние, но также сорвало германские планы контрнаступления и "прикрытия на Пруте". Антонеску отвечал Гитлеру 27 марта: "Ввиду того, что противник перешагнул Прут и верхнее течение Днестра, стало больше невозможным осуществить строительство и использование противотанковых заграждений на верхнем течении рек". Антонеску сообщал, что не верит в боевую силу венгерской армии. У него есть основания думать, что она "готова перебежать к врагу и вместе с ним бороться против германо-румынских войск"¹²³⁷. Что касается просьбы фюрера насчет развертывания румынских дивизий за Прутом, то она решительно отклонялась. Антонеску любезно предлагал фюреру, чтобы немецкая 1-я танковая армия, "которая сейчас как раз отступает через Днестр на Прут", сама взяла на себя оборону этой линии. Вновь мобилизуемые румынские соединения направятся южнее, в Среднюю Молдавию, чтобы здесь оборонять жизненно важные направления на междуречья Прута и Серета к центру страны.

Антонеску считал необходимым для укрепления подступов к Румынии прибывающие из Крыма войска использовать на южном участке Восточного фронта.

Так рушились германские оперативные планы. Вновь - который уже раз оказалось, что русские не "ослабели"; контрнаступление против них на юге невозможно.

В первых числах апреля румынское командование панически сообщало германской ставке: в случае глубоких прорывов советских войск через Прут и далее в тыл оно отведет армию в глубь Румынии "на линию Дунай - Галац Карпатская дуга"¹²³⁸. Сейчас оно подтягивает все имеющиеся войска вперед и по требованию "Вольфшанце" на 150-километровый фронт от Ясс до Карпат вводит семь пехотных дивизий. Созданная здесь оборонительная линия рассматривалась Антонеску как прикрытие границы. Ее усиливали немецкие соединения с тяжелым оружием и танками. Казалось бы, фронт удалось стабилизировать. Румынский союзник еще оставался в седле. Но ненадолго. Только до нового наступления Красной Армии.

Режим Антонеску переживал глубокий кризис. В стране вызревала революционная ситуация, шла подготовка вооруженного восстания. Тревога в Берлине не утихала. Гитлер принял решительные меры: он вновь призвал на решающий, по его мнению, участок фронта "пожарного для безнадежных положений" Вальтера Моделя и жестокого нациста генерала Шернера. Как читатель помнит, оба стояли за дверью кабинета Гитлера в Бергхофе, когда тот 30 марта 1944 г. давал отставку Манштейну и Клейсту, обвиненным в поражении на Украине. После их ухода Модель здесь же, в кабинете фюрера, получил звание фельдмаршала и принял командование над группой армий "Юг", переименованной теперь в "Северную Украину". Доказавший уже прежде свое упорство и свой фанатизм, Шернер стал

командующим группой армий "Южная Украина" - бывшей группой армий "А".

2 апреля Гитлер отдал оперативный приказ № 7: "Настало время окончательно остановить наступление русских". Оборона должна быть и будет восстановлена на юге по линии Днестр - восточные отроги Карпат - Тернополь - Броды - Ковель.

Но когда дела на юге стали, казалось, улаживаться, преподнес сюрприз третий союзник. Условий перемирия запросила Финляндия. Нацисты стали понимать, что вскоре останутся в одиночестве перед превосходящими силами антигитлеровской коалиции.

Вермахт против народного Сопротивления

I

Во второй мировой войне гитлеризм вел помимо борьбы с регулярными армиями еще и другую войну: против национально-освободительного движения народов Европы. При этом нацисты не учитывали по меньшей мере двух уроков истории. Во-первых, той древней истины, что империи, основанные лишь на завоеваниях, недолговечны. Во-вторых, что никакая, даже самая мощная армия не в состоянии одолеть в несправедливой войне народную, революционную, национально-освободительную борьбу, как бы свирепы ни были применяемые этой армией методы, как бы ни расправлялась она с патриотами.

Германский фашизм проводил в годы второй мировой войны в оккупированных странах политику массового террора и насилий. Одна из легенд, созданных наиболее реакционными представителями буржуазной историографии, состоит в том, что нацистское военное руководство не причастно к преступлениям, творимым фашистами в странах Европы против мирного населения и участников народной борьбы в тылу гитлеровских войск.

Идейные защитники германского милитаризма готовы признать вину СС, гестапо, зондеркоманд, Гимmlера и почти кого угодно, только не вермахта. Честь высших нацистских военных должна остаться незапятнанной, руки - чистыми.

Но потоки фактов смывают преграды, которыми идеологи антикоммунизма хотят оградить недавнее прошлое германского милитаризма от "чрезмерных крайностей" исторической правды. Однако история обладает тем свойством, что ничего не забывает. Пример гитлеровского фашизма в этом отношении убедителен и нагляден.

Борьба народов в тылу фашистского вермахта возникала как закономерный протест широких народных масс в различных странах против фашизма и устанавливаемого им "нового порядка". Это движение носило общедемократический характер, причем его авангардом и организатором выступали коммунистические партии. В зависимости от условий в каждой стране антифашисты применяли различные формы борьбы: саботаж, диверсии, забастовки и, наконец, высшую форму - вооруженную борьбу, которая велась в виде партизанского движения. Преобладание тех или иных форм зависело от конкретной обстановки в каждой стране, от ее национально-освободительных традиций, сил Сопротивления, от положения на фронтах, особенно на решающем - советско-германском фронте. В ряде стран складывались национальные фронты Сопротивления. Центральные органы руководства освободительным движением затем, при возникновении революционной ситуации, превращались в первые органы революционной власти. Они способствовали перерастанию антифашистской борьбы в народные революции.

На первых порах Сопротивление обычно выражалось в пассивных формах. Но по мере усиления деятельности прогрессивных, демократических, антифашистских элементов, в ходе саморазоблачения фашизма борьба против оккупации становилась все более активной. Решающее значение безусловно имело вступление в войну Советского Союза.

Ряд историков правого толка из капиталистических стран, некоторые из бывших генералов вермахта создали миф о "контрпартизанской войне" как о якобы "вынужденных ответных действиях" специальных органов гитлеровского государства на "незаконную", противоречащую "обычаям войны" деятельность партизан, особенно в Советском Союзе. Но при этом как будто забывается, что движение Сопротивления, включая его высшую форму -

партизанскую борьбу, представляло собой реакцию народов Европы на варварскую политику, которую проводили оккупанты. И когда патриоты поднимались с оружием в руках, фашизм бросал против них все свои организации подавления. Высшие штабы вермахта участвовали в планировании массовых расправ в оккупированных странах. Подобная деятельность превратилась в неотъемлемую часть обязанностей ОКВ, ОКХ, командования групп армий. В итоге оказалось, что не только гестапо, СС, СД и другие карательные-полицейские органы нацистского рейха осуществляли массовые расправы над патриотами оккупированных стран, но и вермахт. Военное руководство фашистской Германии создало в ходе второй мировой войны продуманную систему организации подавления борьбы народов в оккупированных странах.

На основе приказов Гитлера Кейтель, как шеф ОКВ, координировал с рейхсфюрером СС Гиммлером, высшим руководителем СС, начальником полиции и всей службы безопасности, главные вопросы карательных действий. Одновременно ОКВ разрабатывало на этот счет общие директивы вооруженным силам. Конкретное планирование велось в штабе оперативного руководства ОКВ, в генеральном штабе сухопутных сил совместно с личным штабом рейхсфюрера СС. Составителями планов на разных этапах были Кейтель, Иодль, Варлимонт, Цейтцлер, Гудериан, Хойзингер и др.

Общие директивы по ведению операций против партизан поступали из ОКВ в генеральный штаб сухопутных сил, отсюда в детально разработанном виде они направлялись в войска. Нередко такие приказы от имени Гитлера за подписью Кейтеля шли прямо в штабы объединений и соединений. Командующие группами армий руководили борьбой с патриотическими силами непосредственно на территории, занимаемой войсками группы. Войска СС, полиции, включая отряды палачей эйнзатцгруппы СД, которые по приказам Гиммлера назначались рейхскомиссарами на местах для проведения массовых экзекуций, поступали в подчинение командующих группами армий, нередко действовали совместно с полевыми войсками вермахта или в их расположении. Командующие армиями сотрудничали с эйнзатцгруппами.

По мере увеличения масштабов народной борьбы, расширения деятельности партизан соединения вермахта стали играть все возрастающую роль в подавлении этой борьбы на оккупированных территориях. Специальным соглашением между Гиммлером и ОКХ руководство "операциями" против партизан нередко возлагалось на командиров войсковых соединений вермахта, которым подчинялись эйнзатцгруппы и отряды СС. Иодль признал на Нюрнбергском процессе: "Приемы антипартизанской войны разрабатывались в подчиненном мне оперативном управлении ОКВ". Затем проекты приказов "дорабатывались, отшлифовывались и представлялись на одобрение Гитлеру". Так появлялись директивы о войне против патриотов.

II

Еще до второй мировой войны антифашистское движение Сопротивления началось в оккупированной гитлеровцами Чехословакии. Его зарождение относится к первым дням после вступления в страну нацистских войск. Патриотически настроенные демократические силы страны объединялись вокруг коммунистической партии, призвавшей к борьбе. Уже летом 1939 г. произошли первые массовые демонстрации против захватчиков. На улицах Праги пролилась кровь. Осенью в чешской столице выступили студенты. Созданный в Словакии Национальный фронт стал объединять патриотически настроенных граждан. Начались забастовки рабочих,

В Польше борьба патриотов против захватчиков стала разворачиваться в первые же дни сентябрьских событий 1939 г., т. е. в самом начале второй мировой войны. Гитлеровских солдат уже в сентябре встречали выстрелы партизан. Польский народ, которому было суждено первым встретить военный удар нацизма во второй мировой войне, первым же стал придавать ей справедливый, национально-освободительный характер.

Сразу после оккупации страны выступления польских патриотов в тылу врага носили разрозненный характер. Но постепенно численность отрядов Сопротивления росла. Так, отряд майора Кубали к марту 1940 г. состоял из 400 человек, но вскоре увеличился до 1 тыс. Центром антифашистского движения Сопротивления постепенно становились пролетарские районы Силезии. Здесь к лету 1940 г. партизанские отряды насчитывали до 15 тыс. человек. В крупнейших пролетарских центрах стали работать подпольные коммунистические организации. Они налаживали сотрудничество с другими антифашистскими группами. Намечалась консолидация снизу всех антифашистских сил с целью дальнейшей активизации борьбы за освобождение.

В Югославии непосредственно после захвата гитлеровцами страны коммунистическая партия приступила к организации Сопротивления. Она призывала к освобождению, к единству и широкому сплочению народов страны. Созданный ЦК КПЮ Военный комитет во главе с секретарем ЦК Иосипом Броз Тито и военные комитеты партии на местах начали формировать подпольные боевые отряды.

Деятельность коммунистов опиралась на широкую социальную базу. Рабочие, крестьяне собирали оружие, уходили в горы, леса, присоединялись к партизанским отрядам, созданным в первые же дни оккупации группами офицеров и солдат югославской армии. К лету 1941 г. активность партизанских отрядов возросла, хотя до вступления в войну Советского Союза еще отсутствовали условия для антифашистской борьбы массового масштаба.

Во Франции движение Сопротивления также возникло сразу после оккупации. Руководящим центром стала Французская коммунистическая партия, не сложившая оружия в условиях фашистской диктатуры и террора. В манифесте от 11 июля 1940 г. партия призвала к созданию "Фронта свободы, независимости и возрождения Франции" вокруг рабочего класса, руководимого коммунистами.

После массовых забастовок шахтеров весной 1941 г. начали создаваться первые отряды франтиреров и партизан. В конце 1940 г. боевые отряды, руководимые ФКП, уже вели активные действия против захватчиков.

В Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Албании, Греции - во всех оккупированных странах в первом периоде второй мировой войны зарождалась и постепенно разворачивалась борьба патриотов против нацизма. Но пока гитлеровский рейх продолжал свое шествие по Европе от успеха к успеху, выступления народов оккупированных стран против нацистов еще не приняли столь широких форм, как позже, когда в войну вступил Советский Союз.

Функции борьбы с народным Сопротивлением гитлеровский руководящий военный аппарат стал принимать на себя по- существу с самого начала второй мировой войны. Дело здесь отнюдь не в том, как мы уже отмечали, что вермахт оказался перед необходимостью "ответить" на гверилью. Дело в том, что беспощадное подавление воли народов к свободе представляло собой органическую сущность фашизма как системы. Поэтому все орудия нацистского государства, в том числе и вооруженные силы, неизбежно и автоматически включались в акции против движения Сопротивления в Европе. Все началось еще в 1939 г. Уже после захвата Чехословакии верхушка вооруженных сил не только целиком поддерживала свирепый оккупационный режим, осуществляемый Гейдрихом, но и содействовала организации карательных действий.

Во время агрессии против Польши в сентябре 1939 г. гитлеровские войска по приказам верховного командования участвовали в массовых расправах с польскими патриотами. Так произошло, например, в Быдгощи, где в первых числах сентября погибло 5 тыс. поляков. Главнокомандующий сухопутными силами Браухич отдал 5 сентября 1939 г. директиву о создании "особых судов", возглавляемых строевыми офицерами. Им предоставлялось право "на месте" выносить смертные приговоры над гражданскими лицами, задержанными с оружием в руках. Аналогичные директивы ОКВ и ОКХ отдали в сентябре 1939 г.

После завершения "сентябрьского похода" правители фашистского рейха передали полноту власти в Польше Г. Франку, который во многих своих преступных "начинаниях" опирался на "командующего войсками на Востоке" (должность введена 25 октября 1939 г.), получившего "все права и полномочия, согласно закону об обороне государства". Занимавший эту должность генерал Бласковиц, а затем сменивший его генерал Гинант внесли крупную долю в те репрессии, которыми ознаменовалось гитлеровское господство в Польше.

В работах польских историков, в частности в исследовании М. Турлейской, посвященном событиям 1939 - 1941 гг., дается развернутая картина как начальной стадии героического Сопротивления поляков режиму гитлеровской оккупации, так и действий высших руководителей вермахта - Кейтеля, Браухича, Рунштедта, Бласковица, активно участвовавших в проведении политики репрессий. Бесконечная цепь фактов неопровержимо доказывает тесное сотрудничество милитаристов с органами гестапо в преступлениях против польского народа¹²³⁹.

В ставке верховного главнокомандования вооруженными силами Гитлер и Кейтель 20 октября 1939 г. разработали так называемый план управления Польшей. "Цель: жестокость и суровость должны быть главными принципами в этой расовой борьбе для того, чтобы предотвратить для нас необходимость снова воевать из-за этой страны"¹²⁴⁰. Командующий 18-й армией в Польше генерал Кюхлер 22 июня 1940 г. потребовал от офицеров и солдат "воздерживаться от критики" массовых репрессий, происходящих в "генерал-губернаторстве", ибо борьба "требует для ее окончательного решения в духе нашей нации крайних, предельно острых мероприятий"¹²⁴¹. Под "острыми мероприятиями" подразумевалось, конечно, уничтожение людей.

Польские патриоты, несмотря на невероятные трудности, активизировали действия. Диверсии, саботаж, особенно на промышленных предприятиях и на транспорте, ширились. 23 мая 1941 г. "военный главнокомандующий в генерал-губернаторстве" докладывал в ставку Гитлера о "поджогах, совершаемых польским движением Сопротивления": с октября 1940 г. на Восточной железной дороге подожжено большое количество вагонов и паровозов, а причины установить не удалось.

23 февраля 1941 г. начальник штаба военного главнокомандующего в генерал-губернаторстве генерал Браунер докладывал в "Вольфшанце" о попытке поджога склада бензина на авиационной базе Кросно, о нападениях и поджогах казарм германских частей в Томашуве Любельском и Скерневице. Браунер заключал: "Вероятнее всего - планомерная деятельность польского движения сопротивления"¹²⁴².

13 мая 1941 г. фашистский разведывательный центр "Абверштелле" сообщал из Познани: здесь "действует группа сопротивления, у которой есть коротковолновые передатчики". Она связывается с BBC за границей. Авиационный удар по германским военным объектам в Познани в ночь с 8 на 9 мая представлял собой, согласно донесению, "воздушное наступление, о котором было заранее известно польским кругам сопротивления". По заключению гитлеровских разведчиков, "здесь действует польская нелегальная организация "Железная бригада"¹²⁴³.

Подобные донесения шли нарастающим потоком через каналы главных военных инстанций третьего рейха. Они свидетельствовали не только о том, что ширится новый фронт, не предусмотренный уставами вермахта, но и что сам вермахт с начала второй мировой войны активно включается в борьбу с национально-освободительным движением народов Европы.

Фельдмаршал Лист в Греции, генерал Штюльпнагель во Франции, генерал Фалькенхорст в Бельгии, ревностно выполняя приказы ставки Гитлера, ОКВ, ОКХ, очень скоро стали теми, кто в сознании граждан оккупированных стран не очень заметно отличался от гестаповских фюреров.

III

Вступление в войну Советского Союза дало мощный толчок развитию европейского движения Сопротивления. Повсюду оно вступило в новую фазу, которая характеризовалась дальнейшим объединением и ростом патриотических сил, активизацией форм борьбы, растущим моральным подъемом участников движения. Чем труднее становилось положение гитлеровцев на советско-германском фронте, тем больший размах приобретали действия антифашистских сил в оккупированной Европе.

С нападением на Советский Союз вермахт в еще большей степени чем прежде, принял на себя функции карательно-полицейского органа фашистского режима. Классово-идеологический характер гитлеровской агрессии против социалистического государства нашел свое выражение в особо жестоких методах ведения войны против СССР. Тщательно разработанные еще до нападения на Советский Союз инструкции, директивы верховного командования вермахта требовали от армии участия в массовом уничтожении "всех носителей коммунистической идеологии, партизан, военнопленных". Войска "освобождались" от моральной и юридической ответственности за любые преступления на советской земле. Приказ ОКВ от 13 мая 1941 г. ("Об особой подсудности в районе "Барбаросса"), составленный Варлимонт и подписанный Кейтелем, разрешал карательные действия против мирного населения по распоряжению любого командира соединения, или части. Более того, каждый офицер мог решать, должен ли быть "немедленно расстрелян" любой "заподозренный" советский гражданин. Приказ требовал "беспощадно уничтожать партизан как в бою, так и в случае бегства". Директива ОКВ "О комиссарах", изданная 6 июня 1941 г., возводила в закон истребление политработников Красной Армии. После "победоносного окончания похода" вооруженным силам предназначалась роль полицейской дубины на "покоренном Востоке". Борьба с восстаниями и партизанским движением должна была стать единственной обязанностью тех 60 дивизий, которыми фашистские стратеги собирались, начиная с осени 1941 г., "умиротворять завоеванную страну".

С первых же дней Великой Отечественной войны советские люди на временно оккупированных территориях начали выступать с оружием в руках против захватчиков. "В тылу врага развернулась всенародная борьба против фашистских оккупантов. Вместе с Советскими Вооруженными Силами сокрушительные удары по врагу наносили партизаны. Народные мстители, подпольные партийные и комсомольские организации действовали во многих районах Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии и в Смоленской, Брянской, Псковской, Новгородской, Орловской, Ленинградской, Калининской, Московской и других областях"¹²⁴⁴. Руководимая Коммунистической партией, определяемая справедливым характером войны, борьба советских людей в тылу гитлеровских армий превратилась в один из крупных политических и военно-стратегических факторов, обеспечивших затем победу над фашизмом.

Партизанские отряды и подпольные группы, возникшие в первые же месяцы войны, постепенно переходили к активным акциям. По призыву ЦК ВКП (б) они создавали настоящую армию советских партизан. В Белоруссии к 1 августа 1941 г. действовал 231 партизанский отряд. В течение второго полугодия число отрядов и групп возросло до 437. В Ленинградской области осенью 1941 г. вели борьбу с захватчиками 84 партизанских отряда, в Калининской - 55 отрядов, в Московской области действовали 41 отряд и множество боевых групп. Аналогичная деятельность развертывалась в ряде других областей и районов.

Осенью 1941 г. на границе Ленинградской и Калининской областей образовался партизанский край, освобожденный от оккупантов. В Белоруссии возникли крупные районы, занятые сильными, активно действующими отрядами. Все более широкую известность приобретали отряды под руководством С. А. Ковпака, К. С. Заслонова, М. Ф. Шмырева, Т. П. Бумажкова, Н. Н. Попудренко, Ф. И. Короткова, Н. Ф. Королева и других героев партизанской борьбы.

Гитлеровские вооруженные силы с самого начала агрессии против Советского Союза обрушили на советских патриотов во временно оккупированных районах волну массовых репрессий. Уже на четвертый день войны ставка Гитлера отдала приказ о передаче "всей полноты власти на оккупированной территории" командующим войсками вермахта. В их обязанность вменялось так называемое обеспечение безопасности захваченных районов. По гитлеровской терминологии это всегда означало террор и массовые экзекуции. На совещании в "Вольфшанце" 16 июля 1941 г. Гитлер объявил: "Русские... отдали приказ о партизанской войне в нашем тылу. Эта партизанская война имеет и свои преимущества: она дает нам возможность истреблять все, что восстает против нас". Нужны ли комментарии? Гитлер, Геринг и Кейтель пришли к заключению: необходимо как можно скорее "замирить гигантское пространство". Метод: "Лучше всего этого можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд". Кейтель тут же внес предложение: "Местные жители должны знать, что будет расстрелян всякий, кто проявит бездействие, и что они будут привлекаться к ответственности за каждый проступок". Это указание шефа ОКВ стали энергично исполнять командующие группами армий, многие командиры различных инстанций.

Еще 4 апреля 1941 г. было подписано соглашение между ОКХ и СС о том, что эйнзатцгруппы (отряды по уничтожению людей) подчиняются армейскому руководству. Так установился контакт, который после 22 июня сразу принес плоды. Эйнзатцгруппы уже в первые месяцы военных действий против СССР докладывали: отношения с армией "превосходные", "тесные", даже "почти сердечные"¹²⁴⁵.

Многие командующие армиями на Восточном фронте принимали самое активное участие в преступных акциях. Бесчеловечными методами действовали против партизан Рейхенау, Клюге, Кюхлер, Штраус, Гепнер и др. Командующий 16-й армией Буш отдал 6 августа 1941 г. позорный приказ: немецкий солдат должен "относиться к пленным свысока и держать себя с ними так, чтобы расчитаться за ожесточенную и нечеловеческую свирепость, проявленную русскими в боях". Он разъяснял: "При непокорности немедленно применять оружие"¹²⁴⁶. Так генерал Буш мстил раненым и безоружным советским солдатам за их героизм и стойкость в бою. Таков был их "кодекс чести", таково "благородство", которым столь часто любили похвастаться гитлеровские генералы и о котором после войны писали их адвокаты. Командующий 6-й армией Рейхенау 10 октября 1941 г. приказал всем офицерам и солдатам применять в отношении партизан "решительные и жестокие меры", не щадя женщин. "Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения"¹²⁴⁷, - провозглашал этот "популярный генерал".

Под ногами захватчиков буквально горела земля. Командующий группой армий "Север" фельдмаршал Лееб вынужден был 7 августа 1941 г. предостеречь свои войска: "Возросшая деятельность партизан делает невозможным проезд через сельские местности отдельных солдат и мелких отрядов". Проезжать через села рекомендовалось лишь после того, как... "ближайший орган военной власти" сможет "установить безопасность данного села"¹²⁴⁸.

Верховное командование старалось вовсю, чтобы террором сломить любое сопротивление. В "Дополнении" к директиве № 33 от 23 июля 1941 г. ОКВ требовало "изыскивать средства для обеспечения порядка в охраняемых районах, не запрашивая новых охранных частей, а применяя соответствующие драконовские методы". Всякое сопротивление надлежало ликвидировать "распространением со стороны оккупационных властей такого страха и ужаса, который отобьет у населения всякое желание противодействовать".

16 сентября 1941 г. в ставке Гитлера Кейтель подписал директиву о беспощадном подавлении освободительного движения и расстрелах заложников: "С самого начала военной кампании против России во всех оккупированных Германией областях возникло коммунистическое повстанческое движение". Чтобы "сломить его в кратчайший срок", командующие войсками отныне должны были руководствоваться указаниями: "Человеческая

жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Устрашающее воздействие возможно лишь путем необычайной жестокости". Устанавливалось, что в качестве репрессии за смерть одного солдата вермахта следует "смертная казнь 50-100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия"¹²⁴⁹. Приказ генерала Рейхенау от 10 октября был распространен по всей армии как "образцовый". Некоторые войсковые генералы, командиры корпусов отдавали подобные же указания. Командир 30-го армейского корпуса Зальмут 21 ноября 1941 г. распорядился "расстреливать на месте" любого, у кого будет найдено оружие.

Режим террора, установленный германскими вооруженными силами, нарастал. В начале декабря 1941 г. появилась изощренная по жестокости директива Кейтеля "Ночь и туман": "В оккупированных областях гражданские лица не немецкой национальности, выступающие против империи или оккупационных властей..., подлежат принципиально смертной казни". 12 декабря вышла еще одна директива Кейтеля о расстрелах. Сплошь и рядом все эти директивы проводились в жизнь не только зондеркомандами, но и армейскими частями.

Однако никакими репрессиями гитлеровцы не могли остановить волну народного гнева. К концу 1941 г. в тылу немецко-фашистских войск на временно оккупированных территориях СССР было создано около 3500 партизанских отрядов и групп¹²⁵⁰. Их нарастающие по силе удары все больше путали расчеты и планы гитлеровских политиков и стратегов. В марте 1942 г. Геббельс записал в дневнике: "Опасность партизан увеличивается от недели к неделе. Партизаны господствуют во всех оккупированных областях России... Зимой партизаны создавали нам очень большие трудности, и эти трудности с началом весны нигде не прекратились"¹²⁵¹. Западногерманский историк Г. Теске в специальной работе, посвященной борьбе нацизма против партизанского движения, вынужден признать: "Первая битва, которую проиграл германский вермахт во второй мировой войне, была битва против советских партизан зимой 1941/42 г. Затем следовали дальнейшие поражения в этой борьбе... В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны"¹²⁵².

Составление планов борьбы с партизанами ОКВ возложило на оперативный отдел генерального штаба сухопутных сил и его начальника Хойзингера. "Борьба с партизанами и охрана в областях ведения операций является частью военного руководства", - констатировало ОКХ¹²⁵³. Убедительное признание!

В начале 1942 г. на Восточном фронте группа армий "Центр" не только потерпела поражение под Москвой, но на завершающей стадии битвы оказалась перед необходимостью начать борьбу иного рода, не вмещавшуюся ни в какие рамки предвоенных теорий и планов. Весь тыловой район армий фон Клюге, особенно его важнейший - центральный участок, оказался под контролем партизан.

Отряды, действовавшие с осени 1941 г. в восточной части Смоленской области, получили поддержку кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, направленного в рейд к Вязьме, и совместными действиями освободили несколько районов Смоленской и Калужской областей. Они установили контроль над обширной зоной в тылу группы армий "Центр"¹²⁵⁴. Своей мужественной борьбой партизаны и солдаты более пяти месяцев диктовали волю гитлеровскому командованию на центральном участке советско-германского фронта. Вплоть до лета 1942 г. они затрудняли действия войск фон Клюге. Генеральный штаб сухопутных сил наращивал активность борьбы с патриотами.

Все это необходимо по достоинству оценить. Речь шла о настоящей войне с Сопротивлением народа в тылу фашистских войск, о проведении в жизнь чудовищных директив Гитлера и Кейтеля, включая приказ "Ночь и туман", о планомерных операциях группы армий фон Клюге, вынужденной повернуть значительную часть своих войск против партизан. Деятельность советских партизанских отрядов и войск между Смоленском, Вязьмой, Рославлем, в брянских лесах и у Ржева затрудняла для группы армий "Центр" участие в начавшемся главном наступлении на южном крыле советско-германского фронта

летом 1942 г. и потребовала переброски сюда дополнительных сил.

Борьба носила длительный и упорный характер. В середине февраля партизаны освободили Дорогобуж. Вместе с кавалеристами они нападали на коммуникации, на немецкие гарнизоны, вели наступление на Вязьму. К весне 1942 г. они освободили от врага район, по окружности превышавший 400 км. Командование группой армий бросило для его ликвидации в общей сложности 11 дивизий. 19 мая 1942 г. штаб Клюге сообщал в ОКХ: "Удары партизан отбиты путем контрнаступления и занят ряд населенных пунктов"¹²⁵⁵. В донесениях штабу сухопутных сил говорилось об "ожесточенно сражающихся партизанах", участвовавших в взрывах на железнодорожных магистралях и шоссе, об усилении напряженности в тылу.

Верховное командование, генеральный штаб сухопутных сил старательно "обобщали опыт" и совершенствовали тактику. 10 мая по указанию Гитлера генеральный штаб определил "усовершенствованный" метод боевых действий: прежде всего нужно раздробить партизанскую группировку на мелкие части. В журнале военных действий ОКВ 8 июня 1942 г. записано: "... В партизанских котлах в тыловой области севернее Брянска и южнее Дорогобужа наши войска смогли добиться дальнейшего захвата местности и положить начало сужению котла. Несмотря на стойкое сопротивление, удалось занять много населенных пунктов, установить связь между отдельными, двигающимися друг к другу ударными клиньями и таким путем создать новые, меньшие котлы"¹²⁵⁶. Однако успех достигался дорогой ценой. Поэтому Гитлер, определяя 16 июня задачи группы армий "Центр", придавал важное значение "очищению тыловой области за 4-й армией", т. е. на смоленско-вяземском направлении¹²⁵⁷.

В обходе генерального штаба появился в те дни необычный термин: "тыловой фронт", совершенно не предусмотренный точной нацистской штабной наукой. 6 июня штаб 4-й армии сообщил: "Тыловой фронт: наши силы, введенные для сужения котла в районе Дорогобужа, Ельни, смогли продвинуться дальше, наступая с севера, востока и юга"¹²⁵⁸.

Генеральный штаб плохо знал силы и планы партизан. Только во второй половине июня ему удалось определить: партизанскую группировку из 4 тыс. человек западнее города Киров возглавляет генерал Белов. Цель - прорваться на восток. Более чем скромный успех контрпартизанских акций привел в конце июня 1942 г. штаб верховного главнокомандования к выводу: "В борьбе с повстанцами (Югославии. - Д. П.), как и с партизанами в России, мы недостаточно тверды. Цель может быть достигнута только жесточайшими действиями и отрицанием всех европейских сдерживающих моментов".

Несмотря на ввод в конце июня против партизан у Ельни 19-й танковой дивизии и других войск, патриоты сражались стойко. Донесения группы армий "Центр" в штаб сухопутных сил на протяжении нескольких месяцев 1942 г. пестрели непривычными для военного штабного глаза сообщениями. В них говорилось то о четырех взрывах на железной дороге южнее Брянска, то об упорном сопротивлении партизан северо-восточнее Вязьмы. "На южном участке группы армий, - сообщал Клюге 3 июля, - дальнейшая упорная борьба с партизанами". А еще через три дня: "На шоссе Рославль - Брянск идет сражение между нашими войсками и сильным партизанским соединением"¹²⁵⁹.

Регулярные части вермахта вели необычную затяжную борьбу до тех пор, пока кавалеристы Белова не прорвались к линии фронта. Гальдер записал 16 июня 1942 г.: "Белов снова прорвался в направлении на Киров. Нам это не делает чести". И 17 июня: "Кавалерийский корпус Белова действует теперь западнее Кирова. Он все же отвлек на себя в общем 7 немецких дивизий"¹²⁶⁰.

Вплоть до второй половины июля партизаны держали в состоянии растущего напряжения командование группы армий "Центр". Когда перешли в наступление Калининский и Западный фронты, начавшие 30 июля Ржевско-Сычевскую наступательную операцию, положение партизан улучшилось. Гельмут Грейнер отмечал в журнале военных действий верховного командования: "Главный пункт борьбы находился в группе армий "Центр", на участке 9-й армии, восточнее Зубцова и севернее Ржева, где русские с 30 июля

атаковали крупными силами пехоты и танков и к 4 августа осуществили широкий и глубокий прорыв". Варлимонт следующим образом дополняет картину: "Глубокое нападение партизан потрясло тыл и снабжение фронта особенно в этом районе"¹²⁶¹. Попытка немцев 11 августа перейти в наступление (операция "Вирбельвинд") вскоре провалилась¹²⁶². Войска фон Клюге оказались под ударами с фронта и тыла.

Штаб группы армий "Центр" 15 июля 1942 г. сообщал, что ввел "боеспособные дивизии для оперативного боевого использования против партизанских соединений"¹²⁶³. В течение августа 1942 г., по данным штаба, регулярные войска провели здесь 25 крупных контрпартизанских акций, в которых участвовало 67 батальонов и 4 роты. В записи журнала военных действий ОКВ от 14 августа 1942 г. читаем: "Тыловые коммуникации группы армий сильно разрушены партизанами; в настоящее время в тыловом районе группы армий "Центр" прерваны все железнодорожные линии, кроме одной-единственной. Для борьбы с партизанами должны быть привлечены войска из генерал-губернаторства"¹²⁶⁴. В тот же вечер Клюге заявил ОКХ: имеющимися силами он "больше не в состоянии удерживать позиции 3-й танковой и 9-й армий" и потребовал подкреплений. Но переброска обещанных ему двух дивизий по единственной свободной от партизан железной дороге заняла слишком много времени.

Во второй половине августа Клюге жаловался: обстановка сверхнапряженная, боевая сила и стойкость войск сильно уменьшились¹²⁶⁵. В донесении из оккупированных восточных районов от 20 августа 1942 г. шефа охранной полиции и СД приводилась следующая статистика: в Белоруссии с апреля по июль 1942 г. партизаны провели 1316 акций против предприятий, учреждений, линий связи и т. д.; 85% нападений на предприятия, используемые оккупантами, привели к полному их уничтожению¹²⁶⁶.

Подытоживая сказанное, мы можем прийти к двум существенным выводам: во-первых, в связи с действиями советских партизан в начале и середине 1942 г. германский генеральный штаб и Верховное командование приняли на себя руководство операциями, направленными против антифашистского движения Сопротивления, и тем самым активно участвовали в карательно-полицейской деятельности. Эта борьба усложнила использование войск группы армий "Центр" по планам ОКВ и ОКХ на 1942 г. Во-вторых, германское военное руководство не поняло характера партизанской войны, оказалось несостоятельным в борьбе против народного антифашистского Сопротивления.

После вступления в войну Советского Союза создались благоприятные условия для дальнейшего развертывания партизанской борьбы в Югославии. 22 июня 1941 г. ЦК Коммунистической партии Югославии обратился с воззванием к народу: "Борьба Советского Союза - это и наша борьба, так как он борется и против наших врагов, под чьим ярмом вы стонете". 22 июня началось восстание в Словении. 7 июля - в Сербии. Партизанские отряды создавались быстро. Не прошло и трех месяцев, а в сербских горах действовало уже 23 отряда, 14 тыс. человек¹²⁶⁷. Хорватия была охвачена пламенем восстания с конца июля. В октябре партизанские отряды и группы выросли до 70 тыс. человек¹²⁶⁸. Войска оккупантов оказались под ударами смелых, неуловимых отрядов. Теперь стратеги из "Вольфшанце", у которых по горло хватало дел на Востоке, вынуждены были все больше внимания обращать на Балканы, где успешное начало оборачивалось плохим продолжением. И сюда требовались подкрепления.

После того как гитлеровские войска в Югославии получили 342-ю дивизию из Франции, 113-ю дивизию с советско-германского фронта и 125-й полк из Греции, 80 тыс. гитлеровских солдат начали в середине сентября 1941 г. наступление против патриотов. Главнокомандующий на Юго-Востоке фельдмаршал Лист 12 сентября 1941 г. ввел сильные, полнокровные дивизии с танками. Начались упорные, ожесточенные бои. Конечно, силы были слишком неравными. Четыре месяца, с сентября по декабрь, сражались повстанцы. Затем они в порядке отошли в горы¹²⁶⁹. Коммунистическая партия Югославии в эти первые месяцы борьбы понесла тяжелые жертвы: пало на поле боя 3 тыс. коммунистов, среди них 20 членов ЦК. Но гитлеровские войска заплатили за это дорогую цену. Генерал-полковник

Рендулич писал, что восстание в Сербии для немецких войск оказалось внезапным. Он подчеркивал: "Войска вели тяжелую борьбу за существование. Чтобы суметь одолеть партизанское восстание, они должны были сражаться с наивысшей энергией и активностью"¹²⁷⁰.

Победы Красной Армии зимой 1941/42 г. способствовали дальнейшей активизации национально-освободительного движения в Европе. Партизанские отряды Югославии разрастались. Зимой 1942 г. они снова развернули бои по всей стране. В марте из отдельных батальонов и отрядов были созданы шесть партизанских бригад. Германский генеральный штаб и его представители на Балканах бросили в карательные экспедиции еще больше соединений вермахта. 13 февраля 1942 г. генерал артиллерии Бадер сообщил из Сербии "общий баланс контрпартизанских действий": с 1 сентября 1941 г. по 12 февраля 1942 г. убито и расстреляно 7756 человек и 20 149 уничтожено "в результате карательных мер". Он докладывал: "Пленных в ходе боевых действий с повстанцами брать не собираемся. Всякий, кто будет захвачен с оружием в руках... расстреливается на месте"¹²⁷¹. Командующий 12-й армией отдал 19 марта 1942 г. директиву "О борьбе с повстанцами в Сербии и Хорватии". В ней говорилось о влиянии битвы под Москвой на оживление движения Сопротивления: "Нужно считаться с тем, что весной в Сербии и в занятой немецкими войсками Хорватии снова начнутся восстания в больших размерах". Для борьбы с такой опасностью и укрепления германского господства в Югославии следует "применять все средства"¹²⁷². Германское командование готовилось бросить против повстанцев крупные силы. По данным П. Морача, в начале 1942 г. 500 тысячам оккупационных войск и 116-тысячному формированию квислинговцев (ушастей, четников) противостояли 80 тыс. югославских партизан¹²⁷³.

Наступление гитлеровцев весной 1942 г. нанесло серьезный урон партизанскому движению в Восточной Боснии, Черногории, Санджаке, Герцеговине. Но в других районах оно активизировалось. В июне 1942 г. началась операция югославских партизан из Черногории против оккупантов в Западной Боснии и Хорватии, которая длилась до января 1943 г. При этом партизаны освободили ряд городов. Деятельность патриотов усилилась и в других районах Югославии. В Словении были сформированы бригады народной армии, в Сербии и Македонии постоянно увеличивалась численность отрядов, во многих областях создавались освобожденные территории - здесь господствовала народная власть.

До конца 1942 г. в югославское партизанское движение влилось еще 150 тыс. бойцов. Их объединили в восемь дивизий и два ударных корпуса Народно-освободительной армии. Соответственно увеличили силы и оккупанты. До конца года число их дивизий возросло до 30. В их рядах находилось вместе с ушастами 830 тыс. человек¹²⁷⁴.

Начинался новый этап движения Сопротивления в различных странах Европы. Летом и осенью 1942 г. завершилось создание Национального фронта во Франции, Фронта независимости в Бельгии, Национально-освободительного фронта в Албании. Партизанское движение в Греции, возникшее сразу после оккупации страны в 1940 г., поднялось на новую ступень. Национально-освободительный фронт (ЭАМ), созданный в сентябре 1941 г. по инициативе коммунистической партии, организовал Народно-освободительную армию (ЭЛАС). Ее действия наносили ощутимый урон оккупантам.

И чем больше нарастали силы антифашистского движения в Европе, тем интенсивнее шел процесс дальнейшего втягивания гитлеровского военного руководства в борьбу против народов, сражавшихся за национальную честь и свободу.

IV

Мощный подъем национально-освободительного движения в Европе в начале 1943 г. потребовал от нацистского верховного командования использования для борьбы на этом новом, столь необычном для него и непредвиденном направлении всех тех военных ресурсов, которые с неимоверными трудностями оно могло как-то высвободить с фронта. Восточный театр сковал фашистский вермахт. Тем не менее, определенную часть того, что

оно еще было в состоянии наскрести, ОКВ бросало на борьбу с народным Сопротивлением. Но поразительно: как ни старались генералы, как ни требовали они на основании уставной тактики сломить "гверилью", ничего не получалось. Методы фашистской "регулярной войны" рассыпала в прах война народная.

С конца 1942 г. верховное главнокомандование вооруженных сил и министерство внутренних дел установили деловой контакт и даже вели некие дискуссии: кто должен выставить больше войск? Генеральный штаб всеми силами помогал Гиммлеру, а тот - генералам из "Вольфшанце". Но когда грянули Сталинград, Курск и 1944 год, оказалось, что ни вермахт, ни гестапо не в состоянии обеспечить фронт внутренней борьбы.

Уже во второй половине лета 1942 г. генеральный штаб сухопутных сил прямо санкционировал массовые убийства мирных жителей для "замирения оккупированных областей на Востоке". По приказу ОКХ от 31 августа 1942 г. создавались специальные "охотничьи команды", которым предстояло буквально "охотиться" за людьми. "Боевой приказ о борьбе с бандитами на Востоке" от 11 ноября 1942 г. требовал "особой твердости". Террор утверждался как лучшее средство деморализации населения. Приказ гласил: не брать пленных, "расстреливать на месте" лиц, имевших на руках оружие.

19 декабря под руководством ОКВ было заключено соглашение военного главнокомандующего на Украине с "высшим СС и полицейфюрером Украины" о широкой полицейской акции против народного Сопротивления.

В начале января 1943 г. Гиммлер просил ОКВ усилить совместные действия вермахта и СС по борьбе с партизанами и проведению "полицейских акций". В ответе рейхсфюреру СС от 15 января Кейтель писал: "Вермахт постоянно поддерживает полицию (военными. - Д. П.) силами". Согласно записи в журнале военных действий ОКВ, он "выразил пожелание еще более тесного сотрудничества"¹²⁷⁵. Уже на следующий день части 151-й резервной пехотной дивизии направляются против белорусских партизан. 12 декабря 1942 г. Гиммлер сообщал Гитлеру: в предвидении новых потерь, которые понесет в личном составе полиция "во время ее действий совместно с вермахтом" при борьбе с партизанами, необходимо пополнение в 10 тыс. человек. Кейтель немедленно распорядился отрядить призывников 1925 г. рождения для службы в войска СС. Из них предполагалось сформировать две эсэсовские дивизии. Кроме того, после нового года объявлялся призыв под знамена Гиммлера еще 27 тыс. добровольцев. Однако до конца января 1943 г. удалось получить только 10 тыс.¹²⁷⁶

В записи от 13 января 1943 г. журнала военных действий ОКВ читаем: "Штаб ОКВ просит генеральный штаб сухопутных сил, штабы групп армий "Центр" и "Север" указать, чтобы подготовленная верховным руководителем СС и полицией операция против партизан на границе между рейхскомиссариатом Остланда и армейскими районами Север и Центр была поддержана путем временного тактического подчинения всех сил, которые как-либо могут быть высвобождены"¹²⁷⁷. Иными словами, генеральный штаб ничуть не гнушался подчинять регулярные войска эсэсовцам. Известное особое соединение вермахта "Бранденбург" (диверсионное) получило приказ отправиться в группу армий "Центр" для участия в борьбе с партизанами под руководством гиммлеровских отрядов.

Тылы центрального участка Восточного фронта оставались самым опасным для стратегов из "Вольфшанце" районом борьбы.

Доблестные партизаны Белоруссии сковывали все больше сил гитлеровской армии. Борьба против белорусских патриотов после Сталинграда становилась неразрешимой проблемой. 11 февраля 1943 г. ОКВ запросило генеральный штаб сухопутных сил: какие войска может он ввести в Белоруссию? Оказывается - почти никаких. Все уже использовано.

В журнале военных действий ОКВ имеется на этот счет любопытная запись от 18 февраля 1943 г.: "Так как рейхскомиссар Остланда и уполномоченный по четырехлетнему плану оценивают положение в Белоруссии как неблагоприятное, штаб верховного командования изучает, какие имеются возможности для усиления обороны... 151-я резервная дивизия в настоящее время используется на участке Брест, Минск, Смоленск... Переброска

других резервных дивизий на Восток невозможна. Свободные части особого соединения "Бранденбург" введены в районе Себеж. ОКВ сообщает военному командованию Остланда для осведомления рейхскомиссара, что перемещение новых резервных войск невозможно и что армия в теперешнем положении не может дать дополнительных сил"¹²⁷⁸. Признание звучало более чем пессимистически. Дело в том, что советские партизаны уже осенью 1942 г. выключили многие коммуникации Восточной армии, резко ухудшили ее снабжение и ставили, таким образом, под угрозу стратегические расчеты гитлеровского верховного командования.

Ю. Липперт, тогда руководитель технической группы "Транспортного управления вооруженных сил на Украине", пишет о действиях советских партизан на железных дорогах в период битвы под Сталинградом: снабжение войск в районе Сталинграда требовало ежедневно 60 поездов, однако "в лучшие дни подходило самое большее 30". Чтобы найти выход, в конце октября 1942 г. в Днепропетровске собралась "транспортная конференция на высшем уровне" с участием государственного секретаря министерства транспорта Ганценмюллера, президента железных дорог рейха и др. Но и она не смогла найти выход из положения, ибо требовались все новые и новые войска, а дать их в тех размерах, которые были бы достаточны, истекающий кровью Восточный фронт не мог.

Новый этап в развитии национально-освободительного движения народов Европы в 1943 г. характеризовался быстрым ростом патриотических сил, завершением создания национальных фронтов, укреплением центральных и местных органов движения Сопротивления. Широкого размаха национально-освободительная борьба достигла в странах Юго-Восточной Европы¹²⁷⁹.

Героическая оборона Красной Армией Сталинграда воодушевила партизан Югославии. Иосип Броз Тито 17 октября 1942 г. говорил: "Доблестная Красная Армия уничтожила отборные немецкие дивизии, и Гитлер больше никогда не сможет достигнуть такой мощи, какую он имел в прошлом году. Город-герой Сталинград это пример стойкости, какую может проявить лишь такой народ, каким является советский народ, который сознает, что дала ему советская власть под руководством героической партии большевиков"¹²⁸⁰.

В ноябре 1942 г. началось формирование Народно-освободительной армии Югославии. Развитие антифашистской борьбы, укрепление созданных ранее народно-освободительных комитетов и создание Народно-освободительной армии (НОАЮ) привели к образованию в конце ноября общегославского органа Антифашистского веча народного освобождения Югославии¹²⁸¹.

Осенью 1942 г. в стране начинается новый подъем освободительного движения. Главным очагом вооруженной борьбы стала Западная Босния. Затем борьба распространяется на Хорватию, Сербию, Словению. Фашистское военное руководство активно участвует в борьбе с патриотами, организуя и проводя контрпартизанские операции, репрессии, расстрелы. Бои в Западной Боснии под Ситницей, Самарицей, Сичаком и особенно под Яице (ноябрь 1942 г.) носили крайне ожесточенный характер и сковали значительные немецко-фашистские силы. Их явно не хватало германскому командующему Лёру для одновременных контрударов против партизанских атак.

В последующие недели ожесточенные бои развернулись во многих районах Восточной и Западной Боснии, в районах Двор, Приедор, Сански-Мост, севернее Савы, под Аграмом, Тузла, Белин, Зворник, Баня-Лука и в других местах, требуя новых и новых сил. Борьба за Яице приобрела затяжной, очень упорный характер. Она продолжалась до середины декабря 1942 г. Генерал Лёр вынужден был распылять имевшиеся у него в то время семь дивизий по самым различным направлениям, ибо неуловимые партизаны возникали везде, в неожиданных местах, буквально кругом и нигде не давали педантичному генералу создать "центр тяжести", построить как полагается боевые порядки, рассчитать время, привычно сосредоточить ударную группу. Все шло "не так, как полагается".

"Вольфшанце" тревожили растущие удары югославских и греческих партизан по железным дорогам, гривившие, как и на Восточном театре, выключить стратегически очень

важную балканскую транспортную сеть. В 20-х числах ноября ОКВ было озабочено двумя дерзкими нападениями партизан на немецкие эшелоны с личным составом, следовавшими подряд один за другим севернее Савы. "22 вагона в огне", - отмечал журнал военных действий ОКВ¹²⁸².

В ставку Гитлера приходили известия одно другого хуже. Из Греции (25 ноября): "В 15 км севернее Ламин итальянский поезд с войсками и боеприпасами наехал на заграждение, шесть вагонов разбиты, взрывы боеприпасов, убитые и раненые". Из Сербии (1 декабря): "Железная дорога Ниш - София временно повреждена взрывами мин". Из Хорватии (5 декабря): "Усилившаяся деятельность повстанцев, особенно поджигателей, и нападения на железнодорожные станции; в районе севернее и восточнее Аграма взорван поезд с продовольствием". Из района Белграда (8 декабря): "На линии Аграм - Новска поезд с продовольствием наехал на мину. Движение временно прервано". Днем раньше: "Юго-восточнее Сплита нападение на итальянскую автоколонну, 23 итальянца убито, 15 ранено". Из Западной Боснии (10 декабря): "Железная дорога Бос. Нови - Костаница прервана. Саботаж на главном участке Аграм - Белград... Движение временно прервано". Снова из Хорватии (12 декабря): "Множество нападений на линии железных дорог, в настоящее время значительный материальный ущерб. Главные линии Аграм Новска и Аграм - Сичак временно прерваны минами". Наконец "обобщающие данные" журнала военных действий ОКВ от 13 декабря: "Сербия. Линии железных дорог прерваны взрывами мостов"¹²⁸³.

Бесконечную цепь донесений подобного рода из Югославии ставка Гитлера получала почти ежедневно в последние месяцы 1942 г. Особенно тяжелыми оказались для ОКВ рождественские праздники. "Поздравления" югославских партизан выглядели так. 22 декабря журнал военных действий ОКВ сообщает: "Севернее Савы: немецкий военный поезд потерпел крушение в 60 км западнее Брод. 18 солдат убито, 11 тяжело ранено, 12 легко... В 25 км восточнее Сичака обстрелян немецкий военный поезд. Еще два нападения на железные дороги на второстепенных участках". 25 декабря: "Главная линия Белград - Салоники закрыта из-за разрушения колеи у станции Младеновац... Движение поддерживается путем объезда". А в ночь под Новый год, 31 декабря: "Греция: в 35 км северо-восточнее Ларисы саботаж на железнодорожной линии путем ослабления шин. Локомотив и один вагон сошли с рельсов"¹²⁸⁴.

Транспортная сеть на Балканах оказалась беззащитной под ударами диверсионных групп. У нее, как у тяжелобольного, выключался то один, то другой орган. Постоянно грозил общий паралич. В глазах руководителей германского генерального штаба прямым следствием транспортной анемии могла стать изоляция Балкан в момент вторжения союзников, которого здесь ожидали, резкое ослабление позиций в Юго-Восточной Европе, ослабление связи с южным участком советско-германского фронта.

По мере роста антифашистской борьбы народов балканских стран германский генеральный штаб и его представители на местах действовали все более свирепо. Вместе с эсэсовцами, зондеркомандами, эйнзатцгруппами, воплощавшими в себе всю бесчеловечность нацизма, во многих случаях действовали и регулярные части вооруженных сил, командиры которых старались точно выполнять приказы своего верховного руководства.

Журнал военных действий ОКВ сохранил позорные записи-доказательства: высший орган военного командования вооруженными силами третьего рейха не отличался в своих действиях от гиммлеровских мастеров заплочных дел. Генеральный штаб не только организовал драконовские карательные экспедиции, расстрелы мирных людей и патриотов, но даже вел деловую калькуляцию преступлений. Вот лишь незначительные выдержки из записей журнала.

14 ноября 1942 г. "Сербия. Из-за саботажа на связи арестовано 20 заложников. У Лешковаца расстреляно 15 повстанцев". 1 декабря "Севернее Савы: 29 повстанцев расстреляно". 3 декабря. "8 расстрелов, 32 ареста", 6 декабря "22 расстрела, 26 арестов". 7 декабря. "Сербия: во всем районе 19 арестов. 9 коммунистов... расстреляно". 8 декабря. "Сербия: в Белграде 24 ареста, 11 коммунистов расстреляно". 9 декабря. "Сербия:

расстреляно 25 заложников"1285.

Потрясающие сведения получаем из записи, сделанной 25 декабря 1942 г.: "В Белграде 23 ареста. В Младеноваце (50 км юго-восточнее Белграда) на открытой улице выстрелами коммунистки тяжело ранены 2 немецких офицера, преступница во время бегства сама застрелилась. В качестве предварительной карательной меры расстреляно 50 подозреваемых коммунистов"1286. И так день за днем, неделя за неделей статистика преступлений, не имеющих ничего общего ни с моралью, ни с "военной этикой", о которой после войны нередко говорили идеологические защитники вермахта.

Мы просим читателя обратить особое внимание: эти записи цитируются не из бесчисленных, известных всему миру документов канцелярий Гимmlера, Эйхмана или Кальтенбруннера, а из официальных, предназначенных для истории материалов высшего штаба военно-стратегического руководства, того самого генерального штаба, который германские милитаристы всегда хотели представить как "святая святых" и для спасения чести которого после второй мировой войны прилагали геркулесовы усилия, постоянно входя в конфликт с исторической правдой. Да, эти материалы вошли в историю. Но как свидетельства совершенно иного рода, чем тот, на который рассчитывали "летописцы".

До конца 1942 г. НОАЮ освободила одну пятую территории страны - около 45 тыс. кв. км. В рядах армии сражались теперь 2 корпуса, 8 дивизий, 31 бригада, 36 партизанских отрядов. Этими силами патриоты сковали 18 итальянских, 6 немецких дивизий, части трех венгерских соединений и квислинговские военные формирования1287.

Подъем освободительной борьбы ухудшил позиции германо-итальянских оккупантов на Балканах. Поэтому они стали готовить широкие операции для уничтожения Народно-освободительной армии. Решение, принятое в гитлеровской ставке в декабре 1942 г., предусматривало новое крупное наступление, чтобы "до весны усмирить Югославию"1288.

Чем тяжелее становилась для Германии обстановка на Восточном фронте, чем больше дивизий вермахта перемалывала Красная Армия, тем больше отток фашистских сил из Европы стимулировал активные выступления против захватчиков патриотов Польши, Чехословакии, Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии и других европейских стран. И тем создавался все более благоприятный морально-психологический климат для Сопrotивления.

В Чехословакии по инициативе компартии был создан Национально-революционный комитет, ставший центральным политическим органом антифашистской борьбы. В совместном воззвании ЦК КПЧ и центрального руководства национального Сопrotивления была изложена широкая программа национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов против оккупации и фашистского насилия. После разгрома гитлеровцев под Москвой последовала серия организованных чешскими подпольщиками железнодорожных катастроф, диверсий на военных заводах, расширялось издание нелегальной антифашистской литературы. Росло количество боевых групп. Убийство чешскими патриотами гитлеровского наместника Гейдриха в мае 1942 г. вызвало новую волну массового террора со стороны оккупантов.

Но не переставали сражаться в горах Словакии партизанские группы "Яношиковы боевые дружины", руководимые коммунистами. Центральный Национально-революционный комитет коммунистов Словакии призвал патриотов на борьбу, чтобы национально-освободительное движение переросло в национальное восстание словацкого народа.

Когда в 1943 г. Красная Армия нанесла по гитлеровским войскам ряд сокрушительных ударов, движение Сопrotивления в Чешских землях и в Словакии расширилось еще больше. Число партизанских отрядов увеличивалось. В ряде районов Чехословакии образовались центры партизанского движения. При помощи и при широкой поддержке Советского Союза, под руководством КПЧ антифашистское движение Сопrotивления постепенно перерастало в национальное восстание.

Польские патриоты от стихийных, разрозненных выступлений переходили к массовой борьбе. Вновь созданная Польская рабочая партия в начале 1942 г. призвала к образованию "второго фронта в тылах гитлеровской армии". Боевая сила партии - Гвардия Людова стала

военным авангардом польского народа. Отряды непрерывно активизировались. Сотни поездов летели под откос. Горели железнодорожные станции, полицейские участки, волостные управления. Польские партизаны нападали на гитлеровские войска, штабы, освобождали из тюрем патриотов. Создание в конце 1943 г. демократического национального фронта и его центрального органа (Крайовой Рады Народовой) способствовало при широкой помощи Советского Союза дальнейшему развитию национально-освободительной борьбы, которая стала превращаться в народно-демократическую революцию.

Движение Сопротивления во Франции после начала Великой Отечественной войны быстро ширилось. Только с июля 1941 г. по февраль 1942 г. французские патриоты провели 380 вооруженных нападений на оккупантов. Фашисты ответили массовыми арестами и казнями заложников по приказам военных властей и их главы генерала Штюльпнагеля. Но репрессии лишь усиливали ненависть народа и способствовали объединению представителей различных его слоев и взглядов для борьбы против нацистского террора. Патриоты бросали бомбы в оккупантов даже днем на улицах Парижа. В конце 1942 г. установилось сотрудничество между КПФ и движением "Сражающаяся Франция", возглавляемым де Голлем, с общей задачей подготовки всенародного восстания.

Особенно большой размах французское движение Сопротивления приняло летом и осенью 1943 г. после новых поражений вермахта на советско-германском фронте. Рабочие, молодежь уходили к партизанам, избавляясь от угона в Германию и трудовой повинности. За 1943 г. партизаны совершили 2009 диверсий на железных дорогах. Они взрывали шлюзы, выводили из строя линии электропередач, нападали на вражеские казармы, военные гарнизоны, отряды, дома, где находились оккупанты, и т. д. Все основные организации Сопротивления с конца 1943 г. включились в созданную теперь единую антифашистскую армию - французские внутренние силы, позволявшую осуществлять централизованное руководство вооруженной борьбой против оккупантов на территории всей страны. Созданная коммунистами и другими организациями Сопротивления армия патриотов, достигшая вскоре полумиллиона человек, стала значительной силой, сыгравшей немаловажную роль в освобождении Франции.

V

Масштабы партизанского движения на оккупированной территории Советского Союза непрерывно расширялись. Быстро увеличивалась численность партизанских отрядов, нарастал размах их действий. Мощные партизанские края и зоны, образовавшиеся еще в 1942 г. в ряде областей РСФСР, на Украине, в Белоруссии, превратились в серьезную базу всенародной борьбы. Летом 1943 г. под контролем партизан в тылу гитлеровских войск находилось свыше 200 тыс. кв. км¹²⁸⁹. Все более тесным становилось взаимодействие партизан, подпольщиков с Красной Армией. "Партизаны активно участвовали почти во всех операциях советских войск"¹²⁹⁰. Весной 1941 г. соединения украинских партизан под руководством П. П. Вершигоры, А. Ф. Федорова и других оттянули на себя значительные силы гитлеровских войск.

В трудах видных советских организаторов и участников борьбы в тылу врага, в работах историков - П. К. Пономаренко, А. Ф. Федорова, Г. М. Линькова, С. А. Ковпака, П. П. Вершигоры, Д. И. Медведева, И. Х. Козлова, М. И. Семиряги, В. И. Клокова и других - дается широкая картина героической борьбы советских партизан, против которой оказались бессильны гитлеровские регулярные войска, эсэсовцы, зондеркоманды. В этих работах раскрыты не только методы партизанской войны, но и действия воинских соединений вермахта, прилагавших максимум усилий, чтобы сломить патриотов.

Особого эффекта партизаны достигали атаками по железным дорогам. Удары партизанских отрядов и диверсионных групп по коммуникациям приняли настолько широкие масштабы, что стали одной из причин переноса сроков операции "Цитадель" - наступления на Курской дуге. В начале битвы под Курском, 8 июля 1943 г., штаб верховного

командования вермахта издал доклад о положении партизан за апрель - июнь 1943 г. В нем высшие руководители генерального штаба сообщали: "Деятельность партизан на всем восточном пространстве за последний квартал продолжала усиливаться... Наши мероприятия по борьбе с партизанами, несмотря на ввод крупных сил (так, в южной части района группы армий "Центр" путем отсрочки операции "Цитадель" мы впервые ввели значительные силы для умиротворения главной области деятельности партизан в районе "Брянска), не достигли ожидаемого успеха"1291.

Согласно одному из докладов верховного командования, общее число ударов партизан по железным дорогам в июне 1943 г. составляло 1092 по сравнению с 397 в январе; число приведенных в негодность паровозов - соответственно 409 и 112; взорванных мостов - 54 и 221292. Причину увеличения размаха действий партизанских отрядов генштабисты видели в плохом продовольственном положении населения, в принудительной отправке на работы в Германию и в "других мероприятиях", о сущности которых генеральный штаб предпочитал в докладе умалчивать. Генштабисты жаловались на нехватку сил для "умиротворения восточного населения", выражая мнение, что необходимо сосредоточить больше усилий для охраны железных дорог, но тогда пришлось бы ограничить активную борьбу с партизанами.

После переговоров представителей ОКВ с Гиммлером и его аппаратом в середине июля 1943 г. было принято решение: вопросы "наиболее целесообразного использования сил" вермахта против партизан лучше всего разрешать между "местными командующими" вермахта и СС. Окончательно в таком смысле вопрос был решен на совещании 15 июля Гиммлером, Варлимонт и Цейтцлером.

Операция советских партизан "Рельсовая война", проведенная в августе сентябре 1943 г., и последующие удары буквально потрясли всю систему коммуникаций основных группировок немецко-фашистских войск на Восточном фронте, еще больше усилили неустойчивость их оперативно-стратегического тыла, заставили верховное командование вносить все новые коррективы в распределение сил и в планирование борьбы. "И враг был бессилён противодействовать массовому выступлению советских патриотов в тылу"1293.

ОКВ по настоятельным просьбам Гиммлера с согласия Гитлера приказало направить против белорусских партизан новые контингенты полевых войск. Но очень скоро из-за нехватки дивизий пришлось вернуть войска на фронт. Все же 6 августа штаб верховного командования сообщил Гиммлери: "Военным командирам дано указание все свободные силы подчинять рейхсфюреру СС для его мероприятий"1294. Однако ни у кого никаких свободных сил не имелось. Дела в Белоруссии шли настолько плохо, что в середине августа рейхсфюрер ОС настойчиво просил ОКВ снять часть войск с охраны железных дорог и бросить для "активной борьбы" с партизанами. Йодль ответил, что в настоящее время "ослабление охраны железных дорог невозможно". Тем не менее, "в случае улучшения положения с железнодорожным транспортом" для карательных экспедиций будут немедленно выделены дополнительные войска. Платоническое обещание, конечно, не могло ничего изменить, никакого "улучшения" на железных дорогах не предвиделось, а могло быть одно лишь ухудшение. Партизаны осенью 1943 г. продолжали атаковать железные дороги. Их соединения совершали рейды по глубоким тылам гитлеровских армий на Восточном фронте, повсюду создавая непредвиденные, бесперспективные для стратегов из "Вольфшанце" оперативные ситуации.

В Югославии германское верховное командование решило провести наступление, чтобы наконец сломить сопротивление Народно-освободительной армии. Гитлеровская ставка спланировала операции ("Вейс-1", "Вейс-2"), в которых предстояло действовать совместно германским и итальянским дивизиям под общим руководством немецкого главнокомандующего на Юго-Востоке Лёра. 31 января 1943 г. ОКВ сообщило итальянскому генштабу - "Командо Супремо" - насчет положения дел в Югославии: "Ход операций еще больше, чем во время германо-итальянских переговоров 18 - 19 декабря 1942 г., доказывает угрозу создания коммунистического государства, опасного также и в военном отношении"1295. ОКВ предлагало немедленно приступить к новым крупным совместным

действиям против югославских партизан.

Руководители ОКВ усиленно стремились привлечь для борьбы с "организацией Тито" все больше итальянцев. "Командо Супremo" уклонялось от прямого ответа. Наконец 15 февраля Кейтель решил действовать прямо. Он обратился в Рим к начальнику итальянского генерального штаба Амброзио и заявил: положение северо-западнее Мостара в высшей степени обострилось. Требуется помощь, взаимодействие немецких и итальянских сил, причем в ближайшее время решено перегруппировать германские и хорватские войска, чтобы "нанести удар во фланг и тыл наступающим на Мостар коммунистам". Ответ Амброзио разочаровал: он "сомневается, что удастся уничтожить организацию Тито"¹²⁹⁶.

Борьба против национально-освободительного движения в Югославии поднималась до оперативных и даже стратегических масштабов. В конце февраля 1943 г. Варлимонт и Риббентроп полетели в Рим для переговоров о совместных операциях в Югославии и о "новой обстановке, сложившейся в районах добычи бокситов у Мостара в связи со вступлением туда сил Тито"¹²⁹⁷. Вопрос рассматривался в плане растущих опасений десанта союзников на Балканах.

Скромные успехи совместных германо-итальянских операций до весны 1943 г. журнал военных действий ОКВ комментировал так: "Способность противника произвести высадку большого размаха на Балканах, которая оказала бы решающее влияние на общее ведение войны (румынские нефтяные районы, черноморский фланг), требует, чтобы в тылу германо-итальянских сил, введенных на побережье, господствовало полное спокойствие. Совместная операция против государства Тито... не привела к ожидаемому успеху"¹²⁹⁸.

Гитлеровское командование обрушило на Югославию новые волны жесточайшего террора. 25 июля Кейтель передал командующему на Юго-Востоке Европы приказ: совершенные в последние дни акты саботажа требуют самой суровой кары. Наказание виновных "производить таким образом, чтобы вызвать страх самых широких кругов"¹²⁹⁹.

За 1943 г. германское командование провело три больших наступления на войска НОАЮ. Патриоты были вынуждены оставить ряд освобожденных районов. Но численность Освободительной армии увеличилась за то же время втрое, ряды ее крепили. Из планов "окончательной ликвидации народно-освободительного движения", конечно, ничего не вышло.

Анализируя характер движения Сопротивления в каждой из балканских стран, Лёр приходил к выводу о наличии в Югославии "советского государства с хорошим гражданским управлением и упорядоченной военной организацией", численностью около 100 тыс. человек¹³⁰⁰. Называя это государство "Областью Тито" и считая его "опаснейшим противником", генерал заключал: если не удастся в ближайшие месяцы нанести ему решающее поражение, "произойдет объединение всех коммунистических сил, и оборона побережья станет невозможной"¹³⁰¹. Больше того, предостерегал встревоженный каратель, "отныне надо говорить о создании или предотвращении формирования большевистского района борьбы на Юго-Востоке, у границ рейха"¹³⁰².

Что же мог предложить генеральный штаб для устранения столь грозной опасности? Только снова и снова подавление патриотов, новые "операции" против них. Теперь под названием "Кугельблиц" и "Адлер" с расшифровкой: "Разгром сил Тито и продолжающееся занятие всей страны немецкими войсками"¹³⁰³. Но для этого Лёр просит новых соединений. А их, как известно, нет. Более того, пришлось перебросить на Восточный фронт единственную имевшуюся к тому времени на Балканах танковую дивизию.

10 ноября 1943 г. командующий на Юго-Востоке доносил в ОКВ: он "рассматривает теперь борьбу против Тито как важнейшую задачу, еще более важную, чем охрану побережья"¹³⁰⁴. "Так как расположенные здесь силы значительно ослаблены ввиду перебросок на Восток, - отмечал журнал военных действий ОКВ, - ему (т. е. Лёру. - Д. П.) было сообщено: все же фюрер одобрил предложение о привлечении для операции "Кугельблиц" 1-й горной дивизии из Греции".

Наступление против НОАЮ в начале декабря 1943 г. (операция "Кугельблиц") не принесло успеха. "Об окружении не может быть и речи", - сообщал штаб командующего на Юго-Востоке 7 декабря. Прошло еще пять дней боев, и его доклад гласил: "Против ожидания мероприятие "Кугельблиц" до сих пор не привело к боевым действиям первостепенного значения". Иодль при обзоре общего положения в "Крепости Европа" за последние числа 1943 г. отмечал: на Балканах приходится держать 700 тыс. человек¹³⁰⁵. Это были преимущественно германские войска.

Неуклонное расширение борьбы народов в тылу врага на временно оккупированных территориях Советского Союза, на Балканах, в Польше, Чехословакии, в Западной и Северной Европе в конце 1943 г. и в 1944 г. все больше усложняло обстановку для германского верховного командования. Многочисленные факты и документы, свидетельства участников, послевоенные процессы над гитлеровскими преступниками, в частности материалы Нюрнбергского процесса, неопровержимо доказали непосредственное участие различных звеньев руководящего военного аппарата третьего рейха в злодеяниях фашизма в 1944 г.

Карательные функции, которыми руководили управление имперской безопасности и некоторые органы сухопутных сил в оккупированных областях, стали настолько идентичны, что временами возникали даже недоразумения относительно разграничения компетенции СС и вермахта в совместных "экспедициях". В таких случаях приходилось обращаться к высшему начальству. Из штаба верховного главнокомандования 16 октября пришло разъяснение: "Генеральный штаб сухопутных сил и рейхсфюрер СС должны в оккупированных областях подавлять партизан и для этого достигать соглашения на местах"¹³⁰⁶. "Верхи" полностью объединялись и целиком доверяли "низам", где также господствовало согласие.

Но, несмотря ни на какие меры, гитлеризм оказался в конечном итоге банкротом. Чем успешнее вооруженные силы стран антигитлеровской коалиции громили фашизм, тем ярче горело за линией фронта пламя народной борьбы. В Словакии летом 1944 г. словацкие и советские партизаны контролировали значительную часть территории. Начавшееся в конце августа Словацкое народное восстание вместе с наступлением Красной Армии создало благоприятные условия для победы национальной и демократической революции в Чехословакии.

Партизаны Чехословакии только в октябре 1944 г. на словацкой территории пустили под откос 26 поездов, взорвали 21 мост, уничтожили 207 автомашин. Только до 20 января 1945 г., когда партизанская борьба еще далеко не завершилась, от руки чешских патриотов потерпели крушение 200 военных поездов. Когда советские войска вступили на территорию Чехословакии, партизанские отряды объединились с освободительным наступлением.

Стремительное продвижение Красной Армии в Польшу создало предпосылки для дальнейшей активизации польских сил Сопротивления. В ходе длительной борьбы с нацистским режимом, обрекавшим польскую нацию на уничтожение, отряды патриотов нанесли врагу крупный урон. Они уничтожили десятки тысяч гитлеровцев. Только в 1944 г. польские партизаны провели (по неполным данным) 904 операции, в том числе 120 крупных боев, и уничтожили при этом 19 450 фашистских солдат и офицеров. В результате ударов по коммуникациям железнодорожное сообщение на оккупированной территории Польши было прервано в общей сложности на 4722 часа.

На завершающем этапе борьбы регулярные соединения вермахта оставались активной силой против антифашистского движения в Польше. Чрезвычайно наглядным в этом отношении было участие войск немецко-фашистской армии в подавлении Варшавского восстания. Спровоцированное польской эмигрантской реакцией и ее представителями в Польше, без согласования с командованием Красной Армии и другими военными организациями в Варшаве, восстание длилось более двух месяцев. Всю возможную помощь повстанцам оказало советское командование.

Подавление восстания гитлеровцами осуществлялось по прямому требованию генерала Гудериана, в то время начальника генерального штаба сухопутных сил. Преступная по методам и цели борьба с Варшавским восстанием была делом рук не только эсэсовцев фон дем Бах Зелевского, но и 9-й армии, входившей в состав группы армий "Центр". 3 октября 1944 г. командующий армией от себя и от имени командующего группой Моделя поздравил "всех солдат сухопутных сил, войска СС, авиации, полиции и всех других, кто с оружием в руках участвовал в подавлении восстания"¹³⁰⁷. Ведя совместную с эсэсовцами борьбу против гражданского населения польской столицы, вермахт превратил Варшаву в руины.

Но "Варшавское восстание переросло своих безответственных вдохновителей и стало массовым патриотическим выступлением населения города, ставившего своей целью помочь наступающей Красной Армии изгнать ненавистных гитлеровских оккупантов. Именно таким это восстание останется в памяти польского народа¹³⁰⁸.

Борьба народов в тылу врага, вызванная к жизни справедливыми целями войны против нацистских агрессоров и их "нового порядка", стала фактором стратегического значения. На советско-германском фронте немецко-фашистские войска, действовавшие против партизан, с лета 1942 г. составляли в среднем около 10% всех сухопутных сил фашистской Германии, находившихся на этом фронте¹³⁰⁹. Согласно статистике историка ГДР Г. Кюнриха, специально против советских партизан гитлеровское военное руководство ввело в общей сложности 25 дивизий вермахта, 327 543 эсэсовцев, солдат и офицеров СД и полиции, около 500 тыс. вспомогательных войск¹³¹⁰.

Таков был прямой военный вклад национально-освободительной борьбы народов Европы в общее дело разгрома фашизма.

Глава восьмая. Катастрофа

Кульминация

I

Приближалось лето сорок четвертого года. Вряд ли кто-нибудь и в стане агрессоров, и, тем более, в лагере антигитлеровской коалиции сомневался, что оно принесет всем участникам борьбы важные, быть может решающие, события. Нацисты напряженно ожидали новых ударов Красной Армии на Востоке и возможной высадки союзников на Западе.

Еще три года назад ставка Гитлера горячо и настойчиво стремилась к войне кратковременной, скоротечной. Теперь она не желала ничего кроме затягивания войны. "Позиционность", казавшаяся три года назад проклятием, теперь превратилась в желанное высшее благо. Закрепиться, отсидеться, остановить на неподвижных фронтах этот мощный вал с Востока, который неумолимо и грозно накатывался на рейх, дожидаться политических конфликтов в лагере противника, которые обязательно наступят и чудесно повернут ход событий, - такой стала теперь главная мечта обитателей "Вольфшанце", все еще цепко державших в своих руках захваченное ими "право" действовать от имени германского народа. В ставке Гитлера учащено, с переборами, но все еще гулко билось сердце фашистского вермахта, распластанного на Европе, давящего ее бесчисленными щупальцами, внушая вот уже пять лет ненависть сотням миллионов людей.

Ставка верховного главнокомандования нацистской военной машины, окруженная непроницаемой тайной, постепенно делала войну тайной и для себя. Фашистский главарь хотел слышать только хорошее, и его лизоблюды старались, как могли, подкрашивать вести с фронта, чтобы они если уж не ласкали ухо фюрера - где теперь до нежностей, - то хотя бы не вызывали его бешеного гнева, который обрушивался на них самих. Война становилась для сидящих здесь все абстрактнее, они передвигали на штабных картах свои дивизии, обозначенные синим цветом, как шахматные фигурки, и отдавали приказы, которые со временем все меньше отвечали происходившему на полях сражений. И лишь с огромным трудом они осознавали, что неумолимо идет великое Освобождение Европы.

Гитлеровские генералы, кое чему наученные прошлой осенью и зимой, теперь не могли высокомерно убеждать себя, будто Советский Союз "истощен", а резервы его "иссякли" лишь потому, что им этого очень хотелось. Со страхом прислушивались они к ненадежной тишине временно остановившегося Восточного фронта. Они старались понять дальнейшие планы советской стратегии, чтобы потом как можно лучше расставить свои силы. Днем и ночью напряженно работал нацистский центр по руководству войной. Сотни вышколенных генштабистов, склоняясь над картами, изучали данные, всасываемые сюда из разных мест расчлененного на сотни дивизий гигантского фронта. Эти данные затем переплавлялись в особой важности доклады о наиболее вероятных действиях главного противника и о необходимых контрмерах.

Детальный анализ, оконченный в принципиальной своей части уже в первой половине мая, позволил сделать очень важные выводы о намерениях Советского Верховного Командования, которые затем и были положены в основу всех расчетов германской стратегии на лето сорок четвертого года.

Германские высшие штабы не сомневались, что перерыв, наступивший в боевых действиях Красной Армии, как говорилось в анализе обстановки, данной генеральным штабом, "не должен привести к ложному заключению, что Советский Союз в людском и материальном отношении не в состоянии продолжать решительные наступательные операции". Наоборот, теперь в ОКХ исходили из неизбежности возобновления наступления Советского Союза, "которое по силе не уступит наступательным действиям последних месяцев".

Главный вопрос заключался, конечно, в том, чтобы определить, где же Красная Армия нанесет предстоящим летом свой главный удар. Тщательное исследование этой проблемы

привело нацистских стратегов к следующим заключениям.

Советское военное руководство имеет две возможности продолжать наступление: первая - нанести главный удар в районе Балтийского моря или, как называли немецкие генштабисты эту предполагаемую операцию Красной Армии, "балтийская". Вторая возможность - сосредоточить главные усилия против Балкан и провести "балканскую операцию". Что же выберет Красная Армия?

"Балтийская операция", т. е. по расчетам ОКХ, наступление из района Луцка и Ковеля через Варшаву на северо-запад к побережью Балтийского моря, могла бы стать "очень смелой операцией". Однако Советский Союз не пойдет на нее, потому что не захочет вторгаться непосредственно на территорию Германии, где встретит упорное сопротивление и не сможет "преобразовать политическую структуру германской империи", и это сделает всю операцию бесперспективной.

Другое дело - на Балканах. Гитлеровские стратеги не сомневались, что советское командование изберет на лето именно второй вариант действий и будет наступать главными силами только на Балканы. Причем Красная Армия не станет медлить с ударом, ибо ей нужно опередить союзников, которые готовятся двинуть силы в том же направлении.

Наступление советских войск в летней кампании произойдет, заключили гитлеровские стратеги, между Черным морем и Припятью, чтобы через Румынию и Венгрию ударить на Балканы "и распространить сферу русского влияния на Средиземное море".

Чем же, рассуждали в германской ставке, выгоден Советскому Союзу "балканский вариант"? Прежде всего тем, что на Балканах будто бы расположены "политически колеблющиеся и большей частью коммунистически настроенные государства". Над ними, дескать, легче одержать победу. С другой стороны, реализация "балканской операции" позволит Советскому Союзу выйти к Дарданеллам и занять подступы к Средиземному морю, что якобы "составляет давнюю цель России". Германская разведка на Восточном фронте уверенно сообщала: по всем данным, советское командование решилось на "балканскую операцию".

Что же касается тех сил Красной Армии, которые расположены севернее Припяти, перед центральным районом германского фронта, т. е. в Белоруссии, и перед северным участком, на подступах к Прибалтике, то здесь летом ожидалось лишь слабые, "сковывающие" действия. Правда, на прибалтийском участке фронта, по мнению генерального штаба, следовало считаться с возможностью более энергичного наступления, чтобы разорвать германский фронт, отрезать Финляндию и затруднить германское судоходство на Балтике.

Такая вполне законченная концепция фашистского генерального штаба, плод длительного анализа, многочисленных обсуждений, сопоставления данных, труд многих генштабистов, все еще твердо веривших в свое непревзойденное умение тонко и глубоко проникать в любые замыслы врага, окончательно сложилась в начале мая 1944 г. Она приняла форму "совершенно секретных, особой важности" докладов и, как полагается, легла в основу работы всей длинной иерархии штабных и командных инстанций вермахта.

Общее резюме доклада разведывательного отдела Востока, штаба сухопутных войск, посвященного вероятным действиям Красной Армии летом 1944 г., гласило: "Предстоящее развертывание... по всей вероятности приведет к очень большой потребности в немецких силах на юге Восточного фронта, что требует немедленной подготовки соответствующих немецких резервов". Так все и определилось: русские будут наступать летом 1944 г. "на юге Восточного фронта", на Балканы, поэтому главные немецкие силы и основные резервы необходимо держать тоже там, на юге.

Но все дело в том, что старательный долгий труд гитлеровских "специалистов" стратегического анализа оказался тщетным и глубоко ошибочным. На самом деле расчеты советского командования были совершенно другими. А то, во что долго верили нацистские стратеги из "Вольфшанце", представляло собой лишь результат дезинформации и собственных рассуждений гелертерского толка. Советская стратегия смогла заставить ставку

Гитлера поверить именно в то, что было выгодно для Красной Армии, хотя совершенно не отвечало действительности. И когда нацистские фельдмаршалы все поняли, оказалось поздно.

II

"Приступая к подготовке Белорусской операции, Генштаб хотел как-то убедить гитлеровское командование, что летом 1944 г. главные удары Советской Армии последуют на юге и в Прибалтике"¹³¹¹. Это свидетельство генерала армии С. М. Штеменко очень важно для уяснения причин нового стратегического просчета гитлеровской ставки летом 1944 г.

Уже 3 мая генеральный штаб Красной Армии отдал распоряжение командующему 3-м Украинским фронтом, расположенным на юге: "В целях дезинформации противника на вас возлагается проведение мероприятий по оперативной маскировке. Необходимо показать за правым флангом фронта сосредоточение восьми-девяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией... Ложный район сосредоточения следует оживить, показав движение и расположение отдельных групп людей, машин, танков, орудий и оборудование района". Аналогичная директива пошла и на север - на 3-й Прибалтийский фронт¹³¹². Своего рода дезинформацией являлось также оставление на юго-западном направлении танковых армий. "Разведка противника следила за нами в оба и, поскольку эти армии не трогались с места, делала вывод, что, вероятнее всего, мы предпримем наступление именно здесь. На самом же деле мы исподволь готовили танковый удар совсем в ином месте... Противник сразу клюнул на эти две приманки"¹³¹³.

Да еще как!

Вот выдержки из докладов германской разведки относительно вероятных планов советского командования. Доклады показывают, до какой степени германское высшее военное руководство было введено в заблуждение.

21 мая: "Противник с особой тщательностью подготавливает свои будущие операции, цель которых в целом без изменений следует усматривать в "балканском решении"¹³¹⁴".

30 мая: "И сегодня данные воздушной разведки показывают очень сильную загруженность железнодорожных участков в районе Днепропетровск - Киев - Ровно - Тернополь - Балта... Предполагаемая до сих пор оперативная постановка цели предстоящих операций противника - Балканы - вновь подтверждается".

2 июня: "Обнаруживаются признаки предстоящего крупного наступления против группы армий "Северная Украина"¹³¹⁵".

К середине июня германская разведка в своих донесениях стала жаловаться: планы русских очень трудно распознать. "Из-за мер, принимаемых русскими для сохранения тайны, еще никогда до сих пор не удавалось заранее с достаточной точностью определить день и час начала наступления".

Тем не менее 13 июня германская разведка все еще считает, что "противник придерживается балканского решения", хотя совершенно запутанная, сбитая с толку дезинформирующими сведениями, она уже колеблется и ищет выхода в том, чтобы собственную некомпетентность представить в донесениях в виде... "колебаний советского командования насчет окончательного решения". В том же донесении отдела иностранных армий Востока от 13 июня на этот счет делается следующий вывод: "Если даже основная часть имеющихся сведений и совпадает в том смысле, что противник придерживается балканского решения, то все равно он старается окончательное решение не принимать до конца и принять его в зависимости от развития обстановки". Но Гелен все-таки склоняется к выводу: "Главный удар направляется на Балканы. На втором плане - наступление против генерал-губернаторства"¹³¹⁴.

В середине июня гитлеровская разведка получила некоторые данные о сосредоточении сил Красной Армии и против группы армий "Центр", т. е. в белорусском направлении. Однако советское командование сумело настолько искусно скрыть развертывание войск, что

Гелен пришел к заключению: здесь будет нанесен лишь вспомогательный удар, "чтобы ввести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем".

Самое большее, что германские разведчики считали возможным на центральном участке фронта, это выход советских войск до рубежа Могилев - Орша - Витебск (т. е. на глубину до 50 км). Ожидая трех мощных ударов Красной Армии против группы армий "Северная Украина" и трех ударов против группы армий "Южная Украина", германская ставка сосредоточила в начале июня в этих группах армий, т. е. на юге советско-германского фронта, соответственно 48 дивизий (в том числе десять танковых и моторизованную) и 61 дивизию (в том числе восемь танковых и две моторизованные). Всего в двух южных группах - 109 дивизий, из них 19 танковых и 3 моторизованные, или 48 % всех пехотных дивизии из числа находившихся на советско-германском фронте и 84 % танковых и моторизованных соединений. А в группе армий "Центр" оставалось лишь 47 дивизий.

В те дни, когда не понявшие, что и где следует ожидать, германские разведчики составляли свои прогнозы, советское командование заканчивало приготовление к одной из самых крупных операций второй мировой войны, но не на юге советско-германского фронта, где эту операцию ждали, а в центре, где ее никто не ожидал.

III

Решение разгромить центральную группировку германских армий в Белоруссии летом 1944 г. Советское Верховное Главнокомандование приняло в общей форме, еще когда составляло планы операций на зиму 1944 г. Оперативный план проведения Белорусской операции Генеральный штаб начал составлять с апреля 1944 г.

12 апреля Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии поставила разгром группировки немецких войск в Белоруссии в качестве одной из первоочередных задач на лето 1944 года. Согласно оценке Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, несмотря на то что действия советских войск в зимне-весеннюю кампанию заканчивались большими победами, "немецкие войска сами по себе еще имеют все необходимое для ведения упорной обороны на советско-германском фронте"¹³¹⁶. Что касается предстоящего наступления Красной Армии в Белоруссии, то, по мнению Г. К. Жукова, в успехе можно было не сомневаться. "Во-первых, оперативное расположение войск группы армий "Центр" своим выступом в сторону наших войск создавало выгодные условия для глубоких охватывающих ударов под основание выступа. Во-вторых, на направлениях главных ударов мы теперь имели возможность создать преобладающее превосходство над войсками противника"¹³¹⁷.

22 апреля 1944 г. Ставка вновь рассмотрела вопрос о целесообразности удара летом по белорусской группировке, "с разгромом которой рухнет устойчивость обороны противника на всем западном направлении"¹³¹⁸. К тому же, по мнению И. В. Сталина, "в июне союзники собираются все же осуществить высадку крупных сил во Франции. Немцам теперь придется воевать на два фронта. Это еще больше ухудшит их положение, с которым они не в состоянии будут справиться"¹³¹⁹.

Через несколько дней сложилось окончательное решение: первую наступательную операцию летней кампании провести в июне на Карельском перешейке и на петрозаводском направлении, а затем на белорусском стратегическом направлении. 22-23 мая план Белорусской операции подвергся тщательному обсуждению: мощным ударом четырех фронтов расчленил немецкие силы. Ликвидация витебской и бобруйской группировок немцев откроет перед Красной Армией широкие ворота. "Через них должны были прорваться на территорию Белоруссии огромные массы подвижных войск"¹³²⁰. Затем 3-й и 1-й Белорусские фронты нанесут сходящиеся удары на Минск и окружат восточнее столицы Белоруссии главные силы 4-й немецкой армии. "Окружение противника на глубине 200-250 км могло привести к образованию в его обороне стратегической брешы в несколько сот километров. Естественно, враг не смог бы быстро закрыть ее. В таких условиях советское командование получало возможность ввести новые силы, расширить фронт наступления,

освободить всю Белоруссию, часть Литвы и Латвии"1321.

Маршал Советского Союза А. М. Василевский пишет: "Предполагалось, что успешное выполнение такого решения позволит Советскому Верховному Главнокомандованию полностью освободить в дальнейшем всю территорию Белоруссии, отбросить все еще нависавший над Москвой и более опасный для нее фронт под Смоленском и Витебском, выходом на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии рассечь стратегический фронт врага, поставив в крайне опасное положение действующую в Прибалтике группу армий "Север", создав выгодные предпосылки для нанесения последующих ударов по врагу как в Прибалтике, так и в западных районах Украины и для развития новых более глубоких и решающих операций на наиболее уязвимых для него восточно-прусском и варшавском направлениях"1322. Чтобы отвлечь максимум немецких сил от центрального участка советско-германского фронта, генеральный штаб Красной Армии и провел дезинформацию, о которой говорилось выше и которая вполне удалась. "Для успеха предстоящей операции это было очень важно, так как, по данным нашей разведки, главное командование немецких войск ожидало первый летний удар с нашей стороны на Украине, а не в Белоруссии"1323.

Советское командование создало для наступления мощную группировку войск: свыше 1430 тыс. человек - 166 дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, более 31 тыс. орудий и минометов, 5200 танков и самоходных орудий, около 5 тыс. боевых самолетов и т. д. Вечером 21 июня 1944 г. советские войска стояли наготове для нового сокрушительного удара по фашизму.

IV

Летнее наступление Красной Армии в Белоруссии открылось в третью годовщину начала гитлеровской агрессии против Советского Союза мощными ударами артиллерии, авиации, масс танков и пехоты. Разгорелись ожесточенные сражения на земле и в воздухе. За шесть дней войска Красной Армии разгромили немецкие фланговые группировки под Витебском и Бобруйском. Танковые и механизированные соединения прорвались на 100-150 км. Внезапность оказалась потрясающей. Все спуталось и перемешалось в германских войсках и в штабах. Фронт, старательно укрепляемый в течение двух лет, начал рушиться прежде, чем верховное командование успело понять, что произошло, и обдумать контрмеры. По масштабам пространства, которое сразу оказалось в уничтожающем огне, по размаху и мощи это наступление оказалось не сравнимым ни с чем.

"Уже с самого начала наступления 22 июня, в день 3-й годовщины операции "Барбаросса", под верховным главнокомандованием маршалов Жукова и Василевского, - пишет Ф. Гейм, - обнаружилась мощь, которая превзошла все, чего опасались. Она разрушила самые смелые надежды... Превосходство врага в воздухе было полным. Партизанские отряды, руководимые Центром, незадолго до этих событий прервали на какое-то время все железнодорожные пути сообщения в тылу"1324.

Хотя Цейтцлеру, находившемуся в штабе группы армий "Центр" в Минске, еще 24 июня было сообщено о более чем тревожном развитии дел, в ОКХ и ОКВ продолжали думать, будто речь идет лишь о потере передовой позиции. В ставке не согласились дать разрешение на отход, который уже совершался без всяких разрешений под ударами наступавших советских войск. В ОКВ говорили: утрата Витебска произвела бы тяжелое впечатление на финнов, обороняющихся на Карельском перешейке. Поэтому гарнизон Витебска должен сражаться до последнего человека. Вскоре солдаты "витебской крепости", за малым исключением, сложили оружие. 26 июня фельдмаршал Буш отправился к Гитлеру в Бергхоф. Здесь он снова получил разрешение допускать лишь "местные, шаг за шагом проводимые коррективы фронта".

К 27 июня германское военное руководство стояло перед фактом, что позиция группы армий "Центр" прорвана на широком фронте. Гитлер, срочно вернувшийся из Бергхофа в "Вольфшанце", в приказе, изданном на следующий день, категорически потребовал

"приостановить наступление Красной Армии" на линии Чудское озеро Березина - Лепель и севернее. Он обещал для поддержки три танковые и одну пехотную дивизии, снятые с соседних участков. Этим же приказом разрешался для глубоко охваченных 4-й и 9-й армий прорыв на запад. По мнению ОКХ, все зависело теперь от того, сумеют ли армии вырваться из-под угрозы окружения. Но они не сумели. Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии 28 июня дала указание фронтам увеличить темпы наступления, занять Минск и восточнее его окружить основные силы группы армий "Центр".

В тот же день в штабе группы пришли к выводу: "Противник поставил перед собой гораздо более широкие цели, чем это предполагалось вначале". Фельдмаршал Буш исступленно требовал подвода новых крупных сил, а Цейтцлер панически сообщал в ОКВ, что общее развитие событий "далеко выходит за рамки задачи группы армий "Центр" и требует крупных решений"¹³²⁵. Гитлер, Кейтель и Йодль отклонили предложение Буша отвести группу армий "Север" и отстранили его от должности. Здесь вновь появляется Модель - последняя надежда фюрера в катастрофических ситуациях.

Новый командующий немедленно потребовал передать группе армий "Центр" из группы "Север" две дивизии и, кроме того, две дивизии из ОКВ. Более чем скромные пожелания!

Уже 30 июня Моделю, получившему также задание координировать действия групп армий "Центр" и "Северная Украина", стало ясно, что на линии, которую Гитлер приказал удерживать, нельзя остановить бегущие войска. Более того, она уже потеряна и нет никаких шансов ее возвратить. На южном участке наступления советских войск в этот день танковые силы 1-го Белорусского фронта продвигались через Слуцк на Столбцы, а на севере под Лепелем остатки гитлеровской 3-й танковой армии были отброшены к озеру Нарочь. 2 июля Модель вынужден был сделать тяжкое признание: больше невозможно удерживать Минск и тем продолжать попытки спасти окруженные войска 4-й и 9-й армий. Неотложную задачу он теперь видел в том, чтобы остановить фронт дальше к западу. Для этого ему нужны немедленно четыре дивизии и еще одна специально для обороны Вильнюса. Кроме того, глубже в тылу необходимо создать новый фронт, что также требует дивизий.

Тем временем советские войска вступили в Минск и завершили окружение 100-тысячной немецкой группировки. Верховное Главнокомандование Красной Армии, учитывая отсутствие организованного немецкого фронта, 3 июля, в день освобождения Минска, решило продолжать наступление и к 10-12 июля достигнуть Даугавпилса, Вильнюса, Слонима, чтобы в дальнейшем выйти к западным границам Советского Союза. Темпы наступления четырех фронтов нарастали.

Гитлеровское военное руководство не смогло противопоставить советскому наступлению каких-либо продуманных и активных контрдействий. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: "Наблюдая и анализируя тогда действия немецких войск и их главного командования в этой операции, мы, откровенно говоря, несколько удивлялись их грубо ошибочным маневрам, которые обрекали войска на катастрофический исход. Вместо быстрого отхода на тыловые рубежи и выброски сильных группировок к своим флангам, которым угрожали советские ударные группировки, немецкие войска втягивались в затяжные фронтальные сражения восточнее и северо-восточнее Минска"¹³²⁶.

К середине июля войска Красной Армии вышли к Неману, освободили часть Литвы, включая Вильнюс, стремительно выдвигались к Бресту. Фронт наступления ширился. В августе он уже охватывал территорию от Финского залива до Карпат. Путем крайних усилий, перебросив с июня до конца августа из групп армий "Север", "Северная Украина", "Южная Украина" 28 дивизий, а из Германии, Польши, Венгрии, Норвегии - еще 18 дивизий, германское командование с трудом восстановило фронт. Но теперь он проходил не в Белоруссии, а по Нареву и Висле.

Генерал Гудериан вспоминает: "На главных направлениях (Варшава и Рига) наступление, казалось, будет продолжаться безостановочно. После 13 июля наступление стало распространяться на участок фронта группы армий "А"... В результате этого удара

группа армий "Центр" была уничтожена... В результате этих потрясающих событий Гитлер в середине июля переместил свою ставку из Оберзальцберга в Восточную Пруссию. Все наличные силы были брошены на развалившийся фронт. Фельдмаршал Модель, командующий группой армий "А", был назначен вместо фельдмаршала Буша командующим группой армий "Центр", вернее говоря, - командующим "пустым пространством"¹³²⁷.

Поражение группы армий "Центр" в Белоруссии означало, что 17 немецких дивизий были полностью уничтожены, 50 дивизий понесли потери до 70% состава. Восточный фронт был сокрушен на тысячу километров и на глубину 600 км, отброшен к Висле и к границам Восточной Пруссии. "Это кровопускание, - пишет Ф. Гейм, - было гораздо большим, чем под Сталинградом, определившим дальнейший ход событий".

Исход был ясен.

Маршал Г. К. Жуков подчеркивает: "В том, что Германия окончательно проиграла войну, ни у кого не было сомнения. Вопрос этот был решен на полях сражений советско-германского фронта еще в 1943 - начале 1944 года. Сейчас речь шла о том, как скоро и с какими военно-политическими результатами она будет завершена"¹³²⁸.

V

Грандиозное летнее наступление Красной Армии сконцентрировало в себе весь тот многогранный военный опыт, который приобрело советское командование за годы неимоверно трудной борьбы. И если военное искусство фашистского руководства теперь находилось в состоянии глубокого кризиса, то советское военное искусство достигло высшей степени развития.

Здесь уместно, хотя бы кратко, в проблемном плане, сказать о наиболее характерных чертах советского военного искусства на завершающем этапе войны, ибо это искусство составляло разительный контраст всему, что теперь демонстрировало германское командование. Уместно и потому, что за послевоенные четверть века слишком часто недруги нашей страны пытались бросить тень на воинское мастерство Красной Армии, утверждая, в частности, что в 1944 и 1945 гг. она побеждала не умением, а числом.

Нет, полный разгром военной машины Гитлера советское командование обеспечило, в частности, высоким искусством применения тех сил, которые дала ему страна.

По мысли Маршала Советского Союза И. С. Конева, "советское военное искусство в ходе войны развивалось и обогащалось новым боевым опытом. Стратегические планы Верховного Главного Командования отличались ясностью целей, правильной оценкой своих возможностей и планов противника. Крупные операции Советской Армии носили творческий характер. Они не были похожи одна на другую и вытекали из конкретно сложившейся на фронте обстановки, велись с большим размахом, планировались, как правило, с задачей на окружение"¹³²⁹.

Стратегия Красной Армии в 1944-1945 гг. была подлинной стратегией сокрушения. Она опиралась на уже достигнутую Советским Союзом экономическую победу над Германией. Эта победа свидетельствовала о решающих преимуществах социалистического строя над капитализмом и фашизмом в деле мобилизации материальных и духовных сил страны для ведения войны.

Советское военное искусство решало в стратегических наступательных операциях 1944-1945 гг. задачи по разгрому крупных стратегических группировок немецко-фашистских войск и по освобождению важных в экономическом и политическом отношении областей и центров. В завершающем периоде войны разгрому подвергались более крупные, чем прежде, группировки вермахта, и это приводило к изменению обстановки на одном или нескольких стратегических направлениях. В основных операциях завершающего периода войны, проведенных Красной Армией, - в наступлении на Правобережной Украине, в Белорусской, Львовско-Сандомирской, Яско-Кишиневской, Будапештской, Восточно-Прусской, Висло-Одерской, Берлинской операциях - достигались настолько важные военно-политические цели, что в результате этих операций гитлеровский вермахт вынужден был коренным

образом менять оперативные и оперативно-стратегические планы, производить крупные стратегические перегруппировки, не имея в конечном итоге возможности восполнить потери и восстановить прорванный фронт.

Рост стратегического мастерства Советского Верховного Главнокомандования в 1944-1945 гг. выражался в целесообразном выборе направлений главных ударов, в искусстве создания наиболее благоприятных предпосылок для реализации стратегического замысла, в умении гибко переносить главные усилия с одного направления на другое в зависимости от изменения военно-политической и стратегической обстановки. Перенесение стратегических усилий проводилось настолько скрытно, гибко и с такими эффективными мерами дезинформации, что гитлеровское командование, как правило, вводилось в заблуждение советским командованием, и поэтому Красной Армии удавалось достигать оперативной и стратегической внезапности удара.

Так, зимой 1944 г. советское командование наносило главный удар на юго-западном направлении, что определялось прежде всего политическими и экономическими задачами, связанными с необходимостью скорейшего освобождения Правобережной Украины, выхода к границам Румынии, а также сложившейся после летне-осенней кампании 1943 г. группировкой сил.

Но гитлеровское командование считало, что Красная Армия будет наступать не на юго-западе, а на широком фронте от Ленинградской области до Крыма, причем направление главного удара долго оставалось неясным. Наряду с выводом об основном направлении удара на юге существовала точка зрения, что следует ожидать главное наступление из района Гомеля "как крупнейшее наступление с целью прорвать немецкий фронт и достигнуть линии Вильно - Гродно - Белосток. Оттуда наступление будет продолжено на Кенигсберг или Варшаву"¹³³⁰. Гитлеровская ставка сосредоточивала главные усилия на южном участке советско-германского фронта, имея в составе группы армий "Юг" 78 дивизий, в том числе 16 танковых и четыре моторизованные, оставив в группе армий "Центр" 57 дивизий (три танковые и три моторизованные).

Советское Верховное Главнокомандование зимой 1944 г. нанесло главный удар на юго-западном направлении и разгромило там крупную группировку фашистских войск. К лету 1944 г. оно перенесло основные усилия на западное направление, имея в виду нанести поражение группе армий "Центр" в Белоруссии. Но гитлеровское военное руководство, как мы видели, снова оказалось дезориентированным в намерениях Советского Верховного Командования.

Нацистские руководители догматически, умозрительно представляли себе политические цели Советского Союза и строили искусственную концепцию его стратегии. Советское командование, прекрасно понимая военно-политические просчеты врага, сумело сделать так, чтобы еще больше убедить его в его же собственных предвзятых оценках. Заставить такого противника, как ОКВ - ОКХ, держать главные силы южнее Припяти и думать, что все произойдет там, а самим нанести удар севернее Припяти и разгромить врага - это было, конечно, выражением подлинного мастерства.

Мощный удар Красной Армии в июне 1944 г. был нанесен, как мы знаем, именно против группы армий "Центр", которая в итоге Белорусской операции потерпела сокрушительное поражение.

Другой пример, ярко характеризующий высокое мастерство Советского Верховного Главнокомандования при выборе направлений главного удара и создании благоприятных условий для реализации стратегического плана на завершающем этапе войны, относится к планированию и осуществлению замысла зимней кампании 1945 г. Подробнее об этом речь будет идти позже.

В конце 1944 г. - начале 1945 г. стратегическое положение Красной Армии и армий других стран антигитлеровской коалиции оценивалось Советским Верховным Главнокомандованием как близкое к завершению окружения Германии. Чтобы окончательно сокрушить гитлеровский вермахт, советское командование решило нанести главный удар на

центральном участке фронта, выводящем к жизненным центрам гитлеровского рейха. Но именно здесь находилась наиболее сильная группировка немецких войск. Чтобы создать выгодные условия для наступления, было признано целесообразным предварительно ослабить врага в центре. "Для этого мы должны были максимально активизироваться на флангах стратегического фронта"¹³³¹. Имелось в виду проведение наступательных операций в Венгрии, Австрии и против Восточной Пруссии. Этот замысел свидетельствовал о том, что советское командование, полностью владея инициативой, принимало чрезвычайно гибкие, дальновидные решения. Оно полностью владело искусством выбора направлений ударов, быстрого перенесения усилий по различным направлениям. Оно навязывало гитлеровскому вермахту свою волю. Замысел оправдался. В результате наступления советских войск в ноябре - декабре 1944 г. нацистское командование создало значительную группировку на северном участке фронта и держало крупные силы в Венгрии, включая основную массу танковых дивизий. На центральном же направлении, где Красная Армия наносила свой главный удар, фашистское руководство оставило сравнительно меньше сил.

Заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал армии А. И. Антонов в докладе на Крымской конференции 4 февраля 1945 г. так характеризовал эту стратегию Советского Верховного Главнокомандования: "Группировка противника после выхода советских войск на реки Нарев и Висла была наиболее плотной на центральном участке фронта, ибо удар с этого участка выводил наши войска по кратчайшему направлению к жизненным центрам Германии.

Чтобы создать себе более выгодные условия для наступления, Советское Верховное Командование решило растянуть эту центральную группировку противника.

С этой целью была проведена вспомогательная операция против Восточной Пруссии и продолжалось наступление в Венгрии на будапештском направлении.

Оба эти направления для немцев были очень чувствительны, и они быстро реагировали на наше наступление переброской сил на фланги за счет центрального участка фронта. Цель, намеченная Верховным Командованием, была достигнута"¹³³².

Следовательно, речь должна идти не о том, что гитлеровский вермахт не смог сдержать наступление Красной Армии на центральном направлении потому, что вообще уже почти не имел сил, как иногда утверждают на Западе, а о том, что благодаря стратегическому мастерству Советского Верховного Командования имевшиеся еще на советско-германском фронте крупные силы вермахта были оттянуты в нужный период с главного на второстепенное для Красной Армии направление. С большим опозданием, уже в ходе развернувшегося нового наступления Красной Армии в январе 1945 г., гитлеровские фельдмаршалы начали проводить переброску сил на центральный участок советско-германского фронта.

Советское командование достигло большого эффекта в создании группировок по стратегическим направлениям. Оно целеустремленно сосредоточивало усилия на решающих участках фронта в кампаниях и стратегических операциях, создавая здесь значительное превосходство над германскими войсками. Для создания стратегических группировок широко использовались резервы Ставки Верховного Главнокомандования, включавшие не только общевойсковые, но и танковые армии, придаваемые фронтам, наносившим главный удар в кампании.

Красная Армия вела в 1944-1945 гг. стратегическое наступление на большую глубину, в высоких темпах. Особое значение имели мощные первоначальные удары с использованием крупных масс пехоты, артиллерии, танков, авиации. Советские военачальники успешно применяли ведение прорыва тактической зоны обороны немецких армий при создании высоких оперативных и тактических плотностей на участках прорыва, что позволяло осуществлять за 1-3 суток полный взлом всей тактической глубины обороны. Затем вводом крупных подвижных объединений и соединений развивался стремительный прорыв на большую глубину. В крупнейших наступательных операциях 1944-1945 гг., таких, как Белорусская, Висло-Одерская, она достигала 500-600 км. Успешное решение стратегических

задач в подобных операциях обеспечивалось тем, что войска Красной Армии превосходили немецко-фашистскую армию в силах, располагали крупными объединениями бронетанковых войск, а твердое и умелое руководство направлялось на достижение решительных целей.

Важным достижением советского военного искусства в завершающем периоде войны было проведение ряда последовательных наступательных операций по фронту и в глубину. Смысл последовательных операций заключался в том, чтобы, прорывая фронт противника на одном направлении, привлекать туда его резервы и силы с неатакованных участков, а затем взламывать оборону на других направлениях и превращать серию ударов в общее стратегическое наступление.

В кампании первой половины 1944 г. главный удар наносился в юго-западном направлении. Войска Красной Армии разгромили крупные силы вермахта на южном участке фронта, освободили важные промышленные и сельскохозяйственные районы юга, приступили к освобождению Румынии. В результате проведения операций на Правобережной Украине и в Крыму немецко-фашистское командование было вынуждено перебросить к югу 40 дивизий и 2 бригады из различных стран и с других участков советско-германского фронта. Вместе с тем наступление под Ленинградом, Новгородом и в Карелии помогло оттянуть часть немецких сил к северу.

Во второй кампании 1944 г. (летне-осенней) главный удар Красная Армия наносила на западном направлении. Сокрушив в Белорусской операции на 1000 км центральный участок германского фронта, она прорвалась на 600 км в глубину. Гитлеровское командование было вынуждено в ходе операции перебросить в центр советско-германского фронта 50 дивизий и 13 бригад с юга, из Прибалтики, в том числе 14 дивизий и 5 бригад из других стран. Переброска крупных сил в центр способствовала успешному развертыванию Львовско-Сандомирской операции, наступлению Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов. Только в ходе операции 1-го Украинского фронта (Львовско-Сандомирская операция) ОКХ направило на Украину одну за другой 16 дивизий. В конце августа, когда гитлеровское командование сняло почти все резервы с юга и сосредоточило максимум сил в центре, на юге началась Яско-Кишиневская операция, в результате которой советские войска открыли себе путь на Балканы и в Венгрию. В ходе наступления советских войск в Карпатах, Венгрии, Югославии (сентябрь 1944 г. - февраль 1945 г.) гитлеровские фельдмаршалы оказались перед необходимостью двинуть к югу в общей сложности 52 дивизии. Операциями в Прибалтике и на Крайнем Севере завершились кампании 1944 г.

Последовательные операции этого года охватили весь советско-германский фронт и привели к решающим результатам. Разгромив только в Белорусской и Львовско-Сандомирской операциях 109 дивизий фашистского блока, Красная Армия создала предпосылки для победоносного завершения войны в следующем году. Преимущество последовательных операций по фронту, искусством ведения которых полностью овладела Красная Армия в 1944 г., состояло в том, что, раскалывая сосредоточенными силами фронт на различных его участках, советское командование дезориентировало противника о месте нанесения очередных ударов, распыляло его резервы, каждым предыдущим ударом создавало выгодные условия для следующего мощного удара.

Генерал армии П. А. Курочкин пишет о последовательных операциях: "Этот способ позволял создавать на избранных направлениях мощные группировки и в каждой из операций добиваться превосходства в силах и средствах. Он обеспечивал возможность бить противника по частям, выбирая каждый раз наиболее выгодное направление для нанесения следующего удара. Вместе с тем такой способ приводил к рассредоточению резервов противника, что ослабляло его группировки и создавало выгодные условия для прорывов"¹³³³.

В 1944-1945 гг. советское командование добивалось сокрушительного разгрома крупных группировок немецко-фашистских войск путем их окружения и уничтожения. Достаточно отметить, что только в Яско-Кишиневской операции, проведенной войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, из 25 немецких соединений группы армий "Южная Украина"

18 были окружены и ликвидированы. "Это была подлинная катастрофа немецко-фашистских войск, действовавших в Молдавии и Румынии"¹³³⁴.

В завершающем периоде войны советская военная стратегия решила целый ряд важнейших и сложных проблем: о стратегических резервах, методах стратегического руководства, о стратегическом взаимодействии видов вооруженных сил, всестороннем обеспечении войск и т. д. В трудах советских военачальников и историков всесторонне вскрыты все особенности и характерные черты советской военной стратегии в 1944-1945 гг., обеспечившей успех против главных сил вермахта.

Характерная черта вооруженной борьбы против фашистского блока на советско-германском фронте в 1944-1945 гг. состояла в активном участии в ней совместно с Красной Армией польских, чехословацких соединений, позже болгарских и румынских войск, а также французской авиационной части "Нормандия - Неман". Участие в единой борьбе войск стран, оказавшихся под пятой оккупантов, имело первостепенное политическое и военное значение для хода войны. Так, созданный в Советском Союзе Чехословацкий армейский корпус под командованием генерала Людвика Свободы, образовавшийся из батальона и бригады, участвовал в сражениях против фашистских войск на южном участке советско-германского фронта и в освобождении своей страны. Польские объединения и части под руководством генералов С. Поплавского, К. Сверчевского, сражаясь плечом к плечу с советскими воинами на направлениях главных ударов, активно действовали в сражениях за Варшаву, Берлин и в других боях завершающего периода войны.

VI

После того, как на Тегеранской конференции руководителей трех великих держав было принято окончательное решение открыть второй фронт и западные союзники подписали торжественное обещание начать вторжение через Ла-Манш в мае 1944 г., подготовка высадки ускорила¹³³⁵. Назначенный 11 февраля главнокомандующим союзными силами генерал Эйзенхауэр получил директиву Объединенного комитета начальников штабов: "Вы высаживаетесь на европейском континенте и вместе с другими Объединенными Нациями проводите военные действия, цель которых - нанести удар в сердце Германии и уничтожить ее вооруженные силы"¹³³⁶.

Достигнутый Советским Союзом коренной перелом в ходе второй мировой войны стал главной предпосылкой окончательного принятия США и Англией их решения. Ибо "коренной перелом произошел не только в ходе войны и в военно-политической обстановке в Европе, но также и в отношении правительства США и Великобритании к вопросу о втором фронте"¹³³⁷. Непрерывные удары, которые обрушивала на общего врага Красная Армия, ее быстрое продвижение на Запад заставляли союзников торопиться.

Дискуссии между англичанами и американцами о месте высадки еще долго носили острый характер. Английский кабинет, исходя из намерений опередить Красную Армию в Юго-Восточной Европе, обеспечить в этом районе господство Великобритании, гарантировать ее преобладание в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке, в 1943 г. отстаивал программу максимального увеличения сил в Италии, вторжения на Балканы, закрепления позиций в Восточном Средиземноморье, сочетая эти действия с усилением авиационных налетов на Германию. План опирался на традиционные устои британской имперской политики¹³³⁸. Господство на Ближнем Востоке гарантировало Великобритании решающие позиции в том центральном сплетении, которое связывало три континента, обеспечивало экономическое и политическое влияние во многих районах мира, позволяло удерживать прочные контакты с колониями и доминионами. Англия издавна считала: если ее крейсера стоят на ближневосточных рейдах, потоки нефти бесперебойно вливаются в индустриальное сердце империи.

Вопреки британским планам лидеры США после долгих и острых споров и конфликтов в конце концов твердо решили отказаться от "средиземноморского варианта". Занимая исходные позиции для борьбы за глобальное преобладание американского империализма в

послевоенном мире, они теперь исходили в своих решениях из следующих главных оценок глобальной и европейской ситуации:

- Красная Армия сможет одна разгромить Германию;
- ее наступление не остановится на западных границах Советского Союза, а будет продолжаться к Центральной и Западной Европе;
- удержание под своей эгидой Западной Европы будет иметь решающее значение для послевоенной империалистической политики США мирового масштаба;
- проведение широких операций в Средиземном море, особенно в его восточной части, нецелесообразно: оно отвлечет крупные силы союзников и облегчит вступление Красной Армии в Европу.

Поэтому необходимо вторгнуться на континент с Запада, занять возможно большую территорию и встретиться с Красной Армией на максимально дальних подступах к Западной Европе¹³³⁹.

Стратегия США базировалась на том принципе, что концентрация чрезмерного внимания на Средиземноморье лишь распылит силы. В районе Балкан необходимо ограничиться действиями сковывающего характера, в Италии оказывать давление, чтобы облегчить главную операцию - высадку во Франции.

Уже сейчас, когда формировалось решение о втором фронте, Вашингтон готовил ту послевоенную систему американско-европейских отношений, которая затем утвердилась в Западной Европе.

Если на Каирской конференции, открывшейся 22 ноября 1943 г., англо-американские лидеры не смогли прийти к согласованным решениям, то в Тегеране (28 ноября - 1 декабря) под влиянием ясной и твердой позиции Советского Союза и новых успехов Красной Армии на фронтах единое решение открыть в 1944 г. второй фронт вторжением через Ла-Манш наконец появилось. "Мы начнем операцию "Оверлорд" в течение мая одновременно с операцией на юге Франции", - гласила рекомендация Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании. Рузвельт и Черчилль 1 декабря оповестили Советский Союз о своем согласованном плане. В последующие дни, продолжая совещание в Каире, они договорились не проводить операций, которые могли бы помешать десанту в Западную Европу¹³⁴⁰.

Отношение германского военного руководства к возможности высадки союзников на Западе определялось многими политическими и военными обстоятельствами.

Железная необходимость перебрасывать максимум сил из Западной Европы и с других "театров ОКВ" на Восток не вязалась с мыслью, что на Западе может что-то измениться. Перспектива войны на два фронта всегда пугала германских стратегов. Но в то же время они никогда стопроцентно не верили в ее реальность. И, конечно, не потому, что десант казался слишком трудным предприятием. Они не верили до конца во второй фронт из-за убежденности, что военный союз англосаксов с Россией не пойдет дальше деклараций или самое большее поставок и что он вряд ли выльется во что-либо значительное, ибо он, этот союз, безжизнен и внутренне пуст¹³⁴¹.

Политическая недооценка объединяющих тенденций внутри антигитлеровской коалиции, непонимание, что, несмотря на глубокие социально-классовые противоречия, борьба с фашизмом сближала военные цели союзников, порождали новую цепь стратегических просчетов нацизма. Среди них переоценка своей возможности отразить вторжение, если оно вопреки расчетам все-таки произойдет, занимала далеко не последнее место¹³⁴².

Германское военное руководство, пожалуй, один-единственный раз, осенью 1943 г., всерьез подумало временно усилить войска на Западе за счет других фронтов (директива No 51). Однако на практике, как мы уже убедились, удалось только издать директиву. Но при помощи одних директив, как гитлеровское командование понимало, битвы не выигрываются. И все шло как прежде: не Запад за счет Востока, а наоборот.

Конечно, зима и весна 1944 г. принесли немало тревог: потоп донесений о готовящемся десанте забивал сейфы германских штабов, сидевших во Франции и Бельгии.

Немецкие генералы понимали: если вторжение все-таки начнется, то, как всегда, возможны два исхода: его успех или неуспех. В первом случае угроза промышленным районам Западной Германии станет непосредственной, Восточный фронт не получит дополнительно дивизий, общая катастрофа приблизится.

Гитлер на совещании с командующими войсками на Западе 20 марта 1944 г. говорил: "Сорок пять дивизий, расположенных сейчас в Европе, крайне нужны нам в России. Как только на Западе будет одержана победа, их необходимо перебросить в Россию, чтобы и там коренным образом изменить положение". Он заметил далее: "Мы должны брать пример с Дьеппа"¹³⁴³. В разгар весеннего наступления Красной Армии Гитлер понял трудность намерений сосредоточить все внимание на Западе. Он готовился и дальше снимать войска со всей Европы, чтобы бросать их во всепожирающую печь Восточного фронта. Для этого нужно устроить союзникам "второй Дьепп", т. е. сбросить их в море, когда начнется высадка во Франции.

Еще в декабре 1941 г. Гитлер приказал создать "атлантический вал" систему укреплений от Норвегии до границы с Испанией. Это был фантастический план: постройку "вала" при имеющихся средствах невозможно было бы закончить и в десятилетие. С той же активностью, которая отличала нацистскую пропаганду в описаниях "неприступной мощи вала", военные в своих донесениях доказывали его слабость.

Геббельс писал: "Мы укрепили берег Европы от мыса Нордкап до Средиземного моря и установили самое смертоносное оружие, которое только мог создать XX век. Поэтому любой вражеский штурм, пусть самый мощный, обречен на провал". В то же самое время Рундштедт, назначенный еще весной 1942 г. командовать войсками на Западе, докладывал: укрепления береговой обороны не отвечают даже минимальным требованиям, их плотность слишком низка. "Вал" в лучшем случае может выдержать атаку в течение 24 часов. "Любой решительный штурм самое большее в течение суток приведет к прорыву обороны в любом пункте". Он называл укрепления ширмой¹³⁴⁴.

В конце 1943 г. ОКВ пришло к выводу: если вторжение произойдет, то не позднее весны 1944 г. Директивой от 3 ноября Гитлер устанавливал: наиболее вероятный район высадки - побережье пролива Па-де-Кале. Сюда нужно подтянуть больше сил. Казалось естественным, что союзники появятся на континенте, пройдя через самое узкое место пролива. Подобное мнение разделял и Рундштедт: высадка произойдет где-то между Гавром и Дюнкерком. Несколько позже фельдмаршал Роммель, назначенный 15 января командующим группой армий "Б", подчиненной Рундштедту, утверждал: "Высадку следует ожидать несколько западнее этого района"¹³⁴⁵.

Однако все оценки отнюдь не были окончательными. В марте Гитлер заявил: наибольшую угрозу представляют полуострова Бретань и Котантен, особенно последний. Высадка произойдет, конечно, здесь из-за наиболее благоприятных условий развертывания войск. Однако в начале мая он говорил уже о других местах: Бретань и Нормандия. Рундштедт по-прежнему настаивал на Па-де-Кале и удерживал здесь развернутую севернее Сены 15-ю армию, состоящую из 6 танковых и 19 других дивизий. Роммель, вопреки мнению своего шефа, все больше склонялся к выводу о вероятности высадки в Нормандии. Ему казался бессмысленным бросок союзников на лучше других укрепленные позиции Па-де-Кале. Он стал по своей инициативе двигать дивизии в Нормандию. Его мнение совпало с оценкой командования военно-морских сил, которое на основе изучения конфигурации английских минных заграждений в Ла-Манше также склонялось к нормандскому варианту. Под влиянием штаба военно-морских сил ОКВ 10 мая 1944 г. совершенно определенно заявило: наступление, вероятно, начнется 18 мая. Основной удар - в Нормандии, отвлекающие действия - Бретань¹³⁴⁶.

Итак - Нормандия. С раннего утра 18 мая в штабах группы армий "Запад" ждали вестей о приближении англо-американских десантов. Но их не последовало. Тогда штаб военно-

морских сил безапелляционно объявил: теперь по условиям погоды можно не опасаться десанта вплоть до августа. Появилось мнение - его наиболее активно высказывали генерал Блюментритт, начальник штаба Рундштедта, и адмирал Кранке, командующий морскими силами на Западе, - высадка не произойдет вообще. Англо-американцы лишь блефуют.

Сводки погоды, полученные германским командованием, помогали союзникам. 4 июня на стол Роммеля легла очередная из них: вторжение немыслимо в ближайшие две недели. Противник не воспользовался тремя предшествующими периодами хорошей погоды. Штаб военно-морских сил повторял: только август. И во всех штабах утвердилось мнение: поскольку союзники не воспользовались благоприятными условиями погоды в мае, они не двинутся до августа¹³⁴⁷. В тот же день Роммель уехал в Германию - навестить дом, а потом получить аудиенцию у Гитлера и выпросить подкреплений для своего более чем слабого фронта. Некоторые зенитные батареи в предвидении плохой погоды получили "выходной". Рундштедт 5 июня, т. е. за день до "дня Д" (вторжения), послал Гитлеру доклад: "Маловероятно, что вторжение произойдет в ближайшее время". Наконец, когда оставались считанные часы до десанта, по приказу ОКВ 120 истребителей поднялись в воздух с французских аэродромов и направились на советско-германский фронт.

Что касается предполагаемого района высадки главных сил союзников, то в конце концов и Гитлер, и Рундштедт, и Роммель, не без помощи дезинформационных мер, принятых англо-американцами, пришли, наконец, к общему выводу: это будет Па-де-Кале, а не Ла-Манш, где следует ожидать только демонстрации. В действительности было как раз наоборот. И поэтому, когда десант в Нормандию стал фактом, 15-я немецкая армия оставалась на позициях севернее района высадки, тщетно ожидая появления "главных сил союзников". Бесподобная стратегия!

Ни германская разведка, ни верховное командование не смогли определить сроки и район высадки. Конечно, если немецкое руководство имело бы возможность держать на Западе достаточные средства для систематической и массивной разведки, особенно авиационной, на широком фронте, оценки могли бы стать иными. Но эти средства находились не здесь, а на Востоке.

Что же в конечном счете, если рассматривать общий ход военных событий, помогло вторжению союзников на континент и почему гитлеровское командование оказалось неспособным отразить его?

VII

Ответить на этот вопрос нетрудно, зная картину общего хода войны.

Успех тщательно подготовленного десанта англо-американских экспедиционных сил во Францию был предрешен всей предшествующей борьбой в ходе второй мировой войны, прежде всего развитием событий на советско-германском фронте. Выше мы пытались привести достаточно фактов, подтверждающих эту истину. Ее невозможно опровергнуть, как бы ни старались поклонники фальсифицированно-одностороннего взгляда на историю рассматривать вторжение союзников в Европу в качестве замкнутого, изолированного акта, не связанного с борьбой Красной Армии, а следовательно игнорирующего эту борьбу.

Конечно, все зависит от точки зрения, с которой смотреть на историю, и от широты обзора. Для английского или американского солдата, командира роты и вообще войскового начальника, для жителей деревень и городов Нормандии в те дни, вероятно, существовал один фронт: тот, который союзники открыли во Франции. И это вполне объяснимо и понятно, потому что нельзя в конце концов требовать от ротного командира, чтобы он мыслил категориями всей войны. Но совсем другое дело историк 60-70-х годов. Если он пишет не историю полка или дивизии, или провинции Нормандия, а, выполняя свой долг, хочет подняться до оценки событий в целом, то он не может не видеть, что торжество июня сорок четвертого на Западе Европы подготовлено бесконечными усилиями на Востоке Европы, с сорок первого по июнь сорок четвертого. Еще никогда прежде в европейской военной истории взаимозависимость борьбы в разных районах, влияние одного театра войны

на другой не ощущались с такой полнотой и силой.

Наступление Красной Армии в 1943 г., зимой и весной 1944 г. создало решающие благоприятные предпосылки для вторжения союзников по следующим причинам.

Во-первых, с самого начала войны против Советского Союза в течение продолжительного времени оккупированная территория Франции рассматривалась германским командованием как тыловая учебная зона вермахта, куда отводились для отдыха и переформирования дивизии, разбитые на Восточном фронте. Здесь они пополнялись за счет армии резерва и, в зависимости от своего состояния, либо направлялись обратно на фронт, либо оставались для оккупационной службы в Западной Европе. Поскольку к 1944 г. с пополнениями обстояло туго и воссоздавать достаточно боеспособные дивизии для борьбы против Красной Армии становилось все труднее, значительное количество разбитых соединений оставалось во Франции. Постепенно здесь накапливалось преимущественно все третьестепенное, резервное, имевшее большей частью пониженную боевую ценность. Исключение составляли только танковые дивизии - главная ударная мощь Рундштедта и Роммеля.

Во-вторых, после нападения на Советский Союз Западная Европа служила резервуаром, постоянно питавшим советско-германский фронт войсками, входившими в группу армий "Запад". С сентября 1942 г. до сентября 1943 г. командование группой армий было вынуждено передать на советско-германский фронт 22 пехотные и 6 танковых дивизий. До 31 октября их число увеличилось до 31 пехотной и 16 танковых и моторизованных¹³⁴⁸. Уже после того как ОКВ стало опасаться вторжения, а затем отдало директиву No 51, с июля 1943 г. до апреля 1944 г., оно было вынуждено в связи с развитием событий на советско-германском фронте снять с "театров ОКВ" 23 дивизии. В порядке "обмена" Запад получал ослабленные соединения и части.

В-третьих, "из оставшихся к 6 июня на Западе 58 дивизий, несмотря на общее, казалось бы, внушительное их число, лишь меньшая часть была пригодна к ведению военных действий значительного масштаба. Боевая сила и оснащение большинства из них стояли на столь относительно невысоком уровне, что в ОКВ рассматривали только некоторые из этих дивизий способными вести боевые действия. Из 58 соединений 34 оценивались как пригодные лишь для пассивной обороны¹³⁴⁹. Эти дивизии почти или полностью не имели транспорта и вообще не обладали мобильностью. По своему вооружению, укомплектованности и обученности личного состава, который состоял сплошь из резервистов, они были слабейшими в вермахте. В большинстве своем они принадлежали к армии резерва и несли только оккупационную службу, не занимаясь боевой подготовкой. Их опыт ограничивался лишь периодическим использованием против групп французского Сопротивления.

В числе остальных 24 дивизий находилось 14 пехотных, 9 танковых и 1 моторизованная. Пехотные дивизии не успели восстановиться после тяжелых потерь на советско-германском фронте, имели ослабленный состав и сокращенную организацию. Некоторые из них располагали всего лишь двумя полками.

Что касается их оснащения, то в докладе генерал-квартирмейстера ОКХ генерала Вагнера Иодлю от 30 января 1944 г. на этот счет говорилось следующее: продолжающиеся с 5 июля 1943 г. тяжелые оборонительные бои на Востоке позволяют для Запада выделять лишь минимальное количество боеприпасов, и потребность в них не может быть значительно компенсирована¹³⁵⁰.

В-четвертых, состояние немецких оборонительных позиций на Западе не позволяло обороняющим их войскам преградить путь мощному десанту. "Атлантический вал" представлял собой очень слабую преграду. Чрезвычайно низкая артиллерийская плотность - одна батарея на 12-20 км фронта (0,3 орудия на 1 км фронта!) - не обеспечивала никакой действенной системы заградительного огня. Оперативная плотность обороны не отвечала минимальным нормам. Например, на решающем участке от франко-бельгийской границы до Шербура в первом эшелоне одна немецкая дивизия оборонялась в среднем на 50-

километровом фронте побережья, а в Бретани - более чем на 100 км фронта. Конечно, ни о какой устойчивой обороне здесь не могло быть и речи.

Система заграждений находилась в самом плачевном состоянии. 15-я армия, где ожидался главный удар, обороняя фронт побережья длиной 420 км, могла прикрыть заграждениями лишь 90 км; 7-я армия, оборонявшая полосу с протяженностью побережья до 1000 км (Нормандия, Бретань), располагала 820 тыс. мин и смогла прикрыть заграждениями только 50 км побережья¹³⁵¹.

В-пятых, немецкая авиация на Западе оказалась сравнительно слабой. По данным на 31 мая 1944 г., 3-й Воздушный флот имел 891 боевой самолет. Кроме того, предполагалось с началом вторжения перебросить на Запад из "воздушного флота рейха" 600 истребителей. Но в действительности к утру 6 июня готовым к вылету оказался лишь 391 самолет. Более 100 самолетов не могли подняться в воздух из-за отсутствия экипажей или недостатка горючего.

Это имело чрезвычайно важные последствия: в период непосредственно перед вторжением немецкая авиация оказалась не в состоянии вести планомерную, систематическую массированную разведку на широком фронте, дать сведения о районах действительного сосредоточения сил союзников, о подготовке к выходу их флота и его действительном движении, о наиболее вероятных районах высадки. Именно малочисленность разведывательной авиации, как и других средств разведки на Западе, усугубила просчет гитлеровского командования о направлении главного удара и сроках начала десанта.

В течение первого дня вторжения, 6 июня, германская авиация смогла сделать лишь 500 вылетов, а союзная - 14 674. Нечего и говорить, что несоизмеримость сил в воздухе не позволила немцам противостоять авиационному наступлению союзников.

Германские военно-морские силы на Западе, имевшие 3 эсминца, 30 сторожевых судов и 36 подводных лодок, ни в какой степени не могли противостоять англо-американскому флоту вторжения, состоявшему из 6 тыс. судов.

В-шестых, оперативные планы и методы руководства, принятые ОКВ и командованием на Западе, не отвечали условиям ведения крупных совместных операций военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил. Эти методы отражали традиционное "чисто сухопутное" мышление военного руководства Германии, отсутствие ясных представлений о возможностях противника, обладающего сильным флотом и многочисленной авиацией, недооценку его сил и теоретическую слабость фашистского военного руководства.

Германское командование переоценило силу обороны побережья и свои оперативные принципы. Оно перенесло свою схему ведения операций начала второй мировой войны на совершенно изменившиеся условия 1944 года, не учитывая иного соотношения сил и полной потери стратегической инициативы. Принятый им план действий состоял не в том, чтобы навязать противнику, осуществляющему десант на основе совместных действий трех видов вооруженных сил, аналогичные действия своих армии, флота и авиации, а в том, чтобы позволить ему высадиться на побережье и лишь здесь вступить в сражение согласно обычным приемам сухопутных операций. Если силы вторжения состояли из мощных флота, авиации и хорошо оснащенных сухопутных войск, то силы обороны - почти целиком из сухопутных сил, где в общем реальную ударную мощь представляли собой лишь танковые дивизии. Схема операции сводилась к нанесению танкового контрудара из глубины при заведомом господстве англо-американской авиации.

Оперативный принцип германского командования, авторами которого здесь были Иодль, Рундштедт и его начальник штаба Зоденштерн, заключался в навязывании противнику маневренных операций после его вторжения во Францию. В умах германской военной верхушки за весь длительный период подготовки к отражению десанта даже и не возникал вопрос о том, что нужно принципиально изменить методику действий. Безусловно, нацисты не предполагали, какими крупными силами произойдет вторжение, и верили, что смогут его сравнительно легко отразить.

В конечном счете, не только недостаток нужных сил, но и сухопутная стратегия в обстановке, где должен был преобладать морской элемент, объяснялись поглощением главных военных ресурсов третьего рейха Восточным фронтом. Он определял и общую "сухопутную" направленность структуры германских вооруженных сил, и мышление генералитета. Если все главное в течение столь длительного времени бросалось на Восток, то неизбежно методы, господствовавшие на главном - Восточном - фронте, переносились почти автоматически на Запад. Все эти обстоятельства так или иначе играли на руку союзникам, облегчая выполнение их планов, способствуя вторжению на континент их всесторонне оснащенного десанта в наиболее благоприятных условиях.

Однако самым главным просчетом был, конечно, политический: фашистское руководство, исходя из своей убежденности в наличии неразрешимых противоречий между Советским Союзом и западными державами, почти до конца в полной мере не верило в возможность одновременных ударов по Германии с Востока и Запада.

Наконец, последним обстоятельством, которое облегчило вторжение, был просчет германского командования относительно сроков его начала.

VIII

В течение месяцев нацистские руководители в той или иной мере ждали десанта. Но перед его началом они вновь, как это неоднократно бывало и на Восточном фронте, оказались не в состоянии встретить удар во всеоружии.

За сутки до "дня Д", утром 5 июня 1944 г., Шпейдель, начальник штаба группы армий "Б", в еженедельном донесении Рундштедту отметил усиление готовности союзников и активизацию французского движения Сопротивления. Однако его общий вывод гласил: "В соответствии с предшествующим опытом это нельзя рассматривать как признак угрозы непосредственного начала вторжения". Штаб Рундштедта не возражал. Мнения совпадали. В оценке обстановки от 5 июня значилось: "Еще нельзя заметить непосредственно готовящегося вторжения"¹³⁵². Два высших штаба, от которых полностью зависело привести войска в готовность или нет, ошиблись в самом главном. Конечно, оба штаба имели свои основания: они опирались на предсказания плохой погоды в проливах, которые дали военно-морские силы, на их вывод, что проведение десанта в ближайшие две недели из-за погодных условий невозможно. В немецких штабах, как мы знаем, господствовало мнение: после того как в мае вторжение не состоялось, едва ли оно начнется до августа.

Все это так. Но возникает вопрос: неужели нацистские генштабисты, не задумались над тем, что произойдет, если союзники специально воспользуются неблагоприятной погодой? Достаточно было поставить этот в общем элементарный вопрос, как ответ возник бы сам собой. Но вопрос, как ни странно, не ставился.

Вечером 5 июня германское командование даже не провело разведки. Немецкая авиация получила запрещение вылетать. Весь день 5 июня и следующей ночью никто в "Волфшанце" не пошевелил и пальцем, чтобы подготовиться к отпору.

Варлимонт пишет: в день накануне высадки союзников германская ставка не предприняла ни малейших мер, чтобы противостоять ей: "Никакой разведки не было предпринято, чтобы обнаружить более 5000 судов, которые с 24 часов двигались через Канал в направлении побережья Нормандии; ни одной оценки обстановки, будь то от Роммеля, Рундштедта или от штаба оперативного руководства, ибо считалось, что ввиду непогоды, приливов и отливов высадка в последующее время может рассматриваться лишь как вероятность"¹³⁵³.

Вечером 5 июня штабы 15-й армии и группы военно-морских сил "Запад" перехватили передаваемые по английскому радио сигналы французскому движению Сопротивления для начала действий. Около полуночи появились сведения об усилении движения на море. Штаб армии передал их командующему группой армий "Запад" и в ОКВ. Однако там доклады не произвели никакого впечатления. Штаб 7-й армии не был даже информирован о них. Но именно на фронте этой армии вскоре и произошла высадка. Рундштедт категорически

отклонил мысль о возможном начале вторжения: "Союзники вряд ли станут действовать так абсурдно, чтобы о начале своего вторжения объявлять по радио". Командующий группой военно-морских сил также отверг сообщения о новых фактах и не только не отдал приказа повысить готовность, но даже не распорядился проверить данные. Итог один: фашистское военное руководство в кризисный момент не привело в готовность даже те ограниченные силы, которыми располагало.

Высадка англо-американских воздушных десантов в расположении 7-й армии началась в 00.15. Но штаб армии объявил состояние повышенной боеготовности лишь в 2.30. Начальник штаба сообщил первые тревожные сведения в штаб группы армий. Однако в 2.40 он получил разъяснение: "По мнению командующего группой армий "Запад", здесь нет крупной акции". Одновременно Шпейдель дал и свою оценку: "Это пока лишь ограниченные мероприятия".

Донесения о парашютистах поступали теперь пачками из самых различных мест. Тем не менее в германских штабах они не вызывали тревоги: это поддержка французского Сопротивления либо отвлекающий маневр. О вторжении главных сил никто все еще не думал. Разведка не сообщала никаких данных, никто не докладывал о появлении англо-американского флота вблизи побережья. И не удивительно: слабые радарные установки уже не действовали, союзники без труда вывели их из строя.

Первые донесения о приближении крупных сил флота к побережью начали поступать в 3.25. И вновь сразу никто не поверил. В 5.15 штаб 7-й армии доложил: силы вражеского флота имеют цель доставить на побережье крупные войсковые контингенты¹³⁵⁴. Но даже когда корабельная артиллерия союзников уже вела обстрел побережья, в немецких штабах гадали: это начало вторжения, диверсия или отвлекающий маневр? Войска 7-й армии, где началась высадка, совершенно не подготовились к ее встрече. Командиры дивизий еще прошлые сутки уехали в Ренн для участия в военной игре. Сеть связи парализовали французские партизаны. Некоторые полки, поднятые по тревоге, не зная обстановки и путая в темноте маршруты, выходили не в те районы, где уже проходила высадка. И без того малобоеспособные немецкие дивизии на побережье не могли оказать десантам организованного сопротивления. Царила неразбериха. Рундштедт, не зная обстановки, все еще не веря, что начинается вторжение, отменил приказ командующего 15-й армией выдвинуть 12-ю танковую дивизию СС для контратаки.

Вместо того чтобы попытаться оценить обстановку в целом и принять кардинальные решения, германское командование занялось частностями, деталями, стало давать указания о передвижении отдельных дивизий. В 7.30 Йодль передал приказ Рундштедту все же выдвинуть 12-ю танковую дивизию СС вперед, а учебную танковую дивизию оставить в гарнизоне "до выяснения обстановки". В 14.30 последовало указание ОКВ: обе дивизии направить к району высадки. Но авиация союзников их остановила. С большими потерями только одна дивизия через сутки достигла назначенного района.

Все еще не представляя себе, что же происходит, Йодль и Рундштедт распорядились в 16.55: "Не позже чем к вечеру 6 июня уничтожить противника на плацдарме"¹³⁵⁵. Однако англо-американские части, встречая лишь слабое сопротивление, успешно высадились на побережье.

На первом, наиболее сложном для союзников этапе военных действий после высадки, когда они вели борьбу за стратегический плацдарм, благоприятная общая обстановка помогла достигнуть относительно быстрого успеха. Эта обстановка создавалась наступлением советских войск на Восточном фронте, ударами французских сил Сопротивления, превосходством союзников в воздухе.

В то самое время, когда вплоть до 20-х чисел июля велась затяжная борьба за плацдарм в Нормандии, Красная Армия проводила крупнейшую стратегическую операцию - Белорусскую, развернула наступление на Западной Украине, в Карелии и в Прибалтике. Это наступление и прежде всего сокрушительный удар в Белоруссии не только не позволили германскому командованию снять сколько-нибудь значительные силы с Восточного фронта

и перебросить на Западный, но, наоборот, потребовали использования имеющихся скудных резервов именно на Восточном фронте.

Несмотря на нежелание и прямую боязнь командования союзников, чтобы французское Сопротивление приняло широкие масштабы и стало самостоятельным фактором борьбы, оно приобрело именно такие формы. По призыву ЦК Французской коммунистической партии трудящиеся резко активизировали вооруженное сопротивление захватчикам. После начала вторжения развернулось подлинное всенародное восстание, принявшее столь широкие формы, что отряды Сопротивления своими силами освободили целый ряд департаментов и городов. Как показал в своих работах французский историк А. Мишель и по свидетельству публикаций французского Комитета истории второй мировой войны, силы Сопротивления с началом высадки союзников оказали экспедиционным войскам чрезвычайно большую помощь¹³⁵⁶. А. Мишель констатирует: "Сопротивление позволило Франции, несмотря на поражение, понесенное ею в 1940 г., занять место среди победителей и вернуть себе ранг великой державы"¹³⁵⁷.

Эйзенхауэр приравнивал действия французских внутренних сил (ФФИ) к 15 дивизиям, но они представляли собой лишь часть сил Сопротивления. В ответственный период высадки союзников и борьбы за плацдарм французские патриоты сделали очень многое, для того чтобы парализовать движение немецкого транспорта, перегруппировку и подвод немецких сил к отдельным участкам фронта, срывать снабжение войск.

Подавляющее превосходство союзников в воздухе исключило сколько-нибудь существенную воздушную поддержку немецкой обороне, свело до минимума дневные передвижения войск, затруднило сосредоточение германских сил в Нормандии.

Обсуждение обстановки на Западе в ставке Гитлера 12 июня принесло результаты самые неутешительные. По мнению Кейтеля и Йодля, если не удастся удержать плацдарм и союзники смогут перейти к маневренным действиям, Франция будет потеряна. Тогда придется отводить войска к границам Германии. Правда, определенная надежда возлагалась на бомбардировку Лондона с помощью ФАУ-1, которую предполагалось начать на следующую ночь: она должна отвлечь часть авиации и ослабить нажим в Нормандии. Но вместе с тем германское командование находилось в тревоге относительно возможного расширения фронта высадки союзников, ждало десанта в других районах побережья, в частности, на фронте 15-й армии, которая так и продолжала бездействовать, и распыляло свои и без того ограниченные силы. Лишь 16 июня Гитлер решил снять часть сил севернее участка вторжения и двинуть их в Нормандию - в ставке наконец убедились, что в других районах побережья никто ничем не грозит.

В тот же день в сопровождении Йодля Гитлер вылетел во Францию: там, "на поле сражения", он выяснит обстановку и даст указания, каким образом нужно разбить противника. Обосновавшись в том самом бункере близ Суассона, откуда четыре года назад он собирался руководить вторжением в Англию, фюрер в присутствии генералов Западного фронта долго рассуждал о том, как ФАУ-1 скоро обеспечат перелом в войне. Он запретил отвод войск на новые рубежи и приказал действовать по принципам жесткой обороны. Завершив свой молниеносный визит требованием обязательно удержать порт Шербур, фюрер отбыл в противоположном направлении - на Восточный фронт.

В последующие дни германское верховное командование еще надеялось организовать мощный контрудар, который сбросил бы союзников в море. Гитлер заменой ряда командиров надеялся "укрепить боевой дух" на Западе и попытаться изменить ход событий. 3 июля Рундштедта сменил Клюге. В тот же день перешла в наступление с плацдарма 1-я американская армия, а 8 июля - 2-я английская. Затяжные бои оказались для союзников малоуспешными. Однако и германское командование пришло к выводу, что придется отказаться от попыток вырвать у союзников инициативу. Войска понесли значительные потери. Французские партизаны сковывали их передвижение. Резервы отсутствовали. ОКВ оказалось не в состоянии сосредоточить на Западе сколько-нибудь достаточные силы для успешной борьбы. Германские дивизии истекали кровью на Восточном фронте, германская

техника уничтожалась там, в массовых масштабах. В конце июля становилось ясным, что стратегическая концепция гитлеровского военного руководства провалилась также и на Западном фронте.

Конечно, открытие второго фронта, массовая высадка на континенте войск, оснащенных многочисленной и разнообразной техникой, окончательно доказали нацистам полную бесперспективность ведения борьбы. Но в плане общего хода мировой войны второй фронт не мог теперь иметь и не имел того значения, которое он приобрел бы в 1942 или в 1943 г. Главные военно-политические цели быстрее сокрушить фашизм, сократить сроки войны - были принесены в жертву задачам глобальной империалистической политики, нацеленной главным образом в послевоенное будущее.

Расчетливая холодная политическая стратегия союзников, сопровождавшая всю предысторию борьбы за второй фронт, конечно, не снимает значения этого события в общем ходе войны, его роли на завершающем этапе наступления сил антигитлеровской коалиции. Но предыстория определила и саму историю. Мощные экспедиционные силы, долго сдерживаемые тормозом антисоветской политики, появились на континенте слишком поздно. Второй фронт мог быть открыт раньше, и тогда его роль оказалась бы намного большей.

Однако рейх уже находился между двумя фронтами.

Но и после высадки в Нормандии ставка Гитлера продолжала увеличивать силы против Советского Союза. В июне 1944 г. на Восточном фронте находилось 178 немецких дивизий и 5 бригад. В октябре того же года их число возросло до 187 дивизий и 22 бригад. Нужны ли комментарии?!

Военный заговор

I

Фашизм сумел методами террора надолго подавить открытое сопротивление режиму внутри Германии. Однако по мере приближения катастрофы, несмотря на репрессии, концлагеря, те люди Германии, которые осознали преступность нацизма, его неизбежную гибель, прежде всего германские коммунисты, вели нарастающую по интенсивности борьбу за освобождение своей страны от гитлеризма.

К середине 1944 г. перед лицом неизбежного краха все больше выдвигался на первый план вопрос о том, как будет выглядеть послевоенная Германия. Различные группы антифашистов и противников Гитлера втайне составляли программы нового государственного устройства.

Коммунистическая партия Германии заблаговременно, еще до войны, разработала цельную программу, отражавшую наиболее глубокие интересы трудящихся масс, рабочего класса Германии, всех социальных слоев, угнетенных фашизмом, открывавшую путь к созданию подлинно мирной, демократической Германии. Эта программа уточнялась в ходе войны по мере изменения событий и расстановки сил. В таких документах, как "Политическая платформа Коммунистической партии Германии" от 30 декабря 1939 г., "Обращение к германскому народу и к германской армии" от 6 октября 1941 г., "Доклад о положении в Германии Исполнительному комитету Коммунистического Интернационала" от 3 апреля 1942 г. и "Манифест мира к немецкому народу и германским вооруженным силам" от 6 декабря 1942 г., были изложены основы действий против нацизма, очерчены программа и перспективы борьбы за демократическую Германию. Национальная политика КПГ, развитая во всех документах партии, в ходе войны привлекла к себе Национальный комитет "Свободная Германия"1358.

В качестве главной боевой цели всех германских антифашистов и демократов КПГ на Брюссельской партийной конференции поставила задачу создания новой, свободной Германии. На партийной конференции в Берне партия выдвинула цель превращения Германии в новую, демократическую республику, во главе которой стояло бы свободно

избранное всем народом народное правительство¹³⁵⁹. Бернская партийная конференция представила программу, на принципах которой могли объединиться все противники нацистского режима. Эта программа ориентировала на строительство Германии, общественный строй которой имел бы новый экономический и политический фундамент. В демократической республике фашизм должен быть вырван с корнем, чему могла способствовать экспроприация крупного капитала, подлинная демократизация армии, полиции, государственного аппарата. В новой, демократической республике предполагалось ликвидировать господство крупной буржуазии, утвердить народный фронт, объединяющий рабочий класс, крестьянство, среднее сословие, интеллигенцию¹³⁶⁰. Новая, миролюбивая Германия должна будет жить в сотрудничестве и союзе с Советским Союзом и с народами других стран и предоставить право самоопределения государствам, оккупированным фашистским рейхом.

Эта программа лежала затем в основе борьбы Коммунистической партии Германии во главе антифашистских сил за освобождение страны от нацистского режима. В годы войны КПГ вела последовательные, героические действия, показывая высокие образцы самоотверженности. На последнем этапе войны, когда фашистский террор достиг высшей степени свирепости, КПГ продолжала сопротивление. Осенью 1944 г. она разработала "Боевую программу окончания войны, мира и создания новой, свободной Германии", которая определяла руководящую линию для антифашистского Сопротивления на этом этапе и указывала план действий по революционному переходу из состояния военной катастрофы и господства террора нацизма к порядку, миру и свободе в германском государстве трудящихся.

В качестве национальной задачи германского народа КПГ определяла: повернуть оружие против Гитлера и гитлеровской клики, сделать невозможным продолжение ими преступной войны, создать широкий фронт народного антифашистского Сопротивления, который затем обеспечил бы себе поддержку народов стран антигитлеровской коалиции, всеобщее доверие и признание новой Германии.

Борьба КПГ за объединение всех противников гитлеровского режима в единый антифашистский фронт, за спасение германской нации нашла практическое отражение, в частности, в создании и развитии движения Национального комитета "Свободная Германия". В этом движении по инициативе КПГ объединились представители различных слоев германского народа и разных политических групп во имя общей цели - антифашистской борьбы. В своих программных документах, особенно в документе "Национальный комитет к народу и вермахту: 25 пунктов к окончанию войны" от марта 1944 г., комитет давал ответы на жизненно важные для нации проблемы. Он указывал, что война для фашистской Германии проиграна и ведется лишь во имя интересов Гитлера и его сообщников. В интересах нации немедленное заключение мира путем развития антифашистской борьбы народа и освобождения страны от гитлеровского режима. Вся деятельность Национального комитета была направлена на практическое руководство действиями организаций Сопротивления в Германии¹³⁶¹.

В ряду немцев - противников гитлеровского режима стояли и те силы из представителей буржуазных кругов, интеллигенции и военных, которые не находились в рядах фронта Сопротивления, КПГ, движения "Свободная Германия" и социал-демократических групп. Некоторые представители монополистической буржуазии думали искать выход из положения путем соглашения с западными державами и устранения Гитлера. Организуя заговор, они стремились к ликвидации гитлеровской диктатуры, исходя из своих классовых мотивов.

Передовые, наиболее прогрессивные силы этого круга объединились вокруг группы офицеров, в которой наиболее активной фигурой был полковник Штауфенберг. Мужественный, честный патриот, он искал действенного и радикального решения. В его группу входили как единомышленники старший лейтенант Хефтен, полковник Квирингейм, генералы Остер, Линдемман, Штиф, Ольбрихт, Тресков и некоторые другие. К ним

примыкали генералы Бек, Гепнер, фельдмаршал Витцлебен. Штауфенберг вступил в борьбу, руководимый чувством высокой национальной ответственности. Группа сформировалась после поражения вермахта под Сталинградом и Курском. Разгром группы армий "Центр" в Белоруссии участники группы оценили как "второй Сталинград". Штауфенберг пришел к выводу, что война Германией проиграна и что нужно избавить немецкий народ от новых, еще больших катастроф. Члены группы решили, что необходимо убить Гитлера, устранить гитлеровскую диктатуру и окончить войну на всех фронтах. Группа Штауфенберга не присоединилась к политической концепции реакционного большинства участников заговора против Гитлера, примыкавших к Герделеру. Сторонник радикальных действий, Штауфенберг в отличие от других, консервативных, участников заговора считал, что устранение Гитлера должно послужить началом крупных социально-политических преобразований в Германии, которые обеспечили бы ее развитие по демократическому пути. Как показал Д. Е. Мельников, было вполне очевидным сходство взглядов между передовой, наиболее демократической частью заговорщиков и офицерами, группировавшимися вокруг Национального комитета "Свободная Германия"¹³⁶².

Сторонники Штауфенберга считали необходимым расширить социальную базу антигитлеровского движения, прекратить войну не только на Западе, но и на Востоке, наладить после войны добрососедские отношения с Советским Союзом. В этом смысле их взгляды значительно отличались от доминирующей политической программы заговора. Ее вдохновитель Герделер выражал устремления той части монополистической буржуазии, которая была готова пожертвовать Гитлером во имя сохранения, при поддержке западных держав, своего классового господства в Германии после войны. Программа Герделера предусматривала сговор с Англией и США и продолжение войны против Советского Союза, установление военной диктатуры при полной господствующей роли монополий. Программа отличалась антидемократической и антисоветской направленностью. Она содержала элементы пангерманизма и преследовала цель усилить всевластие монополистического капитала и военщины в Германии, политическое руководство которой должно было оставаться авторитарным. Заговорщики хотели осуществить переворот келейно и боялись участия в нем не только широких масс, но и более или менее значительного круга военных.

II

В ряду военных - участников заговора лишь меньшинство придерживалось тех радикальных целей, которые преследовал Штауфенберг. Большинство же так или иначе причастных к заговору хотело осуществить переворот, чтобы, сменив правящую верхушку, заключить мир на Западе и продолжать войну против Советского Союза. Кроме узкой группы офицеров, остальные, особенно высокопоставленные "участники заговора", вели себя самым сомнительным образом. Они ждали, "куда ветер дунет": если заговор приведет к успеху, были не прочь присоединиться к нему, чтобы получить выгоду в дальнейшем, если же заговор провалится - отойти в сторону или даже показать свое рвение в расправе над заговорщиками. В этом отношении, как мы далее увидим, весьма колоритной фигурой был командующий армией резерва генерал-полковник Фромм.

Характерно, что из фельдмаршалов, которых затем обвинили в причастии к заговору, не было ни одного, кто находился в это время на Восточном фронте. О заговоре имели сведения лишь те, кто командовал войсками на Западе. Они были не прочь вступить в контакт с союзниками, не исключено, чтобы впоследствии объединенными силами двинуться на Восток.

В таком плане весьма типичной можно считать позицию фельдмаршала Роммеля. Занимая пост командующего группой армий "Б" на Западе, Роммель пришел к выводу, что война проиграна. Он стал делать некоторые жесты в сторону заговорщиков, очевидно, желая заручиться их вниманием и получить себе лично какую-то альтернативу на будущее, если "дело фюрера" завершится крахом. Однако он выжидал: все зависело от поворота событий. Во Франции он имел контакты с генералом Фалькенгаузенем, "военным губернатором

Бельгии и Северной Франции", и генералом Штюльпнагелем, "военным губернатором Франции".

Роммель знал соотношение сил воюющих сторон и понимал безнадежность общей ситуации. Он, безусловно, не верил ни в способность "Западной армии" отразить десант союзников, ни в возможность предотвратить поражение и капитуляцию своих войск, боеспособность которых равнялась очень незначительной величине. Он понимал неизбежность катастрофы на Востоке. Но ему хватало одной капитуляции в Северной Африке. Здесь имелся достаточный опыт. Видимо, теперь фельдмаршал предпочитал вступить в контакт со своими давними противниками - англичанами и американцами. Он хотел компромисса и понимал, что Гитлер не пойдет на него. Оставался единственный выход. Но Роммель не желал "крайностей": Гитлера не надо убивать. Его нужно арестовать¹³⁶³.

После установления связи Роммеля с политическими руководителями заговора, в частности с Герделером, было решено, что после свержения Гитлера фельдмаршал станет или главой нового правительства, или верховным главнокомандующим вермахта.

Тем временем политические руководители заговора разрабатывали программу действий: вступить в переговоры с западными державами, заключить с ними перемирие, отвести на Западе войска в Германию, арестовать Гитлера, затем создание "конструктивного мира" в виде "объединенной Европы" без СССР; продолжение войны с Советским Союзом; создание укороченного фронта на линии: устье Дуная, Карпаты, Висла, Мемель. Генералы-заговорщики не сомневались: англичане и американцы поддержат войну против СССР, чтобы "спасти Европу от большевизма". Как и Гитлер, генералы хотели еще раз сыграть на антикоммунизме. Бывший начальник генерального штаба генерал Бек соглашался с планом, особенно с той его частью, где шла речь о продолжении войны против Советского Союза¹³⁶⁴.

В начале мая 1944 г. Бек переслал в Швейцарию Даллесу свой план действий: германские генералы на Западе после англоамериканского вторжения отводят войска до немецкой границы. Тем временем западные союзники должны выбросить в район Берлина три парашютно-десантные дивизии для поддержки заговорщиков в столице, предпринять высадку экспедиционных сил на германском побережье у Гамбурга и Бремена, переправить войска через Ла-Манш во Францию. Внутри Германии надежные отряды займут район Мюнхена и запрут Гитлера в Оберзальцберге. Война против Советского Союза будет продолжаться со всей интенсивностью¹³⁶⁵.

План не получил поддержки: союзники не сомневались, что достигнут гораздо большего продолжением войны.

Тем временем Штауфенберг и его военные помощники в Берлине составили план под названием "Валькирии": убить Гитлера во время какого-либо из совещаний в его ставке, занять войсками армии резерва Берлин, Вену, Мюнхен и Кёльн, осуществить переворот, создать правительство во главе с Витцлебенем.

Основные трудности связывались с Берлином, где заговорщики могли даже в лучшем случае иметь в своем распоряжении лишь крайне мало войск - преобладали части СС. Правда, шеф берлинской полиции Гельдорф сочувствовал оппозиции.

Огромное значение имели военно-технические детали плана.

По плану "Валькирии", решающими считались первые два часа после убийства Гитлера. За этот срок следовало занять в столице телеграфные и телефонные станции, рейхсканцелярию, здания министерств и штаб войск СС. Геббельса, единственного из нацистских главарей не покидавшего Берлин, предполагалось арестовать, а ставку Гитлера "Вольфшанце" - сразу изолировать, чтобы Геринг, Кейтель, Йодль или находившийся там же Гиммлер не взяли руководство в свои руки. Эту задачу должен был выполнять находившийся в ставке участник заговора генерал Фелльгибель, начальник службы связи.

Затем предполагалось немедленно сообщить всем военным и государственным инстанциям в Германии и в оккупированных странах, что Гитлер мертв и что в Берлине

создано новое правительство. В течение 24 часов ему предстояло взять власть в свои руки, прежде чем ставка примет контрмеры. Решение основной задачи - убийство Гитлера - Штауфенберг брал на себя. После того как он сообщит в Берлин из ставки, что покушение удалось, находящиеся в столице заговорщики должны действовать стремительно, чтобы использовать неизбежное замешательство. Они надеялись вывести войска армии резерва, которыми командовал генерал-полковник Фромм, и с их помощью осуществить переворот1366.

План, несмотря на его обстоятельность, имел ряд слабых мест. Он отражал верхушечный характер заговора и по методам, и по замыслу. Участники даже не пытались создать для заговора какую-либо широкую, социальную опору. Они не учли такой чисто военной детали: если узел связи ставки Гитлера и будет выведен из строя, мощный аппарат "Вольфшанце" найдет средства, чтобы и при удаче покушения не выпустить руководства из своих рук. В Берлине, где решалась судьба переворота, ничего основательно не было подготовлено. Фромма заговорщики считали малонадежным и вместе с тем сознательно делали именно на него ставку, ибо единственная реальная сила, на которую они рассчитывали, резервные войска, подчинялась Фромму. Гарнизон Берлина, поддержка, которого входила в расчеты Бека, в значительной части состоял из гитлеровских вояк-"ветеранов" и не мог считаться сколько-нибудь серьезной опорой, хотя его командир в какой-то мере примыкал к заговору. Эсэсовские части столицы недооценивались. Что же касается фронтовых соединений - там о заговоре и его целях вообще не знали.

Приказ о вводе плана "Валькирии" предстояло отдать не кому иному, как тому же самому Фромму, который, по мнению участников заговора, будет действовать, лишь если станет очевидным полный успех восстания. Организаторы подготовили тексты приказов за подписью Фромма, о которых тот не знал. Если в решающий момент Фромм предаст, предлагали его заменить генералом Гепнером, бывшим командующим танковой группой, которого Гитлер сместил после поражения под Москвой и который также толком почти ничего не знал о плане заговора.

События подхлестывали. Разгром гитлеровских армий в Белоруссии и приближение советских, войск к границам Восточной Пруссии создавали ситуацию безнадежности.

И вот заговорщикам повезло: в конце июня Штауфенберг был назначен начальником штаба Фромма. Полковник получил доступ к Гитлеру для докладов и стал по нескольку раз в неделю выезжать в ставку на совещания о пополнениях разбитых на Востоке дивизий. Штауфенберг решил убить Гитлера во время одного из таких визитов.

Вечером 19 июля 1944 г. он получил приказ: завтра прибыть в "Вольфшанце", в 13.00 начнется совещание у фюрера. Быть готовым к докладу о формировании новых фольксгренадерских дивизий, которые должны срочно направиться на Восточный фронт. Штауфенберг оповестил участников заговора: он совершит покушение завтра.

III

На рассвете 20 июля полковник Штауфенберг и его адъютант старший лейтенант Хефтен сели в самолет на берлинском аэродроме Рангсдорф. В портфеле полковника кроме папки с бумагами лежала завернутая в рубаху бомба. Ее накануне вечером Штауфенбергу тайно передал генерал Штиф. После непродолжительного полета самолет приземлился в Растенбурге. Машина ждала. Оба помчались к "Вольфшанце". Впереди - знакомый лес, ограждения, пулеметные гнезда.

Первая опасность подстерегала на контрольных пунктах. Их было три. На каждом могли обыскать. Однако Штауфенберг прибыл для личного доклада фюреру, поэтому проверка носила формальный характер. Офицеры на постах, хорошо знавшие полковника с черной повязкой, закрывавшей часть лица (результат ранения и потери глаза), козыряли ему, и шлагбаум открывался. Благополучно преодолев посты, Штауфенберг прежде всего направился на узел связи к Фелльгибелю. Тот подтвердил готовность сразу после покушения передать в Берлин условленный сигнал, а потом прервать связь ставки с внешним миром.

Затем Штауфенберг зашел в барак Кейтеля. Фельдмаршал сообщил, что совещание будет коротким: в 14.30 фюрер ожидает Муссолини. Оба направились в помещение, где Гитлер проводил совещания. Уже на пороге барака Штауфенберг сделал вид, что забыл у Кейтеля фуражку и побежал обратно. В помещении он быстро вынул бомбу и поставил взрыватель на боевой взвод с 10-минутной дистанционной трубкой. Кейтель нетерпеливо ждал Штауфенберга: совещание уже началось. Полковник быстро вернулся со своим толстым портфелем и вошел вслед за фельдмаршалом в барак фюрера. При входе нарочно громко, чтобы слышал Кейтель, он сказал сидящему около телефона фельдфебелю: он ждет срочного разговора со своим штабом в Берлине. Как только последует звонок, его надо вызвать из зала.

Когда Штауфенберг и Кейтель вошли в зал совещаний, до взрыва бомбы оставалось шесть минут. Теперь все развивалось стремительно.

Дальнейшие события, изученные после войны до мельчайших подробностей, выглядели, согласно описаниям Шлабрендорфа, Аллена, Пехеля и особенно У. Ширера, в общем виде следующим образом¹³⁶⁷.

Войдя в зал, фельдмаршал и полковник приветствовали фюрера. Тот ответил еле заметным кивком. Кейтель сел между Гитлером и Иодлем. Докладывал Хойзингер. Речь шла о прорыве Красной Армии на центральном участке фронта. В легком деревянном помещении все десять окон были открыты из-за жары. В середине стоял длинный стол, вокруг которого размещались присутствующие.

Штауфенберг подошел к столу, поставил портфель на пол, подвинув его ногой так, что он оказался в полутора метрах от Гитлера, и стал рядом с Иодлем. До взрыва оставалось пять минут.

Стоявший под столом толстый портфель мешал находившемуся рядом заместителю Хойзингера Брандту. Он отодвинул его немного в сторону от ног Гитлера. Штауфенберг встал, как будто вспомнив, что ему надо подойти к телефону, и незаметно вышел из помещения. Поскольку Хойзингер уже кончал, Кейтель, зная, как мало у фюрера времени, стал искать глазами полковника. Не обнаружив его, фельдмаршал припомнил, что Штауфенберг ждет разговора с Берлином. Он вышел из помещения, чтобы позвать "докладчика". Но фельдфебель, дежуривший у телефона, сказал, что "полковника с одним глазом" никто не вызывал. Кейтель вернулся обратно.

С этого момента, согласно описанию У. Р. Аллена, события развивались так¹³⁶⁸.

Докладывал Хойзингер:

- Обстановка в Восточной Пруссии, мой фюрер, очень угрожающая, хуже быть не может. Русские приближаются к ней. Гитлер бросил взгляд на карту и заорал:

- Их нельзя пускать туда! Модель и Кох отвечают за это! Большевики не должны пройти!

Хойзингер кротко указал, что русские "пойдут на все", что их позиции неуклонно усиливаются, а немецкие быстро ухудшаются. Гитлер слабо кивнул головой и угрюмо стал слушать дальше.

12 часов 41 минута.

Хойзингер дошел до последней части своего безрадостного доклада.

- В районе западнее Даугавы русские крупными силами предприняли наступление в направлении на север. Их передовые части уже атакуют окраины Двинска. Если мы не отведем группу армий, находящуюся сейчас у Чудского озера, то катастрофа...

Хойзингер так и не закончил фразы.

12 часов 42 минуты!

Мощный взрыв раздался из-под стола. Еще два взрыва последовали один за другим. Столбы огня рванулись вверх и заполнили все помещение. Крышку огромного стола бросило в воздух, карты охватило пламя. Присутствующих расшвыряло во все стороны. С потолка рухнули горящие балки. Одного нациста, стоявшего у окна, взрывная волна буквально выкинула наружу. Дым и пламя охватили разрушенное помещение.

Офицер, которого выбросило из окна, поднялся на ноги невредимый, бросился бежать и завопил:

- Покушение! Покушение!

Поднялась невообразимая паника. Прибежала эсэсовская охрана. Завыли сирены, предупреждая все посты "Волчьего логова" о тревоге и прекращении всякого движения в зоне ставки.

Брандт, отодвинувший портфель, спас жизнь фюреру. Но сам погиб. Контуженого Гитлера двое часовых вели от места взрыва. Вскоре появились автомашины. Убитых и раненых увезли.

Тем временем Штауфенберг стоял с Фелльгибелем в 200 м от барака заседаний и наблюдал взрыв. Он не сомневался, что все участники совещания погибли, что Гитлер мертв, и сказал генералу, чтобы тот действовал по плану: немедленно сообщил в Берлин об удавшемся покушении и перерезал всю связь. Затем, используя всеобщую панику, Штауфенберг выбрался из "Вольфшанце" и помчался на аэродром. Ожидавший его самолет сразу же стартовал на Берлин.

Когда в ставке немного опомнились, то прежде всего, конечно, стали обсуждать, что же произошло. В первый момент возникло несколько предположений о причине взрыва. Гитлер заявил, что это, вероятно, был налет авиации. Иодль считал, что кто-то из рабочих запрятал бомбу замедленного действия под пол: на месте взрыва зияла большая дыра. Прошло два часа, прежде чем подозрение пало на Штауфенберга. Некоторые участники совещания припомнили, как он входил в барак и как поставил портфель под стол у ног фюрера. После расспросов охраны выяснилось, что полковник вместе с адъютантом пересекли контрольные посты сразу после взрыва. Комендант аэродрома Растенбург сообщил о спешном отлете Штауфенберга после 13 часов на Берлин.

Гиммлер немедленно отдал приказ арестовать Штауфенберга на берлинском аэродроме. Однако Фелльгибель не передал приказа.

Гитлер уже пришел в себя. Контузия оказалась легкой. Ему предстояло встретиться с Муссолини. Поезд должен был прийти в 16 часов, но запаздывал.

Эта была последняя встреча двух диктаторов. Если посмотреть на нее глазами историка, она, бесспорно, носила отпечаток некой мрачной иронии. Бывший главарь итальянского фашизма, которого десантники Гитлера только что выволокли из плена, все еще делал вид, что кого-то представляет, и принимал античные позы былого величия. Гитлер, который только что чудом не отправился на тот свет, с перекошенной физиономией, обожженный, с трясущейся рукой, уже успел убедить себя, что сам господь бог решил "сберечь его для великих дел". Оба ходили вокруг досок и камней развороченного барака и в невероятном возбуждении обсуждали случившееся.

- Я стоял вот здесь, у этого стола, - с жаром, показывая на обломки, говорил Гитлер. - И здесь, прямо у моих ног, взорвалась бомба. Теперь я понимаю, что со мной ничего не должно случиться, тем более что это уже не в первый раз я чудесным образом избегаю смерти. После моего сегодняшнего спасения от смертельной опасности я еще больше, чем прежде, убежден, что мне суждено довести до счастливого конца наше общее великое дело.

Дуче, скрестив руки на груди, понимающе кивал головой. Он, конечно, во всем согласен с фюрером.

"После того, что я здесь увидел, - ответил он, указывая на развалины, - я целиком согласен с вами. Это было знамением неба"1369.

Затем, немного успокоившись, оба пошли со своей свитой пить кофе.

Теперь удалось восстановить связь с Берлином, и оттуда пришло первое донесение о попытке восстания. Все сидели за столом.

Здесь-то и произошел еще один взрыв, правда иного порядка, но который для гитлеровских сообщников был, пожалуй, не менее страшным, чем первый.

Сначала Гитлер молча, с пепельно-серым лицом, сидел, бессмысленно уставившись в одну точку прямо перед собой, не слушая клятвы в верности, которые наперебой приносили

ему все окружающие. Вдруг он вскочил и в приступе дикого безумия стал вопить истошным голосом. Потом начали прорываться бессвязные выкрики. То, что он в свое время сделал с Ремом и его шайкой, не идет ни в какое сравнение с тем, что он сделает сейчас. Он их всех до единого истребит, как собак. Их жены и дети будут брошены в концлагерь. Угрозы и проклятия лились потоком. Гитлер сразу потребовал связать его по телефону с управлением СС и прокричал в трубку приказ - расстрелять всех, кто хоть в самой малейшей степени причастен к заговору.

... Самолет Штауфенберга приземлился в Берлине на аэродроме Рангсдорф около 16.00. Тут же удалось связаться по телефону со штабом армии резерва, и Штауфенберг был потрясен: участники заговора бездействовали. Плохая слышимость не позволила им разобрать телефонное сообщение Фелльгибеля. Они не понимали: убит Гитлер или нет. Все ждали Штауфенберга и теряли время.

Но Штауфенберг не сомневался: конечно, Гитлер мертв. Он решительно заявил об этом по телефону Ольбрихту. Тогда действующие лица зашевелились.

Теперь сценой событий стал штаб армии резерва на Бендлерштрассе. Как пишет У. Ширер, полковник Квириггейм, начальник штаба Ольбрихта, сразу после звонка Штауфенберга извлек из сейфа документы плана "Валькирии" и стал по телефону передавать их текст в штабы войсковых частей, расположенных в городе и его окрестностях. Первым приказом войска поднимались по тревоге. Вторым приказом, подписанным фельдмаршалом Витцлебенем - новым "верховным главнокомандующим вермахта", - оповещал, что Гитлер погиб и что он, Витцлебен, принимает всю полноту военной власти. Сам фельдмаршал еще находился в Цоссене и выжидал.

Ольбрихт после отдачи первого приказа пошел в кабинет Фромма. Здесь произошел эпизод, ставший критическим.

Войдя в кабинет, Ольбрихт сказал генерал-полковнику, что Фелльгибель сообщил по телефону о смерти Гитлера. Он потребовал от Фромма, чтобы тот возглавил действия заговорщиков в Берлине. После паузы Фромм ответил, что сначала он должен сам убедиться в смерти Гитлера.

Ольбрихт подошел к телефону и вызвал "Вольфшанце". Но, когда там сняли трубку, он тут же отпрянул, так как услышал голос Кейтеля.

Фромм вырвал трубку. Разговор шел так:

Фромм: Что случилось в главной квартире? В Берлине ходят дикие слухи.

Кейтель: А что может случиться? Все в порядке.

Фромм: Мне только что доложили, что фюрер пал жертвой покушения.

Кейтель: Это чепуха. Имело место покушение, но оно, к счастью, не удалось. Фюрер жив и только незначительно ранен. Где ваш начальник штаба полковник Штауфенберг?

Фромм: Полковник Штауфенберг еще не вернулся¹³⁷⁰.

Растерявшийся Ольбрихт не знал, что делать. В состоянии полнейшей прострации он вышел из кабинета.

В этот момент примчался Штауфенберг. Ольбрихт сообщил ему о разговоре с Кейтелем. Полковник ответил: ложь. Гитлер мертв. Он сам видел огромной силы взрыв. Никто уцелеть не мог. Нужно действовать, не теряя ни минуты. Штауфенберга поддержал приехавший часом раньше Бек.

Штауфенберг начал звонить в Париж. Он передал Штюльпнагелю: начинать действия. Затем вместе с Ольбрихтом пошел к Фромму, от которого многое зависело. Но генерал отказался действовать. Заговорщики его арестовали и заперли в комнату адъютанта, где предварительно удалось выключить телефон.

В критические минуты пришлось арестовать персону, которая еще часом назад рассматривалась чуть ли не в роли ключевой фигуры.

Тем временем комендант Берлина генерал Хаза приказал командиру батальона охраны "Великая Германия" майору Ремеру вывести подразделения в город, а самому явиться в комендатуру на Унтер ден Линден.

Здесь-то и появляется на сцене новое действующее лицо - майор Ремер, которому было суждено сыграть удивительную роль в одном из заключительных эпизодов.

Ремер, типичный гитлеровский солдафон, получивший на фронте железный крест из рук самого фюрера, по-собачьи преданный ему, был избран заговорщиками для весьма ответственной роли. Он дал команду батальону двигаться в Берлин, а сам предстал перед Хазе. Генерал разъяснил майору: фюрер погиб в результате покушения, а СС готовят захват власти. Этому надо помешать. Ремеру следовало оцепить правительственный квартал, включая главное управление безопасности СС.

Ремеру не составило труда выполнить задачу.

Но тут развернулись события, которых он, Ремер, никогда в своей жизни не мог и предполагать.

Его случайно разыскал ранее служивший в батальоне охраны лейтенант "доктор" Хаген, прожженный нацист и шизофреник, теперь выполнявший поручение Геббельса по сбору материалов для "истории культуры национал-социализма". Хаген приехал в Берлин и на улицах города почуял неладное. Он разыскал бывшего сослуживца Ремера, уговорил его сесть в коляску своего мотоцикла и поехать к Геббельсу.

Когда мотоцикл остановился у дверей министерства пропаганды, Геббельс как раз окончил разговор с Гитлером, который рассказал о покушении и потребовал немедленно объявить по радио, что оно не удалось.

В кабинет буквально врывается Хаген. Он объявляет министру, что в городе, вероятно, заговор и предательство. Солдаты окружают здание. Немедленно Геббельс приказал Хагену привести командира этих солдат.

Бравый майор через считанные минуты предстал перед министром пропаганды. Тот с ходу повелительно спросил, помнит ли он присягу фюреру.

- Но ведь фюрер мертв, - сказал Ремер.

- Фюрер жив, - ответил Геббельс. - Я только что с ним говорил.

Он вызвал по телефону "Вольфшанце". Когда Гитлер подошел к аппарату, Геббельс объяснил ему, в чем дело, и передал трубку майору. Мог ли тот не узнать голоса фюрера! Он вытянулся "смирно" с трубкой в руках.

- Приказываю подавить мятеж, - сказал фюрер и тут же произвел его в полковники.

В этом было что-то гротескное: майор спасал третий рейх!

Ремер бросился выполнять приказ. Он снял оцепление правительственного квартала и двинулся к Бендлерштрассе, чтобы арестовать заговорщиков.

Геббельс в 18.30 передал по германскому радио: на фюрера было произведено покушение, но оно не удалось. В 20.20 Кейтель направил всем командующим войсками радиogramму: фюрер назначил командующим армией резерва Гимmlера, Принимать к исполнению приказы только от рейхсфюрера СС и от него, Кейтеля. Любые приказы Фромма, Витцлебена и Гепнера недействительны¹³⁷¹.

Приказы заговорщиков не выполнялись. Командир танковой школы в Крампнице, от которого Ольбрихт потребовал направить танки в Берлин, а самому явиться на Бендлерштрассе за дальнейшими указаниями, распоряжение не исполнил. Поэтому-то и не появились на берлинских улицах столь необходимые заговорщикам танки. Некоторые офицеры, которые были не прочь в случае успеха путча присоединиться к заговору, теперь не только отказались от своего намерения, но и старались доказать верность фюреру. Начальник штаба 3-го округа генерал Герфурт, который сначала хотел двинуть войска, увидев, как пошли дела, позвонил в ставку Гитлера: он готов подавить путч. Позднее он все равно был осужден как соучастник.

В 21 час германское радио объявило: вскоре к немецкому народу обратится фюрер.

Тем временем новоиспеченный полковник Ремер арестовал генерала Хазе. Его место занял эсэсовский палач Рейнеке. Он немедленно подчинил СС все войска, расположенные в Берлине. Прибывший в город верный слуга Гитлера Скорцени сосредоточил силы, чтобы двинуть их на Бендлерштрассе. Офицеры из штаба Ольбрихта, увидев, куда все повернулось,

решили действовать против своего начальника. Они ворвались в кабинет Фромма, где находились Бек, Ольбрихт, Штауфенберг.

Теперь сюда вошел и Фромм. Он приказал арестовать всех и объявил "от имени фюрера", что "совершает суд на месте". Всех вывели во двор и в наступившей темноте расстреляли при свете фар бронетранспортеров. Бек застрелился сам.

Восстание было разгромлено. Начались повальные аресты. Хватали всех, кто мог быть причастным даже самым отдаленным образом к заговору. Прибыл Гиммлер. Он обосновался в здании министерства пропаганды, охраняемом людьми Ремера, и вскоре сообщил Гитлеру, что с мятежом покончено.

Уже ночью по радио выступил Гитлер.

Он объявил немцам, что на него совершили покушение "преступники, равных которым нельзя найти во всей немецкой истории". Он заверил: "Эта совсем небольшая клика преступных элементов теперь будет беспощадно истреблена". Каждого, кто исполнял приказы преступников, отдавал или передавал их, приказывалось срочно арестовать, а в случае сопротивления немедленно расстреливать.

Все было выдержано в классическом стиле фашизма. На первом же заседании в "Вольфшанце" после покушения Гитлер заявил: "Теперь я буду делать короткие процессы. Эти преступники не должны представлять перед военным судом. Их будет судить народный суд. Они не должны получать права долго говорить. И не позже, чем через два часа после вынесения приговора, он должен приводиться в исполнение! Их нужно немедленно вешать без всякой жалости" 1372.

Расправа представляла собой не просто акт мести, но прежде всего идеологическую, политическую и пропагандистскую акцию устрашения, предпринятую фашистским режимом как последний отчаянный шаг для внутреннего укрепления гибнущей системы.

Внутри Германии начался кровавый шабаш. Чудовищные пытки, "показательные процессы" и казни следовали непрерывно. Фашистские палачи широко использовали, не скрывая этого, казни через повешение на фортепьянных струнах с медленным удушением жертвы. Не только родных, но даже дальних знакомых осужденных тысячами бросали в концлагеря.

Наиболее характерной и показательной реакцией вооруженных сил, высшего генералитета на события 20 июля было создание суда для рассмотрения дел всех причастных к покушению. Германское радио сообщило: "Армия информировала фюрера, что она стремится к немедленному восстановлению своей чести путем безжалостного очищения своих рядов от всех преступников, замешанных в покушении 20 июля. Фюрер, уступив просьбе вермахта, назначил из фельдмаршалов и генералов суд чести для изгнания негодяев из армии. Уволенные из армии передаются для вынесения приговоров народному суду".

В состав "суда чести" вошли, в частности, фельдмаршал Рундштедт и генерал Гудериан.

Последний именно 20 июля 1944 г., сразу после покушения на Гитлера, получил пост начальника генерального штаба сухопутных сил. Какой ценой? Некоторое время Гудериан знал о существовании заговора. Активный его участник (один из немногих случайно уцелевших) Шлабрендорф пишет, что перед самыми событиями 20 июля "мы были у Гудериана и предупредили его, чтобы он нас не выдавал. Однако, когда вечером 20 июля Гитлер назначил Гудериана начальником генерального штаба ОКХ, нам всем стало ясно, чем тот заплатил за продвижение по службе" 1373.

И не случайно первый приказ Гудериана после вступления в новую должность гласил: "Каждый офицер генерального штаба должен быть еще и национал-социалистским руководителем. И не только из-за знания тактики и стратегии, но и в силу своего отношения к политическим вопросам и активного участия в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с принципами фюрера..."

Высшие руководители вермахта спасли Гитлера, учинили расправу со всеми, на ком лежала даже тень обвинений в оппозиции. Участники заговора представляли собой лишь

сравнительно небольшую группу в огромном, 400-тысячном офицерском корпусе третьего рейха¹³⁷⁴.

Заседания "народного суда" под председательством изувера и фанатика Фрейслера превращались в садистское увеселение. На первом заседании перед "судом" предстали Витцлебен, Гепнер, Хазе и несколько офицеров. Геббельс приказал снять кинофильм о всех деталях "процесса". Подсудимых вводили в зал небритыми, в мятых, рваных одеждах, без подтяжек и ремней на брюках. У Витцлебена отняли зубной протез. "Вы, грязный старик, - орал Фрейслер, - чего вы там возитесь со своими штанами?"

"Адвокат" Витцлебена объявил, что считает своего "подопечного" убийцей, и потребовал для него немедленной смертной казни. Приговор всем был еще раньше определен Гитлером: "Повесить всех, как скотов на бойне".

Все члены "суда" знали: сам фюрер будет смотреть снимавшийся во всех деталях фильм. Им открывалась необычайная, быть может единственная, возможность показать себя и даже сделать карьеру. Любой, самый ничтожный из них, считавший прежде за счастье увидеть фюрера, теперь автоматически попадал на его глаза. Можно себе представить, как они лезли из кожи вон, чтобы использовать свой шанс! Самое главное состояло в том, чтобы показать себя наиболее преданным фюреру и режиму и чтобы партнер по мрачному спектаклю не перещеголял.

Под удар попал ряд генералов Западного фронта. Но как они себя повели! Фон Клюге, получивший назначение вместо Рундштедта командующим группой армий "Запад" и вступивший в должность 3 июля, уже 16 августа получил отставку, ибо был заподозрен в связи с заговорщиками и с англичанами. После того как ему на смену прибыл "пожарный для безнадежных ситуаций" Модель, фон Клюге сел в машину и направился в Германию. Это были дни катастрофы у Фалеза. Клюге знал, что ждет его в Берлине. Доехав до окрестностей Седана, он принял яд.

Так бесславно кончали они свою карьеру. Непосредственно перед смертью, 18 августа, Клюге направил Гитлеру письмо. Его содержание еще раз показывает, насколько германские фельдмаршалы оставались рабски верными фашизму. "Мой фюрер, - писал Клюге, - я всегда восхищался вашим величием, вашим самообладанием в этой гигантской борьбе и вашей железной волей к утверждению самого себя и национал-социализма. Если судьба оказалась сильнее, чем ваша воля и чем ваш гнев, то значит такова воля провидения"¹³⁷⁵. Клюге просил Гитлера "решиться окончить войну" и кончил свое предсмертное послание обычным верноподданническим "хайль" в честь вождя.

Это письмо, аналогичное телеграмме, направленной 29 января 1943 г. Гитлеру Паулюсом перед сталинградской капитуляцией, опровергает тезис тех историков на Западе, которые постоянно противопоставляют генеральный штаб Гитлеру и твердят о коренных расхождениях между ними. Ганс фон Клюге, принадлежавший, по словам Шрамма, к "умнейшим генералам немецкой армии", а по существу военный преступник, перед тем как принять яд, раболепствовал и пресмыкался перед еще большим преступником, чем сам, называл его "гением" и уверял в своей любви.

Роммелю был предложен выбор: кончить самоубийством или идти под суд. Он избрал первое. Последовало сообщение: фельдмаршал погиб при налете английской авиации.

Заговор против Гитлера был обречен на неудачу прежде всего потому, что антифашистское, патриотическое выступление Штауфенберга и его группы не смогло отмежеваться от реакционного большинства заговорщиков, которые опасались действовать на широкой общенациональной основе. Келейный, верхушечный характер заговора не создавал ему реальных перспектив. Участники заговора составляли узкую группу. Более широкий круг в той или иной мере осведомленных или затем обвиненных большей частью без реальных оснований в приверженности к заговору был рыхлым, реакционно-инертным, крайне неустойчивым, склонным скорее к предательству, чем к поддержке. Большинство из тех, кого причислили к заговору, за исключением отдельных лиц, подобных мужественным Штауфенбергу, Ольбрихту и некоторым из их соратников, принадлежало к убежденным

нацистам или к тем кругам военных, которые горячо ратовали за планы завоевания Германией мирового господства, особенно за счет Советского Союза, за тоталитарный режим в стране. Они в какой-то мере и на определенный срок молча и благосклонно относились к оппозиции лишь потому, что, наконец, не могли не понять, в какую беду впутались вместе со своим фюрером, ставшим слишком "одиозной" фигурой. И они были не прочь сохранить все, но теперь без "обожаемого фюрера".

Однако дело провалилось. И расправа Гитлера обеспечила ему покорность генералитета, его службу вплоть до того момента, когда фюрер принял яд в своем бункере под рейхсканцелярией. Но тогда не стало не только фюрера, но и рейха, и поэтому генералам уже некому было верой и правдой служить.

Что же дальше?

I

Историку бывает тем легче оценить прошлое, чем дальше оно отстоит от современности.

Полнота и достоверность исторической картины большей частью пропорциональна времени, которое отделяет минувшее от настоящего. Однако существуют явления, которые с трудом поддаются логической оценке и через десять, и через тридцать и больше лет, не потому, что навсегда исчезли какие-то документы и факты, но потому, что эти явления идут наперекор всяческой логике развития. Именно такого рода явлением была гитлеровская военная стратегия на завершающем этапе второй мировой войны.

Получая один за другим жесточайшие удары от Красной Армии, гитлеровские стратеги с регулярной закономерностью совершали одни и те же просчеты. Все выглядело так, будто сегодня начисто забывалось прошедшее вчера, хотя вчерашнее, казалось, должно бы преподать урок и уберечь от сегодняшнего безумия.

Теперь в среде нацистского военного руководства все вращалось в каком-то порочном цикле. Перед каждым принимаемым "Вольфшанце" военно-стратегическим решением факты действительности неумолимо говорили об одном: о колоссально растущей силе Советского Союза, мощи всей его военной организации, мастерстве его военачальников. Однако факты эти незамедлительно и регулярно пропускались через какие-то одни и те же фильтры военно-политического мышления нацистского милитаризма, и результат становился абсолютно не отвечающим действительному объекту. Регулярно, настойчиво и многократно повторяемая на всех этапах борьбы недооценка военного потенциала и возможностей Советского Союза сочеталась со столь же упорно и закономерно повторяемыми предвзятыми и ложными оценками его военных планов. С одной стороны, причины этой закономерности лежали, конечно, в том, что советская военная стратегия, используя самые различные приемы, в возможных сферах направляла мысль, оценки, действия фашистской стратегии в наиболее выгодных для себя направлениях, демонстрируя при этом свое безусловное превосходство. С другой стороны, очевидно, что фашистская империалистическая военная стратегия, носившая в своей политической основе глубоко реакционный, антинародный и античеловеческий характер, не только не могла выработать методы, стоящие на уровне эпохи, но при полном несоответствии средств целям оказалась совершенно неспособной определять решения, адекватные реальности. Из альтернативы: капитулировать или продолжать борьбу - она автоматически, по внутренней логике режима, избирала второе, бессмысленность которого тоже логически и закономерно вызвала и бесплодность ее действий. И все это в конечном счете преломлялось в практике войны в виде коренных ошибок и просчетов прежде всего во всем том, что касалось хода борьбы против принципиально иной социальной системы, воплощаемой Советским Союзом.

В конце июля 1944 г. Восточный фронт, глубоко прорванный в центре, под ударами Красной Армии быстро откатывался на Запад. Советские войска уже вели бои у Клайпеды, под Гродно и Каунасом. В германскую ставку приходили донесения из группы армий

"Север": противник вот-вот выйдет к Рижскому заливу около Тукумса. Он приближается к границе Восточной Пруссии. Фронт группы армий "Северная Украина" прорван у Брод и Ковеля. Красная Армия движется к Висле и Сану. Словом, на Востоке все пылало. Непрерывно идущее наступление советских войск глубоко разрывало линии обороны восточных армий то на одном, то на другом участке.

В августе на границу Восточной Пруссии, на Вислу и к Карпатам вышли войска пяти советских фронтов. "С этих рубежей они могли теперь обрушить на врага новые удары в полосе между Балтийским морем и Карпатами, вторгнуться в Восточную Пруссию и выйти на подступы к Берлину"¹³⁷⁶. Красная Армия продолжала неудержимо двигаться на Запад. "Удары, нанесенные Советской Армией германской военной машине, до основания потрясли третий рейх, подорвали его военную мощь, привели фашистский блок на грань распада"¹³⁷⁷.

Героическая борьба Красной Армии теперь, как и прежде, заставляла германское военное руководство бросать максимум сил на советско-германский фронт. Эти силы затем растерялись под мощными ударами, сжигались в горячем пламени непрерывно и неумолимо идущего наступления советских войск. Уже после открытия второго фронта в июне 1944 г. две трети сил вермахта, причем самых отборных, оставались на Восточном фронте. Здесь гитлеровское командование по-прежнему несло все главные потери, здесь, в частности, оно потеряло до сих пор в общем итоге две трети своей авиации. Только с ноября 1942 г. до апреля 1943 г. на советско-германский фронт было переброшено из Франции, Голландии, Дании, Германии 35 дивизий, в том числе 20 дивизий непосредственно из Франции.

Говоря о кризисе методов стратегического руководства гитлеровского командования, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет: "В отличие от первого периода войны немецкое командование стало каким-то тяжелодумным, лишенным изобретательности, особенно в сложной обстановке. В решениях чувствовалось отсутствие правильных оценок возможностей своих войск и противника... Столкнувшись с трудностями при вынужденных отходах и при ведении стратегической обороны, командование немецких войск не сумело перестроиться. Оно плохо учло и то, что Красная Армия, Воздушный и Военно-Морской Флот как в количественном, так и особенно в качественном отношении в целом неизмеримо выросли, а войска и командные кадры оперативно-стратегического звена в своем искусстве далеко шагнули вперед, закалились в тяжелейших условиях вооруженной борьбы"¹³⁷⁸.

Но кризис военного искусства еще не означал военного краха, Силы фашизма не иссякли, а ярость сопротивления обреченных достигала высшей степени.

...Глубокой ночью 31 июля 1944 г. в бараке для совещаний ставки Гитлера собрались на очередное обсуждение военной обстановки главари нацистского вермахта. После взрыва бомбы прошло лишь десять суток. Фюрер сидел сгорбившись, левая рука безжизненно висела. Мутным взглядом отекавших глаз он смотрел на входящих один за одним Кейтеля, Йодля, Варлимонта и других сообщников. Настроение всех было подавленным. На физиономиях лежали глубокие тени. Что дальше? Как найти выход из всей этой ситуации? Что думает и скажет фюрер?

Гитлер стал говорить глухим, прерывающимся голосом. Его речь стала сбивчивой.

- Йодль, - сказал фюрер, - когда я изучаю большие заботы сегодняшнего дня, то понимаю, что первой проблемой является стабилизация Восточного фронта большего в данный момент не существует.

И я задаю себе вопрос: действительно ли общее положение настолько плохо и мы так тесно сжаты? По существу в этом имеются не только отрицательные, но и положительные стороны. Если область, которую мы сейчас занимаем, будет удержана, то на этой области мы все-таки сможем жить и мы не будем иметь этого гигантского тыла.

Превосходная логика! Нужно ли было "завоевывать мир", чтобы потом отказаться от "гигантского тыла", созданного завоеваниями?

Гитлер путанно говорил далее о необходимости удерживать занятое пространство и о том, что в общем положение не так плохо, как может казаться. Надо только любой ценой остановить Красную Армию.

- На Востоке, по моему самому священному убеждению, - с пафосом воскликнул он, - наше положение можно стабилизировать.

Но как? Ведь это говорилось в дни, когда Красная Армия полностью сокрушила центр германского фронта, завершила изгнание с советской земли захватчиков, совместно с 1-й Польской армией начала освобождение Польши, выходила к Висле, в предгорья Карпат, к Рижскому заливу и к Восточной Пруссии.

Можно ли еще удержать Францию?

Ответ Гитлера на этот вопрос мы воспроизводим буквально по стенограмме его речи, сбивчивой, но не лишенной одной ясной мысли:

"Нужно точно себе представить, что во Франции вести операции, - а это, как мне кажется, необходимо считать кардинальным вопросом любой оценки при современных обстоятельствах, - в так называемых открытых полевых сражениях вообще полностью невозможно. Этого мы не можем. Мы в состоянии двигаться только какой-то частью наших соединений; но и то лишь при известных обстоятельствах. Другие соединения не могут двигаться не потому, что мы не в состоянии по существу заставить наши соединения двигаться: соединения ни по своему вооружению, ни по снаряжению непригодны для ведения подвижной войны. Они ее не могут вести, они ей не обучены, а общую численность сил во Франции вообще нельзя определять в количестве дивизий, которые мы там теоретически имеем. Счет надо вести по количеству соединений, которые действительно способны передвигаться, а таких там мало.

Дивизий, способных двигаться, имеется столь малое число, что оно определяется единицами, дробью. Не будь эта характеристика столь важной, то здесь простое решение вопроса открылось бы само собой, а именно: побережье следовало бы просто очистить, а подвижные силы немедленно отвести, поставив их снова в одну линию, которую тогда мы обороняли бы на одной неподвижной позиции..."

Проще говоря, на Западном фронте нет реальных сил для продолжения борьбы. Они - на Востоке. Еще один неплохой комментарий к утверждениям тех, кто через много лет будет писать, что будто на Западном фронте Гитлер держал основные силы.

Отметим, что речь об этом шла в дни, когда национально-освободительное движение во Франции достигало высшей точки развития: в Париже проходили забастовки, а коммунист полковник А. Роль-Танги со своими товарищами готовил восстание в столице; в дни, когда 1-я американская армия прорвала немецкую оборону у Сен-Ло, заняла Авранш и вновь созданная 21-я группа армий под командованием О. Брэдли готовилась наступать к Сене. Это говорилось в дни, когда немецкие войска отходили в Северной Италии, оставили Рим, Ливорно и, подвергаясь ударам партизан, вышли к Северным Апеннинам, готовясь оказать здесь последнее сопротивление.

...Из речи Гитлера присутствующие не могли не уловить по крайней мере трех прискорбных истин о положении на Западе: фюрер понял неспособность войск Западного фронта удержать Францию; немецкие дивизии там крайне слабы и малоподвижны; в ближайшее время никаких надежд на перелом в воздушной войне нет, с потерей Франции будет утрачена база подводного флота, и подводная война прекращается.

Но послушаем, что говорил Гитлер дальше:

"Каковы наиболее опасные моменты, - повысил он голос, - которые встретились нам? Это прежде всего, конечно, прорыв на Востоке с вполне очевидной угрозой немецкой родине - будь то угроза промышленному району Верхней Силезии или угроза Восточной Пруссии, включая и психологически тяжелые последствия. Но я верю, что теми силами, которые мы сейчас выставили и которые постепенно подойдут, мы вполне в состоянии стабилизировать Восток - в это я верю - и мы этот человеческий кризис, этот моральный кризис преодолеем".

Гитлер продолжал, переходя на тему о 20 июля: "Он неотделим от тех событий, которые происходят здесь. Эти события нельзя воспринимать как изолированные, они ведь являются, я бы сказал, симптомом нарушения внутреннего кровообращения, симптомом внутреннего отравления крови, что у нас и произошло. Чего же вы в самом деле ждете от

вашего верховного руководства, от всего фронта в целом, если, как это теперь видно, в тылу важнейшие посты заняты предателями, не просто вредителями, а предателями и шпионами?"

Здесь Гитлер сел на новый конек фашистской пропаганды: виновники поражения - это предатели в тылу! Не Красная Армия побеждает рейх, а шпионы! Удивительно грубо Гитлер и его клеветы стали теперь повторять лозунги 1918 г. об "ударе кинжалом в спину армии".

"Безусловно, русские за один год не стали делать все лучше, разглагольствовал он. - А мы, вне всякого сомнения, стали хуже, потому что пошли к ним на службу. Нужно лишь задать себе вопрос: каким образом противник вообще узнает наши мысли? Почему нашим начинаниям немедленно противодействуют? Почему с молниеносной быстротой противодействуют многим нашим начинаниям? Это, вероятно, вовсе не такая уж прозорливость русских, а непрерывное предательство, проводимое какой-то одной проклятой, небольшой кликой".

И он завершил: "Итак, положение на Востоке, по моему мнению, мы можем исправить. От стабилизации Восточного фронта зависит еще кое-что другое. В общем от нее зависит позиция всех малых балканских государств: позиция румын, болгар, венгров и позиция турок".

Это говорилось в дни, когда в Румынии с каждым днем нарастали антифашистские и антивоенные настроения, росла ненависть к "союзникам"; когда Коммунистическая партия Румынии на основе всестороннего учета обстановки, обострения классовых противоречий еще в августе прошлого года взяла курс на вооруженное восстание; когда Единый рабочий фронт всеми средствами разрушал гитлеровскую военную машину, подрывал усилия Антонеску по продолжению антисоветской войны, готовил массы пролетариата к вооруженной борьбе против военно-фашистской диктатуры. Это говорилось в дни, когда партизанское движение охватило почти всю территорию Болгарии и партизанские отряды начали устанавливать народную власть в некоторых районах.

...Затем он перешел к венгерским делам. "Самым необходимым было и остается для нас прежде всего обеспечение венгерского пространства. С точки зрения продовольствия - это единственная возможность замены того, что мы потеряли; сточки зрения сырья это источник очень многообразный: бокситы, марганец и т. д. Но главным образом - это центр транспортной сети всего Юго-Востока. Обеспечение венгерского пространства жизненно важно для нас, настолько важно, что его вообще невозможно переоценить".

Потом Гитлер впервые и внезапно заговорил о так называемых политических решениях, другими словами, - о мире. Он сформулировал ту ложную и вульгарную концепцию, которой нацистская пропаганда питала германский народ до конца войны и следуя которой нацистская клика некоторое время думала, будто бы еще может рассчитывать на "почетный мир".

"Политическое решение, - заявил фюрер, - еще не созрело. Я думаю, я надеюсь, что я в состоянии добиться политической цели. Я никому не должен объяснять, что не пройду мимо такой возможности. Однако в момент тяжелого военного поражения надеяться на благоприятный политический момент, для того чтобы предпринять что-либо, конечно, наивно и звучит по-детски. Такой момент можно получить, когда имеется успех".

Да, он говорил о мире! Как только появится возможность достигнуть приличного, посильного для Германии и охраняющего жизнь будущих поколений мира, он, Гитлер, заключит его. "Придет момент, - завершил Гитлер, - когда напряженные отношения между союзниками настолько усилятся, что наступит разрыв. В мировой истории коалиции всегда гибли. Нужно только еще немного обождать".

Историческим примером, о котором теперь главным образом думала нацистская верхушка, был выход России из антипруссской коалиции в Семилетней войне. "При всех обстоятельствах, - заключил фюрер, - мы будем вести борьбу так долго, пока - как говорил Фридрих Великий - один из наших проклятых врагов не устанет дальше бороться и пока мы тогда не получим мира, который будет охранять жизнь немецкого народа на следующие 50 или 100 лет".

Но где же произойдет столь горячо ожидаемое теперь столкновение союзников? Фюрер это знает: конечно же, на Балканах!

Все вернулось к своему началу. Как будто вермахт не подвергся страшному удару Красной Армии в Белоруссии после того, как его верховное командование, начиная с весны, упорно ждало "Балканской операции". Как будто недавний просчет с Балканами ничего не значил.

И вот снова "балканский вариант". Теперь на иной подоплке: Гитлер считает, что англичане, вероятно, в ближайшее время высадятся на Балканах, а русские захотят помешать им. Вот и желанное столкновение!

- Я не мог бы поверить, что русские отдадут Балканы англичанам, убежденно заявил Гитлер.

Речь Гитлера 31 июля 1944 г. позволяет составить довольно полное общее впечатление о стратегических расчетах нацистской военной верхушки на этом этапе войны: Западный фронт удержать невозможно до установления господства в воздухе, которого, однако, в дальнейшем можно достигнуть. Восточный фронт решающий. Здесь неудачи объясняются лишь предательством. Он будет стабилизирован, потому что предателей и шпионов уничтожат. В Юго-Восточной Европе главная проблема - Венгрия. Дальнейшая стратегия заключается в том, чтобы всемерно затягивать войну, пока не произойдет неизбежный раскол антигитлеровской коалиции, который и откроет Германии путь к почетному миру¹³⁷⁹.

Вероятно, именно теперь у Гитлера и его приближенных начинает складываться, первоначально в общей форме, политическая концепция дальнейшего ведения войны, которая примет более конкретные очертания где-то к концу года. Ее смысл, по-видимому, заключался в том, чтобы, затягивая борьбу, дожидаться вероятного раскола антигитлеровской коалиции, который нацистская верхушка стала считать неизбежным. В такой ситуации, как она надеялась, быть может, удастся поставить англо-американцев перед необходимостью объединения с рейхом "против общего врага" и совместного поворота на Восток. Здесь-то и будет "спасение Германии" и нацизма. Более того, когда обстановка изменится, не исключено, что воскреснут и давние завоевательные планы. Ведь Гитлер никогда не отрекался от своей формулы: "Все, что я делаю, направлено против России". Необходимо только доказать противникам, союзникам и немецкому народу, что рейх еще обладает необходимой военной мощью.

Этот план игры на противоречиях, который, конечно, совершенно не учитывал реальной расстановки международных сил, соотношения центробежных и центростремительных тенденций внутри антигитлеровской коалиции и силы Советского Союза, сейчас, повторяем, видимо, только появлялся. Но позже он действительно стал играть заметную роль среди всевозможных очень рыхлых и неопределенных политико-стратегических рассуждений нацистской верхушки.

Итак, на ближайшее время - упорно сопротивляться, особенно на Востоке, максимально затягивая борьбу и ожидая вызревания благоприятной политической ситуации.

Гитлер сказал: в течение 3-4 месяцев путем усиленного выпуска новейшего оружия, самолетов, подводных лодок, увеличения производства танков и штурмовых орудий можно будет преодолеть кризис! Все продолжалось.

II

В Германии существовало крылатое выражение: единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков. Что касается изучаемой нами организации, то это справедливо.

Военные руководители третьего рейха и сейчас, и прежде постоянно искали ответы у истории и всегда толковали ее извращенно. Абсурдные аналогии между антигитлеровской коалицией и европейским союзом периода Семилетней войны и впрямь стали казаться нацистской верхушке неким стратегическим ориентиром. Военные мало верили в чудо, но

затягивание войны импонировало естественной простотой. К тому же больше ничего вообще не оставалось делать. Они затягивали войну как могли, ссылаясь на банальное: "фюреру виднее". В сознании Гитлера и его ближайших военных сотрудников, видимо, мысли о неминуемом поражении перемешивались с надеждами на поворот к лучшему. Так думали все. Думали или делали вид, что думают. После расправ в связи с заговором 20 июля мы нигде не находим свидетельств или следов какой-либо оппозиции генералов Гитлеру, даже когда катастрофа погружала третий рейх в полный мрак.

Проблема взаимоотношений генерального штаба и Гитлера в ходе второй мировой войны не может быть решена упрощенно. Эти взаимоотношения развивались, меняясь год от года. Если говорить о чисто военной стороне вопроса, то в 1939 г. Гитлер оставался лишь номинальным главнокомандующим. Во время "польского похода" нити управления держал генеральный штаб сухопутных сил, а "поезд фюрера" зачастую даже не информировался своевременно о ходе событий. При подготовке и в ходе военных действий во Франции Гитлер - уже активный участник главных стратегических и оперативных решений.

Успехи первых двух лет войны в значительной степени повлияли на весь стиль нацистского военного руководства и на характер взаимоотношений между Гитлером и генеральным штабом. С одной стороны, Гитлер поверил в свой гений и в то, что он затем неоднократно называл "превосходством немецкого руководства войной". Генеральный штаб тоже поверил в его гений, позволив убедить себя и в том, и в другом. Пристыженные малoverы, которые перед войной сомневались в ее необходимости, чтобы смыть грех, принялись особенно рьяно служить стратегическому богу фюрера. Давние клеветы усердствовали и без того. В результате 1941 год вплоть до осени прошел под знаком единства и взаимопонимания во всем, за исключением некоторых оперативных вопросов. Разногласия не выходили за рамки лояльных дискуссий "делового" характера.

Начавшиеся кризисы обострили дискуссии, но ни в какой мере не вбили клина между Гитлером и генеральным штабом. Поражение под Москвой, после которого Гитлер возложил на себя командование сухопутными силами, и особенно катастрофа под Сталинградом способствовали дальнейшей концентрации военной власти, которая, однако, практически мало в чем ущемляла права генерального штаба сухопутных сил. Прогрессирующее усиление "единоначалия" Гитлера после Сталинграда отнюдь не лишило военных советников фюрера возможности выражать свое мнение по оперативным вопросам, даже в отдельных случаях противопоставляя его мнению "вождя".

С поражениями и приближением катастрофы генеральный штаб все теснее примыкал к Гитлеру, искал рядом с "гением" спасения от бедствий, неумолимо надвигавшихся на всех них. Конечно, и здесь нет места однозначным оценкам. В среде военных после московского кризиса складывались элементы оппозиции и, как мы видели, даже появились крайние тенденции: убить Гитлера. Но, как мы тоже видели, заговор охватывал весьма узкий круг и ни в малейшей мере не означал какого-либо отхода милитаристов от фашизма. Заговорщика генерал-фельдмаршала Витцлебена изгонял из армии и фактически отправлял на виселицу генерал-фельдмаршал Рундштедт. Генерала Гепнера - генерал Гудериан. Свирепые репрессии выжгли слабые ростки оппозиции.

После Сталинграда и особенно в 1944-1945 гг. Гитлер, бесспорно, укрепил свою единоличную террористическую власть в руководстве вооруженными силами. Он выступал под лозунгами "спасения Германии", требовал крайнего фанатизма и борьбы до конца. По мнению П. Э. Шрамма, Гитлер стал в эти годы военным диктатором. "В гражданском секторе Гитлер сделался диктатором в мирное время; в военном - ...во время войны"¹³⁸⁰.

Мы считаем оценки такого рода неверными: фашистская диктатура установилась во всех сферах государства с приходом нацистов к власти. Важно другое: превратился ли генеральный штаб в бесправное орудие Гитлера и правда ли, что он поэтому не несет ответственности за ход борьбы и за поражение?

Мы решительно возражаем против тезиса некоторых историков на Западе о "бесправии" генерального штаба на завершающих этапах второй мировой войны и отсюда - о

единоличной ответственности Гитлера за проигрыш всех крупных операций и за поражение Германии в войне. Изучение важнейших из существующих документов доказывает, что рост централизации военного руководства ни в какой мере не означал превращения генерального штаба в безвольное и бесправное орудие Гитлера. Генеральный штаб наравне с Гитлером несет перед историей ответственность в самом широком смысле за все главные решения, в том числе и на последней фазе войны.

Абсолютная концентрация власти Гитлером, о которой пишут некоторые историки Запада, во многих отношениях становилась невозможной хотя бы потому, что его принцип "разделяй и властвуй", при котором каждый институт государства и армии противопоставлялся другому и наблюдал за ним, предусматривал и определенную долю самостоятельности этих институтов.

III

Наступательная стратегия германского фашизма потерпела полный крах в 1941-1943 гг. Теперь становился очевидным провал и оборонительной стратегии. Раньше гитлеровцы пуще смерти боялись "затягивания войны" - мечтали о "блицкриге". Теперь они только то и делали, что всеми силами затягивали войну: ожидали каких-то перемен.

Слов нет, с точки зрения "большой стратегии" гитлеровский рейх вел теперь безнадежную войну. Но все-таки он располагал еще настолько сильной военной организацией, что борьба с ним требовала огромного напряжения сил антигитлеровской коалиции, главным образом Советского Союза, по-прежнему выносившего на своих плечах основную тяжесть войны.

Сопrotивление гитлеровских войск оставалось яростным и предельно упорным. За проявление неуверенности, отступление без приказа следовали самые страшные репрессии. Весь аппарат террора и принуждения направлялся на одну цель: добиться крайней ожесточенности сопротивления.

Фельдмаршал Рундштедт 21 сентября отправил в войска распоряжение: "Фюрер приказал: поскольку борьба на многих участках перекинулась на немецкую территорию и немецкие города и деревни оказались в зоне боевых действий, необходимо фанатизировать ведение нами боев. В зоне боевых действий нашу борьбу следует довести до предельного упорства, а использование каждого боеспособного человека должно достигнуть максимальной степени. Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая немецкая деревня должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами. Речь может идти только об удержании позиций или уничтожении"¹³⁸¹.

Пытаясь спасти фашизм и отдалить расплату, гитлеровское военное руководство с лета 1944 г. приняло множество организационных мер, чтобы укрепить вермахт. Меры охватывали разнообразные области, от реорганизации дивизий и внедрения усовершенствованной техники до строительства в тылу мощных оборонительных полос, от призыва всех мало-мальски способных носить оружие до террористической политики "повышения боеспособности". Дальнейшая мобилизация сил проходила под лозунгом усиления "тотальной войны".

Основными в этом отношении следует считать два приказа Гитлера, отданных после катастрофы на Восточном фронте в Белоруссии, во время развития наступления англо-американских войск во Франции и усиления авиационного наступления на Германию.

Приказ "О подготовке к обороне рейха", отданный 19 июля 1944 г., предусматривал широкую программу военных мероприятий, включая введение новой системы военного командования на территории Германии, разработку планов использования вооруженных сил во внутренних округах, изменение системы взаимодействия вермахта с органами нацистской партии, СС и государственного аппарата, планирование строительства укреплений, разрушений в тылу и т. д.

Директива от 25 июля 1944 г. "о тотальной войне" требовала от любой инстанции государственного аппарата, от каждого учреждения, предприятия, от всех немцев абсолютно все подчинить военным интересам¹³⁸². Подробнейшие меры в развитие директивы излагались в специальных указаниях Бормана и Геббельса 16 августа 1944 г.¹³⁸³ "Тотальная война", официально объявленная еще в феврале 1943 г., теперь вступала в свою самую кровавую, террористическую стадию. Геббельс, назначенный в июле 1944 г. "уполномоченным по вопросам тотальной войны", сумел сделать еще одно, последнее усилие в мобилизации оставшихся ресурсов, а верховное командование - в укреплении вооруженных сил.

Больше всего опасаясь дальнейшего развития стремительного наступления Красной Армии к границам рейха, ставка Гитлера потребовала строительства укреплений, с помощью которых она надеялась стабилизировать Восточный фронт. Руководили строительством не только военные инстанции, но в первую очередь партийная канцелярия фюрера во главе с Борманом.

В конце июля ОКВ определило линию основных рубежей. Сразу начались интенсивные инженерные работы. 8 августа 1944 г. гаулейтер Верхней Силезии Брахт сообщал Борману о ходе выполнения директивы, касающейся строительства в "немецком восточном пространстве": "На основе приказа от 28 июля 1944 г. ведется сооружение "линии Б". После установления рубежа саперным штабом 1 августа начались работы силами 3500 человек. В последующие дни, до 7 августа, введено еще примерно 200 тыс. человек, а еще 6 тыс. находятся на марше. Кроме того, скоро будут использованы еще 25 тыс. поляков. Строительство южного участка до границы у Закопане будет начато в середине этого месяца. До настоящего времени готовы 100 км пехотных окопов. Другие 100 км строятся. Общая длина окопов будет 240 км. На многих участках начали копать противотанковые рвы. Многие уже готовы"¹³⁸⁴.

Огромные по размаху работы велись в Восточной Пруссии, 12 августа гаулейтер Кох доносил Гитлеру: закончено строительство двух позиций, ведется строительство третьей. О масштабах и силе укреплений говорят цифры, приводимые в докладе Коха: только на второй позиции восточнопруссских укреплений на 10 августа подготовлено 3343 км окопов, 219 км противотанковых рвов, 9650 бункеров, 10 142 боевые позиции, вынута 450 тыс. кубометров земли. Общая протяженность окопов на эшелонированных позициях в 2 раза превышала протяженность всей Германии с востока на запад (в границах 1937 г.). На строительстве всех трех позиций в Восточной Пруссии к 10 августа было установлено 15 500 мин, 80 км проволочных препятствий, расставлено 29 тыс. надолб, расчищено 2520 га секторов обстрела и т. д.¹³⁸⁵ Кох доносил: "Между Мемелем и Летценом вторая позиция готова. Занятая там рабочая сила сегодня ночью будет переброшена для строительства третьей позиции. Южнее Мазурских озер и в генерал-губернаторстве на второй позиции работы будут вестись еще примерно до конца этой недели"¹³⁸⁶.

Гитлеровцы хотели создать на восточных границах рейха сплошной оборонительный вал, равного которому по мощности и глубине они никогда в годы второй мировой войны не строили. Ничего подобного не сооружалось и на Западном фронте. Они готовились особенно плотно прикрыть Восточную Пруссию, промышленность Верхней Силезии, пути на Берлин, где один за другим возводились на территории Польши семь мощных оборонительных рубежей.

Промышленники стремились новыми мероприятиями обеспечить выпуск военной продукции как минимум на прежнем уровне.

Рейхсминистр Шпеер направил Гитлеру 12 и 20 июля две памятные записки: он излагал программу действий, с помощью которой будет возможно выполнить задачу, данную фюрером, путем поставки нового, более совершенного оружия в течение 3-4 месяцев преодолеть кризис. "Чтобы можно было достигнуть эту цель в области вооружений, - писал Шпеер, - и одновременно в период преодоления кризиса не допустить большой катастрофы, необходимо использовать все до последнего для восстановления технического

превосходства". Необходимо, отмечал он далее, несмотря на потребности военного производства, дать из промышленности вермахту новых солдат. Это очень трудная проблема. Невзирая на все трудности, Шпеер обещал решить и ее. Из Германии можно было послать на фронт еще 100-150 тыс. солдат, которые сейчас несут вспомогательную службу. Их следует заменить женщинами или интернированными итальянцами. Из обслуживающего персонала железных дорог предполагалось взять еще 30 тыс. человек. Военная промышленность способна высвободить 50 тыс. человек, восполнить которых придется иностранными рабочими. "Необходимо позаботиться о том, чтобы получить из оккупированных областей как можно больше рабочей силы", - писал Шпеер. Таким путем можно будет "усилить германское вооружение и одновременно дать фронту немецких солдат". Количество иностранных рабочих в Германии достигло в 1944 г. рекордной цифры - 7,5 млн. человек¹³⁸⁷.

Последними крайними усилиями, мобилизуя и выскребая все, что было возможно, нацисты во второй половине 1944 г. постарались развернуть последний этап "тотальной войны". Шпеер еще в июле 1944 г. остро поставил перед Гитлером вопрос о необходимости "высвободить и использовать все имеющиеся резервы для фронта и для производства вооружения". 22 июля Шпеер высказал мнение: "Германия еще может выиграть войну, если беспощадно и без колебаний заставит всех немцев участвовать в войне"¹³⁸⁸.

Был отдан указ о призыве для работы на военном производстве всех мужчин от 16 до 65 лет и женщин от 17 до 50 лет. Рабочая неделя официально увеличивалась до 60 часов. Отпуска сокращались. Появился указ о принудительном использовании рабочей силы в военной промышленности. Закрывались тысячи предприятий, мастерских, не работающих на войну. Министерство Шпеера получало право использовать необходимые для военного производства материалы и сырье независимо от того, кому они принадлежали. Каждому немцу, который безоговорочно и немедленно не выполнял этих предписаний, грозили арест и даже смертная казнь.

ОКВ через Шпеера старалось координировать военное производство с текущими задачами фронта. 16 сентября 1944 г. Гитлер приказал "произвести быструю акцию по выпуску панцерфаустов". Эта акция, подчеркивал он, "имеет решающее значение. До 15 ноября 1944 г. она должна иметь преимущество перед всеми другими... мерами во имя интересов различных видов вооруженных сил"¹³⁸⁹. Подобные "генеральные установки" часто менялись, и промышленность не успевала за ними. "Панцерфаусты" уступали место зенитной артиллерии, затем боеприпасам, выпуску истребительной авиации и т. д.

Множество мер было принято для усиления производства самолетов. Гитлеровские ВВС потеряли с начала войны до 31 декабря 1944 г., согласно данным журнала военных действий ОКВ, 71 965 самолетов¹³⁹⁰. В 1944 г. был достигнут наивысший уровень авиационного производства: за год промышленность выпустила 40 593 самолета (против 25 527 в 1943 г. и 7540 в 1945 г.)¹³⁹¹, включая новые реактивные самолеты Me-262.

В 1944 г. гитлеровцы применили ракетное оружие. Поскольку выпуск ракет ФАУ-2 задержался, то сперва приняли на вооружение самолеты-снаряды ФАУ-1, изготовленные в военно-морских силах. Начиная с первого их запуска в ночь с 12 на 13 июня 1944 г. и до захвата союзниками пусковых установок 6 сентября по Лондону было выпущено 8 тыс. ФАУ-1. Целей достигли только 29%. На объекты континента, главным образом на Антверпен, Брюссель, Льеж, гитлеровцы направили 8 тыс. самолетов-снарядов. 8 сентября 1944 г. состоялся первый запуск ракет ФАУ-2. Главной целью оставалась Англия, затем порт разгрузки союзников Антверпен. Несмотря на небольшую дальность стрельбы - 370 км, новое оружие оказалось непригодным для прицельного обстрела даже сравнительно крупных объектов. Вплоть до 27 марта 1945 г. - дня последнего пуска ФАУ-2 - немцы выпустили по Англии 1115 ракет, убив при этом 2,7 тыс. человек и ранив 6,5 тыс. Самолеты-снаряды и ракеты не оправдали возложенных на них надежд: не сделались "орудием возмездия" и, конечно, не изменили хода войны.

Террор внутри страны принял самые разнузданные формы. Позади линии фронта с особой яростью свирепствовали военно-полевые суды. Только в сухопутных силах в 1944 г. ежемесячно выносилось по 10 тыс. приговоров.

Еще одной мерой, направленной против немецкого народа, особенно против молодежи, было создание 25 сентября 1944 г. "германского фольксштурма". В его ряды призывались мужчины от 16 до 60 лет. Им предстояло под командованием Гимmlера "оборонять всеми силами и средствами" гибнущую власть.

Нацистский аппарат террора беспощадно расправлялся не только с антифашистами, но и просто со здравомыслящими людьми. Количество узников концлагерей достигло в августе 1944 г. наивысшего числа за всю войну.

Антикоммунистическая, антисоветская направленность пропаганды стала на заключительной фазе войны еще яростнее. Все делалось для того, чтобы создать у немцев панический страх перед Красной Армией. Пропаганда малевала картины различных "ужасов", с которыми якобы будет связан приход советских войск, вроде того, что "все немцы будут отправлены в Сибирь". Вместе с тем антикоммунистической истерией нацистская пропаганда стремилась подорвать единство антигитлеровской коалиции. Она теперь с особой силой старалась представить фашистский режим как "опору порядка в Европе" и как "барьер Запада против большевизма". Она болтала о некой "европейской миссии" третьего рейха, который-де призван "обеспечить будущее Европы". Чтобы "поднять моральный дух" народа, пропаганда внушала населению и солдатам мистическую веру в некое чудо, которое совершит Гитлер: он неожиданно в корне изменит всю обстановку в пользу Германии, а его "секретное оружие" принесет успех. Запуск ФАУ-1 и ФАУ-2 использовался как пропагандистское "доказательство" начинающегося "военно-технического скачка" Германии, который "обеспечит победу" в борьбе с превосходящими силами противников.

Усиление "тотальной войны", меры по укреплению вооруженных сил и стратегической обороны, оголтелая пропаганда и психологическая обработка армии и народа - все это вместе взятое позволило нацистской клике еще на много месяцев затянуть войну, пролить еще много крови и сделать сопротивление вермахта на ее завершающем этапе крайне ожесточенным и опасным, что ставило много трудных задач прежде всего перед Советским Союзом, перед Красной Армией.

Юго-Восток – Балканы

I

Обстановка на Балканах вот уже несколько лет глубоко тревожила гитлеровских стратегов. Именно здесь постоянно ширился один из главных центров освободительной борьбы народов, который постоянно мешал превратить Балканы в прочный и надежный плацдарм рейха на Юго-Востоке Европы. Руководя борьбой на главных направлениях, "Вольфшанце" вместе с тем внимательно следило за этим кипящим районом, где в пламени народно-освободительного движения сгорали многие заветные расчеты германского империализма. Вынужденная обстоятельствами держать на Балканах лишь строго отмеренные силы, которые все меньше справлялись с выполнением ее директив, ставка Гитлера летом 1944 г. понимала, что исход борьбы за Балканы приближается. И он не будет благоприятным. Но именно здесь, на Балканах, находились многие и давние интересы германского империализма, связанные с его "глобальной" стратегией.

Реализацию доктрины мирового господства фашизм не представлял себе, в частности, без прочного владения стратегическим узлом: Юго-Восточная Европа Балканы - Восточное Средиземноморье - Ближний Восток. Отсюда лежали пути в южные районы Советского Союза, в Азию и Африку, здесь находились колоссальные запасы нефти и пролегал жизненный нерв Великобритании, соперника в борьбе за империалистическую гегемонию.

Сражение за Восточное Средиземноморье и Северную Африку германский фашизм проиграл в 1941-1943 гг., когда, скованный на советско-германском фронте и терпевший там поражение за поражением, он вынужден был отдать этот район союзникам. С тех пор военно-стратегическое значение Юго-Восточной Европы и Балкан как одного из исходных районов глобальной стратегии для рейха еще больше возросло. Крах завоевательных расчетов и кардинальное изменение общей обстановки усилили в глазах нацистских главарей функции этого района. Если в пору наибольших успехов гитлеровцы так или иначе распоряжались всей экономикой Европы, то теперь, летом 1944 г., их сырьевой и продовольственной базой оставалась лишь ее юго-восточная часть. Пока Румыния и Венгрия оставались в седле, пока в Югославии и Болгарии позиции сохранены, германское господство на Юго-Востоке казалось более или менее устойчивым. Стратегические пути, выводящие к Германии с юго-востока, более или менее обеспечивались. Жизненные силы рейха - будь то в промышленности или продуктах питания хотя бы в минимальной степени восстанавливались. На Юго-Востоке сохранялось широкое предполье, и вместе с тем оставались выходы в средиземноморский район, на Ближний Восток, что все же как никак означало "давление" особенно на Турцию и на Италию. Конечно, теперь главари "Вольфшанце" имели слишком мало реальных средств для такого давления. Но ведь они все время рассчитывали на возможность какого-то чудесного поворота к лучшему, пусть в отдаленном будущем.

И поэтому они прилагали много сил, чтобы удержаться в этом районе.

Однако их позиции подрывала национально-освободительная борьба народов балканских государств. Наибольшего размаха она достигла в Югославии. ОКВ внимательно и с тревогой следило за развитием дел. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), состоявшая летом 1944 г. из 12 корпусов, 22 самостоятельных бригад, 25 самостоятельных батальонов и 140 партизанских отрядов, предпринимала все новые активные действия во всех областях страны. Тактика гитлеровских войск состояла в том, чтобы ударами по основным группировкам НОАЮ в разных районах изнурить ее и отбросить от главных коммуникаций. Прорывами в глубину свободных территорий оккупанты старались, кроме того, дезорганизовать тыл. Однако патриоты Югославии наносили растущие по силе ответные удары. Их ряды крепли. В Сербии только с января по конец июня 1944 г. сформировалось 17 новых бригад¹³⁹². В мае войска НОАЮ успешно отбили яростную концентрированную атаку на Дрвар, с помощью которой германское верховное командование попыталось обезглавить национально-освободительное движение и захватить его Верховный штаб.

Ожесточенные бои на всей территории страны продолжались с неослабевающей силой. Войска 3-го корпуса НОАЮ в начале июня успешно наступали южнее Савы. Части 6-го корпуса, выйдя из-под угрозы восточнее Загреба, парализовали затем движение немецкого транспорта по линии Славонски Брод, Винковцы. Югославские части в начале июня поставили под угрозу железнодорожные коммуникации во всей Словении, помешав беспрепятственной перевозке германских сил через Югославию на итальянский фронт. В боях между южной и западной Моравой северней Скопле партизаны в июне отбросили сильную группировку оккупационных войск и расширили свободную территорию по обе стороны южной Моравы и в долине Моравицы. Сильный немецкий контрудар в июле был успешно отражен. Все попытки германского командования разбить в основных районах наиболее крупные силы НОАЮ оказались безрезультатными. В июне 1944 г. патриоты прочно взяли инициативу в свои руки.

В Словении и Далмации восстание приобретало всенародный характер. На территории Словении патриоты разоружили шесть итальянских дивизий и захватили много оружия. Здесь успешно проводилась мобилизация. В Хорватии, Словении, Загорье, Среме, Восточной Боснии трудящиеся массами вступали в НОАЮ. Для обеспечения ее тыла начал формироваться Корпус народной обороны. 10 июля верховное командование освободительной армии отдало приказ 2-му корпусу о наступлении в Сербии: "Необходимо

подтянуть войска, обеспечить исходные позиции и значительными силами совершить прорыв с нескольких сторон"1393. Югославский военный историк Владо Стругар пишет по этому поводу: "Верховный штаб стремился к тому, чтобы сосредоточить в Сербии крупные силы Народно-освободительной армии... и, соединившись с Красной Армией, создать единый юго-восточный фронт против нацистской Германии"1394.

В Греции организованные действия революционной армии, которая пользовалась широкой поддержкой народа, сковали силы оккупантов. Патриоты ширили и активизировали борьбу. Эшелон за эшелон летел под откос.

Растущие успехи патриотов создавали предпосылки для освобождения балканских государств. Но столь же безусловной оставалась и та истина, что только наступление Красной Армии могло освободить народы Юго-Восточной Европы, всего балканского района, решить исход длительной и упорной борьбы. Германское командование прекрасно это понимало. Главным "прикрытием" Балкан и всей Юго-Восточной Европы оно считало Румынию, румынский фронт. Удержанию Румынии гитлеровское руководство придавало исключительное значение1395. Если позиция в Румынии не выдержит - рухнет вся с трудом удерживаемая система господства на Балканах, разлетится последняя, южная, опора "европейской крепости", и от владычества нацистов в районе, куда германский империализм горячо стремился десятилетиями, не останется и следа. Нацисты верили в румынского фюрера Антонеску, в его привычные слова о "неизбежности конечной победы".

Но положение внутри Румынии все более и более изменялось. Победы Красной Армии создали условия освобождения страны от военно-фашистской диктатуры. Рост классовых противоречий, резкое усиление недовольства войной, охватившее различные круги населения, катастрофическое положение страны, бедствия трудящихся масс означали развитие общенационального кризиса. В такой обстановке Коммунистическая партия Румынии взяла курс на вооруженное восстание. Лишь оно могло спасти страну от национальной катастрофы, навлекаемой пагубной политикой обанкротившихся правителей. Только народное вооруженное восстание могло стать средством свержения антинародной власти внутренними силами.

Антифашистское и антивоенное движение в Румынии нарастало. Оно охватывало и армию. Дезертировали не только солдаты, но и офицеры. Лишь во второй половине июня 1944 г. бежало из войск или не явилось на призывные пункты более 5 тыс. человек, среди них 200 офицеров1396. В рядах господствующих классов поражения на фронтах и внутренний кризис вызвали разброд и панические настроения. Правящая клика начала метаться: одни думали продолжать борьбу, другие прилагали усилия к тому, чтобы не допустить освобождения Румынии Советским Союзом и добиться сепаратного договора с Англией и США на антисоветской основе1397.

В начале 1944 г. было сделано несколько попыток договориться с западными державами. Однако никто не учел, что, связанные обязательствами не заключать сепаратных договоров, они не смогут в обстановке победоносного наступления Красной Армии пойти навстречу маневрам Бухареста. Не удалось наладить и двусторонние переговоры с Англией. Состоявшиеся вместо них в Каире контакты между уполномоченным Антонеску и представителями СССР, США и Англии ничего не дали: Антонеску отклонил условия перемирия, выдвинутые Советским Союзом.

В Берлине с тревогой воспринимали поступающие неясные сведения о каких-то политических маневрах союзника. Фюрер направлял своему соратнику послания, убеждал, что еще ничего не потеряно. Гитлер просил Антонеску "сделать все, чтобы ускорить мобилизацию и развертывание в районе Прута всех боеспособных румынских дивизий", чтобы обеспечить "оборону юго-восточного пространства".

Антонеску отвечал в ледяных тонах. Он требовал для обороны подступов Румынии новых немецких дивизий: нужно отвести войска группы армий "А", отступить из Крыма, "пока еще в наших руках коммуникации из Одессы". Так можно получить дивизии для обороны Румынии. Антонеску писал: "После утраты Одессы это можно будет сделать только

с огромнейшими трудностями. Очищение Крыма высвободило бы много опытных войск, с помощью которых было бы возможно укрепить оборону южного участка Восточного фронта"1398.

Гитлер писал о воле к борьбе, о фанатизме сопротивления, А ему в ответ сообщали о каких-то леях, необходимых для содержания немецких войск в Румынии. Чтобы разобраться в этих делах, ОКВ и министерство иностранных дел решили установить с Румынией "новые отношения" и наладить "основу прочного договора". В начале мая в Бухаресте появился "специалист по Румынии" посланник Клодиус в сопровождении полковника Круля из ОКВ. Попытка "урегулировать" вопрос насчет содержания немецких войск за румынский счет ни к чему не привела. Антонеску вежливо сослался на историю: даже в прошлой войне "большая русская армия на территории Румынии ничего не стоила румынскому государству"1399. Указания Клодиуса на поставки оружия из рейха как на некую компенсацию содержания немецких войск, Антонеску решительно отклонил: фюрер еще раньше обещал ему бесплатные поставки вооружения, которые идут на восполнение потерь. Он отверг также немецкий план снабжения румынским горючим группы армий "Южная Украина": Румыния - маленькая страна, дефицит ее бюджета колоссален, новые немецкие требования разорят ее вконец, и это "даст импульс коммунистам". Длительные трудные препирательства о леях, поставках, перевозках, горючем не принесли немцам никакого успеха. Им удалось выторговать лишь незначительный кредит на содержание войск и получить уверение Антонеску, что "в принципе он готов сделать для немецких войск все, что в его силах"1400.

Немецкие командные инстанции получали сведения, что румынское командование значительную часть поставляемого ему Германией оружия и снаряжения удерживает внутри страны и не направляет для оснащения фронтовых соединений. Оно берегло силы против "венгерского союзника" и возможных революционных выступлений народа.

Командующий 4-й румынской армией генерал Раковица открыто говорил начальнику германского штаба связи при штабе своей армии полковнику Крибелю: "Если Германия не отразит вторжение в первые дни и затем не сможет в кратчайший срок перейти в успешное контрнаступление на Восточном фронте с румынского участка, война будет проиграна"1401.

Несмотря на все, германское военно-политическое руководство тем не менее не сомневалось в надежности румынского союзника и его готовности "сражаться до конца за общее дело". В письмах к Антонеску весной 1944 г. Гитлер говорил только о радужных перспективах борьбы на всех фронтах, в том числе, конечно, и на Восточном, и обсуждал со своим партнером вероятный ход совместных действий против Советского Союза. Начальник германской военной миссии в Бухаресте, в полном соответствии с мнением фюрера, слал донесения о "твердости боевого духа" Антонеску и "идущего за ним народа".

Нацистские бюрократы не видели ничего, кроме мнений фюрера и официальных докладов официальных лиц, и подстраивались под них. Их оценки сыграли далеко не последнюю роль в том, что Гитлер и его окружение в условиях продолжающегося стратегического наступления Красной Армии в центре советско-германского фронта и усиливающегося натиска в Прибалтике (где оборонялась группа армий "Север" во главе с Фриснером) стали считать участок группы армий "Южная Украина", возглавляемый Шернером, наименее опасным, самым устойчивым, а положение в Румынии - монолитным и надежным.

Поскольку на севере дела шли плохо, а юг - некое захолустье, 23 июля Гитлер отдал приказ: стойкому Шернеру и неудачливому Фриснеру "поменяться должностями". Фриснер теперь становился командующим группой армий "Южная Украина" в Румынии. На следующий день во время приема Фриснера при вступлении в должность Гитлер сказал ему: "Относительно политического положения в Румынии будьте совершенно спокойны. Маршал Антонеску искренне предан мне. И румынский народ, и румынская армия идут за ним сплоченно, как один человек"1402. Фриснеру предстояло лишь позаботиться о том, чтобы сделать как можно более сильным правый фланг и не позволить русским ни при каких обстоятельствах нанести удар вдоль Дуная. Нельзя допустить, чтобы они отрезали группу

армий "Южная Украина" от группы армий "Ф", которая действовала под командованием фельдмаршала Вейхса на Балканах. В целом, заключил Гитлер, в настоящее время нет никакой опасности русского наступления: русские сосредоточили все свои силы против группы армий "Центр"¹⁴⁰³.

Если раньше, летом, ставка Гитлера ждала удара на Балканы и жестоко просчиталась, то теперь она исключала такой удар: все будет продолжаться в центре!

Политические оценки рождали совершенно определенные военно-стратегические решения. Главное из них состояло в том, что на Восточном фронте Красная Армия против Румынии наступать не сможет и не будет. При этом нацистские стратеги, включая фюрера, конечно, не имели ни малейшего представления о том, что почти в те же самые дни, когда они давали инструктаж генералу Фриснеру, посылая его на "спокойный участок" - в Румынию, в Ставке Верховного Главнокомандования Красной Армии был принят план операции на решительное наступление, разгром группы армий "Южная Украина" и вывод из войны Румынии.

II

Всякое назначение на должность непосредственно после покушения на Гитлера означало полное признание особых заслуг назначаемого перед фашизмом, перед фюрером, мандат абсолютного доверия. Будь хоть малейший повод, Фриснера бросили бы в тюрьму. Однако он через три дня после 20 июля получил новое звание - генерал-полковника, удостоился беседы с фюрером и получил его указание принять командование группой армий "Южная Украина" в Румынии.

И вот теперь, ободренный лаской и новыми погонями, 57-летний Фриснер приехал на свой новый командный пункт, расположенный в чудесном румынском курортном городке Слэник в южном Прикарпатье. После всего, что ему довелось пережить в Прибалтике, где советские войска обрушивали на группу армий "Север" один за другим тяжелые удары, здесь он действительно почувствовал себя как на курорте. Здесь совсем другое дело. Русские наступать не будут, тишь, курорт.

Назавтра, 25 июля, в штабе группы армий 1-й офицер генерального штаба полковник фон Трота ориентировал Фриснера в обстановке. Из доклада полковника следовало, что весной группа армий потерпела поражение и с большими потерями была отброшена от Днепра. Однако благодаря энергии бывшего командующего господина генерал-полковника Шернера (на этом Трота сделал особое и многозначительное ударение) удалось в апреле 1944 г. создать новый оборонительный фронт по румынской границе. Показав карандашом по карте линию фронта от устья Днестра, севернее Кишинева и до Карпат, полковник завершил свой доклад:

- В течение лета нам удалось подготовить очень сильные и глубокие позиции.

Особое место в докладе заняли отношения с румынским руководством. Фриснер узнал, что Антонеску еще в апреле 1944 г., когда советские войска вышли на Днестр и вступили в северную часть Молдавии, сразу же объявил тотальную мобилизацию. В течение лета он пытался сделать все возможное для того, чтобы укрепить войска, вооружить их, "поднять боевой дух". Немецкие инструктора старались всюду, а германское вооружение эшелон за эшелоном вливалось в румынскую армию. Танковая дивизия "Великая Румыния" получила немецкие танки и немецких советников. По их докладам и по заключению Трота, успешные оборонительные бои, хорошее оружие и тесное сотрудничество с немцами "подняли настроение и боевой дух румын".

Правда, в последующие дни новый командующий узнал и о некоторых "теневых" сторонах обстановки. И действительно, в румынской армии росли патриотические, антигитлеровские настроения¹⁴⁰⁴. Наступление Красной Армии в Белоруссии и Польше потребовало вывести из Румынии одну за другой шесть немецких танковых дивизий. Когда они стояли в румынских городах, то рассматривались правителями страны и гитлеровскими генералами как внушительный фактор "германо-румынского содружества". Теперь же

появилась какая-то неуверенность.

Во время первых же поездок в войска Фриснеру рассказали кое-что насчет "сомнительного отношения" отдельных румынских офицеров к "общему делу" и о слухах насчет попыток некоторых представителей руководящих кругов "сотрудничать с вражескими державами".

Вообще различных слухов ходило предостаточно. Передавали, будто некий румынский подполковник, руководитель группы атташе при румынском министерстве авиации, еще 25 апреля говорил, что война будет решена на Балканах, точнее на румынском северном фронте. Истощенные румынские и немецкие войска не смогут удержать этот фронт, и русские прорвутся в Румынию. Поэтому война все равно в любом случае проиграна. Это положение должно быть понято во всех инстанциях. Нет смысла держать силы на Западе, в то время как русские прорываются в Румынию.

Ходили слухи и о том, что Румыния готовит предательство тем же способом, что Италия. Начальник штаба 1-го авиационного корпуса докладывал: на одном из приемов некая личность, якобы близкая к политической жизни Румынии, сказала: Румыния в ближайшее время порвет отношения с Германией, причем инициатором будет сам Антонеску. Донесение на этот счет начальник штаба послал генерал-лейтенанту Герстенбергу, командующему германской авиацией в Румынии и германскому военному атташе. Герстенберг ответил: опасности предательства Румынии, подобно Италии, сегодня не существует. Круги, которые надеются на англо-американцев, теперь настроены против них из-за воздушного наступления на Румынию и их открытой утраты интереса к Балканам¹⁴⁰⁵.

Фриснер тоже получал разные неприятные сообщения о "ненадежности румын". Однако 1 августа немецкий посланник Киллингер дал ему вполне утешительное заверение: "правительство и народ идут за маршалом Антонеску". Генералы Ганзен и Герстенберг были настроены несколько скептически. Но не больше. Фриснер решил получить разъяснение у короля и Антонеску. Но прием не состоялся. Ему сообщили, что обоих нет в Бухаресте.

Фриснер мог бы показаться бездеятельным генералом, если бы после вступления в должность не внес каких-то предложений, 3 августа он направил полковника Трота в "Вольфшанце" с запиской на имя фюрера, где давал оценку обстановки в группе армий: "В настоящее время нет оснований для тревог, и фронт группы армий можно удержать, если будут оставлены еще имеющиеся незначительные резервы (две немецкие танковые дивизии средней силы, одна немецкая танко-гренадерская дивизия и одна румынская танковая дивизия)". Кроме того, он высказывал соображение о целесообразности некоторого отвода своих войск на более выгодные, с его точки зрения, позиции¹⁴⁰⁶.

Фриснер, как и ОКХ, не испытывал особого беспокойства за фронтовые дела. Что касается внутривнутриполитического положения в Румынии, то он предлагал "провести мероприятия", чтобы можно было "предотвратить всякие случайности". Единственным таким "мероприятием" оказалась просьба объединить в его руках верховное командование в "румынском районе" и одновременно создать здесь особую инстанцию для "единого политического руководства"¹⁴⁰⁷.

Трота прибыл в ставку и был принят поочередно Кейтелем, Иодлем, Гудерианом. Затем соображения Фриснера докладывались Гитлеру. Отвод войск на "более удобные позиции первой мировой войны" Дунай - Серет - Карпаты, предлагаемый Фриснером, сочли вряд ли обоснованным. Насчет объединения командования в "румынском районе" фюрер обещал подумать.

Дело в том, что "Вольфшанце" ожидало высокого визитера: прибывал сам Антонеску. С ним и можно было решить все главные вопросы.

III

5 июля личный поезд румынского диктатора остановился у перрона Растенбурга. После торжественного ритуала воинской встречи оба фюрера уединились в бункере Гитлера. У них,

конечно, имелось более чем достаточно тем для разговора. Противник - на границах Румынии. Ходят слухи, что в стране беспокойно. Что думает об этом маршал?

Сознание обоих уже давно работало в едином извращенном плане: во всех явлениях жизни человечества выше всего стоят их воля, их приказы. Какое им дело до интересов народов?

И в полном соответствии с этой убежденностью вели оба свои очередные переговоры, конечно, не зная, что они станут последними в их жизни.

Сначала фюрер коротко сообщил Антонеску о внутригерманских делах. Он сделал особый упор на событиях, предшествовавших покушению, и расправе над "преступниками и предателями".

Относительно немецких соединений, которые были выведены из Румынии для переброски на центральный участок советско-германского фронта, фюрер сказал, что он был вынужден так распорядиться потому, что точно установлено: русские со своей стороны перебросили большое количество соединений с юга на другие участки.

Фюрер дружески пообещал: выведенные из Румынии соединения будут заменены дивизиями, разбитыми на других участках советско-германского фронта, после того как их восстановят. Кроме того, он прикажет направить в группу армий "Южная Украина" несколько подразделений штурмовых орудий.

Затем фюрер замолчал, ожидая реакции партнера.

Антонеску вежливо сообщил, что принял к сведению эту информацию фюрера. Тогда, не давая продолжать своему коллеге, Гитлер сказал: он, конечно, знает, что маршал хочет поставить ему вопрос о том, как он, фюрер, думает довести войну до успешного конца. Сейчас он ответит на этот вопрос.

- Немецкий народ проливает свою кровь в этой борьбе, - начал Гитлер. - И это дает ему право поставить со всей серьезностью вопрос перед своим союзником: готов ли также и он принести любую жертву для победы? Если да, то необходимо найти пути и средства, чтобы убрать с дороги еще имеющиеся в некоторых областях трудности. Если же союзник не готов к этому, то он должен ясно и открыто сказать, что он не собирается держаться до конца.

Гитлер помрачнел, воспаленный этой мыслью. Больше всего он не хотел бы услышать ее подтверждения. И не столько из боязни, что Антонеску не понял вопроса, сколько для того, чтобы убедить его не отвечать положительно на этот вопрос потому, что немыслимо услышать: "Да, мы не можем держаться", - Гитлер сказал:

- Я могу заявить в любой форме, что Германия никогда не оставит в беде своих союзников, но она должна от каждого союзника получить ясный ответ: действительно ли он хочет бороться до конца. Если нет, - фюрер остановился и выдержал длительную паузу.

- Если нет, - повторил он, и явственно прозвучала угроза, - то союзник должен это сказать, чтобы Германия могла сделать необходимые выводы, чтобы рейх мог себя сохранить перед судьбой, которая ему может быть уготована при большевистском или англо-американском вторжении.

Мысль о немедленной и полной оккупации Румынии, давно уже подготовленной и облеченной в оперативный план "Маргарита", теперь, казалось, принимала форму решения. Люди из окружения Антонеску тайно вели переговоры с англичанами?! Они хотят победы западных союзников и надеются выжить с ними? Они должны знать, что только он, фюрер, может их спасти и больше никто, И он продолжал, явно запугивая своего партнера:

- Я полностью убежден, что на Тегеранской конференции англичане и американцы отдали большевикам всю Европу восточнее Одера, а может быть даже восточнее Эльбы. Только греческие острова и области Италии англичане оставили для себя. Южная Италия по этому плану раздела станет большевистской, Сицилия перейдет англичанам и, вероятно, станет объектом ссоры между ними и американцами.

Гитлер сделал паузу, желая увидеть, какое впечатление произвела начертанная им картина будущего.

Антонеску из всего этого не мог не увидеть: фюрер уже говорит о победе врагов как о вероятном исходе войны.

Теперь предстояло говорить Антонеску. Неизвестно, верил ли он в то, что собирался говорить, надеялся ли на что-либо, кроме отсрочки полного краха. Но что он мог сказать? Он был главой такого же режима, что и Гитлер, он был гитлером в миниатюре, и он не мог сказать ничего другого, кроме "да". Разрыв между реальностью жизни и ее отображением в сознании был столь же характерен для Антонеску, как и для Гитлера. Оба находились в одинаковой ситуации, и обоим ждал примерно один и тот же исход. Но имелись причины, чтобы не сразу сказать "да".

Антонеску, конечно, понимал, что Румыния нужна теперь Гитлеру только как предполье Германии и нефтяной оазис. Но и ему Германия была необходима как возможное спасение в борьбе против Советского Союза. Он не верил торжественным клятвам этого человека, к которому теперь относился с холодным страхом и затаенной надеждой. Сталинградский урок научил его пониманию действительного отношения нацистов к партнерам. Но он не сомневался и в том, что если скажет "прямо и честно нет", что дальше воевать не станет, в тот же день начнется оккупация Румынии "другом и союзником". Пример недавних действий немцев против итальянского и венгерского партнеров не оставлял на этот счет ни малейших сомнений, как и ясной была бы личная судьба Антонеску при таком повороте дела.

И, наконец, имелся еще один, вероятно, самый главный побудитель согласия продолжать борьбу до конца. Внутреннее положение в стране обострилось до крайних пределов. Революционный взрыв назревал. Наступление Красной Армии могло окончательно развязать все демократические силы. Только продолжение войны отсрочит революционную развязку! Колебаний быть не могло. Зная, какие претензии может предъявить германский союзник к состоянию румынской армии, Антонеску решил действовать испытанным средством: сначала обвинять самому, а уже потом дать ответ. Он скажет, что это немцы виноваты в том, что русские стоят на румынской границе. И пусть причиной ослабления армии окажется моральное влияние покушения на Гитлера. Маршал сказал:

- Я благодарю вас, фюрер, за ту широкую, всеохватывающую картину современной обстановки, которую вы начертали. Как солдат и лояльный руководитель союзного государства, я и со мной весь румынский народ решительно осуждаем покушение, совершенное на вас, фюрер. Я хочу использовать этот случай, чтобы от имени румынского народа выразить удовлетворение тем, что предусмотрительность и на этот раз позволила вам спастись.

Гитлер потемнел. Почему Антонеску столь бестактно начал с этой щекотливой темы? Ирония? Насмешка?

- Я не скрою, - продолжал, казалось, не замечая реакции фюрера, Антонеску, - моей особой озабоченности отрицательным влиянием покушения на боевые качества и дисциплину вермахта. Однако после вашего, фюрер, сообщения я вернусь в Румынию убежденным, что немецкая армия снова будет поднята на высший уровень, как на это надеются союзники Германии.

Гитлер думал: куда он клонит?

Антонеску продолжал:

- Я не хочу скрывать от вас, фюрер, того тяжелого беспокойства, которое мне самому и румынской армии внушают события на Восточном фронте. В течение долгих лет, которые уже тянется война, ни один румынский офицер не повернулся против руководителей государства.

Это был рассчитанный удар. Гитлер понял: "союзник и друг" хочет свалить все неудачи на немецкую армию, "подточенную предательством".

Антонеску перешел к конкретным претензиям и требованиям. Противовоздушная оборона Румынии ничего не стоит, так как Германия не дает обещанных истребителей и

орудий. Никуда не годное положение с транспортом. Он используется только для перевозки войск и нефти, а для хозяйственных нужд исключен. Скоро его не будет хватать и для нефти: уже сейчас вместо требуемых минимум 1100 вагонов в месяц предоставляется только 400.

Фюрер попытался вселить надежду: положение скоро можно будет выправить германская промышленность усиливает выпуск истребителей. В ближайшее время их будет получено 1000-1500 штук, не считая ночных. После того как полностью восстановится положение в центре Восточного фронта, наступит очередь других его участков.

Но все эти "будет", казалось, не производили на собеседника ни малейшего впечатления. Он повторял свои требования, претензии, опасения.

- Однако, несмотря на эту чрезвычайно критическую обстановку, - заключил Антонеску, - моральное состояние страны все еще хорошее. Страна в полном единстве идет за мной, - вновь заявил он.

- Ни один офицер или солдат никогда не изменит мне. (Ровно через 18 дней ему "изменит" почти вся армия!) Антонеску продолжал:

- Военное командование крепко держит в своих руках моральное состояние и дисциплину соединений. Румынская армия в любом случае выполнит свой долг. Но я должен снова обратить ваше внимание на опасность, вызванную положением на Восточном фронте, а также политическим развитием в Турции и Болгарии, Тот факт, что Германия вывела из Румынии ряд соединений, произвел впечатление, что рейх намерен постепенно бросить Румынию.

Фюрер перебил:

- Я лично фанатически убежден, что нужно любой ценой удерживать каждый квадратный километр завоеванной земли!

Затем он стал рассуждать о том, что клика преступников, устроивших путч, придерживалась иного взгляда: можно отступить с завоеванных территорий. Это они вместе с итальянцами отдали Эль-Аламейн, уверяя, что снабжение может идти через Бенгази. Это они хотят теперь очистить Прибалтику. Это они... Гитлер задышался от бешенства, проклиная "предателей" и сваливая на них всю вину за неудачи Германии. Излив свою ярость, он остановился. И продолжал спокойнее.

- Я уверяю вас, маршал, что не собираюсь приказывать значительные отходы войск. Под влиянием катастрофы на центральном фронте я должен был предпринять некоторое движение назад исключительно для того, чтобы закрыть образовавшийся большой разрыв фронта. В этих рамках определенное количество соединений было снято с южноукраинского фронта, но в полном соответствии с указаниями, данными мной. Сейчас я могу вас, маршал, уверить в любой форме, что Германия не собирается покинуть своего союзника на произвол судьбы, но предпринимает только обмен некоторых войсковых соединений. Как только они будут готовы, я направлю в Румынию 8 - 10 подразделений штурмовых орудий.

Антонеску все прекрасно понял. Все, включая "некоторое движение назад". Он заговорил о том большом доверии, которое питает к фюреру он сам, все военные и политические деятели Румынии, об абсолютной вере в каждое его, фюрера, слово.

Гитлер уставился на собеседника стеклянными глазами, ожидая, что после таких излияний он преподнесет еще какой-нибудь сюрприз.

И Антонеску выпалил:

- Я абсолютно верил вам, фюрер, и после нашей с вами последней встречи, где вы, фюрер, дали гарантию, что Крым будет удержан и что в начале лета путем наступления будет возвращена Украина. Несмотря на эти ваши гарантии, обещанные военные операции не были проведены!

Антонеску выкладывал дальше: если совершенно открыто ответить на поставленный фюрером вопрос, хочет ли Румыния продолжать сражаться, он, Антонеску, заявляет, что его ответ будет зависеть от дальнейшей позиции Венгрии и Болгарии, от того, будет ли стабилизирован Восточный фронт и, наконец, от того, получит ли Румыния достаточно средств противовоздушной обороны.

Гитлер возмутился.

- Я не могу дать никаких гарантий о позиции Болгарии. Против любого нарушения ею лояльности Германия прибегнет к оружию. Неизвестно, кто в будущем возглавит в Болгарии регентство. Можно ждать любых неожиданностей. Что касается Венгрии, то я гарантирую, что ничего не произойдет. Здесь Германия при малейшей опасности будет действовать со всей жестокостью. Германия прежде всего сама в огромной степени заинтересована в том, чтобы стабилизировать Восточный фронт. Она сделает для этого все возможное и будет сражаться до последней крайности, чтобы добиться этой цели.

Гитлер кричал, перечисляя заслуги рейха перед Румынией: никто в Европе не принес таких жертв, как Германия. Война при любых обстоятельствах должна быть выиграна, тогда сами собой улягутся все недоразумения, ликвидируется напряженность в отношениях. И тут же он упрекал Антонеску в невыполнении плана поставок по различным товарам. Фюрер уже вопил. Его собеседник тоже стал терять контроль над собой. Перебивая Гитлера, он жестко и возмущенно доказывал, что Румыния тоже делает все возможное и поставляет все обещанное.

- Что касается вашего утверждения, будто ни одна нация в Европе, кроме немцев, не принесла столько жертв, что немецким городам нанесен ущерб, то я вам отвечу, что Румыния находится в состоянии крайнего перенапряжения, и если еще какая-то часть Бухареста не пострадала, то во всей стране положение гораздо хуже, чем в Германии.

Наконец они успокоились. Последовала длинная пауза. Накал беседы спал.

Фюрер первым прервал молчание. Он снова сказал: "Сама судьба связала Германию и ее союзников". Они должны продолжать борьбу, располагая абсолютным взаимным доверием. И здесь он вспомнил злой упрек Антонеску насчет невыполненного обещания: вернуть Крым и Украину.

В стенограмме их беседы мы читаем: "Возвращаясь к замечанию Антонеску насчет того, что фюрер не сдержал данное весной обещание вернуть Крым и Украину, фюрер ответил, что была проведена вся подготовка к наступлению, включая сосредоточение войск и необходимых средств, но вследствие исключительно плохой погоды танки буквально застряли в грязи. Это, должно быть, заговор природы, что зимой 1941/42 г. помешал операциям чрезвычайный холод, в то время как теперь стала помехой чрезвычайная влажность. Поэтому он (фюрер) из-за обстоятельств, не зависящих от его воли, не смог осуществить планы, которые изначально обещал"¹⁴⁰⁸. Антонеску отвечал:

- Я хотел бы сказать, что не имею ни малейших сомнений в намерениях фюрера. Ни один из союзников Германии не лоялен к ней так, как Румыния. Она останется на стороне Германии и будет последней страной, которая покинет рейх.

Он сделал паузу и провозгласил:

- Потому, что известно: конец Германии будет означать также конец Румынии.

Беседа кончилась.

Антонеску, сославшись на усталость, вышел из помещения и уехал. Он даже отказался от приглашения на ужин с фюрером¹⁴⁰⁹.

Самое поразительное в этой беседе заключалось в том, что партнеры вели ее так, будто им предстояло вместе воевать еще много лет, и что временные недоразумения как на фронте, так и в их собственных взаимоотношениях и уж, конечно, в их странах никак не повлияют на конечную победу, в которую они верили или представляли друг другу, будто верят. Стереотипы их мышления оказались столь устойчивыми, что если снять оболочку ухищрений, колкостей и уверток, останется лишь несколько гладких, как круглые камни, мыслей, повторявшихся ими в разной связи сотни раз: воевать до конца, врагов в тылу уничтожить.

Оба, т. е. и Гитлер, и Антонеску, клявшиеся друг другу в вечной дружбе "до конца", и Фриснер со своим штабом в прикарпатском курорте тогда, конечно, не имели представления, что ровно через 15 дней все их долгие сомнения, раздумья, все опасения и надежды, интриги друг против друга, тайные и явные планы и расчеты разрешатся мгновенно и предельно ясно.

Германо-румынский фронт будет взорван, растерзан и стерт, их дивизии будут панически бежать в горы, десятки тысяч солдат попадут в окружение и плен, генералы утратят всякое управление, орудия, танки сотнями будут брошены на дорогах.

Они не представляли себе, что через 18 дней со страшным треском рухнет вся государственная система румынского фашизма, что румынские армии повернут оружие против Гитлера, а вернейший друг и союзник фюрера окажется в ситуации еще худшей, чем дуче год назад. Того по крайней мере выволокли из плена немецкие парашютисты и тем на несколько месяцев продлили существование.

IV

На следующий день после отъезда Антонеску Кейтель снова принял полковника Трота. Находясь тут, под рукой, полковник представлял командование румынским участком фронта, и под свежим впечатлением имел с ним доверительную беседу насчет приезда Антонеску. Фельдмаршал, конечно, повторял мысли Гитлера, потому что своих большей частью вообще не имел, по крайней мере во всем том, что касалось политики и высокой стратегии.

Кейтель сообщил, что Румыния вполне надежна. Антонеску "готов принести любую жертву ради победы". Никаких сомнений, в этом нет и быть не может. Румынская армия будет сражаться до последнего, а румынский народ, весь как один человек, идет за своим вождем. Поэтому нет никакой необходимости готовить отход на укороченные позиции. Что же до просьбы Фриснера насчет объединения в его руках командования над всеми силами в Румынии, то вопрос очень деликатен. Тут высокая политика. Ведь можно задеть самолюбие Антонеску как главнокомандующего. Поэтому лучше повременить.

С тем полковник Трота и уехал из "Вольфшанце", обещав доложить все господину генерал-полковнику Фриснеру.

Все выводы, сделанные в ставке Гитлера насчет обстановки в Румынии, все военно-стратегические расчеты и основанные на них действия вплоть до начала наступления Красной Армии на южном участке советско-германского фронта еще раз необычайно убедительно показали глубину политического, стратегического и военно-оперативного банкротства фашистского верховного командования, которое обнаружилось под ударами Красной Армии. Банкротами оказались все: и стратеги, сидящие в "Волчьем логове", и генералы со своим окружением в городке Слэник, и фюреры, и все их присные.

Они создавали оторванные от жизни военно-стратегические догмы и слепо верили им. Уже давно, несмотря на вопиющее несоответствие жизни, укоренили они в своем сознании навязчивую идею: противник будет действовать только так, как они за него предполагают, а если он поступает иначе, то лишь временно, вопреки неким правилам, а потом все равно будет действовать именно так. Несмотря на весь свой военный опыт, они, казалось, не хотели видеть катастрофического расхождения между реальностью и собственными вымыслами. Гитлер и ОКВ - потому что в своем "Волчьем логове" вообще жили в каком-то ином мире; генералы в Слэнике и в других слэниках, т. е. на различных командных пунктах, - потому что привыкли думать, как фюрер, смотреть на вещи его глазами. А после 20 июля прибавилось нечто такое, что вообще исключало какое-либо различие военных оценок генералов с "Вольфшанце".

Но это, конечно, лишь одна сторона вопроса. Другая заключалась в том, что догматической стратегии фашизма противостояла принципиально другая стратегия творческая стратегия советского военного руководства. Верховное Главнокомандование Красной Армии настолько глубоко поняло сильные и слабые стороны расчетов и мыслей врага, настолько реалистически в теории и на практике использовало слабое и нейтрализовало сильное в методах ведения войны противником и, наконец, настолько тонко противопоставило этой стратегии свое, совершенно иное умение руководства войной и ее сражениями, что все дальнейшие события с военной и с исторической точек зрения, собственно, как и целый ряд предшествующих, могут быть поставлены в число высших

образцов воинского мастерства, советского военного искусства.

Все было продумано до деталей. По расчетам советского верховного командования, Белорусская операция и разгром группы армий "Центр" должны были вызвать, при условии тщательной маскировки намерений на южном участке фронта, переброску крупных немецких сил из Румынии на центральный участок. Так и произошло.

В июле и первой половине августа из Румынии немцы направили к северу 5 танковых и 6 пехотных дивизий. И последняя из них - 97-я егерская дивизия двинулась из группы армий "Южная Украина" на север ровно за один день до начала наступления Красной Армии в Румынию.

Здесь прибавить нечего.

К тому моменту, когда советские войска начали наступление в Румынию, в распоряжении Фриснера оставался лишь самый незначительный резерв. Буквально за несколько часов до нанесения удара Красной Армией поступил приказ снять с передней линии и направить в тыл 258-ю пехотную дивизию. Артиллерийская подготовка застала ее на марше. Румынские войска, находившиеся на тыловой "позиции Траяна", не готовые к бою, располагались по деревням, вдалеке от боевых позиций.

Группа армий "Южная Украина" к середине августа включала армейские группы: одну под командованием румынского генерала Думитреску и другую - немецкого генерала пехоты Вёлера. Созданная "из политических соображений" группа Думитреску оказалась пустым делом. Подчинение ей 6-й немецкой армии носило чисто формальный характер. Штаб этой группы не мог отдавать ни директив, ни приказов 6-й армии, а после начала наступления советских войск штаб 6-й армии не имел вообще никакой связи со штабом группы. "Группа Думитреску" существовала символически, потому что имелась немецкая "группа Вёлера". А 6-я армия получала приказы прямо от Фриснера.

Почти до самого начала наступления советских войск (20 августа) ни верховное командование, ни штаб Фриснера не предполагали, что оно может произойти¹⁴¹⁰.

Оценка обстановки отделом иностранных армий Востока генерального штаба сухопутных сил 15 августа гласила: "Развитие действий противника перед группой армий "Южная Украина" от начала летних операций характеризуется отводом крупных сил врага для ввода против групп армий "Северная Украина" и "Центр" (всего до настоящего времени 2-3 танковые армии, 8 - 10 подвижных корпусов, 3 пехотные армии, 28 стрелковых дивизий). Что такая переброска сил в дальнейшем прекратится, нельзя установить достаточно точно, однако при общем развитии событий между Карпатами и Северным морем следует ожидать вероятного ввода там крупных сил. Поэтому наступление Красной Армии с далеко идущими оперативными целями против группы армий "Южная Украина" теперь, как и прежде, невозможно"¹⁴¹¹.

16 августа (за 4 дня до наступления) штаб 6-й армии докладывал: "Ничего особенного, везде спокойствие". 18 августа (за два дня до наступления) в донесении начальника штаба 30-го армейского корпуса, оборонявшегося против плацдарма у Бендер, где 3-й Украинский фронт готовил свой главный удар, начальнику штаба 6-й армии говорилось: "У плацдарма мы не ожидаем ничего серьезного"¹⁴¹².

17 и 18 августа штабом группы армий на участке фронта северо-западнее Ясс стала распознаваться подготовка крупного наступления советских войск. Передвижения на плацдарме южнее Тирасполя оценивались как "сковывание" или как будущее "вспомогательное наступление". В этот день командование группой армий отдало секретное распоряжение всем немецким и румынским командирам вплоть до командиров дивизий: "В ближайшие дни нужно считаться с возможностью крупного наступления на нашем фронте, которое будет сопровождаться на отдельных участках многочисленными демонстративными и сковывающими наступательными действиями"¹⁴¹³.

О том, сколь мало значения всему этому придавалось в "Вольфшанце", свидетельствует приказ ставки начать переброску из Румынии на север упомянутой 97-й егерской дивизии. Фриснер впоследствии объяснял: "Складывалось впечатление, что противник всецело

поглощен операциями против групп армий "Центр" и "Север". В соответствии с этим, передвижения войск противника, обнаруженные нашей авиацией перед фронтом группы армий, первоначально были истолкованы как переброска сил на север. Результаты деятельности нашей воздушной разведки вообще были весьма незначительными вплоть до последних дней перед началом наступления. Это объяснялось, вероятно, тем, что русские производили передвижение войск скрытно и только ночью. Так как русские умели хорошо маскировать подобные мероприятия, наша агентурная разведка смогла сообщить необходимые сведения также лишь с большим опозданием. Видимо, по этим причинам главное командование сухопутных войск и не реагировало так долго на угрозу крупного русского наступления на фронте моей группы армий"1414.

Все происходило именно таким образом, как планировала Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии.

V

Мощный удар Красной Армии в Румынии оказался стратегически совершенно неожиданным для германского верховного командования. Только за полтора суток до начала штаб группы армий "Южная Украина" распознал угрозу под Яссами, где готовилось наступление 2-го Украинского фронта. Штаб группы до конца ничего не знал о масштабах предстоящего удара 3-го Украинского фронта из района Бендер1415. Ставка Гитлера вплоть до перехода в наступление советских войск вообще его не ждала и не принимала никаких контрмер.

Маршал Советского Союза М. В. Захаров пишет по этому поводу: "Внезапность была достигнута в результате искусно проведенных войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов мероприятий по оперативной маскировке. Кроме того, войска этих фронтов почти четыре месяца вели бои местного значения, что притупило бдительность немецко-фашистского командования"1416.

Начавшееся ранним утром 20 августа наступление в Румынии 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием генералов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина приняло сокрушительный характер.

В работах ряда советских военачальников и военных историков даны развернутые характеристики и подробное исследование хода военных действий в Яско-Кишиневской операции. В них, в частности, показано, какой эффект имела внезапность нанесенного советскими войсками удара.

Одно из донесений, полученных из войск армейским штабом группы армий "Южная Украина", гласило: "Артиллерийская подготовка невиданной силы. Все управление нарушено. Оставление бункеров означает верную смерть... Все опорные пункты на позиции "Б" разрушены и сметены. Слева в тылу находится наступающая русская пехота; справа... русские плотными построениями с криками "ура" уже впрыгивают в хода сообщения. Крупные, со спортивной выправкой, хорошо одетые, в новой светлой униформе, они безупречно вооружены"1417. "Ровно в 10.00 первые вражеские танки промчались через выдвинутые вперед боевые позиции дивизии. Уже в это время было также сообщено о появлении первых танков противника на правом фланге дивизии... Отброшенные остатки пехоты, рассеянные обозы были обнаружены в районе Поповки"1418.

В первые два дня наступления прорыв советских войск достиг глубины 25 км. Фриснер использовал все имеющиеся у него резервы, но нигде не добился и подобия каких-либо результатов, Мгновенно разгромленная оборона зияла глубокими брешами. Советские войска стремительно двинулись к югу.

Только 22 августа Гитлер разрешил начать отвод войск из выступа фронта, расположенного между 2-м и 3-м Украинскими фронтами. Но оказалось поздно. День 23 августа стал во всех отношениях критическим: завершилось окружение 3-й румынской армии. Она сложила оружие.

Удары Красной Армии ускорили вооруженное выступление румынского народа. В Бухаресте вспыхнуло восстание, положившее начало народно-демократической революции. По своим целям и характеру оно стало антифашистским, а его движущими силами выступали рабочий класс и солдатские массы¹⁴¹⁹.

Подготовка восстания представителями компартии Румынии, патриотического офицерства и дворцовых кругов началась еще в июне. Развитие событий на фронте ускорило вооруженное выступление. Во второй половине дня 23 августа Антонеску был арестован в королевском дворце вместе со своим заместителем М. Антонеску. Вечером патриотический отряд во главе с руководящим работником ЦК КПП Э. Боднарашем увез обоих арестованных в конспиративный дом Центрального комитета¹⁴²⁰. Военное командование Бухареста, на основе плана, заранее разработанного Военным комитетом, деятельность которого направляла компартия, отдало приказ занять государственные учреждения и военные объекты.

Около 17 часов того же дня в немецком представительстве на Алеа Викториеи, No 10, появился начальник румынской разведки Хриестеску. Он сообщил советнику посланника Штельцеру обо всем, что произошло во дворце. Немедленно сюда были приглашены Ганзен и другие чины германского представительства. Вскоре появились генерал-лейтенант Герстенберг, адмирал Тиллесен, шеф германской военно-морской миссии, генерал Шпальке, военный атташе. Позже прибыл со своей виллы и посланник фон Киллингер. Растерянные, они не знали, что делать. Прежде всего сообщили обо всем случившемся в ставку, благо связь еще работала. По настоянию Ганзена и других собравшихся у посланника, Киллингер отправился во дворец. В беседе король Михай "как Гогенцоллерн" выразил сожаление о таком развитии событий и попросил, чтобы "правительство рейха распорядилось немедленно вывести немецкие войска из Румынии".

Около 20.00, когда связь уже работала с перебойми, Герстенбергу удалось связаться с Берлином. У телефона оказался начальник генерального штаба ВВС Крейпе. В дневнике начальника штаба имеется следующая запись об этом разговоре: "23.8 положение вечером. Первые донесения о государственном перевороте в Румынии. Разговор по телефону с фон Киллингером и Герстенбергом в Бухаресте. Оба заперты в посольстве, Киллингер полностью сломлен, передает привет фюреру. Предложение Герстенберга о вводе пикирующих бомбардировщиков и дивизионов ПВО у Плоешти - он хочет занять город! Телефонный разговор с Гитлером. Предложение Герстенберга одобряет, требует взять в плен короля. Связь с Бухарестом еще раз восстанавливается, затем прерывается"¹⁴²¹.

В результате этого разговора Гитлер приказал Герстенбергу подавить путч. Но теперь все немецкие служебные инстанции в Бухаресте были оцеплены румынскими солдатами, некоторые разоружены, связь прервана. Сильные румынские войсковые подразделения окружили германское представительство, дома, где находились немецкие военные в Бухаресте и в пригородах.

Тем временем дворцовые круги, царанисты и либералы образовали правительство во главе с генералом К. Санатеску. В 20.00 Михай выступил по радио: Румыния приняла условия перемирия, предложенные Россией, Англией и Америкой. Вскоре в немецкое представительство прибыл новый румынский министр иностранных дел Никулеску-Бузешти. Он официально заявил советнику посланника Штельцеру о разрыве дипломатических отношений Румынии с Германией. Однако будет разрешен беспрепятственный отход германских войск, если они не начнут враждебных действий.

Штельцер, Ганзен и Герстенберг снова стали собираться во дворец. Но прежде, чем состоялось это третье объяснение бывших союзников, Ганзену вручили телефонограмму от Кейтеля: фюрер категорически приказал "путч клики генералов из окружения короля подавить", поставить во главе нового правительства генерала, дружественно расположенного к Германии.

Совершенно не представляя себе реального положения вещей, ставка Гитлера еще думала, что вполне можно не только изменить политическую обстановку в Бухаресте,

"подавить путч", но и отвести группу армий "Южная Украина" на линию, "которая прикрывала бы нефтяные районы Румынии и пути вывоза нефти".

В ночь на 24 августа ОКВ. передало приказ: главнокомандующий на юго-востоке должен "все свободные силы в Сербии и Кroatии сосредоточить в районе Ниш - Белград, а свободные силы, расположенные в районе группы армий "Е", - в районе Скопле - Ниш". Затем "немецкий комендант румынских нефтяных районов" получил распоряжение нефтяную продукцию и нефтяной транспорт направить с использованием трубопроводов и по железным дорогам в Гиургиу и обеспечить дальнейшую перевозку нефти по Дунаю¹⁴²².

Однако приказ гитлеровской ставки, как и многие другие ее директивы и приказы, как и предыдущие действия ОКВ в связи с делами в Румынии, был столь же далеким от действительности.

Румынский народ приветствовал окончание войны. Повернуть события вспять было невозможно. Неудержимое наступление советских войск не только сметало на своем пути всякое военное сопротивление, но рушило любые попытки каких бы то ни было политических комбинаций. Единственный выход из положения бывший союзник рейха нашел, и никакие яростные приказы "Вольфшанце" уже ничего не могли изменить. Надо ли говорить, что в такой обстановке ни Ганзен, ни Герстенберг, ни кто бы то ни было другой не могли подыскать "подходящего генерала", который согласился бы возглавить какое-то новое прогерманское правительство.

Ганзен оказался в трудной ситуации. Он и не предполагал, что давний и верный союзник, с которым он так хорошо, долго и плодотворно сотрудничал, подложит ему такую свинью и к тому же когда! Всего лишь через месяц после 20 июля! Не привыкшему к такого рода ситуациям генералу-дипломату было от чего потерять голову. С одной стороны, он не мог не видеть, что в Румынии все пропало. Но с другой - грозный приказ из ставки, да еще в таких обстоятельствах, кое-чего стоил!

Получив приказ ОКВ, Ганзен, за ним Герстенберг и Штельцер опять бросились во дворец. Конечно, не для того, чтобы заменять новое румынское правительство - этот бред они оставляли на совести ставки. Речь могла идти лишь о более скромных вещах: как выбраться подобру-поздорову из Румынии, объятай народно-демократической революцией. Принятые Санатеску, они вели речь лишь о порядке вывода немецких войск.

Перед рассветом, около 3.30, у Ганзена состоялся разговор с Иодлем, а в 4.04 - с Фриснером. Оба генерал-полковника сообщили: в Бухаресте дело идет вовсе не о путче придворных кругов, а о заранее тщательно подготовленном государственном перевороте. Ганзен сказал: слабость немецких сил в этом районе вряд ли сделает успешной предполагаемую акцию подавления. Иодль ответил, что доложит об этом фюреру. Фриснер указал на соглашение о перемирии со свободным выводом войск и просил решения фюрера. После ответа Кейтеля, что отданный приказ подавить путч остается в силе, что "помочь могут только немедленные действия" и что генерал Ганзен не свободен в своих решениях, начальник штаба Фриснера сразу же в 5.10 передал это распоряжение Гитлера Герстенбергу, который тем временем приехал в лагерь немецких авиачастей севернее Бухареста.

Приказ Гитлера о "подавлении путча" Герстенберг начал выполнять утром 25-го. Всё, что смогли наскрести из гарнизонов, расположенных вокруг Бухареста, двинули в наступление. Немецкие подразделения сумели достигнуть северной окраины Бухареста, но здесь они застряли, встретив упорное сопротивление румын. В ОКВ пошло устное донесение Герстенберга: "Положение в районе Бухареста очень серьезное. Наши силы - на северной окраине Бухареста. Взять Бухарест без поддержки тяжелого оружия невозможно. Наша авиация днем и ночью успешно атакует здание совета министров и королевский дворец. Нефтяной район Плоешти окружен румынами... Вывоз продукции пресечен"¹⁴²³.

В середине дня ставка узнала, что атакующие немецкие части отброшены румынским контрударом в лесной лагерь Степани. Вскоре был потерян расположенный севернее города находившийся в распоряжении немцев аэродром Банеаса. Немецкие части пришлось снабжать по воздуху - еще оставался аэродром Отопени. Они срочно получили

транспортными самолетами подкрепление с Балкан около 500 человек во главе с прибывшим из Варшавы генералом Штахелем, которому было приказано возглавить все немецкие войска под Бухарестом и Плоешти.

Но вечером в ОКВ узнали, что во второй половине дня румынские войска превосходящими силами перешли в наступление на немцев севернее Бухареста. Тем временем Кейтель 26 августа объявил всю Румынию "оперативным районом сухопутных сил", а войска под Бухарестом и Плоешти вошли в подчинение Фриснера. Немедленно Штахель получил приказ занять и удержать Плоешти и одновременно продолжать наступление на Бухарест, Ни то, ни другое не получилось.

Мощное наступление советских войск продолжало неудержимо развиваться. Основная немецкая группировка, окруженная юго-восточнее Ясс, не смогла прийти на помощь частям, пытавшимся вернуть Бухарест. Повстанцы удерживали столицу. Антифашистское восстание закончилось победой народа. 31 августа в Бухарест, освобожденный патриотическими силами, вступили войска советских 6-й танковой и 53-й армий, а также 1-я румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску.

Румыния повернула фронт против гитлеровской Германии. В оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом перешли 4-я и 1-я румынские армии. В первых числах сентября советские войска уже выходили к Турну-Северину вблизи югославской границы и к Болгарии. Затем они преодолели Восточные и Южные Карпаты и в конце сентября вышли на румыно-венгерскую границу.

Немецкий фронт на юге не просто был сокрушен, но вообще перестал существовать. Советские войска продвинулись на 750 км и глубоко охватили все немецкие силы, расположенные в Карпатах и Польше. Были созданы решающие предпосылки к освобождению Румынии. Восстание румынского народа под руководством КПР смело фашистское правительство Антонеску, и подписанное 12 сентября 1944 г. соглашение о перемирии фиксировало вступление Румынии в антифашистскую войну. Создание национально-демократического фронта и нового правительства означало большую победу демократических, революционных сил Румынии. Дальнейшее победоносное развитие народной революции, начавшейся 23 августа 1944 г., привело затем к созданию демократического правительства, решающую роль в котором играли представители трудящихся.

VI

В эти дни ставка Гитлера жила какой-то странной жизнью. Одна за другой катастрофы в центре и на юге Восточного фронта привели всех обитателей "Волчьего логова" в состояние мрачной и злобной подавленности. Замкнувшиеся в своих бункерах, они стали воспринимать многое как из потустороннего мира. Нарушилась система выработки решений. Главное и второстепенное не различалось. Все тонуло в бесконечных мелочах, запутывалось в сетях массы гнетущих впечатлений минуты, импульсов, эмоций, вызываемых постоянно и неожиданно, но все время к худшему меняющейся обстановкой.

После Сталинграда, Курска гитлеровская ставка привыкла уже ко многому. Но то, что происходило сейчас, казалось невыносимым. Эта быстрота, с которой танковые армады приближаются с Востока к рейху, эти один за другим, почти без пауз, сокрушительные удары, когда стало уже совсем невозможно ни отдышаться, ни предвидеть, где и какими силами будет нанесен следующий удар, это широкое движение союзников с Запада - все создавало в ставке особо гнетущую атмосферу.

В бункерах "Вольфшанце" на очередных заседаниях бесконечные рассуждения Гитлера о неизбежном развале коалиции противников перемежались длительными экскурсами в прошлое, оправданиями ранее принятых решений, обвинениями всех и вся в плохом выполнении приказов, новыми и новыми проклятиями в адрес "предателей". Приходили Кейтель, Гудериан, Йодль и другие, сообщали более или менее приглагоженно плохие вести, на основе докладов принимались всевозможные решения, которые могли задержать исход,

но не изменить его.

Тема "предательства в тылу" все еще вытесняла другие. Заговор и его неудача, которую теперь здесь все толковали как "волю провидения, решившего сохранить фюрера", аресты, картины "народного суда" и казней, ежедневно представавшие перед обитателями "Вольфшанце" в виде фильмов, - всё это все больше и больше направляло мышление в одну точку: теперь, когда предатели повешены, когда "нарыв" ликвидирован, всё пойдет по-другому. Нужно лишь как следует перетасовать колоду: выбросить еще притаившихся врагов фюрера, заменить их "безупречными".

В день, когда полный разгром в Румынии стал вполне очевидным фактом, 30 августа, Гитлер принимал генералов Кребса и Вестфалья, отправлявшихся на новые должности начальниками штабов. И не катастрофа в Румынии, а совсем другое стало темой их разговора.

- Вы знаете, что фельдмаршал Клюге покончил самоубийством, - говорил фюрер. - Имеются очень веские подозрения, что если бы он не совершил самоубийства, то все равно был бы арестован.

Не ожидая ответа, Гитлер продолжал.

- Это был человек, который предназначался для того, чтобы произвести поворот судьбы, чтобы по возможности капитулировать перед англичанами и затем с англичанами пойти против России - совершенно идиотский план. Прежде всего они преступно бросают на произвол судьбы немецкие земли на Востоке.

Переходя к теме о противниках, Гитлер безапелляционно заявил:

- Они двигаются к своей гибели. Настанет момент, когда напряжение союзников будет таким большим, что наступит провал. Коалиции в мировой истории всегда погибали. Только нужно выждать момент, как бы ни было трудно. Моей задачей является, особенно с 1941 г., при всех обстоятельствах не терять нервы, а если где-нибудь имеется поражение, вновь и вновь находить пути и вспомогательные средства, чтобы как-нибудь поправить историю. Я вполне могу сказать: более тяжелого кризиса, чем тот, который мы уже пережили на Востоке, нельзя себе представить. Когда пришел фельдмаршал Модель, группа армий "Центр" была действительно дырой. Там было больше дыр, чем фронта, но затем, наконец, стало больше фронта, чем дыр.

Гитлер говорил дальше:

- Нужно продолжать борьбу до тех пор, пока имеется возможность для порядочного мира, сносного для Германии и гарантирующего жизнь будущих поколений.

Да, он думал о "будущем Германии". Но о все той же нацистской "модели" будущего с обязательным "завоеванием Востока", о котором он бредил до последних дней. Нужно только дожидаться раскола коалиции, вынудить Англию и США объединиться с рейхом и опять двинуться на Восток. Только он сможет добиться этого. "Если здесь не будет сидеть натура с железной волей, борьба не может быть выиграна".

Однако "натура с железной волей" теперь боялась всего: и заговоров, и наступающих противников, и своих сподвижников, и вообще всего того, к чему неотвратимо шел фашизм.

- То, что здесь произошло, обратилось против меня. Если бы это удалось, то для Германии возникла бы катастрофа. То, что это не удалось, дает нам возможность устранить наконец этот нарыв внутри1424.

Только на следующий день, 1 сентября, Гитлер получил более или менее ясную картину всего, что случилось в Румынии. Пришел Гудериан:

- Из группы армий "Южная Украина" сообщают, мой фюрер, что противник ворвался в Бухарест, занял Плоешти и вот здесь движется в горы. Части группы Мита здесь, южнее Бакэу. Согласно русскому радио генерал Мит, к сожалению, погиб.

- Ах! - воскликнул Гитлер, потрясенный известиями. Наступила гнетущая пауза.

Затем, когда фюрер пришел в себя, пошел длинный разговор о том, как предупредить кажется готовящееся наступление советских войск через Карпаты и каким образом быстрее подавить восстание, вспыхнувшее в Варшаве.

Гитлер закончил совещание требованием:

- Нам необходим какой-нибудь успех, это решающее. Нужно опять стать активными, чтобы мы снова подчинили себе закон действия!

Но о каком успехе могла быть речь?

Разгром немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта и вступление войск генерала Ф. И. Толбухина в Болгарию ускорили народное восстание в этой стране, приведшее к победе Отечественного фронта. Болгарский народ получил возможность выйти из несправедливой войны. Болгария объявила войну Германии.

Выход Красной Армии на болгаро-югославскую границу заставил нацистское верховное командование начать эвакуацию войск с юга Балканского полуострова. Наступление 3-го Украинского фронта, его совместные действия с югославскими и болгарскими войсками позволили во второй половине октября 1944 г. освободить восточную часть Югославии и Белград.

Теперь гитлеровская ставка со страхом взирала на угрозу, неумолимо приближавшуюся к Венгрии. План германского командования состоял в том, чтобы особенно прочно удерживать фланги Восточного фронта: Прибалтику, необходимую для воздействия на скандинавские страны и обеспечения господства в Балтийском море; Венгрию - важного союзника, экономика которого стала особенно необходимой рейху. 20 сентября группа армий "Север" получила усиление: 3-ю танковую армию, действовавшую прежде в центре. Но наступлением Прибалтийских фронтов с июля по октябрь 1944 г. Красная Армия разгромила группу армий "Север". Ее потери достигли 26 дивизий из 59. Утрата Прибалтики, изоляция части сил в Курляндии крайне ослабили северный фланг германского стратегического фронта, который теперь сократился на 750 км.

На юге ОКВ стало опасаться удара Красной Армии через Восточные Карпаты Бескиды. Еще 1 сентября 1944 г. Гудериан фиксировал "мероприятия противника по подготовке наступления против венгерской армии и через перевал Дукла"¹⁴²⁵. Оно создавало угрозу прорыва в Венгрию с севера. Завязавшиеся с 8 сентября на красно-дуклинском направлении тяжелые бои в горах вывели войска 38-й армии под командованием генерала К. С. Москаленко и 1-го Чехословацкого армейского корпуса во главе с генералом Л. Свободой к границе Чехословакии. 6 октября советские и чехословацкие войска перешли ее границу¹⁴²⁶.

Германское командование было уверено, что советская Ставка подготовила гигантские "клещи" в обход Карпат. Так как нависла угроза операции с широким охватом против группы армий "Юг", Гудериан отдал 24 сентября приказ немедленно произвести все необходимые приготовления к отходу на линию Сегед - Дебрецен Ужгород и затем для "отступления на участок позади Тисы"¹⁴²⁷. Чтобы предотвратить ожидаемый прорыв в Венгрию с севера против советских и чехословацких войск, наступавших через Дуклинский перевал, ОКХ направило в Бескиды последовательно 15 дивизий, главным образом с южного участка фронта, еще больше оголив его. Латать дыры приходилось везде. Венгры категорически потребовали немедленно направить им пять танковых дивизий - иначе они ни за что не ручаются. ОКВ подкрепило группу армий "Южная Украина" дополнительно танковым корпусом и другими силами из Галиции и Югославии. В сентябре число немецких и венгерских соединений в группе армий "Южная Украина" удвоилось и достигло 31,5 дивизий. Но в то время как Гудериан намеревался сконцентрировать танковый корпус у Арада, чтобы отразить возможный удар по венгерской низменности через горы, ОКВ приказало атаку корпуса направить на юг и снова овладеть карпатскими перевалами. Началась крупная переброска сил на южное направление. Германское командование решило, что судьба рейха зависит от стабилизации участка фронта на южных подступах к Венгрии.

Дело в том, что в "Вольфшанце" все еще думали, будто из Румынии Красная Армия скорее всего ударит на Балканы и к черноморским проливам, а не на северо-запад, в Венгрию и Чехословакию. "Разногласия, которые возникли бы между западными союзниками и Советским Союзом в этой ситуации, коренным образом изменили бы военную

обстановку. Впрочем, это была мысль, которая владела Гитлером до последних дней. Но до тех пор необходимо стойко выдержать все кризисы, а горные перевалы взять снова в свои руки в качестве "зимней позиции"¹⁴²⁸.

Однако замысел Верховного Главнокомандования Красной Армии состоял вовсе не в том. Теперь считалось необходимым разгромить группу армий "Юг" (так снова стали называть группу армий "Южная Украина"), группу армий "А" и сражавшуюся в Югославии группу армий "Ф", вывести из войны Венгрию, оказать помощь в освобождении Чехословакии и Югославии. В наступлении должны были участвовать 4, 2, 3-й Украинские фронты, чехословацкие, румынские, болгарские и югославские войска.

Когда в начале октября 1944 г. для ОКВ стали очевидными иные намерения советского командования, оно изменило свою прежнюю оценку плана Красной Армии. 5 октября Гитлер приказал сосредоточить под Дебреценом пять танковых и моторизованных дивизий, разбить советские войска западнее Карпат, удержать Венгрию, а затем проникнуть в горные долины и там "сесть на зимние позиции"¹⁴²⁹.

Но гитлеровцы опоздали. Красная Армия их опередила. Пока Гудериан совершал свои сложные переброски войск "к югу", 6 октября 2-й Украинский фронт генерала Р. Я. Малиновского нанес удар в тыл группе армий "Юг", окончательно рассеяв "балканские иллюзии" гитлеровской ставки. Последовал ряд крупнейших сражений в Венгрии, венцом которых стала Будапештская операция.

Тяжелые потери, непрерывный отход и вместе с тем кризис военной промышленности, быстрое уменьшение источников и запасов горючего, особенно после потери румынских нефтяных районов, - все это дополнительно нацеливало германских стратегов и с военной, и с экономической, и с психологической точек зрения на удержание последнего союзника - Венгрии - с его армией, территорией, нефтью и продовольствием. Все больше растет "венгерский комплекс", когда на время Венгрия заслонила гитлеровской ставке все остальное. Даже пути с востока к Берлину, где готовились последние удары по рейху. Во время обсуждения обстановки 23 января 1945 г. Гитлер указывал, где на Восточном фронте должен теперь находиться район главных стратегических усилий: "На первом месте стоит венгерский нефтяной район и нефтяной район Венского бассейна, ибо без этой нефти (80% всей добычи) дальнейшее ведение войны невозможно".

Затяжная борьба на венгерской равнине привлекла значительные немецкие силы, снятые, в частности, с центрального участка советско-германского фронта, который последовательно ослаблялся.

Тем временем ускоренными темпами развивались события в Западной Европе. Американские и английские войска после вступления в Париж в конце августа с рубежа Сены двинулись дальше к востоку, в глубь Франции. В декабре они освободили всю Францию, Бельгию, Люксембург и часть Голландии. Несмотря на продвижение союзников, ОКВ в июне - декабре 1944 г. перебросило из Германии и других стран Европы против Красной Армии 59 дивизий и 13 бригад; в то же время с советско-германского фронта было снято всего лишь 12 дивизий и 5 бригад.

В Италии в конце августа - начале сентября 15-я группа армий вела бои в Северных Апеннинах и вышла к Болонье. К концу года немцы потеряли всю Центральную Италию и отступили до Равенны. За 1944 г. союзные войска в Италии разгромили 10 немецких дивизий и продвинулись на 300-400 км¹⁴³⁰.

Наступали последние дни "Волчьего логова". Ставка Гитлера "Вольфшанце" просуществовала в Восточной Пруссии до конца 1944 г. Высшие штабы, ОКВ вселились сюда через 36 часов после начала вторжения в Советский Союз. Руководители вермахта надеялись пробыть там не больше трех месяцев. Им пришлось сидеть в восточнопруссских бункерах 42 месяца. Гитлер еще 31 июля 1944 г. сказал: "Хватит ставке оставаться в Восточной Пруссии. Нужно подумать о ее переводе куда-нибудь в Тюрингию, в горы Шварцвальда"¹⁴³¹. Но время шло. Все оставалось по-прежнему. Приближение советских войск к Восточной Пруссии вызывало растущую панику в логове Гитлера. На совещании 1

сентября 1944 г. фюрер говорил: "Положение стало настолько опасным, что должно быть ясно: здесь сижу я, здесь сидит все мое верховное командование, здесь сидит рейхсмаршал, здесь ОКХ, здесь сидит рейхсфюрер СС, здесь рейхсминистр иностранных дел! Следовательно, это капкан. Я без размышлений рискнул бы послать две парашютные дивизии, если бы смог одним ударом захватить в свои руки все русское руководство"¹⁴³².

"Здесь все германское руководство!" - вырвалось у Кейтеля. Вывод напрашивался один - скорее убраться.

Пока для Восточной Пруссии не существовало прямой и непосредственной угрозы, гитлеровская ставка еще некоторое время оставалась в "Вольфшанце". Но в декабре 1944 г. она переехала в западные районы Германии, в Цигенберг под Франкфуртом.

Изгнанные приближающейся Красной Армией, они бросили место, откуда хотели завоевать Советский Союз и продиктовать свою волю миру. В течение долгих трех лет "Вольфшанце" руководила всем колоссальным военным механизмом агрессии. И теперь, после того как все провалилось, мощные взрывы подняли в воздух и разбросали далеко вокруг, будто руками циклопа, мощные куски стен бетонных бункеров. Развороченные, искореженные глыбы остались для истории памятником и символом бесславного конца третьего рейха.

Последний акт

I

К началу 1945 г. перед Красной Армией стояла важнейшая историческая задача - завершить разгром гитлеровской армии, полностью освободить страны Восточной и Юго-Восточной Европы и совместно с союзниками по антигитлеровской коалиции принудить фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции.

По плану первого этапа кампании намечалось развернуть одновременное наступление от Балтийского моря до Дуная, причем главный удар наносился на варшавско-берлинском направлении. Наступление планировалось начать 20 января 1945 г.

Однако обстановка на Западном фронте вскоре вынудила изменить срок начала наступления.

Дело заключалось в том, что германское командование решило нанести удар на Западном фронте.

...Вечером 12 декабря 1944 г. высших командиров Западного фронта пригласили в ставку фюрера. Их собрали в штабе Рундштедта, отобрали оружие (после 20 июля эта мера считалась обязательной), посадили в автобус и повезли заснеженными полями, петляя так, что вскоре все потеряли ориентировку. Вскоре автобус остановился в Цигенберге, у входа в подземный бункер. Спустившись вниз, генералы предстали перед фюрером.

Сгорбленный, мертвенно бледный, еле волочивший ноги, он тем не менее говорил многословно, как и прежде. Гитлер изложил план наступления против англо-американских войск. На Западном фронте необходимо перейти к активным действиям: вогнать клин между 3-й и 1-й американскими армиями в Арденнах, прорваться к Антверпену, лишить союзников основного порта снабжения, окружить британские и канадские войска. Вероятнее всего, этот план имел политический смысл: продемонстрировать англо-американцам, что Германия сохранила мощь и в случае развала коалиции, которого Гитлер так ждал, может стать полезным партнером для совместной войны против Советского Союза. Ведь еще 31 июля он говорил генералам, что "не упустит момента для политического решения", но такой момент можно получить, лишь "когда имеется успех".

- Важно не упускать ни одного случая, чтобы доказать противнику, что он не может рассчитывать на капитуляцию никогда, никогда! - воскликнул он в заключение.

15 декабря, туманной ночью, чтобы избежать ударов союзной авиации, немецкие войска начали на 110-километровом фронте арденнское наступление. Англо-американское командование оказалось застигнутым врасплох. Немецкие танковые дивизии двигались за

отступающими союзниками и осуществили прорыв почти до Мааса. Однако недостаток горючего и усиливающееся сопротивление подведенных из резерва американских войск вскоре приостановили немецкую атаку. Гитлер не хотел и помышлять об отказе от дальнейшего наступления. 28 декабря он вновь собрал высших командиров Западного фронта и потребовал продолжать наступление. Ведь речь идет о том, заявил он, собирается ли Германия продолжать борьбу или погибнуть.

- Если мы проиграем войну, - провозгласил он, - германский народ будет уничтожен.

Что же касается Восточного фронта, считал Гитлер, то его можно еще сдержать. Попытки Гудериана возразить на этот счет фюрер не принял во внимание.

- Восточный фронт никогда не имел так много резервов, как сейчас, - заявил он.

И арденнское наступление продолжалось. 1 января немецкие войска нанесли удар в Эльзасе. Положение союзников стало тяжелейшим. Именно тогда Черчилль обратился к Советскому Союзу с просьбой как можно скорее начать наступление, чтобы отвлечь германские силы на Восточный фронт. Просьба была удовлетворена.

Советское Верховное Главнокомандование, несмотря на неполную готовность войск, решило ускорить переход в наступление. Задача разгрома группировки немецко-фашистских войск между Вислой и Одером, освобождения Польши и выхода на подступы к Берлину была возложена на 1-й Белорусский фронт под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова и 1-й Украинский фронт под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева.

Немецко-фашистская группа армий "А", оборонявшаяся на этом направлении своими главными силами, имела семь оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину до 500 км. Наступление советских войск было подготовлено с большой тщательностью. На избранных направлениях главных ударов советское командование сумело создать подавляющее превосходство сил над противником. На вспомогательных направлениях командующие фронтами оставили значительно меньше сил, чтобы за их счет максимально усилить главные группировки. Четыре мощные танковые армии, по две в каждом фронте, должны были после прорыва тактической зоны обороны войти в сражение и стремительно развивать наступление на запад. В рядах советских войск готовилась вступить в сражение за столицу Польши 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С. Г. Поплавского. 12 января 1945 г. началось наступление 1-го Украинского фронта. Через два дня перешел в наступление 1-й Белорусский фронт. Мощный и внезапный артиллерийский и авиационный удар советских войск сокрушил германскую оборону. Танковые соединения и объединения начали продвигаться в глубину. Маршал Советского Союза И. С. Конев в своих мемуарах ярко рисует грандиозный размах наступления советских войск, силу их удара. Он пишет: "Во время нашей артподготовки вражеские войска, в том числе и часть резервов, располагавшихся в тактической зоне обороны, или, проще говоря, придвинутых слишком близко к фронту, попали под мощный артиллерийский удар и были деморализованы и утратили способность выполнять свои задачи.

Взятые в плен в первые часы прорыва командиры немецко-фашистских частей показали, что их солдаты и офицеры потеряли всякое самообладание. Они самовольно (а для немцев это, надо прямо сказать, не характерно) покидали свои позиции. Немецкий солдат, как правило, - и это правило подтверждалось на протяжении всей войны, - сидел там, где ему приказано, до тех пор, пока не получал разрешения на отход. Но в этот день, 12 января, огонь был столь беспощадным, что оставшиеся в живых уже не могли совладать с собой"¹⁴³³.

За первые шесть дней наступления советские войска нанесли тяжелое поражение 4-й танковой, 9-й и 17-й немецко-фашистским армиям, прорвали оборону на 500-километровом фронте и на глубину 120-160 км. Попытка гитлеровского командования изменить обстановку вводом 24-го танкового корпуса оказалась безуспешной. И дело здесь не в ошибке Гитлера, который, как иногда пишут, слишком близко разместил резервы.

Маршал Советского Союза И. С. Конев, подвергая критике точку зрения западногерманских историков, в данной связи пишет: "Анализируя эту операцию, военные

историки из ФРГ склонны, как, впрочем, и в ряде других случаев, валить ответственность за свои неудачи на одного Гитлера. Они обвиняют его в том, что он приказал разместить резервы, в том числе 24-й танковый корпус, в непосредственной близости к фронту, в результате чего эти резервы якобы сразу же попали под наш мощный огневой удар и понесли крупные потери.

Допускаю, что в данном случае военные историки отчасти правы. Поскольку 4-я танковая армия держала оборону на важном операционном направлении, прикрывавшем дальние подступы к Берлину, не исключено, что Гитлер, исходя из собственных представлений о том, как нужно обеспечивать устойчивость войск, действительно требовал придвижки резервов вплотную к фронту. Во всяком случае, по моим наблюдениям, сложившимся в ходе войны, такое неграмотное размещение оперативных резервов, как в этой операции, для немецко-фашистского генералитета не характерно. С точки зрения элементарных требований военного искусства - это чистая профанация.

Однако Гитлер виноват тут частично, а всю остальную долю вины мы берем на себя. Резервы немцев были расположены все-таки не на переднем крае, а в тылу. И не будь наша артподготовка проведена с такой плотностью и на такую глубину, они не понесли бы в первые же часы катастрофических потерь"1434.

Осуществив глубокий прорыв, советские войска одновременно частью сил во взаимодействии с 1-й армией Войска Польского освободили Варшаву.

После потери Варшавы Гитлер приказал арестовать несколько офицеров генерального штаба и перенести 16 января ставку в имперскую канцелярию. В тот же день Гудериан во время доклада получил приказ фюрера: перейти на Западном фронте к обороне, а высвободившиеся силы перебросить на Восток.

В результате Висло-Одерской операции советские войска полностью разгромили 31 дивизию немецко-фашистской группы армий "А", пленили более 147 тыс. немецких солдат и офицеров и захватили множество техники. Германская оборона оказалась прорванной на 500-километровом фронте. Мощное наступление Красной Армии помогло англо-американским войскам не только остановить продвижение Рундштедта, но и отбросить его силы назад. "Война проиграна" - такими словами начал министр вооружений Шпеер свой меморандум Гитлеру о значении потери Силезии, направленный в рейхсканцелярию 30 января, в день 12-летия прихода нацистов к власти.

Тем временем в конце декабря 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием генералов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина окружили 188-тысячную немецко-венгерскую группировку в Будапеште. Окруженным Гитлер категорически запретил капитулировать. С целью деблокады в первых числах января фашистское командование начало наносить один за другим мощные контрудары. В ожесточенных боях, продолжавшихся до середины февраля 1945 г., советские войска отразили все удары и освободили Будапешт1435. Венгрия была выведена из войны на стороне Германии. Поражение будапештской группировки разрушило весь южный стратегический фланг вермахта и открыло войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов путь в Австрию, Чехословакию и Южную Германию.

Развивающееся наступление войск 2-го и 3-го Белорусских фронтов под командованием генералов К. К. Рокоссовского и И. Д. Черняховского (после гибели последнего 3-м Белорусским фронтом командовал Маршал Советского Союза А. М. Василевский) привело к окружению и разгрому части сил группы армий "Центр", а затем, в апреле 1945 г. - к полной ликвидации немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии. Третий рейх потерял заповедник милитаризма и важнейшие базы на Балтийском море. До марта 1945 г. Красная Армия разгромила также немецкую восточно-померанскую группировку, преодолела Карпаты, отразила сильнейшие немецкие контрудары у озера Балатон и вступила в пределы Австрии.

Военный потенциал Германии после кульминации летом 1944 г. теперь быстро катился вниз. Перенапряжение сверх всяких мер не могло продолжаться бесконечно. В конце года

месячные показатели работы военной промышленности резко уменьшились. "Этот процесс, - заключает П. Э. Шрамм, - ввиду дальнейшей потери индустриальных районов, например Верхней Силезии, ввиду нарушения железнодорожной связи и т. д. отныне принял постоянно убыстряющийся темп"1436. В начале декабря 1944 г. Шпеер заявил об ухудшении положения с выпуском боеприпасов. В феврале 1945 г. журнал военных действий ОКВ отмечал: "Выпуск боеприпасов стал теперь угрожающим (в последнем квартале 4418 поездов, т. е. в среднем по 49 в день, а теперь только 8 - 9 в день)"1437.

За 9 месяцев - с 1 июня 1944 г. по 1 марта 1945 г. - армия потеряла 3,5 млн. винтовок. Пропагандистский лозунг нацистов "Народ, в ружье!" не мог выполняться буквально1438. Шрамм пишет: "До 1944 г. мы находились в благоприятном положении, потому что эксплуатировали полезные ископаемые оккупированных стран и потому что еще оставшиеся нейтралы снабжали нас необходимым, ибо нуждались в нашем вознаграждении"1439. Везде господствовал недостаток, однако необходимое для ведения войны основное сырье в первой половине 1944 г. пока еще имелось в таком количестве, что этот недостаток не угрожал стать причиной скорого краха. Но к концу года снабжение вермахта горючим находилось в состоянии кризиса. Добыча нефти в Румынии в мае упала на 56%. В сентябре 1944 г. продукция германских заводов синтетического горючего снизилась до 8% по сравнению с высшими показателями апреля 1944 г. Особые трудности вызывало положение с авиабензином. Запасы снизились до 200 тыс. т, т. е. до такого количества, которое было израсходовано в одном только месяце в мае 1944 г. Различными мероприятиями удалось к концу 1944 г. добиться некоторого успеха: общая выработка синтетического горючего составила треть по сравнению с первым кварталом. "Но две трети были потеряны"1440.

Прямым результатом истощения ресурсов горючего стало быстрое падение подвижности армии. В представленном Кейтелю 28 января 1945 г. докладе о перспективах в отношении горючего на следующий месяц указывалось: потребность в авиабензине для боевых и учебных целей составляет 40 тыс. т, а предполагаемая продукция - 9 тыс. т. Резерв верховного командования уменьшился до 12 тыс. т.

Кейтель вынужден был 11 февраля 1945 г. отдать приказ о крайнем ограничении использования авиации: "Вводить ее только по мере надобности на решающем направлении и только тогда, когда другие средства не могут принести никакого успеха; ограничить снабжение по воздуху только для крайних случаев"1441. Такой приказ был отдан в момент, когда союзники добились полного превосходства в воздухе над Германией.

Под ударами безостановочно наступавшей Красной Армии сухопутные силы Германии буквально таяли. Их приходилось теперь подкреплять за счет авиации, флота. К 10 февраля ВВС передали сухопутным силам 112 тыс. человек. Всего за короткий срок им пришлось отдать в пехоту 50 200 человек, перебросить с запада на восток 5300 связистов и сформировать 100 подразделений истребителей танков1442. В конце января 1945 г. из армии резерва, по так называемой "акции Гнейзенау", на Восточный фронт было направлено 80 тыс. человек. Вскоре из армии резерва поступили пополнения 1906 г. рождения, а также высвобожденные из железнодорожных войск, тыловики и т. д. В январе - марте армия резерва смогла дать еще 80 тыс. из старших возрастов.

20 марта 1945 г. Кейтель отдал приказ, чтобы выделить силы из всевозможных учебных и вспомогательных формирований СС, флота, авиации с целью использовать их в тылу в качестве резерва, который мог бы парировать прорывы: "Фюрер требует, чтобы переброска сил была произведена с максимальной быстротой, дабы в кратчайший срок на всех важнейших участках иметь гарантию, что прорывы противника вблизи линии фронта и в глубине будут остановлены"1443.

Военно-морской флот передал армии 28 тыс. человек. Министерство вооружения в течение февраля - 160 тыс. 25 января Кейтель приказал ввести в боевые действия на фронте силы полиции и СД. Еще через три дня Гитлер приказал срочно передать в боевые части 6 тыс. 16 - 17-летних юнцов. Приказом от 6 февраля эта молодежь должна была использоваться и для борьбы с парашютными десантами внутри страны. Всего из 600 тыс.

родившихся в 1928 г. было признано годными к военной службе 285 тыс. человек. Крайние обстоятельства потребовали использовать практически всех: под ружье становились по призыву и в качестве "добровольцев" 550 тыс. мальчишек. В сухопутные силы направили из них 412,5 тыс., во флот - 12,5 тыс., в авиацию - 30 тыс. и в войска СС - 95 тыс. человек 1444.

Затем двинулись старики. Немалые надежды возлагались на ополчение "фольксштурм". 10 января 1945 г. Кейтель разъяснил его задачи, и уже через 5 суток в бой были введены 37 батальонов фольксштурма. 26 января последовал приказ Гитлера о создании "смешанных боевых групп" фольксштурма и боевых соединений. В феврале фольксштурм получил задачу ведения боевых действий "по типу партизанской войны" со снабжением из деревень. Вскоре выяснилось, что ополчение в боях себя не оправдывает. Командующий группой армий "Центр" предлагал использовать эти отряды только на знакомой местности, на тыловых позициях, для охраны и мелкими группами "как партизан".

Наряду с организационными мерами фашистское руководство довело до крайности террористическое устрашение и свирепую идеологическую обработку личного состава армии, чтобы заставить его под угрозой жестоких репрессий яростно биться до конца. Использовалось все. Все средства пропаганды были брошены для внушения солдату мысли о необходимости сражаться "за фюрера", "за рейх", о том, что любое "предательство" будет страшно караться. Дикая расправа гестапо с участниками покушения на Гитлера снималась для кино крупным планом во всех деталях на десятках тысяч метров пленки, чтобы потом служить устрашению армии.

Начиная с апреля 1945 г. для ускорения вынесения смертных приговоров вместо полевых судов в войсках стали действовать военные трибуналы, в которых заседал лишь один офицер. Он творил скорый суд. Даже отставшие от своих частей немедленно расстреливались. 8 марта Кейтель отдал приказ: каждый, кто попадает в плен, не будучи раненым, или если он не может доказать, что сражался до последней возможности, "исключается из сообщества порядочных и храбрых солдат", а его родственники подвергаются репрессиям. Подозреваемых беспощадно уничтожали, вешали на фонарных столбах, подвергали зверским пыткам.

Но неодолимое наступление Красной Армии весной 1945 г. сокрушило Восточный фронт. На Западе союзники вступили в Германию. Катастрофа приближалась.

В имперской канцелярии все перемешалось. Все еще шли служебные совещания, обсуждались разные планы, фюрер произносил речи. "Если война проиграна, народ должен погибнуть, - заявил он однажды. - Эта судьба неотвратима".

Гудериан вспоминает: "Мне приходилось два раза в сутки ездить к фюреру, что при напряженной обстановке было почти правилом, - два раза из Цоссена в Берлин, в имперскую канцелярию, и обратно, т. е. четыре раза по 45 минут, а всего три часа. Доклады у Гитлера продолжались два, а большей частью три часа, итого шесть часов. Таким образом, на одни только доклады об обстановке на фронтах я затрачивал по восемь - девять часов. Занимались одними разговорами, переливали из пустого в порожнее".

Многочисленные проблемы: удерживать или оставлять Курляндию, сражаться или отходить в Венгрии, наступать или нет на Кюстринский плацдарм советских войск, который после завершения Висло-Одерской операции был грозно нацелен прямо на Берлин, - не получали разрешения. Единственное, что еще могло успешно делать верховное командование, - перемещать генералов. И такой бесплодной возможностью оно пользовалось в последние недели особенно усердно в надежде, что кто-то другой лучше предшественника продлит на день их общее жалкое существование,

Когда 24 февраля 1945 г. в последний раз собрались гаулейтеры, чтобы выслушать Гитлера, он явился перед ними поникший, с полубезумным взглядом. Его левая рука дрожала, и он не мог поднести к губам стакан воды. "Возможно, медленно сказал он, - скоро будет трястись и моя голова, но сердце - никогда". Он уверенно смотрит в будущее. У него есть секретное оружие и кое-что еще, и это поможет в последний момент изменить положение. Но себя убедить он уже, видимо, не мог. По свидетельству генерала авиации

Каммхубера, во время доклада в конце марта Гитлер сказал ему: "Война проиграна. Это знаю я сам"1445.

С уходом 28 марта 1945 г. в отставку генерала Гудериана открылся занавес перед последним эпизодом чудовищной истории германского верховного командования во второй мировой войне. И этот эпизод заслуживает внимания.

II

Последняя страница летописи войны наполнена отвратительными картинами предсмертных конвульсий фашистского верховного военного руководства, загнанного теперь в тесные бункера на узком пространстве, еще именуемом третьим рейхом. "Ужаснейшее в этом адском спектакле заключалось в том, - пишет П. Э. Шрамм, - что машина руководства функционировала до конца, подгоняемая, с одной стороны, боязнью перед последствиями потери командования и безвластием..., с другой стороны, чувством лояльности по отношению к высшей государственной власти..., верой, что фюрер должен еще иметь какую-то обоснованную надежду, если он продолжает сопротивление"1446.

Советские войска стояли в 80 км от Берлина, под Гёрлицем и под Веной. Союзники уже достигли Эссена, Касселя, Маннхейма. Верховное Главнокомандование Красной Армии подготовило удар на Берлин, чтобы завершить разгром фашистской Германии.

Финальная грандиозная эпопея войны в Европе - Берлинская операция - может быть правильно оценена лишь в том случае, если читатель ясно представит себе, что у фашистской стороны она была связана с последним отчаянным взрывом фанатизма гибнущей нацистской системы. Требуя защищать Берлин до последнего человека, гитлеровская верхушка смогла в последний раз заставить солдат, генералов и офицеров вермахта сражаться с безумием обреченных. Дикие угрозы репрессиями, вопли зловещей фашистской пропаганды, страх мещанства, шовинистический угар, яростное упорство солдат - все воплотилось в лозунге "Берлин останется немецким". Каким образом это произойдет - никто не знал. Но нацисты вели борьбу за Берлин с ярким ожесточением. Все это необходимо учитывать особенно потому, что кое-где за рубежом имеется тенденция к недооценке германского сопротивления в столице рейха, опирающаяся на упрощенное сопоставление цифр, характеризующих силы сторон.

Гитлеровская клика находилась теперь в совершенно безвыходной ситуации. Но она все еще старалась оттянуть наступление последнего часа, отдалить момент возмездия. Она жаждала разрушения, смерти всех и вся. Она не считалась ни с какими жертвами, была готова в своем кровавом изуверстве уничтожить германский народ, Германию во имя продления своей презираемой и проклятой всеми жизни. Вся мерзость, вся преступность фашистской системы последний раз сконцентрировались в событиях заключительного сражения.

Чтобы удержать столицу, гитлеровская ставка сосредоточила на берлинском направлении крупные силы. В группах армий "Висла" и "Центр" под Берлином находилось до 1 млн. человек, 10,4 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, много другой техники. Гарнизон города насчитывал более 200 тыс. человек. Комиссаром обороны стал Геббельс. Приказ о подготовке обороны Берлина, отданный 9 марта 1945 г., гласил: "Задача. Оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона". Далее следовало: "Эту борьбу войска должны будут вести с фанатизмом, фантазией, с применением всех средств введения противника в заблуждение, военной хитрости, с коварством, с использованием заранее подготовленных всевозможных подручных средств, на земле, в воздухе и под землей... Однако предпосылкой для успешной обороны Берлина является удержание во что бы то ни стало каждого квартала, каждого дома, этажа, каждой изгороди, каждой воронки от снаряда! Речь идет вовсе не о том, чтобы каждый защитник германской столицы во всех тонкостях овладел техникой военного дела, а прежде всего о том, чтобы каждый боец был проникнут фанатической волей и стремлением к борьбе, чтобы

он сознавал, что мир, затаив дыхание, следит за ходом этой борьбы и что борьба за Берлин может решить исход войны"1447.

Фашистские маньяки, готовые превратить в развалины и пепел свою страну, отдали еще 19 марта приказ "О выжженной земле", в котором требовали уничтожения предприятий, материальных запасов, путей сообщения, средств связи и т. д.

Нацистское руководство мобилизовало все ресурсы, чтобы отстоять Берлин, избежать безоговорочной капитуляции. Против Красной Армии оно выставило 214 дивизий (в том числе 34 танковые) и 14 бригад. Против союзников, продвигавшихся к Эльбе, находилось 60 дивизий (из них 5 танковых). 3 апреля имперская канцелярия распорядилась: "Предстоящее большое наступление большевиков должно быть отбито при любых обстоятельствах".

Цели Берлинской операции - овладеть городом, окружить и рассеять берлинскую группировку, а затем ликвидировать ее, выйти на Эльбу и здесь соединиться с союзниками - предполагалось достигнуть мощными ударами войск 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов под командованием Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева. Советское командование провело тщательную подготовку завершающего удара, сосредоточив здесь крупные силы.

В немецких штабах ждали последнего удара. Автор записок о катастрофе рейха, бывший офицер генерального штаба сухопутных сил Г. Больдт, довольно детально передает обстановку: "В районе всего фронта 9-й армии, - вспоминает он, - царило напряжение, готовое, казалось, вот-вот взорваться, напряжение, которое, как мне сказал по телефону один офицер штаба, можно сравнить только с духотой кануна грозы. Мне эта нервная обстановка слишком хорошо знакома по тем годам, которые проведены на фронте. Когда находишься там, в самой гуще, и довлеет только одна эта проблема, то кажется, что нужно кричать, чтобы разрядить эту удушающую, захватывающую дыхание атмосферу"1448.

Фанатизм сочетался с каким-то полубезумием, охватившим правящую клику. В передачах по радио, в ежедневной прессе, в пропагандистских воззваниях, на конференциях руководящих деятелей и в их беседах теперь все вращалось, как в карусели, вокруг одного и того же вопроса - смерти 12 апреля президента США Рузвельта. Хотя не было ни малейших признаков в пользу политических изменений, Геббельс назвал смерть Рузвельта чудом, поворотом в немецкой судьбе. Фюрер, заявил он, прав, сравнивая эту войну с Семилетней, когда смерть Елизаветы точно вот так же спасла Германию. Геббельс стимулировал новую волну пропаганды. Он заклинал немцев, стараясь заставить их поверить в то, что "американо-советский союз" стоит перед непосредственным распадом и война закончится для третьего рейха победоносно.

Наступило 16 апреля, и напряженная нервная атмосфера на фронте разорвалась. "Когда еще на всем лежала тьма, - продолжает Г. Больдт, - русские открыли ураганный огонь из многих тысяч орудий по 9-й армии и 4-й танковой армии у Кюстрина, такой огонь, что словами невозможно передать. Было так, как если бы подняли занавес перед последним действием последнего большого сражения в этом мире, когда начался этот артиллерийский огонь невообразимой мощи. Размещенные на километры в ширину и глубину стояли советские батареи буквально орудие к орудию. Это был ураганный огонь, продолжавшийся часами. Затем русские полки, дивизии и армии двинулись в атаку"1449. Началась Берлинская операция, последняя величайшая операция Красной Армии в Европе.

В тот же день Гитлер отдал приказ солдатам Восточного фронта. Он обещал: "...Берлин останется в немецких руках. Вена станет снова немецким городом". На улицах столицы царил лихорадочный суета. Отдаленный, равномерный, глухой рокот с раннего утра заставил население выйти из домов и подвалов. Отряды народного ополчения устремлялись к сборным пунктам. Проходы в противотанковых заграждениях в окрестностях Берлина и в самой столице были немедленно закрыты, за исключением одного пропускного пункта. Люди со страхом прислушивались к далекому голосу фронта.

А на фронте начиналось последнее грандиозное сражение в Европе.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминает: "Гитлеровские войска были буквально потоплены в сплошном море огня и металла. Непроницаемая стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить"¹⁴⁵⁰. Почти 98 тыс. тонн металла выпустили орудия советской артиллерии на берлинском направлении. Только в течение первых суток 6,5 тыс. раз вылетали советские самолеты, нанося удары по плотной, как стена, германской обороне, прикрывавшей непосредственные подступы к Берлину. Упорные бои развернулись на всем фронте наступления советских войск¹⁴⁵¹.

Для германского верховного командования наступали последние дни.

Гитлер, уехавший из "Вольфшанце" еще в декабре 1944 г., перебрался затем в Цигенберг, откуда руководил наступлением в Арденнах. 16 января 1945 г. он приехал в Берлин и обосновался в своем бомбоубежище на 15-метровой глубине под рейхсканцелярией, которая уже превращалась в руины.

Теперь бросим последний взгляд на два пункта, которыми мы занимались уже достаточно долго - ставку Гитлера и ОКХ, - и посмотрим, что же там происходило в последние дни существования третьего рейха, чем занимались его полностью обанкротившиеся обитатели прежде, чем уйти в небытие.

Весь аппарат военного руководства - штаб верховного главнокомандования, генеральный штаб сухопутных сил - расположился в обширном и благоустроенном военном городке Цоссен. Рядом с огромными рабочими помещениями находилось подземное железобетонное царство, которое могло выдержать любое нападение с воздуха. И действительно, когда в середине марта авиации около часа бомбила расположение штаба сухопутных сил, в убежище почти никто не пострадал. Легкое ранение получил лишь генерал Кребс. Такое боевое крещение генералу выпало незадолго до получения новой должности: он был назначен вместо Гудериана начальником генерального штаба сухопутных сил.

Гудериан так характеризовал своего бывшего помощника, а теперь преемника: "За всю продолжительную службу в генеральном штабе он хорошо усвоил искусство делопроизводства и умение приспособливаться к начальству, что делало его недостаточно стойким перед таким человеком, как Гитлер. К тому же Кребс был закадычным другом генерала Бургдорфа, начальника управления личного состава сухопутных сил, с которым он когда-то вместе учился в военной академии. Бургдорф ввел Кребса в общество своих друзей из главной ставки фюрера, в общество Бормана и Фегелейна, с которым Кребс также установил тесную дружбу. Эти дружественные связи лишили его накануне финала кошмарной драмы в имперской канцелярии духовной свободы и независимости".

В день начала последнего наступления Красной Армии Кребс пытался взять в свои руки управление. Г. Больдт вспоминает утро 16 апреля в генеральном штабе:

"Я сижу в штаб-квартире в Цоссене у своего письменного стола в приемной генерала Кребса, начальника генштаба. Телефонные разговоры, телефонные звонки. Часто приходится одновременно обслуживать все три телефонных аппарата. Звонок генерала. Я прохожу через звуконепроницаемую двойную дверь в его рабочий кабинет. Он стоит перед большим столом, нагнувшись над картами с красными и синими начертаниями фронта на Одере. Я вынужден обратить еще раз внимание на мое присутствие. Только тогда он отрывается от карт. Небольшого роста, полный и обычно в таком довольном настроении генерал смотрит на меня утомленно и задумчиво:

- Вот что, соедините меня все же с генералом Бургдорфом, я хочу наконец знать, куда нам перейти с нашей штаб-квартирой. Попробуйте, может быть вы сумеете связаться с Берхтесгаденом. И пусть придет сюда Фрейтаг, а мне можете принести стакан вермута.

Я возвращаюсь в свою комнату, передаю вопрос Кребса в Берхтесгаден и в имперскую канцелярию. Затем отправляюсь к адъютанту фон Фрейтаг-Лорингхофену. Это он мне сегодня утром вскоре после сигнала подъема сообщил, что ураганный огонь русских под городом Кюстрин начался в 2 ч. 50 м. и через 3 часа русские пошли в атаку. Сейчас около 10

часов. Донесения с фронта в продолжение часа стали более скудными. Провода, возможно, от этого ураганного огня совершенно изорваны.

Судя по времени, сражение теперь достигло наивысшего напряжения. Невольно думаю о товарищах, которые там воюют. Как часто за эти военные годы я был в самой гуще боев, где-то в пространствах русской земли, лежал вот так, как они, на передовых, как в аду, руками вцепившись в землю"1452.

Около полудня генеральный штаб уже гудел как встревоженный улей. Телефонные звонки не прекращались. Все снова и снова те же самые вопросы: "Есть какие-либо новости с фронта?"

К 11 часам приемная Кребса переполнилась генералами и полковниками штаба сухопутных сил. Должно состояться обсуждение обстановки у начальника. Мрачные разговоры полушепотом: "Куда будем эвакуироваться?" "Что надо подготовить?" "Еще можно выехать через Богемию в Берхтесгаден. Но как долго будет еще существовать такая возможность?" Телефонный разговор Кребса с Бургдорфом ясности не внес. Гитлер все еще не мог решиться, куда перенести свою штаб-квартиру.

Длительное "обсуждение обстановки" у начальника генерального штаба оказалось бесплодным, потому что никто не знал толком, что происходит на фронте. Лишь после обеда появилось первое подробное донесение: "Атака отбита, борьба идет за небольшие участки прорыва. Потери очень велики". Вечернее донесение из войск гласило: "Устойчивость фронта еще сохраняется. Более глубокие прорывы сумели приостановить. Пришлите нам солдат, пришлите боеприпасы!" Легко сказать. А откуда?

Тем временем Кребс вызван в Берлин на совещание к Гитлеру. Он возвращается поздно вечером подавленный и мрачный. Сведения плохие: с плацдарма западнее Кюстрина русским удалось совершить глубокий прорыв по обе стороны шоссе Кюстрин - Берлин и продвинуться до высот за Одером. Дальше к северу также намечается глубокое вклинение. В рейхсканцелярии все пришли к выводу, что сегодня ночью войскам придется оставить позиции западнее Кюстрина. Передний край оборонительной полосы будет перенесен назад, на так называемую позицию Гарденберга. Здесь войска, вероятно, смогут держаться еще 24 часа. На Западе, где фронт практически не удерживается, англичане продвигаются на Люнебург. Американцы вышли к Эльбе между Магдебургом и Дессау. На юге они уже в Баварии, Красная Армия - под Брюном и западнее Вены. Ее атака под Лечином против 4-й танковой армии сегодня привела к прорывам, которые, правда, были приостановлены огнем, но здесь нет почти никаких надежд на сохранение целостности фронта. Наконец, Кребс не мог не вспомнить: когда сегодня вечером он проезжал через Темпельгоф, группа людей кричала ему вслед ругательства. Что будет дальше?

Еще не занялся рассвет 17 апреля, как с фронта поступили еще более тревожные доклады. Бои под Дольгелином и в Зеелове продолжаются с неослабевающей силой. Шаг за шагом немецкие дивизии отступают под натиском русских. Из 4-й танковой армии сообщали: "Наши позиции в значительной мере еще можно удерживать. 9-я армия сумела своей дивизией "Курмарк" приостановить контратакой наступление советских войск на шоссе Кюстрин - Берлин. В других районах борьба продолжается". Прошло еще двое суток, и войска маршалов Рокоссовского, Жукова и Конева прорвали одерский и нейсенский рубежи. 9-я немецкая армия оказалась расчлененной 1-м Белорусским фронтом на три части. Соединения 1-го Украинского фронта форсировали Шпрее. В прорыв двинулись 3-я и 4-я гвардейские танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко. К вечеру 19 апреля, оставив позади почти 50 км, они выходили на тылы 9-й немецкой армии.

Только теперь в генеральном штабе сухопутных сил прояснились намерения советского командования: окружить Берлин с севера и юга, а не наступать 1-м Украинским фронтом на Прагу, как думали в ОКВ.

Днем 19 апреля, когда по Берлину поползли слухи: русские танки прорвались на Шпрее и двигаются к городу с юга, - Геббельс выступил по радио с "обращением к немецкому народу", которое на следующий день, 20 апреля, в день рождения Гитлера, было напечатано

во всех еще выходивших газетах. Еще кое у кого теплилась вера в какое-то тайное оружие, которое будет применено в ближайшие же часы или дни. Кроме того, ведь между русскими и американцами неминуемо произойдет столкновение. Геббельсу удалось достигнуть того, что большая часть немецких солдат под Берлином действительно верила: американцы вскоре придут на помощь против русских. Над Берлином разбрасывались листовки: "Войска и танки придут, и это приведет нас к свободе и к победе".

Наступило 20 апреля - день 56-летия Гитлера. Танки генералов Рыбалко и Лелюшенко после стремительного броска вышли на южные подступы Берлина. Они уже находились в Баруте - в двух десятках километров от Цоссена. Столь убедительное "поздравление" фюреру, естественно, не могло не наложить отпечатка на традиционное празднество. После победы над Францией рейхстаг преподнес Гитлеру в день его рождения миллион марок. С тех пор в могилу легли миллионы немцев, а наступающие дивизии той самой Красной Армии, которую Гитлер многократно объявлял уничтоженной, в последний день его рождения стояли у стен Берлина и победоносно завершали войну.

В имперской канцелярии происходил церемониал поздравлений. Прибыли почти все "старые боевые соратники" - вся банда, дни которой подходили к концу: Геринг, Геббельс, Гиммлер, Борман и другие, а также верхушка трех видов вооруженных сил вермахта. "Соратники" стали требовать от фюрера, чтобы он покинул Берлин и со своим штабом и главной квартирой переехал в Верхнюю Баварию. Но Гитлер был нерешителен. Единственное, с чем он согласился на случай, если Германия после встречи американцев и русских окажется разделенной на две части, чтобы адмирал Дениц в северной части рейха, которая тогда станет самостоятельной, взял на себя правление государственными делами. Гиммлер со своим штабом и министерство иностранных дел должны направиться к Деницу на север, Геринг - в южную часть страны. Одновременно разбивался на две части штаб верховного командования. Одна должна была остаться на севере у Деница, другая - двинуться на юг, чтобы поступить в распоряжение, вероятно, Кессельринга.

Основным аргументом, который Гитлер неоднократно высказывал, почему он сам все еще остается в Берлине и, вероятно, останется там, была непоколебимая вера в самого себя. Он верил, что его присутствие будет воодушевлять тех, кто сражается.

Здесь же появился план "освобождения Берлина и разгрома Красной Армии у его стен": с севера от Ораниенбурга на город будет наступать армейская группа Штейнера. Она уничтожит танковые части маршала Жукова, прорвавшиеся севернее города. С запада к Берлину выдвинется снятая с фронта 12-я армия Венка, с юго-востока нанесет контрудар 9-я армия, а с юга двинется со своими войсками фельдмаршал Шернер, чтобы разбить войска 1-го Украинского фронта.

Но дело в том, что не существовало никакой армейской группы Штейнера. Имелся только сам генерал СС Штейнер с небольшим отрядом измученных, грязных, апатичных ко всему солдат. 9-я армия, понесшая огромные потери, вела бои из последних сил. 12-я армия Венка вообще не была пригодна для решения сколько-нибудь крупных задач. Ей крайне не хватало техники, и фактически существовал только один корпус из трех дивизий, укомплектованных 17 18-летними юнцами. В некоторых подразделениях армии половина солдат не имела оружия. Сначала предполагалось 12-й армией восстановить связь с окруженной в Руре группой армий "Б", но когда это оказалось бессмысленным из-за быстрого продвижения фронта, Венк стал получать различные задачи и, наконец, оказался в рейхсканцелярии, перед фюрером.

- Венк, в ваши руки я вручаю судьбу Германии, - торжественно произнес Гитлер.

...Советские войска, преодолевая ожесточенное сопротивление, на шестой день наступления прорвали оборону по Одере и Нейсе. 21 апреля они вступили в пригороды Берлина.

Тем временем на северном участке фронта Красная Армия разгромила восточно-прусскую группировку и овладела Кенигсбергом, а затем разгромила земландскую и вслед за ней восточнопомеранскую группировки немцев.

Одновременно войска 4-го Украинского фронта совместно с 1-м Чехословацким армейским корпусом вели наступление на территории Чехословакии. В ожесточенных боях в районе Моравска-Острава, который упорно обороняли немецко-фашистские дивизии под командованием Шернера, советские войска, возглавляемые генералами А. А. Гречко и К. С. Москаленко, освободили этот важный промышленный район Чехословакии. При этом советские и чехословацкие воины осуществили прорыв чехословацкой оборонительной линии, созданной еще до войны.

Генерал армии Людвик Свобода вспоминает об этом: "Глубокое чувство негодования и волнения охватило наших воинов, когда они были вынуждены преодолевать эту полосу укреплений, созданных на средства чехословацкого народа и предназначенных для защиты страны от гитлеровской агрессии. Многочисленные жертвы, пролитая кровь и затраченная энергия наших воинов привели нас к глубокому историческому выводу, что наша республика не должна допускать к власти силы, которые могут привести страну к новому Мюнхену!"¹⁴⁵³

В южных районах Чехословакии войска правого крыла 2-го Украинского фронта совместно с румынскими войсками после ряда боев освободили Братиславу, Брно и двинулись на Прагу...

III

Как только стало известно о решении Гитлера, в ночь на 21 апреля началось всеобщее бегство из Берлина. Петля среди руин, озаренных зловещими отблесками пожаров, двигались вереницы машин, увозя прочь из столицы, охватываемой железными тисками советских войск, чиновников партии и государственного аппарата, военных с бумагами, сейфами, награбленным имуществом. В безумном ужасе и панике они старались скорее выбраться. Геринг настолько быстро уехал в Баварию, что даже не попрощался со своим начальником штаба Колером, оставленным при Гитлере. Риббентроп с никому не нужными теперь дипломатами пробирался на север, к гросс-адмиралу Деницу. Штаб верховного главнокомандования также разделился на две части - "Юг" и "Север". В первую группу, которая двинулась на юг под руководством заместителя Иодля генерала Винтера, вошел оперативный отдел. Он станет штабом Гитлера, если тот все же уедет из Берлина. Офицеры мчались окольными дорогами, опасаясь появления советских танков, подгоняемые ударами авиации. Только после двух дней блуждания они смогли собраться в казармах Берхтесгадена. Авиация разбомбила 25 апреля Бергхоф - замок Гитлера, виллы Геринга и Бормана, после чего генштабисты еле спаслись в отеле "Шиффмейстер" в Кенигзее.

Другая часть штаба верховного главнокомандования во главе с Иодлем отправилась в Крампниц, севернее Берлина, в те самые мрачные казармы на берегу озера, где Иодль весной 1941 г. обдумывал планы похода на Советский Союз, находясь, конечно, в ином расположении духа.

В столице с Гитлером остались Борман, Бургдорф, заместитель Гимmlера Фегелейн, конечно Геббельс, назначенный комендантом Берлина, и другие.

ОКВ раскололось, но генеральный штаб сухопутных сил еще жил. Он оставался в Цоссене и отсюда безуспешно пытался руководить событиями. Мутный рассвет 21 апреля офицеры генерального штаба встретили с настроением обреченных. Полным развалом, в маразме бесславно кончала свои дни высшая военная организация фашистского рейха.

В 6 часов утра адъютант Кребса, задремавший в приемной, был разбужен телефонным звонком. Командир разведывательного отряда, высланного из Цоссена к югу, волнуясь, сообщал из Луккау:

- Около 40 русских танков промчалось мимо нас. В 7 часов я начну наступление.

Через пару часов снова раздался звонок:

- Наша атака не удалась. Несем большие потери. Моя танковая разведка сообщает о дальнейшем массовом продвижении танков на север.

Следовательно, советские танки идут на Берлин, но раньше они появятся в Цоссене. Кребс немедленно информировал имперскую канцелярию. Он настаивал на срочном отъезде штаба сухопутных сил в Берлин. Русские танки могут вскоре появиться здесь.

Но Гитлер колебался. Его сейчас занимали совсем другие вопросы: действия авиации и наступление армейской группы Штейнера с севера для освобождения Берлина.

Генерал Колер, оставшийся в столице единственным высшим представителем люфтваффе, стал подвергаться особому нажиму из бункера под рейхсканцелярией.

Еще рано утром 21 апреля его вызвал по телефону Гитлер.

- Знаете ли вы, что Берлин находится под артиллерийским обстрелом? Центр города.

- Нет.

- Разве вам не слышно?

- Нет! Я нахожусь в Вильдпарк-Вердер.

Далее последовал такой разговор:

Гитлер: Большое волнение в городе из-за действий дальноточной артиллерии. Предположительно это орудия тяжелого калибра на железнодорожной установке. Русские соорудили железнодорожный мост через Одер. Военно-воздушные силы должны немедленно определить местонахождение этих орудий и подавить огонь.

Колер: У противника нет ни одного железнодорожного моста через Одер. Может быть, он имел возможность захватить одну тяжелую немецкую батарею и повернуть ее. Но, вероятнее речь идет о пушках среднего калибра русской пехоты, которыми враг может уже обстреливать центр города.

Длительные дебаты не убедили Гитлера. Пусть сам Кребс ответит: может ли артиллерия русской пехоты вести огонь по центру Берлина. Авиация должна немедленно установить местонахождение русской батареи и подавить ее.

Все эти беседы и приказы насчет отдельных пушек свидетельствовали уже о полнейшей деградации военного руководства,

Колеру пришла в голову удачная мысль. Он позвонил на командный пункт авиационной дивизии в бункер у Зоологического сада. Здесь наблюдатель сидит на высокой башне. На запрос следует немедленный ответ: ведущая огонь русская батарея калибра не больше 122 мм уже с утра находится в пункте Марцан, под Берлином, где она заняла позиции. Замечена зенитчиками. Расстояние до центра Берлина - примерно 12 км. Зенитный дивизион от Зоопарка уже возобновил огонь своими спаренными орудиями по батарее, а также по стоящим там на исходных позициях танкам.

Затем Колеру следовал поток запросов от Гитлера, на которые теперь никто не мог дать ответа: о численности авиации южнее Берлина, о плохих действиях реактивных истребителей под Прагой и о многих других деталях никому не понятной обстановки.

Вечером фюрер вызвал Колера уже по вопросу, касающемуся его прямого начальника.

- Рейхсмаршал Геринг, - сказал Гитлер, - держит в Каринхолле свою собственную, именно собственную личную армию. Эту армию - немедленно распустить и включить в состав сухопутной армии. Он не должен иметь свою собственную армию.

- Но, мой фюрер, - ответил начальник штаба Геринга, - в Каринхолле не было никакой частной армии, а лишь дивизия "Герман Геринг", которая находится только в распоряжении местного фронтового руководства армии. Большая часть этой дивизии уже в боях или была в боях.

Гитлер опровергает это и утверждает, что он точно информирован: в Каринхолле расположены крупные силы.

Колер срочно проверяет, и в результате оказывается, что за исключением одного батальона все части дивизии - в боях. Он докладывает Гитлеру и получает приказ: "Батальон немедленно подчинить обер-группенфюреру войск СС Штейнеру". Разговор на этом прекращается. Но вскоре следует новый звонок:

- Каждого военнослужащего ВВС в пространстве между Берлином, побережьем у Штеттина и Гамбурга привлечь к назначенной мной атаке северо-восточнее Берлина.

На возражение Колера, что в авиации нет обученных сухопутным боям войск, и на вопрос, где же надо начать атаку, ответа не последовало. Гитлер бросил трубку.

Все это показывает, насколько до последних своих дней они грызлись между собой. "Вождь" опасался, что ближайший соратник в последний момент отнимет ставшую призрачной власть.

...Колер понятия не имел о каком-то запланированном наступлении Штейнера. Из телефонных разговоров он пытался уяснить положение и внести ясность. Так, от майора Фрейганга и штаба генерала Конрада (дивизия "Герман Геринг") он узнал, что генерал СС Штейнер, кажется, должен начать атаку от Эберсвальде на юг. Но до настоящего времени в исходный район Шёневальде прибыл только сам Штейнер с одним офицером. Где соединения, предназначенные для атаки, неизвестно.

Поздно вечером Колер связался по телефону с Кребсом и попросил его дать, наконец, более точные данные о назначенной атаке, к которой Гитлер привлекает летчиков. Тут же в разговор включился сам Гитлер:

- У вас все еще имеются сомнения в отношении моего приказа? Мне кажется, я выразился достаточно ясно. Все силы авиации, которые находятся в северном районе, необходимо немедленно передать Штейнеру. Тот командир, который задержит боевые силы, не позже чем через пять часов заплатит за это жизнью. Лично вы ответите мне головой. Чтобы все до единого были направлены для выполнения задачи.

Затем у телефона Кребс:

- Всех на атаку из Эберсвальде на юг.

И разговор окончен. Колеру было от чего сойти с ума.

Никто ничего не знал. Ни района сосредоточения, ни точного времени начала атаки, ни маршрута, ни каких-либо других данных. Тем не менее, около полуночи Гитлер в очередном телефонном разговоре с полной уверенностью сказал генералу авиации дословно следующее:

- Вот вы увидите, у русских будут кровавые жертвы, они потерпят величайшее в своей истории поражение перед Берлином.

С утра 22 апреля штаб сухопутных сил была страшная лихорадка: советские танки, вчера остановившиеся, теперь снова двинулись вперед и приближаются к Цоссену. Надо убежать, но от Гитлера нет разрешения.

Адъютант Кребса Г. Больдт вспоминает: "Незадолго до начала обсуждения обстановки у начальника, в моей комнате - как в улье. Связные, писаря, дежурные офицеры приходят и уходят. Беседы генералов и офицеров ведутся так громко, что я вынужден многократно просить тишины, чтобы понять у телефона, что мне говорят. За несколько минут до 11 часов в комнате внезапно становится так тихо, что, пожалуй, слышно было бы, если бы на пол упала булавка.

И вот снова это хриплый, лающий звук разрыва снаряда. Кто хоть раз побывал там, в гуще, на фронте, тот слишком хорошо знает этот шум. Все смотрят друг на друга скорее с ужасом, чем с удивлением, и вот кто-то нарушает молчание и говорит: "Это, несомненно, русские танки из Барута. Десять или может быть пятнадцать километров от нас". Другой говорит: "Через полчаса они могут уже быть здесь".

Генерал Кребс вышел из кабинета: "Разрешите просить вас, господина". Последнее обсуждение обстановки у начальника немецкого генерального штаба сухопутных сил началось".

Тем временем приходит донесение: Барут взят русскими. Кребс немедленно связывается с Гитлером и еще раз настойчиво просит разрешить перенести штаб в другое место. Гитлер отклоняет. "На лицах офицеров, которые прощаются друг с другом, - вспоминает Больдт, - можно ясно прочесть одну мысль: "итак, русский плен".

Вскоре - звонок Бургдорфа: Гитлер уже приказал все войска, сражающиеся по обе стороны Эльбы между Дрезденом и Дессау, с наступлением темноты оттягивать на Берлин. "Как только наступит завтрашний день, - заключает Больдт, Германия будет разделена на две

половины".

Наконец сразу после полудня Гитлер разрешил штабу сухопутных сил перебраться в Потсдам. И вот совершенно обалдевшие от всего происходящего генералы "святая святых" панически продираются через нескончаемые толпы беженцев, стремясь поскорее уехать от советских танков в тот самый гордый Потсдам, который веками олицетворял величие прусского милитаризма.

IV

Последнее в истории третьего рейха военное совещание у Гитлера открылось во второй половине дня 22 апреля. Доклады, как обычно, сделали Иодль, потом Кребс. Они подробно сообщили о положении на разных фронтах. Гитлер в полузабытье почти не слушал обоих генералов, ровными голосами говоривших о страшных, невообразимых для всех присутствующих делах.

Он несколько оживился, когда речь зашла о положении севернее и южнее Берлина. Наступающий клин русских достиг примерно линии Тройенбритцен Тельтов. Севернее города бой идет в предместьях Лихтенберг и Фронау. Здесь глубокий прорыв советских танков.

- Поэтому, - заключил Кребс, - решение судьбы Берлина - это вопрос одного-двух дней.

Гитлер прервал доклад. Он спросил: где же находится генерал Штейнер со своими атакующими войсками. Ведь удар с севера должен был разбить русских и спасти столицу. Гитлер остановил Кребса потому, что последний не сказал ни слова о наступлении Штейнера, хотя приказ был отдан еще 20 апреля, и теперь Штейнеру следовало уже громить обходящую группировку русских.

Гитлер еще не знал, что из этой атаки ничего не получилось. Подробности злополучной истории "атаки Штейнера" мы узнаём из воспоминаний генерала авиации Колера. Незадолго до начала заседания в "фюрербункере" Колер несколько раз получал оттуда задания по телефону: выяснить, как развиваются события севернее Берлина, ибо со Штейнером у рейхсканцелярии нет никакой связи. Генерал авиации, непривычный к подобным вещам, подошел к делу просто: с узла связи начал вызывать разные штабы и наводить справки. И ему стоило особых усилий установить, что никакой атаки Штейнера нет и быть не может.

Так обстояли дела севернее Берлина в момент, когда Гитлер на совещании задал Кребсу роковой вопрос: где находится генерал Штейнер со своими атакующими войсками?

После паузы Кребс промямлил, что эту атаку вообще не начинали и что вследствие ухода нескольких соединений из Берлина для участия в готовившейся Штейнером атаке, согласно приказанию самого же Гитлера, русские смогли проникнуть через ослабленные таким образом участки фронта на северные окраины города.

Последовала длительная, гнетущая пауза. Гитлер еле слышным голосом попросил всех участников конференции, кроме Кейтеля, Кребса, Иодля, Бургдорфа и Бормана, покинуть помещение. Царило до предела напряженное и полное ожидания молчание. И вдруг, обуреваемый дикой силой, Гитлер вскочил. Он завопил. Он становился то белым, как полотно, то лицо его заливала ярко-красная, пурпуровая краска. Голос срывался. Он пронзительно кричал о трусости, предательстве и неповиновении. Упреки в адрес генерального штаба, вермахта и войск СС сыпались один за другим.

Неожиданно к удивлению всех Гитлер сник и как слепой стал медленно пробираться к своему стулу. Все закончилось так же внезапно, как началось. "Фюрер третьего рейха" трясся в рыданиях как ребенок и сквозь рев впервые без обиняков или раскаяния признался: "Все кончено... война проиграна... Я застрелюсь". Воцарилось гробовое молчание. Все стояли растерянные, наблюдая эти дикие конвульсии. Затем все участники омерзительной сцены пришли в движение. Они бросились к обожаемому фюреру - первым Иодль - и стали уговаривать его остаться на этом свете. Иодль напоминал о "долге перед народом и

вермахтом". Ведь солдаты еще сражаются. На юге Шернер и Кессельринг способны изменить ситуацию. Он должен сейчас же переехать в Берхтесгаден и руководить оттуда борьбой.

Трудно понять, чего здесь было больше: фарса, отчаянной надежды отдалить час расплаты, тупой преданности или боязни друг друга и мести фюрера за "предательство в последний час". Видимо, и то, и другое, и третье в разных пропорциях.

Наконец Гитлер пришел в чувство. Он заявил, что останется в Берлине, и приказал объявить об этом народу. Он подтвердил, что гросс-адмирал Дениц получит все полномочия в отношении гражданских и военных дел на севере Германии. Кейтель и Иодль должны принять на себя из Берхтесгадена дальнейшее руководство войсками, сражающимися на юге страны, в Богемии, Австрии и в Северной Италии. Потом Гитлер приказал, чтобы Борман - он только недавно отказался подчиниться приказу Гитлера покинуть Берлин, - Бургдорф, Кребс и, конечно, Геббельс, а также связные офицеры остались с ним в бункере. Кейтель и Иодль отказались уехать в южные районы. Они решили отправиться к войскам и обещали Гитлеру сделать все, чтобы освободить Берлин. Кейтель в эту же ночь поехал к Венку и к соединениям его, 12-й армии. Иодль - к Штейнеру, а оттуда в Крампниц, где теперь собиралось все больше офицеров ОКВ. Кейтель и Иодль надеялись организовать атаку с юга на Берлин 9-й и 12-й армий, а с севера войск Штейнера и Хольсте. Кроме того, Иодль рекомендовал полностью оголеть Западный фронт против союзников и эти силы также направить для "борьбы за Берлин",

Тем временем генеральный штаб сухопутных сил с великими усилиями, буквально пробиваясь сквозь толпы беженцев, прибыл из Цоссена в Потсдам. Руководство штабом вместо Кребса, сидевшего, как полагали, с Гитлером в его бункере, временно принял генерал Детлефсен. Он не мог ничем и никем руководить, потому что все ответственные лица находились в Берлине и в Крампнице и потому что не имел ни с кем устойчивой связи, кроме Иодля и "фюрербункера". Так закрывалась последняя страница истории генерального штаба сухопутных сил.

Наиболее активной фигурой в эти дни оказался Иодль. Пожалуй, из всей руководящей клики он один думал о каких-то планах и пытался их осуществлять.

Колер рассказывает в своих записках: после того как до позднего вечера 22 апреля он безуспешно пытался связаться по телефону или радио с Крампницем или Цоссеном, пришлось самому поехать к Иодлю, чтобы уяснить обстановку и главное - получить разрешение на задуманный им выезд к Герингу в Оберзальцберг.

"Я нашел Иодля после долгих поисков в блоке 7 комната 103 казармы Крампниц. В маленькой, голой комнате, где он как раз был занят отдачей приказов своим офицерам и штабу сухопутных сил, на столах рядом с картами и бумагами стояли несколько бутылок красного вина и стаканы. Иодль и я вышли в соседнее помещение, так как я попросил у него разговора наедине".

Иодль заявил Колеру: "Гитлер считает положение очень трудным, он принял решение остаться в Берлине, оттуда руководить обороной, а в последний момент застрелиться. Он сказал, что сражаться не может из-за своего физического состояния; бороться, так сказать, лично - он также не пожелал бы потому, что не может подвергаться риску раненым попасть в руки врага. Мы все решительно пытались его переубедить и предложили перебросить войска с Запада на Восток для дальнейшей борьбы. Он возразил: ведь все рассыпается. Пусть этими делами займется рейхсмаршал. На чье-то замечание, что ни один солдат не стал бы сражаться во главе с рейхсмаршалом, Гитлер ответил: "Что значит сражаться! Тут осталось не так уж много сражаться, а если дело дошло до переговоров, то рейхсмаршал умеет это лучше, чем я!"

Далее между Иодлем и Колером шел такой разговор.

Колер: Что же будет дальше? Что будет делать главный штаб вооруженных сил?

Иодль: Главный штаб вооруженных сил концентрирует войска здесь, в Крампнице. Позже - отход на север. Мы повернем 12-ю армию на восток для атаки на левый фланг 3-й

русской танковой армии совершенно независимо от того, что предпримут американцы на Эльбе. Вероятно, что возможно будет этим актом доказать другим, что мы хотим воевать только против Советов. Я приказал в случае, если прорыв нельзя будет приостановить, отвести итальянский фронт за По, не докладывая об этом фюреру. Сейчас нужно действовать и приказывать.

Колер: Если Западный фронт нужно перебросить на Восток, то необходимо немедленно начать переговоры с западным противником. А иначе он зайдет нам в тыл, раздавит штабы и службы тыла; руководство станет невозможным, а войска будут уничтожены двойным охватом. Без переговоров с западными противниками план невыполним. Для ВВС просто невозможно, игнорируя Запад, вести борьбу только на востоке. Еще менее возможно в узком северном пространстве вести борьбу только на востоке, а в южной части бороться против Востока и Запада. Воздушное пространство неделимо, его невозможно отгородить каменной стеной. Если Западный фронт повернуть на Восток, то сделать это нужно по всему фронту - от Северного моря до Альп - и одновременно вести переговоры с Западом.

Но Иодль уже решил: сперва повернуть на восток войска, находящиеся на севере, а затем надо выждать, что после этого предпримут американцы и англичане.

Колер распрощался и двинулся в Баварию, к своему шефу Герингу.

Беседа Колера с Иодлем примечательна в двух отношениях. Она, во-первых, воссоздает атмосферу последних дней существования генерального штаба; во-вторых, показывает, что главные причины "поворота германского фронта с Запада на Восток" на завершающей фазе второй мировой войны состояли не в стремлении "спасти немецкое население от Красной Армии", как часто утверждают многие буржуазные историки и мемуаристы, а в надежде вбить клин между западными державами и Советским Союзом, в страхе гитлеровской клики перед неминуемой расплатой за преступления и в чисто военных моментах.

Тогда же вечером Гитлер согласился с предложением Иодля "весь фронт против англосаксов повернуть; силы, введенные на этом фронте, бросить в сражение за Берлин, и эту операцию возглавить верховному командованию вооруженными силами". Битва за столицу теперь объявлялась "сражением германской судьбы". От имени Гитлера последовал приказ Деницу: "Все остальные задачи и фронты имеют второстепенное значение". Гросс-адмирал сразу же распорядился отложить все прочие задания флота и бросить войска по воздуху, водным и сухопутным путями с севера в столицу для поддержки сражающихся войск. Все сосредоточилось на Берлине. Здесь как будто сконцентрировалась ярость и безграничная злоба, которую воплощал в себе гибнущий фашизм.

Дениц получил приказ: направить в Берлин всех, кто может носить оружие. Немедленно были приняты меры к централизации распавшегося военного руководства. В ночь на 25 апреля из "фюрербункера" приказали: объединить генеральный штаб сухопутных сил и штаб ОКВ под руководством последнего. Кребс получил специальную задачу: добиться наконец атаки с севера злополучной группы Штейнера, в которую теперь были включены две танковые дивизии, снятые с Западного фронта; нанести удар из Ораниенбурга "против глубокого фланга русских, прорвавшихся к Науэну и далее на запад". Одновременно 9-я армия должна двинуться к западу и соединиться с 12-й армией, после чего обе повернут на север, разобьют советские войска в южной части города и "установят широкую связь с Берлином".

Но тогда еще никто из приближенных Гитлера не знал, что танковые корпуса 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов 24 апреля соединились юго-восточнее Берлина и завершили полную изоляцию главных сил 9-й армии. А на следующий день 4-я гвардейская танковая армия с юго-востока и 2-я гвардейская танковая армия с северо-востока встретились в Потсдаме. Здесь они полностью замкнули кольцо окружения вокруг обреченной столицы рейха. Теперь исключалась всякая помощь берлинскому гарнизону не только 9-й армией, но и группой Штейнера, "исходный плацдарм" которой уже давно находился в руках советских дивизий. Совершенно безнадежными стали также попытки армии Венка пробиться к востоку. Все эти планы существовали только в умах отчаявшихся,

доживавших последние дни фашистских властителей. Советские войска приступили к ликвидации обеих окруженных группировок.

После того как Йодль со своим штабом бежал 23-го из Крампница от советских войск и обосновался в Фюрстенберге (60 км северо-западнее Берлина), он все еще пытался что-то предпринять: как мог подгонял 12-ю и 9-ю армии навстречу друг другу, чтобы потом, после соединения, все же повернуть их к северу. Используя подземный кабель связи, он 26 апреля в 18 часов еще беседовал с Гитлером, по-прежнему надеясь на помощь с севера и юга. Тем более, что поступили донесения: головные части 9-й армии перерезали дорогу Цоссен - Барут. Йодль обещал все возможное. Но вскоре стало известно, что советские войска решительно преградили путь прорывающимся дивизиям 9-й армии. Они прочным кольцом охватили Берлин и с ожесточенными уличными боями победоносно приближались к рейхсканцелярии.

А там творилось невообразимое. Военный и политический крах фашистского деспотизма завершался агонией. В последний момент оказалось, что Геринг изменник: он прислал с юга письмо Гитлеру - собирается взять власть в свои руки.

Одно совпало с другим. Выяснилось, что Гиммлер попытался вступить в контакт с англо-американским командованием через шведского графа Бернадотта, встретившись с ним в Любеке. Об этом узнали с помощью станции радиоперехвата из лондонской передачи. Геринг и Гиммлер немедленно были объявлены изменниками. Обоих приказывалось арестовать. Командующим авиацией вместо Геринга стал прилетевший по вызову Гитлера из Мюнхена раненый во время полета советскими зенитчиками генерал фон Грейм. Пилотирующая самолет летчица-испытатель Ганна Рейч тут же предложила свои услуги Гитлеру: она вывезет его из Берлина. Однако получила отказ: фюрер еще надеется на прорыв армии Венка и на спасение.

После полудня 28-го Кребс передал отчаянный и последний приказ: "Всем соединениям, сражающимся между Эльбой и Одером, всеми средствами и как можно скорее привести к успешному завершению охватывающее наступление для выручки столицы рейха". Но никто не откликнулся. Разгромленный вермахт уже не мог никого и ничто выручить.

Наконец, около полуночи 29 апреля Йодль получил последнюю радиogramму Гитлера:
"Немедленно доложите мне:

1. Где головные части Венка?
2. Когда они будут продолжать наступление?
3. Где 9-я армия?
4. Куда прорывается 9-я армия?
5. Где головные части Хольсте?"

На это последовал в 1 час ночи 30-го столь же краткий и выразительный ответ:

- "1. Головные части Венка замечены южнее озера Швилов.
2. 12-я армия не может продолжать оттуда наступление на Берлин.
3. Главные силы 9-й армии окружены.
4. Корпус Хольсте принужден обороняться".

Теперь не оставалось никаких надежд. Советские войска находились в нескольких стах метров от бункера. Гитлер закончил составление "политического завещания". Он определил состав "нового правительства". Последние написанные им слова гласили: "Цель остается та же - завоевание земель на Востоке для германского народа".

30 апреля "фюрер третьего рейха" покончил жизнь самоубийством.

Сразу же Борман отправил телеграмму адмиралу Деницу, командовавшему германскими вооруженными силами на севере: "Фюрер назначает Вас своим преемником. Соответствующий документ Вам послан". Сообщив об этой последней воле Гитлера, Борман умолчал о его смерти. Ответ Деница теперь уже мертвому Гитлеру последовал немедленно: "Мой фюрер! Моя преданность Вам безусловна. Я сделаю все возможное, чтобы выволить Вас в Берлине. Однако, если судьба принудит меня править рейхом в качестве назначенного

Ваши преемники, я буду продолжать эту войну до конца".

Нужны ли еще и другие свидетельства верноподданничества высших военных Гитлеру, их полного единства в делах и мыслях до самого последнего часа существования третьего рейха, до последней минуты жизни фюрера и даже после его смерти?

Берлин пылал. Над городом висело гигантское тяжелое облако дыма и гари. А советские солдаты прокладывали себе путь вперед и вскоре после того, что произошло в подземелье рейхсканцелярии, штурмом взяли берлинский рейхстаг.

Тем временем Красная Армия, наступая широким фронтом, завершала освобождение стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Изгнав гитлеровские войска из Румынии, Болгарии, Польши, Венгрии, восточных районов Чехословакии, советские войска совместно с НОАЮ очистили от захватчиков Югославию, освободили значительную часть Австрии. Выполняя освободительную миссию, Советский Союз имел на своей стороне горячее сочувствие и активную поддержку европейских народов, всех демократических и антифашистских сил оккупированных стран и бывших союзников Германии. Вступление советских войск на территорию государств Восточной и Юго-Восточной Европы способствовало их социальному и политическому преобразованию, сковало реакцию и благоприятно сказалось на укреплении демократических сил.

Штурм Берлина и его падение означали конец фашистского рейха. На Западе капитуляция вскоре приняла массовый характер. Но на Восточном фронте немецкие войска продолжали упорное и ожесточенное сопротивление.

Цель правительства Деница состояла в том, чтобы, не прекращая борьбу против Красной Армии, попытаться достигнуть "частичной капитуляции" перед союзниками. Наиболее сильной группировке фашистских войск на юге - группам армий "Центр" и "Австрия" - Дениц приказал не прекращать военные действия в Чехословакии и одновременно отводить к западу "все, что только возможно". Возглавивший эту группировку фельдмаршал Шернер получил от главного командования задачу "как можно дольше продолжать борьбу против советских войск".

Распад остатков фашистского государственного организма шел теперь с молниеносной быстротой. Кончил самоубийством Геббельс, до последнего часа требовавший выполнять "волю фюрера" о "фанатическом сопротивлении". Комендант Берлина генерал Вейдлинг, видя бессмысленность борьбы, сообщил советскому командованию о своей готовности капитулировать. Перейдя после полуночи 2 мая с белым флагом на сторону советских войск, он прибыл в штаб 8-й гвардейской армии. По требованию генерала В. И. Чуйкова, Вейдлинг подписал приказ о капитуляции берлинского гарнизона. Сразу же его текст был передан по радио войскам. Десятки тысяч понурых, опустошенных, сломленных морально и физически солдат и офицеров разгромленного вермахта покинули свои последние позиции в поверженной столице, чтобы отправиться в плен.

Теперь уже ничто и нигде нельзя было удержать. 2 мая капитулировала группа армий "Ц". На следующий день по поручению Деница адмирал Фридебург установил связь с британским командующим фельдмаршалом Монтгомери и, прибыв на его командный пункт, добился согласия на сдачу немецких войск "в индивидуальном порядке" англичанам. 5 мая капитулировали перед англо-американским командованием немецкие группы армий "Е", "Г" и 19-я армия, действовавшие в Южной и Западной Австрии, Баварии, Тироле. Накануне был подписан акт о сдаче немецких войск в Голландии, Северо-Западной Германии, Шлезвиг-Гольштейне и Дании. В 2 часа 30 мин. ночи 7 мая Йодль от имени германского командования подписал в ставке Эйзенхауэра в Реймсе условия безоговорочной капитуляции, которая вступала в силу 9 мая в 0 час. 00 мин.

Но на территории Чехословакии продолжалась борьба. Почти миллионная немецкая группировка под командованием Шернера, с трех сторон охваченная советскими войсками, билась отчаянно и упорно. Она старалась задержать наступление Красной Армии, проложить себе путь на Запад. И когда на других фронтах уже смолкли выстрелы и наступало торжество победы, здесь советским войскам предстояла еще одна битва - за полную свободу

народов Чехословакии.

Начатый еще осенью 1944 г. трудный и долгий поход советских и чехословацких войск с целью разгрома гитлеровцев в Чехословакии теперь объединялся с национально-освободительной борьбой, бурно нараставшей в стране.

Весной 1945 г. еще больше активизировались партизаны, население многих городов Чехии и Моравии стало выступать против оккупантов. Созданное в апреле правительство Национального фронта приняло программу народно-демократической революции, призвало население страны шире развернуть освободительную борьбу и оказывать помощь советским войскам. Пламя восстания охватывало всю Южную Чехию. В Праге 1 и 2 мая произошли первые стихийные вооруженные столкновения жителей города с гитлеровцами. 5 мая началось Пражское восстание, придавшее выступлению народных сил общенациональный характер. Восставшие захватили вокзалы, мосты, центры связи. Город покрылся баррикадами.

Гитлеровское командование бросило на Прагу войска группы армий "Центр". Несколько суток пражане стойко отбивали атаки наступавших немцев. Но вскоре над столицей Чехословакии нависла угроза разрушения, а над ее защитниками гибели.

Советское правительство и Верховное Главнокомандование, верное своему интернациональному долгу и высокой цели освобождения народов Европы от фашизма, решило в кратчайший срок разгромить группировку Шернера, помочь восставшей Праге и завершить освобождение Чехословакии. 6 мая войска под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева, имея ударную группировку из десяти танковых корпусов - тысяча шестьсот танков под прикрытием тысячи девяти сот самолетов, - стремительно двинулись вперед. 2-й Украинский фронт нанес удар в пражском направлении из района южнее Брно, а 4-й Украинский фронт после занятия Оломоуца развернул наступление с востока.

Все подчинялось быстроте, темпам. Чтобы вовремя прийти на помощь Праге, 1-й Украинский фронт прорывался прямо через лежащие на его пути Рудные горы. Лозунг войск гласил: "Вперед, на Прагу! Спасти ее. Не допустить, чтобы она была разрушена фашистскими варварами". Удар оказался настолько внезапным, что уже 8 мая танкисты генерала Д. Д. Лелюшенко разгромили штаб группы армий "Центр". Фельдмаршал Шернер потерял управление войсками и бежал в горы. Совершив в ночь на 9 мая, по определению маршала И. С. Конева, "неимоверный по темпам восьмидесятикилометровый бросок", соединения танковых армий генералов Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко на рассвете прорвались к Праге и завязали бои на ее окраинах. Вскоре в город вступили соединения 2-го и 4-го Украинских фронтов. К девяти часам утра столица Чехословакии была свободной. А еще через двое суток последняя сражавшаяся во второй мировой войне группировка фашистского вермахта капитулировала северо-восточнее Праги¹⁴⁵⁴.

Всенародным ликованием встречала Чехословакия своих освободителей. В городах, селах сотни тысяч людей вышли на улицы, выражая чувства горячей любви к советскому народу и его армии, чувства искренней дружбы к братской стране, оказавшей решающую и бескорыстную помощь в трудные для чехословацкого народа годы.

Третий рейх был повержен. И его военным руководителям осталась теперь лишь одна, последняя миссия: перед всем человечеством признать полный военный, моральный, идейный крах германского фашизма и милитаризма во второй мировой войне; признать реальность катастрофы империи Гитлера, всех чудовищных планов завоевания мира, которыми так долго фашистская клика обманывала немецкий народ и во имя которых она превратила Европу в затопленные кровью руины.

Им ничего не оставалось, как выполнить эту последнюю миссию прежде, чем предстать перед судом народов.

7 мая в 12 час. 45 мин. имперский министр Шверин фон Крозигк объявил по радио немецкому народу о безоговорочной капитуляции Германии. В 22 часа верховное командование вермахта передало свой последний приказ: "9 мая в 00 часов 00 минут всем

видам вооруженных сил всех театров военных действий, всем вооруженным организациям и отдельным лицам прекратить боевые действия против прежних противников... Йодль, генерал-полковник".

Наступила полночь 8 мая. В предместье Берлина - Карлсхорст, в серое здание бывшей столовой военно-инженерного училища прибыли представители верховных командований союзников. В зале за длинным широким столом заняли места Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, главный маршал авиации Англии Артур В. Теддер, генерал К. Спаатс, генерал Ж. Делатр де Тассиньи. Сюда же ввели представителей германского верховного командования.

Вторично за четверть века лидеры германской реакции ставили подписи под документом, фиксирующим военное поражение рейха в развязанной им мировой войне. Но если в Зеркальном зале Версальского дворца 26 лет и 10 дней назад это сделали второстепенные чиновники кайзеровской монархии, то теперь полный крах германского милитаризма фиксировал его высший представитель фельдмаршал, шеф ОКВ, правая рука Гитлера - Кейтель.

Первый пункт подписанного Кейтелем, генералом Штумпфом и адмиралом Фридебургом акта о капитуляции гласил: "Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени германского верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил".

"Соглашаемся на безоговорочную капитуляцию"! Сколько безмерных жертв принесли народы, чтобы вырвать эти слова у молча сидевших теперь, в ночь на 9 мая, за небольшим столом перед победителями в зале особняка на окраине Берлина людей - олицетворение сломленной военной мощи фашизма!

Занимался рассвет. Наступал День Победы. И вместе с ним кончилась кровавая история германского военного руководства во второй мировой войне. Только так бесславно и мог завершиться его путь, в начале которого горели страшные даты 1 сентября 1939 г., 22 июня 1941 г.

Заключение

Вторая мировая война, возникшая, как и первая, на европейской земле, стоила человечеству колоссальных усилий, жертв и страданий. Ни одна из войн не может сравниться с ней по размаху и ожесточенности борьбы. Ни один из военных конфликтов прошлого не может стать в одном ряду с ней по глубине политических, социальных, экономических, общественных последствий, по размерам воздействия на судьбы мира.

Цели фашизма в этой войне, будь они достигнуты, подвели бы к глубочайшему кризису цивилизации, к победе необузданного варварства, к порабощению многих народов. Но как доказано сейчас с неопровержимой точностью, международная реакция накануне второй мировой войны открывала нацизму именно этот путь, мало задумываясь о том, что сулит Европе и миру политика свободы рук нацистам. Последствия не заставили себя ждать слишком долго.

Среди сложнейшего комплекса классовых, политических, экономических противоречий, которые накануне войны перекрещивались и сплетались в тугие узлы в капиталистическом мире, отчетливо пробивалась ведущая политическая тенденция наиболее реакционных империалистических сил Запада: позволить фашизму развязать эту войну, в которой, как надеялись, он сокрушит Советский Союз.

Они хотели толкнуть гитлеризм в одном-единственном направлении. Действительно, война против Советского Союза составляла главнейшую часть программы нацизма. Но, кроме того, он собирался идти и по другим направлениям, завоевать мировое господство. Победа над Советским Союзом должна была стать ключом, открывающим путь к созданию мировой фашистской сверхимперии. Гитлеризму предлагали очень многое, но только не свое собственное. Он хотел сначала главное, а потом все остальное.

Ход истории сложился таким образом, что те, кто из западных столиц перед войной вдохновлял "восточную ориентацию" агрессии нацизма, оказались вынужденными потом, в ходе войны, благословлять Советский Союз, который сломил основную военную мощь нацизма, остановил его движение к мировой гегемонии, развеял в прах всю его чудовищную внешнеполитическую программу, внес решающий вклад в полное сокрушение гитлеровского рейха.

Мы вели здесь речь о людях, принадлежащих к социальной группе, которая была активнейшим создателем гитлеровской империи и главным проводником в жизнь ее внешнеполитических планов. Оценивая их путь от начала развязанной ими агрессии до полной катастрофы, нельзя не видеть в бесчисленном сцеплении связей, взаимных влияний, причин и следствий, из которых соткана история, глубокой закономерности конца, постигшего под мощными ударами свободолюбивых народов всю социальную систему фашизма и каждого из ее активных представителей.

Деятельность высших военных лидеров нацизма, независимо от личных качеств каждого из них (т. е. от способностей, лучшего или худшего знания военной тактики и т. п., что само по себе, конечно, никак нельзя недооценивать), прежде всего должна рассматриваться с общественно-социальной точки зрения. Ибо именно эта сторона дела в первую очередь определяла их стремления, пути достижения желаемого и результаты.

Высшее военное руководство третьего рейха выступало во второй мировой войне как лидер наиболее реакционной, правозкстремистской группировки империалистической системы, господствующих классов Германии, как активный выразитель интересов фашистского политического режима, возникшего в условиях острого кризиса капитализма. Поскольку борьба между Советским Союзом и фашистской Германией носила ярко выраженный классовый характер, военная верхушка нацизма была призвана реализовать военными средствами именно классовую программу этой системы.

Но такая программа не отвечала объективным закономерностям эпохи. Победить Советский Союз, уничтожить социализм, силы демократии, завоевать мировую гегемонию фашизм не мог. Он пытался пойти наперекор исторической необходимости, главным

тенденциям мирового развития и был, если рассматривать вопрос в широком плане, обречен уже этим. Он не учел расстановки мировых классовых и политических сил. Он игнорировал социально-политические и экономические завоевания советского народа, достигнутые им за годы Советской власти. Нацисты развязали войну против великого, бурно растущего, охваченного всеобщим энтузиазмом строительства социалистического государства, пытаясь подойти к нему с узкими мерками отсталой дореволюционной России. Но не увидев различия между новым и старым, пройдя мимо нового, не поняв природы социалистического государства, самым фактом нападения на Советский Союз фашистская военно-политическая верхушка подписала себе приговор задолго до Нюрнберга.

Беспредельно узкие в своем классово-политическом мышлении, нацистские военно-политические лидеры оказались не в состоянии понять политического характера войны, которую они развязали и которую вели против гитлеровской Германии народы и государства антигитлеровской коалиции, вынужденные отстаивать свободу и право на существование. Нацизм органически не мог и должным образом оценить то обстоятельство, что своей агрессией он вызвал колоссальные противоборствующие силы массового порядка, когда в победе над фашизмом оказались кровно заинтересованными широчайшие круги народных масс многих стран. И отсюда вполне закономерно, что фашистская военная верхушка не поняла общественного смысла и возможностей национально-освободительной борьбы народов, направленной против всей представляемой ими политической системы, борьбы, развернувшейся повсеместно и неодолимо и наносившей гитлеризму удар за ударом,

Именно прежде всего во всем этом, т. е. в обстоятельствах классово-политического характера, заключался глубокий авантюризм нацистской военно-политической системы. И совершенно закономерно, что военная стратегия, которую разрабатывала и проводила в жизнь во второй мировой войне военная верхушка третьего рейха, ее военные планы и решения, как производное этой системы, были столь же авантюрными. Ибо очевидно, что часть не может быть чем-то другим, нежели целое. Столь же очевидно, что глубокие пороки военной системы и военной стратегии фашизма обнаруживались отнюдь не сами по себе, а лишь в результате тех могущественных ударов, которые были нанесены по агрессору Советским Союзом и другими государствами антигитлеровской коалиции.

Варварские методы ведения войны не помогли и не могли помочь нацистским военным руководителям достигнуть нереального. Крайняя жестокость и бесчеловечность не стали ни средством достижения цели, ни компенсацией ограниченных сил, ни приемом, позволяющим сделать невозможное возможным. Политический авантюризм лишил надежной почвы военную стратегию. Поиски опоры в тактической сфере не могли возместить отсутствия прочного стратегического фундамента. Военное искусство гитлеровской военной системы оказалось разорванным в решающем звене - на грани связей политики и стратегии. Поэтому фашистская стратегия оставалась зачастую вне достаточного осмысливания новых явлений войны, появившихся именно на этой грани. Нацистские военные лидеры развязали войну глобального масштаба, не учитывая, что современный глобализм не похож на то, с чем Германия сталкивалась в прошлых войнах. Они пытались переносить в новую эпоху свои старые традиционные стратегические принципы. Но ни "молниеносная война", ни "действия по внутренним линиям", ни даже "тотальная война" в их традиционных вариантах не могли принести победы в мировой борьбе той эпохи, за которой должна была уже начаться научно-техническая революция.

Все, о чем здесь говорилось, казалось бы, ныне уже давно принадлежит истории. Но как актуальна она для современности! Сегодня с необычайной силой она предупреждает человечество о необходимости сделать все возможное, чтобы не повторился путь 30-х - начала 40-х годов. История с предельной яркостью показывает, к чему ведет путь антикоммунизма, подавления сил прогресса, национальных интересов народов, что может получиться, если правая империалистическая реакция начинает располагать свободой действий и приходит к власти.

И вместе с тем история с колоссальной убедительностью свидетельствует о том, что социалистическое общество является наиболее последовательным, непримиримым борцом против фашизма, убеждает в непреоборимой силе социалистического строя, в его колоссальных возможностях как в дни мира, так и войны, в подлинном величии советского народа, внесшего самый большой вклад в разгром нацистского режима и всех его институтов.

Вторая мировая война принесла особенно тяжелые последствия Европе, ставшей ее главным полем сражения. Один из основных уроков войны, значение которого ныне многократно возросло в условиях научно-технической революции, заключается в том, что на европейском континенте немыслима военная конфронтация, невозможно решение политических проблем военными средствами, что империалистическая политика, в основе которой лежит военное "устрашение", для Европы абсолютно неприемлема и деструктивна.

Глубоко и всесторонне учитывая основные закономерности современной эпохи, уроки истории, Коммунистическая партия Советского Союза, братские социалистические страны кладут в основу своего внешнеполитического курса программу мира и сотрудничества всех народов, уделяя при этом первостепенное внимание европейской разрядке.

Советское государство, возникшее как государство мира, на протяжении всего своего существования было его знаменосцем. В 1918 г. В. И. Ленин писал: "Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы... перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма"¹⁴⁵⁵. С тех пор неизмеримо возрос авторитет Советского государства как государства мира и социализма, возросла сила благотворного воздействия, которое оказывает оно на ход мирового развития. Усилия внешней политики Советского Союза направлены к тому, чтобы обеспечить Европе прочный, устойчивый мир, Товарищ Л. И. Брежнев, выступая по французскому телевидению 29 октября 1971 г., говорил: "Со времени окончания войны прошло 26 лет. Мы хотим, чтобы Европа стала, наконец, по-настоящему мирной, чтобы в отношениях между европейскими государствами не было места угрозам и применению силы, чтобы были обеспечены уважение суверенитета каждого государства и неприкосновенность его границ".

Программа борьбы за мир и международное сотрудничество, сформулированная XXIV съездом КПСС, представляет собой в современных условиях наиболее полный и научно обоснованный план разрядки международной напряженности, борьбы с агрессией, предотвращения военных конфликтов, развития народов по пути сотрудничества и дружбы¹⁴⁵⁶.

Такая политика отвечает наиболее глубоким интересам народов Европы. Она принципиально противостоит курсу тех "атлантических" кругов, которые стараются препятствовать европейской разрядке. Для Европы курс военного противостояния блоков неприемлем и бесперспективен. Он делает постоянной угрозой военно-политических конфликтов, нагнетает атмосферу напряженности и неуверенности, создает питательную среду для милитаризма, делает практически непрерывным процесс наращивания вооружений.

Империалистическая политика, опирающаяся на военное противостояние блоков, стимулирует разъединение двух частей Европы, их бесперспективную конфронтацию; она искусственно тормозит экономический обмен, когда развитие производительных сил требует все большего расширения контактов и сотрудничества.

На протяжении веков Европа была и средоточием мировой культуры, и эпицентром сокрушительных войн. И во все века передовые умы Европы выступали против насилия, против тех, кто препятствовал историческому прогрессу человечества. Еще великий Гёте говорил устами Фауста: "Не Сила ли - начало всех начал? Пишу - и вновь я колебаться стал, и вновь сомненье душу мне тревожит. Но свет блеснул - и выход вижу смело, могу писать: "В начале было Дело!" Да, именно "дело", т. е. труд, творчество на благо человечества, как всегда понимали лучшие из европейцев, противостоят насилию, ненависти, вражде.

В наше время в Европе перекрещиваются основные линии политических, экономических, культурных и иных взаимосвязей между государствами. Европа это важнейший центр мировой политики. Здесь с чрезвычайной отчетливостью проявляются различия между двумя социальными системами, здесь пролегает линия противостояния двух наиболее мощных военно-политических блоков. Вместе с тем именно Европа обладает очень многими благоприятными предпосылками для реализации политики мирного сосуществования этих систем. Хотя Восток и Запад Европы идут разными путями общественного развития, их сближает общность интересов безопасности и сотрудничества. Развитие взаимовыгодных отношений во многих сферах экономической, культурной деятельности служит стимулом для совместного решения европейскими государствами ряда важнейших проблем, в первую очередь проблем разрядки и создания системы безопасности. И прошлое, и современность, и будущее требуют для Европы устойчивого, длительного мира.

Обеспечение безопасности в Европе стало в современных условиях одной из центральных задач международных отношений. К ее решению направлены усилия внешней политики Коммунистической партии Советского Союза, правительства СССР, братских социалистических стран. Создание системы европейской безопасности, основанной на признании принципов нерушимости границ, неприменения силы, мирного сосуществования, добрососедских отношений, сотрудничества и взаимовыгодных связей между государствами стало реальностью. Рост международного авторитета стран социалистического содружества, проводимая ими активная политика мира, установившееся соотношение сил в современном мире, соответствие идей европейской разрядки национальным интересам всех без исключения стран, необходимость сотрудничества во многих областях между Восточной и Западной Европой - все эти обстоятельства говорят о том, что ныне возможность широкой общеевропейской разрядки может быть превращена в действительность.

Совершенно очевидно, что наибольшего успеха в деле европейской безопасности можно достигнуть после создания необходимых политических предпосылок. Мирное урегулирование в центре Европы стало среди них одной из важнейших. Оно связано прежде всего с признанием того факта, что ныне на территории бывшего гитлеровского рейха существуют два суверенных государства ГДР и ФРГ. Решение европейских проблем без участия ГДР невозможно, поскольку ГДР представляет собой важное звено социалистического содружества, быстро развивающееся в экономическом и социальном отношении, государство, имеющее большой политический вес как в Европе, так и вне ее. Давно стало очевидным, что проблема урегулирования в Европе в очень большой степени зависит от того, придут ли капиталистические государства к пониманию необходимости и неизбежности признания места и роли ГДР в европейской и мировой политике.

История международного развития после второй мировой войны свидетельствовала о негативном в течение длительного времени подходе США и ряда западноевропейских государств к этому вопросу. Реакционный курс сменявших друг друга правительств ФРГ преследовал лишь цели так называемого "освобождения ГДР" и "отбрасывания коммунизма". Проведение "жесткого курса" привело Бонн к обострению отношений с социалистическими странами, росту общей международно-политической напряженности в Европе и в конечном итоге - к политическому тупику.

Но ко второй половине 60-х годов боннская политика "жесткого курса" повсеместно себя исчерпала. Приход осенью 1969 г. к власти коалиционного правительства В. Брандта открыл возможность изменения внешней политики ФРГ в сторону ослабления напряженности в Европе. Этот поворот отразил осознание правящими кругами ФРГ величайшей опасности решения европейских политических проблем силой оружия, путем насильственного "объединения Германии" на тех основах, которые выдвигали реакционные силы ФРГ. Он свидетельствовал о прогрессе в политическом мышлении значительных кругов ФРГ, о том, что в полном соответствии с настроениями большинства населения страны политический курс взяли в свои руки умеренные, трезво мыслящие политики,

готовые порвать с теми силами, которые в прошлом навлекли на Германию и на весь мир страшные бедствия.

Договоры между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ стали важным этапом на пути к европейской разрядке. Они способствуют созданию прочной базы для успешной борьбы за стабильность обстановки на европейском континенте, за мирное будущее его народов.

В современной Европе сложилось достаточно предпосылок для того, чтобы, все более изолируя силы реакции, экстремизма, милитаризма, не допустить трагедии новой войны, превратить наш континент в зону подлинного мира, о котором мечтали многие поколения европейцев.

В июне 1972 г. состоялась первая в истории Ассамблея общественных сил Европы. Встреча в Брюсселе явилась высоким форумом европейских народов, который положил начало организованному движению европейской общественности за создание системы безопасности. Ассамблея единодушно одобрила Торжественную декларацию, которая содержала горячий призыв к сотрудничеству народов, правительств европейских стран во имя скорейшего решения проблем разрядки в Европе. Документ заключали такие полные благородства слова:

"В соответствии с этой Декларацией, всеми содержащимися в ней рекомендациями, Ассамблея торжественно призывает всех людей и все политические и общественные силы всей Европы объединить свои усилия, чтобы превратить свой континент в землю мира и плодотворного сотрудничества.

В этом - ожидание и воля всех народов. Но отныне это и реальная возможность, доступная их усилиям.

Сумеем же превратить ее своими собственными руками в торжествующую реальность".

В этом - горячее стремление всех людей доброй воли. В этом - один из величайших уроков истории.

Примечания

- 1"Правда", 31.III.1971
- 2Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1939, стр. 6.
- 3"50 лет Великой Октябрьской социалистической революции". Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 21.
- 4В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 212.
- 5J. Wheeler-Bennett. Nemesis der Macht. Frankfurt a/M., 1962, S. 71.
- 6Ibid., S. 74.
- 7О. Е. Schddekopf. Das Heer und die Republik. Hannover, 1955, S. 71.
- 8О. Е. Schddekopf. Op. cit., S. 124.
- 9К. Гейден. История германского фашизма М., 1935, стр. 231.
- 10Там же, стр. 184.
- 11ЦГАОР, ф. 7445, д. 79, л. 485.
- 12В начале 20-х годов Стиннес проник в Боснию (угольные разработки), в Румынию (нефтяные источники), в Чехию (сахарные заводы).
- 13Подробнее об этом см.: Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма. М., 1961, стр. 17 - 21; Л. И. Гинцберг. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972, стр. 48 - 56; О. Винцер. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956, стр. 11-21.
- 14Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 19.
- 15О. Винцер. Указ. соч., стр. 19.
- 16Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 23.
- 17Р. Сэюли. ИГ Фарбениндустри. М., 1958, стр. 91; Г. Л. Розанов. Указ. соч., стр. 22-24.
- 18Подробнее об этом см.: Л. И. Гинцберг. На пути в имперскую канцелярию.
- 19Там же, стр. 87.
- 20О. Е. Schddekopf. Op. cit., S. 31.
- 21Ibid., S. 38.
- 22Ibid., S. 34.
- 23"Vierteljahreshefte fr Leitgeschichte", 1956, 5, S. 231.
- 24О. Е. Schddekopf. Op. cit., S. 9.
- 25В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963, стр. 102.
- 26F. Wiedemann. Der Mann, der Feldherr werden wollte. Dortmund, 1964, S. 249 - 250.
- 27О. Е. Schddekopf. Op. cit., S. 14.
- 28С предложениями такого рода недвусмысленно выступала после Крымской войны довольно значительная группа политических экстремистов. Тогдашний прусский "специалист по России" фон Гакстхаузен выпустил книгу, в которой на основе личных впечатлений от поездок, совершенных в 1847 г., восторженно расписывал богатства Украины и недвусмысленно намекал на желательность аннексии. Работа Гакстхаузена сыграла немалую роль в дальнейшем формировании "украинской ориентации" германского правого экстремизма и пангерманизма.
- 29L. v. Vietinghoff. Gen. Schell. Berlin, 1915, S. 10.
- 30E. Lewicki. Ukraine. Berlin, 1915, S. 44.
- 31W. Mommsen. Deutsche Parteiprogramme. Mnchen, 1960, S. 548.
- 32A. Hitler. Mein Kampf. Berlin, 1933, S. 757.
- 33Ibid., S. 754.
- 34K. Hildebrandt. Vom Reich zum Weltreich. Mnchen, 1969, S. 616.
- 35Ibid., S. 72.
- 36A. Hitler. Op. cit., S. 162.
- 37Ibid., S. 153.
- 38Ibid., S. 154, 689.
- 39"Нюрнбергский процесс", в семи томах, т. I, М., 1957, стр. 409.

- 40К. Hildebrandt. Op. cit., S. 79.
- 41А. Hitler. Op. cit., S. 164.
- 42К. Hildebrandt. Op. cit., S. 456.
- 43"Anatomie des Krieges". Berlin, 1969, S. 132.
- 44Н. Rauschnig. Gesprche mit Hitler. Zrich, 1940, S. 118.
- 45К. Hildebrandt. Op. cit., S. 598.
- 46"Akten zur deutschen Auswrtigen Politik 1918 - 1945". Serie D, Bd. I. Baden-Baden, S. 48.
- 47Ibid., S. 51.
- 48Ibid., S. 122.
- 49G. Frster, H. Helmert, H. Otto, H. Schnitter. Der preuschdeutsche Generalstab 1640-1965. Berlin, 1966, S. 230.
- 50G. Frster u. a. Op. cit., S. 238.
- 51"Нюрнбергский процесс", т. I, стр. 293-294.
- 52См. П. А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз, М., 1965, стр. 87 - 88.
- 53До этого начальник генерального штаба сухопутных сил таким правом не пользовался, по крайней мере официально.
- 54"История Коммунистической партии Советского Союза", т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 64-65.
- 55"Anatomie des Krieges", S. 137.
- 56Эта важная проблема детально исследована советскими учеными. См.: "История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945", т. I. М., 1961; Л. А. Безыменский. Германские генералы с Гитлером и без него. М., 1964; Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма. М., 1961; П. А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1965; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963, и др.
- 57"Нюрнбергский процесс", т. I, стр. 606 - 611.
- 58Внимательное изучение библии нацистов "Майн кампф" показывает, что в ней уже была изложена идея общего плана агрессии третьего рейха во второй мировой войне. Это особенно относится к главе 14-й (А. Hitler. Op. cit.).
- 59См. "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945" т. 1.
- 60"СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны". М., 1971, стр. 51.
- 61"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III. Mnchen, 1953, S. 355.
- 62"СССР в борьбе за мир...", стр. 99.
- 63Там же, стр. 105.
- 64Там же, стр. 117 - 118.
- 65"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 359.
- 66"СССР в борьбе за мир...", стр. 129.
- 67"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 355 - 362.
- 68Ibid., S. 366.
- 69"Documents on British Foreign Policy 1919 - 1939", 3-d series, vol. IV. London, 1951, p. 39.
- 70"СССР в борьбе за мир...", стр. 198.
- 71"СССР в борьбе за мир...", стр. 225.
- 72"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. II, S. 38.
- 73В. Ульбрихт. Избранные статьи и речи. М., 1961, стр. 30-31.
- 74См. "Советский Союз в борьбе за мир накануне второй мировой войны". М., 1971.
- 75В. Г. Трухановский. Правда о 1939 годе: новые данные. - "Вопросы истории", 1971, No7, стр. 21.
- 76"Военно-исторический журнал", 1959, No 9, стр. 98.
- 77"Fuhrer Conferences on Naval Affairs, 1939 - 1945". - "Brassey's Naval Annual, 1948". London - New York, 1948, p. 7 (далее - "Fuhrer Conferences...").

- 78Ibid., p. 9.
- 79Н.-А. Jacobsen. 1939 - 1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961, S. 109 - 114.
- 80Ibidem.
- 81Н.-А. Jacobsen. Op. cit., S. 109 - 114.
- 82Цифры взяты нами из предисловия Г.-А. Якобсена к первому тому журнала военных действий ОКВ ("Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (далее КТВ/ОКВ), Bd. I. Frankfurt a/M., 1965, S. 53-E).
- 83Ibid., S. 54-E. В середине 1944 г. общий индекс производства вооружения достиг 322.
- 84"Fuhrer Conferences ..", p. 24.
- 85Цит. по: N. Vormann. Der Feldzug 1939 in Polen. Wissenburg, 1958, S. 66 - 68.
- 86Н. Rauschnig. Op. cit., S. 42.
- 87ЦГАОР, ф. 7021, оп. 148, д. 233, л. 33.
- 88Там же.
- 89Там же, л. 35.
- 90"Нюрнбергский процесс", т. II. М., 1958, стр. 234.
- 91ЦГАОР, ф. 7021, оп. 148, д. 233, лл. 12-13.
- 92Там же, лл. 13, 14.
- 93G. Hallgarten. Hitler, Reichswehr und Industrie. Frankfurt a/M., 1955, S. 23.
- 94О. Е. Moll. Die deutschen Generalfeldmarschalle 1935 - 1945. Rastatt, 1961, S. 21.
- 95N. Vormann. Op. cit., S. 44.
- 96Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 625, л. 22.
- 97M. Gamelin. Servir, vol. I. Paris, 1946, p. 448.
- 98O. Dietrich. Auf den Straen des Sieges. Mnchen, 1939, S. 27.
- 99Н.-А. Jacobsen. 1939 - 1945, S. 120.
- 100Т. Jurga. La guerre defensive de la Pologne en 1939. - "Revue Internationale d'histoire militaire", 1969, No 28, p. 482.
- 101Вот некоторые факты. Польская бригада истребителей в 6 час. 50 мин. 1 сентября стартовала и вскоре вступила в бой с немецкими бомбардировщиками и истребителями между Варшавой и Яблонной. Первый бомбардировщик Хе-111 был сбит поручиком Габшевичем из 114-й эскадры. В результате боя, продолжавшегося 50 минут, немецкая эскадра понесла потери и задания не выполнила. Истребительная бригада потеряла 10 самолетов. Всего в течение дня польские летчики провели около 230 воздушных боев. Подробное описание боев первого дня см.: А. Kurowski. Lotnictwo polskie w 1939 roku. Warszawa, 1962, str. 126 - 130.
- 102Дж. Ф. Ч. Фуллер. Вторая мировая война 1939 - 1945 гг. М., 1956, стр. 71, 72.
- 103К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 24.
- 104G. Feuchter. Geschichte des Luftkriegs. Bonn, 1954, S. 128.
- 105Геринг, Кейтель, Иодль, Шмундт, Энгель (представитель армии), Белов (представитель ВВС), Путткамер (представитель флота), Дейле, Боденшатц, Христиан.
- 106N. Vormann. Op. cit., S. 90.
- 107Именно так изображают ход войны западногерманские авторы Роос, Типпельскирх, Гёрлиц и некоторые другие.
- 108Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 934, л. 8.
- 109О состоянии польской армии см.: Е. Kozlowski. Wojsko Polskie 1936 1939. Warszawa, 1964.
- 110N. Vormann. Op. cit., S. 95, 96.
- 111"Documents on British Foreign Policy 1919 - 1939", 3-d series, vol. VII, p. 488.
- 112"Gelbbuch der Franzsischen Regierung". Basel, 1940, S. 393.
- 113"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 407.
- 114"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 410.
- 115Ibid., S. 411.

- 116"Gelbbuch der Franzsischen Regierung", S. 343.
- 117Ibid., S. 417 - 419.
- 118"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 411.
- 119"Gelbbuch der Franzsischen Regierung", S. 445.
- 120"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 413.
- 121"Documents on British Foreign Policy 1919 - 1939", 3-d series, vol. VII, p. 511, 512.
- 122"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 413.
- 123H. Dalton. Memoirs 1931-1945. London, 1957, p. 264.
- 124"Documents on British Foreign Policy 1919 - 1939", 3-d series, vol. VII, p. 524, 525.
- 125G. Bonnet. Dfense de la Paix, vol. 1. Genve, 1946, p. 359.
- 126Ibid., p. 361.
- 127Ibid., p. 362.
- 128Поздно вечером 2 сентября Галифакс позвонил Боннэ и сказал, что оба правительства будут действовать раздельно и предъявят ультиматумы в различное время.
- 129"Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten", Bd. III, S. 415.
- 130Ibidem.
- 131Ibid., S. 415, 416.
- 132Ibid., S. 417.
- 133Ibidem.
- 134Ibidem.
- 135"Fuhrer Conferences...", p. 28.
- 136Ibid., p. 25.
- 137I. Noel. L'Agression Allemande conlre la Pologne. Paris, 1946, p. 488, 489.
- 138"Polские Sily Zbrojne w drugiej wojnie wiatowej" (далее - PSZ), t. 1, cz. I. Londyn, 1951, str. 433.
- 139Ibidem.
- 140M. Gamelin. Servir, vol. II, p. 49.
- 141PSZ, t. 1, cz. II, str. 436.
- 142W. Hubatsch. Hitlers Weisungen fr die Kriegfhrung 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 22.
- 143Ibid., S. 23.
- 144H.-A. Jacobsen. Fall Gelb. Wiesbaden, 1957, S. 4.
- 145H. Rauschning. Op. cit., S. 15.
- 146N. Vormann. Op. cit., S. 101.
- 147Подробнее об этом см.: М. Porwit. Obrona Warszawy. Wrzesie 1939. Warszawa, 1959; L. Gowacki. Obrona Warszawy i Modlina na tle kampanii wrzeniowej. Warszawa, 1960; М. Malinowski. W obronie stolicy. Warszawa, 1960.
- 148Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 934, л. 25.
- 149Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 934, л. 25.
- 150Железный крест, существовавший как военная награда в первой мировой войне, был снова введен указом Гитлера от 3 сентября 1939 г. Орден имел четыре степени.
- 151"Vlkischer Beobachter", 7.X 1939.
- 152K. Hildebrandt. Vom Reich zum Weltreich. Mnchen, 1969, S. 635, 636.
- 153K. Hildebrandt. Op. cit., S. 637.
- 154Ibidem.
- 155Г. Н. Реутов. Правда и вымысел о второй мировой войне М., 1970, стр. 146 - 150.
- 156С. Э. Морисон. Битва за Атлантику. М., 1956, стр. 51.
- 157"Военно-исторический журнал", 1966, No 3, стр. 74.
- 158Ph. Fabry. Die unheilige Allianz. Darmstadt, 1962, S. 640.
- 159См. об этом: В. П. Смирнов. Странная война и поражение Франции. М., 1963; В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963; Л. П. Лавров. История одной капитуляции. М., 1964; Д. Кимхе. Несостоявшаяся битва. М., 1971, и др. работы.

- 160"Нюрнбергский процесс", т. I. М., 1957, стр. 622.
- 161К. Gunderlach. Gedanken ber die Fhrung eines Luftkieses. "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1960, 1, S. 33, 34.
- 162Ibid., S. 42-43.
- 163R. Bogatsch. Politische und militrische Probleme nach dem Frankreichfeldzug. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 4 April 1962, S. 157.
- 164Н.-А. Jacobsen. Fall Gelb. Wiesbaden, 1957, S. 7.
- 165Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 1. М., 1968, стр. 133-138.
- 166По этому вопросу см.: Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг., т. II. М., 1958, стр. 51; Н.-А. Jacobsen. Fall Gelb, S. 19; И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала М., 1958, стр. 279, 280.
- 167Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 1, стр. 140.
- 168"Fall 12". Berlin, 1960, S. 128.
- 169"Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта". М., 1964, стр. 159.
- 170Д. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М., 1965, стр. 69.
- 171Цит. по: "Die erste Periode des zweiten Weltkrieges". Berlin, 1961, S. 60.
- 172Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 614, лл. 4-13.
- 173"Die erste Periode...", S. 58.
- 174Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 614, лл. 13, 14.
- 177Там же, лл. 12-13.
- 176U. Liss. Westfront 1939/40. Neckargemnd, 1959, S. 95.
- 177Ibidem.
- 178Ibid., S. 97.
- 179U. Liss. Westfront 1939/40, S. 104.
- 180W. Schramm. Frankreich und die psychologische Offensive Hitlers 1933/38. - "Wehrkunde", 1960, No 5, S. 235.
- 181Ibidem.
- 182"Wehrkunde", 1960, No 5, S. 235.
- 183Ibid., S. 237.
- 184"Wehrkunde", 1960, No 5, S. 248.
- 185Н.-А. Jacobsen. Dokumente zur Vorgeschichte des Westfeldzuges 1939 1940. Gttingen, 1956, S. 11.
- 186Ibidem.
- 187ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 192, л. 147.
- 188Д. М. Проэктор. Война в Европе 1939 - 1941. М., 1963, стр. 195 - 223.
- 189Н.-А. Jacobsen. Dokumente..., S. 49.
- 190Бельгийцы получили в свои руки 10 частично сожженных листов. Один из них представлял собой инструкцию 1-му воздушному флоту для действий против Бельгии. Из другого было ясно, что готовится наступление 10-го армейского корпуса на Голландию. По третьему можно было установить подготовку десанта 7-й воздушнодесантной дивизии для занятия на территории Бельгии мостов через Маас в районах Ивуар и Гу. В других документах 1-го воздушного флота указывалась зона действий его бомбардировщиков над территорией Бельгии (L. Vanwelkenhuysen. Die Kriese von Januar 1940. - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1955, No 2, S. 68).
- 191"Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1955, No 2, S. 72.
- 192V. Overstraeten. Albert I - Leopold III. Brgge, 1949, p. 453.
- 193I. Vanwelkenhuysen. Die Kriese... - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1955, No 2, S. 76.
- 194V. Overstraeten. Op. cit., p. 458.
- 195I. Vanwelkenhuysen. Die Kriese... - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1955, No 2, S. 78.

196Ibid., S. 79.

197В ответе, привезенном в Брюссель адмиралом Кейсом, говорилось, что Англия не может давать "обязательств, которые правительство к концу войны, может быть, и не сумело бы обеспечить и которые связали бы его больше, чем любое другое... обещание" (Ibid., S. 86, 87).

198V. Overstraeten. Op. cit., S. 465, 466.

199О мехеленском эпизоде см. также: В. И. Дашичев. Мешеленский инцидент и немецкий план разгрома Франции. - "Военно-исторический журнал", 1959, No3.

200По этому вопросу см. также: В. И. Дашичев. Мешеленский инцидент и немецкий план разгрома Франции. - "Военно-исторический журнал", 1959, No 3; В. А. Секистов. "Странная война" в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939 - 1943 гг.). М., 1958; Д. М. Проэктор. Война в Европе 1939 - 1941; E. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955; Н.-А. Jacobsen. Dokumente..., idem. Fall Gelb.

201G. Ciano. Diario, vol. I. Milano, 1950, p. 234-237.

202Ibid., p. 237.

203P. Reynaud. La France a sauv l'Europe, vol. 2. Paris, 1947, p. 55.

204S. Welles. The Time for Decision. New York, 1944, p. 135.

205U. Liss. Die Ttigkeit des franzsischen 2. Bureau im Westfeldzug 1939/40. - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1960, No 5, S. 274.

206Ibidem.

207Ibidem.

208K.-H. Abshagen. Canaris. Stuttgart. 1950, S. 264.

209Ibidem.

210Ibid., S. 262.

211Ibidem.

212Секретная служба для подслушивания телефонных и радиопереговоров иностранных миссий была создана Герингом в 1933 г.

213"Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal" (далее - ИМТ), vol. XXXVIII. Nuremberg. 1949, p. 425.

214ИМТ, vol. XXVIII, p. 428.

215T. Draeper. The Six Weeks' War. New York, 1944, p. 56.

216"Вот наконец случилось то, - обращался Гитлер к солдатам, - чего мы ожидали много месяцев назад и всегда считали угрозой. Англия и Франция пытаются, используя гигантский отвлекающий маневр в Юго-Восточной Европе, продвинуться через Голландию и Бельгию в Рурскую область". В сводке ОКВ говорилось: "Ввиду предстоящего расширения войны в Бельгии и Голландии и связанной с этим угрозой Рурской области немецкая Западная армия на рассвете 10 мая перешла в наступление через немецкую западную границу на широком фронте" (ИМТ, vol. XXVIII, p. 429).

217Ibidem.

218Н.-А. Jacobsen. Dokumente..., S. 6.

219"Dokumente zum Westfeldzug, 1940". Gttingen, 1960, S. 20.

220L. F. Ellis. The War in France and Flanders 1939 - 1940. London, 1953, p. 70.

221W. Hubatsch. Hitler Weisungen fr die Kriegfhrung 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 51.

222Ibidem.

223"Dokumente zum Westfeldzug, 1940", S. 29.

224Ibidem.

225K. Zeitzler. Die Panzergruppe v. Kleist im Westfeldzug. "Wehrkunde", 1959, No 4, S. 241.

226Ш. де Голль. Военные мемуары. М., 1957, стр. 67, 69.

227Там же, стр. 74.

228M. Gemelin. Servir, vol. III. Paris. 1960. p. 388, 389.

- 229 Цит. по: U. Liss. Die Ttigkeit... - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1960, No 5, S. 275,
- 230 Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 171.
- 231 Там же, стр. 174.
- 232 Там же.
- 233 "Dokumente zum Westfeldzug, 1940", S. 42.
- 234 Ibidem.
- 235 Ibidem.
- 236 Ibid., S. 46.
- 237 Иодль записал 19 мая в дневнике: "Прорыв обозначается все больше. Командующий группой армий "Б" очень раздражен, что у него отобран танковый корпус, но это было правильно; 20-го мы имеем уже все танковые и моторизованные дивизии в составе клина прорыва" (ИМТ, vol. XXVII, p. 430).
- 238 "Dokumente zum Westfeldzug, 1940", S. 53.
- 239 См. по этому вопросу: В. И. Дашичев. Почему немецкие танки остановились перед Дюнкерком. - "Военно-исторический журнал", 1962, No 6; А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе. М., 1955; В. Л. Секистов. "Странная война" в Западной Европе; В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958; Г. А. Деборин. Вторая мировая война. М., 1958; Н.-А. Jacobsen. Dnkirchen. Neckargemn, 1958, др.
- 240 По этому вопросу см. подробнее: Д. М. Проэктор. Что же произошло под Дюнкерком? - "Новая и новейшая история", 1969, No 6.
- 241 Этот вопрос подробнее рассматривается в следующей главе.
- 242 Цит. по: F. Hesse. Das Spiel um Deutschland. - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1953, No 10, S. 423.
- 243 W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1950, p. 115.
- 244 W. Hubotsch. Op. cit., S. 53.
- 245 "Dokumente zum Westfeldzug, 1940", S. 165.
- 246 "La campagne de France (mai - juin 1940)". Paris, 1953, p. 163.
- 247 Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 1, стр. 462-463.
- 248 Там же, стр. 465.
- 249 И. А. Колосков, Н. Г. Цырульников. Народ Франции и борьбе против фашизма. М., 1960, стр. 53.
- 250 И. М. Файнгар. Указ. соч., стр. 268, 270, 285, 415.
- 251 Цит. по: P. Lyet. La bataille de France (mai - juin 1940) Paris, 1947, p. 49.
- 252 "Der deutsche Imperialismus und der zweite Weltkrieg". Berlin, 1962, S. 55.
- 253 К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 8.
- 254 Цит. по: W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 122.
- 255 После того как 19 июня Англия взяла себе французские авиационные заказы в США, в ее руках находились договоры на поставку из США 9512 самолетов.
- 256 "Dokumente der deutschen Politik, Bd. 8, Teil 1. Berlin, 1943, S. 250.
- 257 Schultness. Europischer Geschichtskalender 1940, S. 246.
- 258 E. Raeder. Mein Leben. Tbingen, 1957, S. 179, 247.
- 259 Н. А. Quint. Die Wendepunkte des Krieges. Stuttgart, 1950, S. 46.
- 260 В. Н. Liddel Hart. Strategie. Wiesbaden, s. d., S. 202.
- 261 А. Rossi. Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bndnis. Kln, 1954, S. 128.
- 262 По этому вопросу см.: "История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 1. М., 1960; "Вторая мировая война 1939 - 1945 г." М., 1958; "Поражение германского империализма во второй мировой войне". М., 1960; В. М. Кулиш. Раскрытая тайна. М., 1965; В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, и др.
- 263 Подробно этот вопрос рассматривается в главе IV.

- 264Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 54.
- 265К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe". Gttingen, 1958, S. 57.
- 266Обращает на себя внимание тот факт, что ОКВ, посвященное в политические намерения Гитлера, начиная со второй половины мая, в июне и июле действует очень медленно, выжидает и растягивает сроки выработки каких-либо планов против Англии. Клее пишет, характеризуя "записку" Иодля: "Политические соображения стоят в начале и конце записки" (К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S. 62). Несравненно решительнее разрабатывались планы против СССР.
- 267Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 182.
- 268Чиано записал в дневнике про этот период: "Гитлер теперь как игрок, сорвавший банк. Он хочет встать из-за игорного стола, чтобы больше не рисковать" (цит. по: W. Warlimont, Op. cit., S. 121).
- 269К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S. 75.
- 270К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S. 76. ОКВ указывало: "Приказ о проведении этой операции зависит от политического положения. Подготовку проводить таким образом, чтобы можно было начать операцию 15 сентября" (ЦГВМА, ф. Операция "Морской лев", инв. No 435, т. 4, л. 1).
- 271W. Hubatsch. Op. cit., S. 65.
- 272По А. Кессельрингу, немцы имели на западе истребителей: Me-109 - 930, Me-110-375, всего 1305; за вычетом 30% неисправных - всего 900 готовых к вводу в бой. Бомбардировщиков: тяжелых - 1015, пикирующих - 346, всего 1361; за вычетом 30% неисправных - 900 машин (А. Kesselring. Gedanken zum zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955, S. 72).
- 273По данным журнала военных действий германского верховного командования и в труде К. Клее дается цифра 2422 (949 бомбардировщиков, 336 пикирующих бомбардировщиков, 869 истребителей Me-109, 268 - Me-110). См. К. Klee. Dokumente zum Unternehmen Seelwe, Gttingen, 1959, S. 29; КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 14. о здесь речь идет, видимо, относительно общей численности германских ВВС, а не только 2-го и 3-го воздушных флотов. Д. Ричардс и Х. Сондерс (Военно-воздушные силы Великобритании во второй мировой войне. М., 1963) дают цифру 2 тыс. самолетов.
- 274Т. Weber. Die Luftschlacht um England. Frauenfeld, 1956.
- 275К. Klee. Dokumente..., S. 66.
- 276Т. Weber. Op. cit., S. 87, 88.
- 277Т. Weber. Op. cit., S. 87, 88.
- 278G. Frster, H. Helmert, H. Schnitter. Der zweite Weltkrieg. Leipzig, 1962, S. 49.
- 279Т. Weber. Op. cit., S. 88.
- 280Osterkamp. Durch Hhen und Tiefen jagt ein Herz, Heidelberg. 1952. S. 325.
- 281Т. Weber. Op. cit., S. 83.
- 282Линкоры "Гнейзенау" и "Шарнхорст" иступили в строй только в декабре 1940 г.; линкор "Бисмарк" в апреле 1941 г., линкор "Тирпиц" - в сентябре 1941 г.; тяжелые крейсера: "Лютцов" - в мае 1941 г., "Шеер" - в октябре 1940 г., "Принц Евгений" - в апреле 1941 г. (К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S. 149, 150).
- 283"Хиппер", "Эмден", "Кельн", "Нюрнберг" (Ibidem).
- 284В. Collier. The Defence of the United Kingdom. London, 1948, p. 440, Appendix I.
- 285А. Kesselring. Op. cit., S. 74.
- 286К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S. 79.
- 287К. Klee. Unternehmen "Seelwe", S. 74.
- 288Ibid., S. 81.
- 289К. Klee. Dokumente..., S. 245.
- 2901722 парома, 471 буксир, 1161 мотобот, 155 транспортных пароходов (К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S. 87, 113).
- 291Ibidem.
- 292Ibid., S. 127.

- 293Подробнее об этом см.: В. Collier. Op. cit.; P. Fleming. Invasion 1940. London, 1957.
- 294В. Collier. Op. cit., p. 440.
- 295ЦГВМА, ф. Операция "Морской лев", инв. No 432, т. 1, л. 1.
- 296Там же, л. 12.
- 297К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe", S, 63.
- 298Ibid., S. 66.
- 299Цит. по: Т. Weber. Op. cit., S. 38.
- 300Ibid., S. 38, 39.
- 301Ibid., S. 39.
- 302Ibid., S. 41.
- 303Т. Weber. Op. cit., S. 41, 42.
- 304Баумбах отмечает, что эти атаки двухместных истребителей носили характер булавоочных уколов (W. Baumbach. Zu spt. Buenos Aires, 1949, S. 137).
- 305Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 - июнь 1941. М., 1959, стр. 367.
- 306"Labour Monthly". Oktober 1941, p. 434.
- 307В. Н. Liddel Hart. The Russo-German Campaign. New York, 1956, p. 100.
- 308Н. Busse. Die faschistische Lge von Prventivkrieg Hitlerdeutschlands gegen die UdSSR. - "Juni 1941". Berlin, 1961, S. 68.
- 309См. "История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945" т. 1. М., 1960.
- 310А. Anderle. Der Weg zum 22 Juni 1941 - "Juni 1941", S. 37.
- 311ИМТ, vol. III, p. 388, 389.
- 312ИМТ, vol. XXXVI, p 300, 301.
- 313ИМТ, vol. XXVI, p. 548.
- 314А. Rossi. Zwei Jahre deutsch-sowjetisches Bndnis. Kln, 1954 S. 181.
- 315ИМТ, vol. XXXVI, p. 149.
- 316"Vlkischer Beobachter", 23.VI 1941.
- 317"Nazi-Soviet Relations 1939 - 1941". Washington, 1948.
- 318"Geschichte des zweiten Weltkrieges in Dokumenten". Freiburg, 1953.
- 319"Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939 1941". Tbingen, 1949.
- 320Laternser. Verteidigung deutscher Soldaten. Bonn, 1950; W.Grlitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt a/M., 1953; А. Rossi. Zwei Jahre...; Ph. W. Fabry. Der Hitler - Stalin Pakt 1939 - 1941. Darmstadt, 1962; L. Weinberg. Germany and the Soviet Union 1939 - 1941. Leiden, 1954.
- 321Цит. по: G. Buchheit. Hitler der Feldherr. Rastatt, 1958, S. 167.
- 322ИМТ, vol. XXVI, p. 327.
- 323F. Wiedemann. Der Mann, der Feldherr werden wollte. Dortmund, 1964, S. 253.
- 324Ibidem.
- 325"Deutsches Soldatentum in Wandel der Zeiten". Berlin, 1941.
- 326См. также сборник "Juni 1941". Berlin, 1963.
- 327Ibidem.
- 328G. Buchheit. Op. cit., S. 166.
- 329Цит. по: G. Buchheit. Op. cit., S. 168, 169.
- 330См. Г. Якобсен. Военные цели Гитлера в 1930-1943 гг. - "Вторая мировая война". Материалы научной конференции, кн. I. "Общие проблемы". М., 1966, стр. 279 - 297.
- 331См.: Л. А. Безыменский. К вопросу о конечных целях гитлеровской Германии во второй мировой войне. - Там же, стр. 305 - 318.
- 332G. Gafencu. Vorspiel zum Krieg im Osten. Zrich, 1947, S. 378.
- 333См. об этом: Я. Лебедев, Е. Карпещенко. История Румынской Народной Республики. М., 1964, "История Румынии. 1918 - 1970", М., 1971, и другие работы.

334Беседы Клее с Зоденштерном состоялись ни Франкфурте-на-Майне 13 апреля и 17 июля 1954 г. Письмо датировано 4 апреля 1955 г.

335Автор подчеркивает, что документ публикуется им впервые и что Зоденштерн до 1954 г. умалчивал об этих фактах "по политическим соображениям" (К. Klee. Das Unternehmen "Seelwe". Gttingen, 1958, S. 189).

336"Нюрнбергский процесс", т. V, М., 1959, стр. 74.

337"За рубежом", 1968, No 18, стр. 23.

338ИМТ, vol. XXVIII, p. 431.

339А. Hillgruber. Hitlers Strategie. Frankfurt a/M., 1965, S. 208.

340ИМТ, vol. XV, p. 428.

341Ibidem.

342Ibidem.

343Ibidem.

344"Juni 1941", S. 94.

345Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. М., 1969, стр. 61.

346А. Hillgruber. Op. cit., S. 231.

347Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 78.

348ЦГАОР, ф. 7445, оп. 2, д. 167, л. 143.

349Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 82.

350В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 353.

351КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 193-Е.

352Ibidem.

353Ibid., S. 194-Е.

354Ibid., S. 125.

355Ibid., S. 178, 195-Е.

355Ibid., S. 253.

357КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 253, 254.

358Ibid., S. 195-Е.

359Цит. по: А. Rossi. Op. cit., S. 145.

360G. Gafencu. Op. cit., S. 370.

361Ibid., S. 371.

362Н. Greiner. Die oberste Wehrmachtfhrung 1939 - 1943. Wiesbaden, 1951, S. 299.

363Ibid., S. 300.

364А. Rossi. Op. cit., S. 137.

365Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску. М., 1966, стр. 7, 8.

366Там же, стр. 4.

367Н. Greiner. Op. cit., S. 305.

368Ibidem.

369Ibidem.

370Н. Greiner. Op. cit., S. 305.

371См. Н. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 88 - 106.

372КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 130.

373Ibidem.

374А. Rossi. Op. cit., S. 149.

375Н. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 23.

376КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 180.

377Н. И. Лебедев. Указ. соч., стр. 27.

378КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 133.

379Ibid., S. 274.

380См.: А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны М., 1966, стр.191, 192.

381"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 670.

382КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 399, 400.

- 383А. И. Пушкаш. Указ. соч., стр. 193.
384Там же, стр. 195, 196.
385"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 673, 674.
386Н. Greiner. Op. cit., S. 297.
387А. Rossi. Op. cit., S. 146.
388Ibidem.
389КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 274.
390"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 628.
391К. Drechsler. Deutschland - China - Japan 1933-1939. Berlin, 1965, S. 137.
392"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 734.
393"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 727.
394См.: А. М. Кубинский. Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966, стр. 235, 236.
395Там же, стр. 241-243; "Военно-исторический журнал", 1967, No 2, стр. 87.
396"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 728, 729.
397А. Rossi. Op. cit., S. 153.
398Ibid., S. 154.
399Ibid., S. 155.
400"Juni 1941" S. 80.
401А. Rossi. Op. cit., S. 164.
402"Fuhrer Conferences on Naval Affairs, 1939 - 1945" - "Brassey's Naval Annual 1948". London - New York, p. 71.
403А. Rossi. Op. cit., S. 169.
404Ibid., S. 172.
405Н. Greiner. Op. cit., S. 186.
406W. Hubatsch. Hitlers Weisungen fr die Kriegfhrung 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 70.
407А. Buchner. Der deutsches-griechenland Feldzug. Heidelberg, 1957, S. 18, 19.
408Н. Greiner. Op. cit., S. 268, 269.
409И. Марьянович. Освободительная война и народная революция в Югославии. М., 1956, стр. 15.
410Н. Greiner. Op. cit., S. 273.
411Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2, стр. 112.
412Из этих дивизий восемь вошло в состав 2-й армии (46-й моторизованный корпус, 49, 51, 52-й армейские корпуса) и шесть дивизий - в резерв главного командования сухопутных сил на Балканах. Теперь в состав 12-й армии входили: 1-я танковая группа Клейста (41-й и 14-й моторизованные, 11-й армейский корпус), 40-й моторизованный корпус, 18, 30, 50-й армейские корпуса. Всего: танковых дивизий - пять (2, 5, 9, 11, 16-я), моторизованных дивизий - одна (60-я), пехотных и горных дивизий - 11, отдельных полков и бригад - 4.
413W. Hubatsch. Op. cit., S. 106 - 108.
4148-й авиакорпус (около 280 самолетов) базировался в районе Софии; авиакоманда "Арад" (около 240 самолетов) в Тимишоаре, Араде, Сегедине; "Северная группа", подчинявшаяся штабу 4-го воздушного флота (около 600 самолетов), - на аэродромах Западной Венгрии; 10-й авиакорпус (около 200 самолетов) - в Южной Италии.
415"Drugi svetski Rat", Kn. 1. Beograd, 1957, s. 416, 417.
416"Drugi svetski Rat", Kn 1, s. 417.
417Ibid., s. 418.
418Ibid., s. 422, 423.
419Ibid., s. 434.
420Ibidem.
421Ibid., s. 449.

- 422"Нюрнбергский процесс", т. III. М., 1958, стр. 264.
- 423"Военно-исторический журнал", 1965, No 10, стр. 81, 82.
- 424А. Hillgruber. Op. cit., S. 212.
- 425Ibid., S. 214.
- 426Ibidem.
- 427Ibid., S. 226.
- 428Ibid., S. 226, 227. На этой беседе присутствовали Энгель, Гевель, Лоренц, Шауб, Борман.
- 429"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 674.
- 430"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 641.
- 431О. Reile. Geheime Ostfront. Mnchen, 1963, S. 293-294.
- 432Р. Leverkuehn. Der geheime Nachrichtendienst der deutschen Wehrmacht im Krieg. Frankfurt a/M., 1957, S. 129.
- 433См. "Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 644.
- 434Р. Leverkuehn. Op. cit., S. 36.
- 435"Пограничные войска СССР. 1939 - июнь 1941", М., 1970.
- 436Р. Leverkuehn. Op. cit., S. 40.
- 437Ibid., S. 41.
- 438О. Reile. Op. cit., S. 358, 359.
- 439Цит. по: Р. Carell. Unternehmen Barbarossa. Frankfurt a/M., 1963, S. 122.
- 440Н. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951, S. 89.
- 441О. Reile. Op. cit., S. 295.
- 442Р. Leverkuehn. Op. cit., S. 128.
- 443А. Hillgruber. Op. cit., S. 213.
- 444Р. Carell. Op. cit., S. 122.
- 445Ibidem.
- 446"Военно-исторический журнал", 1961, No 9, стр. 87.
- 447"Das Parlament". Hamburg, B 11/60, 16.3. 1960, S. 172.
- 448Н.-А. Jacobsen. 1939 - 1946. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961, S. 165 (Курс. наш. - Д. П.).
- 449Ibidem.
- 450Н.-А. Jacobsen. 1939 - 1945, S. 164.
- 451W. Grlitz. Paulus: "Ich stehe hier auf Befehl!" Frankfurt a/M., 1960, S. 107. Паулюс как 1-й обер-квартирмейстер генерального штаба сухопутных сил руководил штабными играми в Цоссене, и поэтому его взгляды представляют немалый интерес.
- 452Ibid., S. 107 (Курс. наш. - Д. П.).
- 453Ibid., S. 116.
- 454Ibid., S. 113.
- 455Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 529, л 16.
- 456Там же, лл. 16, 17.
- 457Там же, л. 16.
- 458"История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 6. М., 1965, стр. 192.
- 459Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 529, л. 19.
- 460Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 529, лл. 23-24.
- 461Там же, л. 97.
- 462Там же, л. 106.
- 463Там же.
- 464Там же, л. 106.
- 465"Fall Barbarossa". Ausgewhlt und eingeleitet von E. Moritz. Berlin, 1970, S. 114, 119.
- 466Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725110, д. 449, л. 1. Речь идет, конечно, не о боях у оз. Хасан, а о боях на Халхин-Голе.

- 467"История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 6, стр. 140-141.
- 468А. А. Гречко. 25 лет тому назад. - "Военно-исторический журнал", 1966, No 6, стр. 8.
- 469"История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 6, стр. 134.
- 470Там же.
- 471Г. С. Кравченко. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, стр. 64.
- 472W. Grlitz. Paulus: "Ich stehe hier auf Befehl!", S. 115.
- 473A. Hillgruber. Op. cit., S. 221.
- 474Ibid., S. 227.
- 475W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 30.
- 476A. Hillgruber. Op. cit., S. 228.
- 477Ibidem.
- 478Н.-А. Jacobsen. 1939 - 1945, S. 168.
- 479A. Hillgruber. Op. cit., S. 229.
- 480Ibidem.
- 481Н. Uhlig. Das Einwirken Hitlers auf Planung und Fhrung des Ostfeldzuges. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 1960, S. 173.
- 482A. Hillgruber. Op. cit., S. 368.
- 483Ibid., S. 366.
- 484A. Philippi, F. Heim. Der Feldzug gegen Sowjetrussland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, S. 31.
- 485Ibidem.
- 486Ibid., S. 34.
- 487W. Grlitz. Paulus: "Ich stehe hier auf Befehl!", S. 110, 111.
- 488Ibid., S. 112.
- 489Ibidem.
- 490Ibid., S, 112.
- 491Ibid., S. 122.
- 492Ibidem.
- 493W. Warlimont. Op. cit., S. 152.
- 494Ibid., S. 153.
- 495Ibid., S. 154.
- 496P. de Mendelssohn. Die Nurnberger Dokumente. Hamburg, 1947, S. 317.
- 497КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 257, 258.
- 498КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 267, 268.
- 499Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 2. М., 1969, стр. 337.
- 500П. А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1965; В. А. Анфилов. Бессмертный подвиг. М., 1971.
- 501Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 247, 248, 250-253; "Пограничные войска СССР. 1939 - июнь 1941" М., 1970, стр. 385 - 386; "50 лет Вооруженных Сил СССР". М., 1968, стр. 251, и др. работы.
- 502W Warlimont. Op. cit., S. 188.
- 503"50 лет Великой Октябрьской социалистической революции". Тезисы ЦК КПСС. М.. 1967, стр. 21.
- 504Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М., 1967, стр. 20.
- 505Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 26, л. 76.
- 506Архив МО СССР, ф. 208, оп. 10169, д. 17, л. 52.
- 507Там же.

- 508P. Carell. Unternehmen Barbarossa. Frankfurt a/M . 1963, S. 39.
 509Ibid., S. 30.
 510Архив МО СССР, ф. 221, оп. 5561, д. 1-А, л. 8.
 511P. Carell. Op. cit., S. 27.
 512Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1. М., 1971, стр. 37.
 513Там же, стр. 18.
 514W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 187.
 515W. Warlimont. Op. cit., S. 192.
 516Ibid., S. 189.
 517КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1019.
 518Ibid., S. 1020.
 519Ibidem,
 520A. Philippi, F Heim. Der Feldzug gegen Sowjetrussland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, S. 67.
 521Ф. Гальдер Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 76.
 522Там же, стр. 79.
 523 Там же.
 524КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1020.
 525Ibidem.
 526Ibidem.
 527Ibidem.
 528Особенно Иодль советовал обсудить с Гитлером следующие вопросы: 1. Будет ли группа армий "Север" одна достаточно сильной, чтобы уладить положение на севере и обеспечить свой восточный фланг, или будет необходим поворот к северу 3-й танковой группы? 2. Надо обдумать поворот 4-й танковой группы непосредственно после перехода Днепра в южном направлении. Как решить вопрос с обеспечением восточного фланга? Так как Гитлер и другие (имеется в виду штаб его руководства) склоняются к скорейшему повороту танковой группы в северо-восточном или южном направлениях, он, Иодль, считает обязательным немедленный разговор Браухича с Гитлером. (КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1021).
 529W. Warlimont. Op. cit., S. 197.
 530A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 67.
 531КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1021.
 532Материалы кабинета истории военного искусства Военной академии им. М. В. Фрунзе (далее - ИВИ ВАФ), инв. No 10/ИВИ, л. 21.
 533W. Warlimont. Op. cit., S. 195.
 534КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1017.
 535Ibid., S. 1018.
 536Ibid., S. 1022-1025.
 537Распределение сил для оккупации выглядело следующим образом:

Район оккупации	Число		
	армий	корпусов	дивизий
Прибалтика	1	2	8
Россия (восток и запад)	2	7	19
Украина (восток и запад)	2	7	19
Кавказ	1	4	10

Эти силы предполагалось сосредоточить под командованием групп армий: группы армий "Север" (штаб в Москве) - три армии: одна для Прибалтики, другая - для Западной России, третья - для Восточной России; группы армий "Юг" (штаб в Харькове) - также три армии (на Кавказе, Западной и Восточной Украине). Предусматривалось, что "войска в завоеванном русском пространстве не должны быть разделены в маленьких группах по стране и многим гарнизонам, но сосредоточены по дивизиям в лагерях" (КТВ/ОКВ Bd. I, S. 1023).

538КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1024.

539Ibidem.

540В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 117.

541Архив МО СССР, ф. 208, оп. 7874, д. 15, лл. 19, 20.

542Архив МО СССР, ф. 208, оп. 101617, д. 4, лл. 105, 106.

543По данным: К. Черемухин. На смоленско-московском стратегическом направлении летом 1941 года. - "Военно-исторический журнал", 1966, No 10, стр. 3, 5, 8.

544См. об этом: А. И. Еременко. В начале войны. М., 1964, стр. 207-228.

545Материалы кабинета ИВИ ВАФ, инв. No 10/ИВИ, лл. 31, 32.

546Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 128, 138, 143, 165.

547Там же, стр. 128.

548Там же, стр. 157

549Там же, стр. 165,

550Там же.

551W. Grlitz. Paulus: "Ich stehe hier auf Befehl!". Frankfurt a/M., 1960, S. 49.

552H. Gpfert. Der faschistische Blitzkrieg scheiterte vor Moskau. "Zeitschrift fr Militrgeschichte", 1966, N 6, S. 689.

553-555"Роковые решения". М., 1958, стр. 87, 89.

556Помимо Блюментритта аналогичной точки зрения придерживаются, например, Гудериан, Типпельскирх, Гот и некоторые другие авторы.

557КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1029.

558Ibid., S. 1030.

559Ibidem.

560W. Hubatsch. Hitlers Weisungen fr die Kriegfhrung 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 142, 143.

561КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1038.

562Ibidem.

563Ibidem.

564Ibid., S. 1037.

565Материалы кабинета ИВИ ВАФ, инв. No 10/ИВИ, л. 41.

566Там же, лл. 66 - 69.

567Там же, л. 61.

568КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1034.

569Ibid., S. 1030.

570Ibid., S. 1031.

571Ibidem.

572Ibidem.

573КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1033.

574Ibid., S. 1034,

575Этот вопрос детально исследован в работе В. М. Кулиша "История второго фронта" (М., 1971), глава 2.

576"Военно-исторический журнал", 1966, No 10, стр. 8.

577Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 31, л. 141.

578Архив МО СССР, ф. 246, оп. 12928, д. 2, л. 38 - 41,

579Там же, л. 122.

- 580 Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2454, д. 32. л. 263.,
581P. Carell. Op. cit., S. 84,
582Ibidem.
583К. Черемухин. На смоленско-московском направлении... "Военно-исторический журнал", 1966, No 10, стр. 11.
584КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1036.
585Ibidem.
586Ibid., S. 1040.
587КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1040.
588Ibidem.
589W. Hubatsch. Op. cit., S. 145, 146.
590О. Е. Moll. Der deutschen Generalfeldmarschalle 1935 - 1945. Rastatt 1961 S. 19.
591Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 226.
592Там же, стр. 227.
593Там же, стр. 229.
594Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 247.
595"Военно-исторический журнал", 1959, No 6, стр. 87, 88.
596Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 271.
597Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 1, стр. 264.
598В таком духе рассматривают этот вопрос Р. Бор. Gespräche mit Halder. Wiesbaden, 1950; К. Assman. Deutsche Schicksaljahre. Wiesbaden, 1951; Н.-А. Jacobsen, J. Rohwer. Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges. Frankfurt a/M., 1960; W. Grlitz. Der deutsche Generalstab. Frankfurt a/M., 1953, др.
599А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 70.
600Ibidem.
601КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1061.
602КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1061.
603P. Carell. Op. cit., S. 90; H. Guderian. Erinnerung eines Soldaten. Heidelberg, 1951, S. 190.
604H. Guderian. Op. cit., S. 191, 192; P. Carell. Op. cit., S. 91, 92.
605P. Carell Op. cit., S. 92.
606H. Guderian. Op. cit., S. 193.
607H. Guderian. Op. cit., S. 193.
608"Мировая война 1939 - 1945 гг.". М., 1960, стр. 181, 170, 171.
609К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 192, 194.
610Цит. по: W. Warlimont. Op. cit., S. 203.
611КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1046.
612Ibidem.
613Ibid., S. 1047.
614W. Grlitz. Paulus: "Ich stehe hier auf Befehl!", S. 143.
615А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 72.
616Ibid., S. 76.
617А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 76.
618Ibid., S. 75.
619Речь шла о наступлении на войска Западного фронта (22, 29, 30, 19, 16, 20-я армии). Маршал С. К. Тимошенко с 13 сентября командовал Юго-Западным фронтом. В должности командующего Западным фронтом его сменил генерал-лейтенант И. С. Конев.
620А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 84, 85.
621Ibid., S. 85.

622 Согласно плану, прорыв намечалось провести 4-й армией с подчиненной ей 4-й танковой группой и 9-й армией с 3-й танковой группой "по обе стороны дороги Рославль - Москва и севернее автодороги", чтобы "уничтожить войска противника, зажатые между внутренними флангами". Обоим моторизованным клиньям следовало окружить группировку Западного фронта ударами на Вязьму и обеспечить "уплотнение на западной оконечности котла". В то же время пехотные соединения, наступавшие с юга и севера, создавали внутренний фронт окружения и должны были возможно скорее высвободить подвижные войска. Таким путем генеральный штаб надеялся "на основе опыта Минска успешно закончить эту битву на уничтожение за возможно более короткий срок".

Для обеспечения операции с юга и вместе с тем в качестве группы преследования, совершающей глубокий рейд через Тулу в район южнее Москвы, наносила мощный удар из района Глухова на Орел - Брянск 2-я танковая группа. Ее первая задача состояла в том, чтобы совместно со 2-й армией, наступавшей севернее Брянска на Сухиничи, окружить "южную группу" советских войск.

У командования группой армий "Центр" оставались в резерве танковая дивизия и моторизованная бригада. Командование сухопутных сил исчерпало свои последние резервы.

Сосредоточение войск нуждалось в тщательной диспозиции, чтобы для проведения операции "Тайфун" не потерять ни одного дня. Уже 8 сентября 2-я армия, а 15-го - 2-я танковая группа получили директивы на перегруппировку соединений, участвовавших в проходящем сражении на Украине. Группа армий "Юг" передала фон Боку две танковые, две моторизованные дивизии и пять пехотных. Отданные группой армий "Север" семь подвижных соединений прибыли в свои районы сосредоточения с опозданием (Ibid., S. 85).

623A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 86.

624P. Carell. Op. cit., S. 117.

625 "Разгром немецко-фашистских войск под Москвой", под ред. Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. М., 1964, стр. 25 - 28.

626A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 83.

627Ibidem.

628КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 673.

629 "Провал гитлеровского наступления на Москву". М., 1966, стр. 29.

630 6 октября передовые части 10-й танковой дивизии 40-го корпуса Штумме, входившего в танковую группу Гепнера, находились уже в 18 км от Вязьмы. Сражение вступало в решающую стадию. На следующий день эта дивизия под командованием генерала Фишера прорвалась к окраине горящей Вязьмы. Танковая группа Гота встретила упорное сопротивление под городом Холм-Жирковский. Чтобы осуществить прорыв, Гот объединил танки Т-III 56-го корпуса с танковой бригадой Колля, которая имела опыт действий на реке Вось. Вечером 6 октября 7-я танковая дивизия, ударное соединение группы Гота, прорвалась к шоссе Минск - Москва и оказалась в тылу соединений Западного фронта.

631P. Carell. Op. cit., S. 124.

632A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 87.

633КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1070.

634 "Vlkischer Beobachter", 4.X 1941.

635 "Vlkischer Beobachter", 9, 10.X 1941.

636 "Vlkischer Beobachter", 10.X 1941.

637Ibidem.

637 "Vlkischer Beobachter", 13.X 1941.

639 "Военно-исторический журнал", 1961, No 10, стр. 88.

640 Линия проходила через города: Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Калуга.

641 Г. К. Жуков. Первое стратегическое поражение вермахта. - "Провал гитлеровского наступления на Москву", стр. 28.

642 "50 лет Вооруженных Сил СССР". М., 1968, стр. 292.

643А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой. М., 1958; "Провал гитлеровского наступления на Москву". М., 1966; А. Д. Колесник. Немеркнущая слава защитников Москвы. М., 1964 и другие работы.

644А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой, стр. 98.

645По этому вопросу см.: "Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история. М., 1964; А. М. Самсонов. Великая битва под Москвой и другие работы.

646А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 86.

647Г. К. Жуков. Первое стратегическое поражение вермахта. - "Провал гитлеровского наступления на Москву", стр. 28.

648И. С. Конев. Начало Московской битвы. - "Военно-исторический журнал". 1966, No 10, стр. 65.

649А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 87.

650"Разгром немецко-фашистских войск под Москвой", стр. 41.

651А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 94.

652Ibidem.

653А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 94.

654Ibidem.

655"В первую очередь разбить противника, находящегося между устьем реки Москва и Калинином". На севере 3-я и 4-я танковые группы наносили удар на Клин, Дмитров, Ногинск, до Ярославля. С юга Москву окружала 2-я танковая армия. 4-я полевая армия наступала севернее и южнее автостреды Минск - Москва с целью выйти к Москве с запада и окружить ее.

656А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 95, 96.

657Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2. М., 1971, стр. 37.

658Там же, стр. 53.

659Р. Carell. Op. cit., S. 146.

660А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 95,

661Ibidem.

662Р. Carell. Op. cit., S. 147.

663Н. Gpfert. Op. cit., S. 686.

664"Wehrkunde", 1959, No 8, S. 590.

665"Разгром немецко-фашистских войск под Москвой", стр. 52.

666Р. Carell Op. cit., S. 149, 150.

667Ibid., S. 151.

668Подробнее об этом см.: "Разгром немецко-фашистских войск под Москвой", стр. 79 - 90.

669"Провал гитлеровского наступления на Москву", стр. 60.

670Героический подвиг советских воинов широко отражен в советской исторической литературе (см. "Разгром немецко-фашистских войск под Москвой"; "Провал гитлеровского наступления на Москву"; Д. З. Муриев. Провал операции "Тайфун". М., 1966; А. Д. Колесник. Указ. соч. и др.).

671Здесь мы используем преимущественно материалы книги: Р. Carell. Unternehmen Barbarossa. Автор этой книги не является историком, а скорее публицистом правого толка. Однако собранный им фактический материал представляет некоторый интерес.

672Р. Carell. Op. cit., S. 151.

673Ibidem.

674Ibid., S. 155, 156.

675Р. Carell. Op. cit., S. 156.

676Ibid., S. 159.

677Ibid., S. 160.

678Р. Carell. Op. cit., S. 162.

679Ibidem.

680Ibid., S. 164.

681Ibid., S. 168.

682A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 96.

683P. Carell. Op. cit., S. 170.

684Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2, стр. 81.

685Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2, стр. 106.

686Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 379.

687Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2, стр. 77.

688Эсэсовская 1-я танковая дивизия.

689W. Grlitz. Generalfeldmarschall Keitel; Offizier oder Verbrecher? Gttingen, 1961, S. 285.

690КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1077.

691Ibid., S. 1078.

692Ibidem.

521Ibidem.

694Ibid., S. 1079.

695В центре организационных мер, которые намеревалось провести зимой командование сухопутных сил, стояло резкое увеличение транспортных средств в распоряжении высшего командования за счет изъятия моторизованного транспорта из войск и тылов и уменьшения таким образом их подвижности. К этому вынуждало "напряженное положение с автотранспортом и горючим". В первую очередь предстояло восстановить танковые и моторизованные дивизии, выводя их с линии фронта, ибо "будущие оперативные возможности армии существенно зависят от готовности подвижных соединений".

696См. Ф. И. Голиков. В Московской битве. М., 1967.

697"Vlkischer Beobachter", 12.XII 1941.

698Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2, стр. 114.

699КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1080.

700Ibid., S. 1083.

701Ibidem.

702Все возможные силы Гитлер приказал направить для спасения армий группы "Центр". Ей было обещано перебросить в период от 1 января до 1 февраля 1942 г. пять дивизий в Витебск. Более того, для ускорения подвоза этих сил из состава пяти дивизий "только для немедленного ввода" направлялись в Витебск "безусловно необходимые части" - пехота, саперы, артиллерийское подразделение, истребители танков. Позже должны были прибыть еще две пехотные и три резервные дивизии. Геринг отдал приказ усилить 8-й авиакорпус пятью боевыми группами. Для переброски войск в группу армий "Центр" назначались все возможные средства воздушного транспорта.

703 W. Grlitz. Generalfeldmarschall Keitel..., S. 287.

704КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1085, 1086.

705Верховное командование вновь требовало превращать все населенные пункты и хутора в опорные пункты, которые каждое подразделение обязано удерживать до конца. "Тогда советские войска окажутся в поле, на холоде, их снабжение по дорогам затруднится". Авиация должна атаковать важные объекты в тылу, прежде всего объекты, связанные с транспортом и снабжением. На центральном участке Восточного фронта требовалось готовить тыловую позицию. Когда положение на фронте полностью установится, все недостаточно подвижные зимой соединения должны быть отведены на эти тыловые позиции и использованы для строительства укреплений. Одновременно в район этой позиции следовало направить вновь подведенные соединения, охранные войска и строительные силы, если они не нужны больше в первой линии.

706"История Коммунистической партии Советского Союза", т. 5, кн. 2. М., 1970 стр. 242.

- 707По этому вопросу см.: В. М. Кулиш. Раскрытая тайна. М., 1965, стр. 56; В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны М., 1966, стр. 201.
- 708В. М. Кулиш. Второй фронт. М., 1960; он же. Раскрытая тайна.
- 709В. Л. Израэлян. Антигитлеровская коалиция 1941-1945. М., 1964.
- 710В. М. Кулиш. История второго фронта. М., 1972, стр. 444.
- 711"История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945" т 2 стр. 267.
- 712КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 38.
- 713А, Philippi, F. Heim. Der Feldzug gegen Sowjetrußland 1941 bis 1945 Stuttgart, 1962, S. 107.
- 714Ibidem.
- 715КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 39.
- 716О. Е. Moll. Die deutschen Generalfeldmarschalle 1935 - 1945. Rastatt, 1961, S. 136.
- 717КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 40.
- 718Ibidem.
- 719О. Е. Moll. Op. cit., S. 136.
- 720А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 111.
- 721 Ibid., S. 108.
- 722 W. Grlitz. Generalfeldmarschall Keitel: Offizier oder Verbrecher? Gttingen, 1961, S. 293.
- 723А. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 107.
- 724Ibid., S. 107 - 108.
- 725"Вторая мировая война 1939 - 1945". М., 1958, стр. 280.
- 726 - 727Там же.
- 728КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 44.
- 729Ibid., S. 45.
- 730Ibidem.
- 731Ibidem.
- 732Я. В. Фридман. Влияние разгрома немецко-фашистских войск под Москвой на экономическое и военно-политическое положение гитлеровской Германии. Диссертация. Иркутск, 1969, стр. 113.
- 733КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1081.
- 734"50 лет Вооруженных Сил СССР". М., 1968, стр. 302.
- 735КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 46.
- 736W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 233 (курс. наш - Д. II.).
- 737W. Grlitz, H. Quint. Adolf Hitler. Stuttgart, 1952, S. 582.
- 738W. Warlimont. Op. cit., S. 217.
- 739Ibid., S. 93.
- 740Цит. по W. Grlitz, H. Quint. Op. cit., S. 581.
- 741КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 1501, 1503.
- 742W. Grlitz, H. Quint. Op. cit., S. 580.
- 743"Zeitschrift fr Militrgeschichte", 1967, 6, S. 714.
- 744Г. Заставенко. Развертывание военного производства фашистской Германии после провала "молниеносной войны". - "Военно-исторический журнал", 1962 No 12, стр. 43; В. Блейер, К. Дрехслер, Г. Ферстер, Г. Хасс. Германия во второй мировой войне. М., 1971, стр. 173-178.
- 745"Промышленность Германии в период войны. 1939 - 1945 гг.", М., 1956, стр. 262, 270, 271.
- 745aКТВ/ОКВ, Bd. II, S. 8
- 746W. Warlimont. Op. cit., S. 239.
- 747Н.-А. Jacobsen. 1939 - 1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961, S. 288.

- 748КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 14.
749Ibid., S. 13.
750Ibid., S. 15.
751Ibidem.
752Ibid., S. 22, 23.
753КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 16.
754Н.-А. Jacobsen, J. Rohwer. Entscheidungsschlachten des zweiten Weltkrieges. Frankfurt a/M., 1960, S. 290.
755КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 18.
756Ibid., S. 20.
757Ibid., S. 20, 21.
758Ibid., S. 21, 22.
759КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 24.
760"Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1960, No 10, S. 659.
761По материалам: КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 29.
762W. Grlitz, H. Quint. Op. cit., S. 581.
763КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 29.
764Варлимонт сообщает: "Гитлер... ограничился в дальнейшем требованием, чтобы союзнические контингенты в рамках их армий находились под их собственным руководством" (W. Warlimont. Op. cit., S. 243).
765"Нюрнбергский процесс", т. II, стр. 708.
766А. А. Гречко. Битва за Кавказ. М., 1967, стр. 26.
767А. А. Гречко. Указ. соч., стр. 24.
768Сталинградская эпопея". М., 1968, стр. 46, 47.
769По данным: "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", т. 2, стр. 504-513.
770КТВ/ОКВ, Bd. I, S. 1094.
771Ibidem.
772A. Heusinger. Befehl im Widerstreit. Tbingen, 1950, S. 186.
773W. Warlimont. Op. cit., S. 239.
774КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 5.
775Ibid., S. 5, 6.
776Редер настаивал: если окажется невозможным выставить еще весной 1942 г. для проведения Суэцкой операции достаточные силы и тоннаж, то все-таки придется покориться стратегическому требованию и уже сейчас готовить удар на Египет всеми силами и возможно скорее, еще в этом году. Все остальные операции на Востоке, включая и Кавказскую операцию, и захват Мурманска, должны быть отсрочены... Важнейшее стратегическое требование составляет завоевание нефти. Для дальнейшего развития войны наиболее важной ключевой позицией является Суэц. Военно-морское командование убеждено, что если удастся быстрым успешным наступлением вскрыть британскую главную артерию - Суэцкий канал и в дальнейшем установить морскую связь с Японией, то это окажет уничтожающее влияние на ведение войны англосаксами и потому имеет в военном отношении решающее значение (КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 6, 7).
777W. Warlimont. Op. cit., S. 243.
778Г. Дёпп. Поход на Сталинград. М., 1957, стр. 127, 128.
779КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 348.
780W. Warlimont. Op. cit., S. 243.
781W. Grlitz. Generalfeldmarschall Keitel..., S. 298, 299.
782W. Grlitz. Paulus und Stalingrad. Frankfurt a/M., 1964, S. 66.

783Группа Вейхса: 2-я армия, 2-я венгерская армия, 4-я танковая армия Гота - в районе Курска; 6-я армия Паулюса - в районе Харькова; 1-я танковая армия Клейста - юго-восточнее Харькова; 17-я армия Листа - в районе Сталино. Во втором эшелоне на юге находились: 8-я итальянская армия (на базе итальянского экспедиционного корпуса) и 3-я румынская армия.

784КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 380.

785W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 149.

786Ibid., S. 153.

787Сосредоточенную в Крыму авиацию предполагалось уже к 17 мая перебросить в группу Клейста для участия в ликвидации выступа фронта у Изюма (операция "Фридрикус I").

788В журнале военных действий ОКВ читаем: "В этой критической ситуации фельдмаршал фон Бок медлил с наступлением на Изюм, тем более что не состоялось создание северного охватывающего фланга 6-й армии. Но его штаб и ОКХ добились того, чтобы не идти в зависимости от воли противника, а использовать благоприятный момент, при котором стремящийся в глубину противник на Донце был бы... ослаблен" (A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 123).

789W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 68.

790КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 51.

791Ibidem.

792Ibid., S. 52.

793W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 150.

794W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 150.

795КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 445.

796Ibid., S. 445.

797Ibid., S. 52.

798Ibid., S. 52, 53.

799Весьма важные выводы и предложения венчали доклад разведки: "необходимы подготовка и строительство зимних позиций"; "своевременное прекращение больших операций до наступления морозов"; "в случае необходимости до наступления морозов отвод назад далеко выдвинувшихся ударных групп в районы, благоприятные для обороны".

800КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 53.

801"Каждый день, - подчеркивала директива, - на который эту цель удастся достигнуть раньше, будет иметь исключительное значение для решения дальнейших оперативных задач этого года" (КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 55).

802По директиве штаба сухопутных сил от 11 июля совместные действия внутренних флангов групп армий "А" и "Б" на Каменск должны были привести к уничтожению советских войск севернее Донца. Бок направил 4-ю танковую армию к его устью, на Каменск, где ей предстояло соединиться с 1-й танковой армией. 6-я армия шла вдоль среднего течения Дона, выходя на сталинградское направление.

803W. Warlimont. Op. cit., S. 258.

804КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 57.

805Ibidem.

806Позже, 18 сентября, в беседе с Кейтелем Гитлер так оценивал действия Бока: "Он теряет из-за этого (Воронежа. - Д. П.) 4-5 дней. И это в то время, когда дорог каждый день для того, чтобы окружить и уничтожить русских; он продолжает сидеть там, наверху, с четырьмя лучшими дивизиями, в первую очередь с 24-й танковой дивизией и дивизией "Великая Германия", цепляясь за Воронеж. Я еще сказал - не нажимайте, если встретите где-либо сопротивление, идите южнее к Дону. Решающее - продвигаться как можно быстрее на юг, чтобы мы могли действительно захватить противника в клещи. Так нет, этот человек делает совершенно обратное. Затем пришла эта беда - несколько дней плохой погоды, в результате чего русские неожиданно выиграли 8 - 9 дней, в течение которых они смогли выбраться из петли".

807 Для этого подвижными соединениями "возможно быстрее прорваться с севера к устью Дона и занять переправы через Дон у Константиновской и Цимлянской..., чтобы тем самым и последующим ударом на Ростов, по возможности по обе стороны Дона, преградить уход противника к Нижнему Дону, а также перерезать железнодорожную линию Сальск - Сталинград" (КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 58).

808 Этот взгляд Гитлера, Иодля и Кейтеля был выражен директивой верховного командования, отданной 18 июля: "Первая и важнейшая цель состоит в том, чтобы уничтожить сжатые перед группой армий "А" между Доном и Донцом силы армий Тимошенко. Чтобы предотвратить отход через Дон на юг, как уже приказывалось, нужно сильными подвижными соединениями восточного фланга захватить возможно больше плацдармов на Донце и нанести удар на Ростов. С этой же целью необходимо ввести ударную группу с фронта севернее Таганрога на Ростов, чтобы таким образом замкнуть кольцо вокруг вражеских армий, находящихся в излучине Донца.

Для прорыва на Кавказ необходимо на многих участках перейти Дон; это будет - если противник только построил оборону Дона - труднее, чем сейчас. Поэтому нужно попытаться 48-м танковым корпусом по крайней мере захватить и удержать на Дону плацдармы...

Для прикрытия этой главной операции с востока необходимо продлить обеспечение на Дону путем последовательной переброски к флангу вводимых здесь сил, по возможности скорее захватить плацдармы между Доном и Волгой и занять Сталинград. Если это не удастся сделать внезапным ударом, тогда важнейшей целью остается достигнуть Волги южнее Сталинграда и установить здесь такого рода господство, чтобы прервать любое движение судов по Волге из Каспийского моря и в его направлении...

Как только удастся переход через Дон и прорыв с севера в кавказскую область путем отказа от операции "Блюхер" (операция "Блюхер" предусматривала переброску 11-й армии из Керчи на Тамань - директива Гитлера № 43 от 11 июля 1942 г. - Д. П.), высвободившиеся силы 11-й армии будут переброшены в группу армий "Север" с задачей овладеть Ленинградом; тем самым высвободить финские дивизии на Карельском перешейке и установить сухопутную связь с Финляндией" (КТВ/ОКВ, Bd., II, S. 59),

809 Из директивы следовало, что группа армий "А" будет окружать советские войска, отошедшие за Дон, у Ростова, а потом овладеет всем восточным побережьем Черного моря. Другая часть ее сил захватит район Майкоп - Армавир и Западный Кавказ и тоже выйдет на побережье. Третья группировка двинется на Грозный, отрежет Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги, захватит Баку и побережье Каспийского моря. Тем временем группе армий "Б" предстояло обороняться вдоль Дона, занять Сталинград и Астрахань. Группа армий "Север" готовила штурм Ленинграда, назначенный на сентябрь (Г. Дёрр. Указ. соч., приложение 2).

810 Г. Дёрр. Указ. соч., стр. 28.

811 Всего в период июнь - октябрь на юго-западное направление Ставка направила несколько десятков стрелковых соединений, ряд танковых и другие соединения и части (см. "Великая победа на Волге". М., 1965, стр. 83, 118, 155).

812 "После того как была перерезана железнодорожная связь между Кавказом и Сталинградом, фронт противника южнее Дона разорван. Перед группой армий "А" он будет пытаться преградить наше продвижение на Кавказ; значительные усиления из внутренней России сюда им подведены быть не могут. Перед группой армий "Б" нужно считаться с тем, что противник подведет к Сталинграду все какие-либо возможные силы, чтобы удержать свою жизненную артерию - Волгу.

Дальнейшей и самой главной задачей группы армий "А" является быстрое занятие Черноморского побережья, чтобы таким образом выключить вражеский флот и обеспечить для дальнейших операций снабжение своих сил по морю... Задача группы армий "Б" остается без изменений" (КТВ/ОКВ. Bd. II, S. 61).

813 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 62.

814 Подробный анализ этих событий дан в книге: А. А. Гречко. Указ. соч., стр. 41-210.

815 При этом были выдвинуты следующие основания: трудность горной местности для наступления, которое можно здесь вести только по горным тропам; трудность снабжения только вьючными животными, которым нужно 6 суток для преодоления расстояния 70 км (по воздушной прямой), кроме того, недостает 1900 животных; взорванные мосты через горные реки; неуверенность, что наступление на Туапсе может быть успешным "и что дальнейший удар вдоль побережья позволит соединиться с горным корпусом до наступления зимы"; наконец, главное: опасение, что горный корпус, если и сможет пробиться на побережье, останется "в беспомощной изоляции" перед лицом "превосходящих сил противника, имеющего хорошее снабжение и поддерживаемого с воздуха и моря" (КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 63).

816 Нечто вроде передового пункта управления ставки верховного главнокомандования.

817 С 12 по 17 июля соединения 6-й армии продвигались с темпом до 30 км в сутки, а с 18 по 22 июля - 12-15 км в сутки. См. "Великая победа на Волге", стр. 53.

818 6-я немецкая, 8-я итальянская полевые армии и 4-я танковая армия (Там же, стр. 72).

819 Это подтвердила директива No 45 от 23 июля.

820 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 646.

821 Ibid., S. 650.

822 Ibid., S. 669.

823 W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 74.

824 Lagebesprechungen im Fhrerhauptquartier 24.8.1942. - "Der Spiegel" 1965 30, S. 41.

825 А. М. Самсонов. Сталинградская битва. М., 1968; В. И. Чуйков. Начало пути. М., 1959; А. И. Еременко. Сталинградская битва. Сталинград, 1958; "Сталинградская эпопея". М., 1968.

826 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 65.

827 Ibidem.

828 Ibid., S. 750.

829 Командующий группой армий "Б" Вейхс отдал 15 сентября директиву: "После занятия Сталинграда 6-я армия должна как можно раньше и возможно большими силами наступать между Волгой и Доном к северу с задачей разбить силы противника перед 14-м танковым и 8-м армейским корпусами и овладеть зимними позициями на общей линии Ерзовка, Паншино" (КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 66).

830 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 66.

831 "Vlkischer Beobachter", 28.IX 1942.

832 W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 169.

833 Ibid., S. 170.

834 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 189.

835 "Vlkischer Beobachter", 1.X 1942.

836 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 67.

837 Ibidem.

838 Ibidem.

839 Ibid., S. 800, 812, 821, 823.

840 Ibid., S. 800.

841 Так в тексте; правильно: Спартановка.

842 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 836.

843 Ibid., S. 844.

844 W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 190.

845 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 864.

846 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 874.

847 Речь Гитлера 8 ноября 1942 г. (W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 78).

848 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 890.

849 А. М. Самсонов. Указ. соч., стр. 249.

850 КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 68.

851КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 68.

852Ibid., S. 67.

853Ibid., S. 696.

854Потом, 13 сентября, появляется на свет директива Гитлера о смене разбитых на Востоке соединений: надо перебросить с Востока во Францию 15 пехотных дивизии для укомплектования и переформирования в подвижные соединения; из них 8 должны вернуться на Восточный фронт в январе 1943 г. Остатки других разгромленных соединений также будут переведены на Запад для восстановления. Кроме того, на Восток должно было поступить еще 15 свежих пехотных дивизий. Обмен дивизиями надо начать немедленно, "поезд на поезд" (Ibid., S. 1299).

855КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 70, 71.

856КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 75.

857Ibid., S. 584.

858Ibid., S. 587.

859Ibid., S. 609.

860Ibid., S. 617.

861КТВ/ОКВ, Bd II, S. 77.

862Ibidem.

863Ibid., S. 184.

864Ibid., S. 627.

865В таком виде Манштейн и получил установку Гитлера. "Первый этап отрезать Ленинград и установить связь с финнами; второй - занять Ленинград и сровнять его с землей". Срок наступления - 14 сентября (КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 629).

866КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 615.

867Ibid., S. 865.

868При этом Цейтцлер вносит предложение: "Ударные дивизии, которые следует сделать по возможности наиболее подвижными для зимних условий, держать в готовности позади угрожаемого фронта. К тому же надо создать дивизии с малой боевой силой, которые должны быть оснащены большим количеством тяжелого оружия. Немецких генералов этих дивизий следует подчинить союзному верховному командованию".

869КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 894.

870Ibid., S. 916.

871КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 917, 918.

872Ibid., S. 916.

873См. В. Г. Трухановский. Внешняя политика Англии, стр. 366 - 387.

874КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 916.

875КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 933.

876КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 71, 72.

877Ibid., S. 82.

878Ibid., S. 76.

879Ibidem.

880Бюллетень оценок противника на Восточном фронте, часть А. Рукопись. Библиотека Военной академии им. М. В. Фрунзе, стр. 18, 19, 27.

881См. об этом: "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", т. 2, стр. 491-545.

882См. "Великая победа на Волге". М., 1965, стр. 207 - 251.

883Подробнее об этом см. там же, стр. 261-303.

884КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 988, 989.

885Ibid., S. 83.

886"Vlkischer Beobachter", 19.XI 1942.

887КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 996,

888Ibid., S. 1000.

- 889Ibidem.
890КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 83.
891Ibid., S. 999.
892Ibid., S. 83.
893Ibid., S. 1006.
894"Великая победа на Волге", стр. 283.
895А. М. Самсонов. Сталинградская битва. М., 1968, стр. 415.
896КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1310.
897КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1310-1313.
898Ibid., S. 84.
899Ibidem.
900А. Philippi, F. Heim. Der Feldzug gegen Sowjetrußland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, S. 183.
901КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1019.
902Г. Дёпп. Поход на Сталинград. М., 1957, стр. 118.
903Цит. по: "Hitlers Lagebesprechungen". Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942-1945. Stuttgart, 1962, S. 55 - 59.
904КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1018.
905Ibid., S. 1012.
906Ibid., S. 1019.
907КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1019.
908Ibid., S. 1105.
909Ibid., S. 1061, 1062.
910КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 849.
911W. Grlitz. Paulus und Stalingrad. Frankfurt a/M., 1964, S. 229 - 230.
912Ibid., S. 230.
913Цит. по W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 232.
914Ibidem.
915КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1060.
916Ibidem.
917Ibid., S. 1104.
918Ibidem.
919Цит. по: "Hitlers Lagebesprechungen", S. 92.
920Ibid., S. 94.
921W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 86.
922КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1128.
923Ibidem.
924Ibid., S. 1127.
925Ibidem.
926"Великая битва на Волге", стр. 313, 314.
927КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1152.
928Ibidem.
929КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1159.
930Ibid., S. 1200.
931Ibid., S. 1318.
932Ibid., S. 1222.
933W. Adam. Der schwere Entschlu. Berlin, 1965, S. 212.
934W. Grlitz. Paulus und Stalingrad, S. 89.
935Книга В. Гёрлица о Паулюсе так и называется: "Paulus: Ich stehe hier auf Befehl!".
936См. "Великая победа на Волге", стр. 423.
937Там же, стр. 445.

938 Паулюс писал 23 ноября в ставку: "Боеприпасы и продовольствие подходят к концу. Многие батареи и противотанковые орудия взорваны. Своевременное и достаточное снабжение исключено. Армия в короткий срок будет уничтожена, если путем сосредоточения всех сил враг, наступающий с юга и запада, не будет разбит. Для этого необходимо немедленно вывести все дивизии из Сталинграда и крупные силы с северного участка кольца. Затем неотвратимым следствием должен стать прорыв на юго-запад, ибо восточный и северный фронты при их слабости нельзя удержать" (W. Adam. Der schwere Entschlu, S. 203).

939 Гитлер отвечал: "Я намереваюсь сосредоточить армию в районе Сталинград Северный, Котлубань, высота 137, высота 135, Мариновка, Цыбенко, Сталинград Южный. Армия может быть уверена, что я сделаю все, чтобы ее соответствующим образом снабдить и своевременно выручить".

940 A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 198.

941 И. Видер. Катастрофа на Волге. М., 1965.

942 W. Adam. Generale fordern Kapitulation. - "Zeitschrift fr Militrgeschichte". 1965, 1, S.

54.

943 Adam. Der schwere Entschlu, S. 328.

944 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1492.

945 Ibid., S. 1493.

946 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1495, 1496.

947 Ibid., S. 1496.

948 "Поражение германского империализма во второй мировой войне". М., 1960, стр. 253.

949 Введены 1 июля 1941 г.

950 В январе 1943 г. на Восточном фронте находились группы армий: "А", "Дон", "Б", "Центр", "Север". Непосредственно ОКВ подчинялись 20-я армия, армия "Норвегия", группы армий: "Д" (запад), "Ц" (юг), "Е", "Юго-Восток". Германско-итальянская танковая армия и 5-я танковая армия (Тунис) подчинялись итальянскому верховному командованию ("Командо Супремо").

951 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 28, 64.

952 Ibid., S. 1573.

953 Ibid., S. 179.

954 Ibid., S. 180.

955 Ibid., S. 46.

956 Ibid., S. 158.

957 O. Hennicke. Auszge aus der Wehrmachtкриминалистик. - "Zeitschrift fr Militrgeschichte", 1966, 4, S. 447, 455.

958 "Die Geschichte der 30. Infanterie-Division 1939 - 1945". Bad Nauheim, 1955. Auszug aus dem КТВ der Hgr. Nord, S. 208.

959 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 66, 1576, 1577.

960 Ibid., S. 208, 1678.

961 Ibid., S. 1578.

962 Ibid., S. 25. Уже 10 января началась отправка 167, 332-й и 15-й пехотных дивизий.

963 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 44.

964 Ibid., S. 57.

965 106 пд - до I. III; 39 пд - до 15. III; 38, 17 и 257 пд - до 20. III (КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 130).

966 Ibid., S. 137.

967 В это число входит также несколько соединений, направленных в Италию и на Балканы.

968 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 35, 131.

969 Ibid., S. 135.

- 970Ibid., S. 26, 36.
971Ibid., S. 46.
972Ibid., S. 131.
973Ibidem.
974Ibidem.
975Ibidem.
976Ibid., S. 132, 133.
977КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 187, 188.
978КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 190. В числе "пополнений... и вновь готовящихся соединений" имелись в виду: дивизия "Герман Геринг", 387-й полк специального назначения.
979КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 198.
980КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 212.
981Ibid., S. 220.
982Ibid., S. 103.
983КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 24.
984Ibid., S. 126, 145.
985Ibid., S. 1561.
986Ibidem.
987Ibid., S. 1558.
988Ibid., S. 79.
989КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 129.
990Ibid., S. 1547.
991Ibid., S. 1549.
992Ibid., S. 1550.
993КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1551.
994Ibid., S. 237.
995Ibid., S. 1551.
996Ibidem.
997См. В. М. Кулиш. Раскрытая тайна. М., 1965. В. Л. Израэлян. Антигитлеровская коалиция 1941-1945. М., 1964, и другие работы.
998В. Маршалль. Война на море. - "Мировая война 1939 - 1945 гг.". М., 1957, стр. 359.
999См. С. Э. Морисон. Битва за Атлантику. М., 1956, стр. 394.
1000Т. Sommer. Deutschland und Japan zwischen den Mchten 1935 - 1940. Tbingen, 1962, S. 2.
1001Т. Hattori. Japans Operationsplan fr den Beginn des Pazifischen Krieges. - "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1957, S. 247 - 274.
1002E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart, 1947, S. 330.
1003М. Shigemitsu. Die Schicksalsjahre Japans 1920-1945. Frankfurt a/M., 1959, S. 308.
1004КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1526, 1527.
1005G. Ciano. Tagebcher. 1939 - 1943. Bern, 1946, S. 513.
1006А. Francois-Ponset. Les Lettres secrtes changes par Hitler et Mussolini, Paris, 1946, p. 123.
1007КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1527.
1008Ibidem.
1009Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску. М, 1960, стр. 125.
1010Подробнее об этом см. там же, стр. 151-180.
1011КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1531.
1012КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1508
1013Ibid., S. 34.
1014Н. И. Лебедев, Указ. соч., стр. 213, 214
1015КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1531, 1532.
1016Ibid., S. 69.

- 1017Ibidem.
- 1018Ibidem. Под Кавказом в данном случае подразумевался кубанский плацдарм - Д. П.
- 1019КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 70.
- 1020Ibid., S. 11.
- 1021Ibid., S. 95.
- 1022Ibid., S. 128.
- 1023См. А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 304.
- 1024В составе девяти пехотных и одной танковой дивизий.
- 1025КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1534.
- 1026А. И. Пушкаш. Указ. соч., стр. 320.
- 1027КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1534.
- 1028"Венгрия и вторая мировая война". М., 1962, стр. 280.
- 1029В. Л. Исраэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. М., 1967, стр. 277.
- 1030КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1534.
- 1031Ibidem.
- 1032Ibid., S. 133.
- 1033Ibid., S. 167.
- 1034"Wehrkunde", 1953, No 2.
- 1035КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1523.
- 1036W. Erfuth. Der finnische Krieg, S. 149
- 1037См. об этом: "Вторая мировая война 1939 - 1945". М., 1958, стр. 376 - 379.
- 1038Там же, стр. 448.
- 1039Подробнее об этом см.: В. П. Морозов. Западнее Воронежа. М., 1956.
- 1040В. Морозов. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года. - "Военно-исторический журнал", 1963, No 3, стр. 34.
- 1041Подробнее об этом см.: "Вторая мировая война 1939 - 1945", стр. 445, 446.
- 1042"История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 4, стр. 13.
- 1043Там же.
- 1044И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала. М., 1958, стр. 280, 418.
- 1045"Промышленность Германии в период войны 1939 - 1945 гг.". М., 1956, стр. 96, 270.
- 1046См. Г. Заставенко. Военно-экономическая и политическая подготовка Германии к летнему наступлению 1943 года. - "Военно-исторический журнал", 1967, No 3.
- 1047"Fall 5". Anklagepldoyer, ausgewhlte Dokumente, Urteil des Flick-Prozesses. Berlin, 1965, S. 254.
- 1048Ibidem.
- 1049Ibid., S. 272.
- 1050Ibid., S. 50, 52.
- 1051Ibid., S. 281.
- 1052И. М. Файнгар. Указ. соч., стр. 321.
- 1053"Fall 5", S. 279.
- 1054Ibid., S. 286.
- 1055"Hitlers Lagebesprechungen", S. 193.
- 1056E. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955, S. 431.
- 1057Ibidem.
- 1058H. Greiner. Die oberste Wehrmachtfhrung 1939 - 1943. Wiesbaden, 1951, S. 436.
- 1059A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 209.
- 1060"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история, стр. 231-232.

- 1061"Вторая мировая война 1939 - 1945", стр. 448 (две бригады приравнены к одной дивизии).
- 1062" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 464.
- 1063Ibidem.
- 1064"Hitlers Lagebesprechungen", S. 186, 187.
- 1065" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 465.
- 1066A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 208.
- 1067" Wehrwissenschaftliche Rundschau". 1965, No 8, S. 486.
- 1068Ibid., S. 463.
- 1069W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939 - 1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 279.
- 1070КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 1721.
- 1071" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 463.
- 1072Ibidem.
- 1073КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 1320.
- 1074E. Manstein. Op. cit., S. 424.
- 1075КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1582, 1583.
- 1076КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1584.
- 1077Ibid., S. 1586.
- 1078Ibid., S. 1527, 1528.
- 1079Бюллетень оценок положения противника на Восточном фронте, часть А. Рукопись, стр. 60-61.
- 1080Там же, стр. 66.
- 1081Там же, стр. 70, 71.
- 1082Там же, стр. 77.
- 1083Бюллетень оценок положения противника на Восточном фронте, часть А, стр. 79.
- 1084Там же.
- 1085Там же, стр. 80, 83.
- 1086"Hitlers Lagebesprechungen", S. 191.
- 1087" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 470.
- 1088Ibidem.
- 1089"Целями советского командования могут быть: во-первых, продолжение наступления против группы армий "Юг" с попыткой окружить ее в районе Черного моря; во-вторых, окружение группы армий "Центр" ударами с юга от Курской дуги и с востока и северо-востока на Смоленск, чтобы открыть путь в Белоруссию, и, в-третьих, прорыв южнее озера Ильмень в сочетании с атаками от Ленинграда против группы армий "Север", чтобы снова овладеть Прибалтикой" ("Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 470).
- 1090A. Heusinger. Befehl im Widerstreit. Tbingen, 1950, S. 247, 253; "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, 8, S. 473.
- 1091" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 473.
- 1092Ibidem.
- 1093" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 582.
- 1094" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 473.
- 1095Ibidem.
- 1096" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 474.
- 1097Ibid., S. 477.
- 1098Ibid., S. 476, 477.
- 1099По данным: "Вторая мировая война 1939 - 1945", стр. 452; КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1620.
- 1100" Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 481.
- 1101КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1621.

1102 Штаб сухопутных сил и группа армий "Юг" сперва наметили атаку между Осколом и Верхним Донцом (операция "Ястреб"), потом уточнили замысел (план "Пантера"). От этих намерений, однако, в течение апреля пришлось отказаться, для того чтобы преждевременно не растратить наступательную силу дивизий, которые позже должны будут принять участие в операции "Цитадель".

1103 Группа армий "Юг" имела задачу с фронта Белгород, Томаровка наступать через Прилепы, Обоянь и в районе Курска и восточнее соединиться с наступающей армией группы армий "Центр". Для прикрытия наступления с востока немедленно достигалась линия Короча - Скородное - Тим. Часть сил выделялась к западу для создания внутреннего фронта окружения. Группе армий "Центр" предстояло нанести удар с линии Троена - севернее Малоархангельска, наступать через Фатеж, Веретиново, нанося главный удар восточным флангом, и соединиться с группой армий "Юг" у Курска и восточнее. Для прикрытия наступления с востока следовало немедленно занять линию Тим - восточнее Щигры - участок р. Сосна. Часть сил назначалась для прикрытия с запада ("Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 484).

1104 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 8, S. 484.

1105 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 530.

1106 Ibid., S. 632.

1107 Ibidem.

1108 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 535.

1109 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1622.

1110 Ibidem.

1111 "Всемирная история", т. X. М., 1965, стр. 227.

1112 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 582, 584, 603.

1113 Ibid., S. 583.

1114 "Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история. М., 1964, стр. 234.

1115 См. "История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 3. М., 1961, стр. 150-304.

1116 "Всемирная история", т. X, стр. 227.

1117 См.: "Вторая мировая война 1939 - 1945", стр. 451-469; "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", т. 3, и другие работы советских авторов.

1118 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1623.

1119 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 589.

1120 A. Philippi, F. Heim. Op. cit., S. 211.

1121 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 593.

1122 Ibid., S. 594.

1123 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 765.

1124 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 596.

1125 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 769.

1126 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 596.

1127 Ibidem.

1128 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 769.

1129 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 596.

1130 Местность севернее Белгорода, между реками Северный Донец и Липовый Донец.

1131 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 591.

1132 В направлении на Скородное.

1133 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 596.

1134 Ibid., S. 597.

1135 КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 775.

1136 "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1965, No 10, S. 599.

- 1137КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 804.
1138Ibid., S. 1633.
1139КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1624.
1140Ibid., S. 982.
1141Ibid., S. 1024, 1025.
1142Ibid., S. 983.
1143Восточнее Бердянска, Запорожье, Днепр, вверх до Десны, Десна, восточнее Великих Лук, отсюда на север до Чудского озера, вдоль его западного берега, река Нарва до Балтийского моря (КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1625).
1144КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1625.
1145Ibid., S. 1627.
1146Подготовка и ход военных действий в Италии подробно исследованы в труде: В. С. Стрельников, Н. М. Черепанов. Война без риска. М., 1965.
1147КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1072.
1148Ibid., S. 1633.
1149Ibid., S. 1073, 1074.
1150Ibid., S. 1092.
1151Приказ об очищении кубанского плацдарма был отдан 4 сентября (КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1455).
1152КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1168.
1153Ibid., S. 1170.
1154Ibid., S. 1627.
11553-й танковый корпус СС направлен 24 ноября (Ibid., S. 1296).
1156КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1463.
1157Ibid., S. 1229.
1158Ibid., S. 1230.
1159КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1627.
1160Ibidem.
1161Ibid., S. 789.
1162КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 854, 889, 1529.
1163Ibid., S. 854.
1164Ibid., S. 1449, 1450.
1165По плану операции "Ось" группа армий "Б" "принимала командование над всей Италией", быстро захватывала "угрожаемый район" Генуя, Ливорно, Венеция, Триест, перевалы через Апеннины между Ливорно и Анконой. Группа армий "Юг" проводила операцию "Шварц": захват Рима, перевод немецких сил из Сардинии на Корсику, отвод двух танковых корпусов на север Италии. Группа армий "Запад" осуществляла операции "Копенгаген" (открытие границ Италии с Францией) и "Зигфрид" (занятие побережья Южной Франции) (Ibid., S. 869).
1166КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1079.
1167КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1126.
1268Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс, т. II. М., 1958, стр. 424.
1169М. В. Кулиш. Указ. соч., стр. 344.
1170КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1220.
1171Ibid., S. 1170.
1172Ibid., S. 1209.
1173Ibid., S. 1210, 1211.
1174Ibid., S. 1254.
1175W. Shirer. Op. cit., p. 417.
1176Ibid., p. 421.
1177W. Shirer. Op. cit., p. 471.
1178Ibidem.

- 1179Ibid., p. 492.
- 1180Ibidem.
- 1181В. М. Кулиш. История второго фронта. М., 1971, стр. 224.
- 1182J. Ehrmann. Grand Strategy, Bd. V. London, 1956, S. 47.
- 1183W. H. McNeill. America, Britain and Russia. London, 1953, p. 41.
- 1184См. В. М. Кулиш. Второй фронт. М., 1960, стр. 40-41; McNeill. Op. cit., p. 316.
- 1185O. Groehler. Krieg im Westen. Berlin, 1968, S. 53, 54.
- 1186L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 463.
- 1187O. Groehler. Op. cit., S. 56.
- 1188См. об этом: В. М. Кулиш. История второго фронта, стр. 236 - 239; W. Churchill. The Second World War, vol. IV. London, 1951, p. 712-723; R. L. Osgood. Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. Chicago, 1953, p. 931-933, и другие работы.
- 1189"Zeitschrift fr Geschichtswissenschaft", 1969, Heft 10, S. 1312.
- 1190"Промышленность Германии в период войны 1939 - 1945 гг.", стр. 263; "Der geheime Bericht ber die Rstung des faschistischen Deutschland vom 27 Januar 1945". Von Wolfgang Bleyer. - "Wirtschaftsgeschichte", 1969, II.
- 1191"Промышленность Германии в период войны 1939 - 1945 гг.", стр. 263.
- 1192По данным: "Совершенно секретно! Только для командования!" Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. М., 1967, стр. 680-682.
- 1193O Groehler. Op. cit., S. 148, 149, H. Laschitz. Kmpferische Demokratie gegen Faschismus. Berlin, 1969, S. 24, 25.
- 1194H. Biberach. Moldungen aus dem Reich. Darmstadt, 1965, S. 486.
- 1195Ibid., S. 439.
- 1196F. Halder. Hitler als Feldherr. Mnchen, 1949, S. 57; IMG, Bd. XXI. Nrnberg, 1949, S. 38; P. E. Schramm. Hitler als militrischer Fhrer. Frankfurt a/M., 1966, S. 67.
- 1197КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 1530.
- 1198КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 258.
- 1199Ibid., S. 78.
- 1200КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 78, 79.
- 1201W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1930-1945. Frankfurt a/M., 1962, S. 399.
- 1202ИМТ, vol. XVII, p. 535.
- 1203"История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945", т. 4. М., 1962, стр. 56, 57.
- 1204W. Warlimont. Op. cit., S. 399.
- 1205W. Warlimont. Op. cit., S. 401.
- 1206W. Warlimont. Op. cit., S. 424, 425.
- 1207КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 12.
- 1208Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 556.
- 1209Там же, стр. 558.
- 1210Там же, стр. 559.
- 1211См. А. Н. Грылев. За Днепром. М., 1963, стр. 181, 182.
- 1212КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 12,
- 1213Ibid., S. 84, 110.
- 1214Ibid., S. 95.
- 1215Ibid., S. 107 - 109.
- 1216Цит. по: W. Warlimont. Op. cit., S. 436.
- 1217КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 112.
- 1218Ibid., S. 114.
- 1219Ibid., S. 114.
- 1220Ibid., S. 112, 114.
- 1221А. Н. Грылев. Указ. соч., стр. 187.

- 1222КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 183.
1223Ibid., S. 185.
1224Ibid., S. 190.
1225КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 191.
1226А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 377, 379.
1227С юга от Белграда - три дивизии, из района Аграм на северо-восток две дивизии, из Вены на восток - две танковые дивизии, от Кракова на юг отдельные части силой до дивизии.
1228А. И. Пушкаш. Указ. соч., стр. 380, 387.
1229КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 205.
1230КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 205, 206.
1231Полек вел переговоры с 30 января по 9 февраля 1944 г.
1232Румынская валюта - леи, - по курсу 1937 г., навязанному Германией, оценивалась так: 38 лей за 1 марку.
1233КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 750.
1234Ibid., S. 769.
1235Ibid., S. 770.
1236См. А. Н. Грылев. Указ. соч., стр. 160.
1237КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 770.
1238Ibid., S. 773.
1239М. Turlejska. Prawdy i fikcje. Warszawa, 1966, str. 196 - 256.
1240"Нюрнбергский процесс", т. VI. М., 1959, стр. 806.
1241G. Buchheit. Soldatentum und Rebellion. Rastatt (Baden), 1961, S. 306.
1242Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12450, д. 88, л. 73.
1243Там же, л. 75.
1244"50 лет Великой Октябрьской социалистической революции". Тезисы ЦК КПСС, стр. 21, 22.
1245См. Чарльз Р. Аллен. Хойзингер из четвертого рейха. М., 1967, стр. 118.
1246Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1359, д. 43, л. 60.
1247"Преступные цели - преступные средства". Документы об оккупационной политике Фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). М., 1963, стр. 65, 66.
1248Архив МО СССР, ф. 221, оп. 1359, д. 43, л. 83.
1249"Преступные цели - преступные средства", стр. 80-83.
1250"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история. М., 1970, стр. 108.
1251H. Khnrich Der Partisanenkrieg in Europa. Berlin, 1965, S. 144.
1252"Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1964, No 11, S. 662.
1253H. Khnrich. Op. cit., S. 118.
1254См. П. А. Белов. За нами Москва. М., 1963.
1255КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 367.
1256Ibid., S. 412.
1257Ibid., S. 426.
1258Ibid., S. 407.
1259Ibid., S. 479.
1260Ф. Гальдер. Военный дневник, т. 3, кн. 2, стр. 187.
1261КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 571, 572.
1262Наступление 2-й танковой армии у Сухиничей на северо-восток, чтобы срезать выступ между Сухиничами и Юхновом.
1263H. Khnrich. Op. cit., S. 148.
1264КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 587.
1265Ibid., S. 609.
1266H. Khnrich. Op. cit., S. 161.

- 1267"Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны". М., 1962, стр. 183, 185.
- 1268Там же, стр. 188.
- 1269Р. Мораса. Die Vlker Jugoslawiens in zweiten Weltkrieg. Berlin, 1963, S. 292.
- 1270Цит. по: Н. Khnrich. Op. cit., S. 281.
- 1271Ibid., S. 161.
- 1272Ibid., S. 162.
- 1273Р. Мораса. Op. cit., S. 295.
- 1274Р. Мораса. Op. cit., S. 296.
- 1275КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 42.
- 1276Ibid., S. 74.
- 1277КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 38.
- 1278Ibid., S. 138.
- 1279"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история, стр. 294.
- 1280Иосип Броз Тито. Избранные военные произведения. Белград, 1966, стр. 93.
- 1281"Всемирная история", т. X, стр. 307.
- 1282КТВ/ОКВ, Bd. II, S. 1017.
- 1283Ibid., S. 1024, 1065, 1080, 1102, 1196, 1114, 1125, 1136.
- 1284Ibid., S. 1176, 1187, 1215.
- 1285Ibid., S. 960, 1066, 1075, 1090, 1096.
- 1286Ibid., S. 1187.
- 1287См. Г. М. Славин. Освободительная война в Югославии (1941-1945). М., 1965, стр. 68, 70.
- 1288Там же, стр. 77.
- 1289См "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", т. 6, стр. 253, 254.
- 1290Там же, т. 4, стр. 478.
- 1291КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 775.
- 1292Ibidem.
- 1293"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история, стр. 274.
- 1294КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 905.
- 1295Ibid., S. 89.
- 1296Ibid., S. 144, 153.
- 1297Ibid., S. 168.
- 1298Ibidem.
- 1299Ibid., S. 835.
- 1300Ibid., S. 1253.
- 1301Ibidem.
- 1302Ibidem.
- 1303Ibidem.
- 1304КТВ/ОКВ, Bd. III, S. 1268.
- 1305Ibid., S. 1394.
- 1306Ibid., S. 1202.
- 1307Н. Kрanhals. Der Warschauer Aufstand 1944. Frankfurt a/M., 1962, S. 409.
- 1308С. И. Семиряга. Антифашистские народные восстания. М., 1965, стр. 92-93.
- 1309"История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", т. 6, стр. 281.
- 1310Н. Khnrich. Op. cit., S. 432.
- 1311С. М. Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, стр. 233.
- 1312Там же, стр. 234.

- 1313 Там же.
- 1314 Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12451, д. 652, лл. 113, 114.
- 1315 А. М. Василевский. Воспоминания о Белорусской операции. "Освобождение Белоруссии 1944". М., 1970, стр. 43, 44.
- 1316 Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, стр. 561.
- 1317 Там же, стр. 562, 563.
- 1318 Там же, стр. 565.
- 1319 Там же.
- 1320 "Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история. М., 1970, стр. 349.
- 1321 Там же, стр. 349.
- 1322 А. М. Василевский. Указ. соч., стр. 44.
- 1323 Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 572.
- 1324 А. Philippi, F. Heim. Der Feldzug gegen Sowjetrußland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962, S. 247.
- 1325 Ibid., S. 248.
- 1326 Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 580.
- 1327 Н. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten, Heidelberg, 1951, S. 326, 327.
- 1328 Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 684.
- 1329 И. С. Конев. Великий подвиг. - "Известия", 19.II 1968.
- 1330 Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12461, д. 662, л. 84.
- 1331 С. М. Штеменко. Советский Генштаб и последняя кампания в Европе. "Вопросы истории", 1967, No 11, стр. 148.
- 1332 "Тегеран - Ялта - Потсдам". Сб. документов. М., 1967, стр. 58, 59.
- 1333 П. Курочкин. Героический подвиг наших Вооруженных Сил. "Коммунист", 1965, No 7, стр. 24.
- 1334 М. М. Минасян. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967. стр. 161.
- 1335 Подробный анализ подготовки и проведения высадки дан В. М. Кулишом в труде "История второго фронта" (М., 1971), стр. 323-365.
- 1336 Дж. Эрман. Большая стратегия. М., 1958, стр. 294.
- 1337 В. М. Кулиш. Раскрытая тайна. М., 1965, стр. 434.
- 1338 D. J. Dallin. The Big Three. New Haven, 1945, p. 45, 60-63; E. F. Penrose. Economic Planning for the Peace. New Jersey, 1953, p. 17 - 20; E. Grigg. Britische Außenpolitik. Zurich, o. J., S. 180.
- 1339 V. Perlo. Das Reich der Hochfinanz. Berlin, 1960, S. 180-183; E. R. Stettinius. Roosevelt and the Russians. London, 1950, p. 16 - 17; R. E. Osgood. Op. cit., p. 930-932.
- 1340 "Тегеран - Ялта - Потсдам", стр. 53-56.
- 1341 О. Groehler. Op. cit., S. 152, 153.
- 1342 В. Н. Liddel Hart. Jetzt drfen sie reden. Stuttgart, 1950, S. 481, 482, "Hitlers Lagebesprechungen". Stuttgart, 1962, S. 446 - 450.
- 1343 КТВ/OKW, Bd. IV, S. 545; E. Rommel The Rommel Papers. London, 1953, p. 464.
- 1344 О. Groehler. Op. cit., S. 165, 166; L. G. von Schweppenburg. Reflections on the Invasion. - "Military Review", 1961, vol. 2, p. 8 - 11.
- 1345 КТВ/OKW. Bd. IV, S. 981.
- 1346 Ibid., S. 982; В. Н. Liddel Hart. Op. cit., S. 476; Н. Speidel. Invasion 1944. Tbingen, 1949, S. 40.
- 1347 S. E. Morison. American Contributions to the Strategy of World War II. London, 1958, p. 48, 49; F. Hayn. Die Invasion. Heidelberg, 1954, S. 15 17.
- 1348 О. Groehler. Op. cit., S. 164.
- 1349 Ibid., S. 162.
- 1350 О. Groehler. Op. cit., S. 165.

- 1351Ibid., S. 166.
1352КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 1071.
1353W. Warlimont. Op. cit., S. 452.
1354L. F. Ellis. Victory in the West, vol. 1. London, 1962, p. 199.
1355O. Groehler. Op. cit., S. 189.
1356H. Michel. Histoire de la Ristance en France. Paris, 1950; "Histoire de la Libre". Paris, 1963.
1357А. Мишель. Вклад движения Соппротивления в освобождение Франции. "Вторая мировая война". Материалы научной конференции, кн. 3. М., 1966, стр. 297.
1358В. Блейер, К. Дрехслер, Г. Ферстер, Г. Хасс. Германия во второй мировой войне (1939 - 1945). М., 1971, стр. 236 - 239.
1359Там же, стр. 230.
1360"Zur Geschichte der Kommunnlistischen Partei Deutschlands". Berlin, 1954, S. 390.
1361E. Weinert. Das Nationalkomitee "Freies Deutschland". Berlin, 1957, S. 32.
1362Д. Е. Мельников. Заговор 20 июля 1944 года в Германии. М., 1965, стр. 182.
1363De Yong. Rommel. London, 1950, p. 230-234.
1364G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1954, S. 382-385.
1365A. Duties. Germany's Underground. New York, 1951, p. 137 - 139.
1366"20 Juli 1944". Bonn, 1960. S. 76 - 84.
1367W. Shirer. Aufstieg und Fall des Dritten Reiches, Bd. 2, 1963, S. 1101-1121.
1368Чарльз Р. Аллен. Указ. соч., стр. 156, 157.
1369W. Shirer. Op. cit., S. 1119.
1370W. Shirer. Op. cit., S. 1120.
1371W. Shirer. Op. cit., S. 1120.
1372F. Schlabrendorff. Offiziere gegen Hitler. Zrich, 1951, S. 94.
1373Чарльз Р. Аллен. Указ. соч., стр. 175.
1374W. Shirer. Op. cit., S. 1137.
1375КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 61.
1376"Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945". Краткая история, М., 1970, стр. 371.
1377А. Гречко. Великая победа. - "Военно-исторический журнал", 1970, No 5, стр. 9.
1378Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 561, 562.
1379Изложение речи Гитлера дается по материалам: "Hitlers Lagebesprechungen". Stuttgart, 1962, S. 584-590; КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 63.
1380КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 40.
1381Ibid., S. 75.
1382Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12450, д. 266, л. 60.
1383Там же, лл. 61-65.
1384Там же, оп. 12430, д. 318, л. 8.
1385Там же, лл. 1, 2.
1386Там же, л. 3.
1387КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 731.
1388Ibid., S. 787 - 791.
1389Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 12450, д. 266, лл. 198 - 202.
1390КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 1302.
1391Ibidem.
1392В. Стругар. Освободительная война в Югославии. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 47.
1393Иосип Броз Тито. Избранные военные произведения, стр. 295.
1394В. Стругар. Указ. соч., стр. 48.
1395См. "История Румынии. 1918 - 1970". М., 1971, стр. 407, 408.

- 1396См. Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску. М., 1966, стр. 261.
- 1397См. В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. М., 1967, стр. 329.
- 1398КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 771.
- 1399Ibid., S. 774.
- 1400Ibid., S. 794.
- 1401Н. Kissel. Die Katastrophe in Rumnien. Darmstadt, 1964, S. 32.
- 1402Г. Фриснер. Проигранные сражения. М., 1966, стр. 41.
- 1403Там же.
- 1404См.: "История Румынии. 1918 - 1970", стр. 399.
- 1405Н. Kissel. Op. cit., S. 197.
- 1406Н. Kissel. Op. cit., S. 194.
- 1407Ibidem.
- 1408 Kissel. Op. cit., Anlage 2.
- 1409По материалам: Ibid., Anlage 2, S. 182, 187.
- 1410См.: "Яско-Кишиневские Канны". М., 1964, стр. 46.
- 1411Бюллетень оценок положения на Восточном фронте, стр. 84.
- 1412Н. Kissel. Op. cit., S. 71.
- 1413Г. Фриснер. Указ. соч., стр. 67.
- 1414Н. Kissel Op. cit., S. 25.
- 1415Этот вопрос, в частности, исследован: М. М. Минасян. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967, стр. 126, 127; В. А. Мацуленко. Разгром немецко-фашистских войск в Румынии. М., 1962.
- 1416М. В. Захаров. Стратегическое руководство Вооруженными Силами. "Военно-исторический журнал", 1970, No 5, стр. 30, 31.
- 1417Н. Kissel. Op. cit., S. 69.
- 1418Ibid., S. 70.
- 1419См. "Великая Отечественная война Советского Союза". Краткая история, стр. 399 - 400.
- 1420Там же, стр. 399.
- 1421А. Hillgruber. Die Letzte Monate der deutsch-rumnischen Waffenbruderschaft. Bonn, 1964, S. 359.
- 1422КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 805.
- 1423Н. Kissel. Op. cit., S. 143.
- 1424"Hitlers Lagebesprechungen", S. 611-616.
- 1425"Hitlers Lagebesprechungen", S. 623, 624.
- 1426См. Л. Свобода. От Бузулука до Праги. М., 1963, стр. 245 - 307.
- 1427А. Philippi, F. Heim. Der Feldzug gegen Soujetrussland 1941 bis 1945. Stuttgart, 1962. S. 261.
- 1428Ibidem.
- 1429КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 65
- 1430"Hitlers Lagebesprechungen", S. 593.
- 1431Ibid., S. 661, 662.
- 1432Ibid., S. 662.
- 1433И. С. Конев. Сорок пятый. М., 1966, стр. 20, 21.
- 1434И. С. Конев. Сорок пятый, стр. 21.
- 1435Об особенностях боевых действий в Венгрии см.: М. Захаров. Советское военное искусство в операциях по освобождению Венгрии. - "Военно-исторический журнал", 1965, No 2, стр. 12-22.
- 1436КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 22.
- 1437Ibidem.
- 1438Ibid., S. 23.
- 1439Ibid., S. 24.

- 1440Ibidem.
- 1441КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 25.
- 1442Ibid., S. 1300.
- 1443Ibid., S. 1302.
- 1444Ibidem.
- 1445Цит. по: W. Baum. Der Zusammenbruch der obersten deutschen Fhrung. "Wehrwissenschaftliche Rundschau", 1960, N 5, S. 237 - 266.
- 1446КТВ/ОКВ, Bd. IV, S. 44.
- 1447"Совершенно секретно! Только для командования!", стр. 572, 573.
- 1448G. Boldt. Die letzten Tage der Reichskanzlei. Hamburg, 1963, S. 75.
- 1449G. Boldt. Op. cit., S. 76. Артиллерийская подготовка атаки на 1-м Белорусском фронте продолжалась 30 мин. - Д. П.
- 1450Г. К. Жуков. Указ. соч., стр. 658.
- 1451Подробное изложение хода боевых действий в Берлинской операции содержится в исследовании Ф. Д. Воробьева, Н. В. Паротькина, А. Н. Шиманского "Последний штурм" (М., 1970).
- 1452G. Boldt. Op. cit., S. 77, 78.
- 1453Л. Свобода. Указ. соч., стр. 386.
- 1454См. И. С. Конев. 1-й Украинский фронт в Пражской операции - "9 мая 1945 года". М., 1970.
- 1455В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 53-54.
- 1456"Правда", 30.X 1971.